

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929236 1

Alber

3-11

*QCA

100

INDEX

**БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
XII.**

БИБЛОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫИ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

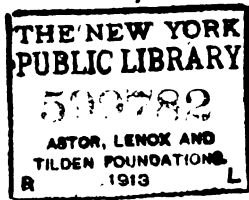

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

***

1838

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1835 года августа 31 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

О Г Л А В Л Е Н І Е Д В Ъ Н А Д Ц А Т А Г О Т О М А .

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воронъ. <i>А. В. Тимофеева</i>	5.
Ундина. <i>В. А. Жуковского</i>	7.
Предложеніе. <i>Катенина</i>	15.
Алмазъ, Басня. <i>М. Суханова</i>	17.
Туча. <i>П. П. Ершова</i>	—
Элегія. <i>И. И. Козлова</i>	19.
Пловець. <i>И. И. Козлова</i>	89.
Книга Іова. <i>Ф. Н. Глинки</i>	90.
Кудесарь. <i>В. Гарпенко</i>	95.
Шекспиръ. <i>Якубовича</i>	105.
Завѣщаніе <i>К. В. Чурмантъевой</i>	104.

ПРОЗА.

Кавказскіе очерки. <i>А. Марлинскаго</i>	20. ✓
Утрехтскія происшествія 1854 года. <i>А. В. Тимофеева</i> .	53.
Теорія образованной бесѣды. <i>Бирока Брамбеуса</i>	75. !
Ветощникъ Алеша. <i>А. Степанова</i>	105. !
Турецкая Цыганка. <i>А. Бѣлкина</i>	154. !

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Карлисты и Филипписты. Сцены современной Франціи. Статья <i>Г. Фредерика Сулье</i>	1.
Флавіанъ, влія въ Рима въ пустыню. Романъ <i>Г. Александра Гиро</i>	52.
Достоверное сказаніе о моемъ путешествіи по Англіи. Статья <i>Г. Пуля</i>	71.
Новѣйшая изящная Словесность въ Германіи.....	92.
Парижскій аферистъ.....	119.
Фелиція Гименсъ и Вилліамъ Вордсвортъ.....	162.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Воспомнаніе о страженіи при Прейсшиъ-Эйлау. <i>Д. В. Давыдова</i>	77.
---	-----

✓ Фридерикъ Великій въ отношеніи къ XIX вѣку.....	1.
Новая сравнительная наука древностей.....	33.
Бальсамирование у древнихъ Египтянъ Доктора Спаскаго.....	69.
Путешествіе Г. Паррота на Араратъ П. С. Савельева	109.
Статистика средняго человека.....	

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О помѣстной собственности и постепенномъ ея измѣненіи А. Гирса.....	1.
Освѣщеніе газомъ.....	13.
Новое средство сберечь виноградъ на зиму.....	20.
Практическія замѣчанія объ управленіи большими имѣніями. Черноземова.....	21.
О нынѣшнемъ состояніи поваренной промышленности и гастрономіи въ Европѣ.....	25.

V.

КРИТИКА.

Ледяной Домъ. Сочиненіе И. И. Лажечникова.—Постоялый Дворъ. Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ, Н. П. Маловымъ.....	1.
Енисейская Губернія. Сочиненіе Степанова.....	35.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1835. Новыя книги.....	1.
Разныя известія.....	13.
Сентябрь, 1835. Новыя книги.....	17.
Разныя известія.....	54.

VII.

СМѢСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

Парижская Академія Наукъ.	
1. Берзеліусъ въ Парижѣ.....	1.
2. Еще новыя ружья.....	2.
3. Новая кислота.....	3.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новыя замѣчанія касательно теоріи дыханія.....	—

Недавность употребленія резины.....	5.
Исторія Шерстяныхъ Фабрикъ въ Англіи.....	6.
Вредныя слѣдствія трудодѣленія.....	8.
Образованность собакъ у разныхъ народовъ.....	10.
Африканскіе очерки.	
1. Хохоть гѣны.....	11.
2. Сраженіе змви съ крысою.....	—
3. Антропофаги.....	12.
4. Африканская инквизиція.....	—
5. Ашантійскіе гости.....	13.
Математическій инстинктъ пчелъ.....	14.
Воздушное сообщеніе между Европейскими столицами.....	15.
Китайская Семинарія въ Неаполь.....	17.
Странности Актера Кина.....	18.
Чаттертонова Мистификація.....	20.
Субъективной Нѣмецкій путешественники.....	24.
Эскимосская опрятность.....	30.
Наполеонъ и Пинго-Лебрень.....	—
Французскій театръ въ Парижѣ:	
La Berline de l'Emigré, Драма Добиньи и Мелевилля. La fille mal élevée водевилъ Гг. Комбрусса и д'Эпанья. Les danseuses à l'École. Les courses de Chantilly. Mon bonnet de nuit. La leçon des mathématiques.	
Словесность во Франціи.....	37.
Словесность въ Англіи.....	39.
Словесность въ Германіи.....	41.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія..	44.
Моды.....	49.

О к т я б р ь .

Парижская Академія Наукъ:	
Новый ископаемый человекъ.....	51.
Британское общество споспѣшествованія наукамъ :	
1. Морскіе приливы.....	52.
2. Теорія теплотвора.....	54.
3. Законъ и причина призматическаго разсвѣтленія.....	55.
4. Дѣйствія холода на человеческое тѣло.....	57.
5. Новый способъ замѣнить пары въ машинахъ.....	59.
6. Измѣреніе высотъ помощію обыкновеннаго термометра.....	60.
Дзвужка, съѣденная гѣною во Франціи.....	61.

Аудиенція Прусскаго посланника у короля Сандвиче- выхъ Островъ.....	67.
Климатъ Восточной Индіи.....	77.
Морской водометъ.....	81.
Развитіе богатства въ Англіи.....	82.
Число шелковичныхъ червей во Франціи.....	83.
Кокосовые Острова.....	84.
Пароходное путешествіе по Дунаю.....	85.
Домъ призрѣнія кошекъ въ Антіохіи.....	87.
Собака, путешествующая на чужой счетъ.....	88.
Сграиный обычай Итонскаго Университета.....	89.
За сколько Мильтонъ продалъ свою поэму.....	91.
Кабинеты Французскихъ писателей.....	93.
Карлъ Нодьё.....	99.
Конскія скачки.....	102.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
<i>Lavater</i> , Лафатеръ, драма Рошфора и Бриссе. <i>Marguërite de Quéliuz</i> , Маргарита Келюсъ, мелодрама Гг. Фуше и Денойе. <i>Les mineurs</i> , Рудокопы, мело- драма Г. Франси. <i>Un mariage en province</i> , Же- нитъба въ провинціи, водевилъ Г. Монтиньи. <i>L'Agnes de Belleville</i> , Бельвильская Агнеса, воде- вилъ Поль-де-Кома. <i>Plus de jeudi</i> , Не будетъ больше четверговъ, водевилъ Г. Виктора Дюман- жа. <i>La mère et la fiancée</i> , Мать и невеста во- девилъ Гг. Дюпора и Леонса. <i>Un de ses frères</i> . Одинъ изъ его братьевъ, водевилъ Гг. Левана и Маньена. <i>L'habit ne fait pas le moine</i> , водевилъ. <i>La folle de la Bérezina</i> , Березинская сумасшед- шая. <i>Les deux reines</i> , Двѣ королевы, опера, му- зыка Мопу, слова Гг. Фредерика Сульё и Ирну.	107.
Словесность во Франціи.....	118.
Словесность въ Англіи.....	120.
Словесность въ Германіи.....	122.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	124.
Моды.....	127.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Р.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В О Р О Н Ъ,

ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

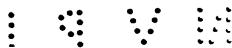
— Гдѣ ты побывалъ, черный воронъ?
Что ты видѣлъ? Расскажи! —
«Былъ я въ славномъ Кашемирѣ,
«И въ Италиі святой:
«Все тамъ — юность, все тамъ — нѣга,
«Все тамъ — жизнь и красота!
«Живописныя долины
«Тонутъ въ морѣ изъ цвѣтовъ;
«Кипарисовыя рощи
«Сладко дремлютъ въ тишинѣ;
«Ручейки манятъ прохладой,

«Соловей всю ночь поетъ ;
 «Небо вечно голубое,
 «Круглой годъ цвѣтетъ весна,
 «Круглой годъ небесный праздникъ.....»
 — Ну, а люди? — «Люди тв жъ,»
 — А ворóны? — «Тв жъ, какъ люди!»

«Быль въ Америкъ богатой,
 «И въ Ганзейскихъ городахъ.
 «Все тамъ — роскошь, все — довольство,
 «Все, все — золото, жемчугъ!
 «Съ каждымъ шагомъ кны блонды,
 «Груды камней дорогихъ ;
 «Серебромъ и бирюзюю
 «Чуть ли улицъ не мостать ;
 «Кружевами ловятъ рыбу,
 «Мишурой пруды прудать ;
 «Корабли снастятъ шелками.....»
 — Ну, а люди?—«Люди тв жъ»
 — А ворóны? — Тв жъ, какъ люди!

«Быль я въ Африкъ пустынной,
 «И на Южныхъ Островахъ.
 «Все тамъ дико и мертво!
 «Обожженные равнины
 «Подъ камнями гниють ;
 «Тигры, барсы и шакалы
 «Бродятъ въ рощахъ и горахъ ;
 «Знойный вѣтеръ дышетъ язвой,
 «Змѣи вьются подъ цвѣтами.....»
 — Ну, а люди? — «Люди тв жъ.»
 — А ворóны?.....—«Тв жъ, какъ люди!!»

А. ТИМОФЕЕВЪ.

У Н Д И И А.

=

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

=

Мы сдѣлали бѣ преступленіе противъ удовольствія нашихъ читателей, если бѣ, имѣвъ случай прочесть одно изъ прелестнѣйшихъ твореній знаменитаго Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ, предназначенное къ украшенію полнаго изданія его сочиненій, не удалили здѣсь хоть нѣсколькихъ отрывковъ. Мы читали только три главы «Ундины», и чувствуемъ, что выдергивать изъ нихъ отдѣльныя мѣста, значить — портить поэму, но мы пишемъ эти строки еще подъ вліяніемъ восхищенія, какое возбудили въ насъ эта необычайная мягкость, прозрачность и свѣтлость языка, эта поэзія вѣжная, сладкая и восхитительная какъ тихая мелодія заколдованнаго чертога, и готовы перенорить все въ мірѣ, чтобы только передать другимъ часть нашего наслажденія, — съ правомъ для всякаго исправить дѣло прочтеніемъ цѣлой поэмы, когда выйдетъ полное изданіе, которое, говорятъ, выйдетъ скоро. — Рыцарь, заблудившійся въ лѣсу, въ которомъ «водится нечистая сила», ищетъ гостепринства у рыбака и приходитъ съ нимъ въ его жилищу:

=

.....
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и
въ чистой

Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ ши-
рокомъ,

Со спинкой рѣзною сидѣла, жена рыбака пожилая.

Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась

Чинно, и села опять, не подумавъ почетнаго мѣста

Гостю отдать. Рыбакъ, засмѣявшись сказалъ: «Благородный
«Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой по-
койный

«Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай.».....

Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину, съелъ, и сердцу его такъ стало приютно, какъ будто бы былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужа въ отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ Льсѣ хотѣлъ, но рыбакъ, ночью, порою боялся рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой Жизни и промыслѣ трудномъ-своемъ рассказывалъ много. Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій.

Замкъ его у истоковъ. Думая, стоитъ, какъ прекрасна Та страна: онъ прибавилъ — «Меня называютъ Гульдбрандомъ».

«Имя же замка Райнштетепъ.» — Такъ говоря, не, однажды, Рыцарь слышалъ какой-то щорохъ и плескъ за окномомъ. Точно какъ-будто водой, кто опрыскивалъ стекла снаружи. Всякой разъ съ досадою намуривалъ брови; послышавъ плесканье,

Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ, вдругъ обдава, стекла,

Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣла, Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой: «Уидина!

«Полю проказничать; стыдно: въ хижинѣ гости.» — При этомъ

Словъ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкой

Шепоть, какъ-будто бы кто потихоньку смѣялся. — «Почтенный

«Гость, не взыщи,» сказалъ рыбакъ, возвращаясь на место;

«Можетъ-быть, шалостей много еще ты увидишь, но зато

«Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Уидина;

«Только не дочка родная, а найденнышъ; сущій младенецъ!

«Все проказить, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце

«Самое доброе въ ней.».....

..... Вдругъ растворилась настежь
Дверь, и въ нее брызнула, летя, стая съ востанув
Сыхонышвернула Ундина, какъ что-то воздушное. «Гдѣ же
«Посли, отецъ! За чѣмъ ты меня обмануешь?» Но увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она и глаза голубые,
Вспыхнувъ звездами, подъ свѣтлымъ чернымъ рывкомъ,
устремилась:

Быстро навстрѣчу, а онъ, изумленный чуднымъ явленіемъ,
Былъ какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и больше
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣлся
Въ образъ прекрасный свѣтлый, пока онъ не скрылся.
Ундина:

Далеко смотрѣла, пурпурныя губы раскрыла какъ мадепенъ;
Вдругъ, встрепенувшись, какъ рывкая птичка она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣни и цѣлкую блестящей;

Къ коей притянешъ былъ мечъ, и рая, сказала: «Прекрасный,
«Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
«Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ странствовать
прежде;

«Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
«Какъ ты прохлалъ?» Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ун-
дину

Крикнула изъ сердца старушка: «Оставь въ покои, Ундина;
«Гостя; встань и возмись за работу.» Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку, и сѣвши
Подлѣ Гуденге съ своимъ рукодѣлемъ, тихонько
шепнула:

«Вотъ гдѣ я буду работать.» Старикъ, притворясь, что не
видитъ

Новою проказы ея, хотѣвъ продолжать; но Ундина,
Рѣчь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый.
«Гость, откуда прѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?»
— Изъ лѣсу, прямо прѣхалъ я, предѣсть моя... — «Разскажи же,
«Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?»
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспоминая о лѣсѣ; невольны

Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то Блмый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ Пусто: за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись Съ духомъ, разговоръ онъ готовъ былъ начать, но старикъ торопливо

Мовилъ ему: «Не доброе время теперь намъ о лѣсъ «Рвчь заводить; расскажешь намъ завтра.» Услышавши это, Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали, «Нынче, не завтра онъ долженъ рассказывать! нынче; теперь же!»

Вскрикнула съ сердцемъ она, и бровки угрюмо нахмуривъ, Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту Такъ забавно мила и прелестна была, что въ Гульдбрандѣ Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣе плѣнился смѣшною, Дѣтской досадою ея, чѣмъ прежней веселостью рязвой. Но рыбакъ, потерявши терпѣнье, причудницу началъ Крѣпко журить за ея нетерпѣнье и дерзкую вольность Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:

«Если браниться хотите со мной, а того не хотите «Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ! Одни оставайтесь»

«Въ вашей скудной, дымной лачужкѣ.» Съ этими словами Прыгнула въ двери она, и въ минуту во мракъ пропала.

=

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба Въ дверь, чтобъ ее удержать; но напрасно: Ундина такъ быстро

Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — «Ужъ это не въ первый

«Разъ,» рыбакъ проворчалъ: «такими побѣгами часто «Насъ забавляетъ она».....

Стали они разговаривать; только при каждомъ, малѣйшемъ

Шорохъ, — стукнетъ ли что въ окошко, — и даже не рѣдко Просто, безъ всякаго стука и шороха, вдругъ умолкали Оба, и, палець поднявши, глаза неподвижно уставивъ Въ двери, слушали; каждый шепталъ: Идетъ! И не тутъ то Было! Не шелъ никто. И, вздохнувши, они начинали Снова свой разговоръ. — Расскажи мнѣ, сказалъ напоследокъ Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? — «А вотъ

какъ

«Это случилось,» рыбакъ отвѣчалъ: «тому ужъ пятнадцать
«Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
«Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ. Жену я о-

ставилъ

«Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
«Было ей дома остаться. За чѣмъ? ты спросишь. Господь

намъ

«Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку:
«Какъ же намъ было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
«Я возвратился домой, и, солгать не могу, не случилось
«Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить.
«Богъ мнѣ сопутствовалъ всякой разъ, когда черезъ этотъ
«Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось; а съ нимъ и опасный
«Путь неопасенъ.» При этомъ словѣ старикъ съ умилненнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы, и руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ, потомъ

онъ,

Шапочку снова надѣвъ, продолжалъ: «Я съ веселымъ
«Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
«Вся въ слезахъ на встрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
«Царь небесный! что случилось? я вскрикнулъ. Гдѣ наша
«Дочка? — Ова у того, чье имя, и кого ты въ эту минуту,
«Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
«Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину: тѣла
«Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
«Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
«Подъ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
«Съ нимъ въ беззаботномъ весельѣ играла она; вдругъ ма-

лютка

«Сильно къ водѣ потонулась, какъ будто чудное что-то
 «Въ сумракѣ прелетѣла струя. И видѣть жена, что нашь
 мѣлый

«Ангель свѣтлся, рученками что-то хватала; но въ этотъ
 «Мигъ, какъ будто какою невидимой силой, швырнуло
 «Въ волны дуга; и въ ихъ глубинѣ бѣдница пропала.
 «Думою я тѣла помалъ; но напрасно, нигдѣ и приметъ
 «Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безот-
 ридномъ»

«Горь сидѣли въ томъ вечерѣ вдвоемъ у огня и молчали:
 «Если бы и можно было отъ слезъ говорить; то не стало бъ
 «Духу; и такъ мы оба молчали; глаза устремивши
 «Въ тусклый огонь, какъ вдругъ въ дверяхъ послышался
 легкій

«Шорохъ: онъ растворились, — и что же видимъ мы? Чудной
 «Прелесть; дѣвочки; лѣтъ четырехъ; въ богатомъ уборѣ,
 «Намъ улыбайся, какъ ангелъ; стоить на порогѣ. Сначала
 «Мы въ изумленъ не знали; живой ли то былъ человекъ,
 «Или обличий прелестъ какой; но скоро приметилъ
 «Я, что вода съ золотомъ кудрей и съ платя мѣлотки
 «Капала я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
 «Былъ въ водѣ; и что сиротѣ помѣщъ нужна. И вдох-
 нувши»

«Такъ сказавъ я женѣ: Никто не подумалъ спасти намъ
 «Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
 «Сдѣлаемъ то для другихъ; чего не могли намъ другіе
 «Сдѣлать; и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
 «Мы раздѣли мѣлотку, ес уложили въ постель; и напиться
 «Для горьчаго ей. А она все молчала; и только
 «Свѣтлобесными глазами глядя на насъ, улыбалась.
 «Скоро заснула она; и; свѣжа какъ цвѣточекъ весенній,
 «Утромъ проснулась! Когда жъ мы спрашивать стали,
 откуда

«Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
 «Не было въ страннхъ отвѣтахъ ея ни какого; и вотъ ужъ
 «Ровно пятнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ; а добитса

«Путяго мы не могли отъ нея ничего. По рассказамъ
«Взорнырь ея подумать дедко, что она къ намъ удада
«Прямо съ дуны: о какихъ то замкахъ прозрачныхъ, жем-
чужныхъ

«Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другахъ небес-
ныхъ

«Все твердить и теперь какъ твердила тогда; удалося
«Выидать тодыко одно, что, катаясь по озеру въ лодкѣ
«Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здышній
«Берегъ ее привнесди, гдѣ она и очуудася».....

..... Но рыцарь
Тутъ прервалъ рыбака. Онъ щепнулъ: — Послуцай, послуцай,
Что тамъ? — Неразь ужъ во время рассказа былъ онъ встре-
вожденъ

Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ действительно слышенъ
Резъ потока, который буждалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери.
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося ямъ, что ручей, выходящій
Изъ дѣся, сильно разлившился, вращая камни, домая
Съ трескомъ дерева, въ озеро мчался. Было все небо,
Словно какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо дуны, поминутно ея заслопя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тмой градепада; при
свѣтѣ

Видя было явтно, какъ грозное озеро бодось
Свой возвышало, и какъ, скрививъ отъ вершины до края,
Гудясь и шумко сплибалось катвами деревамъ — «Ундина!...»
«Царь мой небесный!..... Ундина!» Старикъ закричалъ; но
отвѣта

Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко, при шумѣ
Втра, въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

==

«Сильно къ воде потонулась, какъ будто чудесное что-то
 «Въ свѣтлыя прѣпята струилъ. И видѣть жель, что нашъ
 мѣлай

«Ангель омылся, рученками что-то хватал; но въ этотъ
 «Мигъ, какъ будто какою невидимой силой, швырнуло
 «Въ воины дѣла; и въ нѣтъ глубинѣ бѣднѣйка пропала.
 «Домго я тѣла нѣмалъ; но напрасно, нигдѣ и прѣпята
 «Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безот-
 рѣдномъ»

«Горь сидѣли въ томъ вечерѣ вдвоемъ у огня и молчали:
 «Вслѣбъ и можно было отъ слезъ говорить; то не стало бѣ
 «Духу; и такъ мы оба молчали; глаза устремивши
 «Въ тусклымъ огонь, какъ вдругъ въ дверяхъ послышался
 легкій»

«Шорохъ: онѣ растворились, — и что же видимъ мы? Чудной
 «Прелести; дѣвочки, лѣтъ четырехъ; въ богатомъ уборѣ,
 «Намъ улыбайся, какъ ангель, стѣять на порогѣ. Сначала
 «Мы въ изумленъ не знали; живой ли то былъ человекъ,
 «Или обличный прѣзракъ какой; но скоро прѣпятилъ
 «Я, что вода съ золотымъ кудрей и съ платя мѣлютки
 «Капала я подумаю, что вѣрно младенецъ недавно
 «Былъ въ водѣ; и что сиротѣ помѣнить нужна. И вдох-
 нувши»

«Такъ сказавъ я женѣ! Никто не подумалъ спасти намъ
 «Милое наше дитя; по-крайней мѣрѣ мы сами
 «Сдѣлаемъ то для другия; чего не могли намъ другіе
 «Сдѣлать; и что на земь блаженствомъ было бы нашимъ.
 «Мы раздѣли мѣлютку, съ уложимъ въ постель; и напиться
 «Для горьчаго ей! А она все молчала; и только
 «Свѣтлобесными глазами глядѣ на насъ, улыбалась.
 «Скоро заснула она, и; овѣжа какъ цвѣточекъ весенній,
 «Утромъ проснулась! Когда жъ мы распрашивать стала,
 откуда!»

«Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
 «Не было въ страннѣхъ отвѣтахъ ея ни какого; и вотъ ужъ
 «Ровно пятнадцать лѣтъ, какъ съ нами живеть; а добитъса

«Путного мы не могли отъ нея ничего. По рассказамъ
«Вздорничать ей подумать легко, что она къ намъ упала
«Прямо съ дунны: о какихъ то замкахъ прозрачныхъ, жем-
чужныхъ

«Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ дружныхъ небес-
ныхъ

«Все твердить и теперь какъ твердила тогда; удалось
«Выидать только одно, что, катаясь по озеру въ лодкѣ
«Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшней
«Берегъ ее привесди, гдѣ она и очулась».....

..... Но рыцарь
Тутъ прервалъ рыбака. Онъ шепнулъ: — Послушай, послушай,
Что тамъ? — Неразь ужъ во время рассказа былъ онъ встре-
воженъ

Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ действительно слышенъ
Резъ потока, который бужалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери.
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылся имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, верочая наводн, дома
Съ трескомъ дерева, въ озеро мчался. Было все небо,
Словно какъ море, взволновано: тучи горами катились
Мимо дунны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тмою градепада; при
свѣтѣ

Видя было днатью, какъ грозное озеро голосъ
Свой возвыщало, и какъ, скрывя отъ вершины до корня,
Гудясь и шумно сшибалась кѣтвами дерева — «Ундина!...
«Царь мой небесный!..... Ундина!» Старикъ закричалъ; но
отвѣта

Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко, при шумѣ
Вѣтра, въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

=

«Сильно къ водѣ потянулась, какъ будто чудесное что-то
 «Въ свѣтлицѣ прамыя струи. И видѣть жена, что наша
 милая

«Ангель смется; ручками что-то хватал, но въ этотъ
 «Мигъ, какъ будто какою невидимой силой, швырнуло
 «Въ воини дугу, и въ нѣтъ глубинѣ бѣднѣжка пропала.
 «Дожго я тѣла искала; но напрасно, нигдѣ и примѣты
 «Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безот-
 рѣднѣи»

«Горь сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
 «Если бы и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бы
 «Духу; и такъ мы оба молчали; глаза устремивши
 «Въ тусклый огонь, какъ вдругъ въ дверяхъ послышался
 легкій

«Шорохъ: онъ растворился, — и что же видимъ мы? Чудной
 «Прелести дѣвочка; лѣтъ четырехъ; въ богатомъ уборѣ,
 «Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стояла на порогѣ. Сначала
 «Мы въ изумленъ не знали; живой ли то былъ человѣчекъ,
 «Или облачный призракъ какой; но скоро приметилъ
 «Я, что вода съ золотомъ мудрей и съ платя мѣлотки
 «Капала; я подумаю, что вѣрно младенецъ недавно
 «Былъ въ водѣ; и что сморанъ помѣща нужна. И вдох-
 нувши;

«Такъ сказала и женѣ: Никто не подумаю спасти намъ
 «Милое наше дѣтя; по-крайней мѣрѣ мы сами
 «Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
 «Сдѣлать; и что на землѣ блаженство было бы нашимъ.
 «Мы раяли мѣлотку, ее уложили въ постель; и напитокъ
 «Для горьчаго ей. А она все молчала; и только
 «Свѣтлобесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
 «Скоро заснула она; и, окая какъ цвѣточекъ весенній,
 «Утромъ проснулась! Когда жъ мы распрашивать стали,
 откуда

«Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
 «Не было въ страннѣхъ отвѣтахъ ея ни какого; и вотъ ужъ
 «Ровно пятнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ; а добитъса

«Путяго мы не могли отъ нея ничего. По рассказамъ
 «Вздорныиъ ея подумать дедко, что она къ намъ ушла
 «Прямо съ дунны: о каккъ до замкахъ прозрачныхъ, жем-
 чужныхъ
 «Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небы-
 личахъ
 «Все твердить и теперь какъ утвердила тогда; удалось
 «Выведать только одно, что, катаясь по озеру въ лодкѣ
 «Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здвншій
 «Берегъ ее привнесли, гдѣ она и очулась».....

..... Но рыцарь
 Тутъ прервалъ рыбака. Онъ шепнулъ: — Послушай, послушай,
 Что тамъ? — Неразъ ужъ во время рассказа былъ онъ встре-
 воженъ

Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ действительно слышенъ
 Ресъ потопъ, который буждалъ съ возрастающей силой
 Мимо хижины. Оба искочили и бросились въ двери.
 Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылось ямъ, что ручей, выходящій
 Изъ дѣса, сильно раздвинулся, вращая напиди, дома
 Съ трескомъ дерева, въ озеро мчался. Было все небо,
 Словно какъ море, взволновано: тучи горами катились
 Мимо дунны, поминутно ея заслопля, и чудно
 Вся окрестность подъ блескомъ и тмою градеграда; при
 свѣтѣ

Видя было дивно, какъ грозное озеро гудось
 Своей возвыцало, и какъ, скривна онъ вершины до корня,
 Гудясь и шумно сшибались кативами деревья — «Ундина!...
 «Царь мой небесный!..... Ундина!» Старикъ закричалъ; по
 отвѣтъ

Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
 Каждый своею дорогою къ лѣсу, и громко, при шумѣ
 Вѣтра, въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

=

!..... Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
 Все что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
 Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, равенъ съ деревьями,
 Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ, и оскаливъ
 Зубы, кивалъ на него головою; но самый же ужасъ
 Только что съ большою силою влекъ его въ лѣсъ: тамъ

Ундина

Въ страхъ, одна, безъ защиты была! И вотъ ужъ ступилъ
 онъ

Смѣлой ногою въ кипучую воду; какъ вдругъ недалеко
 Сладостный голосъ сказалъ: «Не ходи! не ходи! берегись
 «Злаго потока! Старикъ сердитъ и обманчивъ.» Знакомы
 Рыцарю были прелестные звуки. Они замолчали:
 Онъ, уже стоя въ водѣ, озирался и слушалъ; но мѣсяцъ
 Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
 Ноги его подмывая, и онъ, почти опрокинуть,
 Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова. И, глазами
 Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ:—Ун-
 дина!

Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
 Самъ въ потокъ за тобой. Откликнись! Мнѣ лучше по-
 гибнуть,

Нежели быть безъ тебя!—И глубже въ воду пошелъ онъ.
 Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: Оглянись!
 Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
 Въ блескъ его увидѣлъ Ундину: былъ маленькій островъ
 Подъ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
 Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ, густыхъ въ травѣ угнѣз-
 дившись,

Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина.

В. ЖУКОВСКІЙ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

=

Какой-то Англичанинъ жилъ
 Въ Неаполѣ: въ словахъ или на дѣлѣ,
 Кого и чѣмъ онъ оскорбилъ,
 Не могъ развѣдать я доселѣ;
 Но, возвращаясь вечеркомъ,
 Чуть повернулъ онъ въ переулокъ темный,
 Встрѣчается ему рзакъ наемный,
 Съ которымъ онъ отчасти былъ знакомъ,
 Не такъ какъ съ рзакомъ,
 А какъ съ разсылщикомъ. Въ-частую тотъ, бывало,
 По городу справлялъ его нужды,
 И денегъ за труды
 Въ годъ перебралъ съ него не мало.
 Британецъ, возрѣвшись въ бродячаго слугу,
 Не ждалъ отнюдь опасной встрѣчи,
 Какъ тотъ ему: «Милордъ! моей послушай рѣчи,
 «Да самъ, смотри же, ни гугу:
 «Не то, вотъ ножъ. Ты мнѣ заказанъ;
 «Тебя зарѣзать я обязанъ, —
 «И хоть теперь могу;
 «Да вотъ въ чѣмъ затрудненіе!
 «Во первыхъ, мы друзья;
 «Тобою не обиженъ я,
 «И даже помню одолженіе,
 «Какъ ты въ концѣ зимы
 «Повѣрилъ мнѣ два скудія въ займы:
 «Завли насъ тогда кормы,
 «И днѣ бъ не миновать или петли или тюрьмы.
 «Но это прошлое! А нынче воскресенье:
 «Мнѣ патерь Вольпи запретилъ,
 «Чтобъ души я по праздникамъ губилъ;
 «А деньги ужъ взяты! Такъ слушай предложеніе.

«Съ другимъ око мепя ввело бы въ опасенье;
 «Иной, пожалуй, можъ прибрать къ своимъ рукамъ,
 «Пырнетъ, злодѣй; но ты душой кривить не станешь,
 «И, давши слово, не обманешь.
 «Не откажи: чѣмъ вздорить намъ,
 «Зарвись самъ!
 «А пожь какой! Вегинни, я тачочилъ какъ бритву.
 «Прочти-ка наскоро молитву,
 «Да съ Богомъ.» — «Можно ли! — «Я знаю, грѣхъ великъ;
 «Но ты авдъ еретикъ:
 «Ни въ ламу ты не вѣруешь, ни въ Бога,
 «Такъ все же въ адъ тебѣ дорога.
 «Рвѣйся.» — Не лечу. — «Не хочешь. А, миллиардъ!
 «Я думалъ, ты, какъ Англичанинъ, гордъ,
 «И не откажешь хотъ изъ чести.
 «Что жъ о себѣ имъ распустили вѣсти,
 «Какъ-будто васъ чуть разберетъ тосна,
 «Вы духомъ риваетесь, и не дрогнетъ рука?
 «Анъ струсила ты!» — Не правда: я не хрюну.
 Коли судьба мена модъ жижъ твоѣй привела,
 Былъ такъ; но сама себя не сотворю и она.
 Рвѣжь ты. — «Безсовестный! губить живую душу
 «Миръ маверь въ праздникъ не смывать.»
 — Такъ отпусти. — «Праздникъ, не хоталъ;
 «А видно Богу такъ угодно.
 «Прощай же, до другаго дня;
 «Но ты теперь замѣчь у мена:
 «Ты поступилъ неблагородно,
 «И попалась еще мнѣ разъ,
 «Припомню все, — а просьбу и отказъ!»

КАТЕНИНЪ.

А Л М А З Ъ.

=

В А С Н Я.

=

Покрытый твердою корою,
 Алмазь на улицѣ лежалъ.
 Идутъ толпы людей, одна вслѣдъ за другою, —
 Никто его не замѣчалъ!
 Но наконецъ алмазь попалъ минералогу:
 Очищенъ, ограненъ, свой блескъ природный взялъ,
 И, благодарность Богу!
 Онъ у царя въ вѣнцѣ блисталъ.

М. СУХАНОВЪ.

Т У Ч А.

=

Ходить туча въ синемъ небѣ;
 Смотритъ туча мрачнымъ взоромъ,
 На груди покоитъ громъ.

«Гдѣ бы лучше», молвитъ туча,
 «Мнѣ растлаться въ синемъ небѣ
 «Молнѣблещущимъ ковромъ?»

Видитъ море. Чернымъ валомъ
 Плещетъ море въ дальній берегъ,
 Ходитъ бѣлою грядой.

Т. XII. — Отд. I.

2

«Разостлалась бы надъ моремъ:
 «Не спалить мнѣ синя моря,
 «Не зажечь волны свдой.»

Туча дальше. Столпъ гранита,
 Подпирая сине небо,
 Опоясанъ бездной водъ.

«Раздавила бѣ, растопила бѣ
 «Я Атланта; но, могучій,
 «Онъ разрушенъ — не падеть.»

Туча дальше. Тучны нивы
 Дышагъ грудью золотою,
 Блещуть бисеромъ росы.

«Не надъ ними грому грянуть!
 «Пища червя, — имъ ужасенъ
 «И ничтожный взмахъ косы.»

Ходитъ туча въ синемъ небѣ;
 Смотритъ туча мрачнымъ взоромъ,
 На груди колебля громъ.

«Гдѣ бы лучше,» рошцетъ туча,
 «Мнѣ отгрануть въ синемъ небѣ
 «Разрушительнымъ ядромъ?»

Видитъ царство. Городъ пышный,
 Семь холмовъ собой раздвинувъ,
 Три рѣки сплотивъ собой.

Шпицы башень блещутъ въ солнцѣ;
 Будто горы — мѣдны стѣны
 Вьются длинною трубой.

Пышность зданій; блескъ уборовъ;
 Шумъ движенья; говоръ людства;
 Громъ тимпановъ и мечей.

Стала туча. Дышетъ гнѣвомъ.
Меркнетъ солнце отъ движенья
Мрачно-огненныхъ очей.

«Разстелюсь я надъ холмами,
«Я всколеблю ось земную,
«Я разрушу пыльный градъ!»

Но могуща сила Вѣры:
Дряхлый старецъ слабой дланью
Двипульъ грозную пазадъ!.....

П. ЕРШОВЪ.

Э Л Е Г И Я.

=

О ты, звезда любви, еще на небесахъ,
Диана не блестишь въ плѣнительныхъ лучахъ.
Долины подъ холмомъ, гдѣ токъ шумитъ игривый,
Сіяніе пролей на путь мой торопливый.
Нейду я похищать чужое въ тмѣ ночью,
Иль путявка губить преступною рукой;
Но я люблю, любимъ; мое одно желанье,
Съ прелестной Нимфой въ тиши найти свиданье,
Она прекрасныхъ всѣхъ прекраснѣе, милѣй,
Какъ ты полночныхъ звездъ красю всѣхъ свѣтлѣй.

И. КОЗЛОВЪ.

=

П Р О З А.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

V.

ДОРОГА ОТЪ СТАНЦІИ АЛМАЛЫ ДО ПОСТА МУГАНСЫ.

=

Апрѣль, 1854 года.

Казалось, холмы песли меня впередъ своей зеленою зыбью; принесли, и отхлынули съ берега валомъ. Наконецъ и вдругъ увидѣлъ я потокъ Алазани, — увидѣлъ ожиданно и внезапно. Никогда не забуду тебя, видопись * Алазанской долины; никогда не вспомню безъ умиленія! Далеко, далеко вправо, сливаясь съ синетою, или лучше сказать, изливаясь

* Волею или неволею, а должны принять господа уставщики кавыкъ мое «слово *видопись*, вмѣсто *пейзажъ*, по-крайней-мѣрѣ за урядъ, до изобрѣтенія лучшаго.» *Марлинскій*. — Остроумный авторъ, подъ названіемъ «уставщиковъ», разуметь вѣроятно не насъ, потому что мы не только не сочиняемъ уставовъ для языка, но даже не вѣримъ мудрости уставовъ, уже сочиненныхъ; рѣшительно отвергаемъ «уставный» книжный языкъ, какъ не-Русскій, произвольный, условный, мертвый, и подчиняемъ одному верховному и непогрѣшительному уставу, — современному, живому Русскому языку, лучше, умнее и красивѣе котораго не знаемъ ничего въ мірѣ. Что касается до слова *видопись*, вмѣсто «пейзажъ», то оно такъ счастливо, такъ согласно съ духомъ языка, что будетъ принято съ восхищеніемъ и благодарностью всю Россію. Если бъ авторъ не сказалъ, что оно ново, мы бы даже не примѣтили этого, и были бы увѣрены, что оно родилось того же года, мѣсяца и числа, какъ слово *живопись*. Со введенія слова «живопись», которымъ такъ вѣрно передано Греческое *зоо-графія*, слово «видопись» логически уже существовало въ нашемъ язы-

изъ синеты отдаленія, сверкала, вдохновенная горными свѣгами рѣка, и ярче, все ярче, и разливите, и быстрѣй, катилась она ко мнѣ, и наконецъ увлекла, закружила очи мои быстриною, будто колеса мельницы. Она разгоралась на бѣгу, краснѣла жаромъ, накалялась, таяла, рдѣла, и уже мимо текла расплавленной мѣдью, брызжа лучами, парами кипя,—столь мутна пескомъ, и столь румяна зарею была она. И вотъ, въ сотнѣ шаговъ влѣвъ, обогнувъ острымъ локтемъ скалу,—Алазань, какъ стыдливая, но вѣсть пылая невеста, кидалась въ объятія крутыхъ береговъ, и въ нихъ исчезала. На мысу подъ деревьями, ожидая очереди на паромъ, отдыхали въ живописныхъ купкахъ конные Ширванскіе *керваны*, * Бакинскіе арбы съ огромными, но легкими колесами, и тяжкія, неуклюжія Грузинскія арбы. Волы, кони и верблюды паслись вблизи, гремя колокольчиками. Погонщики, христіане и мусульмане, всѣ съ громными кинжалами на поясъ, съ винтовками за плечомъ, кто въ желтыхъ Дагестанскихъ сапогахъ, кто въ узкихъ замшанныхъ ноговицахъ и въ лапчинахъ съ круторогими носками,** лѣниво управлялись со вьюками или неподвижно лежали на буркахъ; и только струйки дыма съ ихъ трубокъ доказывали, что они дышатъ. Дикіе голуби кружились, кувыркались,

къ, и только ожидало усть вдохновенныхъ, которые бы произвели его и освятили будущую его жизнь крещеніемъ таланта. «Видопись» превосходно выражаетъ и искусство пейзажиста и самый пейзажъ, то есть «видъ» страны, какъ *живопись* означаетъ вивѣсть искусство изображающаго квстью «живыя» фигуры и самую картину съ «живыми» фигурами, потому что Греческое слово *зоографія* или *зографія* собственно относится только къ нимъ. *Б. для. Ч.*

* Караваны.

** Полусапожки Лезгинъ и Грузинъ на высокихъ каблуккахъ не рѣдко имѣютъ острый носокъ въ четверть длины, какъ во время Карла VII у Французовъ (*poulins*).

хлопали крыльями въ воздухъ. Разбитые на ихъ сизыхъ крыльяхъ лучи, словно сыпались врознь янонтами, изумрудами, рубинами,—и вдругъ эти жмльцы воздуха, какъ градины, витою чертой, низръвались долу, и довърчиво, и привѣтно воркуя, клевали крошки хлѣба у самыхъ стопъ путниковъ. Суровый Азіятецъ, съ улыбкою во взоръ, по-тихоньку бросалъ эти крошки, чтобы не испугать робкихъ пташекъ взмахомъ руки, и я, лакомый Европейецъ, забывъ о голодѣ и ружьѣ своемъ, любуюсь на эту картину. Какая-то неизъяснимая, теплая доброта разлита была въ воздухъ; она дышала изъ земли; она проникала и уполяла чувства тихимъ свѣтомъ заката; она освѣжала ихъ крыломъ вѣтерка и слышалась въ плесканіи водъ. Казалось мнѣ, ни какое враждебное чувство не могло зародиться или проснуться ни въ одномъ живомъ существѣ въ такія минуты; ни одна злая или нечистая мысль не могла всползти на сердце человѣческое. Я стоялъ очарованный, какъ Адамъ въ земномъ раю въ первый вечеръ своего бытія, предвкушая сладостный покой сна, однимъ солнцемъ послѣ предвѣчной ночи ничтожества. —Солнце потонуло въ изумрудныхъ волнахъ Кахетинскихъ Горъ, и заря,—прекрасный завѣтъ умершаго свѣтила, облила океаномъ розовой воды землю и небо: небо лилось на землю; земля погружалась въ немъ,—и возникала чистая какъ младенецъ изъ купели.

Я очнулся! Паромъ тихо всходилъ на теченіе, бичевою. Лезгинны робко сторонились отъ всплесковъ; кони храпѣли пугливо, и копытомъ скребли помость. Кони и всадники Лезгистана! отчего такъ измѣнились вы менѣе нежели въ полвѣка? Въ старину, вы не спрашивали брода, не ожидали плотовъ, чтобы вторгнуться бурнымъ набѣгомъ въ Грузію. Вплавъ съ крутизны бросались ваши неукротимыя дружины, и горные кони выносили ихъ на желанный берегъ, не

страшась ни крути, ни быстрины. «Мы свершили омовенье на Алазани, а намазь на Курь» * пѣли предки ваши, любуясь черноокими пльвинницами, похищенными изъ сердца Грузіи. Теперь не то,—и слава Богу! Теперь вы, трепеща Русскаго штыка, стережете ваши завѣтные ущелія, свои, не разъ Русскимъ пламенемъ сожженныя деревни;—только шайки почныхъ разбойниковъ дерзають перешлывать струи, что бы выкрасть изъ сада усталаго селянина или угнать пару запоздавшихъ на нивѣ быковъ. И вамъ, какъ вѣтеръ неуловимые глуходары, ** и вамъ скоро пробьетъ роковой часъ покоя смерти, или покоя бездѣйствія! Огненный мечъ выходитъ уже изъ ноженъ,—мѣдныя пасти разверзають зѣвъ свой,—скоро възграетъ гибель по хребтамъ вашихъ горъ и пламя войны изсушитъ потоки Каръ-сырта*** Много, но недолго литься на Кафъ-казъ дождю кровавому; гроза расцвѣтаетъ тишью, железо брѣнное будетъ поражать только грудь земли,—и цѣпные мосты повиснутъ черезъ пропасти, надъ которыми страшно было видѣть и радугу,—и

* Этотъ стихъ, необыкновенно вѣрно изображающій скорость набѣга, взятъ изъ одной Аварской пѣсни. Я слышалъ ее на буйной вечеринкѣ у Аслаха, хана Кази-Кумыкскаго, на границѣ Аваріи,—и современемъ передамъ ее моимъ читателямъ вполнѣ. Но чтобы сдѣлать приведенный стихъ понятнымъ для всякаго, я долженъ еще замѣтить, что омовенье совершается мусульманами непосредственно передъ зачатіемъ намаза, или молитвы.

** «Глуходары» называютъ въ Лезгій всѣхъ бѣдомыныхъ удалцевъ, живущихъ на счетъ ближняго для славы или необходимости, то есть, всѣхъ бѣглыхъ отъ кровомщенія, отъ Русскихъ, изъ охоты поназдничать. Это—все равно, что за Тереконъ и Кубанью *абреки*, и напрасно думаютъ пные, указывая на нихъ многочисленность въ Белокани, будто «глуходары» особый народъ, когда они не что иное какъ вандуры, если дѣйствуютъ открыто, и бандитты, когда разбойничаютъ небольшими шайками.

*** *Каръ-сырты*, свягвые хребты, но *кара-сыртъ* в *кара-дагъ* значить—черный хребетъ, черная шра.

Валдайскій колокольчикъ загудеть по крутизнамъ, гдѣ теперь свистятъ только пули.

Дайте Кафъ-казу миръ, и не ищите земнаго рая на Евфратѣ: it is this, it is this!—«онъ здѣсь, онъ здѣсь!»**»

Но ангелъ смерти братъ ангелу мира,—и старшій братъ. Крѣпко стоятъ дома на могильномъ скленѣ; богатыя жатвы всходятъ на полѣ битвы. Я видѣлъ скалу разбитую молніею: изъ трещины брызнулъ ключъ цѣлительной воды,—вотъ Азія. Въ ней, и въ ней одной, справедлива пословица, украденная у судьбы,—«Не щади челоуѣка для челоуѣчества!»

Здѣсь умъ возникъ Геркулесовскими столбами и задвигаетъ путь просвѣщенію кремнистой грядою неприемлемости и неподвижности. Гордъ, что переросъ головою животныхъ, онъ выучился только написать—«Не далье!», и стоитъ стражемъ у этой безсмыслицы. Дерзкой, жалкой безумецъ! развѣ не слышишь ты отголосковъ Рускаго ура, потрясающихъ твои родимые утесы? Это глаголь судьбы; это безотчетное выраженіе Европы; это переводъ словъ «далѣе» и «впередъ, все впередъ». Уступи или гибни!

Онъ не уступить.

Раскинь же на вѣтеръ коршуновы крылья твои, духъ войны; повеселись, сердце богатырское; разгуляйся, ретивый конь! Весело удалому топтать подковою ледяной вѣнецъ горъ, давать имъ новую денницу пожаромъ, кружить скалы своею молніею. Творить—божественно, но и разрушать тоже божественно. Разрушеніе—тукъ для новой, лучшей жизни. Разгарается молотъ, поражая наковальню: какъ же не разгораться намъ, живымъ, мыслящимъ орудіямъ Провидѣнія, перековывающего земной шаръ въ благо?—Первая!—или—Третья!—или! Гренадеры, шагу! на руку! бѣглымъ шагомъ!—Николай, и побѣда!—Ура!.....Заваль взять, враги пали,—все наше!

** Томъ Муръ, Light of the Harām.

Мечта, мечта, дитя воспоминанія и предчувствія, куда ты умчала меня!! Все тихо и мирно кругомъ. Здѣсь никто не думаетъ о битвѣ: набожный бегъ, провожатый мой, сбросилъ съ плечъ свое ружье, послалъ чуху къ ногамъ коня, и, омывъ руки по локоть, ноги по колъна, преклонилъ ихъ для намаза. Мѣрно возникали и стихали въ его голосъ звуки молитвы вдохновеннаго Араба. Молился бегъ, и съ нимъ, вы быскажали, молилась вся окрестность, — въ такую благоговѣйную тишь одѣта была она; такъ все обращено было къ небесамъ, все, отъ молодыхъ листиковъ тополей до хребтовъ Лезгистана. И точно, ступенями въ чертогъ Аллаха всходили они другъ изъ-за-друга, и чѣмъ выше, чѣмъ далѣе отъ земли, тѣмъ болѣе, тѣмъ ярче, тѣмъ небеснѣе становились, и наконецъ опаловидныя вершины ихъ, оживленные облаками, распустились, закинули головками херувимовъ: ихъ была громада, водонадъ, цѣлый міръ, съ голубыми, съ розовыми, съ золотистыми крылушками; они стѣкали, они лились, они волновались, зарилнсь и погасали, словно капли дождя въ радугѣ. И вотъ всѣ улеглись подъ крыло сумрака. Безгласная гармоника перестала. На запахнутое небо палъ занавѣсъ ночи. Сквозь негѣ чуть мерцала уже серебряная полоса снѣговъ, будто фосфорный слѣдъ пролетнаго метеора.

Душа всрѣтилась въ свою раковину. Паромъ причалилъ. *Гайда**!

И тихо вѣхалъ я вдоль рѣки, по благоуханной Алазанской долины, и тихо вставалъ мѣсяцъ надо мною, и тихо было въ душѣ моей: на меня канулъ часъ самозабвенія, въ который наслаждаешься созерцаніемъ

* Я думаю, почти всѣ читатели знаютъ, что Турецкое, или, если угодно, Татарское, восклицаніе *гайда*, *гай-да*, значитъ — ну! ну же! ступай! Тѣ, кому это не извѣстно, могутъ вспомнить, что сами они часто употребляютъ его, восклицая напримѣръ, — *ай-да* молодець! А изъ этого слѣдуетъ, что они, себѣ неведомо, прекрасно говорятъ и пишутъ по-Татарски.

природы сивозъ дрему и покоемъ сна безъ мечтаній. Тогда я не слышалъ на себѣ тѣла, не чувствовалъ въ груди бѣнія сердца; кажется, я составлялъ тогда одно съ природою, — сладостное, безотчетное бытіе, — бытіе, котораго нельзя ни опредѣлить словомъ, ни измѣрить часами, потому что граница и мѣра суть уже отрицательныя частицы вѣчности и пространства, которымъ одна только мысль можетъ ссужать условную цѣну. Можно ли измѣрить неизмѣримости взмахомъ маятника или попомомъ сажени?

И не знаю, долго, коротко ли длился этотъ часъ само-забвенія, которымъ такъ неожиданно подарилъ меня Богъ. Была ночь; прелестная южная ночь, когда произошло разлученіе я отъ не-я. Мѣсяць, какъ усталый пловецъ, пробиваясь сивозъ буруны облаковъ, а очи, расширяясь о грудь его, озарялись на мигъ блѣднымъ пламенемъ, точно фосфороносный всплески моря. Выбравшись снова на раздолье, ошь гордо и покойно плылъ въ синей безднѣ; и снова искалъ таинственнымъ свѣтомъ на кушы горъ, на букеты деревъ, еще не залитыхъ въ туманы; и снова набрасывалъ обманчивые мосты тѣней черезъ обрывы и ущелія въ мѣръ духовъ и мечтаній.

И дивны были пѣсни этихъ духовъ, пѣвнителины хоровады этихъ мечтаній!..... Но я не перескажу ихъ, не опишу ихъ людямъ. Я заглянулъ въ очарованіе того міра, подслушалъ поэзію его; но въ этомъ мѣрѣ нѣтъ красокъ, нѣтъ струнъ для выраженія небесъ. Нѣтъ у меня луча солнечнаго вмѣсто кисти, нѣтъ звѣздъ вмѣсто словъ.

Но были у меня и земныя мечты, пышныя, свѣжія душистыя, — вспрыснутыя росой надежды; — мечты, отъ которыхъ прыгаетъ сердце какъ благородный конь при звукѣ боевой трубы. Были, — но и тѣхъ не отдамъ я свѣту. Не даровыя и не продажныя они, а завѣтныя. О, не спрашивай меня, красавица — «что за-

вѣту?» — Огнемъ очей своихъ ты привыкла уже топтать въ низину клятвы, данныя другимъ; ноты прежде сожжешь въ пепелъ мое сердце, чѣмъ даромъ похитишь изъ него тайну. Я мягче воска принимаю впечатлѣнія: зато я крѣпче стали храню ихъ; и они чуднѣе, драгоцѣннѣе печати Соломоновой. Многое дамъ, многое потребую, красавица! Подумай. Я не возьму отъ тебя алмазной серги, не возьму вънца золотого, не хочу цвѣтнаго пояса; я шепну тебѣ слово на ухо, — и кромѣ этого слова, тяжелы тебѣ станутъ всѣ серьги въ свѣтъ; я вложу тебѣ въ голову мысли, которыя пробьются на чело звездистыми лучами; я обовью тебя новымъ чувствомъ, сотканнымъ изъ прелести и радости, — и потомъ ты не потерпишь ннаго пояса на сердцѣ. Затвою улыбку готовъ я отдать жизнь, за поцѣлуй — счастье жизни; но и за это не отдамъ я тебѣ завѣтныхъ своихъ мечтаній..... Еще ли хочешь знать — «Что завѣту!»

Трррръ!..... трахъ!!..... *Бурраднѣ, агд!*..... *серь гисдѣбъ, агд!* «Вотъ здѣсь! Осторожнѣе, сударь!» — кричитъ мой проводникъ. Вотъ тебѣ и разъ! — осторожнѣе! — конь мой провалился сквозь кровлю землянки, вырытой въ скатъ горы! Трескъ, шумъ, крикъ подо мною. — «Кого это чортъ принесъ? А-ли у васъ головы въ торокахъ? А-ли вы звезды считали?» пицаль изъ подъ земли хриплый голосъ.

Последнее обвиненіе однако жъ было напрасно; если бъ я и хотѣлъ считать звезды, то не могъ бы: мѣсяцъ уже закатился, а небо подернулось тучами. Не могъ и ничего видѣть подъ ногами, — такая темнота потопила землю. Въ остальномъ виноватъ: занятъ сердечнымъ торгомъ, я не замѣтилъ, что проводникъ объѣхалъ вправо, — и я — бухъ, задними ногами коня, въ плетеную крышу казачьяго поста. Впрочемъ, когда дѣло зайдетъ о взаимности красавиць, я, не по

разстѣянію, а нарочно готовъ спрыгнуть въ огонь и въ воду..... Вы сомнѣваетесь, сударыня? Испытайте.

Къ счастью, пробивъ глыбу земля, конь мой зацѣпился за перекладину, и, ободренный двумя ударами плети, удачно выскочилъ на твердую землю. Ну, прѣехали!

Очень весело, что прѣехали! хоть бы этотъ дрянной постъ еще ушелъ на версту въ землю, я бы не подосадовалъ: а то чортъ надоумилъ его сунуться ко мнѣ подъ ноги, когда моя поэтическая мѣна шла къ такой счастливой развязкѣ! И вотъ судьба всего земнаго. Послѣ шампанскаго — головная боль. Послѣ поцѣлуя свиданія—слеза разлуки. Послѣ cadaго наслажденія, тѣмъ болѣе сладкаго, чѣмъ оно завѣтнѣе, — сожалѣнье или раскаяніе. Послѣ роскошной природы и обаятельныхъ живчиковъ, — мечтаній моихъ, — грязная землянка, хмѣльные казаки, сверчки и мыши!

И вотъ ошущью, какъ воробей на огонь, попалъ я въ почтовую хату. Если когда-нибудь воображалъ я себя Браминскій страннопріимный домъ для всякой гадины, то онъ представлялся мнѣ не иначе, какъ въ видѣ Закавказскаго казачьяго поста. Вообразите себя яму, накрытую суковатыми цѣпами, на которые, сверхъ черствыхъ вѣтокъ, навалена груда земли: вотъ вамъ нашъ караванъ-сарай, безъ насмѣшки. Свѣтъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, какъ нищій стучится въ наземное оконце, заклеенное промасленнымъ рапортомъ. Люди чуть не ползкомъ пробираются въ кошачью лазейку, изъ лести называемую дверью. И ужъ эта мнѣ дверь! Ворчатъ, ворчитъ проклятая, словно брюзгливая старуха; нето, заведетъ непрошеную пѣсню, да и давай прихлопывать да прищелкивать разохшимися досками: того и гляди, пойдетъ въ присядку. Совершивъ невольное челобитье притолокѣ, вы наконецъ входите въ приказную хату съ шишкою на лбу и при свѣтѣ искоръ, которыя еще сыплются у васъ изъ глазъ, за-

мѣчаете направо и налѣво петесанья нары, которыя объщуютъ взборонить вамъ бока своими сучьями,—и вѣрно сдержатъ слово. Между нихъ столъ, хромоу и кривоногій отъ рожденія, изувѣченный и разбитый отъ походовъ, но, несмотря на свою скрипучую хлѣбность, такой злой, что готовъ укусить васъ за пальцы оскаленными трещинами. Слоеная грязь покрываетъ лице его разноцвѣтнымъ жиромъ,—и тутъ-то, какъ на сковородѣ блинъ, прѣтеть паспортная книга въ здобномъ переплетѣ. На одномъ вискѣ стола помадная банка, и въ ней—перо, промокшее до хвостика, впиивается, словно пискарь, въ чернильную тину. На другомъ, растоптанная, изъ бумаги сложенная коробочка, наполненная веществомъ, надъ которымъ призадумался бы самой лихой минералогъ. Не надо подсказывать, что это чернильница и песочница: вы легко угадаете должность первой позастарѣлой коросты, покрывающей ее черною чешуею, а назначеніе второй,—по струямъ золы, дресвы и всякой дряни, изверженныхъ изъ этой пылю-дышащей сопки. Посреди нихъ, въ кочерыжкѣ за урядъ подсвѣчника, оплаываетъ огрызленная крысами свѣча, и хоть очень плохо свѣтитъ, зато ужъ трещитъ на славу,—будто хвастаетъ соседкамъ своимъ, что она еще не спитъ. Теперь не угодно ли вслѣдъ за этой рѣзвою мышкой погулять взорамъ по стѣнамъ. Стѣны землянки могли бы стать золотымъ рудникомъ для Бальзака. Что въ нихъ за роскошь неопрятности,—что за разнообразіе грязи,—смазанной, недомазанной, торчащей, отпавшей,—то въ промежуткахъ тростника и хвороста,—то въ трещинахъ уродливой, кривобокой, печки, которая, кажется, кашляетъ трубою и что-то шепчетъ надъ горшечкомъ съ сальною ваксою, назначенною для смазки уздъ, лядунокъ и сѣделъ,—хоть они, вѣчно въ прозелень отъ сырости, качаются кругомъ на стопкахъ. Тамъ же, панизанные какъ грибы на нитку, шеве-

лятся листки предписаній кордонныхъ начальниковъ постовымъ, — лавровый и терновый вѣнокъ казачьей службы. Съ потолка, соперничая съ ними, спускаются, вѣются, переплетаются, пашутъ тесьмы и кружева паутины, мохнатой пылью, изорванной вѣтромъ въ лоскутки. И такая ихъ тамъ пропасть, что невольно подумаешь — хитрой народъ эти Донцы! хотѣть вѣрно подорвать замысловатаго французика, — сами заводятъ фабрику шелковыхъ пауковъ! Посидите подь такимъ занавѣсомъ четверть часа: каждый ударъ дверью будетъ насыпать на васъ цѣлую мятель сору, пыли и паутины, такъ, что вы не успѣете отчихиваться, отряхиваться и протирать глаза.

И надо примолвить, какъ вся эта пещера смотритъ кисло, чахло, сгорблено, старо; какъ все пахнетъ развалиною, хотя не время, а лѣнь дала ей морщины и плесень. Шетинистый мохъ просѣдаетъ вездѣ, — точь-въ-точь небритая борода у будочника. Грязный потъ каплетъ и сочится сквозь всѣ поры, будто съ лица пьянющки. Какой-то прѣлый запахъ, — смѣсь передбанника съ казармою, поражаетъ ольфактивные нервы чиханьемъ, и долго послѣ преслѣдуетъ васъ ѣдкостью своею, выпаряясь изъ платья. И по всѣмъ угламъ кучи сору, прозорливо и хозяйственно сметенныя, чтобы въ случаѣ праздничнаго паденія съ койки, служили изголовьемъ хмельному товарищу и спасали отъ носокрушенія всѣхъ путешествующихъ по изрытому богатырскими коблуками дну землянки. Вотъ краткой очеркъ постаза Кавказомъ. Носколькохъ тутъ не достааетъ тѣней и подробностей!

И, ни-дать ни-взять, такого разбора землянка привѣтливо разстегнула мнѣ свои двери. Меня встрѣтила какая-то веселая фигура въ офицерской шинели, наброшенной сверхъ необходимостей, еще шеедо-стоенныхъ называться одеждою.

— Сюда-съ! Милости просимъ, сюда! бормотала она, сбрасывая рукой съ головы комки глины. Ну, батюшка, навугади же вы насъ! Мы думали, небо рушится. Да и васъ еще Богъ помиловалъ: а то, чортъ возьми, чуть-чуть не брякнулись вы прямо въ ендову сквозь кровлю!

Ендова въ самоѣ дѣлѣ чинно стояла на столпкѣ, и посреди ея возникалъ новоизданной островокъ, обломекъ кометы, сорванный подковою моего коня съ потолка: только Кахетинское это озеро обмелѣло, по веѣмъ приѣтамъ, гораздо ранѣе землетрясенія.

— Да оно и не мудрено-съ, впрочемъ, такъ сказать! Тьма такая, что крокъ хвоста своего не увидить. Заѣдешь въ гору, а попадешь въ нору. Снимайте-кооружіе, да не угодно ли прилечь?

Я извинялся и благодарилъ, а между-тѣмъ, глазами нырялъ и плавалъ вокругъ и въ глубину, прощупывая однимъ взглядомъ и устрицу, и скалу, къ которой она приросла. Недаромъ сказано—на ловца и звѣрь бѣжитъ! Донцы эти—чудаки хоть куда.

На одной койкѣ сидѣлъ усатый урядникъ, уже испившій до дна чару гнѣва Божія: онъ едва подергивалъ отяжелѣвшими вѣками, и мѣрно качаясь надъ ендовою, собирался, кажется, удить изъ ней рыбу носомъ. Напротивъ, хорунжій,—такъ онъ отрекомендовался мнѣ,—былъ еще только на-весель, маячилъ безпрестанно по землянкѣ, и говорилъ безъ умолку. Онъ былъ человекъ лѣтъ тридцати, и маленькій, тщедушный и до того безплотный, что монастырскій котъ могъ бы его съѣсть въ пятницу, не оскоромившись. Его рыжіе волосы, обсахаренные известкой и паутиной, торчали артишокомъ. Блѣдное лице, на которомъ веснушки и рябины дрались за каждую точку, украшено было за то краснымъ носомъ, куда весь румянецъ его существа перебрался для совмѣстнаго служенія съ родимымъ пятномъ сургучнаго цвѣта, такъ,

что издали его физиономія очень походила на запечатанный пакетъ съ надписью — «о нужномъ». Глаза у него свѣтились и катались какъ два серебряные пяточка, а усы,—явная эпиграмма на щетки, передергивались съ необыкновенною выразительностью. Разглядывая пристальнѣе эти рыжіе усы, я могъ повторять уроки геологіи и воссоздать за цѣлыя три дня исторію объѣдовъ господина хорунжаго, потому что, играя навѣрняка въ половинѣ съ зубами, его усы намывкою и осадкою сохранили въ себѣ остатки всего, что онъ изволилъ кушать, начиная съ бѣлушьею косточки до зеренъ гречневой каши,—что, слѣплено будучи дроздами краснаго вина, составило очень любопытный конгломератъ.

Не успѣвъ еще я вкусить Китайскаго нектара изъ фузы какого-нибудь Цу-кин-цына, а хорунжій наговорилъ ужъ мнѣ три погибели. Волею, и неволею узналъ я, что его резиденція Закаталы, Русская крѣпость Джарской Области, и что онъ по-крайней-мѣрѣ въ собственномъ мнѣніи, знаменитая особа, такъ, что генераль посылаетъ его только по самымъ важнымъ дѣламъ.

— Вотъ и теперь я прибылъ сюда, говорилъ онъ, гордо охорашиваясь: по экстренному случаю.....

— Ужъ нѣтъ ли гдѣ возмущенія? спросилъ я.

— Да-съ! По случаю возмущенія воды въ Атазани и раняго разлива, генераль поручилъ мнѣ высмолить канаты для паромъ. Скачу-съ, сломя голову; прѣзжаю, —и чтожъ бы вы думали? Вотъ ужъ двѣ недѣли дожидаюсь инструментовъ для осмолки: вода утекаетъ, а паромъ течетъ!

— Какихъ же это инструментовъ?

— Смолы и котловъ-съ. Здѣсь, кромѣ этого котелка, ни какого не оказалось..... Не угодно ли нашей похлебочки-съ отвѣдать? Дѣло походное-съ.

Дрожь меня взяла, когда я взглянулъ въ мутную влагу, гдѣ подѣ жирными звѣздами грозно выглядывалъ блуждѣй глазъ и мелькали утопленные сухари.

— Благодарю, возразилъ я. Я никогда не ѣмъ на почъ горячаго. Мнѣ сейчасъ подадутъ фазана, подстрѣленного за Алазанию.

Между многими множествомъ чепухи, этотъ хоружій разсказалъ мнѣ одинъ забавный анекдотъ. Казацкій полкъ ***ва, въ послѣднюю войну противъ Польскихъ мятежниковъ, въ дѣлѣ подѣ ***мъ, былъ сбитъ сильнымъ натискомъ кавалеріи. Полковой писарь улетѣвалъ въ числѣ прочихъ; новидя, что истомленная лошаденка его пристала, а непріятель на хвостѣ, молодецки крикнулъ: «Стой, товарищи, стой! Помните, что у меня сумка съ вашимъ жалованьемъ и фуражными, а я не тронусь съ мѣста!» Эта вѣсть какъ электрическая искра пробѣжала по сердцамъ бѣгущихъ, и они лавою ударили назадъ, смяли Поляковъ и, увлеченные вновь отвагою, далеко ихъ преслѣдовали и кучу перерубили. Конечно, это не стоитъ жезла маршала Вилларса, брошеннаго въ схватку, чтобы заставить своихъ идти впередъ, ни догадки Суворова, который, видя бѣгущихъ своихъ гренадеровъ, кричалъ имъ — Славно, братцы! лихо! Заманивай ихъ! заманивай! Ну теперь стой! Въ штыки!..... помилуй Богъ! Впередъ! — и, разумѣется преслѣдователи были стоптаны. Но это доказываетъ, отъ какихъ ничтожныхъ вещей зависитъ иногда побѣда.

Кстати о писаряхъ: отъ многихъ встрѣчъ съ Донцами, неисключая послѣдней, въ меня всѣдается горькое убѣжденіе, что чернильная ржавчина грызетъ булатъ, когда-то страшный Туркамъ и Французамъ. Легче достигая до эполетъ перомъ нежели пикою, Донцы привыкаютъ теперь хвалиться болѣе крючковствомъ, чѣмъ удальствомъ. И мой рыжеволосый,

герой измучилъ меня похвалъбою о своемъ всезнаніи канцелярскаго порядка.

— Да, батюшка! я не даромъ служилъ четырнадцать лѣтъ писаремъ: всѣ заголовки у меня въ головѣ, каждый самъ по себѣ. Вотъ, напримѣръ, письмо такъ письмо: «Милостивый государь», или Милостивѣйшій государь», — а иному такъ и «Государь мой» завернуть, — да и пошелъ валять. Ну, а просьбамъ просьба: «Потитулъ: просить такой-то, имярекъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.» Пунктъ первый: «Имя ревностное желаніе.....»

Я подсунулъ оратору вновь наполненную мною ендову, и чернила слились съ краснымъ виномъ. Я заснулъ на ковръ своемъ при плескѣ купающихся въ ендовѣ пунктовъ, при чахотномъ кашлѣ печки, которая, кажется, подавилась кирпичемъ, служащимъ изъ одной чести за выюшку, и подъ шопоть стѣнъ, которыя пыхтели на меня изъ всѣхъ щелей и, къ великому моему удовольствію, задули наконецъ свѣчку.

Румяналъ заря, прокравшисъ въ землянку на цыпочкахъ и не тревожа замка, сквозь расщелину двери, давно ужъ хозяйничала и егозила вокругъ моей кровати, а я еще бралъ на храпокъ у Морфея утренніе маки. Наконецъ я почувствовалъ на своихъ щекахъ свѣжій поцѣлуй богини, и весело встрепенулся. За ней, — она въ поле, — играетъ, рѣзвится, вѣетъ своею газовою мантилею, брызжетъ душистою росою: потомъ поманила вдаль розовою перчаткою и взвилась въ поднебесье жаворонкомъ.

— «Коня, коня! Полцарства за коня*!»

И борзый конь взвился подо мною.

=

* A horse, a horse, a kingdom for a horse! (*Richard the III*).

VI.

ОНЪ БЫЛЪ УБИТЬ.

«Отъ праха взять, ты слова сънешь прахомъ!»
 Но пѣчно ли? но весь ли я? мой взоръ,
 Невдомымъ одолеваемъ страхомъ,
 Таинственный читаетъ приговоръ.
 Ужели духъ и мысли чада свѣта
 Не убѣгутъ тлѣтворнаго завѣта?

А. Б.

Онъ былъ убитъ, бѣдный молодой человекъ! убитъ наповаль! Впереди всѣхъ бросился онъ на засаду — и назади всѣхъ остался; остался въ тѣсномъ кружкѣ храбрыхъ, легшихъ трупомъ съ нимъ рядомъ. Я зналъ его отвагу, я зналъ быстроту коня его, — и удивленный, не видя его передъ собою, проникнутой холодомъ страшнаго предчувствія, оглянулся назадъ: въ дыму, окровавленномъ выстрѣлами, сверкнуло мнѣ лицо друга; желѣзная рука смерти на всемъ скаку осадила его разгоряченнаго бѣгуна; задернуть, онъ сталъ на дыбы, и пораженный всадникъ падалъ съ него, качаясь. Я едва успѣлъ оборотить своего коня, едва успѣлъ сброситься съ сѣдла, чтобы принять на руки несчастнаго. Тихо опускаю его на землю, — гляжу, — глаза закатились; не слышитъ, не дышитъ онъ..... Рву сюртукъ, раздираю на груди рубашку: нѣтъ надежды! — Свинецъ пробилъ сердце на вылетъ, — самое сердце!! И еще около насъ свистали вражескія пули, еще игра и громъ стрѣльбы раздирали воздухъ, а ужъ того, кѣмъ было начато это ура, кто вызвалъ эти выстрѣлы, не стало! Быстрѣе пули умчался онъ, исчезъ кратче звука. Но и пролетный звукъ оживаетъ хотя на мигъ въ отголоскѣ: . неужели жъ ты, прекрасная душа, не оставила по себѣ ни какого слѣда? Ужели нѣтъ тебѣ на землѣ ни эха, ни тѣни?

*

Я съ горькою тоскою смотрѣлъ на убитаго и думалъ: Развѣ тѣнь или отголосокъ души, это гордое, выразительное лице, съ котораго кончина не успѣла еще стереть пылкаго, бѣсваго румянца, сорвать улыбки безстрашія? Но пусть пролежитъ на немъ одна ночь, пусть только вампирь — тлѣніе насосетъ на немъ багровыя пятна, сомнетъ его своими ледяными перстами, и кто узнаетъ тогда, въ обезображенномъ обликѣ, вчерашняго товарища? Черезъ три дня это стройное тѣло, въ которомъ только-что гаснетъ теплота жизни, только-что замираетъ біеніе силы, будетъ пиршествомъ червей и ужасомъ взоровъ.

Я освободилъ изъ оледенѣвшей руки мертвеца рукоять шашки: на клинкѣ было написано имя того, кто за мигъ владѣлъ имъ.

И брусъ непримѣтно источить этотъ булатъ, и ржавчина догрызетъ остальное. Нѣтъ пощады ни мечу, ни рукѣ, вращавшей его, ни имени того, къмъ былъ онъ страшенъ когда-то!

И потомъ, что такое имя? Павшій листъ между осенними листьями, — волна между волнами океана, — флагъ тонущаго корабля, который на минуту вѣтсится наль бездною: мелькнулъ, — и нѣтъ его! Забвеніе пожираетъ память, какъ смерть — существованье; но смерть есть только переходъ изъ одного бытія въ другое, возрожденіе феникса изъ пепела, азабвеніе, — безымянная могила, — свинцовый гробъ, ничего не отдающій стихіямъ, — бездонная и вѣчно ненасытная пасть ничтожества. Въ газетахъ напечатываютъ: Такой-то, убитый въ сраженіи противъ Горцевъ, исключается изъ списковъ.» Товарищи когда-нибудь вспомнить о немъ между трубкою и стаканомъ. Потомъ и память умретъ въ нихъ о погибшемъ, или сами они умрутъ и сгинутъ: вотъ и все!

Безотрадная истина!

Впрочемъ, не всѣ имена тонуть въ забвеніи: Конечно не всѣ! Что жъ изъ этого? Звѣзды имѣютъ лучи вѣсто крыльевъ, чтобъ перелетать бездны неба; слава на воздушномъ шарѣ переноситъ любимцевъ своихъ черезъ море вѣковъ; — но только любимцевъ, только баловней, а слава прихотлива какъ женщина, и у ней, какъ у фортуны, завязаны глаза: другъ мой не попался ей подъ руку; онъ не выслужилъ у нея ни желѣзнаго вѣнца Чингисъ-Хана, ни петли Ваньки Каина. Не успѣлъ онъ взять ее за себѣ какъ награду, или похитить какъ добычу. Онъ былъ только добрый, благородный, умный человекъ, — какихъ мало, — и храбрый офицеръ, — какихъ много. Онъ умеръ, онъ умереть весь.

Что же значить имя, сорванное смертью на самомъ востокѣ? Имя, ни разу не написанное кровью на знаменахъ, или лучами на скрыжаляхъ законовъ? Имя, которое не звучало пѣснію на устахъ красавицы, не заставляло биться сердца юноши, не давало важныхъ думъ старикку? Имя, которое не летѣло перуномъ, не горѣло звездой путеводною, не было пригвождено къ столбу изумляющаго позора? Словомъ, имя, никогда не утомлявшее всесвѣтной или народной молвы? Что, если не звукъ, невозбуждающій мысли; іероглифъ безъ значенія; погребальная урна, изъ которой самый прахъ разнесенъ вѣтромъ!

И такъ, бѣдный другъ мой, ты осужденъ судьбою на забвеніе, на всегдашнее забвеніе! На ничтожество, на вѣчное ничтожество! Тяжело не только говорить «прости» мертвецу, но прощаться даже съ памятью умершаго, но предавать его тлѣнію земли, на которой онъ цвѣлъ, забвенію міра, которому онъ былъ краскою. О, это ужасно!..... Это несправедливо! сказалъ бы я, если бъ не вѣровалъ въ будущую жизнь.

Правда, ничто не вѣчно на свѣтѣ: не вѣченъ и самый свѣтъ. Постарѣетъ онъ и выживетъ изъ памя-

и, забудеть знаменитыхъ мужей давнихъ временъ. Одряхлеть, оледенеть наконецъ самъ, и умереть послѣ потомковъ своихъ, — стихій, существъ, дѣяній, мыслей, и долго будетъ спать самъ безъ дѣйствія, одѣянный кладбищемъ природы какъ саваномъ, куда голосъ Бога Живаго не воззоветъ его изъ лона смерти и, очистивъ купелью водъ или пламени, не благословить на новую жизнь.

Не все ли жъ равно искать земной славы, что желать упрочить свой образъ на зеркальной поверхности мыльнаго пузыря? Онъ лопнетъ, — и прощай портретъ нашъ; свѣтъ разрушится, — и надъ его развалинами погибнуть всѣ мечты, всѣ произведенія людей. Все Божеское и человѣческое сомется въ одну недѣлимую, хаотическую толщу, надъ которою только око Провиднiя прочтетъ надпись — «Припасъ для будущихъ мiровъ.»

И ты уже достигъ до этого роковаго равенства, погибшій другъ мой! До равенства, которое мечемъ Дамокла грозитъ пасть на все живое. Мигъ или миллионъ лѣтъ — одно для мертвецовъ. Время существуетъ только для того, кто существуетъ.

Ты скончался для мiра, и въ тотъ же мигъ мiръ кончился для тебя, исчезъ со всѣми твоими радостями и обольщенiями, — зато со всѣми бѣдствiями и муками: грезы счастья и величiе не тревожатъ покоя могилы. Тамъ есть черви, но нѣтъ змѣй; тамъ разрушенiе совершается безъ терзанiй.

Зачѣмъ же закинуто во всѣ сердца желанiе продлить свое существованiе за черту смерти, повториться въ дѣтяхъ, въ дѣянiяхъ, въ мраморъ, въ бронзъ, въ подражанiи, въ памяти друзей, въ молвь народной? Зачѣмъ ученый истощаетъ жизнь свою надъ книгами, воннъ умираетъ на щитѣ, изувѣръ самоубiйствуетъ въ пустынь плоть свою? Для чего, если не для памяти, не для славы? Подъ тысячами различныхъ предло-

говъ кроется это желаніе, но оно врожденно человѣку и обще всѣмъ народамъ, а и самыя заблужденія человѣческія непремѣнно основаны на какой нибудь затерянной или неразгаданной или худо-понятой истинѣ. Жажда славы есть потребность любви за гробомъ. Слава есть любовь настоящаго къ минувшему, — любовь тѣмъ чистѣйшая, что она безкорыстна и справедлива; тѣмъ болѣе дивная, что она оживляетъ своимъ дыханіемъ пылинки пепла въ искры вдохновенія, и разсыпаетъ ихъ съ лучезарныхъ крыльевъ своихъ въ души потомковъ, какъ сѣмена всего прекраснаго, добраго и высокаго. Чувствуете ли вы, сколько отрадной поэзіи въ этомъ томленіи, въ этой страсти человѣка къ отдаленной, но дорогой взаимности незнаемыхъ имъ поколѣній, родственныхъ ему только по душѣ? сколько святости въ неподкупномъ поклоненіи этихъ поколѣній памяти человѣка, отъ котораго они уже не ждутъ ничего кромѣ приѣбра? И почему знать: можетъ, эта живая, электрическая связь, соединяющая міръ прошлаго съ міромъ грядущаго, скуется до самаго неба, и каждый разъ, когда Провидѣніе допускаетъ дальнихъ потомковъ прибавить нѣсколько колецъ достойныхъ подвиговъ или высокихъ мыслей къ этой цѣпи воспоминанія прежнихъ достойныхъ подвиговъ и прежнихъ свѣтлыхъ открытій,—можетъ быть, говорю я, эфирная часть умершихъ виновниковъ, зачателей всего этого, гдѣ бы ни витала она, чувствуетъ сладостное потрясеніе, въначающее и на землѣ райскій мигъ творенія.

Лестная мечта!.....

Но неужели одному величію дано двѣ жизни на этомъ свѣтѣ? Ужели звонъ трубы только, долетаетъ до того свѣта? А тайное, горячее чувство любви, а никому невѣдомое самоотверженіе дружбы, а неподслушанныя свѣтомъ новыя мысли, погибнуть и навсегда, потому что они не были славны, не были громки?

це повторятся ни одними устами? не отзовутся ни въ чьемъ сердцѣ? О нѣтъ, вѣрно нѣтъ! Прекрасное, сильное, свѣтлое—прекрасно, сильно, свѣтло во всѣхъ размѣрахъ: ты не исчезнешь безъ слѣда, безъ тѣни, безъ отголоска, благородный, несчастный другъ! Горы Кавказа отражаютъ грохотъ перуновъ и говоръ соловья. Въ морѣ такъ же ясно видится вѣчное солнце какъ и перелетная искра. Въ сердцѣ человѣческомъ есть струна для Байрона и для тебя, есть слеза для удивленія и для участія. Я брошу въ вихорь свѣта многіе листки, вырванные изъ твоего денника, какъ невольную дань твою свѣту, и счастливъ я, если эти небрежныя строки хоть на мигъ приманятъ къ себѣ взоръ и душу красавицы, извлекутъ хоть одинъ, но глубокій вздохъ изъ груди влюбленнаго! Вдвое счастливъ, если это безмолвное сострастіе сердецъ, кинучихъ жизнью, съ сердцемъ, давно истлѣвшимъ, порадуетъ тѣнь твою, или заставитъ вснхнуться твою душу въ повомя бытія сладкимъ пламенемъ, какъ вспыхиваетъ пламя, когда брызнуть на него ароматнымъ масломъ!.....

=

VII.

ОТРЫВКИ.

Хотятъ, чтобъ я сталъ писателемъ! Но знаютъ ли эти совѣтники, какъ тяжело писать человѣку съ душою и для души? Знаютъ ли, что дарованіе есть бытіе автора, и что онъ расточаетъ для забавы свѣта лучшія мгновенія этого бытія, отравляя заботами остальные? Пишутъ или изъ памяти, или изъ воображенія: но что такое воображеніе, какъ не память вскнпаченная, улетученная пламенемъ сердца? А много ли красныхъ дней насчитаетъ въ минувшемъ горда я, разъ

дражительная душа поэта писателя? Есть у него воспоминанія—двѣты, но есть и воспоминанія—раны. И эти раны растрavляются, точатъ кровь, и опять горятъ, и мучительно ноютъ, когда срываешь съ нихъ перевязку забвенія или равнодушія; когда беспощадный сондъ любопытства проникаетъ въ ихъ завѣтную глубину. Таковы раны, нанесенныя рукою судьбы, жаломъ злобы или измѣны. Но легче ли раны отъ стрѣлъ любимыхъ склонностей нашихъ? Радостно ли вспомнить въ бѣдѣ объ улетѣвшихъ минутахъ блаженствъ, перегарать въ одиночествѣ страстью къ той, съ которой уже давно разлучены и никогда не увидимся? Каково думать въ жаждѣ совѣтовъ или утѣшеній друга—«О, если бы онъ былъ теперь со мною!» и находить, вмѣсто его живительнаго взора, въ очахъ своихъ, слезу о его погибели? Возьмись только за перо, вздумай только описать, что случилось когда-то съ тобою или могло сбыться съ другими,—и всѣ воспоминанія подымутся толпой, званья и незванья, желанныя и неожиданныя, и станутъ передъ тобою какъ духи, вызванныя неопытнымъ чародѣемъ, который уже не въ силахъ съ ними совладѣть. Озаренные блѣднымъ мѣсяцемъ минувшаго, эти мертвецы начинаютъ свою страшную, галваническую пляску. Есть вѣйки—на ихъ черенахъ, но они подернуты прахомъ могилы, они пахнутъ тѣніемъ. Есть улыбка, но она ползаетъ какъ червякъ по окостѣнѣвшимъ устамъ. Какъ заступъ о гробовую крышку звучитъ въ живомъ сердцѣ ихъ голосъ; ихъ ласки обливаютъ морозомъ..... И вы хотите, чтобы я игралъ кестями и пѣлъ, подобно Гамлетовымъ гробокопамъ? что бы я писалъ портреты съ мертвецовъ? чтобы я изъ пепла строилъ великолѣпные замки, былъ веселъ, когда мнѣ хочется плакать, разсыпался въ роскошныхъ описаніяхъ, когда существованность моя такъ бѣдна, когда у меня нѣтъ насущной крупинки радости? Всесильно,

разнообразно воображеніе, когда оно творить изъ настоящаго; но мутенъ и слабъ ключъ его, если онъ течеть сквозь могилу.

Я сказалъ, есть воспоминанія — цвѣты, но эти живые цвѣты любимыхъ заблужденій и невинныхъ грѣховъ юности росли на сердцѣ. Отрывая ихъ съ корня, чтобы перенести на бумагу, мы разрываемъ сердце, и ни свои, ни чужія слезы не оживяютъ этихъ цвѣтовъ теплаго края подь холодомъ свѣтскимъ, не заживяютъ ранъ осиротѣлой почвы.

И свѣтъ назоветъ эту тяжкую исповѣдь сказкою, если авторъ облечетъ свои страсти въ вымышленныя имена, и не повѣритъ ей, если онъ признается въ былинѣ, подь собственнымъ. Свѣтъ такъ привыкъ слышать и говорить ложь, что отъ него лучшая похвала гению — какъ онъ мастерски прикидывается чѣмъ захочетъ! какъ искусно умѣетъ скрывать или переразвивать всѣ чувства!

И свѣтъ думаетъ, что писать исторію сердца такъ же легко, какъ вплетать ябеды, какъ точить привѣтствія, какъ печатать ситець. О, если бѣ люди могли, не говорю почувствовать, не говорю разсудить, но только разглядѣть, что свѣтильникъ тѣмъ скорѣе сгараетъ, чѣмъ болѣе бросаетъ искръ и лучей вокругъ; что сочинитель тратитъ душу свою въ звукахъ; что, можетъ-быть, онъ пишетъ кровью и слезами, и что на страницахъ, внушенныхъ тоскою, еще трепещутся обрывки его сердца, какъ нѣкогда трепетали куски Геркулесовой кожи, напитанной ядовитою мазью одежды, присланной ему коварною любовницею, — то, какъ ни себялюбивы они, какъ ни любопытны, какъ ни безжалостны люди во всемъ, что сулитъ имъ новую забаву или чудное потрясеніе, а рѣшились бы упросить поэта молчать, все еще жадничая его раз-

сказовъ. Тяжело танть на сердць угли безнадежной любви и холодно улыбаться; внимать стону собственнаго сердца, и въ то же время слушать чужія нелюбности; небрежно поправлять волосы, когда подъ ними кипятъ ядовитыя думы; молчать, когда бушующія, воспламененныя чувства готовы разорвать грудь и пролиться лавою признанія; но еще тяжелѣе, гораздо тяжелѣе, ужаснѣе, выражать все это, съ гнѣвомъ, что не можемъ высказать души своей вполнѣ, съ опасеніемъ, что высказанное будетъ брошено въ мигъ равнодушія, или, что и того хуже, стоптано невѣжествомъ въ грязь. И потомъ, чтобы говорить понятно людямъ, надо развѣшивать, соразмѣрять выраженіе своихъ чувствъ съ ихъ понятіями. Надо раболѣпствовать правиламъ языка, потворствовать модѣ, ползати у ногъ приличій, подбирать падежи и созвучія, когда бы я хотѣлъ выразить себя ревомъ льва, пѣснію вольнаго вѣтра, безмолвнымъ укоромъ зеркала, клятвою пожигающаго взора, хотѣлъ бы пронзить громовою стрѣлою, увлеченною бурнымъ водопадомъ, — и что бы эхо моей тоски роптало, стонало въ душахъ слушателей, — что бы молнія страстей моихъ раскаляла, плавила, сжигала ихъ сердца, — чтобы они безумствовали моею радостью и замерзали ужасомъ вмѣстѣ со мною!

Не могу я такъ выражаться, а иначе не хочу: это бы значило пускаться въ бѣгъ со скованными ногами.

Правда, бывають часы, бывають ночи, въ которые полнота груди и головы душитъ, когда откровенность необходима какъ воздухъ, когда волею или неволею долженъ бываешь отдать тайны сердца и ума участію дружбы, сбросить ихъ на вѣтеръ или на бумагу. Но пусть же пила и отвѣсъ правилъ никогда не касаются этихъ дикихъ громадъ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ, наваленныхъ одна на другую!

Какъ эти горы, изорванныя волканами и потопами, разсѣченныя ущеліями и рѣками, возникаютъ отрывчатая строфы невольной импровизаціи. Видите ли эту нагую, опаленную перунами, неприступную даже зелени скалу? Это печаль поэта: тамъ гордая душа, какъ снѣжногривая гора, скрываетъ въ облакахъ чело свое! Тамъ, въ глубинѣ, кипитъ ключъ юнаго чувства! Тамъ, во тьмѣ пещеръ, сверкаютъ очи и зубы алчной гienы: это совѣсть! Пойдите: слышите ли, какъ пронзительно, какъ страшно раздается въ этой пустынѣ одинокій и безотвѣтный вопль отчаянія?..... И сколько чудныхъ, но дикихъ, но и безыскусственныхъ красоть можетъ представить слогъ, выброшенный прямо изъ души? Зато по немъ нѣтъ стези для обыкновеннаго читателя. Его стремнины разлучены другъ отъ друга на прыжокъ льва, на перелетъ орлиный. Такія руны разгадаетъ лишь тотъ, кто начерталъ ихъ. Лишь онъ можетъ бродить мыслію по этимъ зубристымъ обломкамъ прежняго своего бытія, — и, думая, отдыхать у надгробія собственнаго сердца.

Но сочинять для свѣта! И еще для нынѣшняго свѣта! Тяжкая служба. Имя сочинителя болѣе требуетъ наличными, нежели даетъ въ объѣмахъ. Знаютъ ли тѣ, которые съ такимъ добродушіемъ вѣрятъ похваламъ пріятелей и собственному самолюбію, и тѣ, которые думаютъ, что, для того, чтобы сдѣлаться писателемъ, нужна только чернильница и перо, — вѣдаютъ ли они, сколько надо испытать, перечувствовать, передумать, поглотить учености, чтобы написать нѣсколько страницъ, достойныхъ вѣка и человека, достойныхъ духа, который соединилъ въ себѣ всю причудливость младенца и взыскательность старика? Что бы распеветь притушенный вкусъ, который не знаетъ самъ чего хочетъ, но все знаетъ и всего хочетъ? Угодить, удовлетворить жадной страсти къ новому, къ пронза-

ющему, къ потрясающему, къ чудесному? Надо цѣлыя скалы дарованія, чтобы насытить хотя на мигъ этого прожорливаго великана. Надо слезъ, рѣки слезъ, — крови, — море крови, чтобы упоить его до веселья. Его должно поразить, чтобы тронуть; испугать, чтобы убѣдить; поработить, чтобы ему понравиться. Надо быть невиданнымъ звѣремъ или сверхъестественнымъ лицомъ, или необыкновеннымъ чортомъ, если желать увлечь за собой этого избалованнаго эвваку. Надо ограбить рай и адъ, оборвать лучи съ солнца и наслажденія съ земли, стоить въ одно съ язвы Египта и въ ужасы преступленія, чтобы заманить и угостить его на славу. Но развѣ этотъ людоедъ итенецъ твой? братъ твой? или другъ оный, что ты, какъ пеликанъ, разрываешь для него грудь и течешь кровь жизни? Нѣтъ, оный твой врагъ природной, твой непримиримый врагъ. Онъ будетъ смѣяться надъ тобой, поглощая твое же сердце, принесенное ему въ гостищецъ, и выброситъ собакамъ, — выброситъ критикамъ объѣдки твоего полубожескаго мозга.

Писать, печатать для свѣта, предавать себя тисненію! Неужли не чувствуете вы предсказательнаго смысла этихъ словъ? Тутъ, въ зѣрнѣ таятся мытарства, ожидающія дерзкаго искателя людской похвалы. Вчера оный былъ властелиномъ своихъ мечтаній, — потому что не пускалъ ихъ въ люди. Сегодня печаталъ ихъ, и сталъ рабомъ своихъ словъ. Онъ трепещетъ уже глупаго смѣха невѣжды и пошлыхъ остротъ какого-нибудь чесоточнаго журналиста; трепещетъ лукавыхъ толкованій на свои невинныя выходки. Стрѣлы, брошенныя въ воздухъ, падаютъ ему на голову; друзья бѣгутъ какъ отъ клеветника; враги становятся гонителями. Еще вчера оный былъ отличный офицеръ, дѣльный чиновникъ, смышленный чловѣкъ. Сегодня типографскія тиски выжали изъ

него всё общественныя достоинства. »Онъ сочинитель! онъ поэтъ!» Это значить — «Онъ никуда не годится.» Съ тѣхъ поръ благословеніе небесъ будетъ казнить его, какъ проклятiе матери: на его блестящее имя станутъ вѣшать дурачкія шапки и черныя небыллицы. За милость развѣ, будутъ звать его пологумнымъ. — Какія желчныя мысли! Какія мрачныя краски! Свѣтъ вѣтренъ, но право не золь, — именно потому что онъ вѣтренъ, что ему нѣкогда воспитать и взлелѣять вражду. Болѣе остры, чѣмъ колки его сужденія, и если онъ любитъ недолго, за то любитъ горячо. Пользуйся же его любовью, покуда не спала пѣна; будь халифомъ хотя на часъ; ушивайся рукописканіями и похвалами; играй вниманіемъ модниковъ, ревностью прекрасныхъ. Ты не искалъ, а нашелъ все-это: почему же не взять процентовъ, радостями жизни, съ долгихъ лѣтъ ученія, трудовъ, страстей и лишеній? Сдайся на приглашенія, — и ты баловень лучшаго общества, ты званый, желанный гость за столомъ знатныхъ и въ гостиныхъ большаго свѣта!

Знаете ли жъ вы, милостивые государи, что поэтъ, гость вельможи, есть уже слуга его, что поэтъ, гость высшаго круга — его игрушка? Неужели думаете вы, будто я столько простъ или столько самолюбивъ, что возмечтаю, что меня позовутъ для моихъ достоинствъ, а не для чужой забавы? Знатнымъ хочется прослыть меценатами за дешевую цѣну; имъ любо посмѣяться со мной или надо мною, потому что смѣхъ способствуетъ пищеваренію: — и я, второй Исавъ, продамъ свое первородство за блюдо чечевицы? И я стану сыпать свой жемчугъ подъ ноги зѣвающихъ невѣждъ? Стану кувыркаться и служить на заднихъ лапкахъ, и добиваться до ошейника съ гербомъ того, чьи предки торговали оружіемъ когда мои были уже имъ славны? Подумали ли вы, что мнѣ предлагаете? Не значить ли это — давать себя

напоказъ какъ слона, откупоривающаго бутылки, — съ тою только разницею, что плату за это поднесутъ мнѣ на фарфоровой тарелкѣ, а не бросятъ въ голову?

Правда, обаятельна атмосфера большого свѣта; лететь гостинныхъ игривъ какъ музыка Россини. Но эти раззолоченныя стѣны сложены изъ облаковъ Китайской стѣны самыхъ вздорныхъ предразсудковъ. Но этотъ скользкій паркетъ вылощенъ причудливыми условіями; этотъ потолокъ расписанъ картинками модъ, — и горе тому, кто рѣшится покормить своею особою лакомое любопытство исключительныхъ обывателей этого міра! Смѣшна будетъ его роля для другихъ; жалка доля его для самаго себя. Что принесетъ онъ въ жертву этому Египетскому богу, крокодилу, кромѣ раннихъ морщинъ лица и запоздалаго покроя платья? Онъ не пойметъ языка, которымъ говоритъ мода; онъ не знаетъ тѣхъ важныхъ мелочей, которыя составляютъ жизнь столицы, которыя требуютъ цѣлой жизни на изученіе, — для того чтобы умереть отсталымъ школьникомъ. И вотъ, нашъ поэтъ въ гостиной. И вотъ, его встрѣчаютъ благосклонные взоры и ласковыя улыбки. Это все наживки удочекъ, чтобы зацѣпить авторскую болтливость. И вотъ, его подчуютъ пережеванными привѣтствіями, сводятъ на споръ съ какимъ-нибудь шутомъ, мистифируютъ въ глаза, а чуть онъ за двери, давай разстрѣливать бѣдняжку вслѣдъ отравленными стрѣлками злословія.

— Какіе допотопные приемы!

— Да-съ, это древнѣе Петербургскаго наводненія.

— Говорятъ, поэзія — языкъ боговъ, а вы изъ ихъ семьи, графиня: удостойте перевести для насъ, простыхъ смертныхъ, о чемъ говорилъ онъ.

— Я не химикъ, князь; не умѣю разлагать туманы.

— Мудрено ли впрочемъ, графиня, что онъ такъ таинственъ! *c'est une sommité littéraire*, а верхушки горъ всегда облечены туманами.

— Но это не мѣшаетъ видѣть, что всѣ почти маковки оканчиваются плоскостями.

— Если не видѣть, по-крайней-мѣрѣ испытать. Всѣ путешественники доказываютъ эту истину въ ладъ.

— Скажите, ради имени Виктора Гюго, къ какой школѣ принадлежитъ этотъ господчикъ? къ горной или къ озерной?

— Къ болотной-съ. Онъ родился на тундрахъ Новгородскихъ.

— Это и замѣтно. Онъ страхъ похожъ на водяную лилю, засохшую между листовъ Латынскаго словаря.

— Вы ошибаетесь, баронъ: нашъ поэтъ вовсе не водянь. Скажите лучше, онъ черезъ чуръ пылокъ, и вы скажете правду.

— Сухая трава быстро загараются; за то и гаснетъ вмигъ.

О, нѣтъ, баронъ; поэтъ живетъ пламенемъ, котормъ сгораеть. Если бъ послушали вы, сколько толковалъ онъ мнѣ объ искрахъ очей, о заревѣ страсти, о пожарахъ души, то.....

— То я бы представилъ его въ брандт-маіоры, не правдали, княжна?..... Такой несгораемый человекъ, безъ противуогненнаго прибора, — находка для пожарной команды.

— Смиѣйтесь, смиѣйтесь, — а все-таки огонь его стихія, и вдыхать пламень для него пріятнѣе, чѣмъ для насъ духи Капризовъ Валеріи.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте его причислить къ породѣ двуногихъ саламандръ, княжна!

— Вы предупреждены, баронъ: онъ давно состоитъ въ спискѣ рѣдкостей, и отпущенъ только въ отпускъ изъ кунсткамеры.....

И это еще цвѣтки моднагозлословія. Ещѣ тутъ нѣтъ лдовитыхъ ягодъ, которыя зрѣютъ для тебя при лучахъ восковыхъ свѣчей и лунномъ свѣтѣ лампъ. Пого-

ди шемножко, — и модный свѣтъ отнимаетъ у тебя твой мирный уголокъ посѣщеніями; твой вдохновенный досугъ данью въ альбомъ; подточить вѣру во все прекрасное сомнѣніемъ; отравить любовь твою догадками; отвѣтъ взаимность насмѣшкой. А когда не удастся ему сдѣлать тебя смѣшнымъ, онъ ославитъ тебя опаснымъ..... и доведетъ до того, что ты, прежде жадный извѣстности, станешь молить свѣтъ о полномъ забвеніи, какъ о самой драгоценной милости. И свѣтъ позабудетъ твое лице, позабудетъ твои сочиненія, позабудетъ все, кромѣ твоего имени. И это имя обратитъ въ укорь. — «Вѣдь читали же когда-то этого ***ва!» скажетъ онъ; или — «Слава Богу, такой-то схороненъ на одной полкѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ!»

И эти вздорные толки огорчатъ тебя, — тебя, напояннаго сладкой росой небесъ? И булавки изорвутъ твое сердце, неразбитое подъ молотомъ судьбы? Стыдись! Не тебя отдаю я свѣту, а свѣтъ тебя. Люди обыкновенные созданы для забавы умныхъ: играй же ими въ шахматы; выжимай изъ общества краски для пилитуръ своей; собирай оброкъ съ его странностей, съ его нелѣпостей, съ его причудъ и пороковъ. Но если ты хочешь быть ровней съ злостью, и наслаждаться мелкими пріятностями лучшаго общества не въ лицѣ искателя, а въ видѣ товарища, — единственное средство узнать таинства палаты, услышать рѣчи ихъ жильцевъ безъ прикрасъ, застать лица безъ румянъ, а сердца безъ манжетовъ: то стань богатымъ.

«Что слава? Яркая заплата
На бѣдномъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата!
Копите злато дѣковца.»

Проклятый металлъ, это золото, неутоляющій напитокъ ада! Напрасно Промыслъ схоронилъ его глубоко: мы нашли средство вымучивать его у земли руками преступниковъ для новыхъ преступленій. Добы-

тое каторгою изъ тмы, оно каторга свѣта. Каждый разъ, когда червонецъ касается моей руки, мнѣ кажется, онъ сообщаетъ ей свой гальанизъмъ. Правда, на немъ нѣтъ и не можетъ быть ржавчины, — но, сдается, будто онъ сыръ тяжкимъ потомъ, будто каплетъ кровью, мерцаетъ какъ зрачекъ Лукаваго. Не золотое ли было яблоко грѣхопаденія? Не оно ли, разбившись въ золотые кружки, раскатилось по свѣту! Пусть же судьба кидаетъ ихъ на драку толпъ, какъ орѣхи мальчишкамъ: я не нагнусь ни за однимъ. Скажите, на что мнѣ это золото? Я не богатъ, но, любя роскошь, умѣю и умѣрять свои прихоти, потому что легче стерпеть отказъ отъ собственной воли, чѣмъ отъ чужаго нехотѣнья. Вѣрю, что многіе имѣютъ много, — никто доволенъ; зато вѣрую твердо, что богатство состоитъ болѣе въ желаніяхъ, нежели въ обладаніи. Вы говорите, золотомъ можно намостить дорогу куда угодно; имъ можно купить людей. Вы дѣлаете слишкомъ много чести людямъ, друзья мои: стоитъ ли покупать простую грязь за золотистую грязь? Стоитъ ли платить золотомъ, за что не далъ бы я желѣзнаго гроша? За улыбку, высиженную зѣвотою? За пожатіе руки, привыкшей къ взяткамъ? За поцѣлуй Іуды съ рукавами *à la folle*? Люди готовы продавать, продавать другъ друга и сами себя: жаль что я не торгашъ и не покупательъ тѣмъ и совѣстей, и, признаюсь, по самому вѣрному расчету: по мнѣ тотъ, кто отдаетъ себя на прокатъ за деньги, не стоитъ денегъ. О, я знаю людей! знаю до подноготной. Плюй имъ въ лице, — только золотомъ, и они станутъ тебѣ клапаться. Да по мнѣ, ужъ менѣе презрителемъ тотъ, кто подличаетъ изъ барыша, нежели тотъ, кому лестъ и ползанье нужны какъ хлѣбъ насущный.

А между-тѣмъ золото — солнце большаго свѣта: только въ его лучахъ замѣчаютъ достоинства, только въ его призмѣ исчезаютъ недостатки. Блесни оно, и ему на

встрѣчу всѣ зачиликають какъ пташки, и лица красавицъ рѣспусятса улыбною. Невольно увлекаетъ сердца и головы вихоръ золотой пыли. Золотой мѣшокъ идеаль красоты, колодезь ума, Протей любезности. У богача всѣ мерзости—извинительныя; всѣ ошибки—образцовыя; всѣ дѣла достойны подражанія, а слова—памяти. И постычь я не могу, и ничего глупѣе въ мірѣ не нахожу, уваженія людей къ богатству. Уважайте умъ, любите остроуміе: одинъ учить, другое веселитъ васъ. Уважайте силу,—это естественно: оно можетъ защитить или истребить васъ. Но, ради самого Маммона, скажите, что дастъ вамъ богачъ за ваши униженные поклоны, и умильные облизни, и одобрительныя усмѣшки? за всѣ ваши поддакиванья и наглую лесть? Что? Столъ его безъ прибора для тѣхъ, которые цѣляютъ пообѣдать, а не полакомиться. Круто его крыльце для чахоточной груди искателей покровительства. Крѣпки затворы сундуковъ: кошелекъ завязанъ Гордіевымъ узломъ на ссуду. Сердца не размочить и слезами. Оно глыба земли, изъ которой не высьчешь огня, не источишь воды и невыростишь маковаго зернышка. И пусть я стану подобнымъ этому истукану,—богачемъ; и пусть я топчу всею тягостью золота прежнихъ своихъ совѣтниковъ; мнѣ поклоны гордецовъ; мнѣ ласки милыхъ; для меня зажигаются лишнія свѣчи на вечерахъ, лишнія искры въ глазахъ невѣсть; для меня тратятъ наконецъ всѣ ласкательства, приготовленныя для гораздо важнѣйшихъ случаевъ: во, скажите, куплю ли я на звонъ денегъ вмѣстѣ съ чужими ласкательствами вѣру къ нимъ? Я былъ, я жилъ, въ этомъ свѣтѣ: онъ видѣлъ меня, и не замѣтилъ. Красавицы меня слушали, и не оцѣнили. А я былъ тогда свѣтѣе умомъ и на лице; былъ добрее, чувствительнѣе, пылче. Я готовъ былъ обожать, обоготворять ихъ; отдать за ихъ любовь не дрянное золото, а кровь сердца, покой души, самое небо.

И все это миновало! Не воскресить юности дождем Данаи. Прочь, змѣй искуситель, прочь! ты могъ бы обольстить меня въ моемъ раю, въ мѣбѣ юности; но теперь — уже поздно. Не вѣрю я свѣтской дружбѣ, — еще меньше свѣтской любви; дружбѣ, которая ступаетъ съ гривны на гривну; любви, прилетающей не иначе какъ на бумажныхъ крыльяхъ изъ банковыхъ билетовъ. Не вѣрю и славѣ, которая разбивается врозь или улетаетъ парами. Теперь дорылся я до грязи, которою питаются корни лавра и мирта, такъ гордо играющіе въ воздухѣ. Теперь я видѣлъ страшное лице истины безъ покрова. Страсть къ богатству, змѣй искуситель, язви меня въ пятю: она на головѣ твоей! До сердца моего тебѣ не достать.

Но неужели въ этомъ мірѣ нѣтъ ума, чье одобреніе лестно поэту? Нѣтъ сердца, чей вздохъ тебѣ отраденъ? И поэтъ, — ты схоронишь въ землю даръ небесъ, талантъ свой? И человекъ, — ты выбросишь душу въ пустыню безъ сочувствія? Неужели неодушевляетъ тебя мысль, что пылкій юноша за чтеніемъ твоихъ чарующихъ страницъ забудетъ урокъ свой; свѣтскій человекъ — званый пиръ; красавица — часъ свиданія? Что твои вдохновенныя творенія зажгутъ свѣтлыя мысли въ головѣ еще самому себѣ незнаемаго поэта, очиститъ огнемъ своимъ душу власто-или корыстолюбца, пробудитъ сладостныя, свѣтлыя чувства въ груди невинной дѣвушки?..... Можетъ быть, она задумается надъ твоими мечтами, и ея прелестныя томные очи наполнятся слезами, — и она вспомнитъ тебя вздохомъ, — и тонкій жаръ, проникающій весь ея составъ, вспыхнетъ на сердцѣ мыслию: «Какъ страстно любить онъ! Какъ должно быть пріятно быть такъ любимой?.....» О!.....

А. МАРЛИНСКІЙ.

=

УТРЕХТСКІЯ

ПРОИСШЕСТВІЯ

1834 ГОДА.

=

Быть-можетъ, не совсѣмъ правильно — обнаруживать домашнія дѣла какого бы то ни было города, давъ подписку и честное слово не рассказывать объ нихъ никому въ свѣтъ, но я обязался только «не рассказывать». Мнѣ кажется, что я могу «описать» ихъ, не нарушая своего обвѣщанія.

Я жилъ въ трактиръ «Золотаго Тельца», находящемся на углу площади и одной изъ самыхъ многочисленныхъ улицъ Утрехта. Одна изъ двухъ занимаемыхъ мною комнатъ была моею спальнею, и кровать моя стояла у заколоченной двери, ведущей въ смежную пустую залу. Въ первую ночь моего пребыванія въ Утрехтѣ, сонъ мой вдругъ былъ уничтоженъ глухимъ шумомъ, раздавшимся въ этомъ покоѣ отъ легкаго шарканья ногами и смѣшанныхъ, подавленныхъ головъ. Зала была освѣщена, и свѣтъ кенкетовъ, пробиваясь сквозь щель двери, рисовалъ поперегъ моего одѣяла яркую желтую черту. Я не могъ однако жъ слышать ни слова; но, очевидно, что-то таинственное и не позволимое происходило въ моемъ сосѣдствѣ.

На слѣдующее утро я спросилъ объ этомъ мою трактирщицу, толстую и красную Голландку, которая управляла домомъ со смерти своего мужа. Она смуталась, и отвѣчала мнѣ невнятно, что это ничего; что въ залѣ собираются иногда ея «друзья», чтобы потолковать о своихъ домашнихъ дѣлахъ.

Я не спрашивалъ далѣе. Однако ночныя собра-

шія повторялись чаще нежели предполагалъ это смыслъ нарѣчья *иногда*, и съ нѣкотораго времени становились шумнѣе. Днемъ, я замѣчалъ необычайное движеніе между женщинами. Мужчины казались спокойными, что я приписывалъ твердости ихъ характера и Голландскому хладнокровію; но женщины бѣгали, разѣзжались по улицамъ, перешептывались въ обществахъ, отводили другъ друга въ сторону, и что-то взаимно себѣ сообщали, остерегаясь нѣкоторыхъ лицъ своего пола, не пользовавшихся ихъ довѣріемъ. Я замѣтилъ по газетамъ, которыя читалъ всегда съ большимъ вниманіемъ, что въ последнее время очень часто пріѣзжали въ Утрехтъ изъ Парижа Г-жа Дюдсванъ, извѣстная подъ именемъ Жоржа Занда; какая-то директриса журнала *La tribune des femmes*, и другія лица, принадлежащія къ той же безпкойной партіи. Въ собраніяхъ, происходившихъ въ пустой залѣ, часто разговаривали по-Французски, раздавался чистый Парижскій акцентъ и слышались имена—Валентина, отецъ Анфантенъ, Лелія, Жакъ, Андре, Эмё-Мартенъ, вмѣстѣ съ титулами — госпожа бургомистерша, госпожа совѣтница, и прочая, и прочая. Нельзя было не видѣть, что тутъ дѣйствуютъ возмутители, и что какой-то ужасный заговоръ составляется противъ блага и спокойствія общества.

— Мнѣ какое до этого дѣло! сказалъ я про себя. Я здѣсь иностранецъ!

Однако любопытство и весьма естественное опасеніе за самага себя заставили меня прорѣзать днемъ маленькую скважину въ таинственной двери, противъ моего изголовья, въ той мысли, что я, можетъ-быть, увижу дѣйствующихъ лицъ этой черной драмы или услышу, о чемъ они тутъ совѣщаются.

Ночью, 14 сентября (по новому стилю), часу въ двѣнадцатомъ, я сидѣлъ подъ окномъ. Повсюду цар-

ствовала глубокая тишина. Луна плыла по совершенно ясному небу. Тихій вѣтеръ едва-едва колыхалъ тополями, растянувшимися стройною шеренгою кругомъ площади. Черезъ двѣ улицы, печальный, мрачный колоссъ, соборная башня, повременамъ переговаривался съ тишиною ночи заунывными звуками своихъ часовъ. Вдругъ послышался сильный шумъ въ залъ, которая, по-видимому, давно уже наполнялась заговорщиками. Я бросился на постель, и приставилъ глазъ къ скважинѣ.

Представьте мое изумленіе, когда я увидѣлъ тамъ однихъ женщинъ! Онѣ казались въ страшномъ волненіи.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, и прислонилъ къ отверстію ухо.

Гуль общаго разговора не позволялъ услышать ничего такого, что бы обнаружило предметъ ихъ совѣщанія. Нѣкоторыя отдѣльныя фразы, произнесенныя въ мгновенныхъ промежуткахъ тишины, однѣ долетали до моего уха.

— Можете ли вы представить такого тирана!

— Деспотъ!

— Мучители! тигры! грубіяны! гордецы!

— Скупецъ! Да какой скупецъ!

— Вотъ, напримѣръ, несчастная Каролина: одинъ измѣнилъ ей, другой ее ограбилъ.....

— Предатели!...

— Однако жъ надобно быть справедливыми.....

— Но вы же сами говорите, госпожа бургомистерша, что и у вашего есть любовница?

— Есть; ахъ, есть! Вчера я открыла у этого измѣнника еще двухъ голубушекъ.

— Да что жъ она не приходитъ? Уже за полночь.

— Да она видно насъ обманула!

Въ залъ раздался страшный шумъ. Всѣ закричали: — Вотъ и она! — Вотъ и она! Наша волшебница!.....

Должно знать, что въ Утрехтѣ по сю пору упражняются въ чернокнижїи, и многіе изъ посвященныхъ въ тайны сокровенныхъ наукъ обладаютъ удивительными секретами, въ которые наши академіи не въходятъ. Тѣмъ хуже академіямъ!

Я скорѣе посмотрѣлъ въ скважину, но не могъ завидѣть ихъ ждающей гостыи. Уголь большой Голландской печи скрывалъ ее отъ луча моего взора. Я слышалъ только сильный, злобщій голосъ:

— Что жъ, вы хотите непременно.....?

-- Хотимъ! хотимъ!

— Чтобы всѣ мужчины провалились сквозь землю?

— Да, да! Прочь тирановъ! Долой всѣхъ этихъ деспотовъ, измѣнниковъ, обманщи.....

Кракъ! я провалился сквозь землю.

Желаніе коварныхъ заговорщицъ исполнилось во всей точности, потому что не только я, — все мужское народонаселеніе Утрехта, съ бургомистромъ, ратманнами, синдиками, комендантомъ и городовыми, провалилось вмѣстѣ со мною. На землѣ, въ Утрехтѣ, остались однѣ женщины.

Революція, въ духъ Г-жи Дюдеванъ, совершилась въ одно мгновеніе и съ неслыханною жестокостью. На цѣломъ пространствѣ славнаго города Утрехта женщина была освобождена отъ власти мужчины.

Я узналъ, послѣ, обстоятельства, которыя здѣсь описываю.

Едва вѣсть объ ужасномъ происшествіи разнеслась по городу между тѣми, которыя не участвовали въ измѣнническомъ заговорѣ, все пришло въ движеніе. «Мужчины провалились сквозь землю! — Какъ? — Неужели? — Посудите! Быть не можетъ!» Изумленіе, смѣхъ, восклицанія, толки, догадки; опять смѣхъ, опять восклицанія: многія еще не могли представить себѣ всей крайности настоящаго положенія. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ положеніи было столько стран-

наго, столько смѣшнаго, столько непонятнаго, что все прочее невольно терялось изъ виду. Представьте только себя: мужчины провалились сквозь землю! «Слышали?—Слышала!—Вставай, Настинька!—Что случилось?—Ты помрешь со смѣха!—Но, моя милая, говори же скорѣе!—Представь себя..... ха, ха, ха!—Ну, мой другъ?—Мужчины провалились сквозь землю.—Ты съ ума сошла?—Ей Богу, клянусь тебѣ! Ни одного мужчины во всемъ городѣ, и, говорятъ, даже во всемъ свѣтѣ!—Ахъ, какъ это странно! Я не вѣрю.—Ха, ха, ха! Спроси маменьку!...» Кухарки въ кухняхъ, горничныя въ дѣвичьихъ, торговки на рынкахъ, магазинщицы въ магазинахъ, кумушки на улицахъ, благовоспитанныя дѣвицы въ своихъ уборныхъ, молодыя дамы въ своихъ гостиныхъ, старухи гдѣ ни попало,—все затолковало, зашумѣло, загудѣло, зашишикала—Мужчины провалились сквозь землю! Прошло утро, прошелъ день, прошелъ вечеръ, — разговоръ все плодовитѣе и плодовитѣе. Наступила ночь,—первая ночь безъ мужчинъ на свѣтѣ: никто, и самая даже заговорщицы, глазъ не смыкаютъ. Загорѣлась заря, блеснуло солнце, запѣли птички, растворились окна: улицы пусты..... Въ модныхъ магазинахъ появились новыя платья *à la мужчины провалились* *сквозь землю*.

«Видѣли?—Видѣла!—Какого цвѣта?—Темно-черныя! Должно быть очень мило!—Я не видала ничего лучше!—Матап, матап, поѣдте скорѣе въ магазинъ!—Нѣкому лошадей заложить, другъ мой. — Поѣдте пѣшномъ!—Какъ скучно! Къ вечеру все раскупятъ. — Мы сегодня должны оставаться безъ обѣда; одолжите вашего повара.—Онъ исчезъ вмѣстѣ съ прочими.—Слышали вы, милая Сашенька?—Что такое?—И повара провалились сквозь землю!—И парикмахеръ?—И высокіе лакеи?—И магазинщики?—И кондитеры?—Всѣ, всѣ, всѣ!—Ха, ха, ха!—Что, вы смѣетесь, безтол-

ковья?—Ахъ, я лишилась супруга!—Ахъ, я потеряла брата!—Ахъ, у меня исчезъ мой женихъ!..... Ахъ!..... Ахъ!..... Ахъ!.....»

И все заплакало.

«Какая нынче мода?—блѣдное лице, на глазахъ нѣсколькослезинокъ, распущенные локоны для дѣвиць, большіе чепцы для дамъ, платья à la мужчины провалились сквозь землю для всѣхъ.—Какъ это вамъ къ лицу, Шарлотта!—Нѣтъ, вы всегда такія добрыя!»

«Нельзя ли выдумать еще чего нибудь? Пожалуйста. Вы такъ изобрѣтательны.—Ахъ, къ чему все это?—Что съ вами, мой ангелъ? — У меня третій день истерика! — У меня спазмы! У меня все изъ рукъ валится!—Я спать не могу? — Мнѣ снятся ужасные сны! — Я не знаю, что дѣлать!—Я зла на цѣлый свѣтъ! — Мнѣ никакъ не хочется одѣваться! Мужчины провалились сквозь землю!»

Между-тѣмъ, мало-по малу все начало приходить въ обыкновенное положеніе. Кухарки замѣнили поваровъ; прачки съѣли на козлы, садовницы пошли обрѣзывать деревья, огородницы отправились копать землю, парикмахерши принялись за щипцы, супруги плотниковъ за топоръ. Съ необходимостью спорить нельзя!

Но, между-тѣмъ, съ каждымъ днемъ лица прелестныхъ обитательницъ Утрехта, — онѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасны, — начали становиться печальнѣе и печальнѣе. Мужчины провалились сквозь землю! Боже мой, для кого же одѣваться? Съ кѣмъ танцовать? Кому нравится? Надъ кѣмъ смѣяться? Для кого быть любезными? Кого водить за носъ? Кому кружить голову? подъ чье крылышко приютиться, потерявъ свои прелести? Къ кому писать билетцы на розовой бумажкѣ? Кому передать первый, дѣвственный поцѣлуй, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе тяготящій на устахъ красавицы? Для кого просиживать до

утра возлѣ отвореннаго окна? Кому сказать — «Милостивый государь, теперь все конечно между нами!» чтобы на другой день съизнова начать то, что вчера было кончено, и покрѣпче пожать руку въ знакъ прощенія? Для кого плестъ снурочикъ, — по приказанію каменъки, или вышивать бумажникъ, — по неотступной просьбѣ старшей сестрицы? Кого смущать красивымъ лорнетомъ на гулянь? На чью руку опереться, садясь въ карету? О комъ думать, когда никто нейдетъ въ голову? Передъ кѣмъ уронить перчатку, чтобы видѣть, скоро ли ее подымутъ? Передъ кѣмъ проговориться нечаянно, что не достали билета на слѣдующій маскарадъ? Съ кѣмъ составить маленькую партію въ вистъ, чтобы имѣть удовольствіе выиграть по праву женскаго пола? Кому приказать принести календарь изъ кабинета или платокъ изъ уборной? Для кого падать въ обморокъ или страдать біеніемъ сердца? Кто станетъ лечить мигрень Турецкими шалями и колотье въ боку Брюссельскими блондами? Кого упрекать отъ скуки въ холодности? Кому отсчитывать нѣжныя супружескія ласки, чтобы какъ-нибудь убить время? Послѣ кого остаться вдовою?..... О ужась! скажите, что вы сдѣлали! Да, теперь нельзя даже надѣяться быть вдовою!..... О женщины, женщины, то есть, о Утрехтскія женщины, какимъ перомъ опишу я всѣ ваши потери и лишенія? Вы ихъ поняли, наконецъ, и глубокая, искренняя, неуладимая печаль распространилась по цѣлому городу Утрехту, и вся природа покрылась трауромъ вкругъ города.

Грустно, неизъяснимо грустновидѣть землю, лишенною сильнѣйшей части души ея, опустѣвшею среди всего своего великолѣпія. Утро безъ зари, заря безъ солнца, солнце безъ прежняго блеска; въ рощахъ одна темнота; въ пѣніи птичекъ одно щебетаніе; среди прелестнаго луга, среди роскошныхъ цвѣ-

товъ тишина и безмолвіе; на гуляньяхъ запыленные деревья; въ поляхъ пустыя дороги; въ городѣ бездушныя стѣны; день унылый, вечеръ пасмурный, ночь тихая, тихая какъ могила. Не слышно ни веселыхъ пѣсень земледѣльца, ни восклицаній ремесленниковъ, возвращающихся съ работы, ни громкаго топота лихой четверни, запущенной искусною рукою усатаго Голландскаго кучера. Вселенная кажется пустынею. Гдѣ-гдѣ мелькнутъ два, три печальныя лица бѣдныхъ затворницъ, отыскивающихъ чего-то въ каждомъ чуланѣ, въ каждой забытой бесѣдкѣ, въ каждомъ полуостертотомъ слѣдѣ ноги; или два три пылающія лица новыхъ кучеровъ въ чепцѣ, отчаянно борющихся съ лошадьми, порывающимися въ разныя стороны. И снова все тихо, и снова все пусто, и снова грустно, — грустно, какъ въ тяжеломъ предчувствіи. Повременамъ слышатся гармоническія звуки фортепіано или арфы, вольются звонкою струею въ струи атмосферь, и тотчасъ же улетятъ погребальною цѣсною, какъ-бы страшась нарушить всеобщій трауръ, какъ-бы чувствуя, что для гармоніи необходима разность чувствъ, понятій и половъ. Повременамъ раздастся рѣзкій споръ двухъ кумудекъ, и, нарушивъ на минуту всеобщее безмолвіе, со стыдомъ скроется въ ахъ пустыхъ стѣнъ, какъ-бы чувствуя, что теперь не объ чемъ и спорить. И снова все тихо, и снова все пусто, и снова грустно, — грустно, какъ по отъѣздѣ любовника.

Но какъ бы то ни было, всѣ мы созданы для жизни, а жизнь — дѣятельность. Законодатель надъ законами, ученый надъ книгами, герой на бивакахъ, старуха за пряслицей, старикъ за мѣшкомъ съ золотомъ, женщина среди своего хозяйства, дѣвущка передъ зеркаломъ, ребенокъ за куклами. Для всякаго своя жизнь, для всякаго своя дѣятельность. Дерево сохнетъ, лишается своихъ соковъ; человекъ умираетъ,

будучи не въ силахъ быть дѣятельнымъ. Точно такъ было и тамъ: женщины, оставшись однѣ, сначала по-сѣбялись, потомъ погоревали, и наконецъ должны были рѣшиться что-нибудь дѣлать. Природа откажетъ намъ во всѣхъ дарахъ своихъ, если мы начнемъ пренебрегать ею.

Обыкновенныя домашнія занятія, какъ я сказалъ уже, скоро начались своимъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что Голландки — ужасныя хозяйки. Но общественная жизнь такъ разнообразна, такъ изобрѣтательна на нужды, такъ плодovitа на необходимости! Хотя и существуетъ у насъ, на Руси, старинная поговорка — «Курица не птица, женщина не человекъ», но это одна острота нашихъ балагуровъ иранрадѣдушекъ, которая отнюдь не прилагается къ славному городу Утрехту, и, по понятіямъ Голландцевъ, женщина точно такой же человекъ какъ мы съ вами. И вотъ, мало-помалу, партія мятежницъ, заговорницъ, уничтожившая мужчинъ, начала покорять себѣ умы и намѣкать о свободѣ женщины, о правахъ женщины, о общественномъ законодательствѣ, о преобразованіи «семейства». Вскорѣ все заговорило другимъ языкомъ. «Прежніе законы писаны мужчинами! Прежніе законы дышатъ тиранствомъ! Прежніе законы обогрены кровью! Мы женщины; для насъ нужны другіе законы. Мы остались однѣ: мы докажемъ, что можемъ жить однѣ! Мы докажемъ, что такое женщина! Долой прежнее рабство! Да здравствуетъ Г-жа Дюдеванъ! О чемъ мы плакали? Чего мы лишились? Какими правами пользовались мы въ ирежнемъ обществѣ? Что у насъ цѣловали ручки, что намъ подавали плащи, что къ намъ относились съ уваженіемъ? Не хотимъ лицемѣрства! Не хотимъ измѣнниковъ, грубіановъ, эгоистовъ! Удостоверимъ, что можемъ управлять самими собою! Мы никогда не были такъ счастливы какъ теперь! Проклятіе всѣмъ мужчинамъ! Не хотимъ

мужчинъ! Мы лучше мужчинъ!.....» И пошло, и пошло.

Ну, а дѣвушки? Боже мой, до дѣвушекъ ли теперь!

Мужчинъ стоитъ рѣшиться, женщинъ только задумать; мужчинъ первый шагъ, женщинъ первая мысль. «Что мы въ самомъ дѣлѣ такое? Долго ли намъ еще оплакивать обманщиковъ и деспотовъ? Завтра же первое засѣданіе. Долой ихъ гнусные законы! Долой мужская аристократія!»

Начались засѣданія.

Первое засѣданіе, — о томъ, въ какихъ платьяхъ собираться. Всѣ женщины, до девяноста двухъ лѣтъ, объявлены молодыми.

На другой день: такъ какъ впередъ не можетъ быть ни дѣвицъ, ни замужнихъ, ни вдовъ, то титулъ «старой дѣвки» отмѣняется навсегда.

На третій: установлена главная цензура на платья.

Черезъ два дня: ходить всѣмъ въ бархатныхъ платьяхъ со шлейфами.

Черезъ два дня: скучно! Предоставить покрой платья на произволъ каждой, съ дозволенія однако жъ главной цензуры.

Черезъ два дня: хотя форма платьевъ и оставлена на произволъ каждой, однако, какъ общественный порядокъ олируется на модъ, то по-крайней-мѣрѣ цвѣтъ долженъ быть у всѣхъ одинаковый.

Черезъ день: свободной женщинъ приличнѣйшій цвѣтъ — бѣлый.

Черезъ день: скучно! Лучше розовый!

Черезъ день: запрещается, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія; всѣмъ женщинамъ, старѣе сорока лѣтъ, употреблять розовый цвѣтъ.

Въ этомъ засѣданіи большинство состояло изъ молодыхъ женщинъ: онѣ-то, сговорившись между собою, опредѣлили этотъ знаменитый законъ, который произвелъ первыя неудовольствія въ свободномъ жен-

скомъ гражданствъ. Всѣ женщины, старѣе сорока лѣтъ, исключенныя интригою изъ розоваго цвѣта, особенно бабушки, вознегодовали на законодательное собраніе и начали отлагаться. «Маменька, сегодня засѣданіе: — Ахъ, мой другъ, я такъ разстроена, что не могу изъ комнаты выйти. Зачѣмъ мнѣ ѣхать туда и слушать эти вздоры! — Бабушка, васъ зовутъ въ засѣданіе. — До засѣданій ли мнѣ, душа моя! Чепца не могу надѣть на голову. Вишь, умницы, хотятъ однѣ ходить въ розовомъ! — Тетушка! давно десять часовъ; развѣ не поведете въ засѣданіе? — Мнѣ уже наскучило ѣздить Богъ-знаетъ зачѣмъ: поѣзжай, ангелъ мой, за меня. — Но, какъ же, тетушка! — Ничего, ничего, поѣзжай! Кричи, что розовый цвѣтъ всеобщій. Госпожа бургомистерша держитъ нашу сторону. — Маменька, васъ непременно требуютъ. — Слишкомъ много умничаютъ! Прикажи сказать, что я нездорова. — Бабинька, за вами прислали во второй разъ! — Хотя бы и въ третій: не поѣду! Нарушаютъ, матушка, основной законъ, которымъ всѣ объявлены равно молодыми. — Тетушка, вамъ приказано сказать, что все разстроится, если вы не пріѣдете. — Мнѣ нужды мало. Какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ. — Маменька, вамъ приказано сказать, что на васъ сердятся. — Слишкомъ много чести; не я начинала. — Какъ же, маменька? — Такъ же другъ мой. Я ни во что болѣе не мѣшаюсь. Да эта аристократія такъ называемыхъ «молодыхъ женщинъ» хуже мужской! Да это неслышанное притѣсненіе! Зависть! злоба! разбой! — Что тутъ долго толковать! «Партія старыхъ дѣвъ, которая въ Утрехтѣ чрезвычайно многочисленна, присоединилась вся къ недовольнымъ, и вдругъ все закричало въ одинъ голосъ: «Зачѣмъ намъ законы? Развѣ мы дѣти, чтобы водить одна другую на помочахъ? Между женщинами нѣтъ государственныхъ преступниковъ! Ненадобно законовъ! Пусть всякая судится домашнимъ судомъ! Какъ вы думаете, ваше

превосходительство? — Что скажетъ госпожа бургомистерша? — Госпожа бургомистерша объявила, что если не отменить этого безбожнаго закона, она распуститъ собраніе. Она съ нами.

Удвигицъ закинуло желаніе возстановить искусства и художества. «О, какъ это будетъ прелестно! — О, какъ это будетъ занимательно! — Рисованіе, живопись, архитектура..... Нѣтъ, нѣтъ, архитектуры не надобно. Пѣніе, музыка, ваяніе..... — Охъ, къ чему ваяніе! Столько пачкотни, столько трудовъ, столько пыли. — Да; это правда! Ненадобно ваянія; ненадобно ни архитектуры, ни ваянія! — На слѣдующій годъ мы сдѣлаемъ выставку. — Какъ это будетъ весело! — На слѣдующій годъ? Зачѣмъ такъ долго откладывать? Я умираю отъ нетерпѣнія! Нельзя ли черезъ мѣсяцъ? — Ни въ чемъ не успѣемъ приготовиться! Какъ-нибудь, чтобы только поскорѣе! — Ну, черезъ полтора мѣсяца! — Я согласна. Черезъ полтора мѣсяца! — Черезъ полтора мѣсяца! — Какія же награды положимъ мы достойнымъ? — Розовый вѣнокъ. Потомъ? — Розовую ленту. Потомъ? — Десять фунтовъ конфетовъ! — О, какъ это будетъ весело! Какъ это будетъ прелестно! — Анетта, одолжи мнѣ на недѣлю своихъ красокъ. Ты что приготовишь, Софія? — Я буду пѣть. А ты? — Я сочиню контрадансъ. — Кому же розовой вѣнокъ? — Достойной! — Я бѣгу сейчасъ рисовать ландшафтъ, который позади нашего дома. — Ты чѣмъ хочешь заниматься, Аспазія? — Послѣ скажу. — Скажи теперь, другъ мой! Скажи, моя милая! Какая скрытная!.....»

Молодые женщины вздумали возобновить науки. Со всѣхъ сторонъ начались приготовленія. Знаете, какъ готовятъ женщины! — Съ чего начать? Какими науками заниматься въ особенности? — Всѣми, всѣми, исключая Исторіи, исключая Математики, исключая Естественныхъ Наукъ, исключая Медицины, исключая Астрономіи, исключая Хронологіи, исклю-

чая Геогнозін, исключая еще двухъ, трехъ наукъ, для которыхъ нужно убить столько времени, всѣми остальными! — Ахъ, какъ хорошо писать романы! Madame Aline, отъ чего вы не напишете ни одного романа? — Не могу придумать завязки. — Пожалуйста, только безъ кровопролитій. — Моя кузина вчера кончила драму. — Подъ какимъ названіемъ? — Еще безъ названія. Мы отложили это до завтра. — Какъ жаль, что этой драмы нельзя будетъ видѣть на сценѣ! — Почему же? — Гдѣ теперь набрать актеровъ? — Дѣло обойдется и безъ нихъ! Моя кузина вмѣсто мужчинъ дѣйствующими лицами сдѣлала собачекъ. — Неужели? — Ахъ, какъ это ново! Возьмите моего Жужу! — И моего Миши! — И моего Фигаро! — Я начала сегодня повѣсть. Чѣмъ оканчивается? — Какъ вы думаете, чѣмъ кончить? — Пожалуйста, посчастливьѣ! — Да, да, посчастливьѣ! Новенькаго! — Новенькаго! Что-нибудь, только новенькаго! — Мы съ вами одного вкуса. Ахъ, какъ прекрасна наука писать новыя драмы, новыя романы и новыя повѣсти!»

Время выставки приближается. Анетта встрѣчается съ Аспазіей. «Что твой ландафть? — А твой портретъ! — Я отложила на нѣсколько времени. — Я также. — Скучно! — Досадно! — Вышьемъ лучше что-нибудь по канвъ. О рукодѣльяхъ не поминали ни слова. — А рисованье развѣ не то же рукодѣлье! — Ты не слыхала, какъ идетъ Жоржетинъ контрадансъ? — Давно забыть. А Софія? — Софія все поетъ. — Такъ что же наша выставка? — Всѣ отказываются! Можно ли? — Но, знаешь ли, изъ Парижа новыя ленты привезены? — Гдѣ? — Гдѣ? И все полетѣло.

Между-тѣмъ какъ это происходило, двѣ или три почтенныя старушки, поддерживаемыя неутомимою дѣятельностью старыхъ дѣвъ, овладѣли общественнымъ мнѣніемъ, прибрали въ руки бразды правленія и начали судить виновныхъ и невиновныхъ «домаш-

нимъ судомъ». Пошла потѣха. Вы знаете этотъ родъ судопроизводства? Кому изъ насъ не случилось быть въ тискахъ его. О вы, вздумавшіе пренебрегать священные обычаи свѣта; вы, опоздавшіе въ новый годъ пятью минутами съ поздравленіемъ; вы, бросившіе невзначай лишнее слово въ разговоръ съ тетушкою своего пріятели; вы, забывшіе комплиментъ свой въ столкѣ; вы, надѣвавшіе когда-нибудь шаль выше нежели слѣдуетъ; вы, полускромные, полунасмѣшливые, полузастѣнчивые; вы близорукіе, вспльчивые, разсѣянные, веселые, расточительные, скупые, идите всѣ сюда и подписывайте имена свои! привѣтствую васъ, братья по преступленіямъ, преступники по суду грозныхъ судей нашихъ! Но, вы скажете—увы, сколько лишились эти суди въ Утрехтѣ съ тѣхъ поръ, какъ мужчины тамъ исчезли! Сколько двусмысленностей, сколько гнусныхъ остротъ, сколько невѣжливыхъ поклоновъ исчезло съ ними!..... А румяныя щечки, а полурастегнувшійся башмачекъ, а не у мѣста приколотый бантикъ, а старомодная прическа, а недоварившійся у сосѣдки супъ, а опоздавшая къ обѣду кузина, а заплаканные глазки, а бывшія законодательныя за сѣданія!!! Аристократія молодыхъ взлетѣла на воздухъ, и весь женскій міръ принотился подъ деспотическое крыло своихъ сѣдыхъ правительницъ.

Наступило въ Утрехтѣ время грозное, время ужасное, время, какого не знавать ни вамъ, ни мнѣ, ни нашимъ правнукамъ; время, налегшее свинцовою тучею на все живущее, на все чувствующее, на все размышляющее; время, похоронившее подъ своими ледяными слоями послѣдніе остатки свободы человѣчества,—свободы воли, пощаженной и самимъ демономъ въ Еввѣ, и самимъ Нерономъ въ Сенекѣ. Наступило время «домашняго законодательства»! Восьмидесятилѣтняя, полумертвая, полусгнившая старуха говорила слово, и это слово становилось «правиломъ»; и все

должно было говорить, какъ говорила эта старуха; и все должно было размышлять, какъ размышляла эта старуха; и все должно было чувствовать, какъ чувствовала эта старуха, которая ничего не чувствовала.

Горько было, говорить, видѣть едва распускающіяся розы, еще незнакомыя съ прелестями весны и лѣта, еще неуспѣвшія взглянуть ни на голубое небо, ни на красное солнце, ни на таинственную природу; бѣлыя, гордые лиліи, спорящія красотою съ самыми розами, скромныя фіалки и незабудочки, покойно доцвѣтающія весну свою, — горько было видѣть все это гибнущимъ подъ тяжелою, смертоносною тучею! И никто не шелъ на помощь; ни чей отрадный голосъ не раздавался посреди всеобщей пустыни. Все сжалось, опустило въ трепетъ листочки, приклонилось печально другъ къ другу, и безмолвно ожидаетъ рѣшенія грустной участи, — всеобщей кончины.

Все въ природѣ, и даже самая природа имѣютъ свои границы, свои степени; все подлежитъ законамъ необходимости. Домашнее законодательство безгранично: домашнее законодательство — вѣчно-движущаяся машина. Пока существуютъ старухи и общество, домашнее законодательство безпредѣльно. Судя и пересуживая своихъ, невольно коснешься и до чужаго; а молва ловить, а молва переносить; молва имѣетъ болѣе подписчиковъ, нежели самый Penny Magazine.

Въ одной части славнаго города Утрехта одна знатная дама въ праздникъ надѣла будничную шляпку; въ другой части двѣ знатныя дамы сказали, что она не умѣетъ одѣваться. Въ первой части всѣ закричали, что эти двѣ знатныя дамы слишкомъ много узнаютъ скоро; въ послѣдней части всѣ закричали, что это явная обида цѣлому обществу. Первая часть объявила, что съ этихъ поръ рѣшительно прекращается всякое сообщеніе съ послѣднею; послѣдняя часть объявила, что это еще съ незапамятныхъ временъ ея первое же-

ланіе. Пограничныя части города затворили ворота и выставили часовыхъ. Едва извѣстіе объ этомъ разнеслось по предмѣстьямъ, предмѣстья немедленно приняли въ этомъ участіе. Женщина создана для крайностей. Держать средину въ какомъ-нибудь спорѣ для нея тоже, что для сороки быть безмолвною среди всеобщаго щебетанія. Утрехтъ раздѣлился на двѣ стороны.

Подчиненныя невольно принимаютъ участіе во всемъ, что касается до ихъ правительницъ; правительницы невольно принимаютъ участіе во всемъ, что касается до ихъ подчиненныхъ. Разрывъ между господами разрываетъ всѣ тѣсныя связи и между ихъ служанками; обида, нанесенная служанкѣ, есть уже обида и госпожѣ ея. При всеобщемъ раздѣленіи Утрехта истина эта обнаружилась еще яснѣе. Во всѣхъ граничащихъ съ собою частяхъ города, которыя пристали къ той или другой сторонѣ, ни одна кухарка не хотѣла уже выливать иначе помоевъ какъ на непріятельскую землю; ни одна горничная — иначе выбросить сора какъ на непріятельскую землю. Все, что находили нечистаго, обношеннаго, сквернаго, гадкаго, летѣло на непріятельскую землю. Часовыя удвоились. Насмѣшки, колкости, злоупотребленія тоже. Всѣ видятъ нужду въ переговорахъ; но о томъ никто и слышать не хочетъ. Дѣло доходитъ до насилія. Противъ силы одинъ отпоръ, — сила. Утрехтъ превращается въ ужаснѣйшій вулканъ, ежеминутно готовый брызнуть на всѣ стороны огнемъ, камнями, дымомъ, пепломъ и лавою.

Сильные порывы вѣтра, взрывая морскія волны, открываютъ подводные камни и утесы; сильныя потрясенія души и сердца обнаруживаютъ сокровеннѣйшія тайны челоуѣка. Голосъ всеобщаго возстанія, подобно бурной рѣкѣ, разлился по городу. Все полетѣло вслѣдъ за первою мыслью; гроза заре-

вѣла во всей силѣ. «Довольно мы терпѣли! Онѣ думаютъ, что безъ мужчинъ не можемъ отразить ихъ дерзостей! Мы не дѣти! Забирать всѣхъ непріятельницъ! Тюрьмы пусты; будетъ мѣста для всѣхъ.» Это говорили женщины въ Утрехтъ. Это говорили тѣ самыя женщины, которыя за нѣсколько времени называли законы мужчинъ кровавыми, и которыя при видѣ раздавленной мухи падали въ обморокъ.

Бѣднѣе стражей усилилось, число военнопленныхъ увеличилось. Начали вспыхивать небольшія схватки; оказалась необходимость въ генеральномъ сраженіи. Все, что не имѣло сильнаго духа, бѣжало; все, что не могло бѣжать, спряталось; остались одни герои.

«Моя милая, ты идешь на сраженіе?—Бабушка приказала непременно тамъ присутствовать. — Ахъ, это должно быть престашино?—Фи, мой другъ! ни одного мужчины не будетъ. Ты не видала еще формы мундировъ? — Развѣ стануть сражаться въ мундирахъ?— А развѣ можно сражаться безъ мундировъ?—Какимъ же образомъ мы станемъ сражаться?—Я спрячусь гдѣнибудь за дерево. — Фи, мой другъ! намъ должно быть примѣромъ.— А ежели убьютъ!—Какъ это можно! Бабушка говоритъ, что до смерти сражаться не ступать. — Я слышала, даже хотять стрѣлять изъ пушекъ. — О, нѣтъ! Онѣ давно всѣ заржавѣли.— Ихъ смажутъ Прованскимъ масломъ! — Какъ это странно, мы станемъ сражаться!—Что же? Развѣ женщины не сражались прежде, да еще съ мужчинами.—По-крайней-мѣръ не всѣ! — Кузина ни какъ не хочетъ! — Моя те-тушка также. Бабушка на нихъ за это очень сердится.—Послѣ сраженія будетъ балъ въ честь побѣдителей. — Съ кѣмъ же мы танцовать станемъ?— Другъ съ другомъ. — Какъ скучно! — Моя горничная пропала съ самаго утра. Онѣ всѣ на площади для полученія оружія.—Сколько времени будетъ продолжаться сраженіе? — Я думаю, пока всѣ устанутъ. — И потомъ за-

ключать миръ? — Безъ-сомнѣнiя! — Не забудь взять съ собою бутылочку о-де-колоня на случай! Я отъ тебя не отстану»:

Медленно, печально загоралась на востокъ зари, никогда небывалаго на землѣ утра; медленно, печально всходило золотое солнце, и первые лучи его съ изумленiемъ остановились на копьяхъ женскаго воинства. Птицы во всей Голландiи оставили птенцовъ своихъ, пчелы — душистые свои соты, бабочки — цвѣты свои: всё летѣло смотрѣть никогда невиданное сраженiе; вся природа устремила глаза на одно изъ чудесъ своихъ.

Подобно двумъ разноцвѣтнымъ, живымъ, усѣяннѣмъ блесками гирляндамъ, растянулось воинство по зеленой равнинѣ; подобно ропоту волнъ шумѣлъ никогда неумолкающей его говоръ. Гранула вѣстовая пушка, и ряды въ безпорядкѣ двинулись впередъ, кромѣ перепадавшихъ отъ испуга въ обморокъ.

Въ первыхъ рядахъ торговки; вслѣдъ за ними провинциальныя дамы; по сторонамъ, вооруженныя ножами кухарки и прачки; въ центрѣ — трактирщицы; немного позади — всегда веселыя горничныя; въ аррьергардѣ дрожащей beau-monde всѣхъ девяти частей Утрехта, — для примѣра.

Гдѣ мнѣ взять перо Гомерова
 Съ звонкой лирой Аполлоновой,
 Чтобы вамъ теперь описывать
 Безпримѣрное сраженiе?
 Не увильмъ пѣснью горленки
 Пѣть победы Ахиллесовы;
 Не пустывному отшельнику
 Спорить съ кликами народными.
 Помогите, музы Греции,
 Ты, живая муза Байрона!
 Отлетите на мгновенiе
 Отъ Парнаса громовоснаго;
 Принесите мнѣ пустывнику
 Стрѣлы грозныя Юпитера,

Краснорѣчіе Меркурія!
 Страшно плыть въ ладѣ безъ паруса,
 Безъ кормила и безъ кормчаго;
 Безразсудно въ часъ полуночи
 Въ путь пускаются одинокому.
 Не летятъ ни музы Греціи,
 Ни живая муза Байрона;
 Нѣтъ, не мнѣ, не мнѣ описывать
 Безпримѣрное сраженіе!

Ни звучнаго ура, ни ободрительнаго — въ штыки!
 Новыя слова, новыя восклицанія. Оружіе въ сторо-
 ну, руки впередъ, и — за волосы!.....

«Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!»

Vau-ronde, въ смущеніи, на право кругомъ, и на-
 задъ; горничныя съ хохотомъ въ разныя стороны.

Солнце взошло совершенно; все ожило новою жиз-
 нію, — сраженіе продолжается. Солнце уже высоко;
 тепло, жарко, душно; все ищетъ убѣжища подъ стѣ-
 нію прохлады, — сраженіе продолжается. Скоро ве-
 черъ; утомленная природа съ нетерпѣніемъ ждетъ
 снѣжи небесныхъ стражей, все смотритъ на западъ,
 — сраженіе продолжается. Довольно! довольно! Зав-
 тра можно начать снова! Давно уже вечеръ! Роса, сы-
 ро, простуда, лихорадки, горячки!..... Сраженіе про-
 должается.

«Что намъ теперь съ ними дѣлать? — Я говорила, не
 стоило начинать! — Я говорила, этому и конца не бу-
 детъ! — Я говорила, все это напрасно! — Я говорила,
 лучше было дома сидѣть! — Я говорила..... Я гово-
 рила..... Я говорила..... — Помилуйте, не вы ли
 первая? — Я! Избави, Боже, меня отъ этого! Вы нача-
 ли. — Вы! Нѣтъ, вы! — Я никогда не начинаю первая!
 — Вы начали. — Я и не думала! — Вы! — Нѣтъ, вы!
 Помните хорошенько! Вы сказали..... — Развѣ вы!
 — Я? До того ли мнѣ теперь! Вы, сударыня, вы! — Нѣтъ,
 вы? — Маменька, вступитесь за меня! Я смертельно
 обижена! Я не могу долѣе оставаться здѣсь! Вы, су-

дарыня, забываете съ кѣмъ говорите! Оставьте меня въ покоѣ! — Тетушка, развѣ вы не слышите, какъ смѣются надъ вами! — Господи, Боже мой! невозможно жить болѣе на свѣтѣ! — О мой Карлъ! — О мой Фридрихъ! — О, мой Эрнестъ! — О, мой Юлій! — О, друзья мои, друзья мои! Помните ли, какъ мы были всегда покойны? Съ какимъ почтеніемъ всегда къ намъ относились? Какъ мы весело жили? Какъ искусно умѣли намъ угождать всѣ? Какъ пріятно было въ обществахъ? — Помните? — Помните? — Помните?.....»

«Надобно непременно сочинить мужчину!»

Я вздрогнулъ, лежа подъ землею.

«Новая мысль! — Прекрасная мысль! — Сочинить мужчину! — Ахъ, нельзя ли поскорѣе? Слышала ли ты Лизетта? Хотятъ сочинить мужчину. — Неужели? Ахъ, какъ это будетъ весело! Мы сами сочинимъ мужчину! — Я сочиню жениха себѣ! — И я! — Да и я! — И я! — Ну, такъ и я! — Фу, мои милыя, что за глупости! Они должны искать насъ. — У меня будетъ военный! — У меня статскій! — У меня артистъ! — Что толку въ артистахъ: лучше военный! — Военнаго! — Военнаго! — Гусара! — Улана! — Драгуна! — Фи, какой вкусъ! что можетъ быть лучше камеръ-юнкера? — У меня будетъ поэтъ! — Нѣтъ, нѣтъ, — поэты слишкомъ дерзки!»

«Ахъ, мои милыя, намъ не позволяютъ и думать о мужчинахъ! — Зачѣмъ? — Мы, говорятъ, дѣвицы. — Да вѣдь всѣ титулы уничтожены? — Уничтожены, а когда дѣло коснется до мужчинъ, такъ тутъ является новая аристократія; аристократія замужнихъ шенщинъ, которыя говорятъ, что всѣ мужчины принадлежать однимъ имъ, по какой-то привилегіи. — Какъ скучно! Что жъ теперь будетъ? — Женщины берутъ все на себя. Онѣ говорятъ, что лучше насъ знаютъ мужчинъ, и по ихъ мужчины должны быть точ-

но такіе, какіе бываютъ въ романахъ. — Да, да! онѣ говорятъ, что мужчины ихъ будутъ отличные, а вдовы идутъ къ нимъ въ совѣтницы и хотятъ ихъ руководствовать. — Какъ весело быть женщиной! Онѣ могутъ все дѣлать! — Я сочиню себѣ мужчину тихонько! — А если увидятъ? — Кому увидѣть? — Пойдите, пойдите!»

И пошли.

«Съ чего начать? — Съ прически! — Какую дать ему прическу? — А *la corne d'abondance!* — Скверно! — Скверно! Гладкую! — Гладкую! — А *la corne d'abondance!* — Fi! Непременно, *à la corne d'abondance!* Таковъ духъ времени. Надобно во всемъ имѣть въ виду духъ времени! — Начнемте! — Начнемте!»

И начали.

Можете представить!

Во время этихъ безпорядковъ, заговорщицы, бывшія причиною всѣхъ несчастій, по недоверчивости къ усеву затѣянной фабрикаціи, или испугавшись бѣдствія, причиненнаго своей легкомысленностью, вели тайныя переговоры съ своей волшебницею о возвращеніи городу прежнихъ мужчинъ. Дѣло встрѣчало сильныя затрудненія со стороны бургомистерши и нѣсколькихъ другихъ дамъ, которыя никакъ не соглашались на отдачу имъ тѣхъ самыхъ мужей, и вдовы, по усердію къ пользамъ своего пола, ревностно отсовѣтывали эту мѣру, утверждая, что въ прежнихъ мужчинахъ были разные недостатки, несовершенства, неполноты, поврежденія, требующія предварительной починки. Однако жъ дѣло сладилось. Не знаю, какимъ образомъ, — только 29 ноября, о самой полуночи мы почувствовали сильный ударъ въ землю, которою были придавлены, и разомъ выскочили всѣ наружу. Я очутился на той же кровати, съ которой за два мѣсяца съ половиной провалился подъ землю.

Что мы дѣлали подѣ землею? Мы спали. Мы были заколдованы, и находились все это время въ странномъ, неразгаданомъ оцѣпенѣніи.

Бургомистръ сорвалъ съ себя парикъ съ отчаянія, увидѣвъ весь славный городъ Утрехтъ вверхъ-ногами. Ноября 30, поутру, собрался въ ратушѣ Большой Совѣтъ, и положено было произвести формальное слѣдствіе. Бургомистръ былъ увѣренъ, что это работа Бельгійцевъ.

Въ тотъ же день, слѣдствіе началось съ торжественными обрядами; но къ вечеру бургомистръ внезапно закрылъ комиссію. Оказалось, что его супруга и супруги его сочленовъ были главными зачинщицами всего безпорядка. Съ той минуты признали необходимымъ скорѣе замѣть дѣло, и городовое начальство приняло всѣ нужныя мѣры, чтобы извѣстіе объ этой домашней революціи не распространялось за черту города. Съ самыхъ болтливыхъ, въ томъ числѣ и съ меня, взяли подписки.

Нѣтъ надежды, чтобы это странное событіе было когда-либо описано въ Утрехтскихъ журналахъ, потому что жены тамошнихъ журналистовъ были самыя отчаянныя мятежницы.

А. ТИМОФЕЕВЪ.

—

Т Е О Р І Я

О Б Р А З О В А Н Н О Й Б Е С Ъ Д Ы .

У

=

Я очень часто слышу—«У насъ еще нѣтъ бесѣды!» Какъ это жаль! Научите же насъ бесѣдовать, вы, которые говорите, что у насъ нѣтъ бесѣды.

Бесѣда есть искусство — вмѣшиваться языкомъ въ чужія дѣла. Какъ всякое искусство, она имѣетъ свои правила, которыя надобно сперва изложить, ежели хотите, чтобы у насъ тоже завелась бесѣда. Я вижу, что изъ ревности къ благу отечества и пользамъ народной образованности, принужденъ буду самъ написать риторикъ для употребленія желающихъ правильно разсуждать о томъ, что до нихъ вовсе не касается.

Есть разныя бесѣды. Одна изъ нихъ, самая естественная и самая полезная, называется—глупая бесѣда. Это царица бесѣдъ, бесѣда безъ притязаній, чистосердечная, добрая, откровенная, очень похожая на дружбу, хотя большею частію происходитъ между людьми совершенно чуждыми другъ другу. Въ ней участвуютъ всѣ вообще; она обработана наилучшимъ образомъ, доведена до совершенства на цѣломъ земномъ шарѣ, и одна заключаетъ въ себѣ источникъ основательнаго знанія: только изъ этой бесѣды вы можете составить себѣ полную и хорошую статистику недостатковъ, пороковъ, средствъ и глупостей сосѣдовъ и пріятелей.

Второй родъ бесѣды основанъ на зависти, и занимается только чистою и прикладною клеветою. Это бесѣда лакеевъ и мелкихъ литераторовъ.

Третій родъ—бесѣда поучительная. Она теперь вышла изъ употребленія, но въ прежнія времена при ней очень хорошо спалось.

*

Бесѣда между дѣловыми и любовниками не называется бесѣдою, но методою взаимнаго надуванія. Притомъ, она производится по угламъ.

Наконецъ послѣдній и самый утонченный родъ бесѣды—бесѣда изящная, или образованная. Она разсуждаетъ ни объ чемъ и ни о комъ. Это верхъ искусства.

Когда народъ доходить до той степени умственнаго совершенства, что можетъ по цѣлымъ суткамъ говорить умно ни объ чемъ и ни о комъ, тогда только онъ достоинъ имени истинно образованнаго народа.

Мы, Русскіе, можемъ безъ преувеличенія сказать о себѣ, что, образуясь да образуясь, уже достигли половины этого совершенства: мы уже очень хорошо и плавно разговариваемъ ни объ чемъ, и только не знаемъ какъ сдѣлать, чтобы собравшись вмѣстѣ, не говорить о комъ-нибудь.

А въ этомъ вся сила!

Объ чемъ же говорить, когда вы запрещаете разговоръ окомъ-нибудь?..... Какъ объ чемъ! Говорите каждый о себѣ. Искусство образованной, или изящной бесѣды состоитъ именно въ томъ, чтобы каждый говорилъ о себѣ, но такъ, чтобы другіе этого не примѣчали.

Я очень желалъ бы растолковать вамъ, какъ это дѣлается, и изложить здѣсь полную теорію образованной бесѣды, но боюсь, что многіе не поймутъ меня. Это предметъ очень отвлеченный и тѣсно связанный съ челоѵечествомъ, обществомъ, нравами, идеями и другими доселѣ очень темными задачами,—даже съ самоваромъ, котораго тоже у насъ никто еще не понимаетъ. Для этого надобно шачать издалека. Надобно, во-первыхъ, найти центръ нравовъ. Я, не хвастая, нашелъ его.

Какъ долго я искалъ его, о томъ нечего и говорить. Что подало мнѣ поводъ искать? Это другой вопросъ.

Все въ мірѣ имѣетъ свой центръ : я былъ увѣренъ что и въ нынѣшнихъ нашихъ нравахъ долженъ быть пунктъ, полюсъ, средоточіе, около котораго они движутся, текутъ, обращаются, описываютъ свою годовичную орбиту, выступивъ изъ главной точки поклона въ Новый годъ и пролетая чрезъ зимніе балы и маскарады, черезъ канцелярш и масляницу, черезъ Свѣтлую недѣлю, гулянья и дачи, черезъ осенніе вечера и вечеринки, доколь не возвратятся опять къ главной точкѣ поклона въ Новый годъ, изъ которой вышли, съ награжденіемъ, или безъ награжденія. Периодическое возобновленіе однихъ и тѣхъ же явленій въ нашихъ нравахъ всегда заставляло меня думать, что они слѣдуютъ геометрическимъ правиламъ круговращенія: но гдѣ центръ этого круга? Взявъ циркуль въ руки, вы легко его отыщете. Помощію этого прекраснаго орудія, вы тотчасъ откроете, что центръ нравовъ находится гдѣ-то въ вечернемъ ихъ отдѣленіи, въ сумеркахъ. Ставъ одну ножку циркуля попеременно на одной изъ двухъ примѣчательнѣйшихъ точекъ орбиты, напримѣръ, на поклонѣ, или награжденіи въ Новый годъ, и на поклонѣ, или награжденіи въ Свѣтлое воскресенье, — это точки равенства нашихъ нравовъ, — и чертя другою ножкою дуги по поверхности времени, заключеннаго въ орбиту, вы примѣчаете, что эти дуги пересѣкаются въ вечернихъ часахъ, болѣе или менѣе. И дѣйствительно: это выводится и разсужденіемъ. Поутру нѣтъ нравовъ, — есть только дѣла и заботы. Кофе, супружеская ссора послѣ кофе, потомъ завтракъ, прогулка, посвященіе магазиновъ, обѣдъ, — тоже не нравы, а просто обычай, приготовленія къ нравамъ, которые собственно начинаются при свѣтахъ, какъ скоро начнется пищевареніе. Прошу замѣтить, что я нѣ смѣшиваю нравовъ съ обычаями и не придаю имъ имени ни привычекъ, ни модъ, ни господствующимъ мнѣніямъ, такъ, что если когда

сочиню романъ, въ которомъ будетъ описано, какъ люди сидятъ, лежатъ, ходятъ, ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, или на чемъ они сидятъ, въ чемъ ходятъ, куда и зачѣмъ ѣдятъ, что ѣдятъ и сколько пьютъ, тоназову его только статистикою обычаевъ, а не правоописательнымъ романомъ. Это мой кавыкъ, — потому что правами какого-нибудь народа или вѣка почитаю я тотъ особенный, тонкій, летучій какъ улыбка, отвлеченный какъ Я, отпечатокъ эпохи на человѣческихъ страстяхъ, который сообщаетъ имъ характеръ и физиономію, отличную отъ чертъ, отъ профили тѣхъ же страстей у другаго народа и въ другое время; или, говоря какъ можно яснѣе, тотъ отличительный, самобытный образъ, по которому въ данномъ народѣ и вѣкѣ дѣйствуютъ умъ и сердце, когда народу хочется ѣсть и пить, а еще болѣе, когда онъ наѣстся и напьется. Если это не ясно, такъ ужъ я невиноватъ!

Даже самый центръ нравовъ можетъ заключаться въ одномъ какомъ-нибудь обычаѣ, около котораго они вертятся какъ планеты около солнца; но и тутъ обычая не слѣдуетъ принимать за нравъ.

Мы теперь ищемъ этого центра. Зная уже, что центръ нашихъ нравовъ скрывается гдѣ-то въ вечернихъ часахъ, мы въ правѣ заключить, что онъ находится въ которомъ-нибудь изъ обычаевъ, присвоенныхъ этому времени. Ищите же его. Я искалъ его всюду, — въ уборной, пока не подадутъ свѣчь, — на карточномъ столикѣ, — даже подъ столикомъ, — но тутъ его не было, хотя всѣ эти точки уже очень близки къ нему и образуютъ вкругъ него родъ Малой Медвѣдицы. Наконецъ я открылъ его: центръ нынѣшнихъ нашихъ нравовъ — въ самоварѣ. Этотъ дивный сосудъ — настоящее средоточіе цѣлой ихъ системы, которая тяготеетъ на него со всѣхъ своихъ точекъ; въ немъ соединяются всѣ ея радіусы.

Это открытіе стоитъ всякаго другаго!

Обычай, котораго самоваръ составляетъ ядро и душу, занявъ мѣсто въ самой серединѣ нравовъ нашего вѣка, и привлекаетъ къ себѣ ихъ частицы съ цѣлою суточною жизнью чловѣка. Вокругъ него движется особый мѣръ, который назову я мѣромъ самоварнымъ, — мѣръ удивительный, странный, разнообразный, обширный какъ весь нашъ бытъ; мѣръ не менѣе любознательный міра звѣзднаго, міра насѣкомыхъ, міра Славянскаго, міра умозрительнаго, и несравненно любознательнѣе міра Индо-Германскаго. Мы, въ нашемъ XIX вѣкѣ, весь день живемъ только для того, чтобъ ввечеру собраться вокругъ самовара, какъ въ минувшемъ вѣкѣ люди жили только для ужина, и сюда-то каждый приноситъ самого себя, чтобъ представлять свой вѣкъ по-своему, — а итогъ всѣхъ этихъ представлений есть выраженіе нравовъ эпохи. Чтобъ постигнуть наши нравы, прежде всего надобно понять самоваръ, — его положеніе въ обществѣ, — его важность и вліяніе, — его свойство отражать на своей зеркальной поверхности истинную нравственную физиономію каждаго. — Теперь размышляйте!... какъ говаривалъ Фихте своимъ слушателямъ. Постигните хорошо это свойство самовара: въ немъ заключается основаніе всей теоріи образованной бесѣды.

Однимъ словомъ, чтобъ получить настоящій высшій взглядъ на наши нравы, съ точки, дозволяющей окинуть все ихъ пространство, необходимо нужно сѣсть на трубу самовара въ ту минуту, когда онъ кипитъ на столѣ передъ диваномъ и посреди комнаты. Рекомендуемъ это мѣсто сочинителямъ нравоописательныхъ романовъ, какъ чрезвычайно удобное для тонкихъ наблюдений.

Многіе будутъ оспаривать мое толкованіе самовара, но оспаривать можно все на свѣтъ: директоръ Вѣвской обсерваторіи оспариваетъ систему Коперника! Я отнюдь не сомнѣваюсь, что самоваръ, или

обычай кушать чай ввечеру, есть единый центр наших нравовъ, и слѣдственно, единое зеркало, въ которомъ можно видѣть нравственный профиль каждаго. Утренній самоваръ не имѣетъ того значенія: многутру многіе кушаютъ кофе и шоколатъ; другіе, болѣе приближенныя къ природѣ, менѣе испорченныя, довольствуются грогомъ, наливками, даже водкою; и вообще утренній самоваръ, — самоваръ въ халатѣ и туфляхъ, самоваръ въ чепцѣ (къ, непричесанный, неумытый, не представляетъ ничего общественнаго, не отражаетъ ни какой страсти. Вечерній — другое дѣло! Тогда въ самоварѣ кипятъ мысли, страсти, самолюбія, надежды, опасенія и пользы всего общества. Тогда каждый старается выказать чѣмъ-нибудь передъ самоваромъ свое отношеніе къ обществу, нарисоваться въ своемъ подлинномъ видѣ, во всей своей важности. Тогда..... Словомъ, тогда все общество заключается въ своемъ самоварѣ.

Вы видите, что это ведетъ прямо къ основному началу образованной бесѣды, въ которой каждый долженъ говорить о себѣ.

Мы говорили о обществѣ.

И что такое общество! Люди? Ба, какіе люди! Общество есть собраніе индивидуальныхъ идей данной эпохи. Люди состоятъ изъ лицъ; лице состоитъ всегда изъ своей идеи. Каждый человекъ выражаетъ собою только одну какую-нибудь идею, которой онъ служитъ простою оболочкою, и которой на известное время отдаетъ на прокатъ свою голову, свои глаза, свои уши, свой языкъ, руки, ноги, все тѣло; онъ ея рабъ и орудіе; онъ твердь этой идеи; около нея вращаются его способности, мысли, чувства и онъ самъ, всѣмъ своимъ нравственнымъ бытомъ; въ ней изсякаетъ весь онъ, когда она расширяется, и изъ нея выходитъ для общества его характеристика.

чскій образъ при ея сжиманіи. Въ обществѣ собственно нѣтъ человека: человекъ общественный есть всегда какая-нибудь воищенная идея. И когда вы видите обломокъ общества, обогнутый дугою вокругъ какого нибудь самовара, не думайте, чтобы эти фигуры, которыя съ чашками чаю сидятъ на стульяхъ, были люди: съ чашками чаю сидятъ всѣ идеи.

Эти идеи мало-по-малу начинаютъ бродить въ головахъ, и вскоре устанавливается между ними соперничество, правильная борьба, сраженіе по всемъ правиламъ стратегіи. Каждая изъ нихъ старается вылезти наружу, пробить себѣ дорогу, очистить кругомъ себя поле; каждая подаетъ своей сосѣдкѣ дружескую руку, чтобы помочь ей развернуться, и между-тѣмъ потихоньку подставляетъ ей ногу, чтобы ее опрокинуть и самой занять ея мѣсто, и все безъ изыятія болтается, чтобы другія не угадали ея плана. Это и есть образованная бесѣда. Нѣтъ ничего любовищнѣе, какъ наблюдать съ трубы самовара эту игру вклященныхъ идей, и хитрости, которыя употребляютъ онѣ, чтобы овладѣть самоварнымъ поприщемъ. Но я вижу, что начинаю говорить очень отвлеченно, и что вы уже меня не понимаете. Я объясню это на примѣръ.

Несправедливо утверждаютъ наши пессимисты, будто у насъ вовсе нѣтъ изыдной бесѣды. Я сто разъ бывалъ въ обществахъ, въ которыхъ все мы говорили очень умно весь вечеръ, и ровно ничего не сказали. Вотъ, напримеръ, вчера, у моего почтеннаго пріятеля Павла Аполлоновича. Въ его самоваръ вливалось сорокъ восемь чашекъ воды: доказательство, что мой пріятель не пустой человекъ, и нѣветъ въсь въ обществѣ. Самоваръ у него ставятъ всегда на столъ передъ диваномъ. На диванѣ, сидитъ всегда миссъ Дженни, розовая Англичаночка, и тоненькими Англійскими ручками полощетъ чашки. Она сидѣла

тамъ и вчера. Подлѣ нея сидѣла Катерина Павловна; подлѣ Катерины Павловны Софія Николаевна; подлѣ Софіи Николаевны Каролина Егоровна, — далѣ Иванъ Ивановичъ. Возлѣ него Петръ Петровичъ; рядомъ съ нимъ Евгений Васильевичъ; тутъ Илья Сергѣевичъ и Сергѣй Ильичъ; тамъ Федоръ Тимоѣевичъ и Тимоѣей Алексѣевичъ, — а здѣсь я, Павелъ Аполлоновичъ и какой-то господинъ въ очкахъ.

У Павла Аполлоновича есть идея, что онъ тайный совѣтникъ: вы никакъ ея не вытолкаете изъ него; это основаніе его ума и мѣра, къ которой онъ приводитъ людей и вещи. Она вчера прекрасно отражалась въ его самоварѣ. Идея Федора Тимоѣевича — большой шлемъ: онъ, когда размышляетъ, размышляетъ только объ этомъ; соображеніе средствъ и путей, ведущихъ къ полнымъ тринадцати взяткамъ, есть его любимая дума послѣ заботъ, послѣ дѣлъ, даже средь дѣлъ и заботъ; онъ только думаетъ, какъ-бы задать большой шлемъ; онъ отдыхаетъ на этой думѣ, въ ней ищетъ отвлеченныхъ наслажденій, на ней катается и равновѣсится; она въ немъ какъ свинецъ въ груди Китайскаго болванчика, который, какъ бы вы его не поставили, бокомъ, на-взничъ и вверхъ-дномъ, всегда самъ собою перекувырнется и станетъ на ноги. Впрочемъ, Федоръ Тимоѣевичъ — человекъ умный и образованный, какъ всѣ, которые тутъ были; онъ всѣми мѣрами скрываетъ свою идею, но вы можете увидѣть ее въ самоварѣ, и я навѣрное знаю, что онъ только воплощенный шлемъ. Идея Тимоѣя Алексѣевича — фабрики; Каролины Егоровны идея — дворъ. У Сергѣя Ильича есть идея — Англійская верховая лошадь; у Илья Сергѣевича есть идея — Петербургскій климатъ; у Катерины Павловны есть идея — счастье; у Ивана Ивановича есть идея — покупка вещей съ молотка; у Петра Петровича есть идея — архитектура; у Евгения Васильевича есть идея — большой свѣтъ, а идея Софіи

Николаевны — что нѣтъ ничего прелестнѣе привздержутаго ея носика. У розовой Англичанки своя идея, — что она Англичанка, а это все Русскіе. Моя идея — что человекъ выдуманъ только для одной идеи, а идея господина въ очкахъ — что онъ поэтъ, и это самая странная изъ всѣхъ вышеписанныхъ идей.

Тутъ еще былъ докторъ, котораго идей было пѣніе; и былъ камергеръ, котораго идей былъ Бентамъ; и была барышня, которой идей былъ женихъ съ двумя тысячами душъ; и былъ лысый толстякъ, котораго идей была красота; и былъ бѣдный литераторъ, котораго идей была знать.

Первыя чашки душистаго чаю мгновенно разогрѣли всѣхъ идеи. Изъ движенія ихъ начало постепенно образоваться то, что называютъ общимъ разговоромъ. Каждый изъ собесѣдниковъ сталъ непримѣтно натягивать его изо всѣхъ силъ къ своей идее. Больно было смотрѣть на потаенную борьбу самолюбій, на усиленіе изящнаго лицемѣрства скрывать свои огорченія и казаться равнодушнымъ, на отчаяніе неуспѣвавшихъ выступить передъ лице самовара съ своимъ кореннымъ помысломъ и принужденныхъ изъ учтивости подкидывать обломки своего чтенія въ жернова чужаго понятія. Однѣ идеи немилосердно давили другія. Люди внутренно терзались, улыбались и запивали чаемъ.

Каролина Егоровна говорила о дворѣ.

Сергѣй Ильичъ скакалъ вокругъ ея плотнаго разсказа, и не находилъ нигдѣ пролома, чтобъ вторгнуться въ него на своей Английской лошади. Она уже скокнула съ дворцовой лѣстницы и стояла за колонною, ожидая пока подадутъ карету; онъ уже заговорилъ о колоннѣ, уже хотѣлъ сказать, что имѣлъ счастье видѣть ее тамъ, проѣзжая въ эту минуту по площади на своей Английской лошади, какъ Петръ Петровичъ невзначай схватилъ эту колонну обѣими руками,

и пустился разсуждать объ архитектурѣ, — перестраивать всѣ дворцы и дома, протягивать фронтоны во всю длину зданій, воздвигать арки въ готическомъ стилѣ и восхищаться сладострастною формою куполовъ у Аѳинявъ въ лучшія времена Греческаго вкуса. Петръ Петровичъ несъ ужасную гиль, но говорилъ съ такою самоуваженностью, что всѣ сидѣвшіе вокругъ самовара идеи должны были таскать для него известъ, которому онъ уже собирався выбыть всѣ Аѳинскіе куполы для лучшаго эффекта.

Тутъ онъ упомянулъ о куполѣ собора Св. Павла въ Лондонѣ, и Сергѣй Ильичъ прогналъ его съ лѣсовъ страшнымъ пожаромъ Вестминстеръ — Голя, отъ котораго онъ перешелъ къ анекдоту объ Англійскихъ ворахъ, отъ которыхъ перешагнувъ онъ въ Англійскій парламентъ, который прямо приводилъ его къ превосходству Англійскихъ лошадей и къ его верховой ѣздѣ. Я уже видѣлъ, какъ онъ въ мысли сѣдлалъ свою лошадь.....

По несчастію, онъ произнесъ слово «промышленность», — какъ не произнести его, говоря объ Англии! — и проигралъ дѣло: Иванъ Ивановичъ, который въ тотъ самый день дешево купилъ у Тамизидѣ двѣ Китайскія куклы съ публичнаго торга, возразилъ, что Китайцы не уступаютъ Англичанамъ въ тонкости и изящности издѣлій. Ударъ былъ ловкій и счастливый: онъ вдругъ вышибъ Сергѣя Петровича изъ его предмета, поворотилъ бесѣду въ другую сторону и открылъ Ивану Ивановичу прекрасный случай выложить всю старую бронзу, купленную имъ очень дешево вмѣстѣ съ куклами. Иванъ Ивановичъ открылъ планъ своихъ дѣйствій отъиной тирадою о Китайцахъ..... Несчастный Иванъ Ивановичъ! тебѣ не суждено было явиться вчера окруженнымъ лучами твоей идеи. Напротивъ тебя сидѣлъ Илья Сергѣевичъ съ пасмурною идеей Петербургскаго климата!.....

Илья Сергѣевичъ давно уже искалъ случая сказать, что вчера шелъ дождь, а сегодня поутру была прекрасная погода, которая скоро смѣнилась холоднымъ вѣтромъ, и не успѣлъ втерѣться съ этимъ наблюдениемъ ни въ придворныя вѣсти Каролины Егоровны, ни промежду Афинскихъ куноловъ Петра Петровича, ни въ Англійскій парламентъ Сергѣя Ильича. Теперь пришла его очередь.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ: въ говорѣ о Китайской промышленности и сравниваете ее съ Европейскою. Образованность Китая неподвижна; онъ не измѣнился въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ....

Вы, которые никогда не разлагали химически общественаго разговора, не доискивались его началъ, не изучали его теоріи, — вы вѣрно подумаете, что Илья Сергѣевичъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о Китаѣ и сравнивать его образованность съ нашею? О, какъ вы жестоко ошибаетесь! Вотъ, что значитъ не понимать самовара! Илья Сергѣевичъ заговорилъ объ неизмѣнности Китая единственно потому, что предвидѣлъ возможность легко перейти отъ нея къ переменчивости Петербургскаго климата, къ вліянію его на здоровье, къ своему насморку, къ тому, что онъ боленъ, что не можетъ болѣе жить въ здышной столицѣ. Онъ бы непременно достигъ этого важнаго результата и нарисовался съ своей идеей, если бѣ тутъ не было незавидной фигурки въ очкахъ, въ которой гнѣздилося понятіе, что она поэтъ. До того времени она не произносила ни слова, и, казалось, никто не обращалъ на нее вниманія. Она медленно отняла отъ устъ чашку, и пустила въ Илью Сергѣевича быстрый лучъ взора черезъ верхъ очковъ своихъ. Илья Сергѣевичъ остановился.

— Я удивляюсь, сказала она ему, что вы человекъ умный, знающій *переменчивость* вещей этого свѣта.....

Илья Сергѣевичъ смутился еще болѣе: слово «перемѣчивость» поразило его какъ громомъ; онъ подумалъ, что его идея открыта, — что онъ самъ разгаданъ! Онъ даже не зналъ этой фигурки. О, если бы онъ зналъ, что это былъ только поэтъ, стихотворецъ, сочинитель, онъ раздавилъ бы его своей гордостью, и непременно сказалъ бы тутъ же, что вчера шелъ «дождикъ!» Онъ не зналъ этого! Подумайте, отъ какихъ случаевъ зависитъ судьба вашей идеи въ образованной бесѣдѣ! и отъ какихъ лицъ. Между-тѣмъ фигурка въ очкахъ продолжала:

— Я удивляюсь, что вы такъ важно повторяете старое повѣрье литературнаго свѣта о мнимой неизмѣнности Китая. Правда, всѣ утверждаютъ, что Китай не измѣнился въ четыре тысячи лѣтъ, что его образованность неподвижна....

— Но господинъ Х***овъ, — это было сказано по-Французски Софіей Николаевною, которая мигомъ смекнула всю пользу новаго предмета: она надѣялась, что, по случаю Китайской образованности, зайдетъ рѣчь о Китайскихъ носкахъ, которые очень гадки, и что всѣ конечно примѣтятся привздернутый носикъ, составляющій коренную идею ея логики. — Но, господинъ Х***овъ, сказала она: вы принимаете сторону такихъ безобразныхъ людей, что я начинаю сомнѣваться въ вашемъ чувствѣ прекраснаго.

Тутъ пошелъ разборъ Китайскаго лица, и всѣ приняли участие въ разборѣ. Носикъ Софіи Николаевны сіялъ въ это время, какъ Галлеева комета, которая еще не сіяетъ, но будетъ сіять. Я увидѣлъ его въ самоварѣ.

Я не стану мучить вашего терпѣнія подробностями дальнѣйшаго хода вчерашней бесѣды. Она производилась такимъ же образомъ до самаго конца. Каждая изъ присутствующихъ идей засаждалась за разсужде-

нѣмъ другой идеи; бросалась на нее, какъ паукъ по своей ниткѣ, при первомъ признакѣ оплошности; высасывала изъ нея кровь и бросала ее мертвою, если сама не была между-тѣмъ съедена тою, которая умѣла лучше воспользоваться случаемъ. Но, въ продолженіе этихъ безчисленныхъ переворотовъ, почти всѣ они успѣли потихоньку представиться лично собранію, каждая держась объ руку съ своимъ самолюбіемъ.

По случаю мороженаго Тимошей Антоновичъ нашель средство развернуть свои виды о фабрикахъ и народной промышленности.

Катерина Павловна говорила очень мило о счастьи по поводу очковъ поэта.

Федоръ Тимошеевичъ, услышавъ рѣчь о счастьи, разсказалъ своимъ сосѣдамъ, какъ онъ третьяго-дня задалъ три большіе шлема. Такого счастья онъ никогда еще не видывалъ!

Должно вамъ сказать правду, — хотя прежде и хотѣлъ утаить, такъ какъ я немножко сердить на Ивана Ивановича, — что, вслѣдствіе общаго разсужденія о послѣднихъ происшествіяхъ во Франціи, Иванъ Ивановичъ отыскалъ таки возможность поразсказать исторію о старой бронзѣ, купленной имъ съ молотка, и что онъ вообще говорилъ объ этомъ очень хорошо. Потомъ зашелъ разговоръ объ Египетскихъ древностяхъ.

Кажется, — но утверждать не стану, — что въ этотъ то разговоръ Илья Сергѣевичъ и въѣхалъ верхомъ на своей идеѣ, — я хотѣлъ сказать, на своей Англійской лошади, со своей обычною ловкостью въ наѣздничествѣ. И такъ далѣе.

Расходясь, многіе изъ насъ повторяли: «Надобно сказать по совѣсти, что рѣдко найдется другой домъ въ Петербургѣ, гдѣ бы бесѣда была такъ образована и пріятна, какъ у Петра Аполлоновича!»

Однимъ словомъ, всѣ были въ восхищеніи, — исключая меня, — да еще Ильи Сергѣевича, котораго идея пропала безъ пользы, потому что во весь вечеръ ему ни разу не пришлось къ слову сказать что-нибудь про Петербургскій климатъ. Бѣдный Илья Сергѣевичъ!

Я слышалъ однако жъ, что, послѣ нашего ухода, когда съли играть въ карты, онъ успѣлъ, во время вдачи, слегка намекнуть, что вчера шелъ «дождикъ». И я очень радъ этому: Илья Сергѣевичъ добрый человекъ, и онъ дѣйствительно страдаетъ весь вѣкъ насморкомъ отъ Петербурга.

Что касается до меня, то я рѣшительно не могъ свернуть своей идеи ни въ одинъ изъ тысячи одного предметовъ вчерашней нашей бесѣды, и признаюсь, не видѣлъ другаго средства облегчить свою досаду, какъ пересказавъ вамъ здѣсь эту знаменитую идею.

ВАРОНЪ БРАНВЕРСЪ.

=

В. Варонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЛОВЕЦЪ.

Въ груди моей стѣсняя горе,
Разбитый бурей пловецъ,
На синее смотрю я море,
Какъ бы на жизнь смотрѣлъ мертвецъ;
Но по неволѣ думы полный,
Внезапной, страшною грозой
Когда мой чѣлъ губили волны,
Влекомый яркою звездой.

Увы, не мой одинъ волнами
Челнокъ надежды погубишь;
И вдалѣ невѣрную звездами
Не я одинъ былъ увлеченъ!
И кто тревогой не смущался?
Желанной цѣли достигалъ?
Съ мечтой любимой не прощался?
Кто слезъ долину миновалъ?

Когда бы ты, изъ волнъ сердитыхъ,
О море, выкинуть могло
Все то, что въ корабляхъ разбитыхъ
Высокихъ думъ и чувствъ легло;
Когда бъ изъ бездны кто явился,
Погибшихъ повесть рассказалъ,
То бъ міръ, быть-можетъ, изумился
О томъ, чего никто не зналъ!

Какъ много, въ участи мятежной
Былъ жертвой неизвѣстныхъ бѣдъ,

Тоской ували безнадежной,
 И уж давно пропалъ ихъ слѣдъ!
 О много, много перлъ огнистыхъ
 На днѣ морскомъ погребено,
 И много вѣяній душистыхъ
 Въ зѣрной тмѣ утасно!

И сколько светлыхъ упованій,
 Оторванныхъ налетомъ грозъ,
 И сердца радостныхъ мечтаній,
 Истлѣвшихъ отъ горючихъ слѣзъ!
 И тайны чуднаго условья
 Межъ думъ небесныхъ и страстей
 Одно лишь знаетъ изголовье
 И мракъ томительныхъ ночей!.....

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

КНИГА ІОВА.

=

ГЛАВА І.

=

Въ странѣ Авситидійской,
 На рубежѣ пустыни Аравійской,
 Мужъ Іовъ обиталъ.
 Онъ, истинно правдивый,
 Безгрѣшный и святой, въ душѣ благочестивый,
 Всѣхъ злобныхъ дѣлъ и мыслей убѣгалъ:
 Имѣлъ три дочери и семь сыновъ, лѣтъ зрѣлыхъ;
 Овецъ семь тысячъ, три—верблюдовъ да воловъ,
 Красивыхъ и дебелыхъ,
 Пятьсотъ супругъ, и столько же ословъ,
 Пасомыхъ близъ ключа, и множество рабовъ;
 И не было славнѣй его
 На всемъ Востокѣ никого.

И ежедневно, от досугу,
 Сыны его сходилися другъ къ другу,
 Творя по-очередно пирь,
 И трехъ сестеръ своихъ на праздникъ приглашали,
 Чтобъ съ ними тукъ земли и гроздовъ сокъ вкушали.
 Когда жъ оканчивался пирь,
 Къ нимъ Іовъ посылалъ, §
 И пировавшихъ осващаль:
 Онъ десять жертвъ на всесоженье,
 Вставая отъ одра съ зарею, приносилъ
 По ихъ числу, за тѣмъ, что мнилъ —
 Не тяготеть ли на чадахъ преступленье?
 Не согрѣшили ли они
 Хоть мыслию предъ Богомъ?
 Такъ поступалъ онъ во все дни.

Въ одинъ изъ оныхъ дней, по страствованью многому,
 Предсталъ предъ Господомъ чистѣйшихъ сонмъ духовъ,
 Обтекшій область Божьей славы,
 Несчетное число міровъ;
 Межъ нихъ предсталъ и духъ лукавый.
 Тогда Господь изрекъ ему:
 — Откуда, духъ враждебный? —
 Лукавый отвѣчалъ Владыкѣ своему:
 «Я землю облеталъ, приютъ ничтожный, бѣдный.»
 Тогда Господь изрекъ ему:
 — Тамъ рабъ мой Іовъ есть, кому
 Нѣтъ межъ сыновъ земли подобныхъ;
 Ты внялъ ли на него? Онъ истинно правдивъ,
 Въ душѣ благочестивъ,
 И убѣгаетъ дѣлъ и помысленій злобныхъ. —
 Отвѣтствуя, лукавый рекъ:
 «Не безкорыстно сей правдивый человекъ
 Передъ Тобой благоговѣеть.
 Не ты ли домъ его и все, что онъ имѣеть,
 Отъ гибели надежно оградилъ?
 Ты двѣ рукъ его благословилъ,

*

И дому возрасло раба сего стяжанье.
 Но отыми отъ мужа достоянье,
 И узришь: онъ Тебя въ лице преогорчить.»
 Тогда Господь изрекъ:—Въ твоей рукѣ, лукавый,
 Будь все, что Юву принадлежитъ;
 Но да пребудутъ цѣлы, здравы
 Мой рабъ я члены всѣ его;
 Блюдись коснуться самаго! —
 И врагъ отшелъ отъ Господа вселенны.

И въ тотъ же день, одинъ изъ дней благихъ,
 Когда, отъ Юва рожденны,
 Сыны и дочери у старшаго изъ нихъ
 Вкушали тукъ земли, кровь винограда пили,
 Одинъ изъ слугъ отца ко Юву притекъ,
 И старцу рекъ:
 — Твои волы бразды на нивѣ проводили;
 Ослицы близъ
 На пажити паслись:
 Вдругъ, пастыри улусовъ Аравійскихъ
 Явились, и плѣнили ихъ;
 Пожали и красу долинь Авситидійскихъ,
 Пожали остріемъ меча рабовъ твоихъ.
 Остался я одинъ, и прибѣжалъ поспѣшно
 Сказать тебѣ о томъ. — Рыдая неутѣшно,
 Онъ говорилъ еще, — другой слуга притекъ,
 И старцу рекъ:
 Съ высотъ надлунныхъ
 Небесный огонь ниспалъ,
 Пожралъ овецъ игривыхъ, мягкорунныхъ,
 И пастырей пожралъ.
 Я спасся лишь одинъ, и прибѣжалъ поспѣшно,
 Сказать тебѣ о томъ. — Рыдая неутѣшно,
 Онъ говорилъ еще: другой слуга притекъ,
 И старцу рекъ:
 Составивъ три начальства,
 Халдеи, полные нахальства,

Въ единый мигъ
 Верблюдовъ окружили,
 И всѣхъ пѣтнили,
 И предали мечу, они, рабовъ твоихъ.
 Остался я одинъ, и приближалъ поспѣшно,
 Сказать тебѣ о томъ. — Рыдая неутѣшно,
 Онъ говорилъ еще: другой слуга притекъ,
 И старцу рекъ:
 Сыны твои съ сестрами пировали
 У брата старшаго изъ нихъ,
 И вмѣстѣ тукъ земли и гроздовъ сокъ жушали,
 Вдругъ отъ степей пустыхъ
 Нашелъ ужасный вѣтръ; напалъ на всѣ четыре
 Угла чертога, и онъ палъ;
 Палъ на дѣтей твоихъ, и пѣтъ ужъ ихъ въ семь мѣръ.
 Я спасся лишь одинъ, и приближалъ
 Чтобъ возвѣстить тебѣ. — Вставъ, Іовъ растерзалъ
 Свою цвѣтную ризу,
 И волосы съ своей главы нещадно рвалъ,
 И, преклонившись низу,
 На землю палъ;
 Молился, и вѣщалъ:
 — Я нагъ вышелъ изъ матерней утробы,
 И нагъ пойду въ отеческіе гробы.
 Господь все далъ,
 Господь же все отъялъ;
 Будь имя Господа благословенно. —
 И при такихъ бѣдахъ, Іовъ не согрѣшилъ,
 И буйства предъ Творцемъ ни сколько не явилъ!

=

Г л а в а II.

=

Въ день изо дней, прошедъ всю область Божьей славы,
 Чистѣйшихъ сонмъ духовъ
 Предсталъ предъ Господомъ, Творцемъ міровъ;

Межъ нихъ предсталъ и духъ лукавый.

Тогда Господь изрекъ ему:

— Откуда, духъ враждебный? —

Лукавый отвѣчалъ Владыкѣ своему:

«Я землю облетѣлъ, приютъ ничтожный, бѣдный.»

Тогда Господь изрекъ ему:

— Тамъ рабъ мой Ювъ есть, кому

Нѣтъ межъ сыновъ земли подобныхъ;

Ты видалъ ли на него? Онъ истинно правдивъ,

Въ душѣ благочестивъ,

И убѣгаетъ дѣлъ и помышлений злыхъ.

И днесъ въ незлобїи своемъ онъ твердъ еще;

Но ты Меня подвигъ къ тому, что я вотще

Лишилъ его стяжанья. —

Отвѣтствуя, лукавый рекъ:

«За кожу кожу дастъ святой сей человекъ,

И все стяжаніе за мигъ существованья;

Но ниспосли на плоть и кость его недугъ,

Услышишь, какъ Тебя клясть Ювъ станетъ вслухъ.»

Тогда Господь изрекъ: — Я предаю, лукавый,

Тебѣ любимца моего;

Щади лишь жизнь его. —

Отшелъ отъ свѣтлаго лица Господня духъ лукавый,

И гноемъ Юва лютейшимъ поразилъ,

Отъ пласкъ до темени. Взявъ черепокъ, больной

Съ себя имъ соскребалъ тотъ гной,

На пеплѣ възсѣда.

Чрезъ много дней, къ страдальцу подоидя,

Жена его, рекла ему: — Еще ли уповаешь?

Преогорчи Его,

Того,

Кого ты обожашь:

Потомъ умри! — Онъ ей на то: «Что ты рекла,

То жены глухыя всегда мужьямъ вѣщали.....

Когда отъ Господа мы многу благъ прииди,

Уже ль не стерпимъ зла?»

При всѣхъ бѣдахъ, исполненъ упованья,
 Предъ Богомъ Ювъ не грѣшилъ;
 И ни единожды роптанья
 Изъ устъ своихъ не изъявилъ.

Услышавъ вдалекѣ страдальцевы три друга
 О люлости постигшихъ старца каръ,
 Пришли къ нему, и каждый изъ округа
 Роднаго своего, — изъ Миннен Сафаръ,
 Ельѣазъ же изъ Темана,
 Вададъ изъ области Суана, —
 Единодушные, желали одного, —
 Утѣшить друга своего.
 Увидѣвъ издали и не познавъ его,
 Они возопіяли,
 И горько зарыдали,
 И каждый ризу растерзалъ,
 И голову землей, рыдая, посыпалъ.
 Возвѣвъ потомъ они близъ Юва, сидѣли
 Семь дней и семь ночей,
 Не заводя съ нимъ ни какихъ рѣчей,
 За тѣмъ, что люлостью мукъ, мукъ злѣйшихъ, ясно зрѣли.

Ф. ГЛЕНКА.

КУДЕЯРЪ.

=

РЯЗАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

=

Надъ зеркаломъ Истѣи, рѣки тихоструйной,
 Не светлый, булатный шоломъ
 Блеститъ на головушкѣ храброй и буйной, —
 Надъ рѣвчкой красуется домъ:
 Тотъ домъ не жилье ли тиуна Истома?
 Что полная чаша — тиуна хоромы,
 А нивы — что море, кругомъ.

Еще ли казна старика не богата?
 Въ подвалъ мышки въ три ряда!
 Но пусть. И душа же его таровата:
 Къ нему, привести ли нужда, —
 Советомъ и деньгами всякому служить;
 Накормить, напоить; дать и не тужить,
 И ласковъ ко всѣмъ и всегда.

Въ забѣглою Печоръ, надъ Истѣй-рѣкою,
 Въ поковъ Истома сидить,
 И править привольной Запронской сграною,
 И судъ и расправу творить.
 Но бился и онъ подъ надменной Казанью;
 Онъ, витязь отважный, воскормленный брашью,
 Прославилъ и мечъ свой и щить.

И семь молодцовъ, и могучихъ и красныхъ,
 Взросло у него въ терему;
 Онъ вмѣстѣ ихъ выпустилъ, сѣколовъ ясныхъ, —
 И вѣкъ не видать ихъ ему!
 Всѣ семеро вмѣстѣ подъ Полоцкомъ пали;
 И съ дочкой Истома остался въ печали,
 Самъ-другъ въ опустѣломъ дому.

Всѣ любятъ Истому, а дочь его втрое:
 Она ли не счастье всѣхъ?
 Изронить ли Маша слово золотое,
 Кручиниться, хмуриться — грѣхъ;
 Съ привѣтной улыбкой подыметъ ли очи, —
 Кажись, просвѣтлѣетъ угрюмость и ночи,
 Найдеть и уныніе смѣхъ.

Отцу же сердечная жизни дороже.
 Пусть ляжетъ на мѣръ тишина, —
 Старикъ не прострется на мягкое ложе,
 Не вкуситъ отраднаго сна,
 Пока заступленія сѣ не испроситъ

У Той, Ея жь има небесное носитьъ
Сь священной купъли она.

На Истьѣ спокойно и смирно въ Печорѣ
Не первый, — двѣнадцатый годъ;
Но по свѣту рыщеть крылатое горе,
Но, знать, согрѣшилъ же народъ:
Зима миновала; съ наставшей весною
И въ полѣ невзгода, и страхъ надъ рѣкою,
Опасны дорога и бродъ.

Узнали на Истьѣ-рѣкѣ Кудеяра, —
И трепеть напалъ на людей:
Онъ почь освѣщаетъ огнями пожара,
Онъ рѣжетъ и женъ и дѣтей.
Добро бы Ордынецъ, добро бы лзычникъ, —
А то окаянный опальный опричникъ,
Ввѣдь не изъ Татаръ же злодѣй!

Что тамъ пастухомъ позабыта скотина?
Зачѣмъ безъ коровъ, безъ овецъ
Пастухъ прибѣжалъ, и дрожить какъ осина?
Онъ молвилъ Истомѣ: «Отецъ!
«Подпали мы тягости гнѣва Господня:
«Зарѣзанъ твой гость, отпущенный сегодня,
«Зарѣзанъ Московскій купецъ.»

Тѣмъ еще первому не далъ отвѣта,
Какъ въ двери вломился другой:
«Отправился почь нашъ раенъко до свѣта,
«Къ больному со требой святой;
«Ждала попадья, не дождалась, — выходить, —
«И гдѣ жь? его мертвымъ у брода находить
«Сь дрожащею въ сердце стрѣлой!»

Вотъ третій! Да долженъ же быть издалеча:
Сь усталого спрынулъ коня.
«Людей истребила кровавая съча,

«Ихъ избы — добыча огня ;
 «Ни старыхъ, ни малыхъ не минула кара,
 «Побилъ и младенцевъ кистень Кудеяра;
 «Двѣицъ не щадилъ рѣзня.»

Тиуна не грохотъ неожиданнаго грома
 Не ревъ облаковъ оглушилъ, —
 Отъ вѣсти ужасной трясется Истома, —
 Насилу и крестъ сотворилъ!
 Но вдругъ закипѣло, зажглось ретивое:
 Не время ль Истома вспомнилъ бывшее,
 Не время ли цвѣта и силъ?

Тѣ дни, когда, Грознаго славному дяду
 Усердный и вѣрный слуга,
 И онъ помогаль роковую побѣду
 Исхитить изъ рукъ у врага;
 Когда отъ удара его удалаго
 Какъ снопъ повалился съ коня воронаго
 Назвздникъ Исманль-Ага.

«За мной!» закричалъ: «по горячему слѣду!»
 «Проворный, ребята, за мной!»
 И слово летить отъ сосѣда къ сосѣду, —
 И вмгъ собралися толпой:
 Одинъ появился съ копьемъ долготѣрнымъ,
 Другой съ самопаломъ надежнымъ и вѣрнымъ,
 А тотъ съ отпущенной косой.

Но путь ли замѣтить унесшейся птицы
 Въ пучинѣ воздушныхъ зыбей?
 Въ пустынь ли сыщутъ берлогу убійцы?
 Безбрежное море степей
 На югъ синѣть теряясь для взора,
 На сѣверъ ночь безпредѣльнаго бора,
 Жилище воровъ и звѣрей.

Пышкомъ и верхомъ, по степямъ и по лѣсу
 Искали съ утра до поры,

Какъ вечеръ накинудъ свдую завѣсу
 На темя прирѣчной горы,
 Какъ пахарь ушелъ подъ убогую кровлю,
 Какъ вышла лиса на полночную ловлю
 Изъ тайной подземной норы.

Искали злодѣя и влѣвъ и вправѣ, —
 Нигдѣ отыскать не могли;
 Искали въ равнинѣ, искали въ дубравѣ, —
 Но нѣтъ: и слѣдовъ не нашли!
 Когда же померкнула твердь голубая,
 И чуть озарила луна золотая
 Лице задремавшей земли, —

Они повернули къ жилищу тиуна,
 Назадъ повернули къ рѣкѣ.
 И что жъ? не звѣтятся ли блески перуна
 На краѣ небесъ вдалькъ?
 Но молнія вѣтятся не болѣ мгновенья;
 А свѣтъ то горитъ и горитъ безъ затѣвнѣя.....
 Заныла душа въ старикѣ.

«По полю ношусь — да спокойно ли дома?
 «Царю мой небесный, пожаръ!»
 Дрожать за дѣтя свое бѣдный Истома
 И мыслить: «Увы, Кудеяръ!»
 Отцовское сердце болить и тоскуеть:
 Ахъ, вѣщее сердце недоброе чуеть,
 Предчувствуетъ тяжкій ударъ!

И бурю мчится Истома, и вскорѣ
 До Истья- рѣки доскакалъ.
 Узналъ, безталанный, узналъ свое горе,
 Безчастный бѣду отгадалъ!
 Онъ сталъ и взглянулъ, обомлѣвъ и трепещеть:
 Надъ Истью не зарево, — полымя блещеть,
 Отъ крови потокъ ея алъ!

880789

И, чу! зазвучало..... Не конскій-ли топоть?
 Летѣть ли на встрѣчу? Но пѣть:
 Тіуны заглушаютъ души своей ропоть;
 Горить, разрывается свѣтъ;
 Ретивое въ немъ обливается кровью,
 Онъ мучится местию, тоской и любовью, —
 А держитъ разумный совѣтъ.

Самъ страшенъ и блѣденъ, и тихъ, какъ покойникъ,
 А вѣрной дружбинѣ шепчулъ:
 «Бѣды не поправимъ..... Все кончилъ разбойникъ;
 «Избилъ на горѣ караулъ,
 «И теремъ зажегъ, и разграбилъ селенье.....
 «Сгубленнымъ зарѣзаннымъ поздно спасенье.....
 «Но слушайте, слушайте: гуль!

«Съ кроваваго пиршества песь печестивый
 «Несется не прямо ли къ намъ?
 Тѣ молвили: «Предаль же Богъ справедливый
 «Губителя нашимъ рукамъ!
 «Въ траву и тростникъ и кустарникъ заляжемъ;
 «Пускай подойдет! Ему дружбу докажемъ,
 «Заплатимъ ему по дѣламъ.»

Легли. Выжидаютъ, молчатъ, едва дышать;
 Отчалъемъ каждый объять.....
 И ближе, и ближе, и явственно слышать —
 Копыты по камню звучать.
 И вотъ изъ за рощи, гремя и сверкая,
 Не шайка ли вдругъ показалась лхая
 Не въ лѣсъ ли злодѣи спѣшатъ?

Они! впереди Кудеяръ кровожадный.....
 Прорезала тучи луна:
 И что же? и что же? Отецъ безотрадный!
 Въ рукахъ его, чувство лишена,
 Какъ горлица въ пасти свирѣпаго змія,

Твое ли дитя, ахъ, твоя ли Марія?
Старикъ злополучный!..... она!

«Марія!» тиунъ простоналъ, и перуномъ
Ударилъ на шайку; и вой,
Неистовый вой, поднялся за тиуномъ:
Печора бросается въ бой.
Разбойники дрогли, — назадъ..... Но и съ тыла,
Съ боковъ, и совсюду, Печора завыла, —
Совсюду напала толпой.

Не ждали губители хитрой засады
И нѣтъ избавленія имъ;
А думаютъ: «Намъ не просить же пощады!
«Мольбой никого не смягчимъ.
«Невыгодно драться, — да сдаться не прибыльъ:
«Вѣдь намъ и полощъ неминуемая гибель.....
«Безъ битвы ли жизнь продадимъ?»

И бѣшено бьются; но силы ихъ мало,
Но бѣшено бьются жъ и тѣ!
И вотъ уже третій злодѣевъ не стало,
И ранены всѣ въ темнотѣ;
Не раненъ одинъ атаманъ ихъ ужасной:
Истома боится Маріи безгласной
Ударъ нанести въ темнотѣ.

И вдругъ Кудеяръ булавою граненой
Въ шипакъ старика улучилъ;
Шипакъ разлетѣлся, — тиунъ оглушенный
Не взвидѣлъ на небѣ свѣтилъ;
А тотъ повернулся и прорвалъ Печору,
Коня по бокамъ, и па ближнюю гору,
Изъ-подъ ихъ пищадей и виль.....

Смутило дружину Истома паденье;
Но громко къ дружинѣ воззвавъ,
Воспрянулъ Истома и въ то же мгновенье

За нимъ устремился стремглавъ.
Нѣтъ, нынѣ побѣгъ не избава злодѣю:
Сломить на горѣ ему буйную шею,
Не вырваться, сколь ни лукавъ!

Рѣзвы и проворны проклятаго ноги :
Но въ степь ли, въ дубраву-ль уйти !
Въ дубраву и степь переняты дороги ;
За рѣчку-ли? Взвейся, лети,
Умчись низымъ ворономъ, бѣлою чайкой!
Удалою будетъ ли вырученъ шайкой?
Да ей и себя не спасти!

Глядитъ Кудеяръ во всѣ стороны съ горки.....
Не въсточки ждеть ли хитрецъ ?
Не ищетъ ли темненькой, тепленькой норки?
Но вдругъ, — Милосердый Творецъ!
Плеснула рѣка подъ горою крутою
И что-то бѣлветъ, и крикъ надъ рѣкою.....
«Марія!» завопилъ отецъ.

«О Господи, Боже, дитя мое тонетъ!»
И палъ, словно громомъ убить.
И рвется Печора, и воетъ, и стонетъ, —
Къ рѣкѣ не бѣжить, а летитъ;
И въ мигъ побросалася въ рѣку дружина
Ахъ, выдала Машу рѣчная пучина!.....
Но духъ ея кто возвратитъ?

Не мѣсяцъ на тверди отрадный и ясный,
Не яра свѣча въ алтарь, —
Потухнула жизнь души-дѣвицы красной,
Погасла на самой зарѣ.
Въ пучину холодную Истины глубокой
Съ горы ее сбросилъ убійца жестокой,
А самъ хоталъ на горѣ !

Ушелъ, убѣжалъ, окаянный. Но кара
 Ужели его не найдетъ?
 Спасеть ли изъ Божіихъ рукъ Кудеяра
 Быстрѣйшій орлиный полетъ?
 Сразить его завтра, когда не сегодня,
 Сразить душегубца десница Господня
 Проклятаго бездна пожретъ.

В. ГАРШЕНКО.

Ш Е К С П И Р Ъ.

=

СОНЕТЪ.

=

Не знаешь ты священныхъ упоеній,
 Коль никогда моляся не рыдалъ;
 Не знаешь ты блаженства вдохновеній,
 Когда тебя Шекспиръ не вдохновлялъ!

Надъ бездною адскою парилъ поэта гений,
 И дольний міръ безстрастно изучалъ, —
 И въ часъ таинственныхъ высокихъ откровеній
 Міръ цѣлый изъ души и сердца извлекалъ.

Міръ внутренній и вѣдшій отразился
 Въ его созданіяхъ, какъ въ морѣ — небосклонъ,
 И отблескомъ души всемірной озарился,

Какъ въ древности торжественный Сіонъ.
 Почти, о человекъ, поэта поклоненьемъ:
 Въ немъ проявился Богъ небеснымъ вдохновенъемъ.

Л. ЯКУБОВИЧЪ

ЗАВѢЩАНІЕ.

=

Если смерть поразить
 Такъ мгновенно меня,
 Что прости вамъ сказать
 Не успѣю, друзья, —
 Вотъ завѣтъ мой, — его
 Васъ исполнить молю:
 Посадите вы съль
 На могилу мою;
 Не снимайте кольца
 Вы съ холодной руки:
 Пусть залогомъ немой,
 Нежной, чистой любви
 Будетъ вѣчно со мной
 И въ грядущіе дни.
 Нѣтъ алмазовъ на немъ,
 Не блестяще оно;
 Но надеждой моей
 Было въ жизни одно.
 Сколько слезъ пролито
 Въ темны ночи надъ нимъ!
 Сколько вздоховъ своихъ
 Раздѣлила я съ нимъ!
 Не снимайте жъ его
 Вы съ холодной руки.
 Ахъ оставьте его
 Неразлучнымъ со мной,
 За могильной доской!

К. В. ЧУРМАНТЬЕВА.

=====

ВЕТОШНИКЪ АЛЕША.

=

Ничто не исчезаетъ во вселенной, — кромѣ дурныхъ повѣстей, — а только измѣняется, какъ осенью, зеленый цвѣтъ листьевъ въ красный. И измѣненіе не всегда бываетъ къ худу: по-моему, напротивъ, оно часто къ лучшему. Я увѣренъ, что все въ свѣтъ стремится черезъ измѣненіе, скорыми или медленными шагами, къ высшему и блистательнѣйшему чину. Одинъ, вѣрный человекъ сказывалъ мнѣ, что нашъ земной шаръ былъ нѣкогда простою кометою и принадлежалъ къ сволочи небесныхъ тѣлъ; потомъ какъ-то попалъ онъ въ луны, въ спутники, — ужъ не знаю чѣмъ; потомъ сдѣлался планетою, Землею. Но спустимся ниже. Наталья Николаевна пробило двадцать пять лѣтъ: она очень измѣнилась черезъ восемь лѣтъ, и къ лучшему.

Наталья Николаевна Гриднева, была дочь человека знатнаго и богатаго. Ея лице, ея станъ, ея поступь, послѣ этого измѣненія, сдѣлались обворожительными. Прежде все это было какъ-то въ программѣ; теперь она полное сочиненіе, роскошнаго изданія, въ богатомъ переплетѣ, и въ трехъ томахъ.

Это что значитъ?

Не скажу.

На нее нельзя было взглянуть: взглядъ прилипалъ къ ней; объ ней нельзя было подумать: воображеніе разыгрывалось; съ нею нельзя было начать разговаривать: это значило начать слушать, и когда она переставала говорить, слышалась еще нѣсколько минутъ удивительная гармонія. Такова, по совѣсти, была дѣвица Гриднева на двадцать шестомъ году своего возраста.

— Отчего же такъ долго засидѣлась она въ родительскомъ домѣ?

Да такъ! Вотъ, извольте знать, домъ ея родителей былъ покоенъ, теплъ, великокопнень и всегда превосходно освѣщенъ. Довольно, кажется, достоинствъ для того, что бы быть къ нему привязаннымъ?

Какой чрезвычайный съездъ въ этомъ домѣ! Улица заперлась каретами. Огни сіяютъ въ одностекольныхъ окнахъ. Изъ за стекло въ выглядываетъ цѣлый партеръ гіацинтовъ, фіалокъ, розъ. Но тамъ, внутри, лучше: нѣтъ ни снѣга, ни грязи; солнце, радуги, звѣзды, музыка, поэзія, скульптура, красота. И все это неодушевленное и одушевляющее.

Сядьте со мною на этомъ патѣ, которое обтянуто бѣлою обьярью съ пурпуровымъ рисункомъ и такъ удобно окружаетъ яшмовый пьедесталъ мраморныхъ Грацій: здѣсь можно подслушать, не бывъ замѣченнымъ, все, что говоритъ эта прекрасная дѣвица съ этимъ бойкимъ господиномъ.

— Нѣтъ, вы со мною не будете счастливы, потому что я,— извините меня,— не имѣю того расположенія, которое необходимо для чувствъ жены.

— Вы ненавидите меня?

— О, нѣтъ! Какъ далеко отъ этого!

— Вы равнодушны ко мнѣ.

— Извините, баронъ. Я васъ до того люблю и уважаю, что не хочу быть вашею женою. Вы молоды, хороши, умны, богаты. Вамъ надобна жена, которая бы знала всю цѣну вашихъ достоинствъ, какъ я знаю ее, которая любила бы васъ, какъ любятъ въ романѣ.

— О, будьте ко мнѣ равнодушны, только безъ ненависти, и я почту себя наисчастливейшимъ мужемъ! Будьте, прошу васъ, менѣе разсудительны, менѣе заботливы о моей участи, а болѣе соотрадательны. Это ошущеніе души вашей не любовь, но такъ близко отъ нея, что, я увѣренъ, вы меня полюбите прежде, чѣмъ въ состояніи будете открыть мои дурныя стороны.

— То есть, вы хотите быть мужемъ на-авось. Берегитесь!

— Съ вашими правилами, съ вашимъ образомъ мыслей, кажется, невозможно быть грозою постоянства и вѣрности.

— А съ моимъ сердцемъ? Оно привыкло къ свободѣ. Оно сдѣлалось самоуправно, своенравно, неуступчиво. Положимъ, что вы пріобрѣтете во мнѣ сосудъ изъ чистѣйшаго кристалла; но онъ будетъ пустъ, стало-быть, способенъ къ принятію чего-нибудь: а ежели это что-нибудь: будетъ не вы? Ахъ, чѣмъ ближе будете вы придвигать его къ своимъ устамъ, тѣмъ болѣе онъ запятнитъ ихъ, обожжетъ.....Нѣтъ, я не могу быть вашею женою.

— Можете, ежели захотите. Начну съ того, что вашимъ предположеніямъ не вѣрю. Потомъ, долженъ вамъ сказать,—ежели вы были такъ милостивы, что сами начали этотъ разговоръ,—долженъ вамъ сказать просто, откровенно, что всѣ ваши опасенія.....

— Не доканчивайте. Я вамъ объявила наотрѣзъ, что не могу быть вашею женою: стало-быть, всѣ ваши дальнѣйшія объясненія не нужны. Не воображайте себѣ одинакожъ, чтобы съ этимъ отказомъ кончилось все наше знакомство: напротивъ, не знаю, какъ вамъ, а во мнѣ разговоръ вашъ возродилъ какое-то къ вамъ довѣріе; сблизилъ душу мою съ вашею; поселилъ участіе въ судьбѣ вашей.....

Тутъ загремѣла мазурка и молодые люди порхнули въ залъ танцевъ.

То были Наталья Николаевна и господинъ Агратировъ, котораго иногда называли барономъ. Изъ разговора ихъ явствуетъ, что красавица чего-то прибавалась, вертѣлась, отдѣльивалась какъ лисица хвостомъ. Простите за сравненіе.

Балъ кончился въ шесть часовъ утра. Свѣчи и лампы погасли. Дѣвнцы и молодые дамы измучились.

*

Комнаты опустыли. Лакеи ушли въ подземелья. Офиціанты, не раздѣваясь, захрапѣли, гдѣ кому пошло. Столовую, во всемъ ея безпорядкѣ, дворецкій заперъ на замокъ, и водворился въ своей конуркѣ.

Наталья Николаевна, томная, полусонная, пришла въ свои комнаты; раздѣлась еще скорѣе, чѣмъ раздѣвался Наполеонъ, и бросилась на кровать.

Зинка, въ нарядномъ платьѣ, съ косынкою, повернутою задомъ напередъ, съ кудрями включенными, съ глазами полузакрытыми, погасила свѣчи, зажгла лампаду, подошла къ кровати, чтобъ закинуть помы занавѣса одну на другую, и вдругъ вскрикнула.

— Наталья Николаевна! У насъ гости.

— Что ты это, глупая ?

— Правда ваша, сударыня, что глупая, и позабыла вамъ сказать: Алексѣй Петровичъ здѣсь.

— Какъ? Онъ? Здѣсь? Гдѣ?

— Въ моей комнатѣ.

— Проси его сюда. Нѣтъ, постой! Зинка! давно онъ здѣсь?

— Съ перваго часа.

— Ну.....такъ и быть.....Проси ко мнѣ.

Зинка ушла.

— Э, такъ вотъ что! Теперь помятно, отчего Наталья Николаевна засидѣлась въ дѣвкахъ. Вотъ, какая исторія! О, да теперь, нѣкоторымъ образомъ, понятно и то, отчего это прекрасное твореніе въ трехъ томахъ!

Прошу васъ, господа, не дѣлать ни какихъ догадокъ! Наталья Николаевна мнѣ добрая пріятельница.

Тихо отворилась дверь, и Алексѣй Петровичъ въ спальнѣ.

— Алексѣй!

— Наталья!

И они въ объятіяхъ другъ друга.

— Но..... милый другъ мой! а мое кольцо? Я его не вижу, сказалъ Хелидоновъ, расцѣловавъ прекрасныя руки Натальи, осматрѣвъ ихъ со вниманіемъ и опустивъ легошкѣ на постель. Впрочемъ, можетъ-быть, оно уже тебѣ не нужно? Можетъ быть, другое заказано уже для другаго?

— Вы злодѣй, Алексѣй Петровичъ! Вы больше чѣмъ злодѣй..... Алексѣй Петровичъ, гдѣ мой сынъ?

— Гдѣ жъ онъ? вскричалъ въ свою очередь блѣдный какъ смерть Хелидоновъ.

Они вперили взоръ другъ въ друга и казались въ столбенѣніи.

Съ главноначальническаго разрѣшенія моихъ читателей, дерзаю объяснить имъ это обстоятельство.

Лѣтъ восемь назадъ, дѣвица Гриднева была какъ всѣ дѣвицы. Восемь лѣтъ тому назадъ, Хелидоновъ былъ уже два года офицеромъ, а прежде, какъ юнкеръ, ходилъ каждый праздникъ въ домъ къ ея отцу. Сынъ дворянина недостаточнаго, онъ былъ порученъ своею матерью старику Гридневу, который служилъ когда-то вмѣстѣ съ ея мужемъ и былъ ему другомъ. Огромная разница въ состояніи двухъ друзей напечатлѣвала обращеніе съ нимъ Гриднева важностью и нѣкоторою снисходительностью; однакожъ онъ ласкалъ молодаго юнкера и довольно любилъ его. Да нельзя было и не любить: юнкеръ былъ уменъ, учтивъ, ловокъ, почитателенъ, предупредителенъ. Онъ былъ строенъ и красивъ: въ глазахъ огонь, на устахъ улыбка, сила въ груди и гибкость подъ грудью. Онъ былъ унылъ и блѣденъ; но когда одушевлялся, чѣмъ бы то ни было, щеки его горѣли. Черный пухъ новорожденныхъ усовъ, крупныя кудри и пріятная смѣсь мягкости и мужества придавали ему много прелести. Я не думаю, чтобы то, что принадлежитъ до юнкерскихъ достоинствъ молодаго Хелидонова, особенно привлекало къ нему старика Гриднева; но его супруга, мать На-

талби, не могла не замѣчать ихъ. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлался совершенно домашнимъ, и, произведенный въ офицеры, почти совсѣмъ поселился въ домъ.

Наталья и Алексѣй должны были неминуемо полюбить другъ друга, и полюбили. Сначала какъ братъ и сестра, потомъ не много больше, потомъ..... и въ самомъ дѣлѣ!

Сначала ихъ невинная любовь была какъ непрерывный дѣтскій праздникъ: ихъ все утѣшало, все играло въ ихъ глазахъ; они учились любить, играя, но учились еще по азбукъ. Потомъ перешли къ складамъ, потомъ къ чтенію, наконецъ вздумали и сами сочинять. Эти успѣхи сдѣлали ихъ заботливѣе.

— Другъ мой! сказалъ однажды Алексѣй Натальѣ: обвинчаемся тайно.

Она вздохнула, поглядѣла на небо, потеряла руку объ руку; еще вздохнула и трепещущимъ голосомъ отвѣчала: — Пойдемъ! Они обвинчались при свидѣтеляхъ.

На нихъ смотрѣло небо; ихъ благословилъ священникъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ настали для нихъ родительскія заботы.

Купить маленькій домикъ; приобрести няню по имени Катерину; нанять кормилицу по имени Авдотью,—все это было сдѣлано въ нѣсколько часовъ при помощи мѣткого дворецкаго и проворной, вѣтренной Зинки. Новый житель міра кормился и спалъ наилучшимъ образомъ. Мать и отецъ посылали его почти каждый день.

Какъ же этого не примѣтили родители, господинъ Гридневъ и госпожа Гриднева?

Господинъ Гридневъ каждый день объѣдалъ и игралъ въ вистъ въ Англійскомъ клубѣ: ему было недосугъ. Госпожа Гриднева носила на глазахъ зеленый зонтикъ.

Но, въ такомъ случаѣ, молодымъ людямъ оставалось другое средство, — признаться и просить прощенія? *Factum infectum fieri nequit.*

Попробовали бы вы признаться! Я знаю Гридневыхъ! Въ такомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ, всего благо-разумнѣе было молчать.

Спустя три года послѣ свадьбы маленькій домикъ превратился въ настоящій воспитательный домъ. Въ три года у Натальи было уже четверо дѣтей, потому что однажды родила двоихъ. Алексей жилъ съ дѣтьми, но подъ видомъ постольца; няня Катерина слыла за мать; рожденіе мелкихъ Хелидоновыхъ записывалось своимъ чередомъ, какъ слѣдуетъ, въ метрическую книгу. Напрасныя предосторожности! Певальная болѣзнь похитила трехъ малютокъ; остался одинъ старшій, Алеша.

Хелидоновъ всегда служилъ; онъ былъ въ необходимости разлучиться съ семействомъ, и биться съ Персами въ Арменіи, и съ Турками, подъ стѣнами Анапы.

Хелидоновъ писалъ изъ арміи къ женѣ какъ-можно чаще, но не получилъ отъ нее ни одного письма. Это его удивило; онъ пересталъ писать. Легко сказать — пересталъ, но каково было ему чувствовать? Умъ; самая пустая часть человѣческой головы, придумывая разныя разности, только надрывалъ его бѣдное сердце. И что сдѣлалось съ нимъ еще тогда, когда его другъ, истинный другъ, Фригаровъ, показалъ ему письмо отъ одного изъ своихъ Петербургскихъ знакомцевъ, въ которомъ было сказано, что мадмуазель Гриднева выходитъ за мужъ за барона Аграпирова! Онъ, какъ мужъ дѣвицы Гридневой, былъ истинно несчастенъ.

Но надобно знать, что другъ его Фригаровъ былъ еще несчастнѣе его. Онъ также лишился жены, неожиданно, вдругъ, однимъ разомъ. Она пропала у

него съ супружескаго ложа. Она была похищена, въ цвѣтъ лѣтъ, вмѣстѣ съ ея огненнымъ взглядомъ, съ ея бѣлою и горячею грудью, со всеми прелестями красоты очаровательной: она похищена была не бездушнымъ обольстителемъ, не коварнымъ соперникомъ, не смертію, которая состоитъ изъ одного скелета и косы, но Горцами, кипящими жизнью. Такія похищенія огорчаютъ пуще похоронъ.

Оба друга страдали вмѣстѣ, переливали свою тоску и свое отчаяніе изъ сердца въ сердце, то есть, изъ пустаго въ порожнее. Дѣлать было нечего.

— О!..... стоналъ Фригаровъ: если бы только я могъ возвратить ее! Я умѣлъ бы восторжествовать надъ предразсудками.

Э!..... восклицалъ Хелидоновъ: я рѣшился восторжествовать надъ своими чувствованіями. Хочу забыть невѣрную; хочу покориться провидѣнію.

Потомъ онъ думалъ про себя: «Наталья выходитъ за мужъ за барона Аграпирова! Этого она не можетъ. Но это значитъ, что баронъ Аграпировъ..... въ мое отсутствіе..... а женщины такъ непостоянны, что..... Я самъ не понимаю, что это значитъ!»

Другъ Хелидонова, размышляя о своей женѣ и о Горцахъ, сдѣлался болѣнъ; томился, чахъ, тощалъ, и до того высохъ, что былъ похожъ на Ирвингова Нью-Йоркскаго бургомистра Бутербрука, отъ котораго, когда онъ умеръ, не оставалось чего хоронить. Въ это время войско двинулось въ Турецкую Арменію. Друзья простились, какъ прощаются съ усопшими, когда на длинныхъ тканяхъ опускаютъ ихъ въ глубокую могилу.

Не мое дѣло знать, были ли преднамѣренія при началѣ кампаніи 1829 года занять Адрианополь съ одной и Эрзерумъ съ другой стороны Турецкой имперіи? Я знаю только, что мы были въ одно время въ Адрианополь и въ Эрзерумъ.

Хелидоновъ встрѣтился съ первыми пулями въ Карсѣ. И гдѣ не побывалъ онъ въ продолженіе этой кампаніи! И на высотахъ Тавра, и у подножія Арарата, и въ долинахъ Кура, и на утесахъ Ахалциха, и на поляхъ Эрзерума, беременныхъ пажитями, виноградомъ, гранатами, оливками. Онъ пилъ воды Аракса, Эвфрата, Кура, которыя пилъ и Митрадатъ. Онъ пролезалъ черезъ ущелья Бардша, Адзшверома, Потшова. Онъ познакомился съ пашами Ванскимъ, Требизондскимъ, Аджерскимъ, Мушскимъ, главою бродячихъ Курдовъ, лютыхъ разбойниковъ долинъ Эвфрата, и наконецъ съ знаменитымъ Хадигъ-Пашею, надеждою мусульманъ. Онъ познакомился съ ними лицомъ къ лицу, съ мечемъ въ рукѣ, и такъ близко, что чуть не поймалъ одного изъ нихъ за бороду, — не помню котораго.

Счастье до тѣхъ поръ хранило Хелидонова въ огнѣ и съчѣ, какъ-будто на зло ему самому, или для того, что, можетъ-быть, готовило для него особенное проществіе.

Паша Требизондскій задумалъ отбить у Русскихъ мѣста Гуріела, и утвердился между городомъ Контри-ти и крѣпостью Св. Николая; но храбрый генералъ Гессе разбилъ его, несмотря на помощь Лассовъ, кочующихъ на берегахъ Чернаго Моря, и которыхъ привелъ съ собою Ахмедъ-Бей, начальникъ всего ихъ полкѣнія. Все разбитое войско разсѣялось по лѣсамъ. Тогда смерклось. Полки наши расположились бивакомъ, и костры запылали надъ ручьемъ.

Большая часть солдатъ спала крѣпкимъ сномъ въ ожиданіи кашицы; иные бродили какъ угорьлые, доканчивая свои обязанности. Генералъ ходилъ безпрестанно по цѣпи, осматривая каждый кустъ, каждый камень. Штабъ-офицеры, закутавшись надлежащимъ образомъ въ плащи, лежали тихо, потому что у нихъ

прибаливали виски, горла и груди. Оберъ-офицеры сидѣли тамъ-и-сямъ подлѣ огня, курили трубки, попивали чай изъ манерочныхъ крышечекъ, громко смѣялись и разговаривали о своихъ побѣдахъ надъ..... неприятелями, вы думаете? Отнюдь нѣтъ! Надъ пріятельницами.

Я не привожу ихъ разговора, изъ опасенія длинноты въ разсказѣ.

Потомъ все стихло; огни почти погасли; только слышны были оклики цѣпи, да что-то въ дали рубили топорами.

Рубили топорами склены для трехъ князей Черкесскихъ, которые пали какъ герои, по своей привязанности къ Русскимъ. Горцы наиболѣе преслѣдовали ихъ въ кровавой сѣчѣ.

Хелидонову не спалось; тревожная дума его бодрствовала. Онъ всталъ и пошелъ на гуль топоровъ.

Долго стоялъ онъ, задумавшись, прислонясь къ буковому дереву и глядя на приготовленіе могилъ тремъ храбрымъ, которые лежали вмѣстѣ, покрытые бурками. Вдругъ увидѣлъ онъ передъ собою одного воина изъ ихъ отряда. Положивъ палецъ на губы, Горецъ сказалъ ему тихо, дурнымъ Русскимъ языкомъ: — Узденъ! купи красавицу. Магмедъ-Бей, начальникъ Лассовъ, продаетъ одну. Гурія!

— Прочь, сумасшедшій! крикнулъ капитанъ; но одумался. Черкесь! поди сюда. Гдѣ можно видѣть ее?

— Поутру здѣсь, на могилахъ князей.

— Ты придешь со мною?

— Я и тридцать нашихъ.

— Хорошо.

Стало свѣтать. Зари не было видно: горы заслоняли ее отъ долины. Черкесь пришелъ и увѣдомилъ Хелидонова, что Магмедъ-Бей съ тридцатью Лассами-числомъ, равнымъ числу Черкесъ, прислалъ свою ясырку.

Подняли цестрое покрывало.

Хелидоновъ обмеръ отъ удивленія, увидѣвъ красоту ясырки. Она затрепетала отъ радости, при видѣ Русскаго мундира. Но тотъ и другая овладѣли своими чувствами.

— Цѣна? спросилъ хладнокровно капитанъ.

— Семьсотъ пятьдесятъ махмудій.

— Какой она вѣры?

— Христіанка.

— Она, сказалъ капитанъ съ улыбкою, совсемъ не стоитъ суммы, которую за нее просятъ. Что за ноги! Что за руки! Да она вовсе ходить не можетъ на этихъ маленькихъ лапкахъ.

— А нагайка зачѣмъ? отвѣчалъ одинъ изъ Лас-совъ.

— Что можетъ она дѣлать этими руками?

— Небось, сдѣлаетъ, что велятъ.

— Да посмотрите на нее! Она чуть жива, слаба, истощена.....

— Долго была въ ясырь, сказалъ Лассъ. *Ишшалахъ*, оправится!

— Ежели она христіанка, я долженъ выкупить ее, чтобъ отпустить на волю.

— Только, смотри, пускай подальше, сказалъ съ усмѣшкою Лассъ: не то, попадетъ опять въ наши руки.

Хелидоновъ отдалъ послѣднія свои деньги и получилъ невольницу.

— Кто вы?

— Жена подполковника Фригарова.

Въ восторгъ, въ признательности души своей къ небесамъ, Хелидоновъ чуть не палъ на колѣни: онъ благодарилъ Всемогущаго за спасеніе жены своего друга, своего больного друга, отъ котораго давно уже не получалъ извѣстій.

Онъ представилъ ее генералу, и просилъ позволенія находиться ей при обозъ отряда.

Эмилиа была удивительная красавица. Ея темнорусые великолѣпные волосы, ея черныя рѣсницы и брови, ея темноглубые глаза, ея ротикъ, носикъ, ножка, даже черненькое пятнышко на щекъ, могли каждое по себѣ рѣшить сердце на любовь, а на все вмѣстѣ нельзя было смотрѣть безъ грѣха. Но въ то время Эмилиа была такъ разстроена, что ея прелести казались подернуты туманомъ: она не могла ни радоваться, ни плакать, ни говорить, ни ѣсть. Она была уныла, молчалива, даже упряма и жестока. Она ѣхала верхомъ подлѣ своего избавителя. Глаза ея были всегда опущены, голова наклонена, зубы сжаты и тоненькіе пальчики правой руки распростерты на полной груди. Мрачно спросила она о своемъ мужѣ, мрачно поблагодарила Хелидонова, и рѣдко отвѣчала на его вопросы. Разговоръ ея состоялъ изъ да и нѣтъ; только иногда слышны были вздохи.

— Не безпокойно-ли вамъ на конѣ? спросилъ Хелидоновъ.

Она молчала.

— Вы, можетъ-быть, къ этой ѣздѣ привыкли?

— Ужасно! ужасно!.... Да, я привыкла, вскричала она вдругъ, и блѣдное лице ее посинѣло.

Близъ крѣпостцы Кіюпрюли-кіюй есть развалины, остатки временъ Римскихъ. Тамъ, подъ сводами аркъ, въ двухъ довольно большихъ комнатахъ, жила добрая старушка, Армянка. Она вдѣлала окна въ старыя отверзтія и, вмѣсто стеколъ, обтянула ихъ серпанкою; густая зелень прекрасныхъ растеній освѣтляла ихъ снаружи.

Здѣсь-то Хелидоновъ помѣстилъ Эмилию, подъ охраненіемъ тридцати казаковъ, съ позволенія начальства.

Между-тѣмъ всѣ малые отряды войскъ собрались въ одну массу, и 29 іюня Русская армія потянулась къ непріятелю въ Эрзерумъ. По той же дорогѣ, на встрѣчу ей, шель сераскиръ; но Русскіе своротили лѣво, и близъ Миллидузе открыли станъ Хадигъ-Паши, расположенный на скатѣ горы, которой вершина покрыта была снѣгомъ, а отлогости, изрѣзанныя глубокими оврагами, осыпались густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Не было возможности дѣйствовать наступательно спереди и слѣва.

Главнoкомандующій сталъ на противоположной высотѣ лицомъ къ непріятелю; но большую часть войска устремилъ въ обходъ на правое крыло и въ тылъ, такъ, чтобъ не дать ему замѣтить этого движенія. Отрядъ прошелъ уже болѣе 60 верстъ чрезъ цѣпи горъ и остановился отдохнуть близъ деревни Кольни, какъ на другой сторонѣ долины показалось войско Турецкое.

Начался бой. Муравьевъ, Бурцовъ и Панкратьевъ дѣлали чудеса храбрости. Хелидоновъ, за недостаткомъ баталіоннаго командира, командовалъ баталіономъ. Весь отрядъ бился съ ожесточеніемъ. Турки дрогнули: шные побѣжали; другіе начали отступать въ изкоторомъ порядкѣ. Стали понадаться пльвиные, — и что же отъ нихъ узнали? Войско Турецкое, съ которымъ дерутся, находится подъ начальствомъ сераскира, шедшаго на помощь къ Хадигъ-Пашѣ.

Сераскиръ бѣжалъ въ горы Саганлуцкія. Его преслѣдовали, и ваяли богатый его лагерь и всѣ пушки.

А Русскіе? Что же? Имъ вѣрно идти въ обходъ. На дорогѣ встрѣтили сераскира, разбили и пошли далѣе, куда приказано было, — въ тылъ Хадигъ-Пашѣ.

При первомъ ихъ появленіи, Хадигъ-Паша обернулся къ нимъ лицомъ.

Пять колоній, съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, подъ жаркимъ непріа-

тельскимъ огнемъ, двинулись къ укрѣпленному лагерю. Штыки проложили себѣ дорогу черезъ сабли и ятаганы. Заряженные въ послѣдній разъ Турецкія пушки не успѣли выстрѣлить, и пригодились побѣдителямъ, чтобы громить въ тылъ бѣгущихъ Турокъ, изъ ихъ же укрѣпленія. Хадигъ-Паша не хотѣлъ предаться постыдному бѣгству: онъ самъ себя лишилъ свободы—отдавшись въ плѣнъ.

Бѣглецы устремились въ лѣса къ источнику Аракса, къ Мишигерду и Сисаху.

— Впередъ! сказалъ главнокомандующій, въ Эрзерумъ!

Для этого слѣдовало занять сильнымъ отрядомъ Кюпрюли-кюй, чтобы обезпечить безопасность древняго Римскаго замка, какъ удобнѣйшаго мѣста для складки провіанта и другихъ вещей, нужныхъ для арміи. Исполненіе этого поручено было Хелидонову.

Приближаясь къ развалинамъ, въ которыхъ недавно помѣстилъ Эмилию, Хелидоновъ увидѣлъ издали подъ ихъ стѣнами жаркую схватку.

Казакъ дрался съ Турками, бѣжавшими черезъ Кюпрюли-кюй. Эмилиа была уже увезена. Хелидоновъ пустился въ погоню. На скатъ горы достигъ онъ бусурманъ, и рушился на нихъ какъ водопадъ. Бой былъ ужасный. Донцы до того остервенились, что, побросавъ пики, давили за горло руками Турокъ и откусывали имъ носы и уши. Хелидоновъ раненый свалился съ лошади.—«Братцы, не выдайте!» закричалъ онъ казакамъ, и лишился чувствъ. Его отнесли въ чащу кустарника, и бой продолжался

Когда онъ очнулся, взглядъ его встрѣтился съ тѣми прекрасными темно-голубыми глазами, за которые прежде онъ отдалъ всѣ свои деньги, а теперь половину своей крови. Направо лежалъ убитый пулею Лассъ; подлѣ него стоялъ конь, ржалъ, и билъ ногою въ зем-

лю, какъ-бы желая воззвать мертвеца къ жизни. Вдали слышались гикн Донцевъ.

Эмилиа стояла возлѣ раненаго на колыняхъ и старалась покрываломъ своимъ унять ручьи крови, которые текли изъ двухъ ранъ его.

Скоро прискакали казаки, положили Хелидонова на бурки, прикрѣпленныя къ двумъ пикамъ, и повесли въ Кіопрюли-кюй. Эмилиа вѣхала подлѣ него, вечальная, мрачная, потопленная слезами, которыя катились по ея рукъ, прилипшей къ груди.

Лекаръ перевязалъ раны капитана и обнадежилъ, что онъ совсѣмъ неопасны, и что черезъ три, двѣ недѣли, онъ придетъ, Богъ дастъ, въ состояніе быть раненымъ снова.

Ночь была однакожъ не слишкомъ выгодна для капитана: онъ не могъ уснуть. Эмилиа оставалась при немъ, и такъ же не смыкала глазъ. Она ловила всѣ его движенія, предупреждала желанія, кликала денщика, бѣгала за чистою водою, освѣжала воздухъ, щипала корпій, давала лекарства, и только къ утру заснула легкимъ сномъ, положивъ руки на столъ и оперши на нихъ свое прекрасное чело.

На другой день больному было хуже: онъ въ бреду; Эмилиа стояла на колыняхъ и держала его за руку. Такъ стояла она до тѣхъ поръ, пока Хелидоновъ не пришелъ въ себя и пока не ослабла сама. Докторъ принужденъ былъ ухаживать за нимъ и за нею.

На пятые сутки, послѣ спокойнаго сна, Хелидоновъ былъ несравненно свѣжѣ. Эмилиа сидѣла на диванѣ и улыбалась. Онъ увидѣлъ ея первую улыбку; эта улыбка походила на мгновенный проблескъ солнечнаго луча черезъ скважину ставня.

Онъ взялъ ее за руку.

— Вы какъ-будто досаждаете на меня, что я былъ орудіемъ вашего забавленія, сказалъ онъ ей тихо. Вы

затворили накрѣпко отъ меня вашу душу. Что сокрушаетъ васъ такимъ жестокимъ образомъ, тогда, какъ все вамъ обѣщаетъ радость? Вы свободны, и скоро увидите вашего супруга.

Эмилиа поблѣднѣла.

— Говорите! говорите! рѣшитесь передать мнѣ тоску вашу. Можетъ-быть, вамъ будетъ отраднѣе.

Эмилиа устремила на него пронизательный взоръ.

— Я вамъ другъ, продолжалъ онъ. Мы любимъ, не можемъ не любить того, кому, по благовости Провидѣнія, могли оказать какую-нибудь услугу. Это естественно. Еще ли вы сомнѣваетесь? Я вамъ единственный другъ на чужбинѣ, и въ такое время, когда вамъ наиболѣе необходимо имѣть опору, утѣшителя.

Эмилиа крѣпко пожала его руку и, приподнявъ глаза, приложила ее къ своей груди.

— Именемъ Бога, прошу васъ, оставьте ваше упорное молчаніе! Но.....не принуждайте себя впрочемъ. Не прикрывайте притворною личиною вашу ненависть ко мнѣ.

Эмилиа вздрогнула.

— Ненависть? воскликнула она. Ненависть къ вамъ? Это слишкомъ! Я могу быть преступницею, но не злодѣйкою.

— Что же мѣшаетъ вамъ быть со мною откровенною?

— Ахъ, если бы вы были моею подругой!..... Послушайте! Я не могу, я не должна видѣть мужа моего.....

Она закрыла лице руками, и начала рыдать.

— Благоразуміе! благоразуміе! сказалъ Хелидоновъ. Что жъ дѣлать! это ужъ законъ войны.....

Онъ призадумался объ этомъ законѣ. И въ самомъ дѣлѣ, предметъ былъ очень богатый для философическихъ размышленій. Послушавши моралистовъ, вы будете увѣрены, такъ же какъ я былъ увѣренъ нѣкогда, какъ до того времени былъ увѣренъ капи-

тавъ Хелидоновъ, что война вещь нагубная, что она истребляетъ людей, опустошаетъ землю, грозитъ уни-чтоженіемъ рода человѣческаго. Ни вы, ни моралисты, не понимаете военного права. Оно чрезвычайно мудро въ своихъ распоряженіяхъ, и если съ одной стороны причивляетъ убытокъ въ людяхъ, съ другой тотчасъ пополняетъ его, и, быть-можетъ, съ лихвою. Еще не доказано,—болѣе ли гражданъ отнимаетъ побѣдитель оружіемъ у покореннаго государства, чѣмъ даритъ ему новыхъ и красивенькихъ жителей, или обратно? Хелидоновъ склонился къ послѣднему, то есть, къ обратному рѣшенію вопроса. Во всякомъ случаѣ, положеніе этой женщины проникло его печально. Оно было ужасно, и онъ вполне входилъ въ ея чувствованія.

—Эмилиа! сказалъ онъ послѣ долгаго и торжественнаго молчанія, которое стоило длинной торжественной рѣчи. Я хотѣлъ скрыть отъ васъ ужасную тайну изъ уваженія къ вашему несчастію; но теперь, изъ уваженія къ нему жъ, долженъ объявить вамъ ее. Вы не возвратитесь къ вашему супругу. Онъ умеръ, и умеръ во-время, пока еще война не посрамила его семейства.....

Несчастливая женщина уже лежала безъ чувствъ на землѣ.

Когда она пришла въ себя, Хелидоновъ сидѣлъ на своей постелѣ, и съ участіемъ протягивалъ къ ней руку. Только подлець можетъ насмѣхаться надъ подобнымъ положеніемъ добродѣтельной и вѣрной долгу своему женщины! Ужаснѣе этого состоянія сердца нѣтъ во всей человѣческой природѣ. Передъ нимъ блѣдны всѣ трагедіи. Хелидоновъ спрашивалъ ее съ нѣжностью, что она намѣрена дѣлать, хочетъ ли остаться въ тамошнихъ краяхъ, или ѣхать въ Россію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ предлагалъ ей свою помощь.

— Въ Россію! въ Россію! отвѣчала она : только бы побывать прежде въ Эривань!

— И это могу я для васъ сдѣлать, сказалъ Хелидоновъ, пожавъ ей руку.

Спустя недѣлю, Эмилія была отправлена въ Эривань, а Хелидоновъ поспѣшилъ въ главную квартиру, которая стояла со всею арміею передъ стѣнами Эрзерума.

Эта столица Турецкой Арменіи, обширная и многолюдная, лежитъ на пространной долинь, обнесенная со всѣми своими предмѣстіями зубчатою стѣною, подъ защитою цитадели. Къ востоку, внѣ города, возвышается гора Топъ-дагы, которая на пушечный выстрѣлъ господствуетъ надъ укрѣпленіемъ. Турки поставили на ней укрѣпленіе и соединили ее ретрэншаменами съ стѣною.

Главнокомандующій не долго думалъ: онъ приказалъ овладѣть выотою Топъ-дагы, и пушки obratitъ на городъ.

Велѣно, — сдѣлано.

Столица Арменіи покорена, и ключи Эрзерума вручены Русскому полководцу; но капитанъ Хелидоновъ, при штурмѣ Топъ-дагы, въ которомъ онъ особенно способствовалъ къ занятію высоты, снова былъ опасно раненъ. Докторъ былъ хорошій пророкъ.

Черезъ полтора мѣсяца, получивъ облегченіе, онъ отправился въ Эривань. Когда онъ подъѣзжалъ къ ней, ночь была прекрасная, ночь истинно Армянская. Я знаю, что этотъ эпитетъ не очень лестенъ, но иначе не умѣю назвать ея. Притомъ, могу васъ увѣрить, что Армянскія ночи гораздо лучше Армянъ. Онъ увидѣлъ кладбище. Желаніе посѣтить могилу друга заставило его остановиться. Онъ отправилъ калыску на квартиру, а самъ пошелъ на кладбище.

Перейдя ровъ, которымъ оно окружено, онъ подумалъ о трудности отыскать могилу Фригарова, еже-

ли на ней не поставлено ни какого отличительнаго знака. Онъ разсмотрѣлъ нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней, но они покрыты были Армянскими надписями. Однако жъ, вдали замѣтилъ онъ каменную часовеньку съ открытою дверью, и пошелъ къ ней наудачу. Снаружи не было ни какой подписи; внутри было темно. Несмотря на то, онъ вошелъ, и скоро носокъ сапога ударился о что-то твердое: онъ повелъ ногу налево и направо: то былъ широкій камень, который въ высоту пришелся ему по грудь. Онъ оцупалъ рукою поверхность камня, рука его скользнула по тѣлу человѣка, и громкое восклицаніе раздалось въ надгробной часовнѣ.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

Не было отвѣта; но также не стало и человѣка на поверхности камня.

Хелидоновъ раскинулъ руки; повелъ ими по темному простраству, и женщина въ шелковомъ платьѣ заключалась въ его объятіяхъ.

— Кто вы? повторилъ онъ.

— Эмилиа, отвѣчала она. Это вы, Алексѣй Петровичъ?

— Я. Но что вы здѣсь дѣлаете?

— Сплю. Я всякую ночь здѣсь сплю. Это мой домъ. Здѣсь такъ отрадно.

Хелидоновъ прижалъ ее къ своему сердцу.

— Жена моего друга! вскричалъ онъ: клянусь на гробъ его быть всегда твоимъ защитникомъ, твою подпорою!

Эмилиа была у ногъ его, и, рыдая, обнимала колѣни.

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ Петербургѣ:

Родители госпожи Хелидоновой, узнавъ объ ея тайномъ бракѣ, о сынѣ и о прочемъ, пришли въ ужасное бѣшенство. Господинъ Гридневъ въ этотъ день не поѣхалъ въ клубъ; госпожа Гриднева подняла свой

зеленый зонтикъ выше лба. Шуму было много. Они рѣшились уничтожить законную связь своей дочери, и выдать ее замужъ за другаго. Этими хотѣли они, по ихъ словамъ, показать любовь свою къ дочери, и, чтобъ не оторчить ея гласностью, приступили къ невинной хитрости.

Началось перехватомъ всѣхъ писемъ къ ней отъ мужа. Приняли строгія мѣры, чтобы письма ея не отдавались на почту. Всякое сообщеніе между супругами было вдругъ прервано. Обоюдное молчанье возродило въ нихъ какое-то упорное чувство, прежде чѣмъ пришло имъ въ голову переписаться черезъ постороннихъ; но и тутъ мысль не открывать своихъ подозрѣній казалась уже имъ благоразуміемъ.

Притомъ замѣшалось одно изъ тѣхъ постороннихъ лицъ, которыя очень часто втираются между отцами и дѣтьми. Девизъ ихъ: въ мутной водѣ рыбу ловить. Ихъ наслажденіе—сплетни; ихъ орудіе—клевета. Ихъ жертвою бываетъ обыкновенно та сторона, которая простѣе сердцемъ. Эти люди смотрятъ всегда изъ подлбья бѣглыми глазами; они молчаливы и болтливы; скалятъ зубы и вдругъ поджимаютъ губы. Они носятъ всегда бѣлые пикейные жилеты и бѣлые галстуки. Я часто встрѣчаю ихъ на улицѣ, и покажу вамъ, если угодно.

Ненадобно предполагать, чтобъ эти люди принадлежали къ убогому только сословію, къ тѣмъ, которые встарь, живя на содержаніи богатыхъ дворянъ, бояръ и князей, слыли «жильцами» или «нахлѣбниками», а въ настоящее время называются «компаньонами». Не изъ нихъ однихъ удаются предупредительные посредники: напротивъ, они обыкновенно сообщаютъ съ своей стороны болѣе осторожности и, слѣдственно, дѣлаютъ менѣе всякаго рода суматохи, нежели проказы съ независимымъ состояніемъ. Побудительная причина такого посредничества менѣе

заключается въ корысти, чѣмъ въ склонности распорядиться въ чужихъ дѣлахъ. Наклонность эта принадлежитъ людямъ всякаго состоянія и званія, богатымъ и бѣднымъ, но болѣе всего безбѣднымъ, — всѣмъ душамъ бездушнымъ, расчетливымъ безъ расчета, мелочнымъ, хлопотливымъ, суетливымъ. Они то приводятъ хаосъ въ порядокъ и изъ порядка дѣлаютъ хаосъ, особенно на крестинахъ и похоронахъ.

Климъ Аникитичъ Угрѣвъ, степной, зажиточный дворянинъ, братъ внучатный госпоинъ Гридневой, управлялъ всею машиною, построенною общими силами для возстановленія семейственной чести.

Онъ раздражилъ молодыхъ супруговъ другъ противъ друга. Онъ раскинулъ вокругъ нихъ сѣти для ловли писемъ. Потомъ онъ еще укралъ у нихъ сына. Онъ прочиталъ Наталью и письмо, писанное изъ Георгіевска въ Петербургъ отъ одного офицера къ другому, что Хелидоновъ купилъ себѣ у Лассовъ Грузинку, и хочетъ на ней жениться, а отъ себя домомвилъ, что онъ же, Хелидоновъ, похитилъ у нея своего сына. Онъ упроеилъ одного молодого повѣсу, нѣсколько знакомаго покойному другу Хелидонова по стихамъ и прозѣ, написать стихами и прозою къ Фригарову, что Наталья перелила брачное кольцо свое въ кольцо обручальное для другаго и готовится выйти за мужъ.

Послѣ кампаніи Хелидоновъ былъ произведенъ въ полковники, возвратился въ Петербургъ, и вотъ, онъ предъ своею супругою; и вотъ, громко, запальчиво требуютъ другъ отъ друга сына, теперь вы понимаете все дѣло. Я не говорю, чтобы представленное мною объясненіе отличалось особенною краткостью, но оно обстоятельно, и привело насъ благополучно къ той же точкѣ, изъ которой мы вышли, — къ свальнѣ Натальи.

— Притворство ваше не у мѣста, господинъ Хели-

доновъ , сказала наконецъ она. Я не вѣрю вашей театральной разносчивости. Вы имѣете любовницу, Грузинку; можетъ быть, вы уже на ней женаты; но начто же вамъ сынъ, когда вы низкимъ, постыднымъ образомъ обманули мать его?

— Вы обманываетесь, сударыня. Женщина, которую привезъ я въ Россію и оставилъ у своихъ родителей, — жена покойнаго моего друга Фригарова. Но гдѣ ваше кольцо? Вы изъ него сдѣлали другое; вы откинули мое имя, и, пользуясь тайною, воспользовались правомъ названія дѣвицы Гридневой. Вы помолвлены за барона.....

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, кольцо у меня пропало изъ моей спальни, когда я по обыкновенію сняла его, начиная умываться.

Страшный крикъ, шумъ и гамъ на дворъ остановилъ упреки супруговъ: они бросились къ растворенному окну.

Какъ бы вамъ разказать это, не возбуждая въ васъ дурноты? Я нахожусь въ большомъ затрудненіи..... Малый! подай сюда стклянку съ о-де-колонемъ.

Посмотрите на этотъ клочекъ земли. Да не здѣсь, не здѣсь, не на дворъ дома господъ Гридневыхъ. Не глядите въ окно вмѣстѣ съ Хелидоновыми. Слушайте меня только. Посмотрите на клочекъ земли, который примыкаетъ къ заднимъ воротамъ крестьянскаго двора! Вы отворачиваетесь? взоръ и обоніаніе ваше поражаются этимъ ужаснымъ веществомъ, которое на четверть прикрываетъ лице земли. Подождите до осени: будетъ лучше. Повѣрите ли вы, что этотъ подлый humus можетъ измѣниться въ превосходную землю? Это еще не такъ мудрено: измѣняются въ превосходную землю и такіе люди, которые не стоятъ этого вещества, названнаго мною изъ учтивости по-Латынъ. Но вотъ что мудрено: нѣтъ сомнѣнія, мои прекрасныя молодыя барыни, что вы знаете смена

растения, называемаго *санабіс*, то есть, конопля: нимъ застѣна вся маленькая площадка; вы, кажется, сами видѣли: но вѣрите-ли вы, что въ каждомъ этомъ зернышкѣ заключается твореніе въ два аршина высоты съ граненымъ твердымъ стволемъ и густымъ султаномъ чернозеленыхъ листьевъ? Разумѣется, трудно повѣрить! Однако жъ это истинная и совершенная действительность. Откуда бы явиться ему, если бы его прежде не было? А явилось оно изъ маленькаго съмечка: стало-быть и заключалось въ немъ. Впрочемъ, взгляните сами на знакомую площадку и полюбуитесь дивнымъ превращеніемъ, потому что, пока мы говорили съ вами, настала уже осень: посмотрите, какъ густо могучее, пушистое растеніе покрываетъ всю поверхность плодотворной земли. Вамъ не нравится и конопля? Вы не хотите любоваться на такое грубое и удушливое растеніе? Такъ извольте потрудиться бросить прелестный взглядъ вашъ въ поле, на другую полосу земли, подернутую прекрасными голубыми цвѣтами: это ленъ *linum*, Linn.; онъ растетъ на такой же землѣ; онъ тоже изъ маленькихъ съмечекъ. Полюбуитесь хоть этимъ превращеніемъ! Вамъ и ленъ не по вкусу?

И за всѣмъ тѣмъ оба мои растенія лучше вашей ризы, вашего геліотропа. Мой *санабіс* превращается въ батистъ; мой *linum* въ тончайшее полотно. То и другое облипаютъ кругомъ земнаго изыщества, кругомъ роскошныхъ атласныхъ, пушистыхъ плечъ, о которыхъ столько пишутъ и читаютъ. Когда батистовыя или льняныя рубашки и рубашечки изнаются, изъ нихъ дѣлаютъ подкладки, настилочки. Когда все это поистаскается, оно поступаетъ въ ветошки и ветошечки; а когда и онъ достигнуть своего періода, тогда начинается новый процессъ превращенія: ихъ бросаютъ въ помойную яму. Малый! цей о-де-колонъ на всѣхъ кругомъ. Смѣйтесь, смѣйтесь! а изъ этихъ ямъ

возникаетъ безсмертіе смертнаго. Клонштокъ и Гёте изъ нихъ черпаютъ жизнь свою и живутъ ими роскошнѣе, надежнѣе, чѣмъ кочующій Гомеръ жилъ въ древности лирою и пѣніемъ. Такъ, такъ! все въ мірѣ слѣдуетъ закону непрерывнаго превращенія. Такимъ образомъ все въ природѣ обновляется. Отъ этого и свѣтъ всегда такъ новъ и свѣжъ. Жизнь необходима для гніенія; гніеніе необходимо для жизни; огонь очищаетъ кости; кости очищаютъ сахаръ. Нѣтъ ничего презрительнаго въ свѣтѣ, кромѣ души-ветошки. Все прекрасное стоитъ объ руку съ отвратительнымъ, трется объ него, измѣняется въ него, и изъ него опять переходитъ въ прекрасное. Я только это и хотѣлъ дать замѣтить.

Сорокъ мальчиковъ отъ семи до четырнадцати лѣтъ, стоятъ передъ великимъ магистромъ своимъ, который, съ длинною рыжею бородою, въ шапкѣ, похожей на чалму, въ черномъ плисовомъ камзолѣ сверху красной рубахи съ косымъ воротникомъ, сидитъ на опрокинутомъ деревянномъ чанѣ у низенькаго входа въ свою темную и душную квартиру, къ которой принадлежатъ большой навѣсъ и просторный сарай. Онъ раздаетъ мѣсячную плату маленькимъ работникамъ,—по два рубля съ половиною.

— Нынѣшній мѣсяць, говоритъ онъ имъ, я доволенъ вами. Смотрите же! не оставляйте ничего: ветошки, ветошечки, бумаги, бумажки, кости, черепки фарфора, стеклышки, желѣзо, мѣдь и всякую всячину искать въ помойныхъ ямахъ и въ цѣлости доставлять ко мнѣ. Теперь подходн ко мнѣ каждый!

И вотъ, каждому изъ мальчиковъ прицѣпилъ онъ кожаный запонъ съ зади и холстинную суму черезъ плечо.

— Запонъ, сказалъ онъ, для того, чтобъ сумка не мочила вамъ спины; а сумка для того, чтобы класть въ нее добычу изъ помойной ямы.

Онъ вооружилъ каждого желѣзною лопаткою на длинной палочкѣ и сказалъ :

— Этимъ носошкомъ рыться во всѣхъ углахъ, щеляхъ и гущахъ ямы. Прошлаго года Кондрашка принесъ мнѣ однажды пятакъ, весь зеленый какъ огурецъ, изъ той же ямы, которую всѣ вы шарили, да и хозяева чистили: стало-быть, мѣдный пятакъ давно лежалъ въ ямѣ, да мнѣ застрѣлъ, завалился куда-нибудь, затанлся подъ гущею. И такихъ пятаковъ можетъ быть много, въ каждой ямѣ. Смотрите же, работать потщательнѣе!

— Будемъ! будемъ! раздались звонкіе голоса мальчишекъ.

Вотъ хлыля орудіа, братья общества добыванія разной дряни, изъ которой сооружается великолѣпный храмъ для мірскаго безсмертія, и лоскутный рядъ для буднишнихъ плутней. Мальчишки-рыцари бродятъ по всѣмъ улицамъ съ своими запонами, сумками, лопаточками или крючками; входятъ безпрепятственно во дворы домовъ, роются, сколько хотятъ, въ ямахъ, которыя, чтобъ не повторять гадкаго слова, назовемъ вышеупомянутыми, и усердно, въ потъ чела и голодь трудятся для славы челоуѣчества за восемь копѣекъ въ сутки. На нихъ всѣ смотрятъ съ состраданіемъ, и никто, изъ уваженія къ ихъ трудолюбію, не смѣетъ кинуть имъ подаваніе. Дворники ихъ природные покровители, и дарятъ ихъ при встрѣчѣ милостивыми улыбками. Одиъ только собаки открытые враги ихъ: они отнимаютъ у собакъ послѣднее, послѣднее достояніе, — кости.

Шумъ, который слышался подъ окнами спальни Хелидоновой и обратилъ на себя общее вниманіе раздраженныхъ супруговъ, произошелъ въ такой же ямѣ. Мальчикъ, покрытый лохмотьями и грязью, но вриятной наружности, стоялъ въ ней, окруженный стаей собакъ, которыя съ ужаснымъ лаемъ собирались

растерзать его. Онъ плакалъ со страху и отчаянiя. Алексѣй бросился спасать его. Наталiя кричала Алексѣю «Спасай его, мой милый другъ! Алеша! Спасай!» Никогда еще собаки такъ удачно не примиряли ссорящихся супруговъ, и никогда ихъ остервененiе не давало лучшаго оборота дѣлу.

Черезъ два часа Алексѣй и Наталья стояли уже, держа другъ друга за руку, передъ отцемъ и матерью.

— Мы виноваты передъ вами! говорили они: очень виноваты! Мы обвѣнчались безъ вашего согласiя.....

— И безъ позволенiя начальства, сказалъ отецъ, глядя съ ядовитою усмѣшкою на зятя.

— И зато я былъ наказанъ, отвѣчалъ полковникъ: и за то четыре года я не видалъ жены, которую обожаю. (Наталья нѣжно прижалась къ нему.) Мнѣ все это извѣстно. Я все узналъ въ теченiе двухъ часовъ, пока вы почивали: я узналъ, что, посредствомъ Угрѣва, перехватывались наши письма; что онъ похитилъ нашего сына и спроворилъ вѣнчальное кольцо моей жены; что вы приказали отдать мое дитя вашему Ярославскому крестьянину, Якову Свистуну, и готовы были совершенно расторгнуть нашъ бракъ.....

«Пустое, милостивый государь, пустое! Никогда не велѣлъ я похищать кольца! И къ чему это? Что за глупости!

— Это правда, что вы не велѣли; но Угрѣвъ утащилъ его и бросилъ въ мыльную лохань, изъ которой Зинка выкинула его въ помойную яму,—а вась увѣрилъ, что Наташа перестала носить его, сдѣлавшись ко мнѣ равнодушною, и что готова согласиться на бракъ съ какимъ-то барономъ..... А нашъ малютка? Вашъ внукъ? Подумайте только, чтѣ вы сдѣлали съ вашимъ внукомъ? Четыре года жилъ онъ какъ отверженный, какъ сирота, у крестьянина, и даже былъ имъ употребленъ въ самую нечистую работу какъ чужой его сердцу, какъ его батракъ.»

— Полноте, полноте! вскричала госпожа Гриднева, насунувъ еще болѣе свой зеленый зонтикъ на глаза, между-тѣмъ какъ лице ея пылало отъ стыда и слезы катились по лицу.

— Да нѣтъ, нѣтъ! бормоталъ Гридневъ дрожащими губами, качая головой и ходя по комнатѣ блѣдный какъ его платокъ, который онъ растягивалъ обѣими руками. Нѣтъ, право нѣтъ; ничего этого не бывало.....

— Признайся, признайся, мой сердечный другъ! сказала ему, рыдая, жена.

Она подошла къ нему, взяла его за руки, и, при-вздернувъ голову вверхъ, устремила на него изъ-подъ зонтика взмокрые глаза.

— Ну, да чтожъ въ самомъ дѣлѣ такое? отговариваясь Гридневъ. Ужъ и дочерняго то поношенія не прикрывай? Держи ребенка дома, чтобъ говорили, что у дѣвицы Гридневой есть дѣти?.....

Двѣ крупныя слезы однако выкатились изъ глазъ его. Онъ никогда еще не плакалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ членъ Англійскаго клуба!

— Батюшка! сказала дочь, упавъ къ ногамъ его: я не осрамила васъ. Вы знаете, что я съ нимъ вѣнчалась; вы знаете, что Алеша нашъ сынъ. Простите насъ: это необходимо для свѣта, для вашего и нашего счастья.

Мать Наталіи и полковникъ Хелидоновъ упали также на колѣни.

— Папенька! продолжала Наталья. Алеша четыре года шатался въ чужомъ углу. Бѣдненькой! никто не приголубилъ его, никто не пожалѣлъ его въ бѣдности, въ сиротствѣ. Ахъ, если бы вы взглянули на него!

— Какъ? Что? Развѣ онъ здѣсь? А кто осмѣлился его привести? Отъ кого всѣ эти сплетни?

— Дворецкій вашъ, сказалъ полковникъ, признался мнѣ, что сына моего онъ самъ отвозилъ къ мужи-

ку. Мужикъ этотъ здѣсь. Мужикъ признался, что сынъ мой живъ и что онъ отдалъ его въ работу къ трапичнику. Дворецкій, увидѣвъ ребенка, удосто- вѣрилъ насъ, что онъ тотъ самый, котораго отдалъ мужику.

— Да увѣрены ли вы точно, Алексѣй Петровичъ, что это вашъ сынъ? сказалъ въ раздумьѣ Гридневъ.

— Спросите у вашей дочери, сказалъ полковникъ съ гнѣвомъ.

— Не то, не то, любезный. Въ этомъ я увѣренъ бо- лѣ васъ. Да тотъ ли самый, котораго дворецкій от- везъ къ Свистуну?

— О, папенька! о, если бы вы его видѣли! Это вы- литый портретъ моей маменьки.

— А?... Что? Портретъ твоей матери? Вылитой пор- третъ, говоришь ты?... Александра Онуфрьевна! слы- шишь, матушка?..... Э?..... Что же? Вылитый пер- третъ твой.

Мать бросилась на шею къ супругу своему.

— Прости ихъ! шептала она, задыхаясь отъ слезъ, и ея зеленый зонтикъ упалъ наземь.

— Ну!..... (Онъ нагнулся, чтобъ поднять зонтикъ.) Господь съ вами!..... Не такъ-то было хотѣлось..... Надвнъ, матушка..... Да какъ же быть? Не такъ жи- ви какъ хочется, а такъ какъ Богъ велѣлъ..... Ужъ какъ гора съ плечъ! Нечего дѣлать!..... Постою, сня- му образъ Спасителя: благословимъ ихъ; мнѣ пора ѣхать въ клубъ.

Семейство составило превосходную группу для кисти живописца, — хоть бы для вашей, Яковъ Федоро- вичъ Яценко.

— Полно же, полно! сказалъ старикъ, рыдая самъ безуспѣшно отъ чистаго раскаянья. А гдѣ увидѣли вы Алешу своего!..... Гдѣ онъ?

— Ахъ, папенька, папенька! говорила Наталья, улы- баясь сквозь слезы. Если бы вы его видѣли! Теперь

только что его обмыли, обсушили и завернули въ простыню.

— Какъ? Что? вскричали въ одинъ голосъ отецъ и мать.

— Мы ссорились за него съ мужемъ, продолжала дочь: мы не знали, гдѣ онъ, мы требовали его другъ отъ друга; мужъ приступалъ — гдѣ его кольцо вънчальное? Вдругъ услышали подь окномъ необычайный лай собакъ и крикъ ребенка. Мы подбѣжали къ окну: мальчикъ, съ сумкой за плечами, стоялъ до пояса среди помойной ямы и кричалъ во все горло. Больше десяти собакъ лаяли на него и кидались, оскаливъ зубы. Рученки его были подняты къ верху: въ одной былъ посошекъ съ лопаточкой, въ другой золотое кольцо: то былъ Алеша съ вънчальнымъ кольцемъ своей матери! Его хотѣли лишить матери, мать его хотѣли лишить чести: Провидѣніе, одѣвъ невиннаго рубищемъ нищеты, привело его на мѣсто, гдѣ погребено было торжественное доказательство невинности его и его матери. Онъ долго и усердно рылся въ нечистотѣ, чтобъ заслужить похвалу отъ своего хозяина, который приказалъ ему искать, на днѣ ямы, пятакъ, грошей, чайныхъ ложекъ.....

Старикъ Гридневъ, отъ умиленія, такъ нежно, такъ сильно обнялъ дочь свою, что зажалъ ей ротъ бортомъ своего коричневаго фрака.

Послѣ этого, говорите, что нѣтъ чудесныхъ случаевъ! А Петръ Гавриловичъ еще третьяго-дня утверждалъ передъ нами, что на свѣтѣ нѣтъ ничего чудеснаго!.....

А. СТЕПАНОВЪ.

=

ТУРЕЦКАЯ ЦЫГАНКА.

=

Палатки наши были раскинута въ сѣняхъ Крезова дворца, на природной террасѣ, гдѣ стоялъ некогда царственный Сардисъ. Горбатый Голландецъ, бывшій домовымъ живописцемъ у леди Эсэри Стенгопъ, который до того скитался между Иерусалимомъ и Ниломъ, что сдѣлался существомъ совершенно Восточнымъ, какъ хаджи или какъ крокодилъ; Англичанинъ, метившій въ печатные путешественники; Смирнскій торговецъ смоквами и опиумомъ; Еремей, моя вторая тѣнь, мой дядька, мой другъ, моя потѣха; и наконецъ я, — бродили шайкою по Малой Азіи въ чалмахъ и въ Турецкихъ сѣдлахъ, раскидывая палатки и варя пилавъ, гдѣ угодно было небу и неумолимому *сюрюджи*, нашему погонщику, проводнику и маркитанту.

Я думаю, что въ то время отдалъ бы всю романтическую и историческую славу этого мѣста, отдалъ бы Креза, Лидію и всю Азіатскую Турцію, за чистую рубашку и за подушку помягче мраморнаго обломка; но теперь, какъ въ Петербургѣ дождь, и я сижу въ мягкихъ глубокихъ сафьянныхъ креслахъ, и передо мной вьется пахучій дымъ неподобныхъ *trabucos de Navanna*, — теперь, при воспоминаніи о Сардисѣ, мнѣ кажется, что его развалины не такъ глупы, какъ я полагалъ тогда, и даже не совсѣмъ лишены занимательности.

Было четыре часа лѣтняго лѣтняго послѣ-обѣда. Еще около полудня пріѣхали мы въ Сардисъ, и послѣ жаркой ссоры о томъ, садиться ли немедленно обѣдать, или, несмотря на голодъ, выжидать приличнаго обѣденнаго времени, деревянная чашка съ парюуцы-

пять, погребенныхъ въ курганѣ рису, похожемъ на Ахиллову могилу, явилась въ средоточіи мраморнаго пьедестала. Еремей, который тѣломъ походилъ на обезьяну, а душою на Катому, и горбатый Голландецъ, который тѣломъ и душою похожъ былъ на Лимбургскій сыръ, усмысь на лежащую колонну; остальная часть общества помѣстилась въ высокой травѣ, которая растетъ въ царскихъ чертогахъ, по ступнямъ царей Лидіи, и всѣ мы, соединенными силами, напали на разбухлый рисъ, и всѣ мы стали рвать бѣдныхъ цыплятъ съ такою независимостью отъ закона ножей и вилокъ, которая сдѣлала бы честь и Діогену. Даже старикъ Солонъ, который, упрекая тщеславнаго монарха, стоялъ, быть-можетъ, у той самой колонны, на которой сидѣлъ Еремей, — даже Солонъ поразился бы первобытной простотѣ нашего обѣда. Соль была въ изорванной театральной афишкѣ, которую Голландецъ содралъ со стѣны въ Корфу, чтобъ имѣть у себя образецъ Ново-Греческаго языка; горчица содержалась въ изломанномъ пороховомъ рожкѣ; окорокъ былъ до половины обернуть листомъ «Оттоманскаго Монитера», а хлѣбъ, вывезенный за недѣлю изъ Смирны и грѣвшійся по двѣнадцать часовъ въ сутки въ сѣдлѣ нашего *сюрюджи*, лежалъ тамъ и сямъ на мраморномъ столѣ съ признаками тщетныхъ, но упорныхъ нападеній на обгрызенныхъ коркахъ. Къ несчастію, единственная вещь, которую можно было имѣть здѣсь на-мѣстѣ въ превосходномъ качествѣ и въ изобиліи, была именно та, къ которой никто изъ насъ не чувствовалъ охоты, — вода. Ее принесли въ выдолбленной тыквѣ съ береговъ «золотаго Пактола», который бѣжалъ по равнинѣ на пистолетный выстрѣлъ отъ нашей столовой; но, къ стыду всего нашего общества, я долженъ признаться, что толстый кувшинъ грубаго Самосскаго вина, выдавленнаго ногами пригожихъ Эгейскихъ дѣвъ и купленнаго по грошу

за бутылку, гораздо чаще подходилъ къ неклассическимъ устамъ честной компаніи. Теперь, я, кажется, отдалъ бы объѣдъ, которымъ предстоитъ мнѣ заняться, съ труфлями, съ анчоусами и бутылкою лафитту, за то, чтобъ стать на колѣни у этой рѣки, озолоченной солнцемъ, и хлебнуть одинъ разъ чистой влаги Нактола подъ небомъ томной женоподобной Азіи. Но когда я тамъ былъ, — такъ рѣдко узнаемъ мы счастье, пока оно не миновало, — я желалъ поскорѣе очутиться въ веселой Европѣ. *Веселой?* Это что значить? Вычеркнуть *веселой*, и написать *шумной!* Весельями видѣлъ я въ Европѣ только тѣхъ, которые нѣмѣли всѣхъ больше причины быть печальными, — тѣхъ, которые забылись и были забыты свѣтомъ.

Внѣ дамскаго взора и законовъ хорошаго общества, самые образованные люди возвращаются подъ власть естественныхъ побужденій. Еремей откатилъ ираморную колонну, когда печего стало вѣтъ, и безъ церемоніи легъ спать, не отерши даже слѣдовъ Самосскаго пектара, котораго потоки, по угламъ рта, придавали ему похотливую улыбку сатира. Голландецъ помѣстилъ свой горбъ въ какую-то рытвину и спряталъ голову въ высокой травѣ съ такимъ же послушаніемъ матери—природы; сюрюджи и смоковникъ послѣдовали благому примѣру; я остался одинъ среди развалинъ Сардиса и нашего объѣда. Блюдо философін, которое изготовилось у меня объ эту пору, будетъ непременно подано моимъ читателямъ въ моей повѣсти, — я намѣренъ писать повѣсть, — между-тѣмъ могу сообщить любопытнымъ практическое его примѣненіе: такъ какъ, или поелику, спанье послѣ объѣда есть очевидно законъ самой природы, то было бы крайне премудро ввести въ употребленіе ложа при десертѣ. Неужели свѣтъ долженъ вѣчно ханжить передъ произвольными неудобствами!

Большая дорога, ведущая сюда съ юга и запада Ма-

лой Азии, идетъ по равнинѣ между высокимъ акро-
полемъ Сардиса и кладбищемъ покойныхъ царей его.
Подъ храпѣнье пяти разныхъ націй, сидѣлъ я на кам-
нѣ и считалъ верблюдовъ каравана, тянувшагося без-
конечною цѣпью въ долину Гермуса. Въ длинномъ ше-
ствии этихъ бурыхъ чудовищъ по дорогѣ въ Смирну,
страшныя ноши, покрытыя цвѣтными вязями, колы-
хались назадъ и впередъ вмѣстѣ съ неровной ихъ по-
ходкою; чалмоносные хозяева дремали на маленькихъ
ослахъ, держа, каждый по двадцати ихъ въ поводъ;
брячанье сотни колокольчиковъ жужжало въ знойной
атмосферѣ усыпительнѣйшимъ изъ однообразныхъ
звуковъ; дикіе олеандры, тонколистныя и рослые,
только-что достигшіе всей красоты своей и покрытыя
цвѣтомъ, похищеннымъ съ алыхъ устъ гурій, разли-
вали въ равнинахъ Лидіи отрадную ясность, подоб-
ную блеску солнца, когда оно почти приникаетъ къ
землѣ; черныя козы безчисленныхъ стадъ щипали
траву на древнемъ Сарабатѣ и уставляли бородатыя
морды навстрѣчу легковьющему вѣтерку; орлы, ко-
торыхъ много въ горахъ, вилые медленно и безъ бо-
лезни около воздушной крѣпости, отворившей нѣког-
да ворота свои Лакедемонцу, и такъ же постепенно,
какъ мои читатели терялись въ этомъ исчисленіи,
передъ великою картиною, полною настоящимъ и бо-
гатоюмогучими воспоминаніями, мнѣ нельзя было не
заснуть, прислонясь къ обрушенному порталу Крезо-
ва дворца.

Голландецъ рисовалъ съ меня картинку, когда я
проснулся; солнце садилось; Еремей и сюрюджи дѣ-
лали чай. Я, говоря вообще, лице не очень живопи-
сное; но лежа, какъ дикій Арабъ, у подножія высокой
колонны, съ бѣлой чалмой на головѣ и съ журавли-
нымъ гнѣздомъ надъ головою, я право не такъ дурень,
какъ вы думаете. И какъ Голландецъ рисовалъ für
Geld, для денегъ, и надѣялся продать свою работу

какому-нибудь путешественнику въ Смирнѣ, который конечно воспользуется этимъ рисункомъ, чтобъ утверждать въ своемъ дневникѣ, что онъ былъ въ Сардисѣ, и въ доказательство представить маленькій видъ его развалинъ, то я еще не отчаиваюсь увидѣть себя въ литографіи. Кстати о картинахъ: я теперь очень сожалею, что не пригласилъ тогда горбатаго живописца сдѣлать мнѣ очеркъ Еремея, сидящаго на корточкахъ передъ огнемъ съ оловяннымъ чайникомъ въ рукѣ и объ-руку съ злолицымъ Туркомъ, который кормилъ пламя сухимъ Сирійскимъ терновникомъ. Я представляю себѣ, какъ почтенная его матушка, которую оставилъ онъ на Валдаѣ, порадовалась бы на своего Ерему, увидѣвъ его въ бусурманской чалмѣ и со стаканомъ чаю, сидящаго посреди Анатолиі!

Четыре стѣны, бывшія подъ блюстительствомъ ангела Сардійской церкви въ дни Апокалипсиса, стояли неподалеку отъ береговъ Пактола и почти на одной чертѣ съ дворцемъ Креза и съ рѣкою. Ионическія капители двухъ изящныхъ колоннъ разрушеннаго храма горѣли еще съ одной стороны розовымъ свѣтомъ заката, когда полный мѣсяцъ выплылъ на востокъ и лилъ чистое серебро на другую. Два свѣта смѣшивались на небѣ въ опаловыхъ сумеркахъ.

— Еремей! сказалъ я: можешь ли ты рѣшить, отчего поэты называли эту рѣчку «золотымъ» Пактоломъ? Видѣлъ ты гдѣ-нибудь песокъ свѣре этого?

— Поэты, сударь? Да они все лгутъ! Какой правды ждать отъ Турокъ?

— И отчего «мутный Гермусъ» нашли мы вчера самой свѣтлой рѣкою, какую когда-нибудь переходили въ бродъ?

— Не могу знать, сударь.

— И отчего я не сталъ пригоже прежняго, хотя купался въ Скамандрѣ какъ Венера? И отчего пемза въ Наксосѣ перестала возвращать женщинамъ ихъ дѣв-

ственные формы? И отчего Смирна и Мальта славятся лучшими смоквами и апельсинами? И отчего древний царь Лидійскій, обладавшій кольцомъ-невидимкой и державшій чорта въ собачьемъ ошейникѣ, лежитъ теперь смирно подъ землею, а кольцо и ошейникъ съ чортомъ не перешли къ его преемникамъ?...

Пока Еремей отвѣчалъ мнѣ съ разными ужимками и оговорками, что онъ не можетъ знать, о чемъ я изволю говорить, сумерки становились все темнѣе и глазъ мой уловилъ постоянный свѣтъ, мерцавшій далеко выше насъ надъ рѣкою. Зеленая ложбина спускалась позади акрополя; одинокая, пасмурная башня рисовалась на ночномъ небѣ своими изломами; внизу изъ мрачной ея тѣни мелькала, какъ звезда изъ облака, таинственная свѣточь.

— Пойдемъ! сказалъ я Еремею, надѣясь на вѣрное приключеніе: пойдемъ, посмотримъ, для кого теплится лампада въ этихъ развалинахъ.

— Я буду въ отвѣтъ передъ вашей матушкой, возразилъ мой опасливый пѣстунъ, если не напомню вамъ, Александръ Андреевичъ, что въ здѣшной сторонѣ много разбойниковъ: и кого, кромѣ ихъ нечистаго племени, понесетъ на такую вышню?

Я уже перепрыгнулъ чрезъ обрушенный архитравъ, и подымался къ башнѣ. Еремей безмолвно пошелъ за мною.

Мы карабкались впотмахъ съ большимъ затрудненіемъ, то падая въ овраги, то запинаясь за плиты мрамора, за цѣпкій терновникъ и чащи кустовъ. Пробившись такимъ образомъ съ полчаса, мы очутились на полянѣ, облитые потомъ и запыхавшись. Когда я сталъ говорить Еремею, что мы, быть-можетъ, зашли ужъ слишкомъ высоко, онъ дернулъ меня рукою, и, сдѣлавъ знакъ молчанія, однимъ разомъ посадилъ на траву и самъ сѣлъ подлѣ меня.

*

Въ маленькомъ, волшебномъ амфитеатрѣ, полуобъятомъ излучиною Пактола и лежавшемъ на нѣсколько аршинъ ниже площадки, съ которой мы смотрѣли, стояло шесть невысокихъ шатровъ, раскинутыхъ полукружіемъ противъ изгиба рѣки: они занимали клочекъ свѣжей, росистой зелени, едва-ли сажени полторы въ поперечникъ. Палатки были круглыя; въ большей изъ нихъ, стоявшей почти прямо противъ ложбины, мелькала маленькая желѣзная лампада стараго вѣка съ горящей свѣтильною въ одномъ изъ рожковъ, а подъ ней, между двумя столбами, висѣла плетеная люлька: ее качала женщина, по-видимому, лѣтъ въ сорокъ, которой красота, если бъ тутъ не было чего-еще привлекательнѣй, одна вознаградила бъ насъ за весь трудъ. Другія палатки были затворены, и казались незанятыми; но пола одной изъ нихъ, на которую глаза наши устремились съ жадностью, отдернулась вся, видно для воздуха, и въ перемѣшанномъ свѣтѣ лампы и полного мѣсяца явилась босая дѣвочка лѣтъ пятнадцати: чудная симметрія ея формъ, и восхитительная, ей самой невѣдомая краса движеній, наполнили всю душу мою чувствомъ изящества. Ростомъ и сложеніемъ приближалась она къ юной нимфѣ Кановы, — но съ такими очертаніями, съ такимъ ротикомъ, съ такими глазами, что если бъ самъ я создалъ ее изъ мрамора и оживилъ какъ Пигмалионъ, мнѣ не придумать бы ничего лучшаго. Широкая Восточная завѣса, подвязанная кушакомъ кругомъ пояса и во всякое другое время скрывающая ее всю, кромѣ глазъ, висѣла на ней сборами отъ стана до самыхъ плечъ, оставляя шею и нѣжно-округленные плечи совсѣмъ нагими; черные какъ смоль и лоснящіеся волосы лежали на спинѣ длинными и безчисленными косами, и при каждомъ безпечномъ движеніи разсыпались иначе съ легкостью облака. Короткая юпочка изъ полосатой Брусской

ткани доставала только до колѣнъ, а ниже шаравары изъ той же матеріи окружали ея ножки, суживаясь у подъема, гдѣ были застегнуты чѣмъ-то похожимъ, при свѣтѣ мѣсяца, на серебряную пряжку. Множество колецъ на рукахъ и большой червонецъ на лбу, удерживаемый цвѣтнымъ снурочкомъ, дополняли нарядъ, къ которому нечего было прибавить ни живописцу, ни притворной скромницѣ. Она была въ томъ чудесномъ мгновеніи женской жизни, когда каждый наступающій часъ обѣщаетъ довершить красудѣвственной зрѣлости, какъ въ цвѣткѣ лотоса.

Она наполняла большой кувшинъ, стоявшій заша-тромъ, водою изъ Пактола. И когда, возвращаясь съ полнымъ сосудомъ на головѣ, подошла она къ лампадѣ легкими шагами, чтобъ не разбудить ребенка, и кругленькія ея ручки опустили сосудъ наземь съ напряженной осторожностью, тутъ и Еремей забылся до того, что толкнулъ меня изо всѣхъ силъ, вѣроятно, чтобъ сообщить мнѣ свое восхищеніе. Безмолвный кивокъ старшей женщины, которой Греческій профиль повернулся къ намъ при свѣтѣ лампы, далъ знать милой водоносицѣ, что труды ея кончены. Съ жестомъ, выразившимъ, что ей жарко, сняла она покрывало съ пояса, развязала юпочку и бросила ихъ всторону; потомъ выпрыгнула на мѣсць въ однихъ шелковыхъ шараварахъ, съѣла на берегу ручейка, поставила ноги въ воду, и, склонивъ голову на колѣни, приняла видъ неподвижнаго мрамора.

— Канова непременно видѣлъ ее въ этомъ положеніи! невольно сказалъ я про себя.

— Не могу знать, сударь, отвѣчалъ Еремей, думая что я его спрашиваю.

Да! онъ долженъ былъ ее видѣть, когда мѣсяцъ глядѣлъ на ея полуматовую спину и когда чуть неблестящіе ея волосы рассыпались по ней какъ пушокъ растений! И эти тонкіе пальцы, сплетенные на колѣ-

няхъ; и этотъ меланхолическій покой, которымъ дышитъ ея положеніе, и который, кажется неразумчень съ безпечными Азіятцами!.....

— А по-моему, такъ она вѣрно Цыганка, сказалъ Еремей.

Шумъ воды, ниспадавшей немного далѣе маленькимъ каскадомъ, покрывалъ шелестъ нашихъ шаговъ и заглушалъ нашъ тихій разговоръ. Еремей вѣроятно говорилъ правду: чуть-ли мы не наткнулись на Цыганскій таборъ! Мужчины, быть-можетъ, спали въ закрытыхъ палаткахъ, или ушли въ Смирну. Послѣ небольшого совѣщанія, я согласился съ Еремейемъ, что не хорошо тревожить таборъ въ ночную пору, и, рывившись посѣтить его на другое утро, мы ушли потихоньку, ни кѣмъ не примѣченные. Скоро мы воротились къ своимъ палаткамъ.

Сюрюджи подаль намъ ароматическаго кофею въ маленькихъ фарфоровыхъ чашкахъ съ филигранными подчашниками, и, сидя за нимъ, мы рассуждали, къ прискорбію сонныхъ сосѣдей нашихъ, анстовъ, остаться ли намъ еще на день въ Сардисъ, или отправиться ѣсть въ полдень дыни въ Касабъ, по дорогѣ въ Константинополь. Къ большому изумленію Голландца, которому хотѣлось докончить свои рисунки, я и, разумѣется, Еремей, подали голоса, чтобъ остаться; тогда какъ наканунѣ мы были совсѣмъ противнаго мнѣнія. Англичанинъ, который вѣчно спѣшилъ, взбѣсился ужасно и пошелъ съ флегматикомъ сюрюджи искать утѣшенія около лошадей. На другой день однако жъ онъ изобрѣлъ для себя пріятное занятіе,—свистать засунувъ руки въ карманы; Смирнскій купецъ набилъ трубку и сѣлъ дѣлать наблюденія надъ караваномъ, спускавшимся съ Тмоля къ югу, а я съ моимъ уродомъ отправился въ Цыганскій таборъ.

Когда мы обходили полуразрушенную стѣну древней христіанской церкви, какая-то женщина вышла

къ намъ изъ тѣни. Подъ изорваннымъ платьемъ и грязной чалмою, надвинутою на глаза, я тотчасъ узналъ цыганку, которую мы видали вчера у люльки.

— Buon giorno signorì, сказала она, сдѣлавъ родъ саллама; и этимъ Италіянскимъ привѣтствіемъ вывела меня изъ опасенія быть непонятнымъ.

Я сказалъ ей: — Buon giorno!

Еремей тоже съ ней поздоровался, но она бросила на него очень недовольный взглядъ, и, подошедъ ближе, сказала мнѣ въ полголоса, что желаетъ говорить со мною, безъ il mio domestico, — безъ моего слуги.

— Скорѣе, моего друга! piuttosto amico! отвѣчалъ я тотчасъ, что бѣ поднять его въ ея мнѣніи.

Я долженъ отдать полную справедливость благородству своего обхожденія съ Еремеемъ: помня, что онъ былъ моимъ менторомъ и первымъ наставникомъ, что я обязанъ ему благодарностью за попеченіе о моей юности и чистотѣ моихъ нравовъ, я постоянно старался, исключая присутствія порядочныхъ свидѣтелей, — заставляя его забыть, что онъ слуга.

Она, казалось, досадовала на свою ошибку: отдавъ полунизвисяющійся поклонъ моему amico, она отвела меня въ тѣнь развалины и пристально посмотрѣла мнѣ въ лице. «И тебѣ тоже», подумалъ я, возвращая ей этотъ взглядъ: мнѣ хотѣлось отгадать взоромъ желаніе, мерцавшее въ двухъ большихъ, влажныхъ и полныхъ любви глазахъ, какіе смотрятъ только изъ Магометова рая, поджидая молодаго покойника. Это лице было нѣкогда прекрасно, а въ рукахъ свѣтской дамы составило бы и теперь отличную и молодую красоту.

— Milordo inglese? спросила она наконецъ.

— Нѣтъ, матушка, milordo russo.

Она сдѣлала рожицу.

— А куда ѣдешь, filio mio?

— Въ Стамбуль, мол красавица.

Benissimo! сказала она, и лице ея прояснилось. Не нуженъ ли тебѣ слуга?

— Развѣ ты пойдешь ко мнѣ въ слуги, а то нѣтъ.

— Не я, а сыночекъ к. ѵ.

У меня вертѣлось на языкѣ спросить, похожъ ли онъ на ея дочку, но таинственный и тревожный видъ Цыганки заставилъ меня быть скромнымъ. Она продолжала просить о сынѣ, и наконецъ вышло наружу, что ему надо побывать по дѣлу въ Константинополь, и что ей хочется отпустить его туда съ вѣрнымъ челоуѣкомъ. Мужчины, сказывала она, отправились въ Смирну на промыселъ, а ее оставили при палаткахъ съ мальчикомъ и груднымъ ребенкомъ. Такъ какъ она не упоминала о дѣвочкѣ, которая, по сходству съ нею, очевидно была ея дочерью, я не рассудилъ за благо намекать на вчерашнее наше открытіе, и просто обѣщалъ, что, если у ея сына есть лошадь, онъ будетъ дорогою подъ моимъ попеченіемъ. Я сказалъ ей часъ, въ который предполагаемъ мы завтра отправиться, и ушелъ отъ нея съ тѣмъ, что бѣ повидаться снова въ таборѣ.

Я взялъ окольную дорогой, но Цыганка поспѣлатуда прежде меня, и была, кажется, одна дома. Она уже послала своего мальчика за лошадью, и хотя я думалъ, что самое милое созданіе въ цѣлой Азіи таится въ одномъ изъ этихъ шатровъ, но они были такъ плотно закрыты, что я не могъ проникнуть въ ихъ содержаніе и не находилъ предлога пуститься въ распросы. Прекрасная zingaga становилась слишкомъ болтлива, а какъ я былъ безъ Еремѣя и вообще боюсь женщинъ наединѣ, то, взявъ съ моей пріятельницы обѣщаніе, что сынъ ея догонитъ насъ прежде чѣмъ мы доѣдемъ до горъ Сицила, воротился съ чѣмъ пришелъ. Я проклялъ бы свое благоразуміе и сталъ учиться хиромантіи какъ цыганъ, если бѣ нечистый соблазнилъ меня противъ моей воли.

Мы сняли палатки съ восходомъ солнца, и пустились по широкой равнинѣ Гермуса. Роса лежала на густыхъ и яркихъ цвѣтахъ полей, какъ прозрачная смола. Природа и мои пятеро товарищей были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Я, напротивъ. Мнѣ все мечтался лунный свѣтъ, Пактоль и двѣ кругленькія ножки, стоящія въ быстрой водѣ. Еремей вѣхалъ почти рядомъ со мною.

Около полудня, когда мы приближались къ Касабѣ; когда, не смотря на мои романическія мечтанія, я съ удовольствіемъ началъ помышлять о дыняхъ, которыми славится этотъ городъ, топотъ копытъ, раздавшійся позади, заострилъ уши нашихъ лошадей, а черезъ пять или шесть минутъ подскакалъ къ намъ мальчикъ лихимъ наѣздникомъ, и подалъ мнѣ условленный знакъ. Онъ сидѣлъ на маленькой Арабской кобылкѣ, незамѣчательной ни чѣмъ кромѣ тонкихъ пылающихъ ноздрей и рываго движенія. Но самъ мальчикъ былъ очень замѣчательнъ, и именно тѣмъ, что очевидно не былъ мужескаго пола, какъ обыкновенно бываютъ мальчики въ Азіи. Куртка и чалма не могли измѣнить ни его стана, ни его головы. Красотка изъ Цыганскаго табора была подлѣ меня!

Хорошо, что я заранѣе взялъ съ Еремея клятву не проговориться, если мальчикъ, какого бы пола ни было, поѣдетъ съ нами и что далъ въ Сардисѣ старой Цыганкѣ толстый конвертъ съ письмомъ моей матушки, чтобы этотъ мальчикъ привезъ мнѣ его, какъ бы врученное ему, для доставки. Въ теченіе двадцати минутъ, которыхъ требовало прочтеніе этого документа, — матушка пишетъ всегда длинно, особенно въ отвѣтъ на просьбу о деньгахъ, — я имѣлъ время собраться съ духомъ и обдумать родъ обращенія моего съ прекрасной переряженицей. Мои спутники чрезвычайно удивились, что я получаю письма изъ дому съ курьерами въ глубинѣ Анатолиі, но я не

мѣшалъ имъ ломать надъ этимъ голову. Я только сказалъ, что мальчикъ присланъ ко мнѣ, и что онъ поѣдетъ со мной въ Константинополь, и какъ одинъ я могъ объясняться съ сюрюджи, выучившись немного по-Ново-Гречески въ Морѣ, то Голландецъ, Джонъ Буль и смоковникъ должны были довольствоваться такими соображеніями на счетъ этого случая, какія внушило имъ всещедрое небо.

Еремей, который вообще имѣетъ очень выгодное мнѣніе обо всемъ Цыганскомъ народѣ, тотчасъ смѣкнулъ, что это — плутовство, а не мальчикъ. Какъ мы съ нимъ домыслились наединѣ, зачѣмъ красавица ѣдетъ въ Константинополь, какъ мило держалась она на конѣ и разыгрывала свою роль; какъ я просилъ ее, хотя она тоже говорила по-Итальянски, не открывать рта ни на какомъ христіанскомъ языкѣ съ моими спутниками; какъ она спала у ногъ моихъ во всѣхъ каравансераяхъ; какъ дней черезъ семь, когда мы приѣхали въ Скутари, она глядѣла черезъ Босфоръ на золотыя башни Стамбула, обращала ко мнѣ бездонныя глаза свои, полныя слезами, и потомъ прищипоривала лошадь, чтобъ скрыть этотъ невольный приступъ чувства; и наконецъ, съ какимъ восторгомъ думалъ я о прелести быть схороненнымъ съ ней хоть на однѣ сутки въ золоченой «Гробницѣ визиря», мимо которой мы проѣзжали, — все это могло бы сдѣлаться предметомъ нѣсколькихъ очень ненужныхъ главъ, въ моей повѣсти, но онъ покаместъ впереди.

Мы выѣхали изъ-подъ островерхихъ кипарисовъ кладбища, окружающаго Скутари со стороны суши. Сошедъ съ лошади на высоту, которая господствуетъ надъ всемъ мѣстоположеніемъ Царяграда, я взлѣзъ на раззолоченную чалму, вѣнчающую памятникъ султанскаго ичоглана, и услаждался зрѣлищемъ поруганной, но еще царски-прекрасной столи-

цы Палеологовъ. Я имѣлъ намѣреніе дать вамъ здѣсь прѣвѣстное и прѣподробное описаніе Константинополя, Босфора, Серая, Турокъ, Турчанокъ, Турчатъ и даже Явычаръ, но увольняю васъ отъ этого, хотя вообще я большой мастеръ описывать. Надѣюсь, что вы скажете всѣмъ своимъ и моимъ знакомцамъ, что я очень милый и любезный молодой человекъ.

Пока я стоялъ на ираморной чалмѣ ичоглана, спутники мои разбрелись по улицамъ Скутари и оставили меня одного съ Цыганочкой. Она сидѣла на своей Арабкѣ, приклонивъ голову къ ея шевѣ, и когда я свелъ глаза съ Константинополя, капли слезъ сверкали на гривѣ, и грудь красавицы неодолимою тоской волновалась подъ шитою курткой. Я соскочилъ наземь, взялъ ее за голову, и прижалъ къ губамъ своимъ мокрую щечку.

— Мы расстаемся здѣсь, синьоръ, сказала она обвиняя вокругъ головы волосы, выпавшіе изъ подъ чалмы, и приподнявшись въ сѣдлѣ, какъ-будто хотѣла ѣхать.

— Не думаю, Мейменѣ.

Она устремила на меня влажные глаза, съ пытливостью.

— Тебѣ запрещено ввѣрять мнѣ, зачѣмъ ты ѣдешь въ Константинополь, и ты сдержала слово передъ матерью. Но я надѣюсь, что дѣло идетъ не о личной твоей свободѣ?

Она смутилась, но не отвѣчала.

— Ты еще очень молода, Мейменѣ, и уѣзжаешь такъ далеко отъ матери!

— Signor, sì.

— Если бѣ она любила тебя такъ какъ я, то не думаю, чтобъ пустила сюда тебя одну.

— Она ввѣрила меня вамъ, синьоръ.

Это напомнило мнѣ мое обѣщаніе. Я далъ слово Цыганкѣ оставить ея сына у Персидскаго фонтана

Топханы. Въ Мейменѣ очевидно было чувство, превозмогавшее любовь, которую я полунадѣялся и полу-страшился возбудить въ ней.

— *Andiamo!* поѣдемъ! произнесла она, опустивъ голову на грудь.

Слезы падали у ней градомъ: она пустѣла свою лошадь во всю прыть, быстро неслась по неровнымъ и пустымъ улицамъ Скутари, и черезъ нѣсколько минутъ мы стояли на берегу Босфора, — на границѣ Азіи.

Мы оставили здѣсь лошадей и переплыли въ Гала-ту на каякъ. Ни скромность Мейменѣ, ни бездна противоположныхъ чувствъ, оспоривавшихъ мое сердце, не могли защитить его отъ неизгладимаго впечатлѣнія окружавшей меня картины. Звѣздообразный заливъ, версты полторы въ поперечникъ, кишѣлъ лодками самой легкой и пріятной наружности; гребцы въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шелковыхъ рубахахъ, съ засученными по плечо рукавами, которые такимъ образомъ открываютъ мышцы Геркулесовы, мчали ихъ съ проворствомъ Венеціанскихъ гондолиеровъ; золоченыя рѣшетки и бельведеры Серая, отъяемые мрачными кипарисами и цвѣтущими мимозами, которые смѣшиваются надъ ними свои печальныя и веселыя вѣтви, были такъ близко, что я могъ сосчитать розы на кустахъ и видѣть колыханіе листьевъ въ вечернемъ воздухѣ; муэзины призывали правобѣрныхъ къ молитвѣ, и голоса ихъ звонкимъ облакомъ разстилались надъ водою; военные корабли въ устьѣ Босфора спускали свои кровоцвѣтные флаги; берегъ, къ которому мы приближались былъ унизанъ женщинами въ покрывалахъ, бородатыми мужчицами и мальчиками въ желтыхъ туфляхъ и красныхъ фескахъ; поодаль, ожидая насъ, стояла купа Жидовъ и Армянъ въ одеждѣ, означавшей ихъ низкую породу.

Мы ступили на берегъ Европы въ предмѣстїи Топ-

хана; сюрюджи указалъ Мейменѣ фонтанъ, выможенный мраморомъ и бронзой, съ красивымъ фризомъ и Персидскими надписями. Она бросилась ко мнѣ прощаться.

— Помни, Мейменѣ, сказалъ я, что я предлагаю тебѣ мать и приютъ въ краю болѣе счастливомъ. Не хочу мѣшать тебѣ въ исполненіи твоего долга, но, когда ты кончишь свои дѣла, можешь отыскать меня, если хочешь. Прощай, моя милушка.

Поцѣловавъ меня страстно въ ладонь и подаривъ взглядомъ, наэлектризованнымъ любовію и скорбью, Цыганка повернула къ фонтану, потомъ влѣво за мечеть, и скрылась въ тѣсной улицѣ, идущей, вдоль берега, къ Галатѣ.

На третій день по прибытіи въ Константинополь, мы вышли изъ своего полу-Европейскаго, полу-Турецкаго трактира, и, бродя безъ цѣли по гадкой мостовой Перы, остановились на холмѣ Малаго Кладбища, чтобъ рѣшить, въ какой части свѣта, — Европѣ или Азіи, — провести прекрасное іюньское утро.

— Ну ужъ погода! сказалъ Еремей, поглядывая на зеленѣющую вершину Булгурлу.

Надобно знать, что Еремей имѣетъ рѣшительную склонность къ сельской природѣ, а я, напротивъ, къ городской. Я поглядывалъ совсѣмъ въ другую сторону, — къ Галатѣ. И пока онъ уговаривалъ меня идти гулять въ полѣ, и пока я думалъ о томъ, какъ бы съ высоты Малаго Кладбища прыгнуть въ шумную пропасть Галаты, красный Оттоманскій флагъ мелькнулъ за лѣсомъ мачтъ передъ лукоморьемъ у Топханъ; черезъ минуту высоконосое судно съ рѣзбою и оснасткою дальняго Востока вошло въ средину залива съ быстрымъ Босфорскимъ теченіемъ; спустя еще мгновеніе оно, на своемъ латинскомъ парусѣ, обогнуло корабль, стоявшій на якорѣ подъ Палестинскимъ

флагомъ, и потомъ спустилось по вѣтру въ каналъ залива Золотаго Рога. Я уставишь въ него свою зрительную трубку. На палубѣ виднѣлась толпа людей, по большей части женщинъ, стоявшихъ среди судна. Я тотчасъ сказалъ Еремею:

— Это вѣрно корабль съ невольниками изъ Трести-зонда. Пойдемъ смотреть ихъ.

Мы прошли ворота, разделяющіе Европейское предмѣстіе съ торговымъ, и пустились по крутымъ и тѣснымъ улицамъ Галаты такъ торопливо, что Турки, которыхъ мы встрѣчали или обгоняли, ужасно гладили себя бороды и шаркали своими туфлями, чтобъ постичь, куда и зачѣмъ бѣгутъ эти два гяура. Изъ сотни легкихъ кайковъ, качавшихся на волнахъ залива, выбрали мы самый легкій и многовесельный; схватили одного изъ услужливыхъ Жидовъ, которые навязываются здѣсь толпами въ переводчики, и, поджавъ подъ себя ноги въ длинной и узкой лодкѣ, помчался за новопришедшимъ судномъ.

Рѣка, которая обвивается около самаго сердца Константинополя, чрезвычайно пріятна для плаванія. Турокъ гребетъ назадъ; десять тысячъ яичныхъ скорлупъ шныряютъ около него во всѣхъ направленіяхъ; носовая часть его лодки оканчивается порядочнымъ желѣзнымъ остриемъ, и, благодаря этому изобрѣтенію, лишній пиастръ за скорѣйшую доставку извлекаетъ тучи проклятій на *кайчи* и на «собакъ», которыхъ онъ перевозитъ, со стороны всѣхъ Турецкихъ гражданъ, обижающихся за дыры, пробиваемыя его носомъ въ ихъ лодкахъ. Жидъ смѣялся, какъ это ужъ водится со временъ Шайлока, несчастіямъ своихъ утѣснителей, и, усердствуя въ исполненіи своей обязанности, переводилъ намъ всѣ ругательства, сыпавшіяся на насъ со всѣхъ сторонъ. Изъ содержанія ихъ мы усмотрѣли, что брюзгливые Турки отзывались очень невыгодно о нашихъ родительницахъ, и Еремей

защитилъ имъ весьма основательно, что они дѣлають это напрасно, потому что даже никогда ихъ не видалъ.

Между-тѣмъ новоприбывшее судно замедлило ходъ свой, приближаясь къ базару сушеныхъ плодовъ, и одинъ поворотъ руля вдвинулъ его вздернутый носъ между Египетскимъ кораблемъ, разбойничьяго вида, и чернымъ Англійскимъ угольникомъ, съ надписью на кормѣ — Snow-drop, from Newcastle. Тяжелый якорь бухнулъ въ воду, и мы тотчасъ велѣли Жиду опросить новопришельца. Предположеніе мое подтвердилось: корабль былъ изъ Требизонда, съ невольницами и прянымъ зельемъ.

— А что сдѣлають, если мы туда взойдемъ? спросилъ я Еврея.

Онъ вытянулъ свою зѣвную шею, такъ, что длинная борода повисла у него совсѣмъ на воздухъ, и внимательно посмотрѣлъ сквозь перила.

— Невольницы все Грузинки, отвѣчалъ онъ жемногого повода: и если тутъ нѣтъ Турецкихъ покупателей, васъ только спровадятъ съ судна.

— А если есть?

— Они почтутъ женщинъ испорченными христіанскимъ глазомъ, и продавецъ невольницъ застрѣлитъ васъ или, такъ, выброситъ за бортъ.

Еремей, по обыкновенію, совѣтовалъ мнѣ не ходить на судно, именемъ своей ответственности передъ матушкой, и, по обыкновенію же, тотчасъ полѣзъ за мною.

Въ суматохѣ отъ прибытія портовыхъ чиновниковъ и другихъ посѣтителей, которые всѣ кричали и надвѣлись современемъ перекричать другъ друга, въ общемъ шумѣ и безладіи, мы стояли на краю палубы непримѣченные, и я кристально наблюдалъ изумленіе красавицъ, впервые очутившихся въ средоточіи большаго города. Хозяинъ ихъ прелестей не имѣлъ

времени за ними присматривать; сбросивъ грязныя покрывала на плеча, онъ выставили вдругъ десять или двѣнадцать розовыхъ личекъ съ отверзтыми устами, съ глазами, свѣтлыми, влажными, глубокими какъ родникъ. У всѣхъ были хорошія черты, на кожѣ ни пятнышка, волосы густые и здоровыя лица: вообще, за исключеніемъ великолѣпныхъ Восточныхъ глазъ, онъ напоминали жирный идеаль Русской купчихи, рослой, дородной, и сдобной какъ каравай. Любопытно было видѣть, какъ дивились онъ чудесамъ Золотога Рога, понавъ прямо съ пустынныхъ горъ на картину, быть-можетъ, великолѣпнѣйшую въ цѣломъ мірѣ. Я слѣдовалъ за ихъ глазами, и старался угадывать впечатлѣнія, производимыя въ нихъ новостью предметовъ. Вдругъ Еремей дернулъ меня тихонько за полу: старый Турокъ только-что взлѣзъ на корабль съ береговой стороны и помогалъ всходить за собою женщину, окутанной покрываломъ. Полвзгляда, четверть взгляда, и еще менѣе, достаточно было для удовольствіенія меня въ неожиданной истинѣ, — что это моя Сардисская Цыганка, — моя гурія, — мой мальчикъ, — товарищъ мой на пути въ Константинополь.

— Мейменѣ! моя султанша! вскрикнулъ я, подскочивъ къ ней въ мгновеніе ока.

Тяжелая рука оттолкнула меня прочь, лишь только я до нея дотронулся; я отплатилъ ударъ; смуглые Арабскіе матросы обступили насъ толпою, и безъ околѣностей протолкали съ корабля. Ошеломленный ударомъ, въ страхъ, въ бышенствѣ на дерзкаго Турка, я не помню, какъ очутились мы опять въ кайкъ; но, когда я образумился, мы быстро плыли вверхъ по Золотому Рогу, и черезъ полчаса сидѣли уже на зеленомъ берегу Варвиса, съ твердымъ намѣреніемъ погулять зато вдоволь въ Уединенной долинь Сладкихъ Водъ.

Книгопечатаніе было введено въ магометанскую имперію въ царствованіе Ахмеда III и Людовика XV.

У меня нѣтъ привычки помнить статистическіе факты, но этого я какъ-то не забылъ—еще, и привожу его потому, что самое романтическое жилище, какое извѣстно мнѣ въ подсолнечной, было построено сначала для типографскаго станка, привезеннаго изъ Версаля султанскимъ посломъ Мегеммедъ-эфендіемъ. Теперь это весенній потѣшный дворецъ любимыхъ любовницъ его султанскаго величества, и кто хоть разъ видѣлъ этотъ райскій пріютъ, тотъ непременно вспомнить его въ мечтахъ о совершенномъ счастіи.

Дворецъ Кеатъ-ханѣ построенъ изъ золота пополамъ съ мраморомъ, среди обширной изумрудной долины, и болѣе похожъ на волшебное видѣніе, которое вызвали и забыли зачурать, чѣмъ на домъ для жительства, домъ настоящій, домъ, въ которомъ укрываются отъ дождя, домъ, который показываютъ вамъ за полтину серебромъ. Варвись, падая съ губы морской раковины, высѣченной изъ мрамора, крутится съ пѣною и вѣчной музыкой подъ золочеными рѣшетками оконъ султаншей: какъ серебряная нить по зеленому бархату тянется онъ нѣсколько верствъ по самой нѣжной муравь; ни дерева, ни куста на берегахъ его; будто запертый горами въ заколдованной долины, то свертывается онъ змѣею, то роскошно распускаетъ клубы свои, а горы, подымаясь въ обрывахъ справа и слева, бросаютъ на него зубчатые свои тѣни во всякую пору, кромѣ полудня, посвященнаго на Востокъ сну красоты и безопасности бородачей.

Въ маѣ, — мѣсяцъ любви *reg excellentiam*, — смерть тому, кто дерзнетъ войти въ Кеатъ-Ханѣ. Какъ вашъ останавливаютъ въ Золотомъ Рогѣ, и на каждомъ холмѣ видите вы верховаго эвнуха съ обнаженною саблей. Арабскія кобылицы султана пасутся на пушистой травѣ долины; сотня Черкешенокъ выходитъ изъ пахучихъ комнатъ дворца на шелковые берега Варвиса, и кажетъ солнцу свои невыразимыя прелести.

Отъ Золотого Рога до Бѣлграда, версть на двадцать, эта зеленая ложбина, лелѣющая извилистую рѣку, свободна цѣлый мѣсяць отъ ступни мужшинъ: только вскормленные въ золотой клѣткѣ птички султана развѣзжаютъ по ней съ утра до ночи въ своихъ алыхъ арбахъ, запряженныхъ быками; рога буйволовъ, которые тащутъ ихъ колесницы, убраны разноцвѣтными лентами; бѣлоснѣжная покрывала небрежно падаютъ съ плечъ и съ малиновыхъ устъ дѣвъ сераля; и онѣ такъ же пламенно рвутся страшною мечтою за предѣлъ своего уединенія какъ мы, — я, напримѣръ или вы, — рвемся въ ихъ тюрьму съ мысленнымъ поцѣлуемъ, который, если бѣ только упалъ на одинъ изъ этихъ ротиковъ, вознаградилъ бы насъ одинъ за всѣ мытарства холостой жизни.

Какъ мало довольныхъ своимъ жребіемъ! Какъ много остается еще желать избраннѣйшимъ баловнямъ фортуны! Какъ неизбежно вздыхаетъ сердце по томъ, чего намъ не далось! Хотя мы съ Еремеемъ собственно послѣдователи школы тѣхъ философовъ, которые «имѣли мало и ни въ чемъ не нуждались», однако, сидя на мраморномъ мосту, который повисъ надъ Варвисомъ какъ паутина, онѣ не могъ не согласиться со мною, что зависть сильна отравить даже довольство нищаго. Дуракъ, кто не голодень, не холодень, и еще жалуется на счастье: но какъ назвать того, кто, притомъ пользуясь избиліемъ, сильный, чтимый, свободный отъ всякаго труда, чувствуетъ въ глубинѣ души морозное дыханіе зависти, и не произноситъ вѣчнаго проклятія врагу всякаго счастья? Онѣ чуть не рабъ, — но чуть и не богъ Олимпа. Изъ красоты и ясной погоды, я сдѣлаю вамъ рай на Черной Рѣчкѣ: возьмитесь только не впускать въ него зависти.

Мы бродили вокругъ дворца, и напрасно пытали всѣ его выходы: вдругъ Еремей увидѣлъ за холмомъ красный флагъ, развѣвающійся на верху маленько

зеленой палатки, скрывавшей керваза, который одинъ-одинехонекъ стерегъ эту великолѣпную обитель нѣги. Я послалъ Еремея съ щепоткой дрянныхъ Турецкихъ пѣстровъ соблазнить невѣрнаго шараварника, и скоро онъ вышелъ ко мнѣ, переважно шаркая своими невоинственными туфлями и держа ключи, хранившіеся за мѣсяць передъ тѣмъ какъ лампада Аладдина. Мы вошли во дворець, и стали бродить по комнатамъ смертныхъ гурій Востока; смотрѣли сквозь оконныя рѣшетки; клали руки на шелковыя подушки, на которыхъ остались неизгладимые слѣды ихъ сонныхъ ротиковъ; видно было, по потускнѣвшему золоту, что милыя султанши часто прислонялись къ рѣшеткамъ; на свѣтлыхъ перилахъ еще замѣтны были слѣды ихъ пальцевъ и, казалось, даже слѣды устъ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда проникали онѣ своими прекрасными лицами, безопасно глядѣя на долину. Зеркала, софы и ковры, были единственной мебелью, и никогда жезлъ Корнелія Агриппы не былъ бы такъ кстати для возвращенія этимъ безчувственнымъ стекламъ исчезнувшихъ образовъ красоты. Въ одномъ углу мы открыли прекрасный..... Впрочемъ, это—открытие Еремесво, котораго я себѣ не присвоиваю.

Я сѣлъ на возвышенномъ концѣ софы, гдѣ было, можетъ-статься, почетное мѣсто первой любимицы. Еремей стоялъ поодаль, углубленный въ безмолвную поэзію собственныхъ мыслей.

Обо всемъ этомъ путешествіи по дворцу Кеать-ханѣ, послѣ нечестиваго толчка моему любознанію на проклятомъ суднѣ, упоминаю я только потому, что на софѣ первой султанши я долго мечталъ о Цыганкѣ Мейменѣ. Прочими подробностями я готовъ даже пожертвовать. Я скоро ушелъ домой, въ трактиръ къ мадамъ Джузеппино.

Мгновенное свиданіе на Требизондскомъ корабль оставило въ моей памяти пару черныхъ глазъ, полныхъ безпокойства, полныхъ сомнѣнія. Я такъ хорошо зналъ ея поступь, что одинъ шагъ ея высказалъ мнѣ, какъ она несчастна. Кто этотъ старый Турокъ, который тащилъ ее такъ безоколично на корабль? Что было дѣлать молоденькой Цыганкѣ между Требизондскими невольницами?

Безъ всякихъ опредѣленныхъ мыслей насчетъ расположенія ко мнѣ этого милого ребенка, я нечувствительно увѣрилъ самъ себя, что безъ меня нѣтъ для него счастья въ мірѣ, и что единственною цѣлью моей въ Константинополь должно быть то, чтобъ добыть прекрасную Цыганочку въ свои руки. Мнѣ не хотѣлось открыть Еремею мое намѣреніе все вполнѣ, потому что, кромѣ особенности его взгляда на Цыганское племя, онъ нашелъ бы еще обильный источникъ возраженій въ оскудвѣніи нашихъ финансовъ, — единственный пунктъ, въ которомъ мы не сходились съ дядькою такъ полюбовно, какъ у Виргилія пастухъ Коридонъ съ пастухомъ Алексисомъ.

Недалеко отъ Обоженной Колонны, въ самой срединѣ Константинополя, живетъ старый продавецъ розовой эссенціи и ясминовъ, именемъ Мустафа. Каждый, кто бывалъ въ Царьградѣ, вспомнитъ Мустафу и его Нубійскаго невольника, въ лавочкѣ, направо, по дорогѣ къ Ипподрому. Онъ нѣкогда торговалъ табакомъ, янтарею и красными ермолками въ Керчи и Одессѣ, гдѣ положилъ первое начало своему богатству, и довольно хорошо говоритъ по-Русски и по-Италіянски. Онъ величаетъ себя султанскимъ парфюмеромъ; но главный источникъ его доходовъ — иностранцы, которыхъ приводятъ къ нему Жиды-переводчики, состоящіе у него на жалованьи; и къ чести его надобно сказать, что иностранцу нельзя желать ни духовъ крѣпче тѣхъ, которые онъ ра-

душно ему навяжетъ, ни кофею лучше того, которымъ напоить онъ его, надувши на духахъ.

Я былъ такъ счастливъ, что съ перваго разу прибрѣлъ полное расположеніе Мустафы. Пряностей и духовъ я уже накупилъ у него столько, что могъ бы причинить головную боль всей христіанской Европѣ, но все-еще продолжалъ заходить къ нему изъ пріязни, когда отправлялся изъ Перы въ Стамбуль. Кроме двухъ маленькихъ подарковъ, за которые, зная человеческое сердце, я отдалъ ему двумя смертными грѣхами, — боченкомъ мадеры и бутылкой рому, мой широко-штамный пріятель неразъ предлагалъ мнѣ свои услуги. Правда немного было вѣроятности, чтобъ я когда нибудь ими воспользовался, однако жъ мнѣ казалось, что онъ, здороваясь со мною, кладетъ руку на сердце со всей искренностью, безъ плутней и безъ розовой эссенціи; и, въ думахъ своихъ о судьбѣ Мейменѣ, я неразъ увлекался мыслию, что онъ можетъ быть полезенъ мнѣ для проясненія этой тайны.

— Еремей! сказалъ я однажды, когда мы шли съ своимъ Жидкомъ въ Стамбуль по улицѣ конфетчиковъ: я зайду къ Мустафѣ, и, быть-можетъ, не ворочусь до вечера. Возьми ты этотъ кусокъ леденцу (я поспѣшно взялъ глыбу леденцу съ перваго прилавка и подалъ ему), ступай домой и ѣшь: онъ называется по-здѣшнему «миръ твоей глоткѣ.»

Бѣдный Еремей посмотрѣлъ на меня, какъ-будто желая проникнуть цѣль моей отлучки, которая показалась ему очень подозрительною. Ясно читалъ я въ его уродливой физиономіи, какъ непріятно это его озадачило. Еще наканунѣ, ѣдучи въ лодкѣ Босфоромъ, видѣли мы какъ шайка исполнителей собственнаго правосудія хладнокровно вѣшала на ставняхъ дома Турчанку и Грека, ея любовника, потому что прелюбодѣянiе казнится въ этой землѣ мудраго законодательства,

даже безъ дачи кадію взятки за приговоръ. По извѣстнымъ примѣтамъ, Еремей считалъ себя въ правѣ предполагать во мнѣ пагубную страсть къ похождениямъ, и заключалъ въ своемъ умѣ, что и для меня Далила гораздо опаснѣе Филистимлянъ. Когда жертвы любви задрягали на вѣсу своими шелковыми шараварами, я видѣлъ, по заботливымъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на нихъ и на меня изъ глубины канка, его отеческую рѣшимость присматривать замной плотнѣе прежняго. Теперъ, какъ онъ набилъ полонъ ротъ «миромъ своей глоткѣ», и потомъ вдругъ пересталъ жевать его, измѣняясь въ лицѣ отъ горькаго чувства, я тотчасъ догадался, что мое намѣреніе напомнило ему картину любовниковъ, висящихъ на ставнѣ.

— Александръ Андреичъ! началъ онъ, высвобождая изъ вязкаго леденца свои зубы: матушка.... изволила наказывать.....

Въ этотъ мигъ толкнулъ его дюжій кервазъ, предшествовавшій знатному Турку, и когдa мусульманинъ, закутанный въ три шубы, нахалъ на насъ со свитою скороходовъ и съ цѣлымъ арсеналомъ трубокъ, я воспользовался изумленіемъ Еремея, ускользнулъ въ сторону, вспрыгнувъ на одну изъ наемныхъ верховыхъ лошадей, стоявшихъ у мечети, и пустился къ лавкѣ моего пріятеля. Долго ли было, соскочить съ лошади, утащить Мустафу въ заднюю комнату и велѣть Нубійцу отказывать всѣмъ, кто меня ни спросить; однако жъ, только я успѣлъ это сдѣлать, Еремей прибѣжалъ запыхавшись. По-Италіянски онъ говоритъ какъ Тассъ.

— На visto il signore? Не видали ли вы моего господина? вскричалъ онъ, бросаясь въ заднюю часть лавки, какъ котъ на крысу.

— Юкъ! Нѣтъ! сказалъ прехладнокровно Турокъ, положилъ руку на сердце, и, подступивъ ближе,

предложилъ ему съ важной учтивостью трубку, отнятую отъ собственныхъ устъ.

Жидъ также вбѣжалъ въ лавку, съ туфлями въ рукѣ; сѣлъ у дверей, снялъ маленькую сѣрую чалму и сталъ-было отирать потъ съ своего высокаго и узкаго чела, но Еремей въ эту минуту выскочилъ опять на улицу, сдѣлавъ ему знакъ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Видъ отчаянія и усталости, съ которыми ветхозаконный ориенталистъ отряхнулъ свои шаравары и нустился догонять добраго Еремея, вынудилъ смѣхъ у самого Мустафы. Онъ положилъ трубку, Нубиецъ сталъ объяснять это происшествіе по-своему, я вышелъ къ нимъ изъ своего убѣжища и мы хохотали отъ чистаго сердца.

Пока Мустафа еще досмѣивался и возстановлялъ трубку во рту, я, лежа на софѣ, осматривалъ съ любопытствомъ комнату, гдѣ недавно былъ спрятанъ. Занавѣсъ изъ толстой, но полинявшей парчи, который такъ же ненарушимо охраняетъ васъ на Востокъ какъ желѣзные затворы на Западъ, отдѣлялъ отъ передней лавки маленькую восьми-угольную комнату, величиной и убранствомъ похожую на Турецкіе будуары, которые въ иныхъ Европейскихъ чертогахъ примыкаютъ къ комнатѣ хозяйки. Нога тонула въ богатыхъ коврахъ, лежавшихъ на полу. Софы покрыты были узорной и глянцовитой шелковой тканью, и обложены разноцвѣтными подушками. Неутомимая курьельница посылала къ черному рѣзному потолку тонкія струи дыма, разливая въ комнатѣ благовоніе, которое пріятно щекотало нервы, но вмѣстѣ отягчало вѣки и расслабляло все тѣло. По мѣрѣ того, какъ глазъ привыкалъ къ тусклому свѣту, входившему сквозь окно въ потолокъ; взору являлись богатые шали Востока, блестяція дивной роскошью цвѣтовъ; рядъ хрустальныхъ каляновъ въ углу, слабо отражавшій свѣтъ въ граненыхъ склянкахъ съ розовой водою, до-

рогія трубки, пистолеты съ серебряной насѣчкою и богатая Дамаскская сабля въ красныхъ ножнахъ. Все это придавало особенную прелесть этому темному жилищу.

Мустафа былъ немножко философъ, и умѣлъ наблюдать Европейцевъ, приходившихъ въ лавку. Уединенная и восточная роскошь этой комнаты была одною изъ приманокъ, подготовленныхъ имъ для той страсти къ живописному, которую замѣчалъ онъ въ каждомъ путешественникѣ; а другою былъ его испанскій Нубіецъ, который въ бѣлой чалмѣ съ золотыми запястьями и ножами, съ голыми руками и ногами, всегда стоялъ у дверей лавки и зазывалъ прохожихъ, не покупать духовъ и куреній, а откушать шербету съ его хозяиномъ. Между-тѣмъ хозяинъ умѣлъ такъ обласкать и угостить всякаго порядочнаго человѣка, что дѣло рѣдко обходилось безъ покунки, которая вполне вознаграждала стараго кунца за его гостепріимство.

Когда Мустафа кончилъ свои молитвы,—говорилъ ли я, что онъ ихъ началъ?—онъ велѣлъ Нубіицу свернуть молебельный коверъ, и, задернувъ занавѣсъ между комнатою и лавкою, сѣлъ слушать повѣсть о Цыганкѣ, которую я чистосердечно разсказалъ ему съ начала до конца. Когда я дошелъ до происшествія на невольничьемъ суднѣ, внезапный свѣтъ блеснулъ, казалось, подъ его огромной чалмою.

—*Пекъ Эи!* сударь, *пекъ Эи!* Хорошо! очень хорошо, восклицалъ онъ, поводя пальцемъ по срединѣ бороды, и пуская такую бездну дыма изъ ноздрей и изо рта, что въ одно мгновеніе образовалось облако, и я имѣлъ здѣсь случай наблюдать полное затмѣніе Турка.

Онъ хлопнулъ въ ладоши, и Нубіецъ тотчасъ явился. Они поговорили что-то по-Турецки; невольникъ стянулъ поясъ, сбѣлалъ селямъ, и, взявъ туфли у наружныхъ дверей, вышелъ изъ лавки.

— Мы съищемъ ее въ невольничьемъ базаръ, сказалъ Мустафа.

Я оглязълъ. Эта мысль неразъ приходила мнѣ въ голову, но я все считалъ ее несбыточною. Молодая дѣвушка съ тайнымъ порученіемъ отъ матери! Я не могъ постигнуть, какъ можно было такъ безопасно подвергать опасности ея свободу.

— А если она и тамъ? сказалъ я, вспомнивъ, что Оттоманскіе законы возбраняютъ иностранцамъ покупать невольницъ, и что сверхъ-того, въ темерешнихъ обстоятельствахъ такая издержка будетъ слишкомъ чувствительна для моего кармана.

— Такъ я куплю ее для тебя, по знакомству, отвѣчалъ Мустафа.

Тутъ воротился Нубіецъ и положилъ къ ногамъ моимъ узелъ съ платьемъ. Потомъ, онъ взялъ съ полки бритвенницу и началъ скоблить мнѣ хохоль и виски. Послѣ краткаго пренія съ Мустафою, я долженъ былъ отступить отъ своихъ прекрасныхъ кудрей; только сильно нафабранные и закрученные усы остались въ утѣшеніе моимъ осиротѣлымъ пальцамъ, которые такъ привыкли поправлять виски и лелѣять хохоль въ часы досуга. Красная феска и чалма довершили превращеніе головы; я кое-какъ влѣзъ въ длинную шелковую рубашку, въ огромные шаравары, въ куртку, въ туфли, и всталъ полюбоваться на себя въ зеркаль. Я былъ похожъ на обыкновеннаго Турка какъ двѣ капли воды; только Европейскій галстухъ и чулки оставляли на шеѣ и на ногахъ моихъ близкую совсѣмъ не Восточную. Этому сейчасъ пособили какимъ то темноцвѣтнымъ снадобьемъ. Мустафа далъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ себя держать; я поправилъ чалму, и вышелъ за нимъ на улицу.

Странное ощущеніе раждается въ человѣкѣ, когда онъ идетъ въ чужомъ одѣяніи и видитъ, что никому это не удивительно. Я не могъ воздержаться отъ до-

сады, замѣтивъ, что каждый грязный бусурманъ считаетъ себя мнѣ равнымъ. Послѣ долгаго странствія въ чужихъ краяхъ, привычка возбуждать вниманіе и нѣкоторый родъ значительности, придаваемый толпою особъ и поступкамъ путешественника, дѣлаются наконецъ удовольствіемъ, и, потерявъ это званіе или возвратясь на родину, вамъ очень прискорбно видѣть себя опять въ разрядъ людей обыкновенныхъ. Я сердился, зачѣмъ не любитесь на меня народъ, когда я представляю Турка въ Константинополь!

Хотѣлось ли Мустафѣ похвастать передъ знакомцами своимъ новымъ трубконосцемъ, или въ тучномъ его тѣлѣ таилось столько плутовской насмѣшливости, что онъ наслаждался усиліями пылкаго гяура казаться тупымъ правовѣрнымъ, только я замѣтилъ, что мы идемъ не прямо на невольничій базаръ. Продавецъ духовъ заходилъ въ разныя лавки здороваться съ своими пріятелями, и наконецъ остановился въ книжномъ базарѣ: тутъ онъ поджалъ подъ себя ноги и снисходительно закурилъ трубку насупротивъ важнаго Армянина, который сидѣлъ на прилавкѣ по горло въ своемъ товарѣ. Вѣроятно не желая, чтобъ его видѣли курящаго съ Армяниномъ, Мустафа скрылся на томъ же прилавкѣ за грудую фоліантовъ, а его раздосадованный и нетерпѣливый трубконосецъ почтительно сѣлъ поодаль на узкомъ подножіи одной изъ пестрыхъ колонъ, украшающихъ базаръ библіофиловъ. Вдругъ, откуда ни возмись, бѣжитъ мой Еремей, и, по обыкновенію, простофилей: подставивъ ногу, я помогъ ему упасть громомъ на заплеснѣлыя книги Армянина, такъ, что вся кипа обрушилась въ страшномъ безпорядкѣ.

— Аллахъ, Аллахъ! вскрикнулъ Мустафа, котораго колѣна покрылись экземплярами поэмъ, словарей и

лѣтописей, а трубка совсѣмъ погребена была въ развалинахъ павшей пирамиды.

— *Che bestia Inglese!* Экая Англійская скотина! проворчалъ Армянинъ, почти не трогаясь съ мѣста.

На Востокъ Европейцу очень удобно быть неуклюжимъ: за всѣ его глупости отвѣчаютъ Англичане. Между-тѣмъ какъ книгопродавецъ откапывалъ духопродавца, Еремей, усиливаясь встать, попалъ рукою въ чернильницу, а потомъ той же рукою въ кипу избранныхъ книгъ, переплетенныхъ въ чистый пергамень. Услужливый Жидъ тотчасъ взялъ верхній томъ, на которомъ рѣзко изображалась пятерня моего дядьки, и равнодушно спросилъ Армянина, сколько il signore долженъ заплатить за испорченіе переплета? Зная, что съ синьоромъ Еремеемъ нѣтъ денегъ, я навѣрное рассчитывалъ, что между ними выйдетъ ссора; и что мнѣ тутъ можно будетъ благополучно ускользнуть отъ его заботливости, средь новаго затрудненія, изъ котораго впрочемъ мнѣ следовало бы выручить его и тѣмъ загладить первую вину.

Tre colonate * отвѣчалъ книгопродавецъ.

Еремей, не слушая этого ихъ разговора, отворилъ книгу, и междомедіе радостнаго изумленія удостоверяло меня, что я могу выйти изъ-за колонны и посмотреть ему черезъ плечо. То былъ великолѣпный экземпляръ Гафиза, писанный синими чернилами, весь разрисованный по полямъ золотомъ и красками, весь испещренный богатыми виньетками. Еремей съ роду не видалъ такой чудесной «книжки». Пока онъ разсматривалъ бусурманскую книгу, держа ее вверхъ-ногами, я кивнулъ Мустафѣ, и мы ушли, непримѣченные ни Жидомъ, ни Еремеемъ.

При входѣ въ ворота невольничьяго базара, Мустафа

* Пятнадцать рублей.

повторилъ мнѣ свои совѣты насчетъ моего поведенія, напоминалъ, что, какъ Франкъ, я буду осматривать бѣлыхъ невольницъ съ опасностью для собственной жизни, и самъ тотчасъ принялъ видъ безпечной невнимательности, чтобъ отворотить всякое подозрѣнiе. Я шелъ за нимъ по пятамъ съ его трубкою, и когда онъ останавливался поговорить съ знакомцемъ, я потихоньку толкалъ его сзади чубукомъ, выходя изъ терпѣнiя отъ его медленности.

Меня вѣрно заняла бы окружающая картина, если бы я былъ простымъ зрителемъ, но излишнiя и нестерпимыя отлагательства Мустафы, тогда какъ мое божество ежеминутно могло быть продано, довели меня до бѣшенства.

Мы наконецъ вышли изъ погребца, куда завелъ насъ одинъ его знакомецъ, чтобъ показать молодого бѣлаго мальчика, котораго онъ торговалъ: я надѣялся, что ожиданiе мое приближалось къ развязкѣ, какъ вдругъ явился чело­вѣкъ съ колокольчикомъ въ рукѣ, и за нимъ, подъ бѣлой простыней, черная дѣвушка, Абиссинка. Какъ у большинства этой породы, у нея была голова животного, но тѣло и члены превосходнаго чело­вѣческаго образованiя. Она осматривалась безъ изумленiя и стыдливости, идучи за крикуномъ на­пряженною, леопардовой походкою: нога ея была вы­гнута какъ у портнаго, шея красиво наклонена впе­редъ, а плеча и колѣни отличались той свободной иг­рою мышцъ, которая, — что ни говорите, — совсѣмъ те­ряется подъ платьемъ просвѣщенныхъ женщинъ, какъ онъ ни стараются показывать первыя и заставлятъ угадывать вторыя.

Я рѣшился шепнуть Мустафѣ, что, подъ видомъ желанiя купить эту Абиссинку, мы можемъ безподозрительнѣй осмотрѣть бѣлыхъ невольницъ.

За нее спросили какую-то цѣну.

— Двѣсти піастровъ! сказалъ Мустафа, какъ-будто совершенно занятый торгомъ и не слушая моихъ просьбъ и возраженій. Двѣсти піастровъ! Очень довольно!.....Я вѣдь покушаю ее только для того, чтобъ она золотила у меня курительныя лепешки.

И, отдавъ мнѣ трубку, онъ приподнялъ простыню съ плечъ невольницы. Онъ вертѣлъ ее туда и сюда, какъ болванчика на проволоку, смотрѣлъ ей въ зубы, смотрѣлъ на руки, говорилъ тихо съ крикуномъ, потомъ взялъ у меня трубку, а черная невольница удалилась.

— Я купилъ ее! сказалъ онъ съ значительною усмѣшкою, когда я, подавая кisetъ, сунулъ ему въ ухо крупное Русское проклятiе.

Одна мысль, что Мейменѣ могла сдѣлаться собственностью этого грубаго и чувственнаго чудовища такъ же легко, какъ и купленная имъ Негритянка, закружила мнѣ голову.

— Когда я, съ досады, размышлялъ въ какомъ-то отчаянномъ спокойствіи о роскошныхъ ужасахъ торгова невольницами, Мустафа подозвалъ къ себѣ Египтянина, который расхаживалъ въ бѣломъ плащѣ съ башлыкомъ. Помнится, я видѣлъ его на Требизондскомъ суднѣ. Онъ былъ малолицый, черногубый, смуглый Африканецъ, съ смыкающимися глазами и съ сухой, заскорузлой рукою,—какъ у гаршій. Послѣ краткой бесѣды, онъ взялъ моего временнаго господина за рукавъ, и пошелъ съ нимъ къ лучшей изъ жалкихъ лачужекъ, которыя окружали этотъ дворъ. Я за ними,—съ трепещущимъ сердцемъ: мнѣ казалось, что каждый глазъ въ этомъ многолюдномъ базарѣ узнаетъ во мнѣ переряженца. Египтянинъ постучался, откликнулся кому-то, говорившему изнутри, и дверь отворилась. Я увидѣлъ себя въ присутствіи четырнадцати закрытыхъ женщинъ; онѣ сидѣли на полу,

въ разныхъ положеніяхъ. По приказанію нашего проводника подали ковры для него съ Мустафою, и когда они услись, покрывала вдругъ упали, и батарея отверзтыхъ неподвижныхъ глазъ выстрѣлила залпомъ прямо въ наши.

— Что, здѣсь? спросилъ меня Мустафа, когда я наклонился, чтобъ подать ему вѣчную трубку.

— Чортъ тебя возьми, нѣтъ!

Я жестоко оскорбился, что онъ, глядя на этихъ Черкесскихъ и Грузинскихъ тетѣхъ, могъ меня объ этомъ спрашивать. Однако жъ онъ были хороши. Румяныя щеки, бѣлые зубы, черные глаза и молодость даются не всякой женщинѣ, а онъ имѣли все это въ изобиліи.

— Больше у него нѣтъ? спросилъ я у Мустафы, наклонившись къ его уху.

Я осматривалъ всѣ углы, пока онъ узнавалъ объ этомъ съ обыкновенной своей медленностью, и, почти самъ не зная, что дѣлаю, приставилъ глазъ къ щели въ перегородкѣ, откуда сильно пахло кофеемъ. Сперва я увидѣлъ только темную комнатку: посерединѣ стоялъ мангалъ съ жаромъ, и на немъ кофейникъ. Когда глазъ мой привыкъ къ слабому свѣту, я разглядѣлъ кипу чего-то, похожаго на шали. Думая, что это спальня продавца невольниковъ, я хотѣлъ отойти, какъ вдругъ кофе зашипѣлъ на мангалѣ, и въ тотъ же мигъ, изъ кипы, на которую я смотрѣлъ, поднялась женщина, — Мейменѣ какъ живая!

— Мустафа-Ага! вскрикнулъ я, отступая назадъ и сложивъ передъ нимъ руки.

Я не успѣлъ еще произнестъ другаго слова, какъ сильный ударъ чубукомъ по голой ногѣ заставилъ меня опомниться. Черкешенки пересмѣхались, а Турокъ будто не примѣчая моего волненія, приказалъ мнѣ суровымъ голосомъ набить ему трубку, и продолжалъ разговоръ свой съ Египтяниномъ.

Умная табакъ въ трубку пальцами, я прислонился къ перегородкѣ съ притворной безопасностью, и посмотрѣлъ еще разъ. Она стояла у жаровни, и наливала изъ кофейника въ чашку. При красномъ цвѣтѣ уголья, я могъ превосходно видѣть каждую ея черту. Она была одна, и сидѣла на землѣ, пригнувъ головою къ колѣнямъ; шаль, которая упала теперь на плеча, закрывала даже ея ноги. Подъ нею былъ узкій коврикъ; когда она пошла отъ огня, легкій металлическій звукъ заставилъ меня взглянуть на полъ, и я увидѣлъ, что она прикована къ нему цѣпочкою за ногу. Я наклонился къ Мустафѣ, сказалъ ему шепотомъ о своемъ открытіи, и просилъ, ради самого пророка, найти средство пробраться въ ея комнату.

Пекъ эи, пекъ эи! было единственнымъ отвѣтомъ.

Между-тѣмъ Египтянинъ повертывалъ передъ окномъ самую толстую изъ четырнадцати Черкешенокъ, снявъ съ нее все, кромѣ туфель и шараваръ, и выхватывалъ ея тучность.

Я воротился къ щели. Мейменѣ вышла свой кофе и стояла, сложивъ руки и задумчиво глядя на огонь. Выраженіе ея прекраснаго, юнаго лица не предвѣщало ничего хорошаго. Тонкія уста были упорно, но покойно сомкнуты; чело ея было безмятежно; одни глаза казались мнѣ напряженными, неподвижными и необыкновенно томными. Сердце билось во мнѣ какъ молотокъ; все тѣло дрожало отъ нетерпѣнія. Она медленно тронулась съ мѣста, упала на коверъ, выдернула изъ подъ себя цѣпь и, закрывшись шалью съ головой, повидимому уснула.

Мустафа оставилъ толстую Черкешенку, которую подошелъ было осмотрѣть поближе.

— Точно ли она? спросилъ онъ меня чуть слышнымъ шепотомъ.

— Она, точно она.

Онъ взялъ у меня трубку и такимъ же тихимъ голосомъ пригласилъ меня воротиться домой, въ его лавку.

— А Меймендъ.....?

Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ на дверь. Полагая, что лучше во всемъ повиноваться его волю, я выбрался изъ базара, и вскорѣ уже пилъ шербетъ у него въ комнаткѣ, прислушиваясь къ шелесту каждой проходившей туфли, не Меймендъ ли идетъ ко мнѣ.

Правила хорошаго воспитанія не допускаютъ въ свѣтъ того, что обыкновенно называется «сценою». Порядочные люди, даже порядочные супруги, не дѣлаютъ сценъ въ обществѣ, гдѣ всѣ чувства, и самыя трогательныя, должны быть *frappés à glace*, — какъ шампанское. Я ненавижу сценъ даже на бумагѣ. Не нахожу ни какой достаточной причины, чтобъ какой-нибудь авторъ, по своей прихоти, рассчитывалъ на мою чувствительность, когда я самъ не рассчитываю на сочувствіе другихъ и стараюсь жить на свѣтъ такъ, какъ-будто ни у кого не было сердца. Сильныя ощущенія — верхъ невѣжества, и въ отвлеченномъ, и въ положительномъ смыслѣ. Они нарушаютъ веселость, разстроиваютъ осанку, раздражаютъ нервы. По всемъ этимъ причинамъ, я не описываю встрѣчи моей съ Меймендъ, послѣ покупки ея за двѣсти Испанскихъ піастровъ, иначе за тысячу рублей ассигнаціями, прехитрымъ и предостойнымъ продавцемъ духовъ и куреній. Какъ она бросилась мнѣ на шею, узнавъ, что я, а не Мустафа былъ ея покупщикомъ и господиномъ; какъ истерически плакала она отъ радости на моей груди; какъ доплакалась до того, что уснула, не успѣвъ даже освободить голову изъ моихъ рукъ; какъ я любовался на ея черные волосы, падавшіе съ колѣнъ моихъ какъ водопады Иматры, и какъ я прилипалъ устами къ милому пробору, раздѣлявшему эти волосы, и благословлялъ мирно-спящее дитя, — все это, суда-

рыня, такія обстоятельства, которыхъ нельзя порядочно описать, не растрогавъ до слезъ вашей чувствительности. По-этому, покорнѣйше прошу васъ почитать этотъ параграфъ не столько уловкою для прикрытія острыхъ угловъ моего разсказа, сколько знакомъ въжливой и очень похвальной внимательности къ вашимъ чувствамъ и первамъ. Распушія вѣки очень некрасивы.

Знаете ли, по какому случаю это прелестное существо, жившее свободно какъ птичка въ кустахъ, раствующихъ во дворцѣ Креза, попала на невольничій базаръ! Отецъ ея уже полгода томился въ тюрьмѣ Смирнскаго паши за неплатежъ хараджа. Недоимка, числившаяся за нимъ простиралась до пяти сотъ Турецкихъ піастровъ. Жена его продала все ихъ скудное имущество, чтобъ выкупить своего несчастнаго мужа, но все имущество не доставило ей и половины этой ничтожной суммы. Юная дочь, цѣною собственной своей свободы, рѣшилась пополнить недостатокъ.

Ея дядя, Цыганскій ренегать, живущій въ услуженіи у одного Стамбульскаго вельможи, прислалъ ей лошадь и мужское платье; я, изъ великодушія, привезъ ее въ Константинополь, чтобъ повергнуть благородное дитя въ рабство. Этотъ дядя, который, въ день нашего прибытія, ожидалъ ее за мечетью въ Топханъ, продалъ бѣдняжку хозяину Требизондскаго судна за шестьсотъ рублей, и деньги тотчасъ отправлены были въ Сардисъ.

-- Теперь вѣрно батюшка уже выпущенъ, говорила она съ дѣтскимъ восхищеніемъ, которое разорвало мнѣ сердце. У нихъ еще останется денегъ. Онъ будетъ въ состояніи купить коня.....

— Мейменѣ! сказалъ я, съ восторгомъ прижимая ее

къ груди своей: ты скрытна и жестока. Зачѣмъ же ты мнѣ не сказала? Неужли ты думаешь, что я пожалѣлъ бы.....

— Ахъ, я была въ томъ увѣрена! прервала она. Я тысячу разъ хотѣла упасть къ вашимъ ногамъ, и просить, чтобъ вы спасли меня отъ гибели, ноне осмѣлилась. Я поклялась матушкѣ не говорить ни кому въ свѣтъ, что продаю себя съ ея согласіемъ..... — Не дѣлайте мнѣ упрековъ, присоветовала она, плѣнительно улыбаясь: теперь я вдвойнѣ счастлива, — исполнила свой долгъ и..... ваша раба. Я буду стирать вамъ бѣлье!.....

Если бъ я былъ султаномъ, въ эту минуту я подарилъ бы ей Константинополь и всѣхъ бородатыхъ Турокъ!

Мои тайныя бесѣды съ Еремеемъ становились часть отъ часу серіознѣе. Тысячарублей, выданные за Мейменѣ, вознагражденіе Мустафъ, Европейское платье для моего поваго товарища, и наконецъ третье прибылое лице въ нашей Перотской квартирѣ, довели мой кошелекъ до крайняго истощенія. Еремей не думалъ сердиться за то, что я пересталъ давать ему жалованье и безъ околичностей ходилъ ѣсть *кебабъ* въ мясной лавочкѣ взамѣнъ Французскаго обѣда у мадамъ Джузеппино. Онъ безропотно переносилъ всѣ лишения и готовъ былъ бы, нахлобучивъ колпакъ дервиша и кормясь мірскимъ подаеніемъ, отправиться домой черезъ Іерусалимъ и Мекку, только бы я былъ доволенъ. Но мои нравы! О нравахъ моихъ онъ только и хлопоталъ.—Что скажетъ ваша матушка, Аграфена Васильевна? Что съ этой дѣвочкой, когда вы пріѣдете домой? Куда вы дѣнете ее въ Одессѣ? За кого примутъ ваши знакомцы эту взрослую сопутницу? Что вы можете для нея сдѣлать? И пуще всего, какъ отъ нея отдѣлаться, если она прильнетъ къ вамъ всей душою?

— Матушка, Александръ Андренчъ, изволила стройайше наказывать.....

— Ерёма! другъ мой!.....

Я задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Мы плыли къ знаменитымъ Симплегадамъ. Мой добрый менторъ воспользовался попутнымъ вѣтромъ, чтобъ завести рѣшительную рѣчь объ отвѣтственности, которой я подвергаю его *личность*, и огорченіе, какое готовлю матушкѣ и всему семейству, а Мейменѣ сидѣла между моихъ ногъ на днѣ канка, глядя мнѣ въ лице такими глазами, которые будто хотѣли вывѣдать изъ глубины души причину моего смущенія. До того времени, мы рѣдко говорили по-Русски въ ея присутствіи: прискорбіе видѣть себя исключенною изъ нашей бѣсѣды проступало въ чертахъ ея такимъ мучительнымъ выраженіемъ, что я почиталъ жестокостью доводить ее до этого. Она не смѣла спросить меня словами, отчего я разстроены, но по звуку Еремеева голоса догадывалась, что онъ чѣмъ-то недоволенъ. Она бросила сердито-испытующій взглядъ на его пасмурное лице, украдкой сунула мнѣ подъ шинель руку, и тихонько положила ее въ мою. Въ этомъ движеніи было столько нѣжной довѣрчивости, что у меня навернулись слезы: съ ласковой улыбкою наклонилъ я къ себѣ мою простодушную Мейменѣ, и, цѣлуя ее въ лобъ, чувствовалъ въ себѣ твердую рѣшимость не покидать этого милаго созданія до тѣхъ поръ, пока сама она не отвергнетъ моего куска хлѣба, и даже посвятить ей жизнь, если это будетъ нужно для защиты ея отъ нареканій свѣта. Когда я вертѣлъ этотъ листъ въ книгѣ моего сердца, спокойствіе водворялось въ груди моей,—я чувствовалъ, что мой добрый ангелъ парить надо мною. Еремей между-тѣмъ заговорилъ о завтракѣ; нашъ легкій канкъ весело скользилъ въ Черноє Море.

— Ну, любезный Еремей! сказалъ я, когда мы ушли около бумажнаго блюда кебабовъ на господствующей высотѣ Симпелегадъ: вотъ мы и украиняго предѣла нашихъ странствій. Полно путешествовать! Я далѣе не ѣду. Отсюда воротимся мы въ Россію, на свою сторону.

Онъ не отвѣчалъ ни слова. Я видѣлъ, что грусть его возрастала съ каждымъ кускомъ кебаба: по моимъ соображеніямъ, причиной тому была дума о связи моей съ Цыганкою: я рѣшился развеселить его, во что бы то ни стало.

— Да, Еремей! мы ѣдемъ въ Россію, повторилъ я.

Ротъ его былъ такъ плотно набитъ кебабомъ, что я долженъ былъ дать ему нѣсколько минутъ времени для отвѣта.

— Къ сентябрѣ будемъ въ Новгородъ, Еремушка!

Онъ молчалъ.

Въ обычномъ расположеніи духа, при первомъ словѣ о возвращеніи на родину, онъ затянулъ бы непременно — «Ужъ ты, матушка, родная сторона!»; но теперь облако печали подавляло у него даже вспышки патріотизма.

— Ёдемъ во-свояси, наконецъ сказалъ онъ: а что оставляемъ за собою! На этомъ прекрасномъ суденышкѣ несемъ по Босфору, межъ розъ и цвѣтущихъ деревьевъ, какъ во снѣ. Есть ли гдѣ другой такой городъ въ подсолнечной? Гдѣ еще такъ тепло, такъ зелено, и народъ такой честный? Мы объѣздили съ вами Нѣмечину, Англію, Голландію, Италію, Сицилію, Грецію: что жъ мы тамъ видѣли, кромѣ труда и непрерывныхъ заботъ? Наша сторона непримѣръ лучше другихъ земель, а все-таки рабочая. У насъ на Руси нѣкогда полѣзится какъ въ здѣшнемъ краю.

умрешь съ голоду, замерзнешь, пропадешь! Въ потъ лица зшь хлѣбъ свой, — а праздность вѣль не худое дѣло! Признаться вамъ, сударь, по совѣсти: я люблю этихъ лѣнливыхъ бусурмановъ! Туфли мѣшаютъ имъ торопиться; платья широкія нараспашку: чудо, а не житье! Посмотрите вы, какія у нихъ дачи! И богачу, и бѣдному, всѣмъ здѣсь одно раздолье, — лѣнь и солнце. Пахучій воздухъ, гулянья въ волю, каккъ на водѣ, бесѣдка на пригоркѣ, — вотъ все ихъ благополучіе: а кто здѣсь этимъ не пользуется! Они живутъ поджавши ноги. Право, сударь, они умнѣ насъ, даромъ что нехристи!

Я пришелъ въ совершенное остолебеніе, слушая вспышку этого пламеннаго взрыва долго придавленной, и таившейся подъ спудомъ, философін. Мой дядька просвѣтился!

— Помилуй, Еремей: что ты это?

— Какъ что-съ? Да есть ли въ свѣтъ народъ добрее Турокъ? Мнѣ здѣсь такъ понравилось, что, если бъ вы меня отпустили, я готовъ былъ бы итти съ Мейменѣ въ Сардисскія степи и сдѣлаться Цыганомъ, а назадъ бы не поѣхалъ.

— Хочешь итти съ нимъ въ Сардисъ, Мейменѣ?

— Signor, no!

Я страстно жгаль ее въ своихъ объятіяхъ, и осыпаль ея благородное чело горячими каккъ огонь, и каккъ огонь чистыми, поцѣлуями. Добрая моя Мейменѣ! мы неразстанемся съ тобой до гроба!.....

Ужъ право, не знаю, что сказала бъ матушка, — а я непременно сдѣлалъ бы глупость!..... Увы, увy, недѣли черезъ три послѣ этого, моя милая, моя не-

сравненная Мейменè уже не существовала! Она на Одесскомъ рейдѣ умерла отъ чумы, которую мы привезли изъ Константинополя.

Мейменè! ты мелькнула передо мной какъ падающая звезда, и угасла навѣки. Но это дивное сліяніе прелестей, этотъ жаркій взоръ чистѣйшей любви, который ты такъ часто вперяла въ меня съ невинной радостью, неизгладимо остались въ душѣ моей, и никогда дума о другой не потемнитъ въ ней этого свѣтлаго воспоминанія!

А. ВЪЛКНЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРЛИСТЫ и ФИЛИППИСТЫ.

СЦЕНЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СТАТЬЯ Г. ФРЕДЕРИКА СУЛИЕ.

Прошу не думать, читая этот рассказ, что я намерен был изобразить нравы страны, по которой долго ездилъ, но которой не имѣлъ времени изучать: это—истинное происшествіе; я описываю его точно такъ, какъ оно было, представляя и лица и характеры такими, какими ихъ видѣлъ. Это эпизодъ исторіи междоусобій двухъ главныхъ партій, раздѣляющихъ Францію. Правда, этотъ эпизодъ исторіи очень походитъ на водевиль; но не моя вина, если водевиль до того проникъ во Французскіе нравы, что даже и политическія дѣла кроются по его мѣркѣ. Видно, въ водевилѣ заключается истинный умъ нашего времени.

Въ сентябрь 1831 года семейныя дѣла заставили меня отправиться въ южныя части Франціи. Я пустился изъ Парижа съ однимъ моимъ пріятелемъ, Эрнестомъ Монфильомъ, молодымъ человекомъ, довольно красивой наружности, богатымъ и знатнымъ, расточавшимъ въ довольно дурномъ обществѣ наследство, котораго онъ ожидалъ отъ отца, маркиза Монфильона. Въ понедѣльникъ, въ полночь, мы сѣли въ карету, а въ четвертокъ, часовъ въ шесть, пріѣхали въ Тулузу, главный городъ Лангедока.

За дымомъ сигаръ мы совсѣмъ и не видали ста восьмидесяти льѣ, отдѣляющихъ Парижъ отъ Тулузы. Тотчасъ по прѣздѣ въ этотъ ученый городъ, я узналъ, что нотаріусъ, въ рукахъ котораго было мое дѣло, отлучился куда-то на недѣлю: мнѣ цѣлую недѣлю оставалось ждать и скучать. Эрнестъ выпросилъ у меня это время, и минуть черезъ двѣнадцать по прибытіи въ Тулузу, мы были уже въ дилижансѣ на пути къ Кастру. Мы взяли два мѣста снаружи почтовой кареты, не столько для того, чтобы разсвѣяться видами, какъ для того, чтобы на свободѣ продолжать страшное потребленіе сигаръ, начатое съ самаго Парижа. Въ такомъ-то благополучномъ занятіи, въ которомъ мысль дремлетъ и внѣшніе предметы рѣдко проникаютъ до души, вдругъ очутились мы въ Кастръ, какъ-будто перескочили съ Тулузскихъ башенъ на рынокъ этого ткацкаго городка.

Свѣвъ на лошадей, которыхъ маркизъ прислалъ за сыномъ въ Кастръ изъ родоваго помѣстья своего Монфильонъ, мы нѣсколько пробудились отъ долговременнаго сна, и съ удивленіемъ увидѣли окружающую насъ страну, къ которой мы совсѣмъ не были приготовлены. Признаюсь, что я былъ пораженъ видомъ и этой земли, и людей, и новыхъ костюмовъ, и звуками языка, уже вовсе не Французскаго; но мнѣ пріятно было разсматривать отличіе провинціи отъ столицы и знакомиться съ Франціею, которая была не Парижъ.

Сначала мы ѣхали довольно скоро по дорогѣ, проложенной по склону одного изъ высокихъ холмовъ, составляющихъ начало цѣпи, называемой Черною Горой, la Montagne Noire. За нами шелъ деревенскій паренъ, одѣтый довольно плохо, но очевидно по праздничному. На немъ былъ красный жилетъ, неприкрывавшій рубеза широкаго исподняго платья, которое морщилось отъ напряженія подтяжками; сѣрая куртка, еще короче жилета, довершала нарядъ его. Когда мы сѣли на лошадей, — надобно знать, что Яшка, или точнѣе, Жакѣ, уступилъ мнѣ своего коня, — онъ спялъ чулки и башмаки, чтобы провозить насъ пѣшкомъ: это мнѣ показалось глубоко обдуманномъ способомъ упогребленія обуви. Коня наши и рысью не перегоняли

гнѣваго провожатаго, а когда встрѣчался пригорокъ, онъ еще поджидалъ насъ. Онъ садился тогда на камень, и глядѣлъ на насъ съ большимъ любопытствомъ. Я спросилъ Эрнеста, кто этотъ Жакѣ, — не работникъ ли съ какой-нибудь мызы его батюшки?

— Ба! Неужели ты думаешь, что батюшка станетъ обходиться такъ неуважительно съ будущимъ преемникомъ его имени? Онъ выслалъ ко мнѣ на встрѣчу собственнаго своего камердинера. Онъ бы выслалъ даже управителя, но Жакѣ говорилъ мнѣ, что управитель попортилъ себѣ ногу, обтесывая топоромъ колоду, и потому, къ крайнему своему и батюшкину прискорбію, не могъ имѣть чести встрѣтить меня.

Босноній камердинеръ, и управитель, работающій топоромъ около колоды, возбудили во мнѣ извѣстное удивленіе: я хотѣлъ уже начать вопросы, какъ вдругъ Жакѣ остановился, и сталъ прислушиваться. Эрнестъ придержалъ свою лошадь, и я услышала отдаленное, жалобное «ааау», которое раздалось въ воздухъ какъ звукъ рога. Другой такой же крикъ, только болѣе визгливый, пронесенный женскимъ голосомъ, отвѣчалъ на это воззваніе.

— Что это? вѣдетъ кто нибудь? спросилъ Эрнестъ, обращаясь къ Жакѣ.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ: это Мазаметскіе ткачи «аукаются» съ Монфальонскими дѣвками.

Въ ту же минуту послышались еще два такіе крика, одинъ вопросный, другой отвѣтный, и съ обѣихъ сторонъ горы начался дуэтъ «ааау», мужскихъ и женскихъ, становившихся чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ виртуозы сближались.

— Не хочешь ли посмотреть на нашихъ работниковъ въ праздничныхъ платьяхъ? оказалъ мнѣ Эрнестъ.

— Нѣтъ; обратись у меня передъ глазами, отвѣчалъ я, указавъ на Жакѣ.

— О, по немъ судить нельзя! Онъ изъ выродившейся породы чистыхъ горцевъ. Это мужикъ съ равнины, развращенный Тулузскимъ просвѣщеніемъ, во время поѣздокъ своихъ съ батюшкой всякую зиму въ столицу Лангедока; одно изъ существъ переходныхъ между породами, всегда

почти смѣшныхъ и несовершенныхъ. Онъ — обезьяна между человекомъ и скотомъ; устрица между царствами животнымъ и прозябающимъ.

— Ну, такъ посмотримъ на чистую породу.

— Жакѣ, мнѣ бы хотѣлось видѣть ткачей.

— Слушаю, отвѣчалъ Жакѣ почтительно.

Онъ остановился, чтобы собраться съ духомъ, и потомъ испустилъ три «аауу», которыя долго раздавались въ горахъ. Отвѣтъ послышался тотчасъ, и мы продолжали путь нашъ.

— Вотъ средство сообщенія, которое стоитъ телеграфовъ, сказалъ я.

— О, отвѣчалъ онъ, если бы ты зналъ этотъ языкъ, онъ бы чрезвычайно тебѣ понравился. Весною, когда теплота атмосферы разогрѣтъ любовь во всемъ здѣшнемъ народѣ, весело слушать эти страстные разговоры, которые перелетаютъ съ горы на гору, никогда не смѣшиваясь. Есть что-то чудно-дикое въ этихъ громкихъ завываніяхъ, которыя возвыщаютъ долину появленіе красиваго горца, и въ крикъ, поднимающемся изъ долины и показывающемся, что прекрасная дѣвушка ихъ услышала. Потомъ эти восклицанія становятся тише и тише, по мѣрѣ того, какъ они сближаются, и утопаютъ въ молчаніи, пріятнѣйшемъ языкъ любовниковъ. Сколько разъ, въ дѣтствѣ, слушалъ я эти крики, и не понималъ ихъ, до тѣхъ поръ, когда самъ сталъ вскрикивать полною грудью юноши такія же любовныя воззванія къ какой-нибудь высокой дѣвѣ горъ, которая мнѣ отвѣчала!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Эрнеста: я не узнавалъ въ немъ моего Парижскаго пріятеля, измученнаго закулиснаго героя, товарища въ путешествіи, который еще наканунѣ такъ лѣниво спалъ и курилъ въ диванѣ. Онъ замѣтилъ это и сказалъ.

— Неужели этотъ чистый воздухъ не обновляетъ тебя всего, до самыхъ твоихъ понятій? Не знаю, а я молодѣю здѣсь всѣмъ существомъ моимъ. Я бы сталъ кричать, если бъ смѣлъ.

— Кричи, любезный, отвѣчалъ я: не церемонься. Мнѣ любопытно было бы послушать, какъ твой нежный голо-

сокъ станеть бороться съ громкими басами здѣшнихъ красавицъ.

Эрнестъ не заставилъ просить себя и принялся выкрикивать національное «ааау» Черной Горы. При этомъ крикъ Жакё обернулся. Легкая улыбка пробѣжала по лицу его; онъ, казалось, былъ тронуть.

— Хорошо, сударь, хорошо, сказалъ онъ; дай Богъ вамъ здоровья, вы насъ не забыли.

— И они то же меня помнятъ! сказалъ Эрнестъ, слыша отвѣтъ, который раздался вслѣдъ за этимъ. Они узнали меня. Сколько ихъ?

Жакё не отвѣчалъ; но бросилъ на меня подозрительный взглядъ. Эрнестъ, конечно, понялъ этотъ взглядъ, потому что онъ приближился къ босому камердинеру, и они начали разговаривать вполголоса, оставивъ меня назади.

Я не зналъ, зачѣмъ Эрнестъ ѣдетъ домой, не зналъ и его родныхъ. Мнѣ известно только было то, что у него есть отецъ и мать, что онъ единственный сынъ у нихъ, и что они принадлежатъ къ тому провинціальному дворянству, которое, доводя роялистскія чувства до крайности, вредитъ своему дѣлу, и отъ всей души ненавидитъ нынѣшнее правительство. Я уже начиналъ жалеть, что рѣшился провести цѣлую недѣлю съ людьми, которые станутъ наскучивать мнѣ вѣчными своими проклятіями на Парижъ, на Парижанъ и Парижанокъ, на Парижскія книги, Парижскія моды, Парижскія бакенбарты и Парижскія идеи. Чтобы вы ни думали сами о городѣ, гдѣ живете, а всегда готовы защищать его противъ тѣхъ, которые ему не принадлежатъ. Это законъ личнаго самолюбія. Я уже предчувствовалъ, что мы во многомъ не согласимся съ хозяиномъ, что мнѣ придется выдержать жаркіе споры съ маркизомъ, и что маркизъ когда нибудь выпуститъ на меня свою собаку, которая спитъ подлѣ нея въ ящечкѣ, обитомъ внутри овчиною. Я сначала призадумался было объ этомъ; но потомъ рѣшился не обращать вниманія на ихъ выходки, и только въ случаѣ сильнаго натиска отдѣлываться шутками. Досадно однако было подумать, что, вѣдучи и за дѣломъ и для потѣхи, надобно всегда быть готовымъ къ войнѣ съ своими соотечественниками: нотариусъ, который

имѣлъ въ своихъ рукахъ мои семейныя бумаги, былъ, какъ мнѣ сказывали, бывшій республиканецъ; маркизъ, къ которому я отправлялся въ гости, былъ неутомимой карлистъ. Тотъ Бонапартистъ, этотъ Орлеанистъ, третій Англоманъ! Каждый изъ нихъ какъ-будто принадлежитъ къ другому, непріязненному народу. Куда ни обернешься, вездѣ иностранецъ въ лицѣ Француза. Оно странно, — даже горько, — но оно такъ. Что прикажете дѣлать! Поѣдемъ далѣе.

Не знаю почему, но я замѣчалъ въ Эрнестѣ что-то важное и таинственное, чего никогда въ немъ не видывалъ; и если бы онъ не былъ самымъ безпечнымъ изъ всѣхъ шалуновъ, какихъ я зналъ въ Парижѣ, я бы подумалъ, что онъ затѣваетъ какой-нибудь ужасный заговоръ противъ правительства, или какую-нибудь недобрую шутку надъ мною. Мы стали спускаться съ холма, какъ частая рысь, послышавшаяся въ некоторомъ разстояніи, показала намъ, что за нами мчится всадникъ, который торопится, или у котораго лошадь лучше нашихъ. Этотъ всадникъ была всадница, сидѣвшая на широкомъ сѣдлѣ, къ сторонамъ котораго привязаны были два покрытыхъ вощанкою тюка; ноги амазонки лежали на нихъ, наравнѣ съ шеею мула, потому что и конь былъ не конь, а мулъ. На ней былъ черный спенсеръ съ узкими рукавами, украшенный гусарскими металлическими пуговицами, короткая красная юбка, синіе чулки, черныя башмаки съ оторочкою огненнаго цвѣта и съ такими же лентами, переплетенными вокругъ ноги; на головѣ мадрасовый платокъ съ угловатыми складками и яркими красками, изъ подъ котораго выходила батистовая повязка, микроскопически собранная; подъ спенсеромъ, раскрывающимся на манеръ жилета, видѣлись края пестрой косынки; на шев, длинной и гябкой, блестало коралловое ожерелье, а уши красовались большими золотыми кольцами. Смуглое лице всадницы не уничтожило однако жъ чернаго блесна глазъ ея и длинныхъ ресницъ; бѣлые ея зубы блистали на солнцѣ; нѣжныя члены и станъ, согнувшійся какъ тростникъ, когда она проворно соскочила на землю, — все это жаркое, нѣжное и смѣлое существо напоминало Мавританскую кровь, которая долгое время ошлode-

творила народонаселеніе полуденныхъ провинцій Франціи, в которой первообразъ сохранился тамъ еще въ низкихъ классахъ, какъ блѣкнущія головы Франковъ были долгое время принадлежностію чистаго дворянства на сѣверъ.

— А! сказалъ Эрнестъ: вотъ Монпельерка!

— Ты по одеждѣ, что ли, узналъ родину? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: эта женщина родилась, можетъ быть, вотъ здѣсь, въ Кастръ или въ деревушкѣ, которая у насъ влѣвъ; но все-таки она Монпельерка.

— Послушай, Эрнестъ, сказалъ я: ты, кажется, хочешь такъ или иначе меня замаскировать; но не забудь, что я природный Гасконецъ, и хотя уже нѣсколько лѣтъ не касался до священной земли родины, но могу, какъ Антей, найти въ воспоминаніяхъ силы, что бы отмстить за себя.

— Система маскировокъ, любезнѣйшій, кончилась съ кухней Камбасереса, отвѣчалъ Эрнестъ: и ты притомъ забываешь священныя законы гостепріимства, которые не позволяютъ мнѣ шутить надъ тобою. Но ты бы долженъ былъ прибѣгнуть къ своимъ воспоминаніямъ, чтобы понять слова мои, а не для того, чтобы мстить мнѣ.

— Къ чему бы я ни прибѣгалъ, а все-таки не пойму, каковы образцы женщины, родившаяся въ Кастръ, можетъ быть Монпельеркою.

— Какъ? ты не знаешь, что почти все мелкія Монпельерскія купчихи разнощицы; что онѣ снабжаютъ всю провинцію фуларами, ситцами и другими товарами, и—что потому всѣхъ женщинъ, занимающихся тѣмъ же промысломъ, называютъ Монпельерками? Ты говоришь о воспоминаніяхъ: неужели же въ дѣтствѣ сердце твое не прыгало отъ радости, когда, въ деревнѣ, у дверей вашего дома останавливался этотъ верховый магазинъ, въ которомъ всегда была какая нибудь игрушка, нарочно для тебя припасенная разнощицею? А потомъ, неужели въ юношествѣ ты не принималъ съ восторгомъ въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ, населенномъ сѣдобородыми родетвенниками и перезрѣлыми тетушками, этихъ развязныхъ дѣвушекъ, которыхъ такой хорошенькій образецъ передъ нами? О, въ такомъ случаѣ, ты не здѣшній.

— Позволь, любезный, вскричалъ я: я точно здѣшній;

но я никогда не живаль въ деревнѣ, и потому не принужденъ былъ прибѣгать къ пособию разнощицъ.

— Это нѣмцы-утѣшительницы Черной Горы, сказалъ Эрнестъ: безъ нихъ не было бы у насъ ни превосходнаго контрабанднаго табаку, ни свѣжихъ Парижскихъ галстуховъ, ни душистаго мыла, ни перчатокъ, ни косметическихъ товаровъ, ни брошюрокъ, запрещаемыхъ полиціею, ни веселыхъ романовъ, запрещаемыхъ папеньками.

— А! такъ эти дочери прародительницы Еввы охотно торгуютъ запрещеннымъ?

Да, отвѣчалъ Эрнестъ. Сверхъ того онъ пренкусныя кетки; ни одна знатная дама не съумѣетъ измучить и провести, какъ эти дѣвушки; у нихъ есть свой, особаго рода, разговоръ, который составляетъ средину между смѣхомъ и страстью, такъ, что при первой попыткѣ подвергаешься или услышать язвительную и обидную насмѣшку, или, что еще хуже, страшныя клятвы въ вѣчной любви, до гроба.

— Но для этой, право, можно на все рѣшиться. Какъ ты думаешь, можно ли за ней поволочиться?

Эрнестъ взялъ лорнетъ, что тотчасъ придало ему опять видъ настоящаго Парижанина, и осмотрѣлъ съ ногъ до головы разнощицу, шедшую впереди съ Жакѣ; потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я думаю, что трудно. У этой голубки уже есть любовникъ, и только одинъ; или, по-крайней-мѣрѣ, только одинъ объявленный.

— Послушай, любезный! да почему же ты все это узналъ?

— Посмотри на ея руки, покрытыя вязаными полу-перчатками. У ней только одно большое серебряное кольцо: это—кольцо обручальное. Если бъ на ея хорошенькихъ пальцахъ блестѣлъ золотой перстень съ порядочнымъ гренатомъ, я бы сказалъ тебѣ: попробуй. Если бы мы сверхъ-того открыли какой-нибудь модный перстень среднихъ вѣковъ, изъ литаго золота, или нѣсколько брилліантовъ, отломленныхъ отъ эсклаважа, завѣщаннаго женою нѣжному своему супругу я бы опять сказалъ тебѣ то же. Если бы руки ея украшены были множествомъ перстней и колецъ разнаго размѣра, я бы сказалъ тебѣ: Назначь ей свиданіе, при первой встрѣчѣ.

Но теперь ничто не уполномочивает меня подавать тебе подобных советов. Эта девушка выше подозрѣнія, или можетъ быть слишкомъ разборчива. Впрочемъ, я могу справиться.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: позволь мнѣ самому попытаться побѣдить эту амазонку. Я думаю, мы увидимъ ее въ Монпельонѣ?

— Непремѣнно. Она теперь разговариваетъ съ Жакѣ, и вѣроятно спрашиваетъ у него, что намъ нужно.

Когда мы оканчивали этотъ разговоръ, Жакѣ и девушка остановились, и она, показывая на Эрнеста, спросила у безбашмачнаго лакея на Лангедокскомъ нарѣчїи.

— Es a quel? (Этотъ?)

Жакѣ отвѣчалъ утвердительно. Это напомнило мнѣ, что я очень хорошо понималъ нашъ провинціальный языкъ и прежде говорилъ на немъ свободно. Я однако рѣшился скрывать мои познанія, чтобы воспользоваться ими въ случаѣ нужды.

Девушка воспользовалась первымъ высокимъ камнемъ по дѣлу дороги, стала на него, съ-разу вскочила на мула, перекинула ногу черезъ его шею и пустилась рысью, сказавъ намъ съ самымъ фамильярнымъ видомъ: Прощайте, господа!

— Это кто - нибудь здѣшній? сказалъ Эрнестъ камердинеру, когда она удалась.

— Да это Маріанна! отвѣчалъ Жакѣ, какъ-будто весь свѣтъ долженъ знать Маріанну.

Не знаю, зналъ ли ее весь свѣтъ, но Эрнестъ безъ сомнѣнія зналъ ее, потому что онъ тотчасъ подѣхалъ къ Жакѣ и снова началъ съ нимъ разговоръ «всторону.» Я все думалъ, что тутъ кроется какая нибудь тайна, но Маріанна была слишкомъ мила, чтобы вмѣшаться въ заговоръ, и я остановился на мысли, что въ замкѣ ожидаетъ насъ какой нибудь деревенскій «сюрпризъ». Между-тѣмъ, мы все ѣхали, и скоро увидѣли на перекресткѣ двухъ дорогъ многочисленную толпу мужчинъ и женщинъ, которыхъ веселый хохотъ доходилъ по временамъ до ушей нашихъ.

— Ну, братъ теперь, намъ надобно пуститься въ скачку; намъ нельзя подѣхать къ этой толпѣ мызниковъ, которые

возвращаются съ яриарки и боятся, чтобы деньги ихъ не звенѣли въ карманахъ.

Взявъ изъ рукъ Жакё палку, Эрнестъ принялся бить лошадь свою такъ усердно, что она сдѣлала нѣсколько прыжковъ, довольно похожихъ на галопъ. Мой коня, которому Жакё, въ видѣ увещанія, далъ два или три пинка ногою въ брюхо, принялся подражать своему товарищу, и поскакалъ такъ, что чуть не растресь мнѣ всѣхъ внутренностей. Я не хотѣлъ отставать отъ Эрнеста, и изъ всей мочи колотилъ лошадь каблуками, отъ колотилъ свою малкою, и такимъ образомъ мы торжественно вскакали въ толпу, состоявшую человекъ изъ двадцати крестьянъ и крестьянокъ, которые занимали всѣ перекрестки. Увидя насъ, всѣ они сняли шляпы, но я не могъ приписать себѣ ни малѣйшей части этой учтивости, потому что меня едва удостоивали взглядомъ, и всѣ окружили Эрнеста, который подавалъ мужикамъ руку по-королевски, и они почтительно ея пожимали.

Я воспользовался общимъ невниманіемъ ко мнѣ, чтобы самому всѣхъ разсматривать. То, что Эрнестъ называлъ враздвичнымъ нарядомъ мужчинъ состояло изъ широкихъ шараваръ; рубанинъ, застегнутой булавкою въ огромномъ золотомъ кольцѣ; широкой и высокой шляпы, съ огромными полями; жилета, унизаннаго мѣдными пуговицами, и открытаго въ видѣ сердца, для того, чтобы виднѣе были подтяжки, на которыя обращена вся роскошь горцевъ. Онѣ обыкновенно шерстяныя, связаны очень тщательно, держатся на серебрянныхъ пряжкахъ, и украшены подвѣсками шерстяными, серебряными или даже золотыми: у каждаго было по двѣ, по три, по четыре подвѣски, какъ на сбруѣ мула, и эти подвѣски почти всегда любовные подарки. Это довольно походить на волосы побѣжденныхъ непріятелей, носимые дамами у пояса. Всѣ были въ башмакахъ. Я послѣ узналъ, что горцы принесли башмаки свои въ рукахъ и надѣли только для того, чтобы встрѣтить молодого маркиза съ подобающею почестью. Что касается до дѣвушекъ, то онѣ всѣ были одѣты какъ Маріанна, и платья ихъ различались только цвѣтами; но сверхъ-того на нихъ были огромные *лучистые* чепцы, изъ которыхъ выходили ихъ

смутого лица. Этотъ обращеніе народонаселенія не очень мнѣ повралася. Когда я сказалъ объ этомъ Эрнесту, онъ отвѣчалъ:—они не горцы, а большею частію фабричные работники, зачатые въ нездоровыхъ мастерскихъ, развращенные сядячею работою, которая, какъ ты конечно знаешь, имѣетъ пагубное вліяніе на нравы. Кварталъ ткачей въ Аоннахъ былъ извѣстенъ по безстыдству своихъ обитателей. Объ этомъ говорить Павзаній, и всякой врачъ скажетъ тебѣ, отчего это такъ было и есть.

Между-тѣмъ Эрнестъ распршивалъ всѣхъ этихъ добрыхъ людей объ ихъ семействахъ, и они отвѣчали съ низкими поклонами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы я замѣтилъ молодого, высокаго крестьянина, который смотрѣлъ на меня внимательнѣе, чѣмъ я рассматривалъ другихъ; онъ объяснилъ мнѣ двумъ или тремъ своимъ товарищамъ. Парижскій костюмъ мой, особенно круглыя бакенбарты à la jeune France, казались имъ чѣмъ-то страннымъ, можетъ-быть, и подозрительнымъ, тѣмъ-болѣе, что Эрнестъ имѣлъ предосторожность выбрить въ Тулузѣ свою волосную раму, въ которую лице гладитъ какъ въ окопико, и надѣтъ длиннополый деревенскій сюртукъ, чтобъ не имѣть въ своей наружности ничего Парижскаго. По взглядамъ этихъ людей замѣтно было какое-то неблаговоленіе ко мнѣ: подѣхавъ къ нимъ, я сказалъ по-Французски:

— Видно, я вамъ кажусь любовытемъ, друзья мои?

— Да; довольно любовытень, тѣмъ болѣе, что вы подслушиваете, что мы говоримъ.

— Caillote, Joseph, ès un rataou, сказалъ на своемъ нарвчій одинъ толстякъ тому, который говорилъ. Это значить— «Молчи, Осипъ, онъ шпионъ.» Шпиономъ, rataou, называли въ этихъ странахъ, въ 1793 году, республиканца, въ 1815 Бонапартиста, въ 1820 либерала, а съ 1831 приверженца нынѣшняго правленія. Я не успѣлъ еще отвѣчать имъ, какъ Жакѣ съ живостію бросился между нами.

— Что ты тутъ дѣлаешь Осипъ? вскричалъ онъ на томъ же нарвчій: съ ума, что ли, ты сошелъ?

— Мнѣ хотѣлось посмотреть на вашего молодого маркиза, отвѣчалъ Осипъ.

— И для этого ты подвергаешься опасности быть пойман-

нымъ! Ступай, братъ, ступай! Если бы я сказалъ маркизу, что ты былъ здѣсь, онъ бы тебя бросилъ.

— Хорошо, хорошо, иду! отвѣчалъ Осипъ.

— Пойди! Видѣлъ ты Марианну?

— Видѣлъ, сейчасъ.

— Такъ отъ этого-то ты и здѣсь! Тебѣ хотѣлось ее видѣть. Больно ты думаешь о нашемъ маркизѣ; ты его введешь въ хлопоты, да и тебя разстрѣляютъ.

— Ну, ну, ладно, я уйду, отвѣчалъ Осипъ.

Онъ проворно взвѣжалъ на холмъ и скрылся въ темномъ лѣсу. Весь этотъ разговоръ происходилъ на мѣстномъ нарѣчьи, и онъ былъ очень благопріятенъ для моихъ видовъ. Ясно было, что этотъ Осипъ влюбленъ въ госпожу Марианну, и что онъ будетъ важнымъ препятствіемъ моимъ успѣхамъ;—притомъ, этотъ Осипъ, состоящій подъ покровительствомъ маркиза и подверженный опасности быть разстрѣляннымъ, показывалъ мнѣ, что я впутываюсь въ дѣло преступное. Я поберегу мои замѣчанія про себя и приблизился къ Эрнесту, который, по совету Жакѣ, предложилъ мнѣ ѣхать далѣе.

Отъ того мѣста, гдѣ останавливались, мы стали подниматься въ гору, по дорогѣ каменистой, неровной, перерезанной рытвинами. Жакѣ былъ далеко впереди насъ. Эрнестъ казался смущеннымъ.

Мы ѣхали такимъ образомъ съ полчаса, не встречая никого, кромѣ нѣсколькихъ поселянъ, которые выходили на край своего поля, чтобы поклониться молодому маркизу; но при въѣздѣ въ довольно узкій проходъ, мы увидѣли четырехъ или пятерыхъ солдатъ, которые вышли изъ одного дома, потомъ явились четыре или пятеро другихъ, и наконецъ поручикъ который пристально смотрѣлъ на меня.

Эрнестъ остановился у дверей этого дома, и оттуда вышелъ крестьянинъ почтеннаго вида. Они отошли вмѣстѣ въ сторону. Поручикъ бродилъ около меня, наконецъ онъ рѣшился сдѣлать мнѣ знакъ, я подъѣхалъ къ нему, и онъ сказалъ мнѣ поспѣшно:

Вы, конечно, пріятель Г-на Монфильона?

— Да, его сына.

— Избавьте же меня отъ обязанности, которую мнѣ не-

приятно было бы исполнить, но которую я исполню со всею строгостию службы. Скажите маркизу, что моя рота будет обыскивать его замокъ, и что мнѣ не хотѣлось бы найти тамъ что-нибудь противозаконное.

Онъ отошелъ отъ меня, и Эрнестъ къ нему приблизился.

— Я хочу жаловаться вамъ, сударь, на беспорядки, которые происходятъ на этой мызѣ. Вчера ваши солдаты убили корову, принадлежащую этому человѣку.

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, отвѣчалъ поручикъ, что не знаю, какое вы имѣете право за него вступаться. Я здѣсь по приказанію моего начальства и не могу допустить, чтобы солдаты мои умирали съ голоду.

— Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они забирали себѣ то, что принадлежитъ этому бѣдняку.

— Вы не хуже меня, сударь, знаете, что сынъ этого человѣка, бѣглый рекрутъ; мы посланы къ нему въ домъ на военную экзекуцію, и онъ долженъ кормить и меня и солдатъ моихъ, покуда намъ не прикажутъ отсюда выйти. У него бы не отняли коровы, если бы онъ доставлялъ намъ положенные съѣстные припасы.

— Милостивый государь, да онъ не въ состояніи доставлять вамъ ихъ, и вы вооружаетесь законами только для того, чтобы разорить его.

— Я, сударь, не стану разсуждать съ вами о сущности закона, которому повинуюсь; но вы, можетъ-быть, лучше меня знаете, отчего сынъ этого человѣка не является въ команду.

— Такъ какъ же можно наказывать за это отца?

— Конечно, сударь, справедливѣе было бы наказывать тѣхъ, которые побуждаютъ его къ непослушанію, отвѣчалъ офицеръ, разгорячаясь: но я ограничиваюсь исполненіемъ моихъ обязанностей. Не заставляйте меня жалѣть, что хотѣлъ смягчить ихъ строгость.

Онъ отвернулся отъ Эрнеста, и вошелъ въ домъ.

— Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? спросилъ Эрнестъ.

Я сообщилъ ему то, что говорилъ мнѣ поручикъ, и онъ какъ бы невольно сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Опъ правъ. Поѣдемъ скорѣе; не станемъ болѣе останавливаться.

Мы снова пустились въ путь, всё взбираясь на гору, и добхали до дороги, почти непроходимой. Наконецъ, ѣхавъ съ полчаса, мы увидѣли замокъ Монпельонъ.

Онъ стоялъ на вершинѣ скалы, господствующей надъ долиною. Этотъ утесъ возвышался почти отвѣсно надъ оврагомъ футовъ въ пятьсотъ, на днѣ котораго бѣжалъ потокъ. Со стороны равнины къ замку нельзя было подъѣхать иначе, какъ по дорогѣ, по которой мы пробирались, но фасада было не видно: домъ былъ повороченъ лицомъ къ долинѣ Мазаметской, такъ, что въѣзжать въ замокъ надобно было черезъ боковой скотный дворъ, а большой дворъ и ворота выходили на склонъ холма, покрытаго сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ проведена была наклонная дорога, большею частію высѣченная въ скалѣ. Что касается до самаго замка, то это было квадратное строеніе, состоявшее изъ трехъ отдѣльных частей, съ остроконечными башнями по угламъ, и толстой стѣны, которая образовала четвертую сторону квадрата и ограждала большой дворъ, находившійся въ срединѣ строенія. Къ внѣшнимъ стѣнамъ приставлено было множество мазанокъ, покрытыхъ черепицею: это были службы.

Когда мы пріѣхали, два лакея, въ родѣ Жакѣ, приняли нашихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ просилъ меня слѣдовать за нимъ, между-тѣмъ какъ Эрнестъ побѣжалъ по каменной лѣстницѣ, ведущей въ башню. Проводникъ мой велъ меня во второмъ этажѣ по длинному корридору, и потомъ отворилъ залу, съ пятью окнами, посредникъ которой лежала огромная куча хлѣба; оттуда вошли мы въ комнату, за которою слѣдовало нѣсколько другихъ.

— Вотъ ваши покои, сударь, сказалъ мнѣ слуга.

Въ одномъ изъ нихъ разведенъ былъ огонь, и я поселился тутъ. Эта комната, обитая желтою камкою, была очень просторна. Въ углу стояла огромная кровать съ подзоромъ, а по стѣнамъ кресла.

Слуга отворилъ дверь въ смежную комнату, и сказалъ:

— Если вамъ понадобится, сударь....

Я подошелъ къ двери, и увидѣлъ..... Одна только свя-

тость истины может извинить то, что я скажу: я увидѣлъ двадцать пять или тридцать таинственныхъ «кресель», разстановленныхъ въ величайшемъ порядкѣ.

— Это что такое? вскричалъ я.

— Это, сударь, для праздничныхъ дней, когда у маркиза бываетъ много гостей.

Послѣ этого страннаго магазина, человекъ ввелъ меня въ небольшую круглую комнату, въ которой находился туалетъ, покрытый бѣлымъ канифасомъ. Слуга спросилъ меня, не хочу ли я бриться. Я по неволѣ долженъ былъ согласиться на его предложеніе, потому что чемоданы наши остались еще позади, и мерзавецъ принялся намазывать меня собственною рукою мыломъ изъ большого блюда, и потомъ царапать тупымъ ножомъ съ безчувственностью палача. По окончаніи этой операціи, я пошелъ въ свою комнату, оставившись прежде, чтобы полюбоваться на величественную коллекцію, которая была у меня въ сосѣдствѣ. Никогда я не видывалъ такого удивительнаго разнообразія формъ и размѣровъ: одни изъ нихъ были въ видѣ нѣсколькихъ огромныхъ книгъ, положенныхъ одна на другую, другіе въ видѣ готическихъ кресель, два или три блестяи бронзовыми украшеніями, врѣзанными въ черепаху. Какъ теперь мода на мебель среднихъ вѣковъ дошла до бѣшенства, то, я думаю, многія изъ этихъ фантастическихъ сѣдалищъ могли бы быть перенесены прямо отсюда въ гостиную самаго лучшаго «стиля.» Я потащилъ къ камину огромное Мольеровское кресло, стоявшее у моей постели, и въ это время кто-то тихонько постучался ко мнѣ въ дверь. Я просилъ войти, и передо мной явился какой-то господинъ, лѣтъ шестидесяти, порядочно одѣтый. Онъ поклонился мнѣ съ такой почтительной учтивостью, что я слезъ его за управителя.

— Братецъ и сестрица, сказалъ онъ съ ласковымъ видомъ, поручили мнѣ извинить ихъ передъ вами въ томъ, что они васъ не встрѣтили; но вы можете вообразить, что удовольствіе видѣть сына.....

— Я очень хорошо это понимаю. Я, конечно, имѣю честь говорить съ.....

— Я графъ Аннибалъ Монфильтонъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

— Я очень радъ.....

— Я тоже.....

И мы сѣли другъ противъ друга, другъ другу улыбаясь. Мы молчали минутъ пять, кашляли и сморкались, сколько можно, чтобы сохранить время. Потомъ графъ Аннибалъ Монфильтонъ сказалъ мнѣ съ неизмѣнною улыбкою.

— Погода стоитъ у насъ очень хорошая.

— Прекрасная.

— Дороги, кажется, хороши.

— Весьма хороши.

Тутъ опять молчаніе съ аккомпаниментомъ чиханья, сморканья и кашлянья.

— Изволите употреблять? сказалъ мнѣ графъ Аннибалъ съ торжествующимъ видомъ, подавая бумажную табакерку съ портретомъ Генриха V.

— Охотно.

— Табакъ славная вещь.

— Очень хорошая.

Третье молчаніе. Графъ, украдкою, меня осматривалъ, и, остановивъ взоръ на моихъ бакенбартахъ.

— Вы изволили вѣхать изъ чужихъ краевъ?

— Нѣтъ, я еще не путешествовалъ.

Четвертое молчаніе.

Дверь съ шумомъ отворилась.

— Что вы тутъ дѣлаете, Аннибалъ? спросилъ его Эрнестъ: матушка васъ спрашиваетъ.

— Иду, мой милый, иду, отвѣчалъ дядя, и вышелъ не поворачиваясь ко мнѣ спиною и кланяясь почти въ землю.

— Гдѣ же ты живешь, Эрнестъ?

— Здѣсь, сказалъ онъ: мнѣ было отвели покои въ третьемъ этажѣ, но это настоящіе сараи. Я велю перенести постель свою въ эту комнату: тутъ можно уложить цѣлую роту. Теперь поговоримъ немножко, или лучше сказать, послушай, что я тебѣ скажу.

Онъ сѣлъ въ другія кресла, и началъ слѣдующую рѣчь:

— Ты можешь вообразить себѣ, что я провѣхалъ двѣсти

ль не для того только, чтобы имѣть удовольствіе ихъ проѣхать! Я здѣсь по двумъ важнымъ причинамъ. Первой я не могу скрыть отъ тебя. Я долженъ предупредить безразсудства, которыя могутъ повести слишкомъ далеко. Въ эту глушь ничего не проникаетъ въ настоящемъ видѣ,—ни идеи, ни событія. Здѣсь воображаютъ, что надобно только показать недоброжелательство къ правительству, чтобы низпровергнуть его, и что, скрывая человекъ пятнадцать рекрутъ, можно разстроить всю армію. До сихъ поръ эти вздоры были только убыточны для отца моего, но опасны; наши мужики мастерски пользуются обидами, которыя имъ наносятъ Филипписты; корова старика Жака будетъ стоить намъ быка; но я узналъ, что это становится важнѣе прежняго, и я долженъ былъ пріѣхать сюда. Теперь, какъ ты знаешь причину, которая привела меня сюда, я стану при тебѣ собирать необходимыя мнѣ свѣдѣнія.

Эрнестъ позвонилъ, и вельвъ Жакѣ позвать управителя Гаспара.

— За чѣмъ же ты меня привезъ сюда? сказалъ я Эрнесту.

— Я хорошо сдѣлалъ, что привезъ тебя сюда, отвѣчалъ онъ, увертываясь отъ моего вопроса: потому что нотаріусъ твой здѣсь.

— Какъ! республиканецъ Лирѣ, нотаріусъ маркиза Монфильона!

— Что жъ дѣлать, когда другаго нѣтъ. Это очень не нравится батюшкѣ, но мы многимъ обязаны Г. Лирѣ, и не можемъ забыть этого безъ неблагодарности. Онъ спасъ наше имѣніе во время революціонныхъ смуть. Что касается до его образа мыслей, онъ только смѣшонъ, какъ и всѣ, которые ударились въ республиканскія идеи.

«Прекрасно!» подумалъ я: «я попался между трехъ огней: Карлисты! Филипписты! республиканцы!.....» Управитель пришелъ. То былъ человекъ лѣтъ пятидесяти съ важнымъ и строгимъ видомъ.

— Ну что, Гаспаръ, каково поживаешь? сказалъ ему Эрнестъ.

— Это бы ничего, сударь, отвѣчалъ Гаспаръ, указывая на ногу: и, если бъ не старая рана, я бы дня въ два оправдался.

— Рана, которую ты получалъ въ Ваграмскомъ сраженіи, водъ Лейпцигомъ?

— Подъ Тулузою, сударь.

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ: дядюшка Амнибалъ говорить, что Англичане вели себя въ этомъ дѣлѣ почти такъ благородно, какъ Французы.

— Мнѣ! сказалъ старый солдатъ: дядюшка Амнибалъ..... Извините, сударь, я не люблю вашего дядюшку Амнибала.

— А батюшку, все еще любишь?

— О, батюшка вашъ человекъ хорошій, славный человекъ! Только пустое затѣвалъ, какъ я уже вамъ писалъ: вздумалъ вербовать.

— Мы не дадимъ ему дѣлать этого. Я затѣмъ сюда и пріѣхалъ.

— Да еще за другимъ, сказалъ Гаспарь.

— И за другимъ; но поговоримъ сначала о первомъ. Сколько мызъ у насъ занято солдатами?

— Изъ десяти пять; вездѣ, гдѣ есть сынки въ рекрутскихъ лѣтахъ.

Такъ видно, они очень боятся военной службы?

— Э! да они пошли бы какъ овцы, еслибъ ихъ порядкомъ припугнули. Одинъ только Осипъ не на шутку бунтуетъ, оттого что..... Вы сами знаете, сударь.

— Да, сказалъ Эрнестъ: Марианна. Этотъ человекъ со вкусомъ.

— Да и она не дурно выбрала, прибавилъ я.

— А развѣ ты его вылавъ? спросилъ Эрнестъ.

— Я думаю, что это былъ одинъ изъ трехъ мужиковъ, которые разговаривали всторонѣ, когда ты здоровался съ твоими крестьянами.

— Я бы далъ двадцать пять лундоровъ, чтобы онъ попался въ руки жандармамъ.

— Э! что нынѣшніе наши жандармы! сказалъ Гаспарь. Не стойтъ и говорить объ нихъ; да и объ тѣхъ которыхъ намъ прислали на военную экзекуцію, тоже. Они сидятъ себя на мызѣ, какъ тетери, да глядятъ какъ трава растеть. Эхъ, чортъ возьми, когда бъ насъ, при покойникѣ императорѣ, послали сюда ловить этихъ молодцовъ! Какую я бы задалъ имъ передрагу! Я бъ ихъ всѣхъ путемъ нере-

гресь. У меня бы и матушки, и батюшки, и новьсты, и юмьщики, все по стрункѣ ходили. А теперь оно не шее дѣло. Я въ услуженіи у маркиза, и душаю какъ онъ. Но мнѣ кажется, что онъ пустяки дѣлаетъ, потому что это ни къ чему не поведетъ: да не мнѣ судить его.

— Ты правду говоришь, сказалъ Эрнестъ. Такъ одного только Осипа трудно будетъ уговорить. Ну, мы сдѣлаемъ такъ, какъ я тебѣ говорилъ: найдемъ за него рекрута.

— Что, сударь? рекрута? Оно и дѣло: да этому и конца не будетъ! Они все побѣгутъ изъ полковъ съ тѣмъ, чтобы вы нанимали за нихъ рекрутовъ. Итъ, сударь, итъ, они должны итти въ строй. Мы же вѣдь дрались за республику, единую и нераздѣльную, которую всей душой ненавидѣли. Она не любитъ Филиппа и нынѣшняго правленія: такъ пусть же послужать ему. Имъ бы, небось, хотѣлось императора: куда имъ, дуракамъ! Наполеоны-то вѣдь не какъ грибы растутъ. Вотъ, сударь, какъ мы съ ними сдѣлаемся: смиреннькихъ-то поговоримъ не дурачиться, а объ Осипѣ мынемъ солдатамъ.....

— Какъ тебѣ не стыдно, сказалъ Эрнестъ: вѣдь это было бы предательство!

— Какое тутъ предательство? Этакій молодець, да не хочетъ въ службу! Что жъ онъ, Юциферовъ, Люциферовъ, что ли, сынъ, какъ говорить дядюшка вашъ, графъ Аннибалъ?

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ: я поговорю съ Г-мъ Дире; мы это уладимъ. А что жъ дѣло Маріаны?

— Идетъ таки, отвѣчалъ Гаспаръ: поны будутъ въ воскресенье.

— Хорошо. Кто же здѣсь обыкновенно служить обѣдин.

— Аббатъ Лорд.

— Да развѣ онъ посвященъ?

— Какъ же! онъ викарій здѣшняго прихода. Вы не знали?

— Хорошо, сказалъ Эрнестъ. Пошли мнѣ Жакѣ; намъ надобно одѣваться къ обѣду.

— Какъ, къ обѣду? сказалъ я: да теперь еще только часъ.

— Да и то уже часъ уступили духу нашего времени! И оттого врьдъ-ли прекрасная моя тетушка Лансѣ почтить

насъ своимъ присутствіемъ за столомъ, въ такое неурочное время.

— Кто жъ это твоя прекрасная тетушка Лансѣ?

— Сестра моей матери. Ты можешь самъ изучить ее; я хотѣлъ было, чтобы ты разгадалъ и почтеннаго дядюшку моего Аннибала, но теперь я могу рассказать тебѣ его исторію. Въ началѣ революціи онъ былъ діакономъ. Не имѣя права на наследство, потому что былъ меньшимъ братомъ, онъ сдѣлался бѣшенымъ поборникомъ уничтоженія дворянства, и въ то же самое время, какъ батюшка отправился въ армію принца Кондѣ, онъ сбросилъ съ себя рясу и нарядился республиканскимъ солдатомъ. Онъ человекъ неглупый и хитрый, и, при своихъ способностяхъ, дослужился до капральскаго чина. Отецъ мой засталъ его въ этомъ положеніи, когда возвратился изъ эмиграціи и заставилъ его выйти въ отставку. Онъ назначилъ ему небольшую пенсію, которую дядюшка всегда проматывалъ въ три мѣсяца. Наконецъ батюшка, наскучивъ платить за него счета всѣмъ содержателямъ питейныхъ домовъ, взялъ его къ себѣ, и онъ уже двадцать пять лѣтъ живетъ у насъ въ домѣ, и ведетъ себя порядочно, потому что не на что шалить.

Ужасныя были сцены, когда одна дѣвка, Лордъ, принесла къ отцу моему своего ребенка, и просила назначить что-нибудь на воспитаніе. Тетушка Лансѣ хотѣла было просить, чтобы бѣднаго Аннибала отлучили отъ церкви; но матушка моя, женщина, истинно благочестивая, и слѣдственно, снисходительная, взяла ребенка и воспитала его. Тетушка Лансѣ лѣтъ восемь къ намъ не вздила, говоря, что матушка по-творствуетъ разврату и пороку. Наконецъ она смиловнилась, когда Лордъ отдали въ семинарію, и я думаю даже, — что онъ ей обязанъ и мѣстомъ викарія.

— Скажи же мнѣ теперь, что за люди, твои батюшка и матушка?

— Ты самъ ихъ увидишь, отвѣчалъ Эрнестъ. Теперь давай одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что кушать готово, и мы отправились въ столовую: все семейство было уже тамъ. Эрнестъ рекомендовалъ меня своимъ родителямъ. Отецъ его былъ старикъ нѣсколько надменно учти-

вы, но человекъ весьма свѣтскій. Г-жа Монфилюнъ была некогда очень хороша; она тотчасъ прельстила меня своею добродушною вежливостію и обходительностію. Г-жа Лансѣ также была тутъ. Я ничего въ свѣтъ не видывалъ кромѣ этой женщины. Она была вся въ черномъ, суха, костлява, натянута. Эрнестъ чрезвычайно удивилъ меня, сказавъ, что она въ молодости затмивала сестру своею красотою. Какой-то толстякъ грѣлъ ноги у камина, и всталъ, когда маркизь Монфилюнъ, назвавъ мою фамилію, сказалъ ему:

— Г. Лирѣ! вотъ одинъ изъ вашихъ кліентовъ пріѣхалъ сюда къ вамъ.

— Здравствуйте, сударь, сказалъ нотаріусъ, обращаясь ко мнѣ. Прошу покорно, взрослый человекъ! — Куда какъ мы скоро съ тобою старѣемся, аббатъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ графу Анпібалу. Ты, вѣрно, помнишь батюшку этого господина: мы вмѣстѣ были въ училищѣ, у велемудрыхъ отцевъ Ораторіанцевъ; ты ужъ былъ тогда въ рясахъ. — Я знаю ваше дѣло, продолжалъ онъ, обращаясь снова ко мнѣ. Пойдемте обѣдать.

Онъ подавъ руку Г-жѣ Монфилюнъ, и все мы отправились въ столовую. Аббатъ Лордъ вошелъ туда другою дверью.

— Вы очень поздно приходите, сказалъ ему маркизь довольно сухо.

— Ахъ! отвѣчалъ онъ, отирая потъ съ лица своего: ахъ! я былъ въ долині, когда услышалъ обѣденный колоколь.

Тогда была пятница: обѣдъ подали постный. Я уже готовъ былъ покориться судьбѣ своей, хотя мнѣ очень хотѣлось поѣсть плотно послѣ такого утомительнаго путешествія, какъ вдругъ принесли скоромное кушанье.

— Хорошо, сказалъ Лирѣ, готовясь раздавать кушанье: вы постничайте, а я такъ стану ѣсть скоромное, по докторскому предписанію. Да и эти молодые люди, вѣрно, мнѣ помогутъ.

Я согласился; но Эрнестъ, къ удивленію моему, отказался. Въ Парижѣ онъ никогда не отказывался отъ скоромнаго. На лицѣ нотаріуса показалась легкая улыбка, и онъ

украдкой взглянул на меня. Г-жа Лавесъ съ недоверчиво-стною посмотрѣла на Эрнеста.

— Ну, скажите, пожалуйста, мой любезный, вскрикнулъ Лирё: вы видите *достославные? les glorieuses?*

При этихъ словахъ все поклонились. Я посмотрѣлъ на ворахъ; Лирё захохоталъ мнѣ въ лице.

— Вы не понимаете? сказалъ онъ. Это маринистская шутка.

— Лирё, сказалъ маркизъ: вы этакъ заставите подумать, что мы враги короля..... короля..... да, да, Людовика-Филиппа.

Я былъ внѣ себя отъ изумленія.

Тутъ начался чрезвычайно странный разговоръ о происшествіяхъ прошлаго года. Лирё говорилъ согласно со своими мнѣніями; маркизъ въ смыслъ своихъ идей, и мнѣ чрезвычайно трудно было отвѣчать такъ, чтобы ни того, ни другаго не обидѣть.

Маркизъ, воспитанный въ лучшихъ помятыхъ пышныхъ вѣка, хорошо зналъ нужды своего отечества и нисколько не былъ привязанъ къ феодальнымъ мнѣніямъ. Онъ мыслить здраво; рассуждалъ очень основательно; гнушался нелпыми теоріями преобразователей рода человеческого и былъ убѣжденъ, что для блага всякаго народа необходимы монархія и аристократія. Его можно было упрекать только въ томъ, что онъ воображалъ себя, будто, производя смятеніе въ какомъ-нибудь деревенскомъ приходѣ, можно подарить отечеству лучшее и прочившее правительство. Впрочемъ, это порокъ весьма многихъ уздныхъ дворянъ, которые живутъ въ совершенномъ невидѣніи того, что происходитъ и какъ думаютъ о разныхъ дѣлахъ въ Европѣ, которые каждое утро, за семейнымъ завтракомъ, востроиваютъ себя самыя забавныя системы памвремій и изаннимыхъ отношеній державъ.

Аббатъ Лордъ былъ человекъ грубый и необразованный, и только священническое платье облагороживало его въ глазахъ жителей замка.

Одного только Аннибала, котораго исторію я уже рассказъ, всѣ ненавидѣли, еще болѣе чѣмъ Лордъ: онъ былъ настоящій рабъ гостинной, — унизительное состояніе, которое

заставило бы жалеть о немъ, еслибы не онъ самъ добровольно принялъ это состояніе.

— Аннибалъ, позвѣшайте же въ каминъ! — Аннибалъ, закройте дверь! — Аннибалъ, откройте окно! — Молчите, Аннибалъ! — Аннибалъ, ступайте спать! — И графъ Аннибалъ Монфильонъ исполнялъ всѣ эти приказанія съ лѣтвой своей улыбкою.

Одна Г-жа Лансѣ никогда не говорила съ нимъ: она обходилась съ бѣднымъ Аннибаломъ, какъ съ прокаженнымъ, и съ ужасомъ отступала, когда онъ проходилъ мимо ея. Гаспаръ сказывалъ мнѣ, что она въ молодости очень любила мужчинъ и карты. Она проиграла половину имѣнія своего мужа и потомъ сдѣлалась изувѣркою въ полномъ смыслѣ этого слова.

Кстати, я долженъ рассказать, что вмѣстѣ съ аббатомъ Лордъ, я видѣлъ въ слѣдующее воскресенье другаго аббата, — священника, у котораго онъ былъ викаріемъ, старика лѣтъ осмидесяти, человека, исполненнаго кроткой набожности и евангельской доброты. Онъ пользовался всеобщимъ, вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Что касается до Г-жи Монфильонъ, то она, женщина истинно набожная и свѣтская, находилась въ весьма непріятномъ положеніи между аббатомъ Лордъ и другими грубыми деревенскими ханжами, которыхъ приводила Г-жа Лансѣ. То были толстяки, которые пили каждый за двоихъ, и, садясь за столъ, воднили помы своего платья. Я помню что однажды ихъ было за столомъ одиннадцать человекъ. Одинъ изъ нихъ вызвался разрезать индѣйку съ трюфлями, которая стояла передъ нимъ. Г-жа Монфильонъ такъ перепугалась, какъ я никогда не видывалъ, и вскричала, указывая на меня:

— Позвольте! Вотъ этотъ господинъ большой охотникъ рѣзать; онъ проситъ этотъ трудъ на себя.

— Я совсѣмъ не умѣю рѣзать, сказалъ ей по-тихоньку.

— Нужды нѣтъ, отвѣчала она такъ же: рѣжьте, хоть изрубите эту индѣйку, только бы онъ до нея не дотрогивался. У этихъ господъ всегда грязныя руки, и они вездѣ суютъ ихъ.

Я рѣшился пожертвовать собою, для спасенія индѣйки, но уже было поздно: одинъ изъ толстяковъ схватилъ ее за погу и началъ терзать. Никто, за исключеніемъ его товарищей, не ѣлъ этого блюда, даже сама Г-жа Лансѣ, которая поморщилась, увидѣвъ, что аббатъ облизываетъ жирные свои пальцы.

Послѣ обѣда было какое-то семейное совѣщаніе. Мнѣ при этомъ присутствовать было не кстати, и я пошелъ гулять. Мало-по-малу я отдалился отъ замка, и увидѣлъ себя подлѣ хижины Жака. Сначала я не замѣчалъ, что за мною слѣдуетъ, или лучше сказать наблюдаетъ какой-то крестьянинъ и пробирается между кустарниками, между-тѣмъ какъ я иду по дорогѣ. Но онъ по-временамъ появлялся, и всегда параллельно со мною. Это наконецъ привлекло мое вниманіе, Я продолжалъ однако мою прогулку, и, подойдя къ мызѣ, увидѣлъ Маріанну, которая разговаривала съ поручикомъ, жившимъ въ хижинѣ Жака. Она смѣялась, и защищалась, по-видимому, отъ какихъ-то замѣчаній, которыя дѣлалъ ей офицеръ. Когда я приблизился, она сказала мнѣ, какъ-будто мы были старые знакомцы:

— Подите сюда, сударь; удостовѣрьте господина офицера, что я бѣдная дѣвушка, продаю только ленты и галстуки, и что у меня нѣтъ ни какихъ запрещенныхъ товаровъ.

— Да мнѣ до этого нѣтъ ни какой надобности, отвѣчалъ поручикъ: это дѣло таможенныхъ. Но ты, сударыня, служишь бѣглымъ рекрутамъ; предупредомляешь ихъ, когда подходятъ войска; ты вѣчно ѣдишь по горѣ. Ты когда-нибудь наживешь себѣ большихъ хлопотъ.

— Э, сударь! сказала она съ безпечною, милою улыбкою: что за хлопоты между хорошенькими дѣвушками и любезными офицерами?

Это было такъ неожиданно, что поручикъ сначала смутился.

— Если такъ, сказалъ онъ, то позволь же мнѣ обнять тебя.

— Ай, нѣтъ! вскричала Маріанна, вскакивая на мула. Кто же днемъ обнимается? Ну, если бы увидалъ это мой женихъ? Бѣда! Въ другой разъ, посмотримъ, когда будемъ одни.

— А когда же это будетъ? спросилъ офицеръ.

— Э, сударь, горы съ горами не сходятся, а люди встречаются, сказала Маріанна, покачиваясь на своемъ муле. Я здѣсь провѣжаю два раза въ недѣлю: караульте. А покуда, прощайте.

И она повзала въ гору, между-тѣмъ какъ поручикъ любовался ея ногами, которыми она совсѣмъ не секретничала.

— Вы знаете эту дѣвушку? сказалъ онъ мнѣ.

— Я знаю, что она торгуетъ всѣмъ по-немножку.

— Однако жъ надобно, чтобъ этому когда-нибудь былъ конецъ, прибавилъ онъ, задумавшись. Меня заставляютъ заниматься сквернымъ ремесломъ. По-настоящему, я бы долженъ былъ осмотрѣть тюки этой торговки, но.....

— Но, она слишкомъ хороша?

— Я не знаю, чтобы я сдѣлалъ, еслибъ она была старуха. Но чортъ меня возьми, ежели я не подамъ въ отставку, когда я еще долженъ буду жить здѣсь, какъ въ завоеванной землѣ.

Мнѣ хотѣлось догнать Маріанну, я раскланялся съ офицеромъ, и побѣжалъ за прекрасною торговкою.

— Вы кстати подоспѣли, сказала она: а то бы онъ, избави Богъ, вздумалъ осматривать мои тюки.

Страхъ ея удивилъ меня, но я не показалъ этого.

— Оно было бы досадно, сказалъ я.

— Какъ, досадно? Бѣда! Мы бы погибли: они вѣдь у меня.

Сказавъ это, она повернулась на маленькую дорожку и вскричала:

— Сюда, сударь, сюда!

Зная отчасти намѣренія Эрнеста, я хотѣлъ проникнуть тайну.

— Г. Эрнестъ, право, хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ предводительствовать крестьянами своего батюшки.

— И тѣмъ болѣе хорошо, что, вѣрно, ихъ немного.

— Какъ, немного! Да съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ, половина окрестныхъ мужиковъ пристали къ намъ. О, мы порастресемъ вашего негод.....

— Извините, если я не оканчиваю фразы: я въ политику не мѣшаюсь.

— Чортъ возьми! сказалъ я: да я не думалъ, чтобы дѣла ваши шли такъ хорошо.

— Лучше чѣмъ вы думаете, отвѣчала она въ полголоса. Этотъ господинъ офицеръ можетъ сколько хочетъ просить свиданій: я все стану назначать ему ихъ. У меня есть чело-
вѣкъ, который разомъ его прижметъ.

Тутъ она остановилась, и сказала мнѣ.

— Теперь поскорѣе; помогите мнѣ.

Она отвязала свои тюки, раскрыла ихъ, и вынула съ дюжину развинченныхъ охотничьихъ ружей, и три или четыре пары пистолетовъ. Она спрятала ихъ въ дуло. Я не зналъ, что дѣлать, какъ вдругъ Осипъ вышелъ изъ кустарника, и я увидѣлъ, что это тотъ самый чело-
вѣкъ, который слѣдовалъ за мною.

— Я ужъ часа два тебя жду, сказалъ онъ Марьяннѣ довольно грубо: такъ мы ничего не сдѣлаемъ.

— Я дѣлаю все, что могу, отвѣчала она съ покорнымъ видомъ.

— Да толкуешь съ Франчиманами.

Слово «Франчиманъ» есть послѣдній слѣдъ стариннаго раздѣленія Франціи на языкъ оіі и языкъ ос, или Провансальскій. Франчиманъ значитъ въ этомъ краю — Французъ, чело-
вѣкъ, который не говоритъ туземнымъ полуденнымъ языкомъ: это слово выражаетъ ненависть и презрѣніе.

— Господи, Боже мой! да надо же было провести этого офицера, а то онъ хотѣлъ осматривать мои тюки.

— Да развѣ намъ уже запрещено ѣздить по большимъ дорогамъ, вскричалъ Осипъ съ бѣшенствомъ. Погодите, мы васъ протуримъ въ Парижъ нынче же вечеромъ.

— Постой, сказалъ я: вы не должны ничего дѣлать безъ приказанія Г. Эрнеста. Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ это.

— Я получилъ приказаніе отъ чело-
вѣка, получилъ Г. Эрнеста. Да притомъ, я дѣлаю что хочу.

Онъ нагнулся и вынулъ оружіе изъ дула.

— Развѣ ты хочешь унести ихъ? сказалъ я.

— Да не ужъ ли же я оставляю ихъ здѣсь, чтобъ они свѣтились ночью!

— Я не дамъ тебѣ ихъ, вскричалъ я, покуда Г. Мон-
фильонъ не прикажетъ.

— Да онъ приказалъ, отвѣчалъ Осипъ.

Онъ думалъ, что я говорю о маркизѣ.

— А Г. Эрнестъ говорить, что надобно подождать, ска-
залъ я: и ты долженъ ему повиноваться.

— Послушайся его, Осипъ, сказала Маріанна, показывая
на меня. Онъ за этия прѣзгалъ съ Г. Эрнестомъ изъ Па-
рижа, и онъ вѣрно лучше насъ знаетъ, что надо дѣлать.

— Напрасно онъ трудился, сказалъ Осипъ по-Лангедок-
ски. Нужды нѣтъ, я послушаюсь. Ступайте жъ прочь, а то,
можетъ быть, кто-нибудь видѣлъ, что вы своротили съ
большой дороги.

Мы съ Маріанной привязали тюки на мѣсто, и отпра-
вились по прежней тропинкѣ, а Осипъ углубился въ лѣсъ.
Выбравшись на большую дорогу, мы, съ удивленіемъ, у-
видѣли Эрнеста, который прохаживался тутъ съ поручи-
комъ.

— Эге! сказалъ Эрнестъ, увидѣвъ меня съ Маріанной:
такъ ты, моя милая, пускаешься въ лѣсъ съ молодымъ че-
ловѣкомъ! Развѣ ты не знаешь, что у двоушка всегда что-
нибудь пропадаетъ въ лѣсу?

— Да вотъ у нея и пропала одна вещьца, сказалъ пору-
чикъ, подойдя къ мулу: потому что эти тюки были сей-
часъ полны, а теперь вполонину пусты. Развѣ ты тамъ, въ
кустахъ, распродала всѣ галстухи и подтяжки? Ты должна
мнѣ объяснить это.

Эрнестъ смотрѣлъ съ изумленнымъ видомъ. Я сдѣлалъ
ему знакъ, котораго онъ не понялъ, а Маріанна, потупивъ
глаза и играя съ подвѣской своего спенсера, не отвѣчала ни
слова.

— Говори же, что у тебя было въ тюкахъ? спросилъ по-
ручикъ съ сердитымъ видомъ.

— Спросите у него, сказала она, указавъ на меня: онъ
не хуже меня знаетъ.

— Прошу покорно, сударь, сказать, что было въ этихъ
тюкахъ, продолжалъ поручикъ, обратясь ко мнѣ.

— Я не знаю, сударь, по какому праву вы меня допра-
шиваете, и притомъ такимъ тономъ.....

— Права мои, сударь, основаны на предписаніяхъ началь-
ства, сказалъ онъ сухо и съ насмѣшливою учтивостію: а
говорю я съ вами такимъ тономъ, что вамъ бы обижаться
было нечѣмъ, если бъ было что отвѣчать.....

- Так знайте же, сударь, что я вамъ ничего не скажу.
- Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣваетесь, если я возьму васъ подѣ стражу.
- Подѣ стражу? меня? Послушай, братъ Эрнестъ, это шутка плохая, и я совсѣмъ не намѣренъ ятти въ тюрьму за вздорный затѣн твоего отца.
- Да, Боже мой, вскричалъ Эрнестъ, что жъ было въ этихъ проклятыхъ тюкахъ?
- Ну, такъ я скажу! Въ нихъ были.....
- Ружья? сказалъ поручикъ.
- Я сдѣлалъ утвердительный знакъ.
- Какъ? сказалъ Эрнестъ Маріаннѣ: ты осмѣлилась.....
- Да, вашъ батюшка приказалъ, отвѣчала она, чтобы свалить съ себя вину на другаго.
- Батюшка?
- Вы слышите, сударь, сказалъ поручикъ: надѣюсь, что послѣ этого, вы не станете просить, чтобы я отложилъ обыскъ въ вашемъ замкѣ.
- Маріанна, сказалъ Эрнестъ: ступай въ замокъ и не говори никому, что здѣсь случилось.
- Извините, сударь, сказалъ поручикъ: я совсѣмъ не вижу надобности, чтобы эта дѣвушка объявила вашему батюшкѣ, гдѣ лежитъ оружіе. Она потрудится остаться съ нами. Притомъ, я бы слишкомъ открыто извинилъ своему долгу, еслибъ не оставилъ ее безъ хорошаго караула.
- Эрнестъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ мы увидѣли Лирѣ, который уже давно искалъ насъ. Мы рассказали ему все, что случилось.
- Чортъ возьми! сказалъ онъ..... Да развѣ вы, любезный Эрнестъ, не объяснили поручику нашихъ намѣреній.
- Да, я говорилъ, отвѣчалъ Эрнестъ, показывая знаками, что Маріанна слушаетъ.
- Правда, сказалъ потаріусъ: она можетъ проболтаться. Чортъ возьми! Вы, кажется, хотѣли взять ее подѣ караулъ?
- Безъ-сомнѣнія.
- И прекрасно. Нечего дѣлать, моя милая; не горюй, тебя посадятъ въ комнату Жакеллины, и вы поболтаете. Болѣе сутокъ ты тамъ не просидишь.
- Но ее ждуть въ замкѣ, сказалъ Эрнестъ.

— И то правда! Чортъ возьми, дѣло запутывается.

Онъ остановился, понюхалъ три раза табаку, сталъ передъ поручикомъ, и принялся глядѣть ему прямо въ глаза.

— Повѣрите ли вы, сударь, сказалъ онъ вдругъ, слову чловѣка, которому шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, и который слыветъ чловѣкомъ честнымъ?

— Я повѣрю вашему слову, отвѣчалъ поручикъ.

— Прекрасно. Оставьте мнѣ эту дѣвушку часа на два, потому что она мнѣ нужна; я возвращу вамъ ее по первому востребованію, а съ этимъ требованіемъ прошу покорнѣйше пожаловать къ намъ въ замокъ часовъ въ десять.

— Ручаетесь ли вы, господа, въ томъ, что въ замкѣ между тѣмъ все останется по-прежнему, и ничего не будетъ оттуда вывезено?

— Ручаюсь, отвѣчалъ Эрнестъ.

— А вы, сударь? сказалъ поручикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я, сударь, я ни за что не ручаюсь. И безъ того ужъ я испугался, какъ дуракъ, въ дѣло, въ которомъ я ровно ничего не понимаю.

Лирѣ поглядывъ на меня искоса.

— Вы знаете, любезный другъ, какъ хорошо толковать о самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ, между двумя стаканами пуншу. Однажды, будучи на-веселъ, я открылъ въ одномъ актѣ неправильность и противозаконность, которыхъ напрасно искалъ цѣлые полгода.

Къ стыду моему, я долженъ сказать, что очень хорошо понималъ слова Лирѣ, потому что у него былъ актъ, касающійся до меня, и также, къ стыду моему, долженъ прибавить, что я тотчасъ далъ требуемое поручикомъ обязательство.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ поручикъ: если намѣренія ваши чисты, вы конечно не захотите, чтобы ружья достигли мѣста своего назначенія?

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Эрнестъ, надобно захватить ихъ.

— Гдѣ они? сказалъ онъ Маріаннѣ.

— Спросите у Парижанина, отвѣчала она съ холоднымъ видомъ. Онъ ужъ разъ донесъ на меня.

— Чортъ васъ всѣхъ побери! вскричалъ я въ бѣшенствѣ. Этакъ я преслѣвую шпионовъ. Дѣлайте, что хотите!

— Хорошо, отвѣчалъ Лирѣ: безъ дальнѣйшихъ справокъ все узнаю.

Онъ набралъ воздуха, и изъ всей силы закричалъ «аззуу», топенькимъ голосомъ, какъ женщина, и черезъ минуту ему отвѣчали такимъ же крикомъ и выстрѣломъ, который былъ едва слышенъ.

— Что это значить? вскричалъ офицеръ.

— Это значить, отвѣчалъ нотаріусъ, что, покуда мы здѣсь болтаемъ, ружья ушли.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ поручикъ, переговоры наши кончены, и я не могу возвратитъ свободы пльвиницѣ.

— Позвольте, сказалъ нотаріусъ: мы съ вами сдѣлаемся; мы оставимъ вамъ въ заложники вотъ этого господина (то есть, меня), а часовъ въ семь, около ужина, мы пришлемъ вамъ эту дѣвушку въ цѣлости. Вы согласны, не правда ли? Прощайте, насъ ждутъ въ замкѣ.

Я не могъ даже сдѣлать возраженія, потому что Лирѣ, Эрнестъ и Маріанна тотчасъ ушли, и я успѣлъ только закричать имъ, чтобы они по-крайней-мѣрѣ прислали мнѣ сигарь.

— У меня есть очень хорошія сигары, сказалъ поручикъ: и онѣ къ вашимъ услугамъ.

Мы остались одни. Разговаривая съ нимъ, я рассказъ, какимъ образомъ неволью впутался въ это дѣло, и узналъ, что начальство указало ему на Маріанну, какъ на самаго дѣятельнаго агента тамошнихъ Карлистовъ.

— Она тѣмъ болѣе полезна имъ, сказалъ онъ, что исповѣдуетъ протестантскую религію, а протестанты вообще претивники Карла X: здѣсь политическія и религіозныя мнѣнія перазлучны.

Мы долго объ этомъ разговаривали, и я увидѣлъ, что поручикъ Вамесъ хорошо знаетъ страну.

— Эта разность религіи, сказалъ онъ, оставила между жителями маленькихъ городовъ, которые большею частію фабриканты и протестанты, и между католіками, которые владѣютъ большею частію земель, ненависть такую, что, если бы развязать руки здѣшней національной гвардіи, она

тотчасъ усмиривъ бы всехъ помѣщиковъ; но это бы значило подать поводъ къ множеству безпорядковъ. Национальная гвардія, составленная изъ фабрикантовъ и протестантовъ, ненавидитъ помѣщиковъ, какъ католиковъ, и только и говоритъ о томъ, что надобно разрушить все замки, гдѣ, по ея мнѣнію, укрываютъ бѣглыхъ рекрутъ; подобная игра повела бы къ возмездію: сегодня сожгли бы замокъ, а завтра сгорѣла бы какая-нибудь фабрика. Это бы значило разорить всю страну. Обязанность моя чрезвычайно неприятна; но, я думаю, что иначе и невозможно было сдѣлать, какъ поручивъ возстановленіе здѣсь порядка людямъ, такъ сказать, неприкосновеннымъ къ дѣлу.

Мало-по-малу разговоръ завлекъ насъ далеко отъ Черной Горы, — въ Парижъ.

Я узналъ, что Вамесъ стоялъ тамъ прежде съ полкомъ, и у насъ нашлось три или четыре человека общихъ пріятелей. Мы разговаривали по-дружески, когда Маріанна явилась къ намъ, въ сопровожденіи старика Гаспара.

Я замѣтилъ, что эта дѣвушка не имѣла уже прежняго своего рѣшительнаго вида. Она, по-видимому, много плакала, и Гаспаръ, уходя, отдалъ ей небольшую книгу, но, какъ старый солдатъ, знающій службу, показавъ ее сначала поручику. Мы съ удивленіемъ увидѣли, что это былъ католическій молитвенникъ. Я уже говорилъ, что Маріанна была протестантка. Что это такое?.....

На основаніи нашего договора, я отправился въ замокъ, и пришелъ туда, когда садились за ужинъ. Все было, если не печальнымъ, по крайней мѣрѣ молчаливымъ и важнымъ: Г-жа Лансэ была еще мрачнѣе обыкновеннаго: она много шакала, и мнѣ невольно пришло въ голову, что между ея слезами и слезами Маріанны, есть что-то общее. Разговоръ былъ очень вялъ, и я принялся разсуждать: Гаспаръ сказывалъ, что Ернестъ вѣрнулся сюда не только для удержанія отца отъ глупостей, но и для чего-то другаго; здѣсь очевидно, кроме политической, происходитъ еще какая-то страшная революція семейная; исторія Лорэ послужила мнѣ маякомъ; я сталъ думать, что между Маріанною и Г-жею Лансэ легко могутъ быть такія же отношенія, какъ между почтеннымъ аббатомъ и графомъ Аннибаломъ. Впрочемъ, мнѣ изкогда

было привести эти предположенія въ порядокъ, потому что ужинъ окончился очень скоро, и черезъ четверть часа всѣ разошлись.

Когда мы съ Эрнестомъ вошли въ свою комнату, онъ бросился въ кресла, и отъ души вскричалъ — Уфъ! Ясно было видно, что этотъ день показался ему очень тяжелымъ.

— Чтожъ у васъ такое? спросилъ я.

— Подождемъ Лирё, сказалъ Эрнестъ: онъ разсердится, если я расскажу тебѣ его военный планъ, которымъ онъ очень гордится.

Прошелъ часъ. Между-тѣмъ Жакё приготовилъ большую чашу пуншу, затопилъ каминъ, и поставилъ вокругъ стола пять кресель.

— Для кого же пятое кресло! спросилъ я.

— Для Гаспара; онъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и необходимо долженъ быть приглашенъ въ совѣтъ.

Эрнестъ былъ необыкновенно веселъ: я давно его такимъ не видывалъ. Вскорѣ Лирё пришелъ на цыпочкахъ, какъ школьникъ, который прокрадывается на пирушку, приготовленную гдѣ-нибудь на чердакѣ.

— Слишкомъ много лимона! сказалъ онъ, пробуя пуншъ къ которому тотчасъ подошелъ: прибавьте чаю, сахару и рому.

Это удвоило порцію; Лирё сѣлъ въ кресла, не спуская глазъ съ драгоценнаго напитка, и съ важностью сказалъ: Хорошо.

Мы все трое были задумчивы, и молчали, какъ, на лѣстницѣ въ башню, которая служила намъ уборною, слышались шаги двухъ человекъ.

— Вотъ они, сказалъ Лирё, взявъ свѣчу и пошелъ встрѣчать поручика и Гаспара, который привелъ его. Когда нотариусъ проходилъ съ поручикомъ знаменитую залу съ таинственными «креслами», онъ не могъ выдержать, чтобы не выкинуть глупаго каламбура, который я привожу только по обязанности точнаго летописца.

— Вы не ошиблись, любезный поручикъ: этотъ замокъ вооруженъ всеми военными принадлежностями, *et voici d'abord les piéces de siége.*

Если я скажу, что мы отъ всей души сивлялись этому здору, то вы должны заключить изъ моихъ словъ только то, что мы были въ веселомъ расположеніи духа. Всѣ присутствующіе были на-лице; Лирѣ усадилъ насъ по мѣстамъ, бросился въ кресла, и сказалъ:

— Прежде всего пить! Древніе всегда дѣлали это, и именно для того, чтобы обезпечить своему гостю права гостепріимства.

— Правда, сказалъ Эрнестъ: но они пили все изъ одной чаши, и передавали ее другъ другу.

— Глупо, вскричалъ Лирѣ: потому что ежели вино было хорошо, то первый былъ дуракъ, если не выпивалъ всего, что было въ чашѣ.

Мы чокнулись, и потаріусь, развалившись въ креслахъ, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Вотъ, милостивые государи, положеніе дѣла. Г. Эрнестъ—сынъ маркиза Монфильона, который оставитъ ему пятьдесятъ тысячъ франковъ дохода; но Г. Эрнестъ въ то же время племянникъ Г-жи Лансѣ, у которой восемьдесятъ тысячъ дохода. Отцовское наследство вѣрно, а теткинo сомнительно, темъ болѣе, что она тетка намѣрена отказать все, что имѣетъ, бѣднымъ, для искупленія грѣховъ юности, о каковыхъ грѣхахъ упоминать здѣсь не подобаешь, и также вслѣдствіе поведенія вышереченнаго племянника, который, къ великому соблазну часто упоминаемой тетки, губить и себя и деньги танцовщицами оперными и прочими сему подобными.

— Извините, что я васъ перебую, сказалъ офицеръ: я не вижу, какую. все это имѣетъ связь съ дѣломъ бѣглыхъ солдатъ.

— Связь неразрывную, мой почтеннѣйшій! сказалъ Лирѣ: но вы меня прервали, а я не могу начать снова говорить, не промочивъ горла. Дайте мнѣ пуншу, и не забудьте, что при всякомъ прерваніи я стану удваивать ораторскія пособія.

— Чортъ возьми, бѣда, какъ мы скажемъ два слова сряду, вскричалъ Эрнестъ.

— Какъ хотите, отвѣчалъ Лирѣ: я продолжаю. А поелику у молодыхъ людей никогда нѣтъ денегъ, а у бѣдныхъ

них всегда много, то справедливость требует, чтобы сей Эрнестъ подучилъ наследство своей тетки, а бѣдные получили другія наследства, если таковыя у нихъ въ виду имѣются.

Кто-то изъ насъ засмѣялся.

— Если вы стали смѣяться, я стану пить, сказалъ нотаріусъ, и внесу въ журналъ: «Смѣхъ и помѣшательство.»

Мы сохранили важный видъ.

— Вы, можетъ быть, спросите меня, отчего же мы нынче заботимся объ этомъ будущемъ наследствѣ: на это я вамъ скажу, что только нынче и можемъ мы его себѣ обезпечить. Вышереченная тетка, по вышеупомянутымъ причинамъ, о которыхъ говорить я вамъ не намѣренъ, собирается оставить свѣтъ и, какъ умирающая свѣту, хочетъ написать завѣщаніе.

— Я все таки не вижу..... сказалъ поручикъ.

— Пью! вскричалъ Лирѣ: налейте мнѣ два стакана, по уговору.

— Молчите, господа, а не то, черезъ четверть часа Лирѣ будетъ пьянъ какъ Полякъ.

— Поэтому мы должны позаботиться сегодня и завтра о завѣщаніи означенной тетушки и направить *оное* въ пользу здѣсь налице состоящаго племянника. Къ какимъ же мѣрамъ прибѣгнулъ въ таковыхъ обстоятельствахъ нотаріусъ Лирѣ, другъ благородной фамиліи Монфильоновъ! Нотаріусъ Лирѣ отправился къ здѣшнему приходскому священнику, честному и почтенному пастырю: онъ разсказалъ ему все, какъ есть, и священникъ придумалъ доброе дѣло, сожалея впрочемъ, что оно внушено ему такимъ человѣкомъ какъ я, а доброе дѣло — нижеслѣдующее. Не знаю, какимъ образомъ почтенный священникъ увѣщевалъ Г-жу Лансѣ, но вотъ что сказалъ бы ей я. «Безполезно было бы, сударыня, отказывать имѣніе ваше заведеніямъ для бѣдныхъ. Деньгами спасенія душъ своєї не купите; но вы можете заслужить его другимъ добрымъ дѣломъ, именно, возвративъ заблудшую овцу въ лоно католической церкви. Здѣсь есть дѣвушка, протестантка, еретичка, которую вы, по многимъ причинамъ, очень хорошо знаете; дочь женщины, покинутой своею преступною матерью, и

est, внучка грѣшницы, которая оставила эту злополучную мать въ пищеть. Эта дѣвушка обязана несчастнымъ своимъ существованіемъ проступку грѣшницы, и сдѣлалась еретичкою, потому что та же грѣшница не хотѣла пещись объ ней, чтобы не показать родства, связывающаго ее съ одною благородною фамиліею. Надобно разомъ загладить все эти грѣхи, — возвратитъ заблудшую овцу павъ, и какъ имени дать ей нельзя, то по-крайней-мѣрѣ упрочить ей безбѣдное существованіе. Это доброе дѣло будетъ несравненно лучше! Имѣніе ваше вы оставите вашему племяннику, Эрнесту, прекрасному молодому человѣку, который совершенно исправился, и докажетъ свое возвращеніе на путь истинный, помогая вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ.» Г-жа Лансе согласилась.

— Превосходно! вскричалъ я.

— Хорошо, сказалъ поручикъ: но все еще я не вижу, какую связь это имѣетъ съ дѣломъ о бѣглыхъ рекрутахъ.

— Какъ! вскричалъ нотаріусъ, сія жаромъ ораторскаго краснорѣчія. Развѣ вы не знаете, что Маріанна невеста Осипа, самаго дюжого и самаго упрямаго изъ бѣглыхъ рекрутъ. Онъ ни за что не захочетъ лишиться своей невесты, а я разсуждаю слѣдующимъ образомъ: новообращенной нуженъ мужъ; ей бы хотѣлось выйти за Осипа, который теперь бѣглый рекрутъ, и Карлистъ, хотя самъ не знаетъ, что это значить. *Оному* Осипу этого и хочется; *оной* Маріаннѣ этого и хочется; намъ этого и хочется. Вслѣдствіе чего, мы наймемъ за него рекрута, женимъ Осипа на Маріаннѣ, приберемъ къ рукамъ тетушкины денежки, и спокойствіе водворится въ цѣломъ Лангедокѣ.

— И у Эрнеста будетъ восемьдесятъ тысячъ дохода, сказалъ я.

— Милости просимъ ко мнѣ праздновать этотъ счастливый день, сказалъ Эрнестъ.

— И мы будемъ пить вино чудное, сказалъ нотаріусъ.

— А меня молодой маркизь возьметъ къ себѣ въ управителя, сказалъ Гаспаръ.

И мы закричали хоромъ:

— Пить! пить!

И все мы встали, и чокнулись, и бросили къ потолку наши бархатныя шапочки. Лирё бросилъ свой парикъ.

— А для всего этого, сказалъ онъ, намъ нужна недѣля, и вотъ почему, поручикъ, мы просимъ перемирія.

— Подписано! вскричалъ онъ.

— Подписано! закричали мы всѣ.

Шапочки наши еще летали въ воздухъ, стаканы еще стукались, какъ вдругъ раздались четыре или пять ружейныхъ выстрѣловъ, и за ними послѣдовали ужасные крики.

Лирё выронилъ свой стаканъ; поручикъ, бросивъ стаканъ, подбѣжалъ къ окну, и вскричалъ въ бѣшенствѣ.

— Господа, это гнусное предательство, коварная заадня, въ которую вы завлекли меня: горцы атакуютъ мызу Жака.

— Чортъ возьми! въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Лирё: но, повѣрьте, поручикъ, что мы въ этомъ невиноваты.....

— Господа, вскричалъ поручикъ, обнаживъ саблю: вынустите меня отсюда; солдаты мои дерутся, а меня пѣть съ ними.

— Остерегитесь, сказалъ Лирё: горцы между замкомъ и мызою; пройти вамъ невозможно.

— Выпустите меня, кричалъ поручикъ, приходя еще въ большее бѣшенство при каждомъ выстрѣлѣ. Вы всѣ.....

— Поберегите ваши ругательства, сказалъ Эрнестъ: мы всѣ идемъ съ вами.

— Ненужно мнѣ васъ; отворите дверь сейчасъ же, или я разможу вамъ черепы, вскричалъ онъ, вынувъ изъ кармана пистолеть и взведя курокъ.

— Пойдемте, пойдемте, сказалъ Лирё, видя, что эта угроза произведетъ на Эрнеста впечатлѣніе, совершенно противное тому, котораго ожидалъ поручикъ. Онъ взялъ свѣчу, и повелъ поручика по потаенной лѣстницѣ башни.

— Пойдемъ за ними, сказалъ мнѣ Эрнестъ, схвативъ ружье. Гаспаръ, уברי здѣсь.

Я тоже взялъ ружье, и мы вышли. Лирё стоялъ въ дверяхъ и кричалъ:

— Экой неосторожный! Экой неосторожный!

Онъ разсказалъ намъ въ двухъ словахъ, что горцы, прогнанные солдатами, проходили мимо замка, когда офицеръ

выбжалъ оттуда, и что онъ неустрашимо бросился въ сре-
дну ихъ.

— Они стрѣляли, прибавилъ Лирё: я думаю, что бѣднякъ
убить.

Мы побѣжали къ дорогѣ. Эрнестъ хотѣлъ перескочить
черезъ плетень, отдѣлявшій дворъ замка отъ дороги, но
сержантъ схватилъ его за горло, крича.

— Поймалъ! поймалъ одного!

Солдаты прибѣжали, и, увидѣвъ, что это тотъ самый
молодой человѣкъ, который разговаривалъ съ нихъ офице-
ромъ, начали бранить его.

— Это хозяинъ замка!—Поручикъ нашъ былъ тамъ!—куда
ты двалъ нашего поручика? — Я тебѣ разможу голову и
сожгу твой замокъ, если ты не выдашь намъ его сейчасъ
же.—Поручика! Давай намъ поручика!

Эрнестъ не отвѣчалъ, но старался вырваться изъ рукъ
солдатъ. Солдаты бѣснлись: Положеніе Эрнеста станови-
лось опаснымъ; мы тщетно предлагали наше посредниче-
ство; наконецъ Лирё подошелъ къ солдатамъ, и сказалъ.

— Да о чемъ вы хлопочете! Черезъ часъ, поручикъ бу-
детъ съ вами.

— Давай его сейчасъ же! кричали солдаты. Вы его убили,
мерзавцы. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

— Вы сами убиваете этого молодаго человѣка. Возьмите
его подъ стражу, но не бейте его.

— А ты кто? сказалъ сержантъ.

— Я нотаріусъ и меръ этой общины (Онъ солгалъ). Име-
немъ короля, приказываю вамъ прекратить это насиліе.

— Хорошо! сказалъ сержантъ, свяжите плѣнника и обы-
щите замокъ. Маршъ!

Между-тѣмъ всѣ спавшіе пробудились въ испугѣ, сбѣ-
жались на дворъ, и солдаты, найдя ворота открытыми,
вошли въ замокъ. Сержантъ поставилъ у главныхъ дверей
караулъ, велѣлъ собрать всѣхъ жителей дома въ залу, куда
отвели и Эрнеста. Маркизь съ женою были уже тамъ.
Вслѣдъ за тѣмъ, привели Г-жу Дансё, графа Аннибала,
аббата Лордъ и всѣхъ людей. Они трепетали со страху,
не успѣли порядочно одѣться. Эрнестъ былъ связанъ,

и два солдата стерегли его. Лирè, котораго старый маркиз спрашивалъ, не отвѣчалъ ни слова и набивалъ носъ табакомъ, какъ-будто ища въ табакеркѣ иден. Г. Монфильона не подпускали къ сыпу, и онъ обратился къ Гаспару, который съ досадою отвѣчалъ ему:

— Вы сами этого хотѣли; иначе не могло кончиться.

Маркизъ шумѣлъ, спрашивая, по какому праву солдаты ворвались къ нему въ домъ,

— Э, да не падовайтесь имъ! сказалъ Гаспаръ. Если бь они сдѣлали что-нибудь и десять разъ хуже этого, то и то были бы правы. — Ммъ! когда бы это и былъ во времена императора! пробормоталъ онъ.

Наконецъ сержантъ возвратился; онъ самъ обыскалъ весь замокъ. Войдя въ залу, онъ стукнулъ прикладомъ по полу, и сказалъ:

— Поручика нѣтъ! Сыщите мнѣ его.

— Э, чортъ возьми! Да, разумеется, сыщутъ, сказалъ Лирè: мертваго или живаго, гдѣ-нибудь да найдутъ.

— Мертваго или живаго? вскричалъ сержантъ. Сасг.....! жаль право, что я не кольнулъ этого франтика штыкомъ.

— Эрнеста? Да за что же? вскричалъ Г. Монфильонъ.

— А за то, что онъ захваченъ съ ружьемъ въ руки, когда мужики атаковали мызу, и что еслибъ тогда я убилъ его, такъ и концы въ воду. Вотъ и все! А теперь мы принуждены уже дѣйствовать законнымъ образомъ, и я сейчасъ послалъ солдата въ городъ за прокуроромъ.

— Я этого и требую, сказалъ Г. Монфильонъ: и еще требую, чтобы вы объяснили мнѣ, по какому праву вы ворвались ночью въ мой домъ.

— Батюшка! вскричалъ Эрнестъ: я долженъ все сказать вамъ.

— Говорить ничего ненадо, отвѣчалъ Лирè, а надобно дѣйствовать; надобно отыскать поручика: они, можетъ, и не убили его.

Лирè опасался объясненій, и я видѣлъ, что Эрнестовы 80,000 дохода направляются къ заведеніямъ для бѣдныхъ.

— Да какая же мнѣ надобность до вашего поручика? сказалъ Г. Монфильонъ.

— Какъ! вскричалъ сержантъ: да вы заманили его къ себѣ, чтобы убить.

— Онъ былъ здѣсь? сказалъ маркизь: какъ же онъ попалъ сюда?

— Что дѣлать! Поручикъ — его пріятель, сказалъ Лирѣ, указывая на меня: и пришелъ къ нему въ гости.

— Ну, это быть-можетъ, сказалъ сержантъ. Я самъ слышалъ, какъ они разговаривали объ общихъ знакомыхъ въ Парижѣ.

Не знаю, по какому предопредѣленію я долженъ былъ отвѣчать за всѣ глупости, которыя вокругъ меня дѣлались, и въ которыхъ я былъ ни сколько не виноватъ. Я не хотѣлъ ни компрометировать Эрнеста въ отношеніи къ его семейству, ни самъ компрометироваться, и не знаю, что бы я отвѣчалъ; но вдругъ услышалъ, что Гаспаръ говоритъ сержанту:

— Немудрено, что молодые люди тотчасъ узнаютъ другъ друга; имъ вспоминать немного времени, не такъ какъ намъ съ тобою, Годо.

При этомъ имени сержантъ обернулся.

— Ба! да это ты, Гаспаръ, вскричалъ онъ: какъ же это, я брожу около замка ужъ цѣлую недѣлю, и до сихъ поръ ни разу не видалъ тебя?

— Нога, братъ, болитъ.

— Все та же? Эка она бѣдняжка! Да что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я здѣсь управителемъ у маркиза, и я бы тебѣ спасибо сказалъ, если бы ты былъ посговорчивѣе.

— Прекрасно! сказалъ Лирѣ, который до сихъ поръ только еще и сдѣлалъ, что меня впуталъ въ это дѣло. Отпустите дамъ спать, а мы покуда потолкуемъ.

— О чемъ намъ толковать? вскричалъ сержантъ. Никто ни съ мѣста, покуда мнѣ не найдутъ поручика.

— Да какъ же ты хочешь, чтобы его нашли, сказалъ Лирѣ, сердясь, если никто не пойдетъ искать его. Экой ты ограниченный!

— Что такое? вскричалъ сержантъ съ гнѣвнымъ видомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Гаспаръ. Онъ говоритъ, что ты дуракъ, вотъ и все!

— Какъ, дуракъ?

— Да, разувѣтся: если твой поручикъ лежитъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ.....

— Мой поручикъ не прячется, сказалъ сержантъ: онъ молодъ, но не трусь.

— Да я и не говорю тебѣ, что онъ прячется; но онъ можетъ-быть, лежитъ гдѣ-нибудь раненый.

— Какъ раненый!

— Да это быть можетъ, сказалъ Лирѣ: услышавъ выстрѣлы, онъ выбѣжалъ какъ бѣшеный изъ компаты, и бросился на горцевъ, которые въ это время уходили мимо замка.

— Такъ и вы были тутъ же? спросилъ маркизь.

— Да, и я былъ тутъ; я пошелъ туда, чтобы поговорить съ этимъ господиномъ о дѣлѣ, за тоторымъ онъ ко мнѣ прѣхалъ.

Я стоялъ подлѣ Эрпеста.

— Попалъ я! сказалъ я ему въ подголоса.

— Не безпокойся, мой милой. Лирѣ и тебя и меня выпускаетъ изъ бѣды; я вижу по его торжественному виду, что у него уже готовъ планъ дѣйствія.

Лирѣ, повидимому, объяснялъ этотъ планъ сержанту, потому что тотъ молча его слушалъ, и потомъ выслалъ четырехъ солдатъ.

— Все это быть можетъ, сказалъ наконецъ сержантъ: однако жъ я все таки пошлю за прокуроромъ.

— Да, сказалъ Лирѣ: а посланнаго твоего на дорогѣ убьютъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ: и то правда.

— Подожди до утра, любезный, продолжалъ Лирѣ: если мы тогда не представимъ тебѣ твоего поручика въ цѣлости и исправности, то..... Тогда дѣлай, что хочешь.

Солдаты возвратились и объявили, что они обыскали по всемъ угламъ и не нашли слѣдовъ поручика и ни какихъ признаковъ, чтобы кто-нибудь былъ раненъ.

— Bravo! вскричалъ Лирѣ: такъ они взяли его въ плѣнъ. Мы его найдемъ. Эй, сдѣлайте обонхъ ословъ.

— Такъ вы знаете гдѣ они? сказалъ сержантъ.

— Я не знаю, но я найду кого-нибудь кто знаетъ. Эй,

вы, подите-ко кто-нибудь сюда. Жакё, ты долженъ звать, куда эти негодяи скрываются.

Маркизь, боясь, какъ бы на него не пало подозрѣнїе, сдѣлалъ Жакё знакъ, чтобъ тотъ отвѣчалъ отрицательно. Лирё замѣтилъ это, взялъ Жакё за воротъ, повернулъ его спиною къ маркизу, и, держа обѣими руками за обшлага, продолжалъ:

— Признайся, Жакё. Ты хитеръ, какъ обезьяна; ты вѣрно открылъ ихъ убѣжище: сведи насъ туда.

Маркизь кашлялъ; Жакё выворачивалъ шею, чтобы взглянуть на него.

— Я, сударь, ничего не знаю, отвѣчалъ онъ.

— То есть, ты не знаешь, знать ли тебѣ. — Но, прибавилъ онъ вполголоса: какъ ты снесъ имъ остатки Жаковой коровы, то я предаю тебя въ руки судьи, и скажу, что ты не только ихъ сообщникъ, но что ты ихъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ.

При этомъ словѣ «оберъ-кригсъ-коммиссаръ», Жакё, который ни сколько не понималъ его, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто ужъ попался въ руки жандармовъ. Онъ сказалъ:

— Ну, такъ пожалуй, я поведу васъ.

— Очень хорошо, сказалъ Лирё, отпустивъ его; потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и вскричалъ: — Сбирайтесь, скорѣе, сударь, мы сейчасъ ѣдемъ.

— Мы? спросилъ я.

— Да, мы; странно было бы, если бъ вы не захотѣли вывести маркиза изъ затруднительнаго положенія, въ которое сами его ввергли.

И онъ отвернулся отъ меня.

— О, нѣтъ, вскричалъ Эрнестъ: это ужъ слишкомъ!

— Оставь его, сказалъ я: это восхитительная гасконада; я вездѣ пойду съ этимъ человѣкомъ, хоть бы въ вертепъ разбойниковъ, потому что, во-первыхъ, онъ меня забавляетъ, а во-вторыхъ.....

А во-вторыхъ, я вамъ нуженъ, сказалъ Лирё. — Гаспаръ, вскричалъ онъ, бутылку рансидъ, да сухарей. Ночи чертовски холодны! Маркизь, нѣтъ ли у васъ теплаго сюртука? Мой фракъ совсѣмъ не подбитъ жаромъ.

Маркизь величественно сдвинулъ знакъ Гаспару, и тотъ вышелъ.

Мало-по-малу всѣ успокоились, и все отъ того, что Лирё искусно выдумалъ причину, по которой поручикъ попалъ въ замокъ. Гаспаръ принесъ рансид.

— Ну, сказалъ Лирё, теперь выпьемъ за успѣхъ нашего предпріятія. Сержантъ, неужели ты не позволишь этому молодому человѣку чокнуться съ нами?

Эрнестъ все еще стоялъ съ связанными руками; сержантъ развязалъ веревку.

— Ну, сказалъ Лирё: возьми, Гаспаръ, и себѣ стаканъ, и ты, Жакё, выпей, это придастъ ногамъ твоимъ проворства. Выпейте и вы, маркизь: это развеселитъ васъ, и вы перестанете заботиться о томъ, что сынъ вашъ можетъ за свои шалости попасть на каторгу. — Видите, сударыня, шепнулъ онъ Г-жѣ Лансё, такъ, чтобъ услышала и маркизь: господинъ Эрнестъ взять съ оружіемъ въ рукахъ, сражался за Генриха V; а вы еще сомнѣвались въ его правлахъ!

Г-жа Лансё, со слезами на глазахъ, посмотрѣла на милого своего племянника. Маркизь понялъ данный ему урокъ, взявъ стаканъ и принужденъ былъ чокаться съ нотаріусомъ — республиканцемъ, съ Парижскимъ авторомъ, непризнающимъ школы великаго Расина, съ сержантомъ «господина» Людовика-Филиппа, съ отставнымъ солдатомъ похитителя, Бонапарта, и съ своимъ босоногимъ камердинеромъ. Никогда имя Монфильоновъ не бывало такъ унижено! Въ лицѣ маркиза была какая-то важность, покоряющаяся судьбѣ своей, и плутъ Лирё отъ души забавлялся надъ нимъ. Это столкновеніе враждебныхъ мнѣній и партій въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно комическое. Двѣ политическія стороны въ открытой войнѣ, и третья, неавидящая ту и другую, служить имъ агентомъ, дипломатомъ, посредникомъ, и всѣ три, подъ выѣзскою своихъ мнѣній, которыми непрерывно мѣняются, думаютъ только о частныхъ дѣлахъ своихъ. Въ этой залѣ, наполненной четырьмя разными патріотизмами, представлялась комедія всей Франціи.

Въ минуту отъѣзда намъ пожелали счастливаго пути и скорого возвращенія; мы слыли на маркизовыхъ ословъ и отправились въ горы.

— Мм! мм! бормоталъ дорогою нотариусъ, чѣмъ-то это все кончится? — Уфъ; какъ холодно! — Ну, если эти негодяи его убили? — Что добраго! — А я ужъ наживу себя насморкъ. — Они вѣрно зарыли его гдѣ-нибудь. — Хотя бы я по-крайней-мѣрѣ надѣлъ бумажный колпакъ свой. — Ну, да посмотримъ, что будетъ.

Мы ѣхали полчаса по берегу рытвины, разделяющей Монпельонскую гору на двое. Потомъ Жакѣ повелъ насъ по тропинкѣ, которая шла къ потоку, омывающему основанія замка. Ночь была чрезвычайно темна, покатость дороги терялась во мракѣ, и мнѣ казалось, что мы скользимъ вдоль стѣны, вися надъ потокомъ.

— Утопить, что-ли ты насъ хочешь? сказалъ нотариусъ: мнѣ слышится шумъ водопада.

И дѣйствительно, мы уже нѣсколько времени слышали гулъ каскада.

— А гдѣ же мнѣ васъ вести, сказалъ Жакѣ, на своемъ нарвчѣи: они al Roc de las incantadas, «въ Пещерѣ вѣдьмъ.»

— Такъ и здѣсь есть пещера вѣдьмъ? вскричалъ я.

— Ого, сударь, сказалъ Жакѣ: такъ вы понимаете нашъ языкъ!

— Немножко. Да что это за Пещера вѣдьмъ?

— Въ молодости моей я написалъ на этотъ сюжетъ поэмку, сказалъ нотариусъ. Не прочесть ли вамъ ее?

— Расскажите мнѣ лучше ея содержаніе.

— Ага, вы я вижу презираете провинціальные стихи. Вы правы, они ни сколько не лучше тѣхъ, которые вы пишете въ Парижѣ.

— Согласенъ, но по-крайней-мѣрѣ, мы ихъ не читаемъ.

— Да зато печатаете. Verba volant; scripta manent.

— Ужъ лучше стихи ваши, чѣмъ вашу Латынь, сказалъ я.

— Вотъ они: дѣло въ томъ, что въ нашихъ горахъ можно найти чудесное совершенно въ новомъ родѣ, цѣлую мифологію, гораздо лучше Греческой и Китайской: тутъ есть сверхъестественныя существа, которыя говорятъ съ людьми, и люди, которые этому вѣрятъ. Поэмку мою можно и пѣть и читать; а такъ какъ въ туманъ пѣть неловко, то я прочту вамъ ее.

И, злодѣй, прочелъ мнѣ всю свою поэмку.

Когда онъ кончилъ, мы были въ какой-то ущелинѣ, которой, казалось, конца нѣтъ.

— Теперь надобно бросить ослось, сказалъ Жакэ: мы пойдёмъ въ лѣсъ.

Онъ привязалъ ослось къ дереву, и мы углубились въ лѣсъ мелкихъ дубовъ, перемѣшанныхъ съ остролистомъ, который ужасно кололъ намъ ноги. Мы шли по этой проклятой чащѣ добрые четверть часа; тутъ Жакэ остановился, и испустилъ легкій и тихій крикъ, на который ему тотчасъ отвѣчали. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ спуску, такому крутому, что я принужденъ былъ свѣсть, и ѣхать сидя по разнымъ колючимъ растеніямъ, а Жакэ шелъ преспокойно, какъ-будто по садовой аллѣ. Вскорѣ послѣ этого мы увидѣли широкую разщелину въ скалѣ и тамъ огонь. Если бы я не боялся описаній, потому что очень много сочинилъ ихъ, то вотъ бы прекрасный случай нарисовать вамъ великолѣпную декорацію. Но одно обстоятельство, на которое указалъ Лирэ, такъ поразило меня, что я не могу умолчать о немъ. Огонь горѣлъ прямо противъ самаго водопада, отражался во множествѣ мелкихъ волнъ, всплывшихъ у его подошвы и блестялъ въ нихъ, производя какъ бы жидкій фосфоръ; потокъ, увлекая съ собою отраженіе огня, катилъ его какъ растопленное желѣзо, а туманъ, подымавшійся съ земли, подергивался нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ и образовалъ облако, въ которомъ сіяніе огня снова отражалось.

— Это-то я и хотѣлъ изобразить въ седьмой моей строчкѣ, сказалъ Лирэ: вы помните?

— Очень хорошо помню.

А я, право, и не зналъ, что это за седьмая строка.

Наконецъ мы проникли въ разщелину очарованной скалы; одинъ мужикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, поглядѣлъ на насъ, и мы проникли въ «Пещеру вѣдьмъ.»

Но это было только первое ея отдѣленіе. Сверхъ-того, въ ней есть десять или двѣнадцать залъ, сообщающихся между собою и имѣющихъ особыя выходы. Поэтому она составляла неопытное убежище для негодяевъ, которые собирались тутъ. Ихъ было одиннадцать человекъ, не считая ихъ капитана Осипа и нашего поручика.

— Хорошо, что мы приехали, сказалъ Лирё: а то ихъ тринадцать; они ни за что въ свѣтъ не остались бы тринадцать въ полночь, и, пожалуй, бросили бы поручика въ воду, чтобы возвратиться къ счастливому числу двѣнадцати.

Осипъ не всталъ, чтобы насъ встрѣтить. Въ немъ уже замѣтно было чувство собственнаго своего достоинства и власти. Лирё посмотрѣлъ на него искоса.

— Если этотъ негодяй не попадется на висельницу, то онъ выйдетъ въ люди, сказалъ Лирё.

Тутъ онъ совсѣмъ вошелъ въ пещеру, и, принявъ снова свой безпечный видъ, сказалъ.

— Здравствуйте, ребята! Здорово, Осипъ! Разведите-ко, братцы, огонь-то хорошенько, а то я совсѣмъ замерзъ. Здравствуйте, поручикъ: вы видите, мы васъ не забыли.

— А зачѣмъ вы сюда пришли? спросилъ Осипъ довольно грубо. Вы здѣсь зачѣмъ? прибавилъ онъ, указывая на меня.

— Мы пришли спросить васъ, сказалъ Лирё, хотите ли вы, чтобы васъ задушили здѣсь дымомъ, какъ лисицъ въ норѣ, или согласитесь подписать договоръ, выгодный для всехъ сторонъ.

— Задушить насъ дымомъ? сказалъ Осипъ. Попробуйте, такъ вотъ этотъ господинъ (поручикъ) попробуетъ хорошо ли это ружье; а тотъ (указывая на меня) жжется ли огонь!

— Эге, братъ, да какой ты упрямой! сказалъ Лирё. А товарищи твои, я думаю, будутъ стговорчивѣе. Эй, вы, говорите, что-ли!

— Молчать! вскричалъ Осипъ. Они выбрали меня въ капитаны, и вы должны имѣть дѣло съ однимъ мною.

— Ну, если такъ, то нечего дѣлать! сказалъ Лирё, застегивая скюртку. Прощай!

Потомъ, мастерски притворяясь разсерженнымъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и обратившись ко входу, вскричалъ:

— Ступайте, разстрѣляйте ихъ всехъ.....

— Кого? вскричалъ Осипъ, вскочивъ и схватившись за ружье.

— О, не бойся сказалъ Лирё: еще не тебя, а только

Эрнеста, Гаспара, отца твоего..... и (прибавил онъ отирая слезу) бѣдную Марианну!

— Марианну! отца моего! вскричалъ Осипъ.

— Ахъ вы негодные! вскричалъ Лирѣ еще въ большемъ бѣшенствѣ: такъ вы думаете, что можете взволновать всю область, и ничѣмъ за это не поплатиться! Замокъ взять; туда пришли три тысячи человѣкъ съ самимъ генералиссимусомъ.

Слово «генералиссимусъ» произвело на дикаго Осипа такое же почти впечатлѣніе, какъ слово «коберъ-крингсъ-комиссаръ» на Жакѣ.

Однако жъ онъ сказалъ:

— Три тысячи человѣкъ! Быть не можетъ; мы бы это знали.

— Дуралей! Да какъ же бы ты это узналъ, сказалъ Лирѣ: они прѣехали по почтѣ.

Если бъ у меня голова лежала на плахѣ, то и тутъ бы я не утерпѣлъ, чтобы не захохотать. Лирѣ замѣтилъ это, бросился мнѣ на шею и вскричалъ съ досадою:

— Да, скажите же имъ, что это правда. Ведь вы привели сюда войско.

— Онъ? сказалъ Жакѣ.

— Да, онъ.

— Да ведь онъ здѣсь не бывалъ, сказалъ Осипъ.

— Не знаю, бывалъ ли, отвѣчалъ Жакѣ: но онъ знатно понимаетъ нашъ языкъ.

Я не понималъ, по какому несчастію всегда былъ главнымъ лицомъ во всемъ, что вокругъ насъ происходило. Лирѣ началъ говорить со мною по-Лангедокски.

— Ну же, скажите имъ ваши предложенія.

— Ненужно, сказалъ Осипъ: я не намѣренъ имѣть дѣла съ шпиономъ.

— О! вскричалъ я въ бѣшенствѣ: вы со мною раздѣляетесь за это, господинъ Лирѣ.

— Ты видишь, Осипъ, сказалъ плутъ жалобнымъ голосомъ: я хотѣлъ спасти тебя, а онъ и меня грозить разстрѣлять.

Я не утерпѣлъ, засмѣялся. Но при этихъ словахъ, всѣ мужики вскочили и закричали:

— Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать! Нѣтъ, мы не хотимъ, чтобы нашего господина Лирè разстрѣляли!

— Спасибо вамъ, братцы, сказалъ Лирè: но что же дѣлать! Видите, вашъ капитанъ Осипъ упрямъ, какъ осель.

Мужики начали роптать.

— Онъ доведетъ васъ до того, что васъ всѣхъ разстрѣляютъ.

— Ну, чего же вы требуете? сказалъ Осипъ, видя, что масть его колеблется.

— Сущихъ пустяковъ! сказалъ нотаріусъ. Генералиссимусъ поручилъ мнѣ отдать господину поручику бумагу; которою онъ уполномочиваетъ вести переговоры отъ его имени.

Поручикъ, котораго два мужика держали въ отдаленіи, но который однако же все слышалъ, приблизился, и Лирè, сдѣлавъ ему знакъ, вынулъ изъ кармана разпыя бумагу.

Онъ просмотрѣлъ ихъ, взялъ одну и поднесъ ее къ огню, чтобы сжечь.

— Это что? спросилъ Осипъ.

— Ничего, пустая бумага; это черновой свадебный договоръ твой съ Маріанною и записка на три тысячи франковъ, которые хотѣлъ дать тебѣ молодой маркизь. Это ненужная бумага.

— Отчего же такъ? сказалъ Осипъ, останавливая нотаріуса.

— Оттого, что когда мы всѣ будемъ разстрѣяны, то я не знаю, на что она годится.

— А вотъ ваша бумага, поручикъ, продолжалъ онъ. — Вы узнаете руку? спросилъ онъ меня.

Я взялъ бумагу, она начиналась слѣдующими словами:

«Ставемъ пить и веселиться!»

Это была застольная пѣсня. Я прочелъ ее, и сказалъ поручику:

— Прочтите ее безъ смѣха.

Поручикъ кусалъ себѣ губы.

— Ну, что же вы хотите предложить этимъ бунтовщикамъ.

— Во-первыхъ, сказалъ Лирè: они должны явиться зав-

тра на мызу Жака, гдѣ вы ихъ примете, какъ будто они добровольно явились.

— Согласенъ, отвѣчалъ поручикъ, помолчавъ пѣсколько, чтобъ возвысить важность своего отвѣта.

— Потому они должны явиться въ команду, и по прибытіи въ полки тотчасъ произведены будутъ въ капралы; ils seront tous sergents.

— О, нѣтъ, сказалъ поручикъ: этого я не могу сдѣлать.

— Если только, прибавилъ Лирѣ, нечаянно прерывая его: если только они не захотятъ лучше взять при отправленіи въ полки деньгами, по триста франковъ на брата.

— Намъ лучше деньги, закричали всѣ они.

— Какъ хотите, сказалъ Осипъ: а я не согласенъ.

— Да тебя кто посылалъ въ полкъ, сказалъ ему Лирѣ потихоньку.

— Да оставьте его, сказалъ я ему съ другой стороны: останется одинъ, такъ на все согласится.

— Да, отвѣчалъ онъ, но дѣло въ томъ, что безъ него Марианна не согласится переменить религіи; а если Г-жа Лансѣ не рѣшится заглядить своего проступка обращеніемъ своей внучки, всѣ мои труды пропали, и Эрнестъ не получитъ наслѣдства тетушки..... Ну, пора кончить это дѣло.

Онъ отвелъ насъ въ сторону, и сказалъ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ согласны на это, поручикъ? Ихъ точно простятъ?

— За это я ручаюсь, сказалъ Вамесъ; но надобно, чтобы покорность была совершенная, а судя потому, что сказалъ Осипъ, я думаю.....

— Постоите; мы должны порядочно уговориться. Позволятъ ли ему представить за себя другаго рекрута?

Поручикъ задумался; но потомъ сказалъ:

— Я надѣюсь, я объясню начальству.....

— Хорошо, сказалъ Лирѣ. Жакѣ, Жакѣ! поди сюда. Жакѣ подошелъ.

— Годятся ли вамъ этотъ? Онъ немножко худенекъ, нездоровъ.

И Лирѣ толкнулъ его кулакомъ въ грудь такъ сильно, что тотъ упалъ навзничь.

- Видите, сказалъ Лирё.
- Нужды нѣтъ, отвѣчалъ поручикъ: я приму его.
- Послушай-ко, Жако, сказалъ Лирё, что ты получишь у маркиза . . .
- Сто франковъ въ годъ, да старыя платья.
- Ну, а я тебѣ предлагаю мѣсто, на которомъ ты будешь получать по пяти су въ день, то есть девяносто франковъ въ годъ, и новыя платья.
- Большая мнѣ надобность въ новыхъ платьяхъ!
- Сверхъ-того, сказалъ нотариусъ, единовременно полторы тысячи франковъ. Ты видишь за тебя платять какъ за пятерыхъ: согласенъ что-ли?
- Право, сударь, я не знаю что мнѣ дѣлать.
- Однакожъ проворнѣй, братъ, а не то, я возьму другаго. Не забудь, что ты противъ воли маркиза привелъ насъ сюда, и что онъ непременно тебя за это выгонитъ со двора, да и по-дѣломъ.
- Какъ по-дѣломъ! Да не вы ли сами заставили меня?
- Да кой чортъ зналъ, что ты откажешься отъ богатства!
- Ну, такъ нечего дѣлать; я согласенъ.
- Дѣло слажено; ты идешь въ солдаты за Осипа; но молчи; смотри, ни гугу о полугорѣ тысячѣ франковъ; это другая будетъ обидно.
- Слушаю, сударь, отвѣчалъ онъ съ хитрымъ видомъ.
- Ну, слава тебѣ, Господи! вскричалъ Лирё.
- Осипъ во все это время стоялъ въ углу.
- Ну, ребята, сказалъ Лирё, ступайте теперь по домамъ, а утромъ ко мнѣ на завтракъ на мызу Жака; тамъ вы получите и обещанные триста франковъ, которые вы вполнѣ заслужили, а ты, Осипъ, пойдешь съ нами.
- Онъ отвелъ его въ сторону и тотчасъ убѣждалъ. Черезъ полчаса мы вышли изъ пещеры и отправились въ замокъ. Никогда я не смѣялся такъ много. Лирё на всякой предметъ сочинялъ куплеты.
- Эхъ, жалъ, вскричалъ онъ, что «Французскій Меркурій» кончился; а то бы я все это туда отправлялъ.
- Въ замкъ насъ приняли съ радостными восклицаніями. Когда я разсказалъ маркизу все продолженіе этого негодья и напомнилъ ему слова—ils seront tous caporaux, онъ отвѣчалъ

мнѣ:—Чтожъ, такъ вы хотите, чтобъ я говорилъ имъ *sarogaux!* Да они бѣ меня не поняли! Я утверждаю, что *sarogaux* въ этомъ случаѣ есть высренній, вдохновенный варваризмъ. Поручикъ велѣлъ своимъ солдатамъ идти на мызу, а мы отправились съ нимъ въ нашу комнату. Тамъ мы сообщили Эрнесту условія сдѣлки и обещанія, сдѣланныя Ляре.

Онъ былъ тогда у маркиза, и скоро пришелъ къ намъ.

— Какъ, господа! вскричалъ онъ: да вы ничего и не приготовили. Выпьемте немножко пуншу. Ну, самое трудное сдѣлано: почтенный нашъ маркизь переселится черезъ недѣлю въ Тулузу, и отказывается отъ намѣренія произвести съ пятью мужиками контръ-революцію. Все къ лучшему; если бы вы, любезный Эрнестъ, не были въ опасности, и, правду сказать, большой опасности, потому что вѣдь вы захвачены съ оружіемъ въ рукахъ, то я право не знаю, удалось ли бы намъ уломать старика.

— И батюшка согласился заплатить мировыя издержки, сказалъ Эрнестъ.

— Ба! я не говорилъ объ этомъ ему ни слова. Развѣ онъ кажутся вамъ слишкомъ великими?

— О, нѣтъ: но дѣло въ томъ, что я совершенно безъ денегъ, а вы вѣдь обещали выплатить завтра.

— Это ужъ мое дѣло.

— Благодарю васъ, мой почтеннѣйшій, сказалъ Эрнестъ; я отдамъ вамъ эти деньги на дняхъ же.

— Куда вы забавны! какъ будто я даю ихъ изъ своего кармана! Вы прислали мнѣ списокъ долгамъ, которые надѣлали въ Парижѣ, и которые Г-жа Лансѣ обещалась за платить въ награду за ваше возвращеніе къ хорошимъ правиламъ. Вотъ вашъ списокъ.

Онъ сѣлъ, взялъ перо и началъ считать.

— Одиннадцать негодьямъ по 300 франковъ, 3,300 франковъ; Жакѣ, 1500 и того 4,800. Хорошо, теперь прибавьте въ вашемъ списокѣ: «Да 4,800 франковъ, розданныхъ бѣднымъ нашей округи.»

Мы захохотали.

— Ну же, пишите, сказалъ нотаріусъ.

Онъ диктовалъ, и Эрнестъ писалъ, повторяя эти слова.

«И 4,800 франковъ розданныхъ бѣднымъ нашей округи.»

— Стой, стой! вскричалъ Лирѣ. Ай, ай, какойъ было мы промахъ дали! Округа, arrondissement, раздѣленіе безбожное и республиканское! Пишите: «бѣднымъ нашего прихода.»

Мы едва не упали на колѣни передъ Лирѣ. Это было уже гениальное мошенничество, потому что одинъ гений всегда совершенъ, одинъ онъ обнимаетъ идею во всей цѣлости и отдѣлываетъ малѣйшія ея части.

Я останавливаюсь, потому что еслибы вздумалъ рассказывать остальное пребываніе мое въ Монпелье, то я бы никогда не кончилъ. Я долженъ только прибавить, что въ слѣдующее воскресенье Маріанна приняла католическую религію и недѣли черезъ двѣ празднована была ея свадьба съ Осипомъ. Г-жа Лансѣ отказала все свое имѣніе Эрнесту, удалилась въ монастырь и, вѣроятно, не знаетъ, какое употребленіе дѣлаетъ онъ изъ ея восьмидесяти тысячъ дохода. Плутъ Лирѣ получилъ отъ него, ни-какъ, десять тысячъ франковъ.

Предоставляю всякому изъ моихъ читателей дѣлать свои заключенія о томъ, какъ все эти господа, которые мечутъ высокопарными фразами, когда станутъ говорить передъ публикою, понимаютъ каждый въ особенноти долгъ свой къ обществу.

Revue de Paris.

=

ФЛАВИАНЪ

ИЛИ

ИЗЪ РИМА ВЪ ПУСТЫНЮ.

=

РОМАНЪ Г. АЛЕКСАНДРА ГИРО.

=

I.

Однажды ночью, у Геліогабала было пиршество. На этот раз гости не умирали подъ дождемъ розъ и фиалокъ, и головки попугаевъ, фазановъ и навиновъ, которыя имъ подавали на золотыхъ блюдахъ, были не изъ слоновой кости, не изъ стекла или крашеннаго дерева. Геліогабалъ не всякую ночь насмѣхался такимъ образомъ надъ своими гостями: въ эту ночь онъ былъ слишкомъ любезенъ. Мозаиковыя полы галерей и триклиніума были, по его приказанію, посыпаны серебрянымъ порошокомъ. Гости его лежали на серебряныхъ ложахъ. На лбу у него было подолуніе, какъ у богини Луны; на рукахъ и шеѣ жемчугъ; одѣтъ онъ былъ въ шелковое платье, и вообще былъ очень веселъ, потому что, перерядившись такимъ образомъ, только-что нарушалъ своимъ присутствіемъ таинства Цибеллы, — а это онъ очень любилъ. Гостей подчивали муренами и фалерномъ, и какъ всѣ эти молодые люди были пресыщены удовольствіями, то каждый изъ нихъ старался выдумать какую-нибудь шутку, которая не приходила въ голову ни Нерону, ни Каракаллу, и была бы достойна новаго поколѣнія.

— Таинства доброй богини очень милы, сказалъ Геліогабалъ: вамъ нельзя, какъ мнѣ, присутствовать при нихъ; вы просто люди, а я изъ числа боговъ.

— Новая идея! вскричалъ Флавіанъ, одинъ изъ гостей и любимцевъ императора.

— Посмотримъ, сказали гости.

— Вы слышали объ *агапахъ*: собака тушить факель; мужчины и женщины перешептываются; рѣжутъ ребенка. Ребенка мы рвать не станемъ; но у императрицы празднуютъ теперь таинства Цибеллы, а мы празднуемъ таинства Вахха: соединимте эти два праздника, призовемъ жреца доброй богини и съѣдемъ агану.

— Агану! Агану! закричали гости.

— Агану, сказалъ императоръ.

Факелы были погашены. Посрединѣ залы поставили подсвѣчникъ о семи вѣтвяхъ. Къ этому подсвѣчнику привязали длиною цѣпью одну изъ собакъ, которыхъ Геліогабалъ привезъ изъ Сиріи и кормилъ гусиными печенками. Жрицы Цибеллы, въ длинныхъ покрывахъ, вошли съ императрицею, по приказанію своеюравнаго и развратнаго тирана. Двери заперли. Флавіанъ вскричалъ: «Таинства начинаются!» Онъ опрокинулъ порфиновую вазу на голову собакъ. Собака бросилась, опрокинула колоссальнѣйшій подсвѣчникъ и въ триклиніумъ воцарилась глубокая тма.

Флавіанъ бродилъ посреди этой ночи и этого шума. Длинные женскія туники часто касались до его коленъ. Онъ слышалъ вокругъ себя ходотъ и поцѣлуи. Вино и мурены воспламенили его чувства. Онъ схватилъ одну женщину за руку и потащилъ ее.

— Пощади меня! сказалъ дрожащій женскій голосъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Флавіанъ.

— Пощади меня! Я тебя узнала. Для тебя пришла я сюда. Я люблю тебя. Тѣ, которые читаютъ въ будущемъ, неразъ соединяли въ своихъ гаданіяхъ наши два имени и наши судьбы. Но, видишьли, Флавіанъ, только любви твоей я пожертвую тѣмъ, чего домогаются отъ меня твои чувства, воспламененныя им-

ромъ. Умоляю тебя, пощади меня; я не буду неблагодарна.

И она трепстала, стараясь, чтобы ее не узнали по голосу. Это сопротивленіе раздражило страсть Флавіана.

— Возьми этотъ перстень, сказалъ онъ, не зная, съ кѣмъ имѣеть честь бесѣдовать впотмахъ такимъ образомъ: эквестрскій мой перстень. Клянусь, что пока онъ будетъ на твоемъ пальцѣ, я не соединю жизни моей съ жизнью ни какой другой женщины. Согласна ли ты?

Флавіанъ почувствовалъ на рукъ своей слезу, и голось; почти заглушенный, сказалъ ему:

— А если я принадлежу другому?

— Я подожду, отвѣчалъ онъ.

Голось продолжалъ.

— Поклянись.

— Клянусь фортуною Рима и прахомъ отца моего! вскричалъ Флавіанъ.

Тогда эта женщина упала въ объятія Римскаго рыцаря.

Между-тѣмъ вокругъ ихъ кипѣла безчестная оргія. То пустая амфора падала и разбивалась въ дребезги, то золотая урна катилась и звенѣла по помосту. Повременамъ съ кликами пѣсней смѣшивался жалобный стоиъ, и Сирійская собака, таская длинную цѣпь свою, выла и лаяла во мракѣ.

Флавіанъ и таинственная его подруга уединились въ Пандемоніумъ. Вдругъ кто-то положилъ руку на плечо жрицы, и мужской голось сказалъ ей нѣсколь-ко словъ, которые вырвали у нея крикъ ужаса. Флавіанъ схватился за кинжалъ, и когда она съ трепетомъ къ нему прижалась, онъ погрузилъ оружіе въ грудь незнакомца; тотъ съ глухимъ стономъ упалъ на мраморъ.

— Боги! вскричала жрица Цибеллы, и, дотронувшись до руки его, сказала:—Она въ крови!

— Да, сказалъ Флавіанъ. Между нами кровь чело-
вѣка; теперь уже ничто не можетъ разлучить насъ.

Уста его дрожали, произнося эти слова, и съ че-
ла текъ холодный потъ. Жрица принуждена была под-
держивать его, чтобы отвести отъ труна. Но по-
томъ они снова были упоены оргіей. Женщина снова
ушла въ его объятія: «Флавіанъ, мы не увидимся до
того времени, пока боги соединять насъ навсегда.»

Когда, на другой день, Флавіанъ, послѣ безпокой-
наго сна, открылъ глаза, невольники сказали ему,
что въ триклиніумѣ нашли утромъ нѣсколько труповъ,
и что братъ его, Пробъ, пропалъ безъ вѣсти.

Флавіанъ поблѣднѣлъ и страшное воспоминаніе
пробѣжало по душѣ его; но таковы всегда бывали
утра послѣ пиршества Геліогабала.

II.

Геліогабалъ зналъ, что Римскіе императоры живутъ
недолго. Онъ помнилъ самоубійство прекраснаго
пѣвца Нерона, и, будучи жрецомъ Солнца, придумы-
валъ для себя болѣе изящное средство лишить себя
жизни. Онъ построилъ высокую башню, и землю у
подножія ея вымостилъ драгоценными камнями,
чтобы богаче разбить свою голову. Онъ запасся шел-
ковыми петлями и золотыми мечами. Онъ налилъ себѣ
яду въ ониксовыя вазы..... и три преторіанца убили
его въ отхожихъ мѣстахъ.

Въ императоры избрали Александра Севера. То
былъ государь кроткій, и у него не водилось ни золо-
тыхъ блюдъ, ни урнъ серебряныхъ. Онъ, какъ мудрецъ,
питался молокомъ и плодами и не заставлялъ плясать
обнаженныхъ Испанокъ, но любилъ смотрѣть, какъ
птицы летаютъ по залѣ и какъ пѣтухи дерутся съ ку-
ропатками. Онъ не праздновалъ во дворцѣ своемъ
агапъ, но любилъ смотрѣть на птичьемъ дворѣ своихъ

Фазашовъ, утокъ, попугасвъ и павлиновъ, что однако жъ не мѣшало ему вести войну съ Персами и Германцами.

Однажды, когда онъ праздновалъ рожденіе своего сына, одинъ Фракійскій пастухъ, ростою въ три аршина съ четвертью и настроенный по размышлѣнью Геркулеса, проситъ быть допущеннымъ къ играмъ. Императоръ велѣлъ ему бороться со слугами. Пастухъ, не отдыхая, повергъ на землю шестнадцать изъ нихъ. За этотъ дивный подвигъ признанъ ему награда, и пастухъ записанъ въ императорскую кавалерію.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ пастухъ зарѣзалъ Александра Севера и вступилъ на тронъ подъ именемъ Максимиана.

Максиминъ, убійца и воинъ, — фигура колоссальная, въ родъ Гомерова Циклопа и древняго Фалариса. Сенаторы и рыцари, которые на празднествахъ Геліогабала пиrowали на серебряныхъ ложахъ, были распинаемы и предаваемы этимъ безроднымъ пастыремъ въ циркъ звѣрямъ на съдѣнье.

И на Флавіана, подобно другимъ, легла опала. Онъ ждалъ смерти. Въ тюремѣ, какой-то челоувкъ подошелъ къ нему подъ предлогомъ осмотрѣть его цѣпи. — Взгляни на этотъ перстень и иди за мною, сказалъ этотъ челоувкъ. — Флавіанъ узналъ свой рыцарскій перстень. Цѣпи его упали. Онъ пошелъ за незнакомцемъ. У берега стояла трирема и отвезла его въ Африку.

Странно было то время для молодого челоувка, который не вѣрилъ уже въ Юпитера и не зналъ, во что вѣрить. Императоры, какъ говоритъ Тацитъ, только проходили. Невольниковъ и Римскихъ рыцарей предавали въ циркъ звѣрямъ. Варвары вопили на границахъ, а Фракіецъ сидѣлъ на тронѣ Цезарей.

Остаюсь дѣлать только одно, — завернуться въ мантию, не видѣть и не слышать разрушающагося міра,

и составить себѣ собственное благополучіе исполненіемъ нѣги и безопасности эпикуреизма. Флавіанъ то и сдѣлалъ.

Но такъ какъ Африканскій правитель вздумалъ чеканить монету изъ остатковъ его богатства и подвергнуть его общему со всей провинціей угнетенію конфискацій, Флавіанъ закололъ правителя, возмутилъ жителей Андруметы, и провозгласилъ двухъ Гордіановъ императорами.

Потомъ, обогранный кровію, онъ сѣлъ за столъ Антонія Гордіана, и между-тѣмъ какъ гости новаго Цезаря дѣлили между собою мѣста и званія, увидѣлъ прекрасную невольницу, недавно привезенную изъ Александріи, которая стояла, потупивъ взоры. Онъ сказалъ: «А я, Цезарь, прошу у тебя этой невольницы». Антоній отвѣчалъ: «Она твоя».

Императоры Гордіаны и императрица Фаустина при восклицаніяхъ народа въѣхали въ Кареагенъ. Городъ былъ убранъ. Вокругъ портиковъ вились розовыя гирлянды, по улицамъ дымилась на бронзовыхъ жертвенникахъ благовонія. Флавіанъ отделился отъ поѣзда, и во всю прыть коня понесся во дворецъ свой, чтобы взглянуть на свою прекрасную Александрійскую невольницу.

Онъ омылся въ банѣ, умастился благоуханіями, надѣлъ новую хламиду и убрался какъ только могъ убраться въ то время молодой Римлянинъ. Потаенно дверь отворилась между двумя ясеневыми колоннами, и Египетская богиня явилась. Но прелесть этого таинственнаго убвища не возбудила на лицѣ ея улыбки; она потупила головку, и когда Флавіанъ подаль ей сестрь изъ полированной стали, чтобы она спѣла ему гимнъ Венерѣ, невольница повиновалась, но при второй строкѣ упала козѣнами на мраморный полъ и вскричала: «Господи мой, я христіанка!»

Молодая христіанская невольница овладѣла сердцемъ Флавіана. Онъ дивился этой новой формѣ древней стыдливости, и съ изумленіемъ искалъ неба, гдѣ она создана.

Въ душу его развивалось чувство, дотолѣ ему неизвѣстное. Въ этой женщинѣ было какъ-бы проявленіе любви новой, которая извлекала изъ человѣка чистѣйшій элементъ его нематеріальнаго существа и составляла ему изъ этого элемента жизнь дивную, восхитительную.

Въ глазахъ его исчезали и Гадитанская невольница и Римская Матрона, и онъ усматривалъ вдали сферу блестящую, въ которой женщина, одною своею дѣвственностью, возвышалась до достоинства мужчины; онъ усматривалъ въ любви нѣчто прекраснѣе Платонова спиритуализма.

Но шумъ свѣта скоро извлекъ его изъ созерцаній. Императрица Фаустина звала его во дворецъ. Она принудила его принять должность претора, и ввѣрила его попеченіямъ сына своего, юнаго Гордіана. Флавіанъ затрепеталъ: въ числѣ богатыхъ перстней, сіявшихъ на пальцахъ императрицы, онъ увидѣлъ рыцарскій перстень.

— Быть не можетъ! сказалъ онъ самъ себѣ: Фаустина была въ то время въ Гастѣ.

III.

Капеліанъ, намѣстникъ Максимина, пошелъ со своими Нумидійцами на Карѳагенъ. Антоній Гордіанъ былъ убитъ. Старый Гордіанъ повѣсился. Флавіанъ и юный Гордіанъ отправились въ Италію, гдѣ Сенатъ, стараніями Фаустины, уже призналъ Бальбину и Максима новыми императорами. За Флавіаномъ послѣдовала и христіанская его невольница Неодемія, которую онъ отпустилъ на волю у береговъ Италіи. Но

Неодемія, съ которою онъ не пользовался властію господина, — Неодемія любила его, какъ только могла любить дѣва христіанская; она имѣла довольно силы, чтобы преодолевать эту любовь, но у ней не доставало силы убѣгать предмета своей страсти. Она умоляла Флавіана оставить ее при себѣ.

Въ Римѣ Флавіанъ былъ обхваченъ вихремъ дѣлъ государственныхъ. Сенатъ, какъ сказано, по смерти обоихъ Гордіановъ избралъ Бальбина и Максима. Права юнаго Гордіана были поправлены; но народъ и преторіанская стража провозгласили его Цезаремъ.

И народъ и преторіанцы имѣли на это свои причины. Преторіанцы ненавидѣли строгость Максимиана; народъ зналъ, что Гордіаны обѣщали ему хлѣба и игрищъ.

Между-тѣмъ Максиминъ убилъ кулакомъ того, кто присланъ былъ къ нему отъ сената съ извѣстіемъ объ его низложеніи, и поспѣшно шелъ къ Риму.

Фаустина, суевѣрная и безпокойная, отправилась къ колдуньѣ Тессалійской, чтобы обречь подземнымъ богамъ голову Максимиана. Колдуньи были тогда болѣе уважаемы чѣмъ боги. Горацій описалъ ихъ дикую наружность.

Потомъ Фаустина отвела колдунью въ сторону и спросила: «Любитъ ли онъ меня?» Колдунья отвѣчала: «Онъ любитъ христіанку.»

Сенатъ не довѣрялъ преторіанской стражѣ. Два солдата были заколоты въ мѣсть его собраній, какъ лазутчики Максимиана.

Преторіанцы бросились къ оружію; народъ сталъ за сенатъ. Римъ обогрѣлся кровію. Гладіаторы присоединились къ народу, и преторіанцы, подавленные камнями и стрѣлами, которыя пускали въ нихъ съ кровель, подождгли дома.

Неодемія была тогда въ банѣ. Она увидѣла дымъ и пламя, и въ ту жъ минуту, Флавіанъ, блѣдный, съ

мечемъ въ рукахъ, вбѣжалъ въ аподитеръ. Онъ схватилъ испуганную дѣвушку, и отнесъ ее далеко отъ пылающаго двора.

Они съѣли подѣ тѣнью деревъ. Юная христіанка облеклась своими длинными покрывами.

— Вокругъ насъ все горитъ и рушится, сказалъ Флавіанъ: но что мнѣ до паденія міровъ, если ты меня любишь! Я забуду подлѣ тебя гибель вселенной.

— Но и одинъ изъ этихъ криковъ, которые тысячами достигаютъ до нашего слуха, силенъ заглушить радость въ моемъ сердцѣ, сказала христіанка. Встань, и, если ты меня любишь, пойдемъ подавать помощь несчастнымъ жертвамъ этого ужаснаго дня.

Неодемія повлекла Флавіана по улицамъ. Тутъ были дѣти, которыхъ лошади давили ногами; тутъ были женщины, у которыхъ мѣломъ раздирали внутренности; тутъ были солдаты, которые убивали, гладиаторы, которые грабили, и христіане, которые помогали раненымъ, утѣшали умирающихъ. Тутъ были также юный Цезарь и Фаустина, покинутые своею стражею; мятежники готовились умертвить ихъ. Неодемія и Флавіанъ нашли имъ убѣжище въ христіанской церкви. Но двери были выломаны; гладиаторъ великанскаго роста уже устремилъ мечъ противъ груди юнаго Гордіана, какъ Неодемія вскрикнула, и оружіе выпало у него изъ рукъ. Онъ взялъ юнаго Гордіана на руки и понесъ его въ залу, гдѣ собрался сенатъ.

Раздались крики: Да здравствуетъ юный Цезарь! Его пронесли въ императорской багряницѣ по улицамъ, и все было кончено.

Фаустина приказала устроить для народа и преторіанцевъ игры; въ Нероновомъ цѣркѣ происходило ристалие на колесницахъ, и посреди праздника прискакали два Нумидійскіе всадника, и бросили къ

поганы Бальбина и Максима роды Максима и его сына.

Но Фаустина нужна была другая голова, — голова Неодемія, потому что Фаустина любила Флавіана.

У Фессалійской полудни праздновалась оргія. Тамъ присутвовалъ и внукъ Фаустины. То былъ какъ-бы конгрессъ всѣхъ жертвъ Римской образованности. Колдушко жила на горѣ Динкула. Римъ видѣлъ былъ оттуда сиконка, и всѣ его враждовали. Въ числѣ гостей былъ и гладиаторъ.

Надобно знать исторію этого гладиатора. Этотъ гладиаторъ одинъ соединялъ въ себѣ всѣ зломучія того времени. Онъ былъ пораженъ въ своемъ гражданскомъ достоинствѣ, въ своемъ владѣнствѣ супруженъ и отеческомъ. Онъ былъ прежде невольникъ; жена его была невольница. Безплодная Фаустина, по совѣту Фессалійки, разтерзала некогда кинжаломъ чрево жены его, чтобы вынуть оттуда его ребенка: эта магическая церемонія должна была оплодотворить супругу Гордіана; жизнь невольницы тогда ничего не стоила. Отецъ зажегъ дворецъ Фаустины, взявъ дочь свою, исторгнутую изъ лона его жены, и убѣжалъ въ пустыни Панноніи. Но одинъ Римскій торговецъ невольниками похитилъ эту дочь у него. Тогда пошелъ въ гладиаторы, чувствуя что ему пріятно будетъ проливать кровь. Внуку Фаустины зналъ его исторію.

— Дочь твоя у христіанъ, сказалъ ему внукъ. Они ее похитили. Отомсти имъ за себя! Извергни свое мщеніе на первую дѣву, которую у нихъ поймаетъ. Пойдемъ! Пойдемъ!

— Иду, сказалъ гладиаторъ, упоенный виномъ и яростію, я долженъ отомстить за себя. Я бы хотѣлъ разтерзать на куски сына Фаустины, но волшебница сказала мнѣ, что жизнь моей дочери связана съ его жизнью; я бы убилъ его вчера, если бы одна изъ этихъ

христіанокъ крикомъ своимъ не тронула моего сердца.

Колдунья пошла за гладіаторомъ со всею своею шайкою. Евнухъ повелъ ихъ въ тайное сборище христіанъ. Они тогда занимались молитвою. Языческаа оргія налетѣла на уstraшенныхъ дѣвъ, и евнухъ указалъ гладіатору на Неодемію, какъ на жертву, достойную мести.

Гладіаторъ взялъ ее на руки и понесъ въ луканаръ. Гладіаторъ бросилъ дѣвушку наземь, мощною рукою разорвалъ покровы на ея груди, и готовъ уже былъ предать своей ярости, какъ дѣвушка испустила крикъ. Гладіаторъ почувствовалъ въ сердцѣ странное движеніе, и руки его опустились. Неодемія вырвалась.

Но чернь, составлявшая ихъ шайку, погналась за нею, требуя своей добычи.

— Не смѣйте трогать ея! вскричалъ Флавіанъ.

— Она христіанка! говорила чернь.

— Она моя супруга! отвѣчалъ Флавіанъ, и ввелъ ее на свою колесницу.

— О! сказала, краснѣя, растроганная Неодемія, конечно, Богу угодно, чтобы я была твоею, когда онъ не оставилъ меня въ этомъ гнусномъ мѣстѣ. Флавіанъ, я отдаю тебѣ мою жизнь, все — что ты спасъ.

IV.

Неодемія и Флавіанъ находили въ любви своей все блаженство, какое небо предопредѣлило землѣ, — блаженство, смѣшанное съ безпокойствомъ и слезами. Римскій епископъ не утвердилъ союза христіанки съ язычникомъ. Встревоженная совѣсть не разъ представляла Флавіану въ сновидѣніяхъ Геліогабалово ночное пиршество и убійство неизвѣстнаго, который могъ быть его братомъ.

Однажды Фаустина пригласила его во дворецъ.

Она была блѣдна, безпокойна; большіе, голубые глаза ея сверкали какъ глаза львицы.

— Флавіанъ, сказала она: ты любишь эту христіанку?

— Люблю, отвѣчалъ Флавіанъ.

Судорожное движеніе пробѣжало по лицу императрицы; она большими шагами ходила по комнатѣ, и потомъ, ставъ передъ молодымъ человѣкомъ, сказала ему:

— Это невозможно! Боги произнесли судъ свой. Поэтъ говорить, что судьба держитъ въ рукахъ своихъ скипетръ желѣзный? Флавіанъ, знаешь ли ты этотъ перстень?

Флавіанъ затрепеталъ: то былъ его эквестрскій перстень.

— Я не стану напоминать тебѣ твоей клятвы, сказала Фаустина: но этотъ ребенокъ твой сынъ.

И она указала ему на юнаго Гордіана.

— Теперь, смотри! сказала она.

Народъ столпился у дверей дворца. Солдаты тащили Бальбина и Максима; чернь рукоплескала, и всѣ кричали: «Да здравствуетъ Флавіанъ Августъ!»

— Куда идешь ты? сказала Фаустина.

— Иду спасти, если можно, императоровъ, которыхъ я клялся защищать.

Флавіанъ собралъ Германскую стражу, чтобы вырвать Августовъ изъ рукъ разъяренной черни; но онъ пришелъ уже поздно: митежники умертвили ихъ. Флавіанъ провозгласилъ императоромъ юнаго Цезаря.

Между-тѣмъ Неодемію привели къ императрицѣ.

— Неодемія, сказала Фаустина: Флавіанъ клялся быть моимъ супругомъ, и этотъ ребенокъ сынъ его. Неужели ты захочешь стать между имъ и мною? Неужели ты не допустишь его быть императоромъ? Говорилъ ли онъ тебѣ о пиршествѣ Геліогабаловомъ?

Разставшись съ императрицею, Недемія заливалась слезами и говорила. «О Боже! ты справедливо карнешь меня за то, что я тебя забыла!..... Прими рабу твою въ милость твою!»

И она отправилась въ закрытыхъ носилкахъ къ Римскому епископу.

— Флавіанъ, сказала Фаустина: ты будешь монахъ. Знаешь ли ты? какал кровь запечатала союзъ нашъ?

— О Боги! вскричалъ Флавіанъ.

— Неужели ты не исполниши завета этой крови?

— Чьей крови? сказалъ Флавіанъ.

— Крови твоего брата!.....

Флавіанъ затрепеталъ отъ ужаса.

— Эта кровь, сказалъ Флавіанъ, навѣки пасъ разлучаетъ; и я не знаю, въ какомъ вертепѣ могу укрѣпиться.

— Бѣги же, сказала Фаустина: бѣги, но ты никогда не скроешься отъ глазъ моихъ, такъ, какъ скрыта отъ тебя твоя крестинка,

— Недемія? сказалъ Флавіанъ. О, скажи мнѣ, что случилось съ Недеміей?

— Я обещала не открывать тебѣ ея убѣжища; а я держу все мои клятвы, Флавіанъ.

— А я, Фаустина, я думаю, что убійство разрушило клятвы, запечатанныя убійствомъ.

— Одно только убійство можетъ уничтожить твои клятвы такъ, чтобы боги тебя за то не наказали, вскричала Фаустина въ себя.

И пріятныхъ словахъ она поразила себя кинжаломъ; но Флавіанъ удержалъ ее руку, и поручилъ ее, въ обморокъ, попеченіямъ рабынь.

Флавіанъ вездѣ искалъ Недемію, но нигдѣ не могли найти ее. Онъ думалъ, что она умерщвлена по повелѣнію Фаустины, и душею его овладѣла такая горечь, что онъ желалъ смерти.

Недемія была для него какъ-бы ангеломъ видѣнія:

подъ тѣнію своихъ крыльевъ она являла ему другой міръ. И когда она исчезла, свѣтъ ему опротивѣлъ.

Теразія совѣсти состарила его для удовольствій; опытъ политическихъ переворотовъ состарилъ его для дѣлъ.

Онъ рѣшился посвятиться въ таинства. Внутренній голокъ говорилъ ему, что существу его необходимо нравственное возрожденіе, и онъ надѣялся наполнить пустоту своего сердца преданіями, хранящимися въ святилищѣ храма Митры. Ему надобно было нѣчто дивное, небесное, чтобы онъ могъ перенести свое существованіе.

Флавіанъ переплылъ Байскій Заливъ, въ ладью, украшенной флагами, при звукѣ флейтъ, съ обнаженнымъ челомъ и въ длинной льняной одеждѣ, и требовалъ этого «нѣчто» отъ семи жрецовъ храма Пуццольскаго.

Но подъ сводами храма раздались слова: «Прочь «отсюда, непосвященные, клятвопреступники и пре- «любодѣи, кровосмѣсители и убійцы!»

Флавіанъ стоная вышелъ; потомъ онъ сказалъ самъ себѣ.

— Не истинный богъ тотъ, который не умѣетъ миловать кающагося.

Въ это время, по предписанію императрицы, семь христіанскихъ дѣвъ были выставлены преторомъ въ Неапольскомъ циркѣ на жертву Ливійскому льву. Левъ, котораго народъ возбуждалъ своими криками, легъ подъ одной изъ этихъ дѣвъ, и началъ лизать ей ноги. Дѣва была Недемія. Флавіанъ узналъ ее. Онъ выпросилъ у претора помилованіе этой христіанкѣ, и ухажалъ съ нею въ Александрію.

Александрія была въ то время Римомъ умственнаго міра. Всѣ философіи, всѣ символы, всѣ преданія стеклись туда и смѣшались, какъ въ Римѣ всѣ политическіе беспорядки.

Всѣ три начала земной жизни: начало матеріальное, начало духовное, начало нравственное, цвѣли въ одно и то же время, каждое на своемъ стеблѣ. Начало матеріальное въ Римѣ, духовное въ Александріи, нравственное въ Фиваидѣ.

Александрія, по своему географическому положенію, была связью, соединявшею долину искупленія съ жилищемъ преступленій. Изъ Рима въ пустыню надобно было проѣзжать черезъ Александрію.

Флавіанъ не тщетно обонялъ благоуханіе души христіанской. Отвращеніе отъ міра, которое небесная вѣра Іисуса Христа влагала въ сердце вѣрныхъ, противовольно закралась и въ язычника Флавіана; онъ не былъ еще членомъ новаго міра, но и не былъ уже членомъ временъ древнихъ, и мірское уже его не удовлетворяло. Онъ искалъ въ эклектизмѣ, чѣмъ бы наполнить пустоту, которая въ немъ открылась, и которая могла быть наполнена только истиннымъ Богомъ.

Тотъ же вѣтеръ принесъ въ Александрію другаго человека, — гладіатора.

Гладіаторъ нашелъ въ Римѣ купца, который похитилъ у него дочь, а какъ судьба Цезаря была связана съ судьбою его дочери, то онъ привелъ купца къ императрицѣ. Въ пытку купецъ признался, что эта дѣвушка должна быть между Александрійскими христіанами, и несчастный отецъ пріѣхалъ въ Египетъ, таща за собою на желѣзномъ кольцѣ продавца невольниковъ.

Александрійскіе христіане сказали ему, что дочь его была отнята у нихъ жрецами Сераписа и посвящена служенію этого кумира. Онъ хотѣлъ отыскать ее въ храмѣ, но жрецы этому воспротивились, и въ ярости своей онъ размозжилъ голову продавца невольниковъ о статую Сераписа.

Народъ бросился на святотатца и хотѣлъ утопить его въ Ниль, какъ одинъ голосъ вскричалъ: «Это гладіаторъ!» И его сберегли для амфитеатра.

Вскорѣ назначены были игры, потому что императрица тоже прибыла въ Александрію.

Фаустина была блѣдна, глубокая горестъ проявлялась во всѣхъ чертахъ ея; и увидѣвъ Флавіана и Неодемію въ одной изъ ложъ цирка, она закипѣла гнѣвомъ, думая, что они надъ ней смѣются.

Гладіаторъ удавилъ тигра руками; народъ рукоплескалъ, и испустилъ обыкновенный радостный крикъ свой «Христіанъ звѣрямъ!»

Императрица сдѣлала одобрителный знакъ.

Три дѣвушки добровольно спустились на арену и одна, за другой поднимая взоры къ небу, сдѣлались жертвами леопарда. Зрѣлище ихъ мученичества воспламенило Неодемію, и она вскричала: «я тоже христіянка.»

Народъ заревѣлъ радостью; императрица улыбнулась.

Народъ требовалъ, чтобы гладіаторъ отсѣкъ голову этой новой жертвѣ. Мечъ уже былъ поднять, все собраніе смотрѣло съ нетерпѣливымъ вниманіемъ, и ожидало удара, какъ вдругъ гладіаторъ вскричалъ:

— Дочь моя! Я узнаю слѣды кинжала Фаустины. О дочь моя! дочь моя! обойми меня.

— Это хитрость! кричалъ народъ.

Но Фаустина вспомнила прорицаніе колдуньи, и гороскопъ юнаго Гордіана.

— Спаси ее! сказала она претору: ты отвѣчаешь мнѣ за нее головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричала чернь: смерть ей! смерть! Боги наши раздражены! Ниль отказываетъ намъ въ водахъ своихъ! Смерть христіянкѣ!

Преторъ могъ согласить народъ только на то, чтобы казнь отложена была до слѣдующаго дня.

Александрійская тюрьма была свидетельницею вспреняго зрѣлища, когда Оригенъ пришелъ приготовить Неодемію къ смерти. Флавіанъ удивился вѣщу славы, которымъ ужасная казнь украшалась для Оригена и Неодеміи, но сердце его было разтерзано; онъ хотѣлъ спасти ее и побѣждалъ къ Фаустинѣ.

— О, какъ ты любишь ее! сказала императрица. Такъ ты увидишь, какъ я ее ненавижу: я жертвую сыномъ, чтобъ у нея отнять жизнь; она умереть.

Но на другой день материнская нѣжность восторжествовала въ ея сердцѣ. Она отправилась въ тюрьму, чтобъ выпустить христіанку; но уже было поздно. Чернь требовала своей жертвы; она окружала тюрьму и заграждала входъ въ нее.

— Смерть твоя не будетъ, по-крайней-мѣрѣ, осквернена взглядами этой черни, сказалъ гладиаторъ, и умертвилъ ее въ тюрьмѣ.

Онъ взявъ кровавую голову дочери, проложилъ себѣ путь сквозь толпу, пораженную ужасомъ, отнесъ голову въ пустыню, и зарылъ ее въ песокъ; потомъ вырылъ другую могилу и сказалъ: «Теперь очередь Гордіана Августа!» Онъ какъ безумный побѣждалъ по дорогѣ къ Риму.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ глуши Оиваиды, святыя дѣвы пустыни Евтропійской хоронили одну изъ подругъ своихъ; священникъ и діаконъ молились на могилѣ. Умершая была Фаустина; священникъ Пробъ, діаконъ Флавіанъ, — какъ:будто эти три имени, соединенныя нечестивымъ пиршествомъ Геліогабала, должны были соединиться и въ пустынѣ искупленіемъ.

Юный Гордіанъ Августъ былъ убитъ гладиаторомъ.

Вотъ содержаніе романа Г. Александра Гирдъ, — романа во многихъ отношеніяхъ примѣчательнаго меж-

ду нынѣшними Французскими романами. Парижскіе журналы скажутъ вамъ, что твореніе это исполнено высочайшей философіи, прекраснѣйшей нравственности, тончайшихъ взглядовъ на предметы; что оно отличается необыкновенно вѣрнымъ чувствомъ этой дивной и ученой эпохи, самой дивной и самой ученой, какая когда-либо существовала; что авторъ превосходно постигъ тройное стремленіе тогдашняго міра къ единству, — стремленіе путемъ таинствъ, путемъ философіи и путемъ Христіанства.

Но, повѣрьте намъ, вы гораздо лучше сдѣлаете, если не станете читать этого романа, несмотря на его хорошее направленіе, нравственное и религіозное.

Удовольствуйтесь вѣрнымъ и по-возможности благопристойнымъ отчетомъ въ его содержаніи, который мы здѣсь представили. Это будетъ для васъ лучше, — лучше для невинности и цѣломудрія.

«Флавіанъ» есть романъ въ духъ *L'Esprit du Christianisme* и *Les Martyrs* — Г. Виконта Шатобріана, который гораздо болѣе принесъ бы пользы религіи, если бъ не защищалъ ея такими книгами, и притомъ въ духъ школы Г. Сентъ-Бѣва, который обставляетъ свои духовныя созерцанія картинами отвратительнаго сладострастія и, не имѣя чувства чистоты и стыда, хочетъ казаться благочестивымъ.

Есть на свѣтѣ одинъ романъ, Томаса Мура, подъ названіемъ *Thy Epicurean*, а по-нашему «Эпикурецъ», прекрасный романъ, который кто-то хорошо перевелъ на Русскій языкъ. Такъ какъ твореніе Г. Александра Гирò, «исполненное высочайшей философіи», очень, очень похоже на этотъ романъ, то ужъ читайте скорѣе романъ Томаса Мура, чловѣка съ глубокими приличіями, вкуса и стыда, который не заставляетъ краснѣть ни кого въ свѣтѣ.

Само содержаніе «Флавіана» достаточно показыва-
етъ достоинство его, какъ плода воображенія : это —
сцѣпленіе происшествій неправдоподобныхъ, натя-
нутыхъ, театральныхъ; оргій, распутства, романи-
ческихъ встрѣчъ и модныхъ ужасовъ, между которы-
ми встрѣчаются прекрасныя сцены религіознаго во-
сторга, мелькають молніи чистой нравственности и
проскакивають философическія диссертаціи. Такая
уродливая смѣсь самаго возвышеннаго и самаго низ-
каго можетъ помѣститься только во Французской голо-
вѣ, и то въ головѣ нынѣшней эпохи упадка вкуса и
безначалія правилъ.

Послѣ содержанія, остается еще смыслъ книги.
Смыслъ—тотъ, что человѣческое общество обязано
Христіанству всеми своими успѣхами, которые нача-
лись только съ водворенія его между людьми. Цѣль
прекрасная, но, чтобы выполнить ее достойнымъ об-
разомъ, такъ какъ дѣло идетъ о святыняхъ, первое у-
словіе—надобно имѣть мысль чистую и стыдливую,
какъ самая святыня.

ДОСТОВѢРНОЕ СКАЗАНИЕ

О МОЕМЪ ПУТЕШЕСТВІИ

ПО АНГЛІИ*.

=

Съ тѣхъ поръ какъ я родился на свѣтъ, — не знаю для какой надобности, — судьба преслѣдовала меня страннымъ образомъ: я не могъ взять въ руки ни одной книги, ни одного журнала, чтобы не найти въ нихъ длиннаго или краткаго панегирика Англійскимъ дорогамъ, Англійскимъ почтамъ, Англійскимъ дилижансамъ, Англійскимъ лошадямъ, Англійскимъ трактирамъ. Странно, но справедливо! Должно знать, что я обыкновенно читаю чужіе книги и журналы, — по той примѣтѣ, что они какъ-то *занимательнѣе* своихъ собственныхъ, купленныхъ на родныя деньги. Я думалъ, что тѣ, у кого я занимаю книги и журналы, нарочно даютъ мнѣ такіе, въ которыхъ прелесть странствованія по Англійи изображена мимоходомъ, и какъ-бы нехотя, въ самомъ блистательномъ видѣ, для того, чтобы сбыть меня съ рукъ, возжегши во мнѣ желаніе порыскать по тамошнимъ дорогамъ, и рѣшился покупать предметы своего чтенія. Вышло еще хуже: я купилъ цѣлое путешествіе по Англійи, въ пяти частяхъ и съ картинками, въ которомъ я съ первой до послѣдней страницы не нашелъ ничего другаго, кромѣ выспреннихъ похвалъ въ различныхъ видахъ Англійскимъ дорогамъ, почтамъ, дилижансамъ, лошадямъ, трактирамъ, и еще сверхъ-того трактирщикамъ. Такъ какъ я купилъ эту книгу на свои деньги, то прочиталъ ее пять разъ, и принужденъ былъ наконецъ убѣдиться въ той истинѣ, что, если только книги и журналы, за-

* Статья Г. Шуля.

емные и покупные, не лгутъ всё безъ изытiя, то путешествовать по Англiи должно быть удобнѣе и прiятнѣе, чѣмъ въ другой землѣ лежать. Я отправился съ первымъ пароходомъ въ Лондонъ.

Цѣль моя была — путешествовать по Англiи со всеми Англійскими удобствами, улучшенiями и усовершенствованiями, и, признаюсь, я не хотѣлъ даже смотрѣть на Лондонъ, гдѣ нѣтъ ни тѣхъ великолѣпныхъ шоссе, ни тѣхъ чудныхъ почтовыхъ экипажей, ни тѣхъ роскошныхъ станцій, о которыхъ читалъ я безпрерывно съ той самой минуты, какъ родился на свѣтъ. Упоевался заранѣе наслажденiемъ путешествовать со всеми утонченностями высочайшей въ мiръ образованности, я долго не зналъ, въ которую сторону пуститься изъ Лондона, потому что всё дороги, по словамъ тѣхъ, у кого я спрашивалъ, были одна другой лучше, одна другой богаче, совершеннѣе, удивительнѣе и прiятнѣе; и долго не могъ рѣшиться, какой родъ чуда, въ этой землѣ чудесъ, избрать себѣ на первый случай для перемѣщенiя моей особы отсюда въ другой пунктъ Великобританiи, — вѣхать ли на парахъ, съ быстротою мысли, по полированнымъ чугуннымъ колеямъ, или на воздухъ, какъ птица, по пневматическому шоссе, — или помощiю вѣтра, въ каретѣ съ парусами, — или въ «непрокидной коляскѣ» объ одномъ колесѣ, — или по методу Мекъ-Адама, въ усовершенствованномъ дилижансѣ, на усовершенствованной гранитной дорогѣ? Когда стоимъ у преддверья такихъ волшебствъ, какiя должны были открыться глазамъ моимъ за первую Лондонскою заставою, не удивительно, что сердце трепещетъ и умъ не знаетъ куда садиться!

Но въ это самое время, Феликсъ Гоппи, Англійскiй подданный и постоянный житель знаменитаго Литль-Педдингтона, сдѣлавъ, свѣту вообще и мнѣ въ особенности, ноцѣненное одолженiе, издавъ прекрасную

книгу подъ заглавіемъ «Путеводитель въ Литль-Педлингтонъ».

Когда я произносилъ въ сотый разъ — куда мнѣ ѣхать?, книгопродавецъ, къ которому я послалъ за всѣми новыми путешествіями, путеводителями, проводниками и планами, прислалъ мнѣ ихъ цѣлую пачку. Тутъ были новыя изданія Денгамовыхъ путешествій въ Африку, Гумбольдтовыхъ въ Южной Америкѣ и Парривыхъ къ сѣверному полюсу вмѣстѣ съ только что отпечатаннымъ и еще мокрымъ «Путеводителемъ въ Литль-Педлингтонъ, Феликса Гоппи, тамошняго «гражданина, пивовареннаго и другихъ ученыхъ обществъ члена, и прочая, и прочая, и прочая.» Бросивъ все остальное, какъ совершенно чуждое моей настоящей цѣли, я обратился къ послѣднему, и оно тотчасъ рѣшило мои недоумѣнія. Путешествіе въ Литль-Педлингтонъ, думалъ я, должно быть настоящимъ раемъ путешествій.

«По истинѣ можно сказать,» восклицаетъ Феликсъ Гоппи въ своемъ краснорѣчивомъ предисловіи, «что въ цѣлой Англійи нѣтъ ни одного мѣста, которое бо-
«лѣе заслуживало бы любопытства просвѣщеннаго путешественника. Надобно проѣхать небольшое про-
«странство между Лондономъ и Литль-Педлингто-
«номъ, чтобъ постигнуть во всей полнотѣ могущество
«Англійскаго генія, чтобъ увидѣть, до какой степени
«искусство можетъ возвысить самую природу. И сколь-
«ко есть такихъ, между природными Англичанами,
«которые будутъ вамъ говорить съ восторгомъ о мраморныхъ дворцахъ Венеціи или Геркуланума, а не
«въ состояніи сказать слова о красотахъ Литль-Пед-
«лингтона!»

Хорошо! Спасибо вамъ, мистеръ Феликсъ Гоппи. Я жъ пристыжу многихъ природныхъ Англичанъ, и расскажу имъ о красотахъ Литль-Педлингтона. Первое мое путешествіе будетъ непременно въ Литль-

Педлингтонъ. Я ищю въ удовольствія ѣзды по чудеснымъ Англійскимъ дорогамъ, въ чудесныхъ Англійскихъ экипажахъ, и сверхъ-того, увижу самое примѣчательное мѣсто въ этомъ государствѣ. Посмотримъ, только, куда пролегаетъ дорога. Лондонъ, — изъ Лондона въ Поппль-тонъ-эндъ, — потомъ въ Сквешмайргетъ, — а тамъ и Литль-Педлингтонъ. Три станціи. Жаль, что такъ близко! Я пролечу это пространство въ пять минутъ, и не успѣю даже насладиться совершенствомъ и удобствами Англійскихъ дорогъ. Но надобно рѣшиться. Я позвалъ трактирнаго служителя, и приказалъ ему взять для меня мѣсто въ первомъ Литль-Педлингтонскомъ дилижансѣ, какой бы онъ ни былъ, — паровой, воздушный, вѣтряной, водяной, съ парусами, съ лошадьми, объ одномъ колесѣ, о трехъ колесахъ, о пяти, шести, восьми, восемнадцати, — все равно, — въ первомъ, который въ тотъ же вечеръ пойдетъ, — или лучше сказать, помчится, — или еще правильнѣе, полетитъ съ быстротою пушечнаго ядра изъ Лондона въ Литль-Педлингтонъ. Къ крайнему моему прискорбію, возвратившійся служитель доложилъ мнѣ, что дилижансѣ пустится съ мѣста не прежде, какъ въ два часа ночи. Я легъ спать съ нетерпѣніемъ.

Въ первомъ часу по полуночи, въ то самое время, когда мнѣ снилось, что я лечу въ какой-то чудной крылатой машинѣ, движимой парами, ярко освѣщенной газомъ и даже некасающейся земли колесами, вбѣжалъ съ шумомъ мальчикъ въ мою комнату, крича, что дилижансѣ стоитъ у подъезда. Мы схватили вдвоемъ мой дорожный чемоданъ, и выскочили на крыльце. Ночь была темна; дождь лился какъ изъ ведра; густой туманъ не позволялъ видѣть въ двухъ шагахъ. Я бросился въ карету, дверцы прихлопнулись, и дилижансѣ покотился по мостовой.

Долго соображалъ я въ своемъ умѣ, какая физиче-

ская сила приводитъ меня въ движеніе, и никакъ не могъ отгадать этого. Пары, не пары, — на вѣтеръ это не похоже ни сколько, — вѣроятно, я путешествую въ какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи, о которомъ еще никогда не писали ни въ книгахъ, ни въ журналахъ, потому что оно болѣе напоминаетъ землетрясеніе, чѣмъ катаніе экипажа. Среди этихъ соображеній, я нащупалъ подлѣ себя какую-то Англичанку, которая жестоко осердилась на меня и просилась сидѣть смирно. Я рѣшился отложить всѣ изслѣдованія до утра, приклонивъ голову къ спинкѣ кареты и началъ дремать. Мнѣ снилось, что я расхаживаю въ какой-то мельницѣ, что упалъ въ воронку, оттуда въ жерновы, и что меня смололо въ муку. Тогда только я проснулся. Всѣ кости были у меня переломаны; день начиналъ брѣжжать, и тутъ я примѣтилъ, что мы тащились по дрянной дорогѣ въ какомъ-то длинномъ и грязномъ ящикѣ безъ рессоръ, на парѣ огромныхъ тощихъ клячъ, изъ которыхъ одна хромая. Насъ было семеро въ ящикѣ, шесть мужчинъ, и одна женщина изъ породы старухъ. Уже было довольно свѣтло для того, чтобъ завести знакомство съ моими спутниками. Мы стали разговаривать о погодѣ и дорогѣ, и, къ величайшему изумленію, я узналъ, что этотъ дилижансъ идетъ не въ Литлль-Педлингтонъ, а въ Винкельмоутъ; что въ это знаменитое мѣсто, гдѣ можно постигнуть во всей полнотѣ могущество Англійскаго генія, не ходитъ изъ Лондона ни одного дилижанса, и что даже нѣтъ съ нимъ ни какого постояннаго сообщенія. Однако жъ мнѣ сказали, что этотъ Винкельмоутскій дилижансъ довезетъ меня до Поппль-тонъ-энда; что тамъ я могу встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, кто донесетъ мой чемоданъ въ Сквешмайръ-гетъ, откуда лѣтомъ дилижансъ ходитъ черезъ день до Литлль-Педлингтона. Не зная существа усовершенствованнаго образа путешествій и считая уже за благополучіе попасть туда какъ бы то ни было, я на-

дулся и замолчалъ. Когда жъ мы наконецъ прїѣдемъ къ первой станціи, въ Поппль-тонъ-эндъ? Я по-крайней-мѣрѣ отдохну тамъ въ прекрасномъ Англійскомъ трактирѣ, и позавтракаю отличнымъ образомъ.

Часу въ пятомъ утра дилижансъ остановился у врезкой проселочной дороги, не очень усовершенствованной, потому что рытвины и глубокія колени въ глинистой почвѣ наполнены были мутной дождевой водою. Въ то время только моросило. Окрестность на нѣскольکو миль въ окружности тянулась мертвою равниной; не видно было ни домика, ни прїюта; только изрѣдка мелькали одинокія деревья.

— Поппль-тонъ-эндъ, сударь, сказалъ кондукторъ опуская подножку.

— Какъ! это Поппль-тонъ-эндъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ кондукторъ, награждая себя улыбкою. Онъ самъ и есть, и всегда такъ назывался.

— Неужли это станція? Даютъ нѣтъ ни одного дома.

— Такъ точно, сударь; на этой станціи нѣтъ ни какого дома.

— Да со мной претяжелый чемоданъ, продолжалъ я, выѣзая изъ кареты.

— Такъ точно, сударь, отвѣчалъ кондукторъ, снимая его съ верху дилижанса и приставляя къ камню на углу дороги: онъ претяжелый.

— Да мнѣ сказали, что я найду здѣсь кого-нибудь, чтобъ отнести его до Сквешмайръ-гета, а тутъ нѣтъ ни живой души: самъ я не въ силахъ тащить такую ношу.

— Право, не знаю, какъ вы это сдѣаете. А, вотъ черезъ полчаса, такъ, пройдетъ здѣсь вѣроятно «Сдѣпырь Бобъ» съ своей тележкой.....

Ненавижу я слова «этакъ»! Оно обманщикъ, плутъ, измѣнникъ, предатель. Его выдумалъ какой-нибудь подьячій, крючкотворецъ, разбойникъ. Я находилъ, что во всѣхъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ какимъ-нибудь неудобствомъ, оно по-крайней-мѣрѣ утрониваетъ первоначальное зло. Если вы спѣшите въ назначенное мѣсто, и вамъ скажутъ, что до него «три мили, этакъ» — три мили кончатся вѣрно на девяти; если вы собирались что-нибудь купить «за одну гинсею, этакъ», — вы вѣрно заплатите три; если вы ждете своей невѣсты «черезъ часъ, этакъ», — пройдутъ сутки, недѣля, годъ, а ея все нѣтъ; если вы ждете своей супруги..... Тутъ конечно все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Кондукторъ сѣлъ на свое мѣсто, крикнулъ извоицку — Пошелъ!, и я остался въ половинѣ пятаго подъ зонтикомъ на краугольномъ камнѣ Поппль-тонъ-энда, окруженный мокрой пылью мелкаго и частаго дождя.

Мнѣ уже было не до изысканныхъ удобствъ путешествія по великолѣпнымъ дорогамъ. Я чуть не заплакалъ, увидѣвъ себя одинокимъ въ пустынь, которую называли станціей. Вся моя мысль была о томъ, чтобы гдѣ-нибудь забраться подъ кровлю.

Кто путешествуетъ, тотъ долженъ быть готовъ на затрудненія, порой даже на опасности: онѣ вознаграждаются сильными впечатлѣніями, высокими чувствами, какія въ насъ производятъ. Но вялое, безжизненное неудобство подавляетъ душу; бодрость ползетъ изъ нея вонъ; остается одна скука. Въ пять часовъ, въ половинѣ шестаго, въ шесть, я все сидѣлъ на камнѣ и не видалъ ни души человѣческой. Несносный дождь! Но нѣтъ, онѣ не стоятъ этого имени. Добрый, хорошій, чистосердечный ливень, который промочилъ бы въ пять секундъ до костей можно было бѣ перенести безъ жалобы, но терпѣть несно-

сное ощущение одной сырости отъ мозглаго, мелкаго, ничтожнаго, морозящаго дождишка, и терпѣть, какъ бы нарочно ему въ угодность, цѣлые полтора часа!... Есть такія жалкія неприятности, которыя вырвутъ проклятіе у глухонѣмаго.

Наконецъ я увидѣлъ въ дали человѣка съ тельжкой. Онъ везъ ее довольно скоро, судя по состоянію дороги. Въ рукъ у него былъ посохъ, которымъ онъ по временамъ касался земли, ни сколько на него не опираясь. Онъ былъ средняго роста, дюжій, широкоплечій и, казалось, прездоровенный мужчина. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, онъ остановился и закричалъ громче десяти ботсмановъ:

— Нѣтъ ли кого въ Сквешмайръ-гетъ?

— Есть, отвѣчалъ я, почти оглушенный его вопросомъ: развѣ ты не видишь, что я здѣсь?

— Хорошо, какъ бы видѣть, сказалъ крестьянинъ. Я жилъ слѣпымъ Бобомъ, видно и умереть мнѣ слѣпымъ же.

— Слепымъ! Какъ же ты выбралъ себѣ такую должность.

— На свѣтъ не выберешь того, что нравится. Если бы не слѣпота, я не пошелъ бы въ проводники ни за какую плату.

Когда я указалъ ему мой чемоданъ, онъ поднялъ его на плечо, сложилъ въ тельжку и тотчасъ пустился по дорогѣ въ Сквешмайръ-гетъ. Туда было добрыхъ пять миль и вездѣ грязь по колено. Мы пришли туда около девяти часовъ, не ранѣе. Дорогою бесѣда моего товарища могла бы сдѣлаться очень пріятною, еслибы я былъ въ состояніи выносить раскаты его громкаго голоса, который при каждомъ словѣ ударялъ мнѣ въ ухо какъ молотомъ: сдѣлавъ два, три вопроса, я поневоля долженъ былъ замолчать. Это напомнило мнѣ одного человѣка, къ которому присталъ на улицѣ крикливый слѣпецъ: «Сжальтесь

надъ слѣпенькимъ, убогонькимъ!» — Право бы сожалѣлся, отвѣчалъ тотъ, если бъ самъ оглохъ на эту пору.

Съ полнымъ уваженіемъ къ истинѣ, нельзя сказать, что бѣ мѣстечко Сквешмайръ - геть было особенно красиво; но такъ какъ оно и не посягаетъ на это прилагательное и составляетъ притомъ послѣднюю станцію подѣ Педлингтономъ, то было бы черною неблагодарностью критиковать его слишкомъ строго. Оно состоитъ изъ маленькаго и очень скромнаго постоялаго двора, по одну сторону грязной дороги; изъ маленькой кузницы по другую; изъ сарая, свинаго хлѣва и водопоя. Вотъ каковъ этотъ Сквешмайръ - геть, гдѣ мнѣ должно было существовать до прибытія перваго дилижанса, то есть, — смертельные три часа!

Не говорите, Бога ради, что часовая стрѣлка вѣрный указатель времени. Нѣтъ, есть періоды въ жизни каждаго человѣка, когда самое солнце оказывается ложнымъ часомѣромъ. Есть случаи, когда, между его востокомъ и закатомъ, мѣсяцы, годы, вѣки ползутъ медленно и тянутъ за собой надежду, сомнѣніе, заботы, болѣзнь или горе, или увѣковѣчиваютъ ожиданіе Педлингтонскаго дилижанса въ такомъ мѣстѣ, какъ Сквешмайръ - геть.

Добро, завтракъ украдетъ хоть полчаса времени: я велѣлъ подать завтракъ и управился съ нимъ подѣ гармонію плача ребенка, у котораго вырѣзывались зубы, карканья ворона, запертаго въ клеткѣ, визгавствня, ходившаго взадъ и впередъ на ржавыхъ крючьяхъ; перемежающихся, но пронзительныхъ криковъ осла и безпрестаннаго кудахтанья курицы, заточенной въ шкафъ подлѣ моего стола.

Завтракъ конченъ и только половина десятаго! Что жъ теперь дѣлать? Нѣтъ ли какихъ - нибудь книгъ? — Нѣтъ, ни одной. — Газеты? — Не получается. — Такъ дайте мнѣ перо, чернила и бумаги. — Бу-

мага вся вышла; коть сейчасъ разбилъ склянку съ чернилами, — а перо куда-то дѣвалось, — случай, терявшій значительную часть своей важности отъ двухъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Чтобъ чѣмъ-нибудь заняться, я обратился къ окнамъ и къ стѣнамъ. На нихъ не было ни строчки, ни слова, ни буквы, ни черточки. Царапанье на стеклахъ, которое иногда такъ оскорбляетъ благопристойность въ трактирахъ, было бы неизъяснимою отрадой въ моемъ отчаянномъ положеніи. Извѣстіе, что «Джонъ здѣсь былъ и пиво пилъ», или что «Эфраимъ Тристь любить Дженни Гигсъ», или одно изъ тѣхъ ибъжныхъ восклицаній, какъ напримѣръ «О, Поля! несравненна?», прочелъ бы я съ безпредѣльной благодарностью къ ихъ скромнымъ авторамъ. Но нѣтъ, — ни одной строчки, ни одной буквы на всѣхъ стеклахъ.

Наконецъ, послѣ длиннаго промежутка времени, дошло до десяти часовъ.

— А что, голубушка, спросилъ я хозяйку, не придетъ ли нынче дилижансъ раньше двѣнадцати?

— Нѣтъ, сударь, раньше двѣнадцати не будетъ, судя по тому, какія послѣ дождей дороги.

— Какъ! закричалъ слѣпой Бобъ, который былъ въ кухнѣ и слышалъ, что мы говорили. Кто сказалъ раньше двѣнадцати? По этой распутицѣ! «Поспѣвшій» не будетъ прежде трехъ часовъ. Я вамъ поручаю.

— Не прежде трехъ! Нѣтъ возможности оставаться здѣсь такъ долго; я умру съ петерсбургскихъ улицъ. Нѣтъ ли какой-нибудь одноколки или джиги?

— Нѣтъ, сударь, у насъ не держатъ ничего такого. Есть телѣжка для одной лошади (казалось, чего же лучше!), да лошадь то околѣла въ прошлую пятницу, а другой вмѣсто ея мужъ еще не могъ купить; не сколотился деньгами.

— Однако дождь пересталъ, сказалъ я: чемоданъ

ной отправите вы съ дилижансомъ, а я пойду въ Педдингтонъ пѣшкомъ. Восемь миль. Что же дѣлать!

— Какъ восемь миль! закричалъ опять изъ кухни мой враждебный геній. Восемь? Тутъ всегда добрыкъ тринадцать, а нынче прійдется взять въ объездъ, по тому что вода разлилась въ Сламъ-ленъ, такъ выйдетъ семнадцать, и еще самыкъ полновѣсныхъ.

Путешествіе мое длиннѣло почти въ той же мѣрѣ, въ какой слѣдовало ему сокращаться; я видѣлъ себя завергнутымъ грязью въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного вещественнаго, ни духовнаго способа къ проважденію времени, и, сверхъ всѣхъ этикъ неприятностей, осужденнымъ на непрерывную казнь отъ совокужнаго вошля, стона, плача, крика и визга большого ребенка и другихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ мучителей. Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ? Я не выдержалъ нападенія и ударилъ по столу съ такою силою, что изумленный чайникъ вспрыгнулъ отъ него на вершокъ.

— Неужли мнѣ оставаться въ этомъ чертовскомъ мѣстѣ цѣлый день? вскрикнулъ я въ бѣшенствѣ.

Бѣдная женщина, явно обиженная поворотнымъ именемъ, которое я придалъ ей «деревнѣ», покачала головой, и сказала съ выраженіемъ кроткаго упрека:

— Нельзя, сударь, всему свѣту быть Педдингтономъ, и гдѣ намъ грѣшнымъ жить въ такомъ безподобномъ городѣ.

Я не желалъ бы дать повода къ мысли, что хоту унижить цѣну великаго творенія Феликса Гоппи, но долженъ объявить чистосердечно, что одна эта простая похвала моей козяйки столько же возбудила бы во мнѣ охоты любоваться красотами и рѣдкостями Литлль - Педдингтона, сколько и болѣе обработанное искушеніе знаменитаго члена пивоварнаго и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ.

Хоть это значило подливать масла въ огонь моего

нетерпѣнія, но кротость доброй женщины тотчасъ побѣдила во мнѣ это чувство, и, чтобъ она не считала меня воплощенной клеветой и злослычиемъ, я вошелъ въ родъ объясненія, употребительнаго въ Англійскомъ парламентѣ послѣ всякой брани, увѣряя, что подѣ словами «чертовское мѣсто» я разумѣлъ прекраснѣйшій уголокъ на земномъ шарѣ, но что мнѣ очень хотѣлось продолжать свое путешествіе, и оттого я выразился иносказательно.

— Судисама, продолжалъ я потомъ: я надѣялся путешествовать самымъ лучшимъ образомъ въ мірѣ, и вмѣсто того шелъ пѣшкомъ въ грязи цѣлую станцію; мнѣ должно пробыть здѣсь пять часовъ по-крайней-мѣрѣ; ты не можешь доставить мнѣ ни книгъ, ни бумагъ, рѣшительно ничего для провѣденія времени.

Я прибавилъ плачевнымъ голосомъ:

— Скажи, скажи, пожалуйста, что мнѣ дѣлать?

Хозяйка поглядѣла на меня такъ, какъ-бы чувствовала всю силу моей жалобы; потомъ ласково опустила глаза на больного, хныкавшаго ребенка; потомъ опять устремила ихъ на меня, и сказала:

— Право, не знаю, сударь, что вамъ дѣлать; но если хотите поводить часа два, три, съ моимъ мальчугой, — милости просимъ.

Быть-можетъ, ничто не выставляло такъ разитель-но горькой, безнадежной доли моей въ это время, какъ то обстоятельство, что она вызвала подобное предложеніе у одного разумнаго существа другому. Но положеніе мое было такъ отчаянно, что мнѣ оставалось только или нанять ребенка или умереть со скуки. Я избралъ первое. Ребенокъ кричалъ такъ пронзительно на моихъ рукахъ, что я не зналъ куда дѣваться. Я далъ ему два или три пинка, чтобъ его усмирить, но онъ раскричался еще пуще. Я бѣгалъ съ нимъ по цѣлому дому, не зная, кому отдать проклятое дитя, потому что мать, вручивъ мнѣ его, сама ушла за во-

дою. Если визжалъ я такъ, будучи ребенкомъ, и мои родители не задушили меня, то они оказали самоотверженіе свыше человѣческаго. Былъ ли Иродъ, который истребилъ всѣхъ маленькихъ дѣтей въ своемъ государствѣ, такой безнравственный человѣкъ, какимъ его представляетъ Исторія?... Это еще вопросъ.

Всякой можетъ предвидѣть, чѣмъ кончилось это препровожденіе времени. Увы, я одинъ не предвидѣлъ этого!..... Я внезапно посадилъ маленькаго мерзавца наземь, схватилъ скатерть со стола, и закричалъ отчаяннымъ голосомъ, чтобы мнѣ принесли воды помыть руки.

Погода прояснилась, и безпристрастное солнце пролило часть своего золота на слякоть Сквешмайръ-гета. Хозяйка воспользовалась благопріятнымъ мгновеніемъ, чтобы отстоять славу своего мѣстечка, подвела меня къ двери и произнесла торжествующимъ голосомъ: — Ну, посмотрите, сударь! Въдь не даромъ сказано, что въ непогоду ничто не въ угоду.

Однако я все не могъ восхищаться своимъ положеніемъ. Быть-можетъ, первое впечатлѣніе предупредило меня непріятнымъ образомъ, но сарай, водопой, свиной хлѣвъ и кузница казались мнѣ матеріями, изъ которыхъ трудно извлечь какое-нибудь пріятное ощущеніе, тѣмъ менѣе ощущеніе изящества. Нѣтъ, даже и теперь, при гораздо хладнокровнѣйшемъ размышленіи, я рѣшительно утверждаю, что въ Сквешмайръ-гетѣ нѣтъ ничего прекраснаго.

Я вышелъ погулять, или точнѣе, побродить въ грязи по колено. Я заглянулъ въ свиной хлѣвъ, посмотрѣлъ въ сарай, обозрѣлъ кузницу и сосчиталъ утокъ въ лужѣ. Потомъ, для разнообразія, началъ съ сарая, перешелъ къ хлѣву, отъ него къ лужѣ съ утками и такъ далѣе. Но, при всемъ возможномъ напряженіи моего устройства и изобрѣтательности, я не могъ ис-

тратить больше половины двенадцатаго. «А мнѣ непременно должно пробыть здѣсь до трехъ!» думала я про себя.

Въ случаѣхъ, подобныхъ настоящему, когда что-нибудь задерживаетъ въ деревнѣ, вѣрнѣйшее средство отъ смертельной скуки — кладбище: охота за эпитафіями обыкновенно вознаграждаетъ употребленный на нее трудъ. Я спросила, гдѣ церковь.

— Противъ самаго Гогснортона.

— А далеко ли до Гогснортона, моя милая?

— Говорятъ миль пять, а будетъ и пять съ половиною.

— Пять съ половиною до Гогснортона! закричала слѣпой Бобъ: Семь, или этакъ, по-крайней-мѣрѣ.

«Или этакъ» было уже достаточно; я тотчасъ отказался отъ путешествія къ Гогснорту.

— Ахъ, Господи! Какъ это я забыла! воскликнула хозяйка отъ внезапнаго воспоминанія. Вамъ, сударь, всего лучше итти смотреть Дрибль-Голь, если бѣ только не дороги.

— А что это Дрибль-Голь, и гдѣ? скажи пожалуйста.

— И, сударь, неужли вы не слышали о Дрибль-Голь, который принадлежитъ господину Дриблю? Изблизка и издалека народъ приходитъ смотреть Дрибль-Голь. Какія картинки! какіе болванчики! какіе цветники! И каковъ самъ помѣщикъ! Ужъ если бѣ не дороги.....

— Ничего, сказалъ я, обрадованный вѣроятностью уходить какъ-нибудь это безконечное утро: дороги не бѣда, если только неслишкомъ далеко.

— Всего двѣ мили съ половиною, отвѣчала хозяйка.

— Какъ! заревѣлъ Бобъ, и я думала, что онъ обыкновенно хочетъ угостить меня квадратомъ разстояній. Гдѣ жъ двѣ съ половиною мили? Это — если

итти по дорогѣ, а баринъ пойдетъ зеленой калиткою: тутъ будетъ не много больше миль.

— Куда жъ мнѣ итти? другъ мой Бобъ, спросилъ я слѣпаго путеводителя.

— Да вотъ, какъ выйдете, держите все влѣво до самой зеленой калитки, не забудьте; тамъ разомъ поверните направо, и придете къ дому помѣщика. Смотрите жъ, отъ зеленой калитки вправо, не то, вы придете назадъ къ Поппль-топъ-эндю.

— Но позволить ли мнѣ господинъ Дрибль видѣть его домъ?

— О, конечно, сударь, отвѣчала хозяйка: и еще съ радостью. Кухарка его, — ее зовутъ тамъ ключницей, — изволите видѣть, не беретъ жалованья, а набираетъ фунтовъ десять въ годъ съ посетителей, которыми она показываетъ домъ и картины своего хозяина. Помѣщикъ предоставляетъ это въ ея пользу; но если что перейдетъ за десять фунтовъ, она, разумѣется, должна дѣлить съ нимъ поровну.

Не знаю почему, это напомнило мнѣ успѣхи Англійской торговли и промышленности. Однако жъ я пошелъ къ Дрибль-Голлю по дорогѣ, которую можно было почтеть составленною изъ разувальничковъ, потому что на каждомъ шагу сапоги мои почти ссыпались отъ усилій, съ каковыми я долженъ былъ вытаскивать ноги изъ вязкой почвы. Слѣдуя наставленіямъ Боба съ точностью, соответствовавшими ихъ опредѣленности, я держалъ «влѣво», шелъ въ этомъ направленіи болѣе часу и все не видалъ зеленой калитки, гдѣ мнѣ должно было повернуть направо. Я проходилъ калитками всѣхъ цвѣтовъ, — черными, бѣлыми, сѣрыми, но зеленой не было ни одной. Несмотря на то, въ надеждѣ на познанія Боба, я все иду тою же дорогою, и вдругъ, часа черезъ два ходьбы по рытвинамъ, колеямъ и морю непрерывной грязи, вижу себя въ знакомомъ мѣстѣ, между Слвсшмайръ-гетондъ

и Пошль-тонъ-эндомъ! «О, Литль-Педлингтонъ!» думалъ я въ глубинѣ души: «ты дѣйствительно долженъ быть раемъ, чтобъ вознаградить меня за все, что я вытерпѣлъ нынче тебя ради!»

Обманутый въ ожиданіяхъ, усталый, раздосадованный, воротился я къ своей «гостинницѣ» въ Сквешмайръ-гетъ, и тамъ на скамьѣ у дверей сидѣлъ Бобъ.

— Бездѣльникъ! закричалъ я на него: какъ ты смѣлъ меня обманывать? Что ты послалъ меня! Воронъ ловить?

— Такъ вы не нашли Дрибль-Голля, баринъ? Вѣдь я сказалъ вамъ, держите вѣтвь, пока прійдете къ зеленой калиткѣ, а тамъ.....

Я держалъ вѣтвь, пока пришелъ сюда обратно и во всю дорогу не видалъ ни одной зеленой калитки.

— Помилуйте, сударь, развѣ мы не знаемъ! Вы видѣли два высокіе тополя и между ними калитку, ведущую на лугъ.

— Да! Новоокрашенную бѣлую калитку.

— Бѣлую! Что жъ такое, что она бѣлая, когда прежде всегда была зеленою, и теперь у насъ нѣтъ ей другаго имени. Гнѣваться, баринъ, не за что; мы не виноваты, что господинъ Дрибль взялъ, да перекрасилъ.

Жестокосердъ долженъ быть тотъ, кто не умирится доводомъ, или чѣмъ-нибудь похожимъ на доводъ. Къ тому жъ хозяйка еще лучше объяснила мнѣ все дѣло, сказавъ, что зеленая калитка исконно служила путеуказателемъ, но господинъ Дрибль «бережетъ денежку», и рѣшился впередъ всегда покрывать ее бѣлой краскою, потому что зеленая дороже.

«Прикажи подавать обѣдъ; говорилъ мнѣ одинъ пріятель, который условился со мной обѣдать въ трактиръ: прикажи подавать обѣдъ въ половинѣ шестаго я непременно буду туда въ семь часовъ.» Такъ Педлингтонскій дилижансъ: ждали къ тремъ часамъ, а

онъ прѣхалъ въ половинѣ пятого. И какія ужасныя минуты провелъ я въ этотъ длинный промежутокъ!

Педлингтонскій поспѣшный дилижансъ состоялъ изъ тяжелой громоздкой кареты о шести мѣстахъ внутри и о четырнадцати снаружи, везомой двумя тощими клячками и управляемой кучеромъ, такъ же тяжелымъ и громоздкимъ, какъ она сама.

— Снаружи все занято, внутри есть одно порожнее, отвѣчалъ извозчикъ на вопросъ, есть ли мнѣ мѣсто въ дилижансъ.

Я изъясилъ сожалѣніе, что не могъ сѣсть снаружи, и такимъ образомъ лишился удовольствія видѣть Педлингтонъ издали. «А есть на что посмотреть?» замѣтилъ извозчикъ. Это еще увеличило мою досаду.

— Скоро ли ты думаешь выѣхать?

— Черезъ четверть часа, этакъ, отвѣчалъ кучеръ.

— Какъ! загорланилъ опять неизбѣжный Бобъ: Какія четверть часа! Ты шутишь, Г. Джайльзъ. Тебѣ не выѣхать отсюда и въ шесть, самъ ты знаешь.

— Въ шесть! отвѣчалъ Джайльзъ, подхвативъ это слово, только что оно вырвалось у Боба. Какъ въ шесть? Ты съ ума сошелъ! Неужели мнѣ здѣсь не перекусить, неужели не соснуть, неужели и лошадамъ не отдохнуть немного? Гдѣ жъ тутъ выѣхать въ шесть? Я не могу выѣхать раньше семи. У меня рысачки изрядные, а все не дотащатъ въ Педлингтонъ, не отдохнувши.

Судя по наружности рысачковъ, по тяжести, которую предстояло имъ везти, и наконецъ по дорогамъ, которыя должны были служить имъ поприщемъ, нельзя было сомнѣваться въ справедливости этой аксіомы. Когда мнѣ въ первый разъ сказали о «поспѣшномъ дилижансѣ», я воображалъ себѣ быстроту, едва уступающую полету; теперь я думалъ ужъ не о быстротѣ, а о томъ, тронемся ли мы съ мѣста.

Не безъ внутренняго волненія спросилъ я у извѣстнаго, когда думаетъ онъ поспѣть въ Литлль-Педдингтонъ.

— Нынче мы должны вѣхать окольной дорогою, такъ поспѣемъ не много раньше девяти.

— Это еще слава Богу.....

— Къ девяти! закричалъ неумолимый Бобъ. Хорошо, если и къ одиннадцати. «Поспѣшный» никогда не ѣдетъ больше четырехъ миль въ часъ, а теперь и дальше, и тяжелѣе. Г. Джайльзъ остановится раза три отдохнуть. Какъ сдѣлать семнадцать миль раньше двѣнадцатаго часу?

— Вотъ старый дуракъ, сказалъ Джайльзъ: самъ говорить, что должно раза три остановиться, а хочеть, чтобъ я поспѣлъ до полуночи. Подумаешь, какіе дурни живутъ на свѣтѣ.

При этихъ словахъ господинъ Джайльзъ вошелъ въ избу и оставилъ меня жертвою сомнѣнія: суждено ли мнѣ когда-нибудь доѣхать по усовершенствованнымъ Англійскимъ дорогамъ до Литлль-Педдингтона и увидѣть его красоты. Однако жъ надобно убить время до семи часовъ чѣмъ бы то ни было, и единственный способъ, который пришелъ мнѣ въ голову былъ тотъ, чтобъ обѣдать. Я позвалъ хозяйку, и она пришла по обыкновенію съ своимъ вѣчно кричащимъ ребенкомъ. Я рвался перекричать его, и спросилъ какъ можно громче, есть ли мнѣ чтообѣдать.

— Есть, все что прикажете.

— Варенаго цыпленка.

— У насъ, сударь, никогда нѣтъ цыплятъ; Не угодно ли будеть вашей милости яицъ и ветчины?

— Нѣтъ. Дайте мнѣ кусокъ вареной баранины.

— У насъ нѣтъ баранины, но если вамъ желательно чего-нибудь другаго..... Яйца и ветчина безподобныя.

— Нѣтъ ли котлетъ или бифштексу?

— Нѣтъ, сударь. Не прикажите ли чего другаго? У насъ славная ветчина и яйца.

— Нѣтъ ли хоть чегонибудь холоднаго?

— Нѣтъ-съ, но вамъ вѣрно понравятся наши яйца и ветчина.

— Скажите, что жъ у васъ есть другаго?

— Ничего, сударь, кромѣ яицъ и ветчины.

— Дайте жъ хоть ихъ по-крайней-мѣрѣ.

— Я такъ и знала, что вы велите подать яицъ и ветчины: здѣшнія яйца и ветчина славятся въ цѣлой Англїи, и господа изъ Лондона иногда прїѣзжаютъ сюда, полакомиться.

— Ну, а вино?

— Какого прикажете?

— Хоть портвейну.

— Портвейну нѣтъ-съ.

— Немножко медаку.

— Мы не держимъ медаку: у насъ такой маленькой погребець, что для вина нѣтъ и мѣста.

— Такъ пожалуйста мнѣ лимонаду.

— Слушаю-съ. Вы любите съ лимономъ или безъ лимономъ?

— Какъ такъ?

— Да потому, что у насъ теперь нѣтъ лимоновъ.

Дѣло кончилось на пивѣ. Я пообедалъ, и наконецъ минута желаннаго отъѣзда наступила.

— Я думаю, сказалъ Джайльсъ, взлѣзая на козлы, что у насъ будетъ опять дождичекъ.

— Какъ дождичекъ! закричалъ въ послѣдній разъ утѣшитель Юва. Проливной дождь затопитъ васъ на половинѣ дороги, и еще съ пресильной грозой. Я чувствую это по головѣ, и давеча у меня ломило плечу.

Я усѣлся въ карету, и чувствуя, что наконецъ ѣду въ этотъ уголокъ неба, въ этотъ чудесный Литль-Педлингтонъ, я скоро забылъ всѣ минувшія непріятности. Однако жъ положеніе мое было незавидное. Меня стиснули между себя двѣ претолстыя дамы: у одной изъ нихъ ужасно болѣли зубы, у другой ужасно болѣла голова. Противъ меня сидѣлъ дюжій мужчина съ огромнымъ стильтономъ на колянкахъ, самымъ неблагоуханнымъ изъ стильтоновъ; другой былъ упитанъ дымомъ скверныхъ сигаръ, которыми онъ «угощался» въ Сквешмайръ-гетъ; при третьемъ была связка копченыхъ сельдей. Двѣ дамы безпрестанно спорили о томъ, поднять ли или опустить стекла: дама съ зубами рѣшительно объявляла, что малѣйшее вторженіе наружнаго воздуха причинить ей смерть; дама съ головой такъ же убѣдительно доказывала, что она задохнется безъ свѣжаго воздуха. И такъ какъ это преніе происходило черезъ меня, то я былъ на краю гибели не отъ силы доводовъ, а отъ тяготѣнія на меня самихъ доводчицъ. Въ добавокъ къ многосложнымъ благоуханіямъ, о которыхъ я передъ этимъ упоминалъ, одна изъ прекрасныхъ страдалицъ употребляла камфору, другая нюхала нашатырный спиртъ.

Мы ѣхали скорымъ похороннымъ шагомъ, безъ малаго по четыре мили въ часъ. Г. Джайльзъ останавливался у каждой избушки поговорить съ ея обитателями, и напрасны были всѣ наши возраженія и просьбы, чтобъ онъ не такъ часто предавался своей страсти къ бесѣдамъ. Онъ рѣшительно отвѣчалъ намъ, что это всегда такъ бывало, и что онъ не видитъ ни какого повода къ перемѣнѣ своихъ правилъ. У одного трактира онъ останавливался закусить, у другаго запить, у третьяго отдохнуть. Въ одиннадцать часовъ намъ оставалось еще шесть миль до Педлингтона. Вечеръ былъ темный и вдругъ дождь полился рѣкою;

потомъ мила за двѣ до ночега переломилась задняя ось. Послѣ продолжительныхъ, тщетныхъ усилій исправить поврежденіе, мы должны были итти пѣшкомъ по дождю и по грязи. Приближаясь къ городу, хотя его и не было видно за темнотою ночи, я чувствовалъ то же самое, что чувствуютъ при первомъ взглядѣ на Римъ или что, говорятъ, чувствовалъ Бонапартъ, увидѣвъ пирамиды; а когда я вошелъ въ номеръ перваго трактира въ городѣ, я забылъ все прошедшее и не могъ удержаться отъ восклицанія: Вотъ какъ путешествуютъ по Англійскимъ дорогамъ

Рано утромъ.....

Но здѣсь мнѣ должно остановиться. Это было первое и послѣднее путешествіе въ великолѣпной Англии. Къ вечеру я уже плылъ на корабль обратно на твердую землю.

New Monthly Magazine.

=

НОВѢЙШАЯ

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ВЪ ГЕРМАНИИ.

=

Въ литературномъ мѣрѣ часто возникалъ вопросъ, имѣють ли Нѣмцы какія - нибудь прочныя доказательства притязаніямъ своимъ на остроуміе, и до сихъ поръ почти всѣ были согласны, что одному Жанъ-Полю суждено поддерживать народную честь въ этомъ отношеніи: остроты его сверкають сквозь туманъ мисцитизма, какъ молнія сквозь тучи. Однако жъ въ послѣднія пять лѣтъ явился на сѣромъ небосклонѣ Германской словесности метеоръ, злокачественный въ своемъ вліяніи, зыбкій въ своемъ пути, непостоянный въ своемъ блескѣ, но лучезарный до такой степени, что всѣ глаза и всѣ зрительныя трубы невольно обратились къ его диску. Онъ выступилъ, какъ поэтъ и прозаикъ, сперва съ своими *Reisebilder*, потомъ съ «Матеріалами для исторіи современной Литературы», и скоро пріобрѣлъ славу одного изъ остроумнѣйшихъ поэтовъ своей эпохи. Нѣтъ нужды называть его по имени: оно не сдѣлаетъ чести даже ему. Въ самомъ началѣ своего поприща онъ вызвалъ на себя цѣлый сонмъ непріятелей своею дерзостью, а нечестіе его простиралось часто до того, что ревностнѣйшіе поклонники его дарованія не знали, что сказать въ его защиту.

Есть еще другой новый писатель, котораго поборники Нѣмецкаго *Witz* выставляютъ съ самодовольствіемъ - жидъ, безъ стыда и безъ правилъ, только-что окрещенный и измѣняющій христіанскому закону; его выдають за знаменитаго Германскаго остро-

умца, но къ несчастію, и это — умъ потеряннй, на которій нѣтъ ни какой надежды.

Мы конечно далеки отъ того, чтобъ унижать умственныя способности Германіи, но не можемъ не признать за истину, что, несмотря на эти проблески домашняго остроумія, свѣтлый и искристый умъ мадамъ Сталь былъ почти необходимъ для славы Германской литературы: ея знаменитое твореніе «О Германіи» — доселѣ единственная живая и пріятная картина этой литературы, которая безъ него была бы, можетъ, и теперь неизвѣстна остальной Европѣ. Но, кромѣ того, что съ появленія этой книги произошли большія переменны, сочинительница очевидно имѣла самое поверхностное понятіе о предметахъ, которые она излагаетъ такъ мило и занимательно. Сужденія ея о лучшихъ Нѣмецкихъ произведеніяхъ часто весьма неудовлетворительны: не ясно ли показываетъ, напримѣръ, разборъ «Фауста», что она никогда не читала его больше третьей доли! Робертъ Голль говоритъ, что съ презрѣніемъ бросилъ ея книгу, нашедъ въ статьѣ о философіи, что мадамъ Сталь пресерьозно упоминаетъ всѣмъ извѣстнаго идеалиста въ числѣ реалистовъ, и по сему-пору рассказываютъ за характерическую черту изслѣдованій ея въ Германіи, какъ при первой встрѣчѣ съ Шеллингомъ она просила его объяснить ей свою систему въ нѣсколькихъ словахъ. *Monsieur, voudriez vous bien m'expliquer votre système en peu de mots?* сказала она пресловутому философу, Этотъ образъ изслѣдованія важныхъ и обширныхъ предметовъ принять, кажется, большею частію великихъ людей во Франціи. Знаменитый Г. Тьеръ, министръ и писатель, отправившись въ 1833 году, на десять дней въ Англію, «для изученія всего заслуживающаго вниманія въ трехъ соединенныхъ королевствахъ», писалъ тогда къ одному изъ членовъ Англійскаго казначейства:

«*Mon cher Monsieur! Pourriez vous me donner un petit quart d'heure pour m'expliquer le système financier de votre pays?*»

Tout à vous, Thiers*.»

Мы чувствуемъ, что и сами поступаемъ теперь во вкусъ мадамъ Сталь и Г. Тьера, обращаясь къ читателю съ такимъ же вопросомъ: — Не можете ли, почтеннѣйшій читатель, удѣлить намъ не болѣе четверти часа времени, чтобъ мы бы вамъ растолковали нынѣшнее состояніе Нѣмецкой словесности? Но мы пишемъ не книгу, а статью, статейку, самую скромную статейку, и нынѣшнее состояніе Германской словесности такъ малозвѣстно въ нашемъ отечествѣ, что даже и немногія слова будутъ для большей части читателей довольно обстоятельнымъ изложеніемъ предмета.

Съ тѣхъ поръ, какъ мадамъ Сталь посѣтила Германію, совсѣмъ новая литература развилась въ этомъ многомыслящемъ краѣ. Эфемерная? Мимолетная? Уже покрытая блеклымъ, пожелтѣвшимъ листомъ или только разцвѣтающая? вотъ вопросъ, на счетъ котораго мнѣнія очень разногласны. Большинство головъ думаетъ, что съ кончиною Гёте начинается новый литературный періодъ для Германіи, что старая Deutschland сошла съ нимъ въ могилу. Мы не беремъ опредѣлять такъ рѣшительно будущихъ судебъ этой словесности. Окончаніе «Гётева періода искусства», какъ одинъ изъ Германскихъ остроумцевъ называлъ его эпоху, несомнѣнно, но начало новой эпохи одѣто еще густымъ туманомъ. Въ Германіи есть классъ неугомонныхъ, которымъ очень хотѣлось доконать династію Гёте, и въ числѣ ихъ были даже люди съ боль-

* Милостивый государь! Не можете ли вы удѣлить не болѣе четверти часа времени, чтобы растолковать мнѣ финансовую систему вашего государства?

Вашъ преданный, Тьеръ.

шимъ дарованіемъ; но когда Гёте не стало, какой-то въщій ужасъ объялъ самихъ его противниковъ.

Говоря о новѣйшей словесности въ Германіи, нельзя миновать романтической школы. Замѣтимъ однако жъ, что эта школа совсѣмъ не то, что «юная» Французская, которой Викторъ Гюгò почитается главою. Романтическая школа въ Германіи была пробужденіемъ поэзіи среднихъ вѣковъ, такой, какою она является въ пѣсняхъ, картинахъ, зданіяхъ, искусствѣ и жизни того времени. Эта поэзія родилась некогда изъ духа католицизма; это цвѣтокъ, возникшій изъ крови мучениковъ, — поэтическое обоготвореніе орудій муки Спасителя и умерщвленія плоти, — воплощенный религіозный энтузіазмъ той эпохи, поддерживавшійся многочисленными монашескими учрежденіями, которыхъ строгость доходила въ Германіи до ужасныхъ излишествъ, силясь уничтожить тѣло и превратить челоуѣка въ чистый духъ. Дѣйствіе этого восторженнаго направленія умовъ замѣтно и въ современной ему литературѣ; въ ней господствовала поэзія страданія. Музыка, живопись, архитектура, обличали ту же основную идею. Изящность состояла въ тяжкомъ, томномъ, измученномъ, изломанномъ, отрывающемъ душу отъ всего мірскаго.

Входя въ старинную готическую церковь, мы теперь едва ощущаемъ наружный смыслъ ея каменнаго прообразованія. Только одно общее впечатлѣніе поражаетъ нашу душу; мы здѣсь чувствуемъ возвышеніе духа и сокрушеніе плоти. Внутренность церкви представляетъ полость креста, и мы ходимъ въ самои орудіи муки; узорчатая стекла бросаютъ на насъ красные отсвѣты, какъ капли крови; погребальныя гимны раздаются около насъ; подъ нами прахъ и могилы, и душа несется къ небу съ исполинскими

пиластрами, силою оторвавшись отъ тѣла, которое какъ лохмотье падаетъ наземь.

Всмотритесь еще въ эту церковь снаружи, — въ эти страшныя груды, которыя такъ красивы, такъ прозрачны, что вы бы могли ихъ рѣзбою, мраморныи кружевомъ: тогда вы почувствуете силу этого вѣка, который до того умѣлъ покорить себѣ камень, что онъ является у него призракомъ духа, что это грубѣйшее изъ веществъ выражаетъ всю духовность тогдашняго католицизма. Поэтъ Кольриджъ сказалъ прежде нашего, что когда онъ взглянетъ на старую готическую церковь, она кажется ему «окаменѣвшею религіей».

Но искусства суть только отраженіи дѣйствительной жизни, и когда Германскій католицизмъ погасъ въ дѣйствительности, онъ началъ ослабѣвать и замеръ въ Искусствѣ. Со времени реформаціи католическая поэзія постепенно терялась въ Германіи, и мѣсто ея заступала, также исподволь, давно усонная и вызванная изъ пыльнаго гроба поэзія Греческая. Тутъ — то, почувствовавъ свободу, бросились художники въ веселое море древнихъ мифовъ, изъ котораго возникла для нихъ въ полномъ блескѣ прелести, нѣги и сладострастія богиня красоты, — Венера: живописцы рисовали наслажденія Олимпа, ваятели изъскакали древнихъ героевъ, стихотворцы прославляли опять домъ Атрея и Лаіа. Насталъ періодъ новой «классической» поэзіи, блестящей, остроумной, распутной, яносказательной, какъ самая религія Грековъ и Римлянъ.

Этотъ переворотъ случился не въ одной Германіи, потому что реформація всюду потрясла и ослабила прежній торжественный духъ католицизма, всюду умъ открылъ себѣ новые пути и новую пищу. Во Франціи, при Людовикѣ XIV, новѣйшая умственная жизнь достигла высокой степени развитія; тамъ же процвѣла всего болѣе и классическая поэзія, и сверхъ-того получила, въ нѣкоторомъ смыслѣ, независимую своеобраз-

ность, особенный, національный отпечатокъ. Политическое вліяніе великаго монарха распространило эту новую поэзію, или точнѣе, эту форму новой поэзіи, по всей Европѣ: въ Италіи, гдѣ она была уже какъ дома, это вліяніе тотчасъ сообщило ей Французскій отбѣнокъ; въ Испанію вмѣстѣ съ домомъ Анжу перешли и герои Французской трагедіи; въ Англии явились они за Генріэттою, а Германцы сами подражали неуклюжій храмъ напудренному Версальскому Олимпу.

Лессингъ былъ литературнымъ Арминіемъ, который ниспровергъ эту новую вѣру. Онъ произвелъ бы стрый переворотъ сколько своими собственными сзданіями, столько и критикой, такъ, что его удачно сравнивали съ тѣми Евреями, которые при вторичномъ построеніи Иерусалимскаго храма, одной рукой сражались съ непріателемъ, а другой продолжали начатую работу. Лессингъ оставилъ поле Германской литературы, расчищенное, готовое къ принятію новыхъ свѣснѣ, и святелі скоро явились во множествѣ.

Въ Іенѣ, около герцога Саксенъ-Веймарскаго, Карла Августа, собралось нѣсколько отличныхъ литераторовъ и ученыхъ, привлеченныхъ великодушнымъ покровительствомъ, какое оказывалъ онъ наукамъ и искусствамъ. Гёте былъ его министромъ и, можно сказать, другомъ; Шиллеръ жилъ въ Іенѣ и сочинялъ свои безсмертныя трагедіи; Грисбахъ, Лодеръ, Рейнгольдъ, Фихте, Шюцъ, Эйхштетъ и другіе известные ученые мритготовляли въ тамошнемъ университетѣ новое поколѣніе, которое скоро выступило на поприще съ пылкими мечтами о возрастающей славѣ двухъ великихъ предшественниковъ.

Между этими молодыми людьми особенно отличались братья, Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели, Лудвигъ Тикъ и Новалисъ. Они нашли себѣ ревностнаго друга и союзника въ Шеллингъ; нѣкото-

рые даже думаютъ, что онъ далъ новой литературной школѣ философическое основаніе. Въ этомъ позволительно сомнѣваться; но Шеллингъ безспорно имѣлъ на нее сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ немножко поэтъ: стихи его, за подписью Бонаventura можно найти въ «Альманахѣ Музъ», Шлегелей и Тька. Этого мало: говорятъ, онъ по-сию-пору колеблется, не издать ли ему и своей философіи въ стихотворной оболочкѣ. Оно было бы очень кстати въ то время, когда философію твердили наизусть, но теперъ..... Теперь мы возвратимся къ романтизму.

«Поэзія наша, говорили Шлегели, устарѣла; наша муза — дряхлая баба съ костылемъ; нашъ герой — не прекрасный юноша, а съдой и весь сморщенный кардо; чувства у насъ исглыбли, фантазія высохла: надо освѣжиться, надо отыскать забытые родники цивной, простой поэзіи среднихъ вѣковъ. Тамъ журчитъ для насъ источникъ обновленія.» Толпа, умирающая отъ жажды, особенно тѣ жалкія, тощія созданія, которые сидя по горло въ песокъ, желали вдругъ расцвѣсть роскошной юностью, бросились искать чудотворныхъ ключей въ архивахъ, и тянули, хлебали, глотали съ невероятной жадностью. Но ихъ попуталъ такой же грѣхъ, какъ старуху горничную, о которой добрая Г-жа Кампанъ говоритъ, что она подсмотрѣла у своей барыни чудесный эликсиръ, подаренный графомъ Санъ-Жерменомъ и возвращающій молодость; только барыня со двора, она взяла скляночку съ этимъ снадобьемъ и вмѣсто того, чтобъ принять по предписанію нѣсколько капель, хватила его такъ много, что на слѣдующее утро проснулась ужъ не молодою дѣвицею, а маленькою шести-мѣсячною дѣвочкой. Право, что-то похожее сталося и съ Г. Тикомъ, душимымъ поэтомъ изъ романтиковъ. Онъ такъ сильно упился сказками среднихъ вѣковъ, что также сталъ ребенкомъ и поставилъ въ тупикъ бедную мадамъ Сталь,

которая не знала хорошенько, дивиться ли этому превращенію или хохотать.

Тикъ старался разбудить тотъ же вкусъ къ простотѣ и въ другихъ изящныхъ искусствахъ, а Фридрихъ Шлегель и Гёрресь обшарили всѣ старые города на Рейнѣ, ища остатковъ древней Германской школы живописи и ваянiя, которымъ они суевѣрно поклонялись какъ святынь. Нельзя однако жъ не замѣтить благотельныхъ слѣдствій этой страсти для Искусства. Если бъ Ф. Шлегель и Гёрресь сдѣлали только то, что обратили всеобщее вниманіе на Альбрехта Дюрера, и этого было бы уже достаточно для оправданія ихъ энтузіасма. Въ справедливости замѣчанія можетъ удивствоваться каждый, кто возьметъ на себя трудъ вникнуть въ то вліяніе, какое Дюреръ имѣлъ на Рецша. Но энтузіасмъ второстепенныхъ романтиковъ доходилъ часто до неистовства, и Германскій Парнасъ того времени превращался иногда въ домъ сумасшедшихъ. При этомъ не должно забывать одного важнаго обстоятельства, — что сумасшествіе другихъ народовъ далеко уступаетъ Германскому, потому что въ Нѣмецкомъ сумасшествіи, какъ говоритъ Полоній, всегда есть методъ, есть система. Это сумасшествіе отличалось какимъ-то особеннымъ педантствомъ, страшнымъ самосознаніемъ, дикою ревностью, о которыхъ наши поверхностные сумасшедшіе не имѣютъ и понятія. То было основательное, глубокое помѣшательство.

Кратковременное владычество Наполеона только раздражило эту школу, возстававшую противъ всего Французскаго, классическаго, «ново-древняго», какъ говорилъ остроумный Жанъ-Поль, и когда пробилъ часъ освобожденія, когда Русскіе подвиги и Русскіе морозы воспламенили Нѣмцевъ, романтизмъ, какъ блюстителъ Германской самобытности въ искусствахъ и литературѣ, пошелъ въ гору. Его приверженцы дѣй-

ствоваши за-одно съ Германскими правительствами, и въ самое то время, какъ А. В. Шлегель дѣлалъ заговоръ противъ Расина, министръ Штейнъ умышлялъ союзъ на императора Французовъ. Школа плыла тогда по теченію рѣки, стремившейся обратно къ своему источнику. Когда Германскій патриотизмъ и Нѣмецкая народность одержали совершенную побѣду, романтическая школа, религіозно отечественное искусство, восторжествовали вмѣстѣ съ ними. Наполеонъ, великій классикъ, — такой же классикъ, какъ Александръ и Цезарь, — палъ во прахъ, а Гг. Августъ-Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели, романтики, явились съ побѣдными вѣнками.

Между подвигами романтической школы особенно замѣчательнъ переходъ Ф. Шлегеля и некоторыхъ другихъ членовъ ея къ католицизму, но еще болѣе заслуживаетъ вниманія соперничество А. В. Шлегеля съ І. Г. Фоссомъ, тогда уже знаменитымъ переводчикомъ Гомера. Фоссъ былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ и заклятыхъ враговъ новой школы. Съ неутомимымъ усердіемъ переводилъ онъ остальныхъ языческихъ поэтовъ древности, между тѣмъ какъ А. В. Шлегель старался также въ хорошихъ переводахъ ознакомить публику съ христіанскими, романтическими поэтами. Ихъ противоборство обнаруживалось даже въ формахъ языка, и тогда какъ Шлегель все тщательнѣй и мягче отдѣлывалъ слогъ свой, Фоссъ наперекоръ ему становился все жестче и грубѣе. Если на гладкомъ паркетѣ Шлегелевыхъ стиховъ страшно поскользнуться, зато у Фосса, того и гляди, заплнешься за неотесанную глыбу мрамора. Наконецъ, въ одного соперничества, старикъ Фоссъ рѣшился перевести Шекспира, что гораздо прежде выполнено было Шлегелемъ какъ нельзя удовлетворительнѣй. Это предпріятіе обратилось во вредъ славному переводчику, а еще болѣе его издателю, потому что оста-

лось совершенно безъ успѣха. Гдѣ Шлегель переводилъ, можетъ-быть, слишкомъ приторно и утонченно, гдѣ стихи его нерѣдко похожи на взбитыя сливки, которыя, не знаешь — пить ли, или ѣсть, тамъ Фоссъ твердѣ какъ скала, и, произнося его строфы, боишься переломать себѣ челюсти.

Говорять, что романтики увивались около Шиллера, но онъ отвергнулъ всѣ ихъ исканія, и, какъ видно изъ его переписки, отзывался объ нихъ презрительно. Что касается до Гёте, они рѣшительно избрали его своимъ кумиромъ, и, главный жрецъ романтизма, Августъ Шлегель, ставилъ ему всѣ возможные алтари. Гёте былъ у нихъ подъ рукою: отъ Іены до Веймара дорога идетъ прекрасной аллеею, и Шлегели безпрестанно топтали эту тропинку; часто бесѣдовали они въ Веймарѣ съ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Гёте, и господинъ тайный совѣтникъ, бывший всегда вслѣдъ дипломатомъ, слушалъ внимательно, что напѣвала ему эта *братія*, улыбался привѣтливо, ласкалъ ихъ и иногда сажалъ съ собой ѣдать. Гёте терпѣлъ обожаніе романтиковъ, потому что оно много способствовало къ распространенію его славы въ Германіи; но впоследствии, когда мистицизмъ этой школы, или, какъ онъ самъ называлъ его, «новый поэтическій католицизмъ», приобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе въ словесности, Гёте торжественно разстался съ нею, напечатавъ во второмъ номерѣ своего журнала *Kunst und Althertum* извѣстную статью *Ueber die christlich-patriotisch-neu-deutsche Kunst*, — «О христіанско-патріотическомъ ново-Германскомъ художествѣ». Съ той поры пресѣклось вліяніе обоихъ Шлегелей: Фридрихъ умеръ, а Августъ пережилъ свою славу какъ поэтъ и какъ критикъ; но слава отличнаго переводчика составляетъ его неотъемлемую собственность. Съ изумительной тонкостью проникаетъ онъ тайны и глубины своего подлинника; ни

одинъ оттѣнокъ красоты не ускользаетъ отъ его взгляда, и онъ такъ мастерски владѣетъ языкомъ, что читая его переводъ, вы забываете, что это не подлинникъ. При всемъ томъ онъ никогда не позволяетъ себѣ вольностей и переводитъ почти слово въ слово; даже всѣ шутки и каламбуры Шекспира переданы имъ точно такъ, какъ бы онъ самъ ихъ выдумалъ.

Одною изъ главныхъ причинъ нынѣшняго упадка Шлегелевой славы въ Германіи были довольно грубыя и злыя эпиграммы, напечатанныя лѣтъ за шесть въ «Альманахъ Музъ» и гдѣ нѣтъ пощады не только второстепеннымъ писателямъ, но даже Шиллеру и Гёте. Это ребяческое озлобленіе чрезвычайно не понравилось смиреннымъ Нѣмцамъ, и съ тѣхъ поръ они позволяютъ себѣ смѣяться не только надъ произведеніями, но и надъ личностью главы романтизма. Чтобы познакомить съ нимъ читателей нашихъ во всѣхъ отношеніяхъ, мы приведемъ слѣдующій отзывъ Гемскаго профессора Вольфа, который, впрочемъ, отдаетъ полную справедливость его заслугамъ.

«Я видѣлъ его раза два или три у Гёте въ Веймарѣ. Шлегель держалъ себя настоящимъ *птиметромъ*, птиметромъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ безпрестанно игралъ лентою своего ордена и старался привлечь къ нему общее вниманіе; на правомъ указательномъ пальцѣ былъ у него такой огромный перстень, что палецъ вовсе не сгибался и торчалъ какъ рыцарское копьё. Онъ все порхалъ около дамъ, показывалъ имъ свое изданіе Рамаяны или другой Индѣйской поэмы, училъ ихъ читать по складамъ священную грамоту Ведъ и дѣлалъ тысячу другихъ нецѣлостей, которыя были ему не къ лицу и не по лѣтамъ. Признаюсь, я невольное подумалъ, что романтизмъ и санскритизмъ могли бы имѣть достойнѣйшихъ представителей. Если бъ мнѣ не были давно извѣстны его сочиненія, и если бы въ разговорѣ со мною онъ не обнаружилъ потому об-

ширныхъ знаній и глубокаго соображенія, я не поворачишь бы, чтобъ такой суетный человекъ могъ когда-нибудь имѣть сильное вліяніе на Литературу и Искусства въ Германіи.»

Братъ его, Фридрихъ, былъ человекъ глубокомысленный. Онъ постигалъ всю славу прошедшаго и чувствовалъ всю горечь настоящаго, но не разумѣлъ священнаго значенія этой горечи и необходимости ея для будущаго блага. Онъ видѣлъ захожденіе солнца, и печально смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ оно садилось, и тосковалъ о наступленіи ночи, не прииъчалъ, что утренній заря одиваетъ уже противоположной край неба. Это уныніе, это недовольство настоящимъ влекло его къ прошедшему и къ католицизму. Во всемъ, что онъ писалъ Фридрихъ Шлегель, видна эта господствующая склонность. Тайная мысль о католицизмѣ прорывается во всѣхъ его сочиненіяхъ, особенно въ «Языкѣ и мудрости Индѣйцевъ» и въ «Исторіи Литературы.»

Лудвигъ Тикъ былъ, какъ мы уже говорили, одною изъ надежнѣйшихъ опоръ новой школы, обладавъ именно тѣмъ оружіемъ, въ какомъ она имѣла наиболее нужды, — глубокимъ чувствомъ, роскошнымъ воображеніемъ, юморомъ, даже остроуміемъ, то есть, особеннымъ родомъ остроумія, Witz. Въ удачныхъ обновленіяхъ старыхъ народныхъ сказокъ изображалъ онъ теплое вѣрованіе среднихъ вѣковъ, и, въ противоположность тогдашней простотѣ и добродѣтелямъ, выставлялъ современные недостатки со всею вѣдкостью сатирика, но и съ неизбѣжной односторонностью приверженца исключительной школы.

Въ самомъ разгарѣ войны за романтизмъ, Тикъ старался произвести переворотъ и въ изящныхъ художествахъ: съ этой цѣлью написалъ онъ нѣсколько книгъ въ чистомъ духѣ новаго ученія, на примѣръ Phantasien über die Kunst u. Franz Sternbald's Wan-

derungen, которые нашли въ свое время многихъ читателей: теперь изучаютъ ихъ только тѣ, кто еще думаетъ, что довольно окреститься въ католическую вѣру, чтобъ быть великимъ художникомъ и поэтомъ.

По паденіи Шлегелъ, Тикъ хранилъ нѣсколько времени молчаніе, и, послѣ этого, явился совсѣмъ инымъ человекомъ. Въмѣсто волшебныхъ сказокъ и сатирическихъ драмъ, онъ принялся за повѣсти, и, изъ ревностнаго поборника мистицизма и всѣхъ особенностей среднихъ вѣковъ, сдѣлался защитникомъ реформации и живописцемъ современной эпохи. Съ немногими исключеніями всѣ герои его повѣстей люди какъ люди, — надворные совѣтники, ратманы, молодья, хорошенькія дѣвушки, старья хозяйки, профессора, аптекари; и всѣ они говорятъ и дѣйствуютъ по идеямъ нашего времени. Они нарисованы съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, но особенно замѣчательно въ нихъ то, что каждое изъ нихъ кажется выражающимъ собственное мнѣніе автора, тогда какъ мнѣнія ихъ совершенно различны. Этотъ приѣмъ, названный въ Германіи «всемирною ироніей» — отнюдь не новый: вы найдете его и у Аріоста, и у Сервантеса; но должно признаться, что Тикъ употребляетъ его съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ. Однако жъ въ послѣднее время онъ воротился къ своимъ волшебнымъ сказкамъ, и создалъ даже новый родъ произведеній, — Сказку — Повѣсть, die Märchen-Novelle, употребленный имъ довольно остро противъ новѣйшихъ поэтовъ Германіи и Франціи, но жестоко погрѣшающій несносными длиннотами, въ которыя онъ безпрестанно впадаетъ, и которыя ясно показываютъ, что авторъ отсталъ отъ своего вѣка, хотя онъ и называетъ себя послѣднимъ великимъ поэтомъ Германіи.

Новались, котораго настоящее имя Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ, не успѣлъ совершить для романтической школы того, чего можно было ожидать отъ его

отличныхъ дарованій. Онъ умеръ въ самомъ цвѣтѣ юности. Немногія, оставленные имъ сочиненія, особенно недоконченная повѣсть *Heinrich von Ofterdingen*, исполнены поэзіи, но вмѣстѣ и какого-то мистическаго, болѣзненнаго чувства, которое скоро надѣдаетъ здоровому вкусу.

Изъ прочихъ приверженцевъ романтической школы заслуживаютъ вниманія Лудвигъ Ахимъ фонъ-Арнимъ и Клеменсъ Brentano. Ихъ упоминаютъ обыкновенно вмѣстѣ потому, что они были неразлучные друзья и издали общими трудами собраніе народныхъ пѣсень, известное подѣ заглавіемъ *Des Knaben Wunderhorn*. Кто хочетъ узнать Германцевъ съ наилучшей стороны, тотъ долженъ читать эти пѣсни, полныя естественной прелести. Въ нихъ слышно бѣіеніе Германскаго сердца, — вотъ его гнѣвъ, — его добродушная насмѣшка, — и вотъ его любовь; Германское вино и Германскія слезы льются ручьями: это настоящая поэзія, свѣжая, искренняя, задушевная, какъ поэзія народныхъ пѣсень вообще. Гердеръ, умѣвшій ее чувствовать, разбудилъ любовь къ ней въ высшихъ классахъ Германскаго общества, а Brentano и Арнимъ сдѣлали ее доступною и для другихъ.

Собственныя произведенія этихъ двухъ поэтовъ, при многихъ весьма важныхъ достоинствахъ, частію такъ далеки отъ природы, частію такъ темны и таинственны, что даже въ Германіи они известны только записнымъ литераторамъ. Лучшимъ сочиненіемъ Арнима почитается его повѣсть *Armuth, Reichthum, Schuld und Busse der Gräfin Dolores*; но и здѣсь ни ловкая завязка, ни своеобразность дѣйствующихъ лицъ не сильны вознаграждать недостатка естественности. Brentano обратилъ на себя вниманіе литературнаго міра повѣстью *Godwin, oder das steinerne Bild der Mutter*: въ ней есть прекрасныя сцены, прекрас-

нныя пѣсни и много поэзіи, но все это растворено туманомъ романтизма.

Вотъ главные вѣтви этой школы, которая теперь имѣетъ только историческое существованіе. Въ послѣднія двадцать лѣтъ Германская литература кишитъ новымъ поколѣніемъ писателей. Имя имъ «Легионъ», потому что ихъ очень много. Въ обзорѣннн этого рода стихотворцевъ и прозаиковъ, мы должны будемъ ограничиться главными лицами, и между ними дадимъ первое мѣсто Уланду, который пишетъ мало и хорошо. Собраніе стихотвореній, выдержавшее съ 1815 года девять изданій; двѣ трагедіи, Ernst von Schwaben и Ludwig der Baier, и нѣсколько литературныхъ разсужденій, — вотъ все, чѣмъ онъ подарилъ Германскую публику; но его пѣсни и баллады составляютъ любимое ея чтеніе. Въ нихъ столько нѣжности и достоинства, столько пламенныхъ чертъ благородной страсти, что въ поэтѣ невольно любишь и человека. Богатое, но спокойное воображеніе, глубокое и живое чувство всего прекраснаго, сознаніе Ума, правящаго вселенною, и происходящая отъ того невинная, дѣтская радость; очаровательный слогъ, изящныя образы, всегдашнее добродушіе забыль и въ шутку, наконецъ пламенная любовь къ отечеству, — вотъ драгоценная основа, изъ которой развертываются всѣ поэтическія созданія Уланда, отличающіяся почти древнимъ спокойствіемъ и той рѣдкой простотою, которая не имѣетъ пужды ни въ какихъ прикрасахъ.

Новѣйшіе лирическіе поэты Германіи, особенно южной ея половины, почти всѣ съ большнмъ или меньшимъ успѣхомъ образовались по Уланду, а сѣверные или шли своей дорогою, или подражали Гѣте. Въ числѣ первыхъ должно упомянуть о Густавѣ Швабѣ, извѣстномъ своими балладами; Юстинѣ Кёрнерѣ, который прославился вѣрою въ видѣнія, описанныя имъ

въ замѣчательной книгѣ, *Die Seherin von Prevorst*; о Николаѣ Ленау и Анастасіи Грюнъ, двухъ псевдонимяхъ, Эдуардъ Дуллеръ, Лудвигъ Бехштейнъ, братьяхъ Фицеръ, и Генріэттъ Оттенгеймеръ, дѣвизъ съ большимъ дарованіемъ.

Фридрихъ Рюкертъ — поэтъ совершенно оригинальный. Первые стихотворенія, изданныя имъ въ 1814 и 1815 годахъ подъ именемъ Фреймунда Раймара, имѣли патриотико-политическое направленіе: несмотря на то, его Германскія пѣсни — лучшія изъ всѣхъ тогда вышедшихъ. Недавно явилось новое собраніе его сочиненій, гдѣ онъ рассказываетъ повѣсть собственной любви. Рюкертъ во многомъ уступаетъ Уланду; онъ, что называютъ Нѣмцы, поэтъ субъективный, почерпающій источникъ пѣсней въ однихъ личныхъ своихъ чувствованіяхъ; но въ этомъ родѣ онъ отличается силою и богатствомъ мыслей и необыкновенною красотою выраженія. Сверхъ-того, онъ хорошій оріенталистъ, и поэтическіе переводы его съ Индѣйскаго имѣютъ всю гибкость Пѣмецкаго оригинальнаго произведенія.

Вильгельмъ Мюллеръ, умершій, къ сожалѣнію, въ первой молодости, былъ человекъ ученый и замѣчательный лирическій стихотворецъ. Его Греческія пѣсни произвели глубокое впечатлѣніе, потому что онъ первый говорилъ такъ краснорѣчиво за дѣтей Эллады. Въ числѣ ихъ есть элегія на смерть лорда Байрона, одно изъ лучшихъ произведеній Германской музыки. Прекрасна также его *Vineta*, основанная на народномъ повѣрью, что этотъ, некогда цвѣтущій, городъ затопленъ моремъ и что иногда, въ тихіе вечера, рыбаковыя видяты, въ водѣ его башни слышать унымый звонъ колоколовъ и чувствуютъ такое неодолимое влеченіе, что не могутъ оторваться отъ этого мѣста. Повѣсти Мюллера слишкомъ неестественны и далеко уступаютъ его

пѣснямъ; но сочиненіе о Римѣ и его жителяхъ и введеніе къ Гомеру достойны его дарованія и учености.

Адельбертъ фонъ-Шамиссо, тотъ самый, который въ первое путешествіе капитана Коцебу, сопровождалъ его въ званіи естествоиспытателя, безспорно лучший изъ поэтовъ сѣверной Германіи. Онъ родомъ Французъ, и оставилъ свое отечество мальчикомъ во время революціи. Первымъ его произведеніемъ была повѣсть, изданная Ла-Моттомъ-Фукѣ, — повѣсть о челоуѣкѣ, Петрѣ Шлемиль, который потерялъ свою тѣнь и, считая себя отверженцемъ здѣшняго міра, искалъ счастья въ высшемъ и болѣе духовномъ существованіи. Глубокомысленность и пріятная мечтательность этой книги обратила на него всеобщее вниманіе, а въ 1831 году появились его лирическія стихотворенія, доставившія ему большую извѣстность. Важное и трогательное чувство сердца, уязвленного свѣтомъ, господствуетъ въ его произведеніяхъ; сильнымъ и благозвучнымъ голосомъ выражаетъ онъ любовь свою къ истинѣ и справедливости, измѣняя иногда это направленіе и нападая на суетность людей ѣдкими и горькими насмѣшками. Но порою муза его любитъ остановиться на счастьи домашней жизни и на предметахъ, возбуждающихъ мирныя ощущенія. Всего удивительнѣй, что Французъ Шамиссо владѣетъ Нѣмецкимъ языкомъ лучше всѣхъ природныхъ Нѣмцевъ. Онъ занимается теперь описаніемъ своихъ путешествій, которое будетъ заключать и его автобіографію.

Со временъ Шиллера драма сдѣлалась у Германцевъ любимымъ родомъ поэзіи; но Шиллеръ, котораго сами Англичане признаютъ первымъ драматическимъ поэтомъ послѣ Шекспира, остается по-сю-пору неподражаемъ. Между его послѣдователями Теодоръ Кернеръ подходитъ къ нему ближе всѣхъ. Было время, когда имя этого поэта переходило изъ устъ въ уста

во всей Германіи; его патріотическія пѣсни, напечатанныя подъ заглавіемъ *Leier und Schwerdt*, раздавались въ городахъ и въ селахъ, и сочинителя ихъ провозглашали первымъ поэтомъ Германіи; но энтузіазмъ, возбужденный обстоятельствами народной войны, миновалъ, и за Кернеромъ осталась только слава лучшаго изъ Шиллеровыхъ подражателей. Въ самомъ дѣлѣ, трагедіи его настоящіе сколки съ Шиллеровыхъ; но, при всѣхъ достоинствахъ слога и драматической разительности, онъ обнаруживаютъ недостатокъ самобытнаго генія и глубины.

Эрнстъ-Августъ-Фридрихъ Клингеманнъ гораздо ниже Теодора Кернера: всѣ его произведенія, — Лютеръ, Моисей, Фаустъ, Колумбъ, слажены только для эффекта и не имѣютъ ни силы, ни жизни поэтической. Они нравились толпѣ напыщенностью языка и блескомъ декорацій, но скоро приглядѣлись, наскучили и теперь всѣ почти забыты совершенно.

Третій подражатель Шиллера, Іосифъ фонъ-Ауфенбергъ, — писатель болѣе съ риторскимъ, чѣмъ съ поэтическимъ дарованіемъ. Разговоръ у него живъ, завязка по большей части хорошо придумана, но творчества нѣтъ въ немъ ни сколько. Основаніе своихъ трагедій Ауфенбергъ беретъ изъ разныхъ источниковъ, всего чаще изъ Вальтера Скотта, котораго повѣсти драматизировалъ онъ для Германской сцены довольно удачно.

Гораздо оригинальнѣе былъ Гейнрихъ фонъ-Клейстъ, котораго собственная жизнь можетъ назваться трагедіей. Извѣстно, что онъ далъ слово пріятельницѣ своей, Г-жѣ Фогель, убить ее, когда неизлечимая болѣзнь, которою она страдала, достигнетъ высшей своей степени: вѣрный безразсудному обещанію, онъ застрѣлилъ ее и самаго себя въ рошѣ, близъ Потсдама, осенью 1811 года. Полное собраніе его твореній издано было Тикомъ, — нѣсколько тра-

гедій, двѣ комедіи и рядъ прекрасныхъ повѣстей, изъ которыхъ одна, подъ заглавіемъ *Kohlhaas*, особенно примѣчательна. Роскошное и смѣлое воображеніе, глубина и сила чувства, благородный и чрезвычайно поэтическій разговоръ придаютъ его драмамъ высокое и прочное достоинство. Можно сказать, что Германія лишилась въ Клействъ лучшаго изъ новѣйшихъ своихъ трагиковъ.

Вслѣдъ за нимъ поставимъ мы Иммермана, который былъ тоже истинный поэтъ. Начавъ подражаніемъ Шекспиру, онъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ приближался къ идеальной цѣли своего воображенія; онъ становился все правильнѣе, тверже и важнѣе, чѣмъ далѣе шелъ на избранномъ для себя поприщѣ, и послѣднія его творенія, особенно его *Trauerspiel in Tyrol*, *Kaiser Friedrich*, *Alexis* и *Merlin*, даютъ ему полное право на первостепенную извѣстность, хотя онъ ею и не пользовался.

Эрццствъ-Венгяиницъ-Соломонъ Раупахъ, бывшій профессоръ Главнаго Педагогическаго Института въ Петербургѣ, о которомъ мы такъ часто говорили въ изшемъ журналѣ, совершенная противоположность съ Иммерманомъ, дарованіе чисто риторское, хоть иногда, вѣроятно въ шутку, и называютъ его Берлинскимъ Шиллеромъ. Если бѣ для созданія трагедіи достаточно было одного соображенія, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ драматурговъ своего времени; но отсутствіе чувства нельзя вознаградить ни какимъ расчетомъ, и Раупахъ успѣлъ только пріобрѣсть имя плодовитѣйшаго писателя. Каждый мѣсяцъ издаетъ онъ трагедію, а въ промежуткахъ комедіи и фарсы. Изъ первыхъ заслуживаютъ предпочтеніе его *Isidor und Olga* и *König Enzo*, изъ послѣднихъ *Die Schleichhändler*. Языкъ его всегда витіеватъ, правиленъ и полонъ украшеній; но нищато одѣнь хоть въ порфиру, онъ все будетъ нищій.

Датчанинъ Іенсъ Элемилегеръ, быть-можетъ всѣхъ ближе подходилъ бы къ Шиллеру, если бѣ не слишкомъ увлекался сентиментальностью, какъ напримѣръ, въ своемъ *Conveggió*. Лучшее его произведеніе *Накоп Jagl*: поэтъ чувствовалъ исвоинскій характеръ сверхъ-наго героя. Мы назовемъ еще Христіана Фонъ-Габбе, автора «Генриха VI, Наполеона и ста дней, Фауста, и Донъ Жуана», — челоѵка съ богатымъ, но слишкомъ дикимъ, безуряднымъ воображеніемъ; Михаѵла Беера (Beer), автора «Струензе»; Ф. Мальтица, который, докончилъ Шиллерова «Ажедимитрія», и — перейдемъ къ другой драматической школѣ, которой произведенія всегда будутъ свидѣтельствомъ дурнаго вкуса, господствовавшаго въ Германіи, тысяча восемьсотъ двадцатыхъ годовъ и по-крайней-мѣрѣ столькихъ же теорій изыщнаго.

Эта школа, которую можно назвать фаталистическою, представляла челоѵка подѣ владычествомъ темной, таинственной силы, которая опредѣляла его жребій и вынуждала къ добродѣтели или къ злодѣйству безъ всякаго участія свободной воли. То была совѣсть не *аними*, не необходимость Грековъ, — естественное заключеніе ума, извѣстнаго Бога живаго, — а смѣсь стараго суевѣрія съ новѣйшимъ ханжествомъ, мистицизмомъ, розикруцианствомъ и другими тайными ученіями. Въ главѣ драматиковъ, напавшихъ на эту новую пружину, стоять два замѣчательныя дарованія, и только это можетъ объяснить мгновенный успѣхъ мистической трагедіи. Для мистицизма нельзя придумать мѣста непримѣнныя сцены.

Фридрихъ-Лудвигъ-Захарій-Вернеръ, о которомъ мы недавно имѣли случай говорить, былъ поэтъ душою и сердцемъ; но мрачная, неукротимая фантазія и не-

* Б. для Ч. № 19, Смѣсь, — Корреспонденція поэта Вернера.

счастливыя семейныя обстоятельства привели его къ мистицизму; тщеславіе и страсть къ необычайному уничтожили талантъ его въ зародышѣ. Вліяніе таинственной силы является у него подъ видомъ непосредственныхъ посланниковъ свыше, и они-то ведутъ героя по стезямъ счастья или несчастья, какъ ему предопредѣлено. Эта мысль достигла высшей точки исполненія въ его драмѣ «Двадцать четвертое Февраля», гдѣ цѣлой семьѣ суждено совершать преступленія такого-то дня и мѣсяца, и въ послѣдній годъ отецъ семейства заключаетъ этотъ списокъ злодѣяній убійствомъ собственнаго сына, котораго не узналъ онъ въ прїѣзжемъ юношѣ. Мѣстомъ дѣйствія для своей драмы авторъ избралъ одинъ уединенный трактиръ въ Швейцаріи, который въ самомъ дѣлѣ существуетъ, и невинный его хозяинъ долго не могъ отбиться отъ любопытныхъ и чувствительныхъ путешественниковъ, которые, считая его за наследника сыноубійцы, спрашивали о подробностяхъ происшествія и осматривали весь домъ отъ подвала до чердака. Высокія, поэтическія красоты, глубокія мысли и религіозное вареніе Вернера невольно заставляютъ сожалѣть о странной участи этого даровитаго челоуѣка.

Преемникъ его, Мюльнеръ, замѣчательнѣе не только какъ поэтъ, но и какъ самый ѣдкій изъ Германскихъ критиковъ. Трагедія его *Die Schuld* надѣлала при первомъ появленіи немовѣрнаго шума, и автора почитали новой путеводною звзздою на небѣ драматической поэзіи, тогда какъ эта пьеса только заключительный актъ уголовнаго дѣла, изложенный въ прекрасныхъ стихахъ и, кромѣ послѣдней сцены, даже вовсе лишенный дѣйствія. Менцель справедливо замѣтилъ, что судьба, выставленная здѣсь Мюльнеромъ, — карриатура Вернерова злаго генія. Двѣ другія его трагедіи, *Ingurd* и *Die Albaneserin*, имѣють тѣ же достоинства и тѣ же недостатки; но комедіи Мюльнера

лучшія, какія только есть въ Германской литературѣ, что конечно еще немного. Какъ критикъ, онъ отличался ученостью, большимъ искусствомъ, своекорыстіемъ и завистью: ни одинъ литераторъ не былъ такъ ненавидимъ въ Германіи какъ онъ. Впослѣдствіи весьма немногіе молодые поэты занимались фаталистическою драмою,—Грильпарцеръ, Гувальдъ, Пансе и нѣкоторые другіе, но и они скоро ее оставили, а опыты ихъ въ этомъ ложномъ родѣ забыты еще скорѣе, почти все безъ исключенія.

Состояніе Германской сцены и отсутствіе законовъ, ограждающихъ права драматическаго авторства, вмѣстѣ съ другими частными причинами, побудили многихъ лучшихъ писателей издавать драматическія произведенія не для театра. Къ этому разряду, кромѣ Фауста, принадлежатъ драматическія сказки Тика, Эйхендорфа и Менцеля, «Сигурдъ» Ла-Мотта-Фуке, и другія сочиненія, заслуживающія болѣе той извѣстности, какою они пользуются въ чужихъ краяхъ.

Комедія, осиротѣвшая послѣ Коцебу, нашла ему преемника въ Юліи фонъ-Фоссъ, который однако жъ не прикрашивалъ порока и безразсудства, какъ «знаменитый» его предшественникъ, а показывалъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ и представлялъ иногда удачныя картины духа нашего времени; но къ сожалѣнію писалъ слишкомъ много и слишкомъ скоро. Гг. фонъ-Клейстъ, Мюльнеръ, Коштесса, Иммерманъ, Зегентешъ, написали нѣсколько комедій въ высшемъ родѣ. Клауренъ подчивалъ богатыми дядьями, бѣдными племянниками и милліонерами изъ Мексики, которые женятся на прачкахъ и кухаркахъ, но все это составляетъ самаѣйшую часть Германскаго репертуара, а главный комическій запасъ получается и тамъ съ Парижской сцены. Теодоръ Гелль, Ангели, Курлендеръ и другіе, взялись переводить его по подряду, и эти экзотическія растенія, которыя оклимачиваютъ

ся очень скоро, довольно похожи на такъ называемыя «передѣлки» нашихъ драматурговъ.

Если бѣ недостатокъ въ одномъ родѣ словесности могъ вознаграждаться избыткомъ въ другомъ, то скудость Германской комедіи вполнѣ наверсталась бы обиліемъ повѣстей. Авторъ Веверлея нигдѣ не нашелъ такого сочувствія и такой бездны послѣдователей и подражателей. Германцы не только усвоили себѣ историческую повѣсть, но сдѣлали изъ нея всемірную эпопею, отличающуюся полной свободой формъ, желанною для генія, крайне опасною для посредственности. Кромѣ Тика, о которомъ мы уже говорили, главами повѣстчиковъ были Ла-Моттъ-Фукѣ, Стеффенсъ, Гоффманнъ и Шпиндлеръ.

Ла-Моттъ-Фукѣ, авторъ неподражаемой волшебной сказки «Ундина», какъ поэтъ, слѣдовалъ по стопамъ Тика и избралъ предметомъ для своихъ повѣстей и стихотвореній героическія преданія северной Германіи. Одаренный оригинальностью, силою и пламеннымъ воображеніемъ, воскрешая въ своихъ произведеніяхъ дѣла и времена по себѣ занимательныя, и сверхъ-того новыя для публики, онъ скоро сдѣлался ея любимцемъ. Одно время, только и читали что Ундицу, Волшебное кольцо, Тюдольфа, но минула падежность къ старинѣ, — критика нашла, что его рыцари, переряженые офицеры; дамы ихъ сердца — Берлинскія барышни, и, что всего важнѣе, будто лошади у него умѣе всадниковъ. Въ эти обвиненія отчасти справедливы, неисключая даже и того, которое относится къ лошадямъ; нельзя однако жѣ отказать Ла-Мотту въ истинномъ поэтическомъ дарованіи. Примѣръ его могъ бы служить наукою молодымъ писателямъ, — въ выборѣ предметовъ соображаться не съ модою, а съ собственными познаніями и средствами.

Георихъ Стеффенсъ, родомъ Норвежецъ, основался въ Германіи съ 1804 года, и, до вступленія своего

на политическое поприще, приобрѣлъ известность какъ философъ Шеллинговой школы и упорный богословскій спорщикъ, или контроверсентъ. Въ 1826 году вступилъ онъ въ разрядъ романистовъ съ собраніемъ повѣстей, подъ заглавіемъ Wasleth und Leith, которыя, составляя вмѣстѣ одинъ романъ, образуютъ и каждая отдѣльно нѣчто цѣлое. За тѣмъ слѣдовали Die vier Norweger, — герои его всегда Норвежцы, — и Malcolm: всѣ эти произведенія чрезвычайно понравились Германской публикѣ, и авторъ почитается теперь однимъ изъ первыхъ романистовъ. Онъ хочетъ объять цѣлостъ человеческой жизни со всеми ея естественными и психологическими явленіями и представить картину великихъ сльдствій, которыя они влекутъ за собою. Но въ исполненіи эта мысль принимаетъ у него слишкомъ субъективное направленіе. Въ положенія, всѣ случаи въ повѣстяхъ Стеффенса явно подчиняются его личнымъ видамъ, чувствамъ и опытамъ, и часто желаніе провести любимую идею, влечетъ его къ закутанности происшествій, въ которыхъ неискренняя фантазія никогда не отказываетъ его пристрастной волѣ. Изображенія его отличаются живостью, истинной, глубокимъ знаніемъ людей и прекраснымъ слогомъ.

Карлъ Шпиндлеръ, вѣрный, но не лицепный своеобразности, подражатель Вальтера Скотта, написалъ въ 1827 года болѣе тридцати томовъ повѣстей. Основательное знаніе отечественной исторіи, богатое, даже иногда роскошное воображеніе, и живость, искренности слога придаютъ многимъ его произведеніямъ дѣйствительную цѣну. Вообще онъ мастерски умѣетъ выставить народный характеръ своихъ соотчичей, но его психологическія изображенія далеко не такъ удачны, особенно когда онъ описываетъ порочныхъ людей. У него это безусловные мерзавцы, которыхъ недостатки не выкупаются ни однимъ добрымъ свой-

ствомъ, и которые сдѣлались мерзавцами не исподволь, а внезапно. Обтовыя преступленія его героев лишаютъ ихъ всякаго сочувствія, потому что они слишкомъ неестественны, и кажутся такими еще больше отъ того, что авторъ страстный охотникъ до противуположностей. Романы *Der Jude*, *Der Jesuit*, и *Die Nonne von Gnadenzell* едва ли не лучшія его произведенія. Но мы уже однажды очень подробно толковали о Шпиндлеръ.

Нѣтъ возможности, да нѣтъ и нужды говорить обо всѣхъ повѣсчикахъ, привлекавшихъ на себя вниманіе Германской публики въ послѣдніе годы; мы ограничимся только поименованіемъ ихъ лучшихъ произведеній съ тою цѣлю, что это можетъ служить руководствомъ при выборѣ предметовъ для чтенія, хотя сколько-нибудь достойныхъ любопытства нашихъ читателей. Мы назовемъ *Herrmann von Löbeneck*, Келера; *Isidore* и *Die reisenden Maler*, Вагнера; *Der Unsichtbare Prinz*, Шютце; *Die Molkenkur*, Хегнера; *Guido von Sohnsdom* и *Verkümmerungen*, Шиллинга; *Marie*, Стейгентеша; *Das Kunsthaus*, Деринга; *Reise aus dem Herzen in das Herz* и *Die unsichtbare Kirche*, Баумгартенъ-Крузіуса; *Die Schlittenfahrt*, Лесмана; *Gabriele* и *Die Tante*, Иоганны Шоппенгауэръ; *Marie und Walpurgis* и *Die Bildhauer*, Каролины Вольтманъ; нѣкоторые романы и повѣсти Г. В. Алексиса, Циюкко, Брониковскаго, Гауфа, Шторха, Бехштейна, Гоувальда, Рохлица, Кипда, Блуменхагена, Шеффера, Крузе, Варихагена-фонъ-Энсе; Госпожъ Каролины Пихлеръ, Гельмины фонъ-Шезп (*Chezy*), Терезы Губаръ и многихъ другихъ. Всѣ почти дамы, за исключеніемъ Г-жъ Шоппенгауэръ и Вольтманъ, сентиментальны до нестерпимости. Впрочемъ это общій недостатокъ или общее достоинство прекраснаго пола въ Германіи, такъ же необходимый для семейнаго благополучія какъ передникъ и какъ связка ключей за пазухой.

Въ числѣ повѣстчиковъ не упомянули мы о Гофманѣ, потому что его нельзя смѣшивать ни съ кѣмъ на свѣтѣ: онъ одинъ и рѣшительно неподражаемъ. Г. Жюль-Жавенъ вдумалъ-было поддвматься къ этому чудному, метафизическому воображенію, — у него вышло совсѣмъ другое. «Гофманъ», говоритъ Менцель, «условился съ чортомъ впустить его съ собой въ Германскую поэзію»; и дѣйствительно, онъ съ какой-то тайной радостью представляетъ своихъ героевъ подъ вліяніемъ сокровеннаго могущества, которое безжалостно играетъ ихъ страстями, занимаетъ, тревожить, мучитъ и ужасаетъ почти въ одно и то же время. Это міръ неестественный, фантастическій, но авторъ умѣетъ такъ увлечь читателя, что забывъ дѣйствительность, онъ несется въ вихрь видѣній до конца книги и приходитъ въ себя съ такой же радостью, какъ очнувшись отъ длиннаго ряда страшныхъ грезъ. Въ произведеніяхъ Гофмана нѣтъ ничего утѣшительнаго, возвышающаго душу; онъ не въ силахъ укротить той бури, которую даю ему возбуждать; онъ вызоветъ демона, и можетъ только повиноваться его волѣ: это участь всѣхъ, кто однажды побратался съ нечистымъ.

Первое произведеніе Гофмана, *Phantasiestücke in Callot's Manier*, есть вмѣстѣ и лучшее. Въ *Serapions brüder* много подражаній Тикову Фантазусу, но такъ же много прекраснаго, принадлежащаго собственно автору. Въ послѣдніе годы жизни, когда онъ былъ à *Gordre du jour*, и ни одинъ альманахъ не смѣлъ показаться въ свѣтъ безъ его повѣсти, Гофманъ писалъ слишкомъ много и становился день ото дня изысканнѣй.

Онъ умеръ. Большая часть писателей, о которыхъ упоминаемъ мы въ этомъ очеркѣ еще живутъ и слѣдственно пишутъ: Германская словесность можетъ

ожидать отъ нихъ многихъ болѣе или менѣе важныхъ приношеній; но между ними нѣтъ, кажется, ни одного, который бы обвѣщалъ вознаградить ей потерю ея литературнаго монарха. Ни въ одномъ не видно признаковъ той жизненной полноты, которую Гёте отличается въ своихъ произведеніяхъ. У него нѣтъ тѣхъ неровностей, которыя такъ портятъ созданіе художника, тѣхъ слишкомъ сильныхъ и слишкомъ слабыхъ сторонъ, которыя замѣчаемъ у всѣхъ нынѣшнихъ поэтовъ. Каждый, характеръ въ его драмахъ и повѣстяхъ отдѣланъ такъ, какъ бы онъ былъ главный: то же у Гомера, то же и у Шекспира; у всѣхъ великихъ поэтовъ, нѣтъ, въ собственномъ смыслѣ, второстепенныхъ характеровъ,—каждый первенствуетъ въ своемъ мѣстѣ. И не такъ ли въ дѣйствительности? Ни одинъ, быть-можетъ, изъ поэтовъ не былъ въ такой степени художникъ, какъ Гёте: его геній всегда имѣлъ въ предметъ искусство, какъ достойнѣйшую форму для своихъ проявленій.

Думали унижить его, сравнивая съ Шиллеромъ. Но не легче ли создавать высокіе, идеальные образцы нравственности, чѣмъ тѣ грѣшные характеры, которые выводитъ иногда Гёте? Да! онъ царь Германской Слоvesности, и нельзя подумать безъ негодованія, что умный Менцель критиковалъ его съ непростительной жесткостью. Когда приставляешь ножъ критики къ такому великому дарованію, должно слѣдовать примѣру того палача, на котораго пала тяжкая доля обезглавить Англійскаго короля Карла I: передъ совершеніемъ постыдной казни, онъ бросился къ ногамъ несчастнаго монарха и вымолилъ себѣ прощеніе.

Е. К.

ПАРИЖСКІЙ АФЕРИСТЪ.

=

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.*

=

Многіе знали этого честнаго господина. Для большинства тѣхъ, которые имѣли это счастье, одно имя его напоминаетъ разныя черты, трогающія до слезъ. Я не знаю человека, для котораго бы такъ часто истощали словарь похвалъ. Прислушайтесь: на его счетъ только одинъ голосъ. Есть даже люди, которые не говорятъ объ немъ иначе какъ съ восторгомъ признательности: это доказываетъ, что онъ умеръ, потому что, къ вѣчной чести ума человѣческаго, признательность—чувство исполненное удивительной стыдливости, и оно перестаетъ воздерживаться только тогда, когда кредиторъ не можетъ уже стучаться въ двери и требовать долга. Хотите ли убить неблагодарность? Застрѣлите.

Юность его была юность многихъ молодыхъ людей, — живая, веселая, разсвѣнная. Легкое и быстрое соображеніе, фizioномія, блестящая благополучіемъ, простосердечные порывы характера, всегда наружнаго, загладили небольшіе проступки, въ которыхъ впрочемъ люди и упрекаютъ только души сильныя. Пусть дубины хвастаютъ жизнію безъ упрека: она объясняется неспособностію къ грѣху; только великіе писатели въ состояніи нарушать иногда синтаксисъ.

Да; умный человекъ не можетъ быть не плутомъ.

Надобно же однакожъ дать своему герою какое-нибудь имя: назовемъ его Юлій Дебрѣ.

*Статья Г. Брюкера. Г. Ремонъ Брюкеръ и Г. Мишель Массонъ составили прежде известную литературную компанію, подъ фирмою—*Мишель Ремонъ*, которая была не что иное какъ соединеніе ихъ именъ. Впослѣдствіи присталъ къ нимъ еще Г. Леонъ Гозланъ. По разрушеніи компаніи, когда каждый изъ нихъ сталъ торговать на свой счетъ, послѣдствіи обвараужили, что, въ этомъ обществѣ, главный капиталъ ума, таланта и слога, безспорно принадлежалъ Г. Брюкеру.

Милосердая судьба соединила Юлія еще въ молодости съ женщиною прелестною, и можетъ-быть, душею, какую можно было встрѣтить въ Парижѣ, — Эрнестиною Бремонъ. Симпатія родилась между ними не тотчасъ, какъ это бываетъ на театрѣ и въ романахъ, для большей удобности авторовъ. Эрнестина сперва оказала рѣшительное отвращеніе отъ этого распутнаго франта, котораго ни одно соседнее семейство не пускало къ себѣ въ домъ, по причинѣ его шалостей и обширныхъ любовныхъ связей. Слова «любовныя связи», какъ извѣстно, не всегда принимаются въ хорошую сторону: да большею частию нечего, право, и гордиться этими пошлыми приключеніями, которыя случаются почти со всякимъ молодымъ болваномъ и въ спискѣ казарменной любезности называются «побѣдами».

Я имѣю, какъ повѣствователь, полное право уклоняться отъ предмета, — это называется эпизодами — и буду пользоваться моимъ правомъ.

Одна изъ «побѣдъ» Юлія была блестяще въсѣхъ прочихъ. Дѣло шло объ одной невинной дѣвочницѣ. Въ этомъ звѣкъ, обильномъ клятвопреступниками, въ круглый годъ всегда болѣе родится дѣтей нежели есть законныхъ отцевъ..... Но сообразивъ одно съ другимъ, я готовъ пожертвовать дѣвочницею сжатости разсказа.

Прибавьте къ этимъ шалостямъ кучу долговъ, — благородныхъ долговъ, — бильярдныхъ и карточныхъ долговъ чело-вѣка, который проигрывается, не сердясь, по-дворянски, и кой-какія достопамятныя въ нихъ квартали ссоры, въ которыхъ Юлію, увлекаемый своимъ характеромъ, всегда принималъ слабѣйшую сторону и потомъ отправлялся съ нею въ тюрьму. Само собою разумѣется, что все это должно было придать молодому вѣтренику самую скверную репутацію, по-крайней-мѣрѣ въ домъ его соседей, жившихъ черезъ улицу, и въ глазахъ хорошенькой дѣвушки, тихо и смиренно воспитанной во вкусъ безцвѣтныхъ нравовъ переулка и видѣвшей его каждый день изъ своихъ оконъ. Эрнестина говорила о Юлію Дебрѣ не иначе какъ въ презрительныхъ выраженіяхъ. Увѣряютъ даже, что она простирала свое отвращеніе слишкомъ далеко. Впрочемъ, очень естественно,

что хорошеюшкой девушкой досадно, когда молодой человекъ, прекрасный собою, и который живетъ насупротивъ ея, слыветъ негодяемъ.

Ничего склонностей начиналось такимъ образомъ, да оно и очень хорошо: противное случается слишкомъ часто.

Какъ бы то ни было, Юлій, можетъ-быть, пострасти къ противорѣчю, влюбился въ эту надменную блондинку, — фляку, всегда запертую подъ стеклами своего стариннаго, закопченаго дома. Умы вѣтренные дѣлають невѣрности даже пороку; зрѣлище добродѣтели, не хуже чего другаго, отвлекаетъ человека отъ обыкновенныхъ его занятій. Онъ, какъ уже сказано, жилъ прямехонько противъ дома отца Эрнестины, и вздумалъ просиживать по цѣлымъ днямъ у окна, чтобъ не терять ея изъ виду. Онъ сдѣлался настоящимъ пастушкомъ: принялся играть на флейтѣ; сочинять и пѣть всякой день романсы, изъ которыхъ ни въ одномъ не было здраваго смысла; убирать свой балконъ большими ялиями и прекрасными гераніумами, и эта зеленая идиллія служила шторой его вздохамъ. Отецъ Юліи замѣтилъ эту перемену, а какъ отецъ Юліи былъ добрякъ, то онъ и по-радовался ей. Пріятель нашего влюбленнаго, — Байроны своего квартала и трактирные Донъ-Жуаны, удивляясь, что ихъ мѣшала, ихъ колонновожатый ударился въ усидчивыя, щедрыя семейныя наслажденія, и желалъ привести его на умъ, объявляя ему, что онъ человекъ пропащій:

— Пропащій, такъ пропащій! отвѣчалъ онъ.

И это его не поколебало ни сколько.

Съ тѣхъ поръ во всемъ околоткѣ, особенно у любителей романсовъ, только о томъ и рѣчь шла, что Юлій покинулъ прежнюю жизнь свою. Въ Парижѣ все кажется соблазномъ, даже отсутствіе соблазна. Противодѣйствіе было сильно: таковъ уже былъ его характеръ! При всякой подобной переменѣ, умы провинцальныя находятъ тысячи признаковъ, по которымъ перемена необходимо должна была совершиться. Всякой сталъ вспоминать разныя черты, проявлявшіяся посреди величайшихъ его малостей и, по нѣкоторымъ знаточкамъ, доказывавшія прекрасную душу и доброе сердце. Подобныхъ поступковъ открыли въ немъ, Богъ-

вѣсть гдѣ и какъ, величайшее множество; понуждѣ, чтобы только что-нибудь рассказывать, ихъ бы и выдумали. Но жизнь Юлія въ самомъ дѣлѣ представляла много счастливыхъ исключеній, а всѣы клонились теперь къ высшему. Этого было уже слишкомъ довольно, чтобы вскружить всѣ головы. Одна Эрнестина твердо стояла противъ всего свѣта, даже противъ своихъ родителей; но наконецъ эти безконечныя похвальные слова поведенію Юлія, возвышавшіяся иногда до дивирамба, эта безконечная война противъ предразсудковъ глупой дѣвочки, — такъ говорила даже и ея маменька, — подточили ея ненависть и презрѣніе. Краснорѣчіе поступковъ Юлія довершило побѣду. Да притомъ, кто можетъ постигнуть и пересказать всѣ коварства самолюбія? Зеркало дѣвушки, наименѣе влюбленной въ лице свое, всегда украдкой переводитъ ей смыслъ взглядовъ, а въ повѣсахъ обыкновенно предполагаютъ хорошій вкусъ. Надобно же, чтобы они извлекли какую-нибудь пользу изъ своей опытности въ пороки, и за вкусъ на нихъ никто ни сердится. При томъ же, мужчины, какъ бы испорчены ни были, рано или поздно, всегда отдають справедливость красавицамъ: за нихъ природа.

Согласно вышечисланному, когда однажды вечеркомъ старикъ Дебрѣ сѣлъ подъ акацію сада отца Эрнестины и сталъ просить руки ея для Юлія, прекрасная и невинная дѣвушка, которая приближалась въ это время къ гостю, чтобы налить ему чаю, раскраснѣлась какъ вишня, и быстрѣе мысли толкнула маменьку локтемъ, когда та, зная отвращеніе дочери отъ этого негодяя, хотѣла отвѣчать отказомъ. Можетъ ли быть что-нибудь прямодушнѣе этого признанія локтемъ? Буфлеръ въ свое время воспѣлъ бы это въ поэмѣ. Оплачемъ Буфлера!

Между-тѣмъ рѣшительнаго приговора не осмѣливались прованести нѣсколько мѣсяцевъ. Но каждая строчка была новымъ ручательствомъ за успѣхъ. Добродѣтель Юлія росла видимо и дѣлала успѣхи страшныя: онъ возненавидѣлъ всѣ общественныя забавы; онъ не видѣлъ уже въ театральныя маскарады; и даже въ немъ замѣчали явное перадрѣніе о своемъ туалетѣ. Вокругъ него не было уже весельча-

ковъ, ни пиршествъ: онъ былъ влюбленный пустынный. Тогда Эрнестина рѣшилась, боясь, что онъ наконецъ станетъ вести себя во-сто-разъ лучше са самой. Притомъ, надобно сказать, что немного кокетства, нѣсколько привязанности къ свѣту и забавамъ, все это ничуть не лишнее въ домашнемъ быту: дамы противъ этого не спорятъ, и даже умныя дѣвушки совсѣмъ не любятъ пуританъ; это у нихъ отъ матерей.

Свадьба была сыграна. Извините, что я выражаюсь такъ двдактически.

Послѣ свадьбы пошло опять въ ходъ злословіе. Не то, чтобы Юлій Дебрѣ сократилъ медовый мѣсяцъ: напротивъ, дѣло въ томъ, что онъ неумвренно продолжилъ его. Несчастный обожатель, долго откладывавшій до завтра, возбуждалъ сочувствіе во многихъ женскихъ сердцахъ, готовыхъ принести себя въ жертву; но довольный супругъ не оставляя уже никакой надежды дѣвушкамъ, мучимымъ своими осмнадцатью годами, женамъ, которыхъ онъ оставалъ въ покоѣ, вдовамъ, которыхъ сонъ тревожили воспоминанія. Юлій сдѣлался нестерпимо неучтивымъ, и принималъ множество предурныхъ привычекъ. Онъ видѣлъ только свою Эрнестину, говорилъ только со своею Эрнестиною и какъ-будто только и зналъ одно слово — Эрнестина. Ни одного взгляда для кого бы то ни было, ни одного комплимента, однимъ словомъ, ровно ничего, а чело-вѣкъ свѣтскій обязанъ этимъ каждой женщинѣ: это ежедневный доходъ женщинъ, и онъ одинъ дѣлаетъ ихъ довольными тѣмъ, что онъ не мужчины. Съ яростію въ сердцахъ хохотали онѣ во все горло надъ несправдливостію этой гласной, неводержной любви; надъ этими взорами, которые одни другихъ искали и другъ друга одушевляли; надъ этими всегда готовыми улыбками; надъ этими поцѣлуями, схватываемыми налету, испрашиваемыми, звонкими, вкушаемыми съ наслажденіемъ; надъ этими руками, жадными другъ къ другу, и перевитыми, когда глуще счастье супруговъ окружало ихъ сферою электричества. Такъ было почти два года. Эта Эрнестина, которую считали ледяною, сдѣлалась огненною; любовники, которыхъ держали бы заперти, въ четырехъ стѣнахъ, не могли бы быть такъ

пламенны и такъ безумны въ своихъ тайныхъ, краденыхъ свиданіяхъ. Брачныя узы казались несгараемыми. Обычай, жениться рано и искать равенства возрастовъ и одинаковости сложения, принадлежить нашему времени. Я думаю, что этотъ обычай имѣеть благотворное вліаніе на нравы.

Рѣшено было, что всѣ эти восторги черезъ-чуръ смѣшны и до того натуральны, что нарушаютъ всякое уваженіе къ правиламъ людей образованныхъ. Раздраженіе непрерывно возрастало вокругъ Юлія и Эрнестины, а они этого и не замѣчали: новое и самое чувствительное оскорбленіе.

И между-тѣмъ у нихъ не было дѣтей! Они объ этомъ только и горевали. Домашній докторъ, человекъ важный,—эти господа всегда бываютъ чрезвычайно важны, потому что важность не дурно замѣняетъ умъ и превосходно замѣняетъ науку, и потому что всего вдругъ имѣть нельзя,—совѣтывалъ морскія ванны, прогулки и не помню какую-то діету. Трещущей Эрнестинѣ, по его наставленіямъ объясняли съ приличными околичностями предписанія врача Людовика XIV, когда недостатокъ прямыхъ наследниковъ чрезвычайно беспокоилъ весь его дворъ: Эрнестина скромно потупляла глаза, но ничто не помогало,—ни Французская исторія, ни морское купанье, ни прогулки, ни діета. Докторъ,—и я всегда уважалъ его за это,—началъ подозревать, что онъ просто осель, обстоятельство, которое большая часть его собратій тщательно отъ себя скрываетъ.

Юлію досадовалъ; онъ и не думалъ упрекать въ этомъ себя, хотя другіе надъ нимъ и подсмѣивались. Затроганное его тщеславіе приводило ему на память нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ онъ вышелъ съ честью,—то есть, съ безчестіемъ: въ этомъ отчетѣ не была забыта и невинная цвѣточница. Въ припадкахъ досады, онъ сваливалъ всю вину на Эрнестину, и тѣмъ огорчалъ ее. Если мужъ сказалъ глупость, ничто не препятствуетъ ему сказать двѣ глупости, три, четыре, и такъ далѣе. А Юлію, однажды пустившись, на дорогѣ не останавливался. Желаніе быть отцемъ терзало его и мучило. Сначала онъ только говорилъ глупости, а потомъ принялся ихъ и дѣлать. У лю-

дей съ умомъ прямымъ и логическимъ причина необходимо рождаетъ слѣдствія: дѣйствіе родится отъ мысли: это лукъ, съ котораго слетаетъ стрѣла.

Въ горѣ своемъ онъ страхъ разобидѣлся наомышками одной кузины, которая жестоко гуляла на счетъ его бездѣтства. Кокетки, замѣтивъ мимоходомъ, съ удивительною проникательностью усматриваютъ слабую сторону всякаго характера, и если онъ хотѣтъ гнаться за нами, намъ только стоитъ притвориться бѣгущими, чтобъ привлечь ихъ къ себѣ. Къ похвалѣ ихъ надобно признаться, что онѣ никогда этого не показываютъ и представляютъ намъ гордиться побѣдой. Юлій сталъ караулить эту кузину, подкараулилъ однажды утрою, и какъ онъ уже не въ состояніи былъ сдерживать своей досады, то напалъ на нее съ жаромъ и опровергъ все ея сомнѣнія. Убѣдившись въ томъ, что напрасно его обвиняла, кузина мѣсяца черезъ два послѣ того стала дѣлать самымъ гласнымъ образомъ приготовленія къ путешествію въ Италію; потомъ, отѣхавъ немножко отъ заставы, бросила почтовую карету, и самымъ тайнымъ образомъ, окольными дорогами, уклонилась въ тихое убѣжище на одной уединенной дачѣ, въ лѣсу, въ глуши, чтобы тамъ на досугъ поразмыслить о томъ, какъ иногда можно ошибиться. Въ то же самое время Юлій вдругъ вспомнилъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, которое заставляло его отлучиться изъ Парижа на однѣ только сутки. Онъ въ первый разъ расстался съ женою, и выказывалъ такую горестъ, что Эрнестина ишла полную причину гордиться ею!.....

Онъ возвратился домой не черезъ сутки, а черезъ трое сутокъ.

Когда ревность, болтливый демонъ, нагибается къ уху женъ нашихъ, онѣ не всегда рѣшаются признаться въ этомъ наущничествѣ, оскорбительномъ и унижительномъ для нихъ самихъ; но притворство, безъ опытности, не можетъ быть совершеннымъ. Тогда онѣ не доходятъ до цѣли, или переходятъ за нее. Чемъ болѣе онѣ образованы, тѣмъ болѣе уста ихъ хранить молчаніе, — молчаніе противугодно краснорѣчивое. Глубокое раздраженіе всегда холодно: оно проявляется въ заплаканныхъ глазахъ, въ нервическомъ сотрясеніи устъ, которыя не хотѣтъ говорить, во вздохахъ, тотъ

часть прерываемых. Юлій понял сомнѣнія Эрнестины, и чтобы заглушить ихъ, потому что видъ и одной слезы приводилъ его въ отчаяніе, онъ сдѣлался самымъ угодливымъ изъ мужей, самымъ расточительнымъ изъ дипломатовъ; онъ опустошилъ модные магазины, согналъ на работу всѣхъ бриллиантчиковъ. Благоразумно ли это? Не думаю. Производить расходы дѣла жены; мужъ не долженъ захватывать этого права, даже и для того, чтобы предупредить ея желанія. Отъ него требуютъ одного только согласія. Всякая перемена роли не разрушаетъ сомнѣній, а наводитъ на нихъ. Я говорю это въ назиданіе моимъ пріятелямъ: кто знаетъ, что можетъ случиться! А Юлій, можетъ — быть, перехитрилъ дѣла..... Вообще надобно признаться, что съ этого дня онъ сдѣлался несравненно любезнѣе: попрежнему, онъ ни въ чемъ не отказывалъ женѣ, но по-крайней-мѣрѣ не забывалъ всего свѣта. Онъ отсталъ отъ дурныхъ своихъ привычекъ; оставилъ свое странное, романтическое обхожденіе; забылъ страсть свою къ уединенію и къ бесѣдамъ съ женою наединѣ, которыя дѣлали его такимъ смѣшнымъ; онъ снова сдѣлался человекомъ свѣтскимъ. Превосходное его сердце снова проявилось, какъ въ достопамятные дни его холостой жизни. Пріатели его, которые никогда въ немъ не отчаявались, сосѣди, новые знакомцы, радовались этому общественному возрожденію. Веселье, пиры и празднества воцарились въ его домѣ, заблестали по окрестностямъ, и умъ его, который чахъ въ душной атмосферѣ супружества, явился въ прежней своей свѣжести, пылкости, отважности. И снова во всемъ околоткѣ заговорили о пиршествахъ Юлія Дебрѣ.

Прошу моралистовъ замѣтить слѣдующую странность: общественное мнѣніе строго и неумолимо къ холостому, милостиво и снисходительно къ женатому, хотя бы они, въ отношеніи къ правамъ, въ одинаковой степени были подозрительны. Это очень хорошо объясняется и теоріею общества. Женатый, говорятъ они, носитъ свою супружескую вывѣску открыто, честно, неустрашимо, такъ, что женщины не могутъ сомнѣваться въ томъ, что онъ несвободенъ; въ такомъ случаѣ, тѣмъ хуже для тѣхъ, которыя попадаютъ въ его сѣти! Сами онѣ того хотѣли. Прибавьте къ этому, что

опасность,—когда отъ этого происходитъ опасность,—заключается въ весьма тѣсной категоріи..... Жена его, царица всѣхъ собраній въ домѣ, и царица покорная, холодна она или ревнива (тутъ оно все равно), дѣлается, если только оне умѣетъ взяться за дѣло, покровительницею, подругою всѣхъ пріятельницъ, которыя подъ люстрами зимней гостиной, или подъ тѣнію лѣтней бесѣдки, могутъ свободно подставлять огню его взглядовъ, сквозь кружево или безъ кружева, смотря по достоинству, свои розовыя атласныя плеча, свои бѣлыя полныя ручки, и цѣлую коллекцію прелестей, которыя въ силахъ забросить въ голову кучу проектовъ и свести челоуѣка съ ума. Женатый, если только онъ богатъ, имѣетъ такимъ образомъ множество благопріятныхъ случаевъ, которыми можетъ пользоваться: они сами ему представляются, и представляются въ изобиліи. Предполагая въ немъ даже самое посредственное воображеніе, мы найдемъ, что это для него во сто разъ лучше Турецкаго гарема, потому что онъ тамъ и самъ, въ вихрѣ разнообразія, встрѣчаетъ еще прелесть сопротивленія.

Вторая причина жениться какъ можно раньше, хотя она и не имѣетъ ни какого соотношенія съ первою.

Зато я и поставляю условіемъ богатство.

Кстати, о богатствѣ: я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ объ имѣніи Юлія Дебрѣ.

У него не было имѣнія, но онъ ждалъ его и со стороны отца, экономнаго чиновника, который служилъ при всѣхъ Французскихъ правительствахъ, и со стороны женныхъ родителей, которые, для поддержанія своего торговаго дома, удерживали дочернино приданое и платили за него проценты. Эту временную посредственность состоянія Юлій замѣнялъ смѣлыми предпріятіями и отважными спекуляціями,—всегдашнимъ достоинствомъ характеровъ сильныхъ и предпріимчивыхъ, когда у нихъ есть чѣмъ изворотиться. Юлій былъ аферистъ,—обстоятельство, о которомъ я давно долженъ былъ упомянуть, но увлекся исторіею его супружества. Онъ еще былъ молодъ, юноша, дитя, и уже удивительный спекулянтъ. Я нѣсколько разъ говорилъ здѣсь объ его роскоши: эта роскошь не имѣла другаго источника, до свадьбы и послѣ свадьбы. Черезъ отца, кореннаго чиновника,

Юлій умѣлъ втереться въ общество большихъ аферистовъ, а своимъ правомъ привлечь къ себѣ всѣхъ маленькихъ въ помощники. Пріймитесь только: это множится водѣ пальцами, въ разныхъ видахъ, и, что ни говори, это ни сколько не сомнительно; напротивъ, очень достоверно. Какъ скоро вы находитесь въ известной сферѣ, разветвили свои связи по разнымъ административнымъ глубинамъ и хорошо умѣете властвовать взяточкою, тогда это рассчитывается напередъ съ астрономическою точностью, какъ затмѣніе солнца и возвращеніе Галлеевой кометы. Вы узнаете, что въ такомъ-то мѣстѣ предполагается проложить дорогу, провести каналъ, вододвинуть публичное зданіе: вы покушаете это мѣсто, чтобы потомъ продать его въ-три-дорога. Вы узнаете, когда объ этомъ никто еще не знаетъ, что съ морской державой долженъ последовать разрывъ: вы закупаете колоніальные товары въ день ихъ прибытія въ гавани, и потомъ берете за нихъ, что хотите. Когда рѣчь шла о войнѣ съ Испанією, которой, какъ известно, принадлежитъ Куба, Кашмиръ Перриѣ кричалъ Виллелю: «Государственные облигаціи упадутъ!»—Такъ чтожъ! вы наложите высокую цѣну на сахаръ, отвѣчалъ съ живостью министръ.— Общественное бѣдствіе дѣлается великимъ благомъ для свѣтлаго человѣка: вспомните, какъ вдорожали во время холеры разные аптекарскіе припасы, которые потомъ были признаны вредными, напримѣръ камфора: она продавалась по непомернымъ цѣнамъ. Въ случаѣ нужды можно отправиться на почтовыхъ, чтобы смастерить какое-нибудь контрабандное дѣльце; а если вы не парите въ высшихъ сферахъ, трудитесь въ низшихъ, собирайте по крохамъ. Иногда при этихъ предпріятіяхъ ненужно и денегъ; будьте только любезны: вотъ вамъ и капиталъ. Въ аферномъ мирѣ встрѣчаются и женщины, покровительницы ревностныя, которыя ни на что не смотрятъ. Тамъ, шута, дѣлаются два несмысленныя. Въ Парижѣ есть женщины, которыя продаютъ мѣста, кресты Почетнаго Легіона, даже депутатскія званія, и сами не берутъ за это денегъ, а предоставляютъ брать своимъ любовникамъ.—«Прелестная Зоя! мой пріятель хочетъ быть депутатомъ!»—«Что жъ ему нужно для этого? — Бездѣлица: округъ выберетъ его, если только онъ обвѣщаетъ, что туда

придеть кавалерійскій полкъ на зимовку.—«Ахъ, мой другъ, могу ли я отказать тебѣ въ этомъ? Скажи ему, что онъ смѣло можетъ обшачать два полка.» Иногда довольно для этого выхлопотать отъ казны денежное пособие округу на постройку моста. Такимъ образомъ дѣлаютъ по крайней-мѣрѣ треть законодателей, которые потомъ кричатъ въ палатѣ депутатовъ, что представительное правительство—чудо-правительство. А откупа? Знаете ли, что всякаго откупщика, виннаго или табачнаго, можно разорить, выведши изъ его города или мѣстечка квартирующій тамъ отрядъ войска, и наоборотъ, обогатить его прибавкою къ людности его округа нѣсколькихъ ротъ солдатъ? Я знаю людей, которые давали по двадцати тысячъ только за то, чтобы полкъ, назначенный къ перемѣщенію, остался еще три мѣсяца на мѣстѣ. Сдѣлайте это, и получите двадцать тысячъ! Тутъ ни кому нѣтъ обиды. Зачѣмъ не помочь доброму человѣку?..... И есть такіе, которые помогаютъ. Во всѣхъ подобныхъ низостяхъ вообще много честности. Маклеры совести, за неимѣніемъ своей, продаютъ чужую, и это дѣлается все добросовѣстно, на честное слово. Трудно вообразить себѣ, сколько доставляетъ въ Парижъ подобный грабежъ.

Я знаю еще одинъ родъ вѣрной спекуляціи. Вы заводите связи съ кучерами дипломатическаго сословія: они знаютъ, когда ихъ господа больны или не выѣзжаютъ со двора. Въ этотъ день карета иностраннаго посланника везетъ за городъ на прогулку какого-то господина, украшеннаго звездами, и возвращается съ прогулки въ городъ съ контрабандомъ.

Замѣтьте, что я еще и не все знаю.

Отсюда богатое житье Юлія Дебрѣ, отсюда его непонятная пышность, въ которой иногда бывали и затмвнія, угрожавшія погубить его; но этихъ затмвній никто изъ постороннихъ и не подозревалъ. Въ Парижѣ много такихъ существованій наудачу, рыщущихъ безъ остановки, безъ оглядки, безъ будущности, обреченныхъ на непредвидимое, окруженныхъ облаками роскоши; которыя сегодня плаваютъ въ золотѣ, а завтра въ долгу какъ въ шелку; которыя колеблются между каторжною работою и пучинами Сены, между поползновеніемъ къ преступленію и поползновеніемъ къ само-

убійству. Если рѣшился на первое, такъ голова цѣла, а рѣшился на второе, такъ и все кончено. На этомъ полѣ битвы, гдѣ вы всегда передъ дуломъ пушки, которой ядро унесетъ васъ, если вы не заколотите неустрашимо затравки, люди пріобрѣтаютъ страшную смѣлость и на все отваживаются; но какъ иногда довольно и самаго маленькаго камешка, чтобы разбить эти пустые колоссы, то они живутъ напропалую, и всякую минуту наслаждаются остающимся. Нѣкоторые изъ нихъ не лишаютъ себя жизни, это правда, и, что еще хуже, нейдутъ даже и на каторгу: я и такихъ видѣлъ. Надобно впрочемъ сказать, что по закону паденія, управляющему всѣмъ, кругъ ихъ спекуляцій мало-по-малу сжимается. Сначала они удивляютъ, а подѣ конецъ возбуждаютъ сожалѣніе. Если они переломили вамъ своимъ кабриолетомъ ногу, будьте увѣрены, что въ томъ же кабриолетѣ они рано или поздно будутъ возить васъ по двадцати су въ одинъ конецъ. Продавъ все, истощивъ все, унизивъ все, отечество, перо, жену, эти великіе люди начинаютъ продавать контрамарки и часовыя цѣпочки. Берегитесь!

Но чтобы представить вещи въ надлежащемъ ихъ видѣ, я долженъ сказать, что они наилучшіе въ свѣтъ друзья; искренніе, преданные, совершенно ваши, если вамъ есть время и если вы хоть немножко расположены вступить въ легіонъ, которымъ они предводительствуютъ. Разговоръ ихъ искрится и сверкаетъ блестками; взглядъ ихъ прорывается въ душу; все ваше, если вы ихъ; какъ скоро вы втянетесь въ ихъ бѣшеное существованіе, вы узнаете высокое этого свѣта: лучшія Испанскія и Италіанскія вина къ вашимъ услугамъ; всѣ пять частей свѣта будутъ доставлять вамъ лакомѣйшія свои блюда, и если глаза ваши загараются въ кругу нестрогихъ красавицъ, скажите только.

Надобно прибавить, что они бываютъ молоды удивительно долго. У нихъ нѣтъ морщинъ даже и въ сорокъ лѣтъ. Только, которые, струсивъ, оставляютъ дѣла, въ одну ночь, безъ постепенности, старѣютъ умомъ и тѣломъ, точно какъ Наполеоновскіе храбрецы, ловители эполетъ, которые таскались за своимъ повелителемъ по всѣмъ частямъ свѣта, рубили, пили, грабили, готовые на всѣ оргіи, — на оргіи

сраженій и оргіи побѣды, и потому, возвратившись во свояси, вмѣстѣ сдѣлались честными дубинами, отягченными ломотою въ костяхъ и всеобщимъ уваженіемъ. Я вѣрю превращенію товарищей Улисса.

И вотъ какое странное общество мало-по-малу собралъ Юлій Дебрѣ вокругъ своей Эрнестины. Самые образованные изъ этихъ людей были впереди, менѣе образованные позади, но послѣдніе приближались къ первымъ мѣстамъ въ точной математической пропорціи, съ пониженіемъ финансоваго благосостоянія Юлія. Покуда ему везло, это было превосходно; а когда онъ остановилъ всѣ отважныя предпріятія, это стало гадко.

Но для него ничего нѣтъ пріятнѣе падать; боль чувствуешь только тогда, когда уже ударилъ головою о камень. Но для женщины, затерянной въ такомъ необузданномъ мірѣ, для этой женщины, присутствующей при радостяхъ, которыя не отдавались въ ея сердце; для этой женщины, воспитанной въ лонѣ скромнаго торговаго семейства, посреди тѣснаго горизонта, гдѣ смиреншенько живетъ такое множество добрыхъ душъ, — цвѣтковъ, которыя расточаютъ въ четырехъ стѣнахъ свое благоуханіе и умираютъ, осыпанные благословеніями.

Я понимаю теперь, отчего Діогенъ не просилъ могилы: онъ не стоялъ ея и отдавалъ себѣ справедливость.

Могила — воспоминаніе.

Преслѣдовать Юлія Дебрѣ шагъ за шагомъ, въ его биографіи, было бы трудно, и не смотря на всѣ извѣстныя околичности, я не соглашусь высказать всего. Впрочемъ, я не чувствую въ себѣ силы быть строгимъ. Да и у Эрнестины не доставало на это силы. Какъ прикажете упрекать людей съ сердцемъ столь искреннимъ, посреди самой своей испорченности, — людей, которые такъ хорошо слушаютъ благоразумные совѣты, со слезами на глазахъ благодарятъ васъ за нихъ, плачутъ, рѣшаются на все, что вамъ угодно, съ ума сходятъ отъ радости при малѣйшемъ знакъ дружбы, и готовы броситься изъ окна ни за что, — чтобы только показать вамъ, какъ они васъ любятъ? Упреки! Э, Боже мой, да они сами упрекаютъ себя не хуже васъ; со-

вѣсть ихъ такъ же чутка какъ и ваша. Конечно, очень хорошо — отечески наставить ихъ какъ должно держать кормило; но лучше было бы схватить ихъ, связать, бросить на палубу, да самимъ приняться за кормило.

Этого Эрнестина не умѣла или не хотѣла сдѣлать. Безразсудная, она думала, что сдѣлаетъ нечто превосходное, поставивъ между нимъ и этимъ вихремъ тѣсную преграду, — свое женское сердце! Она считала его святилищемъ мира и спокойствія, въ которое Юлій удалится, какъ скоро почувствуетъ себя утомленнымъ. Но могъ ли онъ утомиться?..... Онъ былъ желѣзная машинка, движимая парами. Посмотрите вокругъ себя: люди этого рода есть во всѣхъ семействахъ.

Хотите ли вы образчикъ его жизни?

Это было уже при концѣ паденія, въ то время, когда паденіе уже чувствуется, когда оно угрожаетъ ему уже изблизи, когда видишь его уже лицомъ, и ввѣряешься головокруженію; когда уже началась борьба на смерть со счастьемъ, и, еще не уступая, чувствуешь уже въ тѣлѣ всѣ удары непріятели и не можешь отразить ихъ. Не говорите мнѣ о семи кругахъ Данта! Никогда еще на паркетѣ нашего афериста не давили столько драгоценнаго фарфора, лопавшаго отъ пунша. Цветы блистали въ заревѣ свѣчей, уже догорающихъ и растрескивающихъ кристаллы чашечки. Серебро выпадало изъ рукъ измученныхъ слугъ. Патрули начинали безпекониться подъ окошками. Гости хохотали. Это продолжалось уже двое сутокъ. Повременамъ хозяинъ выходилъ, но гости этого и не замѣчали, потому что у всѣхъ уже тавель и эпернѣ шумѣли въ бушующей груди; и всѣ эти души, какъ падшіе ангелы Мильтона, валялись на огненныхъ подушкахъ. Между-тѣмъ, вдвоемъ со своимъ задушевнымъ пріятелемъ, человекомъ избраннымъ, мужемъ средствъ отчаянныхъ, со своимъ начальникомъ главнаго штаба израненнымъ въ войнахъ этого рода, Юлій (я чуть не сказалъ, Наполеонъ) облокотившись на бюро, держа въ рукахъ табакерку, придумывалъ средства удержаться посреди паденія, задвѣлать бреши, и предписывалъ ученныя военныя дѣйствія, которыя, при помощи счастья, могли въ одну минуту измѣнить несчастный ходъ кампаніи. Юлій

являлъ леднокровіе великолѣпное; онъ овладѣвалъ ослѣпленіемъ, которое бродило въ посоловъльхъ глазахъ его и на влажныхъ устахъ. Эрнестина, вошедшая въ эту комнату на цыпочкахъ, за ширмою, ломала себѣ руки, не смѣя показаться. О, еслибъ мы, впадая въ бѣду по своей ошибкѣ обращали къ добру весь гений, который тратимъ на пустяки и на всѣ мелочныя средства удовлетворить ложному понятію о чести! Мы бы несомнѣнно совершали чудеса. Пучины таить въ недрахъ своихъ сокровища. Я знаю людей, которые, сидя уже на мелн, уже погибая, выдумываютъ, для какого-нибудь завтрака, средства, за которыя бы Мольеръ заплатилъ имъ на весь золота. Это ужасно. Повременамъ слуга, изъ бездѣлицы, заикаясь, прерывалъ совѣщаніе. То гости опрокинули богатые столовые часы въ гостиной, то Саксонскій фарфоровый сервизъ упалъ за окно. — «Хорошо», отвѣчалъ Юлій. — Наконецъ они уговорились съ пріятелемъ своимъ сдѣлать еще одну попытку, послѣднюю! То есть послѣднюю въ этомъ кризисѣ. Подскоблить кое-что на вексельной бумагѣ и черкнуть по ней раза два перомъ; а если эта попытка откроется, то—оба взглянули на ларчикъ, въ которомъ лежали дорожныя пистолеты, и, въ краснорѣчивомъ молчаніи, пожали другъ другу руку. Они рѣшились совершить подлогъ, преступленіе, и въ случаѣ неудачи, искать убѣжища въ самоубійствѣ.

Черезъ часъ Эрнестина, холодная, оледенѣлая, вышла изъ своего окаменѣнія. Что дѣлать? Чего желать? Подобныя открытія никому не сообщаютъ, ни даже матери; да притомъ мать Эрнестины была при смерти, и одно слово объ этихъ таинствахъ ускорило бы ея кончину. Испугавшись, что могла хоть минуту подумать о подобномъ средствѣ и, къ несчастію, будучи не въ силахъ предпринять что-либо сама, Эрнестина рѣшилась покориться судьбѣ своей. Покорность судьбѣ своей! Боже мой, да это веревка на шею,—саванъ, въ который ложишься въ изнеможеніи съ безумнымъ мужествомъ подставляя голову подъ топоръ,— съ бездѣйственнымъ мужествомъ существовъ, обреченныхъ на жертву! Покорность судьбѣ своей, когда останется еще выборъ между ницетію безъ преступленія и преступле-

ніемъ съ нищетою въ будущности!..... Но что же прикажете дѣлать въ этомъ страшномъ ожиданіи предопределеннаго бѣдной женщины, вышедшей съ блистательнымъ воспитаніемъ изъ смирнаго домашняго круга? Разсудните объ этомъ хорошенъко. Не правда ли, что она съ раннихъ лѣтъ, съ самой колыбели, разслаблена этимъ недѣльнымъ воспитаніемъ, состоящимъ въ одномъ обученіи языкамъ и пріятнымъ искусствамъ? воспитаніемъ которое обрекаетъ полъ ихъ быть рабомъ и куклою нашего пола? привычкою бездѣйственности и кокетству, которую всякая дѣвушка съ почтеніемъ принимаетъ отъ своей маменьки, и которую всякая женщина машинально передаетъ своей дочери? Есть ли въ этой системѣ мѣсто для души и воли?..... Не торопитесь отвѣчать мнѣ. Въ этомъ вижу я антоновъ огонь, пожирающій нравы и семейства. Разсмотрите эту блестящую столичную дѣвушку, виньетку, вставленную въ рамку, божество, которое мы обожаемъ, украшеніе нашихъ ир-шествъ, восхитительную своей естественностью, столь тщательно изученною. Эту дѣвушку, повѣрьте мнѣ, подготовляли только для завоеванія мужа. Въ брачномъ состояніи ей уже нѣтъ роли. Бракъ для ней заключается въ правѣ носить красивые чепчики. Послѣдуйте за нею, посмотрите на нее въ несчастіи. Подуетъ вѣтеръ злополучія, и она, какъ слабый тростникъ, поникнетъ головою. Вы, можетъ-быть, увидите въ ней высокое,—да, высокое самопожертвованіе! Сколько женщинъ, выброшенныхъ внезапно изъ вихря забавъ и празднествъ, безъ жалости лишенныхъ убранствъ, которыя такъ ихъ украшали, которыми онѣ такъ гордились,—облеклись въ благородное рубище, и въ бѣдной комнаткѣ на чердакѣ, зимою безъ огня, лѣтомъ подъ палящей крышею, ухаживая за больнымъ мужемъ, хворымъ ребенкомъ, умирающею пріятельницею, уменьшали нужду работою рукъ своихъ, боролись со сномъ, съ усталостью и лихорадкою, и боролись постоянно, такъ, что портили себѣ кровь и глаза! Я бы прослезился васъ, если бъ показалъ вамъ эти святыя души, которыя отгоняютъ отъ себя воспоминанія о роскоши, некогда любимой ими не менѣ жизни и взлелеявшей ихъ съ младенчества. Я слишкомъ уважаю ихъ, чтобъ удивляться тому, что врожденное отвращеніе отъ зла, — отвраще-

щеніе, которое называютъ добродѣтелью,—не оставило ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Но я не то хотѣлъ вамъ показать. Взгляните сюда, обернитесь къ этой постели, завязанной лохмотьями. Этотъ умирающій, котораго глаза бродятъ по васъ, котораго дыханіе зловонно и лице полу-мертво; этотъ отходящій супругъ, этотъ отецъ, котораго дети согрѣваютъ своими улыбками,—онъ расточилъ, растратилъ, разграбилъ общее достояніе всего семейства. Дети забнуть, гора преждевременно провела морщины по челу этой женщины; мысль объ ужасной будущности отравляетъ насущный хлѣбъ ихъ и воду, которую все семейство пьетъ изъ одного стакана, — оттого, что этотъ человекъ былъ мотъ или неловкій честолюбецъ, оттого, что въ случайности игръ, которую называютъ каррьеромъ и двамъ, онъ предпочелъ безсовѣстность, которая идетъ скоро къ почестямъ и бѣжить къ милліонамъ, честности, которая медленно возвышается по заслугамъ и собирая мало-по-малу, обезпечиваетъ судьбу семейства. И что жъ! ни одинъ упрекъ не вылетитъ изъ устъ этой женщины. Ангелъ великодушій, она страдаетъ, и не говоритъ этого. Да впрочемъ, и зачѣмъ же ей говорить объ этомъ? Она сама сообщница въ этомъ разореніи, въ этомъ безчестіи, потому что у ней не было мужества, потому что, безразсудно увлекаясь потокомъ примѣра и свѣта, она ни о чемъ не справлялась, ни въ чемъ мужу не препятствовала, никогда его не останавливала. И въ этомъ-то я ее и упрекаю! Я требую, чтобы она училась хотѣть, требую отъ нея отчета въ ея бездѣятельности, порицаю ее въ постыдной терпимости имѣть въ преступленіи. И скажите, пожалуйста, чѣмъ же ей упрекать его? Неудачными усиліями достигнуть всячески почестей, не правда ли? Да цѣль его подлостей льстила ея гордости, обвѣщая ей знатность и богатство. Расточеннымъ приданымъ? Приданымъ, поставленнымъ на карту, которая была убита? Разстройствомъ состоянія, которое этотъ несчастный надѣялся умножить, чтобы разсыпать его вокругъ своей супруги въ видѣ цвѣтовъ, брилліантовъ, забавъ, наслажденій; обольщеній всякаго рода и особенно случаевъ восторжествовать надъ тщеславіемъ пріятельницъ?—потому что роскошь есть не что иное какъ война, которую жен-

щаны ведутъ между собою..... Э, Боже мой, сударыня! да зачѣмъ же не принесли вы мужу, вмѣсто талантовъ, вмѣсто приданого, сильной воли и возвышеннаго характера? Вотъ какихъ талантовъ, вотъ какого приданого долженъ онъ былъ требовать отъ вашихъ родителей; талантовъ, которые не старѣютъ какъ голось или пальцы; приданого, котораго ни одинъ мужъ расточить не въ состояніи, наследія неистребимаго. Вы должны были стоять передъ нимъ прямо, устремлять въ будущее взоръ твердый, объявить ему, что не хотите почестей, приобретенныхъ безъ заслуги, ни богатствъ, отъ которыхъ можно умереть съ голоду. Но какъ вы не хотѣли и знать о дѣлахъ, какъ вы устремляли взоръ только на зеркало, вы такъ же преступны какъ и онъ смѣль—вы не имѣете права жаловаться. Таковы жены въ столицахъ. Я уважаю исключенія и не ограничиваю ихъ числа; но я не занимаюсь здѣсь исключеніями.

Я чувствую, что оскорбляю самолюбіе женщинъ тѣмъ уже однимъ, что голосомъ болѣе грубымъ, чѣмъ позволяютъ суетныя, приличія, приглашаю ихъ господствовать въ семействахъ умомъ, благородствомъ, предусмотрительностью, а прелестями, представлять въ нихъ олицетворенную и непреклонную совѣсть, и любезную уступчивость; но я полагаю добродѣтель въ дѣйствіи, а не въ бездѣйственности, въ волѣ еще болѣе чѣмъ въ вѣрности. Будьте вѣрны,—оно очень хорошо; но этого еще мало. Что мнѣ до того, что, вооружившись романическою твердостью, которой впрочемъ я не могу надивиться, вы проходите невредимы сквозь строй влюбленныхъ взглядовъ, повторяющихъ то, что собственное ваше зеркало говоритъ вамъ всякое утро? Я не смѣю считать этого достоинствомъ. Вы непорочны,—въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Да я и обращаюсь только къ непорочнымъ. Во имя ихъ страданій, когда онъ чувствуютъ, что благосостояніе ихъ колеблется, во имя ихъ пола, призываю я этихъ чистыхъ женщинъ, наблюдать лучше за воспитаніемъ дочерей своихъ, и урывать, очищать, преобразовывать это мелочное, поверхностное, пустое и слѣдственно, вредное воспитаніе, которое ослабляетъ душу, уничтожаетъ силу характера и обрекаетъ женщину навсегда быть игрушкою мужчины. Это воспита-

нѣ и есть причина зла. Сказать ли вамъ самый жалкій признакъ униженія женщины? Это вячная молодость, которую вы такъ тщеславитесь, что отлагаете какъ-можно дальѣ ея окончаніе и наконецъ въ ней забываетесь. Это не личность, сударыня: посмотрите на вашу сосѣдку. Самая добродѣтельная никакъ не хочетъ постарѣть. Я вижу молоденькихъ рѣзвухекъ, которымъ скоро стукнетъ сорокъ пять. Какъ же быть дочерямъ ихъ, которымъ по необходимости приходится считать себя моложе по-крайней-мѣрѣ нѣсколькими годами? Скрѣпите сердце, mesdames, и старѣйте, старѣйте смѣло, неустрашимо: старость почтена, если первый сѣдой волосъ, первая морщина и первый выпавшій зубъ не обрекаютъ васъ на горестное уединеніе, на роковое ничтожество, которое овладѣваетъ вашимъ домомъ и душою, и превращаетъ и то и другое въ пустыню. Мать! мать, которая была матерью, только въ пошломъ, тѣсномъ значеніи этого слова, безумно обожала дочь, и безумно наказывала для того, чтобы сдѣлать ее любезною и научить искусству привлекать взоры мужчинъ на свои достоинства, разумется, достоинства, постигаемыя взорами, и какъ можно скорѣе обуть ее съ рукъ, — поди сюда, и нагнись къ щелямъ стѣны, которая, какъ говорятъ, ограждаетъ домашнюю жизнь! Посмотри! Зять вашъ, сударыня, знаетъ, что вы ему дали совсѣмъ не подругу, — и въ этомъ виновны вы. Бракъ прикрываетъ это честнымъ именемъ, лакомъ законности, который дѣлаетъ сожитіе ихъ пристойнымъ. А что еще будетъ, если онъ взялъ ее только въ придачу къ приданому?..... И вотъ, этотъ челевѣкъ принимается «дѣлать свой каррьеръ», какъ и другіе; выдумываетъ какое-нибудь низкое средство, чтобы поскорѣе попасть въ чины, или отчаянная спекуляція, чтобы разбогатѣть сразу и навсегда покинуть работу, или бредеть въ пучины долговъ, и скачетъ очертя голову. Что станетъ дѣлать дочь ваша? Что она знаетъ, чтобы имѣть волю? Какая опытность, какой материнскій примѣръ оплодотворилъ ея характеръ? Гдѣ ей найти силы, чтобы преодолѣть тысячи препятствій? Наши нравы, наше общественное мнѣніе, которое не лучше нашихъ нравовъ, съ презрѣніемъ ее останавливаютъ, какъ скоро она велико-

*

душно пытается выйти из круга транокъ и безсмысленныхъ удовольствій, опредѣленныхъ на ея долю въ этомъ свѣтѣ. А кто сдѣлалъ эти нравы, кто образовалъ это мнѣніе; если не матери? Посмотрите сами. Возьмъ имъ надобно богатство или нечто равносильное,—мѣсто, званіе, блескъ, тысячи вышнихъ суетностей; онѣ, только это и проповѣдуютъ своимъ дочерямъ. Если дочери и составляютъ себѣ характеръ, то, позвольте васъ спросить, что это за характеръ?..... А ихъ для этого только и воспитываютъ, учатъ ничего не дѣлать, ничего не хотѣть, и стараются предать имъ таланты, самыя послѣдніе для честности общественаго человека. Честность! Большая часть изъ нихъ произносятъ это слово, ни сколько не понимая его, не зная даже того, въ чемъ она состоитъ для мужчины. Намъ толкуютъ о Турецкихъ гаремахъ! Полвоте, ради Бога! Гаремы, въ нашихъ нравахъ: форма тутъ ничего не значить. Все общество одинъ великій гаремъ. Женщина, самая чистая и вполнѣ достойная избавится униженія этой доли, влечить въ насъ за собою обрывки воспитанія, которое противъ ея воли затемняетъ ея разумокъ, не позволяеть ей имѣть власти въ душѣ и господствовать надъ поступками мужа знаніемъ долга и обязанностей гражданина, яснымъ понятіемъ о томъ, что и какъ происходитъ на свѣтѣ, благородною и предусмотрительною волею. Утомившись нѣсколькими усиліями, она поневолю принимаетъ ярмо и униженіе, потому что бремя твердости и вниманія къ дѣламъ мужчинъ слишкомъ тяжело для ея силъ, которыхъ никогда не упражняли. И счастлива она еще, если не чувствуетъ своего униженія, — потому что, до чего не можетъ довести презрѣніе къ самому себѣ! Голосъ ея слабѣетъ и мужество погасаетъ; она сама себя обезоруживаетъ, и предаетъ будущность свою своему властителю. Между этою женщиною и жалкими женщинами, на которыхъ указываютъ пальцами, я вижу только одну разницу: она живетъ на содержаніи законнымъ образомъ. Мужчина и кормить ее и одѣвать. Въ часы досады или утомленія, онъ даетъ ей почувствовать, что много для нее дѣлаетъ и что за это надобно уважать его какъ за добродѣтеля; что безъ этой цѣпи, которая однимъ концемъ закрѣплена во-

кругъ его шен, онъ не сталъ бы лишаться шокоа, а иногда и чести, въ непрерывной, каторжной работѣ, которой выгоды для нея, а невыгоды для него одного. Вотъ свидѣнія этого блистательнаго и поверхностнаго воспитанія женщины! Это, если вамъ угодно, эпизодъ, даже эпизодъ длинный, но очень полезный въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Теперь возвратимся къ дѣлу.

Эрнестина была подавлена чувствомъ своихъ опасеній и своей немощности. Дойдя до этого, человекъ разсуждаетъ уже недолго: онъ чувствуетъ, что обреченъ на гибель. Есть осужденные, которые пляшутъ на эшафотѣ. Это оттого, что мысль о смерти мѣшаетъ жить, и что инстинктъ жизни побуждаетъ насъ уклоняться отъ этой мысли.

Послѣ той сцены, которой Эрнестина за ширмою была невидимою свидѣтельницею, ее ожидала еще другая.

Чтобы скрыться въ своей комнатѣ, она поспѣшно проходила мимо гостиной, но то, что тамъ происходило, заставило ее приостановиться у полурастворенной двери. Бланшаръ, совѣтникъ, другъ Юлія, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ былъ такимъ флегматикомъ, теперь казался величайшимъ шалуномъ, вѣроятно, чтобы притти въ уровень съ общимъ безумствомъ и забыться до завтра, до рѣшительнаго дня; онъ взялъ у сосѣда ножикъ, чтобы разрезать бичевку бутылки шампанскаго, и, помазивая ею передъ огромнымъ зеркаломъ, спрашивалъ: «пустить?» — Полно дурачиться, сказалъ Юлій съ досадою: въ состояніи ли ты заплатить за него?

Эрнестина увидѣла, что Бланшаръ упалъ на стулъ, блѣдный, разстроенный, трепещущій. Юлій сказалъ слишкомъ много. Гости чувствовали, что права гостепріимства въ отношеніи къ нимъ всѣмъ нарушены. Хозяинъ далъ почувствовать, что онъ дома. Раздался ропотъ; потомъ всѣ замолчали. Всѣ ожидали отвѣта. Общая обида требовала отмщенія. Бланшаръ воздержалъ первое свое движеніе и изъ дрожащихъ устъ его вышла только слѣдующія немногія слова, которыя однакожъ всѣхъ поразили, потому что были произнесены съ какимъ-то необъяснимымъ выраженіемъ.

— Юлій, ты, вѣрно потому говоришь мнѣ это, что я разорился, въ нищету, совершенно отъ тебя завѣшу? что

я не умѣю ничего употреблять во зло и никогда не рѣшусь отвѣчать тебѣ?.....

Дѣйствіе этой мрачной и умѣренной жалобы было чрезвычайно быстро. Юлій затрепеталъ и опустилъ голову; потомъ вдругъ бросился въ объятія своего друга, рыдая, прижималъ его къ груди, и съ раскаяніемъ, которое было воспламенено пьянствомъ, кричалъ:

— Можешь ли ты обращать вниманіе на то, что я тебѣ говорю? Можешь ли ты считать себя разореннымъ, когда у меня что-нибудь есть?... Называй меня глупцемъ, бывшимъ, злымъ человѣкомъ: я этого стою, потому что огорчилъ тебя. Но я долженъ быть наказанъ за то, что изъ за проклятаго зеркала оскорбилъ сердце лучшаго моего друга.

И посреди шума и крика всѣхъ гостей, которые побросались вправо и влево, звонъ зеркала, разлетѣвшагося въ дребезги, судорожно потрясъ Эрнестину. Послѣ этого безумнаго изъявленія искренности и раскаянія, всѣ начали стараться о томъ, чтобы изгладить и послѣдніе слѣды печали на лицахъ обоихъ друзей; ихъ окружили, жали имъ руки; они сто разъ обнимались; пьянство началось пуше прежняго вокругъ Юлія и Бланшара, которые сидѣли обнимаясь и улыбаясь; до самаго разсвѣта скакали пробки, падали горла бутылокъ и ромъ лился струями въ честь превосходнаго сердца Юлія Дебрѣ.

По этому обращенію можете судить о прочемъ. Въ этой чертѣ, конечно, есть доброе побужденіе: да къ чему оно?

Кризисъ, о которомъ я говорилъ, какъ-то отдалился, вмѣстѣ съ кризисомъ, котораго Эрнестина ожидала. Часто ли происходили подобныя совѣщанія? Она этого не могла сказать. Она, какъ ребенокъ, испугавшійся грома, закрыла глаза, чтобы не слышать, заткнула уши, чтобы не видѣть.

А черезъ нѣсколько времени послѣ этого умерла ея мать.

О, для дочери, которой мать была всегда чиста и неукоризненна, женщина добродѣтельная, ревностная къ своему долгу, холодная ко всему прочему, какъ пусть кажется свѣтъ послѣ потери, отнимающей у нея всю силу, есъ припры, все утѣшеніе! предающей ее отчаянію! оставающей

ее одинокою на землѣ, посреди самыхъ мрачныхъ предчувствій! лишающей ее ангела-хранителя!

При видѣ этой смерти, Юлій постигъ свои поступки. Все, что было въ немъ хорошаго, ожило и снова овладѣло его способностями. Онъ сталъ искать удивленія со своею Эрнестиною, чтобы плакать какъ она, плакать вмѣстѣ съ нею.

Ему удалось, истощая слезы, утишить спазмы меланхолин, которыя въ добрыхъ сердцахъ переживаютъ привязанности, лишившіяся своего предмета, и которыхъ горесть, посреди безпокойныхъ дней, опредѣленныхъ намъ на землѣ, можетъ усладиться только одною любовью, если только любовь нѣчто лучше пошлаго наслажденія чувствъ. Вы знаете, чего недоставало Юлію, чтобы это условіе могло быть въ полнепо; но онъ самъ не могъ этого постигнуть, хотя бы ему это и сказали. И онъ лишился мужества при видѣ унынія, напечатлѣннаго на челѣ Эрнестины, — унынія, котораго она уже не скрывала, хотя еще и не выражала. Это показалось Юлію Дбрѣ предопредѣленіемъ: не могши побѣдить этого унынія, онъ оставилъ свои старанія.

И это не было съ его стороны поступкомъ обдуманнѣмъ. Нѣтъ. Если онъ обдумывалъ свои поступки, то развѣ только въ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, и то по его образу мыслей объ этомъ предметѣ. И можно ли отъ него требовать чего-нибудь болѣе, когда онъ представлялъ себѣ женщину такую, какою дѣлаетъ ее принятый образъ воспитанія? — «Я хочу, говорилъ онъ, чтобы моя милая была счастлива и ни въ чемъ не терпѣла недостатка!» — Онъ высоко цѣнилъ поверхностное благополучіе, къ которому обращаютъ первую и, къ сожалѣнію, можетъ-быть, единственную мысль женщинъ нашего времени: онъ не жалѣлъ ничего, чтобы его Эрнестина была блестящею между самыми блестящими. Такимъ образомъ, онъ впадалъ въ заблужденіе художниковъ, которые, чтобы ослѣпить толпу, за невѣніемъ генія, котораго купить нельзя, расточаютъ въ своихъ картинахъ золото. Этотъ грубый переводъ слова «счастіе» заглушилъ бы, можетъ быть, размышленіе у другой женщины; но горесть, уничтоживъ вѣтреность Эрнестины,

расширила горизонтъ ея понятій, и эта безумная роскошь говорила ей только то, что нищета растетъ и осаждаеть ихъ со всѣхъ сторонъ.

На пріятелей, даже и самыхъ малосовѣстныхъ, клеветаютъ, утверждая, будто они нарочно отвлекаютъ женатаго человека отъ дома. Это несправедливо. Напротивъ, они дѣлаются сообщниками каждой доброй мысли мужа въ этомъ отношеніи. Доказательствомъ этого служитъ Бланшаръ, другъ Юлія Дебрё. Онъ проникъ горести Эрнестины, но, одержимый матеріализмомъ своихъ нравовъ, не искалъ причины этихъ горестей за сомкнувшуюся петлю тайны, которою Юлій сталъ облекать свое паденіе. Однажды, Бланшаръ отвелъ Юлія всторону, и просилъ проводить его до дому. Дорогою, Бланшаръ съ большимъ жаромъ принялся доказывать, что человекъ умный и добрый всячески долженъ стараться не огорчать жены, и быть чрезвычайно осторожнымъ, когда ее обманываетъ, — что можетъ случиться при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ; и что, по видамъ высшей супружеской политики, надобно безропотно подвергнуться слѣдствіямъ своихъ шалостей и переносить ихъ самымъ незаметнымъ образомъ, хоть бы пришлось пасть подъ бременемъ двухъ или трехъ своихъ семействъ. Изъ этого онъ весьма справедливо заключилъ, что Юлій не долженъ отлучаться по ночамъ, потому что одинъ такой неблагоразумный поступокъ можетъ разрушить до основанія все зданіе счастья Эрнестины. Въ этомъ отношеніи, сказалъ онъ весьма справедливо, и самая искусная ложъ представляетъ весьма надежную вѣроподобность. Бланшаръ съ жаромъ доказывалъ свое мнѣніе. Юлій, самъ хороший логикъ, согласился съ правиломъ, которое другъ его поставилъ въ основаніе своей теоріи, и обещалъ покориться всемъ слѣдствіямъ, произтекающимъ изъ этого правила. Онъ съ чувствомъ говорилъ о достоинствахъ Эрнестины, вѣдалъ, что она ангелъ доброты, и что онъ считалъ бы себя чудовищемъ, если бы могъ съ намѣреніемъ огорчать ее. Само собою разумѣется, что въ подобномъ разговорѣ о предметѣ столь деликатномъ, и къ которому Бланшаръ приступалъ въ первый разъ, оба пріятеля должны были говорить отъ полноты сердца. Чтобы рассмотреть это дѣло во всей подробности, опи нѣсколько

разъ провожали другъ друга до дома, и потомъ, чтобы по-толковать на просторъ и на досугъ, взяли всторону, прошли Елансейскія Поля, Нёльи, Рюель и Мальмезонъ. Къ пяти часамъ утра они очутились въ аллеяхъ лѣса Везипё, и зашли позавтракать къ лѣсничему. Чистый воздухъ и ходьба придали имъ большой аппетитъ. Черезъ недѣлю послѣ этого Юлій возвратился домой съ твердымъ намъреніемъ воспользоваться советами Бланшара.

Очевидно, что этотъ человекъ былъ неисправимъ.

Впрочемъ можно ли думать о времени, когда бываешь съ друзьями и разговариваешь, особенно, если знаешь толкъ въ лошадахъ, любишь поохотиться, или порядочно играешь на билліардъ. Выбравшись на улицу, можно бы, не разуваясь, обойти разъ двадцать кругомъ всего свѣта, если бы материка не были раздѣлены морями. Болтовня уничтожаетъ разстояніе и поглащаетъ часы, какъ тѣ картины, въ которыхъ изображается цѣлый рядъ происшествій, совершившихся въ разныхъ мѣстахъ. Юлій былъ человекъ свѣтскій, почти поэтъ, весьма порядочный игрокъ на флейтѣ, знатокъ въ гастрономіи, танцоръ неутомимый и сверхъ-того человекъ съ чрезвычайно чувствительнымъ сердцемъ. Онъ не могъ видѣть ни чьихъ страданій, не страдая самъ; несправедливости, чтобы не вступить за обиженного; нищеты, чтобы не поспѣшить къ ней на помощь. Онъ плакивалъ, какъ ребенокъ. Сто разъ видывалъ я, какъ онъ отдавалъ бѣднымъ часы свои, — вещь, впрочемъ, для него совершенно бесполезную. Онъ ни сколько не дорожилъ временемъ, и вездѣ оставлялъ воспоминаніе о своей любезности, своемъ чистосердечіи и душевной теплотѣ своей; вездѣ былъ сопровождаемъ друзьями, которыхъ и именъ иногда не звалъ; вездѣ его съ радостью встрѣчали, обнимали, обожали и съ горемъ провожали. Біографія его представляетъ длинный рядъ прекрасныхъ дѣлъ, какитъ и вообразить невозможно. Ихъ такъ много, что всѣхъ не перечесть. И къ этому много способствовала странническая жизнь его, жизнь дѣльца, предприимчиваго и дѣятельнаго, потому что, рыская безпрерывно, онъ останавливался, гдѣ случалось, даже иногда и дома. Однажды онъ вышелъ на минуту въ

туфляхъ и безъ шляпы: недѣли черезъ двѣ жена получила отъ него письмо изъ Страсбурга.

Я долженъ объяснить это письмо, — вещь, для него, довольно странную. Онъ былъ совершенно безъ денегъ: иначе, непрерывно собираясь отправиться въ обратный путь, прожилъ бы тутъ до страшнаго суда, не подавъ о себѣ ни вѣсточки.

Въ Страсбургѣ получилъ онъ важную вѣсть: Эрнестина его была беременна.

Тутъ ничто уже не могло удержать его. Онъ какъ-будто съ ума сходилъ отъ радости, и по улицамъ кричалъ о своемъ благополучіи. Онъ сѣлъ въ почтовую каляску, и, не дожидаясь своего товарища, Бланшара, который въ это время занимался перевозкою контрабанды, отправился; ему казалось, что скачущія лошади идутъ шагомъ, что прямые дороги идутъ извилинами: на первыхъ станціяхъ онъ роздалъ всѣ свои деньги и потомъ предлагалъ почталіонамъ векселя; онъ готовъ былъ выскочить изъ каляски, чтобы она легче катилась, и толкать ее руками. Въ попыткахъ возвращенія въ домъ свой, онъ оборвалъ колокольчикъ, выломалъ дверь, которую не довольно скоро отворили, опрокинулъ совсѣмъ уже накрытый столъ, заключилъ свою блѣдную, похудѣвшую, онемѣвшую отъ радости Эрнестину, въ жаркихъ, бѣшеныхъ объятіяхъ, и не видѣлъ ни отца, ни всѣхъ своихъ родственниковъ, собравшихся по какому-то торжественному случаю. Напрасно съ нимъ говорили, хоромъ ему кланялись, представляли подарки, пожимали руки: онъ ничего не видалъ, не слышалъ, и совлажными отъ восторга глазами, смотрѣлъ на свою Эрнестину, которая спѣшила отереть потъ, текшій ручьями съ лица его. Онъ увертывался отъ обвинаній родственниковъ и родственницъ машинально, какъ обходишь какую-нибудь преграду на дорогѣ или докучнаго человека. Живописецъ, который бы хотѣлъ изобразить благополучіе, долженъ бы былъ взять за образецъ его лице. Уже долго послѣ этого и какъ-бы насильно замѣтилъ онъ, что вокругъ него есть что-то чрезвычайное. Наконецъ Эрнестина кое-какъ съ большимъ замѣшательствомъ, съ большими околичностями, дала ему уразумѣть, что онъ такъ неожиданно возвратился именно въ

день своего рожденія, и что семейный пиръ былъ бы и въ этотъ разъ какъ и всякій годъ, потому что Эрнестина, скромная какъ и всѣ женщины, которыя уважаютъ себя, сейчасъ только выдумала причину, чтобы объяснить гостямъ, почему онъ долженъ былъ отлучиться изъ дома. Въ этомъ объясненіи открывалась цѣлая система. Юлій увидѣлъ изъ этого, что дурное его поведеніе еще не извѣстно семейству. И это не должно удивлять васъ, несмотря на все, что говорилъ я. Парижъ — пропасть, въ которомъ поведеніе самое соблазнительное иногда не доходитъ до ушей самыхъ ближнихъ. У самыхъ дверей своихъ родителей люди безпутничаютъ ужасно и притомъ по секрету. Были родители, которые узнавали о смерти сына черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ казненъ на Гревской Площади. Геронимъ Эрнестины переполнилъ сердце Юлія. Онъ не могъ воздержаться, и во всемъ признался; перечелъ по пальцамъ всѣ свои невѣрности, всѣ шалости, всѣ проступки, всѣ преступленія; чернилъ себя хуже всякаго непріятеля; называлъ себя самыми гнусными именами, и, разгорячаясь по мѣрѣ своихъ признаній, упалъ передъ Эрнестиною на колѣни, цѣловалъ ея ноги, умолялъ ее возненавидѣть его, потому что онъ недостойнъ ея, извергъ, Сарданапалъ, чудовище. Хоть бы пьяному: а между-тѣмъ онъ уже двое сутокъ не вѣлъ! Эта сцена, невѣроятная по своей непомерной искренности, приписана была восторгу отеческаго сердца; и всѣ единогласно призвали, что отецъ, который такимъ образомъ безумствуетъ, далеко за собою оставитъ Меропу и за поясъ заткнетъ мать Гракховъ. Эрнестина ѣ плакала и смѣялась въ одно время. Этотъ бышечный, истинно Французскій характеръ проникъ сердце ея и страхомъ и гордостью. Но счастье быть обожаемою превозмогло. Подъ конецъ она сама сдѣлалась такъ же безумною какъ онъ. Юлій всѣхъ свелъ съ ума, — такъ онъ былъ добръ, веселъ, такъ неудержимо изливался на гостей эта лава чувствительности. Стали биться объ закладъ, что у него будетъ сынъ, и старику Дебрѣ предложили быть крестнымъ отцемъ. Добрый старикъ былъ тронутъ этимъ до глубины своей чиновничьей души. Восхищеніе его выразилось тридцатью тысячами франковъ, которые онъ прислалъ на другой день Юлію. Прошу покор-

онъ говорить послѣ этого, что утро вечера мудренѣе. Дѣло въ томъ, что ужъ поздно ночью, шестидесяти-лѣтній Дебрѣ, который обыкновенно ложился въ десять часовъ, рѣшился выпить два бокала шампанскаго за здоровье будущаго своего внука и крестника, и даже промурлыкала старинный зротическій романсъ блаженнаго времени романсовъ. Этими объясняется и подарокъ. Старикъ былъ двѣ недѣли отъ этого боленъ.

Тридцать тысячъ франковъ блеснули въ глаза Юлію новою идеею. Онъ разсудилъ, что старикъ Дебрѣ можетъ-быть его провидѣиеть, разумвется, въ важныхъ случаяхъ. Да кто знаетъ, сколько бываетъ важныхъ случаевъ? Ихъ не перечесть.

И все эта безпрерывная нужда въ деньгахъ, поражаемая непомѣрными издержками, снова приводила Юлію къ прежнимъ его привычкамъ, къ стариннымъ пріятелямъ, къ внезапнымъ поѣздкамъ. Два тщетныя нападенія на отца заставили его отказаться отъ новыхъ попытокъ въ этомъ родѣ. Онъ сталъ по прежнему полагаться на одинъ только свой добрый геній. Къ несчастію, обстоятельства были уже не такъ благоприятны, — я хочу сказать, — не такъ благоприятны для него. Надъ Франціею прогремѣла новая революція, которую, для различія отъ другихъ, и чтобы не сбѣгаться съ толку въ этой пронасти революцій, назвали («юльскою»), а первое дѣйствіе всякой революціи состоитъ въ томъ, что старое поколѣніе спекуляторовъ замѣняется новымъ. Прежнія связи разорваны, переищаны; передъ вами уже не тѣ лица; дѣла идутъ не такъ, какъ шли прежде будто по маслу; надобно начинать новое поприще; и покуда вы бродите ощупью по корридорамъ лабиринта, совершенно перестроеннаго, соперники, молодые и живые, перегоняютъ васъ и далеко оставляютъ за собою. Во Франціи это доведено до совершенства. Не думайте, чтобы я хотѣлъ толковать о нравственномъ вліяніи этого рода переворотовъ: тутъ дѣло не о нравственности, и не о пользѣ государства, а просто о томъ, что во Франціи, когда одни спекуляторы наживутся при какомъ-нибудь правительствѣ, другіе, удаленные ими отъ дѣлъ съ казною, чтобы выпинбить ихъ съ мѣста, производятъ революцію, — оттого такъ часты Фран-

цузскія революціи, — зналъ, что всякое потрясеніе общества оканчивается прежнюю партію и подаетъ поводъ къ новой игрѣ. Административныя шашки стоятъ уже на другихъ мѣстахъ: это тотъ же безпорядокъ, но только не прежній, а новый. Я только это и хотѣлъ сказать. Такимъ образомъ Юлій Дебрѣ попалъ въ число жертвъ Іюльской революціи. Но онъ былъ такъ добръ, что даже и не сердился на спекуляторовъ, которые остривали ее, и, я думаю, что онъ не участвовалъ ни въ малѣйшемъ возмущеніи противъ нихъ. Онъ уважалъ свою братью, даже претерпѣвъ отъ нея жестокою обиду.

Онъ совѣтовался самъ съ собою, совѣтовался съ Бланшаремъ.

Бланшаръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые отчаиваются. Бланшаръ прошелъ уже черезъ всевозможныя положенія; умѣлъ и взбираться къверху, и спускаться въ преисподнюю. Онъ ужъ десять лѣтъ ждалъ каждый день осьмь или десяти милліоновъ. И въ этой увѣренности онъ дѣйствовалъ свободно. Во всемъ свѣтѣ не найдете должника милше, обязательнѣе этого Бланшара. Самыя кредиторы трогались до слезъ, видя, съ какою благодарностью вспоминаетъ онъ объ нихъ. Они составляли цѣлый полкъ людей, преданныхъ ему на жизнь и на смерть. Въ случаяхъ дуэли они чуть не дрались за то, кому быть у него секундантомъ: они же платили и за завтракъ. Одинъ изъ этихъ господъ, больше другихъ выскательный, по-крайней-мѣрѣ для формы, приставалъ къ Бланшару наждаю недѣлю; но, думаю, больше для того, чтобы послушать какъ онъ говоритъ, потому что разговоръ его былъ настоящей фейерверкъ, чѣмъ въ надеждѣ получить отъ него что-нибудь. Бланшаръ обыкновенно приготовлялъ къ этому дню свою корреспонденцію, и говоря, будто хочетъ занять у другихъ, чтобы расплатиться съ нимъ, посылалъ любезнаго друга съ писмами къ своимъ любовницамъ, къ пріятелю, куда вздумается, иногда совсѣмъ безъ нужды; но всякій разъ толковалъ доброму кредитору, тронутому его довѣренностью, какъ важно, чтобы никто не зналъ, какія у нихъ сношенія между собою: потому, говорилъ онъ, что кто же повѣритъ мнѣ хоть грошъ, если увидятъ, что я посылаю моего кредитора равнять

по городу мои письма? Посланный вполне съ этимъ соглашался, уходилъ, и по возвращеніи, отъ глубины души, сожалѣвъ, что не принесъ чего-нибудь, чтобы подвѣяться со своимъ должникомъ, и бранилъ эгоистовъ. Между-тѣмъ онъ обещался потерпѣть еще, и уговаривался съ Бланшаромъ, когда ему опять притти. Бланшаръ называлъ его своимъ «посыльнымъ кредиторомъ». Это была естественная его экономія. Онъ даже бранилъ своего посыльнаго кредитора, когда тотъ неисправно исполнялъ комиссію и съ важною приминалъ извиненія этого бѣдняка, который всегда самъ обвинялъ себя.

Юлій Дебрё говоритъ объ этомъ: «Какъ хорошо, что Молиеръ умеръ! эта выдумка заставила бы его повѣситься съ досады.»

И дѣйствительно, знаменитая сцена Донъ-Жуана съ Г-мъ Диманшемъ дрянь передъ этимъ.

Юлій Дебрё, бывший начальникъ этого челоузка, сдѣлался его подчиненнымъ, покоряясь такимъ образомъ непреложному закону событій, которыя столкнули его съ мѣста и вырвали у него изъ рукъ нить высшихъ операций. Горизонтъ его сдвинулся; зрѣніе ослабло. Окруженный мракомъ, онъ почувствовалъ въ душѣ отчаяніе. Мы должны впрочемъ сказать, что это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ привыкъ къ новому своему положенію, и пока, при помощи его добраго сердца, пріятеля Бланшара не сдѣлались его пріятелями, ихъ нравы его нравами, ихъ правила его правилами. Излишне было бы, я думаю, говорить, въ какого рода спекуляціи онъ, вмѣстѣ съ ними, пустился.

До этого времени онъ водилъ дѣла только съ своимъ отечествомъ. Гдѣ оно теперь? гдѣ то время, когда Юлій Дебрё запуская неводъ въ достояніе Франціи, когда, бывало, градомъ песчинокъ онъ производилъ на поверхности рѣки тысячи круговъ, которые, постепенно расширяясь, теряются изъ виду у самыхъ береговъ? Другіе овладѣли тоною! Аферистъ въ большой сферѣ можетъ быть Карломъ Великимъ; въ маленькой онъ не всегда даже и Мандрень. Мы должны замѣтить эту часть жизни Юлія Дебрё, по тому что она нѣсколько испортила рѣдкое его сердце. Вмѣсто государства,—существа отвлеченнаго, воображаемаго,

безыменнаго, ему представлялись жертвы съ точнымъ, опредѣленнымъ именемъ. Чтобы прекратить болтовню совѣсти, ему надобно было выдумать какую-нибудь причину, которая бы какъ-нибудь оправдывала или по-крайней-мѣрѣ извиняла его, и онъ выдумалъ эту причину. Онъ воспламенился благороднымъ гнѣвомъ противъ новыхъ грабителей общественнаго достоянiя, и сталъ считать противниками всехъ тѣхъ, которые не принадлежали къ его шайкѣ. Это правило сдѣлалось второю совѣстію Юлія Дебрѣ. Иной человекъ составляетъ себѣ такимъ образомъ въ свою жизнь двѣ или три совѣсти. Въ случаѣ нужды, новые плуты преимущественно говорятъ вамъ, что они приобрѣли опытность, и что чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе учишься. Усердно поздравляю ихъ съ этою опытностью.

Подъ начальствомъ Бланшара, Юлій Дебрѣ сдѣлался мелочнымъ плутомъ; учреждалъ тайныя лоттерен; торговалъ неблагопріистойными картинками; поддѣлывалъ вина, чтобы безъ убытка продавать ихъ по низкимъ цѣнамъ, устраивалъ библіотеки для чтенiй, и потомъ съ барышемъ продавалъ ихъ, выпускалъ объявленiя объ изданiи маленькихъ журналовъ, чтобы поживиться трусостью чиновниковъ и актеровъ, грозя имъ насмѣшками и ругательствами, или просто съ тѣмъ, чтобы выдать нѣсколько номеровъ, да потомъ надуть почтеннѣйшую публику; предлагалъ легковѣрнымъ маленькимъ капиталистамъ разныя спекуляціи, новыя отрасли промышленности, тайныя лекарства, неизвѣстныя медицинскому факультету, вѣрныя средства добывать за ничто металлъ драгоцѣннѣе золота; предпринималъ біографіи; составлялъ или разрушалъ за деньги репутаціи; учреждалъ справочныя мѣста, въ которыхъ люди, ищущіе должности, смѣло могутъ платить за билетъ по три франка въ мѣсяцъ, пока терпѣніе лопнетъ: все это съ обѣдами въ чужихъ домахъ, мелкими займами, которые не стоятъ отдавать, составляетъ въ Парижѣ непрерывный доходъ двухъ или трехъ тысячъ плутовъ. Въ стѣнахъ тюрьмы Св. Пелагiя, куда ихъ иногда засаживаютъ, эти плуты умѣютъ подговорить собственныя свои жертвы, чтобы онъ перепилили кандалы ихъ, и снова прежнимъ порядкомъ принимаются за прежнюю жизнь. Инстинктъ сближаетъ ихъ, связываетъ, за-

ставляет жить обществомъ. Вамъ вѣрно случилось разсматривать скелеты лицервъ, приготовленные такъ искусно, что ни одинъ анатомистъ не выдумаетъ орудій столь тонкихъ, чтобы можно было это сдѣлать. И между тѣмъ въ приготовленіи этого скелета надобно только положить лицерву на сутки въ муравейникъ на жертву прожорливости маленькой республики. Десять тысячъ муравьевъ, благодаря невидимымъ зубамъ своимъ, разомъ очистятъ бѣднужку такъ, что останется одинъ голый скелетъ. Это эмблема простака, который попалъ въ руки этихъ господъ. У него останутся только кости.

Юлій Дебрё былъ такъ созданъ, что не могъ блистать въ послѣднемъ ряду такъ какъ блисталъ въ первомъ. Онъ былъ лучше своихъ товарищей и потому имѣлъ большую цѣльготу передъ ними. Онъ былъ новичекъ на этомъ поприщѣ, и останавливался, когда надобно было разить. Между тѣмъ его умъ, его веселость искренняя, и свѣтское обращеніе, которымъ онъ обязанъ былъ прежней своей жизни, доставляли ему возможность играть внѣ сферы дѣйствія роль весьма полезную для компаній. Все примирилось во его голосу, все уступало обольстительности его характера, и, не прибѣгая къ хитростямъ своихъ товарищей, онъ привлекалъ людей самыхъ робкихъ прелестью своего обращенія. Настоящимъ его дѣломъ было устраивать загородныя партіи и шумныя обѣды, на которыхъ пирующие любятъ другъ друга безъ памяти, какъ скоро въ глазахъ потемнѣло, в гдѣ сердце на рукѣ, у всякаго, кто не стоитъ на ногахъ, и гдѣ однодневная дружба доходитъ до самыхъ важныхъ пожертвованій. Въ этомъ отношеніи вліяніе Юлія Дебрё было для компаній очень выгодно, потому что онъ былъ любезенъ до неутомимости: въ свѣтѣ, о которомъ говорю, дѣла начинаются только тогда, когда десертныя вина уже разгорячили головы, и оканчиваются тогда, когда уже голова теряется, какъ воздушный шаръ, въ облакахъ. Можно утвердительно сказать, что жертвы никогда не сердились на него; напротивъ, доверяли ему свои горести, и онъ разливалъ вокругъ себя утѣшеніе, онъ даже ражалобливалъ иногда Блишпара несчастіями, которыхъ дивидендъ они между собою дѣлили. Случалось, что онъ завербовывалъ обо-

дрянныхъ имъ самимъ въ избранный баталіонъ. Они конечно представляли жалкое лице. Да я не знаю, право, можно ли жалеть о глупцахъ, которые пропадаютъ изъ жадности! Въ дурномъ обществѣ всѣ безъ разбору достойны презрѣнія которое въ языкѣ правосудія переводится тюрьмою. Полу-нравственность та же безнравственность. Маленькій плутъ кричитъ противъ большихъ плутовъ. Вотъ исторія всѣхъ спекуляторовъ!

Эта часть жизни Юлія Дебрѣ роняся анекдотами, и въ каждомъ изъ нихъ по водевилю. Изъ театральныхъ статей въ журналахъ я вижу, что многіе изъ этихъ анекдотовъ уже поставлены на сцену. При жизни своей Юлія Дебрѣ не разъ имѣлъ случай рукоплескать самому себѣ на сценѣ, или продавая себя водевилистамъ, уступая имъ по дешевой цѣнѣ свои продѣлки. Впрочемъ, онъ всегда говорилъ, что еще успеетъ исправиться, когда сдѣлается отцемъ семейства.

Эрисстина родила сына.

День крестинъ былъ торжественно назначенъ, — день, который, по рассказамъ Юлія женѣ, пріятелямъ, всему свѣту, долженствовалъ быть эпохою переменъ его характера. Старикъ Дебрѣ пригласилъ одну изъ своихъ самыхъ старинныхъ пріятельницъ крестить съ нимъ новорожденнаго. Въ первый разъ, въ продолженіе своей тридцатилѣтней службы, онъ не лѣлся къ должности, хотя день былъ не праздничный. Самъ онъ повезъ куму закупать конфеты и къ модисткамъ за разными бездѣлушками, необходимыми при подобныхъ церемоніяхъ. Въ этотъ день у него былъ совсѣмъ новый тупей.

Наконецъ ребенокъ былъ наряженъ, кума съ важностью взяла его отъ груди матери, которой глаза блестяи радостію, свидѣтели уже собрались и посматривали на часы, кареты стояли у подъезда, чтобы везти все общество въ церковь..... Недоставало только одного.

Недоставало бездѣлки! отца новорожденнаго.....

Ищутъ, кричатъ, спрашиваютъ: Юлія гдѣ какъ гдѣ.

Куда жъ онъ дѣвался?

А вотъ куда.

Т. XII. — Отд. II.

Юлій въ это время, рука въ руку съ Бланшаромъ, прохаживался медленными шагами по Сень-Жерменской террасѣ. Бланшаръ былъ немощко блѣдень: онъ держалъ подъ плащомъ двѣ рапиры безъ шишечекъ. Его вызвали на дуэль. Само собою разумѣется, что Юлій, какъ добрый товарищъ, тотчасъ промѣнялъ невинныя наслажденія семейнаго празднества на тревогу встрѣчи, въ которой другъ его могъ найти смерть. Для этого довольно было одного слова Бланшара. Сдѣлавъ добродѣтельное усиліе, Бланшаръ толковалъ о безпокойствѣ Эрнестины, но Юлій не хотѣлъ ничего и слышать. Впрочемъ, недалеко отъ замка стояла на всякой случай карета. Назначенный часъ наступилъ, и противникъ Бланшара явился съ длиннымъ и плоскимъ ящичкомъ въ рукахъ. Они углубились въ лѣсъ. Враги смѣялись и разговаривали между собою, чтобы избѣжать подозрѣнія со стороны жандармовъ, которые развѣзжали вдоль рощи.

Черезъ часъ послышались два выстрѣла и мигнуть черезъ пять противники вышли изъ лѣса цѣлы и невредимы.

Когда два храбреца убѣдились въ обоюдной недовѣстности, благородно рѣшились не царапаться и какъ-будто ни въ чемъ не бывали, тогда, если воздухъ свѣжъ, если мѣстоположеніе пріятно, если они имѣютъ тысячи причинъ уважать другъ друга, какъ во прежней пріязни, такъ по славы и пыли, которою покрылись они на полѣ чести, — они начинаютъ завтракать: это написано въ рыцарскомъ законѣ. Юлій проголодался ужасно; совершенно ослабѣлъ. Онъ однако жъ не рѣшался, но его уговорили. Всегда можно подождать, пока изжарятъ двѣ или три котлеты: на это вѣдь не годъ надобно. Храбрецы наши, окруженные своими секундантами, принялись завтракать; аппетитъ ихъ уступалъ одной только ихъ любезности; они были милы до крайности. Причина дуэли была уничтожена и осмѣяна, хотя, правда, тутъ замѣшались оплеухи, но оплеухи обоюдныя: слѣдственно противники были квиты. Бланшаръ чрезвычайно забавно доказалъ это посреди бѣлаго огня каламбуровъ. Онъ не бывалъ блѣдень, когда надобно было драться на словахъ и дѣйствовать, вмѣсто оружія, умомъ.

Вечеромъ Юлій Дебрё былъ еще за столомъ: виновать, онъ былъ подь столомъ.

Но на другой день на разсвѣтъ, проспавшись, онъ готовъ бы былъ прибить себя за вчерашнее свое поведеніе. Прители его, съ отяжелѣлыми головами, лежали кой гдѣ по кресламъ; нивой на постели; Бланшаръ на гадкомъ трактирскомъ диванѣ. И все они храпѣли. Юлій вышелъ на цыпочкахъ, отправиться домой, чтобы утѣшить жену и полюбоваться на своего малютку. Но не было кареты! Юлій рѣшился идти пѣшкомъ, какъ вдругъ кто то его кликнулъ. Бываютъ случаи, какъ-будто посланные небомъ. Тотъ, кто остановилъ его, былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которые водятся только въ наше время и любятъ хлопотать изъ пустяковъ, чтобы ихъ считали дѣловыми людьми: капиталистъ по прихоти, ростовщикъ изъ раздраженія; но тяжелый, тщеславный, глупый шутникъ. Бланшаръ давно уже собирався пообщипать его. Юлій зналъ это, и распорядился мастерски. Погулявъ съ часъ по лѣсу, простякъ, обойденный со всѣхъ сторонъ, затронутый за все свои чувствительныя струны, восхищенный случаемъ, котораго самъ желалъ съ нетерпѣніемъ, передалъ портфель свой Юлію. Юлій чувствовалъ, что онъ опоздалъ на крестины своего сына, но онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что дѣловой человекъ долженъ прежде всего помнить о дѣлахъ своихъ, — а онъ сострапалъ «славное» дѣло! Докторъ, приглашенный къ дуэли, возвращался въ городъ. Юлій воспользовался его кабриолетомъ. Дорогою, онъ узналъ, что докторъ—членъ рекрутской комиссіи, и тотчасъ сталъ предлагать ему разныя сдѣлки. Одна изъ нихъ была удобоисполнима и весьма выгодна для Юлія Дебрё. Онъ такъ прельстилъ врача своимъ креснорѣчіемъ, что тотъ согласился забѣжать къ нему, чтобы увидѣть его сына и жену.

Вы можете вообразить, что Юлій былъ принятъ дома холодно. Эрнестина завернулась въ кроватины занавѣси и начала кричать, когда Юлій хотѣлъ взять сына на руки. Старикъ Дебрё, узнавъ наконецъ горестную жизнь своей невестки и сердясь за оскорбленіе, нанесенное ему въ день крестинъ отсутствіемъ Юлія при столькихъ свидѣтеляхъ, передался родительскому гнѣву, который впрочемъ ни къ чему

не служить и сверх того разливается на всехъ безъ разбора. Врачу досталось не меньше другихъ. Его называли развратникомъ, потаскушей, соблазнителемъ молодыхъ людей. Новый пріятель Юлія, извиняя вспыльчивость отца, могъ надосугъ одѣлать поведеніе сына. Между-тѣмъ, сцена кипѣла все болѣе и болѣе, то безумнымъ раскаяніемъ мужа, то бранью отца, то криками полунагой Эрнестины, которая трепетала отъ страха, потому что Юлія клялся, что онъ зарвется. По счастью, старикъ запутался въ перифразъ проклятія, и новоприбывшій почелъ нужнымъ, какъ докторъ, вступить въ это дѣло, для пользы матери, которая хочетъ сама кормить ребенка: онъ говорилъ съ такою твердостью, что протѣиваться было невозможно. Какъ скоро его званіе сдѣлалось извѣстнымъ, все уступили. Все было, если не примирено, по-крайней-мѣрѣ утешено. Съ обѣихъ сторонъ разсудили за благо молчать, но всякой засталъ въ сердцѣ неудовольствіе.

Таковъ былъ первый шагъ Юлія въ исполненіи его родительскихъ обязанностей.

Несмотря на примиреніе Эрнестины и ея мужа, которое послѣдовало въ тотъ же день, какъ скоро они остались одни, я всегда почитаю эту сцену смертельнымъ ударомъ для семейства Дебрѣ. Можетъ-быть, что я и ошибаюсь; можетъ-быть, Юлія былъ рѣшительно неисправимъ. Но у меня на этотъ счетъ есть своя теорія. Я никогда не ссорюсь съ женою при чужихъ, потому что мнѣ кажется, что отъ этого я и моя жена теряемъ все наше достоинство.

Г. Вервель, врачъ, о которомъ говорилъ я, часто бывалъ въ домѣ Юлія Дебрѣ. Я не хочу быть къ Г. Вервелю снисходительнѣе его самаго. Онъ самъ мнѣ говорилъ, что сталъ принимать участіе въ судьбѣ жены Юлія, сначала, только по живому чувству признательности, за уваженіе къ нему Эрнестины. Женщины, — это говорить гдѣ-то и Дабрюеръ, — женщины умѣютъ убѣдить насъ въ своемъ уваженіи средствами, которыя принадлежать только имъ однимъ, доказательствами тонкими и невольными, которыя вырываются у нихъ и сдѣлать всехъ словъ. Вскорѣ эта признательность удовлетвореннаго самоуваженія сдѣлалась не единственнымъ побужденіемъ, привлекавшимъ Вервеля къ Эрнестинѣ.

Доброй, лучшей чувствительностио взглядъ ея, физиономія, прозрачная для всѣхъ движеній души, и нежность тѣла, окрашиваемого самымъ чистѣйшею кровью; уста, на которыхъ мысль выражалась гораздо прежде, чѣмъ являлось слова, и которыхъ цвѣтъ ни одинъ живописецъ не вѣдалъ бы передать на полотнѣ; притомъ какое-то чувство собственнаго достоинства, умиряемое довѣренностию и чисто-сердечемъ; притомъ какой-то покровъ дѣвственности, придававшій необычайную прелесть болѣе смѣлымъ пріятностямъ замужней женщины и напоминавшій невинные годы блаженства, проведенные на глазахъ матери, — все это дѣлало Эрнестину весьма опасною для чловека, который не разъ обманывался, думая, что его понимаютъ. Вербель созналъ свою опасность, но тогда было уже поздно. По рожденіи Эрнестины онъ узналъ, что глаза высказали его чувства. Вопросалъ себя объ этомъ, онъ самъ не зналъ, какъ это случилось.

Это было для него прискорбно; и между-тѣмъ, съ этого дня, каждая мысль его принадлежала женщинѣ, которая своимъ страждущимъ взглядомъ, своимъ голосомъ, своею улыбкою, тревожила все существо его, наполняла весь его горизонтъ. Онъ далъ себѣ слово очистить пожертвованіемъ всей своей жизни чувство, которое бы онъ не рѣшился погасить, еслибъ это и зависѣло отъ его воли. Это чувство должно было быть свѣтиломъ его совѣсти, звездою его будущности. Подобно многимъ другимъ, онъ нѣкогда смѣлся надъ любовью непорочною, безнадежною, свойственною только нѣкоторымъ поетамъ; но теперь и самъ ее почиталъ.

А Эрнестина?

Мы не знаемъ, что думала она о Г-нѣ Вербель. Есть тайны, которыя женщина ввѣряетъ только Богу, и за которыя наказываетъ она нескромнаго, пытающагося узнать, не до него ли дѣло касается. Мы знаемъ, что Г. Вербель счастливъ не былъ; но онъ самъ говорилъ намъ, что съ наслажденіемъ вспоминаетъ о своемъ несчастіи. Видно, въ песчанинѣ есть свое сладострастіе, какъ въ блаженствѣ своя задумчивость.

Занимаясь задачею, которая подаетъ поводъ къ размышленіямъ, мы совершенно потеряли изъ виду Юлія. Несчастный сталъ еще менѣе мужемъ съ тѣмъ поръ какъ сдѣлался отцемъ, и дотрачивалъ жизнь на скользкомъ пути, котораго покатоности онъ не замѣчалъ. Переходъ отъ проступковъ къ извиненіямъ и отъ снисхожденія къ новымъ надеждамъ, онъ, съ быстротою вѣтра, бѣжалъ къ глубочайшему униженію. Ссоры съ отцемъ лишили его и послѣдняго обузданія: Здѣсь долженъ я помѣстить одинъ необъясненный эпизодъ. Говорятъ, что, въ минуту бѣшенства противъ самаго себя, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Отчего? Старикъ Дебрѣ всегда говорилъ, что это вздорные слухи; но подозрѣнія еще усилились, когда добрый старикъ сдалъ прекрасную свою квартиру и нанялъ другую гораздо помельше. Юлія нѣсколько мѣсяцевъ не было видно нигдѣ. Бланшаръ, говорили, исчезъ. Эрнестина, которой здоровье разстроивалось, перестала кормить, и ребенокъ, стараніями Вервеля, отданъ былъ къ одной женщинѣ. Надъ семействомъ афереста отяготѣла судьба. Онъ явился снова, и довершилъ злополучіе.

Ему оставалось ограбить только собственный свой домъ: онъ это и сдѣлалъ. Все постепенно исчезало; сначала тайкомъ; потомъ при помощи ласкъ, просьбъ и тысячи выдумокъ; наконецъ, однажды, явился аукціонистъ съ нѣсколькими носильщиками, чтобы забрать его мебели, и тогда узнали, что одинъ бѣднякъ, который уже нѣсколько времени жилъ въ домѣ Юлія и слылъ его новымъ вригелемъ, былъ полицейскій чиновникъ, приставленный къ нему для того, чтобы онъ не бѣжалъ. Юлій скрывалъ отъ жены, что его преслѣдуютъ заимодавцы. Вервель спасъ ихъ отъ этого несчастія, несмотря на сопротивленіе Эрнестины. Она боялась быть обязанною Вервелю, но онъ, жестаами отчаянія, восторжествовалъ надъ ея опасеніями. Оглупѣлый Юлій цѣловалъ руки своего благодѣтеля. Вервель два мѣсяца послѣ этого не показывался.

Призванный Юліемъ, который безпокоился о здоровьѣ жены своей, Вервель снова явился: онъ постарѣлъ десятью годами.

Бланшаръ тоже снова появился, и таскался вездѣ съ какою-то смѣтою проекта горъ, Египетскихъ или Китайскихъ, — навѣрное же знаю, — тогдако уже не Русскихъ. Онъ предполагалъ построить эти горы за городомъ, и при нихъ великолѣпный домъ для баловъ. Надобно было только полмиліона, чтобы получить вдвое отъ еженедѣльныхъ праздниковъ, на которые все лучшее Парижское общество станеть собираться. Притомъ изъ зданія можно было сдѣлать еще другое употребленіе: напримѣръ, днемъ обращать его въ Атеней, или въ фехтовальный класъ, а вечеромъ въ концертную залу. Театръ, фонтаны, прекраснѣйшій садъ, манежъ, все тутъ было, и притомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Какой-то непунктиристъ давалъ гдѣ-то мѣсто; множество подрядчиковъ просилое въ акціонеры; оставалось только добыть сколько-нибудь денегъ, чтобы сдѣлать изъ этого золотой рудникъ. Спекуляторы наши лишились сна, размышляя объ этомъ.

Однажды вечеромъ, Вервель, успокоившись на счетъ здоровья Эрнестины, и замѣчая, что Юлій, отозванный Бланшаромъ, по-видимому, забылъ проститься съ своимъ гостемъ (часы пробили уже двѣнадцать), почтительно всталъ, чтобы не беззастѣночно долбе хозяйки и хотѣлъ отправиться домой! Уходя, онъ почелъ долгомъ постучаться въ двери ея кабинета, въ которомъ друзья почти всякой вечеръ высчитывали барыши какихъ-нибудь химерическихкихъ предпріятій. Притомъ ему надобно было еще написать рецептъ для Эрнестины. Въ кабинетъ никто не отвѣчалъ. Прислушавшася, докторъ замѣтилъ страшный шумъ. Онъ постыдливо отворилъ дверь: комната горѣла... ..

Для черезъ три послѣ этого, въ два часа ночью, фіакръ остановился у забора, которымъ огражденъ былъ разломанный домъ. — Здѣсь должно быть, сказалъ извозчикъ, съ досадою отворяя дверцы: полно уже мнѣ возить васъ, господа; извольте расплачиваться со мною.

Изъ фіакра вышли четыре человѣка.

— Да онъ пьянъ, мерзавецъ, сказалъ первый.

— Видно нашъ Автомедонъ съ ума сошелъ, вскричалъ Юлій.

— Да добро, если бъ этотъ домъ былъ выстроень.

сказалъ Бланшаръ, тогда бы еще можно было какъ-нибудь ошибиться.

— Я думаю, онъ не въ ту улитку заблалъ, бормоталъ четвертый.

Соседи выглянули въ окно.

— Какъ! Да это вы, Г. Дебрё?

— Я, господа.

— Какое счастье! А вѣдь думали, что вы сгорѣли во время пожара!

— Пожара? вскричалъ Юлій въ испугъ. Гдѣ жъ жена моя?

— Да какъ же вы этого не знаете? вскричали хоромъ соседи.

— О, вы меня убиваете!

— Боже мой, она, бедняжка, должна быть очень больна! Она въ деревнѣ, у кормилицы вашего дитяти.

На разсвѣтъ Юлій нао всей силы звонилъ у воротъ мызы, и какъ привидѣнiе, явился у постели жены своей. Она нѣсколько разъ лишилась чувствъ и впала въ эпилептичскій припадокъ.

Въ первый разъ въ жизни Юлій покинулъ прiятелей своихъ для жены. Между-тѣмъ эти господа надѣлились на него; извозчикъ требовалъ платы, и они принялись было уже бить его. Но тутъ, къ счастью, подоспѣлъ патруль, и они провели ночь въ карзальной.....

Прiѣхавъ утромъ къ Эрнестинѣ, Г. Вервель объявилъ, что она не проживетъ и двухъ дней. Потомъ модъ влiянiемъ чувства, котораго уже не старался уверить, онъ вытащилъ Юлія на дворъ.

— Пока она еще жива, сударь, я долженъ вамъ сказать, закричалъ онъ, что вы ее убили! Да, вы! Этотъ ангелъ стоитъ быть въ чистыхъ рукахъ, и, по несчастiю, попалъ въ ваши. Не забудьте, если, когда ея не будетъ, вы осмѣлитесь явиться мнѣ на глаза, одному изъ насъ не жить. Это такъ же вѣрно какъ то, что на свѣтѣ могла быть только одна Эрнестина и что вы ея убила. Понимаете ли вы, что я люблю ее такъ же, какъ васъ презираю, и что я гнушаюсь вами? Понимаете ли вы это?

— Да! сказалъ Юлій въ жестокомъ отчаянiи. И, клянусь честью, вы правы!

Кто бы послѣ этого подумалъ, что Юлій прибавилъ еще доброе дѣло ко всемъ своимъ мерзостямъ?..... Перо выпадетъ изъ руки.

Слушайте.

Дня черезъ два Бланшаръ отыскалъ Юлія. Важная причина привела его. Мерзавцы оторвали Юлія отъ постели Эрнестины. Сократимъ подробности этого совѣщанія. Братъ, родной братъ Бланшара, былъ взятъ подъ стражу. Онъ былъ кассиромъ въ одномъ банкирскомъ домѣ, и укралъ ввѣренныя ему деньги. Пронравъ все въ карты, онъ сдѣлалъ подчистки въ кнѣгахъ. Его отдали подъ судъ, но банкиръ обещалъ отказаться отъ своей жалобы, если растрата будетъ немедленно пополнена. Каждая минута была драгоценна: сроку дано было только два дня. Бланшаръ искалъ денегъ вездѣ, и пришелъ просить поручительства Юлія. Юлій поручился. Но этого было мало; поручительство Юлія не могло быть достаточнымъ. — «Если мое имя будетъ осрамлено въ судѣ, я размозжу себѣ, голову,» говорилъ Бланшаръ. «Слушай, я соберу кое-какъ четыре тысячи франковъ; но мнѣ надобно еще три тысячи. Другъ мой, употребимъ послѣдніе наши способы, но спасемъ честь.»

Бланшаръ говорилъ это пресерьіозно.

Юлій сказалъ, что онъ обратится къ Вервелю.....

Онъ пожалъ руку Бланшару, и тотъ ушелъ.

Но Юлій не посмѣлъ говорить съ Вервелемъ.

Притомъ Эрнестина была при послѣднемъ издыханіи. Мысль о Бланшарѣ и его опасеніяхъ исчезла у Юлія при этомъ зрѣлищѣ.

Старикъ Дебрѣ, по совѣту Вервеля, прискакалъ съ лучшими Парижскими врачами. Консультанція была продолжительна, горяча, бесполезна. Цѣлые тридцать часовъ Эрнестина была въ бреду, который растерзалъ сердце самыхъ свидѣтелей, но потомъ на минуту пришла въ себя. Она просила, чтобы принесли дитя; его подали; она облила его слезами: то было смертное крещенье ребенка, который оставался сиротою.

— Лучше ему умереть, сказала она трепещущимъ голосомъ, если ему суждено быть несчастнымъ какъ я.

Потомъ, псемотря на слезы, блестящія на лицѣ ея, она улыбулась тестю, старику, который, въ отчаяніи, умолялъ ея жить, и положила руку на голову Юліа. Искривленное лице его было страшно. Она сказала:

— Я прощаю тебя уже въ послѣдній разъ.

Вервель положилъ Эрнестину на подушку.....

Она уже умерла.

Я не стану говорить объ отчаяніи другихъ свидѣтелей этой сцены: у меня въ глазахъ потемнѣло.

Добрые крестьяне, держа въ рукахъ молитвенники, стояли на коленяхъ посреди угасающихъ свѣтъ, окружавшихъ угасшую; Вервель и старикъ Дебрѣ были въ другой комнатѣ съ ребенкомъ, Юлій ревѣлъ какъ тигръ, дѣлая ноги своей Эрнестины..... Вдругъ Бланшаръ бѣжалъ въ комнату.

— Ничего не досталъ! кричалъ онъ и рвалъ на себя волосы.

— Видишь! сказалъ Юлій, указывая на жену.

— Я погибъ, продолжалъ безумный. Одна моя надежда на тебя; нма мое будетъ посрамлено въ судѣ, если ты меня покинешь.

— Эрнестина умерла, Бланшаръ!

— Это ужасно! Я отъ души жалю: о тебѣ. Но, Юлій, ты, вѣрно, не забылъ меня, неправда ли?

— Прости меня! Ты видишь, въ какомъ я положеніи. Столько горестей поразили меня, что я совсѣмъ съ ума схожу. Прости меня!

— Юлій, милой мой Юлій! Прокуроръ не прощаетъ. Скажись надъ твоимъ Бланшаромъ. Мнѣ сказали, что отецъ твой здѣсь: бѣги къ нему и попытайся еще разъ.

Юлій задумался, и потомъ, ударивъ себя по лбу, сказалъ:

— Подожди меня!

И онъ побѣжалъ въ другую комнату, сдѣлавъ еще знакъ рукою, чтобы успокоить Бланшара.

Минуть черезъ десять Бланшаръ ушелъ, получивъ свои три тысячи.

На другой день брата его выпустили изъ тюрьмы.

Вы вѣрно любознательны. Знать, подъ какими же предлогомъ Юлій выпросилъ эти деньги въ подобную минуту, когда всякой предавался своей горести?.....

Ничего не можетъ быть проще.

Онъ выпросилъ у отца эти деньги, чтобы тотчасъ поставить Эрнестинѣ монументъ въ саду мызы.

Эти три тысячи были цѣна ея гробницы..... Мерзавцы!

Правда, у нея былъ памятникъ: простая каменная доска, обезпеченная словами: «Неутѣшный супругъ.....»

Черезъ два дня братъ Бланшара приходилъ благодарить Юлія.

Довольно!.....

Вы, конечно, не захотите, чтобы я рассказалъ вамъ остальную жизнь этого почтеннаго афериста.

Revue de Paris.

=

ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНСЬ

и.

ВИЛЛИАМЪ ВОРДСВОРТЪ.

Когда Вордсвортъ и Гименсъ умрутъ, въ тотъ самый день будутъ похоронены Англійской поэзіи.

Кольриджъ.

«Милые друзья! вспоминайте иногда стихи мои, писала знаменитая женщина, которой имя здѣсь начертано: въ нихъ вся моя душа.» Въ нихъ вся моя душа! — вотъ тайна истинной поэзіи, или по-крайней-мѣрѣ, тайна истиннаго поэта. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того мнѣнія, будто поэтъ можетъ не чувствовать самъ, что пишетъ. Какъ! онъ проникнетъ въ глубину вашего сердца, откроетъ въ немъ невѣдомыя вамъ тайны, измѣритъ его біенія своимъ собственнымъ, — и все это будетъ только механизмъ, дѣйствующій подъ сѣткою мѣрныхъ стопъ и риемъ, которыя нанизаны у него въ памяти? Нѣтъ; поэзія еще болѣе страсть чѣмъ способность, и ни что не отражается такъ сильно въ созданіи, какъ характеръ писателя. Поэзію можно называть, во-первыхъ, необходимою сильно чувствовать, во-вторыхъ, необходимою вѣрять свои чувства. И здѣсь замѣчательно то предпочтеніе, которое поэтъ отдаетъ публикѣ передъ частнымъ лицомъ, какъ бы оно ни было ему близко. То, чего не высказалъ бы онъ задушевному другу, поэтъ доверчиво открываетъ всѣмъ безъ изъятія и жаждетъ сочувствія толпы. Вѣра въ это дальнее, неопредѣленное сочувствіе не покидаетъ его и подъ бременемъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ; она служитъ ему отрадою, она возбуждаетъ его дѣятельность. Несчастное, но

даровитое созданіе, угнетенное строптивымъ тюремщикомъ человеческого сердца — ничтою, окруженное холодною и пренебреженіемъ, боясь даже своего непосредственнаго круга, который его не понимаетъ и не хочетъ слушать, — это созданіе не теряетъ надежды на отдаленное сочувствіе. Музыка страданій красива, и поэтъ увѣренъ, что она найдетъ себѣ отголосокъ, найдетъ отвѣтъ всюду, гдѣ знаютъ эту музыку и гдѣ любятъ за нее композитора.

Слава, такъ благородно идеализированная Греками, есть только утоленіе этой жажды къ сочувствію, которая однако жъ не перестаетъ возражаться. И не напрасно предпочитаетъ поэтъ сочувствіе отдаленное похвалѣ близкаго человѣка, или тѣснаго круга своихъ знакомыхъ. Когда вы говорите съ вашимъ пріятелемъ, вы не можете быть увѣрены — изъ снисхожденія ли, или изъ участія онъ васъ слушаетъ. Душа его, быть-можетъ, подстроилась къ вашей, но, быть-можетъ, и нѣтъ. Если такъ бываетъ въ обычномъ разговорѣ, то не больше ли должно опасаться этого при сообщеніи мыслей утонченныхъ, мрачныхъ, печальныхъ? Написавъ ихъ для свѣта, поэтъ въ правѣ ожидать, что страницу его откроютъ лишь тогда, когда духъ расположенъ къ принятію этой мелодіи. Когда лѣтнее солнце льетъ золото на свѣжую зелень деревь, птичка поетъ въ вѣтвяхъ его, кузнечикъ перекликается въ травѣ съ своимъ товарищемъ, а ясное небо кажется слишкомъ ясно отъ грустныхъ воспоминаній прошлаго, — тогда-то понятенъ и любовь голосъ жалобы. Въ каждомъ сердцѣ есть родникъ заунывной поэзіи, потому что каждое сердце испытало горе въ свою очередь. И если въ частной жизни не только обыкновенныхъ людей, но и истинныхъ поэтовъ, чувство поэтической меланхоліи рѣдко выступаетъ наружу, причиною тому система притворства, къ которой привыкаемъ мы съ малыхъ лѣтъ, съ самаго младенчества.

Первоначально дитя руководствуется однимъ любопытствомъ и доверчиво спрашиваетъ васъ обо всемъ; потомъ оно замѣчаетъ, что вопросы его иногда не кстати, а отвѣты, которые ему даютъ на нихъ, пустыя отговорки или шутки надъ его незнаніемъ. Намышка раздѣляетъ общественную жизнь невидимыми претрадами, и всѣ мы, сказать по совѣсти, болѣе или менѣе боимся другъ друга. Этому должно приписать и различіе, существующее между сочиненіями какого-нибудь автора и его бесѣдою. Въ первыхъ является настоящій его характеръ, въ послѣдней притворный, или искусственный.

Если эти практическія замѣчанія примѣняются болѣе или менѣе ко всѣмъ поэтамъ вообще, то они, можно сказать, необходимы для оцѣнки такого дарованія, каково Фелиціи Гименсъ, въ особенности. Немногіе выразили такъ сильно характеръ свой въ поэтическихъ созданіяхъ, какъ она. «Въ нихъ вся душа ея,» вся чувствительность поэта, улетученная всею нѣжностью женщины. Ни одно ощущеніе не является у ней такъ часто и облеченное такими истинными красками, какъ желаніе любви, дружбы, родства душевнаго, которыхъ тщетно искала она въ той небесной чистотѣ, въ какой мечтались они ея воображенію. Не горе ли, давно скрываемое въ сердцѣ, вырывается изъ устъ ея въ этихъ строкахъ?

«Tell me no more — no more

Of my soul's lofty gifts ! are they not vain
To quench its panting thirst for happiness?
Have I not tried, and striven, and failed to bind
One true heart unto me, whereon my own
Might find a resting-place—a home for all
Its burden of affections? I depart
Unknown, though fame goes with me; I must leave
The earth unknown. Yet it may be that death
Shall give my name a power to win such tears
As might have made life precious.....

..... For thee alone, for thee!
 May this last work, this farewell triumph be —
 Thou loved so vainly! I would leave enshrined
 Something immortal of my heart and mind,
 That yet may speak to thee when I am gone,
 Shaking thy inmost bosom with a tone
 Of best affection—something that may prove
 What she has been whose melancholy love
 On thee was lavished; silent love and tear,
 And fervent song that gushed when none were near,
 And dream by night and weary thought by day,
 Stealing the brightness from her life away.

« Не говорите мнѣ больше о высокихъ дарованіяхъ! Не бессильны ли они утолить въ душѣ жажду счастья? Не стремилась ли, не рвалась ли я привязать къ себѣ одно вѣрное сердце, гдѣ мое находило бы отдохновеніе, гдѣ было бѣ мѣсто для всего бремени моей любви? И что жъ развѣ я усмысла? Оставляю миръ неузнанная, хотя слава меня сопровождаетъ; неузнанная сойду я въ могилу. Быть-можетъ, смерть придастъ имени моему силу извлекать тѣ слезы, которыя осчастливили бы мою жизнь..... Для тебя, для одного тебя, этотъ послѣдній трудъ, этотъ прощальный памятникъ, о ты, такъ напрасно любимый! Я желала бы оставить за собою бессмертную частицу души моей, которая бы говорила съ тобой, когда меня не будетъ, и потрясала бы всю грудь твою отзвучіемъ пѣжнѣйшаго чувства; желала бы оставить какое нибудь доказательство, что была та, которая расточала тебѣ меланхолическую любовь свою, безмолвную любовь и слезы, и пламенную пѣснь, которая дѣлалась рѣкою, когда никого не было, и ночную грезу, и тяжкую думу дня, съдавшую весь блескъ ея жизни. »

Мы сожалѣемъ, что въ этомъ слабомъ переводѣ, для незнающихъ Англійскаго языка, теряется вся красота, вся прелесть звучныхъ стиховъ необыкновенной женщины, объ успѣхахъ которой мы нѣсколько разъ говорили въ этомъ журналѣ и которой смерть лишила недавно Англию одного изъ лучшихъ ея поэтовъ.

Фелиція Доротей Броунъ, по мужу Гименсъ (Не-

шапс), родилась въ Ливерпулѣ 1786 года. Отецъ ея былъ Ирландецъ, мать Нѣмка. Она была еще ребенкомъ, когда родители ея оставили Ливерпуль и поселились въ Вельсъ, около Санктъ - Азафа. На семнадцатомъ году вышла она замужъ и, подаривъ супруга пятыю сыновьями, имѣла несчастіе дожить до такихъ домашнихъ непріятностей, которыя заставили ее разторгнуть узы брака и воротиться къ матери. По смерти ея переехала она въ Дублинъ и провела тамъ остальную часть своей жизни.

Съ дѣтства одушевлялась она склонностью къ познаніямъ, которой старалась удовлетворить чтеніемъ самымъ разнообразнымъ. Несмотря на эту начитанность, можно сказать, — даже обширную ученость, всѣ ея произведенія были плодами мгновенныхъ побужденій. Нельзя однако жъ сомнѣваться въ ея основательномъ знаніи классиковъ, когда прочтешь «Скептика», «Новую Грецію» и многія другія ея произведенія. Изученіе древнихъ созданій искусства перешло у ней въ вѣчную, неизмѣнную любовь къ прекрасному, которое было душою ея твореній, проявлявшаяся не только въ мысляхъ, но и въ художественномъ строеніи каждаго стиха. Знакомая съ литературами Германскою и Испанскою, она умѣла сродниться съ ними душою. Испанія была, кажется, любимымъ ея краемъ, и романтическая исторія Мавровъ составляла для нея сокровищницу, не уступавшую въ драгоцѣнностяхъ самой Альгамбрѣ: примѣромъ могутъ служить «Осада Валенсіи», благородные и рыцарскіе «Романсы Сида», наконецъ «Народныя пѣсни разныхъ странъ», къ которымъ первую мысль подали ей Гердеровы *Stimmen der Völker*.

Однако жъ, какъ ни обогатилась умъ ея сокровищами иностранныхъ словесностей, она тѣмъ не менѣе сохранила своеобразный характеръ, печатавшійся на всемъ, что она ни писала. Довольно трудно ис-

числать даже главныя ея творенія, потому что они еще не собраны вполне. Первый свой опытъ напечатала она по тринадцатому году; потомъ явились стихотворенія ея «Валлесъ», «Дартмуръ», «Возстановленіе Искусства въ Италиі» и «Драматическія забавы». Эти произведенія конечно принадлежать къ счастливѣйшему періоду ея жизни, когда душа ея спѣшила развиваться, и въ этомъ стремленіи напутствовалась совѣтами людей съ умомъ и вкусомъ, наприимѣръ, знаменитаго епископа Гебера, который такъ извѣстенъ прекраснымъ сочиненіемъ своимъ объ Индіи. Въ письмахъ Байрона заключается похвала одному изъ стихотвореній юной Фелиціи, а Шелли, узнавъ о рождающемся ея талантѣ, самъ вступилъ съ ней въ очень странную переписку. Имя Фелиціи Гименсъ сдѣлалось еще извѣстнѣе по выходѣ въ свѣтъ ея «Вельскихъ пѣсень» и «Осады Валенсіи». Вскорѣ послѣдовали «Святѣлище лѣса» и «Лѣтописи женщинъ», заслужившія самый лестный пріемъ; потомъ «Пѣсни любви», гдѣ находится, можетъ-быть, прекраснѣйшее ея стихотвореніе, «Возвращеніе духа»; послѣ того «Народныя пѣсни», которыхъ большая часть положена на музыку ея сестрою, и которыя поются въ Англіи всѣми, кто только что-нибудь поетъ; наконецъ «Сцены и гимны жизни»,—последніе плоды ея генія. Еще прежде написала она трагедію «Сицилійская Вечерня», гдѣ много прекрасныхъ мыслей и высокаго поэтическаго паренія; но эта пьеса не для сцены. Быть-можетъ, не было еще изъ ея пола поэта, который бы подходилъ ближе къ силѣ мужскаго вдохновенія. Мы знаемъ Сафѹ только по незначительному отрывку, впрочемъ всѣмъ извѣстному по Французскому переводу знаменитаго Буалò, который изгадилъ его такъ, какъ только Французъ можетъ изгадить Греческую поэзію. Древніе удивлялись этому отрывку: мы, на нашу долю, не видимъ въ немъ ничего необыкновен-

наго, кромѣ безстыдства страстной Лезвіянки, и, признаемся откровенно, что перваго истиннаго поэта изъ женщинъ увидѣли только въ стихахъ знаменитой Ирландки.

Въ частной жизни, Фелиція Гименсъ отличалась необыкновенною скромностью. Для нея не было бы ничего легче прослыть остроумною собесѣдницей, потому что съ роскошнымъ и быстрымъ воображеніемъ соединяла она даръ счастливаго и блистательнаго слова; но она старалась болѣе скрыть, чѣмъ развернуть въ себя это достоинство. Щекотливость ея въ этомъ отношеніи доходила до такой степени, что съ тѣхъ поръ, какъ имя ея сдѣлалось знаменито, она никогда не посѣщала столицы, и друзья Фелиціи Гименсъ неразъ упрекали ее въ излишнемъ смиреніи, недопуская ея занять въ обществѣ принадлежащее ей мѣсто. Здоровье ея уже съ давнихъ поръ было слабо и раздражительно: болѣзнь, которая свела ее въ могилу, дѣйствовала съ пагубной медленностью, но конецъ ея предвидѣли въ самомъ началѣ, и большая ожидала его съ непоколебимымъ мужествомъ. Еще не задолго до смерти написала она прекрасное лирическое стихотвореніе *Despondancy and aspiration*, — высокое и трогательное выраженіе чувствъ вѣрующей страдальицы. Пріятельницу ея, миссъ Флетчеръ, спросили однажды, почитаетъ ли Г-жа Гименсъ талантъ свой счастіемъ. «Нѣтъ, отвѣчала она: наслажденіе ея лихорадочное. Она какъ лампада, въ которой масло истребляется собственнымъ его свѣтомъ.»

Эта лампада погасла вслѣдъ за другими, — за Краббомъ, за Шелли, за Кольриджомъ, за Соути, который пересталъ быть поэтомъ, за Роджеромъ, котораго Муза склонилась къ упадку; но у Англичанъ остается еще блистательное свѣтило послѣдняго яснаго и торжественнаго дня ихъ поэзій, — свѣтило пер-

вой величины, — Вордсворть, котораго долгое молчаніе сдѣлалось поводомъ, что его обыкновенно причисляютъ къ умершимъ. Это свѣтило мелькнуло изъ за тучи. Почти въ то самое время, какъ Г-жа Гименсъ умерла, Вордсворть ожилъ изданіемъ новаго собранія своихъ стихотвореній. Геній Вордсворта, говоритъ остроумный и злой Газлиттъ, есть чистое проявленіе духа времени. Живи онъ въ другую эпоху міра, объ немъ не было бы слуху. Даже и теперь достоинство его не совсѣмъ безспорно: мгла, которою часто облекается мысль его, и обыкновенность избираемыхъ имъ предметовъ — не послѣднія препятствія къ полному его успѣху. Но смиреніе у него только лѣстница честолюбія. Онъ пренебрегаетъ изображенія и мечты, раждаемыя страстью; онъ не хочетъ употреблять ни пышности мифологическаго знанія, ни яркихъ красокъ изысканной рѣчи. Слогъ его простой, разговорный. Онъ говоритъ намъ домашнія истины, потому что не видитъ ничего могуче человеческихъ надеждъ, ничего глубже человеческого сердца. Вотъ что онъ взвѣшиваетъ, что объясняетъ, что доказываетъ со всею безпредѣльною силою чувства и мысли, и въ то же время онъ укрощаетъ трепетъ собственнаго сердца непрерывнымъ созерцаніемъ свѣтлаго зрѣнища природы. Онъ уязвить грудь свою до крови, и эта кровь потечетъ въ стихъ его; потомъ онъ утолитъ страданіе и заживитъ рану бальзамомъ уединеннаго раздумья и благодѣтельной силою деревьевъ, травъ, влѣній небесныхъ: вотъ единственное торжество, къ какому стремится его искусство. Онъ беретъ простѣйшія стихіи природы и души человеческой, условія чисто отвлеченныя и неразлучныя съ нашимъ бытіемъ, и пытается образовать изъ нихъ новую систему поэзін: онъ успѣлъ къ этому предпріятію, сколько дано было успѣть человѣку. *Nihil humani a me alienum puto*, — ни что, че-

ловѣческое мнѣ не чуждо—составляетъ девизъ его произведеній. Что не сущее чувство и не истина, то, по его мнѣнію, поддѣльно, старо, незаконно. Словомъ, поэзія его основана на крайнемъ и безпрестанномъ противоположеніи естественнаго искусственному, духа челоуѣчества духу моды и суетнаго свѣта.

Эта поэзія, одно изъ нововведеній вѣка, одна изъ выдумокъ Англійской музы, вошедшая теперь въ моду въ цѣлой Европѣ, отличается горделивымъ смиреніемъ. Она увѣрена только въ собственныхъ средствахъ и пренебрегаетъ помощь всѣхъ чуждыхъ прикрасъ. Она выбираетъ самыя пошлыя происшествія, самыя обыкновенныя предметы, какъ—будто для того, чтобъ доказать, какъ занимательна природа своей существенной красотой, неимѣющею нужды въ пышномъ одѣяніи: отсюда эта странная смѣсь кажущейся простоты съ истинной глубиной, такъ поразительная въ «*Лирическихъ балладахъ*». Дураки имъ смѣялись; люди съ умомъ едва могли понять ихъ: такъ онѣ были новы. Предметъ для Вордсворта только гвоздь или колышекъ, къ которому онъ прикрѣпляетъ свое чувство и свою мысль. Происшествія у него ничтожны соразмѣрно съ презрѣніемъ его къ наружному блеску; размышленія глубоки соразмѣрно съ важностью и высокимъ пареніемъ его ума.

Его простой и безыскусственный слогъ освободился вдругъ отъ всѣхъ дразговъ старой версификаціи. «*Башни, увѣнчанныя облаками, торжественныя храмы, величественныя чертоги*», все это вымелъ онъ изъ своей поэзіи. Всѣ преданія учености, всѣ предрассудки минувшаго исчезли подъ перомъ его; всѣ общественныя различія остались у него въ сторонѣ. Поле чисто: вы переназначаете поэзію, вы воротились къ простой истинѣ природы. Поэтъ пошираетъ ногами древнія формы искусства; онъ посмѣвается одамъ, эподамъ, строфамъ и антистрофамъ. Вы не

слышите ни арфы Гомера, ни трубы Алкея или Пиндара. Ненадо блестящихъ одеждъ, ненадобно свѣлыхъ украшеній. Все это одно позорище, варварское, готическое, пустое,—однѣ театральныя побрякушки. Горделивый поэтъ довольствуется вѣнкомъ изъ свѣжихъ цвѣточъ; онъ не станетъ пользоваться ни какими случайными выгодами своего предмета; онъ избрѣгаетъ его весь, чтобъ только одному себѣ быть всѣмъ обязаннымъ; онъ собираетъ манн у въ пустынь; онъ ударяетъ въ скалу, и прохладная струя бьетъ изъ нея свѣтлой дугою. По мановенію его, соломенка, валявшаяся въ пыли, огненнымъ лучемъ несется къ солнцу; воспоминаніями величія и красоты уберетъ, возвеличитъ онъ пенъ старой ивы. Стихъ Вордсворта не пѣтъ благоуханій насажденной рощи, но его фантазія придаетъ чистосердечную радость голымъ деревьямъ, торчащимъ на обнаженныхъ скалахъ, простой травѣ, которая зеленѣетъ въ полѣ, —

To the bare trees and mountains bare,
And grass in the green field.

Онъ не пугаетъ ужасомъ бурь и кораблекрушеній. Вотъ пестрая лента радуги стелется по сѣрымъ облакамъ. Вотъ вѣтерокъ шелеститъ съ полунзсохшимъ папоротникомъ. У него нѣтъ горестныхъ переменъ судьбы; грозныя катастрофы не омрачаютъ страницъ его. Онъ поетъ каплю росы, дрожащую на тычинкѣ пониклаго цвѣтка, слезы, которыя вдругъ на вернулись въ ясномъ взорѣ. Какъ жаворонокъ вылетаетъ изъ ржи, гдѣ его гнѣздышко. и вѣтся поэми, привѣтствуя утреннее небо, такъ полевая муза Вордсворта витаетъ въ высотахъ размышленія, не удаляясь однако жъ отъ земли.

Быть-можетъ, эта система обновленія отчасти внушена Вордсворту досадою обманутаго честолюбія. Быть-можетъ его лѣнь и естественная гордость мѣ-

шали ему проходить стени знания и почестей; онъ видѣлъ, что путь поэзіи классической и искусственной заваленъ горами изящнаго слога и надменныхъ пошлостей, и отчаяваясь сдѣлать на немъ шагъ, не перещеголявъ смѣшной надутостью своихъ предшественниковъ, онъ кинулся въ противную сторону, частію изъ нетерпѣнія и безпечности, частію изъ предубижденнаго расчета. Тогда, можетъ-быть, заключился онъ въ юдоль удиненія и сталъ преслѣдовать музу въ ущельяхъ горъ, между пастухами и подъ мшистой кровлею сельскихъ хижинъ; тогда-то, оставивъ мишурный блескъ поэзіи, испыталъ онъ возвеличить обыкновенное и дать общеизвѣстному очарованіе новости. Успѣхъ его былъ конечно великъ: никто въ мірѣ не сообщалъ такой важности ничтожнымъ предметамъ; никто не переводилъ такъ краснорѣчиво простѣйшихъ чувствъ человеческого сердца.

Вордсвортъ робокъ, застенчивъ, однако жъ не безъ смѣли. Нѣтъ у него страстей неукротимо сильныхъ, или онъ подавилъ ихъ вольницею заранѣе. Вся досельная жизнь его прошла въ уединенныхъ прогулкахъ и ежедневныхъ бесѣдахъ съ природою. Онъ—удивительный примѣръ силы сродства, которая единственный источникъ его поэзіи. Онъ такъ сблизился, такъ совокупился съ пастушескою жизнію, что душа его какъ-будто перелилась въ нее и живетъ съ ней заодно. Каждая черта этой жизни сдѣлалась звѣномъ въ цѣпи его мыслей, однимъ изъ волоконъ его сердца. О творцѣ «Лирическихъ балладъ» можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что онъ лично участвуетъ въ природѣ; что «малѣйшій цвѣтокъ внушаетъ ему помыслы, которые проникаютъ часто глубже слезъ,»—

To him the meanest flower that blows can give
Thoughts that do often lie to deep for tears.

Маргаритка глядитъ ему въ глаза свѣтлымъ взоромъ стараго друга; кукушка сказываетъ ему на ухо пѣсни невыразимыя, напоминающія всю его первую молодость; гнѣздо коноплянки восхищаетъ его какъ ребенка; увядшій листокъ, рвемый вѣтромъ, уносить для него тысячи воспоминаній. Увидитъ онъ въ дикой полянѣ сѣрый плащъ, подъ дождемъ и подъ вихремъ, этого довольно, чтобъ погрузить его въ продолжительное мечтаніе; даже скудный мохъ на утесахъ оживаетъ и движется въ его мысли. Онъ живописалъ эти подробности съ такой нѣжностью, съ такимъ напряженіемъ чувства! Онъ показалъ природу въ новомъ видѣ, и, въ этомъ отношеніи, онъ конечно своеобразнѣйшій изъ всѣхъ живыхъ поэтовъ. Творенія его тѣмъ драгоцѣннѣе, что нигдѣ не сыщете вы ничего подобнаго. Толпа не читаетъ ихъ,—это правда; ученый, которому хотѣлось бы все овеществить, обнюхать и ощупать, не понимаетъ, что они такое; знатный пренебрегаетъ ихъ за простонародность предметовъ; остроумцы, щеголи въ очкахъ, могутъ смѣяться надъ Вордсвортомъ; но онъ привязалъ къ себѣ сердце уединеннаго любителя природы узами неразторжимыми. Друзья, которыхъ пріобрѣла себѣ его поэзія, всегда будутъ чувствовать то, что онъ чувствовалъ, потому что онъ выразилъ за нихъ, чего бы имъ самимъ никогда не выразить и чего они не могутъ произнести безъ слезъ и безъ трепетанія въ голосъ. Сильная мощь философіи и челоуѣчества сосредоточена въ его пастушеской поэзіи; въ безмятежномъ удаленіи отъ свѣта постигъ онъ все достоинство первобытныхъ движеній души челоуѣческой; онъ привилъ глубокую мысль свою къ сельской мысли пастуха и земледѣльца. Стоя въ великолѣпномъ амфитеатрѣ горъ, онъ нагибается иногда къ ландышу, который у него подъ ногами; но чувствуешь, что и въ этотъ мигъ душа его полна торжественностью окрест-

ной картины. Высокій утесъ подымается въ умъ поэта, въ стихъ его грохочетъ водопадъ: прочтите его мрачныя, таинственныя страницы,—вамъ представится туманъ, висящій надъ долиною, и вдали рога-тая вершина горъ прорѣжетъ пелену его. Вордсвортъ мало говорить о горахъ; но вы чувствуете какъ самого себя, что онъ писалъ въ гористомъ краѣ: такъ все наго, просто, могуче и глубоко въ его созданіяхъ.

Характеръ позднѣйшихъ философическихъ произведеній Вордсворта нѣсколько различенъ: нѣрѣдко онъ отступаетъ въ нихъ отъ своего первоначальнаго направленія. Они классически просты. Предметы, имъ избираемые, отличаются достоинствомъ безъ чопорности. Пріятность слога отнюдь не жеманна. Прочтите стихи его на пейзажъ Клодъ-Лоррена и восхитительную поэму, *Laodamia*; они объяснятъ вамъ это лучше нашихъ словъ, особенно послѣдняя, гдѣ дышетъ чистый ароматъ чистѣйшихъ созданій древности: никто еще не живописалъ такимъ достойнымъ образомъ величія, сладости, силы, томленія и изящества смерти. Не роскошь красокъ, а утонченность работы, составляетъ блескъ и совершенство этого созданія: оно скорѣе статуя чѣмъ картина. Ткань мысли имѣетъ всю ядреность и крѣпость мрамора. Это поэма, которую можно было бы читать громко въ Элизеѣ, и души героевъ и мудрецовъ собрались бы слушать.

Поэтическая философія Вордсворта не имѣетъ огненнаго взгляда Байроновой, ни его тревоги въ жилахъ; спокойнѣе и проникательнѣе глядитъ она въ судьбу смертнаго человѣка. Оставляемое ею впечатлѣніе не такъ живо, но оно легче и прочнѣе. Есть такіе стихи, такія мѣста въ Вордсвортѣ, которыя останавливаютъ на себѣ думу десять разъ, и если найдется что-нибудь подобное у Байрона, то развѣ тамъ, гдѣ онъ дѣлается такъ же простъ и такъ же

истиненъ какъ Вордсвортъ; потому что и пѣвецъ Чайльдъ-Гарольда, оставляя иногда свою пышность и обычныя притязанія, спускался къ общему уровню человѣчества.

Сочиненія Вордсворта особенно отличаются разностью производимыхъ ими впечатлѣній. Они или покажутся непонятными, или глубокой смѣсль ихъ неизгладимо вѣрнется вамъ въ душу; они или отскочатъ отъ вашего сердца, или проникнутъ далеко, чтобъ никогда изъ него не выйти. По-этому одинъ разрядъ читателей пристрастится къ нимъ всей душою и будетъ находить въ нихъ выпренность, другой — и, быть-можетъ многочисленнѣйшій, — назоветъ ихъ смѣшными. Вордсвортъ, повидимому, осуществилъ желаніе Мильтона — имѣть избранный кругъ слушателей, которыхъ можно перечестъ съ одного взгляда; однако жъ мы не думаемъ, чтобъ онъ былъ доволенъ своей участію.

Въ его Excursion есть безподобныя описанія. Мѣстами встрѣчаются вдохновенныя думы которыя звукомъ мыслей и величіемъ слова подобны небеснымъ симфоніямъ, меланхолическимъ реквиемамъ, раздающимся при гробѣ всѣхъ надеждъ человѣческихъ. Несмотря на то, эта поэма никогда не будетъ такъ общелюбима, какъ «Лирическія баллады». Въ новѣйшемъ собраніи его стихотвореній, вышедшемъ за нѣсколько мѣсяцевъ подъ заглавіемъ — Yarrow revisited, Вордсвортъ по-прежнему является поэтомъ природы; онъ все такъ же мало озабоченъ выборомъ предметовъ: по-прежнему, птичье гнѣздо, цвѣтокъ, клочекъ зелени, вынимають у него теплое, роскошное изліяніе мысли. По-прежнему, беретъ онъ за руки малютокъ и говорить съ ними о Богѣ, жизни и смерти съ своею выпренностию простотою. Онъ расскажетъ вамъ наивную балладу, подслушанную имъ у настуха; создастъ лирическую поэму изъ старой легенды или начертитъ

на листкѣ альбома глубокиа философическiа размышленiя. Слѣдующая пьеса, внушенная ему портретомъ молодой дѣвушки, покажетъ, даже и въ переводѣ, необыкновенный даръ его — сливать въ одно гармоническое описанiе, рассказъ и думу:

«Иногда забываю я, что день для меня еще не кончился. Книга или перо выпадаютъ у меня изъ рукъ. Я у окна, и не вижу дивной картины, развернувшейся около меня и такъ великолѣпно украшенной щедрою рукой природы. Тогда долго не свожу я глазъ съ портрета, и сладостный лучъ его красы безпрерывно обогащаетъ собою свѣтъ обыкновенный. Это прелестное лице такъ спокойно! О, оно разливаетъ спокойствiе и въ воздухъ! По-крайней-мѣрѣ, кажется, что миръ, его окружающiй, можетъ быть только отъ него. А это безмолвiе, которому внимаешь подлѣ мной, не слаще ли для уха самой восхитительной музыки? Тамъ сидитъ она! Ея платье—эмблема чистоты! Оно блѣдетъ какъ ея мраморная шея, какъ блѣвлась бы у ней обнаженная часть груди, если бъ не тѣнь отъ поникшей головы. Легкая тѣнь, которая вмѣстѣ и тѣнь и свѣтъ, которая летаетъ здѣсь и тамъ, въ самой атмосферѣ—свѣтлая, сквозная, гармоническая; прозрачный отсвѣтъ неба, подобный тому, какимъ удививный пастухъ любитъ утромъ на горахъ своихъ. Гляди на нее, кто бы ты ни былъ, если въ тебѣ загорается душа поэта, если ты обожаешь въ живописцѣ истинный генiй Промедея. Похити этотъ кладъ своимъ воображенiемъ! Дай глазамъ своимъ насмотрѣться на то, что я созерцаю моими; хотя быть-можетъ, неизмѣримость океана раздвѣляетъ насъ другъ съ другомъ.

«Серебряная тропинка бѣжитъ отъ чела ея къ маковкѣ, раздвѣляетъ ея гладкiе волосы и кажетъ нежную почву, на которой возшла ихъ золотая жатва. А эти большiе, милые глаза, чистые какъ безоблачное

небо, но темнѣе его цвѣтомъ, — часто должны они говорить съ другими взглядами въ вышнихъ и совершать нѣмыя молитвы. Теперь они ничего не ищутъ, ничего не избѣгаютъ; живая дѣятельность, которая безпрестанно ими движеть, прекратилась; вмѣстѣ съ головой поникли они долу, смиренно — прелестные, спокойно задумчивые, въ томъ душевномъ мечтаніи, которое останавливается на краю печали.

«О дѣва искусства, дѣва очаровательница, доверь мнѣ свои завѣтныя тайны! Скажи, отчего на лицѣ твоёмъ эта безмятежная разсѣянность? Мысль твоя не ушла ли въ даль за милымъ, котораго преслѣдуетъ неудача, или котораго вѣрность тебѣ сомнительна? — Какой вздоръ! Эта дѣвушка не женщина, это свѣтлый, молодой мѣсяцъ, яснѣющій на небѣ; она на порогѣ, ведущемъ изъ дѣтства къ юности, но она еще не перешагнула.

«Въ правой рукѣ, подпертой лѣвою, которая облокотилась на колено, чуть держитъ она василекъ и нѣсколько блѣдно-желтыхъ колосьевъ, — тѣхъ, которые родились съ василькомъ и защищали его, пока ихъ вмѣстѣ несорвали. Этотъ василекъ, который трудолюбивые земледѣльцы называютъ худой травой, а Церера съ гордостью вплетаетъ въ свою гирлянду; этотъ василекъ, которымъ небрежно играютъ ея пальцы, — она знаетъ: отецъ ей это сказывалъ — этотъ василекъ былъ любимымъ цвѣточкомъ ея матери, когда веселая заря молодости горѣла надъ нею: для сироты взошла та же заря, но не столь блестящая, не столь радостная. Сирота сидитъ въ раздумьѣ, одинокая, и любитъ цвѣтокъ изъ любви къ матери. Важный, мечтательный видъ ея вѣрно не имѣетъ другой, менѣе священной причины.

«Слова выскажутъ иногда больше кисти, иногда больше нежели надобно; но искусство позволяеть имъ вмѣшиваться, — божественное искусство, которое тво-

рять и вмѣстѣ увѣковѣчиваетъ чудеса своихъ созданий наперекоръ смерти и времени.

«Странныя противоположности бываютъ на свѣтѣ! Это лицо, этотъ взглядъ дѣтской любви, который стремится въ прошедшее, не покинувъ настоящаго, все это святое выраженіе могло стереться съ живаго подлинника легчайшимъ дуновеніемъ какой-нибудь невинной прихоти! И, быть можетъ, никогда не повторилось бы оно потомъ въ этихъ чертахъ, въ этомъ чистомъ, отрадно-гармоническомъ положеніи! Но вотъ оно упрочено здѣсь на вѣки! О, не божественно ли искусство, не скромная ли это вѣтвь древа Божія, когда оно такъ рвется за безсмертіемъ и возносится къ нему трепеща отъ надежды? Отъ одного конца Европы до другаго, отъ вершинъ Гибралтара до равнинъ Сибири, тысячи голосовъ повторяютъ эту мысль каждый на своемъ нарѣчій. Эту мысль имѣлъ нѣкогда и тотъ монахъ, который посвятилъ себя Богу въ Эскуріальской обители. Онъ водилъ по монастырю, изъ кельи въ келью, изъ придѣла въ придѣлъ, одного Англійскаго живописца, знаменитаго истиной и глубокимъ чувствомъ своихъ произведеній, которыя трогали душу царей, и не менѣе того драгоцѣнны земледѣльцу. Можете вообразить, что при этомъ осмотрѣ не забыли «Тайной Вечери», этой величественной картины, которая и теперь украшаетъ трапезу, такъ же одушевленная и изящная, какою она вышла изъ рукъ Тициана, когда была здѣсь поставлена. Пока оба они всматривались въ это дивное созданіе, старый монахъ прошепталъ на ухо чужеземному художнику: «Мы приходимъ сюда каждый день и благодаримъ Бога за насущный хлѣбъ, который Онъ даетъ намъ; здѣсь думаю я о братьяхъ умершихъ или разсѣянныхъ, смѣняющихся или смѣнившихся! Очень часто гляжу я на торжественное собраніе въ этой картинѣ, которой ни обстоятельства, ни годы не могли тронуть съ мѣста,

и тогда мнѣ невольно вѣрится, что эти живописныя лица *настоящіе гости* — дѣйствительность, а мы только тѣни.»

«Такъ говорилъ іеронимъ, и чувство зомъ исчезло въ немъ какъ мечта, — еще не сводилъ онъ глазъ съ своей картины, еще не успѣлъ онъ досказать этихъ словъ. И я тоже состарѣлся, милый портретъ мой, но въ странѣ, болѣе счастливой! Подъ вліяніемъ твоего кроткаго взора переложилъ я въ стихи трогательныя слова священнослужителя, слова болѣе успокоительныя чѣмъ тревожныя; отрадныя слова, которыхъ смыслъ, какъ ангелъ, нисходившій въ Вифтеду, успокоилъ бы источникъ души, возмущенный небеснымъ нагтіемъ. Отчего жъ канула у меня эта слеза? Нѣтъ! не съ прискорбіемъ останавливается взоръ мой на тебѣ, нѣмой товарищъ моего уединенія! Прости, вдохновитель моей пѣсни! Еще разъ, прости!»

И мы еще разъ просимъ извиненія у нашихъ читателей, если этотъ прозаическій переводъ прекрасныхъ стиховъ Вордсворта не даетъ имъ ни какого понятія о характерѣ его необыкновеннаго дарованія. Обратимся теперь къ особѣ поэта.

Вордсвортъ не великъ ростомъ; черты его хорошо означены, и во всей его наружности есть что-то Кихотическое. Онъ напоминаетъ нѣкоторыя головы Гольбейна, строгія, пасмурныя, съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливости, замѣтнымъ, несмотря на почтенную важность лѣтъ и на явную изысканность приемовъ. Въ его улыбкѣ есть особенная пріятность, и звуки его голоса отличаются глубиною мужественной гармоніи, особенно, когда онъ читаетъ свои стихи. Нѣтъ ничего разительнѣе его достоинства въ это время. Когда онъ дойдетъ до любимаго мѣста, взоръ его сверкаетъ, живая мысль течетъ великолѣпными волнами прямо изъ сердца.

Онъ, какъ говорить, очень строгъ и довольно странно въ сужденіяхъ о другихъ писателяхъ. Быть-можетъ, причиною тому несправедливость, которой самъ онъ долго подвергался со стороны критики. Изъ прозаическихъ сочиненій всего болѣе нравится ему Робинсонъ Крузо. Изъ поэтовъ особенно любитъ онъ Мильтона и Данте. Французы, всѣ гуртомъ, у него въ немилости: поэзія ихъ, то слишкомъ чопорна, то слишкомъ развращенна, и въ обоихъ случаяхъ равно далека отъ природы, которой Вордсвортъ такой пламенный обожатель.

«Я преклонюсь передъ природою, говорить онъ, передъ человѣкомъ, вѣрнымъ ся волъ, передъ истиннымъ человѣкомъ. Я возьму его страданія, которые не безъ радостей, возьму его невинныя склонности и перескажу ихъ въ честь человѣчеству. Мой жребій — итти отважно этой дорогою; моя слава — что я первый ступилъ на священную землю, что я первый провозгласилъ не мечты, а божественныя вещи природы.»

Эти строки составляютъ часть поэмы, которую Вордсвортъ писалъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и которая доселѣ не была издана. Престарѣлый поэтъ можетъ теперь справедливо гордиться тѣмъ, что со славою выполнилъ прекрасную поэтическую программу своей юности.

Е. К.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ XIX ВѢКУ.

Благодареніе Королевско-Прусскому надворному советнику, Г. Іоанну Дитриху Эрнсту фонъ-Прейссу, — оиъ своимъ предлиннымъ сочиненіемъ * доставляетъ намъ по-крайней-мѣрѣ случай подумать полчаса объ одномъ изъ величайшихъ людей въ новѣйшей Исторіи, котораго геній непринятно паритъ все выше и выше надъ нашимъ вѣкомъ, изъ котораго славу заслонила на время Наполеонъ своими шевальерскими предпріятіями на военномъ поприщѣ. Европа теперь помнитъ Фридриха Великаго только какъ великаго полководца, въ маломъ видѣ предшествовавшаго страшному Бриарееу войны, который недавно обхватилъ-было вселенную ста своими руками, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и вдругъ повергся въ прахъ отъ мстительнаго перуна, вылетѣвшаго изъ костей орла боговъ, который прежде сѣнялъ своими крылами капitolій, а теперь плаваетъ надъ Кремлемъ. Но Фридрихъ Великій является намъ въ Исторіи замѣчательнѣйшимъ лицомъ своего вѣка не какъ полководецъ или завоеватель. Подвиги его исчезаютъ подлѣ безпримѣрныхъ событій нашего времени. Нельзя также принимать большаго участія въ его жизни, рассматривая ее съ той стороны, съ которой самъ оиъ наиболее хотѣлъ казаться великимъ, то есть, въ отношеніи его къ философіи и литера-

* Friedrich der Grosse. Eine Lebensgeschichte. Von J. D. E. von Preuss. 4 Bände, und Urkundenbuch, 4 Theile Berlin, 1832—1835.

туръ прошедшаго столѣтїя. Нѣтъ ничего мелочнѣе и приторнѣе ссоръ и примиреній, взаимныхъ похвалъ и ругательствъ различныхъ школъ философско-литературныхъ. Переворотъ, совершившійся въ общественномъ мнѣнїи, былъ такъ рѣшителенъ, что скептицизмъ Фридриха и Вольтера, эта отрицательная система критики, присвоившая себѣ такое надменное владычество надъ мудростію древнихъ и новыхъ вѣковъ, шнче болѣе устарѣлъ, нежели оставленный всеми догматическій образъ мыслей, противъ котораго вели они войну. Слава въ настоящемъ была единственною цѣлью ихъ трудовъ, и награда имъ была по заслугамъ: они забыты потомствомъ, забыты болѣе нежели древность, которую хотѣли унижить; имъ перестали воздавать даже то уваженіе, на которое они дѣйствительно имѣютъ право за исправленіе своими выходками многихъ несообразностей въ тогдашнемъ обществѣ. Фридрихъ великъ и безсмертенъ не эгимъ, а своимъ гражданскимъ управленіемъ, — мыслью, создавшю планъ Прусской монархіи, и средствами, употребленными къ ея устроенію. Разсмотрѣвъ этотъ предметъ вполнѣ, мы увидимъ, что Фридрихъ былъ истиннымъ творцемъ особенной формы очень кроткаго и чрезвычайно сильнаго самодержавїя. «Военная монархїя», повѣтшая изъ всѣхъ великихъ системъ государственнаго устройства, и существенно отличная отъ военнаго деспотизма, налагаемаго похитителями престоловъ, и отъ прежней монархіи, породившей Французскую революцію, создана Фридрихомъ. Основаніе этому зданію, было безъ сомнѣнїя, положено многими изъ государей, царствовавшими прежде его въ Германїи, въ особенности отцемъ его въ Пруссїи; но онъ усовершенствовалъ и довершилъ сороколѣтними трудами этотъ памятникъ своего ума и преданности своего народа: другимъ государямъ осталось только приложить къ отдаленнѣйшимъ странамъ превосходный образъ правленїя, который онъ завѣщалъ образованному свѣту. И примѣненїе это совершилось въ нѣкоторыхъ земляхъ такъ легко, что народъ не примѣтилъ даже столь существенной церемьны въ своемъ политическомъ быту, что наслаждаясь нынче ея благодѣяніями, онъ часто не подозреваетъ ея начала, и едва знаетъ, что ей-то обязанъ и вѣдшимъ своимъ могуществомъ, и внутреннимъ счастьемъ.

Оцѣнивъ надлежащимъ образомъ это обстоятельство, нельзя не согласиться, что изученіе мысли и системы Фридриха Великаго, въ собственной его жизни и въ постепенномъ развитіи его чудеснаго созданія, есть предметъ первой важности для каждаго благомыслящаго челоуѣка.

Государи и владѣтельные князья Нѣмецкой имперіи мало-по-малу уничтожили у себя могущество феодальнаго дворянства. Во Франціи ветхое зданіе аристократіи Людовика IX было разрушено гораздо ранѣе войнами Ляги и полятикою Ришелье, но феодальная мантія была снята съ вельможъ не силою: они сами, согрѣтые лучами придворныхъ милостей, сложили ее съ себя, какъ странникъ слагаетъ плащъ, болѣе ему ненужный. Французское правительство сдѣлалось раемъ царедворцевъ и любимцевъ; оно сохраняло все недостатки прежней аристократической системы безъ той силы, которая принадлежитъ только аристократіи; польза постоянныхъ армій, которыми въ новѣйшіи времена замѣнена была эта сила, была несовершенно понятна даже Людовику XIV въ полнотѣ его воинской славы. Но бѣдность Нѣмецкихъ дворовъ не представляла тѣхъ средствъ, которыя во Франціи оказались столь действительными къ укропченію гордости герцоговъ и бароновъ. Въ цѣлой Германіи, одна Саксонія старалась подражать великолѣпію и пышности Парижскаго двора. Упадокъ могущества бароновъ Нѣмецкихъ около начала прошедшаго столѣтія произошелъ наиболѣе отъ воинственнаго характера народа и частыхъ походовъ, при которыхъ постоянныя войска были необходимы для защиты обширной и отовсюду открытой земли. Въмѣстѣ съ усиленіемъ дисциплины, правильнѣйшимъ устройствомъ и возрастаніемъ численной силы новыхъ армій, дворяне постепенно утратили царственный характеръ предковъ своихъ, и сдѣлались офицерами и служителями государя, который изъ верховнаго феодальнаго владѣтеля и равнаго имъ, сталъ ихъ генераломъ и властелиномъ.

Фридрихъ Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго, одинъ изъ самыхъ своеправныхъ монарховъ въ мірѣ, котораго потомство называло бы легкомысленнымъ, если бы усугубля не увѣчивалъ всѣхъ его предпріятій, и самъ онъ не призна-

длежалъ къ числу умнѣйшихъ и счастливѣйшихъ государей своего времени,—Фридрихъ Вильгельмъ I запечатлѣлъ великимъ дѣломъ образованія войска столько же по склонности, сколько вслѣдствіе принятой имъ системы. Фридрихъ получалъ отъ него въ наследство эту превосходную армию, сокровище, для расточенія котораго, достаточно, впрочемъ, было одной кампаніи; получалъ обширную, но бѣдную, песчаную и вполонину обработанную страну; двѣ или три крѣпости, и столько же второстепенныхъ городовъ; гордое и вадорливое дворянство, которое, однако почти все занято было военною службою; духовенство сильное, исполненное педантства и нѣсколько фанатическое; администрацію безъ опредѣленныхъ началъ, но хорошо устроенную въ частностяхъ; народъ преданный, мужественный и трудолюбивый.

Изъ такихъ-то матеріаловъ неистощимыя силы одного человека создали нынѣшнюю Пруссію, эту дивную машину огромной государственной силы,—машину самую примѣчательную, какая только существуетъ,—примѣчательную и своимъ устройствомъ и своимъ образомъ дѣйствованія, и сдѣлавшеюся образцемъ, по которому большая часть Европейскихъ правительствъ мало-по-малу совершаетъ нынѣ свое преобразование. Главное начало Фридриха, которому онъ слѣдовалъ даже и тогда, когда оно приводило его къ ложнымъ выводамъ, было то, что въ дѣлахъ государственныхъ должно все дѣлать посредствомъ способовъ самыхъ дешевыхъ, самыхъ простыхъ и требующихъ наименѣ времени. Цель правительства—благосостояніе народа, но благосостояніе опредѣленное и подчиненное правиламъ. Этой цели онъ никогда не выпускалъ изъ виду, и она была предметомъ твердыхъ и постоянныхъ его попеченій. Вся отдѣльная власти, потеряли свой вѣсъ одна за другою, и король сдѣлался центромъ и двигителемъ всего. Пруссіе дворяне подверглись еще большей зависимости нежели прежде, и пришли въ бѣдность; между тѣмъ законы, воспрещая переходъ дворянскихъ имѣній къ лицамъ другихъ сословій, увеличивали, при всякомъ новомъ поколѣніи, ихъ нуждающіяся толпы. Католическое и протестанское духовенство, болѣе и болѣе унижаемое подъ видомъ покровительства, лишилось своихъ

доходовъ, и обратилось въ особый классъ чиновниковъ правительства, обязанныхъ исполнять долгъ свой для спокойствія народа и безопасности короля. Вся независимая власть, возникающая въ государствахъ дурно управляемыхъ изъ среды административнаго сословія, уничтожилась при государь, который былъ самъ своимъ министромъ, и болѣе нежелан какой-либо другой монархъ успѣлъ осуществить сильную мысль личнаго надзора за всеми. Простыя формы, быстрота исполненія и неукоснительная покорность приказаніямъ постепенно перешли изъ лагеря во всѣ отрасли государственнаго управленія, котораго глава вполне посвятивъ себя постоянному и неусыпному управленію доставшихся на его часть обязанностей. «Si l'on veut que le gouvernement monarchique l'emporte sur tous les autres, говоритъ Фридрихъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, l'arrêt du souverain est prononcé: il doit être actif et intègre.» Этой добровольно принятой обязанности онъ подчинилъ себя, какъ неизвѣстному закону. Но столь искусственная система правительства едва ли могла бы выдержать опытъ долгаго времени, если бы дѣятельность его не имѣла предметомъ непосредственнаго благосостоянія подданныхъ: потому-то великимъ правиломъ Фридриха было—дѣлать все для народа и ничего посредствомъ народа, такъ, что уничтоживъ послѣдніе остатки своевольной политической свободы среднихъ вѣковъ, онъ силою чистаго самодержавія вполне обезначилъ свободу гражданскую,—единую настоящую свободу въ мірѣ,—и поставилъ ее на высшую степенъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ, не исключая и самыхъ либеральныхъ, гдѣ всегда политическая свобода, то есть, свобода плутовъ-интригантовъ и наглецовъ, становится тираномъ мирныхъ дѣйствій честнаго, трудолюбиваго и покорнаго власти гражданина. Ограниченія, стѣснявшія дотолъ правственную и физическую дѣятельность его подданныхъ, были устранимы. Всѣ мелочныя преслѣдованія и притѣвленія, которымъ фанатизмъ духовенства и завистливая гордость сословія подвергали отдельные лица,—случаи перваго рода не рѣдко приключались въ Пруссіи,—были прекращены. Польза службы и польза гражданина начали быть

* Essai sur les formes de gouvernement.

почерпаемы въ общемъ источникъ,—просвѣщенія. Дарованіе, науки и опытность возвысились на степенъ перваго условія отличія, потому что для приведенія такой машины въ дѣйствіе, изобрѣтателю ся нужны были люди, твердо знающіе свое дѣло. Книгопечатаніе было распространено, но до приличныхъ предѣловъ, и отнюдь не такъ далеко какъ полагають нѣкоторые изъ новѣйшихъ панегиристовъ Фридриха. Всякая жалоба была выслушиваема, и несмотря на тягость налоговъ, впрочемъ, не столь огромныхъ какъ нынче, нельзя было роптать, потому что строжайшая бережливость господствовала во всѣхъ частяхъ управленія. Гласность дана была отчетамъ по разнымъ частямъ управленія, и гласность честная, чуждая того шарлатанства, которое либеральныя правительства поддѣшиваютъ въ свои признакія. Строжайшее повиновеніе волѣ начальства и ответственность за всякій проступокъ со стороны чиновниковъ, которые опредѣлялись по способностямъ и повышались по заслугамъ, какъ военные офицеры, составили основаніе всеобщаго повиновенія, залогъ частной безопасности и опоры гражданской свободы каждаго. Все это было неизвѣстно прежнимъ монархіямъ, которыя дѣйствовали скрытно, произвольно, наудачу,—слѣдственно слабо, и которыя поэтому часто принуждены бывали прибѣгать къ насилію, чтобъ показать свою силу. Напротивъ того, въ новой формѣ самодержавія, порядокъ, точность и быстрота движенія, истинно военные, предводительствовали всѣми частями управленія, всѣми дѣлами, всѣми принимаемыми мѣрами, и многосложная государственная машина шла такъ легко и ровно, какъ парадъ войска на Марсовомъ полѣ,—по мановенію главнокомандующаго, котораго должность исправлялъ самъ государь. Ненужно доказывать, что тамъ, гдѣ все подчинено строгости правилъ и неуклонной дисциплинѣ, произвола быть не можетъ: и въ этомъ именно заключается превосходство военной монархіи. Она не находитъ ни какой надобности дѣйствовать изытціями и притѣвленіями, потому что дисциплина равна для всѣхъ и достаточно обезпечиваетъ порядокъ. Такимъ образомъ кротость рождается изъ самой строгости и становится ея отличительнымъ признакомъ, получая непрерывно новую для себя пищу изъ положительнаго просвѣщенія, которое со-

составляетъ главный элементъ военной монархіи, наравнѣ съ безусловнымъ повѣствованіемъ, какъ благо народа составляетъ единственную мысль и первѣйшій интересъ монархіи. Истинно рѣдкою чертою Фридриховой системы, и ясно отличающею его духъ отеческаго правленія, есть поощреніе земледѣлія и промышленности посредствомъ ссудъ, щедро раздаваемыхъ во времена общественныхъ бѣдствій, и заведеніе колоній въ ненаселенныхъ земляхъ. Правда, при исполненіи подобныхъ предпріятій, иногда руководствовался онъ началами самыми ложными: правительство его употребляло огромныя издержки на то, что подданные могли бы сдѣлать и скорѣе, и лучше; рѣдко его великодушныя пособія промышленности были не что иное какъ отягощенія всѣхъ въ пользу немногихъ; но это были частныя ошибки. Надобно сравнить монархію Фридриха съ безпорядкомъ, въ какомъ находились тогда ошашены почти всѣхъ Европейскихъ державъ, съ грабительствомъ откупщиковъ, съ пустою казначейницею, съ утѣсненіемъ мѣщанъ и поселянъ, чтобъ обнять все величіе правительственныхъ трудовъ его.

Когда система эта была совершенно введена; когда всѣ власти, министерская, муниципальная и духовная, подчинились центральной власти государя; когда безъ его вѣдома, въ обширныхъ его владѣніяхъ, нельзя уже было предпринять ничего, не только для общей пользы, но и для блага частной промышленности, тогда великая идея Фридриха осуществилась вполне; и хоть онъ до конца жизни продолжалъ надзирать за ходомъ своей машины; но она уже была въ состояніи дѣйствовать безъ помощи, независимо отъ способностей царствующаго лица. Сосѣдніе монархи скоро усмотрѣли существенныя выгоды Фридриховыхъ учрежденій. Съ его времени пышныя формы и многосложный этикетъ, которыми престолы еще окружались съ Азіатскою надменностью среднихъ вѣковъ, начали постепенно исчезать при дворахъ и замѣняться простыми, но благородными принадлежностями военнаго стана. Узкіе мундиръ заступили мѣсто пестрыхъ и тяжелыхъ костюмовъ вѣка Людовика XIV, и самыя монархи, сложивъ съ себя прежнія феодальныя одежды, припяли военную наружность. Выступо вассаловъ и бароновъ, духовныхъ и ученыхъ,

которые прежде составляли свиту государей, единственными их спутниками сдѣлались генералы и адъютанты. Австрійскій императоръ Іосифъ II и братъ его Леопольдъ, которые старались подражать какъ характеромъ, такъ и системою правленія счастливому врагу своей матери, были въ числѣ первыхъ распространителей великаго политическаго нововведенія. Но между тонкими и опытными Фридрихомъ и этими двумя государями, предтечами мыслительнаго Бенгамвизма, суетными наследователями теорій, которыхъ конечнаго направленія они вовсе не понимали, существуетъ большая разница: самъ Фридрихъ который на политическимъ причинамъ отпуская комплименты своему молодому подражателю, видѣлъ слабость его характера, и въ нѣсколькихъ словахъ резко изобразилъ Іосифа и подобныхъ ему философовъ. Il veut finir avant que de commencer, «Онъ хочетъ кончить, не начинавши.» Его странныя планы улучшеній не удались, что можно было заранее предвидѣть изъ сопротивленія, возбужденнаго во всѣхъ классахъ народа. Впрочемъ Іосифъ заслуживаетъ похвалу за добрыя свои намеренія: онъ былъ глубоко проникнутъ чувствомъ своего долга ко благу отечества, и хотя у него не достало силъ для совершенія существенныхъ переменъ, онъ игралъ однако не послѣднюю роль въ великомъ дѣлѣ преобразованія ветхихъ Европейскихъ монархій въ новую военную форму. Французская революція оставшая многимъ государямъ только одно средство къ огражденію своей безопасности, — оружіе, усвоила имъ стремленіе къ этому роду централизаціи, хотя бѣдствія Пруссіи послѣ Бенойскаго сраженія, доказали, что и оно бессильно противъ нападешій сильнаго вѣтшнаго непріятеля, который однимъ рѣшительнымъ ударомъ въ сердце машины можетъ остановить ходъ и самыхъ отдаленныхъ частей ея. Наконецъ годы, последовавшіе за паденіемъ Наполеона, счастливо употреблены были на укрѣпленіе этихъ новыхъ зданій крѣпкаго и твердаго самодержавія. Способы государственнаго управленія, подобно мануфактурнымъ процессамъ, постепенно сдѣлались проще, дешевле и требуютъ менше времени. Формы и отлагательства всякаго рода тихе исчезаютъ даже и изъ законовъ. Прежде Англичане сдѣлались надъ

забывшимъ, устарѣвшимъ церемоніальномъ Нѣмецкнхъ дворохъ; теперь, кажется, въ одномъ только Виндзорскомъ дворцѣ сохранились еще обряды старины. Правильные наборы рекрутъ, которые получили начало свое въ Пруссіи, заимали вѣсѣхъ большнхъ арміяхъ, кромѣ Англійской, ненадежный выборъ охотниковъ, и цѣлыя арміи дѣтей, по примѣру, поданному Европѣ Фридрихомъ, воспитываются всюду въ учебныхъ заведеніяхъ правительствъ, и, готовясь быть честными и полезными гражданами, считаются въ военной службѣ со дня вступленія въ училище и привыкаютъ заранѣе къ правильному механизму военныхъ монархій. Страсть къ конституціямъ значительно ослабла на твердой землѣ. Это было заблужденіе вѣка, послѣдній бредъ умирающей философіи XVIII столѣтія, который непременно кончится и даже кончился скоро. Головы выадоравливаютъ. Представительныя формы, замысловатое умозрѣніе на бумагѣ, истинное политическое плутовство на дѣлѣ, бывшія лѣтъ за двадцать предметомъ такихъ пламенныхъ желаній, выхваляемыя и даже обещанныя многими правительствами, каждый день терпятъ прелесть свою во мнѣніи общества съ тѣхъ поръ, какъ несчастливы начали сами отчаиваться въ возможности найти среднцу, въ которую нѣкогда втроевали, между деспотизмомъ и демократіею, и мнимое равновѣсіе трехъ властей, котораго нѣтъ и быть не можетъ въ природѣ. Въ такихъ державкахъ, гдѣ еще существуютъ конституціи на образцѣ Англійской, она производятъ одни бѣдствія, кровопролитія и преступленія, и, кажется, только терпимы до времени при огромномъ четвертомъ столбѣнн, — то есть, постоянной арміи, которая вмѣстѣ грозитъ имъ и угрожаетъ имъ. Г. Штобріанъ и все тѣ, которые предсказываютъ скорое торжество въ Европѣ конституціонныхъ формъ, и даже республики, не знаютъ ни времени, ни стремленія огромнаго большинства умовъ. Мода на Англію прошла невозвратно. Благоденствіе и удивительное процвѣтаніе Пруссіи и тѣхъ государствъ, которыя во-время приняли систему, — вотъ что нынче поражаетъ народы. Кроткое, но сильное самодержавіе будетъ общаю формою правительства всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, какъ превосходнѣйшая изъ всѣхъ измышленныхъ человѣкомъ. Французскія камеры и Венгер-

ское дворянство, быть можетъ, единственныя сословія, которыя теперь сопротивляются, хотя и слабо, повсемственному распространенію формъ военной монархіи, но въ нее не перейдутъ неминуемо, и въ ней тихо окончатъ бытіе свое всѣ эти ветви конституціи нашей части свѣта, не исключая даже Англійской.

Не многіе государи были такъ часто описываемы въ исторіяхъ, біографіяхъ и анекдотахъ какъ Фридрихъ Великій. Его наружность, странности, образъ жизни въ лагерѣ и въ столицѣ извѣстны каждому; несмотря на это, мы знаемъ о немъ весьма немного дѣльнаго и вообще нуждаемся въ руководителяхъ для полнѣйшаго уразумѣнія его. Вольтеровы, то сатирическія, то льстивыя описанія, и живые, но не всегда точные рассказы Тіеббъ, — вотъ источники, откуда мы почерпаемъ большую часть нашихъ свѣдѣній. Всѣ новѣйшіе писатели, принимавшіе на себя трудную обязанность изобразить характеръ Фридриха, довольствовались повтореніемъ того, что уже прежде было сказано его обожателями или хулителями. Новое сочиненіе Г. Прейсса, конечно, никогда не будетъ упрекаемо въ крайности; но безцвѣтный, исполненный необдуманнхъ похвалъ языкъ, которымъ оно написано, и утомительныя, дурно соединенныя между собою подробности дѣлаютъ его неважнымъ пріобрѣтеніемъ для области историческихъ наукъ. Авторъ, по-видимому, имѣлъ целью оправдать дѣянія своего героя гуртомъ за всѣ сорокъ лѣтъ его царствованія, какъ публичныя, такъ и частныя, не допуская даже тѣхъ исключеній, которыхъ требовало бы приличіе и нравственность. Онъ съ усердіемъ адвоката доказываетъ вновь права Бранденбургскаго дома на Силезію, хотя уже девяносто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мечъ рѣшилъ этотъ процессъ лучше всякаго пера. Всѣ погрѣшности Фридриховой системы противъ самыхъ простыхъ началъ политической экономіи расхвалены съ неподражаемою важностью. Въ частной жизни своей, онъ здѣсь представляется почти безпорочнымъ. Мы не отрицаемъ, что авторъ заслуживаетъ похвалу за множество и разнообразіе собранныхъ имъ матеріаловъ и за подробнѣйшія противъ прежняго описанія многихъ важныхъ обстоятельствъ; но, разсматри-

вая его твореніе, обличающее столь высокія притязанія и выполненное съ такимъ отсутствіемъ безпристрастія, безъ котораго Исторія не имѣетъ ни какого достоинства, нельзя не пожалѣть, что это множество драгоценныхъ, подлинныхъ матеріаловъ досталось писателю, такъ мало способному употребить ихъ въ пользу. Гораздо достойнѣйшаго вѣнка требуетъ память Фридриха Прусскаго отъ повѣйшей Европы, которой настоящая жизнь, съ ея теперешними формами правленія и образомъ мыслей, началась едвали не съ его царствованія.

Документы, которыми обогащена эта книга, заключаютъ въ себя много любопытнаго для иностраннаго читателя. Къ числу тѣхъ, которые доставили намъ наибольшее удовольствіе, принадлежатъ переписка Фридриха съ отцемъ его, и нѣсколько другихъ бумагъ, разливающихъ новый свѣтъ на семейную исторію Прусскаго двора при Фридрихѣ Вильгельмѣ I.

Спартакское воспитаніе, полученное Фридрихомъ, не мало содѣйствовало къ образованію его характера. Его отецъ, который горько жаловался на пристрастіе недостойнаго сына къ литературѣ и забавамъ, не предвидѣлъ тѣхъ слѣдствій, какія со временемъ должно было произвести его суровое и не совсѣмъ родительское обхожденіе. Ранняя, чрезмерная строгость можетъ повергнуть людей слабыхъ, въ которыхъ страсти преобладаютъ надъ разсудкомъ, въ величайшія крайности, когда обстоятельства, стѣснявшія ихъ исчезнутъ; но на души сильныя эта строгость имѣетъ совсѣмъ иное вліяніе. Привычка къ порядку и терпѣнію постепенно пріобрѣтается подъ бременемъ тягостнаго принужденія, и Фридрихъ, чувствовавшій въ молодости такое отвращеніе отъ грубой простоты своего отца и его друзей, впоследствии не могъ не видѣть въ страданіяхъ своей юности источника многихъ качествъ, отличившихъ его зрѣлымъ возрастомъ. Его пламенная, восторженная душа должна была искать въ трудѣ пищи для своей дѣятельности, которая иначе могла бы обратиться къ порочнымъ наслажденіямъ: упорное постоянство и крѣпость надежды въ несчастіи, которыя такъ дивно обнаружились въ послѣдующей жизни его, пріобрѣ-

тены были нать первоначально въ Потсдамскомъ дворцѣ и Кюстринскомъ заточеніи.

При начальномъ воспитаніи принца, Дюганъ и прочіе наставники его, должны были руководствоваться самыми подробными наставленіями Фридриха Вильгельма. Король чрезвычайно заботился о томъ, какъ бы приблизить сына къ своему идеалу совершенства въ религіозномъ и общественномъ отношеніи, хотя его предрасудки дѣлали его вовсе неспособнымъ къ надзору за нравственнымъ развитіемъ пылкаго молодого человека. Въ числѣ документовъ Г. Прейсса находятсѣ списки съ собственноручныхъ королевскихъ расписаній часовъ и занятій малолѣтнаго принца: время для вставанія, молитвы, кофе, пудренія головы и надѣванія сапогъ, означено весьма точно. Предметы преподаванія ограничивались Исторіею и Закономъ Божіимъ. Немного позже было прибавлено поверхностное изученіе Французскаго и Италіянскаго языковъ; но съ первымъ коротко познакомился Фридрихъ уже въ послѣдствіи, по на- выку. Объ отечественномъ языкѣ тогда еще не заботились; Греческій и Латинскій были совершенно опущены.

«Фридрихъ имѣлъ привычку рассказывать, говорить Г. Прейссъ, что въ дѣтствѣ у него былъ учитель Латинскаго языка, и что однажды, когда они вмѣстѣ переводили Золотую Буллу, отецъ вошелъ въ комнату и услышалъ нѣсколько дурныхъ Латинскихъ фразъ. — «Что ты шутъ дѣлаешь, мошенникъ (Schurke) съ сыномъ моимъ?» спросилъ король. — «Ваше Величество, я объясняю принцу *augere bullam*». Король приподнялъ палку и закричалъ: — «Вотъ я тебя, мошенникъ, задамъ *augere bullam*.....» Онъ взглянулъ вонъ филолога, и такимъ образомъ положилъ конецъ классическимъ упражненіямъ. Быть можетъ, Дюганъ и училъ его впоследствии этому языку, но успѣхи ученика были, видно, не слишкомъ значительны. Темъ не менѣе Фридрихъ очень любилъ употреблять Латинскія фразы, коты и не всегда правильно, въ разговорѣ и сочиненіяхъ своихъ. — *festina lente— dominus vobiscum— flectamus genua— vale ac fave— non plus ultra— stante pede morire— tot verbas tot spondera— lapsus calami— de gustibus non est disputandum— beati poscentes— beatus pauperes spiritus*— въ письмѣ къ Дю-

гану, 12 января 1766: «Je me contente de dire avec Lucrèce: Felix qui potuit rerum cognoscere causas».

Должно прибавить, что правописание вовсе не входило въ составъ предметовъ, которыми обучали принца. Ни по Французски, ни по Нѣмецки не могъ онъ написать одной фразы, не надѣлавъ самыхъ странныхъ ошибокъ. Слозь Фридриха также былъ всегда шероховатъ: несмотря на все свое стараніе, онъ никогда не могъ свободно выражаться по-Французски; въ словахъ его всегда замѣтно было что-то невольное, принужденное и нѣсколько напыщенное. Нѣмецкія сочиненія его представляютъ самую чудную смѣсь разговорныхъ варваризмовъ съ Французскими и Латинскими словами.

Въ болѣе важномъ дѣлѣ религіи, отецъ Фридриха, несмотря на благія намѣренія свои, былъ самымъ несчастнымъ наставникомъ. Странныя вѣры, принятыя имъ въ этомъ отношеніи, не были способны утвердить его въ вѣрованіи. Выборъ наставника довершилъ пагубную ошибку. Проповѣдуя безусловную ненависть католицизму, они въ то же время поклонялись идолу Лютера съ большимъ благоговѣніемъ, нежели какое прежде воздавалось у нихъ папѣ. Систему христіанской религіи они обратили въ схоластическія пренія. Съ другой стороны, люди старавшіеся «итти съ вѣкомъ», нерѣдко уклонялись тогда отъ главныхъ вѣстъ вѣры, и превращали ее въ простую теорію нравственности, отчего слушатели обращались къ естественной религіи.

Все остальные часы Фридриха, которыми только могъ располагать отецъ его, были обречены одному занятію, — безконечнымъ смотрамъ и маневрамъ, и Фридрихъ Вильгельмъ полагалъ присутствіе при нихъ въ числѣ главныхъ обязанностей монарха. Они скоро возбудили въ душѣ принца отвращеніе, которое казалось неодолимымъ, хотя впоследствии, когда на сущности военныхъ совершенствъ основалось его величіе, они же сдѣлались любимкою его забавою. Несогласія между отцемъ и сыномъ приняли прискорбный характеръ, когда Фридриху было около семнадцати лѣтъ отъ роду. Поездія, музыка и увеселенія, начинавшія нравиться ему, были ненавистны старому королю, котораго

негодование обыкновенно выражалось болѣе удобопонятнымъ, нежели вѣжливымъ образомъ. На одно извинительное письмо сына своего, онъ отвѣчалъ слѣдующею странною выходкою, которую мы не рѣшаемся переводить, потому что достоинство ея состоитъ столько же въ языкѣ и слоге, сколько въ содержаніи.

«Sein eigensinniger, böser Kopf, der nit seinen Vater liebet, dann wann man nun alles thut, absonderlich seinen Vater liebet, so thut man, was er haben will, nit wenn er dabei steht, sondern wenn er nit alles sieht. Zum andern weiss Er wohl, dass ich keinen efeminirten Kerl leiden kann, der keine menschliche Inclinationen hat, der sich schämt, nit reiten noch schiessen kann, und dabei mal-propre an seinem Leibe, seine Haare wie ein Narr sich frisiret und nit verschneidet, und ich alles dieses repremandiret, aber alles umsonst, und keine Besserung in nits ist. Zum andern hofflärtig, recht baurenstolz ist, mit keinem Menschen spricht, als mit welche, und nit popular und affabel ist, und mit dem Gesichte Grimassen macht als wenn er ein Narr wärs, und in nits meinen Willen thut, als mit der Force angehalten; nits aus Liebe und er alles dazu nit Lust hat, als seinem eigenem Kopf folgen, sonst alles nits nütze ist. Dieses ist die Antwort. FRIEDRICH WILHELM».

Отецъ, не предвидя въ изнѣженномъ молодомъ человѣкѣ, котораго онъ презиралъ, будущаго героя XVIII столѣтія, продолжалъ слѣдовать своей суровой и тягостной системѣ принужденія. Трагическая развязка ея, — бѣгство, взятіе и заключеніе Фридриха, страданія друзей его, хладнокровная казнь ближайшаго, лучшаго изъ нихъ, Катга, произвели въ душѣ принца горькое на цѣлую жизнь впечатлѣніе. Въ это время, кажется, зародились главныя особенности его характера. Онъ отчасти помирился съ отцемъ, и сдѣлался даже любимцемъ его. Онъ пользовался болѣею свободою, имѣлъ болѣе времени для своихъ любимыхъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ надлежащимъ образомъ свою обязанность, какъ командиръ полка. Самыя обвиненія въ безбожій, посредствомъ которыхъ враги его хотѣли предубѣдить противъ него короля, не имѣли успѣха; «Вы знаете», говоритъ Фридрихъ въ письмѣкъ Суму (1757), «что обвиненіе въ безбо-

жизни есть последнее средство клеветниковъ, и что оно означаетъ невозможность сказать что-нибудь другое. Король пришелъ въ бѣшенство; я былъ хладнокровенъ; полкъ мой надвѣлалъ чудесь: его успѣшное ученіе, немного бѣдой муки на головахъ солдатъ, молодцевъ, итѣющихъ по шести футовъ росту, и множество рекрутъ, перевѣсили доказательство моихъ противниковъ. Теперь все спокойно: нѣтъ болѣе въ поминѣ ни релігій, ни Вальдса, ни моихъ гонителей, ни даже моего полка».

Но, несмотря на то, что послѣдніе годы отцовской жизни прошли для Фридриха мирно, нельзя не замѣтить, что направленіе его духа было опредѣлено на всю послѣдующую жизнь — незаслуженными оскорбленіями, которыхъ жертвою онъ былъ въ молодости. Въ самыхъ мелочахъ, которыми наполнены его первые письма къ Вольтеру, въ комплиментахъ, подъ которыми таится явное желаніе дести въ награду за нихъ, въ склонности къ общественной жизни и въ веселомъ затворничествѣ его въ Рейнсбергѣ, предвѣщавшемъ, какъ казалось, мирное, нечестолюбивое царствованіе, нерѣдко пробивается выраженіе того глубокаго, подавленнаго сарказма, той недовѣрчивости къ цѣлому человечеству, соединенной съ смѣлою и гордою вѣрою въ себя, которая дѣлала изъ юнаго Фридриха двухъ совершенно различныхъ человекъ — сегодня кроткаго, снисходительнаго, любезнаго и вѣтреннаго, — завтра неукротимаго, надменнаго, презирающаго всякое сопротивленіе и отвращающаго отъ себя суровымъ, презрительнымъ обхожденіемъ сердца тѣхъ, чьей привязанности наиболее требовали его выгоды, такъ, что сильные стихи Вольтера, несмотря на ихъ антитезы, едва ли могутъ показаться преувеличеннымъ описаніемъ:

«Assemblage éclatant de qualités contraires,
Ecrasant les mortels, et les nommant ses frères;
Misanthrope et farouche avec un air humain,
Souvent impétueux, et quelquefois trop fin;
Modeste avec orgueil, colère avec faiblesse,
Pétri de passions, et cherchant la sagesse;
Dangereux politique et dangereux auteur,
Mon patron, mon disciple, et mon persécuteur»

Въ самомъ дѣлѣ, мизантропія, съ какой бы точки зрѣнія вы ни смотрѣли на нее, есть одна изъ главныхъ, характеристическихъ чертъ нрава и поведенія Фридриха. Лордъ Байронъ говорить объ одномъ человѣкѣ, который представлялъ Фридриха обширѣйшимъ помиршемъ дѣятельности, но былъ гораздо ниже его почти во всемъ остальномъ, что «величайшее заблужденіе его жизни состояло въ несостоянномъ обнаруженіи недостатка всякаго сочувствія его «съ человечествомъ». Но Фридрихъ, несравненно болѣе Наполеона, имѣлъ заблужденіе и склонность, «подобно суровому Діогену, насмѣхаться надъ людьми». Безъ-сомнѣнія, императоръ въ порывахъ гнѣва или каприза, давалъ волю бивуачной привычкѣ бранить своихъ приближенныхъ, и слишкомъ часто и явно выражалъ презрѣніе, какое возбуждали въ душѣ его воступки нѣкоторыхъ лицъ; но вообще онъ въ высокой степени обладалъ искусствомъ вызывать къ себѣ людей, раздѣлившихъ его опасности и возвышеніе, и до тѣхъ поръ, пока чрезвычайное величіе не мѣняло его души, онъ отличался участіемъ въ чувствахъ своего подчиненнаго. Фридрихъ представляетъ въ этомъ совершенную противоположность. Неизмѣнный во всемъ, онъ особенно былъ неизмѣненъ въ постоянномъ презрѣніи къ человечеству, къ его мнѣніямъ, чувстваваніямъ и предразсудкамъ. Трудность согласить такое презрѣніе съ тщеславіемъ, которое заставляло его гоняться за одобреніемъ людей, даже наиболее имъ презираемыхъ, и предпочитать приторную лесть нѣкоторыхъ Французскихъ писателей, хотя самъ былъ совершенно убежденъ въ ихъ ничтожествѣ, величайшей славы, приобретенной военными подвигами, принадлежитъ къ числу прелатствій, столь часто обманывающихъ все наши усилія оцѣнить характеръ какого-нибудь гениальнаго человѣка. Презрѣніе свое къ цѣлому міру онъ также щедро расточалъ и отдѣльнымъ лицамъ. Насмѣшка была стихіею его существованія. Онъ не терпѣлъ удивленія, и любилъ разговоръ, особенно по причинѣ этой чрезвычайной склонности къ колкостямъ и сатиры. Известныя его изреченія язвительныя и ужасныя могуществомъ своего сарказма, нежели вся острота современныхъ ему философовъ. Вольтеръ обладалъ большимъ богатствомъ воображенія,

но его державный пріятель превосходилъ его глубиною и сжатостію. Онъ не могъ умѣрить этой склонности даже тогда, когда она не только отвращала отъ него личныхъ друзей, но и навлекала враговъ государству. Людовикъ XV и другіе государи ненавидѣли его не столько по политическимъ причинамъ, сколько за потокъ эпиграммъ, которыми онъ обдавалъ ихъ особы и правленіе, и за поощреніе имъ всѣхъ Европейскихъ писателей къ принятію подобнаго тона. Особы допущенныя къ короткому обхожденію съ нимъ, никогда не были безопасны отъ его нападеній, и вѣроятно пріобрѣтали со временемъ нѣкотораго рода нечувствительность къ оскорбленіямъ. Въ характеръ Фридриха не было истинной, сердечной веселости. Всякой могъ видѣть, что онъ говорилъ то, что чувствовалъ, и что сатиры его были не что иное какъ естественное изверженіе изъ того безднаго хранилища презрѣнія къ подобнымъ себѣ созданіямъ, которое носилъ онъ въ душѣ своей. Быть можетъ, что въ этой-то части его характера заключается причина, почему монархъ, котораго система правленія вообще была основана на чистѣйшихъ началахъ разума и благоволенія къ ближнимъ, не чувствовалъ или не замѣчалъ ужасной строгости своей военной дисциплины.

Эти странныя мнѣнія и чувства были виною того, что между Фридрихомъ и лучшими генералами его царствованія не замѣтно почти ни какой короткости и искренности, которую его наследники и подражатели такъ легко умѣли соединить съ дисциплиною. Только на полѣ сраженія существовала взаимная довѣренность и дружеское обращеніе между воинами и великимъ ихъ предводителемъ. Причиною чудесъ, совершенныхъ войсками подъ начальствомъ Фридриха, была преданность ихъ монарху, самодержавію и слава безсмертнаго полководца, болѣе нежели привязанность къ особѣ его. Это въ особенности надобно замѣтить объ офицерахъ. Они получали самое пустое жалованье, и востаннвый, подозрительный надзоръ, котораго они были предметомъ, дѣлалъ положеніе ихъ крайне тягостнымъ. Усердіе ихъ къ службѣ не могло умножаться доказательствами благоволенія короля; онъ считалъ ихъ простыми орудіями, которыя должны быть устроены и при-

Т. XII. — Отд. III.

водимы въ дѣйствіе какъ можно съ меньшими издержками и какъ можно съ большею пользою. Гражданскіе чиновники раздѣляли все эти неприятности еще въ высшей степени. Къ числу замѣчательнѣйшихъ чертъ Фридриховой администраціи принадлежитъ неудовольствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на браки главныхъ своихъ сановниковъ. Безъ-сомнѣнія, онъ оправдывалъ это передъ собою обыкновенными началами политики; но позволительно подозревать, что тайное чувство ревности производило въ немъ также ненависть къ домашнему счастью его приближенныхъ. Это одна изъ множества точекъ, которыя искатель сходствъ, при помощи небольшой изобрѣтательности, можетъ найти между Фридрихомъ и Елисаветою Англійскою, оставляя въ сторонѣ различіе пола; между-тѣмъ оба они, въ теченіе продолжительнаго и славнаго, сорокалѣтняго царствованія, не переставали заниматься дѣятельнымъ надзоромъ за вѣнскими и внутренними врагами. Государь, который добровольно отрекся отъ всего, что составляетъ гордость и счастье семейственной жизни, могъ завидовать въ сердцѣ, видя какъ другіе наслаждаются подобнымъ благополучіемъ. Мы не коснулись бы этой черты характера Фридрихова, если бы она не объясняла важнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни и началъ его поступковъ. Хотя Г. Прейссъ, показывая по обыкновенію своему только одну сторону вопроса, торжественно повторяетъ пустыя сплетни о раннихъ волокитствахъ Фридриха, по ему следовало бы припомнить, что свидѣтельство маркграфини Байрейтской, на которое онъ вполне ссылается, не во всехъ частяхъ своихъ такъ выгодно характеру любимаго ея брата. Фридрихъ скорѣе позволялъ всякія крайности, лишь бы онѣ не выходили изъ предѣловъ дисциплины, нежели поощрялъ военныхъ къ составленію законныхъ супружескихъ связей, что было величайшимъ вредомъ для нравственности государства, котораго армія заключала въ себя почти пятую часть всей молодежи. Въ первомъ гвардейскомъ баталіонѣ, въ которомъ было весьма мало людей женатыхъ, капитаны были уполномочены выдавать разрѣшенія, называвшіяся *liebsten schein*, по которымъ солдаты имѣли право брать себѣ подружку на время своего поста. На

капитана возложена была обязанность смотрѣть за тѣмъ, что бы лица, вступающія въ такія отношенія, имѣли все нужное для нихъ послѣдствій; говорятъ притомъ, что эти странные союзы, которые зависѣли также отъ разрѣшенія капитана, прекращались весьма рѣдко. Въ знаменитомъ Байрейтскомъ драгунскомъ полку, который пользовался особенною милостью короля, при отправленіи его въ Баварскую компанію 1778 года, въ числѣ семидесяти четырехъ офицеровъ не было ни одного женатаго. Вѣрнѣйшіе служители Фридриха, военные и гражданскіе, большею частию оставались холостяками или вступали въ супружество уже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ. Случалось, правда, что иногда онъ дѣлался снисходительнѣе, и не только позволялъ любимцамъ своимъ жениться, но даже самъ писалъ Французскія эпиграммы на ихъ свадьбы; но, по свидѣтельству самаго Г. Прейсса, при отказѣ или дарованіи подобныхъ привилегій, Фридрихъ всегда дѣйствовалъ единственно по внушенію мгновенной прихоти. Поступки его съ слугами, находившимися въ непосредственной зависимости отъ него, не всегда были, до послѣднихъ годовъ его жизни, когда нравъ и склонности его сдѣлались кротче, согласны съ пріемами души, въ другихъ отношеніяхъ столь великой. Любопытнымъ примѣромъ подозрительности и ревности, съ которыми его вѣчно-бдительное око слѣдило за поведеніемъ приближенныхъ къ нему особъ, можетъ служить положеніе его четырехъ кабинетъ-совѣтниковъ, или секретарей. Имъ ввѣрялись всѣ тайны его царствованія; они состояли въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ нимъ; жалованье ихъ простиралось до сорока тысячъ рублей въ годъ, суммы весьма значительной для бережливости и доходовъ Фридриха. При всемъ томъ, назначеніе на которое нибудь изъ этихъ четырехъ мѣстъ составляло предметъ ужаса для придворныхъ и вельможъ. Всякой, принимавшій подобную должность,—а отказаться отъ нея не смѣлъ никто,—дѣлался рабомъ на цѣлую жизнь. Онъ не получалъ ни какой власти, потому что король былъ господиномъ даже въ его домѣ. Онъ былъ осужденъ жить пустышникомъ посреди общества, нести днемъ и ночью непрерывные труды и быть предметомъ наблюденій не только недрем-

*

лющих очей короля, но и своих подчиненных, которые слѣдили за всѣми его дѣйствіями съ самымъ утонченнымъ соглядатайствомъ.

Въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ творенію Г. Прейсса, находится собраніе отвѣтовъ Фридриха, которые онъ давалъ тотчасъ и писалъ большею частію на полъ прошений, или на представленія, поступавшихъ къ нему черезъ статсъ-секретарей. Отвѣты эти, служащіе доказательствомъ суровости характера и всегдашней готовности къ сарказму, который невольно вырывался изъ души его, писаны на собственномъ его Нѣмецкомъ языкѣ, котораго правописание и обороты не имѣютъ себѣ подобныхъ ни въ какомъ другомъ. На денежные просьбы отвѣтомъ обыкновенно служила слѣдующая фраза: «У меня нѣтъ ни гроша за душою,» и это — самая милостивая. Просьбы офицеровъ о производствѣ или увольненіи въ отпускъ нерѣдко возвращались съ колкимъ напоминаніемъ объ ихъ поведеніи въ какомъ-нибудь дѣлѣ или бытности ихъ въ сраженіи, неудачномъ для Прусскаго оружія. Въ отвѣтъ на прошеніе одного Германскаго винопродавца, который желалъ получить вознагражденіе за убытки, понесенные имъ отъ Русскихъ, сказано, что «онъ имѣетъ такое же право просить о вознагражденіи убытковъ по случаю потопа, когда то мѣсто, гдѣ находятся его погреба, было покрыто водою.» Вообще собраніе это указываетъ совершенное невниманіе насмѣшливаго Фридриха къ чувствительности ближнихъ, неговоря о рѣшеніяхъ его по просьбамъ о дозволеніи жениться, и рѣшеніяхъ, въ которыхъ его остроуміе иногда забывало благопристойность.

Нечего удивляться, слѣдовательно, что главные генералы Фридриха и герои его кампаній не пользовались личною его дружбою, и приходили ко двору болѣе для выполненія обязанности, нежели для собственнаго удовольствія. Между-тѣмъ, по непонятному противорѣчію характера, совсѣмъ въ иномъ видѣ является король среди собесѣдниковъ собственнаго своего выбора. Правда, что литературные друзья его часто избирались болѣе въ качествѣ орудій, доставляющихъ извѣстность въ міръ, или пріятныхъ болтуновъ, нежели по сочувствію между ними и ихъ покровителемъ, который иногда для того только снисходилъ до величайшей

короткости въ обхожденіи съ ними, чтобы, минуто спустя, уничтожить ихъ своими насмѣшками. Связь его съ Вольтеромъ чрезвычайно странна. Съ перваго свиданія, каждый изъ этихъ пронизательныхъ наблюдателей позналъ и узналъ другаго; каждый боялся силы и презиралъ слабость своего союзника, и различіе выраженій, какія они употребляли, говоря между собою, отъ тѣхъ, которыми ониговорили одинъ о другомъ, обнаруживаетъ самую забавную двуличность. Она похожа на двойной разговоръ въ комедіи. Добродушный Англійскій резидентъ Мичель никакъ не могъ понять этого кокетства между королямъ и поэтомъ. «Когда этотъ государь,» говоритъ онъ, «пшеть какъ остроловъ къ другому остролову, онъ способенъ къ великой нескромности. Но меня еще болѣе удивляетъ то, что, когда произносятъ имя Вольтера, его Прусское величество никогда не упускаетъ случая приложить къ нему эпитеты, которыхъ онъ вполне заслуживаетъ, называя его «человѣкомъ самаго дурнаго сердца» и «величайшимъ мерзавцемъ въ мірѣ,» *mauvais coeur* и *le plus grand coquin qui soit au monde*. При всемъ томъ, онъ продолжаетъ переписываться съ нимъ дружески!» Въ собственномъ своемъ кругу, Фридрихъ показывалъ не только первостепенный талантъ пріятнаго собесѣдника, но много дружества и благородныхъ чувствъ. Его дружба съ Даржансомъ, которая продолжалась безъ перерывовъ въ теченіе большей части его жизни; съ двумя благородными братьями изъ фамиліи Кейтовъ и съ другими близкими къ нему особами, которыхъ имена перешли къ потомству вмѣстѣ съ его собственнымъ, далеко превосходитъ степень привязанности и доверенности, допускаемой его саномъ. Въ исторіи его, особенно пріятную черту составляетъ возвращеніе къ нему престарѣлаго лорда Маршала, который долго странствовалъ по цѣлому міру, оставилъ и свой домъ въ Шотландіи, и «любимое солнце свое» въ Валенсіи, для того, чтобы провести послѣдніе годы жизни подъ кровомъ *Sans-Souci*, въ монастырѣ «*de notre abbé, l'homme du monde le plus aisé à vivre.*» Доколѣ позволяли ему преклонныя лѣта, онъ былъ постояннымъ гостемъ за столомъ короля; когда это сдѣлалось для него невозможнымъ, Фридрихъ, какъ младшій, проводилъ часы досуга у своего стараго Шот-

ландца. Несправедливо было бы, даже при поверхностном обзорѣнн Фридрихова характера, не упомянуть объ его дружескихъ чувствахъ къ членамъ своего семейства: за исключеніемъ одного несчастнаго случая, который лишилъ его, сначала услугъ, а потомъ и жизни слишкомъ чувствительнаго брата, наследнаго принца, поступки его съ родными были въ высокой степени запечатлѣны уваженіемъ и привязанностію. Въ сердцѣ Фридриха была какая-то особенная кротость въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ любилъ, и она служила какъ бы вознагражденіемъ за жесткую оболочку, въ которой являлся онъ міру. Привязанность его къ сестрамъ была особенно сильна: изъ всѣхъ родовъ любви, эта, быть можетъ, переживаетъ всѣ прочія, въ сердцѣ, окисленномъ ложною и неумолимою философіею. Посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, которыми отягощала его Семилѣтняя Война, когда жизнь его сдѣлалась непрерывною борьбою за средства продолжать съ честью свое существованіе, и самоубійство было предметомъ почти ежедневныхъ размышленій, смерть любимой сестры раздирала его сердце большею горестію, нежели всѣ несчастія, происходившія отъ отчаяннаго положенія дѣлъ его.

Фридрихъ не былъ жестокъ по склонности, какъ его часто изображаютъ. Въ этомъ отношеніи его можно обвинить только въ равнодушій къ человѣческимъ страданіямъ, духовнымъ и тѣлеснымъ: виною этого равнодушія было напряженіе, съ которымъ его пламенное воображеніе преслѣдовало извѣстные предметы. Ни одинъ монархъ не прощалъ съ такою готовностію личныхъ обидъ своихъ. Впрочемъ лѣтописи его царствованія содержатъ въ себѣ нѣсколько ужасныхъ примѣровъ строгости, когда сильное стремленіе его души, въ общественныхъ или частныхъ дѣлахъ, встрѣчало сопротивленіе. Но надобно замѣтить, что равнодушный, пасивный тонъ Фридриха, и гордо выказываемый имъ недостатокъ сочувствія съ родомъ человѣческимъ, подвергали его при жизни обвиненіямъ, которыхъ ни сколько не оправдываетъ общій характеръ его дѣланій.

Не что иное какъ сознаніе той падменности, съ которою онъ такъ часто выражалъ свое презрѣніе къ людямъ и ихъ сужденіямъ, дѣлало для него вдвое горѣче мысль о пора-

женіи и покорности. Для него невыносимо было бы явиться униженнымъ и безоружнымъ передъ лицомъ міра, надъ которымъ онъ во дни торжества своего такъ издвигался. Это чувство удваивало силу рѣшимости, которую противопоставилъ онъ всемъ бѣдствіямъ Семилѣтней Войны. Намѣреніе кончить жизнь свою самоубійствомъ не было у него, какъ у Наполеона, желаніемъ, родившимся въ минуту отчаянія и оставленнымъ по слабости: мы видимъ неоспоримыя доказательства, что онъ твердо рѣшился прибѣгнуть къ этому послѣднему средству, однако не прежде какъ истощивъ безъ успѣха все способы превозмочь судьбу. Подлинное «Наставленіе генералу Финку,» написанное послѣ Кюнерсдорфскаго сраженія и теперь напечатанное Г. Прейссомъ, служитъ замѣчательнымъ памятникомъ спокойствія духа, съ какимъ онъ приготовился къ этой крайности, и благородной довѣренности, съ которою поручалъ безнадежное дѣло избранному полководцу.

«Генералу Финку предстоитъ друтное порученіе: несчастная армія, которую передаю я ему, не въ силахъ долге бороться съ Русскими; Гаддикъ, и за нимъ вѣроятно Лауданъ, поспѣшатъ къ Берлину. Если генералъ Финкъ двинется за ними, Русскіе пойдутъ въ тылу у него; если онъ останется на Одерѣ, онъ будетъ подверженъ нападеніямъ Гаддика, но вмѣстѣ съ тѣмъ, я думаю, если Лауданъ пойдетъ на Берлинъ, онъ можетъ атаковать и разбить его. Успѣхъ могъ бы остановить неудачи наши и замедлить теченіе дѣлъ: выигрышь времени весьма много значить въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ. Секретарь мой Кёреръ будетъ присылать генералу газеты изъ Торгау и Дрездена. Генералъ долженъ извѣщать обо всемъ брата моего, котораго я назначилъ генералиссимусомъ арміи. Совершенно поправить этого несчастія невозможно; но все приказанія моего брата должны быть исполняемы. Армія должна присягнуть *племяннику моему*. Вотъ единственные совѣты, которые я могу дать еще при такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. *Если бъ я имѣлъ еще какія-нибудь средства, я бы еще остался въ мірѣ.* Фридрихъ.

Не въ блестящихъ собраніяхъ Санъ-Суси, и не посредствителіи литературныхъ трудовъ, а на поляхъ битвъ и особенно

въ кабинетъ правителя блестятъ истинное величіе Фридриха. Всѣ согласно приписываютъ ему мужество, искусство и рѣдкую проникающую; но не многіе отдали ему полную справедливость, не многіе оцѣнили сильное, преобладающее надъ всѣмъ чувство своего долга, которое одно могло направить эти превосходныя качества къ великимъ результатамъ. Многіе поверхностно судили о человѣкѣ и о государственномъ мужѣ, и заключали, что главнымъ предметомъ его дѣятельности было усиленіе собственнаго могущества; что онъ дорожилъ этимъ могуществомъ единственно для себя, а не для того, что бы дѣлать счастливыми ближнихъ своихъ. Не надобно сомнѣваться въ человѣческой добродѣтели вообще, чтобы утверждать, что таковъ былъ предметъ всѣхъ непрерывныхъ и систематическихъ трудовъ его долгой и тягестной жизни. Подобно другимъ людямъ, Фридрихъ дозволялъ честолюбію своему затмѣвать разумъ; но, при величайшихъ заблужденіяхъ, онъ сердцемъ не переставалъ стремиться къ тому, что признавалъ благимъ. Это возвышаетъ достоинство его характера и облагораживаетъ самую слабость. Строгая бережливость его, надъ которою такъ часто смѣялись, принадлежала въ самомъ дѣлѣ къ числу важнѣйшихъ обязанностей Фридриха, потому что иначе онъ не могъ бы привести въ исполненіе тѣхъ обширныхъ предпріятій, которыя ему удалось совершить при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Многія изъ началъ его правленія, которыя обыкновенно приписывали просто его страсти къ властвованію, предрасудкамъ или упрямству, по всей вѣроятности были имъ оправданы въ глубинѣ души своей, какъ части системы, основанной на самой прочной политикѣ. Такимъ образомъ, противорѣчія, на которыя такъ часто указываютъ, между словами и поступками его на счетъ общественнаго мнѣнія, уравненія состояній, литературы и воспитанія, легко объясняются собственнымъ его истолкованіемъ особеннаго положенія своего и королевства.

Такъ напримѣръ, хотя Фридрихъ давалъ общественному мнѣнію болѣе простора, нежели въ другихъ тогдашнихъ государствахъ, но мы весьма ошибемся, если вздумаемъ мѣрять эту свободу, своеволіемъ, допускаемымъ нынѣшними правительствами. Правда, что неограниченное поле пре-

доставлена была и философскимъ разсужденіямъ; но онъ странно противорѣчилъ бы собственному своему убѣжденію, если бы запретилъ своимъ подданнымъ то, что такъ сильно поощрялъ въ цѣлой Европѣ—право осмѣивать пренія мнѣнія. Сильное, строгое чувство долга своего отечеству, достаточно обнаруживаетъ превосходство его характера, какъ законодателя, каковы бы впрочемъ ни были приняты имъ въ своемъ уложеніи основанія добра и зла. За исключеніемъ этого нравственнаго убѣжденія, его ни въ какомъ другомъ отношеніи нельзя назвать вѣрующимъ. Его отвращеніе къ католицизму, въ которомъ Г. Прейссъ находитъ что-то особенно важное, было просто политическая неприязнь, проистекшая изъ опыта по дѣламъ Силезскимъ: онъ былъ увѣренъ, что приверженецъ Римской Церкви не можетъ быть другомъ Бранденбургскаго дома въ продолженіе всей его жизни. Папа не признавалъ его даже королемъ Прусскимъ, и во время Семилѣтней Войны благословлялъ знамена Австріи какъ на крестовый походъ противъ невѣрнаго. По-этому, Фридрихъ, допуская въ своемъ государствѣ полную вѣротерпимость, неохотно однако давалъ католикамъ должности съ которыми соединялась власть и особенное довѣріе. Но онъ столько же заботился о томъ, чтобы его считали за протестанскаго короля, сколько Г. Прейссъ о безпристрастїи и краткости. Впрочемъ, несмотря на чрезмѣрную вольность, предоставленную имъ писателямъ Французской философскаго школы, тѣ весьма худо понимаютъ начала его правленія и существо созданной имъ военной монархіи, опирающейся на строгое порядкѣ государства и счастья мирнаго, трудолюбиваго гражданина, которые превозносятъ его похвалами, какъ защитника заразы нынѣшнихъ обществъ,—свободы кингопечатанія. На писквили, направленные лично противъ него, онъ смотрѣлъ съ равнодушіемъ философа: Геенерова исторія карикатуры хорошо извѣстна. Когда Фридрихъ издавалъ многіе весьма тягостные указы для поддержанія монополїи на кофе, явилась гравюра, на которой онъ былъ изображенъ сидящимъ съ кофейною мельницею и терпѣливо приводящимъ ее въ движеніе. Король, проѣзжая по Берлинскимъ улицамъ, замѣтилъ толпу передъ мѣстомъ, гдѣ была выставлена одна изъ этихъ картинъ;

подвѣхалъ туда, и приказалъ купцу повѣсить ее ниже, «чтобы зрители не ломали себѣ шеи, смотря на нее.» Его узнали, и тотчасъ приветствовали громкими рукоплесканіями. Г. Прейссъ приводитъ изъ записокъ гравера Ходовецкаго другой не столь извѣстный анекдотъ. Ходовецкій помѣстилъ въ Берлинскомъ альманахѣ на 1771 годѣ двѣнадцать гравюръ, которыя были взяты изъ Донъ-Кихота, и портретъ Юсіафа II на заглавномъ листѣ. Когда Берлинскіе остроумцы начали толковать объ этомъ сближеніи, Фридрихъ, чтобы избѣжать подозрѣнія со стороны молодого и раздражительнаго императора, предложилъ Академіи приготовить для слѣдующаго года картинки еще болѣе сатирическія и помѣстить собственный портретъ его на заглавномъ листѣ. Основываясь на этомъ желаніи, Ходовецкій выбралъ двѣнадцать сценъ изъ Бѣшенаго Орлапда. Но что жъ это доказываетъ? Одно презрѣніе къ людямъ, со включеніемъ въ ихъ разрядъ и себя самого. Но онъ никогда не позволялъ печати переступить за черту, которая въ его мысли отдѣляла сатирическія выходы на его особу отъ самовольнаго вмѣшательства въ его управленіе, и обиды частнаго, беззащитнаго лица. Ни какое разсужденіе объ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ не могло быть напечатано безъ предварительнаго разсмотрѣнія его цензурою. При восшествіи его на престолъ, пылкость нѣкоторыхъ журналистовъ была тотчасъ унята. Впослѣдствіи, постоянная бдительность его случайно ослабѣвала; но на счетъ этого важнаго вопроса, который, въ его время и впослѣдствіи, неразъ волновалъ умы въ Европѣ, онъ имѣлъ понятія твердыя и глубоко обдуманнаго. Стоить того, чтобы выслушать зрѣлыя сужденія Фридриха Великаго, которыя принадлежатъ послѣднимъ годамъ его жизни, — потому что кого жъ и слушать въ дѣлахъ человѣческихъ, если не такой умъ, каковъ былъ его? «Что касается до свободы — книгопечатанія,» писалъ онъ къ Даламберту, въ 1772 году, «до пасквилей и ругательныхъ сочиненій, которыя суть неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ, то признаюся, что, зная людей, съ которыми уже довольно долго хлопочу, я убѣжденъ въ пользѣ и необходимости мѣръ предохранительныхъ, потому что такая свобода почти

«всегда употребляется во зло: но книги должны подлежать цензурѣ, не строгой, но и не слабой, для отвращенія опасностей, угрожающихъ спокойствію и благосостоянію общества, которыя никогда не должны быть предметомъ безнаказанныхъ нарушеній.»

Другое обстоятельство, изъ котораго нелѣпый либерализмъ Французскихъ писателей такъ же несправедливо сдѣлалъ пятно для Фридриха Великаго, какъ изъ предвѣдущаго легкомысленные его панегеристы вывели для него похвалу, равную обидѣ глубокой его опытности къ государственному дѣлу, относится къ постановленному имъ правилу, что офицерскіе чины въ войскахъ принадлежать почти исключительно дворянству. Противъ этого столько кричали, что нынче надобно быть довольно смѣлымъ, что бы назвать это постановленіе лучшимъ доказательствомъ его высокой мудрости. Причины, побуждавшія Фридриха, очень ясны. Если бъ онъ даже не былъ убѣжденъ въ превосходствѣ своего начала, онъ былъ бы принужденъ поступить такимъ образомъ изъ бережливости, при скудныхъ доходахъ своего королевства, и по уваженію собственныхъ обстоятельствъ Германскаго дворянства, которое прежде всего надобно было держать въ полной зависимости отъ престола и заставить выкинуть изъ своей головы феодальность. Безусловное допущеніе низшихъ классовъ ко всѣмъ почестямъ военнаго поприща имѣетъ два важныя неудобства, при большихъ постоянныхъ арміяхъ: надобно дать офицерамъ значительныя оклады жалованья, чтобы люди безъ состоянія могли считать военную службу за родъ жизни и прибыльное ремесло, а для этого нужно увеличить налоги, которые падаютъ прямо на низшіе классы, и возвысить бюджетъ до тысячи милліоновъ, — неудобство, выпущенное изъ виду мечтателями, проповѣдывавшими конституціи въ западной Европѣ, изъ котораго теперь представительныя государства никакъ не могутъ выпутаться. Съ другой стороны, такъ какъ въ промышленномъ и торговомъ классѣ есть люди богатые, и какъ золотые эполеты всегда прельщаютъ молодежь, то сыновья ихъ, опредѣляясь въ полки, и естественно желая жить не хуже своихъ сослуживцевъ изъ дворянъ, обыкновенно разоряютъ

родителей, неговоря уже о томъ, что путь, открытый всѣмъ къ подобнымъ почестямъ, похищаетъ у промышленнаго класса множество молодыхъ людей, которые бы могли быть полезными себѣ и государству своимъ трудолюбиемъ и своей смѣлливостью. Однимъ словомъ, промышленность страждетъ всячески, и для собственнаго ея блага, при огромныхъ постоянныхъ арміяхъ, необходимы извѣстные ограниченія въ государствахъ, которымъ еще предстоитъ обогатиться, необходимы предѣлы самому обыкновенному честолюбію и препятствія страсти къ оружію, первѣйшей у всякаго молодого мужчины. Всѣ эти уваженія не могли не поражать пронизательнаго Фридриха, который велъ свой народъ къ благосостоянію путемъ положительнымъ и кратчайшимъ. Онъ весьма основательно предоставилъ военныя почести и всѣ на нихъ издержки преимущественно тому классу, который, по воспоминаніямъ старины, не могъ заниматься ни промышленностью, ни торговлею, и остался бы безъ занятія, если бъ это поприще не было указано ему, какъ его удѣлъ, какъ его природная собственность. Фридрихъ былъ совершенно правъ въ своемъ постановленіи, которое не могло имѣть другаго источника, кромѣ его глубокомысленности и всегдашней думы о благѣ своего народа. По его смерти, однакожь, въ смутныхъ обстоятельствахъ Пруссіи, сдѣланы въ его постановленія существенныя перемѣны, оправдываемыя успѣхами общества и распространеніемъ новыхъ идей и, быть-можетъ, эти уступки честолюбію низшихъ классовъ и духу времени вышли даже за предѣлы истинной пользы средняго сословія и государства.

Отдавая полную похвалу гению Фридриха, который, при самомъ началѣ своего удивительнаго созданія, такъ превосходно понялъ всѣ существенныя его условія, нельзя умолчать, что, простирая слѣдствія своего начала до послѣдней крайности, онъ, какъ это нерѣдко съ нимъ случалось, не различалъ и здѣсь твердости и постоянства отъ несправедливости. Система маіоратовъ и новые, болѣе строгіе законы, воспрещавшіе переходъ военныхъ помѣстій къ лицамъ недворянскаго рода, совершенно входили въ планъ его творенія, хотя впоследствии оказались тягостными Прус-

скому дворянству; но слѣдующій поступокъ слишкомъ согласовался съ правосудіемъ. Со вступленія своего на престоль, Фридрихъ старался, чтобы въ его арміи офицерами были почти одни дворяне; но кровавыя битвы Семилѣтней Войны сотнями вырывали изъ рядовъ благородную молодежь: необходимо было замѣнить ихъ другими офицерами, несмотря на ихъ происхожденіе. Производство скоро сдѣлалось общимъ: порядочное воспитаніе и заслуги послужбъ поднимали на степени значительное число простыхъ солдатъ; между-тѣмъ коллегіи и гимназіи высылали большую часть юныхъ воспитанниковъ своихъ, — сыновей священниковъ, купцевъ и ремесленниковъ, на мѣсто падшихъ дворянъ. Поэтому, мѣра, принятая королею послѣ Губертсбургскаго мира, когда онъ, преобразовывая свою армію, выключалъ изъ службы всѣхъ офицеровъ недворянскаго званія, показалась всѣмъ строгою и даже жестокою: эти храбрые люди, виновники побѣдъ, одержанныхъ Прусскими войсками, почти все должны были выйти изъ фронта и были преданы въ жертву бѣдности и отчаянію. Такъ какъ во владѣніяхъ Фридриха было слишкомъ мало дворянъ для замѣщенія всѣхъ офицерскихъ мѣстъ въ арміи, несмотря на ея уменьшеніе, то онъ призывалъ и опредѣлялъ въ службу молодыхъ бароновъ изъ другихъ земель, изъ Саксоніи, Мекленбурга и другихъ частей имперіи, устраняя настоящихъ своихъ сподвижниковъ. Ни признательность, ни всякое другое чувство не могли измѣнить непреклонной политики Фридриха. Впослѣдствіи, обстоятельства произвели весьма благоразумную перемену въ его упрямой приверженности къ первоначальнымъ намѣреніямъ: въ наставленіи, данномъ генераламъ, передъ началомъ войны за Баварское наслѣдство (1779) онъ постановилъ правиломъ, что «отличные офицеры будутъ производимы въ слѣдующіе чины за каждый храбрый поступокъ, сдѣланный ими; унтеръ-офицеры за отличіе могутъ получить дворянское достоинство и чинъ офицера; на такомъ же основаніи рядовые могутъ быть производимы въ унтеръ-офицеры.»

По гражданской части Фридрихъ съ большею охотою употреблялъ таланты средняго сословія. Фридрихъ Готлибъ Михельсъ достигъ даже степени министра, не имѣя дворянской грамоты. Онъ всегда избиралъ своихъ камеръ-совѣт-

никовъ, которыхъ имѣлъ привычку называть подъячми, слегс, изъ среды простыхъ гражданъ, но никогда не возводилъ ихъ въ дворянское достоинство. Неровные браки, и вообще смѣшеніе разнородной крови ему весьма не нравились; при всей своей бережливости, онъ охотно давалъ пенсіоны старымъ барышнямъ бѣдныхъ благородныхъ семей, или помѣщалъ ихъ въ заведенія, назначенныя для воспитанія знатныхъ дѣвицъ, чтобъ только онѣ не выходили за мужъ за купцевъ. Такъ заботливо старался Фридрихъ поддержать сословіе, изъ котораго извлекалъ столько пользы для своего могущества, и которое разорялъ съ другой стороны.

Для народнаго воспитанія, одной изъ стихій общественнаго благосостоянія, которымъ нынче справедливо гордится Пруссія, герой ея сдѣлалъ гораздо меньше, нежели какъ полагаютъ. Самый панегеристъ его принужденъ сознаться что «Фридрихъ меньше сдѣлалъ для школъ и университетовъ, нежели слѣдовало бы надѣяться отъ него,—великаго друга просвѣщенія и наукъ. Вся эта часть управленія представляетъ немного важныхъ улучшеній, которыя однако были необходимы. Издано было много хорошихъ постановленій, но недоставало средствъ для приведенія ихъ въ дѣйствіе.» Въ самомъ — дѣлѣ, строгая расчетливость Фридриха не позволяла ему осуществлять его разнообразныя планы; но они тѣмъ не менее свидѣтельствуютъ объ участіи, которое онъ принималъ въ дѣлѣ образованности своего народа. Впрочемъ, кромѣ огромныхъ издержекъ на военное обзаведеніе, деньги, столь бережливо накопленныя, издерживались на учрежденіе колоній, осушеніе и обработку полей, постройки и неудачныя торговыя предпріятія. Зато онъ превосходно воспиталъ цѣлый народъ въ собственной своей школѣ: онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ поданнымъ высокія добродѣтели,—любовь къ порядку, чувство долга, привычку къ умеренности и воздержанію, качества, которыми онъ обладалъ въ превосходной степени, и которыя основали, посреди повѣйшей роскоши и разрушительныхъ правилъ, извергнутыхъ на Германію Французскими революціями, самодержавіе, правительство и націю почти Спартанской простоты.

Коснемся еще послѣдняго предмета. Многіе писатели удивлялись предпочтенію, которое Фридрихъ постоянно оказывалъ Французскимъ авторамъ передъ отечественными; многіе оплакивали пренебреженіе, какому подвержена была музыка Германіи, или вмѣствъ съ Шиллеромъ славляли ея независимость, когда

von Deutschland's grösstem Sohne,
Von des grossen Friedrich's Throne,
Ging sie schutzlos, ungeehrt.

Но едва ли кто изъ нихъ старался объяснить замѣченный у Фридриха недостатокъ сочувствія съ музою родной страны политическимъ его положеніемъ. Фридрихъ желалъ окружать себя учеными людьми; тщеславіе и склонность равно побуждали его наслаждаться ихъ лестью; притомъ, онъ чувствовалъ пользу, которую приносило ему присоединеніе его имени къ именамъ многочисленнаго класса философовъ, бывшихъ руководителями общественнаго мнѣнія въ Европѣ; но онъ не имѣлъ ни какихъ поводовъ ободрять Нѣмецкую литературу, которая вообще была ему враждебна. Его преобразованія и строгость не нравились Нѣмцамъ, и онъ очень хорошо зналъ тайное нерасположеніе къ себѣ своихъ соплеменниковъ. Проницательность его указала ему всю опасность разведенія въ такое время доморощенныхъ резонёровъ, которые могли бѣ только распространять умозрѣнія, противныя его великимъ планамъ, или писать на него сатиры.

Вотъ немногія изъ отличныхъ чертъ публичной и частной исторіи великаго Фридриха, которыя Г. Прейссъ силится тоже объяснить по своему разумѣнію. Трудно найти болѣе благородный предметъ для изученія, какъ по высокому превосходству этого царственнаго генія надъ рядами обыкновенныхъ людей, такъ и по великимъ вопросамъ, сопряженнымъ съ преобразованіями, которыя онъ ввелъ въ Европейскую систему. Царствованіе его есть одна, великая драма; единство дѣйствія и плана сохранено въ ней отъ начала до конца, но развязка ея, извѣстная Пруссіи уже полвѣка, совершается въ нынѣшнемъ столѣтіи для Европы. Никогда не было души, менѣе способной къ измѣненіямъ:

обстоятельства перемѣнялись, поколѣнія проходили, пока онъ былъ на престолѣ; но его правила оставались постоянно тѣ же, какъ будто воскъ, принявшій первыя идеи его, вдругъ превратился въ твердый мраморъ. Мы не найдемъ въ немъ ни излишней осторожности и робости, внушаемыхъ неблагоприятными обстоятельствами, ни воображенія, разстроеннаго и разгоряченнаго успѣхами. Кромѣ упадка физическихъ силъ, онъ въ послѣднiе мирныя и тихiе годы своей жизни былъ таковъ какъ и въ пылу юности, когда бросилъ перчатку могущественной Австрiи. Тѣмъ перемѣны не легла ни на его мнѣнiя, ни на его чувства. Фридрихъ оставилъ общество чужбъ такъ же какъ онъ жилъ между ними, то есть, не раздвѣляя ни надеждъ ихъ, ни страховъ, ни вѣрованiй. Замѣтили одно только,—что когда тѣлесныя силы его начали уменьшаться, онъ уже не съ такою охотою заводилъ разговоръ о метафизикѣ и религiи, которыя были прежде любимымъ предметомъ его разсужденiй за ужиномъ; что въ его несчастныхъ насмѣшкахъ надъ Христіанствомъ было менѣе горечи, и въ немъ самомъ болѣе терпимости къ вѣрованiю и поступкамъ прочихъ людей. Другихъ перемѣнъ въ немъ не было. Онъ сопротивлялся смерти какъ врагу, оспаривалъ шагъ за шагомъ, не уступая ни одного вершка, доколѣ не изнемогла природа, и исполнялъ обыкновенныя обязанности до тѣхъ поръ, пока дѣйствительное безсилiе не заставило его покинуть ихъ. Онъ даже употреблялъ, по словамъ біографовъ его, хитрости, къ которымъ, сказываютъ, прибѣгали нѣкоторые изъ Римскихъ императоровъ и кардиналъ Ришельё, чтобы скрыть близость разрушенiя. Но причиною этого былъ не малодушный страхъ смерти, а твердая рѣшимость выполнять до самаго конца роль, принятую на себя добровольно. Такимъ образомъ онъ сошелъ съ одинокой ступени, которую такъ долго занималъ, будучи предметомъ удивленiя Европы. Память его перешла въ святилище славы героевъ древности, которые—кромѣ Петра Великаго, еще никогда не принимали въ кругъ свой духа, такъ рѣзко означеннаго печатью ихъ первобытной крѣпости.

=

Н О В А Я

СРАВНИТЕЛЬНАЯ НАУКА ДРЕВНОСТЕЙ.

=

Мы принимаемъ за перво не съ тѣмъ намъреніемъ, чтобы писать похвальное слово Археологіи или антикваріямъ, но чтобы показать новое направленіе, принятое въ наше время Наукою Древностей въ Европѣ, и новую эпоху, которая для нее начинается. Еще недавно слово «антикварій» было синонимомъ «педаганта», и должно признаться, что безплодные труды тѣхъ, которые носили это названіе, нередко оправдывали насмѣшки людей, предпочитающихъ новую идею древнему вѣчному горшку. Нынче антикварій старается стать выше всякой насмѣшки, — сдѣлаться истолкователемъ таинства исторіи, исторіографомъ образованности рода человеческого. До сихъ поръ были антикваріи Римскіе, Греческіе, Кельтическіе, Германскіе, Славянскіе, Египетскіе, Арабскіе, Скандинавскіе; каждый изъ нихъ, заключенный въ тѣсныя предѣлы своей національности или своего пристрастія къ обломкамъ утварей какого-нибудь одного народа, мало производилъ для науки и походилъ болѣе на монаха нежели на ученаго, полезнаго человечеству. Такой способъ отыскивать факты, сокрытые въ недрахъ земли или залегающіе на ея поверхности, удивительно стѣснялъ понятія людей трудолюбивыхъ, и, въ мелочной энтузіазмѣ, неизмѣнній ни какихъ приложений и неприносившій непосредственной пользы, часто дѣлалъ ихъ слѣплыми въ глазахъ свѣта, и даже ученыхъ, которые занимались науками положительными. Впредь не будетъ болѣе антикваріевъ во одной какой-нибудь части: отъ археолога требуется всеобщности. Надобно было начать съ частной старины; надобно было, чтобы каждый ограничился однимъ языкомъ, одною странною, однимъ особеннымъ родомъ памятниковъ, для того, чтобы подробно изслѣдовать свою часть предмета и составить ея статистику, или описать. Надобно было изучить сперва

Римскую имперію, Грецію, Египеть, Финикію, Персію, Индію, Скандинавію, Германію, земли Славянскія. Прежде всего, надлежало составить собранія медалей, рѣзныхъ кампей, разрисованныхъ вазъ, надписей, орудій, чтобы впоследствіи опредѣлить мѣсто ихъ фабрикаціи, ихъ значеніе и степень ихъ отдѣлки. Когда это первое условіе было выполнено, когда кабинеты были устроены и описаны, тогда для науки открылась новая эра,—и всѣ эти разнородные элементы познаній, съ такимъ трудомъ обработанные, получили возможность устремиться отъ всѣхъ концевъ міра, подвергнутого изслѣдованіямъ, къ соединенію своему въ одну систему науки, къ сближенію обломковъ искусства между собою, для того, чтобы возстановить въ исторіи человечества единство и последовательность, которыя въ ней всегда были, и которыхъ мы прежде не замѣчали по причинѣ нашей близорукости и недостатка способовъ. Очевидно, что во взаимныхъ отношеніяхъ древнихъ народовъ, въ передачѣ ихъ открытій и переходѣ ихъ идей, не было тѣхъ промежутковъ и перерывовъ, которые, единственно по нашей винѣ или отъ дѣйствія времени находятся въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Человѣчество, въ своемъ величественномъ и правильномъ движеніи, развивалось какъ одно цѣлое, обогащаясь трудами смѣляющихся другъ друга поколѣній и вбирая въ себя всѣ періоды своего развитія, и на всѣхъ точкахъ своихъ владѣній, идеи, которыя множествомъ путей просачивались въ него изъ источниковъ весьма разнообразныхъ и нередко далекихъ. Всякій народъ, какъ бы онъ ни былъ отдаленъ, имѣлъ на прочіе народы какое-нибудь вліяніе и, въ свою очередь, былъ подверженъ ихъ дѣйствию. Помощію собраній памятниковъ и сближенія развалинъ всѣхъ странъ, предполагаютъ нынче разобрать истертая черты плана огромнаго лабиринта этихъ взаимныхъ вліаній: по этимъ обломкамъ древняго міра, очищеннымъ и приведеннымъ въ порядокъ, пытаются нынче начертать истинную исторію человеческого рода, которой не понимали летописцы, сочиняя свои сказанія; хотя бы прочесть ихъ темныя творенія, при зажженномъ кострѣ изъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ, озарить писанную исторію новымъ и настоящимъ свѣтомъ, и истолковать ея первобытныя

преданія. Азія изъясняетъ Европу, Европа изъясняетъ Азію; Индія, Греція, Скандинавія, Італія и Персія объясняютъ одна другую и посредствомъ своихъ памятниковъ: вотъ основная мысль новой, всеобщей или сравнительной Археологіи, которая стремится слить въ одно цѣлое всѣ прежнія частныя Археологіи.

Идея великая и истинная. Человѣчество имѣетъ только одну нравственную и умственную исторію; мысль мелькнувшая при началѣ обществъ на берегахъ Инда, должна была впоследствии, посредствомъ сообщений народовъ, отразиться на утесахъ Норвегіи. Такой способъ изслѣдованія древностей долженъ принести огромные и драгоценные плоды. Это не значить, впрочемъ, что уже должно имѣть къ нему безусловное довѣріе и возглашать гимнъ торжества. Можно еще сомнѣваться въ томъ, действительно ли настало время привести этотъ способъ въ исполненіе, и приобрѣли ли наши знанія подробностей столько твердости, ясности и точности, что мы уже не можемъ подвергаться оптическимъ обманамъ и заблужденіямъ при сооруженіи огромнаго цѣлаго. Не походить-ли Наука Древностей, которая предпринимаетъ эти прекрасныя, великія сближенія и хочетъ сдѣлаться другою всеобщею Исторіею, на Химію и Геологію, которыя, зная едва на вершокъ кору земнаго шара, смѣло толкуютъ уже о томъ, какъ онъ образовался? Чуждые излишняго энтузіазма, не преклоня колѣнъ передъ каждою новою, по-наружности блистательною идеею, пока не убедимся на-дѣвъ въ ея основательности, мы думаемъ, что въ Археологіи теперь собственно открывається поприще только блистательнымъ теоріямъ, въ которыхъ остроуміе часто будетъ играть роль истины. То же самое направленіе обнаружилось со временъ Шеллинга во многихъ другихъ наукахъ; результаты извѣстны: истративъ тридцать лѣтъ на системы, наконецъ должно было признаться, что мы слишкомъ рано начали. Теперь Археологія пускается по тому самому пути, на которомъ заблудилась Физика. Ее сопровождаютъ въ этомъ опасномъ путешествіи Лингвистика и Критика поэтическихъ преданій. Нынѣ съ большимъ чѣмъ когда-либо жаромъ стараются составить родословную всѣхъ языковъ, и даже есть люди, которые думаютъ, что они

ее составили: мы вовсе не раздвигали иль мнѣнія, и думаемъ, напротивъ, что, принимаясь за дѣло такимъ или досель образомъ, ея никогда не составлять. Покушаются также найти связь между Эддою и поэмами Гомера, между поэмами Гомера и Санскритскими, которыя весьма искусно соединяють съ «Нибелунгами,» называють ихъ всѣ обломками одной великой эпопеи юнаго человечества: мы, признаемъ, не изучали поэмы Санскритскихъ, и потому не желаемъ имѣть голоса въ этомъ дѣлѣ; во этой же, быть-можетъ; причинѣ, не могли мы хорошо понять сродства между Эддою и Илиадою. Но эти неудачныя или слишкомъ смѣлыя попытки достигнуть безусловнаго въ Лингвистикѣ и Критикѣ поэтическихъ преданій, влекутъ за собою только личную отвѣтственность, и у насъ имѣть намѣреніе, за ихъ ошибки, сдѣлать подозрительными услуги, которыя новое направленіе Археологій монументальной можетъ оказать первобытной исторіи человеческого рода. Мы даже полагаемъ, что она, болѣе Лингвистикѣ и Критикѣ поэтическихъ преданій, имѣетъ право дѣйствовать такимъ образомъ, и что, остерегаясь духа системы, можно и теперь, при пособіи памятниковъ уже изученныхъ, получить недвусмысленные и весьма важные результаты.

Разсмотримъ сперва то, что сдѣлано для науки изученіемъ частныхъ древностей; потомъ, открытія, которыя могутъ быть приобретены черезъ сближеніе памятниковъ, и наконецъ местные средства того обширнаго поля, гдѣ нынче производится уже въ большомъ видѣ археологическіе опыты и слагаются новыя теоріи. Мы должны сказать заранее; что это разсмотрѣніе, произведенное даже безъ участія блестящихъ мечтаній духа системы, будетъ во всякомъ случаѣ весьма благоприятно для Археологій, какъ сравнительной науки. Цѣль ея прекрасна, и достойна усилий величайшихъ умовъ.

Выпавшая Археологія начинается свои изслѣдованія у самой колыбели человеческого рода. Въ знаменитой долинкѣ Сенаарской, между двумя великими рѣками средней Азіи, Тигромъ и Евратомъ сооружена была руками первыхъ человѣковъ башня, которой высота должна была равняться иль честолюбію, и которой паденіе сдѣлалось вѣчнымъ на-

памятником или бессильной гордости. Въ этой-то долине, слившейся во все времена превосходствомъ своей почвы, которую, по-видимому, природа предназначила быть жилищемъ и кораблицею перваго общества, были основаны, не вдалекѣ одна отъ другой, двѣ огромныя столицы двухъ могущественнѣйшихъ имперій первобытнаго міра, — Вавилонъ и Нинивія, и действительно, доселѣ видны тамъ исполнскія развалины, которыя среди разрушенія, произведеннаго великимъ множествомъ рукъ и довершаемаго такимъ множествомъ вѣговъ, соответствуютъ еще величію и пространству Вавилона, оправдывая все, что исторія повѣствуетъ намъ объ его участи.

Съ именемъ Вавилона, мы невольно соединяемъ все идею величія, могущества, богатства, доступнаго уму человека. Самая Египеть, заключающій историческія свои воспоминанія въ тѣсныхъ предѣлахъ Нильской равнины, не можетъ въ этомъ отношеніи выдержать сравненія съ обширною Ассирійскою имперіею, которая возникла близъ колыбели міра, охватила огромнымъ пространствомъ своимъ всю поверхность стараго Азійскаго материка, и, погибая, оставила въ исторіи одну безвѣрную бездну. Имена Фараоновъ, не исключая самаго Сesostrиса, не имѣли въ древнемъ мірѣ ни такого блеска, ни такого оттула, какъ славныя имена Нимродъ и Сенсирамиды, которыя находились прежде и находятся донынѣ на всѣхъ необыкновенныхъ твореніяхъ первобытнаго человека, на всѣхъ огромныхъ обломкахъ, которые отъ нихъ уцѣлѣли. Вавилону суждено было наполнять во все времена духъ человѣческой образамъ величія, въ могущество и разрушеніи, въ памятникахъ и развалинахъ своихъ.

Однако Вавилонская имперія и ея столица, Халдея и ея богослуженіе, не имѣли доселѣ мѣста въ Археологій. Винкельманъ не освѣтилъ ни одною страницей своего бессмертнаго творенія остатковъ Вавилона; онъ, кажется, не думалъ, что памятники такого государства, его храмы и идола, не могли исчезнуть, не оставивъ по себѣ слѣдовъ въ умственной жизни человечества, что какіе-нибудь слѣды ихъ должны были уцѣлѣть въ другихъ монументахъ древности. Ни одинъ изъ преемниковъ Винкельмана не старался возстановить этой вслѣдственной страшицы, даже въ

исторіи искусства. Вотъ новый листъ, который должно еще внести въ огромную книгу исторіи человѣческой образованности, дошедшую до насъ въ однихъ отрывкахъ, и которую наука, при помощи времени, силится воссоздать, по мѣрѣ того какъ время и невѣжество разсыпаютъ и губятъ составныя части ея.

Было время, когда такъ называемая философія Исторіи, замѣняя повсюду изученіе и критику фактовъ пріятнымъ скептицизмомъ, остроумными насмѣшками, ставила исторію и древности Вавилонскія почти на ряду съ сказками «Тысяча и одной ночи;» смѣялась подъ величіе Нинивіи и богатствами Сузы, для того, чтобы не имѣть надобности вѣрить имъ или ихъ осматривать, и, отвергая свидѣтельство Библии и цѣлаго Геродота, исключая изъ лѣтописей человѣческаго рода Азію и Египетъ, превращала то, что ей угодно было оставить въ Исторіи, въ рядъ небольшихъ картинъ и острыхъ эпиграммъ. Но въ ту самую эпоху, когда школа Вольтера такимъ образомъ играла философіею и забавлялась исторіею, люди глубокомысленные, ученые и терпѣливые путешественники, шли различными путями къ изслѣдованію древнихъ истинъ. Нибуръ, образовавшійся въ школѣ Милаэлиса, странствуя по Египту, Аравіи и Персіи, открылъ мѣстоположеніе Нинивіи, осматривалъ развалины Вавилона, списывалъ надписи и срисовывалъ барельефы въ Персеполисѣ.

Около того же времени, Французъ, которому уже хорошо были извѣстны языки Азіи, но который не могъ въ качествѣ ученаго получить пособія къ совершенію путешествія въ Индію, отправился простымъ солдатомъ на государственномъ суднѣ, и прибылъ въ Шандернагоръ, съ тѣмъ, чтобы учиться тамъ Санскритскому языку; послѣ того, съ тысячею опасностей, онъ успѣлъ достигнуть Сурата, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ обществѣ Парсовъ, изучая у нихъ древніе языки Зендъ и Пеглеви, и читая съ ихъ жрецами книги Зороастра. Взятіе Пондишери Англичанами помѣшало ему быть въ Бенаресѣ, гдѣ онъ хотѣлъ заняться книгами и древностями Гиндусовъ. Возвратившись наконецъ въ Европу, безъ состоянія, безъ довѣрія, не имѣя ни какихъ средствъ кромѣ своихъ рукописей, этотъ человѣкъ, одарен-

ный такую дятельностию и постоянствомъ, обогащенный познаніями, которыхъ пріобрѣтеніе ему такъ дорого стоило, продолжалъ въ уединеніи своемъ предаваться занятіямъ, столь для него драгоценнымъ, и посреди Парижа, оскверненнаго тогда ужасами революціи, жилъ съ своимъ Индѣйскими дестурами. Онъ издалъ подъ названіемъ «Зендъ-Авесты» собраніе священныхъ книгъ Парсовъ, и такимъ образомъ далъ ученой Европѣ ключъ къ тѣмъ таинственнымъ нарѣчіямъ, къ тѣмъ древнимъ религіямъ Азіи, которыхъ уразумѣніе казалось навсегда потеряннымъ. Къ стыду его соотечественниковъ, этотъ человекъ, котораго имя мы произносимъ теперь съ почтеніемъ, Анкетиль-Дюперронъ, который отыскалъ въ Индіи цѣлую науку; который, бѣдный и безвѣстный, не взялъ отъ Англичанъ тридцати тысячъ рублей за рукопись Зендъ-Авесты, умеръ во Франціи, въ Парижѣ, въ ужасной нищетѣ, исключенный даже изъ Національнаго Института.

Около той же эпохи, покореніе Англичанами Индіи, которая подъ властію другихъ народовъ оставалась долгое время безплодною, превратилось для Европы въ настоящее завоеваніе науки, и труды Вильяма Джонса, Вилькинса и Кольброка открыли цѣлый міръ гражданственности, Искусства и Философіи, до тѣхъ поръ бывшій неизвѣстнымъ.

Вскоръ Французская экспедиція въ Египетъ ознаменовала себя новою ученою побѣдою, и присоединила еще одинъ древній міръ къ пяти, которыми занимались прежде, Римскому, Греческому, Ассирійскому, Персидскому и Индѣйскому. Напрасно было бы обременять здѣсь память читателя исчисленіемъ именъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, которые по слѣдамъ Нибура и Анкетилля изслѣдовали Востокъ, обыскали Азію, Египетъ въ особенности, по всѣмъ направленіямъ и глубинамъ, и теперь еще непрерывно трудятся надъ объясненіемъ тамошнихъ языковъ и памятниковъ. Мы совсѣмъ не раздѣляемъ энтузіасма нѣкоторыхъ людей къ новому открытію, которое считаютъ главнымъ правомъ нашей эпохи на славу, и украшаютъ великолѣпнымъ названіемъ «искусства читать гіероглифы.» Когда-нибудь мы разсмотримъ его въ этомъ журналѣ, а покажемъ оно можетъ быть поставлено на одной чертѣ съ магнетизмомъ:

и въ томъ и въ другомъ есть много шарлатанства, но есть и нѣсколько истины, которой еще невозможно отдѣлать отъ массы иллюзій; но несправедливо было бы забыть здѣсь объ немъ, потому что искусство читать гіероглифы выветъ одну весьма полезную для науки сторону: оно довело насъ до возможности прочесть въ Египетскихъ надписяхъ нѣсколько десятковъ собственныхъ именъ. Имена Фараоновъ, разобранныя болѣе или менѣе вѣрно на памятникахъ, возвратили довѣріе книгамъ Манефона объ Египетской хронологіи; въ то же время множество остатковъ древности, вывезенныхъ изъ Ассиріи, представили намъ образы, которые во многихъ отношеніяхъ оправдываютъ тексты Санхоніатона и Бероза, бывшіе предметомъ такихъ догвременныхъ нападеній.

Финикійская азбука почти угадана; и хотя мы думаемъ, что послѣдній трудъ ученаго Гаммакера не много подвинулъ впередъ эту отрасль частной Археологіи, несмотря на полученныя имъ похвалы, которыя ученые условились раточать другъ другу; однако не подлежитъ сомнѣнію, что новыя изысканія въ развалинахъ городовъ Карфагенской республики, находящихся нынче во владѣніи державы Европейской, могутъ со-временемъ доставить довольно основательное познаніе языка и религіи этого народа.

Гвоздеобразныя письма, изображенныя на кирпичкахъ Вавилонскихъ, вырванныя на мраморахъ Сузы, Ниппавіи, Персеполиса и на утесахъ Ванскаго озера въ Арменіи, гдѣ Г. Шульцъ и полковникъ Монтьеръ открыли недавно городъ Семирамиды, — эти непонятныя письма, бывшія долго для антикваріевъ надписью, которую перстъ Божій начерталъ на стѣнахъ чертога Валтазарова, не внушаютъ уже такого ужаса, какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ Тиксенъ, Мюнтеръ, Гротевендъ, Саси, несчастный Сенъ Мартепъ, Прайсъ и Морисъ успѣли разобрать имена многихъ Персскихъ государей. При Египетскихъ муміяхъ найдены папирусы, въ которыхъ гіероглифическія надписи переведены гвоздеобразною граматою. Въ музеумъ Англійской Ост-Индской компаніи есть памятникъ, на которомъ находится болѣе шестисотъ строкъ такого письма. Можно надѣяться, что, при постоянныхъ успѣхахъ и соединенныхъ талантахъ

людей, которые съ усердіемъ и пламенною ревностью дѣйствуютъ на одномъ поприщѣ, послѣднія завѣсы, покрывающія этотъ древній и священный языкъ, падаютъ предъ ученымъ любопытствомъ нашего вѣка.

Конечно, большая часть пользы, которая мы здѣсь исчислили, остоитъ еще въ полу-успѣхахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ, но если присоединимъ то, что уже сдѣлано по разнымъ этимъ отраслямъ, къ основному капиталу науки, знанію памятниковъ Греческаго и Римскаго міра, давно доведенному до высокой степени опредѣлительности и совершенства, все вмѣстѣ составляетъ огромную массу свидѣній, годныхъ къ разнообразному сочетанію, и дающихъ уже посредствомъ сближеній чрезвычайно любопытные результаты. Кто повѣритъ, что изъ мрака Этрусскихъ могилъ, въ окрестностяхъ Рима, множествъ исходилъ и исходитъ откровенія, которыя разоблачаютъ геній древняго Востока и соединяютъ въ одну систему религіозныхъ идей и символовъ, служащихъ греческимъ ихъ выраженіемъ, образованность Этрурии и Греція съ образованностью внутренней Азіи, подтверждая такимъ образомъ почтенныя преданія древности. Въ свою очередь, Греція, лучше изученная и узнанная въ своихъ историческихъ текстахъ и символическихъ памятникахъ, являетъ согласія болѣе съ совокупностью фактовъ, которые составляютъ, въ вмѣстѣ взявъ первобытнѣйшую образованность, верховный архивъ человечества. Такимъ образомъ, преобразуется и утверждается отсюда, на почвѣ критики и науки историческая истина, съ которою такъ легкомысленно обходилась ложная и суетная философія прошедшаго столѣтія. Библія воспріяла все свое могущество, потому что независимо отъ ея священнаго характера, который находится въ великихъ спорахъ, она содержитъ великолѣпнѣйшее собраніе подлинныхъ документовъ, какого не имѣлъ ни одинъ народъ отъ начала своего до разсвѣтанія. Библія наконецъ снова сдѣлалась для ученыхъ Европы тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть всегда,—самымъ достовернымъ источникомъ первобытнѣйшей исторіи, книгою, которую прежде всего должно изучать, въ которой мы будемъ находить болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ будемъ приобрѣтать по частямъ основательнѣйшія познанія. При пособіи

памятниковъ, историческая вѣра уже завоевана у надменнаго скептицизма въ пользу этой божественной Книги; она возражается въ то же время и для всѣхъ, заслуживающихъ ее остатковъ словесности языческой древности, Греціи и Рима. Прошло время, когда бранили Геродота и смѣялись надъ Ктесіасомъ. Нынче думаютъ, что благоразумнѣе и полезнѣе изучать Геродота и Ктесіаса, сличая ихъ тексты съ наблюденіями, сдѣланными на мѣстѣ, и смысломъ памятниковъ, стараясь извлечь изъ ихъ рассказовъ, даже баснословныхъ и простонародныхъ, истины положительныя или нравственныя, факты дѣйствительныя или метафариическіе. Этотъ важный переворотъ въ образъ мыслей ученаго свѣта есть одна изъ важнѣйшихъ заслугъ частной Археологіи. Нынче всѣ чувствуютъ необходимость подвергнуть искренному, правдивому изслѣдованію то, что искренно и правдиво рассказано намъ добродушною стариною о образованіи древнихъ обществъ, объ ихъ религіяхъ, столь разнообразныхъ, ихъ обрядахъ, по-наружности столь странныхъ; и что нѣтъ ничего забавнаго, ни пошлаго въ томъ, что въ какую нибудь эпоху и подъ какою-нибудь формою было мнѣніемъ цѣлаго вѣка, участію цѣлаго народа. Если еще существуютъ умы, ограниченныя и поверхностныя, которые въ критикѣ своей развиваютъ темы, заданныя обветшавшею философіею, и стараются казаться важными и глубокомысленными, называя баснями и смѣшными выдумками преданія временъ минувшихъ, объ нихъ должно сожалѣть, и не стоитъ заниматься опроверженіемъ ихъ доводовъ: они отстаи полустолѣтіемъ, и устарѣлая ихъ ученость доказываетъ только неспособность понимать прошедшее и трудиться для будущаго.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на великое поприще, на которое вступаетъ обновленная Археологія, обнимающая однимъ испытующимъ взоромъ обширное пространство мѣстъ и временъ, отъ Нимврода до послѣднихъ Цезарей, и отъ Ганга до Севернаго Мыса и Гибралтара, откуда, черезъ ряды столѣтій, отдаляющихъ насъ отъ древности, терпѣніе и проникательность похитили много тайнъ забытой исторіи. Въ срединѣ этого пространства, въ собственной области древней исторіи, совершилась величайшія перероты человеческого ума: тамъ была обработана или про-

взошла большая часть идей, которыя, путемъ разума или завоеваній религіи или торговли, дѣйствовали на весь этотъ міръ. Тамъ существовала въ глубочайшей древности образованность, которая до сихъ поръ господствуетъ надъ нами, потому что мы живемъ на почвѣ нравственныхъ и религіозныхъ идей, перешедшихъ къ намъ изъ Азіи черезъ Грецію и Римъ и наконецъ дополненныхъ и освященныхъ Христіанствомъ, которое также возникло въ Азіи.

Здѣсь опять Вавилонъ будетъ первымъ предметомъ нашего вниманія. Соперница его, Нинивія, почти совершенно исчезла. Экбатана оставила не много слѣдовъ своего великолѣпія, и малочисленные, безобразные обломки, сохранившіеся на той почвѣ, гдѣ была Суза, до сихъ поръ представляли намъ одиѣ только загадки. Но остатки Вавилона равно величественны для философа и для антикварія. Видя эту огромную массу развалинъ, покрывшую землю почти на сорокъ верстъ, близъ пылъшаго Багдада, чувствуешь, какъ несокрушимъ былъ этотъ городъ, когда столько народовъ и столько столѣтій не умѣли расхитить и истощить матеріаловъ, изъ которыхъ онъ былъ построенъ. Видя, какъ на развалинахъ его спорятъ путешественники образованной Европы, стараясь открыть въ кучѣ обрушенныхъ кирпичей первобытную форму башни и храма Белова, слѣды чертоговъ съ висячими садами Семирамиды и исполнискіихъ зданій Небухаднесара, чувствуешь пріятный трепеть сердца при мысли, что сегодня или завтра выйдутъ наружу формы первыхъ помысловъ образованнаго челоука, потому что, несмотря на возгласы проповѣдниковъ древности умовъ Египетскаго и Индѣйскаго, здѣсь впервые началась умственная и художественная жизнь нашего рода. Книги Евреевъ заключаютъ въ себѣ по этому предмету много свидѣній, которыя еще не были надлежащимъ образомъ употреблены въ исторіи искусства. Писанія пророковъ наполнены намеками высокой занимательности или прямыми свидѣтельствами, еще болѣе драгоценными, о древностяхъ Вавилона. Но въ особенности надобно слушать Даніила; Даніила, который былъ образованъ наукою Маговъ, жилъ въ Вавилонѣ и умеръ въ Сузѣ. Изъ Греческихъ историковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два. Геродотъ былъ въ

Вавилонъ около тридцати лѣтъ послѣ Иссеркса; онъ говоритъ, какъ самовидецъ, о намятникахъ этой столѣтцы; вѣрно или, если хотите, легковѣрно передаетъ всѣ известныя и народныя объ нихъ преданія. Ктесіасъ, который въ теченіе семнадцати лѣтъ занималъ должность придворнаго врача царей Персидскихъ, при пособіи Артаксеркса Мнемона, также провелъ большую часть своей жизни въ Вавилонѣ, Персеполѣ и Экбатанѣ; его рассказы, къ несчастію известные намъ только изъ неполныхъ ссылокъ и выписокъ, быть-можетъ, невѣрны, по всей вѣроятности были почерпнуты изъ достоверныхъ источниковъ. Къ этимъ документамъ надобно прибавить свидѣнія, доставленные историками Александра, которые суть не что иное какъ рѣдкіе и слабыя отголоски древнихъ преданій, и подлинные творенія писателей другаго вѣка, какъ на примѣръ Страбона и Арріана. При помощи этихъ указаній, несмотря на ихъ неполноту и недостатки, можно уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о Вавилонской старинѣ, изслѣдованной въ главныхъ намятникахъ ея богослуженія, изъ которыхъ многіе, равно драгоценныя по искусству, содержанію, работѣ и древности, и особенно по неоспоримой подлинности, уже находятся въ Европѣ. Таковы, во-первыхъ, цилиндры, родъ талисмановъ или символовъ посвященія, на которыхъ представлены главныя божества Вавилонской религіи съ изображеніемъ царей, жрецовъ и людей всѣхъ сословій, со всеми почти чертами этого таинственнаго богослуженія. Таковъ еще славный «Бетель» Парижскаго музея съ изображеніями символическихъ животныхъ и гвоздеобразными надписями, — единственный намятникъ Азіатскихъ суевѣрій, который современныя начала образованнаго міра и долго еще будутъ удивлять досадливостью науки. Таковы еще многочисленныя обломки намятниковъ, которые Англійскіе путешественники ежегодно привозятъ въ свое отечество, кромѣ рисунковъ, сылткъ на мѣстѣ. Важныя, уже полученные откровенія, позволяютъ надѣяться, что постоянныя усилія и новыя открытія доставятъ намъ болѣе полное знаніе предмета. Уже многія изъ фантастическихъ животныхъ Ктесіаса были узнаны на Вавилонскихъ цилиндрахъ, такъ же какъ въ видѣннѣхъ пророковъ и выпискахъ изъ Бероза. Уже подобныя фигуры и группы, та-

книжъ же образомъ поставленныхъ, помазались на вазахъ и рѣзаныхъ камняхъ, которые принадлежатъ къ высочайшей эпохѣ Этрускской образованности: это сближеніе, столь любопытное и новое, принадлежитъ къ числу археологическихъ явленій нашего вѣка, заслуживающихъ полнаго вниманія.

Слѣдуя за ходомъ политическихъ судебъ Азій, по стопамъ Фортуны, которая передала могущество Ассирійцамъ Мидянамъ и могущество Мидяны Персамъ, переходящъ, отъ развалинъ Вавилона, къ развалинамъ Экбатаны и Персеполиса. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, которое теперь извѣстно *Чегель-менаръ*, находятяся, подлѣ великолѣпныхъ остатковъ чертога пресвитеровъ Кировахъ и гробницъ Дарія и Ксеркса, памятники искусства и образованности, свойственные древней Персїи, которые, при недостаткѣ другихъ указаній, могли бы одни разоблачить передъ нами вѣхъ геній. Здѣсь опять можно пользоваться пособіемъ цилиндровъ и другихъ талмисмовъ религіи Персовъ, объясненныхъ свидѣтельствомъ самого Зороастра въ книгахъ Зендъ-Авесты. Уже можно слѣдить исторію этого богослуженія даже до послѣдней эпохи классической древности, гдѣ самые памятники представляютъ картину борьбы язычества, гибнущаго подъ вѣдоноснымъ вліяніемъ христіанской религіи. Мы говоримъ о памятникахъ богослуженія Митры, открытыхъ въ столь многихъ мѣстахъ Европы, и почти на крайнихъ предѣлахъ Римской древности, въ Италіи, Франціи и Германіи.

Финикій представляла бы еще болѣе обширное поприще для соображеній такого рода, если бы намъ уже позволено было черпать свободно изъ всѣхъ источниковъ, которые явились взорамъ нашимъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, Финикійцы были главными действителями всемірной образованности. Ихъ торговля, которая простиралась отъ береговъ Чернаго Моря до Азовскаго, которая съ одной стороны проникала до истоковъ Ганга, съ другой блуждала въ туманахъ Эфиопіи и въ Скіиѣи; которая, наконецъ, прошла за Столпы Геркулесовы, проникла въ Сѣверный Океанъ, далѣе Британскихъ Острововъ, извѣдывала берега Африки и пыталась обойти кругомъ весь ея материкъ, эта огромная торговля, какъ сторукій вспомнитъ какой-нибудь Азіятской міеологіи, сцѣпляла между собою Египеть и Тавриду, Картегенъ и Грецію,

Халдею, Этрурию и Ирландію. Тогда, въ самомъ дѣлѣ; купцы не были простыми поставщиками, которыхъ снѣтливость ограничивается перевозомъ товаровъ съ одного мѣста на другое и мѣною ихъ на сырыя произведенія. Въ ту высокую эпоху исторіи человеческого рода, когда идеи переносились вмѣстѣ съ товарами изъ края въ край; когда божества различныхъ народовъ переходили такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, столько же въ видѣ предметовъ торговли, сколько въ видѣ предметовъ обожанія и памятниковъ искусства, Финикіане, которые обладали одни пружинами этихъ огромныхъ оборотовъ, сдѣлались было посредниками умственного сообщенія народовъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, эта смѣсь идей, мифовъ, символовъ, заимствованныхъ почти изъ всѣхъ источниковъ Азіятскихъ вѣрованій; во второмъ возрастѣ Греческой образованности, которой начало, истекшее изъ Восточнаго родника, еще болѣе древняго, удерживало дотолѣ первобытную простоту свою. Такимъ образомъ произошли идолы всякихъ формъ, обремененные принадлежностями и различными символами, чудовищныя сочетанія существъ двойкой природы, которыя, получивъ бытіе въ разныхъ религіозныхъ системахъ Египта, Халдеи, Фригійи и самой Финикіи, составляли значительную часть груза для мореплавателей этого народа; они развозили ихъ всегда въ своихъ путешествіяхъ; выставленные потомъ на показъ простотушному любопытству племенъ Пеласгическихъ и Скиѣскихъ, они сдѣлались первыми кумирами грубаго богослуженія, образцами искусства, еще дикаго, доселѣ встрѣчающимися въ первобытныхъ памятникахъ Греціи и Этруріи, гдѣ впоследствии подвергли ихъ большому или меньшему измѣненію успѣхи образованности, чисто Эллипской. Мы скоро подробнѣе будемъ говорить о Финикіанцахъ по поводу новой книги Г. Погодина; здѣсь скажемъ только, что этотъ народъ можно сравнить съ нынѣшними Англичанами, которые въ одно и то же время купцы и миссіонеры, и укажемъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, предстоящихъ рѣшенію любознательности археологовъ нашего вѣка: должно опредѣлять, при пособіи памятниковъ съ фигурами, недавно пріобрѣтенныхъ наукою, какіе религіозные образы и греческіе типы заимствованы древнею

Европою у внутренней Азии посредством торговли, которой главными подрядчиками и исключительными монополистами, въ первомъ возрастѣ человѣческихъ обществъ, успѣли сдѣлаться Финикійяне, даже ко вреду цѣлаго человечества, потому что и самое приращеніе въ жертву людей, вводимое ими всюду вмѣстѣ съ конторами, имѣло главною цѣлію служить къ торговой ихъ выгодѣ и обезпечивать барыши ихъ монополіи. Разрисованныя вазы, первоначальнаго издѣлія, и Греческія медали, всѣхъ временъ, доставляютъ, въ этомъ отношеніи, свѣдѣнія вѣрныя, изъ которыхъ еще не было сдѣлано надлежащаго употребленія. Весьма полезно и занимательно искать слѣдовъ тѣхъ памятниковъ, которые произошли подѣ непосредственнымъ вліаніемъ Финикійскихъ идей. Хотя время разрушило, вѣроятно навсегда, великія произведенія искусства и религіи этого народа, хотя его храмы давно уничтожены вмѣстѣ съ идолами, однако есть возможность открыть въ памятникахъ другаго времени слабыя подобія этихъ древнихъ кумировъ. Гераклъ *Мелькартъ* Тира и Тарса, Венера *Астартя* Сидонская, *Атаргатисъ* Аскалонскій, не такъ совершенно исчезли, чтобы нельзя было составить себѣ нѣкоторое объ нихъ понятіе по тѣмъ, вмѣстѣ свѣжимъ и устарѣлымъ, воспоминаемъ, какія ознаменовали послѣдній рѣшительный переломъ политеизма, когда онъ, оспоривая поле битвы у христіанскихъ идей, силится вызвать изъ самыхъ древнихъ капищъ, ветхіе свои идолы и старался оживить, посредствомъ почтенности старины, вѣру, уже угасшую. Такъ, поклоненіе великой богини Сирійской, въ священномъ градѣ ея Іерусалисѣ, было обновлено въ эпоху, когда оно давно уже пришло въ совершенный упадокъ. Такъ, Венера Пафосская хотѣла возродиться къ новой жизни, проявляясь на своихъ послѣднихъ памятникахъ въ своей первобытной формѣ. Такъ, наконецъ, въ Азіатской Греціи, богиня—Природа *Эфеса*, Перги и Самоса, приняла снова свой археологическій образъ, чтобы въ древней, иноземной формѣ быть предметомъ обожанія, котораго уже не доставляли ей изящнѣйшія формы, приданныя ей статуямъ гениемъ Греческой образованности. Однимъ словомъ, политеизмъ, доживъ до послѣдняго часа своего, представилъ чудное зрѣлище внезапнаго возстанія

всѣхъ этихъ ветхихъ кумировъ, лежащихъ въ забвѣніи въ глубинѣ капищъ, и вторженія ихъ въ недра дряхлаго общества, какъ крайнихъ средствъ погибающей религіи: перемышляющія искусства и образованности, которыя уже не существовали, призваны были на мгновеніе снова къ жизни, для того, чтобы потомъ исчезнуть безвозвратно, — странный феноменъ, на который еще не обратили должнаго вниманія въ философской исторіи человеческого духа, и который, разсматриваемый только въ археологическомъ отношеніи, можетъ составить одну изъ самыхъ любопытныхъ главъ въ исторіи искусства.

Мы имѣемъ въ Финикійскихъ медаляхъ, хотя онѣ относятся къ позднѣйшей эпохѣ, достоверныя преданія о религіи и искусствѣ этого народа. Другія страны, которыя въ разныя эпохи древности были покрыты ихъ заведеніями, — острова Кипръ, Родосъ, Критъ, Фасосъ, Самоэракія; Киликія, которой вся нумизматика носитъ на себѣ такой замѣчательный Финикійскій отпечатокъ; Карфагенъ, оставившій также любопытные памятники этого рода, досель худо оцененныя наукою; Сицилія, гдѣ Финикійское вліяніе замѣтно до сихъ поръ даже въ произведеніяхъ Греческаго искусства; Мальта и Сардинія, бывшія въ числѣ колоній этого народа и сохранившія такъ много слѣдовъ его, представляютъ намъ, какъ и Испанія, которая почти вся осталась Финикійскою даже въ Римскихъ памятникахъ ея, разнообразныя элементы Финикійской Археологіи, весьма неполной безъ сомнѣнія, по которой однако достойна величайшаго уваженія и можетъ еще быть разработана искусными руками,

Древности Еврейскія составляютъ отдѣльную и притомъ чрезвычайно замѣчательную отрасль Финикійской Археологіи. Ненависть идолопоклонство вообще, Евреи изгнали изъ своей страны подражательныя искусства. Въ первомъ возрастѣ ихъ общества, малочисленные предметы искусства, которые оно допускало, должны были выдѣлываться подъ вліяніемъ преданій, вынесенныхъ ими изъ Египта. Впослѣдствіи, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ нужно было возвысить блескъ своихъ обрядовъ посредствомъ искусства, Иудеи искали художниковъ у Финикійцевъ, своихъ враговъ и соседей. Саломонъ вызвалъ изъ Тира зодчаго, тотъ и строилъ храмъ его, и ваятелей, которыхъ поручилъ

чено было украсить зданіе. Этотъ знаменитый Иерусалимскій храмъ, отдѣланный такъ, какъ его изображаетъ Писаніе, со всеми измѣненіями, которымъ онъ подвергался, и украшениями, которыя получалъ въ теченіе многихъ поколѣній, до той эпохи, когда сдѣлался добычею Римлянъ и когда его видѣлъ Иосифъ; этотъ храмъ, чудеса котораго были, безъ-сомнѣнія, известны Греческой древности, можетъ во многихъ отношеніяхъ быть разсматриваемъ какъ памятникъ Финикійской Археологіи. Такимъ образомъ должно изучать и его, и, изучая, найдутъ много любопытныхъ подробностей, много преданій, которыя должны быть означены въ исторіи искусства и человечества.

Если изъ Сиріи мы направимъ шаги наши къ пустынь, гдѣ возвышался древній Геліопольсь, невдалекъ отъ роскошной Пальмиры, гдѣ по-нынѣ стоятъ ихъ великолѣпныя развалины; если послѣ этого путешествія въ область нокуства, равно принадлежащаго древности и временамъ упадка, Азіятской пышности и Римскому могуществу, мы пойдемъ къ Малой Азіи путемъ, по которому шли почти все завоеватели этой части свѣта, отъ Сесостриса до Камбиза, отъ Александра до Траяна; проходя мимо утесовъ Берита и древнихъ изображеній царей Египетскихъ и мопарховъ Вавилонскихъ, которые видѣлъ Геродотъ, и которые мы сами видимъ тамъ доселѣ; проникнувъ въ Колхиду, Фракію, Тавриду, и Скицію, мы найдемъ опять много занимательныхъ предметовъ для наблюденій на обширномъ пространствѣ земель, гдѣ Эллинская образованность боролась съ владычествомъ Персовъ и жестокостью варваровъ, которыхъ она укрощала силою искусствъ, и гдѣ Греческіе художники выдѣлывали кумировъ Азіятскихъ, Киммерійскихъ, Дакскихъ и Сарматскихъ, между тѣмъ какъ философія Платона и Пифагора разливалась по Элладѣ и союзнымъ землямъ идеи, отведенныя изъ древнихъ и далекихъ источниковъ Бактрин и Персіи. Не далѣе какъ здѣсь, даже ограниченныя наблюденія свои остатками великихъ памятниковъ, искусство исторической эпохи, отъ Тарса до Пергама, и отъ горъ Тельмисскихъ до береговъ Галиса, до кургановъ Троадской равнины, гробницъ Пантикапей, или нѣгивнаго Керча, и въ юрскую Новороссіи, можно еще опредѣлять положитель-

но мпожество этих отношеній народа къ пароду, върванію къ върванію, которыя озаряются такимъ свѣтомъ происхожденія племенъ и сообщаютъ новымъ археологическимъ трудамъ столько запикательности и прелести. Здѣсь можно отыскать колыбель Этрускаго народа, и съ этой точки отправленія, указанной исторією и оправданной памятниками, слѣдить, при перереходѣ его въ Италію, множество Азіятскихъ идей и типовъ, сравнивать гробницы, высѣченныя въ скалахъ Тельмисса, въ Ликіи, во Фригіи, съ гробницами Норчинъ, Корнето, Вульги, могилу Мавзола съ памятникомъ Порсены, катакомбу Мидаса съ подземельями Кіузи, и роаясь подъ колыбелю Рима глубже, нежели могли сами Римляне, вскрыть цѣлыя Азіятскіе клады, зарытыя въ Латинской древности. Здѣсь наконецъ, раскрывъ гробницу въ Крыму, или блуждая въ пустыняхъ одного изъ малозвѣстныхъ пашалыковъ Анатолиі, можно прочесть цѣлый Скисскій романъ, цѣлую исторію торговли Аѳинъ временъ Перикла съ странами, прилежащими устью Нѣмана, или очутиться передъ древнимъ городомъ, исчезнувшимъ безъ слѣдовъ въ Исторіи; городомъ, котораго самое имя изгладилось изъ памяти людей, но котораго могущество, религія и искусство впечатлѣлись на окрестныхъ утесахъ вѣчными буквами, посредствомъ изваяній, столь хорошо сохранившихся, что они еще не потеряли своей первоначальной свѣжести, своей до- исторической «изіогноміи», — остатки государства, которое быть-можетъ предшествовало монархіи Мидаса и Гигеса, — памятники искусства, въ которыхъ, сквозь грубую работу Фригійскаго художника, проявляется мысль Ассирій и Бактрій.

Поле это, безъ-сомнѣнія, обширно, разнообразно и богато великими результатами, которые инстинктивная про- ницательность гения сумеетъ блистательно вывести наружу для обогащенія или положительнаго знанія, если только гений предохранитъ себя отъ увеличенія системодвѣія, которое въ состояніи все испортить. Чтобы подорвать не- опровержимымъ примѣромъ высокія надежды, о которыхъ мы говорили, и которыя, по нашему мнѣнію, Археологія, дѣйствуя путемъ сближеній и сочетаній, весьма способ- на осуществить, мы приведемъ только два новѣйшія от-

крытія въ области древнихъ памятниковъ, превосходящія заимчивостью своею все, что сдѣлано въ наши годы по этой части, исключая, быть-можетъ, открытія Г. Шульца и Монтита на озерѣ Ванъ. Мы говоримъ о гробницѣ одного Савесскаго царя, вскрытой въ Керчи въ 1830, подъ надворомъ покойнаго Стемпковскаго, титулярнымъ советникомъ Павломъ Дюбрю, и о изваяніяхъ на утесахъ Богазь-кюя, въ древней Каппадокіи, найденныхъ господиномъ Тексіе въ прошедшемъ году. Оба памятника доставляютъ обильный предметъ для соображеній и сближеній: это двѣ любопытныя страницы въ исторіи обычаевъ, искусства и торговли народовъ, забытыхъ всеми историками; они сильно подкрѣпляютъ самыя возвышенныя надежды сравнительной Археологіи, и мы, поздравляя ее съ этими пріобрѣтеніями, опасаемся только одного, — чтобы пріобрѣтенія эти не оправдали также мнѣнія, которое мы изложили въ началѣ статьи: намъ кажется, что самое обстоятельство недавняго открытія двухъ памятниковъ такой важности, уже само по себѣ доказываетъ, что всеобщая Археологія слишкомъ рано начинаетъ свои сближенія и теоріи.

Гробница, о которой мы упоминали, находилась въ довольно крутомъ холмѣ, отстоящемъ на четверть версты къ югу отъ Керчи и называемомъ по-Татарски *куль-оба*; она была прикрыта сверху грудой паносныхъ камней различной величины, что придавало возвышенію видъ вулканическаго бугра; но долговременная привычка, пріобрѣтенная на мѣстѣ, позволила Г. Дюбрю угадать существованіе въ немъ гробницы. Послѣ нѣсколькихъ дней работы, открыли строеніе изъ тесаныхъ камней, которое было погребено въ холмѣ; передъ склепомъ находился родъ коридора, покрытаго тремя рядами огромныхъ камней, цѣпчавшихъ другой опоры кромѣ деревянныхъ подставокъ и, съ тѣхъ поръ какъ ветхость обратила брусъ въ пыль, державшихся только взаимнымъ давленіемъ. Входъ заложенъ былъ плитами.

* Мы не знаемъ ни какого Русскаго описанія этого памятника, и заимствуемъ слѣдующія подробности изъ *Journal des Savans*, въ которомъ напечатано вышнее извлеченіе изъ записки, отправленной Г. Дюбрю въ Парижскую Академію надписей.

Войдя въ склепъ, довольно похожій на погребъ, черезъ отверзтiе, проломанное надъ дверью, тотчасъ убѣдились, что гробница не была никѣмъ посвящена, — обстоятельство, весьма рѣдкое въ памятникахъ этого рода, и которое придаетъ такъ много цѣны дѣлаемымъ въ нихъ наблюденiямъ. Погребальная комната представляла видъ почти правильнаго квадрата; длина ея отъ востока къ западу была шесть аршинъ восемь вершковъ, а ширина отъ сѣвера къ югу только шесть аршинъ. Высота отъ помоста до верхушки свода состояла изъ семи аршинъ съ половиною. Стѣны возвышались перпендикулярно до пестраго ряда камней, и начиная отсюда, каждый верхнiй рядъ выдавался надъ нижнимъ впередъ на четыре или пять вершковъ, такъ, что строенiе въ разрывѣ представляло пирамидальную форму; верхнее отверзтiе, величиною почти съ квадратный аршинъ, было закрыто цѣльною плитой. На высотѣ пяти аршинъ отъ помоста, былъ прежде деревянный потолокъ, который обрушился, когда поддерживавшiя его балки сгнили; отъ этого произошелъ наружный видъ разрушенiя, который являла гробница въ то время, когда въ нее вошли въ первый разъ. Не прежде, какъ по очищенiю пола отъ обломковъ бревенъ и досокъ, которыя покрывали большую часть его, могли Гг. Стемпковский и Дюбро приступить къ обзорнiю предметовъ, находившихся въ гробницѣ: найденныя ими здѣсь вещи, сами по себѣ чрезвычайно богаты и любопытны, получаютъ новую степень занимательности отъ того, что расположенiе ихъ въ памятникѣ сохранилось безъ перемѣнъ, такъ, что можно опредѣлять намѣренiе, съ какимъ онѣ были помѣщены.

Первый предметъ, близъ двери направо, около сѣверной стѣпы, — была бронзовая, въ половину зарытая въ землю ваза, съ двумя ручками, продолговатой формы, вышиною въ тринадцать вершковъ, вмѣстѣ съ ножкою, — безъ сошнѣнiя, родъ амфоры: ваза эта наполнена была водою и овечьими костями. Вблизи находился тазъ, изъ позолоченной бронзы, на круглой ножкѣ: на днѣ таза, покрывшемся окисломъ, стояли серебряный сосудъ для вина, кубокъ изъ того же металла и два рога, гнѣтiумъ, также серебряные, изъ которыхъ одинъ украшался на концѣ ба-

раншею головою превосходной работы. Обычай употреблять рогъ вмѣсто чаши, для питья, свойственный Скиѣскимъ народомъ подтверждается, между прочими памятниками, небольшою статуею изъ электрона, древняго состава золота и серебра, представляющею Скиѣскаго Геркулеса съ рогомъ въ рукѣ, и назанною покойнымъ Бларембергомъ. Немного далѣе, стоялъ другой бронзовый позолоченный тазъ съ ручками красивой формы и поддонкомъ; въ немъ также помѣщались четыре серебряныя вазы, а именно, три сосуда для питья, росла, украшенные извнѣ позолоченными барельегами: на одномъ были изображены водяныя птицы, тѣ же, которыя и теперь находятся на тамошнемъ проливѣ, — пеликаны, лебеди и морскіе вороны; на другомъ, группы звѣрей: левъ, одолевашій вепря; грифъ терзающій оленя; на третьемъ фигуры волковъ; четвертый сосудъ былъ кубокъ съ двумя красивыми ручками и крышкою, на краю которой, внутри, вырѣзано было Греческии буквами ΕΡΜΕΩ, — надпись, показывающая, что кубокъ былъ посвященъ обрядамъ богопочитанія Меркурія: древность формы этого Ионическаго родительнаго падежа даетъ право думать, что помѣщеніе сюда или посвященіе самаго сосуда относится къ довольно глубокой эпохѣ. Такимъ образомъ, это драгоценныя памятники Милетійскаго искусства и немалой древности, — вдвойнѣ драгоценныя, и по работѣ, и по своему происхожденію. За тѣми мѣстами, гдѣ найдены два таза, стояли прямо, прислонясь къ западной стѣнѣ, четыре глиняныя вазы, вполонину закрытыя и имѣющія видъ амфоръ небольшого размера. На ручкѣ одной изъ нихъ написано по-Гречески ΘΑΕΙ, а сверху, ΑΡΕΘΩΝ; поверхность ихъ ввроятно была разрисована, судя по тому говорить сочинитель записки, что посрединѣ одной вазы изображена рыба. Г. Стемпковскій полагалъ, что въ амфорѣ съ надписью ΘΑΕΙ, безъ-сомнѣнія вмѣсто ΘΑΕΙΟΝ, находилось Фасосское вино, столь знаменитое въ древности. Можно прибавить, что имя ΑΡΕΘΩΝ, которое читается сверху, должно принадлежать фабриканту, и археологи имѣютъ право помѣстить нынче извѣстныхъ по такимъ же надписямъ, въ число именъ славныхъ горшечниковъ и фаб-

рикантовъ разрисованныхъ вазъ Греческой древности, еще имя Ареона Фасосскаго.

Погребъ, весь вымощенный каменными плитами, дурно соединенными, имѣлъ въ концѣ, съ южной стороны, впадину величиною съ квадратный аршинъ и глубиною въ поларшина: въ ней нашли лошадиныя кости, двѣ кнесиды изъ золоченой бронзы и шлемъ конической формы. Вблизи впадины лежалъ остовъ мужнины, окруженный множествомъ фигуръ и вещей, сдѣланныхъ изъ золота или изъ электрона, толщиною въ четверть линію, — вѣроятно, украшенія, которыя были привѣшены къ одеждѣ этого чело-вѣка. Насупротивъ двери находились кости женщины, голова обращена къ югу, ноги къ сѣверу, и все тѣло было покрыто драгоценными вещами. На черепѣ оставалась еще дѣтина изъ электрона, въ вершокъ ширины, украшенная съ краю разноцвѣтными эмалевыми розетками, а посреди, четырьмя изображеніями сидящихъ женщинъ, между которыми помѣщены грифы; работа вездѣ выпуклая. Должно здѣсь напомнить, что грифъ былъ эмблемою или гербомъ города Пантикапей. На мѣстѣ шеи былъ большой кругъ изъ чистаго золота, открывавшійся и украшенный на обоихъ концахъ фермуаромъ изъ фигуръ двухъ лежащихъ львовъ; кромѣ того, ожерелье, сплетенное изъ золотой проволоки, съ небольшими продолговатыми чашечками того же металла, которыя висѣли на филиграновыхъ цѣпочкахъ. Посрединѣ тѣла находилось пять золотыхъ медальоновъ различной величины, съ небольшими чашечками, привѣшенными такимъ же образомъ; два, самые большіе, медальона представляли голову Минервы съ ея принадлежностями, превосходной работы; прочіе были украшены букетами цвѣтовъ изъ золота съ финифтью, такой тонкой работы, что дыханье шевелило листья ихъ. По обѣимъ сторонамъ того мѣста, которое занималъ трупъ женщины, лежали два золотыя запястья, шириною въ два вершка, украшенные двумя рядами группы, трижды повторенной и представляющей оленя, низложеннаго львомъ, между-тѣмъ какъ грифъ нападаетъ на него сзади. Это, конечно, изображеніе символическое, и относится къ какому-нибудь политическому событію: очевидно, что олень, съ которымъ Греки сравнивали трусовъ, представлялъ

мелодушнаго врага, и что левъ служилъ эмблемою знаменъ Скиѣскаго царя: врагъ низложенъ былъ мужествомъ царя въ сраженіи, въ которомъ жители города Пантыкапей, союзнаго царю, напали на общаго непріятеля съ тылу. Другіе предметы, которые, по-видимому, составляли часть наряда женщины, найдены тутъ же на мѣствѣ: два полукруга изъ электрона съ плоскими чашечками, которыя, подобно прежнимъ, были привѣшены на филиграновыхъ цѣпочкахъ: полагаютъ, что полукруги эти носились на плечахъ; нѣсколько бутылочекъ изъ чистаго золота, съ пробками того же металла, длиною въ вершокъ и прелестной работы; шесть ножей съ ручками изъ слоновой кости, и седьмой, котораго ручка была съ золотою накладкою и выпуклыми *эрифами*; наконецъ, круглая ваза изъ электрона, на поверхности которой красуются три барельефныя группы, равно замѣчательныя по тщательности отдѣлки и по новости рисунка. Первая группа представляетъ стоящаго человѣка, съ царскою діадимою на головѣ, копьемъ въ рукахъ и щитомъ возлѣ него; онъ слушаеъ другаго человѣка, который сидитъ напротивъ его, и вооруженъ такимъ же образомъ. Во второй группѣ являются два лица, на козлахъ другъ передъ другомъ; у одного изъ нихъ разинутъ ротъ, другой, по-видимому, хочетъ вырвать у него зубъ; третья группа состоитъ также изъ двухъ фигуръ, именно, изъ человѣка, сидящаго на землѣ, которому другой, стоя передъ нимъ на козлахъ, заворачиваетъ перевязкою ногу. Независимо отъ этихъ трехъ группъ, въ которыхъ всѣ фигуры имѣютъ длинныя, рассыпанныя по плечамъ волосы, по обычаю Скиѣовъ, на вазѣ видно еще изображеніе Скиѣа, сидящаго и натягивающаго лукъ.

Рѣдкость и цѣна этихъ предметовъ, которые показываютъ необыкновенную роскошь жителей тамошняго края уже до Александра Великаго и дѣятельную торговлю съ отдаленными странами, — что заставляеъ предполагать у народовъ, обитавшихъ тогда по близости Чернаго Моря, гораздо высшую образованность, нежели мы воображаемъ, произноса слова — Скиѣъ и варваръ, — рѣдкость и цѣна этихъ предметовъ не могутъ еще сравниться съ важностью, въ археологическомъ отношеніи, того, что слѣдуетъ. Тѣло женщи-

ны, обладательницы этого богатаго и изящнаго убора, было покрыто деревяннымъ катафалкомъ, къ несчастію раздавленнымъ при паденіи потолка, но котораго обломки были найдены на полу, болѣе или менѣе поврежденные ветхостію. Этотъ катафалкъ, или лучше сказать, этотъ сундукъ, который вѣроятно былъ то самое, что Діодоръ Сицилійскій называлъ *χιλοπτις*, чаломъ, состоялъ изъ четырехъ выточенныхъ ножекъ вышиною около аршина; доски двухъ боковыхъ сторонъ имѣли болѣе сажени въ длину; доски поперечныхъ сторонъ, противъ головы и ногъ, по аршину съ четвертью; всѣ четыре стороны были украшены живописью, хорошей работы, но истершейся до такой степени, что едва можно было различать очерки фигуръ. На одной изъ большихъ боковыхъ досокъ, той, которая лучше прочихъ сохранилась, находились слѣдующія изображенія. На одномъ концѣ представлена была колесница, запряженная четырьмя бѣлыми конями, которыми правила Победа; впереди колесницы группа изъ трехъ фигуръ, именно, мужчина, влекущій къ себѣ обѣими руками женщину, которую онъ держитъ за правую руку, и позади которой бѣжитъ другая женщина, протягивающая первой лѣвую руку, и, по видимому, поспѣшающая къ ней на помощь. Далѣе, направо, встрѣчаемъ еще группу, представляющую мужчину, который, съ одной стороны, бросается за драхвою, между-тѣмъ какъ съ другой противоположной стороны, женщина почти въ такомъ же положеніи старается овладѣть тою же птицею. Позади этой женщины, лебедь, который поднимается, расправляя евою крылья, и, вытягивая щю, кажется, хочетъ скрыться отъ преслѣдованій второй женщины, которая готовится схватить его. Дерево отдѣляетъ отъ этихъ любопытныхъ сценъ Скиѣской супружеской драмы фигуры слѣдующей группы, состоящей изъ женщины и двухъ мужчинъ по сторонамъ ея: одному изъ нихъ она протягиваетъ руку, которую онъ принимаетъ, между-тѣмъ какъ другой мужчина спѣшитъ къ ней. Наконецъ, на второмъ концѣ, еще одна колесница съ четырьмя лошадьми, которыя бѣгутъ въ лѣвую сторону. Таковы картины одной изъ досокъ катафалка: онѣ могутъ быть предметомъ весьма любопытнаго объясненія. Цвѣты употреблены бѣлый, черный, красный, лазоревый, зеленый и

желтый: это те самые шесть цветовъ, которые употреблялись въ глубокой древности и находятся на памятникахъ Греціи, Этруріи и Египта. Ими были раскрашены, на блѣдомъ полѣ, рисунки на прекрасной Саламинской вазѣ, единственной въ своемъ родѣ, сдѣланной на одной изъ лучшихъ Аѳинскихъ фабрикъ и нынче принадлежащей господину Грасіе. Если бы эти доски лучше сохранились, мы приобрѣли бы безцѣнный памятникъ живописи на деревѣ чисто Греческой древности, сдѣланный руками Грековъ. Впрочемъ, и въ настоящемъ состояніи его, это — одно изъ важнѣйшихъ открытій нашей эпохи.

Предметы, доселѣ описанные, занимали только третью часть погребя; двѣ другія части были заняты большимъ деревяннымъ сундукомъ, или «чахлою», стоявшимъ на землѣ; форма его была квадратная, по четыре аршина во всѣ стороны. Куски дерева, изъ котораго онъ былъ построенъ, сохранились такъ хорошо, что пришлось рубить топоромъ концы, вдѣланные въ четыре большія бревна. Снявши такимъ образомъ верхнія доски, открыли остатки мужескаго остова, котораго голова лежала на югъ, ноги на сѣверъ, а обѣ руки вдоль боковъ. На черепъ, отъ котораго сохранились только обломки, былъ кругъ изъ электрона, отдѣланный и украшенный въ такомъ же вкусъ какъ діадима, найденная на головѣ женщины. Этотъ родъ повязки служилъ каймою конической шапки. На верхней части шапки находился другой кругъ, также изъ электрона, но гораздо меньшій въ діаметрѣ; судя по толщинѣ ткани, кажется, что эта шапка, вѣроятно родъ Скиѳской тѣары, и почти совершенно истлѣвшая, была сдѣлана изъ войлока. На шеѣ былъ надѣтъ большой раскрывавшійся обручъ, окрашенный по обѣимъ концамъ, въ видѣ фермуара, двумя фигурами Скиѳовъ, скачущихъ верхомъ: начиная съ того мѣста, онъ испещренъ голубымъ, зеленымъ и краснымъ цвѣтами; остальная часть заплетена въ видѣ веревки, и походила на ожерелья Галловъ въ саркафагѣ Амандолы и знаменитой Капитолійской статуи. Обѣ руки были покрыты запястьями различной формы и на разныхъ мѣстахъ. На правой рукѣ, выше локтя, находился золотой обручъ, въ вершокъ ширины, украшенный барельефомъ; ниже локтей, на обѣихъ рукахъ, бы-

ли два гладкіе круга изъ электрона. Тамъ, гдѣ рука соединяется съ кистью, находились другія не закрытыя запястья, къ концамъ которыхъ придѣланы фигуры сфинксовъ, держащихъ въ лапахъ толстую золотую нить, служившую къ стегиванію запястій, когда ихъ надввали. Все это изъ чистаго золота и отличается изяществомъ отделки.

Назъво отъ остова, внутри сундука, раздѣленнаго во всю длину надвое небольшою доскою, по ту сторону перегородки, лежали многіе изъ главныхъ принадлежностей убора Скиѣскаго военнаго вождя, именно, мечъ, длиною въ семнадцать вершковъ съ половиною, и шириною въ два вершка съ четвертью, сколько можно было измѣрить по причинѣ ржавчины, перезвшея его, съ рукою, обложенною золотыми листьями съ рѣзбою; плеть, которой кожа, почти превратившаяся въ прахъ, обвита была листомъ золота; небольшой щитъ изъ чистѣйшаго золота, украшенный головами и изображеніями животныхъ, прекрасной работы, толщиною въ серебряный рубль и вѣсомъ въ два фунта, выпнутый по формѣ руки, — оружіе, вѣроятно, свойственное этому народу; наконецъ футляръ для лука, деревянный съ накладкою изъ электрона: дерево сгнило, но покрывка сохранила форму предмета, и, между прочими выпуклыми украшеніями, на ней видны были голова мужчаны, безсомнѣнія, портретъ покойника съ именемъ его, написаннымъ по-Гречески, ΠΟΡΙΝΑΧΟ (с); выше, левъ, низлагающій козла; потомъ известная уже группа, олень, на котораго нападаютъ съ одной стороны левъ, съ другой грифъ, на верхней части футляра бегемотъ, или морской конь. Гг. Стенковскій и Дюбрѣ полагали, что этотъ «Поринахъ» былъ Скиѣскій государь, царствовавшій тамъ до поселенія Грековъ въ Пантикапеевъ, относя такимъ образомъ гробницу и найденныя въ ней вещи къ весьма глубокой древности. Г. Рауль-Рошетъ думаетъ, напротивъ, что Поринахъ находился только въ тѣсныхъ связяхъ съ Пантикапеей по гостепримству, торговлѣ и политикѣ, и жилъ во время цвѣтущаго состоянія Греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Восворѣ. Что касается до насъ, то мы уже обнаружили наше мнѣніе объ этомъ предметѣ самымъ объясненіемъ группы льва, оленя и грифа, которая находится на золотомъ запястьѣ жен-

щины и на футляръ для лука въ гробницѣ мужчины: намъ кажется очевиднымъ, что этотъ царь, несомнѣнный Скивъ, судя по фигурамъ, вырезаннымъ на украшенияхъ, и по самымъ характеристическимъ элементамъ его мавзолея, которые согласуются все съ обычаями Скивовъ, описанными Геродотомъ, — что этотъ царь былъ союзникомъ и защитникомъ Греческой колоніи. Быть-можетъ, онъ поставилъ ей свою дружину и содержалъ въ этомъ торговомъ городѣ Landvaegt, земле-защиту, какъ впоследствии князья Норманскіе въ Новгородѣ. Одно только это предположеніе въ состояніи объяснить причину, почему Поринахъ, царь чужаго народа, погребенъ въ Пантикапей.

Кромѣ меча, плети, щита и футляра, была здѣсь еще кненида изъ позолоченой бронзы, — другая кненида найдена за сундукомъ, у восточной стѣны, — и зеленоватый камень, твердый и округленный, на которомъ точили наступательное оружіе, съ рукою, отделанною золотомъ и украшенною выпуклыми изображеніями: тутъ снова встрѣчается гривъ, символическая птица Пантикапей.

Таковы были вещи, запертые въ погребальномъ сундукѣ вмѣстѣ съ остатками человека. За головою его, но внѣ сундука, стояли четыре небольшія статуи изъ электрона, посредственной работы, совершенно сходныя съ статуею, которую покойный Бларемберъ обнародовалъ, какъ изображеніе Скивскаго Геркулеса, и двѣ фигурки изъ того же вещества, но лучше сдѣланныя: онѣ составляютъ группу двухъ Скивовъ, обнимающихся съ чашею въ рукѣ. Наконецъ, со стороны ногъ, у сѣверной стѣны, тоже внѣ сундука, поставлены были три бронзовыя вазы, одна круглая, другія двѣ продолговатыя; послѣднія были наполнены овечьими костями. Небольшое блюдо или патера, также изъ бронзы, находилась на этой сторонѣ, подлѣ двери. Это цѣлый романъ Вальтера-Скотта!

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, которые, въ мнѣніи древнихъ, всегда имѣли важность, соразмѣрную съ болѣе или менѣе близкимъ расположеніемъ ихъ подлѣ покойника или на его тѣлѣ, на томъ мѣстѣ, которое занималъ трупъ, найдено еще множество другихъ вещицъ изъ золота и изъ электрона: онѣ вѣроятно были пришиты къ одждѣ или служили укра-

шеніемъ домашней утвари. Тутъ были розетки, или звѣзды, различной величины; маски (изображенія лица) женщинъ и боговъ, превосходнаго стиля; орнаменты, представляющіе пегасовъ, львовъ, зайцевъ и прочая; пуговицы съ эмалью; другія, гладкія; нѣкоторыя съ изображеніемъ головы или только маски. Всѣ эти вещи, сдѣланныя изъ весьма тонкихъ листовъ золота, были выбиты, а не вылиты. Полъ погребасотнями покрывали бронзовыя острія стрѣлъ, до такой степени твердыя, что ихъ не брала рашпиль: между ними находились желѣзные копыя и дротики, сильно поврежденные ржавчиною. Г. Дюбрò, замѣчаетъ, о большей части этихъ предметовъ, что, судя по достоинству работы, они должны принадлежать къ лучшему времени Греческаго искусства, следовательно къ самой блестящей эпохѣ Милетійской колоніи въ Пантикапееъ. Жаль, что не нашлось здѣсь Греческихъ медалей, которыя могли бы вести къ разрѣшенію вопроса о древности памятника и отечествѣ покойника.

«Пробывая черезъ рѣшето землю, которая покрывала остовы», говоритъ Г. Стемпковский въ собственноручномъ примѣчаніи, «нашли нѣсколько весьма мелкихъ кусковъ буковаго дерева, сильно поврежденныхъ, которыя, по-видимому, суть части какого-нибудь музыкальнаго орудія. Многіе изъ этихъ кусковъ были покрыты рисунками, сдѣланными грабитихомъ, удивительной работы. Между прочими изображеніями мы нашли на нихъ колесницы съ четырьмя конями; женщину, держащую въ рукѣ шлемъ; дитя, несущее большой сосудъ, изъ котораго оно даетъ пить лошади; сидящихъ женщинъ, и прочая. Многія изъ фигуръ вырезаны; одежда у нихъ Греческая.»

Каждая изъ этихъ подробностей есть черта, характеризующая геній древности въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея обрядовъ. То, что намъ остается сказать, не менѣе важно. На третій день изслѣдованій въ гробницѣ предстоило еще осмотрѣть пространство въ аршинъ ширины, вдоль восточной стороны, которое было завалено камнями обрушившейся стѣны и землею. Отлагая до слѣдующаго дня розыски, которыя требовали большихъ осторожностей, не позаботились поставить на ночь часовыхъ у погребас, и думали, что для отвращенія ночныхъ посѣтителей доволь-

но было завалить входъ въ памятникъ большими камнями. Но корыстолюбіе было сильнѣе страха умереть подъ развалинами: нѣсколько человекъ, пользуясь темнотою, пролезли въ погребъ, и во мракъ, подвергаясь ужасной опасности, трудились съ такимъ усердіемъ, что на другой день, когда изслѣдователи возвратились къ своему дѣлу, вся часть погреба, заваленная камнями и землею, была взрыта, и все вещи, какія только тамъ находились, были расхищены. По свидѣніямъ, собраннымъ впоследствии, количество этихъ вещей было огромно; онѣ состояли изъ фигуръ, выбитыхъ или тиснутыхъ, какъ то—головъ Аполлона, Медузиной маски, розетокъ, звездъ, пуговицъ большихъ, и малыхъ, изображеній животныхъ, и прочая. Онѣ, по всей вѣроятности украшали одежды, висѣвшія въ погребѣ на пяти большихъ бронзовыхъ гвоздяхъ, которые еще держались въ стѣнѣ. Посредствомъ величайшихъ стараній, успѣли наконецъ собрать довольно значительную часть этихъ вещей, но многія изъ нихъ перешли въ чужія руки, были проданы и разсѣяны: нѣтъ сомнѣнія, что предметы, которыхъ описаніе Г. Рауль-Рошетъ напечаталъ въ *Journal des Savans* 1839 года, какъ найденныхъ въ одной Пантвикапейской гробницѣ и купленныхъ имъ для Парижскаго музея, принадлежали къ числу древностей, похищенныхъ въ то время корыстолюбіемъ туземцевъ. Выбрасывая землю и даже ломая помостъ погреба, чтобы достать малѣйшія золотыя вещи, которыя могли тамъ находиться, эти люди, встрѣтивъ подъ поломъ близъ двери, направо, яму двухъ съ половиною аршинъ длины и одного аршина ширины: глубина была болѣе аршина. Яма эта была наполнена черною, весьма мелкою, землею, и на днѣ ея лежали кости человека, подлѣ которыхъ находились различныя вещи изъ золота и электрона. Большой открытый обручъ, для надѣванія на шею, съ красивыми по обоимъ концамъ львиными головами, разрисованными голубою и красною финифтью, и нѣсколько листовъ электрона, съ барельегами довольно хорошей работы, изображающими разныя группы, какъ на колчанѣ или футлярѣ для лука, составляли также часть этого клада, похищеннаго у науки. Человекъ погребенный на этомъ мѣстѣ, въ-

роятно былъ НИОХОЕ, оруженосецъ Скинскаго царя; который последовалъ за государемъ своимъ въ могилу, по обычаю этихъ народовъ, описанному Геродотомъ.

Можно пожалеть также, что и все найденное въ гробницѣ и спасенное отъ хищности обывателей, что вся эта богатая, гробовая поэма неизвѣстной эпохи и неизвѣстнаго народа хранится, вмѣстѣ съ другими драгоценными остатками древности, Тавриды и береговъ Чернаго Моря, въ музей города, столь мало ученаго, какъ Керчь, потому что и весь этотъ музей потерялъ для науки. Между тѣмъ онъ бы могъ сдѣлаться, съ своими любопытными памятниками, основаніемъ великодушнаго труда и привести изыскателя къ сближеніямъ высочайшей важности, еслибъ былъ перенесенъ въ какой-нибудь центръ прілежныхъ ученыхъ занятій. Да вдохнетъ начертанная здѣсь картина новаго умственнаго міра, который можно открыть въ обломкахъ протекшихъ образованностей, молодымъ читателямъ нашимъ желаніе приняться съ любовью за ученые языки древности, безъ которыхъ нѣтъ основательнаго знанія. Наше отечество, Петербургъ въ особенности, обладаетъ рѣдкими собраніями древностей всякаго рода, и не одинъ истинный гений могъ бы на нихъ упражнять свои способности и воздвигнуть для себя блестящую литературную славу. Но надобно учиться!

Перейдемъ къ открытію Г-на Тексіе. Оно переноситъ насъ совершенно къ другой образованности, вовсе незнакомой, въ которой нѣтъ ничего Эллинскаго, и которая, по видимому, восходитъ за пять или за шесть столѣтій до нашей эры. Тамъ была царская гробница; здѣсь царская свадьба.

Г. Тексіе путешествуетъ по Азіи на счетъ Французскаго правительства, въ качествѣ минералога и антикварія. Въ началѣ текущаго года онъ находился въ Константинополѣ, по возвращеніи изъ путешествія въ малую Азію. Посѣтивъ Ангору, онъ переправился чрезъ Галисъ, низинный Кызыль-Ирмакъ; потомъ повернулъ къ юго-востоку. Оставивъ за собою многія рѣки и долины, которыя не означены на картахъ, онъ остановился на пятый день въ деревнѣ Богазь-кой, гдѣ, по рассказамъ жителей, дол-

жесть были пайти камни съ изваяніями, остатки дворца Зизима, базары и крѣпость, окружавшіе жилище этого государя. Въ самомъ дѣлѣ, на высокой горѣ, которой вершина образуетъ обширную площадь, онъ увидѣлъ остатки города; заросшаго внутри мелкимъ дубовымъ лѣсомъ и обведеннаго до сихъ поръ стѣною циклопской работы, шириною въ семь аршинъ. Ворота, изъ которыхъ одни прежде образовали арку, украшены двумя львиными головами; подземныя три вышеграда, или акрополя, на высокихъ, отдѣльныхъ утесахъ, храмъ, построенный на террасѣ съ нѣсколькими уступами, дѣлаютъ это мѣсто однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ въ Малой Азіи. Можно предположить, по теперешнимъ картамъ нашимъ, что путешественникъ отыскалъ Соавдъ, древній городъ Каппадокіи, котораго положеніе не было въ точности извѣстно; городъ, уже находившійся въ упадкѣ во времена Страбона, и упомянутый имъ только мимоходомъ. Онъ вѣроятно процвѣталъ въ эпоху, предшествовавшую водворенію въ этихъ странахъ Грековъ, и потому здѣсь нѣтъ Еллинскаго зодчества и ваанія, которыя покрываютъ землю въ столь многихъ городахъ западной Азіи.

Впрочемъ, главнымъ предметомъ нашего вниманія должны быть не эти развалины. Въ небольшомъ разетолніи отъ города, въ оградѣ, образованной утесами и нивьющей входъ съ востока, камни, выдающіеся впередъ и правильно ограненныя руками человѣческими, представляютъ барельефы, какъ на террасахъ Персеполя, какъ въ Накши-Рустемъ и Бисутонъ: это непрерывный рядъ фигуръ, которыхъ величина измѣняется отъ полу-роста до колоссальныхъ размѣровъ. Каждая фигура была тщательно отдѣлана и красовалась блестящимъ глянцемъ, который видѣнь еще доселѣ въ закрытыхъ мѣстахъ.

Фигуры эти идутъ все въ одну сторону, ко входу въ ограду, которая называется окрестными жителями *Лылым-кал*, «Писанною скалою», и вся процесія сходится въ глубинѣ нѣкотораго рода залы, гдѣ являются взоромъ два главныя лица. Эти лица, кажется, дарятъ другъ друга. Одно изъ нихъ, представляющее царя, имѣетъ бороду; въ правой рукѣ оно держитъ палицу, лѣвою подаетъ цѣ-

токъ; оно ступаетъ на головы двухъ человекъ, которые гнутся отъ тяжести. На головѣ у него высокая митра конической формы; оно одѣто въ короткую туннику; у ногъ его виднѣнъ однорогій быкъ. За царемъ слѣдуетъ его дворъ и образуетъ позади длинное шествіе. Непосредственно езди царя, находятся два человека съ бородами и въ такихъ же митрахъ: первый несетъ въ правой рукѣ палицу, опущенную на плечо; лѣвая рука, вытянутая впередъ, поддерживаетъ длинный мечъ. Второй безъ оружія. Обѣ эти фигуры идутъ по крутымъ утесамъ.

Коммиссія, отдававшая Академіи Надписей отчетъ о доставленіи и рисункахъ Г. Тексіе, полагала, что изъ шести фигуръ, составляющихъ слѣдующій барельефъ, двѣ изображаютъ жриць: первая держитъ серпъ, вторая какое-то орудіе, быть-можетъ, зеркало. Двѣ другія фигуры имѣютъ крылья; наконецъ та, которая идетъ позади всѣхъ, несетъ въ рукахъ цвѣтокъ и жезлъ съ согнутымъ концемъ, нѣсколько похожій на *Lituis* Римскихъ авгуровъ; шаръ или кругъ, находящійся на шлемѣ его, украшенъ двумя крыльями: слѣдственно, здѣсь снова встрѣчается религиозный сѣльванъ, украшающій всѣ памятники Египта и нѣкоторыхъ народовъ древней Азіи. Такъ какъ одежда послѣдней фигуры отличается отъ прочихъ, то Г. Тексіе думаетъ, что это другой царь, который идетъ въ свитѣ перваго; но, можетъ-быть, это первосвященникъ, которому предшествуютъ жрецы туземнаго богослуженія.

Всѣ тридцать пять человекъ, которые, на трехъ послѣднихъ барельефахъ съ лѣвой стороны, заключаютъ это длинное торжественное шествіе, и которыхъ Г. Тексіе называетъ «копьеносцами, полководцами и воинами», одѣты въ легкія тунники, доходящія имъ до колѣнъ. Многіе несутъ палицы, косы, большія выгнутыя сабли и еще предметы, которые кажутся цвѣтами или вѣтвями; но нѣкоторыя такого размѣра, что походятъ на убранные пучки розогъ, и напоминаютъ знамена Римскихъ легіоновъ. Послѣднія тринадцать фигуръ, которыя Г. Тексіе называетъ воинами, и которыя, въ самомъ дѣлѣ, кажутся войскомъ или народомъ, одѣты однообразно, имѣютъ на головахъ коническія шапки, стоятъ всѣ въ положеніи стрѣляющаго изъ лука: впро-

чемъ у нихъ нѣтъ оружія. Обувь ихъ очень выгнута. На всемъ памятникѣ только двѣ фигуры смотрять лицомъ прямо, — тѣ, которыя находятся въ «шествѣи копье-носцевъ»; онѣ стоятъ на подмосткахъ, и несутъ родъ лодки, быть-можетъ, большой тазъ, наполненный очистительной водою, «мѣдное море». Положеніе фигуръ на пьедесталѣ, ихъ осанка, ихъ поднятыя выше головы уши, ихъ почти чудовищные члены, показываютъ, что это религиозный обрядъ или символическая сцена, и когда вспомнить, что здѣсь было царство Мидаса, Греческая басня объ ослиныхъ ушахъ этого государя-меломана, надъ которою столько шутили, можетъ еще превратиться для насъ въ достойную объясненія загадку. Она, какъ въ древнія басни, конечно имѣла основаніе въ какомъ-нибудь фактѣ мѣстной вѣры или обычаяхъ страны, непонятномъ и перетолкованномъ легкомысленностью Грековъ.

Возвратимся въ глубину ограды, гдѣ находится царь, идущій впереди этой многочисленной свиты. Фигура, которая стоитъ противъ него, имѣетъ всѣ признаки женщины. Длинное платье съ широкими рукавами подвязано подъ шею; станъ сжатъ поясомъ; волосы длинные и висящіе, и головной уборъ состоитъ изъ зубчатой митры, которую мы иногда встрѣчаемъ на статуяхъ Цибеллы. Царица эта стоитъ на львѣ, и имѣетъ при себѣ, такъ же какъ царь, однорогое животное; позади ея видна, кажется, эмблема: это — изображеніе мужчины, которому художникъ далъ забавное выраженіе.

За царицею слѣдуетъ другое лице, посланникъ или переводчикъ, который, по одеждѣ своей, очевидно принадлежитъ къ другому народу. Вооруженный секирою и кинжаломъ, онъ также выступаетъ на спинѣ льва. Сзади его являются двѣ женщины, которыя подаютъ цвѣты: онѣ ниже царицы ростомъ, но одѣты совершенно одинаково; ихъ несетъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями. Шествѣи съ этой стороны заключаютъ тринадцать лицъ того же пола и въ такомъ же нарядѣ; число ихъ равно числу вонновъ, которыхъ мы видали на противоположной сторонѣ.

Есть еще четыре барельефа, которые, как кажется, не принадлежать непосредственно къ главной сценѣ, хотя важнѣе, очевидно, относится къ той же эпохѣ. Направо, при входѣ въ ограду, за тринадцатую женщиною, которая составляетъ свиту царицы, стоитъ фигура колоссальной величины: защищенная отъ непогодъ выдавшеюся скалою, она до сихъ поръ сохранила свѣжесть своего глянца. Ноги ея опираются на двѣ вершины горы; одежда совершенно такая же какъ у первосвященника, который идетъ за царемъ. Она держитъ тоже въ одной рукѣ согнутый скипетръ, а въ другой несетъ родъ маленькаго храма (*aediculum*) съ крылатымъ шаромъ сверху, который въ подробностяхъ своихъ немного схожъ съ страннымъ украшеніемъ, помѣщеннымъ на головѣ великаго генія-хранителя, изваянной въ долинѣ Муръгъ-абъ, въ Персіи. Нельзя рѣшить, кого здѣсь хотѣли изобразить, царя или бога, котораго такимъ же образомъ одѣтый первосвященникъ есть представитель. Три другія фигуры, росту болѣе естественнаго, находится также направо, но внѣ главной ограды: это, безъ сомнѣнія, божества, напоминающія своимъ чудовищнымъ сложеніемъ и смѣшеніемъ формъ кумировъ внутренней Азіи и Индіи. Первая изъ нихъ — человекъ съ львиною головою и поднятыми вверхъ руками: въ одной рукѣ онъ держитъ шаръ. Далѣе, существо съ головою человека, въ украшенной, полосатой митрѣ; вмѣсто рукъ у него двѣ переднія части льва, вмѣсто ногъ, морскія чудовища, которыхъ головы нынче скрыты возвышеніемъ почвы. Земля покрываетъ и нижнюю часть третьяго божества, которое Г. Тексіе почитаетъ Минлитою, Ассирійскою Венерою. Львою рукою она прижимаетъ къ груди своей младенца; въ правой держитъ эмблему, похожую на ту, которая видна позади царицы на главной картинѣ. Въ полѣ стоитъ маленькій храмъ (*aediculum*), отличающійся только немногими подробностями отъ того, который держитъ колоссальная фигура, изображенная позади царицыной свиты.

Ничто изъ того, что намъ извѣстно по Исторіи, не доставитъ возможности примѣнить какое-либо имя къ фигурѣ, изваяннымъ на этомъ чудномъ памятникѣ, который выполненъ, очевидно, въ эпоху предшествовавшую введе-

нію сюда Греческаго искусства. Многія подробности, положеніе, разстановка, даже одежда нѣкоторыхъ лицъ, напоминаютъ памятники Египта; но съ другой стороны, цѣты, которые держитъ большаю часть фигуръ, походятъ на лотосъ, приввеченный на барельефахъ Чегель-минара (Персеполиса) въ рукахъ цари и нѣрѣдко въ рукахъ фигуръ, составляющихъ его свиту. Здѣсь, такъ же какъ въ барельефахъ Персеполиса, глазъ поставленъ прямо на лицахъ, нарисованныхъ въ-профиль. Наконецъ, не говоря о другихъ подобіяхъ, два человека, поднимающіе колоссальную фигуру царя, довольно похожи на многочисленныхъ воиновъ, держащихъ въ памятникѣ Накши-Рустемскомъ архитравъ, на которомъ монархъ стоитъ прямо. Но тѣмъ неменѣе, различіе между барельефами Богазь-Кіюя и древней Персіи весьма велико. Последніе сдѣланы съ большимъ искусствомъ и примѣчательною правильностію; въ широкихъ платьяхъ Мидянъ, въ тщательно завитыхъ волосахъ фигуръ и въ многочисленныхъ принадлежностяхъ, они представляютъ подробности, отличающіяся такою отдылкою и такою кистью рѣзца, какихъ мы напрасно искали бы въ тѣхъ, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло. Они отличны и одеждою фигуръ и стилемъ; на нихъ почти всегда множество гвоздеобразныхъ или другихъ письменъ, между-тѣмъ какъ здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго слѣда надписей. Въ памятникахъ, сооруженныхъ Даріемъ и его преемниками до Александра, вовсе не видно женщинъ; царица, которая, въ оградѣ Язылы-кая, безъ покрывала и съ скипетромъ въ рукѣ выступаетъ на спинѣ льва въ сопровожденіи многочисленной свиты, составленной изъ особъ ея пола, также съ открытыми лицами, по-видимому, принадлежатъ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда на берегахъ Евфрата воинственные предводительницы, какъ гласитъ преданіе, основывали или распространяли государства, и когда, вѣроятно, нравы Азіятскихъ народовъ еще не были тѣмъ, чѣмъ они сдѣлались послѣ Кира, и въ особенности послѣ введенія магометанской религіи.

Эмблема плодородія, узнанная комиссіею Академіи Надписей, какъ нельзя лучше, въ эмблемахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и помѣщенная подлѣ лицъ, которыя предсѣдательствуютъ на этомъ великолѣпномъ праздникѣ гра-

нитных исполиновъ, объясняетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ представленную здѣсь сцену: это свадьба Фригійскій монархъ хотѣлъ, кажется, увѣковѣчить сочетаніе свое съ дочерью могущественнаго царя Мидянь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошла встрѣча молодыхъ супруговъ, потому что здѣсь или весьма близко отсюда была граница, разделявшая оба государства. И такъ, это не болѣе и не менѣе какъ памятникъ династїи Гордіевъ, которые царствовали здѣсь между 740 и 570 годами до нашей эры. Безполезно было бы даже искать имя государя, который празднуетъ свадьбу свою на этихъ скалахъ: онъ или Гордій, или Мидасъ, по тому что всѣ государи ихъ фамиліи носили, не то, такъ другое, изъ этихъ двухъ именъ. Намъ не известна также исторія древнѣйшихъ Мидійскихъ монарховъ, какъ напримѣръ, Деіока, Фраорта, Кіаксара, и мы не можемъ знать, выдалъ ли который изъ нихъ дочь свою за царя Фригійскаго. Впрочемъ, этотъ дивный памятникъ, по всѣмъ соображеніямъ принадлежащій VII столѣтію до Рождества Христова, этотъ гигантскій трудъ, совершенный, когда еще Греческая образованность не заходила въ ту сторону, есть открытіе, которое само по себѣ служить уже свѣтильникомъ во мракъ эпохи безъ исторїи, освѣщая величіе народовъ едва известныхъ по именамъ, и обнаруживая намъ туземное Искусство, изъ произведеній котораго могутъ возникнуть откровенія, драгоценныя для исторїи человечества.

=

БАЛЬСАМИРОВАНИЕ

У ДРЕВНИХЪ ЕГИПТАНЪ И ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

=

Въ последнее время журналы и газеты въ Европѣ такъ часто говорятъ объ опытахъ дѣланія новыхъ мумій, что обзорнiе этого искусства должно быть занимательно для каждаго читателя, который можетъ, — отъ чего Боже упаси, — когда-нибудь умереть. Тѣло человека, какъ и всякое другое органическое тѣло, по смерти подвергается гниенiю. Обстоятельства, способствующія гниенiю, суть доступъ воздуха, умеренная теплота, влажность, предшествовавшія болѣзни, нѣкоторые яды, и такъ далѣе. Обстоятельства, препятствующія гниенiю, и средства, замедляющія его, суть значительный холодъ, сухой воздухъ, высокая степень сухой теплоты, винный спиртъ, хлоръ, дегтярная вода, дымъ, древесная кислота, креосотъ, мышьякъ, сулема, уголь, разнаго рода составы, которые плотно пристають къ поверхности тѣлъ, увеличиваютъ гладкость и доску, и прочая. Мѣстныя отношенiя той почвы, или того пространства, въ которомъ мертвое тѣло заключено, имѣютъ большое влiянiе на его сохраненiе. Эти условiя дѣйствуютъ тѣмъ, — отвращая влажность, препятствуя доступу воздуха, и особенымъ образомъ.

Желанiе сберечь тѣла умершихъ заставило древнихъ Египтянъ обратить вниманiе на эти условiя. Такимъ образомъ родилось искусство бальсамирванiя, *rollinctura*, или *conditura*, *balsamatio cadaverum*, которое есть не что иное какъ приготовленiе мертвыхъ тѣлъ, человека и животныхъ, съ тѣмъ, чтобы сохранить ихъ отъ гнилости. Произведенiя этого древняго искусства получили, въ XIII столѣтiи, названiе мумiй.

Слѣды бальсамирванiя встрѣчаемъ у Скиновъ, Эѳиоповъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Эѳиопскiй способъ бальсамирванiя разсказанъ Геродотомъ: «Высушивъ трупъ, такъ ли какъ дѣлаютъ Египтяне, или какъ иначе, и обмазать весь гипсомъ,

«украшаютъ живописью, стараясь, чтобы, какъ можно, былъ «онъ сходнѣе съ живымъ. Потомъ ставятъ его въ пустую «колонну, сдѣланную изъ стекла», и такъ далѣе*. Сквозь бальсмировали тѣла своихъ царей такимъ образомъ: «Тѣло «наващиваютъ, разрѣзываютъ брюхо, вычищаютъ его, наполняютъ изрубленнымъ ситовникомъ, благовоніями, съ «мѣнемъ петрушечнымъ и анисовымъ, потомъ зашиваютъ,» и прочая **. Но все это не Египетское бальсмированіе.

Искусство, представляемое намъ древними Египетскими муміями, есть собственность однихъ Египтянъ. Все доказываетъ, что другимъ народамъ не былъ извѣстенъ Египетскій способъ бальсмированія. Муміи, находимыя въ Мексикѣ и на островахъ Атлантическаго Океана, засушенные тѣла, встрѣчаемыя въ подземельяхъ, или катакомбахъ, странъ, прилежащихъ къ Средиземному Морю, совершенно новы и какъ бы вчерашнія въ сравненіи съ древностью Египетскихъ мумій.

Во времена Фараоновъ искусство бальсмированія было въ полномъ совершенствѣ; но потомъ, начавъ мало-по-малу упадать, пришло въ забвеніе, и наконецъ вовсе потерялось. Причину этой потери трудно опредѣлить. Нѣтъ сомнѣнія, что это искусство, предоставленное особенному классу людей, было ими сохраняемо въ глубочайшей тайнѣ, и отъ однихъ къ другимъ переходило черезъ преданія. Незнаніе ли надлежащихъ правилъ, или небрежное ихъ исполненіе бальсмировщиками, равнодушіе ли, постепенно происшедшее, самого народа къ этому предмету, или всѣ три причины вмѣстѣ, служили поводомъ къ такому упадку, — оставленъ нерѣшеннымъ.

Трудно также опредѣлить, въ какое именно время прекратилось бальсмированіе въ Египтѣ. Графъ Келюсъ (Caylus) относитъ это ко времени владычества Римлянъ надъ Египтомъ: слѣдовательно, около временъ Діодора Сицилійскаго оно уже тамъ не существовало; однако жъ по свидѣтельству

* См. «Исторію Иродота», переводъ съ Греческаго, Мартыновымъ, III, 24.

** Исторія Иродота, IV, 71.

Блаженнаго Августина еще и въ его время, въ первой половинѣ V столѣтія, въ Египтъ бальсамировали *.

Наши свѣдѣнія о Египетскомъ бальсамированіи заимствуются частію изъ изслѣдованія самыхъ мумій, частію изъ историческихъ преданій. Я намѣренъ изложить здѣсь одни историческія извѣстія, для которыхъ есть два главные источника, Геродотъ, древній, жившій слишкомъ за четыреста лѣтъ до Р. Х., и Діодоръ Сицилійскій, современникъ Юлія Цезаря и Августа. Только слегка и весьма кратко упоминаютъ о муміяхъ Страбонъ и нѣкоторые другіе древніе писатели. Геродотъ и Діодоръ оба были въ Египтъ; но повѣствованія ихъ о приготовленіи Египтянами мумій не во всемъ сходны съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ мы теперь находимъ муміи. Нѣкоторые полагаютъ, какъ Blumenbachъ, Grenville и другіе, что оба эти историка не были при бальсамированіяхъ и сами ни одной муміи не изслѣдовали, а рассказываютъ только слышанное отъ другихъ.

Выписываемъ весь рассказъ Геродотовъ, следуя переводу Г. Мартынова ** «Для бальсамированія мертвыхъ есть у нихъ (у Египтянъ) особливые художники. Когда приносятъ къ нимъ тѣло, они показываютъ деревянные образцы труповъ, раскрашенные живописью, и образцемъ превосходнѣйшей работы почитаютъ тотъ, котораго имя здѣсь сказать почитаю непозволительнымъ; потомъ показываютъ образецъ низшей работы, который дешевле перваго; наконецъ, самый дешевый, и спрашиваютъ, по какому образцу желательно принесимъ трупъ, чтобы онъ былъ приготовленъ. Договорясь въ цѣнѣ, принесшіе трупъ уходятъ, а художники приступаютъ къ дѣлу. Я опишу прежде способъ превосходнѣйшаго бальсамированія. Сперва искривленнымъ желѣзомъ сквозь поздри вынимаютъ мозгъ, который совершенно истребляютъ изъ головы частію такимъ способомъ, частію вливаніемъ врачебныхъ составовъ. Потомъ острымъ Эѳіопскимъ камнемъ разрѣзываютъ брюхо противу кишекъ, и всю внутренность изъ него вынимаютъ. Очистивши брюхо, вымыва-

* Сравни Blumenbach's Ueber Aegyptische Mumien, S. 123 — 129.

** Книга II, 86.

«коть его палмовымъ виномъ, и вытирають дстертыми
 «ароматами. Послѣ того, наполнивъ брюхо истертого чи-
 «ствѣншею миррою, кассією и другими благовоніями, кро-
 «мѣ ладана, опять его зашивають. Сдѣлавъ это, кладуть
 «тѣло въ селитру, въ которой лежитъ оно семьдесятъ дней;
 «долге держать его въ ней не позволяется. По прошествіи
 «семидесяти дней, тѣло омываютъ и обвивають нарезанны-
 «ми изъ тонкой пелены перевязками, обмаканными въ ка-
 «медь, которую большею частію употребляютъ Египтяне
 «вмѣсто клею. Тогда родственники получаютъ тѣло обрат-
 «но, дѣлають деревянный ящикъ человеческой фигуры,
 «вкладывають въ него покойника, и, заперши ключемъ,
 «оставляютъ его въ погребальномъ покоѣ, поставивъ у
 «ствны стоймя. Такимъ образомъ приготавливають трупы
 «по самой дорогой цѣнѣ. Желаящимъ имѣть трупы по-
 «проще, для избѣжанія большихъ издержекъ, они приго-
 «товляютъ слѣдующимъ образомъ: наполняютъ посред-
 «ствомъ клистировъ животъ покойника кедровымъ масломъ
 «черезъ задній проходъ, не вскрывая тѣла и не вынимая
 «внутренности; только стараются, чтобъ вливаемая въ брю-
 «хо жидкость не выливалась назадъ, и кладуть тѣло на
 «опредѣленное число дней въ селитру. Въ послѣдній день
 «кедровое масло выпускають изъ брюха, и оно имѣетъ
 «такую силу, что вытягиваетъ съ собою всѣ кишки и
 «внутренность истлѣвшими. Между тѣмъ мясо съядается
 «селитрою, такъ, что отъ покойника остается одна только
 «кожа и кости. Послѣ того отдають тѣло въ такомъ со-
 «стояніи тѣмъ, отъ кого получили, ничего больше не дѣ-
 «лая. Третій способъ, которымъ бальсмируются тѣла для
 «людей недостаточнаго состоянія, состоитъ въ слѣдую-
 «щемъ: вымывъ обыкновенною чистительною жидкостью
 «брюхо, семьдесятъ дней держать тѣло въ селитрѣ, по-
 «томъ отдають тому, отъ кого получили.»

То же, но съ некоторыми измѣненіями, находимъ у
 Діодора * онъ упоминаетъ объ одномъ способѣ бальсми-
 рованія, который имѣлъ цѣлю сохранить всѣ черты по-
 койника. Брюшной разръзъ производилъ прозекторъ, рана

* Sprengel's Geschichte der Medicin, I, 97—98.

chistes, немедленно за тѣмъ убѣгавшій, потому что около столпціе видѣли въ немъ существо ненавистное и бросали въ него камнями. Первый способъ бальсамированія стоиалъ, по Діодору, талантъ серебра (5400 Французскихъ ливровъ, или 1200 Саксонскихъ талеровъ), а второй двадцать мнѣй (около 1800 Французскихъ ливровъ) *.

Геродотъ и Діодоръ, повѣствуя о Египетскомъ бальсамированіи, говорятъ, что тамошніе бальсамировщики употребляли вещество, «добываемое изъ кедр», τὸ ἀπὸ τῆς κέδρου ἄλειψας, которое Геродотъ называетъ также κεδρίη, кедровое—масло въ переводѣ Г. Мартынова. По словамъ Геродота, оно имѣетъ силу выводить съ собою кишки и внутренности истлѣвшими. Берресъ ** ясно показываетъ, что κεδρίη Геродота есть не что иное какъ древесная кислота, acidum rugolignosum; сверхъ другихъ доказательствъ, онъ ссылается на одно мѣсто у Плинія, *** гдѣ этотъ знаменитый писатель излагаетъ то, что теперь называютъ обугливаніемъ дерева. «Въ Европѣ, говоритъ Плиній, добываютъ деготь изъ боровой сосны (teda, pinus sylvestris) въ печаль, «которыя снаружи со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ. «Сначала отдѣляется вещество водянистое; въ Сириіи называютъ его sedgium; оно такъ сильно, что въ Египтѣ «употребляется для сохраненія человѣческихъ труповъ.»

Рейхенбахъ **** показалъ, что древесная кислота, деготь и дымъ содержатъ въ себѣ особенное вещество, имѣющее въ высшей степени свойство предохранять другія тѣла отъ гнилости. Это вещество, столь же древнее какъ и огонь, названо «креосотомъ»; въ немъ, по Рейхенбаху, надобно искать причину сохраненія Египетскихъ мумій.

Геродотъ, говоря о превосходнѣйшемъ способѣ бальсамированія, считаетъ непозволительнымъ назвать имя дере-

* См. Крейцера Commentat. Herodoteæ, I, 9.

** Ueber die Holzsäure und ihren Werth, 1823, стр. 74 и слѣд.

*** Historiar. Mundi lib. XVI, II.

**** Reichenbach's Das Kreosot, ein neu entdeckter Bestandtheil des gemeinen Rauches, des Holzessigs, etc., 1833.

ваднаго образа этой работы: полагають, что это имя от-
носилось къ тѣлу Озириса, Египетскаго божества*.

Мы уже замѣтили, что повѣствованіе Діодорова не со-
всѣмъ сходно съ Геродотовымъ. Діодоръ не говоритъ о вы-
веденіи мозга сквозь ноздри. Бальсмирование у Геродота,
происходитъ безъ постороннихъ свидѣтелей, напротивъ,
по Діодору, оно совершается съ торжественными обря-
дами и всенародно; присемъ околостоящіе бросаютъ кам-
нями въ прозектора; ученый Цега (Zoega) старался согла-
сить это разнорѣчіе**.

Выше сказано, что желаніе сберечь тѣла умершихъ, за-
ставило Египтянъ прибѣгнуть къ бальсмированію; но ос-
новная причина этого желанія заключалась въ преданіяхъ
вѣры. Египтяне, по словамъ Геродота***, первые ввели
ученіе, что душа человѣческая безсмертна. Душа останется
при тѣлѣ, пока оно цѣло; по разрушеніи тѣла она перехо-
дитъ въ другое животное. Совершивъ странствіе черезъ
всѣхъ земныхъ, морскихъ и воздушныхъ животныхъ, душа
опять входитъ въ человѣческое тѣло, которое на тотъ разъ
родится; этотъ переходъ совершается въ три тысячи лѣтъ.
Каждый Египтянинъ желалъ избавить душу свою отъ этого
тягостнаго странствованія: каждый, слѣдовательно, хотѣлъ,
что бы тѣло его по смерти осталось какъ можно долге со-
храненнымъ. По-этому, вѣроятно, что обычай бальсмирова-
нія, во времена Фараоновъ, принятъ былъ всеми сословіями
Египетскаго народа. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ три
способа бальсмированія, описанные Геродотомъ. Изъ тѣхъ
же преданій вѣры происходитъ обычай бальсмировать жи-
вотныхъ: кошекъ, крокодиловъ, а особенно вбиса.

Бальсмирование не могло имѣть вліянія на распростра-
неніе анатомическихъ свѣдѣній между Египтянами. Народъ
имѣлъ отвращеніе къ вскрытію труповъ; мы видали, какъ
онъ преслѣдовалъ трупоразѣателя, *paraschistes*; сверхъ-того,
самые приемы производившихъ брюшный разрѣзъ были

* Herodot's Geschichte, übersetzt von Dr. A. Schöl, II, 86, примѣ-
чаніе.

** См. Commentationes Herodotæ, I, 26.

*** Исторія Геродота, II, 123.

весьма грубы и не могли вести къ важнымъ анатомическимъ результатамъ.

Въ наше время бальсмирование предпринимается рѣдко. Оно принадлежитъ къ роскоши погребенія и производится надъ трупами людей знатныхъ и богатыхъ. Не взирая на усовершенствованіе Химіи, наше бальсмирование не станеть на ряду съ Египетскимъ, и сходствуетъ съ нимъ по одному имени. Въ прежнихъ способахъ бальсмированія, изъ которыхъ нѣмѣ весьма сложны^{*}, главное мѣсто занимали ароматныя и смолистыя вещества. Новѣйшіе, слѣдуя за успѣхами Химіи, обратили вниманіе на сулему, древесную кислоту и нѣкоторыя другія средства.

Для бальсмированія избирается мѣсто прохладное, свѣтлое и защищенное отъ нашествій. Если нѣтъ препятствій, то лучше приступать къ бальсмированію спустя двадцать четыре часа по смерти. Коппъ^{**} предложилъ слѣдующій способъ. Мозгъ, грудныя и брюшныя внутренности, вынутыя изъ своихъ полостей, хранятся въ сосудѣ, наполненномъ спиртовою жидкостью, въ составъ которой вводитъ значительное количество сулемы. Сердце кладется въ отдельный сосудъ съ виннымъ спиртомъ. Въ мягкія части спины, плеченицы, груди и конечностей трупа дѣлаются глубокіе надрѣзы въ длину. Три полости тѣла, равно и надрѣзы, предварительно вытерты на-сухо, вымываются крѣпкимъ растворомъ сулемы въ винномъ спиртѣ; нѣсколько этой жидкости вливаютъ въ полость рта. За этимъ кладутъ трупу въ сухую, узкую, но довольно глубокую ванну и поливаютъ его крѣпкимъ водянистымъ растворомъ сулемы (16 унцій сулемы, 16 гражданскихъ фунтовъ перегнанной воды, 1 фунтъ виннаго спирту, полторы унціи нашатырю и столько же Кельнской воды); трупу часто переворачиваютъ, и по прошествіи сорока восьми часовъ вынимаютъ изъ ванны. Полости тѣла и надрѣзы, вытерши ихъ полотенцами, вымываютъ древесною кислотой; часть кислоты вливаютъ въ ротъ. На это потребно 4 фунта дре-

^{*} Rüst's Theoretisch-practisches Handbuch der Chirurgie in alphabetischer Ordnung, VI. Bd. *Einbalsamiren*. — Dictionaire des Sciences médicales, art. *Embaumement*.

^{**} Denkwürdigkeiten in der ärztl. Praxis, I, 324.

весной кислоты. Сдвѣвъ это, втирають, въ сказанный мѣста порошокъ изъ селитры и камфоры; покрываютъ ихъ Перуанскимъ бальзамомъ, и наполняютъ ароматными и смоллистыми веществами. Потомъ, сближаютъ твердыя части полостей тѣла между собою, мягкія соединяють посредствомъ шва, а надрезы обтягиваютъ узкими холщевыми лентами съ пуговкой. Напоследокъ, на другомъ, чистомъ столѣ, вытирають трупъ виннымъ спиртомъ и обвиваютъ его снизу вверхъ повязками. Если время позволяетъ, то, до начатія бальсмированія, можно впрыскивать въ боковыя жилы лица и рукъ киноваръ, расгертую съ эфирными маслами: черезъ это, лице и руки получаютъ полноту и обыкновенный видъ. Можно вставить искусственные глаза изъ эмали; лице и руки покрыть прозрачнымъ лакомъ.

Особенный, новѣйшій способъ бальсмированія употребляетъ профессоръ Тракина (Trachina) въ Палермо. По его наставленію бальсмировали человѣческой трупъ въ тамошнемъ анатомическомъ театрѣ. Это было въ началѣ марта 1834 года. Того же года, 14 мая, осматривали этотъ трупъ при большомъ стеченіи зрителей: въ немъ не замѣтили ни какихъ признаковъ разрушенія; тѣло удержало свой обыкновенный цвѣтъ и гибкость; внутренности были сохранены.

Докторъ Медицины **ИВАНЪ СПАССКІЙ.**

=

ВОСПОМИНАНИЕ

О СРАЖЕНИИ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ*.

=

Два минутихъ лѣтъ.....

ОСТАТЬ.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти связано съ памяти современниковъ бурей Бородинской битвы, и потому многіе даютъ преимущество послѣдней битвѣ передъ первою. Дѣйствительно, предметъ спора подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, болѣе хватался за Русское сердце, чѣмъ подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ — «быть или не быть» Россіи? Это сраженіе — наше собственное, наше родное сраженіе. Въ эту священную потерю мы были вкладчиками всего нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ, — всей нашей прошедшей славы, всей настоящей народной чести, народной гордости, величія имени Русскаго, всего нашего будущаго предназначенія. Предметъ спора подъ Эйлау представлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, онъ былъ кровавымъ предисловіемъ страшной исторіи вторженія Наполеонова въ Россію: но кто тогда это видѣлъ? Нѣсколько избранныхъ природою, одаренныхъ проникательностію болѣе другихъ: большей части изъ насъ онъ казался усиліемъ, не касающимся существенныхъ пользъ Россіи, простымъ соперничествомъ въ щегольствѣ военною славою двухъ сражавшихся арій, большимъ и окончательнымъ залогомъ въ томъ — чья возьметъ, понтировкой на удастьство въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, и понтировкой съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ кошелькомъ въ карманъ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и «на пулю въ лобъ» при проигрышѣ, какъ то было подъ Бородинымъ.

* Изъ военныхъ записокъ автора.

Не оспаривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать Бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ передъ нею Эйлауской, относительно кровопролитія, потому что первая, превышая послѣднюю восьмидесятью тысячами чело-вѣкъ и слишкомъ шестью стами жерлами артиллеріи, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Причиною этому родъ оружія, который употребленъ былъ подѣ Эйлау болѣе всякаго другаго. Въ Бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, въ Эйлаускомъ, рукопашное: штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и унытывались въ ней досыта. Ни въ какомъ сраженіи не видано подобныя свалокъ пѣхоты и конницы между собою, и эти свалки не мѣшали содѣйствовать себѣ ружейной и пушечной грозѣ, которая гремѣла съ обѣихъ сторонъ и была достаточна для заглушенія въ самой чуткой душѣ увлекательныхъ призывовъ славы.

Мнѣ было тогда едва за двадцать лѣтъ отроду. Я кипѣлъ жизнію, — слѣдственно и любовію къ случайностямъ. Къ тому жъ, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ, и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ и непреклонною волею итти боевою стезей, и душой неугомонною, страстною ко всякаго рода отвагѣ, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, неразъ въ этомъ двухъ-суточномъ бѣзъ проклятая Тибуллова элегія о блаженствѣ домохда приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, какіе потоки гибели рыли по всемъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, какія облака гранатъ лопались надъ моею головою и подѣ ногами. То былъ широкій ураганъ смерти, ломавшій все въ дребезги, стиравшій съ лица земли всё, что ни поддавало подѣ его сокрушительное дыханіе, которое продолжалось отъ полудня 26 января, 1807, до одиннадцати часовъ вечера 27 числа, и пресвѣклось только штилемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два взрыва.

Таково было дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія въ Эйлаускомъ сраженіи. Но и здѣсь, какъ во всехъ сраженіяхъ,

оно производило болѣе шума чѣмъ гибели, болѣе потрясало нервную систему и воображеніе человека, чѣмъ достигало цѣли всякаго оружія, — вѣрнѣйшаго истребленія противниковъ. Въ этомъ отношеніи огнестрѣльные дѣйствія далеко уступаютъ рукопашнымъ схваткамъ, гдѣ удары не расточаются даромъ, а падаютъ на предметы, находящіеся подъ самымъ желѣзомъ, и не требующіе прицѣловъ издали, отъ которыхъ происходятъ удары невѣрные, гадательные, вредящіе болѣе количествомъ нежели частнымъ своимъ достоинствомъ.

Чтобы вполне обнять положеніе обѣихъ армій, сражавшихся въ этой знаменитой битвѣ, надо взять свѣше.

Обозрѣвая театръ войны того времени, мы видимъ, что онъ граничилъ къ сѣверу съ Фришъ-гафомъ и Куришъ-гафомъ, то есть, съ частію Балтійскаго Моря; къ югу съ Австрійскою Галиціею, землею тогда неутраальною*; къ западу съ Вислою, а къ востоку съ Нѣманомъ, границею Россіи, что составляло около трехсотъ верстъ длиннику и до двухсотъ верстъ поперечнику. На этомъ тѣсномъ пространствѣ та и другая армія необходимо должна была избѣгать смежности и съ Галиціею и съ моремъ, чтобы не быть опрокинутой или въ море или въ предѣлы неутраальнаго государства своею противницей. Это уваженіе заставило генерала Беннигсена оставить Пултускъ и перенести дѣйствіе въ Старую Пруссію. Малѣйшая медленность въ этомъ случаѣ угрожала намъ неотразимымъ бѣдствіемъ, потому что главныя силы Французовъ находились тогда не противъ Пултуска, а въ направленіи отъ Цѣханова къ Макову. Чрезвычайная ростопись воспретила Наполеону достигъ избранной цѣли, и способствовала намъ совершить перемѣщеніе наше чрезъ Остроленку, Тикоцинь, Щучинъ, Бялу и Рейнь.

На этомъ окружномъ маршѣ, главнокомандующій нашъ, генералъ Беннигсенъ, оставивъ корпусъ Эссена 1 въ Вы-

* Часть Австрійской Галиціи, граничившая съ театромъ военныхъ дѣйствій, шла тогда отъ Мнишева по правому берегу Вислы почти до Праги; потомъ склонялась вправо къ Сирочку, и продолжала идти по лѣвому берегу Буга, мимо Брокъ, Бреста и далѣе до Хотина.

сокомъ Мазовецкѣ, а дивизию Седморатскаго въ Ганнондзѣ, Юганнисбургѣ и Николайкингѣ, для связи Эссена съ главными силами арміи, двинулся съ нею къ Бартенштейну.

Въ то время расположеніе Французской арміи было следующее :

Гвардія, 12,000, въ Варшавѣ.

Корпусъ Ланна, 23,000, между Брокими и Остреленкою, противъ Эссена I.

Корпусъ Даву, 34,000, въ Мишенциакѣ.

Корпусъ Сульта, 30,000 въ Вилленбергѣ.

Корпусъ Ожеро 11,000, въ Ниденбургѣ.

Резервный кавалерійскій корпусъ, 20,000, подъ командою Мюрата, въ окрестностяхъ Вилленбергъ.

Корпусъ Бернадотта, 17,000, почти вѣ кругъ боевыхъ происшествій, - въ Эльбингѣ.

Всѣ эти войска размѣщались уже по кантонирь-квартирамъ : только корпусъ Нея, состоявшій изъ 22,000 человекъ пѣхоты, и кавалерія Бессіера, преслѣдовали Прусскій корпусъ Лестока внизъ по Аллеру, въ направленіи къ Фриданду, и черезъ это находились почти на пути, которымъ слѣдовала наша армія.

Беннигсенъ узналъ объ этомъ заметномъ положеніи Нея въ Рейнѣ. Пользуясь бездѣйствіемъ Французской арміи, онъ вознамѣрился отрезать и истребить этотъ корпусъ на походѣ. Всѣ наши силы обратились съ тою цѣлю на Ресель и Бишофштейнъ. Къ несчастію, исполненіе не соответствовало достоинству плана. Переходы были медленны; къ тому жъ и направленіе было не довольно наперерѣзъ, что дозволило Нею и Бессіеру пробраться, черезъ Прейсшишъ-Эйлау, а потомъ, между Пассаргою и Аллеромъ, къ Гильгенбургу, и безпрепятственно примкнуть къ массѣ своей арміи.

Между тѣмъ Бернадоттъ, узнавъ о предпріятіи нашемъ на Нея и Бессіера, постигъ опасность, которой подвергъ бы себя дальнѣйшимъ пребываніемъ на берегу моря и между крѣпостями, Данцигомъ и Грауденцомъ, которыя были тогда еще заняты Прусскими войсками. Оставивъ окрестности Эльбинга, онъ двинулся на Голландъ, вступилъ въ Морунгенъ, и подвинулъ авангардъ свой къ Либштату.

Въ это время армія наша, пройдши Гейдсбергъ, приближилась къ Аренсдорфу, и авангардъ ея, подъ командою генераль-маіора Маркова, атаковалъ Либштатъ.

Непріятельскій авангардъ отступилъ съ урономъ. Марковъ слѣдовалъ за нимъ и атаковалъ самаго Бернадотта въ Морунгенъ, но понесъ отъ него значительное пораженіе, и принужденъ былъ отойти къ главной арміи, бывшей уже въ Либштатъ.

Тутъ надобно было намъ прекратить дальнѣйшее движеніе впередъ, потому что, перешедши уже черту расположенія главныхъ силъ непріятеля, оставшихся между Омудевою и Нарвою, оно подвергало насъ потерьъ сообщеній съ дивизіею Седморацкаго, съ корпусомъ Эссема 1, и, что всего важнѣе, съ Россійскою границею, и заключало дѣйствіе наше между Фришъ-гагомъ, Вислою и Французскою арміею при вступленіи ея на пройденные нами пути. Не взирая ни на что, мы, въ намѣреніи оторвать Бернадотта отъ главной Французской арміи и освободить Грауденцъ отъ блокады, продолжали подвигаться въ бездну, преслѣдуя Бернадотта, отступавшаго на Дейчъ-Эйлау и Страсбургъ къ Торну. Уже мы были около Либемилля, занимая Ризенбургъ Прусскимъ корпусомъ Лестока; авангардъ нашъ, подъ начальствомъ князя П. И. Багратиона, вступилъ въ Дейчъ-Эйлау, а его аванпосты, подъ командою полковника Юрковского, въ Страсбургъ. Однако какое то темное чувство тревожило Беннигсена на счетъ соотносительнаго положенія нашего съ главными силами Наполеона. Чтобы сколько нибудь исправить его защитою затыльныхъ сообщеній нашихъ, главнокомандующій счелъ нужнымъ оставить корпусъ Сакена въ Зебургъ, а корпусъ князя Д. Вл. Голицына въ Алленштейнъ, и этимъ полу-мѣропріятіемъ только увеличилъ протяженіе арміи, подвергнувъ Сакена и Голицына натиску превосходнаго числомъ непріятеля, и ни мало не улучшилъ положенія главной арміи, направленнаго къ ложному предмету дѣйствій. Но Русскій Богъ великъ! Вдругъ аванпостные казаки авангарда берутъ въ плѣнъ Французскаго офицера, посланнаго курьеромъ отъ маршала Бертіе къ Бернадотту съ повелѣніемъ Наполеона напирать

на армию нашу и не выпускать ее изъ виду, и съ извещеніемъ его о движеніи всѣхъ Французскихъ силъ на Вилленбергъ, Пассенгеймъ и Алленштейнъ. Медлить было некогда. Багратионъ мгновенно постигъ опасность. Онъ въ ту же минуту отослалъ и пѣннаго курьера и перехваченную бумагу къ Беннигсену, и не дожидая повелѣнія отъ него, самъ собою обратилъ авангардъ вспять и пустился на соединеніе съ арміею усиленными переходами. Однако, предвидя неминуемость генеральнаго сраженія, онъ, въ намѣреніи обезсидить непріятельскую армию цѣлымъ корпусомъ войскъ, не забылъ и о Бернадоттѣ: приказалъ Юрковскому атаковать его аванпосты, сбить ихъ и преслѣдовать цѣлый день, что бы черезъ это увѣрить его, что намѣреніе наше тѣснить его всѣми силами не измѣнилось и продолжается. Приказаніе Юрковскому заключилось постскриптомъ, который предписывалъ ему обратное движеніе при наступленіи ночи и поспѣшнѣйшее слѣдованіе для прямкутія къ авангарду по приложенному маршруту.

Предпріятіе это увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Бернадоттъ, не получивъ повелѣнія Наполеона, которое было перехвачено казаками, остался въ безызнѣвности о направленіи главныхъ силъ Французовъ въ тылъ нашей арміи, угрожавшемъ ей такою гибелью. Къ тому жъ, онъ полагалъ, что патискъ Юрковскаго поддерживается всѣмъ авангардомъ, а авангардъ всего нашею арміею, и продолжалъ отступленіе къ Торну, что отсрочило прибытіе его на Эйлауское поле цѣлыми сутками.

Юрковскій примкнулъ къ авангарду нѣсколькими часами позже присоединенія авангарда къ арміи подъ Янковымъ. Но Прусскій корпусъ Лестока, бывъ отъ Янкова гораздо далѣе Багратиона, не могъ уже надѣяться достигнуть этого пункта безъ опасности, и потому избралъ себѣ путь на Саальфельдъ, Вормдаты и Мельзакъ, стараясь всегда находиться на одной высотѣ съ нею, по мѣрѣ ея отступленія.

Двадцать втораго января, авангардъ засталъ всю армию сосредоточенною при Янковѣ, лице съ лицомъ съ Французскою, которая полагала, что Янковскій путь занятъ однимъ корпусомъ князя Голицына, и изумлена была не-

ожиданною встрѣчею всѣхъ нашихъ силъ, готовясь къ отпору натиска: извѣстіе о взятіи казаками посланнаго къ Бернадотту курьера тогда еще не доходило до Наполеона. Обманутый въ своемъ стратегическомъ предпріятіи, онъ вознамѣрился, посредствомъ тактическаго дѣйствія на нашъ лѣвый флангъ, возвратить потерянное, поставивъ опять армію нашу въ то самое положеніе, котораго избѣгла она быстрымъ перелетомъ отъ Дейчь-Эйлау къ Янкову. Поэтому, Сультъ атаковалъ Бергфридь, деревню, къ которой примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, а генералъ Гюбъ поскакалъ съ бригадою легкой кавалеріи къ Гутштатъ. Мы отстояли Бергфридь; но Гутштатъ, заключавшій въ себѣ часть обозовъ арміи безъ охранныхъ войскъ, попался въ руки Французовъ,—партизанскій набѣгъ, замѣчательный при общемъ тогдашнемъ невѣдѣніи правилъ этого рода дѣйствій.

При наступленіи ночи армія наша отошла къ Вольфсдорфу, оставивъ для прикрытія этого отступленія арріергардъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли на очищенномъ ею мѣстѣ.

Поутру двадцать третьяго, Барклай поднялся вслѣдъ за арміею, но на пути атакованъ былъ превосходными силами: цѣлый день сражался онъ, и потерпѣлъ много, особенно при Депеневъ, но къ вечеру примкнулъ къ арміи, стоявшей уже на боевой позиціи при Вольфсдорфѣ. Ночью армія спялась съ позиціи и потянулась по направленію къ Ландсбергу. Арріергардъ Багратіона смѣнилъ утомленный наканунѣ арріергардъ Барклая, и остался при Вольфсдорфѣ съ тою же цѣлію, для которой оставленъ былъ наканунѣ арріергардъ Барклая при Янковѣ.

Двадцать четвертаго, поутру, Багратіонъ атакованъ былъ наступившимъ непріятелемъ. Битва была горячая, но несмотря на усилія Французовъ, щегольство въ порядкѣ сохранено было во всѣхъ частяхъ арріергарда. Къ вечеру онъ потянулся вслѣдъ за арміею черезъ Талбашъ и Кашаузнъ, и прибылъ въ Бергерсвальдъ, въ трехъ верстахъ отъ Фрауэндорфа, гдѣ на нѣсколько часовъ пріостановилась главная армія. Въ этотъ день Прусскій корпусъ Лестока, шед-

шій на одной высотѣ съ арріергардомъ нашимъ по направлению на Вордматъ, атакованъ былъ корпусомъ Неа, отряженнымъ исключительно противъ него отъ главной Французской арміи, на походъ ея изъ Янкова къ Вольфсдорфу. Въ одно и то же время отряженъ былъ отъ нея и корпусъ Даву на Гейльсбергъ, для облегченія шествія арміи по стѣпенной снѣгами дорогѣ, отъ которой чрезвѣрно растаивалаеъ маршевая колонна.

Въ ночь на двадцать пятое, армія наша выступила къ Ландсбергу, но не одною уже, а двумя колоннами, для избѣжанія, подобно Французской арміи, затрудненія въ движеніи одною колонною по пути, заваленному снѣгами. Первая колонна потянулась большою дорогою; вторая, подъ начальствомъ Сакена, на Спервартенъ и Петерсгагенъ; арріергардъ Барклая прикрывалъ отступление первой; арріергардъ Багратиона шелъ на Клаузиттенъ, Пауленъ и Папертенъ въ Ландсбергъ, гдѣ примкнулъ къ арміи почти въ одно время съ Барклаемъ, который понесъ на пути своемъ, подъ Гофомъ, сильное пораженіе.

Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что направленіе этого трехъ-суточного отступления нашей арміи ни мало не перечило главной мысли Наполеона, отклонить насъ отъ сообщеній нашихъ съ Нѣмпомъ, или, что одно и то же съ Россією, и подавить насъ тыломъ къ морю, то есть, къ Фришъ-гафу. Въ противодѣйствіе этой мысли, къ чему должны были клониться усилія наши въ теченіе трехъ-суточного отступления? Къ сохраненію сообщеній съ Нѣмпомъ посредствомъ движенія всею громадою войскъ отъ Янкова къ Гутштату, вмѣсто того, чтобы итти къ Вольфсдорфу; или отъ Вольфсдорфа къ Гейльсбергу, вмѣсто того, чтобы итти къ Ландсбергу; или отъ Ландсберга къ Домнау и Фриланду, вмѣсто того, чтобы итти къ Прейсвиш-Эйлау. Такимъ движеніемъ мы неминуемо разрушили бы все намѣренія Наполеона: избавясь посредствомъ этого движенія отъ охвата лѣваго нашего фланга правымъ флангомъ Французской арміи, мы заслонили бы сообщенія наши съ Россією и удалились отъ Фришъ-гафа, отъ моря, къ которому болѣе и болѣе приближался тылъ нашъ, по мѣрѣ

нашего отступленія и направленія къ Эйлау и Кенигсбергу.

Но стратегическіе виды рѣшительно пожертвованы были какими-то мнимымъ тактическимъ выгодамъ, основаннымъ на ложномъ мнѣніи, что войску Русскому столько же необходимо для битвы мѣстоположеніе открытое, сколько Французскому закрытое или изобилующее естественными препятствіями, и что, сверхъ того, «войску нашему, по малому его навыку къ стройнымъ движеніямъ въ бою, выгодно оборонительное, чѣмъ наступательное дѣйствіе,» — какъ-будто за семь лѣтъ передъ тѣмъ, при Суворовѣ, оно знало, не говорю сущность оборонительнаго дѣйствія, а одно названіе этого рода дѣйствій! какъ будто Альпы, съ ихъ ущеліями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежать болѣе равнинамъ чѣмъ мѣстоположеніямъ закрытымъ и изобилующимъ естественными препятствіями!

Но таково было разсужденіе всѣхъ вообще военачальниковъ того времени, и на этомъ-то разсужденіи основана была мысль — сразиться при Эйлау, и сразиться оборонительно.

Между-тѣмъ Наполеонъ, не зная, что Беннигсенъ набралъ Эйлау полемъ битвы, и привыкнувъ трехъ-дневнымъ опытомъ достигать нашу армію подъ вечеръ и видѣть ее уходящею съ занятой позиціи во время ночи, предполагалъ Прегель и кантониръ-квартиры за Прегелемъ единственными предметами нашего отступленія. Ни въ какомъ случаѣ не думалъ онъ, и не могъ думать, чтобы сраженіе ожидало его подъ Эйлау, — на пунктъ, не представляющій ни какого не только стратегическаго, но даже тактическаго преимущества передъ Янковымъ, Вольфсдорфомъ и Ландебергомъ, которые мы оставили безъ спора. Съ этою мыслию слѣдовалъ онъ за ними по большой дорогѣ, имѣя въ двадцати или двадцати пяти верстахъ отъ главныхъ силъ своихъ вправо Даву на Гейльсбергской дорогѣ, а влево Нея, преслѣдовавшаго Прусскій корпусъ Лестока по направленію къ Крейцбургу, и на полныя сутки позади себя Бернадотта, не знавшаго о происходящемъ.

Ночью на двадцать шестое, армія наша выступила отъ Ландсберга, и по неимѣнію двойнаго пути, довольно битаго и широкаго, потянулась къ Эйлау снова одною колонною. Арріергардъ Багратіона оставлень былъ въ Ландсбергъ для прикрытія этого движенія. По случаю мѣшкатнаго выступленія съ мѣста отдыха и медленности движенія одною колонною, Багратіонъ принужденъ былъ отсрочить отступленіе арріергарда до осьмаго часа утра. Въ осьмомъ часу непріятельскія колонны двинулись: онѣ спустились со снѣжныхъ высотъ Гофа, и, подобно широкому потоку, растлились по всему пространству отъ Гофа до Ландсберга. Бой завязался; мы отступали, тѣснимые и давимые превосходною силою. Не дошедши до половины разстоянія отъ Ландсберга до Эйлау, весь арріергардъ уже вступилъ въ дѣло. Подошло мѣстоположеніе открытое: нужно было болѣе кавалеріи. Багратіонъ послалъ меня, къ главнокомандующему, просить у него нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе арріергарда. Беннигсенъ приказалъ мнѣ взять два первые конные полка, которые я встрѣчу недошедшими еще до позиціи. Жребій палъ, кажется, на Санктпетербургскій драгунскій и на Литовскій уланскій полки, съ которыми я рысью отправился черезъ Эйлау къ арріергарду, отступившему уже къ Гринфовшенской мызѣ. Его Величества кирасирскій и два драгунскіе полка, Каргопольскій и Интерманландскій, присланы были вслѣдъ за конницею, которую я привелъ. Между-тѣмъ непріятель продолжалъ напирать оильтѣе и сильнѣе. Арріергардъ отступалъ въ порядкѣ и безъ волненія. Нѣсколько полковъ осьмой пѣхотной дивизіи подошли къ нему на подмогу, такъ какъ армія не всѣ еще вступила на избранное для ней боевое поле. Нужно было удержать стремленіе непріятели на нѣкоторое время, чтобъ дать ей средства довершить свое разгнѣніе и упрочить осѣдлость на позиціи. Возвратясь къ Багратіону, я нашелъ его засыпаннаго ядрами и картечами: онъ давалъ приказанія съ геройскимъ величіемъ и очаровательнымъ мѣлнокровіемъ. Вскорѣ обѣ сражавшіяся стороны столкнулись, потому что Багратіонъ, получивъ подкрѣпленіе и

* Я имѣлъ счастье служить тогда адъютантомъ при князѣ.

извѣстіе о неготовности еще арміи къ бою, остановился, а Наполеонъ, который рассчитывалъ долговременность отступленія Багратиона, продолжалъ приливы своей арміи, и напиралъ волнами на волны. Ружейный огонь трещалъ по всей линіи, и неразъ прерывался звуками желѣза о желѣзо. Пѣхотные полки, Псковскій и Софійскій, ходили на штыки съ успахомъ на сорокъ-шестой линейный. Санктпетербургскій драгунскій, ведомый полковникомъ своимъ Дехтаревицъ, ударилъ на осьмнадцатый линейный, который шелъ отъ Фрингофена между озеромъ и холмомъ, находящимся возлѣ мызы: онъ затопталъ этотъ полкъ, разсыпалъ его и взялъ одного орла. Полковникъ А. П. Ермоловъ, командуя всей артиллеріею арріергарда, сыпалъ картечи въ густоту наступающихъ колоннъ, которыхъ передніе ряды ложились доскомъ, по слѣдующіе шагали по трупамъ, валяли впередъ, и не теряли ни отваги, ни наглости. Несмотря на всѣ наши усилія удержать мѣсто боя, арріергардъ отѣсненъ былъ къ городу, занятому нашими войсками, и ружейный огонь изъ переднихъ домовъ и заборовъ побѣждалъ по всему его протяженію, намъ на подпору, но тщетно. Непріятель, усиливъ рѣшительный натискъ свой свежими громадами войскъ, вломился внутрь Эйлау. Сверкнули выстрѣлы его изъ за угловъ, изъ оконъ и съ крышъ домовъ; пули посыпались градомъ и ядра занизали стѣснившуюся въ улицахъ пѣхоту нашу, еще разъ оцѣтнинившуюся. Эйлау болѣе и болѣе наполнялся непріятелемъ. Приходилось уступить ему эти каменные дефилеи, столько для насъ необходимыя. Уже Барклай упалъ, раненый; множество штабъ и оберъ-офицеровъ подверглись той же участи или легли на мѣсть, и улицы завалились мертвыми тѣлами нашей пѣхоты. Багратионъ, котораго непріятель тѣснилъ такъ упорно, такъ неотступно, числомъ столь несоразмернымъ съ его силами, началъ оставлять Эйлау шагъ за шагомъ. При выходѣ изъ города къ сторонѣ позиціи, онъ встрѣтилъ главнокомандующаго, который, подкрѣпивъ его полною пѣхотной дивизіею, приказалъ снова овладѣть городомъ, во что бы то ни стало, потому что обладаніе имъ входило въ составъ тактическихъ его предназначеній. И подлинно, независимо отъ другихъ уваженій, городъ находилъ

ся только въ семи стать шагахъ отъ праваго фланга нашей боевой линіи. Багратионъ безмолвно слезъ съ лошади, сталъ впереди передовой колонны, и повелъ ее обратно въ Эйлау. Всѣ другія колонны пошли за нимъ спокойно и безъ шума. Но при вступленіи въ улицы все заревало ура, ударило въ штыки, и мы снова овладѣли Эйлауомъ. Ночь прекратила битву. Городъ остался за нами.

Завявъ его достаточнымъ числомъ пикеты, Багратионъ снабдилъ начальствовавшего надъ нимъ приказаніями и повелѣніями, распустивъ прочія войска арріергарда по мѣстамъ, назначеннымъ въ диспозиціи, и не имѣвъ уже команды, отправился въ главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклауенъ, въ трехъ верстахъ отъ Эйлау, въ тылу нашей линіи.

Пожаръ костровъ запылалъ въ обвѣхъ арміяхъ. Казалось, что все кончено до слѣдующаго утра. Вышло иначе. Взятіе приступомъ города произвело то, что производить всякой удачный приступъ, — разбродъ по улицамъ и по домамъ большей части войска, которое предалось своевольству и безначалію. Надобно было собрать ихъ и устроить. Начальствовавшій надъ этимъ войскомъ прибѣгъ къ единственному въ такихъ случаяхъ способу, — барабану, но онъ забылъ, что находится лицомъ къ лицу съ непріателемъ, котораго бивачные огни пылали почти у воротъ города, и недостаточно обдумалъ дѣло: онъ приказалъ ударить сборъ, не назначивъ мѣста, гдѣ его ударить. Барабаны загремѣли, но не въ сторонѣ города, ближайшей къ непріателю, а въ самой отдаленной отъ него, или, лучше сказать, у самаго отверзтія улицъ, ведущихъ изъ города къ позиціи нашей арміи. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, какъ все хлынуло къ точкѣ сбора, оставивъ и ворота Эйлаускія, и площадь, и улицы, безъ защиты. Непріатель этимъ воспользовался, вступилъ по пятамъ нашимъ въ очищенный городъ, и расположился въ немъ съ полною рѣшимостью удержать его за собою, во что бы то ни стало.

Неожиданное и, можно сказать, несчастное происшествіе это, угрожая правому флангу нашему внезапнымъ ночнымъ

нападениемъ, принудило Беннигсена исключить на всю почу всю четвертую пехотную дивизию изъ боеваго порядка, усилить ее Архангелогородскимъ пехотнымъ полкомъ и расположить между армію и городомъ, и сверхъ-того, передвинуть ближе къ отверстіямъ улицъ батарею изъ сорока батарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложенную прежде на самой оконечности праваго фланга арміи. Но тѣмъ не ограничилась неблагопріятность этого обстоятельства: оно лишило насъ на другой день средства, еще за пять часовъ до прибытія корпуса Даву на поле сраженія, двинуть все силы наши на флангъ Французской арміи, бывшей тогда безъ этого корпуса, безъ корпуса Нея, безъ корпуса Бернадотта и лишенной всякихъ опоръ флангамъ своимъ, расположеннымъ за городомъ, на оси котораго мы безопасно могли предпринять этотъ рѣшительный поворотъ вправо и воспользоваться превосходствомъ и силой нашихъ и мѣстности. Наконецъ, оно перенесло на сторону непріятеля все выгоды, представляемыя опорой на Эйлау: уже Франгузы, а не мы, совершили на его оси поворотъ влево: ихъ армія приблизилась такимъ образомъ къ подходившему на поле сраженія корпусу Даву, охватила насъ весь лѣвый флангъ нашъ, подавила его къ Кенигсбергской дорогѣ, и тѣмъ выполнила виды Наполеона, которые, съ самаго начала движенія его отъ Наревы, клонились къ тому, чтобы отстранить насъ отъ послѣдняго прямого сообщенія съ Россією и отбросить къ Кенигсбергу и къ Фришъ-гау. Словомъ, по занятіи непріятелемъ Эйлау, намъ ни минуты не следовало оставаться на избранномъ нами боевомъ полѣ, и надобно было тотчасъ отойти къ Домнау или къ Фридланду, — перемѣщеніе безопасное, по случаю свободнаго въ этомъ направленіи отверстія, еще непресѣченнаго корпусомъ Даву, и ночи, которой оставалось болѣе чѣмъ на семь часовъ времени, следовательно по-крайней-мѣрѣ на двадцать верстъ перекоду.

Но воля главнокомандующаго была неколебима: жребій былъ брошенъ.

Армія наша, заключавшая въ себѣ отъ 78,000 до 80,000, размѣщена была такъ:

Она примыкала правымъ флангомъ къ большой Кенигсбергской дорогѣ и шла нѣсколько косвенно къ городу; потому, не доходя около полуверсты до города, образовала тупой уголъ и, уступая лѣвымъ флангомъ, упиралась къ Клейнъ-Саусгартену.

Деревня Серпальтень, находившаяся впереди Саусгартена, занята была слабымъ отрядомъ генераль-маіора Багговута.

Четыре пѣхотныя дивизіи, вторая, третья, пятая и осьмая, построены были въ двѣ линіи: два баталіона каждаго полка развернутымъ фронтомъ, третій позади ихъ въ колоннѣ.

Резервъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, четвертой и четырнадцатой, построенъ былъ въ двѣ густыя колонны, и имѣлъ при себѣ шестьдесятъ орудій конной артиллеріи. Въ началѣ онъ расположенъ былъ по обѣимъ сторонамъ мызы Ауклапенъ, но при разсвѣтѣ переведенъ ближе къ центру арміи.

Особый резервъ, состоявшій изъ одной дивизіи, помнит-ся, изъ седьмой, построенъ былъ въ одну колонну, и поставленъ на лѣвомъ флангѣ арміи.

Вся конница раздѣлена была на три части, и разставлена на флангахъ и въ срединѣ арміи, гдѣ находилось не болѣе двадцати восьми эскадроновъ.

Казацкіе полки расположены были на обонхъ флангахъ уступами.

Кромѣ артиллеріи, размѣщенной вдоль линіи или находившейся при резервѣ, первая батарея, изъ сорока батарейныхъ и двадцати легкихъ орудій, заложена была вначалѣ на правомъ флангѣ арміи у Кенигсбергской дороги, а по занятіи непріателемъ города подвинута на семьсотъ шаговъ отъ него. Вторая батарея изъ семидесяти батарейныхъ орудій, расположена была почти на центрѣ арміи, къ верствѣ отъ города; а третья, изъ сорока батарейныхъ, между этою батареею и Саусгартеномъ. Ко всѣмъ тремъ батареямъ примыкали войска первой нашей линіи какъ куртины къ бастионамъ.

Прусскій корпус Лестока, усиленный Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ и простиравшійся почти до 8,000 человекъ, былъ еще далеко, но направлялся къ Альторфу, то есть, къ правому флангу нашей позиціи, заманивая одною бригадою, командуемою генераломъ Пломомъ, Нея къ Крейцбургу, для отвлеченія его отъ круга рѣшительныхъ происшествій и отъ содѣйствія въ приготовляющемся боѣ.

Правымъ флангомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1; срединою генералъ-лейтенантъ Сакенъ; лѣвымъ флангомъ генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ-Толстой; резервомъ генералъ-лейтенантъ Докторовъ; всею кавалеріею генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ; артиллеріею генералъ-маіоръ Рязвой. Багратіонъ, который былъ всѣхъ моложе въ чинѣ генералъ-лейтенанта, не имѣлъ особой команды и назначенъ былъ подѣ начальство къ Докторову.

Французская армія, въ ночь съ 26 на 27. число, расположена была слѣдующимъ порядкомъ:

У передовыхъ строеній города и въ городѣ пѣхотная дивизія Леграна.

На правой сторонѣ города пѣхотная бригада Вивіена; на лѣвой пѣхотная бригада Ферё: обѣ онѣ составляли пѣхотную дивизію Левала.

Къ правому флангу бригады Вивіена примыкала пѣхотная дивизія Сентъ-Илера.

Всѣ эти три дивизіи составляли корпусъ Сульта.

На правомъ флангѣ дивизіи Сентъ-Илера, уступомъ, драгунская дивизія Милд.

За городомъ, по обѣимъ сторонамъ Ландсбергской дороги, драгунскія дивизіи Клейна и Груши.

Уступомъ отъ нихъ лѣваго фланга, позади пѣхотной бригады Ферё, гвардейская кавалерійская дивизія.

На лѣвомъ ея флангѣ, выступомъ, легкія кавалерійскія бригады Кольберта, Гюд и Брюера; а уступомъ, кирасирская дивизія Гопульта.

Легкая кавалерійская бригада Дюронеля на оконечности лѣваго фланга всей арміи, между ею и селеніемъ Альторфъ.

Позади кирасировъ Гопульта, на дорогѣ отъ Эйлау къ селенію Стробенену, пѣхотный корпусъ Ожеро.

Пѣхотная гвардія Наполеона и его собственныя биваки на холмѣ между Эйлау и Грингофенскою мызою.

Пѣхотный корпусъ Дау, верстахъ въ двадцати отъ арміи, на Бартенштейнской дорогѣ.

Пѣхотный корпусъ Деа, на Мельзакской дорогѣ къ Цинтену, около селенія Гусенепф, верстахъ въ двадцати пяти отъ арміи.

Пѣхотный корпусъ Бернадотта на одинъ сутки позади арміи.

Мѣстоположеніе занимаемой нами позиціи представляло слегка-холмистую равнину, заключенную въ возвышеніяхъ, не весьма значительныхъ и довольно отъ насъ отдаленныхъ, болѣе однако близкихъ со стороны нашего лѣваго фланга, столь опаснаго для насъ и въ стратегическомъ смыслѣ. Снѣгъ покрывалъ землю: это затрудняло перемѣщеніе артиллеріи, а оледенѣлыя и покрытыя снѣгомъ озера, разбросанныя на полѣ сраженія, были весьма обманчивы, представляя плоскости, повидимому, удобныя; но въ существѣ нѣсколько опасныя для движенія артиллеріи. Болота были еще непроходимы даже и для пѣхоты. Погода была вообще ясная, хотя нередко отменяемая скорострѣльными и пролетными появленіями густаго снѣга. Стужа была легкая, и не превышала 3° или 4 градусовъ.

Съ утреннимъ подувѣтомъ армія поднялась и стала въ ружье. Еще костры курились на мѣстѣ ночлега между войсками, которыя черными полосами разсѣкали бѣлое, незапятнанное поле будущаго сраженія; еще нигдѣ внутри ихъ не сверкнуло ни одного выстрѣла; только видно было нѣкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ, приходившихъ въ окончательный порядокъ; четвертая пѣхотная дивизія возвратилась на свое мѣсто, въ составъ главнаго резерва арміи, и Архангелогородскій полкъ примкнулъ къ резерву ея лѣваго фланга. Тутъ ободнало, и, со свѣтомъ, грянула шестидесяти - пушечная батарея нашего праваго фланга. Часть непріятельской артиллеріи,

почевавшей подъ прикрытіемъ переднихъ строеній города, отвѣчала на вызовъ, и Наполеонъ увидѣлъ собственными глазами, что дѣло идетъ о битвѣ уже не съ арріергардомъ, какъ онъ думалъ, а со всею нашею арміею. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ удаленіи корпусовъ Неа и Даву на такое разстояніе отъ арміи, въ какомъ они тогда находились, и не подосадовалъ на судьбу, которая, въ такой рѣшительный день лишила его корпуса Бернадотта. Обстоятельство это не прошло бы ему даромъ за семь лѣтъ прежде, когда Суворовъ былъ еще на конѣ передъ Русскими знаменами. Но отъ того, что уже не было Суворова, ему нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не безъ высокихъ достоинствъ по многимъ отношеніямъ. Гонцы полетѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно обратиться къ Эйлау.

Между-тѣмъ жестокая канонада гремѣла вокругъ города, и главныя силы Французской арміи начали размѣщаться. Легкія кавалерійскія бригады Диоронеля, Брюера, Гюд и Кольберта остались влѣвъ отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Левала, соединивъ всѣ три свои бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ этимъ легкоконнымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣхотная дивизія Леграна выдвинулась впередъ города и примкнула къ правому флангу Левала. Корпусъ Ожеро построился въ двѣ линіи: дивизія Дежардена составила первую, а дивизія Гюдде вторую линію. Обѣ эти дивизіи примкнули лѣвые свои фланги къ церкви, лежащей у оконечности города, гдѣ находился Наполеонъ во все время сраженія.

За Ожеро расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая лѣва къ пѣшей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а вправо, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Дивизія Сентъ-Илера, отъ корпуса Сульта, примкнула къ правому флангу первой линіи Ожеро, заслоня собою драгунскую дивизию Клейна; драгунская дивизія Милло—къ правому флангу Клейна, и составила оконечность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ разви-

тія Французской арміи параллельно нашей. Она сдвигалась общемо, но все гремяла съ большою силою около города пезели на другихъ пунктахъ,—съ нашей стороны, потому что мы посредствомъ ея старались воспретить дивизіямъ Леграна и Леваля нападеніе на нашъ правый флангъ, — а съ непріятельской, для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ правый флангъ чѣмъ на лѣвый, чтобы тѣмъ облегчить усилія Даву, котораго прибытіе на оконечность нашего лѣваго фланга долженствовало рѣшить участь сраженія.

Уже огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался около трехъ часовъ сряду, и ничего замѣчательнаго не происходило ни съ непріятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву, — ему велѣно было, направляясь къ арміи, взять вправо отъ Бартенштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ Гейльсбергской, — Наполеонъ приказалъ всей главной арміи двинуться также вправо, для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Армія двинулась, но въ самую эту минуту закрутилась метель съ густымъ снѣгомъ, такъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожеро потерялъ дирекцію, и, отдѣляясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ неожиданно, и для насъ и для себя, передъ центральною батареею нашею въ самый моментъ проясненія погоды. Семдесятъ жерлъ ругнули адомъ, и градъ картечь зазвенѣлъ по желѣзу ружей, застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки Московскій гренадерскій и Шлиссельбургскій пѣхотный, и пѣхотная бригада генерала Сомова, ринулись на нее жадно съ наклоненными штыками. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, представили штыки штыкамъ и стали грудью. Пронзошла схватка, дотоле невиданная. Болѣе двадцати тысячъ человекъ съ обѣихъ сторонъ вонзали трехгранное остріе другъ въ друга. Толпы валялись. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого страшнаго истребленія, и скажу по истинѣ, что, въ четырнадцать кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо названную эпопеей нашего вѣка, я подобнаго побойща не

видывалъ. Около полудна не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его: слышенъ былъ только невыразимый гулъ перемѣшавшихся тысячей храбрыхъ и рвавшихся безъ пощады. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими горами, люди падали одни на другихъ сотнями, такъ, что вся эта часть поля сраженія вскоре уподобилась высокому парапету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ—наша взяла! Корпусъ Ожеро былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и княземъ Голицынымъ, прискакавшимъ съ центральною конницею на подпору пѣхоты. Задоръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ въ пылу погони занесся за непріятельскую позицію и явился у церкви, во стѣ шагахъ отъ самаго Наполеона; объ этомъ упоминаютъ сами Французы во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, котораго рѣшительность умножалась по мѣрѣ усиленія опасности, приказалъ Мюрату и Бессіеру ударить съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею, на наши войска, гнавшіяся за Ожеро при крикахъ ура,—движеніе, необходимое для спасенія хоть части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если Беннигсенъ на это отважится. Больше шестидесяти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и свѣгъ, взрываемый двѣнадцатью тысячами сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и зависъ изъ-подъ нихъ какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блестательный Мюратъ, въ театральномъ костюмѣ своемъ, сопровождаемый многочисленною свитою, горѣлъ впередъ буря, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ въ средину свѣи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, поставленныхъ нашею пѣхотою, не преградили гибельному приливу. Французская кавалерія все смала, все затоптала, прорвала первую линію арміи, и, въ бурномъ порывѣ, достигла до второй линіи и резерва. Тутъ разразился о скалу напоръ волнъ ея. Вторая линія и резервъ устояли, не поколебавшись, и густымъ ружейнымъ и баттарейнымъ огнемъ обратили вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія

лерія эта, въ свою очередь преследуемая нашею конницею сквозь строй пѣхоты первой линіи, ея же прежде смятой и затоптанной, а теперь снова поднявшейся на ноги и стрѣлявшей по ней вдогонку, отхлынула даже за черту, которую сама занимала въ началѣ дѣла. Погона конницы была удаальски запальчива и, какъ говорится, до дыма, à fond. Оставленные на этой чертѣ непріятельскія батареи были взяты нѣсколькими нашими эскадронами, которые до нихъ достигли; каменеры и у многихъ орудій колеса взрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣствѣ за неимѣніемъ передковъ и упряжей, ускокавшихъ отъ страха изъ виду. Въ этой рукопашной свалкѣ въ приливъ и отливъ кавалеріи, дивизіонные генералы, кавалерійскій Гопульцъ, гвардейскій Далманъ и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣствѣ битвы. Самъ маршалъ Ожеро, дивизіонный генералъ Гюдэ и бригадный Лошетъ были ранены; нѣкоторые другіе бригадные генералы и множество штабъ и оберъ офицеровъ потерпѣли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были отхвачены нашею конницею и положили жизнь между первою и второю линіями. Четырнадцатый линейный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ двадцать-четвертомъ линейномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожеро, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли одни обломки. Шесть орловъ было взято нашими.

Какая была минута для дружнаго и совокупнаго валора всѣхъ нашихъ силъ на дивизію Сентъ-Илера, оставшуюся безъ подпоры, и безъ надежды на какую-либо подпору! Все вокругъ нея было или истреблено или разстроено, и, что всего важнѣе, лишено духа не только помогать ей, но даже защищаться. Сверхъ-того, еще было не болѣе одиннадцати часовъ утра,—слѣдственно оставалось два часа времени до прибытія корпуса Даву на поле сраженія. Но что бы пользоваться подобными минутами, не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума расчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ того порыва, непонятнаго, неизяснимаго, мгновеннаго какъ электрическая искра, который равно необходимъ и поэту,

и витіи, и полководцу, и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова, — поэтовъ и вѣтій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабю, — полководцевъ слова.

Благопріятная минута, обѣщавшая оружію нашему такъ много выгоды, исчезла. Войска наши, гнавшіеся за непріателемъ, принуждены были возвратиться въ составъ главныхъ силъ арміи, изъ которой не было выдвинуто ни одного баталіона имъ на подпору, и разстроенный непріатель, пользуясь ихъ отливомъ, сплотился, устроился, ободрился. Тогда обѣ арміи вошли въ то самое положеніе, въ которомъ находились до рѣзни и съчи, до бойни, бесполезно пожравшей такое множество, и всѣ эти чудеса храбрости, все это самоотверженіе, весь этотъ героизмъ вонювъ, загрозоздившихъ трупами своими поле кроваваго пренія, обратился ни во что. Какъ-будто его не бывало!..... Дѣйствіе ограничилось жестокою капонадою, которая снова разилась по всему протяженію обѣихъ армій, и побѣншемъ ею новыхъ тысячей, — такъ, — отъ-нечего дѣлать, — до прибытія къ Французамъ корпуса Даву, къ намъ Прусскаго корпуса Лестока.

Насталъ второй періодъ сраженія. Около перваго часа по полудни, на гребнѣ высотъ, которая виднѣлись отъ насъ влѣво, замѣляло нѣсколько отдельныхъ всадниковъ. За ними показались громады конницы, а тамъ выдвинулись громады пѣхоты и артиллеріи. Горизонтъ зачернѣлъ и взволновался. Холмы Слусгартена, дотолъ безмолвные, сверкнули, склубились дымомъ, и «проглаголали», Даву отвѣчалъ имъ изъ сорока орудій, и потекъ лавою на боевое поле, въ одно время съ дивизіей Сентъ-Илера, которая сдѣлала приблизительное къ нему движеніе и была усилена кавалерійскою дивизіею Милю. На лѣвомъ флангѣ Сентъ-Илера, уступомъ отъ него, двинулись кавалерійскія дивизіи, уже потерпѣвшія въ бою, Клейна, Груши, Гопульта: онѣ были построены въ три линіи. Къ лѣвому флангу этой кавалеріи прикнулъ остатокъ корпуса Ожеро, построенный въ двѣ линіи. За нимъ расположилась пѣшая гвардія, а позади Гопульта конная гвардія, потерпѣвшая въ бою не менѣе кавалерійскихъ дивизій. Дивизіи Леграна и Левала,

какъ и четыре легкія кавалерійскія бригады, остались на своихъ мѣстахъ.

Все вниманіе, и наше и непріятельское, обратилось къ Даву и къ нашему лѣвому флангу.

Поскакали адъютанты по Альторфской дорогѣ съ повелѣніями Лестоку увеличить поспѣшность и прибыть скорѣе уже не къ правому флангу арміи, а черезъ Шмодиттенъ къ лѣвому. Нѣкоторая часть конницы и артиллеріи, находившихся на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, потянулась тоже къ лѣвому флангу, который непріятельскія силы подавляли болѣе и болѣе и загибали къ центру, давно уже терпѣвшему отъ баттарей, расположенныхъ за каменными строеніями города: онѣ обстрѣливали все протяженіе нашей арміи отъ Эйлау до озеръ, лежащихъ между Саусгартенемъ и Кушиттенемъ.

Обстоятельства являлись не въ красивомъ видѣ. Даву отбѣснѣвъ нашъ лѣвый флангъ за озеро, занялъ пространство, разделяющее Кушиттенъ и Саусгартенъ, заложилъ на высотахъ его огромную баттарею, и съ своей стороны низалъ ядрами протяженіе нашей арміи, обстрѣливаемое уже изъ города. Селеніе Кушиттенъ наполнилось его пѣхотою, и пѣхота отъ дивизіи Сентъ-Илера забралась въ мызу Ауклапенъ, гдѣ была ночью главная квартира Беннигсена. Графъ Остерманъ съ неустрашимостью, графъ Паленъ съ спокойствіемъ героевъ, отражали нападеніе, котораго стремительность возрастала отъ успѣховъ. Но тщетно! Безпорядокъ начиналъ оказываться между нашими войсками. Вся часть поля сраженія, отъ Кушиттена до Шмодиттена, покрылась разсвѣнными солдатами: они тянулись къ Кенигсбергской дорогѣ подъ прикрытіемъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, не теряя ни духа, ни устройства, обливали еще своей кровію каждый шагъ оспориваемой земли. Перекрестный огонь умножившихся баттарей непріятеля пахалъ, взрывалъ поле битвы и все, что на немъ ни находилось. Обломки ружей, щепы лафетовъ, кивера, каски вились по воздуху. Все трещало, все разрушалось. Средь бури рвущихъ ядеръ и лопавшихся гранатъ, посреди упавшихъ и падающихъ людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и об-

лаками дыма, возвышался огромный Беннигсенъ какъ знамя чести. Къ нему и отъ него носились адъютанты; извѣстія и повелѣнія смѣнялись извѣстіями и повелѣніями; скачка была непрерывная, дѣятельность неумолимая: но положеніе арміи тѣмъ не исправлялось, потому что всѣ мысли, всѣ намѣренія, всѣ распоряженія нашего вождя дышали осторожностью, расчетливостью, — свойствами ума точнаго, основательнаго, сильнаго для состязанія съ умами такого же рода, но не со вспышками гения, не съ созданіями внезапности, которыя ускользають отъ предусмотрѣній и угадываній, основанныхъ на классическихъ правилахъ. Все, что Беннигсенъ ни приказывалъ, все, что ни исполнялось въ слѣдствіе его приказаній, — все клонилось къ систематическому отраженію нападенія Даву и Сентъ-Илера, противопоставляя штыкъ штыку, дуло дулу, но не къ смѣлому и неожиданныму движению, выходящему изъ круга обыкновенныхъ движеній, не къ удару на-удалую и очертя голову на какой-нибудь пунктъ, почитаемый непріателемъ внѣ опасности. И подлинно: какъ шло дѣло? Даву продолжалъ наступать, охватывая болѣе и болѣе лѣвый флангъ нашей арміи, тогда какъ центръ и правый флангъ, не двигаясь съ мѣста, постепенно отдѣлялись отъ себя частицы пѣхоты, конницы, артиллеріи, на подпору отступавшему флангу, подвергались бесполезно выстрѣламъ артиллеріи Даву и Сентъ-Илера, громившей перекрестно съ выстрѣлами, направленными изъ Эйлау, и не предпринимали ничего совокупнаго, ничего рѣшительнаго, ничего такого, чтобы могло своею скоростію ошеломить противника. Впрочемъ, много пользы приносило намъ и одно прегражденіе натисковъ праваго непріятельскаго фланга до прибытія корпуса Лестока; но для этого слѣдовало подкрѣплять флангъ большими массами, а не мелкими частицами. Багратионъ, который въ минуты опасности поступалъ на свое мѣсто силою воли и дарованія, двинулъ резервъ къ Ауклапену, и обратилъ его левцемъ къ Даву и Сентъ-Илеру. Ермоловъ прискакалъ къ тому же пункту съ своими тридцатью шестью конными орудіями, выдвинулъ ихъ изъ-за резерва, осыпалъ брандскугелями Ауклапенскую мызу, мгновенно зажегъ ее, и принудилъ непріятельскую пѣхоту удалиться отсюда. Тогда,

не теряя ни минуты, онъ бросился къ озерамъ и сразился съ заложеными на нихъ баттарями; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не перепускалъ ни одной пѣхотной колонны мимо озеръ къ Ауклапену, ни къ Кушиттену для подкрѣпленія войскъ, ввалившихся въ это селеніе. Но эти успѣхи, или, лучше сказать, эта отсрочка угрожавшей гибели не могла быть продолжительна. Для похищенія у непріятели рѣшительной победы, надобно было не только остановить, но поразить Даву натискомъ на его правый флангъ, и вмѣстѣ угрозить тылу его общими напоромъ на корпусъ Ожеро и кавалерію, которая къ нему примыкала. Для послѣдняго мы еще обладали достаточною силою; но для перваго намъ необходимо было бы Прусскій корпусъ, тоторый все не являлся.

Наконецъ прискакали адъютанты съ извѣстіемъ о приближеніи Лестока, такъ давно, такъ нетерпѣливожданнаго нами. Занявши большую часть корпуса Нея битьюю съ бригадою генерала Плоца и преслѣдованіемъ ея къ Крейцбургу, Лестокъ, съ главными своими силами, которыя состояли изъ девяти баталіоновъ и двадцати девяти эскадроновъ*, обратился на Лейсепъ, Гравентенъ и Альторфъ. Уже было около четырехъ часовъ: дорога Альторфская зачернѣла войсками, и Бенингсенъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, и для ускоренія ихъ прихода, и для того, чтобы направить ихъ по собственнымъ видамъ. Замѣтно было, что по прибытіи главнокомандующаго къ этому корпусу, стремленіе его усилилось. Лестокъ направленъ былъ къ Шлодигтену: онъ миновалъ это селеніе, и, не доходя до Кушиттена, построился въ боевой порядокъ. Правую колонну его составлялъ Русскій Выборгскій полкъ, лѣвую полкъ Рюхеля; въ резервъ за ними, гренадерскій баталіонъ Фобецкаго сталъ развернутымъ фронтомъ. Пѣхотный полкъ Шённинга, построенный въ колонну, оставивъ селеніе влѣво, ударилъ на непріяТЕЛЬСКУЮ пѣхоту, которая передъ нимъ находилась, опрокинулъ ее и прогналъ въ лѣсъ, прилегавшій къ озерамъ. Генералъ Каль, съ конницею и съ однимъ полкомъ казаковъ, который присоединился къ нему отъ главной арміи, бросивъ Кушиттенъ вправо, напалъ на непріяТЕЛЬСКУЮ кавалерію, примыкавшую къ этому селенію, и разстроилъ

* 5,584 человекъ, по рапорту Лестока.

ее; потомъ обратился на пехоту, выбывавшую въ разстройствѣ изъ Кушнттена, затопталъ и истребилъ большую часть ея, и не допустилъ ея до лѣса, въ которомъ скрылась первая пехота. Въ этомъ случаѣ Выборгскій пехотный полкъ отбилъ три орудія, взятые Французами у нашего лѣваго фланга во время его отступленія.

Овладевъ Кушнттеномъ, Лестоку повернулъ войска вправо и построилъ ихъ лицомъ къ лѣсу. Полкъ Шённига составилъ тогда правый флангъ; гренадерскій баталіонъ Фобецкаго и Выборгскій пехотный средину, а полкъ Рюхеля лѣвый флангъ корпуса. Вторую линію образовали кирасирскій полкъ Вагенфельда и драгунскіе полки Ауера и Бачко. Легкоконный полкъ «товарищей» занялъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ пехоты.

Въ это время, нашъ отступавшій лѣвый флангъ остановился и устроился; а резервъ его подъ командою генерал-майора графа Каменскаго, и конница резерва, подъ командою генерал-майора Чаплица, двинулись на подпору Прусскому корпусу.

Атака лѣса была произведена съ превосходнымъ мужествомъ и съ замѣчательнымъ устройствомъ. Лѣсъ былъ очищенъ частію огнестрѣльнымъ, частію холоднымъ оружіемъ. Вотъ моментъ общаго натиска всей средины и всего главнаго резерва нашей арміи на разжиженные отъ утренняго боя корпусъ Ожеро, конную гвардію и три кавалерійскія дивизіи Клейна, Груши и Гоцульта, которыя соединили лѣвый флангъ Французской арміи съ правымъ. Подобное движеніе даровало победу Наполеону подъ Аустерлицемъ.

Но армія наша осталась на-мѣстѣ, и ограничила дѣйствіе свое одною канонадою. Напору Лестока содѣйствовала собственная его артиллерія, стрѣлявшая въ лице войскамъ Даву и Сентъ-Илера, и артиллерія Ермолова, которая низала линію корпуса и дивизіи по всему протяженію отъ лѣваго до праваго ихъ фланга.

Не смотря на это общее съ нашей стороны бездѣйствіе, которое предоставляло всѣ усилія одному Лестоку и артил-

лерія Ермолова, непріятель не устоялъ противъ нихъ. Отступленіе его, начатое сперва съ устройствомъ, обратилось наконецъ въ опасный безпорядокъ, который достигъ до того, что двадцать восемь орудій, частію подбитыхъ, частію ничѣмъ не поврежденныхъ, были брошены Французами на мѣствъ сраженія. Невздѣніе объ этомъ и наступившій мракъ вечера не дозволили Прусскому генералу украсить день Эйлаускій такими важными трофеями. Даву и Сентъ-Илеръ, оставивъ поле битвы, расположили войска свои по обѣимъ сторонамъ Саусгартена: авангардъ ихъ занялъ мѣсто въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди его. Вся непріятельская линія разсыкала поле сраженія отъ Саусгартена до Эйлау. У города остались на прежнихъ мѣстахъ пѣхотныя дивизіи Левая и Лепрана; но четыре легкія кавалерійскія бригады подвинулись къ Альторфскому ручью, для открытія сообщенія съ частію корпуса Нея, подходившею уже къ Альторфу.

Съ нашей стороны, войска расположились на такой чертъ:

Передняя линія, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ дорогѣ, ведущей изъ Кушиттена въ Лампахъ, шла вдоль ближайшей опушки лѣса, который передъ Кушиттеномъ, и занимала лѣсъ пѣхотою до самой вѣшной его опушки. Оттуда линія эта разсыкала боевое поле впереди Ауклапена и упиралась въ нашу центральную баттарею, игравшую такую значительную роль въ первомъ періодѣ сраженія. Къ баттарею примыкали войска нашего праваго фланга, какъ и въ первоначальномъ ихъ построеніи передъ сраженіемъ. Это насупротивное положеніе сражавшихся войскъ по прекращеніи битвы доказываетъ отсутствіе рѣшительнаго перевѣса оружія одной арміи надъ другою. Какъ Французская, такъ и наша, остались въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, уступившемъ нѣсколько мѣста корпусу Даву и дивизіи Сентъ-Илера, по причинѣ наступленія сумрака, сопровождаемаго снѣгомъ, который затруднилъ битву. Еще одинъ часъ дня и Лестоку неминуемо овладѣлъ бы артиллеріею, оставленною Французами между Кушиттеномъ и Саусгартеномъ, и принудилъ бы самый корпусъ Даву и дивизію Сентъ-Илера отступить за Саусгартенъ и дадѣе.

Глубокая ночь болѣе и болѣе густѣла надъ Эйлаускимъ полемъ, убитаннымъ кровію. Всѣ окружныя селенія почезали въ пламени, и отблескъ пожаровъ разливался на войска, которыя были утомлены, но еще стояли подъ ружьемъ и ожидали повелѣній своихъ начальниковъ. Кой-гдѣ видны уже были вспыхнувшіе костры биваковъ, около которыхъ толпились сотни раненыхъ, тогда какъ другія сотни пробрались и ползли къ нимъ. Искаженные трупы людей и лошадей, разбитыя фуры, пороховыя ящики и лафеты, доспѣхи и оружіе, — все это, здѣсь разбросанное, тамъ сваленное въ груды, придавало равнинѣ живописность ужаса и разрушенія, которая не была бы недостойною кисти творца «Послѣдняго дня Помпей».

Бой прекратился, но недоумвіе — возобновить ли битву или отступить намъ къ Кенигсбергу, Французамъ къ Вислѣ, обуревало мысли верховныхъ вождей обѣихъ армій. Упрямѣйшій восторжествовалъ, — не нападеніемъ, но дождавшись утра на мѣстѣ битвы. Беннигсенъ оставилъ поле около полуночи и на немъ нѣсколько эскадроновъ для прикрытія армій, которая потянулась къ Кенигсбергу. Лестокъ отошелъ черезъ Алленбургъ въ Вело. Погони не было. Французская армія, какъ изстрѣленный военный корабль, съ обломанными мачтами и съ изорванными парусами, колыхалась—еще грозная, но неспособная уже сдѣлать одинъ шагъ впередъ, ни для битвы, ни даже для преслѣдованія.

Вдругъ закипѣли ружейныя выстрѣлы въ Шлодиттенѣ. Мы изумились. Первая наша мысль обратилась къ Нею, который вышелъ изъ нашей памяти. И подлинно, Ней, прибывъ съ частію своего корпуса въ Альторфъ въ девять часовъ вечера, нашелъ тамъ Прусскій гренадерскій баталіонъ капитана Куровскаго. Этотъ офицеръ, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, оставилъ селеніе и отошелъ къ армій. Генералъ Лиге-Белеръ, который съ шестымъ и тридцать-девятымъ полками легкой пѣхоты, следовалъ за нимъ, вступилъ въ Шлодиттенѣ, селеніе, полное нашими ранеными и командами, прибывшими для ихъ прикрытія. Последнія открыли огонь по Французамъ, и перестрѣлка завязалась. Тогдашъ отражены были на помощь имъ

Воронежскій пѣхотный полкъ и нѣсколько орудій; но непріятель, не дожидаясь прибытія нашего отряда, отступилъ въ Альторфъ, и тѣмъ прекратилась тревога.

Двадцать осьмага числа армія наша, отдохнувъ въ Мюльгаузенъ, продолжала путь къ Кепингсбергу, вокругъ котораго остановилась, оставивъ арріергардъ князя Багратиона въ Людвигсвальдъ.

Французская армія, опасаясь на пути впередъ новаго сраженія, осталась около Эйлау. Только двадцать четыре эскадрона двинулись для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истеченіи сляшкомъ двухъ сутокъ и когда Наполеонъ удостовѣрился въ прибытіи нашей арміи къ Прегелю.

Пятаго февраля Наполеонъ рѣшился отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ: онъ оставилъ Эйлау, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и всеми казачьими полками подъ начальствомъ атамана своего Платова, который съ того дня началъ свою Европейскую репутацію.

Обратное шествіе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало отступленію я пять лѣтъ послѣ изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевидцемъ кровавыхъ слѣдовъ ея отъ Эйлау до Гутштата. Весь путь усыпанъ былъ ея обломками. Не было пустаго мѣста. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей, умирающихъ или завалившихъ дорогу своими трупами, и лазаретныя фуры, полныя умершими или умирающими солдатами и чиновниками. Торопливость въ ступленіи до того достигала, что, кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ, выброшенныхъ на спягъ безъ покрова и одежды, истекающихъ кровью. Такихъ было на каждой верствѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни на пути нашемъ завалены были больными и ранеными, безъ врачей, безъ пищи, безъ малѣйшаго призора. Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, много мародѣровъ и восемь орудій, завязшихъ въ спягу и безъ упряжи.

Уронъ нашъ въ этомъ сраженіи простирался почти до половиннаго числа сражавшихся, то есть, до 37,000 человекъ убитыхъ и раненыхъ: по спискамъ видно, что послѣ битвы армія наша состояла изъ 46,800 человекъ регулярнаго войска и 2500 казаковъ*. Подобному урону не было примѣра въ военныхъ лѣтописяхъ со времени изобрѣтенія пороха.

Оставляю читателю судить объ уронѣ Французской арміи, которая обладала меньшимъ числомъ артиллеріи противъ нашего и отбитой отъ двухъ жаркихъ приступовъ.

Трофеи наши состояли въ девяти оралахъ, исторгнутыхъ изъ рядовъ непріятельскихъ, и въ 2,000 пленныхъ. Прусскій корпусъ взялъ два ора.

Трогательное происшествіе случилось со мною послѣ сраженія. За годъ и два мѣсяца армія наша поражена была подъ Аустерлицемъ. Кавалергардскій полкъ раздѣлялъ поражение съ прочими. Служившій въ этомъ полку поручикомъ родной братъ мой, тогда двадцати-лѣтній юноша, былъ жестоко раненъ: онъ получилъ пять ранъ саблею, одну пулею и одну штыкомъ, и былъ оставленъ за-мертво въ грудѣ труповъ на полѣ сраженія. Такъ пролежалъ онъ до глубокой ночи. Ночью онъ очнулся, всталъ, и кой-какъ добрѣлъ до огня, сверкавшаго изъ ближайшей деревни, которую нашли полную Русскими ранеными. Онъ помѣстился между ними. Спустя трое сутокъ, двое кавалергардовъ, подобно ему, но гораздо легче его раненыхъ, Араповъ и Барковскій, уговорили его идти вслѣдъ за отступавшею арміею нашей, и они, не зная ея направленія, побрели вмѣстѣ, какъ бродягъ люди, изнуренные страданіями и голодомъ. Путешествіе ихъ продолжалось не долго. Гвардейскій конно-гренадерскій эскадронъ, отряженный изъ Французской арміи для собранія раненыхъ, какъ Французскихъ такъ и Русскихъ, настигъ странниковъ и объявлялъ имъ объ ихъ участи. Дѣлать было нечего: надобно было повиноваться. Эскадронъ пошелъ далѣе, но командиръ его препоручилъ брата моего и его двухъ товарищей одному изъ офицеровъ своего эскадрона для доставленія ихъ въ Брюнъ, гдѣ тогда находилась главная квартира Наполеона.

* Изъ записокъ генерала Беннигсена.

«Но, бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ!» говоритъ пословица. Офицеръ этотъ былъ поручикъ Серюгъ, племянникъ министра Марѣ (герцога Бассано). На его произволь отданы были и жизнь и смерть брата моего. Я говорю — жизнь и смерть, потому что ненависть Французовъ къ Русскимъ и Русскихъ къ Французамъ началась съ этой эпохи. Въ обѣихъ арміяхъ вошло въ обычай срывать съ пѣвника послѣдній покровъ, послѣдною обувъ, и, изнеможенного голодомъ, усталостью, стужей или ранами, предавать смерти. Начальство этого не приказывало, но за такіе поступки и не взыскивало. Человѣколюбивый и сострадательный Серюгъ не былъ еще зараженъ этими гнусными примѣрами. Соболезнуя злополучію своего пѣвника, онъ простеръ свою снисходительность до того, что воспретилъ ему идти пѣшкомъ, посадилъ его на лошадь и раздавалъ послѣдній кусокъ собственного хлѣба съ ослабленнымъ отъ голода врагомъ. Онъ довезъ его до пастора ближайшаго села, приказалъ накормить его при себѣ до-сыта, снарядилъ для него повозку и отправилъ его въ Брюнъ, ожививши его дружескимъ и, можно сказать, братскимъ участіемъ. Кромѣ того, онъ далъ брату слово отыскать его въ Брюнъ, куда надѣялся вскорѣ возвратиться, и на случай невозврата взялъ съ него слово прибѣгнуть прямо къ дядѣ его, министру Марѣ, и требовать отъ него всѣхъ вспомоствованій, необходимыхъ въ его положеніи.

Все это слышалъ я отъ брата, по возвращеніи его изъ плѣна, за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ армію.

Прибывъ съ арріергардомъ въ Людвигсвальдъ 29 января, я отпросился у князя Багратіона въ Кенигсбергъ для своихъ надобностей, и, по прибытіи туда, присталъ у генерала Чаплица, исправлявшаго должность комманданта города. Чаплицъ объявилъ мнѣ, что какой-то Французскій офицеръ, раненый въ послѣднемъ сраженіи, спрашивалъ его обо мнѣ, или лучше сказать, осведомлялся, нѣтъ ли въ арміи нашей гвардіи поручика Давыдова? Я одинъ былъ гвардіи поручикъ Давыдовъ въ цѣлой арміи, и, изъ любопытства узнать имя этого Французскаго офицера, просилъ показать себѣ именно списокъ плѣнныхъ чиновниковъ. Каково бы-

ло мое удивленіе, когда имя «Гвардіи конно-гренадерскаго полка поручика Серюга», первое бросилось мнѣ въ глаза при раскрытіи огромнаго фоліанта! Увидѣть это имя и бѣжать къ Серюгу — было однимъ движеніемъ. Я еще не добѣжалъ, еще не видалъ его въ лицѣ, а уже былъ его братомъ, его другомъ, — вѣчнымъ другомъ и страстнымъ братомъ. Надобно сказать, что жители Кенигсберга, узнавъ о прибытіи нашей арміи къ стѣнамъ города, опасались отступленія ея далѣе и занятія города Французами: вотъ почему, чтобы благовременно заслужить Наполеонову благосклонность, они всеми мѣрами испросили у Беннигсена позволеніе разобрать по домамъ своимъ раненыхъ Французскихъ офицеровъ, для пользованія и содержанія ихъ на своемъ иждивеніи. Разумѣется, что въ этомъ фортуна болѣе благопріятствовала племяннику министра чѣмъ другому. Серюгъ пользовался гостепримствомъ богатѣйшаго гражданина въ Кенигсбергѣ.

Я нашелъ его въ высококомъ, роскошно убранномъ домѣ, котораго весь первый этажъ предоставленъ былъ на его волю. Кровать съ занавѣсой, бѣлье отличное, ширмы, столы, диваны, обширныя кресла возлѣ кровати, полусвѣтъ и куреніе въ комнатѣ, и врачъ и лекарства: ни въ чемъ не было недостатка. Но онъ лежалъ блѣдный, изнеможенный, въ жестокихъ страданіяхъ. Нѣсколько сабельныхъ ранъ по головѣ и по рукамъ не столько его беспокоили, сколько мучила его рана пикой въ пахъ, — глубокая и смертельная. Я тихо и осторожно подошелъ къ кровати страдальца и объявилъ ему мое имя. Мы обнялись какъ-будто совоспитанники, какъ-будто родные братья. Онъ спросилъ о братѣ моемъ съ живымъ участіемъ; я благодарилъ за сохраненіе мнѣ его, и предложилъ себя къ его услугамъ съ душевнымъ чувствомъ. Онъ на это отвѣчалъ мнѣ: «Вы видите, я на попеченіи добраго человека и ни въ чемъ не нуждаюсь. Однако вы можете мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Безъ-сомнѣнія между пѣвными есть раненые моего звѣда: не можете ли вы исходатайствовать у начальства двухъ, или хотя одного изъ моихъ конно-гренадеръ для пребыванія подлѣ меня. Пусть я умру, не спуская съ глазъ мундира моего полка и гвардіи великаго человека.»—Разумѣет-

ся, что я бросился къ Беннигсену и Чаплицу, испросилъ у нихъ позволеніе на избраніе изъ толпы павшихъ двухъ конно-гренадеръ взвода Серюга, и черезъ два часа явился къ нему въ сопровожденіи двухъ его усачей, остренныхъ медвѣжьими шапками и одѣтыми во всю форму. Нельзя изъяснить радости несчастнаго моего друга при видѣ своихъ сослуживцевъ. Изъявленію благодарности не было бы конца, безъ просьбы моей прекратить перывы сердца, столь изнурительные въ его положеніи.

Двое сутокъ я не оставлялъ Серюга ни денно, ни ночью; на третьи все кончилось: онъ умеръ на рукахъ моихъ, и похороненъ на Кенигсбергскомъ кладбищѣ.

За гробомъ шли тѣ же два Французскіе конно-гренадера и поручикъ Русской гвардіи. Странное сочетаніе людей и мундировъ!

Глубокая печаль живо выражалась на лицахъ старыхъ рубакъ, товарищей моихъ въ процессіи..... Я былъ молодъ..... я плакалъ.

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ

Г. ПАРРОТА НА АРАРАТЪ.

=

Хотя уже протекло ровно шесть лѣтъ послѣ восшествія на Араратъ Г. профессора Паррота, и главные результаты его известны въ ученомъ свѣтѣ, полное путешествіе вышло только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Берлинъ: оно поставяетъ насъ въ пріятную возможность обозрѣть открытія, сдѣланныя ученою экспедиціею, которой Г. Парротъ былъ начальникомъ. Мы последуемъ за занятіями экспедиціи во все время ея путешествія, котораго протекшая часть конечно занимаетъ всѣхъ Русскихъ, и обставимъ это любопытнѣйшими чертами ея странствованія.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Г. профессоръ Парротъ былъ на вершинѣ горы Казбека и разсмотрѣлъ съ нея на далекомъ горизонтѣ круглую возвышенность, которую онъ принялъ за серебряный вѣнецъ Арарата. Съ того времени онъ началъ думать объ ученой экспедиціи на Араратъ и возможности достигъ его священной вершины, которая съ незапамятныхъ временъ почиталась недоступною для грѣшнаго человека. Г. Парротъ видѣлъ только одно препятствіе: Библейская гора стояла пограничнымъ столбомъ между двумя государствами, Турціею и Персіею, которыя вовсе не расположены покровительствовать ученыхъ экспедицій. Мирныя условія, заключенныя между Персіею и Россіею въ Тюркменчавъ, 10 февраля 1828, поставили Араратъ на распутіи трехъ державъ; но хищные Курды рыскали еще вокругъ него на сѣверъ и на югъ, и нельзя

* *Reise zum Ararat, von Dr. Friedrich Parrot, Professor der Physik zu Dorpat, Russisch Kaiserlichem Staatsrathe, Ritter des Ordens der heil. Anna zweiter Classe mit der Kaiserlichen Krone u. s. w., unternommen in Begleitung der Herren Candidaten der Philosophie Wassili Fedorov, Stud. der Mineralogie Maximil. Behagel von Adlerskron, Studiosen der Medicin Julius Hehn und Karl Schieman. Berlin, 1834. Zwei Bände.*

было надѣяться на безопасное пребываніе у его подошвы. Вскорѣ возгорѣлась война съ Турціею. Русскія войска перешли черезъ Араксъ, оставили за собой Араратъ и заняли Баезидскій пашалыкъ. Разбои Курдовъ прекратились, и важный Османлы, не опасаясь ихъ, уже могъ свободно прогуливаться по части Курдистана подъ защитою Русскихъ знаменъ. Это обстоятельство подало Г. Парроту надежду о возможности осуществить давно задуманный планъ. «Я почувствовалъ, что настало время привести въ дѣйствіе всѣдлѣнее мое желаніе, которое не остывало при одномъ видѣ многочисленныхъ препятствій», говорить почтенный профессоръ.

«Незнаніе мѣстностей и неуверенность въ продолжительности благополучнаго состоянія дѣлъ около Арарата не позволили мнѣ выполнить планъ въ большомъ видѣ: я вознамѣрился запастись только самыми необходимыми физическими инструментами и отправиться на свой счетъ съ воспитанникомъ профессора Энгельгарта, Г. Бегагель-фонъ Адлерскровомъ, который согласился сопровождать меня въ качествѣ минералогъ и сотрудника по части барометрической нивелировки. Мнѣ казалось, что я не удалюсь отъ цѣли, если даже буду наблюдать священную гору просто глазами варующаго христіанина и опытнаго путешественника. Между-тѣмъ обнаружили ржавое желѣзное существованіе мнѣ въ моемъ предпріятіи, также на свой счетъ, два молодые воспитанника нашего (Дерптскаго) университета, студенты медицины, Г. Юлій Генъ и Карлъ Шиманъ,—первый для собиранія предметовъ по ботаникѣ, второй по зоологіи. Предпріятіе получило вдругъ и совсѣмъ неожиданно большій размѣръ: профессоръ Струве, изъ участія къ молодому астроному, котораго образовалъ, именно Г. Фодорову, испросилъ у правительства дозволеніе, чтобы онъ, на казенное издѣваніе, отправился съ готовившеюся экспедиціею, для астрономическихъ наблюденій. Г. Струве снабдилъ его необходимыми орудіями, такъ, что мы поставлены были въ возможность не только астрономически опредѣлять мѣста, но и выполнить тригонометрическое измѣреніе высотъ Арарата, и даже наблюдать качанія маятника».

Августѣйшій покровитель наукъ въ Россіи повелѣлъ отпустить сумму въ тысячу шесть сотъ рублей серебромъ на покупку инструментовъ и на издержки путешествія Г. Фодорову. Два прекрасные хронометра были пріобрѣтены для экспедиціи; одинъ снисходительною заботливостію бывшаго министра просвѣщенія, князя Ливена, купленъ былъ изъ

Главнаго адмиралтейства; другой былъ занятъ изъ Императорской Академіи Наукъ. Этимъ не ограничилось участіе просвѣщеннаго правительства въ дѣлѣ экспедиціи: фельд-егерь назначенъ былъ сопровождать ее въ пути; она поручена была особенному вниманію главнокомандовавшаго Закавказскими провинціями, графа Паскевича-Эриванскаго, и сверхъ-того, свѣдствія ея были столь же пріятны для наукъ сколько и для самихъ путешественниковъ. Знаменитый Дерптскій ученый съ особеннымъ удовольствіемъ говоритъ о полученныхъ ими награжденіяхъ,—начиная съ себя.

«Сколько это заботливое попеченіе правительства поощряло наши добросовѣстные и усердныя занятія во все время путешествія, столь же щедро были награждены они по окончаніи. Намъ заплачены были все путевыя издержки; я былъ Высочайше награжденъ орденомъ Св. Анны второй степени; Г. кандидатъ Федоровъ получалъ въ подарокъ употребленный имъ съ такою ревностью Рейхенбаховъ теодолитъ и триста рублей серебромъ, оставшихся отъ суммы, отпущенной на издержки путешествія, а Г. фельд-егерю Шульцу пожалованъ драгоценный брильянтовый перстень».

Эти подробности да не покажутся лишними: онѣ какъ-то поставляютъ предпріятіе на настоящую точку, съ которой можно видѣть средства, доставленныя экспедиціи для собранія всехъ нужныхъ свѣдѣній.

Г. Парротъ отправился изъ Дерпта 30 марта 1829, позже нежели онъ предполагалъ и чѣмъ ему хотѣлось для пользы самаго предпріятія, потому что онъ зналъ изъ прежняго своего путешествія,* что февраль и мартъ самыя лучшіе мѣсяцы, даже единственное время года, удобное для произведенія естествоиспытаній въ южныхъ странахъ. Позже, начиная съ іюня мѣсяца, прозябаніе тамъ почти вымираетъ отъ палящихъ лучей солнца и высыхающей почвы; выгораютъ лѣса, высыхаютъ ручьи и озера, и звѣрь, лишенный корма, убѣгаетъ отъ жаровъ и засухи въ болѣе возвышенныя и прохладныя мѣста. Недостатокъ въ почтовыхъ лошадяхъ по Смоленскому тракту, заставилъ экспедицію своротить на Московскую дорогу, къ Вязьмѣ, и она

* Reise in die Krym und den Kaukasus. Von M. von Engelhardt und Dr. Friedrich Parrot. Berlin, 1815.

продолжала путь через этот городъ, Калугу, Орель, Курскъ, Харьковъ и Бахмутъ къ Ново-Черкасску, куда прибыла 10 мая. Въ Калугѣ Г. Парротъ дѣлалъ наблюденія надъ погодою вмѣстѣ съ докторомъ Верманомъ, который уже давно живетъ въ этомъ городѣ и тщательно, ежедневно наблюдаетъ Калужскую температуру. Въ Харьковѣ Дерптскіе ученые разсматривали университетъ и отдали полную справедливость его клиническому отдѣленію. Изъ Бахмута они отправлялись осмотрѣть копи каменнаго угля, находящіяся въ Никитовскѣ. Оставивъ Ново-Черкасскъ, 10 мая, экспедиція раздѣлилась надвое: одна часть съ большею половиною инструментовъ и обозомъ отправилась черезъ Ставрополь въ Моздокъ, а другая, — господъ Парротъ, Бегагель и Шульцъ, — свернули съ пути, чтобъ заняться изслѣдованіемъ важной и до сихъ поръ нерѣшенной задачи о первобытномъ соединеніи Каспійскаго Моря съ Чернымъ. Общая занимательность вопроса позволяетъ намъ войти въ его подробности.

Со времени барометрическихъ измѣреній, сдѣланныхъ Г. Парротомъ вмѣстѣ съ Г. Энгельгардтомъ во время перваго путешествія его на Кавказъ въ 1811 году, въ ученое свѣтъ были приняты его сравнительныя наблюденія надъ уровнемъ Чернаго и Каспійскаго Морей, и уровень послѣдняго поставленъ тремя стами Французскими футами ниже перваго*. Ученые быстро и съ полною довѣрчивостію къ точности Г. Паррота подхватили это измѣреніе, и, основываясь на немъ, ясно доказали достовѣрность стариннаго мнѣнія о прежнемъ соединеніи двухъ морей. Г. Парротъ въ повомъ своемъ путешествіи хотѣлъ получить новыя, болѣе точныя подтвержденія этой знаменитой гипотезы, потому что въ прежнихъ измѣреніяхъ не доставало одного главнаго условія, вѣрности, — барометры не были повѣрены и сравнены между собою. Это обстоятельство заставило его подвергнуть сравнительной нивелировкѣ пространство отъ Чернаго Моря до Каспійскаго, вдоль Маныча, какъ кратчайшаго перешейка. Къ сожалѣнію, время не позволило

* Французскій футъ 9, 4 Французскими линіями, то есть, болѣе чѣмъ $\frac{1}{15}$ длиннѣе нашего Англійскаго. Онъ имѣетъ 144 такіа линіи.

продолжить наблюденія до самаго Каспія; впрочемъ большая половина теченія Маныча была описана, а остальное пространство узнано изъ достоверныхъ источниковъ, отъ туземцевъ, которымъ эта земля известна какъ свой карманъ. Сомнѣніе въ вѣрности прежней выкладки возбуждено было и другими обстоятельствами.

Рѣка Манычъ течетъ на пространствѣ болѣе пяти сотъ верстъ со стороны Каспійскаго Моря, вытекая только на разстояніи осмидесяти верстъ отъ его берега. Это предполагало бы значительную высоту Каспійскаго берега для полученія разности трехсотъ Французскихъ футовъ между двумя морями, или довольно большую возвышенность въ близкомъ отъ него разстояніи. Ни то, ни другое не имѣетъ здѣсь мѣста; весь берегъ Каспія къ северу отъ Кавказа чрезвычайно плоскъ, и отъ десяти до пятнадцати верстъ въ ширину покрытъ тростникомъ,—а между нимъ и истоками Маныча возвышаются одни песчаные холмы не больше сорока и осмидесяти футовъ, и тѣ такъ часто перемежаются, что пролегающую черезъ нихъ дорогу въ Астрахань переносятъ всякой разъ на другое мѣсто. Притомъ степная рѣка Сарпа, которая беретъ свое начало въ тѣхъ же песчаныхъ холмахъ какъ и Манычъ, только севернѣе ея, несмотря на частое обиліе своихъ водъ отъ дождей и тающихъ снѣговъ, беретъ северное направленіе, вмѣсто того, чтобы течь въ такое низкое корыто, какое предполагали у Каспія. Уже эти два обстоятельства ни сколько не говорятъ въ пользу низкаго уровня этого средиземнаго моря; прибавьте еще къ тому, что Манычъ на своемъ пятисотъ—верстномъ теченіи имѣетъ самый незначительный склонъ, и Волга съ точки впаденія въ нее Сарпы имѣетъ только пятьдесятъ футовъ паденія.

Для приведенія въ ясность столь сомнительной разности между двумя морями, Г. Парротъ, который за двадцать лѣтъ провозгласилъ ее свѣту и все это время пользовался славою великаго открытія, теперь, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Г. Бегаелемъ, рѣшился произвести барометрическое нивелированіе степи, лежащей между ними, къ северу отъ Кавказа, и отдѣляющей ихъ пространствомъ только пяти или шестисотъ верстъ. Они приняли всѣ

мъры, нужная для совершенной точности подобныхъ измѣреній, — сравнили и повѣрили свои барометры и слѣдили ихъ всякую ночь, когда парочно сходились для повѣрки своихъ инстументовъ и взаимнаго сообщенія результатовъ. Они начали измѣренія за сорокъ верстъ отъ устья Маныча, и продолжали ихъ до соединенія его съ рѣкою Калаусомъ: нивелировка произведена было на чертѣ двухсотъ пятидесяти верстъ, и они имѣли на томъ протяженіи девятнадцать стодинъ, то есть, девятнадцать точекъ наблюденія.

Первая точка была въ хуторъ Балабинъ, и Манычь имѣлъ здѣсь двѣ сажени глубины; послѣдняя близъ впаденія въ него Калауса: здѣсь онъ представлялъ два съ половиною фута. Изъ полнаго обзоренія полученныхъ величинъ, видно, что его паденіе 2,086 туазовъ или $12\frac{1}{2}$ футовъ на 250 верстъ, или три пятыхъ дюйма на версту; но лѣтомъ воды его гораздо обильнѣе и онъ бываетъ четырьмя аршинами глубже. Впрочемъ это не измѣняетъ полученнаго результата о тихости его теченія, которое имѣетъ только два фута склоненія на сорокъ верстъ. Г. Парротъ не могъ распространить далѣе своихъ изысканій; но пріѣхавъ въ Кизляръ, онъ получилъ любопытныя извѣстія о восточной части Маныча отъ одного Армянина, Г. Гамбаріанца, который, хотя теперь живетъ богачемъ въ Кизлярѣ, родился въ Ибиткѣ и считаетъ страну между Манычемъ и Кумою своею родиною. По его рассказамъ, восточный Манычь течетъ не отъ Каспійскаго Моря, и не съ востока къ западу, какъ обыкновенно его обозначаютъ, но изъ Калауса, и струится въ восточномъ направленіи, принимая въ себя множество ручьевъ съ сѣвера и юга. Изъ этого, профессоръ выводитъ любопытныя факты для Физической Географіи страны, лежащей къ сѣверу отъ Кавказа: отъ Эльбурза къ Ставрополю идетъ невысокая горная цѣпь, которая продолжается скатами далѣе къ сѣверу, и она-то составляетъ стѣну бассейновъ Чернаго и Каспійскаго Морей. Изъ высшей ея точки изливаются Кубань и Терекъ, потомъ Егорлыкъ и Кума, наконецъ Калаусъ, котораго концы уже лежатъ въ степи и впадаютъ въ Манычь; далѣе Саль и Сарпа.

Извѣщеніе нижнихъ частей Волги и Дона также могло пояснить вопросъ о предположенномъ древнемъ соединеніи двухъ морей. Гг. Парротъ и Бегагель отправились въ Астрахань, гдѣ уровень Волги почти одинакій съ Каспіемъ, и продолжали свои наблюденія къ свверу отсель до Царицына, потомъ къ свверо-востоку до Качалинска, на Дону, и оттуда до Старо-Черкасска, на протяженіи 874 верстѣ. На этомъ пространствѣ они имѣли 33 точки наблюденія, которыя дали теперь право профессору опровергнуть собственную свою славу и сказать рѣшительно, что «между высотами Чернаго и Каспійскаго Морей нѣтъ значительной разности.» Это подтвердили и наблюденія, сдѣланныя почти въ то же время Гг. Гофманомъ и Гельмерсеномъ надъ рѣкою Ураломъ.

Баронъ Александръ Гумбольдтъ, который во время своего ученаго путешествія по Россіи съ Гг. Рове и Эренбергомъ, дѣлалъ самъ барометрическія наблюденія и вывелъ изъ нихъ фактъ, совершенно противный углубленію Каспійскаго на триста футовъ ниже поверхности Чернаго Моря и океана, принялъ живое участіе въ новыхъ выводахъ Дерптскаго профессора, и опираясь на противоположности его мнзній въ 1811 и 1830 годахъ объ одномъ и томъ же предметѣ, просилъ объясненій, которыя бы могли поставить въ споръ новый результатъ, полученный Г. Парротомъ. Баронъ Гумбольдтъ, поколебавъ самъ довѣріе, которое ученая Европа имѣла къ прежнему открытію нашего физика,

* Баронъ Гумбольдтъ съ своими спутниками дѣлалъ барометрическія наблюденія на берегахъ Волги, которая впадаетъ въ Каспійское, и Дона, который втекаетъ въ Черное Море, и за вычетомъ разницы географической широты обнхъ точекъ и разстоянія ихъ отъ устьевъ, оказалось, что возвышеніе ихъ русла надъ поверхностью океана одинаково. Такія же наблюденія, произведенныя имъ въ Астрахани и Казани, дали высоту послѣдняго города надъ уровнемъ Каспійскаго Моря почти совершенно равную высотѣ Казани надъ уровнемъ океана, исчисленной Гг. Симоновымъ и Араго. Наконецъ баронъ Гумбольдтъ замѣтилъ, что среднее состояніе барометра въ Оренбургѣ точно такое же, какое было бы во всякомъ иномъ мѣстѣ, котораго возвышеніе надъ океаномъ равнялось бы хорошо извѣстному возвышенію Оренбурга надъ Каспійскимъ Моремъ: по весьма точной нивелировкѣ Гг. Гофманна и Гельмерсена, которой и самъ Г. Парротъ отдаетъ полную справедливость, возвышеніе это простирается до 52 туазовъ.

думаетъ однако жъ, съ свойственною ему вѣжливостію, что показаніе, назначавшее Каспію уровень тремя стами футовъ ниже Чернаго Моря, до тѣхъ поръ не должно быть отвергаемо, пока новые опыты не предъявятъ всѣхъ доказательствъ своей безошибочности и противные доводы не будутъ сличены съ первоначальными. Въ отвѣтъ на это, Г. Парротъ, съ полнымъ самоотверженіемъ въ пользу науки, обнаруживаетъ самъ ошибочность своихъ выкладокъ 1811 года, приписывая ее невниманію своему къ нѣкоторымъ условіямъ подобныхъ наблюденій и испорченности употребленныхъ имъ тогда барометровъ **. Напротивъ, на нынѣшніе барометры, которые показываютъ совсѣмъ другое, онъ можетъ совершенно полагаться: они были отличны, служили даже по возвращеніи экспедиціи, и мы сказали выше, какія предосторожности авторъ всегда принималъ въ своихъ новыхъ измѣреніяхъ. Цѣня въ полной мѣрѣ благородную рѣшимость, съ какою ученый профессоръ приноситъ самаго себя въ жертву истинѣ, нельзя однако не сожалѣть, что онъ допустилъ другимъ опередить себя въ открытіи его ошибки и молчалъ двадцать лѣтъ объ этомъ невниманіи и о неисправности своихъ тогдашнихъ инструментовъ. Если бы Г. Парротъ, сообщая свѣту въ 1810 году свое открытіе столь значительной разности въ уровнѣ двухъ морей, изъявлялъ тогда же сомнѣніе свое въ его достовѣрности, упомянувъ хоть о тѣхъ же самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, которыя теперь онъ такъ хорошо помнитъ, нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ предупредилъ бы онъ множество ложныхъ теорій, основанныхъ съ того времени на его показаніи и вошедшихъ уже во все учеб-

** Г. Парротъ признается, по соображеніи многихъ обстоятельствъ, что въ одномъ изъ барометровъ, употребленныхъ имъ въ 1811 году, заключался, по-видимому, пузырекъ воздуха, отчего вѣснша барометра было несовершенно: такъ какъ измѣреніе производилось на открытомъ воздухѣ, котораго температура во время путешествія туда доходила до $+ 16^{\circ}$ Реомюра, а на обратномъ пути только до $+ 5^{\circ}$, то при подобномъ недостаткѣ инструмента стояніе ртути въ первомъ случаѣ было конечно слишкомъ низко, а во второмъ слишкомъ высоко, и этого онъ не принялъ въ расчетъ. Сверхъ-того, мы уже сказали, что барометры не были достаточно сличаемы.

ныя книги. Нынче должно признаться, что его имя, украшенное столькими заслугами на поприщѣ наукъ, доколѣ Каспій весь не испарится, будетъ связано въ исторіи Физической Географіи съ воспоминаніемъ объ ужаснѣйшей мистификаціи, въ какую только ученая Европа введена была съ начала XIX вѣка.

Наконецъ Каспійское Море пришло въ одинъ уровень съ Чернымъ! Мы надѣемся, что со-временемъ и Аральское поравняется такимъ же образомъ съ Каспійскимъ, хотя теперь ему приписываютъ 117 Французскихъ футовъ возвышенія надъ его соседомъ, следуя выводамъ Гг. Дюгамеля и Анжу.

Этотъ одинъ вопросъ, поставленный въ такую ясность, былъ бы уже достаточенъ для славы экспедиціи, — славы, должно сказать, обратной, или отрицательной, но тѣмъ не менѣе громкой. Перейдемъ къ некоторымъ этнографическимъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время прогулокъ ученаго профессора съ барометрами по берегамъ Маныча. Впрочемъ Г. Парротъ не скажетъ ничего новаго о Калмыкахъ, которыхъ такъ хорошо знаетъ Г. Нефедьевъ, подарившій намъ еще недавно цѣлый томъ разсказовъ объ этихъ красавцахъ. Г. Парротъ довольно коротко познакомился съ обьевропейвшимся Калмыцкимъ княземъ Тюменевымъ, который представляетъ любопытное явленіе въ кочевомъ народѣ. Онъ живетъ въ Астрахани, и имѣетъ очень хорошій домъ въ Европейскомъ вкусѣ, съ гостиною, столовою, билліардною, кухнею, погребомъ и всеми другими нужными службами. Служители его по большей части Калмыки, но есть и Нѣмцы. Замѣчательно, что его шталмейстеръ не принадлежитъ къ породѣ единоплеменныхъ ему кривоногихъ любителей коней: онъ природный Нѣмецъ. Разныя пристройки къ его дому, — Калмыцкіе храмы и другіе домики, всѣ имъ построенные, — притомъ множество кибитокъ, которыя всегда стоятъ между ними, придаютъ его жилищу видъ загороднаго дома самой оригинальной архитектуры. Г. Парротъ тѣмъ пріятнѣе провелъ время у этого почтеннаго Монгола, что встрѣтилъ у него профессора Ганстена, который возвращался изъ Сибири. Мы подробно говорили въ прошломъ году о Г. Ганстенѣ, разсуждая о магнитности

земнаго шара и открытіи новаго магнитнаго полюса въ Сибири *. Князь Тюменевъ служилъ въ казакахъ, и дошелъ до полковничья чина; онъ имѣеть совершенно Европейскіе примы, сохранивъ въ характерѣ немного Калмыцкаго; умъ его простой, здравый, догадливый; онъ чрезвычайно гостеприименъ. Въ его обращеніи съ гостями нерѣдко видно странное смѣшеніе Европейской образованности съ особенной простотою его родимыхъ степей. Онъ въ высшей степени любознателенъ, и удивлялъ ученаго Дерптскаго профессора своими простодушными вопросами; часто спрашивая его о разныхъ ученыхъ вещахъ, онъ прибавлялъ: «Вѣдь я Калмыкъ, который видалъ немного свѣта!» Эта черта одна показываетъ его умъ. Но что думаютъ объ немъ его соплеменники?

Кончивъ наблюденія надъ Манычемъ, Г. Парротъ отправился въ Моздокъ, чтобы соединиться съ ожидавшими его спутниками, и отсюда съ военнымъ эскортомъ вся экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь черезъ Кавказскія ущелья. Въ Владыкавказъ она встрѣтила общаго нашего знакольца, Хосровъ-Мирзу.

«Владыкавказъ, до сихъ поръ какъ и прежде, составляетъ чрезвычайно важный военный пунктъ, куда по малѣйшему сигналу объ опасности спѣшать на сборъ все отряды, расположенныя въ окрестности и все населенія ближайшихъ деревень. По сию пору окрестности Владыкавказа такъ же страшны какъ и прежде, и малѣйшее удаленіе отъ него безъ военнаго отряда подвергаетъ опасности жизнь скотовъ: потому, выходъ изъ него безъ эскорта запрещенъ. Незадолго до насъ угнали почти изъ-подъ самой крѣпости девяносто пять лошадей, и въ короткое время нашего пребыванія мы однажды увидѣли неожиданно съ валовъ толпу «замѣрныхъ», оседлыхъ Оссетинцевъ, которые въ отдаленіи гнали, съ музыкой, криками, выстрѣлами и забрасываньемъ шапокъ въ воздухъ, шесть сотъ овецъ, отпатыхъ, или върѣе, украденныхъ ими у соседнихъ Чеченцевъ, въ возмездіе за похищеніе четырехъ сотъ воловъ».

Изъ Владыкавказа до Коби семьдесятъ верстъ; они отдѣлены прелестнѣйшими долинами и ущельями, изъ которыхъ особенно величественно Даріельское, съ быстрымъ Тереккомъ, съ деревушкою на срединѣ и полуразвалившимъ

* Библиотека для Чтенія, No 4. Отдѣленіе III, стр.

ся замкомъ на вершинѣ утеса. Издали виднѣется Казбекъ. Изъ Коби только два часа ѣзды до такъ называемой Крестовой Горы, откуда дорога поднимается до Іудовой Горы, которой высота 7,534 Парижскихъ футовъ надъ уровнемъ моря и равняется, слѣдовательно, высшей точкѣ Сенъ - Бернарда. Крестовая Гора, названная такъ отъ креста, который поставленъ на ея вершинѣ, поднята на томъ мѣстѣ, гдѣ пролегаетъ по ней дорога, на 7,425 футовъ; крестъ стоитъ двадцать футовъ выше. Южный скатъ Кавказа, по которому идетъ дорога въ долинахъ Арагвы, весьма теплый, богатъ великолѣпнымъ прозябеніемъ, хорошо заселенъ и украшенъ почтенными развалинами Грузинскихъ горныхъ крѣпостей, замковъ, стѣнъ, монастырей и церквей. Ночью отъ пятого на шестое іюня караванъ экспедиціи прибылъ въ Тифлисъ. Графъ Паскевичъ находился тогда съ своимъ войскомъ противъ Турокъ, и ученое путешествіе ввѣрено было попеченіямъ Тифлискаго военнаго губернатора, Г. генерала - адъютанта Стрекалова, который съ просвѣщенною заботливостію оказывалъ всю нужную помощь для экспедиціи. Неожиданное препятствіе задержало ее въ этомъ городѣ противъ ея ожиданія: въ Эривани и другихъ мѣстахъ Арменіи оказалась чума. Но ея ученые члены успѣли употребить съ пользою и согласно съ цѣлью экспедиціи немногія недѣли, проведенныя ими въ столицѣ Закавказья. Г. Федоровъ, вслѣдствіе продолжительныхъ и постоянныхъ астрономическихъ наблюдений, опредѣлялъ съ точностію положеніе Тифлиса: башня соборной церкви города лежитъ, по его выкладкамъ, подъ $41^{\circ}41'$ сѣверной широты; его восточная долгота, по Бердину, соответствуетъ $62^{\circ}34'$. Они занимались кромѣ того постоянными наблюденіями надъ качаніемъ маятника и склоненіемъ и уклоненіемъ магнитной стрѣлки.

«Когда прекратился убійственный жаръ, говоритъ Г. Парротъ, мы начали совершать большіе поѣздки въ окрестности, и узнавать топографію столицы. Сюда принадлежало опредѣленіе высоты горъ, которыя служатъ боками долины Кура, открытой только съ сѣверной и южной стороны. Съ этими измѣреніями я въ то же время согласовалъ свои наблюденія надъ барометромъ, который пристроилъ на каменномъ мосту Кура, близъ крѣпости. По весьма точной нивелировкѣ, кото-

рую и прозвалъ съ Г. Бегагелемъ отъ Тифлиса до Чернаго Моря, оказалось, что мостъ на Куръ находился ровно 1,100 Парижскихъ футовъ выше морской поверхности: Куръ, при среднемъ стояннн воды, имѣетъ подь нимъ 31 футъ глубины. По обѣимъ сторонамъ его лежить городъ. На правомъ берегу находятся дома богатыхъ, большіе рынки, главныя площади и соборы, казенныя зданія и домъ главнокомандующаго, это лучшая и обширнѣйшая часть города; берегъ возвышается отъ восьмидесяти до ста футовъ надъ мостомъ. На лѣвомъ берегу стоятъ каравансераи, большая казарма, рядъ домовъ Итальскихъ колонистовъ и крѣпость. На югъ, городъ упирается въ возвышенности идущія съ юго-запада, и на которыхъ виднются развалины очень старой крѣпости: это такъ называемый «Нарикалѣ». Высшая точка его на западной оконечности старинной стѣны имѣетъ 393 Парижскихъ футовъ надъ тѣмъ мостомъ; далѣе къ западу онъ еще выше, и оттуда-то проведены водопроводы, въ которыхъ впрочемъ вода по большой части всегда высыхаетъ: они ведутъ ее въ городъ только послѣ дождливой погоды.

«Отъ этой возвышенности, по юго-восточному направленію, поперемѣнно то возвышающаяся, то понижающаяся дорога ведетъ мимо двухъ красивыхъ деревьевъ, въ Каджори, находящееся въ восьми верстахъ отъ Тифлиса, съ прекраснымъ и прохладнымъ мѣстоположеніемъ, которое покойный генералъ-губернаторъ Сипягинъ украсилъ со вкусомъ и скромностью, чтобъ самому навсегда успокоиться здѣсь отъ дѣятельныхъ и благихъ трудовъ своихъ. Домъ въ Каджори стоитъ на высотѣ 2,880 Парижскихъ футовъ надъ Курскимъ мостомъ. Самая высокая изъ горъ, окружающихъ Тифлисъ, находится на западѣ, на правой сторонѣ Кура: это Мта-Цминда, или «Священная гора». У подошвы ея построилъ домъ главнокомандующаго, огромный, великолѣпный, съ двумя предлинными Турецкими пулками, Высочайшимъ подаркомъ Императора побѣдителю Турковъ и Персіанъ. На почти отвѣсномъ склонѣ этой горы виситъ небольшой монастырь Святаго Давида, или Гараджана, одно изъ лучшихъ украшеній города: днемъ видны издали его бѣлыя зданія на темной стѣнѣ утеса; ночью, смнренныя огни его церквей и келій. Несчастный Грибоздовъ избралъ его мѣстомъ уснокоенія. Высшая точка этой скалы поднята на 1,050 Парижскихъ футовъ надъ Курскимъ мостомъ: она составляетъ одну оконечность горной цѣпи, которая идетъ отсюда къ западу, постепенно возвышаясь. На разстоянн шести верствъ отъ города стоитъ каменное полуразвалившееся зданіе на вершинѣ отвѣсной скалы: оно 3,140 Парижскихъ футовъ выше Курскаго моста».

Прекрасное обозрѣніе горныхъ породъ, минеральныхъ ключей и температуры этого города дало много интересныхъ данныхъ нашимъ путешественникамъ Мы не можемъ, къ

сожалѣнію, утрудять ими нашихъ читателей, боясь вообще быть «слишкомъ учеными,» но должны хотѣть немного познакомить ихъ съ «погодюю» Тифлиса: это предметъ такой Петербургскій, что въ самомъ началѣ статьи мы подвергались бытѣ спрошенными: «А какова у васъ погода на Араратъ?»

«Въ мѣсяцъ жара и сухость воздуха начинаютъ становиться тягостными, а въ іюнь, іюль и августъ дѣлаются нестерпимыми, такъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, вы съ неудовольствіемъ разстаетесь съ домомъ три часа до полудня и шесть часовъ послѣ: дома вы по-крайней-мѣрѣ защищены отъ палящихъ лучей и почти удушливаго воздуха. Если бѣ въ окрестностяхъ Тифлиса находилось сколько нибудь краснаго лѣса, можно бы съ большимъ успѣхомъ ввести здѣсь Бенгалскую методу прохладенія жилищъ, которая состоитъ въ томъ, чтобы заставлять открытыя окна «краснымъ лѣсомъ», окрашеннымъ въ зеленую краску: это даетъ на пять и шесть градусовъ Реомюра прохлады. Очень простое орудіе употребляется теперь для прохладенія, — Персидскіе вѣеры, которые дѣлаются изъ весьма легкаго матеріала, въ квадратный футъ, и приводятся въ движеніе рукою. Сильнѣйшіе жары во время нашего пребыванія въ Тифлисѣ доходили до 30° Реомюра: это было еще въ тѣни. Въ десять часовъ вечера въ послѣдней половинѣ іюня мы имѣли постоянно отъ 23 до 24 градусовъ, а въ полночь отъ 20° до 21°. Въ іюльскія ночи я находилъ въ это время отъ 24° до 25° Реомюра. Средняя температура цѣлаго года въ Тифлисѣ 12° 7' Реомюра.»

Между-тѣмъ чума въ Эриванской Области уменьшалась, и ученая экспедиція, при надлежащей осторожности, могла продолжать свой путь. Но Г. Федоровъ хотѣлъ непременно кончить свои астрономическія наблюденія, предпріятыя съ цѣлью опредѣлить долготу Тифлиса: для этого нужно было экспедиціи остаться здѣсь еще нѣсколько недѣль. Она совершила въ продолженіе этого времени поѣздку въ Кахетію, которая извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей по своему вкусному вину, и собрали тамъ много важныхъ данныхъ для опредѣленія высотъ. По возвращеніи изъ этой поѣздки, имъ не предстояло болѣе ни какихъ препятствій, и они отправились изъ Тифлиса 1 сентября, ровно пять мѣсяцевъ послѣ отбытія своего изъ Дерпта и уже издержавъ болѣе половины времени, назначеннаго для экспедиціи. До подошвы Арарата, то есть, до деревни Аргури,

которая лежит на концѣ сѣверо-восточнаго ската, изъ Тифлиса двести восемьдесятъ верстъ, считая всѣ обходы горъ и кривизны дороги. Изъ Тифлиса до Эчмадзина двести тридцать верстъ, а отсюда до Аргури пятьдесятъ.

Г. Парротъ воспользовался этой позадкою, чтобы при помощи барометровъ вынвеллировать все пространство отъ Тифлиса до Арарата для точнѣйшаго опредѣленія высоты этой горы надъ поверхностью моря. Измѣренія производились съ тою же осмотрительностью, какъ на Манычѣ, Дону и Волгѣ.

«Дорога отъ Тифлиса идетъ по равнинѣ, поднятой около 600 футовъ надъ Куромъ, въ долину Храма, мелкой но широкой рѣки, впадающей въ Куръ, на которой находятся остатки моста очень старинной постройки. Начиная съ этой точки, которая лежитъ еще ниже, чѣмъ Куръ въ Тифлисъ, она возвышается въ направленіи къ конусообразной горѣ Аллахъ-верди, на южномъ боку которой находится село того же имени и мѣдный рудникъ, который копали еще Греки. На протяженіи пятидесяти верстъ отъ Тифлиса земля довольно обработана, преимущественно подъ виноградъ; дальше, съ ослабвующимъ жаромъ, почва выигрываетъ въ жиръ, и начинается прозябаніе мало-помалу, съ кустарниковъ до деревъ обыкновенной высоты, подобно тому какъ на возвышенныхъ горахъ съ стужею уменьшается разнѣръ деревьевъ, только здѣсь въ обратномъ содержаніи. Въ осьмидесяти верстахъ отъ Тифлиса вы проѣзжаете первую значительную горную цѣпь, которая близъ Аллахъ-верди называется Татарскимъ именемъ Адзвонкъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролегаетъ черезъ ея утесистый гребень дорога, имѣетъ 5,459 Парижскихъ футовъ надъ уровнемъ моря. Южная покатошь этой цѣпи одарена необыкновеннымъ плодородіемъ и нѣжнымъ, здоровымъ климатомъ; особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи мѣстечко Лори: оно было прежде окружено Армянскими деревнями и населено монастырями, и передъ послѣднею Персидскою компаніею въ ней укрывался нѣсколько времени патріархъ Армянскій. Дорога спускается съ высоты Агсбуюка въ эту долину, но для того, чтобы подняться еще выше, — на Безобдалъ, который возвышается на 6268 Парижскихъ футовъ; отсюда она опять спускается въ глубокую, прохладную, лѣсистую равнину и идетъ по ней, черезъ селенія Кмшлякъ и Хамманлу, до третьей, еще высшей цѣпи, — Памбака, отрасли Саганлукскаго хребта между Арзерумомъ и Карсомъ. Хотя высота ея доходитъ до 7335 Парижскихъ футовъ, но вы избираетесь на нее гораздо непримѣтнѣе и легче, нежели на два первые гребня, по крайней мѣрѣ по провзжей дорогѣ; верхомъ путь ближе, но круче. На разстояніи двенадцати верстъ отъ Памбака, мы встрѣтили временной

карантинъ, поставленный здѣсь по случаю чумы, господствовавшей въ Эриванской Области. Какъ мы вѣдали изъ «благополучной» стороны, то насъ ни сколько это не задержало; мы, напротивъ того, воспользовались карантинными палатками, чтобъ пріятно провести ночь подъ ихъ защитою. Мѣсто, гдѣ мы теперь находились, называется Башъ-Абаранъ по-Татарски и Абаранполь по-Русски. Оно касается къ свѣру подошвы Памбака, который отдѣляетъ долину Кура отъ долины Аракса по юго-восточному направленію; къ западу отъ Абаранполя стоитъ высокій, отвѣсный, зубчатый гребень, повидѣнному отдѣльный, но который соединяется съ Памбакомъ, — это известный Алагхезъ. По тригонометрическому измѣренію его, сдѣланному Г. Федоровымъ, онъ 10,148 Парижскими футами выше долины Аракса, и вслѣдствіе нашей барометрической нивелировки, отъ этой равнины до Чернаго Моря, имѣетъ 12,871 футъ надъ Черноморскимъ уровнемъ. Онъ покрытъ постояннымъ снѣгомъ на сѣверной сторонѣ; и на южной я видѣлъ въ августъ мѣсяцъ мѣста, покрытыя снѣгомъ.

Въ далекомъ разстояніи къ югу отъ Башъ-Абарана, при ясной погодѣ, виднѣется вершина Арарата.

«Еще спускаясь съ Памбака, говоритъ Г. Парротъ, я замѣтилъ никакъ его и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его армянца; но высокая масса Алагхеа заслоняла священную гору. Видъ ея съ этой возвышенной точки долженъ быть восхитителенъ! Съ равнины я въ первый разъ довольно ясно увидѣлъ всю гору; восточная ея высота была покрыта густымъ слоємъ, а ея сѣверо-западный скатъ пріятно поразилъ меня: онъ совсѣмъ не такъ крутъ, какъ его изображаютъ и срисовываютъ путешественники, и я тотчасъ узналъ всю неосновательность повѣрья о «невозможности» достигъ его вершины, и спѣшилъ сообщить пріятную надежду моимъ ученымъ сопутникамъ».

Отъ Башъ-Абарана дорога идетъ параллельно съ рѣчкой того же имени, мимо несколькихъ деревушекъ и сель, которыхъ экспедиція тщательно избѣгала, потому что они были тогда зачумлены, прямо къ Эчміядзину, первопрестольной Армянской лаврѣ, игравшей важную роль во все продолженіе нашей послѣдней войны съ Персією. Этотъ монастырь лежитъ на долинѣ Аракса, отъ тридцати до сорока верстъ шириною и покрытой нѣсколькими Армянскими и Татарскими деревнями; онъ служитъ мѣстопробываніемъ Армянскаго патріарха, синода и высшаго духовенства, обогащенъ множествомъ приношеній усердной пачожности, и безъ ущерба для славы «города святаго Пет-

ра», можетъ быть сравненъ въ этомъ отношеніи съ резиденціей Римскаго первосвященника. Даже Персіяне уважали его неприкосновенность; и Хусейнъ-Ханъ, послѣдній сардаръ Армянской Области любилъ видѣть въ порядкѣ Христіанскіе церкви, и слушалъ иногда въ нихъ обѣдню съ благоговѣніемъ. Шахъ-Аббасъ, по взятіи Эчміадзина, принесъ ему въ даръ драгоценное паникадило, которое до сихъ поръ сохранялось: такое уваженіе внушаетъ къ себѣ святыня и со стороны иновѣрцевъ, когда охраняется достойными служителями. Странно различіе терпимости Армянскихъ христіанъ между Турками и Иранцами, уже замѣченное сто семьдесятъ пять лѣтъ прежде Г. Паррота известнымъ путешественникомъ семнадцатаго столѣтія, Тавернье: Турки, которые, какъ и другіе сунниты, благоклоняе къ своимъ соперникамъ по расколу, шитамамъ, чѣмъ эти къ нимъ, въ отношеніи къ Армянамъ показали несравненно больше отвращенія, нежели Персіяне, которые, по-крайней-мѣрѣ по наружности оказывали уваженіе къ ихъ вѣрѣ. Въ Турецкой Арменіи по-сю-пору свирѣпствуетъ эта нетерпимость. Армяне должны носить Восточную одежду; самые ихъ священники не могутъ выходить со двора въ иномъ платьѣ. «Я встрѣтилъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, говоритъ почтенный профессоръ, нѣсколькихъ челоувѣкъ въ Турецкой одеждѣ и совершенно съ Турецкими приемами, которыхъ я было принялъ за значительныхъ Оттомановъ: то были, какъ я послѣ узналъ, Армянскіе купцы изъ Баезида.»

Эчміадзинъ обнесенъ крѣпкою стѣною съ башнями, и лежитъ 2867 Парижскихъ футовъ надъ уровнемъ Чернаго Моря, въ двадцати верстахъ отъ Эривани и въ пятидесяти отъ Большаго Арарата; вокругъ него разбросано нѣсколькихъ красивыхъ селеній и монастырей.

Г. Парротъ былъ очень ласково принятъ услужливымъ архимандритомъ Іосифомъ (Вартабедъ Гованъ Теръ-Марукіанъ) и получилъ переводчикомъ и проводникомъ одного молодаго діакона, который довольно хорошо зналъ Русскій и Татарскій языкъ и еще лучше окрестности монастыря. Мы пропускаемъ подробности о ласковомъ приѣмѣ ученыхъ путешественниковъ въ обители, любопытныя только для

нихъ самихъ, равно какъ и описаніе ея наружности и внутренности, «достопримѣчательныхъ» вещей, которыя въ ней находятся, и кусочка изъ Новаго ковчега, потому что все это уже давно извѣстно изъ путешествій Тавернье и Шардена и съ тѣхъ поръ почти въ такомъ же состояніи, какъ было при нихъ.

Сентября 10 въ десять часовъ утра экспедиція оставила Фимидзэнъ съ его двѣнадцатью епископами и архіепископами, сорока архимандритами и множествомъ діаконовъ. Она увеличилась двумя добровольными спутниками, наемнымъ проводникомъ и молодымъ діакономъ, о которомъ мы говорили. Въ четыре часа она была уже на лѣвомъ берегу Аракса. Какъ черезъ эту рѣку нѣтъ моста, то они должны были искать броду. Почтенные проводники, какъ оказалось, сами не знали мѣстности, и экспедиція была въ отчаяніи, какъ увидѣли вдали бѣднаго Татарина; онъ вывался перевезти ихъ черезъ рѣку, и взявъ у нихъ одну лошадь, чтобъ найти бродъ помельче, тотчасъ же перешелъ на другой берегъ. Г. Парротъ боялся, что онъ не воротится, навсегда останется на той сторонѣ и въ глазахъ надуется ученыхъ путешественниковъ. Подозрѣніе было несправедливо: честный Татаринъ сейчасъ возвратился и охотно помогать ихъ переходу на правый берегъ. Черезъ три часа они были у новой переправы: на пути журчала небольшая рѣка, которая по-Русски, по-Армянски и по-Татарски называется «Чернымъ ручьемъ» и стоитъ этого прозвища, потому что очень глубока, мутна какъ нельзя болѣе и имѣетъ болотистое, черное дно; ея берега на сто шаговъ были покрыты густымъ тростникомъ. Такихъ «черныхъ ручьевъ» довольно много въ долинѣ Аракса: все они на одинъ покрой и обильны рыбою. Ужъ начинало темнѣть, и экспедиція спѣшила перебраться черезъ «Черный ручей», чтобъ выдѣлать время назавтра: съѣла понтонный мостъ на сваяхъ тростнику, и она перебралась не безъ опасности. На первомъ удобномъ мѣстѣ по эту сторону путешественники остановились, развели огонь, разбили палатки и расположились провести ночь. Г. Беггелъ воспользовался наступающимъ утромъ, чтобъ срисовать величественную гору, которая теперь непосредственно во всей красотѣ блеснула

серебрившимися сѣвгами своей вершины прямо передъ глазами путешественниковъ, на юго-юго-западной сторонѣ.

Между тѣмъ, какъ Г. Беггелъ рисовалъ, ученый Дерптскій профессоръ сдѣлалъ весьма важное открытіе въ области Русской промышленности.

«Я неожиданно примѣтилъ, говоритъ Г. Парротъ, — и тотчасъ обратилъ на нихъ все вниманіе, — множество пурпурныхъ червячковъ, которые ползали отчасти по сухой песчаной почвѣ, а частью на низкой травѣ; они имѣютъ большія гнѣзда въ особенномъ родѣ крапивою короткой травы *dactylis litoralis*, и ихъ здѣсь такъ много, что это представляетъ новую и богатую жатву для промышленности Закавказскаго Края. Въ соседней Персіи и въ другихъ странахъ Востока эти насекомыя, засушенные, продаются чрезвычайно дорого и употребляются для полученія изъ нихъ червленой и другихъ красныхъ красокъ. Червленецъ, которымъ красятъ въ Европѣ, получается изъ такъ называемой Американской кошенили, которая водится въ Мексикѣ, Сент-Доминго, Ямайкѣ, въ Бразиліи и другихъ мѣстахъ на разныхъ родахъ растенія *saisia*, и называется оттого въ зоологій *coccus saisi*. Персидская кошениль другой родъ этой кошенили, и вѣроятно тождественна съ *coccus rolopicus*, названной такъ потому, что ее нашли въ Польшѣ, и въ некоторое время до открытія Американской вывозили отсюда въ Европу. Мужская кошениль насекомое крылатое и не употребляется въ краску; женская, которая одна идетъ въ дѣло, имѣетъ цилиндрическую форму, величиною съ вишневою косточку, движется только ползая, и имѣетъ морщинистую, бархатную наружность амарантоваго отлива. Будучи высушена, она сжимается до просоваго зерна и получаетъ сѣневатый цвѣтъ. Собственно червленая краска получается только при смѣшеніи кошенили съ кислотою, какъ пурпуровая отъ примѣси поташу. Между корнями этого растенія мы нашли гнѣзда, плотно сплснутыя, и которыя состояли изъ трехъ, четырехъ, десяти и двадцати очень легкихъ, похожихъ на бумажныя, плевъ, величиною, смотря по насекомому. Зимой оно умираетъ, и въ началѣ весны выходятъ изъ гнѣзда новыя пурпурныя червячки».

По возвращеніи съ Арарата, Г. Парротъ представилъ по экземпляру растенія и насекомого графу Паскевичу, извѣстивъ его о пользѣ, которая можетъ произойти отъ нихъ открытія въ этомъ краю, и сообщилъ ихъ также путешествовавшему тогда по Закавказью камергеру Пельчинскому. Вся публика съ любопытствомъ рассматривала это открытіе на бывшей въ слѣдующемъ году публичной выставкѣ произведеній Русской промышленности, подъ названіемъ «Араратской кошенили».

Занятая открытіемъ, экспедиція отправилась въ дальнѣйшій путь не раньше какъ въ половинѣ девятаго. Дорога шла теперь не по горизонтальной плоскости Аракской долины, но чувствительно поднималась все выше и выше, до селенія Аргури, Агури, или Ахури, которое лежитъ на самомъ Араратѣ. Оно обитаемо 175-ью Армянскими семействами, орошается двумя источниками ключевой воды, имѣетъ старинную церковь, богатаго старосту, и играетъ важную роль въ длинной исторіи туземныхъ преданій о потопахъ, Ноевѣ и ковчегѣ.

«Благочестивое преданіе говорить, что въ этомъ мѣстѣ, послѣ сошествія съ святой горы, патриархъ Ной устроилъ жертвенникъ Богу и взялъ отъ всѣхъ животныхъ чистыхъ и птицъ чистыхъ, и принесъ ихъ во всесоженіе на жертвенникъ» (Бытія, VIII, 20), который находился именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь. Виноградники здѣшніе ведутъ свое начало также отъ Ноя: это ты самъ же, о которыхъ говорить Писаніе— «и сдѣлался Ной земледѣльцемъ и насадилъ виноградъ» (Бытія, IX, 20). Церковь въ Аргури чрезвычайно старинная, и самое названіе «Аргури» — «аргъ урри» значитъ по-Армянски «насадилъ, или насади, виноградныя лозы» — показываетъ древность преданія.

Сентября одиннадцатаго, около сумерекъ, караванъ экспедиціи отправился изъ Аргури къ монастырю святаго Іакова, который лежитъ отъ него въ трехъ верстахъ и былъ избранъ учеными путешественниками мѣстомъ пребыванія на все время осмотра горы. Г. Парротъ пропускаетъ тутъ всю подробность о монастырѣ, занятый главнымъ предметомъ путешествія, и мы сплывшимъ вмѣстѣ съ нимъ къ его любопытному описанію Арарата.

«Гора Араратъ носить это названіе уже три тысячи триста лѣтъ: мы встрѣчаемъ его въ самыхъ древнихъ книгахъ,— въ исторіи сотворенія міра богодохновеннаго Моисея, гдѣ сказано, что ковчегъ остановился на «горѣ Араратъ». Въ другихъ мѣстахъ Ветхаго Завета, писанныхъ нѣсколько столѣтій спустя,— у Исаи (XXXVII, 38), во второй книгѣ Царей (XIX, 37), мы находимъ «землю Араратъ», а у Іереміи (LI, 27), «царство Араратское». Очень достоверный Армянскій писатель, Моисей Хоренскій, полагаетъ, что это названіе дано было всей странѣ по имени древняго государя Арменін, Арая Прекраснаго, который жилъ около 1750 лѣтъ до Рождества Христова и пошелъ въ кровавой битвѣ противъ Вавилонянъ въ одной долинѣ Арменін, которую отъ этого назвали «Арай-аратъ», погубивъ Арая (?). До того,

*

страна носила названіе «Амасіи», отъ имени Амасисса, шестаго потомка Яфетова, и гора также называлась «Массисъ». До сихъ поръ она извѣстна между Армянами только подъ этимъ именемъ. И хотя Армянскій переводъ Ветхаго Завета не иначе называетъ его, какъ Араратомъ, простой народъ сохранилъ имя «Массисъ» и не знаетъ другаго; такъ, что, еслибъ вы спросили у Армянина, хотя бъ онъ былъ съ самою горю, о томъ, гдѣ «Араратъ», то онъ остался бы въ такомъ же точно недоумвнн, какъ и Евросецъ, у котораго спросили бъ о горѣ «Массисъ». Туркамъ и Персіянамъ: названіе Арарата ровое неизвѣстно. Первые ее называютъ Арабскимъ (?) именемъ Агри-дагъ, или Эгри-дагъ, «крутая гора», и какъ Арабскій языкъ есть господствующій въ этой сторонѣ, то Курды, Персіане и даже Армяне знаютъ ее иолъ тѣмъ же именемъ. Говорятъ, что Персіане называютъ ее еще Куги-Нухъ, «Поевой горою»: я не могу сказать объ этомъ вничего вѣрнаго, потому что мнѣ случалось говорить только съ немногими Персіянами, и они называли ее Эгридагомъ.

«Араратъ стоить на южной окрайнѣ долины, оглаваемой Араксомъ, которая втеетъ около пятидесяти верстъ въ ширину и болѣе ста въ длину. Онъ состоитъ изъ двухъ горъ, называемыхъ Большимъ и Малымъ Араратомъ: первая возвышается на сѣверо-западъ, другая на юго-востокъ. Вершины ихъ отстоятъ на десять съ половиною верстъ одна отъ другой, по прямой линіи *, а подошвы соединены обширною долиною, гдѣ живутъ пастухи, которые пасутъ здѣсь свои стада. Сперва она служила главнымъ убжищемъ Курдамъ, которые отсюда легко проникали и въ сѣверныя и въ южныя провинціи.

«Вершина Большаго Арарата лежитъ подъ 39°42' сѣверной широты и 61°55' восточной долготы по Феррекому меридіану; его перпендикулярная высота простирается до 16,254 Паризскихъ футовъ, или около пяти верстъ, надъ морскимъ уровнемъ, и до 13,530 футовъ, или болѣе четырехъ верстъ, отъ Аравской долины. Сѣверо-восточную наклонность горы можно полагать болѣе двадцати верстъ въ длину, а сѣверо-западную въ тридцать верстъ. На первой мы замѣтили, еще въ далекомъ разстояніи, глубокую, черную лошину, которую некоторые сравнивали съ выгорѣвшимъ кратеромъ; мнѣ она показалась скорее простою рашельною въ горѣ, треснувшей съ самаго верха. Вершина Большаго Арарата, около версты отъясно, или четырехъ верстъ по косвенной линіи, покрыта вѣчными льдами и снѣгомъ, которыхъ нижній рядъ зубчатой формы, по причинѣ возвышенностей и углубленій

* Это результатъ геодезическаго измѣренія, сдѣланнаго Г. Федоровымъ. Оно довольно согласно съ выводами капитана Монтана, который полагаетъ разстояніе между двумя вершинами въ 12,000 ярдовъ, то есть, 10,3 версты. Г. Федоровъ нашелъ его въ 5,844 туаза, или 10,7 версты, — разность только въ 200 саженьяхъ.

земли. Но на сѣверной сторонѣ горы, на 13,000 Парижскихъ футовъ, или около четырехъ верстѣ, высоты надъ моремъ, начинается снѣговая и ледяная нѣра, которая идетъ до вершинъ и съ нея исходитъ на южную сторону, только не такъ глубоко какъ на сѣверной, — это и есть «серебряная глава Арарата». Малый Араратъ лежитъ шедъ $30^{\circ}39'$ сѣверной широты и $62^{\circ}2'$ восточной долготы. Его высота надъ уровнемъ моря 12,284 Парижскихъ футовъ, что составляетъ около $3\frac{3}{4}$ верстѣ, а надъ долиной Аракса 9,561 футъ, или около трехъ верстѣ. Несмотря на столь значительное возвышеніе, онъ не бываетъ покрытъ постоянно снѣгами, и свободенъ отъ нихъ въ продолженіе сентября и октября, и вѣроятно, начиная съ августа мѣсяца. Подножіе его гораздо круче, чѣмъ у Большаго Арарата, и онъ приближается видомъ къ правильному конусу. Множество узкихъ бороздъ, которымъ, блѣстая, исходятъ съ самой вершины, придаютъ этой горѣ особенно привлекательный видъ».

Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, чтобъ показать, какъ хорошо видны и наблюдали Араратъ другіе путешественники. Баронъ Феликсъ де-Божуръ, который прорезалъ поперекъ всю Оттоманскую имперію, описалъ вершину этой горы «съ ея вѣчными снѣгами», которая «касается до небесъ», и увѣрился своими глазами въ вулканическое свойствѣ горы «по двойной ея вершинѣ, почернѣвшей отъ огня» * Какимъ образомъ эти вѣчные снѣга вдругъ «почернѣли отъ огня», когда на нихъ посмотрѣлъ Г. Феликсъ де-Божуръ, можетъ рѣшить только самъ ученый путешественникъ. И вотъ такъ нынче пишутся «ученныя» путешествія!

* Хотя оба Арарата, продолжаетъ Г. Шарротъ, вовсе не кажутся соединенными съ какою-нибудь другою горною цѣпью и стоятъ отдельно, тѣмъ не менѣе они находятся въ связи съ другими горами. Между тѣмъ какъ юго-западные скаты обонкъ терются въ возвышенностяхъ омыю Басанда и Дидинья, которые содержатъ въ себѣ источники Эврата, сѣверо-западный покатостъ Большаго Арарата соединяется съ длинною цѣпью хѣмловъ, идущихъ по правому берегу Аракса, въ южной падаетъ много конусообразныхъ и крутыхъ возвышеній. Западная оконечность этой цѣпи обвивается около источнику Аракса, доходитъ до Арзума, и переходитъ тутъ на лѣвый берегъ этой рѣки, гдѣ многіе ея притоки имѣютъ значительную высоту, особенно на пути къ Карсу, потому что въ октябрь мѣсяцъ, когда только вершина

* Voyage militaire dans l'empire Ottoman. Paris, 1829, t. II.

Большаго Арарата сохраняеть свой снѣжный вѣнецъ, а видѣтъ гѣноторме изъ нихъ покрытыя значительною массою снѣга. Этотъ хребтъ есть, вѣроятно, Саганлугъ, часть Тавра, — свидѣтель геройскихъ дѣлъ Русской арміи во время послѣдней Турецкой кампаніи.

«Неизъяснимо и глубоко то впечатлѣніе, которое производитъ Араратъ на духъ каждаго, хоть немного способнаго чувствовать эти великолѣпныя творенія Вѣчнаго Строителя. Многие путешественники искали передать его величіе опытнымъ перомъ или искусною кистью, но они знаютъ, что ни какое описаніе или эскизъ не въ состояніи выразить поэзіи этихъ разнообразныхъ и изумительныхъ формъ, принадлежащихъ горѣ Всемогущаго Ваятеля!»

Вотъ, что говоритъ почтенный Дерптскій профессоръ о рисункахъ Арарата, снятыхъ разными путешественниками, и иногда очень похожихъ на описаніе, сдѣланное Г. Фелнксомъ де-Божуромъ.

«Первые виды Арарата я встрѣтилъ въ путешествіи Шардена: тотъ изъ нихъ, который былъ снятъ въ Эривани, совершенно невѣренъ; другой, снятый изъ Эчміадзина, не такъ дуренъ и даже точнѣе многихъ позднѣйшихъ видовъ. Турнеоръ срисовалъ эту гору съ такимъ умомъ и точностью, что каждая черта, какѣтся, взята съ природы; но онъ, къ сожалѣнію, иногда увлекался своимъ пылнымъ воображеніемъ, которое вводило его въ странныя преувеличенія и въ подробности. Морьеръ приближался къ Арарату съ восточной стороны, и снялъ виды обѣихъ горъ; въ описаніи ихъ формъ онъ не близко держался истины, увлекшись фантазіею при видѣ этой величественной славы древности. Его Малый Араратъ слишкомъ малъ и имѣетъ слишкомъ много правильности, что также должно приписать его восторженному взгляду на священную гору. Сиръ Робертъ Керъ-Портгеръ въ своихъ видахъ двухъ горъ Арарата, снятыхъ въ недалекомъ разстояніи, со стороны Эривани, увеличилъ крутвзну ихъ скатовъ и особенно неудачно изобразилъ вершину Малаго Арарата. Г. Коцебу приложилъ виды Арарата къ своему «Путешествію Россійскаго посольства въ Персію»; они сняты издалека, но довольно вѣрны въ цѣломъ, грѣша въ подробностяхъ. Малый Араратъ сдѣланъ слишкомъ высокимъ въ сравненіи съ Большимъ. Въ путешествіяхъ сэра Вильяма Уэли (Ouseley) находятса также три небольшие рисунка: снятый съ Эриванской долины, хотя очень малаго размѣра и не содержитъ въ себѣ подробностей, принадлежитъ къ числу лучшихъ видовъ Арарата, какіе только есть, — горы сохранили вѣрный контуръ и величны ихъ въ надлежащей соразмѣрности. Кроме этихъ, попадались мнѣ нѣсколько отдѣльных рисунковъ Арарата, и всѣ они невѣрны въ подробностяхъ; одинъ изъ лучшихъ есть произведеніе Г. академика Машкова, большаго формата и прекрасно гравированный.»

Виды, all'acqua tinta, приложенные къ путешествію господина Паррота, сдѣланы со всею математическою вѣрностью и всѣми подробностями, какія только могли умѣститься въ ихъ размѣръ: они сняты съ различныхъ разстояній и точекъ зрѣнія рисовальщикомъ экспедиціи, Г. Гагеномъ.

«Желаніе скорѣе приблизиться къ потщенной вершинѣ и позднее время года, говоритъ Г. профессоръ-путешественникъ, не позволили мнѣ долго оставаться въ монастырѣ Св. Іакова, и какъ небо было ясное, то я назначилъ восхожденіе на гору на слѣдующее утро.

«Многимъ покажется страннѣмъ, когда буду говорить о большихъ трудностяхъ, которыя насъ ожидали при восходѣ на гору, потому что видъ ея, приложенный къ нашему путешествію, вовсе не показываетъ такой крутизны отлогостей, чтобъ можно было заключить о значительныхъ препятствіяхъ при восхожденіи. Но дѣло въ томъ, что во всякомъ видѣ горы всегда есть оптический обманъ, и путешественникъ долженъ приучать къ нему свое зрѣніе, чтобы избѣгнуть ложныхъ заключеній. Когда вы всходите на гору и имѣете прямо передъ собою ея пологость, уголъ ея склоненія всегда кажется вамъ гораздо больше, нежели показывать лотъ, и очень часто кажущійся уголъ ровно вдвое противъ настоящаго: причина тому лежитъ въ перспективномъ уменьшеніи отдаленностей. И вотъ почему всѣ срисованныя горы кажутся гораздо круче, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ. Притомъ, если бѣ онѣ были такой крутизны, какую имѣютъ на рисункахъ, на немногія изъ нихъ можно было бы войти, потому что гора съ угломъ въ 60 градусовъ склоненія, — что вы часто встрѣтите на видахъ горъ самыхъ извѣстныхъ, — принадлежитъ къ числу вовсе неприступныхъ; на тѣ, которыя имѣютъ отъ 35° до 40° склоненія, уже нельзя иначе взобраться, какъ только при помощи лѣстницъ.»

Сентября двѣнадцатаго, въ семь часовъ утра, Г. Парротъ вмѣстѣ съ Г. Шимапомъ въ первый разъ отправился на гору. Они взяли съ собой только одного изъ казаковъ и крестьянина изъ села Аргури, который былъ хорошій стрѣлокъ. Описаніе этого знаменитаго восхожденія очень занимательно, и даже составляетъ довольно живую картину.

«Мы направили свой путь къ долинь, и по ней къ правому ея возвышенію, гдѣ находились два небольшія каменные зданія; одно изъ нихъ было некогда часовнею, а другое построено въ честь какого-то священнаго источника. Армяне придаютъ очень древнее начало часовнѣ, называютъ ее по имени Св. Григорія, и даже приходятъ почитать ее изъ дальнихъ мѣстъ. Когда мы къ ней приблизились, тамъ было много Армянъ изъ Балзиды, пришедшихъ для богомольства; пиль.

грима обыкновенно отдыхаютъ въ дѣлнхъ, гдѣ забавляются стрѣлбюю и играми.

«Источникъ, который выливается изъ скалы въ этомъ мѣстѣ, очень прозраченъ, вода въ немъ хорошаго вкуса, и по одной этой причинѣ онъ могъ сдѣлаться предметомъ обожанія, такъ какъ изъ Арарата течеть очень немного источниковъ, и то не всегда: въ мое путешествіе я не встрѣтилъ ни одного и ни объ одномъ не слыхалъ. Могло быть, что при этомъ источникъ жилъ пвкогда благочестивый отшельникъ, и что слава объ его святости сообщалась водѣ. Вотъ что повѣствуетъ преданіе. Саранча, ужасная бичъ этихъ сторонъ, спускается огромными тучами, нередко въ день опустошаетъ длинную полосу земли, и не иначе можетъ быть удалена, какъ помощью одной птицы, которой я не видалъ, но которая, по описаніямъ, должна быть родъ дрозда, хотя Русскіе, живущіе по близости, называютъ ее скворцемъ. Она не велика, червато цвѣта, съ желтымъ и бѣлымъ пятномъ на шейкѣ и на спинѣ, и, когда посѣиваютъ тутовые деревья, прилетаетъ стаями на Араксъ, гдѣ причиняетъ много ущерба истребленіемъ этихъ деревъ. Армяне называютъ ее *тармъ* и *туть-кушы*, то есть, тутового птицею. У Татаръ она известна подъ именемъ *гасарети-шахъ*. Лишь только она появится въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуетъ саранча, тотчасъ начинаютъ истреблять ее со всею усердіемъ. И чтобъ привлечь эту благодѣтельную птицу, надобно добыть священной воды и поставить горшокъ или бутылку съ нею на поле, покрытое саранчею, однако съ известными предосторожностями. Надобно, чтобъ вода тотчасъ разлилась по землѣ: тогда саранча пропала! Не только простой народъ, но и многіе образованные люди, Армяне и не Армяне, старались утѣрить меня въ этомъ, и приводили въ доказательство, что въскольке лѣтъ тому назадъ, когда Кавказская Область, къ северу отъ Кавказа, была опустошаема саранчею, ее спасли только горшкомъ такой воды, которую поскорѣ привезли изъ «священнаго» источника: горшокъ много привлекъ большую стаю туть-кушей, которые истребили всю саранчу. На Араратѣ и въ Тифлисѣ всякій знаетъ объ этомъ, а въ Кизлярѣ найдете тому достовѣрныхъ свидѣтелей, и одна бутылка съ этой водою хранится въ городѣ.

«Изъ часовни мы вышли на зеленую возвышенность, которая составляетъ правый бокъ пропасти. Мы такъ много страдали отъ жара, что нашъ казакъ, который лучше желалъ пробѣздить три дня верхомъ въ степи, не сходя съ лошади, нежели карабкаться нѣсколько часовъ на утѣсы, едва не умеръ отъ усталости, и мы принуждены были отослать его назадъ. Около шести часовъ вечера, когда и мы также очень устали, дошедши довольно близко до снѣжной полосы, выбрали мы себѣ между пещерами мѣсто для почета. Мы были тогда на высотѣ 11,673 Французскихъ (12,455 Россійскихъ) футовъ; холодные утѣсы служили намъ постелью, а вѣчные снѣга покрышкой спальни. Г. Шпанъ и я

забавился теплыми платьемъ, но радость объ успѣхѣ еще болѣе согревала насъ. Нашъ сильный стрѣлокъ Сагакъ (Исакъ) изъ Аргури, напротивъ, ничѣмъ не былъ защищенъ отъ холода: видя на немъ одни лѣтніе панталоны, шею и ноги отъ колыцъ до сапогъ нагнни, голову, обернутою старымъ носовымъ платкомъ, такъ какъ никто изъ насъ не имѣлъ лишняго платья, я обернулъ ему шею и ноги мягкою бумагою, въ которую хотѣлъ заворачивать растенія. Это принесло ему большую пользу. Съ разсвѣтомъ мы пошли снова по прежнему направлению, къ восточной сторонѣ горы, и скоро очутились на наклонности, которая идетъ отъ вершины: она составляетъ сплошь изъ зубчатыхъ утесовъ, и пересѣкается глубокими пропастями, въ которыхъ лежатъ сѣнга. Многие изъ этихъ утесовъ и ледниковъ лежали на нашемъ пути, и мы должны были переходить черезъ нихъ. Мы счастливо пробрались черезъ первый гребень и черезъ прекрасный ледникъ, который находится за нимъ, и уже достигли другаго утеса, какъ Сагакъ потерялъ бодрость идти далѣе. Его полузамершіе члены не могли его поддерживать, и льдяная область, возвышавшаяся передъ нашими глазами, не внушала ему надежды, чтобъ онъ могъ тамъ обогрѣться. Такъ, одинъ изъ нашихъ возвратился отъ лишняго жара, другой отъ лишняго холода. Только Г. Шининъ, хотя непривыкшій переносить тягости подобныхъ путешествій, не терялъ охоты, и бодро, съ хладокровіемъ, выдержалъ все опасности. Оставивъ стрѣлка, мы перешли черезъ второй ледникъ, и достигли третьяго гребня. Тогда, переизмѣнивъ направление, достигли мы ледяной возвышенности въ 13,160 Парижскихъ (14,003 Росс.) футовъ надъ поверхностью моря, — черты, съ которой начинается снѣговая вершина Арарата. Намъ оставалось взойти только на этотъ холмъ вѣчнаго снѣга. Но въ прямомъ направленіи двинуться невозможно было достигъ вершины, хотя уголъ наклона ивѣтъ только 30 градусовъ: мы рѣшились идти дѣловало по скату зубчатаго утеса. Слой длиннаго снѣжата снѣгу, который покрывалъ ледникъ, былъ слишкомъ тонокъ, чтобъ удержать наши ноги; мы всходили по немъ осторожно, сильно упирая наши горные посохи; благополучно достигли гребня, и продолжали идти вокругъ него къ вершинѣ. Тогда было уже три часа по полудни, и мы принуждены были искать себѣ убѣжища на ночь. Мы возвратились почти на самую оконечность гребня, и были уже въ 14,550 Парижскихъ (15,460 Росс.) футахъ надъ моремъ: это высшая точка Монблана. Но вершина Арарата еще высоко парила надъ нами. Хотя я не думалъ, чтобъ какое-нибудь непредвидимое препятствіе могло помѣшать дальнѣйшему успѣху предпріятія, но терять немногіе часы, оставшіеся намъ ото дня на восхожденіе къ вершинѣ было бы слишкомъ необдуманно, потому что мы не нашли бы тамъ ни одной пещеры, гдѣ бы провести ночь; притомъ у насъ не достало бы, на такое долгое время, снѣжныхъ привасовъ. Окончивъ свои барометри-

чекія наблюденія, мы возвратились назадъ, довольные уже тѣмъ, что увѣрились въ доступности вершины въ этой сторонѣ. При спускѣ, вы всегда встрѣчаете болѣе опасностей, нежели при восхожденіи: съ трудомъ можно держаться прямо, сходя по отлогостямъ; при малѣйшемъ толчкѣ или зыбаніи, вы подвергаетесь оступиться на скользкой плоскости и полетѣть внизъ по скату, гдѣ ничто уже не остановитъ васъ, развѣ острые утесы, о которые опирается эта масса льду и снѣговъ. Опасность едва-ли еще не увеличилась въ нашихъ глазахъ отъ непривычки. Мой молодой другъ, который показавъ присутствіе духа во многихъ обстоятельствахъ, потерялъ тутъ бодрость. Онъ поскользнулся и упалъ; я былъ передъ нимъ въ двадцати шагахъ, и имѣлъ только время воткнуть свой шестъ глубоко въ ледъ. Ставши крѣпко на горныхъ башмакахъ, я держался за шестъ правою рукою, а лѣвою успѣлъ схватить падающаго товарища; но вдругъ лопнули ремни у моихъ башмаковъ, и я, вмѣсто того, чтобы удержать его, покатылся вмѣстѣ съ нимъ самъ. Къ счастью, онъ былъ остановленъ въ паденіи небольшимъ камнемъ прежде меня. Я безчувственно катился съ полверсты, до возвышенія близъ низшаго вѣнца ледника. Трубка моего барометра разбилась; хронометръ разбился тоже, обрызганный моею кровью; все, что было въ карманахъ, выпало; но я спасся безъ большого вреда. Какъ скоро оправались отъ страха, мы возблагодарили Всевышняго за сохраненіе намъ жизни; вторымъ нашимъ дѣломъ было собрать необходимѣйшія вещи; потомъ осторожно стали мы продолжать обратный путь. Мы скоро услышали голосъ Сагака, который ожидалъ нашего возвращенія. Разведши огонь, мы провели здѣсь ночь, на травѣ. На третій день, въ десять часовъ утра, мы достигли монастыря, гдѣ хорошо позавтракали для возстановленія своихъ силъ, и старались не показывать ни малѣйшаго вида Армянамъ о нашемъ приключеніи, чтобы они не приписали этого глѣзну Божію за нашу дерзость шататься по завѣтной вершинѣ, на которую не смѣлъ посягнуть ни одинъ грѣшникъ со временъ Ноя. Армяне убѣждены, что Ноевъ ковчегъ до сихъ поръ еще находится на вершинѣ Арарата, и потому нѣкто изъ нихъ не осмѣливается ходить туда. Начало этого повѣрья рассказываютъ Армянскія лѣтописи въ легендѣ о монахѣ Яковѣ, который потомъ сдѣлался Нисибисскимъ патриархомъ и былъ современникъ и родственникъ Св. Георгію. Онъ повѣствуетъ, что монахъ Яковъ, во время происшедшаго тогда спора о Священныхъ Книгахъ и въ особенности о потоцѣ, рѣшился побывать лично на вершинѣ, чтобы удостовѣриться, находится ли тамъ еще Ноевъ ковчегъ. По причинѣ ослабленія силъ и крутости горы, онъ часто засыпалъ отъ усталости, и никакъ не могъ достигнуть вершины. Господь сжалясь надъ его усиліями, и во время сна явился ангелъ, который ему объявилъ, что его желаніе не можетъ быть исполнено; что вершина горы недоступна; но что за ревность его, Богъ пошлетъ ему кусокъ дерева отъ Ноева

ковчега, стоящаго на вершинѣ. Этотъ современный потоку обломокъ хранится и теперь въ соборной церкви Эчмиадзинскаго монастыря, какъ залогъ благоволенія Всевышняго. И вотъ отчего Армяне провозглашаютъ восхожденіе на Араратъ невозможнымъ: хотъ бы даже посадить кого изъ нихъ на самомъ пикѣ, онъ все будетъ повторять, что это еще не вершина, потому что онъ не видитъ здѣсь ковчега.»

Этимъ первымъ покушеніемъ взойти на высоту Арарата, Г. Парротъ убѣдился по-крайней-мѣрѣ въ пустотѣ мнѣнія о невозможности достигнуть его вершины, — мнѣнія, которое, не говоря уже объ Армянахъ, большая половина Европейскихъ ученыхъ разделяетъ съ Баезидскимъ пашею. Веселый и легкомысленный Турнфоръ, путешествовавшій въ началѣ прошлаго вѣка, забавно рассказываетъ о своемъ покушеніи взойти на эту гору, и самъ смѣется надъ превышающею силы и мученическою попыткою. Умный Морриеръ еще въ наше время увѣренъ въ недоступности Арарата. Что они подвинулись опровергнуть свое предубѣжденіе смѣлымъ и соразмѣрнымъ трудностямъ усилимъ, — это отнюдь не удивительно: мы сами, провзая мимо Арарата и взглянувъ на его спѣжную главу, закутанную въ сѣрые туманы, вѣроятно сказали бы, что онъ недоступенъ, потому что не знаемъ болѣе приторнаго и пошлаго удовольствія, какъ смотреть на свѣтъ съ заоблачнаго пика; но удивительно, что благополучнѣйшій Баезидскій паша, оставивъ подушку и кальянъ, рѣшился на такой подвигъ, неслышанный въ Турціи со временъ изобрѣтенія способа сидѣть поджавши ноги.

«Отецъ нынѣшняго Баезидскаго паши, Мегеммедъ-Беглюля, бывшій также пашею Баезида, дѣлалъ покушеніе взойти на Араратъ. Онъ принялъ для того самыя рѣшительныя мѣры и назначилъ на издержки порядочную сумму, но дошелъ только до высоты 2,400 футовъ, ниже границы снѣговъ, куда можно взобраться даже на хорошей Персидской лошади, и воротился во-своа си.»

Не Турецкому пашѣ всходить на горы! восклицаетъ Г. Парротъ, который, возвратясь съ своего перваго восхожденія, впалъ въ горячку, вѣроятно отъ послѣдствій паденія. Онъ скоро выздоровѣлъ, исправилъ инструменты и приготовился къ новому восходу. Онъ вырѣзалъ надпись на свинцовой дощечкѣ въ честь фельдмаршала Паскевича, чтобъ прикрѣпить ее къ большому кресту, который они предпо-

лагали водрузить на вершинѣ Арарата. Крестъ былъ сделанъ въ Эчмиадзинѣ изъ еловаго дерева и имѣлъ полторы сажени длины.

Сентября 18, въ восемь часовъ утра, экспедиція была опята на пути къ горѣ. Она состояла теперь, кромѣ Гг. Паррота и Шимана, изъ Г. Бегагеля, дьякона Абовяна, порусски Абоева, четырехъ Армянскихъ крестьянъ изъ Аргури, трехъ Русскихъ солдатъ сорокъ-перваго егерскаго полка и погонщика для четырехъ обозныхъ воловъ. Важную роль въ этомъ обществѣ игралъ еще староста селенія Аргури, Степанъ Меликъ, тотъ самый, который сопутствовалъ Г. Парроту въ первомъ восхожденіи. По совету этого опытнаго правителя, экспедиція рѣшилась начать новое странствіе къ вершинѣ съ сѣверо-западной стороны горы.

• Дорога по этому боку горы, хоть и дальше чѣмъ по восточной наклонности, менѣе крута. Пройдя болѣе версты по гнвному скату долины, мы взойшли на его верхъ, и направили путь поперекъ сѣверной отлогости. Эта часть дороги вовсе не трудна: тутъ растетъ еще трава и мѣстами видны тропинки. Отсюда мы шли мѣстомъ, которое покрыто было вулканическимъ пескомъ и рыхлымъ камнемъ родъ пемзы, все подымаясь выше и выше въ восточномъ направленіи. Мы достигли такимъ образомъ каменнаго пояса, который начинается ниже черты сѣтвовъ, обвиваетъ всю гору широкой лентою, и состоитъ изъ разныхъ острыхъ, большихъ и малыхъ, утесовъ вулканическаго камня темнаго цвѣта. Эта каменная область привела насъ на довольно значительную площадь, поросшую травой, которая въжною ступенью прерываетъ грубый утесистый поясъ горы. До каменнаго пояса всѣ мы шли верхомъ, но тамъ должны были оставить лошадей, потому что они не могли идти по такой утесистой странѣ, и отослать ихъ назадъ съ казаками, взятыми нарочно для этого. Персидская лошадежка старосты Степана несла однако своего высокостепеннаго господина, до сихъ поръ, карабкаясь на самые крутые утесы. Долина, которой мы достигли, называется по-Татарски — Кипъ-гюль: *киль* (?) значить — источникъ; она получила это имя отъ канала, который былъ отсюда проведенъ, въ Персидское владычество, для спуска сѣвжной воды въ источникъ, а при этомъ источникѣ, — онъ по дорогѣ къ Баезиду, — находилось село Джорджанъ. Его теперь нѣтъ. Мы съ пріятностью отдохнули на этой равнинѣ отъ пяти-часовой усталости, и между-тѣмъ какъ наши выючные скоты рвали траву, мы привалились за обѣдъ. Равнина поднята на 10,862 Парижскихъ (11,463 Росс.) футовъ надъ моремъ и отрывъ ея довольно крутъ, но на него еще довольно легко всходить, такъ какъ онъ состоитъ изъ

черновому и травяной земли. Отсюда идут снова отвѣсныя скалы и утѣсы до самаго снѣговаго пояса. На этомъ пути изъ Книгъ-гіоля мы пришли къ довольно большому леднику который впрочемъ не есть, отрасль снѣговой вершины, а стоитъ отдѣльно. Тутъ мы провели ночь. Съ разсвѣтомъ, въ семь часовъ утра, я опять тронулся въ дальѣйшій путь съ экспедицею. Черезъ два часа мы были у черты снѣжнаго и льдистаго пояса: я нашелъ эту границу въ 13,448 Парижскихъ (14,290 Росс.) футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога до этого мѣста довольно трудна по причинѣ крутизны многихъ утѣсовъ, и насъ задерживала тяжесть большаго креста, который несли двое. Мы остановились у подошвы необыкновенной снѣговой пирамиды: она величественно рисовалась своимъ серебряно-бѣлымъ конусомъ на чистой синевѣ неба, и въ молчаніи, съ почтеніемъ, любовались на эту главу Арарата, которой не касалась конечно ни чья стопа послѣ Ноя *. Вначалѣ всходить на нее было довольно легко, потому что покатоств не такъ крута и трещины во льду вовсе не широкія. Это не продолжалось. Шаговъ черезъ двѣсти отлогость стала гораздо круче, такъ, что мы не могли твердо держаться на ногахъ и принуждены были прибѣгнуть къ вырубанію во льду ступеней. Это занятіе довольно замедлило насъ въ пути. Поднимавшись болѣе чѣмъ на тысячу футовъ въ часъ по крутымъ утѣсамъ, мы здѣсь дѣлая едва шестьсотъ въ то же время. Притомъ, мы встрѣтили трещину въ пять футовъ ширины и такую длинную, что ее должно было далеко обходить. Наконецъ мы нацѣли въ ней одно мѣсто, довольно крѣпко заваленное снѣгомъ. Новая трудность: ледъ на противоположной сторонѣ былъ нѣсколько выше, чѣмъ на той, гдѣ мы находились. Послѣ нѣкотораго труда, мы перешли, и находились на гладкой снѣжной плоскости, составляющей уступъ снѣжнаго Арарата.

Здѣсь предѣлъ втораго восхожденія экспедиціи на Араратъ. До вершины оставалось разстоянія по-крайней-мѣрѣ на три часа времени, какъ вдругъ поднялся сырой вѣтеръ и лишилъ путешественниковъ надежды достигъ ея въ этотъ разъ. Г. Парротъ рѣшилъ возвратиться назадъ, но напередъ выбралъ точку для поставленія креста къ сторонѣ Эривани,

* Если мы хорошо понимаемъ настоящій смыслъ этой фразы, то она значитъ, что главы Арарата касались только стопы Ноя и Г. Паррота. Намъ кажется, что ту же самую мысль можно было выразить съ вѣщнымъ вкусомъ, тѣмъ болѣе, что и справедливость ея весьма сомнительна. Почему знать, не былъ ли еще кто на вершинѣ Арарата послѣ Ноя. Мы готовы вѣрить, что на ней были многіе, только никто не описалъ своего путешествія. На свѣтъ изъ ничего новаго, кромѣ того, что было забыто.

чтобъ изъ этого города можно было его видѣть, и на ней укрѣпилъ во льду этотъ памятникъ своею побѣды надъ мнимой недоступностью Арарата. Свинцовая доска, прибитая къ кресту, носитъ слѣдующую Латинскую надпись: «Nicolaus, Pauli filio, totius Rutheniae autocratore, jubente, hoc asyllum sacrosanctum armata manu vindicavit Johannes, Friderici (Theodori?) filius, Paskewitsch ab Erivan, anno Domini MDCCCXXVII. Г. Парротъ повѣсилъ на крестъ барометръ для опредѣленія высоты мѣста: путешественники стояли 15,138 Парижскихъ, или 16,184 Россійскихъ футовъ, то есть, $4\frac{2}{3}$ версты надъ Чернымъ Моремъ, и 350 футовъ выше Мопблара.

Сентября 20 утромъ, экспедиція уже находилась въ обители Св. Іакова, которая служила исходнымъ пунктомъ, откуда производились все ея приступы къ Арарату. Этотъ небольшой монастырь лежитъ на 6,000 (6,567) футовъ надъ моремъ и состоитъ изъ одной церкви; на стѣнѣ его путешественники устроили-было свою обсерваторію. Несмотря на позднее время года, погода стояла очень ясная, и это поставило экспедицію въ возможность совершить третье и успѣшнѣйшее восшествіе на гору.

«Сентября 25, я послалъ спросить у Стевана Мелика, согласенъ ли онъ сопровождать насъ снова; но онъ отказался, извѣщаясь тѣмъ, что потерпѣлъ много отъ перваго путешествія. Онъ обѣщаль однако прислать четырехъ мужиковъ съ быками, и путеводителя изъ Аргура. На слѣдующее утро, рано, явились къ намъ вмѣстѣ четырехъ пятеро. Я прибавилъ къ нимъ еще двухъ нашихъ солдатъ. Дьяковъ Абосевъ также рѣшился отправиться съ нами, и по его примѣру Г. Генъ, который присоединился къ намъ только съ целью наблюдать растительное царство, доколѣ оно простираетъ на гору, и не пошелъ за сѣверную черту. Опытъ прежнихъ покушеній научилъ меня, что весь успѣхъ восхожденія на вершину зависитъ отъ того, чтобы провести первую ночь какъ можно ближе къ сѣверному полюсу: тогда вы имѣете на слѣдующій день довольно времени дойти до вершины и возвратиться къ мѣсту ночлега; притомъ, и невадно брать съ собою тяжести кромѣ самыхъ необходимыхъ. Мы взяли только трехъ быковъ, нагруженныхъ теплыми одеждами, съѣстными припасами и дровами. Я взялъ еще дубовый крестъ, меньше перваго, только въ пять футовъ длины. Мы отправились по той же сторонѣ горы, и, чтобы поберечь свои силы, Абосевъ и я ѣхали верхомъ почти до долины Кипъ-гюль; оттуда отослали лошадей назадъ съ казаками. Г. Генъ воротился съ

мин. Было ровно двенадцать часовъ, когда мы достигли этой точки. Позавтракавъ и отдохнувъ, мы откочевали далѣе, въ направленіи не много различномъ отъ прежняго. Мы оставили выючный скотъ у крутыхъ утесовъ, черезъ которые ему невозможно было перейти: взяли каждый свое платье и дровъ, и воловъ отправили назадъ. Въ половинѣ шестаго, вечеромъ, мы находились близко отъ снѣговой черты, гораздо выше того мѣста, гдѣ провели ночь въ послѣднее восхожденіе. Высота была въ 13,036 (13,841) футовъ надъ моремъ; большая масса скалъ заставила насъ избрать ее на ночлегъ. Скоро разведенъ былъ огонь, и приготовили ужинъ. Со мною былъ бульонъ изъ луку,—блюдо, которое я рекомендую всѣмъ путешественникамъ, потому что оно гораздо болѣе горячитъ желудокъ и укрѣпляетъ силы нежели мясная яства. Былъ прекраснѣйшій вечеръ. Я смотрѣлъ то на своихъ спутниковъ, то на чистое небо, въ которомъ такъ резко рисовалась снѣговая вершина, то на глубокой мракъ, царствовавшій вдали въ пропастяхъ: я чувствовалъ всю выпренность горной природы. Было четыре съ половиною градуса тепла,—что очень много для такой высоты. Съ разсвѣтомъ мы встали, и пустились въ путь въ половинѣ шестаго. Мы прошли остальную наклонность въ полчаса, и достигли снѣговой линіи, почти въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ и во время двухъ прежнихъ восхожденій. По причинѣ теплой погоды, снѣгъ, который столько помогалъ намъ въ прежнемъ восходѣ, ристался налѣду и снова замерзъ, и мы нашлись въ необходимости, несмотря на пологость скала прорубать себѣ ступени. Это вѣсколько насъ задержало и привело въ усталость. Одинъ изъ мужиковъ остался на мѣстѣ нашего отдыха, сдѣлавшись нездоровымъ, а двое другихъ лишились силъ при восходѣ на ледяную наклонность. Не подвергаясь болѣе остановкамъ, мы бодро продолжали путь, и скоро пришли къ большой тропинкѣ, обозначавшей высшій вѣнецъ снѣговаго скала, на который тотчасъ же поднялись. Въ десять часовъ мы находились на той самой снѣговой плоскости, гдѣ обдавали прежній разъ, и которая образуетъ первый большой уступъ лѣдистаго пояса: мы увидѣли въ отдаленіи крестъ, поставленный нами 19 сентября. По направленію къ вершинѣ лежалъ передъ нами короткая, но крутая наклонность, и между нею и самой вершиною находился, казалось, только небольшой холмъ. После недолгаго отдыха, мы прошли первый и самый крутой скатъ, прорубая въ немъ ступени, и достигли до слѣдующей возвышенности, но вмѣсто того, чтобы имѣть передъ собою всю вершину горы, мы увидали новый рядъ холмовъ, который совершенно заслонялъ ее. Это было на минуту большимъ ударомъ для нашей бодрости; однако мы снова принялись высекать ступени, и по окончаніи труда, наши силы укрѣпились при видѣ цѣли общаго желанія. Не останавливаясь, прошли мы еще два три возвышенія, и почувствовали холодный воз-

духъ вершины. Я сталъ позади одного изъ ледниковъ: изумленные глаза мои представила вся глава Арарата. Надобно было употребить еще одно усиліе, — пройти одну такую же ледяную равнину при вырубкѣ ступеней, и въ четверть четвертаго часа, 27 сентября 1829 года, мы шестеромъ стояли на вершинѣ Арарата!

Г. Парротъ желалъ отдохнуть здѣсь отъ труднаго пути. Положивъ на снѣгъ часы, онъ сѣлъ и началъ разсматривать безконечное зрѣлище. Онъ находился на выпуклой, почти овальной площадкѣ, около 200 футовъ въ діаметрѣ. Площадка опускается глубоко со всѣхъ сторонъ, особливо съ юго-востока и сѣверо-востока: это серебряная верхушка Арарата, построенная изъ вѣчнаго льду и снѣга, не прорываемая ни однимъ каменнымъ утесомъ. Съ восточной стороны вершина имѣетъ скатъ болѣе пологій, и соединяется посредствомъ впадины, также покрытой снѣгомъ, съ другимъ пикомъ, немного ниже ея, и который, по тригонометрическимъ вычисленіямъ Г. Оедорова, отстоитъ отъ главной вершины на 187 туазовъ. (188½ сажень). Что жъ такое увидѣли наши смѣлые путешественники въ этомъ безконечномъ зрѣлищѣ, которое открылось имъ съ вершины Арарата? Очень немногое. Вся долина Аракса казалась покрытою густымъ туманомъ, сквозь который видѣлись маленькими точками Эриванъ и Сердарабадъ; на югѣ немного яснѣе мелькали ходмы, позади которыхъ лежитъ городъ Баезидъ; на сѣверо-западѣ рисовалась вершина Алагдаза, великолѣпнѣйшій вѣнецъ, какой когда-либо носила гора. Около самаго Арарата, особенно на юго-востоцѣ, и вдалекѣ на западѣ, возвышалось множество небольшихъ горъ конической формы; на востоцѣ-юго-востоцѣ гордо подымался Малый Араратъ, котораго вершина казалась отсюда не остроконечностью конуса, какъ съ долины, а скрѣе площадкою срѣзанной четырехугольной пирамиды, съ утесистыми возвышеніями разной величины по краямъ и на серединѣ. Г. Парротъ очень изумился, замѣтивъ большую часть озера Гюкь-чай, которое лежитъ на сѣверѣ, за цѣпью высокихъ горъ: оно видѣлось большимъ темно-голубымъ пятномъ за этими горами.

Г. Парротъ пренеоружилъ дьякону Абеву утвердить крестъ на серединѣ площадки, а самъ занялся наблюде-

ніемъ барометра. Ртуть стояла на 15 дюймахъ $\frac{5}{4}$ линіи при температурѣ $37\frac{1}{10}$ градусовъ тепла, по стоградусному термометру. По сличеніи этого наблюденія съ измѣреніями, двѣнадцатыми въ то же время Г. Федоровымъ въ монастырѣ Св. Іакова, лежащемъ у подошвы горы, въ 10,272 Парижскихъ футахъ ниже того мѣста, гдѣ путешественники теперь находились, высота Арарата оказалась 16,254 Парижскихъ, или 17,283 нашихъ футовъ, то есть, около пяти верствъ надъ уровнемъ океана и нѣсколько болѣе трехъ верствъ надъ почвою плоской возвышенности Арменіи.

Пробывъ около трехъ четвертей часа на вершинѣ профессора Парротъ, съ пятью своими спутниками, началъ помышлять о возвращеніи. Солнце уже было на закатѣ, когда они достигли плоскости, гдѣ стоялъ большой крестъ, мракъ одѣвалъ нижніе склоны горы; лишь одна вершина, которую они только что оставили, освѣщенная лучами заходящаго свѣтла, великолѣпно вѣнчала темноту. Проведя тутъ ночь, они на слѣдующее утро, въ воскресенье 28 сентября, соединились съ своимъ обозомъ на Кипъ-гіоль, и полные Библейскихъ воспоминаній о горѣ Ноа, незаметно достигли монастыря Св. Іакова.

Мы отъ души поздравляемъ Г. Паррота съ благополучнымъ совершеніемъ подвига, который навсегда будетъ жить въ Географіи и исторіи путешествій, а наши читатели безъ-сомнѣнія присоединятся къ намъ съ своимъ запасомъ поздравительныхъ комплиментовъ, — но къ чему это вѣдетъ! Все это не помѣшаетъ Армянскому народу не вѣрить восхожденію ученаго профессора на священную гору и утверждать единогласно, что онъ не бывалъ на ея вершинѣ. Долгъ чистосердечія вмѣстѣ съ долговременною привычкою откровенности заставляютъ насъ сказать это: дамы сами слышали отъ весьма образованныхъ Армянъ, которые, какъ они признавались, «были на мѣстѣ и никогда не лгутъ», что Г. Парротъ не бывалъ на вершинѣ Арарата. Г. Парротъ, въ изданномъ теперь описаніи путешествія, приводитъ подлинныя свидѣтельства о своемъ восхожденіи, подписанныя пачальствами всѣхъ его пяти спутниковъ, и основанныя на ихъ собственныхъ показаніяхъ; но и это не поможетъ. Сами проводники Г. Паррота рас-

ищутъ слухи, что онъ далеко не достигъ вершины, и его приятель, Аргурскій староста, Степанъ Меликъ, котораго такъ хвалитъ Г. профессоръ — одинъ изъ первыхъ, кому онъ обязанъ своею дурною репутаціею у Армянской націи и во всемъ Закавказьѣ.

«Бездушный старикъ Меликъ», говоритъ въ Сѣверной Пчелѣ (1855, № 7 и 8) Русскій путешественникъ, который былъ также на пикѣ Арарата уже послѣ Нол и Г Паррота, «остававшійся на второй высотѣ, по словамъ моего проводника, привелъ въ подозрѣніе весь успѣхъ ученой экспедиціи на Араратъ въ 1829 году. Онъ всѣхъ увѣрялъ и теперь увѣряетъ, что Г. Парротъ былъ только на второй высотѣ, и тамъ поставилъ оба креста, — малый къ Баезидской сторонѣ, а большой къ нашей, тогда какъ проводникъ, Айвазовъ, толковалъ мнѣ и на горѣ, и послѣ того, что только шесть человекъ восходило на вершину, а на второй высотѣ было девять, и что малый крестъ былъ поставленъ тамъ, гдѣ и мѣрилъ. Степанъ Меликъ успѣлъ всѣхъ переувѣрить, такъ, что до сихъ поръ ни одинъ человекъ въ Грузіи не вѣритъ словамъ профессора; даже Г. Шопенъ, при всемъ умѣ своемъ и образованности, тиснулъ въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ не одну статью, доказывая невозможность взойти на гору, и утверждая, что профессоръ измѣрилъ ее не барометрически, а тригонометрически. Но взойдя на вторую высотѣ, гдѣ поставленъ большой крестъ, всякой скажетъ, что совершенно невозможно остановиться здѣсь, не сдѣлавъ, по крайней-мѣрѣ, попытки идти далѣе, — если только погода не будетъ препятствовать; а сдѣлавъ попытку, нельзя уже отстать, чтобы не взойти на верхъ.»

Эти строки принадлежать Г. Спасскому — Автономову, который изъ личнаго любопытства, и отчасти, чтобы удостовериться, дѣйствительно ли Г. Парротъ достигъ вершины, въ августѣ прошлаго года отправился на Араратъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ проводниковъ, и счастливо взошелъ на верхушку пика. Онъ видѣлъ большой крестъ, поставленный профессоромъ: крестъ этотъ былъ почти совершенно занесенъ снѣгомъ. Малаго креста, не отыскали,

но Г. Спасскій-Автономовъ ни мало не сомнѣвается въ его существованіи: незначительной высоты, онъ очень легко могъ быть засыпанъ весь снѣгомъ въ шесть лѣтъ, когда и большой, который ровно вдвое выше его, темеръ едва виднѣнъ изъ-подъ снѣгу.

Когда Г. Спасскій-Автономовъ возвратился въ село Аргури, старшины напрямикъ отказали ему въ выдачѣ свидетельства объ его восхожденіи.

«Въ восемь часовъ, 6 августа, собрались все старшины села. Сдѣлавъ обыкновенное, длинное привѣтствіе, они сѣли вокругъ меня. Я сперва спросилъ, видѣли ль меня на горѣ? Все отвѣчали отрицательно. Послѣ этого я подробно разсказалъ имъ о своемъ восходѣ, и просилъ ихъ развѣдать у проводниковъ, — что они тотчасъ и исполнили. — «Такъ ли разсказали проводники, какъ разсказывалъ я?» — Точно такъ, отвѣчалъ Меликъ. — Я продолжалъ: «Вы знаете, что я не понимаю по-Армянски, а мои проводники по-Русски?» — Такъ. — «Слѣдовательно, намъ нельзя было сговариваться?» — Точно. — «И такъ, мы говоримъ правду?» — Не знаемъ. — «Ну, напишите, покрайней мѣрѣ, такое свидетельство, что проводники показали согласно съ словами восходящаго на гору чиновника.» — Старшины, вообразивъ, что такая бумага для меня весьма необходима, и что она принесетъ мнѣ ужасную прибыль, рѣшительно мнѣ въ ней отказали, представляя непонимающими, что я требую отъ нихъ свидетельства не о бытіи моемъ на горѣ, а только о томъ, что мои проводники показали согласно съ моими словами. Они только и твердили, что на гору взойти невозможно и что проводникамъ они не вѣрятъ, но, если угодно мнѣ подождать, они пошлютъ нарочныхъ найти и принести знакъ, оставленный мною на вершинѣ. Обращаясь къ самому старшему, я сказалъ: «Вы, почтенный, общались смотрѣть меня на горѣ?» — Точно; но я не полагаю что вы взойдете вчера, а думалъ смотрѣть нынче. — Съ этими словами онъ исчезъ отъ меня навсегда.»

И. САВЕЛЬЕВЪ.

=

СТАТИСТИКА

СРЕДНЯГО ЧЕЛОВѢКА.

=

Въ безконечномъ разнообразіи явленій, окружающихъ человека въ природѣ и въ обществѣ, весьма немного такихъ, которыхъ причины до того ясны и прямы, что могутъ быть опредѣлены простымъ зрѣніемъ. Помощію трудныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій дошли мы до знанія причинъ нѣкоторой части этихъ явленій, совершающихся по всеобщимъ законамъ созданнаго міра: эти законы, строго доказанные, часто представляютъ намъ возможность вычислить съ величайшею точностію вѣроятные результаты ихъ дѣйствій къ намъ самимъ; чаще случается, что явленія происходятъ отъ причинъ до такой степени темныхъ и сложныхъ, что онѣ ускользаютъ отъ проникательности изыскателя: тогда законъ ихъ дѣятельности остается недоказаннымъ, и выводъ правильнаго заключенія объ его слѣдствіяхъ невозможенъ ни въ какомъ данномъ случаѣ. Однако, человекъ, побуждаемый собственными выгодами и любопытствомъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что поражаетъ его чувства, изобрѣлъ средство для объясненія этого разряда явленій, относя ихъ къ невѣдомому и таинственному началу, которое онъ назвалъ случаемъ. Сказать, что вещь произошла по случаю, все тоже, что сказать что она произошла, потому, что произошла. Какъ бы то ни было, слово «случай», отъ частаго употребленія, приобрѣло дѣйствительное и даже философическое значеніе,—какъ сознаніе нашего невѣдѣнія, или какъ сокращенное выраженіе неизвѣстной формулы. Принятый въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, Случай можетъ быть приличнымъ предметомъ изслѣдованій.

Нетрудно открыть въ самыхъ запутанныхъ дѣйствіяхъ Случая участіе одного или многихъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ законовъ, какъ начало сложной причинности; и съ другой стороны, въ практическомъ приложеніи чистѣйшихъ истинъ науки къ дѣлу, результаты рѣдко бываютъ

свободны от вліянія какого нибудь частнаго, пемы численнаго дѣйствователя. Такимъ образомъ, стараясь узнать, посредствомъ высоты солнца, положеніе, занимаемое нами на землѣ, мы получаемъ возможность опредѣлить съ величайшею подробностью астрономическія причины, на которыхъ основано вычисленіе, но многія другія причины, опредѣлить которыхъ нельзя, — несовершенство инструментовъ, неправильное дѣйствіе способности наблюдателя и прочая, — не дозволяютъ однако имѣть полной достовѣрности въ результаты. Во всякомъ сложномъ явленіи, следовательно, участвуютъ извѣстныя силы, которыя всегда и вездѣ стремятся къ произведенію одинаковыхъ дѣйствій, и другія, случайныя и измѣняющіяся при перемѣннхъ обстоятельствахъ, которыя всякому явленію стараются придать различныя послѣдствія. Бросая двѣ игральныя кости, мы каждый разъ имѣемъ то же равенство между ихъ сторонами, ту же плотность ихъ массы, ту же крѣпость ихъ частей, то же количество возможныхъ случаевъ. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ тотъ результатъ, что, при каждомъ паденіи кости, ложится кверху одна изъ ея сторонъ, по-одиначкѣ, такъ, что въ шесть разъ могутъ вскрытыя всѣ шесть сторонъ. Но сюда должно прибавить безконечныя разности силы, съ которою игрокъ трясетъ и бросаетъ кость, непримѣтныя неровности въ самой кости и въ столѣ, на который она падаетъ, дѣйствіе воздуха и прочее, отчего вскрытія сторонъ слѣдуютъ одно за другимъ безъ всякаго порядка. При каждомъ ударѣ дѣйствіе послѣдняго рода причинъ до такой степени превосходитъ дѣйствіе причинъ перваго рода, что нѣтъ, кажется, возможности опредѣлить заранее результатъ помощью ученыхъ способъ и такимъ образомъ, чтобы оно не было дѣломъ простой догадки. Это всѣ знаютъ. Однако, посредствомъ изысканій, найдено, что на дѣлѣ бываетъ противное; что постоянныя причины преобладаютъ надъ причинами случайными, и что взявъ длинный рядъ случаевъ, мы можемъ, помощью вычисленій, дойти до средне-пропорціональнаго результата, весьма близкаго къ тому, который вышелъ бы, по теоріи, если бы дѣйствовали одніе постоянныя причины, — потому что неизвѣстныя и перемѣнныя силы находятся также подъ

влияніемъ законовъ, хотя мы и не постигаемъ ихъ, что, следовательно, ихъ дѣйствія ограничены предметами, такъ, что въ известномъ ряду явленій, различныя уклоныя, причиняемыя такими силами, должны постепенно умалать друга друга, уравниваться и нейтрализовать себя взаимно.

Такимъ образомъ, — возьмемъ опять, для примѣра, высоту солнца, — можетъ случиться, что при наблюденіи возникнутъ значительныя ошибки отъ слабости зрительнаго нерва, минутнаго ослабленія вниманія или какой-нибудь неисправности инструмента. Но если несколько человекъ равной дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ подобныя наблюденія, во всей вероятности, ошибки одного будутъ отличны отъ ошибокъ другихъ, и главный выводъ всѣхъ изъ изслѣдованій будетъ близко подходить къ истинѣ.

Этотъ способъ искача достовѣрности и подводить случай подъ известные законы, давно примѣняется игроками въ азартныя игры, и страховыми обществами при опредѣленіи вероятной долготы человеческой жизни, и при вычисленіи, но-видимому, еще менѣе удобо-вычисляемыхъ случайностей пожаровъ и кораблекрушеній. Въ послѣднемъ дѣлѣ, съ перваго взгляда кажется совершенно невозможнымъ подчинить какимъ-либо правиламъ дѣйствія вѣтра, воды и человека, которыхъ непостоянство вошло даже въ пословицу; однако опытъ удостоверяетъ въ противномъ, такъ, что хотя многія морскія страховыя компании въ нѣкой годъ разоряются отъ сильныхъ бурь, сокрушающихъ цѣлыя купеческія флоты, однако промышленность страховщика вообще процвѣтаетъ наравнѣ съ самыми выгодными ремеслами, при всемъ сомыщестествѣ, которое безпрерывно пожираетъ страховыя преміи и приводитъ ихъ почти въ точное равновѣсіе съ рискомъ.

Когда люди неученые достигли такой степени достовѣрности въ техъ предметахъ, гдѣ прежде случай, казалось, господствовалъ исключительно, не мудро, что философы рѣшились наконецъ приложить столь выгодный способъ соображенія къ оцѣнкѣ физіологическихъ и общественныхъ явленій и къ опредѣленію законовъ, управляющихъ развитіемъ человеческихъ способностей. Въ послѣдніе годы, множество частныхъ, относящихся къ лицу

и къ обществу, были подвержены этому способу, и положительное знаніе наше, котораго впрочемъ и нельзя прибрѣтать иначе, значительно увеличилось. Мы можемъ здѣсь напомнить читателямъ любопытныя изслѣдованія Г. Кетлѣ (Quetelet), директора Брюссельской обсерваторіи, который, стараясь приложить Статистику къ Нравственной Философіи, нашелъ, что наибольшее число преступленій, особенно убійствъ и грабежей, случается именно въ тѣ мѣсяцы, въ которые обнаруживается и наиболѣе сумасшествій. Это чрезвычайно свѣтлое сближеніе было обнаружено въ прошломъ году, и, мы внесли его въ нашъ журналъ. Но оно было предтечею другихъ, гораздо внимательнѣйшихъ откровеній, которыхъ ученый свѣтъ ожидалъ уже отъ остроумнаго и дѣятельнаго наблюдателя. Въ самомъ дѣлѣ, Г. Кетлѣ придалъ съ тѣхъ поръ трудамъ своимъ большую обширность, и нынче предстаетъ передъ насъ съ полнымъ и весьма важнымъ твореніемъ,—*Sur l'homme et le développement de ses facultés*,—«О человекѣ и развитіи его способностей»,—твореніи, съ которымъ мы должны непременно познакомить нашихъ читателей. Оно содержитъ въ себѣ все, что было особенно хорошо доказано посредствомъ способа, о которомъ мы сейчасъ говорили,—результаты великаго множества изысканій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ и краткое обзорніе всей философіи предмета, могущее служить факеломъ и руководствомъ при наблюденіяхъ будущиъ испытателей, дать опредѣленное направленіе нравственной и физиологической статистикѣ и даже поставить ее паряду наукъ положительныхъ и практическихъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на органическое устройство человека, на образъ его дѣйствованія и даже на духовный составъ его, мы находимъ многія частности, которыя можно почитать постоянными, между-тѣмъ какъ другія представляютъ значительныя несходства въ различныхъ лицахъ. Такъ, напримѣръ, всякій человекъ имѣетъ сердце, легкія и желудокъ, двѣ руки и двѣ ноги, но не у всѣхъ людей одинаковыя—сложеніе, ростъ и вѣсъ. Всѣ люди могутъ бѣгать и ходить, поднимать тяжести, перевари-

* Библиотека для чтенія, 1834 No. 2, Связь, стр. 37.

вать питательныя вещества, но не все властны дѣйствовать съ равною силою и равно переработывать пищу. Точно также, все люди любить и ненавидать, желаютъ себя пользы, избѣгаютъ вреда и стараются, по мѣрѣ познаній и силъ, направить окружающія ихъ стихіи къ охраненію своей безопасности, между-тѣмъ какъ едва-ли можно найти двухъ чело-вѣкъ, въ которыхъ эти наклонности являются сходными и въ равной степени. Простыя и поверхностныя наблюденія надъ человѣческимъ родомъ показали философамъ, что подобныя несходства ограничены тѣсными предѣлами, и это было причиною созданія отвлеченнаго понятія о чело-вѣкѣ воображаемомъ, о существѣ идеальномъ съ именемъ «чело-вѣка» и длиннымъ рядомъ свойствъ, прилагающихся ко всемъ людямъ вообще и не принадлежащихъ въ строгомъ смыслѣ ни одному лицу въ особенности. Это и есть знаменитое *Я* Германскихъ умозрителей. Но хотя невозможно найти существа, совершенно тождественнаго съ этимъ *Я*, однако во всякомъ числѣ людей, взятомъ наудачу, замѣтно явное стремленіе приблизиться къ нему; и чѣмъ больше ихъ число, тѣмъ ближе будутъ они подходить къ этому образцу, который приличнѣе назвать средне-пропорціо-нальнымъ чело-вѣкомъ, нежели чело-вѣкомъ воображаемымъ или идеальнымъ. Очевидно, что, для отдѣльнаго управленія каждымъ членомъ общества, нельзя составить общихъ правилъ, сообразныхъ съ его личною природою; нельзя одна-кожъ допустить и того, чтобы каждый чело-вѣкъ былъ самъ-себѣ закономъ: отсюда слѣдуетъ, что, для дѣйствительнаго достиженія цѣли законодательства, должно прежде всего заняться вѣрнымъ и совершеннымъ определеніемъ свойствъ этого отвлеченнаго, средне-пропорціональнаго чело-вѣка. И если удачное приложеніе ученаго способа изслѣдованій сооб-щить большую точность идеямъ, которыя мы составили объ этомъ идеальномъ существѣ, родъ чело-вѣческой непрямою получить важную и обширную пользу.

Значительная часть многочисленныхъ свойствъ, которыя до сихъ поръ приписывались природѣ чело-вѣка, была от-крыта посредствомъ грубыхъ и несовершенныхъ наблюде-ній; другія заимствованы изъ слишкомъ утонченныхъ, апри-орическихъ умозрѣній о предполагаемомъ устройствѣ нашего

физическаго существа. Последнія сдвинулись предметомъ безконечныхъ споровъ, и были даже поводомъ къ самымъ ожесточеннымъ распрямъ, которыя возмущали спокойствіе обществъ. Пренія о свободѣ воли и о предустановленной неизбѣжности нашихъ дѣйствій представляютъ разительныя примѣры этихъ бѣдствій. Быть-можетъ, мы надѣялись бы слишкомъ много, воображивъ себѣ, что однихъ матеріальныхъ наблюдений, какъ бы они ни были обширны, достаточно для прекращенія всѣхъ подобныхъ распрей; но если, хоть въ большей части случаевъ, есть возможность рѣшить нравственныя вопросы арифметически, и это уже великая выгода для блага и спокойствія обществъ, такъ какъ дважды два—четыре всегда убѣдительнѣе тождественности, субъективности, объективности, и тому подобныхъ средствъ уразумѣнія. Впрочемъ, опытъ доказалъ, что прежніе способы, помощію которыхъ старались опредѣлить истинную природу отвлеченнаго, общаго человека, служащаго предметомъ законодательства, невѣрны и не достигаютъ своей цѣли сдѣлать, новый способъ опредѣлять эту природу, и притомъ способъ ясный, состоящій въ статистическомъ ея вычисленіи и названный здѣсь нами «Статистикою средняго человека», тѣмъ самымъ былъ бы уже достоинъ всякаго вниманія, что онъ новъ и ясенъ, когда бѣ даже приложенія его сопровождалось открытіями, гораздо менѣ важными тѣмъ, съ которыми знакомить насъ сочиненіе Г. Кетлѣ.

Способъ изслѣдованій, употребленный Г. Кетлѣ при оцѣнкѣ человѣческихъ способностей, есть тотъ самый, который принятъ для составленія таблицъ смертности въ обществахъ для застрахованія жизни. Онъ состоитъ въ приложеніи расчета вѣроятностей къ свойствамъ, склонностямъ и способностямъ человека въ данномъ народѣ, и основанъ на сравненіи количества извѣстныхъ нравственныхъ явленій въ какомъ-нибудь возрастѣ, или другихъ, при равныхъ обстоятельствахъ съ числомъ лицъ того же возраста или пользующихся одинаковыми обстоятельствами въ цѣломъ обществѣ. Мы полагаемъ, что механизмъ этого расчета всѣмъ извѣстенъ: впрочемъ истолкованіе его было бы здѣсь даже утомительно для многихъ. Этотъ способъ изысканія средняго человека не новъ: все дѣло въ обширности, которую

придалъ ему авторъ, и въ замысловатости выводовъ, которые онъ получалъ посредствомъ его. Мы обратимся преимущественно къ послѣднимъ. Но прежде чѣмъ приведемъ некоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ результатовъ, скажемъ нѣсколько словъ о важности статистическихъ таблицъ вообще и о степени довѣрія, которую можно имѣть къ ихъ выводамъ. Наука вѣроятностей основана на преобладаніи постоянныхъ причинъ надъ измѣняющимися, случайными: отсюда слѣдуетъ, что для получения вывода, который бы заслуживалъ довѣрія, надобно прежде сравнить между собою значительное число случаевъ. Съ умноженіемъ данныхъ возрастаетъ важность заключеній, и Г. Кетлѣ доказываетъ, что, при равенствѣ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, вѣроятность истины равняется квадрату числа наблюдений. Конечно, на достоинство таблицы имѣютъ также вліяніе искусство и точность наблюдателя, который ее составляетъ: поверхностныя наблюденія могутъ довести до положительныхъ заблужденій, что хуже совершеннаго незнѣства. Но надобно замѣтить, что недостаточность данныхъ, какъ скоро они недостаточны, всегда обнаруживается сама собою: читателю стоитъ только сравнить число примѣровъ, приведенныхъ въ каждой изъ двухъ несогласныхъ между собою таблицъ, для опредѣленія достовѣрности той и другой.

Относительная точность разныхъ наблюдателей не такъ легко можетъ быть узнана.

Хотя всякій новый рядъ наблюдений, вообще, долженъ что-нибудь прибавить къ нашимъ познаніямъ, потому что онъ или совпадаетъ съ предъидущими выводами и подкрѣпляетъ ихъ, или расширяетъ поле изысканій, или наконецъ подводитъ его подъ новыя точки зрѣнія, однако наиболѣе близкими къ истинѣ должно считать тѣ ряды наблюдений, въ которыхъ средний результатъ никогда не отдѣляется слишкомъ отъ самой большей и самой меньшей величины. Это становится еще болѣе вѣроятнымъ, когда въ таблицахъ, составленныхъ разными наблюдателями и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, средніе результаты равны или отличаются одинъ отъ другаго только бездѣлицею. Въ первыхъ таблицахъ, приведенныхъ авторомъ, видно, что изъ четырнадцати съ половиною милліоновъ ново-

рожденныхъ дѣтей, внесенныхъ въ списки во Франціи въ теченіе четырнадцати лѣтъ, среднее число новорожденныхъ мальчиковъ относится къ младенцамъ женскаго пола какъ 106, 38 ко 100, и что ежегодныя отступленія отъ этого средняго результата бываютъ чрезвычайно малы. Вѣрность этого вычисленія въ высокой степени правдоподобна, и справедливость вывода подтверждается еще болѣе другою таблицою, въ которой изслѣдованы только тридцать южныхъ департаментовъ: въ результатѣ оказалось 105,95 ко 100, что представляетъ замѣчательно малую разность отъ 106, 38. Но когда авторъ приступаетъ къ изслѣдованію дѣйствій климата въ большемъ размѣрѣ, определяя вліяніе его на соразмѣрность новорожденныхъ обоего пола въ различныхъ странахъ, тогда онъ принужденъ положиться на данныя, взятыя изъ разныхъ источниковъ и, по всей вероятности, весьма неодинаковой точности. Несмотря на то, въ таблицѣ, объемлющей шестнадцать Европейскихъ государствъ и выбранной изъ разныхъ источниковъ, средній результатъ является какъ 106 ко 100: такое сходство съ числомъ, показаннымъ въ таблицѣ Франціи, убѣждаетъ насъ снова въ вѣрности первой выкладки. Изъ этого и другихъ подобныхъ случаевъ, въ которыхъ избегали явно ошибочныхъ документовъ и пользовались только самыми очевидными статистическими фактами, можно вывести заключеніе, что небольшія разности въ таблицѣхъ, происходящія отъ большей или меньшей точности въ составленіи, въ большой сложности взаимно уравниваются, нейтрализуютъ одна другую и очень могутъ быть оставлены безъ вниманія. И такъ, хотя умственныя способности, средства, и прочая, разныхъ наблюдателей, не могутъ быть опредѣлены числами, однако, подобно другимъ случайнымъ причинамъ, препятствующимъ успѣху, они исчезаютъ, когда рядъ наблюденій достаточно пространенъ.

Г. Кетлѣ начинаетъ свои изысканія съ физическихъ фактовъ, потому что они удобнѣе всего опредѣляются числами. Рассмотрѣвъ общую соразмѣрность между новорожденными дѣтьми мужскаго и женскаго пола, онъ приступаетъ къ изслѣдованію вѣншихъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ на нее частное вліяніе. Изъ различныхъ его таблицъ видно,

что число младенцевъ мужскаго пола относительно менѣе въ городахъ нежели въ земледѣльческихъ округахъ, и что оно также менѣе между незаконнорожденными нежели законными дѣтьми. Таблица, составленная Г. Беббеджемъ, изъ наблюдений, сдѣланныхъ во Франціи, Неаполѣ, Пруссіи, Вестфаліи и Монпелье, даетъ среднее число 105,75 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ прижитыхъ въ бракъ, между-тѣмъ какъ на такое же количество незаконнорожденныхъ младенцевъ женскаго пола приходится только 102,50 мужскаго.

Изъ мертворожденныхъ дѣтей, мальчиковъ болѣе чѣмъ дѣвочекъ, и незаконнорожденныхъ болѣе чѣмъ законныхъ. Въ Гёттингенѣ приходилось по три законныхъ мертворожденныхъ младенца на сто рождений, тогда какъ число мертвыхъ незаконнорожденныхъ простиралось до пятнадцати на сто. Вѣроятныя причины этой несоразмѣрности суть волненіе страстей матери во время беременности, большія физическія и общественныя трудности ея положенія, низкая степень, занимаемая въ жизни сословіями, въ которыхъ особенно часто встрѣчается этотъ порокъ, и отчасти умышленныя усилія родить мертваго ребенка.

Въ пятой главѣ, авторъ переходитъ къ смертности. Въ сѣверной Европѣ умираетъ одинъ человекъ на 41,1; въ средней на 40,8; въ южной на 33,7. Но за исключеніемъ Англіи, наименьшая смертность въ средней Европѣ, чѣмъ доказывается превосходное, здоровое свойство умѣренныхъ климатовъ. Чрезвычайный жаръ, повидимому, сокращаетъ человеческую жизнь, но не должно забывать, что, въ странахъ близкихъ къ экватору, недостатокъ просвѣщенія содѣйствуетъ климату, усиливая его вредное вліяніе.

О средней долготѣ человеческой жизни, при опредѣленіи относительнаго благосостоянія народовъ, у Г. Кетле находится нѣсколько превосходныхъ замѣчаній. «Можно сказать, что благосостояніе народа производитъ менѣе гражданъ, но долже сохранять ихъ. Это условіе вполнѣ клонится къ выгодѣ народонаселенія, потому что, если число рождений и менѣе, зато болѣе полезныхъ членовъ общества, и поколѣнія не такъ часто перемѣняются ко вреду государства».

«Человѣкъ, въ первоначальномъ возрастѣ, живетъ на счетъ

общества. Онъ занимаетъ, съ тѣмъ, чтобы заплатить впоследствии, и если онъ умеръ, не уплативъ этого долга, жизнь его была бременемъ для отечества. Для опредѣленія подобныхъ издержекъ, достаточно будетъ показать, что содержаніе ребенка отъ дня его рожденія до двѣнадцати или шестнадцати лѣтъ, стоило въ 1821 году, въ Нидерландскихъ воспитательныхъ домахъ 1110 франковъ^{*}; положимъ, впрочемъ только 1,000 франковъ. Такъ у всякаго человека, который вышелъ изъ дѣтства, есть некотораго рода долгъ, состоящій по-меньшей-мѣрѣ изъ 1000 франковъ, — суммы, которую общество платитъ за всякаго ребенка, предоставленнаго его состраданію. Во Франціи, число новорожденныхъ простирается ежегодно до 960,000, изъ которыхъ $\frac{9}{20}$ умираютъ, не достигнувъ полезной зрѣлости. Этыхъ 430,000 несчастныхъ можно считать пришельцами, которые, не имѣя ни состоянія, ни промышленности, участвуютъ въ общемъ потребленіи, и уходятъ, не оставивъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ кромѣ вѣчныхъ сожалѣній. Издержки на ихъ содержаніе, не считая времени, которое было имъ исключительно посвящено, простираются до огромной суммы 432,000,000 франковъ. Съ другой стороны, если приять въ соображеніе печаль, причиняемую такими потерями, которыхъ не могутъ вознаградить ни какія человѣческія пожертвованія, то этотъ предметъ окажется достойнымъ глубокихъ размышленій философа и законодателя. Твердите, твердите всегда, что благосостояніе обществъ зависитъ не столько отъ умноженія, сколько отъ сохраненія ихъ составныхъ членовъ: оно когда-нибудь принесетъ свою пользу.

Эти замѣчанія суть ужасный комментарий на вредныя послѣдствія самыхъ счастливыхъ войнъ, которыя, похищая столько людей въ то самое время, когда они начинаютъ приносить пользу, истощаютъ какъ нельзя болѣе средства государствъ. Вотъ еще другое замѣчаніе автора, которое находится въ связи съ этимъ предметомъ: «Между смерт-

* Эта сумма необыкновенно мала. Авторъ вѣроятно взялъ среднюю цѣну содержанія всѣхъ вообще воспитанниковъ этихъ заведеній, изъ которыхъ большая часть умираетъ въ первые дни по вступленіи.

ностью и плодородіемъ существуетъ постоянное отношеніе, то есть, число рожденій определяется числомъ смертныхъ случаевъ». Въ некоторомъ смыслѣ это справедливо. Положимъ, что заразная болѣзнь уменьшила народонаселеніе: надобно думать, что въ слѣдующемъ поколѣніи браки будутъ совершаться ранѣе и въ большемъ количествѣ; но если принять это за общее правило, то, кажется, количество смертныхъ случаевъ болѣе находится въ зависимости отъ рожденій, нежели бываетъ причиною ихъ умноженія. Важная причина великой смертности во всѣхъ государствахъ заключается въ нуждахъ всякаго рода, которыя окружаютъ дѣтей низшихъ сословій. Эти случаи очевидно должны увеличиться, когда обстоятельства бѣднаго приводятъ въ худшее состояніе, и на оборотъ. Но несообразное возрастаніе народонаселенія ведетъ также къ худшему состоянію, и, поэтому чрезмерное увеличеніе числа рожденій соответственно увеличиваетъ число смертныхъ случаевъ. Впрочемъ, сообразивъ все обстоятельства, мы найдемъ, что здѣсь, можетъ-быть, кругъ причинъ и слѣдствій, оказывающихъ другъ на друга взаимное дѣйствіе.

«Въ Вареджіо, говоритъ Г. Босси въ своей Статистикѣ, въ герцогствѣ Лукскомъ, небольшое народонаселеніе, погруженное въ самое жалкое невѣжество и нищету, страдало отъ ежегодныхъ лихорадокъ. Но въ 1741 году построены были плызы чтобы море не заливало низменныхъ земель, подверженныхъ наводненіямъ во время большихъ приливовъ и бурь: болота исчезли, а съ ними иксты и лихорадки; теперъ этотъ округъ одинъ изъ самыхъ здоровыхъ, промышленныхъ и богатыхъ на Тосканскомъ берегу, и въ здоровьѣ, долготѣи и нравственности жителей произошли такія же выгодныя перемены.»

Такимъ же образомъ, по словамъ Г. Виллермѣ, на островѣ Иліи, отъ 1813 по 1830 годъ, изъ 10,000 умершихъ всѣхъ возрастовъ, 4,731 скончались прежде достиженія десяти лѣтъ, между-тѣмъ какъ въ другихъ земледѣльческихъ округахъ число такихъ же смертныхъ случаевъ не превышало 3,505: умершихъ отъ десяти до сорока лѣтъ на островѣ Иліи было 3,712, тогда какъ общая смертность была также не свыше 3,142.

Здѣсь должно замѣтить совмѣстничество непосредственныхъ болѣзненныхъ причинъ смертности съ непрямыхъ вліяніемъ общества, имѣющимъ начало въ бѣдности народонаселенія. Мы замѣтили однажды въ этомъ журналѣ, что съ нѣкотораго времени Европейскіе врачи стали открывать въ воздухѣ болѣе причинъ смертности, нежели думали прежніе нозологи. Эти причины названы общимъ именемъ — малярія. Изысканія, весьма основательныя, которыя мы привели также, показываютъ въ примѣрахъ Рима и другихъ мѣстъ Италіи, что малярія есть слѣдствіе истребленія лѣсовъ и деревьевъ. Впрочемъ не должно слагать на малярію ответственность за весь ущербъ въ людяхъ, наносимый ею обществу въ извѣстныя поры. Достаточные граждане легко уклоняются отъ ея вліянія, и она, похищая жертвъ своихъ въ низшихъ классахъ, просто занимаетъ мѣсто мпожества недуговъ, обыкновенныхъ спутниковъ нищеты, которые дѣйствовали бы и тогда, когда бы климатъ былъ здоровъ, а народонаселеніе было бѣдно. Тотъ же самый авторъ выводитъ изъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Парижѣ, что бѣдность и богатство различныхъ частей города сильнѣе дѣйствуютъ на продолжительность жизни, нежели всѣ обстоятельства, о которыхъ думаютъ, что они искажаютъ климатъ отдѣльныхъ мѣстностей.

При изслѣдованіи вліянія половъ на смертность, Г. Кетлѣ говоритъ: «Есть очевидно особенная причина смертности, которая неодинаково тяготеетъ надъ малютками двухъ разныхъ половъ прежде и немедленно послѣ рожденія. Мальчиковъ всегда гибнетъ въ зародышѣ болѣе чѣмъ девочекъ. Изъ мертворожденныхъ, число младенцевъ мужескаго пола относится къ числу женскаго какъ 3 къ 2; число умершихъ въ два первые мѣсяца почти какъ 4 къ 3, а въ теченіе трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ какъ 5 къ 4.»

«Отъ четырнадцати до осьмнадцати лѣтъ увеличивается смертность женщинъ; отъ двадцати одного года до двадцати шести, напротивъ, возрастаетъ смертность мужчинъ; а отъ двадцати шести до тридцати (средняя эпоха супружества) смертность обоихъ половъ бываетъ равная. Она чувствительно усилвается для женщинъ въ періодъ плодородія, и по прошествіи этого времени снова уменьшается,

такъ, что общее количество смертныхъ случаевъ въ общи полахъ бываетъ всегда соразмѣрно съ общимъ количествомъ живущихъ мужчинъ и женщинъ.»

Изъ этихъ результатовъ можно вывести заключеніе, что законъ развитія не совершенно одинаковъ для обоихъ половъ; фактъ этотъ физиологически очевиденъ. Нѣтъ ни какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, посредствомъ которыхъ можно было бы истолковать раннюю смертность мужчинъ. Увеличивающаяся смертность женщинъ, когда онѣ выходятъ изъ дѣтства, объясняется удобиемъ, частію физиологическими причинами, частію заблужденіями, которымъ подвержены бываютъ дѣвцы. Уменьшеніе смертности между старушками происходитъ вѣроятно отъ того, что однѣ только самыя здоровыя и крѣпкія переходятъ за рубежъ молодости и плодородія.

Г. Кетлѣ справедливо замѣчаетъ, относительно вліянія войны и мира, что статистическія таблицы могутъ привести къ ложнымъ заключеніямъ, если ихъ употребятъ безъ подлежащей осмотрительности. Такъ на примѣръ, изъ двухъ государствъ, которыя находятся въ войнѣ между собою, одно можетъ пострадать чрезъ потерю людей въ сраженіяхъ, отъ изнуренія и нуждъ и черезъ соразмѣрное уменьшеніе брачныхъ случаевъ, или отъ препятствій, которыя останавливаютъ его промышленность, или отъ прекратившагося ввоза съѣстныхъ припасовъ, между-тѣмъ какъ тѣ самыя бѣдствія весьма слабо дѣйствовали на другое. Г. Седлеръ, обманутый статистическими таблицами Англіи, отрицалъ вліяніе войны, тогда какъ сравнительная таблица смертныхъ случаевъ, рожденій и браковъ въ Бельгіи и Голландіи, въ теченіе десяти лѣтъ предшествовавшихъ миру 1814 года, и десяти лѣтъ спустя, показываетъ совершенно противное.

О вліяніи богатства на смертность, Г. Кетлѣ замѣчаетъ, что «изъ лицъ, застрахованныхъ въ Обществѣ Справедливости, Equitable society, то есть, изъ класса людей весьма достаточныхъ, въ теченіе 1801 года умиралъ только одинъ человекъ на 81,5, тогда какъ между черными невольниками, ежегодно погибалъ одинъ изъ пяти или шести: общи

смертность между неграми, служащими въ Британской арміи, простирается не выше одного человека на 33,3.»

По этому поводу; авторъ весьма основательно говоритъ, что слово «богатство» требуетъ объясненія. Великое изобиліе часто только служить средствомъ къ чрезмерному удовлетворенію страстей. Самое выгодное состояніе народа есть то, которое доставляетъ ему возможность удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ природы безъ невоздержности и безъ изобретенія несуществующихъ нуждъ. Вообще; народъ въ этомъ смыслѣ богаче въ тѣхъ странахъ, которыя слывутъ бедными, нежели въ почитаемыхъ за богатые. Въ Англіи, богатѣйшемъ изъ государствъ, большая часть жителей живетъ милостынею. Въ богатыхъ провинціяхъ Фландріи, также считается болѣе бедныхъ, чѣмъ въ Луксембургѣ, гдѣ большія имѣнія встрѣчаются рѣдко, но пародонаселеніе вообще пользуется довольствомъ. То самое можно сказать о Франціи и о большей части земледѣльческихъ государствъ. Россія—страна безъ-сомнѣнія не самая богатая въ Европѣ, и между-тѣмъ единственная, въ которой число лишенныхъ продовольствія, достаточнаго для поддержанія жизни и долговѣчности, въ сравненіи съ объемомъ всего населенія, равняется почти непримѣтной дроби, — по-крайней-мѣрѣ въ обыкновенные годы.

Далѣе находится нѣсколько любопытныхъ фактовъ, собранныхъ докторомъ Каснеромъ, изъ Берлина, относительно мѣненія занятій на смертность, и уже отчасти обнародованныхъ нами: изъ нихъ видно, что умственная работа вредитъ болѣе тѣлесной, но что соединеніе той и другой вмѣстѣ разрушительнѣе всего. Напротивъ, тихая, домашняя жизнь, безъ излишествъ, наиболѣе благоприятствуетъ жизни. Читатели наши вспомнятъ любопытное исчисленіе Г. Каснера, которымъ онъ удостовѣрился, что должность врачей есть самая изнурительная, между-тѣмъ какъ противоположную крайность представляютъ богословы: изъ 500 человекъ духовнаго званія, 42 обыкновенно доживаютъ до семидесяти лѣтъ и болѣе, изъ 500 врачей только двадцать четыре могутъ достигнуть такой старости. Изъ 3,000 человекъ, умершихъ между двадцать четвертымъ и шестиде-

сять вторымъ годомъ включительно, въ періодъ самой сильной ученой и должностной дѣятельности, было 345 духовныхъ особъ и 601 врачъ.

Таблица, составленная авторомъ изъ наблюдений Гг. Баумана и Зюсмилля, показываетъ, что число незаконнорожденныхъ дѣтей, умирающихъ до четырехъ-лѣтнаго возраста, относится къ числу законныхъ какъ 12,3 къ 7. Небольшая часть незаконнорожденныхъ дѣтей доживаютъ до возмужалости. Г. Шатоней (Benoisson de Chateaupreuf) въ «Размышленіяхъ о подкидышахъ,» приводитъ изумительный фактъ, — что изъ 19,420 младенцевъ, принятыхъ въ Дублинскій воспитательный домъ въ теченіе двадцати лѣтъ, къ концу этого времени осталось въ живыхъ только 2000. Важный для общества и нравственности вопросъ о пользѣ воспитательныхъ домовъ, которыхъ мысль, возникшая первоначально во Франціи, благоговѣющей передъ челоуколюбіемъ Св. Франциска де-Поль, распространилась по всей Европѣ, сдѣлалась, по порученію блаженной памяти Императрицы Маріи Теодоровны, предметомъ обширныхъ изысканій профессора Дегурова, нынѣ ректора Санктпетербургскаго Университета. Этотъ отличный ученый посвящалъ цѣлую часть своей жизни изученію предмета, для котораго предпринималъ онъ нарочныя путешествія. Свѣдѣнія, собранныя имъ съ безпримѣрною тщательностью, обнаруживаютъ истину, которой обыкновенные судьи дѣла, увлекаясь блескомъ благотворительности, далеко не подозреваютъ. Обширное сочиненіе, въ которомъ онъ разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, конечно послужитъ къ скорому и коренному преобразованію всеобщаго предубѣжденія. Между-тѣмъ, слѣдующія слова заимствованныя Г-мъ Кетлѣ изъ таблицъ Г. Дегурова, рѣшительно доказываютъ вредное дѣйствіе воспитательныхъ домовъ на числительную силу и нравственность нѣкоторыхъ обществъ: «Въ Майнцѣ, отъ 1799 до 1841 года не было заведеніи, въ которое принимали бы всѣхъ подкидышей безъ разбора. Въ это время тамъ было подкинуто только тридцать младенцевъ. Наполеонъ учредилъ тоуг, колесо, или особенную машину, куда можно было класть дѣтей, такъ, что положившій оставался неизвѣстнымъ, и

отъ ноября 1819 до марта 1815 года, когда Герцогъ Гесенъ-Дармштатскій уничтожилъ это, было принято 516 младенцевъ. Въ теченіе слѣдующихъ девяти лѣтъ, число подкидышей уменьшилось снова до девяти.» Г. Дегуровъ, основываясь на вѣдомостяхъ за многіе годы, полученныхъ имъ изъ всѣхъ подобныхъ заведеній въ Европѣ, говоритъ, что смертность въ воспитательныхъ домахъ ужасна, между-тѣмъ какъ учрежденіе ихъ едва-ли отвращаетъ дѣтубійство и что число дѣтей, погибающихъ въ этихъ храмахъ благотворительности, находится внѣ всякой соразмѣрности съ числомъ тѣхъ, которыхъ они спасаютъ.

Изъ нѣкоторыхъ таблицъ смертности въ Англійскихъ госпиталяхъ видно, что тамъ умираетъ 1 больной изъ 16. Въ Hôtel-Dieu, въ Парижѣ, умираетъ одинъ на 6, 8; въ Pitié, одинъ на 8, 2; въ Женевской больницѣ, одинъ на 11; въ Императорской Санктпетербургской больницѣ, одинъ на 4, 5; въ Санъ-Матео, въ Павіи, одинъ на 10, 7; въ канцелярскихъ профессоръ Томмазини, въ Болоніи, одинъ на 7, 7.

По этому предмету Г. Гакенсъ доказываетъ, что относительная смертность рѣдко зависитъ отъ способа леченія, и мы находимъ въ одномъ Англійскомъ журналѣ наблюденія какого-то госпитальнаго дилланта надъ смертностью между больными трехъ разныхъ врачей въ одной и той же больницѣ. Одинъ изъ трехъ врачей былъ эклектикъ, другой экспектантъ, третій приверженецъ топической системы. Смертность была одинакова, но продолжительность болѣзней и свойство выздоровленій весьма различны. Вероятно, что на болѣе пространной таблицѣ, количество смертныхъ случаевъ было бы соразмѣрнѣе съ продолжительностью выздоровленій.

Относительно вліянія какое имѣютъ на смертность полицейскія учрежденія, мы находимъ, что въ Белгійской тюрьмѣ Велвордѣ, въ 1802 году, то есть, во время знаменитой Французской администраціи, умерло одинъ челоуькъ на 1,27 (!) изъ средняго числа узниковъ, которые тамъ содержались, между-тѣмъ какъ въ 1817, при Нидер-

ландскомъ правленіи, число смертныхъ случаевъ уменьшилось до одного на 50,36. «Можно судить по этому, говорить Г. Кетлѣ, былъ ли бы въ состояніи человекъ, преданный на собственный произволъ, удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ, и при какомъ бы то ни было положеніи общества, увеличить свою смертность до такой степени, какъ это сдѣлала нерадивая и невѣжественная администрація. Никогда, при самыхъ ужасныхъ заразахъ и во время самыхъ губительныхъ войнъ, не было нигдѣ такой смертности какъ въ Вельвордѣ, въ началѣ этого столѣтія».

Мнѣнія автора о народонаселеніи, основанныя на арифметической очевидности, вообще весьма близко подходятъ къ мнѣніямъ Мальтуса, и онъ приводитъ ихъ въ слѣдующую формулу: «Народонаселеніе стремится къ умноженію въ геометрической пропорціи. Сумма препятствій, которыя противодействуютъ этому стремленію, равняется, при равенствѣ всего прочаго, квадрату скорости дѣйствительнаго возрастанія», — новый примѣръ аналогіи, часто находимой Г. Кетлѣ между законами механики и тѣми, которые управляютъ человѣческими поступками. «Поэтому, какъ быстро ни подвигалось бы впередъ народонаселеніе, оно никогда не столкнется съ крайнимъ предѣломъ своимъ. При приближеніи его къ предѣлу, препятствія будутъ умножаться съ такою скоростью, что не допустятъ столкновенія. Природа возьметъ слѣдующую ей дань смертей соразмѣрно съ близостью преисполненія, но этотъ долгъ, уплачиваемый повемпогу, не такъ тягостенъ, какъ если приходится платить его разомъ.»

Въ такомъ положеніи находится теперь большая часть Европейскихъ народонаселеній; преступления и бѣдность взимаютъ съ нихъ богатую дань, но опустошительныя года случаются рѣдко. Между многими любопытными и остроумными замѣчаніями о выводахъ, которыя можно получить изъ этого предмета, мы находимъ слѣдующее: «Есть одна трудная задача, заслуживающая особеннаго вниманія, потому что рѣшеніе ея было бы важно для многихъ статистическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ:

дало идти объ нслдованн — может ли у двух народов, у которых существует одинаковое отношенн рожденн къ смертнымъ случаямъ, быть различная средняя долгота жизни, происходящая отъ различнн въ порядкѣ смертности относительно возраста умирающихъ? Положимъ, что у какого-нибудь народа ежегодное число рожденн и смертныхъ случаевъ бываетъ равно: если въ концѣ года составляется таблица, то средняя долгота жизни окажется, можетъ-быть, 50 лѣтъ. На слдующн годъ, смертность, дѣйствуя такимъ же образомъ и въ такой же соразмѣрности, дастъ такой же результатъ. Но если бы, въ списокъ умершихъ во второмъ году, годовалое дитя было поставлено вмѣсто челооька сорока лѣтъ, отъ чего отношенн смертныхъ случаевъ къ рожденнмъ не измѣнилось бы, то средняя долгота жизни сдѣлалась бы короче, по причинѣ потери тридцати девяти лѣтъ, но при этой переменѣ, несмотря на уменьшенн средней долготы жизни, общество было бы въ выигрышѣ, потому что, вмѣсто убыточнаго для него ребенка, оно сохранило бы полезнаго члена».

Это служить доказательствомъ, съ какою осторожностню должно употреблять вычисленн средней долготы жизни, сдѣланныя изъ малаго количества ежегодныхъ наблюденн, и относительно народа, который преуспѣваетъ или приходитъ къ упадку.

Отсюда также можно видѣть, какъ неосновательно—полагаться на однн этотъ признакъ при опредѣленн народнаго благосостоянн.

«Умственные способности, говоритъ Г. Келье, могутъ быть оценены только въ ихъ дѣйствняхъ, то есть, въ поступкахъ и произведенняхъ, которые ими порождены. Вмѣняя народу, какъ и частному лицу, все, что онъ сдѣлалъ, мы можемъ судить о плодovitости и силѣ его умственныхъ способностей сравнительно съ способностями всякаго другаго народа, причѣмъ конечно слдуетъ брать въ расчетъ препятствн, которые могли задержать ихъ обоюдное стремленн. Рассматривая возрастъ, въ какихъ разные представители умственной дѣятельности народа произвели свои творенн, мы получимъ необходимые элементы для оценки закона, по которому развивались его способности. Чтобы придать этому знанню болѣе точности, можно распределить произведе-

нія по родамъ ихъ, на музыкальныя, математическія, литературныя, философическія, и такъ далѣе, отчего общее заключеніе получить себѣ бытъ отъянки. Исслѣдованіе это должно распространить отъ народа къ народу, чтобы опредѣлить, до какой степени развитіе способностейъ зависитъ отъ мѣстнаго вліянія.

Для примѣра, авторъ избираетъ предметомъ драматическій талантъ Франціи и Англіи и дѣлаетъ выводъ изъ сравненія пьесъ, chefs-d'oeuvre, сорока семи Французскихъ и двадцати четырехъ Англійскихъ писателей, заимствуя первыя изъ Repertoire Пикара, а послѣднія изъ British Theatre. Вся произведенія этихъ писателей расположены таблицей, изъ которой видно, что, въ обихъ странахъ, драматическій талантъ обнаруживается не ранѣе двадцати-лѣтняго возраста; что между двадцати-пяти и тридцати-лѣтнимъ возрастомъ онъ является въ значительной силѣ и потомъ все болѣе возвышается до пятидесяти пяти лѣтъ. Съ этой поры онъ подвергается внезапному и быстрому упадку, который былъ бы еще замѣтнѣе, если бъ принять въ расчетъ качество произведеній, а не одно ихъ количество.

Другой любопытный фактъ, выведенный Г. Кетлѣ изъ этихъ таблицъ, есть тотъ, что трагическое дарованіе является ранѣе комическаго. Авторъ хочетъ, кажется, приписать это раннее явленіе трагическаго таланта современности его съ эпохою перваго разгара страстей, но мы смѣемъ думать, что трагедія и потому еще доступнѣе комедіи для юнаго дарованія, что она не требуетъ такого знанія свѣта и такого обширнаго запаса тонкихъ наблюденій. Весьма любопытно замѣчаніе автора о современности помѣшательства у Французовъ съ развитіемъ страсти къ драматическому искусству. «Мы уже видѣли, говоритъ онъ, что между тридцати и пятидесяти - лѣтнимъ возрастомъ заключается эпоха сильнѣйшей драматической производительности во Франціи: это пора и самыхъ многочисленныхъ, самыхъ упорныхъ помѣшательствъ. Умъ начинаетъ развиваться съ двадцати пяти лѣтъ, когда физическое развитіе уже совершилось. Тогда является и сильнѣйшая склонность къ преступленію.» Если этотъ выводъ не грамматика, то онъ довольно страненъ, и по-крайней-мѣрѣ не-

что не доказываетъ. Г. Кетлэ такъ же хорошо могъ сказать, что люди женятся въ томъ самомъ возрастѣ, въ которомъ вынуть драмы и сходять съ ума.

Во Франціи помѣшанныхъ женщинъ почти цѣлою третью болѣе противъ мужчинъ. Для женскаго пола время самыхъ частыхъ припадковъ июль мѣсяць, тогда какъ для мужчинъ онъ занимаетъ третье мѣсто въ этомъ отношеніи. Помѣшанныхъ холостяковъ почти четвертью болѣе, чѣмъ женатыхъ. На мужчинъ сумасшествіе находитъ преимущественно между тридцатымъ и тридцать девятымъ годомъ, на женщинъ между сороковымъ и сорокъ девятымъ. У женщинъ преобладаетъ меланхолія, у мужчинъ наклонность къ самоубійству. Что касается до способовъ уничтоженія жизни, Французы предпочитаютъ пистолеть и ножъ, Француженки ядъ, паденіе съ высокихъ мѣстъ и удушеніе чадомъ.

По наблюденіямъ доктора Каспера, самоубійства въ городахъ содержатся къ деревенскимъ, при одинакихъ впрочемъ обстоятельствахъ, какъ 14 къ 4. Въ Берлинѣ, какъ мы уже однажды говорили, самоубійцы мужскаго пола содержатся къ женщинамъ какъ 5 къ 1. По *Recherches statistiques de Paris*, содержаніе это равняется въ Парижѣ почти 2 къ 1. Въ Женевѣ между 1820 и 1826 годами оно было какъ 4 къ 1. Такія важныя различія, опредѣляемыя мѣстностью, не допускаютъ еще достовѣрнаго средняго вывода.

При отыскъ общей наклонности къ преступленію по вѣдомостямъ уголовныхъ судилищъ должно предполагать постоянное отношеніе между извѣстными и неоткрытыми злодѣяніями. Отношеніе это, разумется, будетъ измѣняться, смотря по разности состояній общества и особенностямъ судебныхъ учреждений. Оно будетъ различно и смотря по роду проступковъ, потому что не всякій изъ нихъ требуетъ противъ себя одинаковой бдительности со стороны общества. Но въ разсужденіи одного и того же края и одной и той же степени гражданственности, можно принимать эти элементы за величины постоянныя, тѣмъ болѣе, что вѣрность такого расчета оправдывается всеми доселѣ полученными выводами.

Изъ отчетовъ министерства юстиціи можно видѣть, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, предшествовавшихъ 1830 году, было во Франціи, среднимъ числомъ, по одному обвиненію на 4,463 жителя. Изъ ста обвиненныхъ шестьдесятъ одинъ былъ уличенъ въ преступленіи, и такъ какъ эти средніе выводы оказывались постоянными при повторительномъ наблюденіи, то весьма вѣроятно, что они близко выражаютъ истинное состояніе преступности этого края и что по нимъ можно дѣлать достовѣрные заключенія на счетъ будущаго времени.

Разсматривая вопросъ о вліяніи гражданскаго состоянія, воспитанія, и прочая, на преступленіе, авторъ приводитъ таблицу преступленій противъ личности и собственности во Франціи за 1828 и 1829 годы. Результатъ ея тотъ, что воспитанные дѣлаютъ болѣе преступленій противъ личности, а невоспитанные болѣе противъ собственности.

Что касается до вліянія пола, то во Франціи изъ ста обвиненій въ нарушеніи правъ собственности двадцать шесть падаютъ на женщинъ; въ преступленіяхъ противъ личности содержаніе это равняется 16 ко 100. Здѣсь любопытно то обстоятельство, что отношеніе 16 къ 26 есть то же самое, которое существуетъ между физическими силами обоеихъ половъ. Однако жъ особенныя заключенія, выводимыя изъ такихъ общихъ данныхъ, должны сопровождаться точнымъ и подробнымъ изслѣдованіемъ различій положенія искусности и зависимости обоеихъ половъ. Самая слабость женщины, поставляющая ее подъ покровительство мужчины, и окруженная разными предосторожностями и приличіями, говоритъ противъ нея, какъ скоро она рѣшится нарушить всѣ преграды и опозорить себя преступленіемъ.

Изъ всѣхъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на позывъ къ преступленію, важнѣйшая — конечно возрастъ. Физическія силы, страсти и разумокъ человека, связанные самымъ тѣснымъ образомъ съ его лѣтами, почти достаточны для опредѣленія въ каждую эпоху жизни, какой степени пре-

ступности должно ожидать отъ народонаселенія, достигшаго этой эпохи. Покрыше преступленія естественно открывається передъ юношей вмѣстѣ съ независимостью, наступающею для него при совершеннолѣтіи.

Общедопускаемое правило, будто бѣдность рождаетъ преступленіе, подвержено, по мнѣнію Г. Кетлѣ; очень важнымъ ограниченіямъ. Часто бѣднѣйшія области отличаются наилучшею нравственностью. Такъ напримѣръ, воровство очень рѣдко между умирающимъ съ голоду населеніемъ южной Ирландіи. Причиною тому, во-первыхъ, недостатокъ предметовъ преступленія, во-вторыхъ недостатокъ средствъ утаить и промѣнять похищенное. Особенное положеніе общества опредѣляетъ преобладаніе того или другаго рода преступленій.

Касательно примѣненія расчета вѣроятностей къ Искусствамъ и Литературѣ, конечно можно сомнѣваться, чтобы Статистика когда-нибудь принесла имъ существенную пользу; но важность ея выводовъ для вычисленія средняго человека по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ очевидна сама собою. Вся медицинскія теоріи основываются на предположеніи отвлеченнаго человека; вся медицинская практика на наблюденіи и соображеніи разныхъ уклоненій отъ этой отвлеченной формы, свойственныхъ каждому больному въ особенности. Доселѣ опредѣленіе разныхъ принадлежностей этого идеальнаго существа, въ здоровомъ и болѣзненномъ его состояніи, было слишкомъ обще, слишкомъ невѣщательно: поэтому медицинская теорія подвержена безконечной и ужасной неизвѣстности и часто крутымъ переворотамъ.

Разсматривая средняго человека въ отношеніи къ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, Г. Кетлѣ входитъ въ любопытныя подробности касательно различій между среднимъ человекомъ извѣстной эпохи и страны, и среднимъ образцомъ человечества, съ тою цѣлю, чтобы вычислить, въ какихъ особенностяхъ человекъ неподвиженъ и въ какихъ онъ усовершеннъ. Исследования по этой части пол-

ны остроумных соображений; между-темъ нельзя не замѣтить, что этотъ первый опытъ статистики нравственныхъ и умственныхъ отношеній человека еще очень далеко отъ предполагаемой цѣли. Издавая его въ свѣтъ, авторъ конечно имѣлъ въ виду только обратить вниманіе публики на предметъ, слишкомъ мало ее занимавшій, но котораго важность заслуживаетъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, и который представляетъ обильную жиду новыхъ свидѣній и соображеній, доступную каждому, въ комъ только есть охота заняться разработкою. Книга Г. Кетлѣ можетъ быть полезна приступающимъ къ дѣлу, и во всякомъ случаѣ она весьма любопытна.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ПОМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

И ПОСТУПЛЕНІИ ЕЯ ИЗМѢНЕНІИ.

Мы не удалимся отъ цѣли этого отдѣленія, посвященнаго свидѣніямъ, которыя могутъ быть полезными помѣщикамъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ или промышленностію, когда обратимъ ихъ вниманіе на юридическую исторію земель, состоящихъ нынче въ ихъ владѣніи. Не всякому, быть - можетъ, известно, что такое собственно-«помѣстье» и «помѣщикъ». Помѣстная собственность, которая со временъ Петра I, такъ резко отличалась отъ другихъ родовъ недвижимой собственности, которой даже и названіе исчезло въ нынѣшнемъ нашемъ законодательствѣ, имѣть особенную важность въ исторіи отечественнаго Права по вліянію своему на нынѣшнія узаконенія о недвижимомъ имуществѣ. «Помѣстья» были земли и угодья, даваемыя Государемъ вмѣсто жалованья разнымъ чиновникамъ, смотря «по мѣсту» ихъ, то есть, смотря по ихъ должности, отчего и произошло самое названіе этого рода имуществъ *.

Поэтому, помѣстья имѣли большое сходство съ «бенефи-

* Дѣлять боярскимъ даваны въ помѣстье бортимы уходы,..... а инымъ даваны оброчныя земли въ помѣстье же и въ оброкъ..... А буде который помѣщикъ принцеть пустыя озера, или въ рѣкахъ рыбныя промыслы,..... и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавати въ помѣстье. *Уложеніе*, XVI, 35, 36.

ціями» въ западной Европѣ. Бенефіціи, какъ и помѣстья, давались государемъ (a rege vel principe) изъ казенныхъ земель (praedium fiscale) разнымъ чинамъ. Какъ помѣстья, такъ и бенефіціи обязывали владѣльца самого вооружаться или выставлять известное число воиновъ, для защиты государства. Оба рода собственности первоначально возвращались по кончинѣ обладателя въ казну, впоследствии стали переходить къ наследникамъ пользовавшагося ими. Но помѣстья почитались неотъемлемостію некоторыхъ должностей, между-тѣмъ какъ раздача бенефіцій зависѣла болѣе отъ произвола государя. Притомъ, владѣтели бенефіцій могли, на основаніи правилъ феодальной системы, отдавать часть своихъ земель свободнымъ людямъ, требуя, въ отношеніи къ себѣ, исполненія тѣхъ же обязанностей, въ какихъ сами они находились въ отношеніи къ своему государю*. Какъ феодализмъ никогда не проникалъ въ Россію**, то «помѣщики» наши не пользовались правомъ, которое имѣли владѣтели бенефіцій.

Происхожденіе помѣстій нельзя относить къ первымъ временамъ основанія Русскаго государства.

Нормандскіе князья продовольствовали свою дружину на счетъ покоренныхъ народовъ, отдавая ей часть собираемой съ нихъ дани. Воины, составлявшіе дружину, будучи болѣею частію «Варяги» и не зная цѣны хлѣбопашества, по самому образу жизни своей не могли даже желать земель въ пожизненное владѣніе вмѣсто жалованья. Чиновники судейской части, ихъ не имѣли: они пользовались узаконенными пошлинами и получали сверхъ того натурою определенное количество припасовъ отъ обывателей подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Намѣстники, которые были или родственники, или отличившіеся сподвижники князей,

* Относительно бенефіцій можно прочесть *L'esprit des lois, par Montesquieu, L. 30, c. 16.* — *Observations sur l'histoire de France par Mably, L. 1, c. 3.* — *A view of the progress of society in Europe from the subversion of the Roman Empire to the beginning of the XVI Century. By W. Robertson. Note 8.* — *L'Europe au moyen âge de M. Henry Hallam. T. 1. p. 189.*

** Скандинавскіи Саги въ отношеніи къ Русской Исторіи, Б. для Ч., 1834 No. 1.

не владѣли вѣренными имъ землями какъ помѣстьями; они только управляли ими, и пользовались за это известною частію доходовъ съ области. Согласно показанія летописей заставляютъ предполагать, что эта часть составляла треть всехъ доходовъ*. Не были также помѣстьями самыя тѣ «волости и грады», которые князья раздавали своимъ приближеннымъ. Они отдавались въ потомственное владѣніе: не видно, по крайней мѣрѣ, чтобы они по смерти владѣльца переходили въ собственность князя. Карамзинъ усматривалъ въ этой раздачѣ волостей и градовъ *феодалную, помѣстную или удѣльную систему*** . Не говоря о томъ, что каждое изъ этихъ трехъ названій означаетъ систему совершенно отличную, и что, слѣдовательно, названія эти не могутъ быть принимаемы за тождественныя, замѣтимъ только, что раздаваемые волости и города не составляли помѣстной собственности. Раздача ихъ, существовавшая у всехъ народовъ Германскаго происхожденія, и известная подъ названіемъ аллодіальной системы, была слѣдствіемъ права покоренія*** . Варяги, сподвижники Рюрика и его братьевъ, будучи вольными людьми, какъ и всѣ Германцы****, слѣдовали не иначе за своими предводителями какъ съ условіемъ раздѣлить съ ними выгоды предпріятія: по этому каждый изъ сподвижниковъ княжескихъ, безъ сомнѣнія, взиралъ на свой участокъ земли, на свою волость, какъ на должное вознагражденіе за свои труды, какъ на имущество, приобретенное собственнымъ мечемъ; каждый пользовался своимъ участкомъ, располагалъ имъ произвольно и передавалъ его въ наслѣдство своему потомству. Если къ общему составу государства были присоединяемы впоследствии нѣкоторыя изъ волостей и городовъ, розданныхъ первыми нашими князьями и поименованныхъ у Нестора, то это происходило вѣроятно по такому же случаю, какъ и присоединеніе областей Синеуса и Трувора къ владѣніямъ Рюрика.

* Разысканія о финансахъ древней Россіи, Ю. А. Гагемейстера, 1834, стр. 29, 30.

** Исторія Государства Россійскаго, Т. I, 116.

*** Скандинавскія Саги въ отношеніи въ Русской Исторіи, стр. 34.

**** A view of the progress of society in Europe, etc. by Robertson, p. 13.

Хотя Г. Горюшкинъ, въ своемъ «Руководствъ къ познанію Россійскаго законоискусства», не считаетъ волостей помѣстьями, однако онъ относитъ также начало помѣстной собственности къ эпохѣ образованія государства. Эту ошибку должно, кажется, приписать преимущественно тому обстоятельству, что онъ не принимаетъ слова помѣстье въ нынѣшнемъ его значеніи. По его мнѣнію, коренные жители Россіи, Славяне, обитая въ странѣ, издревле принадлежавшей ихъ предкамъ, ихъ «отцамъ», владѣли *отчинами* (вотчинами), а Варяги, пришельцы, имѣли помѣстья; «ибо помѣстье, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ мѣсто, данное кому-либо для поселенія и владѣнія, и до того времени ему «непринадлежавшее». По этому опредѣленію, которое не выражаетъ главнаго характера помѣстій, или точнѣе, по этой игрѣ словъ, къ помѣстьямъ должно было причислить всякое пустошорожнее *мѣсто*, приобретенное какимъ-либо образомъ.

Во время междоусобій и Татарскаго владычества, князья жаловали своимъ приближеннымъ, дворянамъ, земли, въ намѣреніи усилить предашныя имъ фамиліи. Дворяне обязаны были за это слѣдовать повсюду за своими князьями, что и должно разумѣть подъ словомъ *служить*, употребляемомъ въ летописяхъ; но мы не видимъ въ исторіи слѣдовъ, чтобы эти пожалованія имѣли характеръ помѣстій, то есть, имуществъ, даваемыхъ при извѣстной должности вмѣсто жалованья. Должно однако жъ замѣтить, что система вознагражденія службы чиновниковъ посредствомъ имѣній, присвоенныхъ мѣстамъ, издревле распространена по всему магометанскому Востоку, существовала въ халифатѣ Аравитянъ, была принята всѣми Турецкими и Монголо-Турецкими, или Татарскими, народами и по-сѣ-пору господствуетъ въ Отоманской имперіи, въ Персіи, Бухаріи, Кабуль, Африкѣ, вездѣ, гдѣ только находится мусульмане. Въ сосѣдней Литвѣ и въ Польшѣ судья не

* «А кто которому князю служить, тому съ тѣмъ княземъ ходити, гдѣ бы ни жилъ» *Собраніе Госуд. Грамотъ* I. 87. — «Даль есмь Борису Зорькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будетъ за нимъ; не иметь ли служить, село отъимуть.» *Карамзинъ*, IV, прил. 304.

получали жалованья, но также пользовались доходами съ «судейских старостъ», соединенныхъ съ нѣмъ званіемъ. Свидѣтельно, хотя лѣтописи не представляютъ ясныхъ свидѣтельствъ о существованіи помѣстій при владычествахъ Татаръ, однако самая система вознагражденія за службу, вмѣсто жалованья имѣніями, не могла небыть известною уже въ тогдашней Россіи, и безъ-сомнѣнія, получила свое начало въ ту эпоху. Слово «помѣстье» еще не создавалось, но вещь уже была въ ходу подъ другими названіями. Любопытно въ этомъ случаѣ сравнить старинное наше выраженіе—*кормиться* съ Татарскимъ и Турецкимъ *лмекъ*, «вѣсть» свое мѣсто, то есть, пользоваться имѣніемъ, присвоеннымъ къ должности. Такія имѣнія, приписанныя къ разнымъ гражданскимъ и военнымъ званіямъ, называются у Турокъ и Татаръ *армалыкъ*, «кормомъ для лошадей». Арабское слово *улюфѣ*, по Татарскому произношенію *алафѣ*, отъ котораго у насъ до сей поры остается слово *лафѣ*, означаетъ собственно «кормъ для лошадей», и въ то же время «имѣніе, приписанное къ мѣсту, содержаніе, жалованье». Не должно забывать, что и самое слово «оброкъ» въ нѣкоторыхъ Славянскихъ языкахъ значитъ тоже «кормъ для лошадей», именно овесъ или ячмень, точно такъ же, какъ Татарское и Турецкое *армалыкъ*, которое происходитъ отъ *арпа* «ячмень». Весьма вѣроятно, что слово «оброкъ» не имѣло въ то время и на Руси другаго значенія, хотя въ Церковномъ языкѣ оно принималось въ общемъ смыслѣ «дани». Обязанность жителей имѣній, присвоенныхъ должностному мѣсту, поставлять сперва натурою, а впоследствии деньгами кормъ лошадямъ чиновника, да и самому чиновнику, который тоже хотѣлъ «кормиться», показываетъ одинаковое начало этихъ выраженій и назначеніе самихъ земель. Одна неправильность, какая вообще господствовала у Татарскихъ и Турецкихъ народовъ, и конечно въ тогдашней Руси въ раздачѣ подобныхъ имѣній чиновникамъ, которые получали ихъ болѣею частию не по мѣстамъ, а по степени милости и покровительства, снисканныхъ у раздавателей; одинъ произволъ, управлявшій такими пожалованіями и досель существующій въ Турціи,—достаточны для объясненія и того, почему не было ни какихъ зако-

неній по нихъ предмету, и отсутствія въ языкѣ самаго слова «помѣстье».

Первыя извѣстія о правильной раздачѣ земель въ помѣстную собственность относятся ко временамъ освобожденія Россіи отъ ига Татарь,—къ царствованію Іоанна III. Воюя съ зятемъ своимъ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Іоаннъ чувствовалъ нужду усилить полки свои и ввести въ войскѣ лучшее устройство. Надлежало захотѣть многихъ къ службѣ и прекратить грабежи и опустошенія земель непріятельскихъ,—что дотолѣ было главнымъ средствомъ содержанія войска и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною многихъ въ немъ безпорядковъ. Этому не иначе можно было достигнуть, какъ выдачею постоянного жалованья; но оно не могло производиться деньгами, по причинѣ недостатка капиталовъ и еще большаго недостатка въ обращающейся монетѣ*. Между-тѣмъ изгнаніе Татарь, паденіе Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и погибель множества жителей его и переселеніе остальныхъ по границѣ государства для предупрежденія новаго возстанія, — все это оставляло внутри Россіи множество земель порожнихъ, кромѣ тѣхъ, которыя и прежде не были заселены и составляли собственность казны**. Эти обстоятельства побудили Іоанна III въ 1500 году раздать часть казенныхъ земель дѣтямъ боярскимъ вмѣсто жалованья***. Величина участка, даннаго каждому сыну боярскому, опредѣлялась мѣстомъ, чиномъ, который онъ имѣлъ въ войскѣ. Если въ «Судебникѣ Іоанна III» не встрѣчаемъ еще никакихъ постановленій о помѣстьяхъ, это по весьма естественной причинѣ: Судебникъ собранъ и изданъ въ 1498 году,—следовательно, за два года до первой раздачи помѣстьевъ. Василій IV Іоанновичъ, слѣдуя примѣру отца, продолжалъ раздавать земли въ помѣстную собственность. Въ его царствованіе не только низшіе дворяне, но и множество обдѣльщикъ княжескихъ родовъ записывались въ сословіе дѣтей бояр-

* У насъ въ Россіи стали чеканить монеты только со временъ Іоанна III. Рядкость капиталовъ доказывается высокими процентами: законами позволялось брать по 20%.

** Versuch über die Geschichte der Ausbildung der Russischen Verwaltung, v. Reutz I, 87.

*** Исторія Россійскаго Государства VI, 337.

скихъ для полученія помѣстій. Этимъ только можно отчасти изъяснить неизвѣстное возростаніе числа боярскихъ дѣтей при Василіи Іоанновичѣ. Оно простиралось, по свидѣтельству нашего историографа, до 300,000 человекъ*.

При Царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ Грозномъ раздача помѣстій получила новое развитіе. Этотъ государь, въ блистательную эпоху своего царствованія, возымѣлъ мысль замѣнить дотолѣ употребляемое земское сборное войско постояннымъ, и повелѣлъ указомъ 1557 (7059) года, избравъ изъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человекъ, поверстать ихъ помѣстьями, лежащими недалѣе шестидесяти и семидесяти верстъ отъ Москвы**. Эти боярскіе дѣти были раздѣлены на три статьи по величинѣ своихъ помѣстій***. Находясь вблизи столицы, въ Московскомъ Узвздѣ, они, по первому призыву Царя, выступали въ поле съ приводимыми еще ими всадниками, и составляли «царскую конную дружину», родъ регулярной конницы тогдашняго времени. Стрѣльцы, постоянное пѣхотное войско, учрежденное въ то же царствованіе и набранное изъ волостныхъ и сельскихъ обывателей, получали свое жалованье частію деньгами, частію съвѣстными припасами****.

До временъ Іоанна IV Васильевича помѣстья были раздаваемы только военнымъ людямъ. Іоаннъ началъ жаловать и гражданскимъ чинамъ*****: тогда помѣстья еще болѣе получили характеръ имѣній, даваемыхъ вмѣсто жалованья.

Въ «Судебникѣ Царя Іоанна IV», изданномъ въ 1556 году, находимъ вмѣстѣ съ законами о вотчинахъ, первыя постановленія и о помѣстьяхъ. Эти два рода собственности, относительно обязанностей, которыя они возлагали на владѣльцевъ, ни въ чемъ не различались: со 100 четвертей какъ вотчинной, такъ и помѣстной земли надлежало выставить

* Исторія Россійскаго Государства, VII, 196.

** Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ, Миллера, стр. 33.

*** «А дѣтемъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстье по 900 четвертей; второй статьѣ по 150 четвертей, третьей статьѣ по 100» (Изв. о дв. Росс. стр. 33.)

**** Исторія Петра Великаго, Бергманъ, Введеніе, стр. 33.

***** А которымъ боярамъ и окольничимъ быти готовымъ къ посылкѣ и имъ дати помѣстья. Тамъ же.

однаго коннаго воина въ полномъ вооруженіи, а въ случаѣ дальняго похода, давать ему еще одну запасную лошадь. Оба рода имущества могли быть приобретаемы не только людьми дворянскаго происхожденія, но и свободными, недворянами, по особеннымъ заслугамъ*. Но вотчины переходили къ потомкамъ и родственникамъ и могли быть выкупаемы въ продолженіе сорока лѣтъ; помѣстья же этихъ правъ не давали, и если, по смерти помѣщика, сынъ не занималъ его должности, они отдавались другому чиновнику.** Впрочемъ отъ Царя зависѣло, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, превратить помѣстную собственность въ вотчинную.

Раздача земель въ пожизненное владеніе вмѣсто жалованья, начавшаяся со времени Іоанна III, должна была породить разныя просьбы, мѣны, передачи и другія сделки. Все это было разбираемо первоначально «судными приказами», завѣдывавшими всякаго рода тяжбыими дѣлами. Іоаннъ IV Васильевичъ, видя, что кругъ ихъ дѣятельности чрезвычайно расширился съ умноженіемъ дѣлъ, касавшихся до помѣстій, учредилъ для послѣднихъ особенное судебное мѣсто подъ названіемъ «Помѣстнаго приказа» или «Помѣстной избы»***. Въ вѣдомство новаго судилища вошелъ, во связи съ помѣстьями, жалованными въ вотчины, и дѣла вотчинныя. Такъ дѣла о переходѣ крестьянъ съ одной земли на другую, послѣ указа 1606 года, ограничившаго этотъ переходъ, рѣшались въ помѣстномъ приказѣ****.

Въ царствованіе Царя Феодора Іоанновича и управленіе

* Geschichte der Russen, von Ewers I, 219.

** «И если изъ того чина кто умретъ и сынъ его къ той службѣ не пригодится, то въ то мѣсто прибрати много.» *Исторія Россійскаго Государства*, VIII, прим. 490.

*** Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго государства. Академика Мадгина, 1803, стр. 51, 55.

**** Это видно изъ указа Василя Івановича Шуйскаго, 1607 года: Марта 9, въ которомъ сказано: «Со святѣйшимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы, что переходомъ крестьянъ чинялись великія крамолы.....и что судьи не знали, какъ по тому суды вершити.....сега ради приговорили» есами мы, и прочая. *Указатель Законовъ*, Максимовича, — томъ I.

Годунова раздача дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ земель въ окрестностяхъ Москвы значительно увеличилась. Оттого царская конная дружина возрасла до 15,000 человекъ. Дворяне и дѣти боярскіе, составлявшіе дружину, начинали получать въ это царствованіе, сверхъ помѣстныхъ земель, и денежное жалованье, каждый—отъ 15 до 100 рублей, то есть, отъ 240 до 2000 рублей ассигнаціями по нынѣшней монетѣ: рубль XVI вѣка равнялся пяти нынѣшнимъ серебрянымъ рублямъ. Многочисленность войска, которое составлялось изъ однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, побудило Годунова, по вступленіи его на престолъ, уменьшить обязанности, соединенныя съ помѣстною и вотчинною собственностию: онъ повелѣлъ выставлять одного всадника только съ 200 четвертей.

Со времени восшествія на Русскій престолъ дома Романовыхъ помѣстная собственность стала измѣняться въ характеръ своемъ и сближаться съ вотчинною. Это особенно обнаруживается въ «Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича» изъ порядка наследованія, образовавшагося при помѣстной собственности. Помѣстья могли теперь быть наследуемы сыновьями, занимали ли сыновья должность отцевъ, или нѣтъ. Оставшееся послѣ умершаго помѣстье раздѣлялось между сыновьями по равнымъ частямъ. Впрочемъ, сынъ, имѣвшій самъ помѣстье, не участвовалъ въ дѣлѣжѣ. Вдова и дочери помѣщика получали изъ помѣстья известное количество четвертей земли, на прожитокъ. Если помѣщикъ убитъ на сраженіи «на государевъ службѣ въ полкахъ», то вдова съ каждымъ 100 четвертей получала 20, а дочери 10; если онъ померъ «на государевъ службѣ въ полкахъ собою» то есть, во время похода, вдовѣ давалось на прожитокъ со 100 четвертей 15, а дочерямъ 7½; если же «его не стало дома», если онъ скончался въ мирное время, вдовѣ выдѣлялось со 100 четвертей 15, а дочерямъ 5. Эти прожиточныя части, при вступленіи въ замужество вдовы или дочерей, утверждались по Уложенію за нихъ мужьями, если послѣдніе просили о томъ государя.

Если умершій помѣщикъ не оставлялъ сыновей, помѣстье, за выдѣломъ прожиточныхъ частей вдовѣ и дочерямъ, отдавалось безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ родственникамъ

покойнаго*. Иностранцы, вступавшіе въ Русскую службу, также получали помѣстья, которые послѣ нихъ опять были отдаваемы только иностранцамъ**. Правила о наследованіи этимъ имуществомъ вдовъ и дѣтей имѣли и здѣсь одинаковую силу. Находившіеся долгое время въ плѣну, по возвращеніи въ отечество получали обратно какъ отцовскія, такъ и собственныя помѣстья, если бы даже помѣстья въ нихъ отсутствіе отданы были «другимъ государевымъ людямъ.» При пользованіи помѣстнымъ имуществомъ запрещалось находящимся на немъ крестьянъ продавать или отпущать на волю, «дабы тѣмъ помѣстей не пустошить.» Помѣщики между собою и помѣщикъ съ вотчинникомъ могли мѣняться землями равнаго количества и качества, то есть, мѣнять «четверть на четверть и жилое на жилое, и пустое на пустое, а нежилое на пустое.» Владѣющій помѣстьемъ могъ сдавать его родственникамъ и чужеродцамъ, дѣлая условія, чтобъ ему давали содержаніе въ продолженіе его жизни («кормить до его живота»), и передавая вмѣстѣ съ тѣмъ все обязанности, соединенныя съ имуществомъ сего рода. Уложеніе ненавидѣло неблагодарности, какъ говоритъ авторъ «Юридическаго изслѣдованія Уложенія», и если получившій такое сдаточное помѣстье не исполнялъ своего долга относительно къ сдавшему, онъ лишался помѣстья и оно возвращалось къ прежнему владѣльцу. Но обо всѣхъ этихъ сдѣлкахъ надлежало подавать челобитныя на имя государя въ Помѣстный приказъ, для полученія особенной грамоты на приобретаемое имущество и внесенія печатныхъ пошлинъ. Кто безъ челобитной вступалъ по наследству во владѣніе помѣстьями, или мѣнял свои помѣстья на другія земли, тотъ подвергался двойному взыскаію печатныхъ пошлинъ. Кто безъ разрѣшенія Помѣстнаго приказа владѣлъ сдаточнымъ помѣстьемъ, тотъ лишался его.

Военные, имѣвшіе помѣстья, жили въ данныхъ имъ вла-

* Изъ Уложенія не видно, поступали ли части, даваемые на прожитокъ вдовъ и дочерямъ, по смерти ихъ, въ казну или къ родственникамъ помѣщика.

** Versuch über die Geschichte. u. s. w., von Reutz, 368.

двѣнадцатилѣтнѣхъ, ожидая указа, чтобы явиться на царскую службу. Невялвшіеся лишались своихъ помѣстій. Сыновья военныхъ, достигнувъ 15 лѣтъ, записывались въ царскую службу въ томъ же классѣ, къ которому принадлежали отцы, и если отцовскія помѣстья были малоземельны, такъ, что было «служить не съ чего», они получали новыя помѣстья, смотря по роду службы и способностямъ. Для того города имѣли своихъ «окладчиковъ», которые въ извѣстные сроки, иногда во время самой войны, разбирали новиковъ и недорослей и верстали ихъ помѣстьями.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и сынъ его Феодоръ Алексѣевичъ верстаніе помѣстьями было распространено не только на всѣ судебныя, но и придворныя чины; обстоятельство, доказывающее, что пользованіе помѣстьями не было исключительно преимуществомъ дворянства: «ибо, нѣтъ сомнѣнія,» говоритъ исторіографъ Миллеръ, «что стреманные конюхи и дворовые люди, которымъ также жаловались помѣстья, не могли бы быть причислены къ дворянству безъ особеннаго указа».

Несмотря на это распространеніе раздачи земель въ помѣстную собственность, мы замѣчаемъ съ середины XVII столѣтія постепенно увеличивающееся содѣйствіе правительства къ обращенію помѣстій въ вотчины. Уже въ Уложеніи разрѣшено было приобрѣтеніе помѣстья въ вотчину, но только съ государева разрѣшенія. Приобрѣтеніе такое облегчено въ царствованіе Феодора Алексѣевича позволеніемъ людямъ всякихъ чиновъ покупать свои помѣстья въ вотчины, по подписнымъ челобитнымъ, помѣченнымъ думными дьяками*. Земли уступались за весьма умеренную даже въ тогдашнее время цѣну: за четверть какъ жилой такъ и пустой земли платили Помѣстному приказу рубль, или около 15 рублей ассигнаціями.

Но этимъ не ограничилось правительство. Не только отдѣльнымъ лицамъ за какое-нибудь отличіе, но и цѣлымъ классамъ, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ чиновниковъ,

* Думный Дьякъ мѣтилъ на челобитной: «Въ Помѣстной приказъ принять деньги и пошляны.» *Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.* II 1253.

начало оно жаловать за походы, при заключеніи мира и других торжественныхъ случаяхъ, помѣстья въ полное и потомственное владѣніе. Такъ, Царь Алексій Михайловичъ, по заключеніи Андрусовскаго перемирія, въ 1667 году, пожаловалъ за Литовскій походъ боярамъ, окольныхчимъ, думнымъ дворянамъ, дуинымъ дьякамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, даже дьякамъ и подьячимъ, часть ихъ помѣстій въ вотчины, предоставивъ дѣтямъ умершихъ во время похода право требовать за службу отцевъ слѣдовавшія послѣднимъ части. Царь Феодоръ Алексѣевичъ, окончивъ съ успѣхомъ войну противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана, обратилъ также всѣмъ дворянамъ военныхъ чиновъ часть изъ ихъ помѣстій въ вотчины, именно со 100 четвертей 20. Слѣдуя примѣру предшественниковъ своихъ, Петръ I и Іоаннъ Алексѣевичъ награждали такимъ же образомъ служилыхъ людей всѣхъ чиновъ за походъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь въ 1682 году, по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшею въ 1686, и за Крымскій походъ въ 1687.

Принявъ единодержавіе надъ Россіею, Петръ Великій дѣйствовалъ еще непосредственѣе на прекращеніе различія между помѣстьями и вотчинами. Преобразовывая во всѣхъ отношеніяхъ свое отечество, онъ перемѣнилъ также прежній образъ платежа жалованья чиновникамъ. Денежные оклады, установленные и опредѣленные указами 1715 года января 28, 1719 Мая 9 и другими, замѣнили пользованіе помѣстьями. Съ того времени раздача сихъ послѣднихъ прекратилась, а слѣдствіемъ того было переименованіе въ 1722 году Помѣстнаго приказа, завѣдывавшаго дѣлами недвижимыхъ имѣній, въ «Вотчинную коллегію», гдѣ еще некоторое время рѣшались недокопченныя спорныя дѣла о помѣстьяхъ. Уничтоженіе различія между вотчинами и помѣстьями ввелотво всѣхъ судебныхъ дѣлахъ безразборчивое употребленіе названій этихъ двухъ родовъ недвижимаго имущества. Для предупрежденія могшихъ возникнуть не-

Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, I, 400, 512; II, 863, 1079, 1187, 1258, и другіе.

доразумѣній, Императрица Анна Іоанновна, указомъ 1731, Марта 17, повелѣла какъ вотчины, такъ и помѣстья именовывать одинаково, «недвижимымъ имуществомъ». Такимъ образомъ исчезаетъ въ исторіи нашего законодательства и самое названіе помѣстій. А. Гирс.

=

ОСВѢЩЕНІЕ ГАЗОМЪ.

Прежде нежели Петербургъ освѣтится тысячами кенкетовъ, приготовляемыхъ для него новымъ обществомъ газоосвѣщенія, мы непременно должны поговорить объ этомъ блестящемъ изобретеніи, чтобъ приготовить нашихъ читателей къ ослѣпительному, небывалому у насъ явленію.

Впрочемъ, что же тутъ небывалаго? Не во гнѣвъ почтенному обществу, мы право не видимъ въ его предпріятіи ни какой новости для нашей столицы. Оно освѣтитъ насъ газомъ, говорятъ намъ; но мы и всегда освѣщаемся газомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ существуетъ, онъ никогда не освѣщался иначе; съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, онъ не зналъ другаго искусственнаго освѣщенія, кромѣ освѣщенія газомъ. Это фактъ, и фактъ несомнѣнный. Взглянемъ, какъ происходитъ горѣніе. Вы зажигаете твердое или жидкое воспламеняемое тѣло, и оно горитъ. Но горитъ не твердое или жидкое тѣло: оно превращается напередъ въ воздушную и упругую жидкость, — въ газъ, и этотъ-то газъ воспламеняется и горитъ. Горѣніе какого-нибудь тѣла происходитъ по мѣрѣ превращенія его въ газъ. Свѣча, которая горитъ у васъ на столѣ, также превращается прежде въ газъ. И вотъ то самое освѣщеніе газомъ, о которомъ дѣлають такъ много шуму!

Между обыкновеннѣйшими вещами есть мало такихъ, которыя бы, самую ихъ простоту, столько возбуждали наше удивленіе, сколько способъ добывать постоянный свѣтъ черезъ сожиганіе жидкаго или твердаго воспламеняемаго тѣла посредствомъ вставленной въ него свѣтильни. Въ самомъ дѣлѣ, не просто ли, что свѣтильня, вслѣдствіе своей волосковатости, подымаетъ газообразное, воспламеняемое вещество по мѣрѣ того, какъ оно разсѣвается въ атмосферѣ го-

рѣпиемъ? Не удивительно ли, что воспламенение, происходящее отъ мгновеннаго соприкосновенія горючаго тѣла съ горячимъ, которое превращаетъ его въ газъ, продолжается до совершеннаго разсѣянiя этого горючаго посредствомъ жара, образующагося вмѣстѣ съ свѣтомъ, который составляетъ для насъ цѣль всего процесса?

Такъ какъ въ освѣщенiи твердыми и жидкими тѣлами, эти матерiалы, передъ воспламенениемъ, превращаются въ воздушныя и упругія вещества, то ясно, что и такъ называемое освѣщенiе газами не должно существенно различествовать съ двумя другими способами добыванiя свѣта: вся разница между ними въ томъ, что, при освѣщенiи газами, упругiя жидкости, дающiя свѣтъ, образовались какою-нибудь причиною, вовсе независимою отъ жара, производимаго нхъ горѣниемъ; этотъ жаръ служитъ только къ продленiю воспламененiя, начавшагося отъ причины мгновенно подѣйствовавшей, — отъ заженiя.

По словамъ Французскихъ писателей, выдумка освѣщать газомъ принадлежитъ инженеру путей сообщенiя (*ponts et chaussées*), Филиппу Лебону. Онъ взялъ на это привилегiю въ 1795 году и вторично въ 1799. Онъ освѣщалъ сѣни и лѣстницу театра Лувуа, одинъ проѣздъ и нѣсколько отелей, посредствомъ снаряда, названнаго имъ *термолампою*. Газъ, который онъ жегъ, получался отъ перегонки дерева; но Лебонъ признавалъ каменноугольный болѣе годнымъ къ употребленiю. Такъ гласитъ Французское тщеславiе, но въ подлинной исторiи газоосвѣщенiя не упоминается даже и имя Лебона: первая мысль этого изобретенiя принадлежитъ доктору Клетону (*Clayton*), который зажигалъ каменноугольный газъ для иллюминацiи, какъ скаано въ *Philosophical Transactions* за 1735 годъ; а устройство перваго большаго снаряда для газоосвѣщенiя приписываютъ въ Англии Г. Мордоку, который въ 1798 году освѣщалъ такимъ образомъ нѣсколько ночей литейный заводъ Гг. Больтона и Ватта. Но не прежде 1805 года этотъ способъ введенъ былъ действительно въ большихъ мануфактурахъ.

Источники горючихъ газовъ суть каменный уголь и разныя жирныя вещества, каковы масла, жирныя кислоты, смолы, наконецъ маслястыя сѣмена.

Лучший каменный уголь тотъ, который содержитъ наиболѣе горной смолы или водорода и наименѣе свѣрнистаго желѣза; потому что отъ него-то происходитъ свѣра водосвѣрновой кислоты, отдѣляющаяся при перегонкѣ угля; а эта кислота, если не горить, имѣетъ свойство чернить краски съ скорьянымъ основаніемъ, если жъ горить, то производитъ свѣрнистую кислоту, располагающую къ кашлю.

Менѣе выгоды перегонять жирныя тѣла, способныя къ освѣщенію, чѣмъ жечь ихъ посредствомъ свѣтиленъ въ естественномъ состояніи. Слѣдовало бъ также оставить добываніе газа изъ маслянистыхъ сѣмянъ, потому что они доставляютъ газъ весьма нечистый. Другое дѣло перегонять разныя жирныя вещества, которыхъ нельзя жечь ни въ видѣ свѣчей, ни въ видѣ масла, и которыя не имѣютъ притомъ ни какого опредѣленнаго употребленія: эти вещества даютъ газъ весьма пригодный. Г. Пеклѣ, авторъ ученаго «Трактата объ освѣщеніи», приводитъ въ примѣръ жирную часть помой кухонныхъ и мыльныхъ, которые разлагаются свѣрнистой или водохлористой кислотою. Мы прибавимъ къ этому слѣдующія замѣчанія, сдѣланныя Г. Шеврѣлемъ въ Реймсѣ, гдѣ есть заведеніе Г. Узò (Houzeau), въ которомъ разлагаютъ всѣ помои, какіе только могутъ добыть въ городѣ. Они состоятъ изъ мыльной воды и изъ маселъ, непревратившагося въ мыло. Жирное вещество, отдѣленное отъ щелочи и отъ воды, образуетъ три слоя: самый легкій можетъ служить замшаникамъ, средній — перегоняется, нижній — употребляется въ видѣ горючаго матеріала на заводъ Г. Узò. Въ 1830 году, когда Г. Шеврѣль посѣтилъ это заведеніе, Г. Узò самъ ему сказывалъ, что онъ покупаетъ ежегодно на сорокъ тысячъ рублей помоевъ, которые прежде выливались на улицу. Наконецъ вещество, перегоняемое Г. Узò, при 550 или 600 градусахъ, въ чугунныхъ трубахъ, наполненныхъ кусками желѣза, имѣетъ еще передъ каменнымъ углемъ то преимущество, что не даетъ водосвѣрнистой кислоты.

Приготовленіе горючихъ газовъ требуетъ многоразличныхъ производствъ: отдѣленія посредствомъ жара въ чугунныхъ трубахъ или ретортахъ; очистки посредствомъ охлажденія и соприкосновенія съ кислотою и со щелочью;

наконецъ, собранія ихъ въ большіе пріемники, или газомы, которые такъ некстати прозваны газометрами.

Очистка холодомъ отдѣляетъ воспламенимый газъ отъ водянаго пара, отъ масла и отъ некотораго рода дегтя. Масло, получаемое Г. Узѳ, употребляется на выдымку непроницаемой клеенки, а деготь идетъ на обмазку. Газы, происшедшіе отъ каменнаго угля, уже не подвергаются дѣйствию кислоты, какъ дѣлалось прежде, а очищаются только влажной известью. Газъ Г. Узѳ приводится въ соприкосновеніе съ водородистой кислотой, потому снова охлаждается, прежде чѣмъ поступить въ пріемникъ.

Нельзя ли употребить здѣсь, въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, способовъ Г. Узѳ? Уголь и масло дороги, а помоевъ у насъ такая бездна! Они ничего не стоятъ. Мы горой стоимъ за помон и со всѣмъ усердіемъ рекомендуемъ ихъ вниманію газоосвѣтительнаго общества. Это прекрасный случай употребить ихъ къ достиженію самой полезной цѣли, — къ освѣщенію улицъ и къ уменьшенію нездоровости Петербурга, котораго каналы поглощаютъ ихъ такъ много.

Доставленіе воспламенимаго газа, съ мѣстъ добыванія, туда, гдѣ должно ему горѣть, производится тремя разными способами:

1. Газъ вродится изъ пріемника посредствомъ металлическихъ трубъ. 2. Газъ сжимается въ удобоносимыхъ металлическихъ резервуарахъ, откуда истекаетъ съ одинаковою скоростью, когда нужно его зажечь. Если слухи насъ не обманули, здѣшнее общество газоосвѣщенія рѣшилось приложить этотъ способъ къ нашимъ улицамъ. Общество, предпринимавшее освѣтить такимъ образомъ Парижъ, не успѣло въ своемъ намѣреніи. 3. Газъ переносится въ пріемникахъ, или мѣшкахъ, изъ непроницаемаго полотна. Этотъ экономическій способъ изобрѣтенъ Г. Узѳ и отнюдь не имѣетъ тѣхъ неудобствъ, которыми порочили его во многихъ книгахъ и книжечкахъ. Недавно читали мы въ журналахъ, что Г. Узѳ перевезъ свой помойный газъ въ Парижъ въ этихъ пріемникахъ и пользуется тамъ неизвѣстнымъ усвѣхомъ.

Говоря вообще, неужно быть астрономомъ для убѣжденія въ томъ, что восковая свѣча даетъ свѣта больше сальной, масло въ Аргандовой лампѣ или керкетъ больше

восковой свѣчи, и наконецъ газъ больше нежели масло; но тѣ, которые вздумали бѣ заняться измѣреніемъ свѣта, доставляемаго двумя восковыми свѣчами, двумя сальными или двумя лампами, могутъ списать себѣ это удовольствіе однимъ весьма простымъ и легкимъ способомъ, который мы сейчасъ объяснимъ.

Поставьте какое-нибудь непрозрачное тѣло, напримѣръ, желѣзный костылекъ, вычерченный сверху, очень близко къ бѣлой плоскости, и передъ этимъ тѣломъ расположите двѣ свѣчи или свѣчу и лампу, которыя хотите сравнить, такъ, чтобъ на плоскости вышли двѣ тѣни непрозрачнаго тѣла, весьма близкія между собою и притомъ равной темноты. Известно, что въ каждомъ свѣтящемъ конусѣ сила свѣта убываетъ въ обратномъ содержаніи къ квадратамъ разстояній отъ вершины конуса; поэтому и въ настоящемъ случаѣ степени сіянія двухъ свѣчей содержатся между собою какъ квадраты ихъ разстояній отъ освѣщаемыхъ тѣней. Должно однако жъ замѣтить, что если наблюдатель не въ надлежащемъ положеніи относительно плоскости, и если эта плоскость несовершенно тускла, то весьма легко ошибиться въ сужденіи на счетъ сравнительной темноты тѣней. Г. Пеклѣ составилъ весьма точныя таблицы степеней освѣщенія, доставляемыхъ разными твердыми тѣлами, жидкостями и газами: мы предложимъ сущность его выводовъ нашимъ читателямъ.

Отъ принявъ основною сравненія, выраженною числомъ 100, свѣтъ Карселевой лампы, потребляющей около десяти золотниковъ масла въ часъ и достигшей высшей степени своего разгара. Въ сравненіи съ нею, обыкновенный шестерикъ даетъ 10 свѣта, также въ высшей степени горѣнія, послѣ чего образуется пагарь и черезъ полчаса свѣтъ равняется уже 2, не болѣе. Пятерикъ даетъ 9, 10 свѣта въ той же степеніи горѣнія, а черезъ полчаса только 2, 75.

Полагали, что, когда не снимается пагарь, сальные свѣчи потребляютъ гораздо болѣе сала, чѣмъ при тщательномъ сниманіи: Г. Пеклѣ удостовѣрился, что разность въ этихъ случаяхъ была слишкомъ преувеличена. Но примѣчательнѣе всего существенное различіе, оказывающееся между сальной свѣчею и восковою или спермацетною, или

наконецъ стеариновою и маргаритовою. Мы видели, какъ убываетъ свѣтъ сальной свѣчи отъ несниманія нагара: если зажжемъ восковую свѣчу съ пероткой свѣтильнико, блескъ пламени будетъ возрастать по мѣрѣ обжиганія свѣтильни до тѣхъ поръ пока достигнетъ высшей степени напряженія, и убываетъ послѣ въ томъ только случаѣ, когда образуется комокъ нагара.

Чистая восковая свѣча даетъ	13,	64 свѣта
— сирмацетная	14,	40 —
— стеариновая и маргаритовая	14,	30 —

Съ такими данными и съ познаніями о вѣсѣ и о числѣ разныхъ горючихъ матеріаловъ, сжигаемыхъ въ известное время, напримѣръ, въ часъ, легко опредѣлить относительную силу освѣщенія тѣмъ или другимъ матеріаломъ.

Что касается до масла, горящаго въ кенкетахъ, то есть столько обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на проливаемый имъ свѣтъ, что почти нѣтъ возможности опредѣлить постояннымъ образомъ степень силы этого свѣта сравнительно со свѣчнымъ. Для произведенія наибольшаго блеска потребно, чтобъ внѣшніе и внутренніе воздушные потоки были соразмерны и имѣли бы не болѣе той скорости, какая нужна для доставленія огню количества воздуха, необходимаго для горѣнія. Чтобы свѣтъ былъ по возможности постояненъ, надобно, чтобъ воздушные потоки были въ надлежащемъ содержаніи одинъ къ другому; чтобъ трубки, приводящія масло, были довольно широки; чтобъ уровень масла въ лампѣ подвергался наименьшимъ перемѣнамъ; чтобъ масло и свѣтильни были хорошия.

Сравнительная степень освѣщенія газовыми лампами опредѣлена опытами Г. Бранда, который нашелъ, что для произведенія такого свѣта, какъ отъ десяти восковыхъ свѣчей, надобно сжечь

42	литра	85	двууглеродистаго водороднаго газа,
49	—	58	маслянаго газа,
214	—	90	каменноугольнаго газа,
79	—	85	смѣси изъ

1 доли по объему водороднаго газа,
3 долей двууглеродистаго водороднаго газа.

Наконецъ, сравнивая Карселеву лампу, потребляющую 10 золотниковъ масла въ часъ и производящую 100 свѣта, съ газовой горѣлкою, потребляющею, при обыкновенномъ давленіи, 136 литръ каменноугольнаго газа или 38 литръ маслянаго, мы увидимъ, что эта горѣлка производитъ 127 свѣта.

Но это еще не все. Известно, что есть разные снаряды для измѣненія силы свѣта и что можно увеличивать ее посредствомъ стеколъ и полированныхъ поверхностей. Эти снаряды бываютъ двухъ родовъ, одни имѣютъ цѣлю разсѣвать лучи свѣта, следовательно ослаблять излишнюю его яркость и вмѣстѣ разливать его ровнѣе въ данномъ пространствѣ; таковы прозрачные колпаки, изъ бумаги, изъ матоваго стекла и такъ далѣе. Другіе снаряды измѣняютъ направленіе свѣта, отражаютъ его въ одну точку и такимъ образомъ усиливаютъ; таковы рефракторы и рефлекторы. Самый употребительный снарядъ этого рода состоитъ изъ нѣсколькихъ зеркальныхъ полосокъ, расположенныхъ кругообразно въ видѣ призматической полуклѣтки, такъ, что отражающіяся отъ нихъ лучи, совпадаютъ все въ одну точку. Но кто хочетъ имѣть маленькой дневной свѣтъ по заходѣннн солнца, тотъ долженъ вооружить свои газовой или масляные кенкеты по способу, употребленному Г. Френелемъ для маяковъ. Замѣчательный его снарядъ представляетъ восьмистороннюю призматическую клѣтку; каждая сторона снабжена вертикальными выпуклыми стеклами, которыхъ главный фокусъ приходится на оси клѣтки. Въ общемъ фокусъ устроена горѣлка съ четырьмя концентрическими свѣтильниками, которая даетъ столько же свѣта, сколько семнадцать Карселевыхъ лампъ, потребляющихъ каждая одинаковое количество масла. Чтобы воспользоваться и тѣмъ свѣтомъ, который проходитъ мимо вертикальныхъ стеколъ, въ верхней части клѣтки расположены восемь маленькихъ стеклышекъ, образующихъ восьмистороннюю пирамиду, и проходящій въ нихъ свѣтъ отражается потомъ горизонтально наклоненными зеркалами. Въ зрительную трубку свѣтъ этого маяка можно видѣть днемъ верста за семьдесятъ.

Извѣстно, что теперь нѣтъ почти ни одного города въ Англіи, который бы не освѣщался газомъ; но еще въ 1811 году ученый Вебстеръ отзывался объ этомъ способѣ освѣщенія съ самой невыгодной стороны. «Правда, говоритъ онъ, въ своихъ «Началахъ Химіи», что пропуская газъ сквозь известковую воду, можно отнять у него значительную часть его неприятнаго запаха; но все производство приготовленія газа такъ многотрудно и такъ дорого, что не смотря на годность получаемого при этомъ кокса и дѣтя, большинство истинно ученыхъ людей — того мнѣнія, что освѣщеніе газомъ должно почитать только за игрушку, которая принесетъ публикѣ вообще такъ же мало пользы, какъ и тѣмъ, кто задумалъ пуститься въ подобныя предпріятія.» Пророчество Г. Вебстера не сбылось, вѣроятно, потому, что время ученія всякаго большинства ученыхъ.

=

СРЕДСТВО СБЕРЕГАТЬ ВІНОГРАДЪ НА ЗИМУ.

Недавно еще повторили въ одномъ журналѣ старое наставленіе укладывать виноградъ слоями въ сухихъ отрубяхъ для сбереженія его на зиму. Это хорошо до тѣхъ поръ, пока всѣ ягоды остаются невредимы; но какъ скоро начнутъ онѣ портиться, отруби приходятъ въ броженіе, и скоро весь запасъ дѣлается пикуда негоднымъ. Гораздо выгоднѣйшимъ оказалось на опытѣ сбереженіе винограда въ сухихъ деревянныхъ опилкахъ и въ сухой золь. Чтобы придать ему, когда понадобится, всю естественную полноту и свѣжесть, стоитъ только, вынувъ его изъ опилокъ, положить минутъ на пять въ чуть теплую воду и потомъ дать ему обсохнуть въ прохладномъ мѣстѣ.

=

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ УПРАВЛЕНІИ ВОЛШШНИИ ПМВНІЯМИ.

Мы можемъ занять всѣ науки у иностранцевъ, — и заняли. Звѣзды можемъ мы считать очень хорошо по ихъ методъ, потому что звѣзды тѣ же у нихъ и у насъ. Но у нихъ нѣтъ никакой тайны какъ наши, наше Государственное Право совсемъ отлично отъ ихъ Правъ въ этомъ отношеніи, и никто въ свѣтъ не можетъ создать для насъ науки управленія большими вотчинами кромѣ насъ самихъ. А это, право наука! Большая наука нежели думаютъ; самая необходимая наука въ нашемъ положеніи. Создайте ее. Пусть богачи учатся ей, какъ Французскому языку, который впрочемъ менѣе необходимъ для нихъ чѣмъ деньги. Рѣдкіе изъ нихъ, и тѣ даже, которые плохо говорятъ по-Французски, догадываются что это въ самомъ дѣлѣ наука.

Какая тутъ мудрость! Опредѣлить оброкъ съ души или съ тягла; постаешь бурмистра изъ крестьянъ, дать ему на всякій случай въ помощь земскаго или писаря, и все тутъ.

Почти всѣ они такъ говорятъ. А недомки? а притѣсненія, претерпѣваемые иногда крестьянами отъ земскихъ, десятскихъ? а распри крестьянъ между собою? угнетенія бѣдныхъ богатыми, неровныя распределенія ихъ обязанностей, общаго по губерніи и частныхъ къ господину? все это ничего? развѣ все это пустяки?

Въ небольшомъ хозяйствѣ самъ помѣщикъ или добросовѣстный управитель могутъ дѣйствовать съ пользою для владѣльца и для его крестьянъ. Тутъ самый мелочной, по въ подобныхъ хозяйствахъ необходимый, расчетъ идетъ въ прокъ, и надзоръ по всѣмъ частямъ весьма удобенъ. Можно заняться и усовершенствованіями и улучшеніями; но и тутъ должно улучшать мало-по-малу, и отнюдь не круто. И если владѣніе не чрезполосное, то съ такою же осторожностью можно даже завести выгодное кругообращеніе шлодоперемѣннаго хлѣбопашества.

Но не о томъ дѣло.

Г. XII. — Отд IV.

Въ обширныхъ вотчинахъ хлѣбопашество на господина всегда болѣе или менѣе затруднительно, неудобно и безуспѣшно. Трудно и почти невозможно главному распорядителю израть себѣ вѣрныхъ помощниковъ, а всюду успѣвать самому и совсѣмъ невозможно. Наши православные скоро поймутъ, съ какой стороны къ которому помощнику подойти ловчѣе, и барщина пойдетъ кое-какъ. А продукты въ господскихъ закромахъ — вещь весьма соблазнительная для многихъ, и повѣрка тутъ такъ затруднительна, что изъ тысячи помощниковъ развѣ одинъ только не покривитъ душою — и при надзорѣ за работами, и главнѣйше, около амбаровъ. Нѣтъ ничего хуже увеличивать контроль разными приставами, смотрителями, ревизорами и прочая, и прочая. Все они хотять ѣсть, а иногда и испить, все они увеличиваютъ расходы, заводятъ сплетни, и часто, имѣя много празднаго времени, предаются разврату и развращаютъ другихъ: чѣмъ многосложнѣе производство дѣлъ и счетоводство, тѣмъ больше запутанности. Тутъ нужно, чтобы все было какъ можно проще. Во многихъ большихъ вотчинахъ завелась у насъ совершенная бюрократія, и все основано на одной канцелярской очисткѣ. Это я говорю безъ всякихъ метафоръ.

Къ самымъ простымъ дѣйствиямъ принадлежитъ выясненіе съ крестьянъ оброка, и цѣль моя здѣсь — остановить вниманіе богатыхъ владѣльцевъ хоть на одной этой статьѣ, предложивъ имъ замѣчанія краткія, но основанныя на многолѣтнихъ опытахъ.

Здѣсь рождаются два вопроса: 1. Какъ опредѣлить соразмѣрность оброка съ выгодами, предоставленными крестьянамъ *отъ земли*? 2. Какимъ образомъ предупредить недонмки?

Признаюсь откровенно, что я въ большемъ затрудненіи на счетъ малоземельныхъ, или вѣрнѣе, скудныхъ земель вотчинъ, и какъ изъ нихъ извлекать доходы, предоставляю рѣшить людямъ умнѣе меня.

Но въ вотчинахъ, имѣющихъ по пяти и болѣе десятинъ распашиной земли на ревизскую душу мужескаго пола, помѣщикъ можетъ и долженъ извлекать свои выгоды отъ земли. Здѣсь, прежде всего, надобно привести въ извѣстность всю

удобную землю въ поляхъ, лугахъ, огородахъ, какъ количествомъ такъ и качествомъ. Узнавъ, сколько при какомъ селеніи распашной земли, надобно опредѣлить неизмѣнимо, на все время отъ одной ревизіи до другой, число сохъ въ каждомъ селеніи, полагая на каждую соху, или тягло, въ каждомъ клину по четыре десятины, хоть обыкновенныхъ, то есть, по 2400 квадратныхъ сажень. Если вы можете дать по четыре десятины въ 3200 квадратныхъ сажень, то я васъ поздравляю. Если вы можете опредѣлить число сохъ вполонину противъ числа ревизскихъ душъ мужскаго пола, то дальше не идите, а лучше лишнюю землю отдавайте въ наймы особо. Но если количество земли такое, что по четыре десятины въ клину не выходитъ на половину числа мужскихъ ревизскихъ душъ, или крестьяне ваши не совсѣмъ еще оправданы отъ бывшихъ бѣдствій, то, полагайте хоть три, даже четыре души ревизскихъ на одну соху, а лишекъ земли, когда есть, отдавайте въ наймы особо, пока крестьяне сами не пожелаютъ имѣть прибавки сохъ на лишнюю землю; и въ этомъ только случаѣ можно, до новой ревизіи, измѣнить число сохъ при селеніи.

Распределение сохъ по хозяйствамъ предоставьте самимъ крестьянамъ, но въ вашемъ присутствіи и подъ вашимъ руководствомъ, и объявите, что всякую весну до началія полевыхъ работъ можетъ быть сдѣлано новое разверстаніе въ сохахъ по хозяйствамъ, оставляя, если нѣтъ лишней земли, общее число сохъ неизмѣннымъ на цѣлое поколѣніе, или на двадцать лѣтъ, до новой народной переписи. Разверстаніе, или новое распределение сохъ посемейно иногда нужно для того, что въ семьяхъ бываютъ измѣненія: иной или иная умретъ; дочь или вдова выйдутъ замужъ въ другой дворъ; сына или племянника отдадутъ на службу, и число «ѣдоковъ» уменьшится, а въ другомъ семействѣ малютки подросли, и хотя плохіе еще работники, однако также есть хотять. Но я васъ увѣрю собственнымъ опытомъ, распорядитесь только, какъ я здѣсь имѣю честь докладывать, — и каждую весну крестьяне явятся къ вамъ съ большими претензіями о прибавкѣ *тлгости*, или тягла, или сохи, даже полусохи.

*

Теперь о томъ, какъ отвратить недомыки.

У васъ на соху—въ каждомъ клнну по четыре десятины. Вамъ конечно известны существующія въ вашей сторонѣ цѣны на отдаваемые въ наймы земли. Вѣрьте мнѣ старику, — эти цѣны чѣмъ дальше тѣмъ больше будутъ возвышаться. Загляните въ ревизскія сказки, и вы въ томъ убѣдитесь. Объявите же вашимъ молодцамъ заблаговременно. Кто къ Евдокею внесетъ съ каждой сохи столько-то за десятину яровой земли, а за четыре столько-то, тотъ въ наступающую весну пользуется всѣми четырьмя десятинами; кто не внесетъ къ Евдокею, со льготою по 1 апрѣля, условленныхъ денегъ (чѣмъ цѣна сходише, тѣмъ скорѣе разберутъ землю), тотъ двѣ десятины изъ четырехъ долженъ обрабатывать на барщину. Равнымъ образомъ, кто, къ Петрову дню, съ сохи за четыре десятины въ паровомъ клнну внесетъ деньги, тотъ опять свободенъ, и пользуется всею землею; а не успѣлъ заплатить, хотя со льготою по 1 августа, такъ поступаетъ на барщину до новаго срока.

Вы изволите видѣть, безъ барщины на первый случай ни какъ обойтись невозможно; но вы изволите видѣть также, что «ларчикъ просто открывается». Это просто аренда!.... Повѣрьте, что мало-по-малу всѣ ваши крестьяне будутъ вашими арендаторами, и не такими плохими какъ въ Ирландіи. Не палгайте только лишней цѣны. Впрочемъ, вы конечно вѣдаете, что наемныя деньги за четыре десятины, впередъ вамъ уплаченныя, составятъ столько же или около того, что вы, спустя годъ, получите отъ посредственнаго урожая на вашихъ двухъ десятинахъ, особливо при легіонѣ полевыхъ старостъ, гуменьщиковъ, магазинъ-вехтеровъ, ревизоровъ и другихъ прочихъ сему подобныхъ. Возьмите еще и то въ разсужденіе, при врожденномъ каждому изъ насъ эгоизмѣ, что вамъ, собственно для васъ, дѣла до того нѣтъ, будетъ ли засуха, градъ, продолжительное ненастье, саранча, или все что угодно. Вы конечно пожалуете о добрыхъ вашихъ арендаторахъ, но дайте имъ притомъ всевозможное поощреніе къ дѣльному распространенію законной промышленности, чтобы они обыкли ходить въ заработки по разнымъ мастерствамъ;

чтобы занимались извозомъ, пока у насъ еще не завелись паровыя фурмы и чугупныя колесы, и, право, ваши арендаторы, что нынѣ оброчные крестьяне, никогда не будутъ вамъ въ тягость, даже, — отъ чего Боже сохрани! — при общественныхъ бедствіяхъ

Подати и повинности, разумеется, крестьяне отбываютъ сами, но не по числу душъ въ семействахъ, а по количеству сохъ каждаго.

За тѣмъ еще много могъ бы я распространиться на счетъ подробностей управленія вотчинами, уравниенія крестьянъ, раздѣленія ихъ на дружины, а земель по качеству. Какъ обо всякой наукѣ, право, много бумагъ можно исписать и объ этихъ предметахъ, но — *Schuster bleibe bei deinem Leisten!* что, какъ вамъ извѣстно, есть только Нѣмецкій переодѣ съ Греческаго, котораго я не знаю.

ЧЕРНОЗЕМОВЪ.

=

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

ПОВАРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ГАСТРОНОМІИ ВЪ ЕВРОПѢ.

Гапріонъ-де-Пансѣ, председатель Кассационнаго Суда, савонникъ, которымъ, по словамъ Г. Ройѣ-Коллара, отличнаго философа и оратора, новая Франція можетъ по справедливости гордиться, говорилъ Лапласу, Шапталю и Бертоллѣ, тремъ величайшимъ ученымъ своего времени: «Я почитаю открытіе «новаго блюда событіемъ, несравненно важнѣйшимъ, чѣмъ открытіе новой звезды: звездъ у насъ всегда будетъ довольно, а блюдо никогда не можетъ быть слишкомъ много. Я «до тѣхъ поръ не перестану думать, что науки еще не пользуются у насъ должнымъ уваженіемъ, пока не увижу повара дѣйствительнымъ членомъ Академіи.» Лапласъ, Шапталъ и Бертоллѣ вполне согласились съ Г. Гапріонъ-де-Пансѣ. Мнѣніе такихъ людей заслуживаетъ нѣкотораго вниманія! Беркъ, новѣйшій Демосеенъ, великій политикъ и великій философъ, опредѣлялъ человека — «животнымъ, которое стряпаетъ свою пищу на огнѣ». Знаменитый Шот-

ландскій философъ Догальдъ Стюартъ былъ пораженъ аналогією, существующею между повареннымъ искусствомъ, поэзією и изящными художествами. «При такомъ воззрѣніи на предметъ, говоритъ онъ, можно сказать, что сладкое пріятно въ сущности, а горькое пріятно относительно; то и другое вмѣстѣ участвуютъ въ произведеніи тѣхъ дѣйствій, которыя въ поваренномъ искусствѣ соответствуютъ гармонической красотѣ, составляющей цѣль живописца и поэта». Догальдъ-Стюартъ соглашается, что идеальное прекрасное равномерно живетъ въ кастрюляхъ, какъ на полотнѣ, мраморѣ и бумагѣ. И дѣйствительно, изъ разсудительной критикѣ предмета, некоторыя изъ блюдъ, выходящихъ въ наше время изъ-подъ творческаго ножа первоклассныхъ поваровъ, могутъ быть сравниваемы только съ Медивейскою Венерою или Макбетомъ Шекспира.

Есть однако жъ такіе..... Что я говорю, такіе! Скажемъ, на-отрѣзъ, есть люди, — люди способные только притупленными чувствами своими ощущать хрипъ и водевильныя остроты, — которые отзываются съ презрѣніемъ о кухонной промышленности, утверждая, даже съ некоторою гордостью, что для нихъ все равно, что бы ни кушать. Эти люди достойнѣе быть страусами и глотать булыжникъ въ пустынѣ, чѣмъ садиться за столъ съ народами, которые знаютъ употребленіе вилокъ.

Животные питаются; человекъ одинъ — *кушаетъ*. Въ этомъ коренномъ различіи нашей породы отъ всего созданнаго заключается для насъ цѣлый рядъ обязанностей относительно выбора и приготовленія яствъ, въ которыя намъ однимъ позволено превращать все: доказательство тому — наши зубы. А кушать значитъ обновлять собственныя умомъ и промысломъ жизнь; зажженную въ насъ первоначально самою природою. Какая великая, неизмѣримая цѣль! Принимаясь за ложку, мы становимся выше человека: мы съ той минуты товарищи природѣ, мы ея повзрѣнные въ дѣлахъ, мы истолкователи глубочайшихъ ея намѣреній, и такъ какъ намъ предоставлено выбирать пищу изъ всего существующаго, какъ мы властны зажарить и съесть всю природу, для обновленія въ себѣ жизни, то мы съ той же минуты истинные цари природы, и переставъ носить этотъ

высокій санъ, дѣлаемся простыми органическими тварями въ то самое мгновеніе, когда послѣ десерта добровольно слягнемъ на столъ нашъ могучій скипетръ,—виаки, или когда лакон похититъ его у насъ во время нашего царствованія, во время обѣда. Для поддержанія своего достоинства передъ лицомъ вселенной, намъ бы слѣдовало ѣсть непрерывно. Когда человекъ садится за столъ, все созданное трепещетъ.

Сколько еще такихъ, которые назвѣвшись, не подумаютъ о томъ, что послѣ обѣда человекъ превращается въ святилище, въ которомъ совершается величайшее изъ всѣхъ таинствъ природы,—пищевареніе! Умъ столбенѣетъ передъ этимъ удивительнымъ процессомъ. Важность его неимоверна: съ нимъ связаны наше здоровье, счастье, жизнь, и, — что ни говорите,—самый нашъ умъ, и слѣдственно, наша слава. И кто жъ жрецъ и стражъ этого страшнаго таинства? Вотъ онъ, въ полномъ своемъ одѣяніи! Въ бѣлой остроконечной шапкѣ, въ бѣлой курткѣ, съ бѣлымъ передникомъ и длиннымъ ножомъ. Это поваръ. Значеніе его въ чинѣ вселенной неизмѣримо. Онъ играетъ въ природѣ роль несравненно важнѣе Галлсевой кометы. Всѣ желудки должны смотреть на него съ благоговѣніемъ; всѣ головы должны думать о томъ, чтобы въ подобное званіе были возводимы только люди достойные и великіе блюдооологи.

Къ несчастію, у насъ, на Руси, еще весьма немногіе понимаютъ важность этого предмета, и бѣлый колпакъ наибольшую частію украшаетъ самое постыдное невѣжество. Отъ преобразованія нашей кухни зависятъ во многомъ будущіе успѣхи нашего отечества. Какъ вы хотите, чтобы литература, промышленность, искусства, вкусъ, остроуміе воспарили до точки высокаго развитія при тяжеломъ запахѣ кулебякъ, блиновъ, щей и ботвиній, для сваренія которыхъ желудокъ требуетъ вдвое болѣе времени, ежели только между-тѣмъ отъ нихъ не допнетъ? Народы, варите скоро! Sic itur ad astra! Такимъ только образомъ быстро достигается до просвѣщенія и образованности.

Мы намѣрены представить здѣсь нашимъ читателямъ очеркъ исторіи современнаго состоянія и литературы повареннаго

искусства. Что касается до исторической части предмета, она будет как-можно короче и еще менее приправлена недобосваримую ученостью. Мы бросимъ только бвглый взглядъ на очаги древнихъ, и поскорѣ перейдемъ къ превосходнымъ блюдамъ Франціи, единственной страны, гдѣ варенная промышленность общепонята, оценена, пользуется надлежащимъ уваженіемъ и возведена на степень художества, даже науки.

Мы ничего не знаемъ о кухнѣ Халдеянъ, которые изобрѣли Астрономію, но, вѣроятно, не выдумали ни одного соуса. Первые хорошіе гастрономы, о которыхъ упоминаетъ исторія, были Египтяне. Кухня ихъ погибла вмѣстѣ съ ихъ вѣрою: скудные подробности, которыя сообщаетъ объ ней Геродотъ, не позволяютъ даже составить объ ней приблизительнаго понятія, но такъ какъ на ихъ пиршествахъ лакеи передъ супомъ обносили, вмѣсто пикелю и ветчины, деревянное изображеніе мертвеца, чтобъ показать каждому изъ гостей, каковъ человекъ тогда, когда онъ уж не есть, не пьетъ и не веселится, то благомыслящій гастрономъ не можетъ не питать уваженія къ этимъ почтеннымъ Египтянамъ. Перейдемъ въ Грецію.

Госпожа Дасіе очень умно замѣтила, что Гомеръ ни въ одномъ изъ своихъ твореній не говоритъ о вареной пищѣ, и что во всѣхъ описанныхъ имъ пиршествахъ, напримѣръ, на дипломатическомъ обѣдѣ, которымъ Ахиллъ угощаетъ царей-посланниковъ, главное блюдо, *la pièce de résistance*, состоитъ изъ жаркаго: отсюда вывели довольно логическое заключеніе, что Грекамъ въ то время еще не былъ извѣстенъ способъ дѣлать посуду, которая могла бы выдерживать огонь. Полагаютъ, что первыя кастрюли и сковороды вывезены въ Грецію изъ Египта, и Греки скоро извлекли изъ нихъ всю возможную пользу. Кажется, что Аѳины въ особенности превосходили прочія Греческія республики въ гастрономіи. Лучшее доказательство этого мнѣнія заключается въ томъ, что все ученые единогласно сожалеютъ объ утратѣ, какъ одного изъ самыхъ драгоценныхъ твореній древности, дидактической поэмы о гастрономіи, сочиненной Архестратомъ, короткимъ пригласемъ одного изъ сыновей

Перикла. «Эгогь великій писатель», говорить Аѳиней, «прошелъ землю и море для того, чтобы узнать все лучшія изъ произведенія. Въ путешествіяхъ своихъ, онъ не заботился о нравахъ и обычаяхъ народовъ, считалъ безполезнымъ объ нихъ и осведомляться, потому что ихъ переизмѣнить нельзя; но онъ входилъ въ лабораторію, гдѣ изготовлялись для стола изящнѣйшія яства и бесѣдовалъ только съ людьми, способными увеличить его наслажденія. Поэма его есть сокровище науки; каждый стихъ заключаетъ въ себѣ поваренное правило.»

Нельзя однако вполне довѣрять этимъ чрезмѣрнымъ похваламъ, потому что, при тогдашнемъ несовершенствѣ физическихъ наукъ, сомнительно, могъ ли Архестратъ составить собраніе здоровыхъ правилъ. Другой поводъ къ скептицизму подають свѣдѣнія, дошедшія до насъ о самомъ авторѣ, который, говорятъ, былъ такъ худъ, что вѣсилъ не болѣе оболы. Кроме того, весьма вѣроятно, что все истинно хорошее въ Греческой кухнѣ, было перенесено въ Римъ, вмѣстѣ съ другими искусствами, которыми обыкновенно приписываютъ еще большее достоинство. Такъ какъ намъ извѣстно, что Римляне посылали въ Аѳины депутатовъ, для принесенія оттуда Солоновыхъ законовъ, то смѣшно было бы думать, что они вмѣстѣ съ законами не вывезли оттуда ни одного повара. Богатые Римляне, вздвигшіе въ Аѳины учиться, конечно возвращались въ свое отечество болѣе свѣдущими въ Аѳинской кухнѣ, чѣмъ въ Аѳинской философій. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что когда, нѣсколько позже, философы, поэты и риторы, толпами стеклись въ Римъ, какъ столицу всемірной образованности, вмѣстѣ съ ними пришли туда и Греческія кухарки. Впрочемъ Римскіе пиры, хотя въ нихъ являлся весь гастрономическій геній, все средства древняго міра, отличались болѣе изобиліемъ и дороговизною своею чѣмъ вкусомъ. Вѣроятно ни одинъ нынѣшній переводчикъ Виргилія не согласился бы отобѣдать съ цимъ у Мецената, гдѣ подавали такой напирямъ соусъ, какой Аппіцій предписываетъ дѣлать изъ крови и гнилой рыбы. Единственное достоинство блюда, составленнаго изъ мозга пятисотъ павлиновъ или изъ тысячи соловьиныхъ языковъ, вѣ-

роятно заключалось въ цѣвѣ: и если бы мы искали только способа въ данное время провѣсть какъ можно болѣе дешево, то преклонились бы скорѣе передъ распущенною въ водѣ жемчужною Клеопатры, хотя и тутъ гораздо оригинальнѣе и изящнѣе выдумка Англійскаго матроса, который положилъ на кусокъ хлѣба банковый билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ, покрылъ его сверху слоемъ масла и заставилъ свою «черноглавую Сусаину» съѣсть это вѣсто бутерброда.

Нельзя также имѣть большаго уваженія къ гастрономамъ, которые могли ѣсть лежа, — въ положеніи самомъ неудобномъ и безпокойномъ. Мы не можемъ безъ ужаса подумать о томъ, какъ они, должно быть, пачкали длинныя свои бороды и тоги, перенося пищу со стола въ ротъ безъ вилки: вилки очевидно — новѣйшее изобрѣтеніе, потому что въ развалинахъ Геркуланума, гдѣ отрыли столько превосходныхъ статуй, не отыскано ни одной вилки. Трудно понять, какъ могли они пить, если не садились прямо, когда имъ подносили чаши. Однако кухня обращала на себя большое вниманіе Римскихъ ученыхъ, хотя до насъ дошло только одно изъ сочиненій ихъ объ этомъ предметѣ. Полагаютъ, что оно появилось около временъ Геліогабала, — а носитъ оно имя «Апиція», въ честь опытнаго гастронома, который издержалъ почти сорокъ милліоновъ на наши деньги для наслажденій своего аппетита и зарѣзался изъ опасенія умереть съ голоду, когда увидѣлъ, что у него остается только полтора милліона. И хотя Римская кухня была вообще болѣе распутная чѣмъ тонкая, однако нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что въ грозѣ, которая, взвившись на воздухъ въ дремучей Германіи и холодной Скандіи, разразилась соимами варваровъ надъ безсмертнымъ городомъ, погибло болѣе хорошихъ блюдъ чѣмъ хорошихъ книгъ.

Въ періодъ паденія Римской имперіи и въ большую часть среднихъ вѣковъ, непроницаемый мракъ покрываетъ искусства. Карлъ Великій, какъ видно изъ его Капитуларіевъ, принималъ личное и горячее участіе во всемъ, что касалось до стола; сто или двѣсти лѣтъ спустя, Норманны гордились своимъ вкусомъ и разборчивостью по этой ча-

сти; но возрожденіемъ повареннаго искусства, также какъ и учености, обязаны мы Италіи. Нельзя опредѣлить съ точностью, когда начали тамъ упражняться въ немъ съ успѣхомъ, во извѣство, что оно удостоивалось самаго просвѣщеннаго покровительства государей — купцевъ Флоренціи, и что Франція получила первыя начала науки отъ ученыхъ кухонныхъ мужей, которые сопровождали въ Парижъ Екатерину Медицисъ. Теперь ясно доказано, что они ввели во Франціи употребленіе мороженаго. Фрикандо было изобрѣтено *шефомъ* кухни папы Льва X. Въ сочиненіяхъ Монтана находится одио замѣчательное мѣсто, которое показываетъ, какъ высоко Италіянскіе повара цѣнили свое назначеніе и какъ сильно чувствовали свое достоинство. «Въ числѣ ихъ, я видѣлъ», говоритъ онъ, «одного изъ тѣхъ художниковъ, которые были въ услуженіи у кардинала Караффы. Онъ разсуждалъ со мною объ этой, такъ сказать, science de genele съ важностью и ученымъ видомъ, какъ-будто дѣло шло о какомъ-нибудь богословскомъ предметѣ. Онъ объяснялъ мнѣ различныя роды аппетита: аппетитъ на тощакъ; аппетитъ послѣ второй или третьей перемѣны; способы удовлетворять аппетиту и потомъ снова возбуждать и раздражать его; политику соусовъ, сначала вообще, а потомъ съ подробнымъ изслѣдованіемъ свойствъ и дѣйствій каждой приправы; относительное различіе салатовъ, смотря по временамъ года; какіе салаты должно грѣть и какіе подавать холодными; наконецъ способы убирать и украшать ихъ такъ, чтобы они были пріятны на видъ. Послѣ этого, онъ перешелъ къ порядку, въ которомъ блюда должны слѣдовать одно за другимъ, — предмету важныхъ и возвышенныхъ соображеній. Все это было высказано въ богатыхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, какія употребляются только тогда, когда говорить объ управленіи государствомъ.»

Каждый изъ нашихъ читателей примѣтитъ, что это живой портретъ нынѣшнихъ Французскихъ поваровъ, которые, видно, заимствовали отъ Италіянцевъ не только первыя начала искусства, но и приемы. Впрочемъ Италіянская кухня того вѣка была крайне нездорова, зараженная духомъ пріятностей и совершенно отличная отъ той, которую нынче зовутъ «Французскою», а приличнѣе было бы называть рациональною и ученою.

Есть основательная причина думать, что около того же времени искусство сдѣлало нѣкоторые успехи и въ Англии, потому что кардиналъ Кампеджіо, одинъ изъ легатовъ, которымъ поручено было договариваться съ Генрихомъ VIII насчетъ его развода съ Екатериною, сочинилъ сравнительную картину состоянія повареннаго дѣла въ Англии, Франціи и Италіи, по желанію и для личнаго употребленія его святѣйшества. Сверхъ того, Генрихъ VIII щедро поощрялъ достоинства людей, которые угождали вкусу, и однажды былъ такъ восхищенъ запахомъ новаго пуддинга, что подарилъ изобрѣтателю помѣстье. При королевѣ Аннѣ, страдавшей подагрой, — царицѣ лакомокъ, которую Листеръ, одинъ изъ издателей «Апидіа», лечилъ отъ капризовъ, и которая сама достигла высочайшихъ гастрономическихъ почестей, давъ свое имя одному пуддингу, — искусство также не имѣло недостатка въ поощреніяхъ.

Италіанская кухня принята была при дворахъ и у вельможъ Австріи и Германіи, а около времени реформацин распространилась и въ Польшу, куда привезли ее съ собою Италіанскія принцессы и Польскіе прелаты, обучавшіеся обыкновенно въ Римѣ. Отсюда вѣроятно происходитъ, что въ числѣ блюдъ, которыя подавались къ столу нашихъ Царей, глазъ знатока-любителя легко различаетъ многія, принадлежащія тогдашней Италіанской кухнѣ. Впрочемъ, Русскіе бояре часто имѣли Польскихъ поваровъ, которые славились тогда на сѣверѣ. Но вообще можно сказать, что знаменитые Московскіе обѣды были такъ ужасны въ отношеніи къ началамъ искусства и современнымъ желудкамъ, что мы нынче рѣшились бы послать выкупать ихъ — однихъ только сочинителей историческихъ романовъ, въ наказаніе за скуку, которую они наводятъ ихъ описаніями.

Исторія, которая сдѣлалась философическою только въ прошедшемъ столѣтіи, и до тѣхъ поръ мало заботилась объ обычаяхъ народовъ, не доставляетъ намъ ни какихъ матеріаловъ для наполненія промежутка времени, остающагося до вступленія на престолъ Людовика XIV. Но при этомъ великомъ государѣ поваренное искусство сдѣлало вдругъ огромные шаги впередъ, служа сначала къ большому блеску его славы, а потомъ утѣшеніемъ ему въ

ей упадкъ. Ликеры были изобрѣтены для Людовика XIV, въ его старости, когда, безъ пособія возбуждательныхъ средствъ, онъ уже едва могъ переносить жизнь. Въ молодости у него былъ изумительный аппетитъ. Имя его знаменитаго метръ-д'отеля, Бешамеля, которое такъ же вѣрно перейдетъ къ потомству посредствомъ его соуса, какъ имя Гершеля съ его планетою и Сенавина съ его архипелагомъ, служить доказательствомъ и порукою изящной утонченности королевскаго стола. Молиѣръ употребилъ свой гений на описаніе одного ужина, даннаго Людовикомъ въ садахъ Фонтенебло: этотъ знаменитый ужинъ состоялъ изъ пяти сервисовъ, а каждый сервисъ изъ ста тридцати пяти блюдъ; для десерта построены были гроты изъ конфетъ и пирожнаго, въ которыхъ дамы и кавалеры отдыхали послѣ застольныхъ трудовъ. Изъ современныхъ записокъ и корреспонденцій можно видѣть, что въ этомъ отношеніи Кольбертъ, великій министръ, и Кондѣ, великій полководецъ, не отставали отъ своего государя. О послѣднихъ часахъ жизни Вателя, метръ-д'отеля принца Кондѣ, говорено уже такъ много, что здѣсь бесполезно было бы и распространяться объ этомъ. Известно, что однажды, когда король обѣдалъ у Кондѣ, Ватель отправилъ гонцевъ во всѣ приморскіе города за отличнѣйшею рыбою. Наканунѣ, у принца былъ большой обѣдъ, и на одномъ столѣ не достало жаркаго. Ватель былъ уже отъ этого въ отчаяніи. На слѣдующее утро морская рыба не пришла во время. Часъ обѣда приближался. «Ватель дождалъ еще нѣсколько времени», говоритъ мадамъ Севиньё: «у него разгорѣлась голова; онъ вообразилъ, что рыбы не будетъ. Онъ отправляется къ Гурвилю, секретарю принца, и говоритъ ему:—Милостивый государь, я не могу пережить такого позора—Гурвиль не обратилъ на это вниманія. Ватель приходитъ въ свою комнату, приставляетъ свою шпагу къ двери и поражаетъ себя въ сердце. Онъ упалъ мертвъ только послѣ третьяго удара, сбывавъ себѣ прежде двѣ раны, которыя не были смертельны. Однако рыба приходила со всѣхъ сторонъ; ищутъ Вателя для раздачи ея поварамъ, идутъ въ его комнату, стучать, силою открываютъ дверь, и находятъ его плавающимъ въ крови. Тотъ

часть доложили объ этомъ принцу, который пришелъ въ отчаяніе. Великій Кондэ плакалъ: на Ватель опирался весь успѣхъ важнаго путешествія, которое онъ намѣревался сдѣлать въ Бургонь.»

Тѣми именно словами госпожа Севиньё сообщаетъ намъ подробности объ одномъ изъ самыхъ необыкновенныхъ примѣровъ самоотверженія, о которыхъ повѣствуетъ исторія. «Да, Манета!» говорилъ внуку великаго повара молодой кухаркѣ: «таковы-то были мадамъ Севиньё и мосье Ватель, которые прославили вѣкъ Людовика XIV!» И дѣйствительно, кто заслуживаетъ удивленіе и признательность гастрономовъ болѣе гениальнаго мужа, который не захотѣлъ пережить безчестія, нанесеннаго столу, украшаемому плодами его ума и воображенія? который собственными руками умертвилъ себя, потому что вчера не достало жаркаго, а сегодня свѣжая рыба не была получена за нѣсколько времени до обѣда? Столъ благородная кончина даетъ тебѣ право, почтенная тѣнь Вателя, на славное безсмертіе. Ты доказалъ, что фанатизмъ чести существуетъ равно на кухнѣ какъ и въ военномъ станѣ, и что вертелъ и кастрюля могутъ имѣть своихъ Катоновъ и Деціевъ. Правда, что твоему великодушному примѣру не подражалъ ни одинъ изъ поваровъ слѣдующаго столѣтія: въ этомъ философскомъ вѣкѣ все они предпочитаютъ жить на счетъ своихъ господъ, чѣмъ умирать за ихъ жедудокъ. Но тѣмъ не менѣе ния твое пребудетъ предметомъ благоговѣнія для друзей тонкаго стола. Да возбудитъ столь прекрасный примѣръ соревнованіе всѣхъ поваровъ современныхъ и будущихъ! И если между ними не найдется подражателей твоему славному самоубійству, пусть по-крайней-мѣрѣ они употребляютъ усилія, чтобы намъ всегда было за обѣдомъ довольно жаркаго и самая свѣжая рыба!

Принцъ Субизъ также имѣлъ счастье пользоваться услугами отличнаго повара,—человѣка съ глубокими свѣдѣніями и съ свѣтлыми, широкими понятіями, вразсужденіи расходовъ. Однажды принцъ Субизъ сказалъ ему, что намѣренъ дать ужинъ и велѣлъ подать себѣ мени—такъ называется записка, которую подаетъ поваръ о составѣ будущаго обѣда. Шефъ кухни явился съ своимъ счетомъ, и первая статья,

которая попала на глаза принцу, была: Пятьдесят окороковъ.—«Это что?» сказалъ онъ: «ты, должно быть, съ ума сошелъ, Бертравъ! Развѣ ты хочешь угостить весь мой полкъ?»—Нѣтъ, ваша свѣтлость: на столъ будетъ подавъ только одинъ окорокъ; но прочіе сорокъ девять необходимы для моихъ эспаньолей, блондовъ, гарнитуръ, для моихъ.....—«Бертравъ! ты меня грабишь. Прочь эту статью!»—Ахъ, ваша свѣтлость, возражалъ артистъ съ благороднымъ негодованіемъ, вы не понимаете нашего искусства! Принажите, и я эти пятьдесятъ окороковъ, которые приводятъ васъ въ такой ужасъ, втисну вамъ въ стекляночку, вотъ, не толще моего мизинца.—Что прикажете отвѣчать на это? принцъ кивнулъ головою, и окорока пропали. Это обстоятельство показываетъ, что Франція уже приближалась къ той системѣ извлеченія изъ живности экстрактивной и самой питательной части, которая впоследствии составила отличительный характеръ Французской кухни. Но это еще не та разсудительная, ученая, эклектическая кухня которую мы теперь знаемъ подъ именемъ Французской,—кухня безъ предразсудковъ и національныхъ враждъ,—кухня космополитная, завоевательная, торжествующая, которая явно стремится къ всеобщей монархіи апетитовъ, покоряя себя лучшія блюда всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣвъ, всѣхъ племенъ, усваивая ихъ себѣ, совершенствуя ихъ, и составляя изъ нихъ, въ видѣ гармоническаго цѣлаго, обѣдъ, достойный быть поданнымъ въ великій день соединенія воедино всего рода человеческого, или примиренія дураковъ съ умными. Но вообще искусство обѣдѣнія было еще въ томъ вѣкѣ основано на ложныхъ, правилахъ, и нередко жертвовало глазамъ основными пользами желудка. Ничто такъ ясно не обличаетъ ложнаго направленія гастрономіи, какъ тогдашняя колоссальность блюдъ и искусственный видъ, который старались придавать съedomу.

«Последняя отрасль нашихъ модъ» говоритъ Горацій Вальполъ, къ которую введено было близкое подражаніе природѣ, суть десерты. Желе, бисквиты, варенье въ сахаръ фрукты, кремы, давно уже уступили было мѣсто арлекинамъ, гондольерамъ, Туркамъ, Китайцамъ и пастушкамъ изъ саксонскаго фарфора. Но скоро замѣтили, что эти от-

дальняя фигуры, которая, кажется, гуляетъ въ рошакъ изъ завитой бумаги, по шелковымъ цвѣтамъ, слишкомъ незначущи и глупы. Мало-по-малу на столахъ явились дощечки, покрытыя стадами, хижинами, храмы изъ сахару и ячменнаго леденцу; крошечные сахарные пептуны начали величаво разъѣзжать въ раковинахъ изъ тѣста по стекляннымъ океанамъ и по морямъ изъ серебряной тѣани. Знатныя дамы возвращались отъ кандинера Шелви, съ множествомъ куколъ и игрушекъ, не для дѣтей, а для шкафовъ. Наконецъ и эти кукольныя представленія исчезаютъ изъ столовыхъ и вводятся новые, циклопическіе способы оканчивать обѣдъ или ужинъ. Гигантскія фигуры изъ сахару и тѣста замѣнили пигмеевъ. Известно, что знаменитый кухонный художникъ лорда Албемарля горько жаловался, что однажды, когда онъ приготовилъ блюдо боговъ и богинь въ двѣ съ половиною сажени вышины, господицъ его не захотѣлъ ломать потолка, чтобы фигуры могли быть поставлены на столъ. «*Imaginez-vous que milord n'a pas voulu faire ôter le plafond!*»

«Интендантъ Гасконіи, прибавляетъ тотъ же знаменитый писатель, по случаю недавняго рожденія герцога Бургундскаго, между прочими великолѣпными празднествами, угостилъ дворянъ своей провинціи обѣдомъ и десертомъ, въ которомъ огромныя сахарныя куклы, двигавшіяся посредствомъ пружинъ, представили со всеми подробностями разрѣшеніе дофини и благополучное рожденіе наследника государства.»

Къ счастью, были въ Европѣ люди, которые, лучше понимая великія цѣли кухни, возстали со всею силою своего аппетита противъ этихъ заблужденій искусства, забывавшаго желудокъ; между ними особенно отличился регентъ, герцогъ Орлеанскій. Его *petits soupers*, доставили мѣсту, гдѣ они происходили, извѣстность, которая сохранилась до сихъ поръ, и оправдываютъ восклицаніе Французскаго маркиза, отвѣчавшаго иностранцу въ отдаленномъ краю Европы на вопросъ—какимъ путемъ всего ближе провѣхать въ Парижъ:—«Милостивый государь, эта дорога приведетъ васъ прямо къ ужинамъ Пале-Рояля!» Есть темное преданіе, что шефъ регентовой кухни, несравненный во многихъ блюдахъ, былъ

особенно великъ въ индѣйскъ съ труфлями. Людовикъ XV, среди прочихъ удовольствій, не забывалъ и того, о которомъ справедливо замѣтили, что оно не мѣшаетъ ни какому другому наслажденію, и одно утѣшаетъ пастъ, когда всѣ другія наслажденія пройдутъ невозвратно. Вообще полагаютъ, что *tables volantes* были изобрѣтены подъ личнымъ его надзоромъ и руководствомъ. На малыхъ ужинахъ въ Шуази были впервые употреблены эти чудесныя произведенія механики,—столъ и буфетъ, которые опускались, исчезали и подымались снова, покрытые лствами и винами. Людовикъ XVI довольно мало обращалъ вниманія на столъ, и это было одною изъ причинъ непривязанности къ нему Французовъ и его паденія, потому что, какъ основательно замѣчаетъ Джонсонъ, кто не радуетъ о своемъ столѣ, не радуетъ и о своихъ дѣлахъ. Французская революція, вѣроятно бы не совершилась, если бъ король имѣлъ на своей сторонѣ всѣхъ гастрономовъ, которые во Франціи составляютъ самое многочисленное и сильное сословіе народа. Такая беззаботность вовсе неизвинительна — тѣмъ болѣе, что великій Ude, по-крайней-мѣрѣ, въ последнее время, былъ членомъ его поварской. Онъ теперь содержитъ знаменитый трактиръ въ Лондонѣ, и самъ часто говоритъ, что, если бъ употребляли его таланты тогда, хоть уже было поздно,—онъ еще спасъ бы Французскую монархію. Людовикъ XVIII, — мы пропускаемъ теперь революцію и имперію, — Людовикъ XVIII считался, напротивъ, первымъ гастрономомъ своего вѣка: онъ изобрѣлъ котлеты à la Louis XVIII, въ которыхъ заключается цѣлая поэма вкуса и объяденія; министръ его двора, герцогъ Декаръ (d'Escars), человекъ, котораго имѣніе не соответствовало великимъ его стряпательнымъ дарованіямъ, былъ его метръ-д'отелемъ. Кончина герцога Декара будетъ описана золотыми буквами въ летописяхъ гастрономіи. Въ кабинетъ Людовика былъ устроенъ поварской каминокъ, который закрывался большою передвижною картиною. Тутъ были кастрюльки, сковороды, блюда, тарелки. Герцогъ Декаръ, приходя къ нему, нерѣдко приносилъ провизию, изъ которой два великіе гастронома, запершись, стряпали сами какое-нибудь отличное лакомство. Однажды онъ принесъ такимъ образомъ

пятьдесят ортолановъ: то было вечеромъ. Развести огонь, изготовить птичекъ въ пюре изъ трюфелей и выкупать всѣхъ пятьдесятъ вдвоемъ, было двѣломъ одного часа времени. Ночью вдругъ поднялся шумъ въ корридоръ, гдѣ жилъ герцогъ Декаръ. Людовикъ позвонилъ, чтобъ узнать причину суматохи, и ему сказали, что герцогъ умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Онъ дѣйствительно скончался на слѣдующее утро,—скончался отъ несваренія слишкомъ большой дозы лакомства. Людовикъ заплакалъ о несчастіи своего друга, однако не могъ выдержать, чтобъ не воскликнуть съ досадою: «А вѣдь никогда не хотѣлъ вѣрить, что мой желудокъ лучше его желудка!» И онъ скончался безутышный, что, посвятивъ цѣлую жизнь свою «благородному искусству», ему не удалось придать своего имени ни одному блюду, хотя онъ выдумалъ нѣтъ бездну. Когда друзья хотѣли смертельно поразить его сердце, имъ стоило только заговорить о телятинѣ à la Béchamel. «Ахъ, господа! восклицалъ герцогъ въ подобныхъ случаяхъ: не говорите объ этомъ или называйте одного меня авторомъ этого блюда. Надобно жъ было, чтобы случилась Французская революція, для того, чтобъ въ этой кутерьмѣ перемѣшались всѣ понятія, и скоту Бешамелю, ни за что ни про что, досталась такая слава! Между нами будь сказано, онъ невиненъ ни въ какихъ изобретеніяхъ. Но тановъ свѣтъ! Бешамель съ моей телятиной перейдетъ прямо къ потомству, тогда какъ вашъ покорившій слуга долженъ умереть, не оставивъ по себѣ ни какихъ воспоминаній.»

Мы нарочно приводимъ этотъ отзывъ, чтобъ исправить ложное понятіе, господствующее у насъ на счетъ Французской кухни, которую обыкновенно считаютъ за національную страпню Французовъ. Она состоитъ вся изъ блюдъ, изобрѣтенныхъ или усовершенствованныхъ геними, согрѣтыми благотворнымъ жаромъ очага. Она не болѣе Французская, чѣмъ Русская, Шведская или Китайская, потому что она понятна безъ переводчика всѣмъ народамъ, всѣмъ языкамъ, всѣмъ вкусамъ. У Французовъ, особенно въ провинціи, есть своя національная кухня: она совершенно различна и такъ же дурна какъ всѣ національныя кухни, которыя вообще состоятъ изъ кушаній, дошедшихъ по преданію изъ вѣковъ

тмы и несваримости и созданныхъ грубо, жирно, кисло, пряно, — безъ свѣта науки, безъ разсужденія. Покойный докторъ Г^{***}, который занимался практикою въ разныхъ краяхъ и умеръ въ Петербургѣ милліонщикомъ, говаривалъ: «Лучшій мой доходъ былъ всегда отъ національныхъ блюдъ.»

Мы пропустили Французскую революцію и имперію, которая однако жъ имѣли величайшее и очень разнообразное вліяніе на судьбы ученой кухни.

Революція, при началѣ своемъ, едва было не погрузила слова повареннаго искусства въ долгую ночь варварства, изъ которой оно только-что вышло: истребленіе кровавою ел съ-кирою существовавшихъ дотолѣ породъ хлѣбосоловъ и людей, которые вѣчно объедаютъ въгостяхъ, поколебало очаги и печи въ самыхъ основаніяхъ. Мы говоримъ не объ одномъ только поколѣніи старинныхъ маркизовъ и прихвостниахъ его, кавалерахъ наббатахъ, но и объ откупщикахъ, которые дѣлали такое славное употребленіе изъ своихъ богатствъ, нажитыхъ съ грѣхомъ поподамъ, что почти заставляли гастрономовъ-философовъ забывать свое происхожденіе. Какое множество пріятныхъ и вкусныхъ мыслей возникаетъ при одномъ упоминаніи о блюдахъ à la financière! Они были опрокннуты террористами, и во все продолженіе этого страшнаго мятежа кухня во Франціи была въ полномъ упадкѣ. Однако, по неизбежному слѣдствію роковыхъ событій, которыя уничтожили или разорили прежнихъ откупщиковъ, ихъ место, хотя и нескоро, было занято другими хлѣбосолами, амфирионами, объедаками. Вышедшіе въ люди капралы республики, грабители-маршалы и выскочки-Наполеоновскіе дворяне, оказались въ этомъ отношеніи достойными преемниками откупщиковъ. Они напрасно старались подражать ловкости и любезности древняго дворянства, какъ они подражали ему въ своихъ титулахъ и гербахъ, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что желудки ихъ лучше и варительныя силы могущественнѣе. Одинъ изъ самыхъ счастливыхъ, въ этомъ отношеніи, выросшемъ въ одну ночь какъ грибы послѣ дождя, былъ Камбасересъ, второй консулъ во время республики, архикамидеръ при имперіи. Этотъ почтенный мужъ никогда не позволялъ правительственнымъ заботамъ отвлекать его вниманія отъ «великой цѣли жизни». Од-

нажды онъ былъ задержанъ долѣе обыкновеннаго въ совѣщаніи съ Наполеономъ: дѣло шло объ участіи герцога Ангійскаго. Камбасересъ, у котораго въ этотъ день обѣдало много гостей, видя, что время обѣда проходитъ, что блюда на огнѣ непременно все перепортятся, былъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Наполеонъ продолжалъ говорить съ жаромъ; конца этому не было видно: архи-канцлеръ попросилъ извинить его за прерваніе совѣщанія, потому что ему необходимо отправить немедленно гонца; схвативши перо, онъ написалъ къ повару своему слѣдующую записку: *Sauvez les entrémets, les entrées sont perdues.* (Спасите хоть антрэмэ. Прочія блюда все пропали!) Впрочемъ, извѣстный анекдотъ о Женевской форели, доказываетъ, что его столъ служилъ Наполеону важнымъ государственнымъ орудіемъ, которому должны были уступать первенство все не столь великія соображенія.

Справедливость требуетъ сказать, что взаимъ того вреднаго вліянія, которое при началѣ своемъ революція имѣла на поваренное искусство, она содѣйствовала къ изгнанію изъ кухни осатковъ предрасудковъ и доставила ей новыя богатыя средства. *Pi ces de résistance*, говоритъ леди Морганъ, основываясь на словахъ Карема, вошли въ употребленіе при Національномъ Конвентѣ; картофель *au naturel* усвоенъ въ царствованіе ужаса, а чай начали пить во Франціи при Директоріи. Но и леди Морганъ и Каремъ оба заблуждаются, утверждая, будто въ одномъ только домѣ (братъевъ Роберъ) сохранялся въ это бурное время «священный огнь» Французской кухни. Ложность ихъ мнѣнія обнаружится при взглядѣ на важную перемену въ судьбахъ кухни, произведенную революціею, и какъ нельзя болѣе сходную съ тою, которую распространеніе познаній произвело въ литературѣ.

Было время, когда покровитель, меценатъ, былъ почти столько же необходимъ для автора какъ и книгопродавецъ: пока продолжался такой порядокъ вещей, характеръ писателей, ихъ положеніе въ обществѣ, ихъ талантъ въ исполненіи и образъ мыслей были унижены, скованы, придавлены. Обстоятельства расширили поле предпріятій, и заставилъ литераторовъ полагаться единственно на по-

кровительство публики, къ очевидной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Революція произвела въ состояніи и будущности Французской кухни точно такой же переворотъ, и онъ ускорилъ, если даже онъ не былъ причиною появленія заведеній, составляющихъ нынче отличительное превосходство Парижа передъ всѣми столицами, — появленіе ресторацій.

Первый Парижскій рестораторъ былъ Champs-d'oiseau, rue des Poulies, который началъ заниматься своимъ дѣломъ въ 1770 * Въ 1789 число рестораторовъ возрасло до ста; въ 1801, когда въ первый разъ появился Almanac des Gourmands, до пяти или шести сотъ; теперь ихъ болѣе тысячи. Три разныя причины содѣйствовали къ размноженію подобныхъ заведеній. Во-первыхъ, страсть къ Английскимъ модамъ, которая господствовала во Франціи въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ революціи, а извѣстно, что Англичане почти всегда объѣдаютъ и ужинаютъ въ тавернахъ. Во-вторыхъ, внезапное нашествіе бездомныхъ, бродячихъ законодателей, которые наконецъ дали тонъ публикѣ, и увлекли за собою весь Парижъ, въ cabaret, — въ харчевню. Въ-третьихъ, паденіе домашнихъ кухней богатаго свѣтскаго и духовнаго дворянства, котораго повара должны были прибѣгнуть къ покровительству публики. Такъ, одинъ изъ первыхъ и лучшихъ рестораторовъ, Роберъ, былъ прежде шефомъ у архіепископа Ахенскаго. Намѣкаютъ еще на четвертую причину: новые патріоты-милліонеры, нажившіеся посредствомъ грабежа имѣній духовныхъ и дворянскихъ, боялись

* Мы здѣсь говоримъ только о рестораціяхъ съ усовершенствованною, ученою, тонкою кухнею. Ресторанціи съ простымъ столомъ были извѣстны гораздо прежде. Слово «ресторація» получило свое начало отъ вывески одного Парижскаго трактирщика, который въ началѣ прошедшаго столѣтія, — тогда было обыкновеніе брать для всего девицы изъ книгъ духовныхъ, — вздумалъ написать на ней: *Venite qui stomacho laboratis, et ego restaurabo vos.* Трактирщикъ, котораго имени теперь не вспомнимъ, привлекъ къ себѣ этою надписью всю холостую и веселую публику, и былъ провозглашенъ ею *рестораторомъ*. Слава его заведенія побудила и другихъ трактирщиковъ назваться тѣмъ же именемъ. Вотъ откуда происходятъ наши *растеранціи!*

въ это смутное время выказывать свои богатства, и, вместо заведенія собственной кухни, удовлетворяли своимъ эпикурейскимъ наклонностямъ въ трактирахъ. Какъ бы то ни было, по поваренный геній Франціи, съ начала XIX столѣтія, избралъ себя главнымъ храмомъ рестораціи, и когда союзныя войска прибыли въ Парижъ въ 1814 году, начальники ихъ принуждены были заключить договоръ съ однимъ рестараторомъ (Вери): тотъ снабжалъ ихъ столомъ за умѣренную цѣну.

Къ величайшему огорченію нашему, мы не можемъ воздать должной справедливости десяти изъ отличнѣйшихъ мужей, которые снискали себѣ славу и богатство, публично занимаясь своимъ искусствомъ во Франціи; по мы должны упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ и вѣроятно возбудимъ во всехъ не зѣвоту, а апетитъ, приводя такія имена какъ Rechaud, Mérillon, Robert, Méot, Rose, Legasque, Léda, Brigaut, Naudet, Tailleur, Véry, Henneveu и Baleine. Притомъ каждое изъ этихъ именъ нынче сдѣлалось историческимъ, и читатели Парижскихъ журналовъ и романовъ должны имѣть объ нихъ понятіе, чтобъ понимать нынѣшнюю Французскую литературу, которая впрочемъ далеко не стоитъ нынѣшней Французской кухни.

Три первые, Решо, Мерилльонъ и Робертъ весьма справедливо признаны Рафаэлемъ, Микель-анджеломъ и Рубенсомъ повареннаго искусства, а Бовилльѣ единодушно провозглашенъ главою классической школы, такъ названной для отличія отъ романтической, которой начальникомъ почитается — въ кухнѣ знаменитый Каремъ, — въ словесности знаменитый Викторъ Гюго, два истинные генія, къ чести своей никогда не враждовавшие между собою. Философъ-наблюдатель здѣсь снова замѣтитъ тѣсную аналогію между Литературою и повареннымъ Изыщнымъ Художествомъ.

Бовилльѣ былъ человекъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, и по-счастію, мы имѣемъ возможность доставить нѣсколько матеріаловъ будущему его біографу. Онъ началъ заниматься искусствомъ около 1782 года, въ rue Richelieu, n° 20. Репутація сго возрастала медленно и достигла своего апогея не прежде какъ въ началѣ настоящаго столѣтія: это она никогда не приходила въ упадокъ, и въ 1814 и 1815

годахъ, онъ состязался съ Вери; угощая съ искреннимъ усердіемъ и преданностью *poz amis les ennemis*, — «паиныхъ друзей непріятелей», онъ свелъ личное знакомство со всеми фельдмаршалами и генералами, которые умѣли побѣждать славно и ѣсть со вкусомъ. Память у него была такая, что, по прошествіи двадцати лѣтъ, онъ помнилъ и могъ назвать по имени людей, которые два или три раза у него обѣдали. Угадывая, какъ-бы по инстинкту, когда къ нему приходили люди съ опытнымъ ртомъ и хорошими деньгами, онъ обыкновенно подходилъ къ ихъ столу со всеми знаками глубочайшей покорности ихъ волѣ и самаго горячаго участія въ ихъ наслажденіяхъ. Онъ показывалъ, какое блюдо должно отнѣпить, какое подавать немедленно; самъ назначалъ третье, о которомъ никто и не думалъ, или посылалъ за виномъ въ погребокъ, отъ котораго только одинокъ онъ имѣлъ ключи: словомъ, судя по его любезному и пріятливому виду, можно было подумать, что онъ, по своей милости, дѣлаетъ друзьямъ непрощенное угощеніе. Но онъ не долго разыгрывалъ съ вами роль хлѣбосола: выполнивъ ее, онъ исчезалъ, и появленіе счета служило очевиднымъ доказательствомъ, что вы имѣли удовольствіе обѣдать у Бовилляе. Онъ нѣсколько разъ наживалъ, проживалъ и опять наживалъ большое состояніе. Не извѣстно, въ какой изъ этихъ фазъ смерть его застала, но у него было столько средствъ спускать съ рукъ деньги, что наследникамъ его вѣрно не осталось большой поживы. Незадолго до своей кончины, онъ заплатилъ долгъ, который, по словамъ Бекона, каждый человекъ долженъ заплатить своему искусству или ремеслу, — издалъ свое *L'Art du Cuisinier*, въ двухъ томахъ. Этотъ великій человекъ умеръ въ томъ же году какъ и Наполеонъ. Кончина подобныхъ ему людей не означается числами.

Каремъ, какъ и могучій его соперникъ, также писатель, и писатель не изъ застенчивыхъ, въ предисловіи къ своему *Maitre d'Hôtel Français*, говоритъ: «Я доказалъ неоспоримо, что всѣ книги, написанныя доселѣ о нашей кухнѣ, *плохи* и наполнены грубыми ошибками противъ теоріи искусства.» Далѣе онъ старается выказать превосходство своихъ собственныхъ познаній, свои природныя и пріобрѣтенныя способности къ дѣлу. Леди Морганъ гордится лич-

нымъ знакомствомъ съ мосеё Каремомъ, и мы возьмемъ изъ ея послѣдняго сочиненія о Франціи главнѣйшія черты его біографіи.

Каремъ происходитъ по прямой линіи отъ того знаменитаго шефа кухни Льва X, который получилъ названіе Jean de Carême, за постный супъ, изобрѣтенный для его святѣйшества. Замѣчательно, что и нашъ Каремъ далъ первое рѣшительное доказательство своего генія въ какомъ-то постномъ соусѣ. Приступая къ изученію науки, онъ сначала прошелъ полный курсъ жаренья подъ руководствомъ главныхъ жары ыщиковъ того времени, хотя гастрономы и утверждаютъ что поэты и жарильщики находятся въ одной категоріи: *on se fait cuisinier, mais on est né rotisseur*, — «поваромъ можно сдѣлаться, но жарильщикомъ должно родиться». Еще прежде онъ нѣлъ счастье слушать чтенія о томъ же предметѣ первѣйшихъ лакомокъ и объѣдалъ «стариннаго лада», стоя съ тарелкою и салфеткою за стуломъ одного изъ знаменитыхъ хлѣбосоловъ, — чтенія свѣтлыя и глубокомысленныя, съ которыхъ открылся ему совершенно новые виды на дичь и каплуновъ; потомъ онъ поступилъ къ Г. Ришо, *fameux saucier de la maison de Condé*, какъ называетъ его самъ Каремъ, для изученія таинства соусовъ; отъ него перешелъ къ мосеё Ану (*asne*) для спеціальнаго занятія составомъ отменныхъ партій холодныхъ (*belles parties des froids*); и наконецъ получилъ высшую ученую степень въ академіи Роберта — Старшаго, профессора новѣйшаго художества.

Совмѣстничество лицъ, которыя искали воспользоваться услугами этого совершеннаго артиста, разумѣется, не имѣло себѣ равнаго. Половина Европы старалась привлечь его на свою сторону. Постоянныя просьбы и обещаніе жалованья въ тысячу фунтовъ стерлинговъ убѣдили его сдѣлаться шефомъ кухни Георга IV, который въ то время былъ регентомъ но онъ оставилъ его послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, жалуюсь, что у регента — *c'est un ménage bourgeois*, — «мѣщанское хозяйство». Въ продолженіе времени, которое онъ благоволилъ провести въ Карлтонъ-Гаузъ, лорды и перы трехъ Соединенныхъ Королевствъ платили огромныя деньги за его паштеты «со второй руки», чтобы украсить ими свои

званные обеды послѣ появленія ихъ на столѣ регента. Нѣкоторые знаменитыя особы дѣлали ему тогда новыя предложенія, но тщетно: mon âme, говорилъ онъ, toute française ne peut vivre qu'en France, — и заключилъ условіе съ барономъ Ротшильдомъ, первымъ барономъ изъ Евреевъ, — который, благородно поддерживая характеристическую славу банкировъ, объедаетъ какъ Иродъ и платитъ какъ Цезарь.

Мы говорили о Бовилльѣ и о Каремъ какъ о главахъ двухъ противоположныхъ школъ въ искусствѣ: теперь естественно слѣдовало бы показать ихъ различіе между собою; но какъ опредѣлить словами метеорическій блескъ, мимолетное изящество, воздушное благоуханіе какого-нибудь блюда, которое появляется и исчезаетъ навсегда въ одно мгновеніе? Nequeo pargare et sentio tantum! Но если бы необходимость заставила насъ сравнить между собою этихъ двухъ художниковъ, мы бы сказали, что Бовилльѣ болѣе отличался силою сужденія, а Каремъ изобрѣтательностью; что, если Бовилльѣ истощилъ весь древній міръ искусства, Каремъ открылъ міръ новый; что Бовилльѣ строго придерживался классическихъ единствъ, а Каремъ за нихъ предѣлами похитилъ новыя красоты; что въ пріемахъ Бовилльѣ было болѣе основательности, въ пріемахъ Карема болѣе смѣлой, гениальной удачи; что Бовилльѣ былъ великъ въ холодномъ, а Каремъ высокъ въ антрмѣ; что за фрикандо Бовилльѣ можно было отдать провинцію, но если бы пришлось съѣсть слона за обѣдомъ, одинъ Каремъ былъ въ состояніи сдѣлать къ нему соусъ.

Такъ какъ примѣръ всегда лучше правила, то мы приведемъ изъ леди Морганъ описаніе Каремова обѣда, на дачѣ у барона Ротшильда.

«Не безъ пріятнаго трепета услышала я слова — «Сущъ на столѣ!» Мы пошли въ столовую. Она была построена отдѣльно отъ дома, посреди померанцовыхъ деревьевъ, въ видѣ прекраснаго продолговатаго павильона изъ Греческаго мрамора, и освѣжаема фонтанами, которые били въ воздухъ посреди дрожащихъ лучей солнца. Столъ, покрытый превосходнымъ и живописнымъ десертомъ, издавалъ запахъ, совершенно соответствовавшій свѣжести мѣста и жаркому времени года. Сіяющее золото не отражало здѣсь лучей за-

ходящаго солнца; блестящее серебро не ослепляло зрѣнія; фарфоръ, превосходившій цѣною всѣ драгоценные металлы по красотѣ и ложкости своей, съ картинкою на каждой тарелкѣ, согласовался съ общимъ характеромъ великолѣпной простоты, которая царствовала въ цѣломъ. Чтобы отдать должную справедливость учености и изысканности этого обѣда, следовало бы имѣть познанія въ художествѣ, равныя познаніямъ тѣхъ, чьимъ онъ былъ произведеніемъ; однако можно опредѣлять характеръ его тѣмъ, что онъ былъ, по времени года, — что онъ былъ въ уровнѣ съ своимъ временемъ, — что онъ былъ въ духѣ вѣка, — что въ составѣ его не было ничего такого, что Французы называютъ нынче *reggucque*: ни слѣда мудрости нашихъ предковъ ни въ одномъ блюдѣ, ни какихъ пряныхъ соусовъ, ни малѣйшаго запаха приправъ, ни подозрѣнія видимаго дѣйствія слишкомъ обыкновенныхъ стихій повареннаго искусства, огня и воды. Дистилляціи изъ превосходнѣйшихъ мясъ, извлеченныя съ химическою точностью и въ видѣ серебряной росы улетающія на теплыхъ облакахъ поднимающихся паровъ, составляли основаніе всего. Каждое блюдо издавало свой собственный природный запахъ; каждое произведеніе растительнаго царства являлось съ свойственными ему оттенками зелени, а весь обѣдъ, съ своимъ архипелагомъ блюдъ, съ живописными горами десерта и пахучимъ потопомъ превосходныхъ винъ, былъ — истинная эпопея!

«Люди писали эпическія поэмы, не имѣя столько генія, сколько его пошло на составленіе этого обѣда; и если бы лавры такъ же раздавались поварамъ какъ другимъ артистамъ, вѣнку Пасты или Зонтагъ, какъ онъ ни очаровательны, следовало перейти съ ихъ головы прямо на безсмертное чело Карема за этотъ образецъ рациональнаго кухоннаго совершенства, которое служить мѣриломъ современной образованности. Жестокость, насиліе и варварство были отличительными чертами людей, которые вѣли жесткія фибры вполонину изжаренныхъ быковъ; человеколюбіе, познанія и просвѣщеніе должны необходимо составлять удѣлъ настоящаго поколѣнія, надъ вкусомъ котораго господствуютъ правила науки такихъ философовъ, какъ Каремъ, и такія вина какъ у Ротшильда. Послѣ подобнаго обѣда невольно проща-

еще враговъ своихъ, и отъ чистаго сердца любишь весь родъ человеческій.»

Когда баронъ - Иудейнинъ предпочитаетъ «арзоръ» металламъ, которыхъ у него пропасть, это значитъ, что онъ человекъ со вкусомъ. Когда леди Морганъ умевъ цѣнить подобное предпочтеніе, это доказываетъ, что она умная женщина. Но въ сужденіи ея о пѣкоторыхъ чертахъ трансцендентальной кухни замѣтно, что она имѣетъ кой-какія темныя понятія о собственныхъ достоинствахъ Карема. Что хотѣла она сказать словами «пряность» и «запахъ приправъ?» Выгнать въ честь Карему, что онъ избѣгалъ такихъ мерзостей! Да нынче это едва-ли можетъ составить славу благовоспитанной кухарки! Нѣтъ, не въ этомъ состоитъ величіе Карема. Чтобы понять его, недостаточно быть умною женщиною: надобно самому обратиться въ языкъ, въ желудокъ, въ пищевареніе.

Вечеромъ леди Морганъ попросила госпожу Ротшильдъ представить ее Карему, и знаменитый шефъ присоединился къ обществу гостини.

Главные Парижскіе ресторации теперь суть Rocher de Cancale, Grignon, Café de Paris, Lointiers, Les trois frères Provençaux, Périgord и Véry. Нѣсколько извѣстій объ нихъ будутъ пріятны по-крайней-мѣрѣ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые еще не отобѣдали. Деви жаловался въ предисловіи къ своей Химіи, что его наука такъ быстро распространяетъ свои предѣлы, что, пока твореніе его печаталось, въ ней произошли уже значительныя перемѣны. Легко быть можетъ, что между-тѣмъ, какъ мы пишемъ, важныя гастрономическіе перевороты опрокинули вверхъ-дномъ кастрюли и сковороды котораго-нибудь изъ этихъ господъ, такъ какъ слава всякаго ресторатора много зависитъ отъ моды, и судьба величайшихъ блюдъ находится вся во рту того, кто ихъ ѣстъ; однако слѣдующія подробности могутъ быть приняты за современныя.

Репутація Rocher de Cancale была первоначально составлена его устрицами. Мосѣ Балень, основатель заведенія, выдумалъ, около 1804 года, средство доставлять ихъ въ Парижъ свѣжими, и въ самомъ лучшемъ порядкѣ во всякое время года, опровергая такимъ образомъ прямо и на дѣлѣ предрасудокъ,

что устрицы хороши въ тѣ мѣсяцы, въ которые бѣсятся собаки. Говорятъ, что Апицій тоже снабжалъ Траяна съжими устрицами во весь поры года. Блослвдствіи Балень занялся съ равнымъ успѣхомъ личью и рыбою, и наконецъ отважно расширивъ кругъ своихъ дѣйствій, старался достигнуть и достигъ той высокой степени превосходства, которую съ тѣхъ поръ безспорно занимаетъ *Rocher de Cancale*. Полная слава его начинается съ 28 ноября 1809 года, когда онъ изготавилъ обѣдъ на двадцать четыре прибора, въ такомъ стилѣ, что это мастерское произведеніе художества сдѣлалось единственнымъ предметомъ разговоръ Парижскихъ гастрономовъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Списку кушаній этого обѣда, документъ чрезвычайно аппетитный, сохранившійся въ «Альманахъ лакомокъ», являетъ роскошно гармоническій рядъ подачь, состоящій изъ четырехъ суповъ, четырехъ *relevés*, двѣнадцати *entrées*, четырехъ *grosses pièces*, четырехъ блюдовъ жаркого и осьми *entremets*. Чтобы въ самомъ дѣлѣ хорошо пообѣдать въ *Rocher*, любитель долженъ заказать обѣдъ не болѣе какъ на десять приборовъ, за недѣлю впередъ, и по-крайней-мѣрѣ по сорока франковъ съ человѣка, кромѣ вина. Камбасересъ былъ на одномъ изъ Баленовыхъ обѣдовъ по три лувдора съ человѣка, и вскричалъ въ порывѣ восторга «У меня самого объѣдаются не лучше этого!» Но если вамъ приходится импровизировать здѣсь обѣдъ, то надобно быть большимъ знатокомъ и понимать весь тонкости искусства. Мы никогда не забудемъ, съ какою важностью Г. Балень поправилъ однажды ошибку, сдѣланную въ спискѣ кушаній неопытнымъ членомъ нашего общества, который помѣстивъ салми между супомъ *à la bisque* и вьюшкой *à la crème et au gratin*. «Милостивые государи», сказалъ профессоръ, подавая *прежде* салми: «по естественному порядку вещей,—супъ *въ природѣ* смѣняется рыбою». *Mnogie*, простирая, быть можетъ, слишкомъ далеко духъ критики, утверждаютъ, что въ *entrées* и въ *entremets* Балена черезъ чуръ много отдыки, и что классическая поговорка *ars est celare artem*,—«искусство въ томъ, чтобы скрывать искусство», ускользаетъ отъ вниманія хозяина заведенія. Вообще этотъ недостатокъ составляетъ отличительную черту «стариннаго лада» кухни. Нельзя оставить *Rocher*, не обра-

тивъ особеннаго вниманія любителей на его снѣгирей и лягушекъ. Жареная лягушка съ петрушкою есть блюдо достойное боговъ. Общее понятіе о любезныхъ свойствахъ снѣгири служило источникомъ вдохновенія для Вебетера, Коупера, Вордсворта и другихъ поэтовъ, и мы неразъ приходили въ недоумѣніе—какъ снѣгирь лучше,—въ стихахъ или въ соусъ? Безъ-сомнѣнія, снѣгирь служить грустнымъ доказательствомъ той истины, что лакомка,—существо по преимуществу безчеловѣчное и жестокое, когда онъ не чувствуетъ ни какого состраданія даже къ этой предестной мимолетной птичкѣ, которой любезность и доврчивая короткость съ людьми должны бы предохранить всю породу отъ посяганія на нее нашего желудка. Но съ другой стороны, если жалеть обо всѣхъ, такъ придется не вѣсть ни кого! Собственно говоря, только тотъ совершенно счастливъ въ этомъ коварномъ мѣрѣ, у кого дурное сердце и хорошій желудокъ. И, Пинеагоризмъ въ сторону, признаѣмтесь, что снѣгирь, который занимаетъ почетное мѣсто въ классѣ бекѣйговъ, восхитителенъ во всѣхъ видахъ. Эту миленькую птичку можно держать въ клеткѣ и вѣсть жареную на вертелѣ и въ салми.

Наперекоръ мнѣнію многихъ, мы помѣстимъ вслѣдъ за Балепомъ, Грипсона. Нѣкогда заведеніе Грипсона было самымъ многолюднымъ въ Парижѣ, хотя, признаться, оно было обязано этимъ многолюдствомъ статьѣ, которая не стояла въ обѣденной «картѣ», и обыкновенно не подносилась гостямъ на блюдѣ: въ конторѣ находились двѣ дѣвушки необыкновенной красоты. Но этотъ домъ имѣлъ и имѣеть свои достоинства: всѣ простыя блюда превосходны и съвѣжая рыба, самая рѣдкая вещь въ Парижѣ, положительно съѣжа. Къ несчастью, недавнее уменьшеніе числа посетителей родило въ шею пагубную привычку къ безпечности подлѣ очага. Однако прикащики его еще одушевлены похвальнымъ усердіемъ къ чести заведенія и проникнуты чувствомъ достоинства искусства. Разъ, одинъ изъ нихъ, извѣщаясь, что блюдо еще не готово и что надобно обождать его нѣсколько времени, прибавилъ, подавая посетителю красивую обѣденную карту: «Но вы не будете скучать: вотъ сударь, очень занимательное чтеніе.» Вина у Гриньона от-

личны, и подаются по чистой совести. Сверзь-того, это заведение славится изящнымъ britsaucе, который, хотя безъ сомнѣнія подражаніе Англійскому breadsaucе, представляетъ съ нимъ такъ мало сходства, какъ Ларенсовы портреты старухъ съ подлинниками этихъ барыней: всѣ рѣзкія черты смягчены, и невыразимые оттѣнки очаровательной мягкости приданы цѣлому.

Братья Вернъ приобрѣли свою раннюю славу посредствомъ основательныхъ упражненій въ труппахъ. Ихъ «холодными съ труппами» признаны неподражаемыми, и известность ихъ, распространилась постепенно, охватила наконецъ вселенную. Мы уже упоминали о рѣшительности доказательствъ ихъ величія въ 1814 году, когда союзники ввернули имъ пощечину о своемъ столѣ на все время своего пребыванія въ Парижѣ; и пока заведеніе оставалось въ Гюгольери, имя Вернъ сохраняло свою чароудѣйственную магнитность, составляя утѣху и предметъ гордости гастрономовъ, но, когда ресторація перенесла въ другое мѣсто, по причинѣ перестроекъ, геній покровитель кумни двухъ братьевъ отлежалъ, и вы тщетно ищите въ новомъ его храмѣ, въ Палѣ-Роаяль, той прелести, которую прежде разливалъ онъ въ Тюльери. Смерть также вмѣшалась сюда, и помитила отлѣчѣннѣйшаго изъ братьевъ. Великолѣпный памятникъ воздвигнуть въ честь его, на кладбищѣ Лашезъ, съ надписью: «Вся жизнь его была посвящена полезнымъ трудамъ.» Въ началѣ прошедшаго года, «домъ» этотъ былъ преобразованъ по системѣ управленія, и обещаетъ слѣзаться снова любимымъ мѣстомъ знатоковъ повареннаго дѣла, если только бродячіе Англичане, привлеченные туда молвою о его прежней знаменитости, не разорятъ его своимъ невѣжествомъ.

Café de Paris есть прелестное мѣсто для обзоровъ въ хорошую погоду, при дневномъ свѣтѣ: комнаты его самыя роскошныя въ Парижѣ, и хотя цѣна превышаетъ почти цѣлою третью ереднюю цѣну прочихъ, даже лучшихъ рестораций, однако мѣста за столами всегда заняты и заведеніе въ большой модѣ. Мы слышали отъ судей, понимающихъ дѣло, весьма сомнительные отзывы о тамошней кухнѣ, которая чрезвычайно неровна; но нѣкоторые ея блюда, какъ

то, салми съ дичью и soles en matelotte Normande, могут спорить о пальмѣ победы съ цѣлымъ обѣдомъ Геліюгабала.

Проходя въ семь часовъ мимо Меригора, нѣсколько дверей отъ Вери, также въ Палё-Роаяль, вы увидите рядъ небольшихъ столиковъ, и за каждымъ изъ нихъ по одному гастроному, котораго челюсти движутся ровно, чисто, съ точностью и важностью, приличными исполненію одной изъ самыхъ трудныхъ обязанностей жизни: это вѣрный признакъ утонченной кухни. Но комнаты все находятся въ нижнемъ этажѣ и въ антресоль; онѣ душины и тѣсны.

Домъ Луантіе очень хорошъ, для заказныхъ обѣдовъ; но ему следовало бы менѣе расточать свои труфли, которыя чрезмѣрное употребленіе совершенно уничтожаетъ разнообразіе, необходимое въ порядочномъ составѣ обѣда.

Café Anglais, на Итальянскомъ бульварѣ, привлекателенъ уже тѣмъ, что онъ ближе всехъ прочихъ хорошихъ ресторацій отъ театровъ Varietés, Gymnase, Porte-St.-Martin. Вниманіе путешествующаго гасстронома прежде всего обращаетъ здѣсь на себя общество, котораго центръ и ядро — Г. Тіеръ, обѣдающій почти всегда въ этомъ трактирѣ, и обѣдающій съ душевнымъ наслажденіемъ. Вы слышите съ другаго конца залы краснорѣчивые разборы, которые этотъ государственный мужъ дѣлаетъ каждому блюду. Надобно знать, что Г. Тіеръ есть наследственный судья въ этихъ дѣлахъ. Правда, одинъ изъ пившихъ его сотоварищей по министерству, который тутъ же обѣдаетъ, сказалъ намъ однажды объ немъ, что онъ «старшій сынъ прелюхой кухарки», но мы охотно относимъ этотъ невыгодный отзывъ объ его родительницѣ къ духу партіи и злословію, свойственному Французамъ. Впрочемъ, если она въ самомъ дѣлѣ была плохая кухарка, такъ это означаетъ только, что назначеніе ея было гораздо выше, — состряпать для Франціи министра.

Les Trois frères Provençaux, покровительствуемые ложными гастрономами, достигли своей извѣстности посредствомъ brandades de merluiche, morue à l'ail и Провансальскаго рагу, — трехъ національныхъ Французскихъ блюдъ хуже которыхъ нѣтъ ничего въ свѣтѣ, — исключая, быть-можетъ, одной кулебяки съ рыбою и капустою. Первое изъ нихъ, brandada, признано даже Французскою Академіею

«мерзкимъ кушаньемъ», mauvais goût. Но любители тонкой, ученой кухни, которые нигдѣ не заботятся о национальныхъ блюдахъ, могутъ отвѣдать въ этомъ заведеніи воль-о-ванъ, который здѣсь въ совершенствѣ.

Гарди и Ришъ, тоже хорошіе рестораторы: они осуждены на весьма непріятную знаменитость глупою острою: Pour dîner chez Hardi, il faut être riche; et pour dîner chez Riche il faut être hardi. Мы строго порицаемъ такой способъ судить объ искусствѣ: не должно дѣлать каламбуры тамъ, гдѣ вопросъ идетъ объ обѣдѣ.

Забудемъ ли о Тортони и Феликсъ? Тортони до сихъ поръ любимецъ публики относительно завтраковъ, по его ликеръ parfait amour устарѣлъ. Джонсонъ говорилъ, что бордо прилично пить мальчикамъ, портувейнъ мужчинамъ, а водку героямъ, но нѣтъ сомнѣнія, что водка — напитокъ равно достойный рта гастронома какъ и побѣдителя. Нынче люди со вкусомъ по части водокъ, покупаютъ у Тортони только курасао. Даже у дамъ parfait amour, несмотря на привлекательность имени, потерялъ репутацію: мѣсто его заступилъ у нихъ мараскинъ, который теперь въ такой милости у Парижанокъ, — мы не хотимъ вооружать противъ себя ни Петербургскихъ, ни Московскихъ дамъ, и говоримъ вносказательно, — въ такой милости у Парижанокъ, что недавно, когда за ужиномъ соседка одного знаменитаго дипломата попросила его найти женскій тостъ, въ отвѣтъ мужскому тосту «въ честь женщинъ и вина», его превосходительство предложилъ ей пить «въ честь мужчинъ и мараскина», и предложеніе было приветствовано всеобщими рукоплесканіями.

Мосье Фелпксъ сохранилъ свою славу во всей первобытной чистотѣ: говорятъ, что количество требованій на его паштеты простирается отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ въ день.

Умы поверхностные, — а ихъ въ нынѣшнее время очень много, — возстанутъ безъ-сомнѣнія противъ этихъ подробностей, которыя покажутся имъ пустыми. Пожалемъ объ нихъ, и оставимъ ихъ безъ отвѣта, или лучше, скажемъ имъ въ отвѣтъ: милостивые государи, народъ который имѣетъ такихъ поваровъ, не опасается ни врага, ни порабощенія:

если онъ побѣжденъ, онъ задаетъ обѣдъ своимъ побѣдителямъ, и покоряетъ ихъ въ свою очередь.

То самое можно сказать и о литературѣ. Народъ, не имѣющій своей хорошей кухни, не можетъ никогда возвыситься до литературы самобытной, и посредствомъ ея владычествовать въ Европѣ. Можно по этому случаю привести изреченіе одного знаменитаго мужа, — содержателя Французскаго трактира, Hôtel de France, въ Дрезденѣ, артиста, который прежде былъ шефомъ кухни у одного Русскаго министра. Онъ провелъ осьмнадцать лѣтъ въ Германіи и не зналъ ни слова по-Нѣмецки. — «И съ какой стати,» отвѣчалъ онъ одному высокому путешественнику, который удивлялся этому: «съ какой стати учиться языку народа, у котораго нѣтъ своей кухни?» Впрочемъ, это удачное замѣчаніе не помѣшаетъ намъ упомянуть о тѣхъ гостинницахъ и ресторацияхъ въ Германіи, Италіи, Нидерландахъ и Россіи, въ которыхъ можно найти кухню изящную, хотя всѣ эти земли безъ кухни.

По самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, слѣдующія заведенія могутъ справедливо стоять въ первомъ ряду: гостинница «Жагоръ» въ Берлинѣ. Hôtel de France въ Дрезденѣ. Schwan и «Эрцъ-Герцогъ Карлъ» въ Вѣнѣ, Doelen въ Гагъ, и Rebecchino Vecchio въ Миланѣ, гдѣ можно вѣтъ знаменитую minestra del riso, доведенную до высочайшей степени совершенства. Въ Петербургѣ былъ только одинъ трактиръ, въ домѣ Энгельгардта, гдѣ любитель тонкой кухни могъ найти хорошій ужинъ во время маскарада, но и тотъ, кажется, уже не существуетъ. Фелльетъ и Гранъ-Жанъ сдѣлаютъ вамъ превосходный обѣдъ по заказу; но если вы пойдете съ хорошимъ аппетитомъ обѣдать у нихъ наудачу, такъ лучше киньтесь въ каналъ съ перваго моста на вашемъ пути, или ужъ ступайте къ Дюмѣ. Не вспомнимъ, кто именно, мы или другіе, выдумали пословицу, что «въ Петербургѣ надобно прѣхать съ деньгами и еще привезти съ собой трактиръ», но она, по-несчастію, справедлива. Въ Англійскомъ Клубѣ, здѣсь и въ Москвѣ, столъ вообще изряденъ, хотя иногда отличается пасторальной простотою. Мы замѣтили еще превосходные обѣды во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ Европы, какъ напримвръ,

въ Ахенъ, Баденъ и Стразбургъ, куда должно съездить для одного foie gras. И мы говоримъ только о тѣхъ мѣстахъ, которыя достойны особеннаго вниманія людей, путешествующихъ съ цѣлью наблюдать искусство разсудительнымъ желудкомъ.

Есть на землѣ мѣста, забытыя искусствомъ, которыя однакожъ дороги тонкимъ апетитамъ. Отправившись съ своимъ поваромъ въ Архангельскъ, вы не будете обмануты въ ожиданіяхъ вашихъ на счетъ тамошней телятины. Крымскіе бараны внушаютъ къ себѣ почтеніе даже въ самихъ Французахъ. Должно поистинѣ сожалѣть, что Лапландія не лежитъ на Выборгской сторонѣ: лоси, которыхъ закладываютъ тамъ въ саи, — превосходнѣйшая дичина въ поднебесной; ихъ можно достать зимою въ Петербургъ, но они обыкновенно изнурены дорогою и не имѣютъ уже того вкуса отъ перемѣны въ пищу. Если когда-нибудь вы поѣдете черезъ Сень-Готаръ, взгляните хорошенько въ красныя форели, которыя ловятся въ озерѣ близъ Андерматта: по насъ, это самыя лучшія форели въ Европѣ. Протяжая черезъ Симплонъ, путешественникъ обязанъ непременно спросить *râté de chamois* въ небольшомъ трактирѣ на вершинѣ горы. Если ему случится быть недалеко отъ озера Комо, мы особенно советуемъ отвѣдать тамошнихъ форелей. Дикій кабанъ въ Римѣ до сихъ поръ достоинъ своей классической славы. Что касается до національныхъ блюдъ во всѣхъ этихъ странахъ, то объ усовершенствованіи ихъ было приложено такъ мало стараній, что они весьма рѣдко, и только случайно, являются способными привлечь къ себѣ знатока, когда онъ однажды ихъ отвѣдалъ. Въ Россіи кушайте стерляжью уху, единственное изъ нашихъ историческихъ яствъ, которое заслуживаетъ перемѣщенія въ тонкую кухню, съ известными улучшениями. Въ Англіи можно утолить голодъ ростбифомъ и пудингомъ. Но если вамъ когда-нибудь придется взать въ Италію, вы сдѣлаете какъ-нельзя лучше, если поѣдете туда послѣ обѣда: народная Италианская кухня до такой степени дурна, что даже самыя Нѣмцы ругаютъ ее. Въ послѣднемъ сочиненіи профессора Николаи, *Italien wie es wirklich ist*, жалоба на обѣдъ составляетъ постоянную статью

каждой главы. Новый свѣтъ не возвысился еще до хорошихъ обѣдовъ, хотя онъ и не отстаегъ отъ всеобщаго энтузіазма, который внушаетъ ученая Французская кухня: въ числѣ «особыхъ порученій», которыя Бодиваръ далъ своему посланнику во Францію, онъ наказывалъ привезти ему самаго лучшаго Французскаго повара, который былъ бы въ состояніи содѣйствовать ему въ великомъ дѣлѣ возрожденія Америки.

Однако послѣ Парижа, Лондонъ есть единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ изящная, эклектическая кухня процвѣтаетъ съ успѣхомъ и имѣетъ многочисленныя достойныя себя храмы, хотя и тутъ великіе жрецы наибольшую частію Франгузы. Причина такого развитія очевидна: Лондонъ сдѣлался нынче столицей Европейской дипломатіи; тамъ рѣшаются высшіе вопросы образованнаго міра, и, слѣдовательно, тамъ раскушиваются высшіе обѣды. Мы можемъ привести здѣсь, для размышленій истинныхъ любителей, записку о составѣ историческаго обѣда, который рѣшилъ судьбу Греціи. Онъ былъ изготовленъ у славнаго Ude, котораго сочиненіе, *The French cook*, имѣло уже пятнадцать изданій въ 189,000 экземпляровъ; заказывалъ этотъ обѣдъ графъ М^{...}, одинъ изъ отличнѣйшихъ знатоковъ дѣла въ Европѣ; плата была во шести гвинеи съ челоуѣка, кромѣ вина.

Premier Service.

Potages. — Printannier à la reine; à la tortue.

Poissons. — Turbot en sauce Hollandaise; saumon à la Tartare; rougets à la cardinal; friture de morue; white bait.

Relevés. — Filet de bœuf à la Napolitaine; dindon à la chipolate; timballe de macaroni; haunch of venison.

Entrées. — Croquettes de volaille; petits pâtés aux huîtres; côtelettes d'agneau; purée de champignons; côtelettes d'agneau aux pois d'asperge; fricandeau de veau à l'oseille; ris de veau piqué aux tomates; côtelettes de pigeons à la Dusselle; charreüse de légumes aux faisans; filets de cannetons à la Bigarrade; bouidins à la Richelieu; sauté de volaille aux truffes; pâté de mouton monté.

Côté-Bœuf rôti; jambon; salade.

Second Service.

Rôts.—Chapons, perdrix, dindons truffés, *green goose.*

Entremets.—Asperges; haricot à la Française; mayonnaise d'honard; gelée Macédoine; aspices d'œufs de pluvier; Charlotte Russe; gelée au Marasquin; crème marbre; corbeille de pâtisserie; vol-au-vent de rhubarbe; tourte d'abricots; corbeille des méringues; ecrevisses; salade à la gélatine. Champignons aux fines herbes.

Relévés — Soufflée à la vanille; pudding à la Nesselrode; sandwiches d'Adélaïde fondus. Pièces montées, etc. etc. etc.

Преклоните колѣни передъ этимъ ученымъ и изящнымъ выборомъ усовершенствованныхъ блюдъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ! Говорятъ, что выполненіе совершенно соответствовало изобретенію: известно притомъ, что этотъ обедъ былъ увѣнчанъ самымъ упоительнымъ успѣхомъ. Если Греція еще слѣдуетъ славнымъ обычаямъ своихъ предковъ, она должна вырезать эту записку на мраморной доскѣ, вѣланной въ стѣну ея Пантеона, какъ некогда вырезывала важные приговоры своихъ республикъ. Умѣренность цѣны, по 130 рублей съ особы, поразить cadaго. Въ исторіи дипломатіи сохранилось преданіе объ одномъ политическомъ обѣдѣ въ тавернѣ «Албіонъ», который стоилъ по тысячѣ рублей съ человека. Правда, что дѣло было очень важное: этимъ обѣдомъ рѣшалась участь Испаніи.

Мы весьма далеки отъ намѣренія сочинять обстоятельный каталогъ (*catalogue raisonné*) разныхъ Лондонскихъ гостинницъ и клубовъ, какой, напримѣръ, сдѣлали для Парижскихъ рестораций, и удовольствуемся исчисленіемъ нѣкоторыхъ отличныхъ именъ, для назиданія современниковъ и потомства. Таковы Ude, Лефевръ, Бони, Мартенъ, Голль, Крепенъ, Франкателли, Колленъ и Лойе: всѣ они живутъ теперь въ Лондонѣ, и къ нимъ по справедливости должно присоединить Бойе, который содержитъ трактиръ въ Ля-сестеръ. Знаменитый шефъ покойнаго маркиза Эберкорна, который отказался вѣхать съ герцогомъ Ричмондомъ въ Ирландію за десять тысячъ годоваго жалованья, услышавъ, что въ Дублинѣ нѣтъ Италіанской Оперы, — погнѣбъ нѣсколь-

ко лѣтъ тому на полѣ чести,—сгорѣвъ на кухонной плитѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ удивительнѣйшихъ обѣдовъ въ мірѣ: мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ супруга одного послапника, хорошенькая и милая дама, рассказывала намъ, что ова ѣла его *посмертный* паштетъ, спасенный чудомъ изъ пожара кухни.

Здѣсь еще должно прибавить, что ни одна страна въ Европѣ не представляетъ такихъ средствъ имѣть хорошей столъ, какъ Англія, гдѣ промышленность усовершенствовала всѣ съѣстные припасы и довела ихъ до высочайшей степени смачности, нѣжности и красоты. «Я утверждаю» говорить Ude въ своемъ сочиненіи; «хотя я Французъ въ душѣ,—что Англійская кухня, тамъ, гдѣ она страдаетъ по правиламъ искусства, превосходить все въ мірѣ.»

Читатель вѣрно замѣтилъ въ программѣ обѣда, даннаго по случаю Греческихъ дѣлъ, Англійскія блюда, напечатанныя курсивнымъ шрифтомъ, которыя распорядитель съ такою учестью ввелъ въ это мастерское созданіе гастрономическаго генія, и которыя сообщили его творенію столько широкихъ чертъ, глубины, прочности и достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, эклектическая кухня приняла съ успѣхомъ много Англійскихъ блюдъ и обычаевъ. Не говоря о ростбифѣ, пуддингѣ, супѣ à la tortue, соѣ, и прочая, и прочая, должно замѣтить, что обыкновеніе класть въ супъ пармезанъ и пить послѣ супа мадеру, введенное въ Европу княземъ Таллераномъ, есть одно изъ важнѣйшихъ завоеваній, сдѣланныхъ этимъ великимъ дипломатомъ у Великобританскихъ Острововъ въ пользу материка. Что сказать о бифстекѣ? О бифстекѣ, которому Англичане обязаны своими цвѣтущими лицами, исправностью своихъ желудковъ, ясностью своихъ понятій, дальновидностью своей политики, могуществомъ своимъ на морѣ и завоеваніемъ Индіи? Гастрономическая Европа произнесла свой приговоръ: *хорошо сдѣланный* бифстекъ получилъ вѣнецъ победы надъ всеми твореніями поварскаго пожа. Въ наше время, на цѣломъ материкѣ Европы, не подписываютъ ни одного трактата, не закладываютъ ни одного зданія, не собираются въ ученые засѣданія, не принимаютъ мѣръ противъ холеры, не ѣдутъ гулять за городъ, не пишутъ вдвоемъ поэмы и не загв-

взаютъ адской интриги, но призывая напередъ въ помощь свѣжіе, нѣжные, естественныя, каплющіе кровавыя оокожъ пласты воловьей спины, съ тѣмъ, чтобы они приготовили присутствующіе желудка къ трудамъ, умы къ соображеніямъ, мужества къ опасностямъ, сердца къ сладостнымъ чувствамъ или къ сильнымъ и ужаснымъ ощущеніямъ. Бѣстекъ сдѣлался утѣшителемъ чабовъ утреннихъ, полуденныхъ и вечернихъ, любимцемъ всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ, всѣхъ кармановъ, всѣхъ апѣтитовъ. Къ нему беременная женщина чувствуетъ прихоть, философъ имѣетъ слабость, бѣднякъ несчастную страсть, богачъ влеченіе, дипломатъ обожаетъ его во милости позднихъ обидовъ, лакомка глотаетъ его изъ обжорства, франтъ хлопочетъ объ немъ по глупости, докторъ кушаетъ его всегда съ глубочайшимъ убѣжденіемъ. Новая эра начинается для желудковъ: бѣстекъ будетъ главою новой кастрюльной школы въ Европѣ. Онъ открываетъ народамъ, погруженнымъ въ жирныхъ, пряныхъ и тяжелыхъ соусовъ старипы, въ каменныхъ фаршахъ, убійственныхъ пирожнихъ, колбасахъ, окорокахъ, кухню простую, естественную, сочную, здоровую, красную и невинную какъ уста неспорченной дѣвицы; объясняетъ своимъ примѣромъ истинную теорію жариванія; предлагаетъ небажъ новыя ощущенія смачности, носамъ — незнаемыя, чреватые будущностью запахи. Уже переверотилъ онъ вкусъ во всѣхъ ртахъ отъ полюса до полюса, преобразовалъ искаженные злоупотребленіями языки, и бросилъ въ необразованныя кастрюли первыя семена слабой кухонной реформаци, которая неизбежна. Все предвѣщаетъ скорое и коренное возрожденіе національных кухней въ Европѣ, оставшихся отъ вѣковъ феодаальности, Ганзы и Самозванцевъ, подъ вліяніемъ этого румянаго пришлеца съ Великобританскихъ Острововъ. Изъ развалинъ нашей обветшавшей кухонной посуды, возникнетъ правильная, незапутанная духами, легковаримая система: желѣзные очки на парахъ, механическіе вертелы, патентованные рошты, фанцовыя кастрюли, нейзильберовыя сковороды составятъ прочный незыблемый пьедесталъ этой величественной колонны, на вершинѣ которой явится, въ вѣнецъ побѣды, ломтикъ бѣстеку на золотой вилкѣ. Бѣстекъ стоитъ те-

перь въ челя умственнаго движенія Европы, которую ведетъ онъ исполненными шагами, черезъ тѣлесное благоденствіе, къ основательнымъ нравственнымъ улучшеніямъ, и современемъ доведетъ неперемѣнно, съ одной стороны, до здраваго смысла, съ другой до каменнаго здоровья мамонтовъ, паліотеріоновъ и другихъ вреднотопныхъ чудовищъ. По его голосу, какъ горы по голосу Юпитера, поколебались на своихъ основаніяхъ у Нѣмцевъ блутвурсты, у Поляковъ зразы, у Французовъ холодныя паштеты, у Испанцевъ olle putride, у Италіянцевъ макароны, и Шведовъ сырое сало, у Голландцевъ вибирь въ сахаръ, у Русскихъ сушенныя грибы, и на тѣхъ же блюдахъ, откуда эти и другія подобныя чугуныя яства разсыпали боль желудка, тяжесть головы, корчи, воспаленія, предсталъ единоплеменникъ Байрона, коровьей оспы, паровыхъ машинъ, чугуныхъ дорогъ, страховыхъ компаній, благородный блестекъ, во всей пухлости своей, съ живымъ, еще кружащимъ внутри его первобытнымъ сокомъ,—и, его волшебною силою, порядокъ процвѣлъ въ жилахъ, тѣла пополняли, блѣдныя лица заблестали розовымъ румянцемъ, головы проснулись, мысль стала вырабатываться обильно: дымятся лбы идеями, сверкають мозги тысячью дивныхъ затѣй, въ самыхъ темныхъ черепахъ теплятся свѣтлые помыслы. Покушавъ блестеку, легкомысленный Французъ дѣлается важнымъ, Италіянки начинаютъ учить азбуку, Нѣмцы пишутъ понятно, Турки смѣются надъ Алкораномъ, Русскіе купцы посылають сыновей въ университеты. Въ Европѣ образовался общій образъ мыслей: вражды поколѣній утихли, міръ водворился, народы занялись промышленностью, всѣ рты пришли въ единоголасіе, всѣ желудки поняли другъ друга, и для нихъ теперъ «уже нѣтъ Пирепей». Но полно объ этомъ.

Пора оставить историческую часть кухни,—кажется, мы обещали быть краткими?—и перейти къ теоріи гастрономіи. Древніе начинали искусство краснорѣчія размышленіями объ ораторъ, мы начнемъ размышленіями о поварѣ.

По мигвнію нашему, благомыслящій человекъ долженъ отпустить (если онъ у него есть) Французскаго гувернера, а взять на его мѣсто Французскаго повара. Польза отечества и его личная, отъ этого, очевидны. Въ Мерсіеро-

вомъ *Tableau de Paris* заключается нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть полезны при избраніи повара. Посредствомъ долгаго и безкорыстнаго изученія предмета, онъ получилъ возможность распределять ихъ по провинціямъ. «Самые лучшіе повара», говоритъ Мерсіе, «родомъ изъ Пикардін; за ними слѣдуютъ Орлеанцы; потомъ повара изъ Фландріи, Бургони, Франшь-Конте, Лоррена. Парижане занимаютъ предпоследнее мѣсто; Нормандцы послѣднее». Но недовольно еще выбрать повара: ваша обязанность, и, что еще болѣе, ваша выгода требуютъ, чтобы вы имѣли рачительный и непрерывный надзоръ за его здоровьемъ. Трудно передать настоящіе правила объ этомъ предметѣ безъ извлеченія изъ превосходнаго сочиненія «О здоровьѣ поваровъ», которымъ мы обязаны перу самаго Гримо-Делареньера.

«Указательный палецъ хорошаго повара долженъ безпрестанно путешествовать отъ кастрюль къ языку и обратно, и не иначе, какъ посредствомъ такого ежеминутнаго отвѣдыванія своихъ произведеній, можетъ онъ опредѣлить съ точностью ихъ приправу и зрѣлость. По этому необходимо, чтобы небо во рту его было одарено особенною чувствительностію, и чтобы малѣйшая бездѣлица могла раздражить его и предостеречь отъ заблужденій. Но всегдашній запахъ очага; необходимость пить часто и болѣею частію дурное вино, иногда даже напиваться, для освѣженія разожженнаго горла; испаренія отъ угольевъ; наконецъ мокроты и желчь, приведенныя огнемъ въ движеніе, ослабляютъ его способности: все это содѣйствуетъ къ быстрому поврежденію органа вкуса въ поварѣ. Небо во рту покрывается какою-то корою; въ немъ нѣтъ болѣе той разборчивости, той тонкости, той отмынной нѣжности, отъ которыхъ зависить воспримчивость органа вкуса; оно черствѣетъ и дѣлается такимъ же нечувствительнымъ какъ совѣсть стараго судьи.

«Для возвращенія небу потеряннаго цвѣта, для оживленія его гибкости, его нѣжности и силы, есть только одно средство: надобно часто давать повару слабительное, какъ бы онъ ни противился этому: между ними есть негодяи, которые, не внемля голосу славы, не видятъ нужды принимать лекарство, когда чувствуютъ себя здоровыми!»

Но, заставляя повара принимать слабительное, для того, чтобы не заболеть самимъ, мы должны соблюдать и для его пользы великое правило повареннаго искусства, — объявлять въ урочное время: точность гостей къ определенному часу есть главная стихія успѣха хорошаго повара. Лучшій артистъ въ мѣрѣ ничего не сдѣлаетъ для людей, которые неаккуратно вѣдятъ. Опаздывающихъ къ обѣду надлежало бы объявлять извинниками общества. Кроме того, что обѣдъ портится и репутація величайшаго повара подвергается опасности, аппетитъ ожидающихъ можетъ быть поврежденъ, и даже вовсе уничтоженъ: тогда челюсти не вымьютъ болѣе того дружнаго движенія, которое отличаетъ всякое правильное занятіе, и нѣтъ возможности определить слѣдствій разстройства для желудка, который оно влечетъ за собою.

Нѣсколько размышленій объ удовольствіяхъ стола могутъ послужить къ разсѣянію предубѣжденій, существующихъ противъ лакомокъ, которыхъ высокое назначеніе слишкомъ часто смѣшивается невѣждами съ понятіями обжорства и невоздержности.

Удовольствіе есть у насъ общее съ животными: оно просто предполагаетъ голодъ и то, что нужно для удовлетворенія его. Удовольствіе стола свойственно только одному человѣческому роду; оно предполагаетъ предварительное вниманіе къ изготовленію кушанья, къ выбору мѣста, къ составу общества гостей. Удовольствіе есть требуетъ, если не голода, по-крайней-мѣрѣ аппетита; удовольствіе стола бываетъ болѣею частію независимо отъ обоихъ.

Нѣкоторые поэты жаловались, что шея, по причинѣ своей короткости, мѣшаетъ продолжительности наслажденія вкуса; другіе оплакивали ограниченный объемъ желудка, который, по вычисленіямъ, не можетъ содержать въ себѣ болѣе двухъ четвертей мяса; а Римскіе вельможи, чтобы скорѣе добраться до втораго кушанья, прибѣгали къ мѣрамъ, освобождающимъ человѣка отъ обязанности прежде сварить въ желудкѣ первое. Изящество нашихъ нравовъ не допускаетъ такого обыкновенія; но мы сдѣлали лучше и достигли до той же цѣли средствами, которыхъ не возбраняетъ хорошій вкусъ. Изобрѣтены блюда столь привлекательныя,

что они непрерывно возобновляют анестетъ, и въ то же время столь легкія, что они льстятъ нашему рту, не отягощая желудка. Сенека называлъ бы ихъ *pubes esculentae*, «съестными облаками». Мы, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлали такіе успѣхи въ этомъ отношеніи, что, еслибы дѣла не заставляли насъ вставать изъ за стола и не было надобности во снѣ, мы могли бы продлить до безконечности наши обѣды и ужины.

Но нетерпѣливый читатель вѣроятно воскликнетъ: какими же образомъ долженъ быть устроенъ обѣдъ, чтобы въ немъ соединялось все необходимое для высочайшихъ наслажденій стола? на этотъ вопросъ знаменитый Брилья-де-Саваренъ отвѣчаетъ слѣдующее:

«1. Собесѣдниковъ должно быть не болѣе двѣнадцати, съ тѣмъ, чтобы разговоръ былъ постоянно общимъ.

«2. Они должны быть избраны такъ, чтобы званія ихъ были различными, а вкусы сходные; они должны состоять между собою въ такихъ отношеніяхъ, которые дѣлали бы ненужнымъ ненавистный обрядъ представленія.

«3. Столовая комната должна быть великолѣпно освѣщена, скатерть отличной чистоты (?!!), и температура отъ тринадцати до пятнадцати градусоу Реомюра.

«4. Мужчины должны быть остроумны безъ притязаній; женщины — любезны безъ слишкомъ большаго кокетства.

«5. Блюда должны быть самыя отборныя, но не многочисленныя, а вина перваго достоинства.

«6. Последовательность кушаній должна быть такая, чтобы отъ самыхъ питательныхъ блюдъ переходили къ самымъ легкимъ, и отъ самыхъ крѣпкихъ винъ къ самымъ благоуханнымъ.

«7. Вѣсть должно съ осмотрительностью, потому что обѣдъ есть послѣднее дневное занятіе, и гости должны почитать себя путешественниками, у которыхъ вѣсть одно назначеніе.

«8. Кофе долженъ быть горячъ, лиеры выбраны самимъ хозяиномъ.

«9. Гостиная должна быть такъ велика, чтобы въ ней могъ помѣститься карточный столъ для тѣхъ, которые не могутъ обойтись безъ этого, и оставаться довольно мѣста для тѣхъ, которые не играютъ.

«10. Гостей должна удерживать пріятность общества; они должны быть одушевлены надеждою, что вечеръ не пройдетъ безъ какихъ-нибудь дружескихъ наслажденій.

«11. Чай не долженъ быть крепокъ; поджаренные ломти хлѣба должны быть ученымъ образомъ намазаны масломъ, и пушисть отличнай.

«12. Гости должны расходиться не ранѣе одиннадцати часовъ, но въ двенадцать каждый долженъ уже быть въ постель.

«Если кому случилось провести день такимъ образомъ, и все двенадцать условій были исполнены, онъ можетъ похвалиться, что присутствовалъ при произведеніи себя въ безсмертные боги.»

Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ подробности всѣхъ условій, которыя должно соблюдать, когда хочешь обѣдать, какъ подобаешь существу разумному, однако выпишемъ нѣсколько статей изъ Code des Gourmands, или «Устава Лакомокъ,» хотъ для того, чтобъ показать, что есть правила на все.

Г л а в а I.

§ 3. Время приглашенія определяется важностью обѣда или ужина. Для большей вѣрности, приглашеніе должно быть сдѣлано не мѣнѣе какъ за три дня и не болѣе какъ за три года впередъ.

§ 4. Если обѣдъ будетъ украшенъ чѣмъ-нибудь отличнымъ, объ этомъ должно упомянуть въ постъ-скриптѣ, написавъ— «Будетъ картъ», какъ пишется— «Будетъ музыка для танцевъ».

§ 5. Вазы съ цвѣтами навсегда прогоняются со стола настоящаго лакомки, хотъ бы каждая изъ нихъ стоила три тысячи: вмѣсто цвѣтовъ лучше поставить самое скромное блюдо, лишь бы только пространство, принадлежащее рту, не было занято предметами, которыхъ онъ не можетъ покорить себѣ.

Г л а в а II.

§ 1. Гость, знающій приличія, не долженъ начинать разговора ни остриться до четвертой перемены тарелокъ, включительно, то есть: до тѣхъ поръ, пока обѣдъ есть вопросъ о суточной жизни человека отыскать отъ него вниманіе общества неблагоприятно и опасно.

§ 2. Всякая начатая фраза должна быть прервана при появленіи вандѣки съ трюфлями.

§ 3. Въ теченіе первой части обѣда гость, который сидитъ подлѣ милой и молодецкой гостыни обязанъ ей только внимательностью; во время второй части онъ долженъ быть любезнымъ съ нею; онъ можетъ быть вѣжливымъ при десертѣ, чувствительнымъ послѣ первой рюмки шампанскаго; послѣ третьей рюмки, позволяется ему слегка пожать ножку своей сосѣдкѣ.

Природа создала женщину лакомкою. Къ несчастію, многія женщины забываютъ въ наше время свое высокое при-

званіе, хотя онъ снабжены для этого всеми нужными качествами, особенно тою тонкостью и чувствительностью вкуса, которыя составляютъ основаніе гастрономіи и поварской славы. Съ тѣхъ поръ какъ въ Европѣ сдѣлались извѣстными глупые предразсудки лорда Байрона и тайнаго совѣтника Гёте противъ объѣдалокъ, дамы начали притворяться, будто имъ все равно, что онѣ ни ѣдятъ. Послушайте, сударыни, что говорить объ этомъ авторъ «Физиологіи вкуса», который зналъ болѣе толку въ застольныхъ дѣлахъ, чѣмъ всѣ Англійскіе и Нѣмецкіе пинты.

«Любовь къ удовольствіямъ стала во всѣхъ отношеніяхъ прилична женщинамъ: она превосходно согласуется съ нѣжностью ихъ органовъ и служить имъ вознагражденіемъ за тѣ наслажденія, отъ которыхъ онѣ должны воздерживаться, и за тѣ непріятности, на которыя, повидимому, обрекла ихъ природа. Нѣтъ ничего милѣе хорошенькой ланочки подъ ружьемъ: салфетка ея приложена со вкусомъ; одна изъ двухъ бѣлыхъ и полныхъ ручекъ опирается на столъ, другая переноситъ къ розовому ротвику маленькіе, красно нарезанные кусочки или крыло куропатки, которое нужно оглодать; глаза ея сверкаютъ какъ въ часъ любви, губы блестятъ какъ послѣ поцѣлуя, разговоръ блистателенъ, всѣ движенія дышатъ прелестью, все существо приправлено той редкою прелестью кокетства, которою женщина умѣетъ приправлять все на свѣтѣ. Съ такими преимуществами она непобѣдима, и самъ Катонъ Ценсоръ проглотилъ бы ее въ ту минуту.»

Въ природной склонности прекраснаго пола къ удовольствіямъ стола есть что-то инстинктивное, потому что объѣденіе благопріятствуетъ красотѣ. Рядъ точныхъ и строгихъ наблюденій доказалъ, что старательное употребленіе сочной и нѣжной пищи отдалаетъ на долго внѣшніе признаки старости: оно сообщаетъ болѣе блеска глазамъ, болѣе свѣжести кожѣ, болѣе крѣпкости мускуламъ; и такъ какъ изъ Физиологіи извѣстно, что расслабленіе мускуловъ есть настоящая причина морщинъ, этихъ грозныхъ враговъ нѣжнаго пола, то можно сказать съ такою же справедливостью, что, при равенствѣ всего прочаго, женщины, умѣющія ѣсть, по-крайней-мѣрѣ десятью годами моложе тѣхъ, которыя пренебрегаютъ это знаніе. Парижанки славятся долгимъ сохраненіемъ молодости, но это замѣчательное явленіе происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ совершенства Парижской кухни. Наши свѣрныя женщины, которыя старѣютъ

ся такъ скоро, большею частію обязаны этимъ бѣдствіемъ тяжелому, нездоровому и мало питательному столу, — шамъ, грибамъ, пирожному и прочая. Живописцы и ваятели глубоко проникнуты этою истинною: изображая людей, наблюдающихъ строгое воздержаніе по обязанности или по собственному желанію, они всегда даютъ имъ болѣзненную блѣдность, худошавость нищеты и морщины дряхлости. Замѣьте это, сударыни! Сверхъ-того, любовь хорошаго стола имѣетъ чрезвычайно замѣчательное вліяніе на счастье въ супружествѣ: два супруга, одаренные такою склонностью, имѣютъ по-крайней-мѣрѣ разъ въ сутки пріятную причину свиданія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ супружествѣ музыка тоже весьма сближаетъ два сердца, давшія подписку вѣчно любить другъ друга; но ею надобно постоянно заниматься, — это трудъ! Притомъ, вы можете простудиться; можетъ случиться, что подъ рукою нѣтъ нотъ, что фортепіанъ разстроены, что у васъ обоихъ хандра, или что день траурный. Напротивъ, когда дѣло идетъ о наслажденіяхъ желудка, общее влеченіе призываетъ періодически супруговъ въ столовую; одинаковыя наклонности удерживаютъ ихъ тамъ какъ-можно долѣе; они, весьма естественно, оказываютъ другъ другу тѣ небольшія услуги, которыя дышать желаніемъ угодить и сближаютъ сердца. Вообще образъ ихъ обѣдовъ и ужиновъ существенно входитъ въ счастье жизни. Это замѣчаніе, довольно новое у насъ, не ускользнуло отъ Англійскаго романиста Фильдинга: онъ развилъ его въ своемъ романѣ «Памела», описывая, какъ двѣ брачныя четы оканчиваютъ день. Мы знаемъ супруговъ, которые ссорятся всякое Божіе утро и не расходятся единственно потому, что, будучи, оба охотники хорошо покушать, они регулярно примиряются за обѣдомъ, котораго благотворное вліяніе продолжается обыкновенно до слѣдующаго утра.

Просимъ однако жъ нашихъ читателей и читательницъ замѣтить, что мы говоримъ здѣсь только о разсудительныхъ и изящныхъ удовольствіяхъ стола. Если эти удовольствія переходятъ въ обжорство, ненасытность, невоздержаніе, они теряютъ свое имя, уклоняются изъ подъ нашей расправы и попадаютъ подъ судъ правоучительнаго филосо-

фа, который укрощает ихъ своею моралью, или доктора который посыпаетъ ихъ своими порошками. Лакомиться и объедаться — двѣ совсѣмъ различныя вещи. Лакомятся — люди съ умомъ и вкусомъ; объедаются — только болваны.

Не всякъ, кто вздумаетъ, можетъ быть лакомкою. Есть такіе, которымъ сама природа отказала въ тонкости органовъ или въ наблюдательномъ вниманіи, а при этихъ двухъ недостаткахъ самыя сочныя и прѣжныя блюда проходятъ незамѣченными. Физиологія уже обнаружила причину недостатка, показавъ намъ языкъ этихъ несчастныхъ созданий, скудно снабженный нервами для вдыханія и обсуживанія летучихъ истеченій положеннаго въ ротъ глотка. Эти истеченія возбуждаютъ въ нихъ только тупое чувство; подобныя люди — въ отношеніи къ предметамъ вкуса тоже, что слѣпые относительно свѣта. Ко второму разряду принадлежатъ разсѣянные, болтуны, люди дѣловые, честолюбцы и всѣ тѣ, которые хотятъ дѣлать двѣ вещи разомъ и ѣдятъ какъ волы, — только для того, чтобы набить брюхо. Таковъ, напримѣръ, былъ Наполеонъ: онъ ѣлъ безъ всякой разборчивости, скоро и дурно. Лишь только онъ чувствовалъ аппетитъ, въ ту же минуту надобно было удовлетворить его, и кухня его была устроена такимъ образомъ, что во всякое время и во всякомъ мѣствѣ щипцата, котлеты и кофе могли быть поданы по первому слову.

Посмотрите, какъ природа жестоко наказываетъ тѣхъ, кто презираетъ ея законы! И какъ мщеніе ея извергается всегда на то, что вамъ всего дороже! Наполеонъ проигралъ два рѣшительныя сраженія и оттого только, что не умѣлъ ѣсть. Привычка ѣсть скоро и безъ вниманія была причиною слабости его генія въ двухъ самыхъ критическихъ случаяхъ его жизни, — при Бородинѣ и при Лейпцигѣ, которыя онъ могъ бы превратить въ блистательныя победы, если бы былъ хорошей гастрономъ. Известно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ былъ разстроенъ духомъ отъ несваренія желудка. Также самое испыталъ онъ и въ третій день Дрезденской битвы: сочинитель прелестныхъ фантастическихъ сказокъ, Гофманъ, который самъ былъ въ это время въ городѣ, утверждаетъ, что Французскій императоръ сдѣлалъ бы несравненно больше, если бы не помѣшали ему слѣдствія бараньей лопатки

съ лукомъ, — блюда, съ которымъ, относительно несваримости, можно сравнить только ботвинью и пушечныя ядра.

Есть существа, predeterminedенныя къ званію лакомки, — существа, избранныя природою, которыхъ она дѣлаетъ какъ первенецъ своихъ, какъ дѣтей, понимающихъ ея цѣли, какъ чадъ, умвующихъ въ ея достойнымъ образомъ. У такихъ существъ лица полныя, широкія; глаза блестящія и нѣсколько прижмуренныя: лбы не высокіе; носы короткіе и лоснящіяся; губы толстыя и круглыя подбородки. Женщины этого разряда бываютъ скорѣе хорошенькіе чѣмъ красавицы, полны тѣломъ, вообще склонны къ умѣренной тучности. Подъ этою-то наружностью находите самыхъ пріятныхъ гостей; они берутъ все, что имъ подаютъ; ѣдятъ тихо и отвѣдываютъ съ размышленіемъ. Они никогда не спѣшатъ уйти изъ дома, гдѣ хорошо покушали, и вы можете положиться на нихъ въ сужденіи вечера, потому что они знаютъ всѣ игры, всѣ средства убивать время, которыя составляютъ обыкновенную принадлежность гастрономическихъ собраній.

Напротивъ того, у людей, которымъ природа отказала въ способности къ наслажденіямъ вкуса, носы всегда длинныя какъ единороги, лица долги и глаза навязать. Какое бы ни было ихъ ростъ, въ приѣмъ ихъ есть всегда какая-то долготя. Волосы у нихъ прямыя, и особенно страдаютъ они недостаткомъ приличной полноты тѣла. Женщины, обреченныя на подобное несчастье, тощи, угловаты, за столомъ чувствуютъ усталость, и живутъ однимъ часомъ и минутами.

Есть много способовъ подтвердить эту теорію на дѣлѣ и различать истинныхъ природныхъ лакомыхъ отъ гастрономовъ самозванцевъ, которые часто опасны для вашего обѣда чѣмъ люди безъ языка. Мы ограничимся только однимъ, благоразумнымъ употребленіемъ того, что называется «блюдами испытательными», или *эпруветами*.

«Подъ словомъ *épreuves*, говоритъ Брилья-де-Саваренъ, разумемъ мы блюда, которыхъ отменная вкусность признана всѣми, — блюда, до того несомнительно-превосходныя, что одно ихъ появленіе должно раздражить въ человѣкѣ съ надлежащею организаціею всѣ органы питанія и вкуса:

того, кто передъ подобнымъ блюдомъ не обличаетъ во взорѣ огня вождьенія, а на лицѣ яркаго румянца восторга, можно смѣло почитать недостойнымъ чести участвовать въ гастрономическомъ застѣданіи и пользоваться счастьемъ, которое соединено съ нимъ. Конечно, эти *эпруветы* можно ѣсть, потому что они всегда бываютъ перло обѣда: тогда они называются «эпруветами положительными»; но отличный гастрономъ-хлѣбосоль утопчаетъ еще это изобрѣтеніе, предлагая гостямъ своимъ, въ которыхъ онъ не совсемъ увѣренъ, эпруветы *отрицательные*. Когда, напримеръ, блюдо высокаго достоинства внезапно уничтожено или съ нимъ приключается какое нибудь несчастіе, вы должны замѣтить выраженіе лицъ гостей вашихъ и такимъ образомъ опредѣлить степень желудочной чувствительности каждаго.» Мы объяснимъ этотъ вопросъ анекдотомъ.

Кардиналъ Фешъ, — имя почетное въ летописяхъ гастрономіи, — пригласилъ однажды къ обѣду многочисленное общество сановниковъ. По счастливому случаю, утромъ того самаго дня его свѣтлости были присланы въ подарокъ двѣ вьюшки необыкновенной величины. Подать обѣихъ было бы смѣшно; за вѣкъ тѣмъ кардиналу чрезвычайно хотѣлось похвастать обѣими. Онъ сказалъ о своемъ затруднительномъ положеніи шефу своей кухни, знаменитому сочинителю «Королевскаго Повара», который давно уже переведенъ по-Русски Г. Левшинымъ. — «Будьте спокойны, ваша свѣтлость!» отвѣчалъ онъ: «обѣ явятся за столомъ; обѣ получатъ приѣмъ, котораго онѣ заслуживаютъ.» Обѣдъ былъ поданъ: одна изъ вьюшекъ явилась послѣ супу. Раздался единогласный, восторженный, благоговѣйный, восклицанія: то было положительное испытаніе. Метръ-д'отель выступаетъ; двое слугъ поднимаютъ чудовище для того, что бы вынести и разрѣзать его, вдругъ одинъ изъ нихъ теряетъ равновѣсіе, — слуги и вьюшка вмѣстѣ падаютъ на полъ. При этомъ горестномъ зрѣлищѣ, гости поблѣднѣли какъ смерть и торжественное молчаніе воцарилось въ гастрономическомъ конклавѣ, — и это была минута отрицательнаго эпрувета. Метръ-д'отель тотчасъ обращается къ официантамъ и съ величайшимъ хладнокровіемъ приказываетъ имъ: «Принесите другую вьюшку.» Она явилась, и положительный эпруветъ былъ возобновленъ со славою.

«Вы увидите, какую книгу напишу я о поваренномъ искусствѣ, сказалъ знаменитый Джонсонъ,— читатель безъ сомнѣнія замѣтилъ, что мы уже въ третій разъ ссылаемся на авторитетъ этого философа: — женщины могутъ очень хорошо прѣсть, но онъ не въ силахъ написать хорошей книги о поваренномъ искусствѣ. Я могъ бы сочинить самую лучшую изъ всѣхъ книгъ, какія только существуютъ объ этомъ предметѣ: это было бы твореніе, основанное на философскихъ началахъ». Ude совершилъ то, о чемъ только думалъ великій моралистъ. Его «*Сoincier Francais*» основанъ на чистѣйшихъ началахъ практической философіи, и содержитъ въ себѣ почти все, чего можно желать въ этого рода сочиненія.

Разбирать его поварскіе рецепты было бы неумѣстно: мы обратимъ вниманіе читателей только на одинъ изъ всѣхъ, которые находятся въ книгѣ; дѣло идетъ о содраніи кожи съ угрей.

«Возьмите одного или двухъ живыхъ угрей, бросьте ихъ въ огонь, и пока они извиваются во всѣ стороны, держите ихъ, загнувъ руку полотноцемъ, и снимайте кожу отъ головы до хвоста: этотъ способъ—самый лучший и притомъ рациональный, потому что только такимъ образомъ можно отделить отъ угря весь жаръ, который отвратителенъ для вкуса и не варится въ желудкѣ. Разрѣжьте угря на куски, не распарывая брюха; потомъ всуньте ножъ въ пустую часть, и поверните его для извлеченія внутренности.

«Нѣкоторые критики и журналисты, прибавляетъ онъ, обвиняли меня въ жестокости, потому что я совѣтую жарить живыхъ угрей. Такъ какъ мои познанія въ поваренномъ искусствѣ были всегда устремлены не къ «рыболобію», а къ «человѣколюбію»,—къ услажденію вкуса и сбереженію здоровья обѣдующаго класса, то я считаю долгомъ просвѣщеннаго артиста обращать главное вниманіе на все, что касается до того или другаго, и презираю подобныя нападки. Слая шкура и жиръ, которыя остаются, когда угорь уже ободранъ, дѣлаютъ его въ высочайшей степени тяжелымъ для желудка. Если бы какой-нибудь изъ этихъ журналистовъ испыталъ и тотъ и другой способъ, онъ нашелъ бы, что изжаренные угри гораздо здоровѣе: впрочемъ они могутъ дѣлать, что имъ угодно,—жарить угря или сдирать съ него шкуру, какъ съ сочинителя.»

На этотъ аргументъ не можетъ быть возраженія. Г. Ude могъ бы еще очень удачно употребить въ свою пользу на-
Т. XII — Отд. IV. 67,

чала высшей кухонной философии и доказать не только что сдвраніе кожи съ живаго угря въ огонь есть вещь самая естественная и благоразумная, но что даже сами угри любить такія операціи и гордятся этимъ. Ему стоило только надѣлать угря тѣмъ благороднымъ терпѣніемъ, которое приписывали гусю, подготовляемому для знаменитаго *rôté de foie gras*, — паштета изъ гусиной печени, выше и совершеннѣе котораго пѣтъ ничего въ гастрономическомъ мірѣ. «Чтобы эта печенька была надлежащей величины,» говорятъ одинъ изъ писателей Альманаха *Ланомокъ*, «надобно пожертвовать самымъ животнымъ. Упитанный кормомъ, лишенный нитѣй и безпрерывно находясь близъ большаго огня, предъ которымъ онъ привязанъ за ногу къ доскѣ, гусь, надобно признаться, ведетъ жизнь не слишкомъ пріятную. Мученіе было бы даже нестерпимо, если бы мысль о блестящей судьбѣ, которая ожидаетъ его въ Страсбургскомъ паштетѣ, не служила ему утѣшеніемъ. Но такая будущность заставляетъ гуся мужественно переносить свои страданія, и при воспоминаніи, что его огромная печенька, обложенная трюфлями и облепченная въ ученое тѣсто, посредствомъ искусства Г. Корселлѣ разнесетъ по цѣлой Европѣ славу его имени, онъ покоряется своей участи и терпитъ, не проливая ни одной слезы.»

Мы спѣшимъ къ концу, но сдѣлали бы важный пропускъ, если бѣ единственно для того, что объшали не быть учеными, не упомянули въ этомъ озерѣ позаренной литературы, о сочиненіи доктора Проуга, *On the ultimate composition of alimentary substances*, о которомъ недавно говорили почти все журналы. Переходъ отъ *rôté de foie gras* къ блюдамъ, какими мы теперь займемъ нашихъ читателей, повстинѣ ужасенъ; но, дѣлать нечего, должно, подобно великодушному гусю покориться судьбѣ, тѣмъ болѣе, что мы просимъ ихъ только читать, а не кушать.

Докторъ Проугъ разсуждаетъ очень учено о конечномъ составѣ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, — всѣхъ тѣхъ блюдъ (онъ, какъ докторъ, называетъ ихъ *веществами*), о которыхъ мы доселѣ говорили. Кажется, что разнообразная пища всего здоровѣе для человѣка, и что приличная смѣсь растительныхъ и животныхъ аствъ приноситъ ему

наибольше пользы. Браминны, живущіе однимъ сарацннскимъ ишениомъ, недолговѣчны и вообще слабого сложенія; животныя, которыхъ кормили вдоволь однимъ родомъ пищи, впрочемъ веществомъ очень питательнымъ, какъ напримвръ, сахаръ или бѣлый хлѣбъ, умирали со всеми признаками голода. Эписмосы, вынуждены класть въ рыбій жиръ хоть деревянныхъ опилокъ, чтобъ примышать къ нему что-нибудь и, сверхъ-того, дать ему объемъ для достаточнаго наполненія желудка, безъ чего желудокъ всегда голодеиъ, какъ бы его ни подчивали питательными веществами; нѣкоторые племена въ южной Америкѣ, напримвръ, Огомекн, глотаютъ, по словамъ Гумбольдта, шарикн весьма тонкой и жирной глины желтовато-дынаго цвѣта, когда наводненія Ороноко лишатъ этихъ бѣдняковъ обыкновенной ихъ рыбной пищи; Кнзгейзерскіе каменоломы намазываютъ подобную глину на хлѣбъ вмѣсто масла: это похоже на привычку, есть грязь, — что медикн называютъ *risa*, — замѣчаемую иногда у Вестъ-Индскихъ негровъ, какъ признакъ худаго пищеваренія. Вся такіа кушанья только растягиваютъ желудокъ; они не имѣютъ ни какой питательности, но, тѣша ужасное чувство истощенія, они укрощаютъ на время требованія природы. Между-тѣмъ Гумбольдтъ упоминаетъ объ одномъ обстоятельстве, которое, признаемъ чистосердечно, кажется намъ неизяснимымъ: онъ говоритъ что Огомекн не худѣютъ во весь длинный постъ, которому подвергаетъ ихъ наводненіе. Докторъ Воластонъ сдѣлалъ очень важноезамѣчаніе, что животныя, питающіяся исключительно животными яствами, отдѣляютъ болѣе мочевоы кислоты, — въ другихъ словахъ, что они болѣе подвержены каменной болѣзни, нежели тѣ, которыя кормятся надлежащей смѣсью животнаго и растительнаго вещества. Объ этомъ же сдѣлано было другое замѣчаніе, теперь совершенно подтвердившееся опытомъ: какъ этотъ родъ недуговъ сопровождается сильнымъ расположеніемъ къ худому пищеваренію, которому признакомъ служить частое омыщеніе такъ называемой кислоты въ желудкѣ, то лучшее питье, какое можно посоветовать страждущимъ, есть жесткая вода, заключающая известковыя частичцы въ растворѣ.

Должно замѣтить, что физиологи считаютъ питательны-

ни въ собственномъ смыслѣ одинъ органическія вещества, то есть, такія, которыя заимствованы изъ животнаго или изъ растительнаго царства. Другія вещества могутъ приносить пользу, или дѣлая ихъ удобоваримые, какъ напримеръ вода, или возбуждая дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, какъ обыкновенная соль, которая производитъ однако жъ не только это, но служить еще въ другихъ важныхъ отправленіяхъ животной экономіи.

Докторъ Проутъ доказалъ очень ясно, что главныя питательныя вещества человека можно раздѣлить на три порядка, то есть, на сахаристыя, маслянистыя и бѣлковатыя, которыхъ совершеннѣйшіе образцы— сахаръ, коровье масло и яичный бѣлокъ. Сахаристый порядокъ, въ обширномъ его смыслѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ вещества, которыя преимущественно получаютъ изъ растительнаго царства, и значить то же самое, что обыкновенно называютъ растительною діетой. Онъ простирается на всѣ тѣ вещества, — каковы бы впрочемъ ни были ихъ осязательныя свойства,—въ составъ которыхъ водородъ и кислородъ входятъ въ томъ содержаніи, въ какомъ они образуютъ воду: напримеръ, и волокно дерева, которое химики называютъ древесной, лигниной. Требовалось большого искусства и опытности въ приѣмахъ для полученія такого вывода; но питательность древесныхъ волоконъ доказана новѣйшими трудами Тюбингенскаго профессора Ауценрита до такой степени, что всякой можетъ смѣло дѣлать изъ нихъ хлѣбъ. Мы однажды уже говорили нашимъ читателямъ объ этомъ любопытномъ открытіи. Профессоръ Ауценритъ выдѣлываетъ муку изъ разныхъ родовъ дерева и корней, особенно изъ корня просвирки, изъ буковаго и изъ березоваго дерева, и муку эту превращаетъ въ *очень хорошій хлѣбъ*.

Фонъ-Бухъ, въ путешествіи по Норвегіи и Лапландіи, говоритъ, что Трисильдскіе Лапландцы, въ гористой части Эстерладена, пекутъ изъ коры хлѣбъ, *barke bröd*, слѣдующимъ образомъ :

«Нарубивъ, къ крайнему ущербу лѣсовъ, молодыхъ и здоровыхъ сосенъ, съ нихъ сдираютъ кору съ верху до низу; снимаютъ тщательно наружную оболочку, потомъ исподнюю, такъ, что остается только внутренняя часть, чрезвычайно мягкая и бѣлая. Ее просушиваютъ

несколько дней на воздух, а потом пекутъ въ печи; послѣ того толкутъ деревяшками и перетираютъ какъ можно мельче въ деревянныхъ сосудахъ. Но этого еще мало: ее отправляютъ на мельницу и превращаютъ въ грубую муку какъ ячмень или овесъ, мѣшаютъ съ толчеными овсяными колосьями или съ малымъ количествомъ мхового сѣмени, и пекутъ изъ этого хлѣбъ въ дюймъ толщиною. Онъ довольно питателенъ.»

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же путешественникъ говоритъ объ Эпарскихъ Лапландцахъ :

«Лѣтомъ они едва ли что-нибудь ѣдятъ, кромѣ прѣсно-озерной рыбы, и пьютъ съ большою жадностью воду, въ которой она варилась. Зимой питаются они сушеной рыбою и похлебкой изъ воды, сосновой корки и оленьяго сала. Въ лѣтнее время снимаютъ они кору, раздраютъ ее на длинныя полосы и просушиваютъ въ жилищахъ на зиму. Когда понадобится, эти полосы крошатъ намелко съ оленьимъ саломъ и варятъ несколько часовъ въ водѣ, пока они образуютъ густую кашницу.»

Немудрено, говоритъ докторъ Проутъ объ этомъ способѣ, что, во время производства, древесина соединится съ водою и составляетъ искусственный крахмалъ. Что касается до руднаго хлѣба, дѣлаемаго Г. Ауценрихомъ, мы бы очень желали его отведать, но изобрѣтеніе бѣднаго Лапландца должно быть не многимъ лучше новаго патентованнаго хлѣба въ Лондонѣ.

Кстати несколько словъ объ этой новизнѣ. Мы давно хотѣли уже сказать несколько словъ нашимъ читателямъ, чтобъ предупредить ихъ насчетъ безсмысленныхъ восторговъ нѣкоторыхъ газетъ. Известно, что, по прежнему способу печенія, паръ, поднимающійся въ печи изъ хлѣба, пускаясь на воздухъ какъ никуда негодный; но случай обнаружилъ за нѣсколько лѣтъ, что, при сгущеніи, этотъ паръ являетъ признаки алкоголя, или извипя,—и собираніе его тотчасъ стало предметомъ корыстолюбія и спекуляцій: для этого взяли привилегію и составили общество не на шутку. Кажется, и у насъ затѣвали печи, въ которыхъ можно печь хлѣбъ и, сгущая паръ его, въ то же время добывать пивникъ? Одною изъ обещанныхъ выгодъ новаго способа была та, что хлѣбъ, испеченный такимъ образомъ, сколько бы ни лежалъ, не становится кислымъ, — и это,

говорять, точная правда: но дѣло въ томъ, какъ именно и какой цѣною приобрѣтается эта неокисляемость? Кислый хлѣбъ, конечно, нехорошъ; но тотъ, который кислеть, только пролежавъ слишкомъ долго, быть-можетъ, именно такой хлѣбъ, какой намъ нуженъ. По новому способу, перегонка хлѣбнаго пара продолжается до тѣхъ поръ, пока можно: весь продуктъ броженія отдѣляется и собирается въ видѣ водки, такъ, что остающійся за тѣмъ уже просто *carut mortuum*, выморокъ, неспособный ни къ какой дальнейшей перемѣнѣ. Теперь вопросъ: не лишается ли онъ при этомъ и своего сахаристаго начала, то есть, проще, всей своей питательности? Нѣтъ, какъ вамъ угодно, а мы предпочитаемъ вѣсть нашъ православный хлѣбъ по-прежнему, — *смѣсть съ водкой*.

Но довольно о хлѣбѣ. Во Французской кухнѣ, при жареньѣ, печеньѣ и тому подобныхъ производствахъ, большую часть веществъ, съ помощію масла, подвергаютъ температурѣ, по-крайней-мѣрѣ въ 200 градусовъ Реомюра. Потомъ мочать ихъ въ небольшомъ количествѣ воды и держать нѣсколько часовъ въ температурѣ, далеко не доходящей до точки кипѣнія, быть-можетъ, не выше 60 градусовъ: такимъ образомъ самыя упорныя яства, животнаго ли или растительнаго происхожденія, превращаются болѣе или менѣе въ макоть и чрезвычайно приспособляются къ предстоящему варенію въ желудкѣ. Напротивъ того, въ обыкновенныхъ кухняхъ другихъ народовъ припасы кладутъ вдругъ въ большое количество воды и подвергаютъ безъ дальнейшей заботы температурѣ кипѣнія: слѣдствіе, разумѣется, бываетъ то, что большая часть животныхъ веществъ, вынутая изъ кипятка, тверже и неудобоваримѣе чѣмъ въ естественномъ своемъ состояніи, потому что бѣлковатыя вещества, какъ напримѣръ, яичный бѣлокъ, становятся тѣмъ жестче, чѣмъ дольше варятся. Эти замѣчанія имѣютъ часто большую важность въ медицинскомъ отношеніи. Когда силы желудка слабы, жесткая и сырая діета, напримѣръ, окровавленные бѣстекки и тому подобное, непременно причиняетъ вредъ, способствуя образованію кислоты въ желудкѣ, между-тѣмъ какъ тѣ же самыя яства, приготовленныя по началамъ Французской кухни, яш, —

что все равно, по началам здраваго разсудка, будутъ совсѣмъ безвредны для того же самаго сложенія. Вотъ почему мы сказали выше—бнѣстекъ *хорошо сдѣланный*. Бнѣстекъ бнѣстеку рознь!

Уже прежде было замѣчено, что главныя питательныя вещества могутъ быть раздѣлены на три порядка, которыхъ представителями сахаръ, масло и яичный бѣлокъ. Весьма любопытно, что молоко, единственное яство, вполне приготовляемое для насъ природою, есть составъ изъ всѣхъ трехъ порядковъ, и что всѣ травы и травобразныя вещества, употребляемая въ пищу низшими животными, содержать по-крайней-мѣрѣ два, если не три порядка. То же должно замѣтить и о животныхъ яствахъ, которыя состоятъ, по-крайней-мѣрѣ, изъ бѣлка и масла. Словомъ, нѣтъ почти вещества, употребляемаго въ пищу совершеннѣйшими животными, которое не состояло бы изъ двухъ, если не изъ всѣхъ трехъ главныхъ началъ питательности. Кожа состоитъ вся почти изъ животной студени, — вещества, близкаго въ свойствахъ къ бѣлковинѣ, и котораго чистѣйшій образецъ — рыбій клей. Съ питательностью послѣдняго всѣхъ насъ ознакомлю слишкомъ обыкновенное поваренное произведение, — бланманже. Въ дубильномъ производствѣ, кожа привлекаетъ дубъ изъ той жидкости, въ которую погружена, и образуетъ съ нимъ составъ, неразстворимый ни въ холодной водѣ, ни въ кипяткѣ и неподверженный гниенію. Этотъ составъ есть всѣмъ извѣстная выдѣланная кожа, которая хотя невкусна и не совсѣмъ удобоварима, однако жъ служила не разъ въ видѣ съвѣснаго припаса. Капитанъ Франклинъ, описывая въ путешествіи своемъ къ берегамъ Полярнаго Моря крайности голода и разныхъ другихъ лишений, которымъ онъ подвергался, между прочимъ говорить: «Передъ выходомъ въ путь все наше общество съѣло остатки своихъ старыхъ башмаковъ и доскутки кожи, какіе случались, для подкрѣпленія желудка на предстоящіе суточные труды путешествія.» Въ другой разъ капитанъ увидѣлъ, что нѣкоторые изъ его товарищей остановились между явами и подобрали нѣсколько клочковъ шкуры и костей оленя, истерзаннаго по веснѣ волками: они сожгли кости и съѣли ихъ вмѣстѣ съ кожею, а иные присокупили къ тому еще старые башмаки и немножко горпаго моху.

Объедъ изъ жженныхъ костей старыхъ башмаковъ и горнаго мочу есть тоже смѣсь животной пищи съ растительною, какъ бы впрочемъ ни была она незаманлива. Но великое начало смѣшенія оказывается наиболее въ искусственной пищѣ человека. Недовольный дикими произведеніями природы, онъ черпаетъ во всѣхъ источникахъ и образуетъ разными способами и въ разныхъ видахъ все одинъ и тотъ же составъ, — единственный предметъ его усилій въ печенье, жаренье, варенье, хотя бы онъ самъ этого не думалъ. Величайшая утонченность роскоши стремится къ той же самой цѣли; сахаръ и мука, яйца и масло, во всѣхъ возможныхъ видахъ и соединеніяхъ, суть только скрытныя подражанія простому стихійному первообразу, — молоку. Но должно прибавить, что по мнѣнію всѣхъ химиковъ, человеческое молоко питательнѣе и удобоваримѣе всѣхъ другихъ, потому что въ немъ мало творогу и много сливокъ.

Замѣтимъ еще, что роды питательныхъ веществъ, употребляемыхъ человекомъ, именно маслянистыя и бѣлковатыя, суть или произведенія другихъ животныхъ или ихъ части, и потому могутъ почитаться годными для утоленія голода безъ всякой существенной перемѣны. Другое дѣло съ порядкомъ сахаристыхъ веществъ, наиболее принадлежащихъ растительному царству: прежде перехода ихъ въ маслянистый или бѣлковатый порядокъ, они непременно должны подвергнуться какому-нибудь существенному измѣненію или измѣненіямъ въ своемъ составѣ. Однако жъ найдено, что, какова бы ни была пища человека, общій составъ питательнаго сока, или молочной жидкости, въ которую она превращается передъ кровотовереніемъ, — всегда бываетъ одинъ и тотъ же..... Богъ съ вами! Изъ-за этой безконечной статьи у насъ простылъ супъ на столѣ.

=

V.

КРИТИКА.

---

1. *Ледяной Домъ. Сочиненіе Н. И. Лажечникова. Москва, 1835. Четыре части.*

2. *Постоялый Дворъ. Записки покойнаго Горянова, издаанныя его другомъ, Н. П. Маловымъ. Санктпетербургъ, 1835. Четыре части.*

Человѣку предстоитъ выполнить четыре обязанности во время жизни,—дослужиться порядочнаго чина, выстроить домъ подъ чужимъ именемъ, воспитать ребенка и написать книгу. Кто удовлетворилъ этимъ четыремъ условьямъ, тотъ можетъ умереть покойно, и сказать, умирая — «Я жилъ!» Но для достиженія каждой изъ этихъ великихъ цѣлей бытія необходимо искусство, которое основано на системѣ и составляетъ почти науку. Поэтому самыми важными книгами, самыми полезными, должно, кажется, признавать только такія, которыя, представляя удобство непосредственнаго приложенія къ практикѣ, научаютъ насъ или тому, какъ дослужиться порядочнаго чина, или какимъ образомъ дойти до того, чтобы выстроить себѣ домъ подъ чужимъ именемъ, или какъ лучше воспитать ребенка, или, наконецъ, какъ написать хорошую книгу. Авторъ «Постоялаго Двора» избралъ себѣ одну изъ четырехъ частей, и учитъ насъ искусству воспитывать: вотъ, почему мы считаемъ его сочиненіе гораздо важнѣйшимъ для человѣчества чѣмъ твореніе Г. Лажечникова, который хочетъ только забавлять людей уже въ чинахъ, уже построившихъ дома, и вотъ почему, будемъ говорить прежде о «Постояломъ Дворѣ» нежели о «Ледяномъ Домѣ».

Мы начнемъ съ того, что «Постоялый Дворъ» намъ очень нравится, и что мы находимъ въ немъ болѣе наблюдательности, болѣе истины, болѣе частной жизни и настоящаго романнаго матеріала, чѣмъ въ другихъ Русскихъ романахъ. Здѣсь есть черты правды, есть физиономія домашняго быта, тогда какъ въ другихъ сочиненіяхъ этого рода, болѣею частію, есть только анекдоты. Къ несчастью, эта книга не хорошо написана, и какъ всегда найдется болѣе знатоковъ слога, болѣе рудокоповъ для открытія мелкихъ недостатковъ, чѣмъ людей, способныхъ опредѣлить пробу данной массы ума и внутреннее достоинство произведенія, то весьма вѣроятно, что большинство читателей не отдастъ справедливости автору. Между-тѣмъ, если бы онъ только пожертвовалъ нѣсколькими длиннотами, нѣсколькими обстоятельствами и выраженіями нехорошаго тона, и написалъ свою книгу такимъ слогомъ, легкимъ, красивымъ, смѣющимся, какимъ написаны были двѣ его повѣсти, «Блистательное воспитаніе» и «Прихоть», помѣщенные въ Б. для Ч., мы бы не усомнились сказать, что ничего лучшаго, ничего занимательнѣйшаго, не читали въ нашей Словесности. Онъ обладаетъ важнымъ преимуществомъ передъ всѣми нашими романистами, — огромнымъ и подлиннымъ наблюденіемъ Русской жизни въ различныхъ классахъ общества. Это кладъ, Синдбадова «Гора алмазовъ» для романиста, особенно при живомъ и изобрѣтательномъ воображеніи. Это даже превосходно замѣняетъ воображеніе.

Мы не сомнѣваемся, что почести втораго изданія написаны на скрижаляхъ судьбы для «Постоялаго Двора»: было бы не благодарно со стороны любителей Русскаго пріятнаго чтенія — не поддержать и не ободрить своимъ вниманіемъ столь примѣчательнаго таланта, который при первомъ знакомствѣ съ нимъ такъ умно ихъ занялъ и такъ много общаетъ ихъ бу-

бущимъ удовольствіямъ. Въ этой увѣренности, мы принимаемъ на себя долгъ, при общемъ обзорѣ содержанія книги, открыть и тѣ ея части, которыя въ правѣ ожидать существенныхъ улучшеній отъ автора.

Горяновъ, разорившись и, слѣдственно, наскучивъ свѣтомъ, употребилъ остатокъ своего состоянія на учрежденіе постоялаго двора, гдѣ онъ живетъ счастливо и весело. Онъ обѣдаетъ съ знакомцами, ѣздитъ въ гости къ сосѣдямъ, и смотритъ на свѣтъ и его дѣла съ настоящей точки зрѣнія, — съ постоялаго двора. Собственныя его приключенія очень просты и были бы почти непримѣтны въ книгѣ, если бѣ онъ не замѣнялъ ихъ разсужденіями, которыя вообще болѣе благоразумны чѣмъ кратки и занимательны. Поэтому, одни происшествія у его сосѣдей и знакомцевъ составляютъ интересъ его записокъ. Между знакомцами есть двѣ знакомки, двѣ нравственныя крайности, двѣ противоположности воспитанія, — Катинька Катенева и княжна Серпуховская. Онъ главныя дѣйствующія лица: одна прелестная, добрая, умная, чувствительная, воспитанная въ страхъ Божіеиъ; другая прелестная, умная, ученая какъ нѣкоторые изъ профессоровъ, и вся—страсти. Катинька влюблена въ Русскаго полковника, родомъ Поляка, Долинскаго. Отецъ ея, старый генералъ временъ Суворова, извѣщенный объ этой любви самую дочь, по ненависти къ Полякамъ; противится ихъ соединенію, но, не имѣя чѣмъ опровергнуть доводы ея прекрасной души, даетъ слово Катинькѣ не принуждать ея ни къ какому браку безъ ея согласія. Является графъ Чижевъ, закоренѣлый негодяй подѣ маскою образованнаго свѣтскаго чловѣка, вкрадывается въ сердце отца и дочери, чернитъ Долинскаго, и наконецъ получаетъ отъ Катенева слово на союзъ съ Катинькою. Въ это время всѣ хитрости его открываются; ему отказываютъ отъ дома; Катинька свободна. Но искра несчастія уже брошена.

*

Сердце графа создано для мщениа: теперь это сдѣла-лось его единственною цѣлю. Онъ безпокоитъ и преслѣдуетъ семейство генерала и всѣхъ приближенныхъ къ нему почти до послѣдней страницы романа. Мы не должны открывать развязки.

Терпѣніе Катиньки во все время этихъ переворо-товъ было самое христіанское; сердце ея, поминутно терзаемое новыми несчастіями, перешло все это испы-таніе съ ангельскою кротостью; ея душа..... Но на-добно познакомиться съ Катинькою покороче въ са-мой книгѣ, чтобъ вполне оцѣнить эту душу, — эту прекрасную душу, возвышенную и простосердечную, поэтическую и религіозную.

Между-тѣмъ княжна Серпуховская жила въ Мо-сквѣ, училась Математикѣ и Философіи, живописи и скульптурѣ, Механикѣ и Гидравликѣ, Политической Экономіи и Дипломатикѣ, — училась, училась, училась, и доучилась до того, что узнала — на чемъ свѣтъ стоитъ. Какимъ образомъ она дошла до этого открытія, о томъ надобно читать въ запискахъ содержателя постоялаго двора, Горянова. Мы можемъ сказать только, что, семнадцати лѣтъ, она уже приспособляла Химию, Физику и Механику къ Гастрономіи и изобрѣла даже новую печь. Въ тѣ же годы невинности и чистоты, она написала масляными красками отличнаго Герку-леса, такого, что даже знатоки удивлялись ея познани-ямъ. Коротко сказать, мать ея, княгиня Серпуховская, дѣлаетъ изъ нея савантку: она даетъ ей самое су-масбродное воспитаніе, знакомитъ ее въ юности со все-ми таинствами природы, или, какъ говоритъ авторъ, напитокываетъ ее «свѣтскою мудростью», и между-тѣмъ не старается развить въ ней ни какого религіознаго чувства. По-несчастію, нельзя упрекнуть автора въ преувеличеніи: примѣры подобнаго воспитанія не рѣдки!... Конецъ всего этого тотъ, что ученая книж-

на влюбляется въ одного человѣка; узнаетъ, что этотъ человѣкъ — каторжникъ, и обожаетъ его за то еще болѣе. Развязки мы никогда не рассказываемъ. Но мы должны привести нѣсколько мѣстъ, чтобъ показать какимъ образомъ развивались понятія княжны въ бесѣдахъ ея съ Шебаровымъ.

«Противной дождь препятствовалъ всемъ прогулкамъ; все сидѣли дома; утро проходило быстро въ занятіяхъ. Княгиня и генералъ, окруженные весельчаками изъ молодежи, сидѣли въ большой гостиной. Насталъ часъ обѣда, кушанье уже готово. Дожидались появленія княжны, но ея не было. Она сидѣла въ кабинетѣ для чтенія съ камергеромъ и слушала.

— Да, княжна, да, есть въ свѣтѣ наслажденія до того непостижимыя, что языкъ не имѣетъ словъ передать ихъ!

— И они, говорите вы, могутъ во всей силѣ существовать единственно во взаимной любви. Это впрочемъ странно, что вы, какъ человѣкъ умный, съ большими свѣдѣніями, не можете передать словами свойства чувствованій.

— Знаете ли вы, княжна, что-нибудь о бытіи тварей? чему вы это приписываете? добру или злу?

— Несмыслу добро.

— Разумется; но добро есть ли наслажденіе?

— О! конечно.

— И такъ, бытіе тварей...

— Пожалуйте кушать! Княгиня дожидается, сказалъ дворецкій.

— Продолжайте! продолжайте! понуждала быстро княжна камергера.

— И такъ, бытіе тварей происходитъ отъ наслажденія, или, что все равно, черезъ наслажденіе существуетъ бытіе тварей.

— Какимъ тварей? спросила Княжна

— Органическихъ или неорганическихъ, отвѣчалъ онъ; это все равно, только бы имѣли жизнь.

«Княжна начинала смущаться.

«Шебаровъ приостановился и не хотѣлъ развертывать

главной идеи; но онъ продолжалъ: — Древніе до того уважали тайну плодородія природы....

— Venez donc diner, princesse! сказалъ одинъ изъ гостей, посланникъ матери.

— Сейчасъ, сейчасъ, Брынскій, скажите маменькѣ, сейчасъ! Оканчивайте, Шебаровъ!

— До того уважали, продолжалъ онъ, что производящую силу ея признали за божество, подъ именемъ известной вамъ Изиды. Ей приписывали безпрестанные труды, безпрестанное движеніе, и за всеѣмъ тѣмъ она, какъ богиня, по свойству своему, не могла ощущать живыхъ наслажденій. Въ ней заключалось понятіе о землѣ, оплодотворенной солнцемъ, черезъ рѣку Ниль; въ ней....

— Маменька проситъ васъ пожаловать въ гостиную, сказала дѣвица, любимца княжны.

— Господинъ Шебаровъ заговорилъ меня, сказала весело княжна, войдя въ гостиную, подавая руку генералу. И все это было безъ всякаго кокетства, просто, добродушно; однако жъ она не отвѣчала на вопросъ, о чемъ разговаривали. Она промолчала о силахъ производящихъ; сказала только объ Изидѣ.

«Послѣ обѣда княжна и камергеръ сидѣли опять вмѣстѣ. Онъ рисовалъ; она смотрѣла. На бумагѣ была уже изображена княжна въ прелестномъ положеніи: она сидѣла бокомъ на стулѣ, опершись рукою на его низкую задницу, и глядѣла вверхъ.

— Зачѣмъ вы такъ далеко запрокинули назадъ мою голову? спросила она.

— Спросту. Надобно однако жъ что нибудь придумать, для чего бы вы такъ смотрѣли. Знаете ли что, княжна? Я поставлю передъ вами мужчину, которому бы вы смотрѣли въ глаза.

— Но, отвѣчала она, по настоящему направленію глазъ моихъ въ вашемъ рисункѣ, это будетъ чудовище, гигантъ.

— Что нужды! Можетъ-статься, супругъ вашъ будетъ подобнаго роста; надобно же смотрѣть на него.

— Охъ!

— Я начну рисунокъ. Сказывайте свои мысли: это будетъ вашъ идеаль.

— Хорошо.

— Позвольте сдѣлать общій очеркъ..... Боже мой, какъ высоко онъ пришелся! Да въ немъ будетъ болѣе пятнадцати вершковъ.

— Что жъ дѣлать? сказала княжна: такъ и быть, продолжайте; но вы сдѣлали его какъ чурбана. Тоньше, еще тоньше!

— Тогда, княжна, онъ лишится своей мужественности.

— Зато, смотрите, какъ теперь выставилась грудь его, плечи! Что за плечи! Мнѣ кажется, если бы вы положили земной шаръ на нихъ, рисунокъ представилъ бы изображеніе могучаго Атласа.

— Въсто шара я одушеворю ему голову. Сказывайте! Каковъ очеркъ глазъ, носа и рта?

— Отдѣляйте напередъ всю голову.

— Въ чемъ прикажете? Въ шлемъ, шапкъ, шляпъ, молвакъ?

— Безъ всего. Прекрасно! прекрасно! Больше волосъ, больше кудрей! Обнажите больше лобъ! Да это Антиной! Фи, носъ длиннѣе! губы ширѣ! Хорошо. Откройте ихъ немного. Несравненно! Такъ, такъ, огня; давайте больше огня! Что глаза безъ него? Однако это ужъ много! Это глаза адскіе! Постойте, не стирайте: пусть остаются такъ. Брови погуще! Сморщите немного лобъ между бровями. Губу нижнюю немного впередъ. Охъ, онъ смотритъ слишкомъ гордо, презрительно! Смягчите обѣ черты. Еще немного! Такъ.

— Какія могучія плечи! сказалъ Шебаровъ, поднявъ верху карандашъ и приглянувшись со всѣхъ сторонъ къ рисунку.

— Да на что же вы его дѣлаете безъ одежды? спросила съ живостью княжна.

— О, пѣтъ, онъ будетъ въ платьѣ; только мнѣ хочется сдѣлать открытыми грудь его и руки до плечъ, чтобъ обозначить мышцы и показать его силу.

— Это ужасъ, закричала княжна: онъ убьетъ меня! Онъ меня задушитъ! Посмотрите, что я въ сравненіи съ нимъ?

«Когда рисунокъ былъ оконченъ, княжна побѣжала его показывать матери.»

Этот отрывок показывает, между прочим, как мило, живо и искусно веденъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ сочиненія. Авторъ «Постоялаго Двора» имѣетъ въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество передъ другими нашими романистами. У него одного мы находимъ изящный языкъ бесѣды, языкъ чистый, благородный, безъ поговорокъ и прибаутокъ, которыхъ благовоспитанные люди не употребляютъ въ своихъ сношеніяхъ. Перейдемъ къ другому разговору.

«Что такое честолюбіе! Чувство, основанное на политическихъ условіяхъ. Оно въ натурѣ гражданина, какъ совесть или честность въ натурѣ чловека христіанина. Честолюбивый поддерживаетъ свое доброе имя. Совесть или честный хранитъ свои добрые нравы. Можно сохранять совесть или быть честнымъ, лишась чести, потерявъ свое доброе имя; но можно также сохранить честь, потерявъ честность. Честь имѣетъ основою мнѣніе, обычай свѣта, честность, религію.

«Эта мысль есть только предисловіе къ противоположнымъ идеямъ Шебарова, обнаруженнымъ въ разговорѣ съ княжною, который удалось мнѣ подслушать.

— Пропшедшее, говорилъ онъ, цѣлуется съ будущимъ, и этотъ поцѣлуй есть настоящее. Пропшедшее ложь, будущее обманъ. Вся приличія не что иное, какъ выдумка людей, закоренялая привычка дряклаго свѣта. Поддаваться имъ, значитъ доказывать свою слабость, бездечность, лѣнь.

— Страшно идти противъ общаго мнѣнія, возразила княжна: особенно дѣвицамъ.

— Вамъ кажется, что онъ, что эти прелестнѣйшія произведенія природы, должны какъ волны поклонять голову свою подъ ярмо предрасудковъ: не должны смѣть думать какъ невольники въ корабль увлекающемъ Африканскія негровъ.—Почему вамъ это кажется! Когда, напримеръ, какая-нибудь дѣвица высокаго рода, высокородная, — вы смѣетесь?— выйдеть замужъ, какъ говорятъ, за неровнаго, просто за крестьянина, и весь свѣтъ говоритъ:—«Она себя о.

безчестна! потеряла доброе имя!»), скажите сами, княжна точно ли это так? Заслуживает ли подобный укоръ, заслуживает ли презрѣнія та, которая сохранила честь и доброе имя дѣвицы, а только нарушила условіе свѣта? А если она имѣетъ постоянную твердость, духъ возвышенный, сердце пламенное, можетъ ли будетъ она отъ этого счастлива на груди любимца? Привычка вторая натура! Менше ли она будетъ счастлива и тогда, когда окружитъ себя семействомъ, картиною, конечно, болѣе изящною, чѣмъ та, которую представляетъ знатность и богатство.

— Грустно однако жъ сказала княжна, что любовь остываетъ, что она не продолжается вѣчно. А привычка одна едва ли въ состояніи прикрыть отвратительную паготу не-образованности?

«Нѣтъ ничего справедливѣе! Одно только это есть сильный и постоянный доводъ на опроверженіе неравенства браковъ, потому что въ нашемъ состояніи предполагается уже невозможность получить одинаковую образованность, одинаковыя познанія, одинаковый образъ мыслей, съ лицами высокаго свѣта, а любовь, — любовь простираетъ владычество свое иногда и до лѣтъ преклонныхъ,— и напрасно укоряютъ ее въ мимолетности! Существованіе ея зависитъ отъ равновѣсія господствующихъ силъ нашего состава. Конечно, свойство любви измѣняется, какъ измѣняется все; но это измѣненіе не къ худшему, ежели только соразмѣрно общему измѣненію идей въ узлахъ супружества. Теперь я не могу вамъ этого изъяснить; но вы увидите, что всякой періодъ измѣненія имѣетъ свои пріятности, можетъ-быть, грубѣйшія, а можетъ-быть, и нѣтъ. На деревцѣ персика показываются сначала почки; распускается листь, являются распуковки цвѣтовъ, раскидываются лепесточки, завязываются плоды, спѣютъ семена. Все имѣетъ свою пріятность въ этой постепенности: листь, цвѣты, плоды. Цвѣты въ общемъ процессѣ растительнаго царства, послѣ листьевъ, плоды послѣ цвѣтовъ; но плоды не хуже цвѣтовъ. Составъ чловѣчскій изнашивается, какъ изнашивается скрипка; но идеи могутъ сообщать ему новизну, которая отнюдь не хуже скрыточной градуировки. Одна мысль въ лѣтахъ зрѣлыхъ, что въ подругу жизни моей перешло все мое; что

она напитана моими привычками, моею волею, моими понятиями — одна эта мысль уже подливает горячее масло въ лампаду любви, и увядающая красота лица принимаетъ для насъ неизъяснимое сладострастіе. Далѣе, любовь дѣлается горькою, но душистою косточкою персика: она похожа на престарѣлаго полководца, который пѣвжится на лаврахъ своихъ. Онъ шевелитъ ленты на груди своей, и кажется, вспоминая победы свои, оживотворяется на новые подвиги. Да; любовь ветерановъ любви, имѣетъ свои пріятности; а дѣти, а малютки внучки..... Чего не придумаетъ природа для утѣшенія баловня своего человека! Любовь, княжна, любовь есть единственное благо въ свѣтъ. Стоитъ ли свѣтъ съ его мишурными предрасудками дѣйствительныхъ наслажденій любви?»

Это послѣднее мѣсто, о супружеской любви, прѣвосходно. Мы не читали ничего лучшаго ни на какомъ языкѣ. И подобныхъ мѣстъ въ «Постояломъ Дворѣ» — множество.

Отдавая должную, совершенно заслуженную справедливость сочиненію, исполненному истины, чертъ подлинныхъ, рѣзкихъ и хорошо оттушеванныхъ, и по-времени чрезвычайно оригинальныхъ, мы не можемъ однако согласиться съ авторомъ въ главной его идеѣ, на которой основано созданіе княжны Серпуховской. Воспитаніе дѣвицъ, составляющее одну изъ главнѣйшихъ обязанностей обществъ и семействъ, должно раздѣляться на образованіе ума и образованіе сердца. Мы привыкли искать въ нихъ болѣе послѣдняго нежели перваго; но теперь рождается вопросъ: могутъ ли они быть одно безъ другаго? Чѣмъ живемъ мы въ свѣтъ? Кто водить насъ по извилистымъ, сбивчивымъ, часто едва проходимымъ закоулкамъ этого запутаннаго, темнаго лабиринта? Ограничимъ существованіе женщины одною семейственною ея жизнію. Неужели слѣдуетъ образовать одно сердце? Сердце женщины, этотъ бѣдный, горемычный слѣпецъ, пугающійся часто себя самого.

Нѣтъ! надобно образовать и умъ ея какъ средство, какъ скромнаго, спокойнаго помощника, какъ посохъ, — твердый на пути религіи, — разлетающійся въ дребезги на всякомъ другомъ пути; надобно образовать эту прекрасную способность, которая возвышаетъ человѣка надъ цѣлымъ міромъ, заставляетъ его уважать себя самого, и перелистывая передъ нимъ всю книгу творенія, черезъ благодарность, благоговѣніе и священный трепеть ведетъ къ началу бытія, къ Творцу всего, къ Богу. Можно ли оставить способность эту необработанной. Что такое воспитаніе? Направленіе духа къ истинной цѣли, говоря вообще; приспособленіе этого направленія къ общественной и частной жизни, говоря въ особенностях. Религія указываетъ вамъ эту цѣль; она указываетъ и дорогу. Но окружающій васъ свѣтъ нападаетъ на васъ отвсюду, и старается разорить ваше вѣрованіе софизмами, чтобъ легче увлечь васъ въ пропасть съ собою. Откуда возьмете вы оружіе противъ его лжеумствованій, ежели не изъ тѣхъ же наукъ, которыхъ именованъ онъ васъ воюетъ? Надобно помнить, что мы живемъ въ вѣкъ, который дѣлаетъ все зло и все зло наукою. Такъ единственно, основывая всякое наше образованіе на этихъ двухъ началахъ, религіи и просвѣщеніи, мы достигаемъ истинной цѣли. Вотъ, что авторъ кажется, упустилъ изъ виду. Его княжна Серпуховская — дѣвушка изнѣженная, избалованная, и между-тѣмъ все испытующая, рѣшительная, огненная, безъ всякаго приготовленія, безъ всякаго основанія: она кидается вдругъ во всѣ таинства науки, и гибнетъ. Авторъ хотѣлъ доказать, что «свѣтская мудрость», то есть, науки или просвѣщеніе, безъ религіи пагубна. Но его силлогизмъ, выраженный исторією княжны Серпуховской, логически не ведетъ къ этому заключенію. Читатель еще остается въ сомнѣніи; читатель думаетъ, что если бы

княжна, съ ея характеромъ, и не посвятила себя всѣмъ этимъ наукамъ, она погибла бы, можетъ, еще скорѣе. Эта дѣвушка не имѣла ни какого религіознаго основанія. Мы уже сказали, она была вся составлена изъ страстей. Поэтому, для паденія только нужна была минута. Науки тутъ въ сторонѣ. Развѣ невѣжды, со страстями и безъ религіи, сопротивляются искушенію долѣе ученыхъ безъ религіи? Можетъ быть, занятія княжны науками еще отдалили эту минуту: она должна была погибнуть и безъ нихъ. Чтобы сдѣлать свой аргументъ убѣдительнымъ, — тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что онъ тутъ же подкрѣпленъ разительнымъ примѣромъ, автору предстояло одно средство, — заставить Катиньку и княжну Серпуховскую учиться однимъ и тѣмъ же наукамъ, дать той и другой ученое образованіе совершенно равное, какъ бы оно сумасбродно ни было, и одной придать хорошее религіозное воспитаніе, а въ другой пренебречь его: тогда, видя первую спасенною, а вторую погибающею, всякая мать, подобная княгинѣ Серпуховской, вполне убѣдилась бы, что науки безъ религіи неминуемо приведутъ дочь ея къ пороку и безчестію. Если авторъ хотѣлъ только изобразить картину опасностей ученаго воспитанія дѣвицъ, и именно такого воспитанія, какое нерѣдко даютъ у насъ матери подъ именемъ «блестательнаго», то и тутъ слѣдовало иначе приняться за дѣло. Еслибъ онъ представилъ намъ въ лицѣ княжны Серпуховской дѣвицу съ пылкимъ умомъ, съ добрымъ сердцемъ, съ глубокимъ чувствомъ, съ кроткою и твердою душою; дѣвицу, воспитанную во всѣхъ правилахъ нравственности и религіи, чистѣйшей изъ нравственностей, и потомъ уже приводилъ передъ нею завѣсу «свѣтской мудрости» и заставилъ ее рисовать Геркулесовъ, если бы показалъ намъ, какъ она сначала боится, трепещетъ, не довѣряетъ; тамъ, какъ, увлеченная пылкостью своего ума, борется,

открываетъ, мучится, и наконецъ, какъ, ослѣпленная, истерзанная, лишившаяся религіи и нравственности, въ забвеніи кидается въ бездну, которую сама изрыла, воображая, что летитъ на небо, тогда сказали бы мы - Да; онъ правъ! софизмы и знаніе, не подѣ силу душъ, могутъ погубить и самую добродѣтель! Но, для насъ, это еще не было бы доказательствомъ неизбежнаго вреда «свѣтской мудрости» въ женщинѣ: мы, на свой вѣкъ, имѣли счастье знать женщинъ чрезвычайно ученыхъ, даже большихъ живописицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ слыли образцами нравственности.

Главное внутреннее достоинство этого сочиненія состоитъ въ вѣрности, подлинности характеровъ, и въ той точкѣ, съ которой авторъ смотритъ на слабости людей. Замѣтно, что онъ понималъ человѣчество своею жизнью. Мы привыкли осуждать всякую слабость, презирать всякое отступленіе отъ учрежденныхъ мнѣніемъ законовъ; онъ нашелъ сторону, съ которой эти слабости и отступленія кажутся достойными болѣе жалости нежели гнѣва, болѣе смѣха нежели презрѣнія. Что касается до нашей святой Руси, то она списана у него съ нагой природы и съ глубокимъ знаніемъ ея анатоміи. Надобно еще похвалить разнообразіе записокъ почтеннаго Горькова: онъ изобилуютъ занимательными эпизодами, которыхъ единственныи недостатокъ состоитъ въ томъ, что иногда нельзя отличить ихъ отъ длиннотъ. Мы однако жъ приведемъ одинъ изъ нихъ, — торжественный обѣдъ у судьи.

«Въ часъ пополудни господинъ уѣздный предводитель, всѣ наличные дворяне, всѣ чиновники и купцы именитые съѣхались на званый пиръ къ судью.

Послѣ жирной закуски, два карточныхъ стола были обсажены дѣйствующими лицами; между ими по угламъ сѣли скромные зрители. Прочіе гости расположились въ столовой, по фронту стульевъ, и безопасно смотрѣли на лаке-

евъ, которые стучали безъ милосердія тарелками, ножами и ложками, накрывая столъ.

«Я сидѣлъ также въ залѣ, съ Родищевымъ, и слушалъ формулярные списки, которые прочитывалъ онъ мнѣ о каждомъ изъ нашихъ молчаливыхъ собесѣдниковъ.

«Хозяинъ подошелъ ко мнѣ съ видомъ покровительства и спросилъ, не хочу-ли я трубку.

«Я отвѣчалъ, съ низкимъ наклоненіемъ головы:—Покорнѣйше васъ благодарю, я не курю.

«Въ три часа, кушанье готово. Изъ за карточныхъ столовъ вспыхнуло возстаніе. Я замѣтилъ замѣшательство хозяина, куда меня посадить, спустился внизъ, и занялъ мѣсто между секретарями уезднаго суда и Родищевымъ.

«Уездный предводитель, сложивъ руки, прищуривъ глаза и запрокинувъ немного голову назадъ, спросилъ меня черезъ весь столъ:—Вы, кажется, содержатель постоялаго двора въ имѣніи генерала Катенева?

«Да, отвѣчалъ я кивнувъ головою, и началъ—было говорить съ секретаремъ; но какъ онъ отъ меня попятился, то я облекся молчаніемъ и открылъ пастежь уши.

— Это удивительно! провозгласилъ одинъ дворянинъ. Какъ это до сихъ поръ неизвѣстно, когда открыли сахарный тростникъ?

— Позвольте, отвѣчалъ докторъ: онъ открытъ въ глубокой древности. Объ немъ упоминаетъ еще Плиній, какъ объ растеніи Индѣйскомъ; но тогда сокъ изъ него употреблялся въ качествѣ лекарства и вывозился сгущенными шариками въ Римъ, подъ именемъ *саххарумъ*.

— Въ IV столѣтіи, сказалъ почти шепоткомъ, уездный учитель, привставъ немного, покраснѣвъ и спрятавъ бороду въ широкій галстухъ: въ IV столѣтіи-съ.

— Да помилуйте, господа! Сахаръ вывезенъ къ намъ изъ Америки, то есть, при открытіи ея Колумбомъ Америкусомъ, воскликнулъ дворянинъ.

«Предводитель, который до тѣхъ поръ сидѣлъ, облокотясь однимъ локтемъ на столъ и запустивъ два пальца въ ротъ, гладилъ ими по зубамъ, сѣлъ въ надлежащую позицію. Онъ сложилъ руки на грудь крестомъ, покачалъ го-

довою и сказалъ со всевозможною кротостію: — Помилуйте! какой Колумбъ Америкусь?

— Разумвется такъ, отвѣчалъ заносчиво дворянинъ.

«Однако жъ приставя указательный палецъ къ носу и подумавъ нѣсколько, онъ призналъ свою ошибку и произнесъ торжественно:—А вслѣдъ за нимъ, то есть, за Колумбомъ, отправился въ 1541 году Америкусь, происходящій отъ одной изъ знаменитыхъ Флорентическихъ фамилій. А! такъ ли?

— Осмѣливаюсь доложить, сказалъ учитель, вставъ и положивъ распростертую руку на грудь: Америкъ Веспучій, изволилъ отправиться въ новый свѣтъ не въ 1541, но въ 1491 году; притомъ же.....

— Говорите сидя, сказалъ предводитель.

— Притомъ же, продолжалъ учитель, сахаръ не изъ Америки привезенъ въ старый свѣтъ, но изъ *онаго* вывезенъ въ Америку въ 1506 году.

— Какая намъ нужда, сказалъ предводитель, нюхая табакъ, кто выдумалъ вѣтъ раковъ? кто первый изобрѣлъ двѣла щуку подъ фаршемъ? Наше двѣло вѣтъ и, ежели можно усовершенствовать свои сахарные заводы изъ свеклы.....

«Въ это время я посмотрѣлъ на секретаря узднаго суда и увидѣлъ длинное лице его ослабленнымъ. Черные маленькіе глаза его говорили, кажется, предводителю: «Взгляните на меня, отецъ мой! И я принимаю соучастіе въ законности вашихъ словъ.»

— Господинъ М*** написалъ превосходную книгу о произращеніи свекловицы и производствъ сахарныхъ заводовъ, сказалъ предводитель : памъ останется только..... Флоръ, Карповичъ! продолжалъ онъ, оборотясь къ городничему: кажется, во всѣхъ городахъ губерніи нѣтъ мѣстоположенія такого прекраснаго, какъ занимаетъ вашъ городъ?

— Такъ, отвѣчалъ Городничій: ничего.

— Самый планъ города, продолжалъ предводитель, очень хорошъ: правиденъ и удобенъ.

— Конечно, ничего.

— Что за домики? Любо смотрѣть.

— Да, ничего, хороши.

— Вот кабаки, сказалъ предводитель, такъ ужъ плохи.

— Надобно знать причину, надобно знать причину, быстро отвѣчалъ городничій: дѣла откупа плохи, весьма плохи. Вина вовсе нѣтъ; взносъ откупной суммы затруднился: не только не на что строить новые, кабаки, даже нечемъ поправить кое-какъ старые; даже.....

— Зато, прервалъ предводитель, училище и присутственныя мѣста прекрасны.

— Такъ-съ, отвѣчалъ городничій.

— О соборъ говорить нечего; чудесная архитектура!

— Такъ-съ, отвѣчалъ городничій.

— Жаль только, что вездѣ крышки деревянные. Опасно отъ пожара. Но у васъ превосходные пожарные инструменты и кони.

— Кони, кони, кони, забормоталъ городничій. Надобно знать причину: отъ чего быть лошадамя? чѣмъ ихъ кормить? чѣмъ вообще содержать? Фуражъ дорогъ, людей нѣтъ; бѣшься кое-какъ; прибавляешь свои: а изъ чего, изъ какихъ благъ? Чтобъ разориться и идти по міру?

«Голова улыбался, и закрывалъ свою улыбку усами и бородой. Онъ только поглаживалъ раздвоенную свою бороду и шепталъ секретарю, заслоня ротъ рукою:—Чего гнѣвить Бога! Отпускается по три тысячи, а лошадокъ нѣтъ какъ нѣтъ, и кормить не кого.

«Столъ кончился довольно поздно; всѣ подвессились, поразговорились. Дичь поролн, — надобно признаться; но они всѣ были почти равны въ понятіяхъ, и это ихъ сближало, и это даже придавало единство бесѣдѣ. Одинъ только лекарь, Адамъ Адамовичъ, дѣлался по временамъ общему потѣхою, и то потому только, что коверкалъ безъ милости Русскій языкъ. Впрочемъ общество подобныхъ людей для меня несравненно почтительнѣе тѣхъ, въ которыхъ или невѣжество пренебрегаетъ всѣмъ отечественнымъ, или гордая зависть осуждаетъ все иностранное.»

Выборъ нашъ палъ на этотъ эпизодъ по причине его краткости, хотя мы предпочитаемъ ему много другихъ, истинно живописныхъ.

О слогѣ мы уже говорили: разговоръ всюду прево-

ходный; но въ описаніяхъ, въ разсужденіяхъ, замѣтно усиліе быть изящнымъ и непривычка владѣть фразами, которая однако жъ быстро исчезаетъ, — доказательствомъ тому «Прихоть», одна изъ лучшикъ Русскихъ новѣстей не только по содержанію, но и по прелести слога. Автору, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, весьма часто недостаетъ точнаго слова для выраженія своей мысли, и оттого многія предложенія выходятъ у него почти совершенно непомятны. Но долгъ строгой справедливости заставляетъ насъ сказать тутъ же, что наоборотъ, есть многія предложенія черезчуръ понятныя и ясныя, и что они могли бъ быть несравненно темнѣе безъ потери для смысла вообще и для хорошаго вкуса въ особенности. Тараторинъ часто напоминаетъ собою дурной тонъ героельзъ Г. Польде-Кока. И когда мы постоянно хвалимъ разговоръ, это еще не значитъ, чтобы мы принимали на себя отвѣтственность за его предметы. Между прочимъ, бесѣды старика Горянова съ прелестною Катинькою, такъ необычайны, что ихъ нельзя оправдать даже его лѣтами. Но — *hoppy soit qui mal y pense*.

Мы сдѣлаемъ еще одинъ, послѣдній уврекъ «Постоялому Двору», — послѣдній, потому что все остальное достойно признательности благомыслящаго читателя, и что весьма, весьма желательно, чтобы авторъ продолжалъ упражнять перо свое въ этомъ родѣ литературы, который оно въ состояніи украсить преумными и чрезвычайно занимательными произведеніями. Намъ весьма не нравится этотъ каторжникъ, въ исторіи княжны Серпуховской. Мы понимаемъ мысль автора совсѣмъ не такъ какъ поймутъ ее многіе изъ его читателей, которые безъ сомнѣнія усмотрятъ въ этомъ отверженномъ лицѣ только подраженіе пріемамъ «Юной словесности». Мы весьма постигаемъ, что дѣвушка съ такимъ воспитаніемъ, каково этой княжны, которая притомъ прилежно читаетъ новыя

Французскіе романы и драмы, которая, въ своемъ восторгѣ отъ генія Виктора, хорошо затвердила въ памяти знаменитый его афоризмъ — *Quatre-vingt forcats — quatre-vingt justes*, очень способна любить каторжника за то, что онъ каторжникъ: въ благомъ намѣреніи, или по-крайней-мѣрѣ въ хотѣніи, конечно недостатка у ней не будетъ; но затрудненіе въ томъ, — какъ привести его у насъ въ дѣйствіе? Слава Богу, въ нашемъ обществѣ каторжники еще не попадаютъ въ гостиныхъ, и любовникъ ея сіятельства, какъ бы онъ ни былъ въ послѣднемъ литературномъ вкусѣ, составляетъ на Руси явную невозможность или такое рѣдкое изытіе, которое для романа, для картины правовъ, равносильно невозможности. Это уже переходитъ за естественное.

Несчастіе писателей мыслящихъ — что Критика принимаетъ каждую ихъ мысль, каждое ихъ слово, серьезно и хочетъ разсуждать съ ними. Авторъ «Постоялаго Двора» долженъ приписать этому обстоятельству всѣ непріятныя слѣдствія разсужденія, въ которое вовлекла насъ его книга. Зато онъ, наши читатели и мы сами отдохнемъ отъ трудовъ спора на сочиненіи Г. Лажечникова. «Ледяной Домъ» такая книга, о которой совершенно нечего сказать, — кромѣ того, что она прелестна. Надобно ограничиться однимъ словомъ — прелестна! и даже не должно съ точностью определять смысла, въ какомъ вы принимаете это слово. Разборъ его уничтожилъ бы, можетъ, пріятность общаго впечатлѣнія, которому оно служитъ вѣрнымъ выраженіемъ. Это не *chef-d'oeuvre*, не верхъ искусства, не произведеніе мысли сильной и глубокой; сверхъ того, это романъ историческій, — родъ реставраціи старыхъ картинъ, гдѣ художникъ только обновляетъ поблекшія краски и дополняетъ мѣста, истертые временемъ; однимъ словомъ, это простой рассказъ пріятнаго расказчика: разсужденія его поверхностны и

обыкновенны; тонъ и пріемъ ихъ не самый изящный; остроты не блистательны; веселость не всегда ловкая; игривость немножко школьническая; но это книга прелестная, — чрезвычайно милая и занимательная, которая съ самаго начала увлекаетъ васъ своимъ интересомъ и быстро мчитъ по мелкимъ столбцамъ своимъ и некрасивой печати до послѣдней странички, не давая вамъ отдохнуть, ни подумать, въ чемъ состоятъ недостатки, что такое поражаетъ васъ иногда непріятно. Только прочитавши, и воскликнувъ — прелесть!, вы можете примѣтить, что изъ этого чтенія не осталось въ васъ ни одной идеи, даже ни одного счастливаго выраженія для вашихъ всегдашнихъ мыслей. Два раза не возможно читать этого романа, но если бъ мы сегодня забыли его содержаніе, въ первый досужный часъ опять принялись бы за него же, съ увѣренностью найти полное удовольствіе.

Какъ историческій романъ, это картина нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны; какъ повѣсть, это исторія любви Молдавской княжны Маріорицы воспитанной Императрицею, и министра ея Вольинскаго, человека женатаго, который увѣрилъ свою волюбленную въ противномъ, — повѣсть, какъ мы уже сказали, истинно увлекательная. Мы не должны пересказывать ея содержанія, потому что таліэманъ ея заключается весь въ содержаніи, — въ завязкѣ и приключеніяхъ этой любви, а не въ ея подробностяхъ; не въ анализѣ страсти, не въ пафосѣ главныхъ сценъ, которымъ вообще не достаетъ драматической силы и огня. Помощію этихъ-то приключеній, Вольинскій, главное лицо повѣсти, человекъ слабый, непрерывно колеблющійся между любовью отечества, любовью къ женѣ и любовью къ Маріорицѣ, виновникъ собственныхъ несчастій и несчастія двухъ дорогихъ его сердцу особъ, жертва душевныхъ страданій, про-

никающихъ въ него отвсюду, внушаетъ читателю не смотря на свои ошибки, сильный и постоянный интересъ своимъ жестокимъ положеніемъ и характеромъ, хоть зыбкимъ, но всегда благороднымъ и возвышеннымъ.

Романо-историческая часть сочиненія основана на слѣдующемъ обстоятельстве. Императрица Анна Іоанновна нездорова; доктора прописываютъ ей употреблять развлеченія; министръ Вольтинскій даетъ ей праздникъ, для котораго онъ выписываетъ изъ разныхъ областей гбсударства по парь чловѣкъ каждаго племени; строятъ ледяной домъ, играютъ свадьбы шутовъ, одного женить на старухъ, другаго на козъ, и такъ далѣе. Это доставляетъ автору обильный матеріалъ для эпизодовъ, въ которыхъ потѣхи часто перемѣшаны политическими происшествіями. Вообще всѣ эти эпизоды читаются съ любопытствомъ и удовольствіемъ, хотя дикая пышность праздниковъ ни сколько не озаряется блескомъ слога, главнымъ факеломъ подобныхъ торжествъ. Авторъ сдѣлалъ, въ этомъ сочиненіи, немовѣрные успѣхи въ изяществѣ Русскаго слова, но ны обманули бъ его непростительнымъ образомъ, сказавъ, что онъ уже достигъ той точки, на которой усиліе можетъ остановиться и отдыхать. При его талантѣ къ созданію новѣсти, при его умѣни сообщить ей такую заманчивость, должно непременно стараться довести свою фразу до совершенной гладкости и придать ей свѣжесть по-крайней-мѣрѣ лоскомъ тщательной полировки. Само собою разумѣется, что въ условія этой отдѣлки ны включимъ и грамматическую правильность языка, которая не вездѣ соблюдена въ «Ледяномъ Домѣ».

Одной выписки будетъ достаточно для оправданія нашего мнѣнія во всѣхъ его оттънкахъ, выгодныхъ и невыгодныхъ для новаго романа Г. Лжечичикова. Читатель въ ней увидитъ всю занимательность, всю жив-

вость, движеніе начертанной картины, но вѣрно также не одобритъ вмѣстѣ съ нами ни стила ея рисунка, ни рода игривости колорита, которая, безъ-сомнѣнія, могла бѣ быть лучшаго разбора и не такъ часто впадать въ пошлость. Возьмемъ лучшія страницы, — свадьбу шута, Кульковскаго. Тутъ будетъ и отрывокъ разсужденій, которыя мы назвали поверхностными, по-видимому, довольно справедливо.

«Не пользуясь Маеусавловой жизнью, мы не могли быть на праздникъ, который въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны данъ былъ по случаю свадьбы пажа и шута ея Кульковскаго. Жаль! чтожъ дѣлать? я постараюсь замѣнить вамъ эту потерю, описавъ праздникъ, будто самъ видѣлъ его. А отъ чего такъ хорошо его знаю, о, извольте знать, слышалъ я объ немъ отъ покойной моей бабушки, которая видѣла его своими глазами и вынесла изъ него разсказовъ на цѣлую жизнь, восторговъ на цѣлую вѣчность, если бѣ вѣчность дана была въ дѣтѣ моей бабушкѣ.

«И такъ просимъ ко мнѣ подѣ бочокъ: смотрите жѣ что я буду вамъ показывать.

«Видите ли? становится на площади между землицъ дворцомъ и Ледянымъ домомъ карета золотая, десятистекольная, запряженная восьмью *Неаполитанскими* дошадь, — ми. Что за кони! будто писанные! Сбруя пылаетъ на нихъ, строусовыя перья развѣваются на головахъ; снѣгъ курится изъ подѣ ногъ, тонкихъ, какъ у оленя. Пшѣъ, вѣвъ бичемъ — каково жѣ рисуются! Благородная кровь означилась струями по атласу ихъ шерсти. Двѣнадцать пѣшихъ гайдуковъ идутъ по бокамъ пуга, готовые смирить рьяность коней въ случаѣ, если бѣ забыли узду и бичъ. Кучера въ треугольныхъ шляпахъ съ позументами, изъ подѣ которыхъ прицѣпляется въ карету длинная коса; въ откидныхъ дѣревяныхъ шубахъ, исписанныхъ блестящими галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ съ огромными пражками. Пажы унижали карету ожерельемъ, которому служить, какъ бы замкомъ, два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. Охраняютъ ее двѣнадцать *пздочныхъ сержантовъ*

верхами, въ гренадерскихъ съ плюмажемъ шапкахъ. Въ ней сидитъ Государыня, напротивъ ея княжна Мариорница Делемико (кабы знали, что она дочь Цыганки!). На лицѣ *мелдмей* играетъ ужъ румянецъ, въ глазахъ роняется удовольствіе. Скоро жъ оправилась! Мудрено ли? она уверена, что любима. Позади этой кареты нѣсколько другихъ съ Великими Княжнами и придворными дамами. Въ одной изъ нихъ,—посмотрите, настоящая Русская дѣва, кровь съ молокомъ, и взглядъ и привѣтъ Царицы: это дочь Петра Великаго, Елисавета. Она даритъ толпу улыбкою, будто серебрянымъ рублемъ. Кажется, сердце хочетъ сказать: желанная, царствуй надъ нами! Какъ ей легко увлечь эту толпу! Невыгодно сравненіе съ нею для Анны Иоанновны, смуглой, рябоватой, съ длиннымъ носомъ, тучной, мрачной. Прибавьте къ непріятной наружности потворство ужасному Бирону, и можете судить, почему ее прозвали грозною, когда она въ самомъ дѣлѣ не была такою. Замѣтьте и эту молоденькую женщину въ придворной каретѣ—милое, дутое личико, на которомъ набросано кое-какъ простодушіе, доброта, вѣтреность. Это Анна Леопольдовна, супруга герцога Брауншвейгскаго. Кто бы подумалъ, что ей предоставлено смѣнить временщика и править Государствомъ? Кому однакомъ, какъ не голубкѣ принести вѣтвь мира человечеству, усталому отъ каменей! Къ каретѣ нерѣдко подъѣзжаетъ мужъ ея, незначущее лице, и статный, красивый Ливаръ, этотъ очарователь..... Вотъ и карета Герцога Курляндскаго, съ его гусарами, скороходами, егерями и пажами. Онъ ослѣпляетъ великолѣпіемъ своего экипажа и прислуги и красотою лошадей; онъ давить толпу своимъ грознымъ взоромъ и именемъ. Жена его съ ногъ до головы облита корою алмазною: зватки цѣнять ихъ въ два милліона. Вотъ и фельдмаршалъ Минихъ верхомъ,—герой, инженеръ, честолюбецъ, волокита, любящій страстно вѣтчину съ сахаромъ и женщинъ, но болѣе всего славу.

«Какой щегольской съездъ! Играютъ волны строусовыхъ перьевъ; переливается блескъ золота въ блескъ алмазовъ; бархаты пышутъ яркостью своихъ цвѣтовъ; черные соболы изъжаты на женскихъ колѣнкахъ. Какое отборное собраніе женщинъ! какія хорошенькія, свѣжія лица, будто сейчасъ

умылись снѣгомъ, или съ серебра подъ первый, весенній громъ! Горятъ опасные взоры ихъ, или проблескиваетъ на васъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ лучъ потаенный. Кожетничаютъ и красавицы-лошади. Все блеститъ, все радуется снаружи. Зато какой ламъ становится за придворными экипажами. Чего тутъ нѣтъ? Вотъ курятникъ, изъ котораго выглядываетъ жирная насадка съ полудюжиной хохлатыхъ птенцовъ; вотъ человѣческая мумія подъ бѣлымъ паркомъ, прильпленная къ своему сѣдалищу, устроенному въ богатомъ берлинѣ, который везутъ четыре лошадиныя муми веревочными постромками; она боится малѣйшаго толчка, чтобы душа не вылетѣла изъ нея вопъ. Тутъ найдете въ экипажахъ живыя колоды картъ, живыя корзины съ цвѣтами, свѣжими и поблекшими, простыми и росписными, индѣйскихъ пѣтуховъ, вѣтвистыхъ оленей, и прочее и прочее, что и нынѣ можете найти на всякомъ съездѣ. Какая смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, блеска съ чернотой, великолѣпія съ недостаткомъ! Настоящая вывѣска необразованности тогдашняго времени! Только два, три экипажа вполнѣ щеголевато снаряжены, и въ числѣ ихъ карета Волинскаго. Въ ней сидитъ супруга его, счастливая, гордая имъ, только имъ, и развѣ плодомъ любви ихъ, который носить подъ сердцемъ. Какая мысль блеснула въ головѣ ея в Маріоричи; что почувствовали онѣ, когда издали взглянули другъ на друга въ первый разъ? Ужъ вѣрно не Наталья Андреевна завидовала участи княжны, сидящей съ Государыней.—Самъ Волинскій развѣзжастъ на саняхъ, чтобы удобнѣй распоряжать всѣми частями праздника.

«Однакожъ вниманіе, господа и господа! Не заглядывайтесь такъ на прекрасную, блѣдную княжну Лелемику и пригожую супругу кабинеть-министра. Знаю, что объ заглядываньи. Одною, говорите вы, любуетесь, какъ звѣздой любви на роскошномъ ложѣ неба, какъ обольстительною дѣвою, которая должна украшать рай Магометовъ: всѣ помыслы объ ней—соблазнъ, грѣхъ, бессонница, видѣнія, бунтующія кровь вашу. Другою восторжены вы, какъ Муриловымъ идеаломъ для его Conception, на который, кажется, боишься глядѣть не душевными очами, котораго взглядъ соучастія даетъ крылья, чтобы летѣть на небо

христианское. Знаю, что вы колеблетесь, кому изъ нихъ отдать золотое яблоко: но теперь не время играть роль Париса. И такъ прошу вниманія, господа и госпожи!

«Въ головѣ шестива роты гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицера лаврами,—такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго Турецкаго похода. Проходя мимо Императрицы, они приветствуютъ ее громкимъ: *viva!*!»

«Вотъ выступаетъ огромный слонъ, — сильное, мудрое животное изъ числа четвероногихъ, которое однако жъ повинуется, какъ вы видите, маленькому двуногому животному, можетъ-быть, и довольно глупому. Но этотъ простачокъ получилъ отъ одного лукаваго выскочки изъ своего рода талисманъ, — молотокъ, которымъ онъ, сидя на его хребтѣ, долбитъ свлача и мудреца въ голову и управляетъ имъ, какъ хочетъ. Тяжело выступаетъ слонъ въ тѣсныхъ котахъ. Но какихъ это двухъ звѣрковъ везутъ на спивъ его въ огромной желѣзной клеткѣ, утвержденной къ ней подпругами? Народъ, не смотря на присутствіе Императрицы, встрѣчаетъ ихъ радостными восклицаніями, хохочетъ, плещетъ руками. Повзжай онъ на слонъ и не въ клеткѣ, народъ не посмѣлъ бы смѣяться! Эти звѣрки, судя по образу ихъ, человеки. Одинъ—Кульковскій, другой—супруга его, бывшая Подачкина и барская барыня. Кланяйтесь имъ, господа и госпожи, и поздравляйте ихъ со вступленіемъ въ законное супружество. Они ѣдутъ изъ церкви на свадебный обѣдъ, провожаемые многочисленнымъ повозомъ. Напыщенные, какъ лягушка, собиравшаяся въ быки, сидятъ они другъ противъ друга въ богатыхъ креслахъ. Штофъ, бархатъ, золото, вспыхивая отъ луча солнечнаго, сквозятъ черезъ желѣзные прутья клетки; муфты придаютъ новобрачнымъ высокую степень кукольнаго барства. Есть чѣмъ и похвалиться: отъ Балзета до нихъ еще никто не ѣзжалъ въ такомъ чудесномъ экипажѣ; а Балзетъ, какъ вы позволите знать, былъ не мылкая спица въ колесницѣ міра: легко сказать, султанъ!»

«Любезная старина! завидная! старина Увы, теперь не повезутъ человека въ желѣзной клеткѣ!»

«Съ какой высоты смотрятъ новобрачные на толпу! Все

мало и низко передъ ними. Съ какимъ самодовольствомъ озираются они! Не для нихъ ли съездъ двора, стеченіе всего Петербурга? Для нихъ собраніе всей Россіи, всѣ диковинки, нигдѣ еще невиданныя. Особенно торжественна Г-жа Кульковская: ей пожаловано богатое приданое, хоть бы невѣсть Минниха; она ужъ столбовая дворянка, можетъ покупать на свое имя крестьянъ и колотить ихъ изъ своихъ рукъ; мечты о столѣ царскомъ, гдѣ сядетъ рядомъ съ женою Воынскаго, бывшею своею барынею, о пирахъ, и болѣе о наказаніяхъ, которыя будетъ разсыпать, кружить ей голову. Осмѣлся кто изъ ея крестьянъ пискнуть передъ ней: кликнула, — и заплечный мастеръ садится на облучокъ ея повозки, — летать, прѣхали, и по ея мановенію, безъ дальнаго суда, расправа готова. Все дѣло нѣсколькихъ цѣлковыхъ и власти боярской. Чудныя времена, славныя времена!..... Г-жа Подачкина опьянѣла отъ вохищенія; ей не вѣрится, что она на такой высотѣ почестей и могущества.

«Глядите, глядите, что за странный поѣздъ тянется за экипажемъ новобрачныхъ! Честь первыхъ за ними принадлежитъ Остякамъ, или, лучше сказать, оленямъ, на которыхъ они ѣдутъ. Красивыя животныя дрожатъ и ушираются; отъ страху, по шерсти ихъ перебѣгаютъ тѣни. За ними Новгородцы на парѣ козловъ, Малороссіяне на волахъ, Чухонцы на ослахъ, Татаринъ съ своею Татаркою, на откормленныхъ свиньяхъ, на которыхъ посадили ихъ, чтобы доказать, какъ можно преодолѣть свою натуру и обычай. Тутъ и рыжеволосые Финны на крошечныхъ коняхъ, Камчадалы на собакахъ, Калмыки на верблюдахъ, Бѣлорусцы подъ войлокомъ колтуна, Зыряне, которыхъ честность могла бы поспорить съ Нѣмецкою, Ярославцы, взявшіе верхъ на этой человѣческой выставкѣ статью, красотой, щегольствомъ паряда, и такъ далѣе, всѣ сто пятьдесятъ разноплеменныхъ паръ, каждая въ своемъ народномъ костюмѣ, на отличной парѣ животныхъ, въ различныхъ саняхъ и салазкахъ. Блеянье, лай, мычанье, ревъ, ржанье, звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, — какая чудная музыка при этомъ диковинномъ поѣздѣ! Опять скажу, только въ Россіи можно было составить такой богатой этнографиче-

скій праздникъ. На другой площадкѣ собрались весь Северъ Азін и почти весь Востокъ Европы: для этого стоило только Русской Царицѣ махнуть платкомъ изъ окна своего терема.

«По волѣ Государыни повозъ сдѣлалъ два оборота на дуговой линіи, и тянется къ манежу Бирона. Тамъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей. Столъ накрытъ на триста три куверта. Музыка, составленная изъ трубъ, гобой и литавръ, встрѣчаетъ повозъ. Садятся за столъ чинно парами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхали — разумеется князь и Княгиня свадьбы на переднемъ мѣстѣ. Передъ каждою парой поставлено національное ея кушанье.

«Государыня съ своею свитою расположилась на возвышеніи подъ балдахиномъ. Около нея составляетя блестящая гора дамъ и кавалеровъ.

«Но это что за фигура въ богатомъ Французскомъ кафтанѣ, держа обѣими руками бумагу на головѣ, ползетъ на козлахъ отъ входа манежа черезъ всю длину его? Это Тредіаковский. Глубоки слѣды, которые онъ роетъ на песокъ; не смущаетъ педанта униженіе человѣчества и науки въ его лицѣ; одна физическая трудность подвига едва было не преодолѣла его исполнскихъ силъ; потъ каплетъ градомъ съ крутаго лба, грудь вздымается, какъ мѣхъ; но минута отдыха, и онъ стоитъ у цѣли своей, передъ Государыней. Бумага снята съ головы, и черезъ одного изъ дежурныхъ придворныхъ представлена Ея Величеству. Василию Кирилловичу дано позволеніе произнести его *подносъ*. Въ своей обыкновенной позитурѣ, на козлахъ, читаетъ онъ громовымъ голосомъ во всеуслышаніе:

«Торжествуйте вси Россійски народы:

«У насъ идутъ золотые годы.

Воспринемъ съ радости полные стаканы,

«Восплещемъ громко и руками,

«Заскачемъ весело ногами

«Мы, вѣрные граждане.

«Имѣемъ мы десь радость учрежденну,

«Повсюду славно разнесенну:

«Анна надъ Россією воскрилмлась всею!

«То-то есть прямая Царица!

«То-то болра Императрица!

«Признаемъ всѣ душою.

«Государыня рукоплещеть, именуеть Василія Кирилловича придворнымъ пѣнгомъ, и, по приказанію ея, все ея окружающее осыпаетъ пѣвца лаврами рукоплесканій. Онъ встаетъ, изнемогшій подъ бременемъ своего торжества. — Въ Капитолій! — Два пажа берутъ его подъ руки, и сажаютъ на противный конецъ стола, гдѣ для него поставленъ особенный кувертъ подъ бесѣдкою изъ вѣнчиковъ. Ему одному нѣтъ пары; онъ единственъ. Во время обѣда слушать ему пажи,—честь, равняющая его съ Шапеллемъ, если не съ Тассомъ!

«Обѣдъ кончился; начинаются пляски,—каждая пара свою національную. Тамъ плыветъ лебедкою Русская дѣва, и около нея увивается соколомъ ея товарищъ; за ними ломаются, какъ одержимые духомъ, въ шайтанской пляскѣ; далѣе пристукиваютъ козачка, или выкидываютъ журавля. Тутъ мчатся степнымъ вихремъ Цыгане: «Эй, жги, говори! эссе, эванъ!», и взоры изступленно-краснорѣчивы, и каждая косточка говорить, каждая жилка бьется, и грудь дышетъ бурей любви. Но что съ Княжною Лелемико? Она блѣднѣетъ. Пляшущая Цыганка не мать ея, но ее напоминаетъ, и это напоминаніе ледянитъ все существо Мариорницы. Она старается укрѣпиться, ищетъ взорами Вольтинскаго, находятъ, и прицѣпивши къ нему *якорь своего сердца*, оживаетъ. Между тѣмъ Цыгане пролетѣли, голосъ ихъ отдается слабѣ и слабѣ, наконецъ совсѣмъ замираетъ. Новыя пары, новыя пляски и голоса! И страхъ и грусть Мариорницы промчались, какъ мимолетныя видѣнія.

«Пиръ конченъ, и новобрачные съ своимъ пестрымъ многочисленнымъ повозомъ отправились въ прежнемъ порядкѣ въ Ледяной Домъ. Здѣсь, при звукѣ трубъ, литавръ и гобой, подъ хоръ козловъ, быковъ, собакъ и ословъ, высадили ихъ изъ желѣзной кѣтки и отвели съ подобающею честью въ спальню, гдѣ и заперли. Повозъ распущенъ. Часовые приставлены къ дому, чтобы влюбленная чета не могла изъ него освободиться. Каковъ алтарь Гименею! На

что ни садятся, къ чему ни прикасаются, все ледъ, — стѣны, брачное ложе, утварь; отсюда пашеть на нивѣ холодъ; ближе, тѣснѣе, наконецъ душитъ, костенить ихъ. Нѣсколько минутъ утѣшаетъ ихъ огонь въ ледяномъ каминѣ, на ледяныхъ свѣчахъ; но этотъ фосфорный огонь не грѣетъ. Вотъ и онъ слабея перебѣгаетъ по ледянымъ дорожкамъ, цѣпляется за нихъ, бьется умирая, исчезаетъ..... Холодно, мрачно, какъ подъ землею! Сердце замерло. Сначала молодые селятся побороть холода; то бѣгаютъ взадъ и впередъ по комнать, плашутъ, кривляются, то куврыкаются, то колотятъ другъ друга. Смѣхъ, да и только!..... Нѣтъ болѣе силъ выдерживать. Стучатся въ дверь, стонутъ, умаиваютъ часовыхъ выпустить ихъ, припадаютъ заочно къ ихъ ногамъ, кланутся по-гробъ не забыть ихъ благодѣяній, общаются озолотить ихъ. Ничто не помогаетъ. Отчаяніе беретъ верхъ. Отъ молебны переходятъ къ проклятіямъ; все проклинаютъ, что только носитъ имя человеческое; ломаютъ и уничтожаютъ все, что могутъ разломать и уничтожить, селятся разрыть стѣну, грызутъ ее; наконецъ, предавшись отчаянію, садятся на постель. Глаза слипаются; дремота одолеваетъ ихъ болѣе и болѣе; смерть ужъ протягиваетъ на нихъ руки, усыпляетъ ихъ, убаюкиваетъ сказками, сладкими видѣніями; еще одна минута,—и они заснули бы на вѣки. Но утро отрясаетъ уже свои белокурыя кудри изъ заснѣжнаго подзора; начинается свѣтать; къ новобрачнымъ входитъ караульный офицеръ, и, найдя ихъ въ предсмертномъ усыпленіи, старается ихъ оживить. Ихъ оттираютъ снѣгомъ и относятъ на квартиру, гдѣ помощь лекаря скоро возвращаетъ имъ жизнь.»

Это мѣсто ясно показываетъ, что талантъ Г. Лажечникова одаренъ прекрасными описательными силами, и что самъ авторъ сбиваетъ ихъ съ пути ложнымъ понятіемъ о средствѣ казаться веселымъ, полагая, что это средство состоитъ въ прибауткахъ.

Въ отрывкѣ который мы привели, читатели могли видѣть Тредіаковскаго. Онъ играетъ въ романѣ одну изъ важнѣйшихъ второстепенныхъ ролей. Мы гдѣ-то читали, слышали, или намъ снилось, что автору «Ле-

дянаго Дома» подносили дань искренняго удивленія за созданіе этого характера. Быть-можетъ, что эта часть творенія Г. Лажечникова способна восхитить многихъ, но надъ нами она производитъ совсѣмъ противное дѣйствіе. Тредіаковскій, по мнѣнію нашему, самая неудачная карикатура, какую только человѣкъ съ дарованіемъ можетъ создать. Нѣтъ ничего легче какъ представить смѣшнымъ педанта, вложивъ ему въ уста напыщенныя и безтолковыя фразы, которыми онъ писалъ, и которыхъ естественно никогда не употреблялъ онъ въ разговоръ и въ обыкновенныхъ отношеніяхъ частной жизни, но такой педантъ не будетъ живой человѣкъ, и такое литературное созданіе не будетъ художественно. Всѣ педанты, подобные Тредіаковскому, отличаются именно тѣмъ весьма характеристическимъ свойствомъ отъ не-педантовъ, что, пока говорятъ, они говорятъ какъ всѣ люди, но лишь-только взяли перо въ руки, имъ уже кажется, что никакъ нельзя изъясняться тѣми же словами, какими они за-минуту говорили сами: они замѣняютъ обыкновенныя, живыя рѣченія мертвыми, неупотребительными, странными для слуха; они выдумываютъ себѣ небывалый языкъ, полагая, что онъ красивѣе природнаго, они отдѣляются отъ общества, презираютъ его правила, и простираютъ свою дерзость до того, что передѣлываютъ на свой образецъ неприкосновенную собственность народа,—его современное слово. Такихъ людей, мы, въ этомъ журналѣ, часто называемъ «книжниками». Тредіаковскій былъ книжникъ въ полномъ смыслѣ слова. Но онъ былъ только книжникъ, и болѣе ничего; напыщенный и безвкусный педантъ, какъ скоро садился сочинять, человѣкъ какъ съдуется, доколь не писалъ, даже человѣкъ ученый и умный, даже острякъ, у котораго часто вырывались и сарказмы и эпитрамма. Школа Тредіаковского продолжается у насъ по сю пору. Что такое дѣлаютъ всѣ тѣ,

которые говорят одними словами, а нишутъ другими? Чистую Тредіаковщину.

Мы ссылаемся на разборчивость всякаго, кто хоть немного знаетъ людей, возможно ли заставить кого-нибудь въ свѣтъ, педанта или архи-педанта, разговаривать съ прапорщикомъ такимъ языкомъ: «Возгляньте «упованіемъ своимъ на меня, аки на адамантовъ камень. Что не возмогу я исполнить за великія щедроты, ниспосылаемая на меня его свѣтлостью? Да не «позволите ли всенижайшему рабу его утруждать «ваше благородіе, яко вельми благодѣтельную особу, «обрѣтающуюся при высокомъ и уже рѣченномъ господинѣ, малую толико, презентовать его свѣтлости «недостойное мое стихосложеніе, въ честь его нерсоны составленное?» Тредіаковскій такъ писалъ, но не говорилъ. Хотѣть этимъ, а не поступками, не чертами характера, изобразить педанта, дѣйствующаго въ обыкновенной жизни, все равно, что нарисовать на полотнѣ предателя, вымазать ему лице черною краскою, съ тѣмъ, чтобы это значило—черная душа.

Мы имѣемъ въ рукахъ два экземпляра очень любопытнаго документа, который въ нѣсколькихъ строкахъ гораздо рѣзче и живописнѣе изображаетъ автора «Телемахида», чѣмъ всѣ сцены «Ледянаго Дома», и воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы сообщить его публикѣ. Это «черное доношеніе» Тредіаковскаго на экзаменаторовъ его предисловія къ «Аргенидѣ». Чувство сдѣланной ему обиды заставило его забыть здѣсь витійство и писать такъ, какъ онъ говорилъ. За исключеніемъ принятыхъ формъ канцелярскаго слога, языкъ этой бумаги совершенно простъ и естественъ; сочинитель ея часто выражается замысловато; тутъ же есть выписки изъ его сочиненія, писаннаго «краснымъ стилемъ», и по нимъ можно видѣть огромное различіе между Тредіаковскимъ въ книгѣ и Тредіаковскимъ въ частномъ быту.

«ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ»,

Отъ надворнаго совѣтника и оной академіи профессора, Василія Кириллова Тредіаковскаго.

1. Прошедшаго августа — дня 1750 года подавъ я доношеніе въ канцелярію Академіи Наукъ, которымъ просилъ, чтобъ повелѣно было напечатать дедикацію, сообщенную при доношеніи, въ первомъ томѣ Барклаіевы Аргениды.

2. А по словъ моего прошенія, канцелярія ордеромъ приказала, чтобъ мою дедикацію освидѣтельствовать профессорамъ Ломоносову и Крашенинникову, да адъюнкту Попову.

3. И хотя мнѣ печально, что канцелярія Академіи Наукъ такъ со мною, двадцати-лѣтнимъ и безпорочнымъ, никого ни чѣмъ не раздражающимъ и поныгъ не раздражившимъ, а самимъ непрерывно претерпѣвающимъ обиды и мало-по-малу всей бодрости и надежды лишаящимся академическимъ служителемъ немилостиво благоволила поступить, что самую краткую дедикацію мою не изобрѣла за благо принять просто надвѣсь на мою самую малую въ томъ способность, принимавъ у другихъ не краткія только, но и великія сочиненія ихъ безъ такова свидѣтельства, еще ниня и не собственнымъ сочинителевымъ, а именемъ всей академіи печатавша, изъ которыхъ всѣ имѣютъ самыя ослазаемыя, чтобъ такъ сказать неисправности, а именно, дедикацію, приложенную къ Сибирской Исторіи, которая не токмо не превосходнымъ искусствомъ сочинена, да еще и неисправна, и Слово Похвальное, произнесенное въ прошломъ году профессоромъ Ломоносовымъ, которое наполнено солецисмами, не упоминая уже о предисловіи Крашенинникова къ Курцію, и о Риторикѣ профессора Ломоносова, которая въ премногихъ мѣстахъ ложна; однако, для такой немилости, я только печалюсь, и причины ей не изыскивая, доношу, что моя печаль толь больше еще увеличилась, что помянутымъ профессорамъ и адъюнкту велѣно (или сами они собою такъ сдѣлали) свидѣтельствовать мою дедикацію безъ моей притомъ бытности, что не только ново, но и мнѣ предосудительно. А мнѣ, конечно, надлежало при томъ, по обыкновенію, быть, по-крайней-мѣрѣ для того, чтобъ хотя уже напомнить только одному изъ помянутыхъ экзаминаторовъ, именно адъюнкту Попову, что онъ свидѣтельствуеть дедикацію къ Барклаіевой Аргенидѣ, а не къ Роленевой Исторіи; ибо онъ мнѣ самъ признался, сего Сентября 13 дня, что онъ, свидѣтельствуя дедикацію, думалъ, что ей надобно быть при Роленѣ; чего ради и были ему дики слова — «Такъ тотчасъ разойдутся музы, которыя де давно разошлись.»

4. Но, какъ то ни есть, токмо помянутые профессора и адъюнкты показали репортомъ, что въ моей дедикаціи находятя ложныя мысли и вѣдливѣе ласкательство, а сверхъ того, въкоторыя и слова имъ не показались, — что все въ моей дедикаціи ими подчеркнута.

5. На сію, учиненую мнѣ отъ нихъ обиду, довожу, что итѣніе ихъ совсѣмъ неправо, ибо въ моей дедикаціи нѣтъ ни ложныхъ мыслей, ни излишняго ласкательства; да и слова все избранныя. Хотя впрочемъ я и не тщеславною, чтобъ мои сочиненія были совершенны, однако дерзаю по необходимости утверждать, что свидѣтельствовавшая дедикація конечно неправова, и еще въ своемъ родѣ итѣвля, въ чемъ я смѣю могу послатся на всякъ безпристрастныкъ знатомель.

6. Слова порозавъ, а имено *по истинѣ* и *либо*: всякъ читавшій довольно церковныя наши книги вѣдаетъ, что они чистыя Славянскія, изъ которыхъ первое употреблено у меня для такъ называемаго напряженія и ораторскаго числа, а второе вмѣсто *можетъ-была*, а не за *или*; оба жъ они употребительныя, а не странныя, каковы у Ломоносова *условіе*, *согреть*, *робный*, ни извѣкія, какія у Крашевскаго *елднѣтъ*, *пальцы*, ни напоследокъ *развращенныя*, какъ у Попова, это дня на день.

7. Что они разсуждаютъ быть ложными мыслями, какъ то. 1. *Исповѣдую искренно, въ семъ точно случаѣ я послѣднійшій теперь обрѣтаюсь*; 2. *Къ подножію престола Вашего нисполагаемья*; 3. *Дерзаю впрочемъ съ работливыкъ страхомъ быть нѣсколько въ благодушномъ надѣляннѣ*; 4. *Какъ скоро пресвѣтлыя очи Вашего Величества обратятся на приносимую сію книгу, о чемъ и прошу, всеподдаждѣйте повергаясь къ стопамъ Императорскимъ, такъ тотчасъ разойдутся во весь концы пространнѣйшаго Вашего обладанія прекрасныя Музы сѣя книги*,—то все сіе не только не такое, какъ они говорятъ, но, напротивъ того, праведное, и еще красное въ своихъ выраженіяхъ. Въ семъ я могу послатся на всякъ академикомъ и профессоромъ, и на всякъ искусныхъ и совѣстныхъ людей, да и на похвальныхъ ученыхъ въ нашемъ языкѣ, внѣ академіи находящихся.

8. Выраженіе сіе—*Все жъ моль не пренебрегаемое сіе приобрѣтеніе воспонится отъ всеобщаго благодаренія, премудрости Вашего Императорскаго Величества и благоуспѣшному въ людяхъ своемъ за умножаемое просвѣщеніе, раченію и промыслу*,—хотя и подчеркнута отъ господъ экзаменаторовъ, однако я не могу догадаться, какъ они изволили почестъ его, за ложную ль мысль или за излишнее ласкательство. Но хотя бъ тѣмъ или другимъ они положили, только жъ довольно на отраженіе ихъ мнѣнія и беззлобываго смѣха.

9. Но что до слѣдующаго періода—*Не разпространяюсь болѣе: трепещу продолжительнѣйшимъ отплатіемъ времени прегрѣшкѣ предъ общимъ добромъ всему государству Вашему, какъ непрерывно-способствующему чрезъ толь дѣйствительное Вашего Величества раднѣе*,—то онъ всеконечно принять отъ господъ экзаменаторовъ за излишнее ласкательство, какъ то мнѣ двое изъ нихъ, имено господинъ Крашевскаго и господинъ Поповъ, сами сказывали. Удивля-

тельно! *нами* господа экзаминаторы тамъ нашли пороки, гдѣ вся ученая Европа, отъ времени Августа Цесаря понынѣ, не только не находитъ порока, но еще надвинуться не можетъ тонкости мыслей, читавъ сія самыя выраженія по-Латински въ первой эпистолѣ во 2 книгѣ сочиненій Горациевыхъ. И повстинъ, тутъ нѣтъ ни малаго ласкательства; напротивъ того, самое важное, «сладкое и великодушное показаніе всегдѣшняго монархическаго попеченія о пользѣ всего государства. Смысю сказать, какъ мы ирензрядно и вѣжко (мажь то утверждаютъ Скалтигеръ, Яковъ Крупій, Дацьеръ, Иезуитъ Сонадонъ, люди не моимъ экзаминаторамъ подобныя) Гораций у себя употребилъ первый сія выраженія, но у меня оны еще положены правдивѣе: Гораций общается имъ коротко говорить Августу, однако сдѣлалъ къ нему эпистолу долге всѣхъ своихъ прочихъ сочиненій, выключая третію его сатиру второй книги, да Науку о поэзіи, а я, и въ краткомъ моемъ сочиненіи, и кратко говоря, боюсь, чтобъ не утрудить еще и краткостію моею пекущуюся непреетавно Самодержицу нашу о общемъ государственномъ добрѣ. Пускай же меня съ экзаминаторами моими судить самое безпристрастіе и добрая совѣсть! Буде сіе мое, взятое у Горация выраженіе, естъ излишнее ласкательство, то какъ уже назвать слѣдующее, которое употребилъ профессоръ Домоносовъ въ печатномъ своемъ сочиненіи, говоря «что Египетскія пирамиды строены чрезъ многіе вѣки челоувками, а Царское Село строить божество»? Не большель тутъ и не хужель что-нибудь находится ложныхъ мыслей и излишняго ласкательства? «Мы почитаемъ Кесаря», говорить самыи знатный церковный учитель третьяго вѣка, вѣ именовемъ всѣхъ христіанъ, «то естъ, какъ такова челоувка, который имѣеть первую степень по «Богу, отъ котораго единаго все то онъ получилъ, что имѣеть, и что «онъ естъ, и который не знаетъ никого на землѣ выше себя, кромѣ «единаго Бога».

10. Напоследокъ, адъюнктъ господинъ Поповъ такъ-было разохотился экзаминовать мою дедикацію, что при общей, прочихъ двухъ, находивъ ложныхъ въ ней мыслей, излишняго ласкательства; една не нашель въ самомъ титулѣ великихъ грамматическихъ погрѣшностей, а вмѣнно, что нѣтъ въ немъ у меня личнаго глагола; но, прочіе, оба удержали искусную его ревность, говоря, что такіе приносительные титулы обыкновеннѣе бывають безъ личныхъ глаголовъ, а можетъ быть и напомянули, что и въ Двѣяніяхъ Апостольскихъ *Аугусто део* (Невѣдомому Богу) естъ безъ личнаго жъ глагола. И ежели бы умѣли они по-Французски, то бь впроятно, для успокоенія въ немъ похвальнаго его жара, припомнили ему и Французское, AU ROI (королю или государю). О семь обстоятельстве я увѣдомленъ отъ самаго господина Попова. Изъ всего заключить можно, что кто пошлымъ можетъ быть

астрономомъ, то не слѣдуетъ еще, чтобъ всконечно онъ уже былъ искусенъ въ обыкновеніяхъ, до краснаго стѣла принадлежащихъ.

11. Того ради, я покорнѣйше прошу канцелярію Академіи Наукъ, не утверждаться на неправдѣ, а можетъ-быть, еще и пристрастномъ и коварственномъ, мнѣ жъ нескоро предосудительномъ мнѣніи помнунурыхъ господъ. Я впрочемъ не домогаюсь, чтобъ дединаціи моеи быть начеатанной, видя, что не туда дѣло склонилось. Канцелярія изволитъ такъ дѣлать, какъ ей самой угодно. Она мнѣ могла премо и безъ сихъ окружностей, отказать въ моемъ прошеніи, зная, что онаособы не только правда, но и сияя уступаютъ, какъ то сдѣлала Фиворниа предъ Гадрианомъ. Но только я вѣдалаю, что мнѣніе снхъ экзаминаторовъ не можетъ никогда быть правильнымъ ей поводомъ къ отпизу мнѣ въ моемъ желаніи, тамъ болѣе, что всъ снхъ трое экзаминаторы мнѣ подозрительны, — врасужденіи только меня самого. Сентября 17, 1750 года.

Мы предоставляемъ самому автору «Ледянаго Дома» рѣшить по этой бумагѣ—былъ ли бѣдный Тредіаковскій такой пошлый дуракъ въ частной жизни, какимъ онъ изобразилъ его въ романъ, и не обидѣлъ ли авторъ неумѣстною насмѣшкою, въ которой нѣтъ даже искусства, памяти переводчика Роллена и Абульгазіа;—литератора, трудолюбиваго и полезнаго, который познакомилъ Россію съ двумя важными сочиненіями въ то время, когда въ Россіи еще почти не было ни какихъ сочиненій. Но авторъ не довольство вался этимъ преувеличеніемъ; онъ еще выставилъ Тредіаковского подлецомъ и приписалъ ему такія низзости, къ которымъ не способенъ человекъ съ его образованіемъ и привычками.

«Ледяной домъ,» повторимъ мы опять, — произведеііе прелестное, но если въ историческомъ романѣ хотите вы исторической вѣрности характеровъ, то читайте его не какъ романъ историческій, а просто какъ пріятную книгу.

Енисейская губернія. Санктпетербургъ, 1835. Довъ части.

Взглянувъ на заглавный листъ новой Русской книги, можно почти всегда предсказать ея участь; можно съ математическою точностью опредѣлить десятки или тысячи ея будущихъ читателей. У насъ есть роды сочиненій, обреченные постоянному невниманію публики: ни какой талантъ, ни какая совѣстливая тщательность изслѣдованій со стороны автора не заставляютъ читать книги, которой приговоръ—Это должно быть скучно—произнесенъ по заглавному листу. Къ сожалѣнію, въ кругъ этихъ нечитаемыхъ книгъ входитъ бѣольшая часть произведеній нашей и такъ уже не слишкомъ плодovитой учености: сюда относятся почти всѣ историческія изслѣдованія, всѣ сочиненія о Правовѣдѣніи, о Философіи и, по преимуществу, о Статистикѣ, которая устрашаетъ читателя рядами своихъ чиселъ и, — должно признаться, — не всегда вознаграждаетъ его за скуку пользою.

Вообще надобно замѣтить, что изъ всѣхъ наукъ, Статистика пріобрѣла себѣ наименѣе почитателей въ Россіи. Рожденная въ палатахъ правительства, она расла и развивалась тамъ же, единственно посредствомъ его трудовъ и попеченій, оставалась всегда чуждою служащимъ *не по этой части*, и не получила ни какихъ доказательствъ участія со стороны публики. Оттого, во всей статистической литературѣ нашей мы не найдемъ десяти сочиненій, писанныхъ собственно для массы читателей: почти всѣ печатные труды этого рода составлены для какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей, — или по порученію правительства, — или для руководства въ учебныхъ заведеніяхъ, или для того, чтобы оправдать свое управленіе извѣстною частію. Наши статистики суть обыкновенно люди, посвятившіе себя государственной службѣ, и

вводятъ упражненіе въ этой наукѣ въ кругъ должностныхъ своихъ занятій.

Мы не надѣемся, чтобы публика сдѣлала исключеніе изъ своего правила въ пользу книги Г. Степанова, которою хотимъ заняться; но тѣмъ не менѣе считаемъ себя въ обязанности обратить вниманіе на это замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ. Авторъ былъ девять лѣтъ Енисейскимъ губернаторомъ, собралъ на мѣстѣ множество важныхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ, сличилъ ихъ съ показаніями прежнихъ писателей,—и прекраснымъ плодомъ такого сочетанія собственныхъ наблюденій съ выводами обширной начитанности было это сочиненіе. Критика такой книги и легка, и пріятна. Коль скоро авторъ соединяетъ въ себѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ, всѣ условія къ довѣрію читателя, — способность сдѣлать хорошо и обладаніе средствами къ этому, при извѣстной основательности характера, рецензенту предстоить самый полезный и благородный родъ критическаго труда,—критика хорошей стороны сочиненія, то есть, обнаруженіе его достоинствъ,—показаніе степени его любопытности и всей пользы, какую можно извлечь изъ него. Мы желали бъ играть всегда роль Лема (Lamb), который прозванъ былъ критическимъ Колумбомъ, по причинѣ таланта своего открывать красоты тамъ, гдѣ тупой взоръ другихъ критиковъ прошелъ бесплодно для читателя, не примѣтилъ ничего хорошаго и остановился на однихъ недостаткахъ. Есть люди, подлинно одаренные ехидненскимъ свойствомъ взглянуть всякую книгу, на которую они ни взглянуть. Впрочемъ мы никогда не предпринимаемъ такъ называемыхъ «строгихъ и безпристрастныхъ» разборовъ, которые состоятъ въ желчномъ спорѣ о какой-нибудь бездѣлицѣ, въ придиркахъ къ словамъ и забвеніи всей хорошей части сочиненія

изъ-за немногихъ истинныхъ или мнимыхъ погрѣшностей, откопанныхъ съ большимъ трудомъ для показанія двухъ или трехъ своихъ свѣдѣній и прикрытiя своего общаго невѣжества. Мы даже *никогда* не читаемъ этихъ «строгихъ и безпристрастныхъ» разборовъ. Отыскиванiе во всемъ дурнаго, несовершеннаго, сомнительнаго, не будетъ никогда нашимъ ремесломъ: притомъ надобно же предоставить какое-нибудь занятiе тѣмъ, которые еще разбираютъ журнальныя статьи. Они также хотятъ жить умомъ. Горестное наблюдение всѣхъ литературъ показало намъ, что современная, то есть, журнальная критика не рѣшаетъ достоинства ни какого сочиненiя и, подобно современной исторiи, не видитъ ничего съ надлежащей точки. Приведите ее къ конечному ея знаменателю: она не представляетъ, въ отношенiи къ данной книгѣ, ничего, кромѣ личнаго мнѣнiя того, кто читалъ книгу и говоритъ объ ней, что думаетъ. Въ такомъ случаѣ, кто увѣренъ, что я всегда говорю чистосердечно все, что думаю, и кому прiятно знать мое мнѣнiе, тотъ только меня и слушаетъ: руководствуйтесь суждениемъ своимъ единственно тогда, когда имѣете довѣрiе къ моему образу мыслей и вкусу; не заслуживаю я его, — считайте мнѣнiе мое за несостоявшееся, и обратитесь къ другому собесѣднику. Но обращайтесь всегда къ тому, къ чьимъ познанiямъ, образу мыслей и вкусу имѣете довѣрiе. Критика другой нѣтъ на свѣтѣ: это не оцѣнка вещей по справочнымъ цѣнамъ, и тѣ, которые говорятъ вамъ, не краснѣя, о разборахъ «строгий и безпристрастный», какъ-будто бѣ критика книгъ была чѣмъ-то положительнымъ и точнымъ, ежели не имѣютъ намѣренiя обмануть васъ, нарочно обманываютъ самихъ себя.

Сочинение Г. Степанова состоитъ изъ осьми отдѣленiй, которыя поочередно занимаютъ физическую географiею страны, топографiею промышленностью, ад-

министраціей, этнографіей, и одно изъ нихъ, послѣднее, содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи Енисейской губерніи. Авторъ обозрѣваетъ свой предметъ со всѣхъ сторонъ.

Къ стыду нашему, географія Сибири до сихъ поръ еще худо извѣстна. Въ лучшихъ сочиненіяхъ нашихъ, на самыхъ вѣрныхъ картахъ, находится множество погрѣшностей. Объ иностранцахъ и говоритъ нечего: свѣдѣнія ихъ о Сибири, заимствованы большею частью изъ нашихъ источниковъ и, по обыкновенію, искажены. Въ этомъ отношеніи, уже одно первое отдѣленіе книги, которая находится у насъ передъ глазами, даетъ ей право на общее вниманіе и признательность: тутъ есть много важныхъ извѣстій о географіи Енисейской губерніи и о системахъ Сибирскихъ горъ и рѣкъ. Особенно любопытны изслѣдованія объ Енисеѣ, о которомъ существуютъ занимательные вопросы: во-первыхъ, какое имя носилъ онъ до завоеванія Сибири Русскими; во-вторыхъ, чество ли поступаютъ тѣ, которые хотятъ унижить благородную и знаменитую рѣку до званія данницы Ангары. Г. Степановъ полагаетъ вмѣстѣ съ покойнымъ Клапротомъ, что Енисей есть древній Уйгуръ-Муранъ, о которомъ упоминаетъ Абульгази. Разборъ этого обстоятельства ввелъ бы насъ въ разсужденіе, не слишкомъ забавное для нашихъ читателей. Можно упомянуть, что Миллеръ думалъ, будто рѣка, о которой говоритъ Абульгази, есть Амуръ, и, основываясь на показаніяхъ Нерчинскихъ Татаръ, онъ называлъ ее Кара-Мураномъ. Фишеръ, напротивъ, утверждалъ, что Кара-Муранъ есть Китайская Желтая-Рѣка, *Хуанъ-хэ*, потому что *кара-муранъ* значитъ «черная рѣка», а въ *Хуанъ-хэ* вода чрезвычайно мутная. Впрочемъ и нынче Енисей носитъ различныя названія: Татары въ Монголіи и Сагайской степи называютъ его *Кльмъ*, или, *Улуй-Кльмъ*; Тунгузы *Иханесь*; Остяки *Гукъ*,

а теперешнее имя дали ему Русскіе. Вопросъ о вліяніи Ангары въ Енисей, а не обратно, разрѣшенъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Часть своего пути Енисей проходитъ въ прямомъ направленіи къ сѣверу; потомъ круто поворачиваетъ на западъ, образуя прямой уголъ, такъ, что берегъ Ангары, которая въ этомъ мѣстѣ вливается въ Енисей, образуетъ прямую линію съ его берегомъ. Точно такъ же впадаютъ въ него Подкаменная Тунгузка, Сымъ и Нижняя Тунгузка. Авторъ видитъ еще доказательство въ пользу самостоятельности Енисея въ томъ, что земляныя породы, изъ которыхъ состоятъ берега Ангары, по соединеніи двухъ рѣкъ прекращаются, и уступаютъ мѣсто породамъ, господствующимъ на берегахъ верхняго Енисея; но этотъ доводъ имѣлъ бы силу только въ такомъ случаѣ, когда бъ земляныя породы береговъ составляли сущность рѣкъ и не были слѣдствіемъ общаго характера почвы, въ которой прорыто русло. Гораздо важнѣе то замѣчаніе, что черная, прозрачная и на вкусъ известковая вода Ангары, при сліяніи обѣихъ рѣкъ течетъ долгое время особливо, по правую сторону, и наконецъ поглощается совершенно мутною, но пріятною для питья водою Енисея. Авторъ приводитъ еще много другихъ хорошихъ доказательствъ въ пользу послѣдняго.

Говоря о температурѣ Енисейской губерніи, Г. Степановъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что въ Тобольскѣ, который лежитъ на пять градусовъ долготы западнѣе Енисейска, на одной съ нимъ широтѣ, средняя температура 0,52, а въ Енисейскѣ 3,58'. Мы полагаемъ, что эти числа положительны, а не отрицательны. Авторъ забылъ еще сказать, къ какому термометру они принадлежатъ, — стоградусному или Реомюрову. Вѣроятно, стоградусному. Но должно замѣтить и то, что термометрическія наблюденія въ этой странѣ были доселѣ слишкомъ ограничены, и будущее время

можетъ значительно измѣнить этотъ результатъ. Вообще зима стоитъ здѣсь семь мѣсяцевъ, а жары лѣтомъ доходятъ только до 23 градусо́въ, тогда какъ морозы зимою бываютъ не рѣдко въ 34°. Туманность составляетъ отличительный призракъ атмосферы.

«Само собою разумется, что туманы гнѣздятся наиболѣе въ мѣстахъ, подверженныхъ сырости, обнимая груды горъ и носясь на поверхности озеръ; но здѣсь является другое, сильнѣйшее испареніе подъ именемъ *копоты* зимою и *мареса* лѣтомъ. Въ самый ясный день оно толпится между землею и безоблачнымъ небомъ. Лѣтомъ ближайшіе предметы представляются какъ - будто прикрытые тонкою тканью. Все туманно, и блещетъ передъ глазами зимою: за десять сажень теряется возможность распознать черты человека. Жары удушливы отъ горъ Саянскихъ до устья Турухана. Въ тѣ дни, когда температура воздуха возвышается до 7° тепла, кажутся столь же теплыми, какъ и въ средней Россіи при 12°. Морозы, доходящіе въ послѣдней до 15 градусо́въ, имѣютъ болѣе жестокость, нежели здѣсь въ 28°.

«Страннику, пришлецу, лѣто конечно кажется здѣсь несравненно пріятнѣе послѣ продолжительной зимы; но зима имѣетъ здѣсь болѣе достоинства, какъ господствующая черта надъ всеми временами года. Постоянныя слѣдуютъ ясные дни за днями; пушистые лежатъ снѣгъ, храня бдительно, какъ въ теплицѣ, нѣжныя произведенія царства растительнаго; его слои, возвышаясь иногда на два аршина, образуютъ стѣны придорожныя; только на солончакахъ и на восточныхъ и на южныхъ взгорьяхъ прикрываетъ оныя слегка мѣста пастбищныя; только на Тундрѣ оныя долго не улеживаются: вѣчные бураны метутъ его по равнинамъ необозримымъ, вскрывая мхи, воздымая высочайшіе сугробы и прислоня ихъ къ неровнымъ поверхностямъ земли. Въ Сибири каждый бурный порывъ вѣтра называютъ *бураномъ*; но бураны Тундры не таковы: они разливаются по льдистымъ волнамъ ея такъ же сильно, какъ бурный вѣтеръ Африки по песчанымъ холмамъ; они такъ же заносятъ путешественниковъ съ ихъ нартами, ланями или собаками. Но снѣжные хол-

мы — не песок раскаленный: они гремятъ, не палят; они таютъ отъ дыханія самыхъ жертвъ своихъ, и не погребаютъ ихъ живыми. Бураны не имѣютъ ни какого дѣйствія на температуру: при сѣверномъ и южномъ стужа бываетъ одинакова. Тундра зимою, отъ оледенѣлаго мха, представляется волнистою поверхностью водъ. Эти ледяныя волны называютъ *застругами*.»

Дожди въ сравненіи съ снѣгомъ падаютъ здѣсь $\frac{1}{3}$ меньше. Грозы и градъ довольно обыкновенны лѣтомъ, и покрытое тучами небо часто украшается тройными и четверичными радугами. Зимою на чистомъ свѣтло-голубомъ небѣ часто унылое солнце является среди блѣдныхъ круговъ; еще чаще огненная луна одѣвается ими подъ сводомъ, усыпаннымъ блистательными звѣздами, между которыми безпрестанно пролетаютъ яркіе ночные огни. Но, безспорно, сѣверное сіяніе — самое великолѣпное представленіе Енисейскаго горизонта.

«Въ 1824 году было одно изъ прекраснѣйшихъ. Въ пятомъ часу по полудни, надъ 64° широты усмотрѣна въ глубокой тмѣ на сѣверѣ бѣлая полоса, какъ-будто предвѣстница заріи. Она распространялась по горизонту и обнимала востокъ и западъ. Изъ середины ея показалось блѣдное пламя, и разливаясь мало-по-малу въ обѣ стороны, постепенно дѣлалось ярче; потомъ приняло красный огненный цвѣтъ, стало свиваться въ конусы по срединѣ и съ концевъ отъ запада и востока, и когда средніе конусы прекратили веретеновое свое движеніе, когда они отдѣлились рѣзко другъ отъ друга, расплылись при высотахъ и образовали точное подобіе правильныхъ колоннъ, тогда такія же колонны явились на востокъ и западъ. Быстро понеслись онѣ въ средину, и сомкнулись такъ, что явленіе оставалось только на сѣверѣ. Столбы горѣли розовымъ пламенемъ а на каждомъ изъ нихъ теплилось свѣтло-голубое пламя. Небесная колоннада начала приходить въ движеніе, и потомъ толпиться. Скоро отразилась на ней другая, третья, четвертая, одна другой блѣднѣе, и вдругъ самая верхняя

рсапалась на всѣ стороны, столбы загнулись внизъ дугами; образовалась корона. Все явленіе занимало на свѣрвь пространство отъ горизонта почти до зенита».

Богатства трехъ царствъ природы въ Енисейской губерніи изумительны, если только предположимъ, что можно назвать богатствомъ драгоценности, разсѣянные на огромномъ пространствѣ земель. Сибирь представляетъ обширное и еще дѣвственное поле для предприятий естествоиспытателя: въ ней все является въ колоссальныхъ размѣрахъ, въ какомъ-то чудномъ величїи, которое невольно заставляетъ предложить себѣ вопросъ — чѣмъ же отозвалась душа человѣка на голосъ этой исполинской природы? Могилы и нѣсколько изображеній и іероглифическихъ надписей на прибрежныхъ утесахъ Енисея, — вотъ всѣ слѣды, оставленные породами, которые жили нѣкогда въ этихъ безмѣрныхъ пустыняхъ. Нельзя не сравнить прежнихъ обитателей Сибири, выливавшихся такими страшными волнами на Европу, съ тѣми огромными произведеніями Сибирскаго растительнаго царства, о которыхъ говоритъ авторъ: они ужасають взоръ величиною и едва держатся на корняхъ своихъ; вихрь разноситъ ихъ цѣлыми лѣсами.

Г. Степановъ посѣщаль древнія кладбища, находящіяся въ Минусинскомъ округѣ; наблюденія его, чрезвычайно любопытныя, во многомъ противорѣчатъ Палласу, котораго часто вводила въ заблужденіе излишняя довѣрчивость къ словамъ другихъ. Надписи и изображенія на утесахъ Енисея были также осмотрѣны авторомъ.

«Иныя изъ нихъ состоятъ изъ буквъ, другія изъ фигуръ; инныя изображены черною или красною краскою; инныя вычеканены. Буквы на нѣкоторыхъ мѣстахъ изображены отдѣльно, а на другихъ въ строчномъ порядкѣ; въ послѣднемъ случаѣ онѣ составляютъ ужъ конечно полныя надписи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находится до двадцати строкъ.

Въ иныхъ надписяхъ строки расположены горизонтально, въ другихъ перпендикулярно. Фигуры представляютъ людей пѣшихъ и конныхъ, безоружныхъ и со стрѣлами; различныхъ звѣрей и домашній скоть; медвѣдей, бѣлокъ, оленей, лошадей, свиней, деревья двойныя; круги похожіе на колеса; линіи прямыя, перестѣкающія одни другую; треугольники; сегменты, секансы, трапезии и разные безвкусные узоры. Можетъ-быть, фигуры эти означаютъ то же въ безлюдныхъ горахъ, что насѣчки на деревьяхъ въ лѣсахъ дремучихъ, то есть, условные или даже безусловные знаки для предохраненія отъ-чего-нибудь, или просто для путешествованія; а можетъ, заключаютъ въ себѣ событія, заслуживающіе вниманія. Я съ своей стороны могу только сказать, что точно такія же фигуры, какъ на утесахъ Минусинскаго округа, находятся и на утесахъ Верхней Тунгузки.

«Что касается до самыхъ надписей, то онѣ видны единственно въ южныхъ краяхъ Сибири, а, по Енисейской губерніи, только въ Минусинскомъ краѣ. Во время девятилѣтняго пребыванія моего въ Сибири многіе иностранцы путешественники посѣщали различные ея страны,—знаменитый Гумбольдтъ, Норвежскій профессоръ Ганстенъ, лейтенантъ Норвежскаго флота Дуэ, молодой неутомимый докторъ Эрманъ. Всѣ они съ особенною страстью къ познаніямъ, несмотря на труды или жестокость климата, бодрственно посвящали себя пользѣ просвѣщенія, каждый по своей части; по ни одинъ изъ нихъ не обращалъ вниманія на эти надписи. Гялласъ и Спаскій каснулись ихъ слегка; послѣдній сдѣлалъ ихъ извѣстными помощью снимковъ, по слячепію не слишкомъ вѣрныхъ. Мнѣ случилось имѣть ихъ съ собою въ Маѣмачинѣ, гдѣ никто не могъ прочесть ихъ.»

Крестьяне Сибирскіе называютъ эти надписи и изображенія *писанками*. Писанки идутъ до прибрежной деревни Кривошейной, которая принадлежит Новоселовской Волости. Впрочемъ краска буквъ, которая до сихъ поръ противилась всѣмъ дѣйствіямъ воздуха, начинаетъ блѣднѣть, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписи видны только послѣ дождя. Еще нѣсколько лѣтъ,

— и можетъ быть, этихъ таинственныхъ знаковъ не станеть вовсе. Исторія конечно могла бы извлечь изъ нихъ драгоценные факты: самыя даже фигуры могли бы случайно доставить любопытное сближеніе для сравнительной науки памятниковъ. Одна изъ этихъ надписей, объясненная Г. Шмидтомъ, доставила важный фактъ для Исторіи Восточной Азіи. Но надобно вообще замѣтить, что эти остатки Сибирской древности не восходятъ выше времени Чингисъ-хановыхъ: по-крайней-мѣрѣ всѣ тамошнія надписи, которыя достигли Европы и были разобраны ориенталистами, доселѣ оказывались принадлежностью Монгольской эпохи.

Енисейская губернія — настоящій кабинетъ образцовъ всѣхъ родовъ быта человѣческаго. Здѣсь можно наблюдать человѣка во всѣхъ видахъ его общественнаго развитія. Самоѣдъ, Юракъ и Тунгузъ занимаютъ первую ступень на этой лѣстницѣ: они звѣрловы; выше ихъ поднялись промышленяющіе скотоводствомъ Татары; далѣе Русскіе крестьяне соединяются этими двумя средствами физическаго существованія третье, служащее признакомъ жизни болѣе осѣдлой, болѣе гражданской, — хлѣбопашество. На четвертой ступени уже стоятъ купцы, усовершенствовавшіе бытъ человѣческой до точки промысла чужими трудами. Надъ ними сидятъ люди, работающіе однимъ перомъ, и тѣ еще возвышаются постепенными ярусами отъ черты грубой приказной ябеды до воздушной области, въ которой обитаютъ сочинители прелестныхъ повѣстей. Между собачьимъ экипажемъ Самоѣда и Иохимовскою каретою мѣстнаго губернатора можно умѣстить всю Всеобщую Исторію.

Нельзя сказать ничего утвердительнаго объ ежегодномъ уловѣ звѣрей въ Енисейской губерніи, потому что между офиціальными показаніями и частными свѣдѣніями существуетъ величайшая разница. Дикари

звѣроловы и Русскіе купцы, закупающіе у нихъ мѣха, тщательно скрываютъ количество пушного товара. Причинъ побуждающихъ къ такой скрытности много; главная изъ нихъ — желаніе утаить свой прибытокъ отъ начальства и отъ заимодавцевъ.

«Надобно признаться, говоритъ авторъ, что звѣроловство Енисейской губерніи заслуживаетъ менше вниманія, чѣмъ число самыхъ звѣрей. Очень замѣтно, что кочующіе Татары и крестьяне, подкрѣпляясь другою промышленностью, не столько успѣваютъ въ звѣроловствѣ, какъ бродячія племена Туруханскаго края. Чѣмъ ближе и эти племена будутъ спознаваться съ хлѣбопашествомъ, съ крестьянами, съ образованностью; чѣмъ скорѣе вдатутся въ населенную землю и станутъ обзаводиться домами, тѣмъ скорѣе будетъ упадать ихъ звѣроловство; но тѣмъ болѣе будутъ умножаться звѣри.»

Количество скота также трудно опредѣлить какъ и количество избитыхъ или пойманныхъ звѣрей: та же скрытность господствуетъ и въ этомъ отношеніи. Въ сѣверной Сибири приносятъ величайшую пользу жителямъ лани и собаки. Первые замѣняютъ имъ лошадей и въ то же время доставляютъ пищу и одежду; послѣднія употребляются только для ѣзды.

«Замѣчательнѣйшая черта полярныхъ собакъ состоитъ въ томъ, что онѣ, какъ собаки въ Конго, не имѣютъ способности лаять; онѣ только воютъ, услышавъ на большомъ пространствѣ приближеніе людей, не принадлежащихъ тому краю.

«Запряженная въ нарту дюжина собакъ подымаетъ до тридцати пудовъ клади, и двухъ сѣдоковъ. Если полагать въ сѣдокахъ десять пудовъ вѣсу, то сила каждой собаки равна 3 пудамъ и 13 фунтамъ.

«Обыкновенно запрягаютъ въ нарту шесть собакъ. Нарта собачья несравненно легче нарты ланей. Послѣдняя имѣетъ широкіе полозья, затнутыя впереди къ верху, высокія копыла и досчатый кузовъ, похожій на кузовъ

одноколки. Напротивъ; собачья парта составлена изъ весьма тонкихъ пластиковъ, ободьевъ и обручковъ, связанныхъ ремешками такъ, что всегда можно ее разобрать безъ всякаго труда и нести на себѣ. Легкости ея не мѣшаютъ чрезвычайно длинныя полозья, которые также разбираются. Головашки, или передокъ полозьевъ оканчивается дугообразно и загибается вверхъ. Загибъ переплетенъ ремнями, и называется *барабаномъ*, а къ нему прикреплена длинный, толстый ремень, *становой*, который служитъ основаніемъ упряжи. Ненадобно полагать, чтобы собакъ запрягали съ какою-нибудь симметрическою правильностію: наблюдаютъ только необходимость и облегчительныя условія для животнаго. Напримѣръ, впереди — передовая собака; за нею двѣ сворныхъ, за ними двѣ или три подтяжныя, которыя прищипляются уже не за общій ремень, а за передокъ саней. Иногда передовая запрягается рядомъ съ сворными и бѣжитъ посрединѣ. Передовая управляетъ всеми. Она знаетъ право, лѣво, стой, и повинуется крику правящаго. Самое любопытное относително передовой собаки то, что она бѣжитъ оглядываясь безпрестанно на своего хозяина; и ежели замѣтитъ, что какъ-нибудь вывалился изъ саней, она, будучи не въ силахъ остановить вдругъ заднихъ собакъ, начинаетъ исподволь, на всемъ бѣгу, дѣлать круги, увлекаетъ ихъ такимъ образомъ за собою, и прибѣгаетъ къ хозяину. Передовая собака съ такимъ достоинствомъ называется — *оборотятная*.

«Собаки въ сутки пробѣгаютъ до ста восьмидесяти верстъ, останавливаясь одинъ разъ для отдыха; разумѣется, ихъ кормятъ въ волю, но онѣ могутъ пробыть до восьми дней безъ корма».

Государственные крестьяне въ Енисейской губерніи занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ. Несмотря на дурное состояніе, въ которомъ оно находится, превосходнѣйшая почва земли и сильное дѣйствіе солнца въ лѣтнемѣсяцы, даютъ этому краю заслуженное право на названіе — житницы Сибири. Глав-

ное неудобство въ этомъ отношеніи представляетъ недостатокъ сбыта произведеній. Авторъ говорить:

«Не знаю, что произошло бы тогда съ изобиліемъ хлѣба, если бы земледѣліе производилось съ бѣльшимъ искусствомъ и раченіемъ, потому что нѣтъ достаточныхъ средствъ къ сбыту производимаго. Это обстоятельство заставляетъ съ равнодушіемъ смотрѣть на худой успѣхъ блѣбопашества. Оно также можетъ возбудить мысль, что, если и нужно увеличить народонаселеніе въ Енисейской губерніи, его слѣдовало бы увеличить людьми, потребляющими хлѣбъ безъ производства хлѣба, но которые могли бы своей пользою пополнять лишенія, встрѣчаемыя земледѣльцами. Мысль эта разовьетъ другую,—объ естественномъ расположеніи губерніи къ фабрикамъ, заводамъ, мануфактурамъ. Ихъ учрежденіе въ большомъ размѣрѣ могло бы открыть и новый источникъ къ сбыту хлѣба и установить денежное кругообращеніе.

«Мысли эти соотвѣтствуютъ, кажется, истинной пользѣ края, тѣмъ болѣе, что денежное кругообращеніе въ немъ слишкомъ незавидно; однако жъ нельзя назвать положеніе Енисейской губерніи ни безденежьемъ, ни убожествомъ. Она вполне имѣетъ богатство положительное и пользуется достаточно избыткомъ относительнымъ. Податное состояніе Енисейской губерніи исполняетъ легко и вполне свои обязанности къ казнѣ. Ни какой покровъ, ни какія офціальныя свѣдѣнія утаить не могутъ зажиточнаго быта здѣшнихъ крестьянъ. Одежда, обувь, пища, скоть, жилище, отопленіе, освѣщеніе, — все находится въ такомъ состояніи, которое смѣло назвать можно изобиліемъ. Ежели бы во внутренней Россіи, все богатое семейство крестьянина, состоящее изъ четырехъ работниковъ, Геркулесовъ силою, отправилось въ работу, какую бы то ни было, оно, вѣрно, не въ состояніи принести въ домъ столько заработка, что бы на нее могло приобрести все тѣ предметы, которыми пользуется крестьянинъ Енисейской губерніи.

«Смѣю спросить: какое изъ положительнаго богатства частнаго лица доставляетъ владѣльцу болѣе блага, — то ли, которое онъ снискиваетъ усиліями чрезвычайными, для прио-

брѣтенія нужныхъ въ жизни вещей, или, когда эти вещи приобретаются съ малымъ трудомъ? Кажется, послѣднее: спокойствіе тѣла, во всехъ отношеніяхъ, есть единственнае благо человека, единственная цѣль его усмія. И крестьяне Еписейскіе пользуются имъ въ полной мѣрѣ. Ихъ будутъ укорять въ лѣности; но самая лѣность показываетъ изобиліе.

«Разумѣется, нельзя полагать всехъ ихъ равно достаточными; но въ сотнѣ государственныхъ крестьянъ богатыхъ есть 20, среднихъ 50 и бѣдныхъ только 30. Однако же эти бѣдные имѣютъ всегда ситный хлѣбъ, и по воскреснымъ днямъ пшеничный. Конечно, похлебка ихъ не всякой день мясная, но каждую недѣлю три, четыре раза рыбная; у каждаго на тягло лошадь и корова, дрова, не хворость; кровля, не солома; полъ не земля; скотъ не живетъ съ ними въ одной конурѣ и дымъ не окуриваетъ воздуха. Я для того только упомянулъ о бѣдныхъ, что бы представить ихъ для сравненія съ крестьянами средняго состоянія губерній Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, и проч. и проч.

Въ Сибири до сихъ поръ сохранилось варварское обыкновеніе, которое впрочемъ процвѣтало съ полнымъ блескомъ у изящныхъ Грековъ и великодушныхъ Римлянъ. Это кабала, о которой Г. Степановъ сообщаетъ свѣдѣнія, подлинныя и достойныя вѣры.

«Зажиточный крестьянинъ нанимаетъ работника въ годъ за 50 рублей; и въ теченіе этого срока не только уплачиваетъ ему условленную сумму, но еще отъ времени до времени ссужаетъ рублей до 10 въ задолженіе. На другой годъ работникъ получаетъ въ задолженіе 15, въ третій 25; такимъ образомъ въ четвертый годъ приходится служить даромъ; и такимъ образомъ постепенность задолженія и времени закабалютъ хозяину навсегда, не только работника, но и жену и дѣтей его. Есть крестьяне, живущіе у себя по нѣскольку семействъ закабаленныхъ; есть такіе, которые продаютъ ихъ другому, подъ видомъ, что покупатель снялъ на себя долгъ работника, за который тотъ долженъ ему

заслуживать. Однако дѣйствіе этой кабалы нынче ослабляется, будучи потрясено основными законами новаго Сибирскаго Учрежденія.»

Мануфактурная промышленность очень незначительна. Торговля также идетъ плохо. Послѣ перенесенія Енисейской ярмарки въ Ирбитъ, тамошнее богатое купечество пришло въ упадокъ, и нынче большая часть торговыхъ оборотовъ производится иногородними купцами или торгующими крестьянами, которыхъ называютъ «везниковцами» или «гороховцами». Мы нарочно пропускаемъ всѣ числовые выводы автора, которые безъ сомнѣнія очень вѣрны: ихъ надобно читать въ самой книгѣ. Но говоря о торговлѣ того края, мы не можемъ не отправиться съ авторомъ на Туруханскую ярмарку.

«Въ Туруханскъ я приплылъ 9 іюня и 29 должна была начаться ярмарка. Нельзя конечно было предполагать большаго сборища народа, однако жъ стали появляться купцы и прикащики, вахтера изъ отдаленныхъ магазиновъ, промышленники изъ своихъ зимовій, бродячіе для взноса ясака и промѣна добычи. Наступило 29 число, люди разныхъ состояній, разныхъ племенъ въ странныхъ одеждахъ, прохаживались покойно въ разныхъ сторонахъ мѣстечка; но, къ моему удивленію, не замѣтно было ни какого коммерческаго движенія и обыкновенныхъ принадлежностей ярмарки, — дѣятельности, суеты, шума. Старый гостинный дворъ стоялъ пустъ, склонивъ на сторону верхній свой ярусъ. Нельзя было воздержаться, чтобъ не сравнить его съ старымъ бѣднымъ горюномъ, который, склонивъ голову къ плечу, мечтаетъ о дняхъ своей юности, о разрушенномъ благосостояніи.

«Прошло еще нѣсколько времени; постоянная тишина заставила меня навѣдаться о ярмаркѣ; но она давнымъ давно продолжалась, — какимъ образомъ? Когда настаетъ ночное время, мѣщане, жены ихъ, жены казацкія, по довѣренности отъ бродячихъ, и бродячіе сами, начинаютъ ходить по улицамъ, нѣвъ за пазухой или подъ фатами, или въ

узелкахъ, пушной товаръ. Приходя въ домъ, гдѣ предло-
гають сбытъ его, поздравляютъ съ праздникомъ и садят-
ся какъ знакомые: осматриваютъ весь уголъ, и, удостоверив-
шись, что никто не можетъ ихъ подслушать, вытаскива-
ютъ потихоньку звѣриныя шкуры, и предваряютъ, что
онъ не ихъ, а даны имъ только по комисіи. Бѣда, ежели
покупатель спроситъ, кому товаръ принадлежитъ! Тогда,
безъ отвѣта, безъ поклона, продавцы исчезаютъ. За пер-
выми являются другіе, третіе, и такъ далѣе, пока прой-
дутъ часы ночи.

«Таинственная эта продажа происходитъ отъ боязни бро-
дичихъ обнаружить свою собственность. Они скрываются
отъ казны и отъ купцевъ. Первая захватить у нихъ долгъ
за хлѣбъ, забираемый въ магазинахъ; послѣдніе присвоить
ихъ товаръ за сдѣланныя ими задолженія. Несмотря на
то, купцы умѣютъ всегда уладиться съ дикарями, успоко-
ивъ ихъ новыми задолженіями и съ припискою къ счету.
Какой дикарь знаетъ цифры или письменность! Ежели онъ
показываетъ этотъ счетъ постороннему, то остается дово-
ленъ, когда итогъ счета окажется сходенъ съ словами куп-
ца: разность, происходящая между истинною цѣною красна-
го и пушнаго товара, ему вовсе непонятна, особенно при
блескѣ бисера и стекларуса, при яркости шелковыхъ плат-
ковъ, при свѣжихъ папушахъ табаку и при увлекательномъ
запахѣ вина хлѣбнаго. А между-тѣмъ казна остается непо-
полненною, и самъ дикарь, съ половиною выгодною про-
тивъ того, что бы долженъ былъ получить за свою добы-
чу, и притомъ по безпрестаннымъ задолженіямъ, вѣчный
данникъ купечества.

«Разумется, правительство сдѣлало все, что можно, для
предупрежденія зла. Государю Императору угодно было
простить бродячимъ народамъ значительную недоимку за
многіе годы. Мѣстное начальство, на основаніи учрежде-
нія, разрѣшило частныя ихъ долги, простирающіеся свы-
ше 5 рублей на каждое лице. Отклоненъ, по возможности,
закупъ дикарями хлѣба изъ магазиновъ черезъ поощреніе
хлѣбнаго ввоза частными людьми въ Туруханскій край.
Бродячіе народы не имѣютъ уже поводовъ задолжи-
ваться казнѣ, и магазины приобрѣли одно приличное имъ

достоинство—быть полезными во время крайности. Суглапы, или ярмарки, уже не должны иначе открываться, какъ по взносу въ казну ясака инородцами, чтобы не дать времени купцамъ поставить ихъ въ невозможность исполнить обязанность свою относительно казны. Злоупотребленіе свободной торговли столь же вредно для Государства какъ и ея стѣсненіе.»

Въ пятомъ отдѣленіи, авторъ сообщаетъ много важныхъ замѣчаній, о состояніи ссыльныхъ.

«Въ Европейской Россіи нѣтъ на волю обвиненныхъ преступниковъ. Едва открываются они правительству, ихъ слѣдятъ, заключаютъ въ темницы и, съ опредѣленіемъ суда, отправляютъ въ Сибирь. Но здѣсь, объ руку съ своими преступленіями, которыя лишили ихъ права оставаться негодаями на мѣстѣ жительства; здѣсь, съ нравственностью, еще болѣе искаженною отъ сообщества съ закоренѣлыми злодѣями во время пути, здѣсь, въ Енисейской губерніи, они живутъ въ числѣ 24,750 между 50 000 государственныхъ крестьянъ.

«Любопытно, что въ этомъ числѣ преступниковъ находится только 5,895 женщины. Совершеннѣйшее ли физическое устройство, слабѣйшая ли напряженность души, сила ли ума удерживаютъ ихъ отъ преступленій, оставляю объяснять это психологамъ, но долженъ сказать, что женщины, рѣшившись однажды сдѣлаться преступницами, превышаютъ уже мужчинъ въ преступленіяхъ. Онѣ производятъ злодѣянія не только съ хладнокровіемъ, но съ какимъ-то удовольствіемъ. Двѣ молодыя замужнія ссыльныя, чтобы не жить съ мужьями, подвергли себя дальнѣйшей ссылке, утопивъ маленькую дѣвочку: онѣ взяли ее за ноги и вертели головою въ проруби, пока она захлебнулась. Для той же цѣли, три ссыльныя захватили къ себѣ маленькую дѣвочку, накормили молокомъ, яичкомъ, приласкали и удавили. Еще двѣ жены ссыльныхъ, чтобы слѣдовать въ Иркутскую губернію за своими любовниками, которыхъ сослали туда за новое преступленіе, убили дряхлаго старика. Вообще главное преступленіе ссыльныхъ

женщинъ имѣеть цѣлюю, такъ называемую, любовь. Главная цѣль мужчинъ, въ ихъ плутовствахъ и злодѣяніяхъ, есть приобретеніе.

«Прійди въ селеніе, опредѣленное для его пребыванія, ссыльный отыскиваетъ работы по необходимости; потому что долженъ одѣть себя, прокормить, согрѣть; и ежели не находитъ въ своей деревнѣ, можетъ идти съ билетомъ въ другую деревню, въ другую волость, въ другой уездъ. Рѣдко случается, особенно лѣтомъ, чтобъ ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою къ хозяину и въ отношеніи къ начальству. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду, и, несмотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ, или едва живетъ; иногда застигаетъ его глубокая зима, и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ; и когда сталкивается онъ съ другими бѣглецами, они вмѣстѣ составляютъ шайки разбойниковъ отъ восьми до двѣнадцати человекъ; отбѣгаютъ винтовки и промышленниковъ, лошадей у поселанъ, и подѣлывають атамана грабятъ проезжающихъ изрѣдка крестьянъ, но никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ иной годъ бываетъ двѣ, три. Онѣ жгутъ дома, пытаются на огнѣ хозяевъ, и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярка: большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощью крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ловятъ. Больше трехъ лѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи, и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волею угодно было за поимку ихъ награждать одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи; но Сибирь—колоссальный острогъ съ безчисленными полисадами: въ которомъ-нибудь изъ нихъ бѣглецовъ всегда поймають. Это случается по большей части къ зимѣ, и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собирають справки, потому что они безпрестанно обманываютъ, ихъ зимняя квартира—тюрьма. Съ перваго взгляда побѣги эти представляютъ ужасный безпорядокъ; но онъ не что иное, какъ простое нравственное броженіе которое дѣйствуетъ сдѣлано въ каждомъ, и уничтожается втѣмъ съ уничтоже-

нѣмъ надеждъ, которыя его питають. Трудъ Сибирскаго правительства, относительно побѣговъ, есть конечно трудъ Данаидъ, но что жъ изъ этого? Труды составляютъ обязанность каждаго чиновника, и самое существо дѣла всегда въ надлежащемъ порядкѣ: намѣреніе правительства выполнено, — люди, сосланные изъ Европейской Россіи за преступленіе въ Сибирь, находятся въ Сибири; надобно только, вмѣсто частей принимать въ соображеніе цѣлое, и считать общую тюрьму за тюрьму и Сибирь за губернію.

Занятія и сосредоточенный надзоръ были бы единственными средствами къ прекращенію подобныхъ покушеній. Но первое неисполнимо само по себѣ, и можетъ только служить условіемъ втораго. Слабая мануфактурная промышленность Енисейской губерніи не въ состояніи занять такого множества рукъ, а учрежденіе земледѣльческихъ колоній невозможно по причинѣ огромной несоразмѣрности, которая существуетъ между числомъ ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ. Нельзя ожидать ни какого успѣха отъ подобнаго предпріятія, пока поселенцы не будутъ имѣть семействъ, которыя привязывали бы ихъ къ новому образу жизни. Второе средство представляетъ менѣе трудностей, и правительство приняло мѣры для постепеннаго приведенія его въ исполненіе. Въ 1827 году, Государь Императоръ утвердилъ проектъ построенія двадцати двухъ деревень, гдѣ 5,955 ссыльныхъ будутъ заниматься земледѣльческими работами подъ надзоромъ особыхъ приставщиковъ. Мѣстное начальство дѣятельно заботится объ осуществленіи этихъ благихъ намѣреній.

Этнографическая часть книги начинается тщательнымъ сводомъ мнѣній различныхъ писателей о происхожденіи народовъ, населяющихъ Енисейскую губернію. Основаніемъ собственныхъ догадокъ автора объ этомъ предметъ служитъ болѣею частію сходство языковъ. Г. Степановъ сообщаетъ

много подробностей, чрезвычайно занимательныхъ для сравнительной Лингвистики. Отдавая справедливость его совѣстливому труду и остроумнымъ выводамъ, мы не пойдемъ за нимъ въ этотъ лабиринтъ гипотезъ, тѣмъ болѣе, что опасаемся не всегда быть съ нимъ согласными и вступить въ преніе, неинтересное для слушателей.

Дикіе народы, блуждающіе по снѣговымъ пустынямъ Сибири, различные между собою по языку и обычаямъ, имѣютъ почти одинаковыя религіозныя понятія: всѣ они вѣрятъ въ единаго Творца вселенной и въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Шаманы совсѣмъ не жрецы какого-нибудь особеннаго вѣроисповѣданія, не посредники между божествомъ и человѣчествомъ, какъ всегда думаютъ объ нихъ, а просто гадалки, колдуны. Самые лучшіе изъ нихъ — Тунгузы. Вообще въ нравахъ и обычаяхъ Сибирскихъ дикарей мало поэзіи: въ этомъ отношеніи они не имѣютъ ни какого сходства съ благородными племенами Америки. Причина весьма естественна: вѣчная борьба съ суровою природою, которая дорогою цѣною продаетъ имъ средства продолжать скудное существованіе, подавляетъ всякое внутреннее развитіе. Воинственныя и смѣтливѣе другихъ — Тунгузы. Авторъ рассказываетъ, что узнавъ о взятіи Москвы Французами, черезъ два года послѣ этого событія, они хотѣли спѣшить на лыжахъ на помощь Русскимъ. Можно судить объ образѣ жизни этихъ народовъ по описанію зимнихъ жилищъ Якутовъ.

«Зимовье заключается въ низкой, но большой связи, запотолоченной, но безъ кровли. Вся связь разделяется на избу и чуланъ съ одной стороны; на корридоръ и двѣ закуты съ другой, и тутъ живутъ и кормятся собаки. Изъ потолка выходитъ высокая труба, единственная примѣта зимовья, запесеннаго зимою снѣгомъ. Въ это время года,

пристроятся и свия къ зимовью изъ прекрасныхъ продолговатыхъ кубовъ льда. Кристаллы изъ того же вещества, но гораздо менше и тоньше, вставляются въ окна.

«Чего не рассказываютъ объ этихъ замкахъ Тундры? Иногда, какъ все семейство сидитъ возлѣ затопленной печи, вдругъ огонь погасаетъ съ шумомъ, густой дымъ бросается въ избу, ужасный вопль раздается по всему зимовью: это волкъ или рассомаха, рыская по сугробамъ, провалившись въ трубу. Иногда среди глубокой тишины: когда все семейство занимается домашними работами, является передовая собака во всей упряжи, и кладетъ переднія свои лапы на столъ, между-тѣмъ какъ двѣ другія задними ногами стоять въ устьѣ печки и мапуть передними по воздуху. Изъ печи лай, визгъ, и воя наполняютъ все зимовье. Это цѣлая упряжка собакъ: она также проваливалась въ печь, а парта и промышленникъ зацѣпились за трубу.»

Но, сообразивъ одно съ другимъ, это — поэзія. Когда мы прочитали это мѣсто у Г. Степанова, намъ вспало на мысль, что прелестной Коттоновой пьесъ, «Каминокъ съ пылающимъ огнемъ», не достаетъ только этой картины, чтобъ быть вѣрхомъ поэтического совершенства.

Сибирскіе Татары, язычники, поклоняются доброму богу, Кудаю, и злобному духу, Шайтану. Татары христіане не знаютъ ни заповѣдей, ни символа вѣры, и сохраняютъ много языческихъ обрядовъ. Этотъ народъ отличается кротостью нрава и патріархальнымъ образомъ жизни. У нихъ есть странная склонность, какъ у Японцевъ, мстить самоубійствомъ: случалось, что мужъ убивалъ себя, желая отмстить женѣ за невѣрность или наказать ее за то, что она не давала ему за ложить въ кабакъ что-нибудь изъ своихъ нарядовъ. Можно вообразить, какъ эта месть жестоко дѣйствуетъ надъ женщинами, у которыхъ есть любовники или мужа пьаницы. Но вообще они преданы пьянству.

Быть Русскихъ крестьянъ въ Сибири является много оригинальнаго. Возьмемъ только ихъ игры.

«Здѣсь играютъ въ ящеръ, известный во всей Россіи, въ просу, въ горьки или разлуку, въ драгуны: каждый мужчина выбираетъ для себя женщину, и садятся въ кружокъ попарно. По-серединѣ скамья, и при ней дѣвушка съ жгутомъ. Она подходитъ къ любимому мужчигъ, даетъ ударъ, и спрашиваетъ — «Дома ли драгунъ?» — Дома — «Выводи же на смотръ своего коня», — и мужчина подводитъ свою избранную къ скамьѣ. Она должна перепрыгнуть; ежели задвнетъ, тогда бьетъ ее инспектриса, и, садясь на я мѣсто, передаетъ ей жгутъ; ежели не задвнетъ, получаетъ въ награду поцѣлуй отъ своего драгуна, и снова садится съ нимъ вмѣстѣ. Если дѣвка заупрямится прыгать, то всѣ дѣвушки бьютъ драгуна, приговаривая. — «Зачѣмъ худо кормишь!» Тогда начинается онъ кормить лошадку поцѣлуями, что продолжается до тѣхъ поръ, пока лошадка рѣшится прыгнуть.

«Играютъ въ фанты: дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой каждый куплетъ оканчивается приказомъ такому-то мужчигъ похитить вѣнчикъ у такой-то дѣвицы. По счастью, это значить только взять у нея фантъ, который выкупается поцѣлуями.

«Въ Семикъ завиваютъ вѣнки, а въ Троицынъ день бросаютъ ихъ въ воду. На масленицѣ въ маскахъ, переодѣтые, ходятъ изъ деревни въ деревню. Строятъ укрѣпленія изъ льду съ воротами; сажаютъ гарнизонъ и дѣлаютъ приступъ пѣшие и конные. Первые взбираются на стѣны; послѣдніе рвутся въ ворота. Метлы и нагайки составляютъ оружіе.

«На святкахъ гадаютъ: подслушиваютъ, — хорошія рѣчи въ пользу, дурныя не къ добру; хорошій отпечатокъ — выгодно, не совсѣмъ хорошій — плохо. Дѣвка подходитъ къ чистому березовому тыпу, распахнетъ объ руки и сколько ими захватитъ тычинокъ, замѣтитъ. Потомъ, прикасаясь къ каждой, говоритъ: «Молодецъ, вдовець, молодець, вдовець», и на какомъ словѣ послѣдняя изъ замѣченныхъ тычинокъ придется, такой будетъ и суженой.

Это довольно похоже на Французско-Петербургское — *Je vous aime, un peu, beaucoup, passionnément, pas du tout.*

Поцѣлуй не последнее дѣло въ Енисейской губерніи. Здѣсь есть пляска, шестерка и осмерка, смотря по парамъ, которыя составляютъ ее, гдѣ безпрестанно летаютъ поцѣлуйи. Раздается хоръ пѣсень, сопровождаемый иногда скрышкой, свирелью, даже флейтою, кларнетомъ, и кругъ, сомкнутый надъ парь, начинаетъ вертѣться; потомъ останавливается; каждая пара вертится на мѣстѣ и при окончаніи цѣлуется: каждый мужчина вертится по очереди съ каждою дѣвицею и цѣлуются. Этого мало: мужчина беретъ вдругъ по двѣ дѣвицы и по два поцѣлуйа. Это настоящее «Царство поцѣлуевъ» Скриба!

Кромѣ праздниковъ общихъ и семейныхъ, дѣлаются вечерняки заказныя; бываютъ посидѣлки и вечера канустные. Два послѣдніе обычая известны во многихъ странахъ Россіи; первые похожи на рудутку: молодые парни, желая повеселиться, нанимаютъ какого-нибудь крестьянина, чтобъ онъ сдѣлалъ отъ себя праздникъ и пригласилъ тѣхъ, кого они желаютъ угостить.

Сибирскіе крестьяне вообще одарены сильными способностями ума, и часто подъ видомъ наружнаго хладнокровія скрываютъ самыя неукротимыя страсти. Преобладающая ихъ страсть — мщеніе, но не въ Тунгусскомъ вкусѣ. Впрочемъ, несмотря на эти недостатки, они не только не принимаютъ порочныхъ склонностей преступниковъ, живущихъ съ ними, но даже замѣчено, что ссыльные дѣлаются въ Сибири лучше и оставляютъ свои дурные навыки. Еще одна похвальная черта Сибиряковъ есть въжливость.

«Крестьяне Сибирскіе очень въжливы въ своихъ объясненіяхъ другъ съ другомъ: таковы они и въ самыхъ дѣя-

ствіяхъ. У нихъ жепщины занимають первыя мѣста на пирушкахъ, и ежели тѣсно помѣщеніе, то всѣ мужчныя стоятъ. Между ними наблюдается посвященіе больныхъ, подравленіе съ именнами, съ праздникомъ, съ рожденіемъ дитяти. При этомъ случаѣ кладутъ родильницѣ подъ подушку деньги: крестный отецъ передаривается съ крестною матерью и плагать за крестины священнику.»

Въ послѣднемъ отдѣленіи заключается, какъ мы сказали, краткая исторія Енисейской губерніи: это простой очеркъ, но очеркъ ясный и удовлетворительный.

Книга заключается спискомъ разстояній Енисейской губерніи и статистическою ея таблицею.

Эти выписки, которыя можно было бы умножить до безконечности, достаточно показываютъ, что разсматриваемое нами сочиненіе, кромѣ своей ученой важности, чрезвычайно любопытно и можетъ составить весьма пріятное чтеніе, хоть оно и Статистика. Но еще большаго вниманія заслуживаетъ оно со стороны мыслящихъ читателей. Если бъ у насъ были подобныя описанія всѣхъ частей имперіи мы могли бы похвалиться передъ сосѣдями рядомъ превосходныхъ статистическихъ твореній. Единственный общій недостатокъ, который мы здѣсь замѣтили, это слогъ слишкомъ неровный и подчасъ очень не свѣтскій, очень не изящный. Случалось, что мы должны были доискиваться смысла въ фразахъ автора: чтобъ не возлагать этого труда на нашихъ читателей, мы, изъ вѣжливости къ нимъ, принуждены были въ приводимыхъ выпискахъ придать болѣе опредѣлительности многимъ выраженіямъ и вообще провести слегка пемзу по слогу, по всегдашнему и зѣло похвальному нашему обычаю.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОШКА.

А В Г У С Т Ъ , 1835.

НОВЫЯ КНИЖИ.

Наслѣдница. *Быль вмѣсто романа, или романъ вмѣсто были.* Сочиненіе Петра Сумарокова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 302—336.

Какой-то князь покупаетъ деревню съ домомъ. Въ домѣ есть кабинетъ, въ кабинетѣ есть полъ, а на полу оказывается кровь. Чего ради, князь съ княгиней непременно хотѣть знать исторію этой крови. Сосѣдъ берется удовлетворить ихъ любопытство, и рассказываетъ имъ простое, обыкновенное происшествіе, довольно занимательное, хотя и небогатое трогательными сценами и примѣтными характерами.

Авторъ слишкомъ часто забываетъ, что его повѣсть рассказывается. Услужливый сосѣдъ говоритъ такія вещи, которыя могутъ быть только написаны. Это не хорошо. Онъ читаетъ наизусть письмо, которое тянется нѣсколько страницъ и не имѣетъ почти ни какого, интереса. Вотъ это письмо ему следовало забыть, — за что князь и княгиня вообще, и мы въ особенности, были бы ему очень благодарны.

Ужасный бракъ. *Событіе XVII вѣка, начеркнутое изъ записокъ одного Англійскаго путешественника.* Сочиненіе Петра Машкова. СПб.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи. 1835, въ-12., стр. 147.

Какіе превосходные эпитафы!

Лорендо жилъ, грабилъ и умеръ. Элеонора жила, вышла замужъ и умерла. Это называется — ужасный бракъ.

Но эпитафы превосходны.

Т. XII. — Отд. VI.

17.

Сцены современной жизни. *Сочиненіе Алексѣя Москвичина. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Три части, стр. 142 — 118 — 113.*

Такъ какъ теперь всѣ описываютъ своихъ знакомцевъ, то почему жъ Г. Алексѣю Москвичину нельзя было бы описывать своихъ? Г. Москвичинъ очень хорошо сдѣлалъ, что описалъ своихъ знакомцевъ.

Есть люди, которые непременно хотятъ быть знакомыми съ сочинителями, не имѣя въ себѣ ничего годнаго для печати! Пусть же знакомцы Г. Алексѣя Москвичина прочитаютъ его «Сцены современной жизни», — и покраснѣютъ при мысли, что объ нихъ нельзя даже напечатать ничего занимательнаго. Повѣсти Г. Алексѣя Москвичина возбуждаютъ — зевоту.

Новѣйшія повѣсти и рассказы. *Сочиненіе Евгенія Сю, Бальзака и Ожера. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 132 — 132.*

Г. Платонъ Зубовъ напрасно думаетъ, что, когда онъ не выставитъ своего имени на заглавномъ листѣ, никто не узнаетъ его. Мы такъ хорошо набили глазъ его неподражаемымъ слогомъ, что, послѣ трехъ страницъ, воскликнули въ восторгъ: «Да это авторъ «Картинъ» Кавказскихъ, Закавказскихъ и разныхъ другихъ!» Можетъ статься, мы ошибаемся; но не всякому дается дѣлать такія ошибки: такъ ошибаются только храбрые, — которые не страшатся ни языка, ни слога Г. Зубова, и читаютъ его «Картинны» подъ градомъ картечи сего и онаго и бомбъ вышеупомянутаго, въ черномъ дыму его удушливыхъ періодовъ.

Лучшая повѣсть въ этомъ собраніи — «Отравители». Она по крайней-мѣрѣ занимательна по предмету. Но неправильный, тяжелый переводъ, и языкъ совершенно Скисскій, которые обезобразили прелесть ея подлинника, напавалъ убили другіе рассказы, менѣе сильные сложеніемъ. Громоздятся длинныя, ужасно длинныя фразы; во фразахъ трудно добраться до смысла, а Русскаго языка нигдѣ нѣтъ и въ заводѣ. Переводчикъ долженъ имѣть странное понятіе

объ изящномъ, когда блистательный, свѣтскій языкъ подлинниковъ онъ замѣняетъ грубымъ голосомъ повѣтъя, которыми можно переводить только купчія!

Переводы съ Французскаго прозою, и сочиненія въ стихахъ Н. Кожухова. Москва, въ тип. Инстит. Восточныхъ языковъ, 1835, въ-12., стр. 24.

Въ стихахъ Г. Кожухова есть «Сповідніе», есть «Мадригалъ», есть «Эпитафія» и есть «Эпиграмма». Эпиграмма намъ очень нравится, особенно по своей сильной и блистательной краткости:

«Поэтъ Ермошка
Мяукаетъ какъ кошка.»

Баронъ Брамбеусъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Н. Соколова.* Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-8., стр. 78.

Въ началѣ нынѣшняго года, мы читали небольшую повѣсть, «Баронъ Брамбеусъ», въ которой было нѣсколько веселости и ума. Изъ этой повѣсти Г. Соколовъ сдѣлалъ водевиль, въ которой нѣтъ ни ума, ни веселости. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что это первое сочиненіе.

Одно обстоятельство поражаетъ насъ очень непріятнымъ образомъ, не только въ этомъ водевилѣ, но и во многихъ другихъ Московскихъ сочиненіяхъ: тамошніе авторы, какъ скоро приходится имъ изобразить типъ мѣстнаго журналиста, вмѣняютъ себя въ обязанность всегда представлять человека, лишеннаго всѣхъ благородныхъ чувствъ, гнуснаго, злаго, невѣжественнаго. Для чести нашей литературы, мы готовы быть увѣренными, что все это — преувеличенія!

Ханскій чай. *Сельскій водевиль въ одномъ дѣйствіи.* Сочиненіе Алипанова. СП.-бургъ, въ тип. Иверсена, 1835, въ-8., стр. 84.

Крестьянинъ, Иванъ Чаевъ, повхавшій въ Петербургъ на четверкъ вороныхъ въ извозъ и воротившійся въ деревню «на кнутъ», привезъ домой только страсть къ чаю. Эта страсть однако жъ не помѣшала у него другой стра-

сти, — любви, которая иногда бываетъ сильнѣе чаю, а иногда нѣтъ, — смотря по сорту чаю и любви. Чайный эстетикъ, Иванъ Чаевъ, влюбленъ въ Дуню со всею пламенностью самовара, и уже получилъ согласіе ея тетки Акулины. Но Дуня, которая чаю не кушаетъ, любитъ другаго. Она любитъ Григорія, ученаго парня, который, — какъ онъ тоже не охотникъ до чаю, — занимается магнетизмомъ. Дуня плачетъ, Дуня рвется, поетъ унылыя пѣсни, а Григорій угощаетъ своего соперника такимъ чаемъ, что тотъ уступаетъ ему невѣсту за пудъ этого чаю. Пудъ — очень много: мы знаемъ примѣръ, въ которомъ подобная уступка состоялась за три фунта. Дѣло слажено. Григорій женится, Чаевъ остается въ дуракахъ. Въ такомъ критическомъ положеніи можно только пѣть куплеты. Онъ это и дѣлаетъ.

Часы благоговѣнія для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему богопочтенію. Часть первая: Бесѣды христіанскаго семейства. Переводъ съ Нѣмецкаго четырнадцатаго изданія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Сп. — бургъ, въ тип. Э. З. Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8., стр. XX и 368.

Мы уже говорили въ прошломъ году объ этомъ превосходномъ твореніи. Любители назидательныхъ книгъ конечно съ удовольствіемъ узнаютъ о второмъ изданіи «Часовъ благоговѣнія», которое отличается также своею типографическою красавицею.

Трудолюбіе, умеренность и промышленность. Нравоученіе для дѣтей. Изъ сочиненій Франклина. Переводъ съ Англійскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 48.

Мы не знаемъ дѣтской книжки на Русскомъ языкѣ, которую мы дали бы охотнѣе въ руки дѣтямъ, чѣмъ эту. Превосходныя нравственныя правила объяснены въ ней примѣрами, которые всегда дѣйствуютъ сильнѣе самыхъ превосходныхъ правилъ. Если бѣ изданіе было нѣсколько изящнѣе, мы бы сейчасъ же женились, чтобъ имѣть дѣтей для этой книжки. Но изданіе не хорошо!...

Азбука, приспособленная къ понятіямъ пяти или шести лѣтняго ребенка. Составленная въ 1835 году. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ 18., стр. 59.

Даже не читавши предисловія, изъ котораго видно, что полезная эта книжка написана дамою, и гдѣ такъ просто и такъ остроумно изложена цель ея, легко было бы отгадать въ ней трудъ матери-наставницы. Въ самомъ дѣлѣ, кто способенѣе облегчитъ ребенку первые, самые трудные шаги на поприщѣ ученія, сначала такъ незаманчивомъ для его рѣзваго любопытства? И что благороднѣе для матери, послѣ вскормленія ребенка собственною грудью, если не обучать его первымъ началамъ знанія? Материнская проницаемость, этотъ утонченный женскій тактъ, незамѣнима ни какимъ стараніемъ учителя.

При обыкновенномъ способѣ преподаванія, дитя не видитъ конца грудамъ складовъ, безмысленныхъ, мертвыхъ, скучныхъ, утомительныхъ; урокъ становится для него мукою, а первое тягостное впечатлѣніе, повторяющееся каждый день, рѣдко проходитъ безъ послѣдствій. Цель книжки, изданной Г-жею М. М., состояла въ томъ, чтобы по возможности исправить этотъ недостатокъ, и онъ исправленъ ею очень замысловато. Мы увѣрены, что каждая мать семейства будетъ отъ души благодарить ее за этотъ мелкій, но прекрасно выполненный трудъ, и, прочитавъ ея «Азбуку», примется сама учить по ней своихъ малютокъ, если бы даже никогда и не подумала объ этомъ прежде. За успѣхъ мы отвечаемъ.

THE ENGLISH STUDENT'S MANUAL, or *Miscellaneous pieces, selected from the best prose writers, etc.* By Edward Harwey. Vol. II, being a dictionary and a grammar. Moscow. Selivanoffsky. 1835. 8-vo. p. 172.

Краткая англійская грамматика, служащая дополненіемъ къ ручной книгѣ для обучающихся Англійскому языку (The English student's Manual). Изданная Е. Гарвей, лекторомъ Англійской словесности при Московскомъ университетѣ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835. въ-8., стр. 46.

НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ ДЛѢ УЧИЛИЩЪ. *Сочиненіе* профессора Погодина. Москва въ тип. Унив. 1835, въ-8., стр. 323.

Съ тѣмъ же чувствомъ убѣжденія въ своемъ безпристрастїи, съ какимъ мы осудили въ прошломъ мѣсяцѣ «Исторїю въ лицахъ» Г. Погодина, въ нынѣшнемъ считаемъ своей обязанностью воздать полную похвалу его «Начертанію Русской Исторїи для училищъ», труду прекрасному, который утвердить за сочинителемъ прїобрѣтенную славу отличнаго профессора отечественной исторїи.

«Начертаніе Русской Исторїи для училищъ» — книга хорошая и хорошо выполненная. Она кратка и удовлетворительна. Всѣ важнѣйшія событія, всѣ рѣзкія черты нашей исторїи схвачены удачно и обозначены вѣрно. Ограничившись тѣсными предѣлами учебнаго руководства, ученый профессоръ не могъ входить въ подробности и мелочи, а тѣмъ менѣе вдаваться въ рѣшеніе споровъ и недоразумѣній. Онъ представилъ Русскую исторїю въ такомъ видѣ, въ какомъ она здовѣла при смерти Карамзина. Новыя теорїи, еще неразвитыя, еще недоказанныя, не должны затмѣвать понятій воспитанниковъ неумѣстнымъ скептицизмомъ. При всей сжатости, нѣкоторыя эпохи изложены такъ превосходно, что самая ясность сюжета картины равняется полнотѣ, достигаемой подробностями. Особенно хорошо обработана эпоха съ Шуйскаго до Петра Великаго.

Мы желали бъ видѣть это сочиненіе введеннымъ въ училища, потому что лучшаго руководства невозможно предложить ни преподавателю, ни ученику; но намъ кажется, что въ такомъ случаѣ Г. Погодинъ сдѣлалъ бы его еще совершеннѣе и полезнѣе, присовокупивъ къ своему тексту небольшой томъ примѣчаній, по алфавитному или по другому порядку, и означивъ въ нихъ, противъ каждаго главнаго факта, источники, гдѣ учащійся можетъ почерпнуть знаніе подробностей, и книги, въ которыхъ заключаются лучшія разсужденія о томъ же фактѣ. Эту методу мы почитаемъ за лучшую въ учебныхъ книгахъ.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ *Единодержавіа Петра I до смерти Александра I.* Со-

издана Ю. Гагемейстера. СПб.—бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. V и 129.

Брошюра Г. Гагемейстера представляет соединенными на немногихъ страницахъ свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ сочиненіямъ Русскимъ и иностраннымъ, о постепенномъ распространѣніи предѣловъ имперіи по праву войны, по добровольнымъ уступкамъ или вслѣдствіе открытій земель неизвѣстныхъ. Все разсужденіе основано на парадоксѣ, напечатанномъ на первой страницѣ, — будто быстрое распространѣніе государства произошло *единственно* отъ стеченія обстоятельствъ, назначившихъ Россіи среди четырехъ морей естественныя ея предѣлы, и что Россія, по своей обширности и скудному народонаселенію, не можетъ быть завоевательницею и никогда ею не была. Все это очень сомнительно и, сверхъ-того, не совсѣмъ согласуемо со всеобщою исторіею. Мы знаемъ десятковъ чловѣкъ страшныхъ завоевателей, которые вышли изъ странъ обширныхъ и весьма дурно заселенныхъ.

Это краеугольный камень, на которомъ покоится вся компиляція Г. Гагемейстера,—камень, вывезенный изъ Германіи. Авторъ, кажется, хотѣлъ польстить Россіи, и между-тѣмъ обидѣлъ ее съ самой чувствительной стороны: ежели ея распространѣніе произошло *единственно* отъ стеченія обстоятельствъ, которыя помѣстили ее среди четырехъ морей, искони и неизбѣжно назначенныхъ быть ея границами,—во что жъ тогда, при этомъ фатализмѣ, превратится наша Русская храбрость? Слѣдственно, мы не заслуживаемъ ни какой славы за то, что распространили наши предѣлы! Слѣдственно, намъ было предопредѣлено добратся до четырехъ морей, мы добрались, и все тутъ! Геній нашихъ полководцевъ, дальновидная мудрость нашихъ государей, были *единственно* послѣдствія стеченія обстоятельствъ! Мы побѣдили нашихъ враговъ только оттого, что намъ вѣрно сидѣть между четырехъ морей! Наши враги должны приписать свое низложеніе не нашему мужеству, а четыремъ морямъ, противъ которыхъ нечего и сражаться!!.... Неловкая лестъ пуше самой брани. Г. Гагемейстеру слѣдовало хвалить умѣренность и великодушіе

Россіи, которая, будучи въ силахъ и неоднократно имѣвъ случай распространить свои владѣнія гораздо далѣе и сдѣлать ихъ вдвое обширнѣйшими, не хотѣла и не хочетъ пользоваться своими преимуществами, а не превращать ее въ машину, дѣйствующую въ пользу рока и его четырехъ морей. Мы завоеватели, — и не стыдимся этого имени, но завоеватели великодушные и умѣренные среди самыхъ побѣдъ: мы покоряли соседнія земли, пужныя для безопасности и благоденствія нашего отечества: теперь оно безопасно, наслаждается благоденствіемъ, и мы не хотимъ болѣе чужаго; мы побеждаемъ врага и даримъ ему полъ нашей побѣды. Вотъ гдѣ настоящая похвала Россіи!

По исчисленіямъ Г. Гагемейстера, Россія заключала въ себя, при смерти Петра Великаго, 275, 815 кв. миль; при смерти Елисаветы 320, 524; при смерти Павла 349, 472; при смерти Императора Александра 362, 890; теперь содержитъ 363, 450, такъ, что со времянь Петра Великаго она приобрѣла до 100,000 кв. миль.

Таблицы постепеннаго распространенія Россіи до Петра I были бы еще любопытнѣе; но свѣдѣній объ этомъ не находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, по которому Г. Гагемейстеръ составилъ свою книжку, и мы должны благодарить его только за обзорнѣе предмета со времянь великаго преобразователя. Впрочемъ мы охотно умножили бы нашу благодарность еще кое-чемъ, если бъ книжка была изящнѣе написана. Г. Гагемейстеръ не владѣеть языкомъ.

Древнѣйшее Русское право въ историческомъ его раскрытіи. Сочиненіе І. Ф. Г. Эверса. Перевелъ съ Нѣмецкаго Иванъ Платоновъ. СПб.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ-8., стр. XXII и 422.

Сочиненіе покойнаго Эверса выходитъ Русскими буквами въ самое ненастное для него время. Съ одной стороны противъ него воюетъ новая историческая школа, оспаривающая достовѣрность и древность нашихъ летописей; съ другой ученый профессоръ М. Т. Каченовскій издаетъ, какъ мы слышали, въ Москвѣ, свое разсужденіе о Русской Прав-

дѣ вполне. И съ той и съ этой стороны нанесены будутъ сочиненію Эверса такіе удары, отъ которыхъ оно неизбежно разсыплется въ прахъ со всеми своими ссылками на Нестора.

Мы сказали, что сочиненіе Эверса выходитъ «Русскими буквами», и наставляемъ на это выраженіе, которое должно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Оно напечатано только Русскими буквами, но не по-Русски. Такого дурнаго и дикаго говора мы уже давно, — уже почти три мѣсяца, не встрѣчали даже въ ученыхъ книгахъ. Мы говоримъ это только въ отношеніи къ этому прекрасному, свѣжому, живому Русскому языку, который все мы высосали вмѣстѣ съ молокомъ изъ Русской груди нашихъ матерей. Легко можетъ статься, что, какъ языкъ книжный, этотъ дикій говоръ и очень прекрасенъ: извѣстно, что книжный языкъ, чѣмъ дальше отъ настоящаго Русскаго, чѣмъ непохожѣе на него, тѣмъ книжнѣе. Какъ мы его не понимаемъ, то и не хотимъ опредѣлять степени книжной изящности перевода Г. Платонова. Все, что мы въ состояніи сказать, ограничивается тѣмъ, что переводъ столько же вѣренъ, сколько ужасенъ, или, быть-можетъ, очень немногимъ болѣе ужасенъ чѣмъ вѣренъ, и что языкъ его напоминаетъ великихъ патріарховъ книжнаго языка, Болтина и Татищева. Періоды тянутся въ безконечность; конструкція фразъ почти вездѣ неправильна, а самыя фразы шероховаты и жестки. Пора бы, право, переводить и ученые книги языкомъ пристойнымъ, несмотря на то, что онъ ученый.

Енисейская губернія. *СП.-бурзь, въ тѣл. Вилгебера, 1835, въ-8. Дѣлъ части, стр. 276 — 139 и XIV, съ двѣмя планами.*

Авторъ этого сочиненія — Г. Степановъ, бывший губернаторъ Енисейской губерніи. Оно посвящено Государю Императору, и имѣетъ эпиграфомъ слова изъ Плиніева «Панегирика» Траяну: «Нѣтъ никого; ктобы не мыслить, что Тебѣ извѣстно всякое дѣйствіе, направленное ко благу, даже въ отдаленнѣйшихъ областяхъ. Полезно, Цезарь, и услужительно для ихъ правителей, имѣть въ виду столь великую награду: она обезпечиваетъ правителей, что ихъ без-

«пристрастіе и усердіе будутъ извѣстны Императору и удостоены его благоволенія.» Невозможно полезнѣе и благодарнѣе употребить свидѣній, приобретенныхъ на службѣ, какъ отдавъ въ нихъ отчетъ всенародно Отцу отечества. Книга Г. Степанова такъ любопытна и подлинность многочисленныхъ ея данныхъ такъ обезпечена самымъ положеніемъ, которымъ пользовался сочинитель, что мы непременно познакомимъ нашихъ читателей съ ея содержаніемъ. Felix, qui poteret..... Но этого мало: не одинъ разъ, а дважды счастливъ тотъ, кто можетъ писать такія милыя повѣсти и такія основательныя статистики!

4. УСТРОЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ или *Расположеніе естественныхъ видовъ по ихъ проявленіямъ*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835. въ-8., стр. 80.

2. Естество міра, или *Вѣчность во времени, а пространство въ объемъ*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 65.

3. Очертательность естества или *наружная форма проявленій*. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 45.

Господинъ А. Т., по-видимому великій философъ, хочетъ измучить природу брошюрами.

Мы уже имѣли однажды случай познакомить читателей съ философіею господина А. Т. Что касается до «проявительности» этихъ трехъ брошюръ, которыхъ «очертательность», несмотря на ихъ «совокупительность», не отличается большою «видеообъемлемостью», то должно признаться, что она была немножко странна. Авторъ поднесъ свои брошюры Московскимъ дамамъ.

«Милостивыя государыни!» сказалъ онъ. «Представляя на судъ просвѣщенной публички сіе сочиненіе, желаю оное посвятить прекрасному полу рода человѣческаго.....»

«Вамъ, благовоспитанныя женщины и дѣвицы хочу я показать, какова очертательность естества.....»

«Вамъ, благовоспитанныя женщины и дѣвицы, подшошу многихъ лѣтъ моего занятія и наблюдательности природы въ общей связи вселивой необходимый и ежечасно представляющійся любознательности нашей, безъ котораго человекъ не можетъ понимать естества.....»

«..... Ни услаждать себя зрѣніемъ. Безъ наружныхъ формъ очертанія превосходное нашего органама ощущеніе: видѣть — было бы для человека не нужно и бесполезно, и природа естества.....»

«Кому болѣе можетъ принадлежать разсужденіе о наружной формѣ естества.....»

«..... Какъ не вамъ, прелестнѣйшія изъ всѣхъ видовъ нашей планеты созданія! Вы — идеаль ощущаемой красоты, впечатлѣваемой на органахъ чувствъ нашихъ вышннмъ видомъ предмета, привлекающія чувствительность какъ всеобщее тяготѣніе вселенной.....»

«Вамъ, милостивыя государыни, принадлежитъ умозрительность *сею* предмета!.....»

«Вамъ число и видъ формъ очертательностей естества!.....»

«Нѣжная образовательность женскихъ нервъ чувствительности!.....»

Но брошюрки вышли въ желтыхъ оберткахъ, и это предисловіе напечатано отъ слова до слова.

Отъ чего и отъ того, или *Краткое объясненіе нѣкоторыхъ явленій въ природѣ. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-12., стр. 98.*

Эта книжка переведена съ Французскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями, и заключаетъ въ себя вопросы и отвѣты, посредствомъ которыхъ объясняются явленія, происходящія отъ огня, воздуха, воды и свѣта. Вопрошающій, для большей занимательности представленъ дуракомъ, который не знаетъ даже того, отчего изъ печей идетъ дымъ, отчего свѣчка гаснетъ, когда ее гасятъ, отчего при туманѣ бываетъ пасмурно, и прочая. Нѣкоторыя явленія объясняются тѣмъ, что «такъ ихъ сотворилъ Богъ.»

Впрочемъ книга такого рода можетъ быть чрезвычайно полезна многимъ.

Переводъ хорошъ.

Русская Математическая Энциклопедія. *Книжка III, Алгебра. Изданіе второе, исправленное. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-16., стр. 604.*

Деревенскій Врачебникъ или *Наставленіе о леченіи болѣзней безъ помощи врача простыми средствами.* С. Х. Р. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 66.

«Деревенскій Врачебникъ» лечитъ все болѣзни помощію лапушнаго корня и ясеневымъ деревомъ. Въ случаѣ неуспѣха, онъ совѣтуетъ прибѣгать къ «ученому» врачу, какъ къ самому крайнему средству. Это очень мудрая книженка.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюля 10, 1835 года. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-4., стр. 29 — 16 — 23.

Въ запискѣ о состояніи университета, приложенной въ концѣ рѣчей, и которую мы всегда читаемъ прежде, показано, что въ минувшемъ учебномъ году было въ Московскомъ Университетѣ студентовъ, державшихъ экзамены, 370 человекъ; именно, по факультету нравственно-политическому 104, по математическому 53, по словесному 71, и по медицинскому 162. Но считая и тѣхъ, которые не подвергались испытаніямъ, общее число слушателей простиралось до 424, изъ которыхъ 112 человекъ на казенномъ иждивеніи. Следовательно своекоштныхъ было 312.

Изъ той же записки мы узнаемъ, что Московское Общество Испытателей Природы имѣетъ теперь 969 членовъ: это, мы думаемъ, самое многочисленное ученое общество въ Европѣ.

Г. профессоръ Васильевъ, въ рѣчи, читанной на Русскомъ языкѣ, изобразилъ съ примѣчательною ясностью развитіе и ходъ политической. Рѣчь Г. профессора, De artificiorum fatis apud Graecos et Romanos, не восхитила насъ своей латынью, но содержаніе ея любопытно.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Г. Сухановъ издаетъ новое собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Сельскіе листки». Известно всѣмъ, что мы любимъ родъ и талантъ этого пріятнаго поэта.

— Читатели наши вѣроятно помнятъ прекрасную статью, «Каспійская торговля», помѣщенную у насъ въ прошломъ году. То было сочиненіе Г. Небольсина, котораго статьи, хорошо обдуманныя и изобилующія любопытными подробностями, часто отличаются въ «Коммерческой Газетѣ». Любители предмета конечно узнаютъ съ удовольствіемъ, что Г. Небольсинъ, издаетъ теперь свои многолѣтнія изысканія въ видѣ систематическаго дѣлаго, и подъ заглавіемъ — «Статистическія записки о внѣшней торговлѣ Россіи» въ двухъ частяхъ. Первый томъ представляетъ описаніе внѣшней торговли черезъ всѣ пункты морской и сухопутной границы; второй будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ свои замѣчанія о различныхъ отрасляхъ внѣшней торговли; краткую исторію ея хода въ разныхъ портахъ, ея нынѣшнее состояніе, наконецъ способы къ ея улучшенію; во второмъ систему управленія и правительственнаго надзора по внѣшней торговлѣ. Эта книга должна обратить на себя вниманіе читателей полезныхъ и основательныхъ сочиненій.

— Сейчасъ получили мы изъ Копенгагена объявленіе та-мошняго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ о предпринимаемомъ ими изданіи Скандинавскихъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ землямъ и народамъ древней Россіи. Читатели наши легко припомнятъ, что Библіотека для Чтенія подробно говорила въ началѣ прошлаго года, по поводу «Эймундовой Саги», о трудахъ этого ученаго общества, и о намѣреніи его издать со временемъ, въ видѣ особаго сочиненія, все, что въ Сагахъ и неизданныхъ остаткахъ Скандинавской литературы заключается любопытнаго и важнаго для первоначальной исторіи нашего народа.

Въ объявленіи между-прочимъ сказано:

«Королевское общество северныхъ Антикваріевъ, котораго труды, удостоились Высочайшаго благоволенія Августѣйшаго Самодержца Всероссійскаго, Императора Николая, и живаго участія многихъ Русскихъ вельможъ, влечетъ себя въ непремѣнную обязанность издать особое собраніе всѣхъ извѣстій, какія находятся въ древнихъ Исландскихъ рукописяхъ, касательно частыхъ сношеній, существовавшихъ между обитателями Россіи и Скандинавіи съ баснословной древности до исхода XIV вѣка.

«Собраніе это раздѣлено будетъ на четыре главныя части:

«I. Древнія сказанія, гдѣ многи смѣшиваются съ исторіею; стихотворенія и преданія самой глубокой старины.

«II. Разказы и извѣстія чисто историческія, которыя составятъ главную часть всего труда.

«III. Руническія надписи, гдѣ говорится о Варягахъ, и замѣчательныхъ лицахъ другихъ племенъ.

«IV. Дипломы и другіе акты среднихъ вѣковъ, писанные на Исландскомъ и другихъ Скандинавскихъ наречіяхъ.

«Текстъ будетъ напечатанъ съ лучшихъ древнихъ рукописей со всей тщательностью, какой требуетъ подобное предпріятіе. Его полагають однако жъ свѣрять съ другими хорошими рукописями и отмѣчать дополненія и варіанты. Къ этому присовокупится точный Латинскій переводъ съ историческими и филологическими примѣчаніями на Латинскомъ же языкѣ для объясненія текста. Сверхъ того приложено будетъ нѣсколько картъ древней Руси и смежныхъ земель, съ ихъ Скандинавскими названіями и со всеми объясненіями, какія доставитъ географія этой эпохи. Съ важнѣйшихъ рукописей сдѣланы будутъ fac-simile. Все собраніе будетъ состоять изъ одного или двухъ томовъ въ-4.»

Когда, въ первой книжкѣ Б. для Ч., мы говорили о предположеніи этого важнаго труда, и обращались къ Русской публикѣ о содѣйствіи ему нужнымъ капиталомъ, мы почти не ожидали, чтобъ ученые и дѣятельные члены Общества Северныхъ Антикваріевъ могли такъ скоро приступить къ исполненію своей мысли. Честь и слава тѣмъ

изъ любителей отечественной исторіи, которые приняли въ этомъ народномъ дѣлѣ участіе, столь благородное и столь достойное Русскаго патриотизма.

Сочиненіе выйдетъ въ свѣтъ въ Копенгагенѣ, подъ заглавіемъ—*ANTIQUITATES ROSSICAE*. Оно будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ, сколько окажется подпизчиковъ. Черезъ три мѣсяца по закрытіи подписки, начнется печатаніе и будетъ продолжаемо со всею возможною скоростью. Цѣна подписки — десять червонныхъ (115 рублей ассигнаціями). Книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, желая облегчить любителямъ отечественной исторіи пріобрѣтеніе этого сочиненія, принимаетъ подписку въ своемъ книжномъ магазинѣ, но только по 1 будущаго января. Можно обращаться и прямо въ Копенгагенъ, адресуя требованія, и деньги:—*A monsieur C. C. Rafn, secrétaire de la Société Royale des Antiquaires du Nord, Copenhague, No 40, Kronprinsgade.*

Библіотека для Чтенія напечатаетъ у себя съ Русскимъ переводомъ всѣ пьесы этого собранія памятниковъ, подобно тому какъ была напечатана «Эймундова Сага».

Общество Северныхъ Антикваріевъ предполагаетъ издать подобное собраніе извѣстій и касательно Северной Америки, начиналъ съ X вѣка нашей эры. Подписка стоитъ шесть червонныхъ.

— Мы узнаемъ еще о другомъ предпріятіи, не менѣе важномъ для отечественной исторіи, но предполагаемомъ къ выполненію здѣсь въ Петербургѣ. Г. книгопродавецъ Калистратовъ, который долгое время занимался отыскиваніемъ и собираніемъ твореній иностранныхъ писателей о прежней Россіи, успѣлъ соединить въ своей библіотекѣ для чтенія болѣе ста такихъ книгъ, и теперь приступаетъ къ изданію ихъ въ Русскомъ переводѣ, который, если мы не ошибаемся, будетъ носить заглавіе—«Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи». Эта «Библіотека» будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій. Въ составъ перваго войдутъ творенія, объясняющія царствованія Іоанна III, Василія Іоанновича, Іоанна Грознаго и Федора Іоанновича,

Василий 12-го вѣка

именно—Барбаро, Контарини, Ювий, Герберштейнъ, Колла, Ченслеръ, Дженкинсонъ, Одерборнъ, Поссевинъ, Гваньяни, Адамъ, Таубе и Крузе, Гейденштейнъ, Бранденбахъ, фонъ-Гофъ, Ульфельдъ, Ленъ, Ральдорфъ, Кобенцель, Бухау,—и они составятъ двѣнадцать большихъ томовъ. Второе отдѣленіе будетъ посвящено эпохѣ Междоцарствія; третье царствованію Дома Романовыхъ, до Петра Великаго. Говорятъ, что программа скоро будетъ издана.

— Шестой томъ «Исторія Русскаго народа», Н. А. Полеваго, вышелъ въ Москвѣ, но мы еще не видали его при заключеніи этой книжки.

=

Handwritten signature or scribble at the bottom of the page.

С Е Н Т Я Б Р Ъ , 1 8 3 5 .

Н О В Ы Е К Н И Г И .

=

СТИХОТВОРЕНІЯ Александра Пушкина. *Часть четвертая. СПб.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. 189.*

Эта четвертая часть «Стихотвореній» заключаетъ собою, въ сочиненіяхъ Пушкина, особый рядъ томовъ, котораго не должно смѣшивать съ другимъ рядомъ, послѣднимъ заглавіе «Поэмы и повѣсти». Послѣдшій состоитъ доселѣ изъ двухъ частей.

Четвертая часть «Стихотвореній» составлена изъ переводовъ и тѣхъ прелестныхъ подражаній народнымъ поэтическимъ преданіямъ отечественнаго и иностраннаго происхожденія, которыя подъ перомъ Пушкина обновляютъ угасающую жизнь свою, чтобы продлить свое существованіе еще на нѣсколько столѣтій. Мы не станемъ говорить объ нихъ подробно, потому что всѣ они были напечатаны въ нашемъ журналѣ. Въ числѣ этихъ переводовъ и подражаній самая важная пьеса по своему объему и разнообразію—«Пѣсни западныхъ Славянъ». Это, какъ извѣстно, переводъ, но переводъ лучше самаго подлинника, вышедшей въ Парижѣ въ 1827 году «Гусля», — *Guzla ou Choix de poésies Slavigues*, — въ которой неизвѣстный издатель предлагалъ, во Французскомъ переводѣ, образцы народной поэзіи Сербовъ, Босняковъ, Морлаховъ, Черногорцевъ и Кроатовъ, собранные имъ будто-бы на-мѣстѣ. Гусля эта переведена была на многіе Европейскіе языки, и своей оригинальностью, своимъ, какъ тогда говорили, *неподдѣльнымъ* цвѣтомъ дикою мѣстности, своей *самобытною* поэзією восхитила страстныхъ искателей поваго и непохожаго на поэтическія формы истекшаго столѣтія. Пѣсни Сербовъ и Босняковъ были сравниваемы критикою съ древнѣйшими памятниками Ионійской и Скандинавской поэзіи. Мы намѣкнули мимоходомъ, въ этомъ же самомъ журналѣ, еще въ

Т. XII. — Отд. VI.

3

началъ прошлаго года, что эти пѣсни *подложны*. Подделка ихъ была намъ известна прежде, чѣмъ мы ихъ читали. Но кажется, что А. С. Пушкинъ, вѣрилъ ихъ подлинности еще въ началѣ пылѣшняго года, окончивая переводъ послѣднихъ балладъ этого собранія: онъ зналъ только, что неизвѣстный издатель «Гусли» не кто иной, какъ Г. Меримѣ, авторъ двухъ подложныхъ сочиненій съ *неподдѣльными* цвѣтомъ, «Театра Клары Гасуль» и «Хроникки Карла IX», нынѣ инспекторъ историческихъ памятниковъ во Франціи, и, желая получить отъ него свидѣніе объ исторіи этихъ пѣсней, обратился къ нему черезъ посредство одного общаго знакома. Г. Меримѣ чистосердечно признался въ подлогѣ. Ответъ его, отъ 18 января 1835, А. С. Пушкинъ приложилъ въ подлинникъ къ четвертой части своихъ «Стихотвореній». Какъ «Пѣсни западныхъ Славянъ» были недавно напечатаны въ Б. для Ч. то для полноты удовольствія ея читателей и самаго дѣла, мы должны перевести часть этого любопытнаго письма.

«Гусля сочинена мною, но двумя причинами: по первыхъ для того, чтобы пошутить надъ *мьстными цвѣтомъ*, отъ котораго все наши были безъ памяти около года Спасенія 1827. Чтобы объяснить вамъ вторую причину, я долженъ рассказать сказку. Въ томъ же 1827 году, одинъ мой пріятель и я, рѣшились было отправиться путешествовать по Италіи. Мы сидѣли передъ картою, и чертили на ней карандашемъ свой маршрутъ. Прибывъ въ Венецію, — разумеется, на картѣ, — и наскучивъ Англичанами и Австрійцами, которые пошаднее намъ всюду въ Италіи, я предложилъ моему товарищу повернуть въ Иллирію, — взать въ Триестъ, а оттуда въ Рагузу. Предложеніе было принято, во кошелекъ нашъ былъ очень тощъ, и эта «скорбь ни съ чѣмъ несравнимая», какъ говоритъ Раблѣ, останавливала насъ посреди всехъ предначертаній. Я предложилъ тогда написать впередъ «Путешествіе» наше по Иллиріи, продать рукопись книгопродавцу, и на вырученныя деньги отправиться посмотреть, много ли мы ошиблись въ описаніяхъ. Я принялъ на себя собирать народныя пѣсни и переводить ихъ: мой товарищъ сказалъ, что я не сумѣю этого сдѣлать какъ слѣдуетъ, и я, чтобъ доказать противное, привнесъ ему на другой день пять или шесть этихъ мнимыхъ переводовъ. Черезъ нѣсколько дней составила книга, которую мы и издали, съ соблюденіемъ величайшей тайны, и которую ваданъ нѣсколько человекъ. Теперь я долженъ показать вамъ источники, откуда почерпнулъ для спонхъ Славянскихъ пѣсней пресловутый мѣстный цвѣтъ. Есть кни-

женка одного Французскаго консула въ Банялукѣ. Заглавія не помню, но разборъ ея не труденъ. Авторъ старается доказать, что Босняки большія свиньи, и представляетъ этому довольно хорошіе доводы. По временамъ онъ приводитъ Илирійскія слова, чтобы поблистать своими познаніями, — а онъ, вѣрно, зналъ по-Славянски столько же какъ я. Я тщательно списалъ все эти слова, чтобы вклинить ихъ въ свои выноски. Но сверхъ того я читалъ одну главу, «О обычаѣхъ Морлаховъ» въ Фортиловомъ путешествіи по Далмаціи. Тамъ есть текстъ съ Италіянскимъ переводомъ баллады «Жалоба Гасановой жены»: ту я перевелъ въ самомъ дѣлѣ. Это единая пьеса, въ моей «Гусль», настоящая Илирійская..... Вотъ вся исторія. Скажите Г. Пушкину, что я ирошу у него извиненія. Мнѣ и лѣтвио и стыдно, что я поддѣлъ его.»

Пѣсни. Т. м. ф. а. *Изданіе второе, пополненное. СПб.-бургъ, въ тип. Гишце, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 178.*

Томъ прелестныхъ стихотвореній, которыя въ состояніи понравиться даже и тому, кто не любитъ стиховъ. Впрочемъ разнообразный и всегда пріятный талантъ Г. Тимоѣева такъ хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ, что не нужно и хвалить его въ этомъ журналѣ. Выпишемъ двѣ или три пѣсни, наудачу. Напримѣръ, «Признаніе».

«Каюсь, дядя, чортъ попуталъ!
 Хоть сердись, хоть не сердись;
 Я влюбленъ, да вѣдь ужъ какъ же!.....
 Хоть сей часъ же въ петлю лѣзь!
 Не въ красавицу, — Богъ съ ними!
 Что въ красавицахъ за прокъ.
 Не въ ученую, — будь проклять
 Весь ученый женскій свѣтъ!
 Я влюбился, дядя, въ чудо,
 Въ свой двойникъ, въ другое Я;
 Въ смѣсь притворства съ простодушьемъ,
 Съ беззаботностью хандры,
 Въ смѣсь ума и вольнодумства,
 Равнодушія, огня,
 Взры въ свѣтъ, презрѣнія къ мнѣнью, —
 Словомъ, въ смѣсь добра и зла.
 Такъ бы все ее и слушалъ,
 Такъ бы все съ ней и сидѣлъ!
 Ангель сердцемъ, но, какъ демонъ,
 И коварна и умна.

Скажетъ слово, — такъ и таетъ,
 Запоетъ, — и самъ не свой.
 Дядя, дядя, что вся слава,
 Что вся почести, чины!
 Я, она... .... и въ этомъ кругу
 Весь мой мѣръ, мой рай и адъ!
 Свѣйся, дядя, надо мною,
 Свѣйся весь разумный свѣтъ:
 Пусть чудакъ я, — я доволенъ:
 Я счастливейшій чудакъ!»

Вотъ баллада, «Поцѣлуй» въ которой поэтъ хотѣлъ, кажется, напомнить сказаніе о Геро и Леандрѣ.

«Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ,
 Геллеспонтъ реветъ, крутить;
 То всѣ бездны вдругъ откроетъ,
 То, надувшись, закипитъ.
 Тучи, свившись пеленами,
 Все покрыли въ небесахъ;
 Страшно, страшно надъ волнами,
 Но еще страшнѣй въ волнахъ.

«Кто межъ васъ герой найдется
 Геллеспонтъ переплыветъ;
 Тотъ безстрашнымъ назовется!»
 Царь сказалъ. Никто нейдетъ.
 «Тотъ получить въ награжденіе
 Первый въ царствѣ брилліантъ!»
 Царь прибавилъ съ нетерпѣньемъ.
 Всѣ безмолвіе хранили.
 «Тотъ мнѣ будетъ старшимъ братомъ!...
 Полуцарства моего!» —
 Царь сказалъ, взмахнувъ булатомъ.
 «Все, что хочеть!..... Никого.

Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ,
 Геллеспонтъ реветъ, крутить;
 То всѣ бездны вдругъ откроетъ,
 То, надувшись, закипитъ.
 Тучи, свившись пеленами,
 Все покрыли въ небесахъ;
 Страшно, страшно надъ волнами,
 Но еще страшнѣй въ волнахъ.

Въ сторонѣ среди тумановъ
 Башня древняя стоитъ;
 Въ черныя щеляхъ станъ врановъ,
 Подъ окномъ маякъ горитъ.
 За клокошущимъ проливомъ
 Призракъ юности мелькнулъ,
 И въ раздуміи уныломъ
 Въ даль туманную взглянулъ.
 Чу! корабль какой-то тонетъ.....
 Поцлуй тамъ въ башнѣ ждешь;
 Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ, —
 Дерзкой юноша плыветъ. »

Вотъ еще очень милая картина «Любопытнаго мальчика»,
 который съ дѣтскою рвзвостью спрашиваетъ дядю свое-
 го, — что такое свѣтъ?

« Дядя, дядя, мой свѣтъ,
 Ты такъ знаешь весь свѣтъ!
 Отчего у людей
 Мало праздничныхъ дней,
 Много дѣла, нѣтъ дѣла?
 Неужель всѣхъ удѣлъ
 вспыхнуть, взвиться, мелькнуть,
 Всѣмъ наскучить, звануть,
 И уснуть навсегда?.....
 Дядя, дядя, беда!

Отчего человекъ
 Лѣзетъ цѣлый свой вѣкъ
 Все впередъ да впередъ?
 Давить божій народъ,
 Лжеть, бушуетъ, кляветъ,
 То на свѣтъ возстаетъ,
 То шумитъ самъ съ собой,
 То воюетъ съ судьбой?.....
 Что за слово *судьба*?
 Дядя, дядя, беда!

Растолкуй мнѣ, мой свѣтъ,
 Есть судьба или нѣтъ?
 Отчего же свѣтъ — свѣтъ,
 Нищій — нищій, князь — князь?
 Что за глупая связь

Между мной и судьбой?
 Отъ чего же злой — злой,
 Я — не ты, ты — не я?
 Будто это судьба?.....
 Дядя, дядя, бѣда!»

Надобно еще выписать вамъ «мертвеца»:

« Небо тучами одылось,
 Всюду мракъ и тишина;
 Тускло, тускло загорьлась,
 Нѣзась, въ облакъ, луна.
 Чу!..... ударилъ часъ полночи, —
 Часъ убійць и мертвецовъ,
 Стражъ угрюмый черной ночи.....
 Чудно, страшно межъ гробовъ !

Вся уснули; лишь бессонный
 Бродить сторожъ на часахъ,
 И порой неутомонный
 Песъ пролазетъ въ воротахъ;
 Лишь у вдовушки забытый
 Огонекъ въ окнѣ горитъ.....
 Бѣлымъ саваномъ обвитый,
 Подъ окномъ мертвецъ стоитъ.

Но вдова того не знаетъ:
 У вдовы въ гостяхъ женихъ;
 Дочка въ куколки играетъ,
 Улыбаяся на нихъ;
 Мать старушка въ уносѣхъ
 На скамейкѣ чуть сидитъ;
 Старый другъ въ полузабытѣхъ
 За бутылкой важно спитъ.

Намъ живымъ не до могилы.
 Что прошло, тому конецъ!
 Было, умерло, забыли, —
 Убирайся-ко, мертвецъ!
 Все твое теперь — чужое,
 Гдѣ былъ ты, теперь другой:
 Мертвымъ — гробъ, живымъ — живое,
 Такъ ведется подл луной!

Царь туманный надъ рѣкою;
 Рѣзкій вѣтеръ засвистѣлъ.

Въ дождь пляшутъ, — нирь горою.....
 Чу! женихъ съ вдовой заикалъ!
 «Что, братъ, рыцарь замогильной!
 Что?» — Вдохнуть, махнувъ рукой,
 И дорогою пустынной
 Вспять побрелъ себя домой.

Небо тучами покрыто,
 Всюду мракъ и тишина;
 Лишь съ печальной павиликой
 Тихо плещется волна.
 Спи спокойно житель гроба,
 Не вставай въ полночный час!
 Твой пріютъ земли утроба, —
 Жизнь на свѣтъ только разъ.»

Многія пьесы этого тома была напечатаны особыми брошюрками или въ повременныхъ изданіяхъ, но большая часть его состоитъ изъ повѣхъ, еще неизвѣстныхъ вдохновеній и фантазій поэта.

Весенняя вѣтка. *Стихотворенія. СП.—бургъ. въ тип. Крыловскаго, 1835, въ-12., стр. 70.*

Сочинитель, поднося весеннюю вѣтку своему благодѣтелю, поетъ:

«Смышавъ съ слезами трудъ ничтожный, —
 Порывъ души моей тревожной,
 Тоску, надежды и мечты, —
 Несу я къ вамъ съ улыбкой ясной
 Поэта легкія черты:
 Ихъ оцѣните безпристрастно,
 Какъ сердца юнаго цвѣты.»

Какъ скоро сочинитель плачетъ, мы не станемъ поднимать горечи въ его слезы. Чтобъ обезоружить нашу взыскательность стоитъ только насъ растрогать.....

Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса. *СП.—бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. XLVIII и 391.*

Мы болѣе хлопочемъ о другихъ, чѣмъ о своихъ пріятеляхъ. Второе изданіе «Фантастическихъ путешествій», — оно второе хотя этого не сказано, — вышло еще въ Августъ мѣсяцъ, и

въ ту минуту, какъ мы извѣщаемъ о возможности опять достать книгу, которая надѣлала автору столько друзей и столько враговъ (что безъ сомнѣннн должно доставлять ему двойное удовольствіе), половина ея уже распродана. Но мы, право, не понимаемъ, какъ можно быть врагомъ барона Брамбеуса? Онъ такой добрый человекъ! Мы помнимъ, какъ онъ однажды сказалъ намъ съ жаромъ: «Я такъ люблю успѣхи нашей словесности, что, если бъ было въ моей власти, я бы всѣхъ своихъ враговъ передѣлалъ въ геніи».

Три сердца. Сочиненіе Александра Долинскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 145.

Книга, наполненная пустословіемъ, иногда довольно удачнымъ; изрѣдка мелькають кой-какія мысли, но большею частью ничего не мелькаетъ. Быть-можетъ, что въ этой кучѣ словъ скрывается даже прекрасная идея, которую авторъ не имѣлъ силы ни развить, ни сдѣлать ясною.

Кстати: гдѣ же три сердца?.....Извольте отсчитать намъ три сердца! Ну, хоть одно!.....Вотъ, какъ теперь пишутъ книги! Обвѣщали три сердца, а не дали ни одного. Пусть бы это сдѣлала «Библіотека Романовъ», — но Г. Александръ Долинскій, человекъ извѣстный, герой всѣхъ повѣстей, всѣхъ романовъ, всѣхъ водевилей!... Сдѣлайте одолженіе, мосье Долинскій, — когда будете писать другой романъ, не забудьте препроводить къ намъ эти три сердца, которые вы продали намъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.

Книжка ни за что, ни про что, оканчивается дуэлью. Послѣ этого, того и жди, что Г. Долинскій вызоветъ и насъ на дуэль!..... Но за этимъ дѣло не станетъ: доставьте намъ только напередъ три сердца.

Незаконнорожденный, или Жизнь и смерть. Нравственно-фантастическій романъ, передѣланный съ Польскаго А. П. П... Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. VIII. и 128—126.

Нѣтъ сомнѣннн, что молчаніе было бы достаточною и исполнѣ заслуженною критикою для подобныхъ книжковъ, если бъ медвѣжья рѣзвость мыслей и слога, которая въ своей лѣсной шутовщности забываетъ здѣсь всѣ приличія бла-

воспитаннаго сѣвта, не возлагала на насъ непріятной обязанности дать ей спасительный урокъ, въ примѣръ другимъ.

Сочиненіе посвящено дамѣ: мы должны выписать эту «дедикацію» съ дипломатическою точностью, чтобы заставить краснѣть того, кто осмѣлился начертать подобныя строки.

«Ваше превосходительство, Милостивая государыня! Обязанный Вами такъ много, такъ невыразимо..... я умѣю помнить, что *благодарность есть память сердца*. Оцѣняя въ душѣ Ваши благодѣянія, Выше ко мнѣ расположеніе, и не нивя средства платить вамъ за все это, я беру смѣлость посвятить Вамъ этотъ трудъ мой. Вашъ свыше ограниченный умъ увидитъ недостатки моего романа, замѣтитъ красоты его, и скажетъ Вамъ, что Вы должны сказать мнѣ.»

Послѣ посвященія, есть обращеніе къ рецензентамъ книги: мы выпишемъ только конецъ его, для образца.

«А пророс. Замѣьте, если увижу ваше ужасное *разругали* неправдоподобнымъ, смѣшнымъ, неосновательнымъ, глупымъ, то трепещите! Бумага есть, перьевъ много, чернилъ также—его vos!!..... Смотрите! совѣтую вамъ поступать дружелюбно: иначе и сами согрѣшите и мѣш въ грѣхъ введете. *Ai gevois.*»

Такъ ли?..... Увидимъ же, что будетъ. Мы объявляемъ автору безъ обиняковъ, что въ его романъ такъ же мало смысла, какъ въ этомъ посвященіи и предисловіи. И чтобъ онъ былъ увѣренъ въ основательности и безпристрастїи нашего приговора, мы присовокупляемъ еще, что провозносимъ этотъ торжественный судъ, не читавши его романа и не разрывая листовъ, а опираясь на той великой истинѣ, что послѣ подобнаго посвященія и предисловія рѣшительно уже нельзя ожидать ничего умнаго.

Намъ-то авторъ долженъ быть обязанъ *невыразимо*,—потому что, предавъ оцѣнкѣ публики эти грубыя нелѣпости, мы великодушно умалчиваемъ его имя.

Барановскій, или *Характерическіе очерки частной жизни Малороссіянъ. Малороссійская быль XVIII столѣтія. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 126—165.*

Панъ Барановскій очень скученъ, а панъ Степановъ снлль, видно, подрядъ на печатаніе плохихъ книгъ.

ЕМИЛІЙ ЛИХТЕНБЕРГЪ. *Повѣсть. Сочиненіе М. Ласицкой. Изданіе второе, безъ прибавленій. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 165—88.*

Говорять, что это второе изданіе есть невинная хитрость авторскаго самолюбія.

РЕЙНСКІЕ ПИЛГРИМЫ, сочиненіе *Булвера, переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Четыре части, стр. 130—142—120—131.*

Мы нѣсколько разъ говорили объ этомъ сочиненіи моднаго Англійскаго романиста, и въ прошломъ году, когда оно вышло въ Лондонѣ, дали изъ него прекрасный отрывокъ.

Одинъ Лондонскій книгопродавецъ купилъ стальные доски, на которыхъ были превосходно выгравированы виды Рейна, Голландіи и Англійи, и не зная, какъ употребить ихъ въ дѣло. Г. Больверъ, какъ человекъ изобретательный, тотчасъ придумалъ средство: онъ написалъ къ этимъ доскамъ повѣсть, которой дѣйствіе нарочно происходить въ мѣстахъ, изображенныхъ рѣзцомъ художника; вложилъ въ разсказъ свой нѣсколько Нѣмецкихъ легендъ о тѣхъ же мѣстахъ; заставилъ своихъ героевъ дланно восхищаться развалинами замковъ и долинами, чтобы сдѣлать изображенія ихъ понятными для каждаго, и вручилъ рукопись свою книгопродавцу. Книгопродавецъ отпечаталъ вместе рукопись и стальные доски: на другой день появилось въ газетахъ объявленіе: «Рейнскіе пилгримы, новый романъ Г. Больвера, автора Пильгама, Арама, и прочая, и прочая, съ множествомъ великолѣпныхъ гравюръ и вѣнзетокъ». Книгу расхватали. Любители гравюръ купили романъ для картинокъ; любители романовъ, заплатили за гравюры, чтобъ прочесть новое твореніе Г. Больвера. Спекуляція не дурна: остается рѣшить, въ какой степени она достойна писателя съ дарованіемъ и въ славу.

Въ «Рейнскихъ пилгримахъ» есть много удачныхъ мѣстъ, патетическихъ сценъ, блестящихъ описаній, но все-таки лучшую часть книги составляютъ гравированные виды.

Такъ какъ точки дѣйствія были даны напередъ, то авторъ принужденъ былъ безпрерывно гнуть рассказъ свой въ разныя стороны, чтобъ достигъ этихъ точекъ, а какъ онъ были слишкомъ многочисленны и не было возможности провести Гертруду и Тревиліана по всемъ выгравированнымъ мѣстамъ, то онъ нашелся въ необходимости ввести волшебство и сдѣлать второю героинею романа есю Нимфалину. Рассказъ не клеится во многихъ мѣстахъ, но въ подлинникѣ читается съ удовольствіемъ, благодаря гравюрамъ.

Теперь можно себя представить, каковы должны быть «Рейнскіе паломники» въ Московскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ дурнаго Французскаго перевода и лишенномъ всей души сочиненія, — Англійскихъ гравюръ.

Но таково преимущество таланта, что, несмотря на содраніе съ книги всехъ первоначальныхъ ея достоинствъ и украшеній, она представляетъ пріятное чтеніе еще и въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ типографіи Г. Степанова.

Норвичскій Англиканскій епископъ, — мы хотимъ привести здѣсь лучшую шутку Г. Больвера, исправивъ нѣсколько слогъ ея перевода, — былъ, какъ говорится, «мужъ, украшенный *всѣми* добродѣтелями». Такихъ мужей обыкновенно считаютъ весьма полезными: но надобно принять въ соображеніе, что, когда вы наберете къ себѣ множество разнородныхъ добродѣтелей, онъ уничтожать другъ друга своимъ противоборствомъ. Добродѣтели, собравшіяся въ полномъ комплектъ у Норвичскаго епископа, жили въ согласіи и украшали его очень дружно, потому что почтенный прелатъ дремалъ всю жизнь въ мягкихъ креслахъ и ничего не дѣлалъ.

«Но однажды нѣсколько Добродѣтелей, соскучась всегдашнимъ своимъ пребываніемъ у Норвичскаго епископа, рѣшились предпринять небольшую прогулку. Время было прекрасное, вѣтеръ благопріятный, и, что касается до удовольствія, казалось невозможнымъ, чтобъ между Добродѣтелями вышла какая-нибудь неприязнь.»

Цѣль ихъ поѣздки былъ Ричмондъ, — потому что гравюра книгопродавца представляла видъ Ричмонда.

«Онъ намяли лодку у Вестминстерскаго моста, и только что хотѣли отплыть, какъ подошла къ нимъ бѣдная женщина, въ рубищѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и стала умолять о помощи. Милосердіе тотчасъ опустило руку въ ридикуль, и вынуло шиллингъ. Правосудіе взглянуло на нищю и въ одно мгновеніе увидѣло ошибку, которую хотѣло сдѣлать Милосердіе. «Праведное небо!» вскричало оно, схвативъ бѣдное Милосердіе за руки: «что вы дѣлаете? Развѣ не знаете, что подавая милостыню безъ разбора, вы только ободриете лѣнь, которая есть мать порока? Вы, Добродѣтель! признаюсь, мнѣ за васъ стыдно. Ступай, добрая женщина! Нѣтъ, постой на-минуту. Вотъ тебѣ билетъ для полученія супу отъ Общества Призрѣнія Нищихъ. Тамъ еще разсмотреть, вмѣешь ли ты право на состраданіе.»

«Но Милосердіе, будучи проворнѣй Правосудія, протянуло руку за спину, и бѣдная женщина получила вмѣстѣ и билетъ и деньги. Бережливость и Щедрость увидѣли эпоть двойной даръ. «Какая расточительность!» вскричала бережливость, нахмуривъ брови: «билетъ и деньги! Того или другаго порознь было бы достаточно.»

— Того или другаго? сказала Щедрость: какой стыдъ! Милосердіе должно было бы дать этому бѣдному созданію полкроны, а Правосудіе двѣнадцать билетовъ!»

Ссора между добродѣтелями продолжалась до того, что онѣ чуть не передрались. Наконецъ онѣ помирились. Между тѣмъ —

«Погода стала портиться и дождь началъ накрапывать. Осторожность, у которой были совершенно новый чепчикъ, замѣтила, что не худо было бы выйти на берегъ. Мужество требовало не обращать вниманія на дождь; но такъ какъ Добродѣтели по большей части женщины и Осторожность принадлежала къ ихъ полу, то она и восторжествовала. Въ ту самую минуту, когда онѣ хотѣли пристать къ берегу, другая лодка, плывшая мимо, такъ сильно толкнула ихъ лодку, что Милосердіе чуть не упало въ воду. Мужество было вѣд себя: поправивши усы, оно готово было броситься на неосторожныхъ гребцовъ, къ великому негодованію Смиренія, которое такъ предупредило его: оно перепрыгнуло на непріятельскую лодку, и подставило объ щеки гребцамъ. Этого было слишкомъ много, даже для грубыхъ гребцовъ: они попросили прощенія у Добродѣтелей, и Мужество, хотя неохотно, простило ихъ. Но ежели бы видѣли, какъ послѣ этого Мужество обращалось со Смиреніемъ, вы бы не повѣрили, чтобъ одна Добродѣтель могла ожесточиться противъ другой до такой степени! Наконецъ онѣ прибыли въ Ричмондъ, и Умѣренности было предоставлено заказать обѣдъ въ трактирѣ: въ ожиданіи обѣда, Гостепріимство пошло прогуливаться въ саду, и, встрѣтивъ многочисленное общество Ирландцевъ, радушно позволяло всѣхъ ихъ откушать хлѣба-соли.

« Можете себя представить, как вытянулись лица у Бережливости и Осторожности при видѣ столькихъ гостей! Гостепрѣимство было въ самомъ лучшемъ расположеніи духа: потирая руки отъ удовольствія, оно безпрестанно кричало — шампанскаго! Умѣренности это показалось очень соблазнительнымъ, а Скромность покраснѣла отъ некторыхъ Ирландскихъ шутокъ; но Гостепрѣимство назвало одну лицемеркой, а другую жеманницей. Наступалъ вечеръ. Было уже время возвращаться. Къ довершенію ихъ униженія, имъ попалась лодка, которой пассажиры помирали со смѣху и, казалось, были въ совершенномъ согласіи. Они узнали, что это веселое общество состояло изъ трехъ миленькихъ пороковъ, которые догадались взять въ товарищи себя Веселье. »

Отвѣтственность за это правоученіе лежитъ на авторѣ, и мы не станемъ оправдывать его мысли. Шутка продолжается еще нѣсколько страницъ.

Библиотека романовъ и Историческихъ записокъ, издаваемая книгопродавцемъ Ф. Ротганомъ на 1835 годъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гречи, 1835, въ-12. Три большіе тома стр. 124—77—157.

Богъ съ ними!

Руководство къ изученію Русской Словесности, содержащее въ себя: Языкоученіе, общую Риторику и теорію слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, составленное профессоромъ Императорскаго Лицея Петромъ Георгіевскимъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Никъ, 1835, въ-8., стр. 179.

Цѣль изданія этого Руководства, какъ говоритъ сочинитель, — сберечь время учащихся въ Царскосельскомъ Лицеѣ, и облегчить труды, употребляемые ими на переписываніе.

Руководство это будетъ заключаться въ двухъ книгахъ: пинъ изданная содержитъ въ себѣ очень поверхностныя начала Языкоученія, общую Риторику, о которой мы не хотимъ спорить, и теорію слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, съ которою чистый вкусъ не всегда будетъ согласенъ; вторая часть представитъ общія понятія объ изящныхъ Искусствахъ, теорію Краснорѣчія, Пѣстику и краткую исторію Литературы.

Дѣло не слишкомъ до насъ касается, поелику (это не наше слово; мы беремъ его на прокатъ у Г. Георгіевскаго)

авторъ издастъ свое Руководство не для насъ, а для своихъ слушателей, и спорить съ профессоромъ Словесности объ изящности его слога намъ не подобаеъ, однако жъ мы осмѣлимся изъяснить ему наше сомнѣнiе, хоть бы на счетъ правильности Русскаго языка въ самомъ заглавіи его творенiя: это *содержащее языкоученiе*, мы думаемъ, не получить премiи ни за свою грамматическую точность, ни за истинно художественную стѣвку своего словорасположенiя. Почтенный профессоръ Словесности извинить нашу мнѣтельность, если мы, усомнившись уже въ правильности этого выраженiя, обнаружимъ еще опасенiе наше за *такую же* (слово Руководства къ изученiю Русской Словесности), нѣкоторыхъ другихъ фразъ, которымъ подводить счетъ было бы съ нашей стороны слишкомъ дерзко. Но наприжоръ, что думаетъ онъ о семъ: «Нашъ языкъ превосходитъ многія нарѣчiя въ легкой гибкости»? Мы очень хорошо знаемъ, что почтенный профессоръ хотѣлъ сказать *легкою гибкостью*, и о томъ не спрашиваемъ, тѣмъ болѣе, что *легкая гибкость* очень хорошо объясняется *тяжелюю гибкостью*: мы только хотимъ знать, какъ сдѣлать, чтобы языкъ превосходилъ нарѣчiя, когда самъ онъ состоитъ изъ варьчiй? Или, какъ понимать это выраженiе: «Русскій языкъ имѣетъ переменныя окончанiя въ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, показывающiя взаимное отношенiе словъ, хотя бы *онѣ* разставлены были и далеко другъ отъ друга»? Здѣсь, мы чувствуемъ всю горную изящность этого *онѣ*, но не можемъ рѣшить къ чему собственно оно относится — къ *словамъ* или къ *окончанiямъ*: по строенiю періода, послѣ причастiя *принадлежащiя*, которое устремляетъ все вниманiе на *окончанiе*, это великолѣпное *онѣ* очевидно принадлежитъ слову *окончанiя*. «*Сiе* придаеъ ему нѣкоторое величiе и силу,» какъ очень справедливо и изящно говоритъ авторъ,» что можно видѣть въ *сихъ* примѣрахъ, — *поелмк* различiе окончанiй приводитъ здѣсь все въ порядокъ, — а *таковъй* порядокъ словъ даеъ поводъ заключать», и прочая. Мы не смѣемъ утруждать далѣе автора но желали бы спросить еще, какой это слогъ, — высокий, средний или низкій? Мы думаемъ, что это долженъ быть высокий слогъ, потому что онъ не словесный и напоминая сло-

вами не Русскими. Г. профессоръ Словесности очень по хвально дѣлаетъ, что старается утвердить юношество въ православіи *сего, онаго, такового и поелику*, но мы боимся, что, увы! царство ихъ кончено, переломъ воспользовалъ, и его уже не удержать ни какія Руководства, ни Грамматики. Живой Русскій языкъ, языкъ Русскаго народа, возстановить непреложныя права свои, и одинъ онъ, а не смѣшанной языкъ книгъ, будетъ языкомъ Русской словесности.

Но профессора Риторики приготовлены заранее къ этой непріятности и переносятъ ее равнодушно: еще Аристотель, отецъ ихъ науки, сказалъ, что молодые люди, достигнувъ известнаго возраста должны забыть Риторику.

Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности для чиновниковъ и вступающихъ въ службу. М. Магницкаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8., стр. 120.

Даю вамъ слово, что это прелюбопытная книга! Словесность въ сторону, — а отсюда можно извлечь очень хорошія правила, какъ водить людей за носъ. Это — великое искусство; оно дается не всякому. Выслушайте автора, какъ онъ учитъ секретарей и докладчиковъ обрабатывать дѣла. Докладчикъ, говорить онъ, есть дѣловой ораторъ, котораго главный предметъ состоитъ въ томъ, чтобы съ успѣхомъ провести дѣло въ собраніи и, несмотря на мнѣнія членовъ, сохранить его въ томъ видѣ, какъ ему хочется, или какъ ему сказали, чтобы оно осталось. Провести дѣло! Въ этомъ вся штука. При чемъ позволяется ему провести и тѣхъ, которые обсуживаютъ дѣло. Докладчику, говорить Г. Магницкій, «долго надобно учиться опытно на счетъ такихъ людей, которыхъ первое понятіе о докладчикѣ рѣшаетъ служебную судьбу его на будущее время.» Вникните хорошенько въ эти слова: въ нихъ заключается высокій смыслъ. Когда онъ выучится быть докладчикомъ на счетъ такихъ людей, авторъ преподаетъ ему хорошія начала, какъ читать докладъ передъ собраніемъ — возвышая голосъ, читая съ разстановкою и одушевляясь, въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя желаетъ онъ обра-

тять вниманіе членовъ, — подавляя голосъ и читая скоро тамъ, гдѣ вниманіе ихъ было бы вредно дѣлу, — и всячески, но непримѣтно, направляя ихъ въ свою сторону. Наконецъ начнется преніе. «Частный образъ мыслей, познаша болѣе или менѣе обширныя, страсти, виды личныя, превосходство дарованій однихъ членовъ передъ другими, наконецъ самый даръ слова нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ обыкновенно при первомъ докладѣ, особливо въ многочисленномъ собраніи, такой видъ дѣлу, что не легко заключить, въ чѣмъ состоитъ мнѣніе большинства. Здѣсь раскрывается искусство и опытность докладчика.» Онъ долженъ составить извлеченіе изъ ихъ разнородныхъ мнѣній; онъ» долженъ въ этомъ случаѣ употребить ловкость оратора, не имѣя его орудій, долженъ, въ этомъ согласительномъ извлеченіи представить разномыслящимъ извѣстную сторону дѣла *какъ-бы собственное ихъ мнѣніе*, и тѣмъ уронить *мимоходомъ и непримѣтно* все постороннее.» Это прелестно!

«Руководство» заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ афоризмовъ: напримѣръ, — что «нѣтъ приличія» подчиненному лицу выказывать по данному вопросу свои познанія въ докладѣ сословію, составленному изъ лицъ, которыя гораздо его выше и *сльдственно лучше его знаютъ дѣло*; или, — что *ученость несовмѣстна съ достоинствомъ особы начальственной*; или — что изящность языка и слога, вводимая въ литературу, *не должна портить достоинства дѣловой словесности*, — и тысяча подобныхъ истинъ.

Мы привѣтили при чтеніи этого сочиненія, что его сочинитель особенно озлобленъ на университеты, ученыхъ и ученыхъ ведомства: онъ гонитъ ихъ, преслѣдуетъ, унижаетъ, насмѣхается надъ ними и готовъ былъ бы утопить ихъ въ пучинѣ чистыхъ канцелярскихъ чернилъ, въ которыхъ небыло обмокнуто ни одного профессорскаго пера. Эта ненависть къ ученымъ очень похожа на личность.

Авторъ по-крайней-мѣрѣ двадцать разъ повторяетъ, что дѣловой слогъ долженъ быть ясный, простой, благородный, правильный, даже заманчивый: онъ весьма хорошо дѣлаетъ, что вперяетъ непрерывно это правило, потому что слогъ его «Руководства» не можетъ служить образцомъ ни асно-

сти, ни правильности, ни заманчивости. Это одинъ изъ ужаснѣйшихъ слоговъ, какіе только намъ попадались въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ. Фраза Г. Магницкаго запутана, его словорасположеніе тяжелое и неправильное, его выраженіе постоянно-неточное, его языкъ исполненъ галлицизмовъ, а ожесточеніе его противъ ученыхъ такъ велико, что онъ прогналъ отъ себя даже Грамматикку. Если нужны примѣры въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы приведемъ ихъ: «И такъ предметъ сего опыта есть двѣловый языкъ, употребляемый высшими государственными сословіями и лицами и главнѣйшими подъ ними мѣстными начальниками.» — «Два тогдашніе министра, по доброму ихъ вкусу, привязали свое имя къ чести сего преобразованія.» — «Въ двѣ служебномъ пѣть работы низкой и отвязанной отъ важныхъ соображеній ума обширнаго.» И такъ далѣе.

Откровенно сказать: сочиненіе это не достигаетъ ни какой цѣли и только умножаетъ собою число книгъ бесполезныхъ и безвкусныхъ. Оно не даетъ ни малѣйшаго понятія о предметѣ, и наполнено отсталыми объ немъ понятіями.

Опытъ полного учебнаго курса Русской грамматики для преподаванія Русскимъ и иностранцамъ. М. Д. И. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. VII и 71.

Опытъ предшествуетъ «Нѣчто». О чемъ бишь нѣчто? Ни объ чемъ! Авторъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы положить свою «каплю меду» въ Русскую грамматику, которая, по его увѣренію, есть *сіа послѣдняя*, и будетъ *никогда*, то есть, когда-нибудь, доведена до совершенства гениемъ-филологомъ. Гениемъ? *Qu'ira-t-il faire dans cette bagatque?.....*

Надобно знать, что «отличительная черта» новой грамматики, та, что авторъ «напередѣ помѣстилъ краткій обзоръ законовъ», а «позади же все подробности.» Это *позади же* стоить цѣлый возъ золота.

Мы чрезвычайно рады появленію этой грамматики: теперь мы понимаемъ настоящую пользу сего, которой прежде никакъ не постигали. *Сей, сіа и сіс*, говоритъ авторъ, весь

ма удобны для узнанія родовъ. Напримеръ, вы встрѣчаете кого-нибудь почью, на улицѣ или на темной лѣстницѣ. Скажите ему тотчасъ—«Сей, сія, сіе!» Если онъ откликнется на *сей*, это мужчина; если на *сія*, это женщина; если на *сіе*, такъ это ужъ навѣрно — безвкусіе, нѣчто въ среднемъ родѣ.

Вы изволите писать Русскія грамматики? Согласитесь впередъ въ томъ, гдѣ настоящій Русскій языкъ,—въ устѣ образованнаго. Русскаго или въ прежнихъ книгахъ? Проведите сперва черту между чистымъ, подлиннымъ Русскимъ и мнимымъ Русскимъ. Скажите рѣшительно, должны ли мы стыдиться нашего природнаго языка, когда пишемъ. или уважать его. Тогда мы станемъ разсуждать съ вами о Русской грамматикѣ. Доколѣ вы это не сдѣлаете, она будетъ хаосъ, *rudis indigestaque moles*, смѣсь мертваго съ живымъ, небывалаго съ действительнымъ, грамматика языка вообразимаго.

Нѣмецкая азбука, или руководство научиться скоро складывать и читать по Нѣмецки, сочиненіе А. П. Москава, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 82.

Руководство это состоитъ большею частію изъ жирныхъ и вкусныхъ примѣровъ, подобныхъ слѣдующему:

«Овъ въ масло и сыръ.»

Полезное чтеніе для дѣтей. Книжка IV. СПб.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. 216.

Первыя три книжки уже извѣстны публикѣ съ весьма хорошей стороны; четвертая часть составлена также удачно. Разговоръ объ ученыхъ предметахъ дѣтскимъ языкомъ безъ употребленія ученыхъ выраженій поддерживается съ тѣмъ же искусствомъ.

Книжка эта, кажется, еще не последняя, чему мы весьма радуемся.

Воззваніе къ необращеннымъ. Сочиненіе Ричарда Бакстера, съ Англійскаго перевелъ преосвященный Аз-

ронъ, епископъ Архангелогородскій и Холмогорскій. Москва, въ тип. Синодальной, 1835, въ-8., стр. XVIII и 258. съ картиною.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА. Киевъ, въ тип. Академической при Киево-Печерской Лаврѣ, 1835, въ-8., стр. 141.

О великихъ Господскихъ и богородичныхъ праздникахъ. Киевъ, въ тип. Киевопечерской Лавры, въ-8., стр. 190.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО, архіепископа Бѣлорусскаго, съ портретомъ и жизнеописаніемъ его. Изданное протоіеремъ Іоанномъ Григоровичемъ. Часть первая. Сп.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. LXXXIII и 294.

Книга, замѣчательная для каждаго христіанина и любителя назидательнаго чтенія. Въ этой первой части заключаются двадцать три «Слова», или проповѣди о разныхъ предметахъ вѣры и евангельской нравственности, и три «Рѣчи» къ Екатеринѣ Великой. Архіепископъ Конискій былъ одинъ изъ ученѣйшихъ Русскихъ пастырей своего времени, ревностный, смѣлый и краснорѣчивый защитникъ правоты и истины. Издатель его сочиненій помѣстилъ въ началѣ ихъ жизнеописаніе преосвященнаго ихъ автора, любопытное не только вразсужденіи знаменитаго чловѣка, котораго дѣяствія оно изображаетъ, но и историческими подробностями о состояніи православной Церкви въ Бѣлоруссіи до возвращенія этой провинціи подъ Всероссійскій скипетръ.

Священная исторія Церкви Новаго и Стараго Заѣта, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для обученія дѣтей. Москва, въ тип. Университетской, 1835 въ-8., стр. 189.

1. Русская Исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть вторая. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12., стр. 457.

2. Исторія Русскаго народа. Николая Полеваго. Томъ шестой. Москва. въ тип. Семена, 1833 (1835), въ-8., стр. 459, 60 и XIII.

«Русская Исторія для первоначальнаго чтенія» есть, какъ известно, сокращеніе пространной «Исторіи» Г. Полевая: она, вѣроятно, не ограничится второю частію. Что касается до пространной Исторіи Русскаго народа, которой шестую часть мы имѣемъ передъ собою, то она послужитъ намъ въ скоромъ времени предметомъ особаго разсужденія въ отдѣленіи Критики, гдѣ мы совокупимъ части пятую и шестую, и разсмотримъ всю эпоху, объятую ими. Шестая часть доведена до восшествія на престолъ Бориса Годунова.

1. Расположеніе для втораго изданія *Всеобщей Исторіи* И. Ертова, подъ слѣдующимъ названіемъ «*Всеобщая Исторія государствъ и народовъ древнихъ и среднихъ временъ, отъ начального образованія гражданскихъ обществъ до XVI столѣтія, сочиненіе И. Ертова, изданіе второе, вновь исправленное и дополненное*». Сп.-бургъ, въ тип. В. Байковой, 1835, въ-8., стр. 147.

2. *Исторія крестовыхъ походовъ для освобожденія Иерусалима и Святой Земли изъ рукъ невѣрныхъ. Выбранная изъ Всеобщей Исторіи И. Ертова.* Сп.-бургъ, въ тип. Гишце, 1835, въ-8., стр. XII—375.

Мы, признаемся, не понимаемъ цѣли, ни пользы перваго изъ этихъ двухъ сочиненій, но, статья-можетъ, въ этомъ виновата наша непроницательность, а не самая книга. Все, что мы поняли изъ ста сорока семи страницъ, ограничивается тѣмъ, что почтенный авторъ собирается напечатать вторымъ изданіемъ свою грубую компиляцію, которую онъ и, вѣроятно, читатели перваго ея изданія принимаютъ за «Всеобщую Исторію государствъ и народовъ». Что касается до насъ, то появленіе каждаго новаго тома этой «Всеобщей Исторіи государствъ и народовъ» исторгало у насъ глубокой, печальный вздохъ. Когда выйдетъ второе, пополненное изданіе «Всеобщей Исторіи государствъ и народовъ», мы, по-видимому, принуждены будемъ сдѣлать также второе изданіе нашего глубокаго, печальнаго вздоха, въ которомъ заключится и вся критика сочиненія.

«Исторія крестовыхъ походовъ» есть сокращенное извлеченіе изъ той же «Всеобщей Исторіи государствъ и на-

родовъ», сдѣланное самимъ ея авторомъ, который сверхъ-того сознается въ предисловіи, что эти сокращенія, особливо первая глава и почти вся первая часть, пополнены *изъ перевода* Г. Бутовскаго «Исторіи крестовыхъ походовъ» Мишю.

Какъ бы то ни было, отдадимъ Г. Ертову справедливость за дѣятельность, съ которою онъ растягиваетъ и сокращаетъ самого себя.

Историческое описаніе Оружейной палаты, или *Россійскій музей*, съ богатствомъ первопрестольной нашей столицы *Москвы*, и описаніемъ драгоценностей, хранящихся въ оной, съ показаніемъ откуда, когда, какого года, и по какому случаю поступили въ оную палату сіи драгоценности. *Взято изъ достоверныхъ источниковъ. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-8., стр. 77.*

Мы думаемъ, что это работа Г. Александра Орлова.

Извѣстія о коренныхъ жителяхъ *Южной Африки* и о распространеніи между ними *Христіанства*. С.П.-бурзь, въ тип. Д. Вильшней Торговли, 1835, въ-12., стр. 120.

Южная Африка издавна сдѣлалась поприщемъ усердія Христіанскихъ миссіонеровъ; сначала Общество Моравскихъ братьевъ, а потомъ Лондонское Общество Методистовъ, потомъ Глазговское, наконецъ Парижское, Берлинское и Нижне-Рейпское, стали посылать туда своихъ сотрудниковъ. Изъ писемъ этихъ проповѣдниковъ лежащая передъ нами брошюрка почерпнула все свои свѣдѣнія. Они касаются восьми или девяти народовъ. Сначала предлагается коротенькое ихъ описаніе; потомъ идутъ анекдоты. Мы хотѣли привести лучший анекдотъ изъ всей брошюрки, объ *ономъ* ребенкѣ, котораго *сіи* Кафры зарыли въ землю живымъ, *поелику* у *сихъ* Кафровъ на *оный* случай такое есть обыкновеніе, но, по подлежащемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, убѣдились, что онъ этого не стоитъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ 1834 года въ разныхъ ея видахъ. Сп.-бургъ, въ тип. Д. Вишней Торговли, 1835, въ-4., стр. 125.

Мы возвратимся къ этимъ таблицамъ въ отдѣленіи «Промышленности».

Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, художествъ, промышленности и обществитн, съ присовокупленіемъ живописнаго путешествія по земному шару и жизнеописаній знаменитыхъ людей, издаваемое Августомъ Семеновъ. Часть первая. Москва, въ тип. Августа Семена, 1835, въ-4.

2. ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА, или Галлея пріятельныхъ видовъ, ландшафтовъ, памятниковъ и развалинъ, снятыхъ и гравированныхъ на стали искуснѣйшими художниками: издаваемая Иваномъ Делакроа. Часть первая. Рига, въ тип. Миллера. 1835, въ-4.

«Живописное обозрѣніе», за которое любители полезнаго (мы хотѣли сказать—и пріятнаго, но тогда оно должно бѣ быть писано свѣтскимъ языкомъ и изящнымъ слогомъ) чтенія будутъ весьма обязаны предприимчивости Г. Семена, лежитъ уже передъ нами въ числѣ пятнадцати листовъ, и мы можемъ сказать смѣло, что оно, относительно живописной части, ничѣмъ не уступаетъ иностраннымъ этого рода изданіямъ: это тотъ же Penny Magazine for useful knowledge, тотъ же Magazin Pittoresque, только напечатанные въ Москвѣ. Единственная разница—та, что Лондонскія и Парижскія обозрѣнія писаны «языкомъ всего свѣта» и щеголеватымъ слогомъ, а Московское хочетъ уладить насъ книжною неопратною фразою. Намъ кажется, что издатель ошибается, пренебрегая эту важную часть сочиненія: нынче для полнаго и продолжительнаго успѣха всѣхъ подобныхъ предприятий изящность языка и слога сдѣлалась у насъ необходимою: мы видимъ, какъ читатели бросаютъ съ нетерпѣніемъ книги въ тысячу разъ важнѣе обозрѣній, говоря, что ихъ—«читать нельзя!», единственно потому, что эти книги придерживаются еще

прежняго дурнаго вкуса въ этомъ отношеніи. Оно можетъ быть прискорбно многимъ, но оно такъ.

Должно однако жъ сказать, для пользы истины и самаго «Живописнаго обозрѣнія», что не все статьи его писаны книжнымъ нарѣчіемъ.

Подъ названіемъ «Всемирной панорамы» Г. Делакроа издаетъ виды съ описаніями извѣстнѣйшихъ мѣстъ и зданій. Ненадобно смѣшивать этого предпріятія съ тѣмъ, котораго виновникомъ — похвальная дѣятельность Г. Семена. Виды, которые даетъ Г. Делакроа, не политипажи, но настоящія и превосходныя гравюры, — гравюры удивительной тонкости и красоты. Г-ну Делакроа будетъ принадлежать честь первой Русской книги съ такими картинками, которыхъ не постыдился бы ни одинъ изъ Англійскихъ альманаховъ и кипсековъ. И примѣчательнѣе всего то, что виды «Всемирной Панорамы» гравированы въ самомъ дѣлѣ искуснѣйшими художниками, хотя на заглавномъ листѣ и сказано, что они гравированы искуснѣйшими художниками! Г. Делакроа — первый человекъ, который понимаетъ заглавіе въ тѣсномъ значеніи словъ его. Зато все любители прекрасныхъ гравюръ непременно подпишутся на его «Всемирную Панораму», которая сверхъ-того печатается прекраснымъ шрифтомъ, на прекрасной бумагѣ. Первая тетрадь ея заключаетъ въ себѣ четыре вида этого отличнаго рѣзца, которымъ такъ восхищаемся. Но пора сказать отгадку нашего восторга: виды гравированы въ Англии. Этимъ объясняется, почему они такъ прекрасны.

Въ вышедшей тетради помѣщены виды и описанія Константинополя, Итонъ-Гаала, то есть, *Итонъ-Голла* (Eaton Hall), Коогубъ-Минара, то есть, *Кутубъ-Минара*, въ Дели, то есть, въ *Дегли*, в Сторса, на озерѣ Виндермерв. Нѣтъ ничего пріятнѣе въ мѣрѣ, какъ любоваться на превосходно гравированный видъ, читать Русское названіе мѣста подлѣ его вида, и вмѣстѣ съ тѣмъ догадываться, какъ называется это мѣсто. Какъ вы довольны собою, когда собственнымъ умомъ отгадали настоящее названіе! Это — тройное удовольствіе. Слѣдующая тетрадь представитъ намъ мостъ и крѣпость Св. Ангела, Ватиканъ и Соборъ Св. Петра въ Римѣ; Таи-Магалъ въ Агрѣ; Андерпахъ, и павильонъ въ Брейтѣ

(Brighton). Первая часть, которая должна состоять изъ двенадцати подобныхъ тетрадей, издастся вся до перваго мая 1836 года. Цѣна чрезвычайно умеренная, хотя мы никогда не говоримъ здѣсь о цѣнѣ: за двенадцать тетрадей, въ которыхъ естественнымъ образомъ будетъ сорокъ восемь Англійскихъ гравюръ, платится 30 рублей.

Энциклопедическій лексиконъ. *Томъ второй. Алл-Ара. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. 498.*

Мы собираемся, когда выйдетъ нѣсколько томовъ этого важнаго сочиненія и когда оно укрѣпится въ своей системѣ, обозрѣть подробно его планъ и исполненіе.

Между-тѣмъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что второй томъ «Энциклопедическаго Лексикона» показался намъ примѣчательно совершеннѣе перваго, и что мы нашли въ немъ множество превосходныхъ статей, которыя можетъ прочитать съ пользою даже ученый.

Изъ нашихъ статей объ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» вышла довольно забавная исторія, которую мы должны разсказать всѣмъ, для пользы тѣхъ, до кого она касается. При объявленіи въ прошломъ году о предпріятіи Г. Плюшара, у насъ какъ-то вырвалось, что его «Энциклопедическій Лексиконъ», составленный изъ статей обо всѣхъ предметахъ, достойныхъ свѣдѣнія образованнаго человѣка, и выходящій въ определенное время, можетъ быть уподобленъ повременному изданію: что лучше внести тридцать рублей въ годъ за четыре тома подобнаго сочиненія, чѣмъ платить сорокъ за какой-нибудь плохой журналъ, что это *тотъ же журналъ, только по алфавитному порядку*. Мы не думали, говоря это, что найдутся люди, которые примутъ послѣднія слова въ буквальномъ ихъ смыслѣ. Но оказалось противное. Нашлись такіе. Многие, полагая, что «Энциклопедическій Лексиконъ» не что иное какъ новый журналъ, бросились на него какъ на новую пищу любезной страсти къ новостямъ и легкимъ статейкамъ, и мы видѣли письма къ книгопродавцамъ изъ провинцій, — въ которыхъ подпизики просили высылать имъ «*журналъ подъ названіемъ Энциклопедическій Лексиконъ*». Когда вышелъ первый

томъ Лексикона, и некоторые изъ нихъ, увидѣвъ, что онъ не забавничаетъ, не трогаетъ, не рассказываетъ новостей, а только учитъ, смѣкнули свою ошибку и стали придумывать средства, какъ бы ее исправить. Они бѣгутъ къ книгопродавцамъ и свои билеты на полученіе «Энциклопедическаго Лексикона» мѣняютъ на журналъ и на книги «не столь ученые и сухія». Не дѣлайте этого, господа! Вы еще разъ ошибаетесь. Подписались однажды на «Энциклопедическій Лексиконъ»,—не оставляйте же его. Читайте «Лексиконъ» тогда, когда захотите узнать значеніе въ наукѣ какого-нибудь слова, жизнь какого-нибудь государя, полководца или ученаго, обстоятельства какого-нибудь важнаго событія; и въ то же время читайте непременно хоть одинъ хорошій журналъ. Одно другому не мѣшаетъ: напротивъ то и другое дружно стремятся къ общей цѣли,—просвѣщенію ума, то и другое должны быть неразлучны у хорошаго читателя. Чего не поймете въ журналѣ, ищите объясненія тому въ «Лексиконѣ». Въ тѣсномъ смыслѣ, «Энциклопедическій Лексиконъ» и всѣ подобныя сочиненія суть только дополненіе хорошаго журнала или хорошей книги, и необходимое орудіе къ полезному ихъ чтенію. «Лексикона» нельзя читать какъ книгу или журналъ: онъ долженъ стоять всегда у васъ на ближайшей полкѣ, чтобы вы могли обратиться къ нему за объясненіемъ въ каждомъ затруднительномъ случаѣ. На то онъ расположенъ по алфавиту. *Лексиконъ*—слово Греческое: оно значитъ *словарь*. Не смѣшивайте впередъ словаря съ журналомъ; читайте журналъ,—такое чтеніе необходимо для каждаго свѣтскаго человека, а «Лексиконъ» получайте постепенно и становите его въ своей библіотекѣ или спальнѣ для прочтенія статейки при случаѣ, для справокъ, для рѣшенія спора, когда у васъ выйдетъ споръ о какомъ-нибудь предметѣ бесѣды, даже за бостономъ или вистомъ, потому что подъ словами *Бостонъ* и *Вистъ* вы найдете вѣроятно правила этихъ игоръ. Мы советуемъ издателю «Энциклопедическаго Лексикона» припечатать непременно, подъ названіями употребительнѣйшихъ игоръ, законы ихъ изъ «Академіи карточного игрока.» Это необходимо,—въ пылѣшнихъ литературныхъ обстоятельствахъ. Да! «Лексиконъ» не забавенъ, и не занимате-

лень, пишется слогомъ очень неровнымъ, толкуеть часто о такихъ вещахъ, которыя хотя, завтра могутъ сдѣлаться необходимыми, сегодня кажутся вамъ не нужными; но онъ *полезенъ*, чрезвычайно полезенъ для всякаго. Собирайте его по томамъ употребляйте какъ слѣдуетъ,—не будете жаловаться на сухость, и черезъ десять лѣтъ скажете намъ сами, правду ли мы говорили, утверждая, что онъ въ теченіе этого времени подвинетъ у насъ просвѣщеніе полудуствіемъ.

А. Ф. Смирдинъ впредь не принимаетъ у себя подписки на «Энциклопедическій Лексиконъ.»

1. Ученныя записки *Императорскаго Московскаго Университета* № II. Москва, въ тип. Университетской, 1835, стр. 167.

2. Ученныя записки, издаваемые *Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ*. Книжка I. Казань, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 208.

Въ Московскихъ «Ученыхъ Запискахъ» мы читали лекцію Г. профессора Перевощикова о видѣ и положеніи земной орбиты, и лекціи Г. адъюнкта Шевырева о поэзии Александрійской школы. Для студентовъ онъ должны быть новы и любопытны. Потомъ читали мы рѣчь Г. профессора Страхова, о судьбѣ *художествъ* у древнихъ Грековъ и Римлянъ, которую читали уже и по-Латыни. Но мы думаемъ, что въ этой рѣчи мы читали о ремеслахъ, а не о художествахъ. Потомъ читали разсужденіе Г. профессора Морозкина о каеолическомъ духѣ Римскаго Права. Наконецъ читали, — и это по части критики, — объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера, статью Г. Сазонова, сообщенную Г. профессоромъ Каченовскимъ. Почти ненадобно упоминать, что эта статья вооружена противъ Русской исторіи «новымъ историческимъ взглядомъ», которому мы советуемъ купить себѣ очки. Несторъ ничего не писалъ: это ужъ рѣшено. Руссы пришли изъ Азіи: добро пожаловать! Но зачѣмъ Г. Сазоновъ смѣется надъ баснею о Кіѣ? Что, если бъ онъ узналъ, что въ этой баснѣ есть болѣе исторической истины, чѣмъ новости въ новомъ взглядѣ на Русскую исторію?

Вѣкъ живи, вѣкъ учишь! Мы когда-нибудь займемся этою баснею, а между-тѣмъ рекомендуемъ Кіа вниманію и дружбу «новой исторической школы», какъ очень почтеннаго Хазара, имѣющаго за собою много вѣроятностей. Г. профессоръ Щуровскій сообщилъ этой книжкѣ извѣстіе, нѣсколько старое, о разборѣ человѣческаго мозга Г. Куэрбомъ: читатели наши припомнятъ себѣ статью о томъ же предметѣ, помѣщенную у насъ въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ.

Въ «Запискахъ» Казанскаго Университета находятся — сочиненіе очень хорошо написанное, о воображаемой Геометріи, Г. профессора Лобачевского; весьма любопытная статья Г. Ковалевскаго о Китайскомъ календарѣ, въ которой авторъ, кромѣ системы раздѣленія времени у Китайцевъ, описываетъ множество ихъ обычаевъ и предрасудковъ; письмо мирзы Александра Каземъ-бека, о взятіи Астрахани Татарами въ 1660: ученый сочинитель его излагаетъ на счетъ этого событія свои сомнѣнія, которыя должно признать столько же основательными, сколько они превосходно изложены; онъ показываетъ, что Крымскіе Татары находились въ томъ году совершенно въ другой сторонѣ; что ни одинъ изъ ихъ историковъ не упоминаетъ о походѣ на Астрахань, и что какъ наши отечественныя такъ и иностранныя извѣстія объ этомъ происшествіи очевидно почерпнуты все изъ Голикова и Хилкова, которые не опираются ни на какихъ доказательствахъ и не показываютъ своихъ источниковъ, и наконецъ занимательная статья, хотя лекція, объ основаніяхъ изящнаго, написанная Г. Суровцевымъ въ духѣ Г. Кузена. Въ этомъ исчисленіи нарочно пропущено нами свѣтлое разсужденіе Г. профессора Кнорра о годичномъ движеніи температуры въ Казани, которое однако жъ читали мы съ особеннымъ любопытствомъ. Причина пропуска та, что мы хотимъ нѣсколько минутъ занять ея нашихъ читателей.

Мы никогда не думали, чтобы климатъ въ Казани былъ суровѣ нашего, а по выводамъ Г. Кнорра, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя Казань 49°10' южнѣ Петербурга и лежитъ подъ тою же широтою какъ Москва. Средняя годичная температура этого мѣста, вычисленная ученымъ

авторомъ,—не сполна 2 градуса тепла ($4^{\circ} 89$ С. Т.)! Поэтому, какъ скоро кому-нибудь изъ Казанскихъ жителей понадобится взать въ теплые края, покоривъше просимъ въ Петербургъ: у насъ тепла, круглымъ числомъ въ годъ, 3 градуса. Сравненіе годичнаго стоянія термометра въ Москвѣ и Казани, приводимое Г. Кнорромъ, чрезвычайно занимательно. Средняя температура Московскаго года, по-видимому, не выше Петербургской. Зачѣмъ же Москвичи такъ хвастаютъ своимъ климатомъ? По исчисленіямъ Энгеля и Штриттера въ концѣ прошлаго вѣка, и Г. Кнорра, по нынѣшнимъ Московскимъ вѣдомостямъ, средняя теплота года въ Москвѣ $+ 3^{\circ} 3$. Справедливость однако требуетъ упомянуть, что Г. Перевошиковъ возвышаетъ ее до $+ 5^{\circ}$, но это вѣроятно изъ патриотизма.

«Едва ли, говорить Г. Кнорръ о Казани, найдется человекъ, который, переселившись сюда изъ-подъ неба нѣсколько умѣреннѣе, не заплатилъ какой-нибудь данн климату; между-тѣмъ, старожилы, кажется, мало терпятъ отъ зноя и холода, хотя жаръ лѣтомъ бываетъ до 34° С. Т., а въ холодныя зимы ртуть замерзаетъ. Правда, это случается не всякую зиму, но ни мало не считается за рѣдкость. Не одна только чрезвычайная разность температуръ составляетъ отличительную черту Казанскаго климата: она принадлежитъ всемъ климатамъ суровымъ; но быстрый переходъ отъ холода къ теплу въ теченіе марта и апрѣля и удивительная разность maximum и minimum одного и того же дня, которая иногда простирается до 20 градусовъ, вотъ что знаменуетъ нашъ климатъ, столь непостоянный и необычайный.»

Мы не хотимъ спорить Москвы съ Казанью, но нельзя не сказать, что «Ученыя Записки» Казанскія несравненно ученѣе, занимательнѣе и важнѣе «Ученыхъ Записокъ» Московскихъ, и этотъ выводъ мы получили изъ постояннаго сравненія между собою книжекъ того и другаго города и средней годичной высоты учености и занимательности обоихъ полу-повременныхъ сочиненій.

Краткая космографія и математическая, физическая и политическая Географія всего земнаго шара. Изданная В. К. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 176.

Сочинитель этой краткой Космографіи и Географіи, господинъ В. К. (Василій Кудравцевъ), преподаетъ по ней

предметъ свой въ Остапкинскомъ учебномъ заведеніи графовъ Шереметевыхъ. Несмотря на свою краткость, это очень хорошее учебное руководство для уважнаго учителя. Оно большею частью состоитъ изъ однихъ опредѣленій, но эти опредѣленія ясны и точны, хотя вообще могли бы быть выражены изящнѣйшимъ языкомъ. Г. Кудрявцевъ—большой книжникъ! Мы еще замѣтимъ ему, что чрезвычайная сжатость, которую онъ предписалъ себѣ при составленіи этой книги, иногда вредитъ существенной полнотѣ его опредѣленій. Такъ напримѣръ говоря о раздѣленіи жителей по ихъ тѣни, на безтѣнныхъ, однотѣнныхъ, двутѣнныхъ и круглотѣнныхъ, онъ забываетъ сказать, что это относится только къ полуденному времени. Человѣкъ бываетъ безъ тѣни подъ самымъ экваторомъ только въ полдень, и то во время равноденствій: въ другія поры года, и даже въ равноденствія до полудня, и пополудни, у него такая же тѣнь, какъ у всѣхъ грѣшныхъ. Г. Кудрявцеву вѣроятно извѣстно, что люди безтѣнные круглый день и круглый годъ только тѣ, которые продали себя чорту: при такихъ сдѣлкахъ, чортъ прежде всего старается купить тѣнь человека; купивъ, онъ свертываетъ ее въ трубку, кладетъ къ себѣ въ карманъ, и уходитъ,—и съ тѣхъ поръ, оставшись безъ тѣни, вы принадлежите ему невозвратно. Невозможно предполагать, чтобы всѣ подъэкваторные жители продали себя нечистой силѣ!

Сверхъ-того, человекъ бываетъ безъ тѣни не только подъ самымъ экваторомъ, какъ говоритъ Г. Кудрявцевъ, но всюду между тропиками въ полдень того дня, когда солнце, слѣдуя по эклиптикѣ, прійдетъ въ его зенитъ. Десятаго іюня въ Суанѣ, подъ тропикомъ Рака, тѣнь совершенно исчезаетъ подъ вами вполдень. Авторъ можетъ быть увѣренъ въ справедливости этого показанія.

О кометахъ вообще, съ присовокупленіемъ статьи о Галлеевой кометѣ, ожидаемой въ 1835 году и совершающей свой оборотъ въ 75 лѣтъ. Сочиненіе астронома Араго. Перевелъ съ Французскаго Григорій Яковлевъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-12., стр. 213.

Мы нѣсколько разъ имѣли случай говорить въ этомъ журналѣ о прекрасной статьѣ Г. Араго, помѣщенной подъ этимъ заглавіемъ въ «Альманакъ Комитета Географическаго долготы» за 1832 годъ. Она была уже переведена на Русскій языкъ во время прохожденія Бюловой кометы близъ орбиты земли, и издана особою книжкою. Знаменитый Парижскій астрономъ написалъ ее слогомъ пріятнымъ, свѣтскимъ, желая объяснить публикѣ строеніе, пути и свойства кометъ. Г. Яковлевъ, который нынче издалъ по-Русски ту же статью вторично, облекъ ее въ такой изысканный языкъ, что мы приняли ее за дѣло нижняго земскаго суда о поимкѣ безпаспортныхъ кометъ. Прискорбно смотреть на подобное обезображеніе умнаго и шегольскаго сочиненія! Господа переводчики, которые портятъ самыя изящныя плоды иностраннаго пера по своему пристрастію къ книжному нарѣчію, могутъ быть увѣрены, что мы никогда не станемъ рекомендовать публикѣ книгъ, писанныхъ не ея языкомъ.

Мы невольно улыбнулись, увидѣвъ въ этой статьѣ или книжкѣ мѣсто, гдѣ ученый астрономъ переважно разсматриваетъ вопросъ, не отъ удара ли кометы о земной шаръ произошла огромная впадина, открытая Г. Парротомъ въ 1811 году и съ тѣхъ поръ известная подъ именемъ «углубленія Каспійской страны». «Въ то самое время мы приготовляли для печати извлеченіе изъ воваго «Путешествія» Г. Паррота, въ которомъ онъ сознается, что эта огромная впадина была маленькая ошибка.

Движимость естества, или Устремленіе видовъ къ равенности отношеній по ихъ проявленіямъ. А. Т. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 72.

Одно изъ первыхъ условій при чтеніи книгъ, состоитъ въ томъ, что не надобно пугаться заглавій. Когда мы вамъ растолкуемъ, въ чемъ дѣло, вы сами увидите, что это не такъ страшно. Рѣчь, изволите знать, идетъ объ устремленіи воздѣйствующихъ видовъ къ равенности взаимства отношеній по проявленіямъ сложностей въ разныхъ степеняхъ вѣчности и пространства, которыя дѣйствуя круговращательно другъ

на друга въ полнотѣ проявительныхъ своихъ свойствъ..... Словомъ, — если вы помните, — была въ прошломъ мѣсяцѣ брошюрка того же автора, въ которой онъ показывалъ дамамъ очертательность естества: вотъ теперь онъ привелъ это естество въ движеніе. Когда естество движется очень быстро, то въ головѣ дѣлается иногда такъ темно, что свѣту Божьяго не видно. Это ужъ недостатокъ всякаго движенія. Въ такомъ случаѣ, чтобы ясно видѣть умомъ, нѣтъ другаго средства, какъ зажечь себѣ на головѣ волосы. Мы надеемся, что если вы это сдѣлаете, то легко поймете «устремленіе видовъ къ равности отношеній по ихъ проявленіямъ».

Руководство къ преподаванію Минералогіи, составленное Павломъ Горяниновымъ, Императорской Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи ординарнымъ профессоромъ, докторомъ медицины, Медицинскаго Совѣта, Медико-филантропическаго Комитета и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ, надворнымъ совѣтникомъ и ордена Св. Анны третьей степени кавалеромъ. *СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ. 8., стр. 288.*

Сочиненіе Г. Горянинова совершенно приспособлено къ потребностямъ его слушателей, молодыхъ врачей, и не выходитъ изъ круга медицинской Минералогіи. Не пренебрегая полноты системы въ наукѣ, авторъ особенно занимается тѣми минералами, которые Медицина приняла въ число своихъ средствъ и пособій, и описываетъ очень кратко произведенія ископаемаго царства, неупотребительныя въ Фармаціи. Авторъ пользовался твореніями лучшихъ наставниковъ по этой части, и составилъ весьма удовлетворительный спеціальныи курсъ Минералогіи, которой катедра въ здѣшней Медико-Хирургической Академіи обязана преобразованиемъ своимъ и точнымъ примѣненіемъ къ мѣстной цѣли предшественнику его, профессору Спасскому, одному изъ ученѣйшихъ врачей нашихъ. Вся подробности кристаллогіи и діагностики чужды были бы предмету сочинителя, и онъ значительно сократилъ эти двѣ части науки. Появленіе спеціальныхъ курсовъ знаменуетъ въ каждой

литературъ самое полезное употребленіе наукъ въ дѣло, и мы никогда не будемъ благодарны авторамъ подобныѣ твореній. Мы бы желали видѣть спеціальные курсы Минералогіи, и всякой другой науки, изданными для каждаго рода занятій, которыя имѣють связь съ нею. Г. Горинцовъ напрасно посовѣстился означить въ заглавіи точное предназначеніе своей книги.

Физика въ приложеніи къ зодчеству. Егора Кисеѣна, коллежскаго ассессора и кавалера, члена разныхъ ученыхъ обществъ. Москва, въ тип. Семена, 1835, 8-8., Четыре части, стр. III и 123 — 126 — 102—78.

Вотъ еще спеціальныи курсъ, — курсъ Физики для архитекторовъ. Какъ не благодарить отъ души сочинителя за его счастливую мысль, за столь полезное употребленіе своихъ познаній! Архитекторы наши образуются наибольшею частію механическимъ образомъ: они пріобрѣтають обыкновенно свои познанія въ художествѣ посредствомъ упражненія въ архитектурномъ рисованіи, къ которому присоединяются немногія правила школы и общей Механики. Довольно ли этого для челоѣвка, котораго произведенія должны бороться со временемъ и стихіями? Вліяніе тайныхъ дѣятелей природы на разныя части производимой постройки, нерѣдко столь сильное, что уничтожаетъ его предположенія еще до окончанія работы или существенно, хотя и непримѣтно, повреждаетъ отдѣляемый предметъ, почти совершенно закрыто глазамъ его; онъ долженъ почерпнуть изъ долговременной практики знаніе разныхъ «неудобствъ», въ причинѣ которыхъ не умѣетъ впрочемъ отдать себѣ отчета; онъ зависить отъ опытности своихъ работниковъ и часто принужденъ повиноваться ихъ предрасудкамъ, потому что не въ состояніи ихъ опровергнуть. Ненужно объяснять, сколько подобное образованіе архитектора останавливаетъ его изобрѣтательность и подавляетъ его счастливѣйшія вдохновенія, неговоря уже объ убыткахъ тому, кто его употребляетъ. Архитекторская практика пріобрѣтается всегда на счетъ строящихъ кармановъ. Обратимся теперь къ эффектамъ акустики и оптики: тутъ уже и опытность работника не подоспѣетъ въ помощь архитектору; тутъ онъ долженъ все

предвидѣть самъ и хорошо условиться впередъ съ таинственными явленіями природы, чтобъ не ошибиться въ своихъ предначертаніяхъ. Театры, въ которыхъ ничего не видно и не слышно, суть колоссальныя доказательства необходимости твердаго знанія по-крайней-мѣрѣ некоторыхъ частей Физики со стороны архитектора. Не далѣе какъ простая печь, которая дымить или не согреваетъ комнаты-песмотря на всѣ усилія того, кто ее поставилъ, — эта простая печь можетъ подать поводъ къ весьма ученому умствованію и потребовать довольно высокихъ наведеній науки для отвращенія неразгадаемаго «неудобства». Эти немногія строки будутъ достаточны для уразумѣнія участія и пользы Физики въ каждой постройкѣ. Архитекторы воспользуются трудомъ Г. Классена съ благодарностью; хозяева, имѣющіе притязаніе на архитектурство, — а кто изъ грѣшныхъ не берется строить и лечить! — должны воспользоваться имъ для собственной выгоды, — во первыхъ для, того, что бы не причинить себѣ убытка, когда вздумаютъ создать сами, — а во-вторыхъ, чтобы подчасъ и остановить невѣжественнаго архитектора, когда онъ затѣетъ на ихъ счетъ вещь, несообразную съ какимъ нибудь параграфомъ устава Природы.

«Физика въ примѣненіи къ зодчеству», Г. Классена, написана такъ просто и ясно, что отнюдь не надобно быть Саломономъ, чтобы понимать ее.

Мы должны упомянуть еще, что это сочиненіе имѣетъ другое параллельное заглавіе, — «Основанія механическаго естествознанія», — которое, по-видимому, означаетъ то, что авторъ намѣренъ издать рядъ такихъ трактатовъ для разныхъ художествъ и ремеслъ. Г. Классенъ уже извѣстенъ публикѣ съ весьма лестной стороны какъ сочинитель спеціальныхъ руководствъ по части Механики.

Общая антропология. Сочиненіе адъюнкта-профессора Императорскаго Московскаго Университета, доктора Медицины Козьмы Лебедева. Въ руководство учащимся. Москва, въ тип. Университетской, 1835, в-8., стр. XII и 372.

Г. Лебедевъ имѣетъ въ предметъ, замѣнить этимъ сочиненіемъ, по-крайней-мѣрѣ, въ кругу своего дѣйствія, руко-
Т XII. — Отд VI. в 1/2

водство Гартманна, по которому большею частию преводятся Патологія въ нашихъ учебно-медицинскихъ заведеніяхъ. Г. Лебедевъ имѣетъ свой собственный образъ воззрѣнія на систему науки, и слѣдуетъ особой методѣ, въ пользу и противъ которой можно сказать многое. Въ главныхъ понятіяхъ о дѣлѣ онъ слѣдуетъ Французскимъ патологамъ, преимущественно твореніямъ Бишэ и Белльи, отвергая однако жъ, и довольно невѣжливо, труды Бруссэ. Нѣтъ сомнѣнія, что это примѣчательная книга, особенно у насъ, при совершенномъ недостаткѣ оригинальныхъ сочиненій *Общей Патологіи*, но она написана такимъ Русскимъ языкомъ, отъ котораго можно заболѣть и самому здоровому человѣку, если у него есть вкусъ и чувство изящнаго. Г. Лебедевъ, изъ всего заимствованнаго у Французовъ, не взялъ одного, и самаго важнаго для успѣха книги, — ихъ красиваго, свѣтлаго и чистаго образа изложенія, ихъ полированного слога, ихъ живаго, современнаго языка. Почему не писать тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ выражаете вы изустно, въ бесѣдѣ, лучшія ваши чувствованія, блистательнѣйшія ваши мысли, остроумнѣйшія ваши замѣчанія? которымъ вы нравитесь незнакомцу, трогаете друга, очаровываете любовницу, плавите холодное сердце поставщика, вливаете жизнь и сладость въ блѣдную, высохшую грудь хорошенькой больной? Почему не писать этимъ могущественнымъ языкомъ? Зачѣмъ вы презираете настоящій Русскій языкъ, и взамѣвъ его выдумываете себѣ другой, искусственный, мертвый, небывалый? О, когда прійдетъ у насъ то ясное время, что науки станутъ говорить пріятно и по-людски! Языкъ *Антропатологіи* Г. Лебедева крѣпко пахнетъ трупомъ.

Органонъ врачебнаго искусства, или *Основная теорія способа гомеопатическаго леченія*, доктора Самуила Ганеманна. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 461.

Наконецъ вышелъ «Органонъ» по-Русски! Тѣ, которые еще не умерли отъ Гомеопатіи, будутъ по-крайней-мѣрѣ имѣть удовольствіе прочесть передъ смертію законы, въ силу которыхъ берутъ съ нихъ деньги.

«Просвѣщенные мужи! такъ говорить переводчикъ: просвѣщенные

мужи какой бы то ни было нации, и особенно, вы, врачи ученые и чело-
вѣколюбивые! потщитесь изучить безъ предубѣжденія и повѣрить
правдоушными опытами сіе любопытное юное ученіе! Дѣло идетъ о
преобразованіи искусства *обладающаго* (?) даромъ драгоценнѣйшимъ
для физическаго челоука, — *здоровьямъ.*

Милліонъ клистировъ, пьавокъ, пилюль! Юная Медици-
на! юная Словесность! юная историческая школа!..... Рѣ-
шительно, настала вѣкъ интересной юности для стараго
челоукаго ума.

Медико-топографическое описаніе княжествъ
Молдавіи и Валахіи, составленное бывшимъ главнымъ
докторомъ всѣхъ военновременныхъ госпиталей въ Кня-
жествахъ Молдавіи и Валахіи и крѣпости Силистріи,
съ присовокупленіемъ статистической таблицы города
Бухареста 1831 года. С. Добронравовымъ. Москва, въ
тип. Лазаревыхъ. 1835, въ-8., стр. 85.

Эта любопытная брошюра можетъ доставить очень по-
лезныя данныя тѣмъ, которые занимаютъ Географіею, и
Русскимъ врачамъ, практикующимъ въ Княжествахъ и даже
въ Бессарабіи.

Авторъ описываетъ между-прочимъ способъ леченія водо-
болзни, съ успѣхомъ употребляемый въ Молдавіи и Валахіи,
и находитъ его сходнымъ со способомъ доктора Маронет-
ти. Подобно ему, врачи протыкаютъ пузырьки, появляющіе-
ся подъ языкомъ у нѣкоторыхъ больныхъ; но главное ихъ
средство состоитъ въ пусканіи изъ подъязычной жилы нѣ-
сколькихъ фунтовъ крови, и это одно спасаетъ укушеннаго
бѣшеною собакою отъ смерти. Извлеченные однако такимъ
образомъ сохраняютъ вообще блѣдность лица и жалуются на
слабость и круженіе головы. Мы приведемъ еще мнѣніе Г.
Добронравова о состояніи нравственности и просвѣщенія въ
княжествахъ.

•Нравы жителей довольно хороши. Религія, или лучше сказать, об-
ряды ея исполняются свято; почтеніе и любовь къ родителямъ и ста-
рикамъ непринужденны, и, по-видимому, врожденны. Роскошь, имъ
приписываемая, ни мало не видна; самые бояре любятъ не роскошь,
но щегольство: блеснуть дорогою одеждою и, снарядивъ жену въ бо-
гатое платье, показать ее въ красивой коляскѣ, есть неотъемлемая у

нихъ склонность; но стоить бояръ не рѣдко бываетъ бѣдѣ крестьянскою, и они дома во многомъ себя отказываютъ. Лѣтняя бездѣльная жизнь имъ нравится, и бѣдность, вездѣ замѣтная въ княжествахъ, отъ нея происходитъ. Къ худымъ качествамъ характера жителей, надобно причислить корыстолюбіе и жестокосердіе къ подчиненнымъ, особливо къ бѣднымъ Цыганамъ, которые, составляя собственность бояръ, вьскуютъ самыя тяжелыя оковы рабства. Женщины въ этихъ княжествахъ тщеславны; вѣрность супружеская рѣдко сохраняется, и то однимъ только мужчинами (?); но женщины считаютъ величайшимъ сокрытіемъ свою невинность, имея столь бдительныхъ охранителей.

Науки въ княжествахъ до сихъ поръ находятся еще въ младенческомъ состояніи. Кромѣ нѣсколькихъ школъ въ городѣхъ Бухрестъ и Яссахъ, для образованія ювоншества въ природномъ языкѣ, и училищъ для языковъ Французскаго и Греческаго, нѣтъ ни какихъ учебныхъ заведеній. Въ мѣстечкахъ и селеніяхъ воспитаніе дѣтей, даже боярскихъ, ограничивается только познаніемъ первоначальныхъ догматовъ вѣры, не смотря на то, что соседственность съ Россіею и Австріею ежеминутно даютъ случай имѣть людей съ отличными дарованіями и вводить учителя, ограничивающіеся не однимъ преподаваніемъ языковъ. Впрочемъ, въ послѣднія времена, первоклассные бояре, обращаясь рѣдко съ образованными Европейцами и чувствуя преимущества хорошаго воспитанія, посылаютъ нынѣ дѣтей въ заграничныя университеты. Сочиненій и книгъ ни на Валлахскомъ, ни на Молдавскомъ языкѣ ни какихъ не существуетъ. Причиною этому, быть можетъ, необработанность языка и недостатокъ собственной грамматики. Сверхъ того, тяжелое ядро въ невѣжествѣ погруженныхъ Турокъ и необходимость подражать имъ во всемъ, составляютъ немалое препятствіе къ водворенію наукъ; и благодѣтельнаго переворота не прежде ожидать можно, какъ съ присоединеніемъ княжествъ къ какому-нибудь государству обширному, просвѣщенному, или съ возстановленіемъ ихъ политическаго быта.

Авторъ «Медико-топографическаго описанія княжествъ» несравненно лучше наблюдаетъ, чѣмъ пишетъ. Мы принуждены были значительно исправить слогу въ этомъ отрывкѣ, одно выраженіе оставилъ безъ всякой перемены, не зная настоящаго его смысла. «Супружеская вѣрность, говоритъ онъ, сохраняется одними только мужчинами». Мы отъ души желали бѣ вѣрить этому, потому что столь блестящее цѣломудріе Молдаванъ и Валаховъ приносило бы большую честь нашему полу; но оно, по-несчастію, составляетъ такое рѣдкое изъятіе изъ общаго правила, что почти переходитъ въ баснословіе. Авторъ, быть-можетъ, хотѣлъ сказать:

зять, что супружеская ревность обнаруживается рѣдко, и то въ однихъ только мужчинахъ?

Наблюденія практическія о вліяніи кофе на здоровье человека. *Сочиненіе доктора Самуила Ганеманна. Москва, въ тип. Пономарева. 1835, въ-12., стр. 59.*

Великій Ганеманнъ разсердился однажды на свою кухарку за то, что она много издерживала его кофе для себя и своихъ пріятельницъ, и написалъ ужасную брошюрку противъ этого напитка, чтобы отлучить ее отъ его употребленія.

«Человѣкъ, воспитанный въ простотѣ нравовъ, написалъ онъ, взирая на моральное и физическое состояніе людей, употребляющихъ кофе, повсюду видѣть уклоненіе отъ природы и слѣды неправильной напряженности; повсюду замѣчаетъ какую-то сантиментальность и изысканную веселость, или насмѣшки, переходящія границы благоразумія, и судорожное движеніе мускуловъ, которое вмѣсто легкой улыбки превращается въ совершенную карикатуру. Даже мускулы остальныхъ частей тела находятся въ необыкновенномъ и несообразномъ съ природою движеніи.

«Благоразумное сужденіе, основательность размышленій, рѣшительность и твердость воли, — всѣ эти качества, отличавшія доселѣ національный характеръ Германцевъ, исчезли послѣ вошедшаго въ обычай употребленія кофе.

«Знаю, что Нѣмецъ долженъ пить кофе, если хочетъ щеголять сладострастными картинами воображенія, если начтываетъ сочинять безстыдный романъ, или легкія и шутовскія стихотворенія. Знаю, что въ этомъ напитокѣ чувствуютъ необходимую надобность балетный танцовщикъ, импровизаторъ, фигляръ, паяцъ, вытѣшнѣйшій виртуозъ съ своею сумасбродною быстротою звуковъ, и модный медикъ, который вездѣ поспѣваетъ, который въ одно утро хочетъ сдѣлать девяносто визитовъ и взять девяносто талеровъ. Оставимъ же этихъ людей, этихъ Нѣмцевъ, съ ихъ искусственнымъ, несообразнымъ съ природою возбужденіемъ физическихъ и умственныхъ способностей! Оставимъ ихъ на произволъ тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, которыя происходятъ отъ кофе для ихъ собственнаго здоровья и для блага ближнихъ!»

Нѣкоторые утверждали, что Великій написалъ это, вынивши двѣнадцать чашекъ кофе сряду.

Но кухарка великаго Ганеманна взбѣсилась на него ужасно за то, что онъ сказалъ въ этой брошюркѣ, будто кофе причиняется въ особенности къ порчѣ нравовъ ея сословія,

возбуждая страсти, — опрокинула кастрюли на огонь и ушла, оставивъ его безъ обеда. Великій Ганеманнъ принужденъ былъ обѣдать въ тотъ день гомеопатически, — однимъ запахомъ кухни.

Вотъ какія бѣдствія производитъ кофе, котораго однако жъ, послѣ этой брошюрки, не перестали пить ни самъ великій Ганеманнъ, ни его кухарка!

НАЧЕРТАНІЕ ПРАВИЛЪ ПЛОТНИЧНАГО МАСТЕРСТВА, для учениковъ мастерскихъ ротъ Учебнаго Морскаго Экипажа, составленное сего экипажа капитаномъ Деметьевымъ, и одобренное Ученымъ Комитетомъ главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества. Часть 1. О инструментахъ и употребленіи оныхъ. Сп.-бургъ, въ тип. В. Д. Военныхъ Поселеній, 1834 (1835), въ 8., стр. 227. Съ чертежами.

ОПИСАНІЕ НОВАГО ИНСТРУМЕНТА, для разрыва глазной пленки, при сведеніи бельма. Сочиненіе доктора Хирургіи, профессора глазныхъ болѣзней Каррона дю-Вилляра. Съ рисункомъ. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ 8., стр. 11.

ОПЫТНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ О РАЗВЕДЕНІИ ТАБАКА, сляни, сажденіи и собираніи онаго, или легчайшій и удобнѣйшій способъ дѣлать изъ самаго простаго табака, называемаго папушъ, разнаго сорта иностранныя нюхательные и курительные табаки. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ 18., стр. LXIII IV и 56.

Это знаменитое твореніе нюхательной литературы произведетъ совершенный переворотъ въ отечественныхъ носачъ: многіе изъ нихъ вѣроятно взорвутъ на воздухъ, какъ скоро во всѣхъ авкахъ начнутъ изъ Русскаго табаку готовить настоящій иностранный по способамъ, которые предлагаетъ сочинитель. Здѣсь однако забыто одно важное изобрѣтеніе, которое доставляетъ возможность в кушать небесную сладость рапé безъ употребленія табаку: въ началѣ нынѣшняго года привезли во Францію съ Атласа растеніе, дотолѣ неизвѣстное батаникамъ, котораго одинъ запахъ произ-

водитъ въ носу самыя выпрєннїя табачныя ощущенїя, отъ легкаго и роскошнаго сверба, столь похожаго на надежду, до того торжественнаго чиханїя, которымъ озаряется вся будущность; оно имѣетъ широкїя листья и цвѣтеть прекрасно. Достаточно поставить горшокъ съ этимъ растенїемъ на столикъ въ гостиной, и все общество упоевается такимъ же блаженствомъ, какъ-будто бѣ оно находилось въ табакеркѣ.

Сочинитель учитъ также дѣлать изъ простаго папушу настоящїя Гаванскїя сигары: надобно взять простыя копчевыя сигары, положить въ растворъ сахару, ванили и каскариды, такъ, чтобы онѣ имѣли насытились, и потомъ высушить. Не сказано однако жѣ ни слова какъ должно ихъ употреблять, — вѣсть ли вмѣсто конфетовъ, или курить какъ обыкновенныя Гаванскїя сигары?

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Теоретическая Астрономїя торжествуетъ: Галлеева комета возвратилась къ намъ; но намъ отнюдь не веселѣе отъ ея радости. Эта «знаменитая» комета, — съ позволенїя сказать, самая дрянная комета, какая только есть на свѣтѣ! Эта комета гроша не стоитъ! Эту комету слѣдовало бы указомъ исключить изъ списка небесныхъ тѣлъ; а у астрономовъ не худо было бы удержать годъ жалованья за эту комету. Писали, исчисляли, предсказывали, трубили на весь миръ пять лѣтъ сряду о великолѣпной, блистательной, неподобной кометѣ какого-то бифстека, Галлея; возбуждали въ высочайшей степени любопытство благомыслящихъ людей; у многихъ отняли сонъ и спокойствїе, — а когда пришло время наслаждаться плодомъ долгаго ожиданїя, когда все выпучили глаза, разинули рты, спрашивая — «Гдѣ жѣ комета?», вамъ торжественно показываютъ на небѣ что-то похожее на старую вице-мундирную пуговку. Негодованїе всѣхъ благомыслящихъ людей здѣсь, въ Петербургѣ, и въ прочїихъ столицахъ Европы не знаетъ себя предѣловъ. Стоило ли, скажите, вы, которые имѣли честь быть знакомы съ порядочными кометами, — стоило ли труда дѣлать столько шуму, писать столько статей? Ви-

длин вы, почтенные читатели, комету? Славную Галлеву комету?..... Мы ее видели собственными глазами. Мы на нее любовались. Она видна простымъ глазомъ, на сѣверъ, послѣ десяти часовъ вечера, если нѣтъ луны. Самая пошлая звездочка, изъ мелкотравчатыхъ, горемычныхъ звездочекъ, на которыя порядочные люди не хотятъ даже смотреть! Она теперь достигла высшей степени своего блеска, и красивѣе уже не будетъ. Она походить на звезду третьей величины, и быстро идетъ къ сѣверу. Знаменитый Дерптскій астрономъ, Струве, открылъ ее въ первый разъ 8 августа почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ей назначено было явиться по исчисленіямъ эфемеридъ Розенберга и Буvara: разница была весьма незначительная; Розенбергъ ошибся + 7 минутами прямого восхожденія и — 17 минутами склоненія, Буваръ + 11 минутами прямого восхожденія и — 27 минутами склоненія. За три дня до этого увидѣлъ ее въ Римѣ директоръ тамошней обсерваторіи. Она казалась тогда блѣдноватымъ пятнышкомъ необыкновенно слабого цвѣта. Съ того времени всѣ подзорныя трубы устремились на вождедѣнную гостью; торжествующіе астрономы не спускали съ нея своихъ телескоповъ, — и они-то, вѣроятно, ее сглазили. Правда, что въ три недѣли она значительно увеличилась, безпрестанно приближаясь къ нашему глазу; но можно полагать, что, если бѣ на нее такъ пристально не смотрѣли, она бѣ теперь сіяла еще великолѣпнѣе нежели въ 1607 году, когда своимъ хвостомъ закрывала цѣлую треть неба. Говоря о хвостахъ, — безпристрастіе повелѣваетъ быть справедливымъ даже къ кометамъ, — нельзя утаить того, что у ней есть хвостъ. Г. Струве видѣлъ его, 17 сентября. Но какой хвостъ? Хвостикъ въ полвершка. Порядочный воробей не согласился бѣ предстать съ такимъ хвостомъ передъ свою братью. Прибавьте, что блескъ этого хвостика «слабъ до чрезвычайности», и вы будете имѣть понятіе о прелестяхъ знаменитой кометы. Свергнутаго, она сквозитъ какъ мыльный пузырь. Наблюдая ее въ телескопъ, Г. Струве ясно видѣлъ сквозь самый центръ ея, звездочку *девятой* величины, которая находилась позади и мерцала за нею такъ чисто, какъ-будто комета вовсе не заслоняла ея собою. Однимъ словомъ, въ этой кометѣ

нѣтъ ни какого проку, и для нея право не стоить прерывать виста и выходить на балконъ. Посудите однако жъ, какъ эта комета должна быть сильна и крѣпка сложеніемъ, когда она, несмотря на свою воздушную прозрачность, безвредно пробѣгаетъ такіе огромные пути! Ея орбита имѣетъ видъ весьма продолговатой овалы, которой длина простирается почти на 56 разстояній Земли отъ Солнца (Земля отстоитъ отъ Солнца на 144,000,000 верствъ), а ширина на 10 такихъ же разстояній. Солнце находится въ одномъ углу овалы. Когда комета прилетаетъ на этотъ конецъ овалы, она подходитъ къ Солнцу на полразстояніе его отъ Земли, а черезъ тридцать восемь лѣтъ, удалившись на другую оконечность своей орбиты, бываетъ отъ него за 35 землесолнечныхъ разстояній. Тамъ, на той оконечности Солнце уже представляется ей простою звездою, тогда какъ на здѣшнемъ концѣ орбиты, оно кажется ей четверо больше нежели намъ. Здѣсь она испытываетъ четверо сильнѣйшей жаръ отъ Солнца, чѣмъ наша Земля; тамъ въ пять тысячъ разъ меньшій. Подойди наша прекрасная Земля такъ близко къ Солнцу, какъ этотъ мыльный пузырь, всѣ воды океана превратились бы въ паръ и расплавленные металлы потекли бъ въ сухія морскія бездны, чтобъ занять въ нихъ мѣсто воды, и обратно, удались Земля на тотъ конецъ ея орбиты, за 35 нынѣшнихъ своихъ разстояній отъ Солнца, нашъ воздухъ сѣрновался бы въ самую прекрасную глыбу голубаго льду, какую только вы можете себѣ представить. Вы крайне насъ обяжете, если благоволите сказать — изъ чего сдѣланы кометы?

— Однажды мы здѣсь сказали, что несмотря на десятки тысячъ и чуть-ли не милліоны подписчиковъ, которыми хвастаются Французскіе журналы *Revue de Paris*, *Revue des deux mondes* и другіе, намъ извѣстно изъ весьма хорошихъ источниковъ, что они находятся въ самомъ жалкомъ положеніи и съ трудомъ покрываютъ годичныя издержки. Этотъ отзывъ встрѣтилъ маленькое противорѣчіе. А мы теперь находимъ въ журналѣ *La France littéraire* торжественное подтвержденіе истины, которую провозгласили. Последняя книжка этого журнала, говоря въ одномъ мѣствѣ о нашей «Библиотекѣ для Чтенія», присовокупляетъ: «Là se trouve
Т. XII. — Отд. VI. 0 1/2

reproduite toute la littérature du jour; les hommes les plus distingués concourent à sa collaboration. Ce journal ne compte pas moins, dit-on, de six mille abonnés. Ce fait tendrait à prouver que les Russes ont un peu plus de goût pour la littérature que les Français; car à peine nos meilleures revues, en France, acquièrent-elles mille abonnés. — Тамъ (въ Б. для Ч.) отражается вся современная словесность; отличившіе люди участвуютъ въ ней своими трудами. Говорятъ, что этотъ журналъ имѣетъ не менѣе шести тысячъ подписчиковъ. Этотъ фактъ доказывалъ бы то, что у Русскихъ немножко болѣе вкуса въ литературу, чѣмъ у Французовъ, потому что *лучшіе наши литературные журналы, revues, едва достигаютъ тысячи подписчиковъ.*»

— За кометою мы совсѣмъ забыли одно важное обстоятельство, о которомъ давно следовало извѣстить нашихъ читателей. Еще съ мая мѣсяца «Библиотека для Чтенія» лишилась лестнаго руководства, которое принялъ было на себя знаменитый нашъ поэтъ, И. А. Крыловъ. Преклонность лѣтъ не дозволила ему продолжать мучительныхъ занятій редактора, которымъ сдѣлался съ того времени Е. Ѳ. Коршъ.

— Въ небольшомъ вступленіи, которое предшествуетъ предѣстнымъ отрывкамъ изъ «Унданы», помѣщеннымъ въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч., мы повторили общій слухъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ всей этой поэмы. В. А. Жуковский проситъ насъ уведомить читателей, и мы съ прискорбіемъ уведомляемъ ихъ, что это былъ только слухъ: изданіе цѣлой поэмы будетъ совершенно зависетьъ отъ обстоятельствъ, и авторъ не беретъ на себя ни какой обязанности въ отношеніи къ публикѣ.

— Издателемъ «Записокъ Чухина» проситъ насъ извѣстить подписавшихся на это сочиненіе Ѳ. В. Булгарина, что послѣдняя часть рукописи получена на дняхъ изъ Цензуры, но что онъ ожидаетъ еще предисловія отъ автора.

=

VII.

С М Ъ С Ъ

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. 1. *Berzeliusъ въ Парижѣ.* Этотъ Шведскій ученый, пользующійся Европейскою известностью, явился въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ 27 Іюля. Можно себѣ представить любопытство и удивленіе присутствующихъ, когда они увидѣли, что такой знаменитый человекъ отнюдь не похожъ ни на Француза, ни даже на Итальянца. Дѣйствительно ни въ чемъ нѣтъ такъ мало сходства съ ученымъ южныхъ странъ, какъ въ сѣверномъ ученомъ: такъ значительны и глубоки измѣненія, впечатлѣваемые солнцемъ на всей природѣ отъ пробѣженія почвы до самаго человека. Выраженіе лица, блескъ взора, звукъ голоса южныхъ ученыхъ дышатъ тѣмъ воздухомъ, сіяютъ тѣмъ свѣтомъ, въ которыхъ они жили. Взглядъ ихъ дѣйствуетъ на большое разстояніе; онъ господствуетъ въ цѣломъ собраніи. Напротивъ, сѣвернаго ученаго надобно видѣть гораздо ближе; онъ сначала не впускаетъ невольнаго уваженія и легче смѣшивается съ толпою; въ немъ слышнѣе много простоты, естественности, добродушія; онъ, такъ сказать, предается публикѣ съ излишней доверчивостью, не рисуется передъ нею и не ищетъ произвести эффекта. Присутствующие чрезвычайно изумились при видѣ ученаго, великаго ученаго, который ни сколько не парламантъ. Парижане не знаютъ теперь что и думать! Тѣ, которые проникли въ тайны причины всехъ вещей, объяснили себѣ это любопытное явленіе тѣмъ, что шаржатаминаго растеніе благородное, явное, требующее лучей жаркаго солнца, почти такъ же какъ алмазы.

Г. Берцеліусу нинидесятъ шесть лѣтъ. Онъ родился 20 Августа 1779 года въ Остроготѣи, и въ 1803 году получилъ въ Упсалѣ степень доктора; въ 1805 назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Химіи и Естественной Исторіи при

Медицинскомъ Училищѣ въ Стокгольмѣ, и вскорѣ потомъ ординарнымъ профессоромъ Химіи и Фармаціи въ томъ же заведеніи. Онъ занималъ это мѣсто до 1852 года. Съ 1819 года Г. Берзелиусъ служитъ непрерывнымъ секретаремъ Стокгольмской Академіи Наукъ, и въ этомъ званіи сочиняетъ онъ ежегодные отчеты объ успѣхахъ Физики, Химіи и Минералогіи.

Кромѣ множества записокъ разъясненныхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ всей Европы, онъ издалъ «Разсужденіе о Гальванизмѣ» въ 1802 году, два тома «Животной Химіи» въ 1807; извѣстный «Трактатъ о Химіи» въ восьми томахъ, которыхъ вышло нѣсколько изданій на Шведскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и которые недавно переведены на Французскій; онъ написалъ еще Трактатъ о палочной трубкѣ. Опытъ о теоріи электро-химической и о химическихъ пропорціяхъ, и прочая, и прочая.

Наконецъ въ 1818 году Г. Берзелиусъ возведенъ въ дворянство. Онъ украшенъ орденами разныхъ государствъ: у него большой крестъ ордена Вазы, офицерскій Почетнаго Легіона, кавалерскіе Полярной Звѣзды и Св. Станислава. Г. Берзелиусъ—членъ большей части академій и ученыхъ обществъ въ Европѣ и одинъ изъ восьми иностранныхъ товарищей (associés) Парижской Академіи Наукъ. Г. Далстремъ, ученый профессоръ Химіи въ Стокгольмѣ и бывший ученикъ Г. Берзелиуса, сопровождаетъ его въ путешествіи.

2. *Еще новыя ружья.* Опять усовершенствованіи въ огнестрѣльномъ оружіи! Теперь, кажется, ужъ ничего нельзя придумать простѣе, и съ этихъ поръ можно будетъ убивать другъ друга самымъ удобнымъ образомъ. Представьте себѣ мушкетъ, открывающійся въ казенной части, но не многосложнымъ движеніемъ, а простымъ рычажкомъ, дѣйствующимъ справа влѣво и удерживающимъ стволъ на мѣстѣ, когда онъ придетъ съ нимъ въ одно направленіе; вотъ патронъ, совсѣмъ изготовленный, то есть, содержащій внутри порохъ, пылъ, пулю и ударный колпачекъ мѣсть; на полкѣ лежитъ маленькій желѣзный пруттикъ, множию выходящій изъ затравки и назначенный для сообщенія воспламеняющемуся порошку соотрасенія отъ курка

Выстрѣлъ дѣлается безъ огня, безъ дыму, безъ разрыва колпачка снаружи, что могло бы вредить глазамъ солдата и на мигъ скрывать у него изъ виду неприятеля. Не можемъ сказать вамъ, сколько разъ можно выстрѣлить такимъ ружьемъ въ теченіе минуты, но очевидно, что такъ какъ тутъ неужно ни шомпола, ни затравочнаго пороха, то темпы заряжанія ограничиваются двумя тремя движеніями, которыя такъ же легко выполнить, какъ помочать табаку.

Эти новыя ружья, о которыхъ Г. Сегіе отозвался Академіи самымъ выгоднымъ образомъ, защищены отъ освобожденія газовъ и отъ вѣкостя пороха, маленькою мѣдной бляшкой расположенною такъ искусно, что она служитъ оболочкой для патрона. Изобрѣтатель ихъ—Г. Лефаше.

5. *Новая кислота.* Г. Плузъ (Pelouze) сдѣлалъ любопытное открытіе новой кислоты, состоящей изъ сврн, азота и кислорода. Сврно-селитристыя соли этой кислоты имѣють замѣчательное свойство разлагаться при низкой температурѣ и освобождать много азотной недокиси. По этому, легко будетъ производить этотъ газъ и въ желудкѣ, давъ извѣстный пріемъ новооткрытыхъ солей: Г. Маженди взялся произвести опыты, чтобы удостовѣриться въ справедливости этого предположенія. Азотная недокись получила названіе *веселящаго газа*, *gaz exhilarant*, отъ страннаго ея свойства возбуждать веселость во всякомъ, кто ея вдохнетъ.

Однако жъ Г. Лоншанъ утверждаетъ по своей теоріи, что этой кислоты, названной Г. Плузомъ салитро-сврною, не должно почитать соединеніемъ сврнной кислоты съ недокисью азота, но атома сврнной кислоты съ атомомъ окиси азота. При разложеніи этой кислоты, часть кислорода окиси азота соединяется съ сврнной кислотой и приводитъ ее въ состояніе сврнной, а недокись азота освобождается. По мнѣнію Г. Лоншана, это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ составляется сврнная кислота, образующаяся, по его теоріи, соединеніемъ сврнной кислоты съ окисленною водою.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Новыя замѣчанія касательно теоріи дыханія. Изъ того

факта, что венозная кровь, подвергнутая действию воздушнаго насоса, не даетъ углекислаго газа, прежніе естественныя испытанія выводятъ заключеніе, что этого газа въ ней нѣтъ. Въ одномъ изъ засѣданій общества, докторъ Даниэль Стивенсъ старался обнаружить невѣрность этого вывода: онъ во-первыхъ показалъ, что насосъ, употребляемый въ значительномъ количествѣ углекислаго газа, также не освобождаетъ его подъ воздушнымъ насосомъ; во-вторыхъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ сильнаго сродства этого газа къ водородному и кислородному, которые тотчасъ поглощаютъ его сквозь мокрую перепонку. Посредствомъ особаго аппарата, состоящаго изъ двусторонней бутылки съ согнутыми трубками, Г. Стивенсъ удостоверился, что венозная кровь, смѣшанная съ чистымъ водороднымъ газомъ и оставленная въ соприкосновеніи съ нимъ на одинъ часъ, сообщаетъ ему значительное количество углероднаго газа. Онъ нашелъ, что также и атмосферическій воздухъ, пробывъ известное время въ соприкосновеніи съ венозною кровью, выделяетъ отъ нея подъ воздушнымъ насосомъ углекислоту. Предположеніе, что углеродъ крови привлекаетъ въ себя кислородъ воздуха и тамъ съ нимъ соединяется, и что образовавшаяся такимъ способомъ углекислота выдыхается впоследствии, кажется, несомнѣнно съ тѣмъ фактомъ, что всѣ кислоты, а особенно угольная, сообщаютъ крови черныи цвѣтъ, тогда какъ непосредственное слѣдствіе соприкосновенія кислороднаго газа или воздуха съ венозною кровью есть переменна дѣтѣ изъ темнаго въ яркій алый, отличающаяся переходъ отъ отъ венознаго характера къ артеріальному: отсюда Г. Стивенсъ заключаетъ, что кислота образуется не во время этого опыта, но уже существовать въ венозной крови и вытѣсняется изъ нея атмосферическимъ воздухомъ. Подобные опыты съ кислороднымъ газомъ, нѣсто атмосферическаго воздуха, дали такіе же выводы, но еще болѣе разительныи степенью силы и потому еще болѣе подтверждающіи мысли Г. Стивенса относительно теоріи дыханія. По его мнѣнію, кровь переменяется изъ артеріальной въ венозную не въ легкихъ, ни вообще при кругообращеніи, но единственно, проходя сквозь систему волосковатыхъ сосудовъ. Перемена эта состоитъ въ образ-

миди углекислоты черезъ присыпь углерода, отдѣляемого, изъ твердыхъ частей гва и соединившагося съ кислородомъ артеріальной крови, отчего происходитъ ея гемоглобиновая способность. Г. Сеннеберъ приписываетъ яркую красноту артеріальной крови не дѣйствию кислорода, который самъ по себѣ ни сколько не окрашивающъ, но вліянію соляныхъ частицъ, сѣгетивнаго содержаниа въ веновой крови. Когда эта жидкость дойдетъ до легкихъ, первая, переменна, производима въ ней кислородомъ атмосфернаго воздуха, состоятъ въ уменіи углекислоты, причинающей теплодѣятельность венозной крови, а другая, — въ поглощеніи кровью изъ воздуха части кислорода, которая занимаетъ мѣсто отдѣленной углекислоты. Особенное стрѣніе легкихъ и возвышенность температуры въ теплокровныхъ животныхъ способствуютъ быстрому соверщенію этихъ переменъ, которыя, прибавимъ мы съ позволенія Г. Сеннебера въ свою очередь, поддерживаютъ высокую внутреннюю температуру.

НЕДАВНОСТЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ РЕЗИНЫ. Замѣчательно, что люди, которые носятъ резиновые сапоги, все вообще большіе изыскатели Исторіи, такъ, что довольно часто трѣть на голови человека, попадающаго намъ на тротуаръ, чтобы знать, любить ли онъ Исторію, или нѣтъ. Мы надѣемся сдѣлать пріятное одолженіе людямъ въ резиновыхъ сапогахъ, сообщивъ здѣсь нѣсколько историческихъ подробностей о резинѣ. Лондонскій Профессоръ Бернетъ (Burnett) въ новомъ сочиненіи своемъ *Outline of Botany*, дѣлаетъ объ этомъ слѣдующее замѣчаніе: «Потребленіе резины, или каучука, теперь такъ велико, что въ однихъ первыхъ мѣсяцахъ нынѣшняго года привезено ей нѣсколько тысячъ тоннъ, тогда какъ дѣтъ за нѣтъ или за шесть она составляла самааменьшую статью нашего привоза, а за полвѣка ея было извѣстно ея существованіе. Въ первый разъ упомянуто о резинѣ въ привѣчаніи доктора Пристли къ его «Трактату о теоріи и практикѣ Перспективы», издавтому въ 1770 году. «Со времени отпечатанія этой книги, говорить ученыи докторъ, я видѣлъ вещество, которымъ удивительно хорошо стирается съ бумаги карандашъ, и колю-

рое, по видимому, должно быть чрезвычайно полезно для рисовальщиков.» Знаменитый Пристли конечно не мог предвидеть, что, через шестьдесят летъ послѣ его книгъ, изъ этого удивительнаго вещества будутъ дѣлать корсетныя буфки, подушки и даже галоши.

ИСТОРИЯ ШЕРСТЯНЫХЪ ФАБРИКЪ ВЪ АНГЛІИ. Хотя развитіе этой отрасли Англійской промышленности не представляетъ такихъ безпримѣрно быстрыхъ и огромныхъ успѣховъ, какъ фабрикація ситцевъ и кисей, о которой мы недавно говорили въ этомъ журналѣ (№ 16. Смесь, стр. 84), однако жъ и оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что еще въ весьма недавнемъ времени Англія была главною, почти всецѣпною поставщицею суконъ и другихъ шерстяныхъ издѣлій. Съ одной стороны, удачное соавѣстничество Прусскихъ и Польскихъ фабрикъ, съ другой, запретительная система, которой слѣдуетъ Россія съ 1822 года, положили предѣлы этому развитію.

Шерстяная фабрикація въ Англіи получила первоначальную свою важность въ царствованіе короля Эдуарда III (1327—1377), который ободрилъ Фламандскихъ выходцевъ завести фабрики въ разныхъ частяхъ королевства. До того времени сырая шерсть составляла главную статью вывоза: количество ея простиралось до одиннадцати милліоновъ фунтовъ ежегодно. Чтобы поднять начинающіяся фабрики, Эдуардъ сдѣлалъ въ пользу ихъ монополію, запретивъ своимъ подданнымъ носить иное сукно кромѣ туземнаго. Несмотря на завистливую ревность прежнихъ сукноторговцевъ и даже на противодѣйствіе парламента, который запретилъ было вывозъ шерстяныхъ издѣлій, эти фабрики распространились до такой степени, что въ царствованіе Генриха VIII (1509—1547) онъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ Фламандскими, и тамошніе торговцы, закупаая вѣхъ въ Англіи, распродалаи остальной Европѣ.

Преслѣдованіе протестантовъ во Франціи и особенно во Фландріи побудило многихъ знатныхъ мануфактурисговъ искать убѣжище въ Англіи, гдѣ они нашли милостивый пріемъ отъ королевы Елисаветы. Въ ея время, Англійскіе negociants вмѣсто того, чтобы сбывать свои товары Ганзейскимъ

и Фламандскіи купцамъ для перепродажи, начали сами вывозить ихъ въ чужіе края, и успѣхъ этой торговли такъ встревожилъ Ганзейскіе города, что въ Любекѣ созвано было собраніе для принятія мѣръ противъ такого «безчинства». Однако жъ, въ царствованіе Іакова I было исчислено, что девять десятыхъ всей государственной торговли состояли изъ сбыта шерстяныхъ издѣлій, но большая часть суконъ вывозилась вчернѣ, а красилась и отдѣлывалась Голландцами, которые, по тогдашнему мнѣнію, получали на этомъ до семнадцати милліоновъ рублей барыша.

Частыя измѣненія въ торговомъ законодательствѣ и измѣненія заботы эта о самыхъ незначительныхъ подробностяхъ производства, черезъ приводили шерстяныя фабрики на край погибели. Парламентскіе акты определяли мѣру сукна, способъ выдѣлки окраски и просушки; наконецъ, въ отеческой неподсчитанности о доставленіи этому товару наибольшаго числа потребителей, мудрый парламентъ не удовольствовался жлобми, и узаконилъ, чтобъ покойниковъ хоронили непременно въ шерстяныхъ саванахъ!

Всѣ эти поощренія и привилегіи, довольно вредныя сами по себѣ, были еще пагубнѣе въ своихъ слѣдствіяхъ. Фабриканты, обезопасенные отъ заграничнаго соперничества, ни сколько не заботились объ удрученіи своихъ произведеній; Англійскія сукна утратили прежнюю славу въ Европѣ, и если бъ рынокъ ихъ не распространился Американскими колоніями, эта важная вѣтвь промышленности упала бы совершенно. Черезъ нѣсколько времени колоніи объявили себя независимыми, и ей угрожала крайняя опасность; но два счастливыя обстоятельства выручили ее изъ бѣды: во-первыхъ, невмѣшательство парламента, который былъ занятъ важными политическими событіями; во-вторыхъ, примѣръ бумажныхъ фабрикъ, гдѣ начинали вводиться машины. Съ этого времени шерстяныя мануфактуры постепенно освобождались отъ путевъ законодательства, и вмѣсто совершеннаго разоренія, которое казалось вѣрнымъ въ 1782 году, онѣ, даже и при неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, отпускаютъ теперь на сто шестьдесятъ милліоновъ рублей товару. Во всемъ королевствѣ считается

иъ 1,515, съ 31,360 работниками и съ 22,526 работницами.

Замѣтимъ еще, что Англійская шерсть даетъ хорошее сукно только въ смѣси съ иностранною, которой количество опредѣляется предполагаемою его тониною. Но иностранная шерсть обложена пощдиной въ пользу туземнаго производителя, который однако жъ болѣе отъ того теряетъ, чѣмъ выигрываетъ: шерсть остается у него на рукахъ, потому что не съ чѣмъ мѣшать ея для выдѣлки добротныхъ суконъ, при дороговизнѣ иностраннаго матеріала, принимаемой высокими таможенными налогами.

ВВЕДЕНІЕ СЛѢДСТВІЯ ТРУДОДѢЛЕНІЯ. Превосходство системы трудораздѣленія, получаетъ каждый день такія похвалы отъ всѣхъ устъ и всѣхъ перьевъ, которая радятъ о благосостояніи народовъ, что мы считаемъ неизлишнимъ предложить имъ замѣчаніе одного Англійскаго журнала объ этомъ предметѣ. Произведенія раздѣленнаго труда бесспорно дешевле, и потому онъ справедливо почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго богатства: это доказалъ сперва Адамъ Смитъ, и, за нимъ, цѣлая стая экономистовъ. Дѣйствительно если бъ не могущественный рычагъ трудодѣленія, Англія не занимала бы пышнѣшаго ея мѣста между государствами Европы. Обремененные налогами, какихъ ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы вынести, Англичане черезъ раздѣленіе труда находятъ еще возможность со-вмѣстничествовать съ другими не только вразсужденіи доброты произведеній, но и вразсужденіи ихъ дешевизны. Важный доводъ въ пользу трудодѣленія! Но на чемъ основана эта система? На томъ, чтобъ каждый человѣкъ занимался исключительно какою-нибудь одною частицею произведенія, и чтобъ навыкъ его въ этомъ однообразномъ дѣлѣ доходилъ до той механической быстроты, которая исключаетъ всякую возможность къ соображенію.

Мальчикъ, едва научившійся грамотѣ, отдается на пять, на шесть лѣтъ для изученія какой-нибудь дробной части ремесла. Онъ начинается съ охотою и въ несколько недель привыкаетъ къ своему дѣлу какъ нельзя лучше. Тѣмъ хуже для него: шесть лѣтъ онъ осужденъ не знать ничего

другого, забывать, чему унался прежде, окуная, томиться безъ всякаго цѣлаго побужденія, и въ малые промежутки своей машинной работы искать, вслѣдъ за другими утѣшенія въ кабаки. Сто противъ десяти, что эти ужасныя шесть лѣтъ рѣшаютъ направление цѣлой его жизни. Раздвигіе способности, подавлено въ самомъ корнѣ, и только, счастливымъ, случаемъ можетъ вырваться изъ этого, отвратимія. Но, шведские долги рукою, она, потеряетъ способность къ движению, не шведские, умъ, лишитъ его способности къ соображенію, вы, утратите его вовсе, потому что онъ только и есть, что, соображеніе. Раздвигіе труда въ Шотландіи не достигло той ступени дробности какъ въ Англіи, и нравственный характеръ тамошнихъ рабочихъ и фабричныхъ гораздо выше, хотя онъ примѣтно уналь съ тѣхъ поръ, какъ Англійская система, начала тамъ распространяться. Каждый Шотландскій работникъ дѣлаетъ еще нѣсколько дѣлъ, конечно не такъ скоро и не такъ ловко какъ Англичанинъ, которое-нибудь одно, зато въ немъ рѣшительно больше толку, больше нравственности, больше челоѵчества.

Возьмемъ въ примѣръ другаго маляка, отданнаго учиться, какому-нибудь цѣлому ремеслу, положимъ машинному. Онъ долженъ обходиться и съ жѣлѣзомъ, и съ деревомъ, прилаживать ихъ по чертежамъ и самъ умѣть, чертить въ, случай нужды. Сначала онъ просто на добвущкахъ, но между-тѣмъ исподоволь присматривается къ дѣлу, затверждаетъ названія, перенимаетъ нѣкоторыя приемы; онъ ждетъ какъ чести, какъ повышенья въ чинѣ, чтобъ ему позволили что-нибудь сдѣлать, и чѣмъ труднѣе возложено на него обязанность, тѣмъ удовлетворительнѣе старается онъ ее выполнить. Этотъ работникъ живетъ, онъ движется въ сферѣ чувствъ и понятій, свойственныхъ всякому; онъ не жертвоѵ, не маховое колесо въ челоѵческомъ образѣ, и будьте увѣрены, что онъ не пойдетъ истреблять машинъ: онъ ему не опасныя соперницы. Надобно очень унижить челоѵка для того, чтобъ онъ завидовалъ машинѣ и дрался съ нею за первенство. Мы удивляемся, — сказать мимоходомъ, — какъ новѣйшіе Французскіе трагики не воспользуются этимъ драматическимъ положеніемъ, имѣющимъ весь «смакъ современности», — *qui palpate de l'intérêt du moment*. Враги ма-

шинг — люди-машины, работники, посвятившие всю жизнь какому-нибудь одному приему, который похищается у них первым усовершенствованием в них бездушных соперников. Человек, который двадцать, тридцать лет только и думал, что насаживал булавочные головки, разорен в конце изобретением машины, производящей эту работу лучше и скорее его. Но кто же виною его несчастия, если не собственная непредусмотрительность или справедливые, неравные твои, кто располагал им в юных годах.

Желательно, чтобы ужасный пример действий и уничтожения рабочего народа в Англии предостерег других Европейских общества от подобного направления их промышленности.

ОБРАЗОВАННОСТЬ СОБАКЪ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Одинъ журналъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія умозрѣнія о собакахъ. Будутъ ли когда-нибудь академіи у Эскимосовъ? Мы думаемъ, что будутъ; только не скоро. Однако жъ это отнюдь не общее мнѣніе, и большинство вѣроятно въ пользу того, что жестокость арктическаго климата навсегда заградила имъ путь къ гражданственности. Какъ бы то ни было, въ настоящемъ положеніи этого племени собаки составляютъ главное орудіе его промышленности; необходимое средство къ поддержанію его жизни. Таща съ немощной быстротою сапи своего хозяина, эти животныя чувствуютъ за версту олепа или медвѣдя, и тотчасъ мчатся къ нимъ съ удивительной смѣлостью. Даже въ обыкновенныхъ переездахъ стоитъ только произнести имя медвѣдя, *искомокъ*, чтобы удвоить ихъ поспѣшность. Двѣ или три вмѣстѣ отважно идутъ съ человекомъ на огромныйше изъ этихъ животныхъ. Странно, что онѣ боятся волковъ и, зачуявъ ихъ, поднимаютъ обыкновенно страшный вой. Жизнь этихъ собакъ не только многотрудна, но и тягостна. Лѣтомъ находятъ они обильную пищу въ кожѣ и жирѣ морскихъ рыбъ, добываемыхъ Эскимосами или выбрасываемыхъ на берегъ; но зимою, когда хозяева ихъ сами не богаты припасами, онѣ голодаютъ до такой степени, что у нихъ остаются только кости да кожа. Бѣдняжки, бѣгаютъ по юртамъ и грабятъ все, что имъ попадетъ, но Эскимосы гоняютъ ихъ отъ

себя безъ всякой жалости. Советамъ не такъ обходился съ собаками древніе Греки. Гомеръ, въ десятой книгѣ Одиссеи говорить, что даже пари, обѣдая другъ у друга, брали до-мой остатки яствъ въ гостинецъ своимъ собакамъ. Впрочемъ эти животныя могутъ очень долго выносить голодь. Мемуары Парижской Академіи упоминаютъ о собакѣ, забытой въ одноѣ загородномъ домѣ, которая сорокъ дней питалась только шерстью стараго одѣяла.

Но мѣръ того какъ люди достигаютъ высшей степени гражданственности, домашнія животныя, особенно собаки, принимаютъ участіе въ успѣхахъ ихъ образованія. Английская собака войдетъ въ комнату, уставленную кушаньемъ, и какъ бы она ни протолодалась, ничего не тронетъ, между-тѣмъ какъ собака Эскимоса дерется съ нимъ за каждый кусокъ грубой его пищи; увидѣвъ оленя или другую собаку, она часто уходитъ за ними отъ своего хозяина съ санями и со всей поклажею. Ничто не доказываетъ силы воспитанія надъ собаками такъ явно, какъ терпѣливость ихъ при раздачѣ корма на псарнѣ. Отъ голодны, знаютъ, что имъ придется жсть, и несмотря на то, ни одна не забудетъ должнаго послушанія. При появленіи челоуѣка съ кормомъ вся стая испускаетъ радостный крикъ: онъ дѣлаетъ знакъ, и водворяется глубокое безмолвіе. Онъ вызываетъ каждую собаку по имени; и каждая является отдѣльно, хотя бы ихъ было тридцать своръ. Если какая-нибудь новая жилица псарни выйдетъ незваная, ее отсылаютъ назадъ, и этотъ урокъ остается въ памяти. Замѣтимъ, что стая доводится до этой строгой дисциплины самыми легкими наказаніями и поощреніями.

АФРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ. Въ предъидущей книжкѣ этого журнала обѣщали мы познакомить читателей съ книгою остроумной Г-жи Ли, подъ заглавіемъ *Stories of strange lands*. Вотъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ этого занимательнаго сочиненія.

1. *Хохоть гіены.* Хохоть этого звѣря чрезвычайно похожъ на хохоть сумасшедшаго, и производитъ очень странное дѣйствіе, когда въ тишинѣ ночи раздается вдругъ подъ езыми окнами, гдѣ бродитъ гіена, отыскивая пятна.

Сила подражанія, какою одарены эти животныя, неизвѣрна: они не только переимяютъ крикъ четвероножнаго, которое хотять заманить, но поддѣлываются даже и подъ человѣческіе звуки. Комендантъ одной крепости на западномъ берегу Африки увѣрялъ меня, что нѣсколько вечеровъ въ обѣденное время безконцы его ходотъ и крикъ туземныхъ женщинъ, проходившихъ подъ стѣнами за водою. Онъ выслалъ своего сержанта сказать имъ, чтобы онѣ ходили другою дорогою, и онѣ обещали повиноватся. Но на слѣдующій вечеръ опять послышался шумъ, что крайня разсвѣдало коменданта, и онъ велѣлъ солдатамъ стережъ ихъ, схватить и привести въ крепость. Люди спрятались по его приказанію; ходотъ продолжался какъ изгнаны: они выскочили изъ засады и къ изумленію увидѣли только трехъ гіенъ, стоявшихъ на дорогѣ, по которой обыкновенно ходили женщины, и перадранивавшихъ ихъ голоса такъ хороню, что за глаза невозможно было увидѣть обманъ. Впрочемъ, эти гіены не слышномъ страшны и скорѣе убьютъ, чѣмъ нападутъ на человѣка.

2. *Сраженіе змыи съ крысою.* Удивительно, говоритъ Г-жа Ли, какъ скоро привычна уменьшастъ страхъ и отвращеніе. Нынѣгда не забуду я, какой морозъ пробѣжалъ у меня по жиламъ, когда я увидѣлъ въ первый разъ, что огромная ящерица подзѣтъ по стѣнѣ моей спальни, а впоследствии я не только забавлялась быстрыми движеніями этихъ животныхъ, игравшихъ на верандѣ, гдѣ я обыкновенно сидѣвала, но даже и кормила ихъ ежедневно. Сначала змѣя подѣла меня: казалась мнѣ изрной смертію, но потомъ я такъ мало объ этомъ заботилась, что, прощая ближайшею дорогою на кухню, выжидала только, чтобы ядовитыя змѣи которыхъ гнѣздо было у насъ въ стѣнѣ, спрятали на минуту свои головы, — поступокъ довольно отважный, потому что онѣ ужасно злы, когда приведутъ змѣецкокъ. Любопытно было видѣть сраженіе змѣи съ крысою, къ которому привлекла насъ необыкновенное шипѣніе я, пискъ въ провинномъ чуданѣ. Отворивъ его, мы увидѣли, что змѣя подняла на крысу свою прекрасную, разноцвѣтную шею и голову, а та сверкала своими черными глазками, исполненными ярости. Онѣ были такъ озлоблены, что мы вѣтрово-

жились нашимъ поволеніемъ и нѣсколько разъ насканивали другъ на друга; наконецъ крыса издохла въ ужасныхъ мукахъ, покрытая пѣною и вздувшись до непервой величины: змѣю тотчасъ же убили слуги.

3. *Антропфаги.* Существованіе антропфаговъ въ западной части Африки слишкомъ достоверно, и не только видятъ они своихъ неприятелей, но торгуютъ другъ у друга тѣла умирающихъ. Тѣ однако жь, которые не видятъ человечины, смотрятъ на нихъ съ ужасомъ, и даже вопросъ объ этомъ, повидимому, возбуждаетъ въ нихъ стидъ и отвращеніе. Три человека въ Сьерра-Леонъ, — кажется, изъ освобожденныхъ Африканцевъ, — заманили четвертаго въ лѣсъ, убили его, съѣли часть его тѣла на мѣстѣ, а остальное слегка прикрыли землею. На другой день они воротились къ своему пришествію; но послѣ того двоихъ взялъ ужасъ, и они болѣе не пошли: третій не могъ противустоять искушенію, и частыя его отлучки, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ убитаго возбуждая наконецъ подозрѣніе. Его подстергли и поймали на самомъ дѣлѣ, когда онъ дожиралъ остатки своего товарища. Онъ былъ сваченъ и подвергнутъ суду за смертоубійство, но такъ какъ не было возможности уличить его въ этомъ преступленіи, а въ Англійскихъ законахъ нѣтъ ничего о виденіи человеческого мяса, то и неслзя было приговорить его къ казни.

4. *Африканская иммавизія.* Дѣйствія, таинственность и могущество фетиша, или сословія жрецовъ, имѣютъ большое сходство съ тѣмъ, что представляетъ намъ исторія Инквизиціи. Во всякое время и гдѣ бы то ни было туземцы западной Африки подвержены ихъ посещеніямъ и вмѣшательству; мѣсть никогда у нихъ не забывается, хотя и отлагаютъ ее на нѣсколько лѣтъ; и часто, послѣ очень длинныхъ промежутковъ, усыпляющихъ всякое подозрѣніе, несчастныя жертвы пропадають совсѣмъ неожиданно, внезапно. Тщетно было бы выведывать, что съ ними сдѣлалось; никто не посмѣетъ сказать правды: содроганіе плечь или кивокъ головою сопровождаютъ обыкновенно увѣреніе въ незнаніи. Жрецамъ все известно; они мѣшались во все, участвуютъ въ каждомъ удачномъ дѣлѣ, трабятъ своихъ соотничей безъ зазрѣнія совѣсти, и даже мѣшались выводить

барсовъ, гienъ и другихъ зтрей, объявляя ихъ священными и взыскивая пеню съ каждаго, кто приметъ участіе въ ихъ истребленіи. Черезъ сообщеніе съ фетишами другихъ земель, они распространяютъ свое вліяніе далеко за предѣлы, доступные обыкновеннымъ людямъ.

Двое Англичанъ, жившіе въ Сіерра-Леонъ, изъявили одному жрецу желаніе посмотреть на одну изъ оргій фетиша; и, за довольно высокій подкупъ, онъ согласился доставить имъ случай; но они должны были присягнуть, что никогда не откроютъ того, что видѣли и слышали. Долго держали они это обѣщаніе; вдругъ въ одинъ несчастный вечеръ, подгулявъ немного съ пріятелями, они проговорились, что видѣли обряды фетиша и слегка намекнули на ихъ содержаніе. На другой же день оба были югראлены: одинъ вскорѣ умеръ, другой прожилъ нѣсколько лѣтъ, но въ постоянныхъ мученіяхъ и болѣзняхъ.

5. *Ашантійскіе гости.* «Король, говоритъ Г-жа Лв, прислалъ одного Ашантія въ Кепъ-Кость, когда я тамъ жила. Стараюсь всѣми силами подружиться съ Ашантіями, я согласилась на просьбу его у меня обѣдать, и назначила ему день, съ тѣмъ, чтобъ онъ пришелъ въ три часа не ранѣе. Гость мой пожаловалъ въ десять и привелъ съ собою человекъ пятьдесятъ грязныхъ и въ лохмотьяхъ. Въ этой свитѣ былъ по обыкновенію и камергеръ, съ огромной связкою ржавыхъ ключей, для которыхъ никогда нѣтъ ни одного замка. Я должна была сказать пріезжему, что не могу быть съ нимъ цѣлый день; и онъ ушелъ отъ меня не слишкомъ довольный пріемомъ. Въ назначенный часъ онъ явился опять съ своей свитою; но когда я сказала, что не ждала такого множества гостей, онъ выслалъ всѣхъ, кромѣ своего задушевнаго пріятеля. Оба они сѣли со мною за столъ; я подала имъ рыбы, и они начали было ѣсть руками, но увидѣвъ, что я употребляю ножъ и вилку, просили научить и ихъ этому искусству. Я едва могла удержаться отъ смѣха на ихъ попытку, и на то, какъ они потихоньку отъ меня хватили куски руками, когда думали, что я не гляжу, что они дѣлаютъ. Съѣвъ половину своей рыбы, гость мой просилъ позволенія отправить остатокъ къ его женѣ. Для этого я подарила ему сырую рыбу и бутылку портеру,

тѣмъ онъ остался очень доволенъ. Между-тѣмъ подали дыплять, но я была несчастлива въ своемъ выборѣ: фетишь запретилъ ему ѣсть птицъ, и онъ не смѣлъ до нихъ дотронуться, зато баранину и хлѣбное глоталъ онъ пре- большими кусками и потомъ возвратился къ своей рыбѣ. Портеръ и вино бросидись ему въ голову, и я была очень рада, что неодолимая дремота наконецъ заставила его уда- литься. Но послѣ этого онъ считалъ себя въ правѣ пось- щать меня каждый день и во всякое время. Негоднй этотъ воротившись домой, увѣрялъ Ашантисъ, что не видалъ отъ меня ни гостеприимства, ни подарковъ; но когда ко- роль отнял у него все имѣнiе, то между его пожитками нашлось много доказательствъ противнаго.

«Онъ былъ недостойный представитель Ашантійскихъ правовъ, и племянникъ короля, Эду Бреди, пристыдилъ его своимъ благоприличнымъ поведѣнiемъ. Портретъ моего мужа доставлялъ ему большое удовольствiе: онъ улыбался, подмигивалъ, болталъ съ нимъ по получасу. Но ничто не содѣйствовало такъ къ его благополучiю, какъ мое форте- пиано. Оно совсѣмъ испортилось во время продолжитель- ной моей болѣзни, и потому я позволяла Эду тѣшиться на немъ сколько ему угодно. Онъ созвалъ всѣхъ своихъ друзей смотреть и слушать, но отнюдь не позволялъ имъ трогать инструмента, и какъ скоро я разрѣшила ему иг- рать, онъ кинулся за стуломъ, усвася и среди ужасной тараторщины звуковъ самодовольно читалъ удивленiе на черномазыхъ лицахъ своихъ слушателей. Этотъ добрый ма- лой повхалъ разъ на одинъ Англійскій фрегатъ, стоявшій на рейдѣ. Случилось, что передъ этимъ матрозы выстирали бѣлье и развѣсили по снастямъ свои красныя и синiя ру- башки, а Королевскiй племянникъ принялъ ихъ за флаги, поднятые въ честь его прибытiя, и былъ чрезвычайно до- воленъ.»

МАТЕМАТИЧЕСКIЙ ИНСТИНКТЪ ПЧЕЛЪ. «Дѣйстви чи- стаго инстинкта, говоритъ лордъ Брумъ въ своемъ *Dis- course of natural theology*, никогда не приписывались спо- собности сужденiя, а между-тѣмъ они представляютъ свѣ- пѣвшiя доказательства бытiя разумной причины и един- ства предпантвенiя въ мiрѣ. Труды пчелъ принадлежать

къ числу самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ обонь отношеніяхъ. Соты ихъ одинаковы видовъ, соразмерностью, и величиною вездѣ, гдѣ вамъ угодно, и этотъ видъ есть тотъ самый, который, помощію утопченнѣйшаго анализа, дознанъ математиками за удобнѣйшій и требующій наименѣе труда и матеріала. Открытіе это сдѣлано лѣтъ за сто, и даже способъ, подавшій къ тому возможность, то есть, дифференціальное счисленіе, изобрѣтенъ только полувѣкомъ рапѣе, тогда какъ пчелы уже цвѣлыя тысячъ лѣтъ строятъ по этому неизмѣнному правилу во всѣхъ странахъ земнаго шара. Съ удивительной точностью выбираютъ онѣ для наклоненія стѣнокъ своей маленюккой кѣлы уголъ въ 120 градусовъ, который давно признавъ за лучший и удобнѣйшій, а для наклоненій ея кровли углы въ 100 и въ 70 градусовъ, которыхъ свойства не зналъ ни одинъ человекъ до восемнадцатаго столѣтія, когда Меклоринъ разрѣшилъ любопытную проблему максимумъ и минимумовъ, недоступную изслѣдованіямъ до открытія дифференціального исчисленія.»

**ВОЗДУШНОЕ СООБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ ГО-
ЛИЦАМИ.** Газеты не разъ упоминали о предполагаемомъ воздушномъ сообщеніи между Парижемъ и Лондономъ. Въ послѣднемъ составилось даже «Европейское Аэронавтическое Общество», которое вызываетъ желающихъ видѣть первый воздушный корабль, Орель, въ 23 сажени длины, въ 7 вышины и въ 6 ширины, совсѣмъ готовый къ отплытію. На корабль будетъ семнадцать человекъ экипажа. Сперва отправится онъ въ Парижъ, а тамъ пойдетъ летать въ Брюссель, Амстердамъ, Берлинъ, Мюнхъ, Мадридъ, и такъ далѣе, пока вся Европа удостоверитья собственными глазами въ его летучести. Это все очень хорошо; жаль только, что не ново: еще въ 1796 году предложенъ былъ подобный планъ инженеромъ Кампенъ (Campeau) Французскому правительству, и Національній Институтъ окрѣпилъ его своимъ одобреніемъ. Кампенъ писалъ объ этомъ къ генералу Бонапарте въ Италію предлинное письмо, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько строкъ для любопытныхъ. «Художникъ, который обращается къ вамъ,

исполненный живѣйшей признательности, берется выстроить, если ему дадутъ къ тому средства, огромное зданіе, откуда вылетитъ воздушный корабль, могущій поднять васъ съ двумястами человекъ и нести куда угодно. Я самъ буду вашимъ кормчимъ. Такимъ образомъ вы можете безъ всякой опасности парить надъ флотами враговъ, завидующихъ нашему благоденствію, и громить ихъ подобно новому Юпитеру пожарами, которыхъ нельзя будетъ потушить, или, быть-можетъ, вы предпочтете начать съ того, чтобъ принудить Великобританскій кабинетъ къ сдачѣ, въ чемъ вы легко успеете, и въ всегда средства къ сожженію Лондона или какого бы то ни было другаго приморскаго города Англій», и прочая, и прочая. Но новый Юпитеръ предпочелъ тогда плыть моремъ въ Египеть, а не воздухомъ въ столицу Англій. Кажется, что и современные путешественники предпочтутъ дилижансы и пароходы новопостроенному кораблю.

КИТАЙСКАЯ СЕМИНАРІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Англійскій путешественникъ, Г. Ре-Вильсонъ (Rae Wilson), сообщаетъ объ этомъ заведеніи слѣдующія любопытныя подробности. Въ него принимаются маленькіе Китайцы, только-что вывезенные изъ отечества. Они учатся здѣсь разнымъ языкамъ и наукамъ; но болѣе всего внушаютъ имъ ученія католической вѣры, потому что единственная цѣль этой семинаріи, послать ихъ обратно въ Китай миссіонерами. Весьма рѣдко, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ воротился опять въ Италію съ отчетомъ объ успѣхахъ своего посольства: полагаютъ, что болѣе большая часть становится жертвою негодованія соотечественниковъ, которые почитаютъ ихъ вѣроотступниками. Г. Вильсону показывали комнату, увѣзанную портретами воспитанниковъ, которые отправлены были миссіонерами и заплатили жизнью за возложенную на нихъ обязанность. Во всю бытность ихъ въ семинаріи не позволяютъ Китайцамъ выходить, ни имѣть свиданій съ кѣмъ-нибудь, кромѣ своихъ учителей или между собою. Это ограниченіе наблюдается для того, чтобъ они не имѣли ни какого случая отвыкнуть отъ роднаго языка, говоря почти исключительно другъ съ другомъ. Въ одеждѣ ихъ нѣтъ

ничего особенно замѣчательнаго: она состоитъ изъ чернаго, длиннаго платья и того же цвѣта шапочки; но черты ея и весь наружный видъ обличаютъ чуждое происхожденіе. Они показывали много собственныхъ издѣлій, между прочимъ фонарь, привѣшенный къ потолку, и украшенный разными изображеніями, которыя приводились въ движеніе какимъ-то механизмомъ. Молодые Китайцы объяснялись на многихъ языкахъ довольно свободно, и когда путешественникъ сказалъ имъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ и въ которыхъ другихъ мѣстахъ Святой Земли, они спрашивали его съ большимъ любопытствомъ о разныхъ подробностяхъ.

СТРАННОСТИ АКТЕРА КИНА. Знаменитый артистъ долго былъ бѣднымъ, странствующимъ актеромъ, покажеть слава остановила и обогатила его въ Лондонѣ; но и здѣсь, какъ въ ранній періодъ своей жизни, онъ сохранялъ ту пылкость и беспорядочность характера, которыя часто доходили до излишества. Вотъ немногія черты изъ любопытной его біографіи, которая недавно издана Г. Берри Корвалемъ, и о которой мы уже имѣли случай говорить нашимъ читателямъ.

Въ 1808 году скиталецъ Кинъ прикочевалъ въ Струудъ. Директоръ театра, тщетно старавшійся заманить къ себѣ зрителей, рѣшился наконецъ вызвать изъ Лондона славившагося въ то время актера Бетти, и, предоставивъ ему ролю Гамлета, назначилъ Кину играть съ нимъ Лаэрта. Въ негодованіи за это мнимое оскорбленіе, Кинъ ушелъ неизвестно куда, и трое сутокъ весь поискъ оставался тщетнымъ. Театральныя дѣла пришли въ замѣшательство; директоръ выходилъ изъ себя; многіе думали уже найти трупъ потеряннаго Лаэрта въ какомъ-нибудь прудѣ за городомъ. Вдругъ одинъ изъ людей, отправленныхъ покровительницею Кина, миссъ Чамберсъ, встрѣчаетъ бѣлаго трагика, бредущаго домой въ крайнемъ разстройствѣ, но сердцаго по-прежнему. Кинъ пошелъ прямо къ миссъ Чамберсъ, и на вопросъ ея, гдѣ онъ былъ все это время, отвѣчалъ: «Въ полѣ, въ лѣсу, за городомъ..... Я умираю съ голоду..... Я ничего не ѣлъ, кромѣ дикой капусты и водъ»

солнечниковъ, съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ дому; но я пойду и въ другой разъ, и въ третій разъ, и всегда, какъ скоро мнѣ станутъ навязывать такіа роли..... Не уступлю первенства ни одному живому человеку кромѣ Кембля!»

Когда впоследствии Кинъ дѣйствительно достигъ этого первенства, онъ посѣтилъ въ Нью-Йоркѣ то мѣсто, которое слыло тамъ гробницею актера Кука, и, какъ ревностный почитатель этого трагика, соорудилъ ему новую гробницу. При переносѣ тѣла, Кинъ вынулъ себѣ одну косточку, привезъ ее въ Англію и, нисколько не сомнѣваясь, что она подлинно принадлежитъ уважаемому имъ артисту, хранилъ ее какъ драгоценнѣйшій памятникъ. Нѣсколько мѣсяцевъ лежала она на камнѣ въ его библіотекѣ, и только избраннымъ посѣтителемъ объяснялъ онъ ея достоинства. Впрочемъ ни отъ кого въ домѣ не пользовалась она такимъ уваженіемъ. Жена Кина ненавидѣла ее; слугамъ надоела она до смерти; служанки того и смотрѣли, что она сойдетъ съ камня и начнетъ «представлять комедію». Въ одинъ скучный вечеръ, когда Кина не было дома, и жена отчаявалась дожидаться его возвращенія, ненавистная кость мелькнула ей въ глаза; она почувствовала желаніе нарушить святыню, но только посмотрѣла на нее съ отвращеніемъ и прошла мимо. Однако жъ искушеніе было слишкомъ сильно: она воротилась, взяла свою неприятельницу сквозь бумажку и бросила ее въ соседній садъ. Легко себѣ представить, что такое преступленіе не могло остаться безъ послѣдствій, и когда прошла первая вспышка рѣшительности, Г-жа Кинъ невольно почувствовала тревогу и опасеніе. Громовый стукъ у дверей возвѣстилъ прибытіе трагика: онъ входитъ пьянехонекъ и прямо отправляется въ библіотеку, потому что, напившись, онъ всегда искалъ утѣшенія въ заветной косточкѣ. Смотря, — ея нѣтъ. Съ бѣшенствомъ зазвонилъ онъ въ колокольчикъ, жена бросилась къ нему со всѣхъ ногъ, и еще издали, встрѣтилъ ее страшный голосъ: «Ты не видала Куковой косточки?» Помолчавъ немного, она сказала: Куковой косточки, другъ мой? — «Да! отвѣчалъ онъ свирѣпо: зачѣмъ ты повторяешь мои слова? Куковой косточки, гово-

рять тебѣ.»—Мой милый сказала Г-жа Кинъ съ неподржаемымъ смиреніемъ, я пойду повсюду, если тебѣ угодно. — Она вышла; подняли весь домъ для пошкоть; Кинъ ставился часть отъ часу торжественнѣй: «Отвѣчайте мнѣ, кричалъ онъ своимъ людямъ, гдѣ Кукова косточка?» Никто не зналъ, и каждый могъ присягнуть въ томъ по чистой совѣсти. Кинъ выслалъ ихъ изъ комнаты, и обернувшись къ женѣ, сказалъ ей важно и почти съ горестью: «Марія, сынъ твой потерялъ все: эта косточка стояла десять тысячъ фунтовъ; теперь онъ нищій.»

ЧАТТЕРТОНОВА МИСТИФИКАЦІЯ. Имя Чаттертона сделалось громкимъ во всей Европѣ драмою графа Альберта де-Виньи, который съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ изуродовалъ исторію и характеръ этого Англійскаго поэта. Говоря о драмѣ, мы коснулись жизни Чаттертона, — пылкой, неукротимой души, метавшейся между скептицизмомъ, бвдностью и жаждою славы; и упомянулъ также, что онъ мистифицировалъ Англійскую публичку и ученыхъ, написавъ первыя свои произведенія стариннымъ слогаомъ XV вѣка и выдавъ ихъ за труды какого-то монаха Роли. Исторія этой мистификаціи, при нынѣшнихъ драматическихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ быть подробнѣе извѣстною.

Поводы, приготовившіе появленіе старинныхъ поэмъ Чаттертона, чрезвычайно просты, но достойны его страннаго воображенія. Юный поэтъ, съ половины 1767 до половины 1770 года, проводилъ все время за конторкою одного Бристольскаго адвоката, между множествомъ дѣловыхъ бумагъ, и единственною его отрадою были честолюбивыя мечты, стишки скептическаго и любовнаго содержанія и, по воскресеньямъ, прогулки въ окрестностяхъ города. Легко себѣ представить, что такое ремесло не улыбалось душѣ его, и молодой писецъ рывался занять собой молву, во что бы то ни стало. Въ Бристоль давно строился новый мостъ взамѣнъ стараго. Его торжественно открыли въ 1768 году, и описаніе церемоніала было помѣщено во всѣхъ газетахъ. Вслѣдъ за тѣмъ появилось въ «Бристольскомъ журналѣ», который издавался типографомъ Фарлесомъ, древнее описаніе открытія стараго, разрушеннаго моста, заимствован-

ное изъ ветхой рукописи и подписанное *Dunhelmus Bristolienſis*. Эта пьеса изумила публику чистосердечною торжественностью своихъ забавныхъ подробностей — и, особенно, стариннымъ, неслыханнымъ языкомъ. Начали узнавать; со всѣхъ сторонъ распранивали типографщика; онъ не могъ сказать, откуда ваялась эта статья. Наконецъ онъ успѣлъ догадаться, что ее принесъ мальчикъ лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, именемъ Томасъ Чаттертонъ. Его отыскали. Онъ объявилъ, что статья вручена ему однимъ господиномъ, у котораго переписываетъ онъ старыя пергамены; потомъ, какъ бы спохватившись, началъ утверждать, что отецъ его нашелъ это описаніе, вмѣстѣ со многими другими сочиненіями въ стихахъ и въ прозѣ, въ сундукѣ одной Бристольской часовни, и съ той минуты Чаттертонъ уже постоянно выдавалъ это показаніе за истину, приписывая и впоследствии всѣ свои сочиненія, писанныя стариннымъ слогомъ неисчерпаемому сундуку батюшки. Между-тѣмъ, вотъ исторія древняго сундука, который воображеніе молодого и честолюбиваго подъячаго наполнило невѣдомыми сокровищами, и который долго озадачивалъ множество ученѣйшихъ критиковъ. Въ то время, когда богатые Англіійскіе грѣшники отказывали католическимъ монастырямъ земли или доходы, у тамошняго духовенства было въ обыкновеніи тщательно беречь документы этихъ благочестивыхъ вкладовъ; сверхъ-того, каждому вкладчику посвящался особый сундукъ съ надписью, ставившею добродѣтели усопшаго въ примѣръ живымъ мирянамъ. Надъ сѣвернымъ входомъ въ Редклифскую церковь, въ Бристоль, построенную или обновленную Эдуардомъ IV, покоились въ темной кладовой шесть полусогнившихъ сундуковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный назывался по старинному *Master Canynge's cofre*, «Сундукъ господина Кеннинга». То былъ Бристольскій купецъ, оказавшій значительное содѣйствіе къ поправкѣ церковнаго зданія. Достопочтенный бауль его охранялся шестью разными замками, отъ которыхъ ключи торжественно вверены были блюстителству городского мера, церковныхъ старостъ, настоятелей монастыря и другихъ сановниковъ. Но по прошествіи многихъ лѣтъ, когда всѣ статьи завѣщанія были выполнены, когда отказанные доходы совершенно смѣша-

лись съ церковными, забыли и о сундуках и о вкладчикѣ, и, что всего хуже, затеряли самые ключи. Наконецъ, въ 1727 году, некоторые аккуратные члены городского общества и смотрители ризницы, проходя однажды кладовую, вздумали заглянуть въ старые сундуки; позвали слесаря, и, въ присутствіи нотаріуса, взломали всѣ шесть замковъ; но въ сундукахъ не нашли ничего кромѣ ненужныхъ документовъ. Послѣ этого осмотра, сундуки остались отпертыми на произволеніе каждаго прохожаго. Семейство Чаттертоновъ уже полтараста лѣтъ отправляло при этой церкви прибыльную должность оффиціального могильщика, sexton, которая въ то время поручена была дядѣ молодаго поэта, Джону. Отецъ Чаттертона, видя, что изъ сундука покойнаго Г. Кеннинга всякой беретъ что ему угодно, и будучи самъ бѣднымъ школьнымъ учителемъ, сталъ тоже потаскивать къ себѣ порядочныя связки пергаменовъ и употреблять ихъ на переплетъ библій и грамматикъ. По смерти его, случившейся въ 1752 году, за три мѣсяца до рожденія Томаса Чаттертона, бѣдная вдова учителя берегла въ углу своей каморки остатки этихъ пергаменовъ на мелочныя кухонныя потребности. Такимъ образомъ молодой Чаттертонъ съ самаго дѣтства имѣлъ передъ глазами кучу старинныхъ документовъ, источенныхъ пылью и червями, покрытыхъ готическими буквами. Понятно, до какой степени это таинственное зрѣлище могло возбудить его юное, могучее воображеніе.

Тогда-то предпринялъ и исполнилъ онъ странное намѣреніе вырѣзать изъ документовъ всѣ концы и поля, которыя представляли ему большія куски чистаго пергамена, выучиться какъ можно вѣрнѣе старому почерку и наконецъ покрыть ихъ литературными описательными отрывками, особенно стихотвореніями, которыя выдавалъ онъ попеременно за труды достопочтенныхъ «мастера Кеннинга», сирѣ Тиббота Горджза, аббатовъ Джона Искема, Джина, и наконецъ монаха Томаса Роли (Rowley). Энтузіазмъ его, когда онъ увидѣлъ передъ собой этотъ источникъ славы и дохода, былъ такъ великъ, что онъ сказалъ своей матери, не постигавшей его восторга: «Я нашелъ сущій кладъ». Вскорѣ послѣ этого написалъ онъ свое открытіе стараго моста въ Бри-

столь и длинную балладу, *Bristow tragedy*, одно изъ самыхъ наивныхъ и трогательныхъ его произведеній, и, можетъ-быть, единственное, которое нравится въ Англіи всѣмъ вообще, потому что оно нашло мѣсто во всѣхъ антологіяхъ и въ *Elegant extracts*. Любопытство, возбужденное въ публикѣ такою находкою, доставило Чаттертону знакомство и дружбу хирурга Вильяма Баррета и жестяника Джорджа Кеткота. Первому изъ нихъ передавалъ онъ нѣсколько разъ отрывки старыхъ поэмъ, писанные на пергаменѣ, измаранные и нечеткіе, говоря, что они вынуты изъ сундука мастера Кенинга. Къ несчастію для историческаго бытія этихъ писателей пятнадцатаго вѣка, подозрительные антикваріи удостовѣрились на самыхъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ представленъ былъ Чаттертономъ въ съемкѣ, предложенномъ къ первому собранію старинныхъ поэмъ, что почеркъ совсѣмъ не того времени, что нѣкоторыя Арабскія цифры слишкомъ новы и что онъ очевидно руки молодого писца. Наконецъ, при формальномъ археологическомъ «слѣдствіи», возникшемъ по этому поводу, Мелону удалось открыть тотъ ужасный извѣтъ противъ обманщика, что самый большой кусокъ пергамента, представленный однажды Чаттертономъ, величиною совершенно подходитъ къ одному изъ вырвцовъ, которыми оканчивались всѣ старинныя квитанціи въ полученіи доходовъ, хранящіяся въ Редклифскомъ архивѣ.

Какъ бы то ни было, но достоверно извѣстно, что большая часть старыхъ поэмъ Чаттертона была подарена и продана имъ самимъ пріятелямъ его Кеткоту и Баррету, которые потомъ уступили ихъ Томасу Тервитту, издателью перваго изданія, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1777 году. Нѣтъ возможности отыскать точный хронологическій порядокъ этихъ стихотвореній; достоверно лишь то обстоятельство, что всѣ они сочинены Чаттертономъ въ бытность его писцемъ у Г. Ламберта съ октября 1768 по апрѣль 1770, и что всѣ они написаны въ Бристоль за исключеніемъ одного, и, быть-можетъ лучшаго, баллады «Состраданіе», которую онъ сочинилъ, кажется, въ Лондонѣ, въ іюль 1770 года,—стало-быть, за мѣсяць до своей трагической смерти.

Между первыми опытами Чаттертона отличаются три

эклога и отрывокъ трагедіи Goddwin, сочиненія мнѣя Роуди, «изданныя съ комментариемъ Томасомъ таттсрпомъ». Это чрезвычайно оригинальныя пьесы, въ которыхъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ поддвѣлся къ генію и къ языку того времени. Но произведеніе самое важное, единственное, надъ которымъ онъ особенно старался, была трагедія, подъ заглавіемъ «Элла (Oella), лордъ Бритолскаго замка, трагическая интермедія или трагедія въ разговорахъ (discourseing tragedy), сочиненная Томасомъ Ролл. «игранная въ присутствіи мастера Кеннинга въ домѣ ея «близь Роддъ-Лоджа, и въ присутствіи Джина Говарда «герцога Норфолькскаго, разными кавалерами, аббатами и «мнистрелями».

СУБЪЕКТИВНЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

Многіе и не знаютъ, что въ Германіи перестали раздѣлять людей на два пола, мужскій и женскій: этотъ распорядокъ найденъ вовсе невѣрнымъ, и родъ человѣческой дѣлы тамъ нынче на людей субъективныхъ и людей объективныхъ. Довольно трудно объяснить иностранцу настоящій смыслъ этихъ прилагательныхъ: надобно быть Нѣмцемъ, чтобъ постигать, его, а теперь дѣло въ томъ, что одинъ субъективный Нѣмецъ пустился изъ дому, въ качествѣ субъективнаго путешественника, съ похвальнымъ намереніемъ объѣхать субъективно Сицилію и другіе теплыя и любопытныя края, и что, воротившись изъ этой субъективной экспедиціи, онъ издалъ въ Берлинѣ два тома, подъ заглавіемъ *Wanderungen durch Sicilien und die Levante*. Эти *Wanderungen*—книга не только не дурная, но даже хорошая; и такъ какъ всѣ журналы даютъ изъ нея выписки, мы тоже возьмемъ нѣсколько мѣстъ. Не станемъ говорить о развалинахъ, которыми она наполнена,—мы не большіе охотники до древностей,—обратимся лучше къ любопытной исторіи Палермскихъ кожевниковъ.

«Цѣль кожевниковъ искони пользовался въ Палермѣ большими преимуществами, а въ малолѣтство Фердинанда IV достигъ, такой полной независимости, что действительно сталъ государствомъ въ государствѣ. Кварталъ свой, и *conciattoria* (кожевня), заключающій въ себѣ самыя тѣсныя

и грязныя улицы, укрѣпили они до такой степени, что онъ отражалъ не одно покушеніе городской полиціи и даже храбрѣйшихъ Неаполитанскихъ войскъ. Значекъ ихъ торжественно развѣвался на ремесленной управѣ, и по первой тревогѣ собирались къ нему дюжіе кожевники. Они обложены были отъ правительства взносомъ опредѣленной суммы, которой и не думали платить, и за ними числилась недоимка за нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ 1820 году.

«Во время Неаполитанской революціи, кожевники всегда были первые тамъ, гдѣ только происходили грабежи и убійства. Мятежъ вспыхнулъ въ Неаполь 1 іюня 1820 года, а 15 іюля въ Палермѣ. Англичанинъ, генералъ Чорчъ, едва не востерзанъ былъ чернью, вдругъ вышедшею изъ повиновенія: генералъ Кольи который бросился къ нему на помощь, спасъ его съ большимъ затрудненіемъ; но его домъ и имѣніе были сожжены толпою. Шестнадцатаго іюля, Палермскій комендантъ, генералъ Назелли, покушался укротить безпорядокъ силою; но кожевники ворвались въ тюрьмы и выпустили заключенныхъ. Бунтовщики, подъ предводительствомъ Монреальскаго монаха Джіоакима Вальни, успѣли захватить нѣсколько пушекъ. Назелли увидѣвъ, что ему противъ нихъ не устоять, и ушелъ въ Неаполь. Чернь, предоставленная самой себѣ, производила ужасныя злодѣянія. Тюрьмы наполнились солдатами и полицейскими; присутственныя мѣста были ограблены и сожжены; деньги, найденныя въ казначействѣ, раздѣлены между мятежниками. Одинъ артиллерійскій кузнецъ, хотѣвшій заковать пушки, былъ казненъ; ему отрубили руки и вмѣстѣ съ головою прибили на показъ въ разныхъ частяхъ города. Съ тѣхъ поръ лучшимъ средствомъ избавиться отъ личнаго врага было то, чтобъ сунуть ему въ карманъ длинный гвоздь и потомъ донести, что онъ заклепываетъ пушки: яростная толпа мигомъ бросалась на обвиненнаго, и его какъ не бывало.

«Кожевники избрали тогда консула, дона Карла Леона, который, въ этомъ званіи, нѣсколько недѣль управлялъ въ Палермѣ съ полнымъ самовластіемъ. Герцога Ячи, схваченный ими, приговоренъ былъ къ смерти и тотчасъ разстрѣ-

лягъ. Напрасно престарѣлый кардиналъ Гравина и герцогъ Виллафранка старались укротить толпу: домъ герцога былъ весь ограбленъ и сожженъ. Мятежъ распространился постепенно и въ соседственныхъ округахъ. Разбили арсеналъ и роздали тридцать тысячъ ружей; но крестьяне лучше умѣли дѣйствовать ножемъ, чѣмъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Междоусобная война свирѣпствовала въ улицахъ Палерма, гдѣ кожевники и чернѣйшій народъ дрались съ гражданскою гвардіею: триста или четыреста человѣкъ были убиты.

«Наконецъ генералъ Пепе высадился въ Милаццо съ четырьмя тысячами войска, и пошелъ на Палермо. Герцогъ Патерно, терзаемый подагрою, которая удерживала его въ постель, нашелъ однако жъ средства приобрести народную довѣренность, и ему поручили вступить въ переговоры съ Пепе: Палермо сдался ему на капитуляцію 5 октября. Неаполитанское революціонное правительство не хотѣло утвердить этой капитуляціи, требуя безусловной покорности; Пепе отказался отъ своего званія и воротился въ Неаполь. Преемникомъ его былъ генералъ Колетта, отличившійся неумолимою строгостію; но и онъ съ кожевниками не могъ ничего сдѣлать. Они такъ укрѣпились въ своемъ кварталѣ, который сталъ убежищемъ для всѣхъ воровъ и преступниковъ, что храбрые Неаполитанцы не смѣли сдѣлать противъ нихъ ни какого покушенія. Это длилось до мая 1821 года. Тогда Австрійцы заняли Палермо; кожевники упорствовали въ возмущеніи, и сограждане ихъ не терпѣливо ждали, чтобы это чѣмъ-нибудь кончилось: всѣ думали, что смиренные Нѣмцы или не посмѣютъ бороться съ горстью непокорныхъ, или приступятъ къ правильной осадѣ ихъ кожевни. Смирные Нѣмцы не сдѣлали ни того, ни другаго. Въ два часа по полуночи Австрійскій военачальникъ послалъ нѣсколько бригадъ Тирольскихъ и Богемскихъ стрѣлковъ окружить кварталъ. Другія войска, ведомыя жандармами, проникли сквозь тѣсныя улицы и переулки до ремесленной управы и заняли ее безъ всякаго затрудненія. Кое-гдѣ раздавались одинокіе выстрѣлы изъ оконъ, но у кожевниковъ не было уже сборнаго мѣста, и они отнюдь не были готовы къ такимъ нечаяннымъ и сильнымъ мѣрамъ среди ночи; оттого въ какіе-нибудь два часа

Австрійцы овладѣли всѣми домами въ ихъ кварталѣ. Нашли бездну оружія и аммуниціи, а въ управѣ даже и пушки, только безъ колесъ. Достопочтенный цехъ кожевниковъ со- званъ былъ въ управу, но уже въ послѣдній разъ, и тутъ имъ объявлено, что они должны немедленно очистить кончатторію и основаться за городомъ по трое вмѣстѣ, не бо- лѣе. Ихъ тотчасъ заставили повиноваться приказу, и за- тѣмъ послѣдовало преобразование неизвѣстной до той ча- сти города. Множество старыхъ лачужекъ было снесено, улицы по возможности расширены и назначены военные караулы. Большая часть домовъ по сю пору ни къмъ не занята; во многихъ живутъ жандармы съ семействами.

«Со времени этого искуснаго и успѣшнаго подвига, ко- торый чрезвычайно изумилъ Сицилійцевъ, привыкшихъ къ перъшимости робкихъ Неаполитанскихъ воиновъ, и поднялъ Австрійцевъ въ общемъ мнѣніи, городъ наслаждался тиши- ною; но бѣдные кожевники стали предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, и теперь каждый, кто явится на улицѣ съ по- никлой головой и потушенными глазами, тотчасъ прослы- ваетъ кожевникомъ.»

Другая любопытная вещь, которую субъективный путе- шественникъ видѣлъ въ Палермѣ, это сады виллы-Буттеры, особенно замѣчательные по способу ихъ орошенія. Эта вил- ла принадлежала покойной принцессѣ Буттеръ, которая, сказать мимоходомъ, несмотря на свое высокое рожденіе, вышла замужъ за молодого Ганноверскаго офицера, Г. Мюм- лера, прибывшаго въ Сицилію съ Англійскими войсками, и сдѣлала его тотчасъ княземъ, *principe*, а потомъ еще Неаполитанскимъ посломъ въ Парижъ, гдѣ онъ и теперь носить это званіе. Другой Ганноверецъ, пріятель новаго князя и также пріятель субъективнаго путешественника, управляетъ теперь виллою нынѣ уже покойной принцессы, и онъ-то показывалъ ему сады.

«Другъ мой повелъ меня въ прохладный садъ, который разведенъ его собственнымъ стараніемъ. Пріятно было смот- рѣть, какъ въ короткое время все выросло и поднялось. Жидкія отпрыски сдѣлались въ три года порядочными де- ревями, которыя, при хорошемъ уходѣ, даютъ отличные плоды. Стоитъ воткнуть въ землю крошечный сучекъ,

листья и цветы ползутъ наружу, и тѣнь его покрываетъ изумленнаго садителя раскидистыми вѣтвями. Виноградъ вьется съ одинакимъ изобиліемъ по южнымъ и по севернымъ стѣнамъ зданій, и единственная забота здѣсь о томъ, какъ бы умѣрить его дикую роскошь. Акаціи шпалерникъ, которому едва ли есть два года, выказываетъ стволъ въ руку толщиною, и померанцовыя вѣтви, не тонѣ этого, образуютъ крытую аллею, насажденную не для плодовъ, а только для густой тѣни.

«Но едва - ли не всего болѣе достойно удивленія малое количество воды, которымъ все это производится и поддерживается. Палермо, какъ и Римъ, снабжается водою посредствомъ системы трубъ, проведенныхъ въ большую часть отдѣльныхъ домовъ, — распоряженіе, приписываемое Арибамъ; но для садовъ и плантацій есть здѣсь на южныхъ холмахъ резервуары, наполняющіеся водою изъ соседственныхъ ключей и разливающіе ее по временамъ куда нужно. Въ доставленіи воды землямъ разныхъ владѣтелей наблюдается строжайшая точность и правильность: пріятелю моему Д^{***} даютъ пользоваться ею, для княжескихъ садовъ, съ шести до девяти часовъ утра каждую субботу. Въ шесть часовъ отворяется шлюзъ у верхней оконечности сада; плодотворная стихія бѣжитъ во множествѣ излучистыхъ потоковъ по всей виллѣ, и въ три часа жаждающая почва непремѣнно должна напиться на цѣлую недѣлю. Ровно въ девять отворяется нижній шлюзъ, и вода стекаетъ къ ближайшему сосѣду; но такъ какъ при этомъ случаѣ первый получатель всегда можетъ пользоваться разными мелочными выгодами, то очевидно, что земли, ближайшія къ резервуару снабжаются лучше тѣхъ, которыя ниже. Княжескіе сады принадлежатъ къ послѣднимъ, и несмотря на то растительное царство, отличается въ нихъ неизмеримымъ богатствомъ и роскошью.»

Послѣ того субъективный путешественникъ отправился на Этну. Но на Этнѣ былъ весь свѣтъ, — вѣроятно и въ наши читатели. Въ Сиракузахъ, субъективный путешественникъ видѣлъ одного ученаго Сицилійца, который, изъ почтенія къ уму древнихъ, старается вывести изъ употребле-

пѣя тряпичную бумагу и возвратить папирусу его прежнюю важность.

« Неутомимому Ландолнигъ, говорить субъективный путешественникъ, предоставлено было открыть съизнова древній способъ дѣлать бумагу изъ Сицилійскаго папируса, — способъ, если не полезный, по-крайней-мѣрѣ весьма интересный для науки. Онъ размачивалъ нижнюю часть стебля въ водѣ, отдѣлялъ наружную зеленую кожу и вырывалъ мягкую бѣлую сердцевину тончайшими пластинками, которыя накладывались одна на другую, стискивались, тщательно просушивались, наклеивались и составляли наконецъ совершенно годную и ослѣпительной бѣлизны писчую бумагу.»

Въ Мальтѣ напомъ онъ на важнѣйшее открытіе, какое-только сдѣлалъ въ своихъ субъективныхъ путешествіяхъ: онъ понялъ одно слово въ Гомерѣ и удостоверился въ точности его смысла, — слово «виновидное, багряное», море, *αιονος*, какъ говорить этотъ поэтъ.

« Есть особенная прелесть въ отливахъ моря, изменяющихся съ порою дня; на нихъ не насмотришься, и тутъ-то видишь полное оправданіе отца Гомера, говорящаго о *багряныхъ* волнахъ. Не то, чтобъ подъ словомъ «багряный» разумѣли мы какой-нибудь фіолетовый оттѣнокъ; совсѣмъ нѣтъ: эпитетъ буквально вѣренъ, какъ и вся картины безсмертнаго поэта; онъ основанъ на не предубѣжденномъ наблюденіи и не нуждается въ окольных, софистическихъ толкованіяхъ, чтобъ быть понятнымъ и естественнымъ. Море, вмѣсто обычнаго темно-лазореваго цвѣта, дѣйствительно принимаетъ багряный, то есть, темно-красный, видимый не у самыхъ ногъ, а даже къ небосклону. Необыкновенный отливъ является въ полномъ великолѣпнн къ вечеру, если только вы въ открытомъ морѣ: въ заливахъ и гаваняхъ, никогда его не увидите.»

Весь второй томъ посвященъ путешествію на Востокъ, также субъективному. Книга эта состоитъ изъ писемъ, адресованныхъ къ одной очень объективной Италианкѣ, которой имя Аннунціата, и которая, по-видимому, чрезвычайно нравится нашему путешественнику.

ЭСКИМОССКАЯ ОПРЯТНОСТЬ. Въ предъидущей выжкѣ Б. для Ч. говорили мы объ опрятности Голландцевъ; теперь возьмемъ у знаменитаго капитана Росса разсказъ объ опрятности его полюсныхъ пріятелей. Надобно всегда сравнивать вещи.

«Между Эскимосами былъ одинъ человекъ, который получилъ отъ природы обыкновенную человѣческую наружность, но до того выпачкался кровью и рыбьимъ жиромъ, что нельзя было узнать въ немъ ни одной черты. Когда мы дали ему разумѣть, что есть средства къ освобожденію лица его отъ всѣхъ этихъ нечистотъ, онъ воскликнулъ: *Накка, накка!* то есть—Нѣтъ, нѣтъ! и протягивалъ руки къ провіантмейстеру, крича ему: *Аллопа, аллопа!* то есть—Оближи! Этотъ покачалъ головою и тоже отвѣчалъ: *Накка, накка*, что, по-видимому, привело дикаря въ большое изумленіе. Увидѣвъ, что провіантмейстеръ не сдастся на его благосклонное приглашеніе, онъ началъ лизать себѣ пальцы, какъ кошка или собака. Но тутъ представился важный вопросъ: какъ вылизеть онъ себѣ лице? Самъ онъ не могъ этого сдѣлать и потому обратился къ женѣ, крича опять—*Аллопа, аллопа!*, а та съ чрезвычайною готовностію и ласкою принялась за дѣло, и ни одно животное не вылизало бы своего дитенка съ такимъ внимательнымъ усердіемъ. Мало-по-малу лице Эскимоса получало естественный видъ свой, и черезъ четверть часа не осталось на немъ и слѣда крови или жиру. Операция выполнена была такъ отлично что, эту добрую супругу должно почитать виртуозкою въ лизальномъ искусствѣ. Дальнѣйшія наблюденія показали, что у Эскимосовъ каждый умываетъ собственнымъ языкомъ свои руки, а лице предоставляетъ облизывать другимъ. Во время этой замѣчательной сцены между Мевіакомъ и нѣжною его супругою, вышелъ другой, не менѣе странный, случай между ихъ дѣтьми и трупами тюленей, съ которыхъ только что сняли кожу, и на которыхъ кровь была еще во всей свѣжести. Трупы лежали на палубѣ, гдѣ хотѣли ихъ изрубить собакамъ, дѣти, привлеченныя искуссительнымъ запахомъ крови, присѣли около нихъ и стали лизать кровь съ обыкновенной своей жадностію: ни одной собакѣ не вы-

лизать такъ чисто тарелки, какъ эти звѣри—люди облизали мертвыхъ тюленей.»

Это странное зрѣлище объясняется самыми естественными причинами, и именно тѣмъ, что «о вкусахъ спорить не должно».

НАПОЛЕОНЪ И ПИГО-ЛЕБРЕНЪ. Читатели наши вѣрно уже знаютъ изъ газетъ, что Пиго - Лебрёнъ, Французскій романистъ, котораго, по мнѣнiю многихъ, не читаетъ ни одна дама, и который некогда славился, какъ нынче Поль-де-Кокъ, умеръ въ Парижѣ 21 Юля нынѣшняго года. Биографы его воспользовались этимъ печальнымъ случаемъ, чтобъ рассказывать объ немъ разные анекдоты, изъ которыхъ слѣдующий, кажется, еще неизвѣстенъ. Каждый слышалъ о строгости Наполеона къ братьямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они забывали, на данныхъ имъ престолахъ, приказанiя великаго императора, и отваживались отступить на шагъ отъ слѣпаго повиновенiя его волю. Особенно доставалось отъ него Иерониму, королю Вестфальскому, и ни одинъ курьеръ не привѣзжалъ въ Кассель безъ какой-нибудь гиввной граммати; — одной изъ тѣхъ грамматъ, которыя теперь въ канцелярскомъ слогѣ называютъ «носомъ». Однажды императоръ журилъ Иеронима строже обыкновеннаго, и Пиго-Лебрёнъ, который былъ тогда библиотекаремъ у короля Вестфальскаго, прочитавъ по довѣренности посланiе, совѣтовалъ своему государю не позволять обходиться съ собой какъ съ ребенкомъ и отвѣчать съ достоинствомъ, приличнымъ его сану—. «Оно такъ,» отвѣчалъ Иеронимъ, все еще дрожа отъ страха: «но кто же напишетъ къ императору? «Я—ни за что на свѣтѣ! Напишите вы пожалуйста.» Пиго повиновался. Посланiе было отправлено въ Парижъ. Отвѣтъ на это письмо присланъ былъ съ генераломъ Раппомъ. Иеронимъ распечаталъ, и прочелъ: «Король, братъ мой, на «сутки подъ арестомъ во дворецъ своемъ, а сочинителя письма посадить въ тюрьму на три мѣсяца.» И тотъ и другой подверглись наказанiю, по точному смыслу приговора.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La Berline de l'Émigré, Берлинъ эмигранта*, драма въ пяти дѣйствiяхъ, Гг. Добинья и Мелевилля.

Карманъ Робеспьера жилета играетъ тутъ роль несравненно важнѣйшую, чѣмъ берлинъ эмигранта, потому что изъ этого-то именно кармана и выходятъ всѣ приключенія въ драмѣ.

Робеспьеръ былъ санкюлотъ, но между-тѣмъ большой франтъ; очень любилъ бѣлые жилеты, и часто посылалъ ихъ въ мытье, такъ, что на нихъ никогда не было замѣтно ни капельки крови. Прачка его, Г-жа Бельомъ, мыла также на кое-какихъ графовъ, маркизовъ и другихъ бѣдняковъ того времени; въ числѣ ихъ былъ маркизъ Савинь и Однажды, въ старомъ жилетѣ Робеспьера Г-жа Бельомъ нашла въ карманѣ списокъ осужденныхъ, въ которомъ значился и сынъ маркиза Савинья. Г-жа Бельомъ бѣжить къ нему, чтобы его предупредить. Маркизъ милостиво обвиняетъ прачку и велитъ подать себѣ берлинъ. Берлинъ подають, берлинъ новый, недавно сдѣланный каретникомъ Паскалемъ, сыномъ Жерве, маркизова управителя. Маркизъ, предвидя судьбу свою, нарочно заказалъ этотъ берлинъ съ пустотами, въ которыхъ можно было бы спрятать большія суммы денегъ, и готовясь въ путь, онъ прячетъ туда 600,000 фр. При этомъ видъ Паскаль, разорившійся игрокъ, не можетъ устоять противъ искушенія. Онъ доноситъ на маркиза и бѣдняка берутъ подъ стражу, въ ту самую минуту, какъ онъ садится въ берлинъ. И берлинъ возвращается опять къ Паскалю съ присовокупленіемъ 600,000 франковъ. Берлинъ ставятъ въ сарай, маркиза сажаютъ въ тюрьму.

Второе дѣйствіе имѣетъ передъ первымъ большое преимущество: въ немъ не говорится ни слова ни о карманѣ Робеспьера, ни о мытьѣ бѣлыхъ, ни о берлинѣ эмигранта, который ни на минуту не эмигрируетъ; въ этомъ дѣйствіи есть даже нѣсколько хорошихъ сценъ.

Маркизъ, приговоренный революціоннымъ трибуналомъ къ смерти, сидитъ въ Люксембургской тюрьмѣ. Добрый управитель Жерве не захотѣлъ отстать отъ своего господина. Маркизъ старый воинъ, знаетъ, что ему остается только умереть, засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, въ ожиданіи призыва на эшафотъ. Между тѣмъ, какъ господинъ спитъ такъ покойно, вѣрный слуга горюетъ и плачетъ. Онъ не

достигаетъ, кто бы могъ донести на маркиза, потому, что тайну своего отъезда онъ ввѣрилъ только ему Жерве и сыну его Паскалю. Жерве терается въ догадкахъ, но мысль обвинять сына не приходитъ ему и въ голову.

Вмѣстѣ съ Жерве сидитъ въ тюрьмѣ одинъ молодой живописецъ, обвиненный въ какомъ-то преступленіи, быть можетъ, въ томъ, что умѣлъ рисовать. Этотъ живописецъ рассказываетъ Жерве, что когда его допрашивали въ комитетѣ общественной безопасности, одинъ, молодой человекъ, съ отвратительнымъ лицомъ, пришелъ съ допосами на маркиза Савиньи. Живописецъ не знаетъ имени этого молодаго человека, но еслибъ прожилъ и пятьдесятъ лѣтъ, то не забылъ бы его гнусной фizioноміи, которой смущеніе и безпокойство придавали выраженіе еще болѣе ужасное. Живописецъ беретъ карандашъ и начинаетъ рисовать это лице. Вы видите бѣднаго отца и его терзанія по мѣрѣ того, какъ черты его сына являются подъ рукою художника!—О, нѣтъ! этого быть не можетъ! вскрикиваетъ онъ; вы ошиблись; это не тотъ человекъ!—Вы видите, что портретъ похожъ когда вы его тотчасъ узнали, отвѣчаетъ живописецъ. Это сцена истинно трагическая и прекрасная; въ драмѣ Гг. Добиньи и Мелевиля она еще лучше тѣмъ въ Нѣмецкой драмѣ *das Bild*, Иммерманна или Мюльнера.

Узнавъ о гнусномъ поступкѣ своего сына, Жерве рѣшается умереть вмѣсто маркиза, котораго онъ хотѣлъ погубить! Въ это время, когда во Франціи все было доведено до крайности, и добродѣтели, и пороки, нѣчто подобное дѣйствительно случилось: отецъ Г-на Луозероля пошелъ на эшафотъ вмѣсто своего сына. Между тѣмъ какъ маркизь проводитъ часы въ крѣпкомъ снѣ, Жерве надѣваетъ его платье и является къ комиссару, который приходитъ за осужденными. Слыша, что зовутъ маркиза, Паскаль закрываетъ себѣ лице руками, чтобы не видѣть своей жертвы, и Жерве, проходя мимо его, оставляетъ ему, вмѣсто прощенія, проклятiе. Потомъ, когда Жерве ушелъ и слѣдственно уже умеръ потому что смерть ждетъ его на порогѣ, Паскаль хочетъ видѣть отца. Вообразите же его ужасъ, когда онъ видитъ, что маркизь спокойно спитъ на соломѣ. Тутъ онъ догадывается о томъ, что случилось,

бросается къ дверямъ и призываетъ отца громкими криками; но эти двери отворяются только для тѣхъ, кто идетъ на смерть, и Паскаль слышитъ борабанный бой, показывающій, что все свершилось. Это второе дѣйствіе просто и трогательно.

Благодаря самопожертвованію Жерве, Маркизь освобожденъ. Онъ скрылся у своей прачки, а Паскаль перевезъ берлинъ въ свой магазинъ и ждетъ ночи, чтобы достать деньги. Третье дѣйствіе происходитъ вокругъ этого берлина. Паскалю безпрерывно мышають, то жена, то работницы, то сосѣди. Наконецъ, когда ночь уже совсѣмъ наступила, когда уже онъ готовъ овладѣть своею добычею, сокровищемъ, за которое онъ отдалъ отца, берлинъ береть для потребъ республики: народный представитель подьеть въ пемъ въ лагерь Дюмурьё. Паскаль остается безъ берлина и безъ сокровища!

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ лагерь, на границѣ. Паскаль кризжаеть туда, отыскивая свой берлинъ. Наконецъ онъ находитъ его у дверей одного трактира, гдѣ остановился также и маркизь Савиньи, который старается пробраться въ Швейцарію. Паскаль снова бродитъ вокругъ берлина; всѣ попытки его тщетны; но бродя, онъ подслушиваетъ разговоръ между народнымъ представителемъ и адъютантомъ Дюмурьё. Паскаль узнаеть, что одинъ лефиле никѣмъ не охраняемъ, и бѣжить къ непріятелю, чтобы продать свое отечество. Но это ему не удаеться, его ловять, уличають и разстрѣливають. Савиньи снова получаетъ берлинъ свой и уѣзжаеть въ немъ изъ драмы.

Тутъ есть еще одинъ молодой человекъ, который женится на дочери маркиза; мы не говорили вамъ о немъ потому, что тогда надобно было бы говорить и о самой дочери, а ни дочь, ни зять ни сколько не привлекають участія зрителей и не заслуживають ни какого вниманія. Главное дѣйствующее лице въ драмѣ, не она, не Паскаль, не Жерве, не Савиньи, а берлинъ.

2. *La fille mal élevée, Дѣвчонка безъ воспитанія*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Комбрусса и д'Эпаньи.

Въ одномъ провинціальномъ замкѣ живутъ смирно и благополучно, почтенный старикъ Г. Дезормъ, сестра его Г-жа Пранже и двѣ дѣвушки, Леонія и Фанни; Леонія дочь Г-жи Пранже, Фанни дочь умершей матери; обѣ племянницы Г. Дезорма. Но характеры этихъ дѣвушекъ также различны какъ ихъ воспитаніе. Леонія воспитана въ модномъ Парижскомъ пансіонѣ, и тамъ ее цѣлыя семь лѣтъ учили всѣмъ пансіонскимъ наукамъ, держаться прямо и спокойно, краснѣть всегда кстаги, и особенно никогда не компрометироваться; Леонія боится сужденій свѣта; она знаетъ, что живетъ для свѣта и что свѣтъ на нее смотритъ; однимъ словомъ, Леонія дѣвушка благовоспитанная. Кроткая и простая Фанни совершенно напротивъ: эта, дочь природы и провинціи; она хохочетъ, поетъ, играетъ, говоритъ громко, имъ лучше сказать, думаетъ вслухъ. Она, откровенна, простодушна; у ней добрый характеръ и доброе сердце; однимъ словомъ, Фанни, что называется — дѣвочка безъ всякаго воспитанія, до того, что не пишетъ цвѣтовъ акварелью, не вздигъ верхомъ, и не извѣстно даже, рисуетъ ли Аполлоновъ съ антиковъ.

Надобно вамъ сказать, что въ этомъ же замкѣ живетъ молодой отставной офицеръ, Г. Ремонъ, пріятель Г-на Дезорма. Г. Ремонъ всякой вечеръ играетъ съ хозяиномъ своимъ въ шахматы. Однажды они сидятъ вечеромъ; скоро уже полночь; Г-жа Пранже на балѣ съ дочерью своею Леоніею, и племянницею, Фанни. Играя въ шахматы, Г. Дезормъ сотый разъ начинаетъ разхваливать Ремону рѣдкія качества племянницы своей Леоніи; но Г-ну Ремону болѣе нравится Фанни. Черезъ нѣсколько минутъ дамы возвращаются: Г-жа Пранже уехала съ бала такъ рано, потому что не могла далѣе терпѣть вѣтренности Фанни. На этомъ балѣ Фанни танцевала, Фанни смѣлась, Фанни говорила, Фанни со всѣми была учтива и ласкова, однимъ словомъ Фанни была совершенно противное тому, что Леонія, которая танцевала какъ люди ходять, которая ни съ кѣмъ не говорила, ни на кого не глядѣла. Такъ Г-жа Пранже выхвалитъ дочь свою. Потомъ всѣ расходятся; только привратнику показалось, что въ прошлую ночь въ

парк забрались воры, и онъ приходитъ просить у Г. Дезорма ружье, чтобы въ случаѣ нужды выстрѣлить.

Оставшись однѣ, дѣвушки начинаютъ разговоръ, который покажетъ намъ ихъ въ другомъ видѣ. Леонія, избившись отъ надзора матери, признается двоюродной сестрѣ своей, что ей очень жаль было утѣхъ съ бала такъ рано. Дѣло въ томъ, что на этомъ балѣ былъ Г. Эрнестъ; чтобы не скомпрометироваться, она не глядела на него, не говорила съ нимъ, но за то и не мѣшала ему говорить; онъ сказалъ ей, что любитъ ее, что у него хранится ея балный букетъ; въ ту же минуту стекло съ дребезжкомъ распадается; дѣвушки оглядываются; это свадебный букетъ Леоніи, который Эрнестъ возвращаетъ ей въ окно! Леонія, дрожа отъ страха, и думая, что весь свѣтъ уже на нее смотреть, не смѣетъ поднять букета; но Фанни поднимаетъ его и она же въ окно говоритъ Г. Эрнесту, чтобы онъ ушелъ. Наконецъ Фанни же пишетъ къ Эрнесту вместо двоюродной сестры своей Леоніи, которая ни за что въ свѣтъ не хочетъ скомпрометироваться.

Между-тѣмъ придверникъ, который видѣлъ, что кто-то бродитъ въ паркѣ, стрѣляетъ въ Г. Эрнеста изъ ружья. Испуганная Леонія убѣгаетъ въ свою комнату, не заботясь о своемъ любезномъ; погибни лучше тысяча Эрнестовъ, чѣмъ доброе имя Леоніи. Но добрая Фанни, зная, что въ паркѣ бродитъ молодой человекъ, который можетъ быть убитъ, старается спасти его, какъ будто онъ ея любезный. Между-тѣмъ весь домъ въ страхѣ пробуждается, и Фанни прячетъ Эрнеста въ своей комнатѣ. Но занимаясь этия добрыя дѣломъ, бѣдная Фанни не замѣчаетъ, что ее видитъ Г. Ремонъ, который влюбленъ въ нее, и котораго она тайно любитъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится дѣло во второмъ дѣйствіи. Въ продолженіи большей части этого дѣйствія тысяча улыкъ поднимается противъ бѣдной Фанни, которая сдѣлалась жертвою добраго своего сердца. Не она-ли говорила съ молодымъ человекомъ, который былъ въ паркѣ? Не она-ли посылала ему букетъ? Не она-ли писала къ нему? Не она-ли спасла его? Г. Ремонъ самъ видѣлъ, какъ этотъ молодой человекъ пропалъ въ комнатѣ Фанни. Сцена

между Ремонъ и Фанни очень мила. Между-тѣмъ Фанни, несмотря на всѣ эти непріятности, будетъ до конца доброю дѣвушкою; она не хочетъ ни въ чемъ признаться, ни дядѣ, ни теткѣ, ни даже Ремону. Къ счастью, Эрнестъ, видя, что Г. Дезормъ наконецъ найдетъ его, выходитъ изъ комнаты Фанни, и объявивъ свое имя, званіе, даже имѣніе и доходы, проситъ руки племянницы Г. Дезорма. Фанни такъ скомпрометирована, что Г. Дезормъ отказать не можетъ. Но потомъ, съ величайшимъ удивленіемъ узнаетъ, что Г. Эрнестъ хочетъ жениться не на Фанни, а на Леоніи, на робкой, стыдливой и трикраты скромной Леоніи, которая невольно скомпрометировалась съ молодымъ человѣкомъ! Г. Дезормъ очень удивленъ, Г-жа Пранже очень разсержена, Леонія очень пристыжена; а Г. Ремонъ очень счастливъ: онъ женится на той, которую любить, на милой, невоспитанной Фанни.

Что касается до Леоніи, то, не зная какъ выпутаться изъ такой исторіи, она, какъ слѣдуетъ благовоспитанной дѣвушкѣ, падаетъ въ обморокъ.

Основа этого водевиля не нова, но въ немъ много прекрасныхъ сценъ и онъ написанъ остроумно.

3. *Les Danseuses à l'Ecole, Танцовщицы въ школѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Г. Шальо, заслуженный танцоръ, старый танцоръ, блестящая долгое время на оперномъ театрѣ, подъ старость сдѣлался танцевальнымъ учителемъ. У Г-на Шальо учатся дѣвицы Жоржепа, Дельфина, Тальмина, Алипа и другія мелко-травчатая танцовщицы. Съ этими господами танцуетъ господинъ Доверни, господинъ Помпилюсъ, господинъ Дюропъ, господинъ Гигантманъ, не считая Г-жи Сентъ-Готаръ. Г-жа Сентъ-Готаръ — мать-танцовщица. У всякой танцовщицы есть мать. Вы ее знаете: розовый поношенный шарфъ, желтыя поношенныя перчатки, зеленая поношенная шляпка шелковые поношенныя чулки. Мать — танцовщица занимается обыкновенно на годъ, и носить обноски дочери — танцовщицы. Сверхъ-того, Г-жа Сентъ-Готаръ женщина болтливая, прожорливая и сентиментальная; всего болѣе на свѣтъ любить она каштаны и толстыя Англійскія мелодовъ.

Это занимательная и устроумная часть водевиля, написанная только для того, чтобы сделать выставку кое-каких расхожих ногъ, потому что тутъ начинается, подъ управленіемъ Г. Шалльо, балетъ. Танцуютъ, танцуютъ, а послѣ танцевъ кто-то на комъ-то женится.

Лѣтомъ, когда всѣ знаменитыя Парижскія танцовщицы, всѣ ноги съ извѣстными именами, ноги въ большомъ ходу, совершаютъ танцевальныя путешествія по провинціи и чужимъ краямъ, въ Парижъ выпускаютъ на театръ танцовщицъ второстепенныхъ, которыя зимою выступаютъ только въ хорахъ и держатся по-ближе къ кулисамъ, или и за кулисами. Но какъ ихъ выпустить! Публика не пойдетъ смотрѣть балета, въ которомъ начнутъ танцевать эти толстыя ноги, ноги толстыя и тяжелыя, ноги, которыхъ не знаешь какъ и назвать, потому что имъ даже нѣтъ имени. Для этого сочиняется танцевальный водевиль. По надлежащемъ сочиненіи водевиля, собираютъ по всѣмъ угламъ какъ - можно побольше этихъ безыменныхъ ногъ, высыпаютъ ихъ на сцену, заставляютъ ихъ прыгать въ водевилѣ какъ-можно выше, показывать ихъ какъ можно выше, и все это составляетъ спектакль весьма интересный. Вышеписанный водевиль принадлежитъ къ числу таковыхъ.

4. Les courses de Chantilly, *Шантильскія скачки*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

И сей тако-же. Это также водевиль, посредствомъ котораго показываются дрянныя ноги. Въ томъ водевилѣ, эти господа отправляются въ танцевальный классъ, въ этомъ, на Шантильскія скачки. Герцогиня Жомезъ преслѣдуеть Г. Бомона, своего любовника; разныя графини, княгини и тому подобныя одѣваются жокеями и танцуютъ на сельскомъ балѣ. *Idem per idem*, — все та же пѣсня: разница въ томъ, что въ одномъ водевилѣ показывали ноги въ короткихъ юбкахъ, въ другомъ тѣ самыя ноги въ узкихъ панталонахъ, что несравненно живописнѣе.

5. Mon bonnet de nuit, *Мой спальный колпакъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Жоржа Дювала и Боррьера.

Мерсье, авторъ «Картины Парижа», назвалъ одну изъ книгъ своихъ: «Мой спальный колпакъ.» Малезарбъ донесъ

на него. Полиція его преслѣдовала, и онъ рѣшился отдать свой спальный колпакъ на сохраненіе дочери одного пироженника. Пропу покорно сдѣлать изъ этого водевилъ? Однако жъ Гг. Дюваль и Боррьеръ сдѣлали изъ этого водевилъ сицевымъ образомъ. Они сначала выставили Анжелину, дочь пироженника; къ ней присоединили двоюроднаго братца, который просить ее спрятать у себя въ спальнѣ «ночной колпакъ» пріятеля его Мерсье. Безпокоясь о томъ, что такое у нея хранится, Анжелина непрерывно толкуетъ о ночномъ колпакѣ своего двоюроднаго брата, который (то есть, колпакъ) лежитъ у нея въ спальнѣ. Разумвется, что рѣчь идетъ о книгѣ, а ревнивый женихъ Анжелины, Вудо, воображаетъ себя, что рѣчь идетъ о настоящемъ, бумажномъ колпакѣ, и сердится, что ночной колпакъ двоюроднаго брата попалъ въ спальню его невѣсты. Наконецъ полиція конфискуетъ книгу Мерсье, все объясняется и любовники, какъ водится, женятся. Вотъ и все.

6. La leçon des mathématiques, Урокъ изъ математики, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Рамона де ла Круазета, члена Палаты Депутатовъ.

Одна молоденькая женщина пристрастилась къ математикѣ и учится у своего двоюроднаго братца геометріи, которая, какъ извѣстно, есть не что иное какъ наука объ измѣреніи протяженій, то есть длины, ширины и глубины. Страсть довольно эксцентрическая! Молодой человекъ охотно принялъ на себя это преподаваніе и всякой день ѣздитъ изъ Парижа въ деревню давать уроки. Отецъ его беспокоится о томъ, что сыночекъ терлетъ много времени этими загородными лекціями. Какъ добрый и попечительный отецъ, онъ запираетъ платья своего сына; но такая бездѣлица не въ состояніи остановить усерднаго профессора. Онъ отправляется къ своей двоюродной сестрицѣ просто въ плафрокъ. Тамъ онъ дѣлаетъ множество дурачествъ, танцуетъ съ какою-то дѣвучкою Альмандъ, наряжается въ платье Г. Сентъ-Амана, который сватается за Г-жу Клервилль (двоюродная сестрица тоже). Сентъ-Аманъ, за неимѣніемъ лучшаго, надѣваетъ плафрокъ молодаго учителя и это такъ кампрометируетъ Г-жу Клервилль, что она, желая по-

править дѣло, выходить за него замужъ. Таковъ воденный, составленный Французскимъ депутатомъ. Глупъ, не правда-ли? И послѣ этого, они же хотять составлять законы!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ одно и то же время, въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ, вышло путешествіе фрегата Соединенныхъ Штатовъ, Потомакъ, описанное Джономъ Ренольдсомъ. Книга эта можетъ служить новымъ доказательствомъ, какое вліяніе политической бытъ народа имѣеть на его литературу: грубость, заносчивость, хвастливость и какое-то ожесточенное, совсѣмъ не рыцарское молодечество, составляютъ характеръ этого произведенія съ одной стороны и повтореніе стараго съ другой. Надобно прочесть, съ какимъ безстыднымъ торжествомъ авторъ рассказываетъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ на западномъ берегу Суматры, гдѣ они въроломно сожгли Малайскій городокъ Квала-Батту, подошедъ къ нему подъ купеческимъ флагомъ и сами нарядившись купцами. Это презрѣніе или незнаніе всѣхъ народныхъ правъ, побудившее Американскаго капитана сперва разорить городъ и перебить жителей, а тамъ требовать удовлетворенія за какіе-то давно причиненные убытки; это совершенное забвеніе воинской чести, допустившее его унизить свой флагъ и мундиръ передъ несравненно слабѣйшимъ непріателемъ, возбудило негодованіе не только въ Европѣ, искони христіанской и рыцарской, но даже и въ Америкѣ, куда эти стихіи нравственнаго образованія занесены вмѣстѣ съ товарами и съ искателями приключеній. Фрегатомъ «Потомакъ» начальствовалъ коммодоръ Джонъ Доунсъ; а Г. Ренольдсъ виновенъ только въ литературномъ потворствѣ его разбойничьему подвигу.

— Кромѣ этого Американскаго путешествія вышло еще нѣсколько Англійскихъ. Едва завелись пароходы на Дунай, — и Англичане воспользовались случаемъ, чтобъ проплыть изъ Вены въ Константинополь и описать этотъ удивительный подвигъ. Докторъ Медденъ, который недавно еще издалъ путешествіе на Востокъ, очутился чиновникомъ въ Вестъ-Индіи, и тоже описываетъ поприще своей службы. Г. Монро побывалъ прошлымъ лѣтомъ на Востокъ

и описываетъ, какъ богомольцы и богомолки всѣхъ возрастовъ купаются въ водахъ Иордана: коротко сказать, счету нѣтъ Англійскимъ путешествіямъ.

— Изъ числа новыхъ романовъ, которыхъ также очень много, заслуживаетъ особеннаго вниманія Plantagenet, явившійся безъ имени автора, но отличающій въ немъ чловѣкъ «высокаго полета». Это сейчасъ видно по тону, небрежному и свысока, какъ-будто авторъ писалъ больше для облегченія собственнаго сердца, чѣмъ для публики; по изящному выбору эпиграфовъ и по тысячъ другихъ вещей, которыя отличаютъ «высоколетныхъ.» Plantagenet—ничто въ родѣ Чайльдъ Гарольда: это признанія меньшаго брата одной благородной фамиліи, который родился гордымъ, мечтательнымъ, скрытнымъ изъ самолюбія, reserved, бѣднымъ, почти безъ гроша, и не научился смолоду укрощать порывовъ пылкой души. Діаволь въ человѣческомъ образѣ, лицемѣрный смиренникъ,—светъ вражду и ревность между имъ и старшимъ его братомъ, законнымъ наследникомъ всего родоваго имѣнія. Онъ любитъ; его обманываютъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, вступаетъ онъ въ свѣтъ съ уязвленнымъ сердцемъ и страстями, тѣмъ болѣе сильными, что онѣ скрыты. Прихотливая фортуна дѣлаетъ его, между-прочимъ, солдатомъ, домашнимъ учителемъ, секретаремъ министра, и наконецъ впускаетъ его въ кругъ великихъ сего міра. Мы сказали «прихотливая фортуна» только для сокращенія, а въ романѣ подробно описано какъ все это было и почему. Многіе характеры набросаны весьма удачно; но полной отдачи нѣтъ ни въ единомъ.

— Записки о жизни сирь Джемза Мекинптоша, изданныя его сыномъ, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе Англійской публики. Всего замѣчательнѣе въ нихъ то обстоятельство, что покойный литераторъ приобрѣлъ себѣ славу не столько тѣмъ, что онъ написалъ, сколько тѣмъ, чего ждали отъ его способностей. Мекинтошъ самъ это чувствовалъ, и вотъ собственный разсказъ его о томъ, что было съ нимъ въ 1814 году въ Парижѣ: «Одна очень умная дама, Г-жа де-Шатне (de Chatenay), говоритъ сирь Джемзъ въ своемъ журналѣ, сдѣлала мнѣ презатруднитель-

ный вопросъ:—Какими сочиненіями я снискалъ такую громкую извѣстность? И, по обыкновенію, мнѣ надобно было прибѣгнуть къ пересказу того, что я предполагаю написать».

— *Tales of the Ramadhan*, Г. Сентъ-Джона, отличаются какъ говорятъ Англійскіе журналы, вѣрнымъ изображеніемъ Восточныхъ обычаевъ и Азіятскаго характера вообще. Это рядъ повѣстей, рассказываемыхъ будто-бы записными Каврскими повѣсчиками, для сокращенія длинныхъ часовъ рамаана. Рассказы прелестной Абиссинки, Фатимы, богатствомъ смысла подходятъ къ Шехеразадѣ. «Чалма такъ пристала къ Г. Сентъ-Джону, что другой не повѣрять, чтобъ онъ когда-нибудь носилъ шляпу.»

— Многие журналы отзываются съ большими похвалами о «Греческой исторіи древнихъ временъ», написанной Г. Терльвалемъ для Ларднеровой *Cabinet Cyclopaedia*. Авторъ умѣлъ держаться средины между ласковѣрностью Гилдеса, предубѣжденіемъ Митфорда и скептицизмомъ одного изъ новѣйшихъ писателей, Г. Китли (Keightley): онъ разсматривалъ истинно ученымъ и критическимъ образомъ преданія, на которыхъ основана древняя исторія Греціи, и показалъ, что именно препятствуетъ къ безусловному допущенію ихъ подлинности съ одной стороны, и совершенному отрицанію ея съ другой. Особенно замѣчательна въ критическомъ отношеніи третья глава этой книги, гдѣ вслѣдуются преданія объ иностранныхъ поселенцахъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Одинъ изъ даровѣйшихъ последователей Шеллинга, Г. Гейрихъ Стэфенсъ, философъ, — онъ же и романистъ, издалъ въ 1829 году первую книжку своихъ *Polemische Blätter zur Beförderung der speculativen Physik*, въ которыхъ предпринималъ «показать отношеніе Естественной Философіи къ нынѣшнему познанію природы и по-возможности, даже къ будущему.» Недавно вышла вторая книжка этихъ *Blätter*, гдѣ кратко, но мастерски изложена исторія и теперешнее состояніе Геологіи, которую авторъ принимаетъ за основу своихъ собраній, въ противоположность прежнимъ «безначальнымъ космогоніямъ.» Въ умозрительной части все тѣ же толки о всежизни, всецѣломъ организмѣ и постепенномъ разви-

гя организмовъ, которые переживаются тридцать пять лѣтъ безъ малѣйшей пользы для науки. И, какъ вы думаете, къ чему привели ученаго и остроумнаго Стеффенса его продолжительныя умозрѣнія? Къ тому, что жизнь есть фактъ. Слава Богу! А между-тѣмъ Нѣмецкіе журналы говорятъ объ этомъ, какъ бы о какомъ-нибудь новомъ открытіи, требующемъ подтвержденія: *das Leben sei That-sache*, прожигаясь они пополамъ со страхомъ.

Профессоръ А. Г. Петискусъ издалъ очень хорошее обозрѣніе главнѣйшихъ историческихъ событій древняго и новаго міра, отличающееся особенно тѣмъ, что древность, какъ основаніе, изложена авторомъ гораздо подробнѣе новаго времени. Однако, если бъ всѣ историки вздумали держаться этого порядка, потомки наши читали бы одни перечни современныхъ намъ происшествій? Изложеніе этой книги такъ ясно и привлекательно, какъ только допускаетъ перо Германскаго профессора.

— Еще одинъ покойникъ-сочинитель въ Нѣмецкой Словесности! Сочиненія пишущихъ и печатающихъ покойниковъ въ такомъ ходу, что теперь, приступая къ сочиненію чего-нибудь, надобно сперва умереть. Но къ счастью, не всѣ покойники такъ остроумны и затѣйливы, какъ его сіятельство князь Пюклеръ-Мускау. Мертвецъ изъ разночищевъ, который издалъ недавно два тома своихъ записокъ, можетъ рассказывать о своихъ походахъ и толковать о политикѣ сколько ему угодно: изъ всѣхъ живыхъ на свѣтѣ одинъ только его читатели будутъ отъ того въ накладѣ; да развѣ еще Лейпцигскій книгопродавецъ Гартманъ, который издаетъ эти произведенія.

— Любители Нѣмецкихъ повѣстей съ удовольствіемъ прочтутъ два тома сочиненій Адольфа фонъ-Чабушинга, вышедшихъ въ Вѣнѣ и живо напоминающихъ рассказы фонъ-Веста, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень нравились въ Германіи. У Фонъ-Веста болѣе юмора, у Чабушинга болѣе сентиментальности, и подчасъ даже слишкомъ много. Несмотря на то, повѣсть его, *Der Bücherwurm*, можетъ назваться истинно прекрасною.

— Лудвигъ Бехштейнъ, о которомъ неразъ упоминали мы въ этомъ журналѣ, написалъ драму, *Des Hasses und der Liebe*

Kämpfe, которой предметъ заимствованъ имъ изъ собственной повѣсти, а первоначально изъ исторіи XIV вѣка. Любовь двухъ молодыхъ христіанъ къ двумъ жидовкамъ представляемъ здѣсь въ бореніи съ ненавистью и предразсудками тѣхъ временъ, еще усиленными появленіемъ черной смерти. Нѣтъ ничего мудренаго, если въ такую смутную пору всѣ почти дѣйствующія лица погибаютъ, кто отъ кинжала, кто отъ меча, кто на костръ, такъ, что моровой язвъ и поживитъ-ся нечѣмъ. Допустите только посылку, слѣдствія вытекаютъ сами собою.

— Кромѣ того, драматическая словесность обогатилась пьесами—Цедлица, Kerker und Krone, и Ухрица Rosamunde, нѣсколькими произведеніями Раупаха, Граббе и наконецъ еще парюу Фаустовъ: одинъ принадлежитъ Николаю Ленау, другой Браунталю.

— Г. Симрокъ, извѣстный нѣсколькими удачными стихотвореніями, выдалъ Германское поэтическое преданіе, *Wieland der Schmidt*, въ двадцати четырехъ пѣсняхъ.

— Франкфуртскій литературный журналъ, «Фениксъ», представляющій въ Германіи идеи юной Нѣмецкой школы, которая возстаетъ противъ художественныхъ теорій Гёте, предлагаетъ Нѣмецкимъ поэтамъ съѣзжаться ежегодно въ тотъ или другой городъ Союза, по примѣру естественсмыслителей. Слѣдственно, будетъ и конгрессъ поэтовъ. Такъ какъ политическія мнѣнія юной школы довольно извѣстны Германскому сейму, то врядъ ли можно полагать, чтобъ эти «невишние» съезды были дозволены ея послѣдователямъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Какой вы хотите искать Словесности во Франціи? Во Франціи, въ землѣ преступленийъ, уголовныхъ процессовъ, заговоровъ, приговоровъ, адскихъ машинъ, траура, отравленій, насилій? Можетъ ли тутъ быть Словесность? Загляните въ списокъ новыхъ книгъ, и вы увидите. Никогда еще Франція не представляла такой грустной картины изложенія общественной нравственности какъ въ два послѣдніе мѣсяца. Процессъ Ларонсіеровъ, процессъ Банкалевъ, процессъ республиканцевъ, улицы уславлены трупами маршаловъ и генераловъ, перъ Франціи тра-

вленный въ собственномъ домѣ, вмѣстѣ съ женою, сыномъ и дочерью!... И всего этого въ значительной части соумышленица — новая словесность, которая развратила умы, приучила все презирать, все попрапа, все закидала грязью, — честь, величіе, добродѣтель, чувство долга и даже самыя приличія! Помнится, были такіе, которые возставали противъ Библіотеки для Чтенія, когда она показывала, къ чему ведетъ подобная литература. Теперь и сама Франція спохватилась. И тѣ, которые прежде производили эту литературу, теперь говорятъ, что дурно дѣлали. Спасибо имъ и за это: лучше поздно чѣмъ никогда.

Между-тѣмъ въ Парижѣ, по обыкновенію, уже забыли обо всемъ этомъ, и новый балетъ, *L'Île de pirates*, занимаетъ публику болѣе чѣмъ Фіески. Балетъ великолѣпнѣе. Переодѣтый пиратъ сватается на одной Италіанской графинѣ. Она ему отказываетъ. Онъ ее похищаетъ и увозитъ въ море. Пиръ и балъ пиратовъ на палубѣ плавающего корабля: эта декорачія, говорятъ, чудесна! Пираты выходятъ на берегъ пустаго острова, гдѣ ихъ убѣжище и гаремъ. Тутъ другой пиръ въ гаремѣ, — борьбы, пляски. Между-тѣмъ военный корабль дѣлаетъ нападеніе на островъ, завязывается битва въ гавани, флотъ пиратовъ горитъ, пламень, вода, суматоха, отчаяніе, радость. Картина всеобщая!

Вотъ, чѣмъ теперь всѣ заняты въ Парижѣ! Счастливыя народъ!

— Романъ Г. Менара, *Outremer*, о которомъ говорили въ журналахъ какъ произведеніи примѣчательнаго таланта, есть мерзкое подражаніе школь и манеръ Виктора Гюго, — наборъ ужасовъ, преступленій, невѣроятностей и неблагопристойностей. Это — одно изъ послѣднихъ гнилыхъ яблокъ гнилой яблони «юной словесности. Сцена происходитъ на островъ Мартиникъ. Предметъ — борьба цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ.

— Новое сочиненіе Г. Фредерика Сулиѣ, *Le conseiller d'état*, несравненно приличнѣе: оно можетъ быть читано, и даже способно растрогать читателя, несмотря на свой духъ, свою школу и нѣкоторыя безвкусныя подробности. Это исторія одной молодой женщины, доброй, чувствительной, благородной, довольно гордой, у которой есть мужъ,

нотаріусъ,—любимый типъ Г-на Суліе,—однѣ изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ нотаріусовъ. Эта добрая чувствительная, благородная женщина, открываетъ, что любезнѣйшій изъ нотаріусовъ сдѣлалъ ей — невѣрность. Она, какъ женщина гордая, поклялась никогда не прощать преступнаго нотаріуса, и сдѣлала его..... Кстати: Парижане въ восхищеніи отъ роговой музыки; общество какихъ-то путешствующихъ музыкантовъ, которые выдаютъ себя за Русскихъ, давало тамъ недавно концертъ на рогахъ разной величины, и эта тихая, заунывная мелодія очаровала всѣхъ слушателей. Возвратимся къ роману Г. Фредерика Суліе: главнымъ его перипетіямъ состоятъ въ препятствіяхъ, которыя гордость этой доброй и благородной женщины поставляютъ промежду мужа за его страшный проступокъ и примиренію супруговъ. Въ этой части повѣсти есть нѣсколько сценъ хорошо нарисованныхъ и выполненныхъ съ примѣчательною силою. Впрочемъ авторъ уже извѣстенъ тѣмъ, что безъ дюжины прелюбодѣяній, убійствъ и магнитическихъ продѣлокъ, онъ не вьдасъ въ свѣтъ романа, хоть бы даже написалъ его хорошими слогами, чего онъ никогда не дѣлаетъ.

— Г. Бальзакъ, придворный романистъ и сказочникъ всего прекраснаго пола, отличился! По долгу присяги, советуетъ дамамъ не читать его *La Fille aux yeux d'or*. Тѣ изъ любовныхъ читательницъ, которыя насъ не послушаютъ, будутъ расказываться. Въ этой честной компаніи, мы не можемъ сказать ничего болѣе о его послѣднемъ твореніи,—*La Fille aux yeux d'or*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

MÉMOIRES, tirés des papiers d'un homme d'état sur la politique secrète des cabinets Dans les guerres de la révolution. Tome X.

ROME au Siècle d'Auguste, ou Voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste et pendant une partie du règne de Tibère, par M. Desobry. 4 vol.

histoire de Paris depuis 1821 jusqu'à nos jours, par M. Delmarc. 4 vol. Par livraisons.

CONSIDÉRATIONS sur la nature de l'homme en soi-même et dans ses rapports avec l'ordre social, par M. le comte de Redern. 2 vol.

NOTES d'un voyage dans le midi de la France, par M. Prosper Mérimée. 1 vol.

DICTIONNAIRE national, philosophique et pittoresque, contenant tous les mots de la langue française, leur étymologie, et tout ce qui se rattache à l'histoire, l'industrie, le commerce, etc., de la France, par une société de gens de lettres. 6 à 8 vol., avec 1200 dessins. Par souscription.

DICTIONNAIRE usuel de Chirurgie et de Médecine vétérinaires, manuel pratique, rédigé par une société de médecins vétérinaires. 2 vol., par souscription.

ETUDES SUR DUCIS, ouvrage couronné par l'Académie, par M. Onésime Leroy. 1 vol.

SOUVENIRS D'ANTONY, par M. Alexandre Dumas. 1 vol.

JULIA, ou l'Amour à Naples, roman, par M. Quỳ d'Agde. 2 vol.

MÉDIANOCES, roman, par Jacob, bibliophile. 2 vol.

LE MARI de la Reine, roman, par M. E. Guéin, auteur de la Fleuriste, d'Une Actrice. 2 vol.

SOIRÉES d'une grisette, par Maximilien Perrin. 2 vol.

GEORGE, ou Un entre mille, roman, par M. Théodore Muret. 2 vol.

LA FILLE aux yeux d'or, par M. de Balzac. 1 vol.

Английскія.

A HISTORY of Greece. By the Rev. C. Thirlwall. Vol I. Lardner's cyclopaedia No 68.

AN HISTORICAL Sketch of the origin of English prose literature, and of its progress till the reign of James I. Ry William Gray. 1 vol.

MEMOIRS of the life of the Right. Hon. Sir James Mackintosh. Edited by his son, R. J. Mackintosh, Esq. 2 vol.

NOBLE deeds of women. 1 vol.

VOYAGE of the U. S. frigate Potomac, under the command of commodore John Downes. By J. N. Reynolds. 4 vol.

A TWELVEMONTH'S residence in the West Indies. By R. R. Madden. 2 vols.

WANDERINGS and adventures in the interior of Southern Africa. By Andrew Steedman. 2 vols.

ROUGH LEAVES from a Journal kept in Spain and Portugal, from 1832 to 1834, by Lieut. Col. Badcock. 1 vol.

A STEAM voyage down the Danube; with sketches of Hungary, Wallachia, Servia, and Turkey, etc. By M. J. Quin. 1 vol.

A SUMMER ramble in Syria, with a Tartar trip from Aleppo to Stamboul. By the Rev. Vere Monro. 2 vols.

- REPORT** of the fourth meeting of the British association for the advancement of Science, held at Edinburgh 1834. 1 vol.
- OUTLINES** of Botany. By *Gilbert T. Burnett*, professor of Botany in King's College. 2 vols.
- PLANTAGENET**. A novel. 3 vols.
- VILLIERS**. A novel. 3 vols.
- ERNEST CAMPBELL**. A novel. 3 vols.
- MEPHISTOPHELES** in England; or, the Confessions of a prime minister 3 vols.
- TALES** of the Ramad'han. By *J. A. H. John*. 3 vols.
- THE RURAL MUSE**. Poems by *John Clare*. 1 vol.
- THE FUDGES** in England; being a sequel to the Fudge family in Paris. By *Thomas Brown*. 1 vol.
- SPECIMENS** of English dramatic poets. By *Charles Lamb*. 2 vols. A new edition.
- SONNETS**. By the Rev. *C. Strong*. 1 vols.
- THE STORY** of Justin Martyr, and other poems. By the Rev. *R. C. Trench*. 1 vol.

Нѣмецкія.

- DIE HAUPTBEGEBENHEITEN** der Vorzeit und Mitwelt. Von *A. H. Pe-tiscus*, Professor. 1 Bd. Berlin.
- DIE ALLGEMEINE** Geschichte. Ein Lehrbuch für Jeden, welcher die Wissenschaft in ihrer Allgemeinheit und in ihren Haupttheilen kennen lernen will. Von Dr. *Joh. H. G. Heusinger*, Professor. 4 Abthl. Dresden.
- DIE SÄCHSISCHE** Revolution, oder Dresden und Leipzig in den Jahren 1830 und 1831. Herausg. von *F. Stolle*. 1 Bd. Leipzig.
- DR. C. A. W. BERENDS** Vorlesungen über practische Arzneiwissenschaft. Nach des Verfasser's Tode zuerst herausg. von *Karl Sundelin*. 2 Auflage, neu durchgesehen und berichtigt von Dr. *J. C. Albers*. 1 Bd. Berlin.
- DIE GEBURTSKUNDE**, mit Einschluss der wichtigsten Krankheiten der Schwangeren, der Wöchnerinnen und der neugebornen Kinder, für Lernende und Examinanden, von *Ludw. S. Weiss*. 4 Bd. Berlin.
- CHIRURGISCHE** Kupfertafeln. Herausgeg. von Dr. *Rob. Froriep*. 65 Hest. Weimar.
- LEHRBUCH** der Akiurgie. Bearbeitet von Dr. *Ernst Blasius*. 4 Bd. Halle.
- ENUMERATIO** plantarum omnium hucusque cogitarum, secundum familias naturales disposita, auctore *Car. Sigism. Kunth*. Supplementum Tomi I. Bd. Tubingae.
- POLEMISCHE** Blätter zur Beförderung der speculativen Physik, herausg. Von *Heinrich Steffens*. 2. Hest. Zur Geologie. Breslau.

- BAERBUCH** für den Berg- und Hüttenmann auf das Jahr 1835. Herausg. bei der kön. Berg-Academie zu Freiberg. 4 Bd. Freiberg.
- DIE ZUCHT und Pflege** der veredelten Schafe, von Dr. F. A. Schrader. 1 Bd. Meissen.
- THEORIE** zur allgemeinen Auflösung der bestimmten algebraischen Gleichungen, nebst kritischanalytischer Untersuchung der bis jetzt bekannten, und Aufstellung neuer, wissenschaftlich begründeter Auflösungen. Von Fr. Graf *Hochenegg*. 1 Bd. Wien.
- FRAKTISCHE GEOMETRIE**, von Dr. H. *Umpfenbach*. 2 Theile Frankfurt a. M.
- DIE GRUNDLEHREN** der Größenkunst. Eine ganz neue Bearbeitung der Elemente der Mathematik, von Dr. J. H. G. *Heusinger*. 1 Bd. Leipzig.
- P. HELL'S REISE** nach Wardoë bei Lappland und seine Beobachtung des Venus-Durchganges im Jahre 1769. Aus den aufgefundenen Tagebüchern geschöpft und mit Erläuterungen begleitet von *Karl Ludw. Lit-trow*. 1 Bd. Wein.
-
- DAS NOVELLENBUCH** oder Hundert Novellen nach alten italienischen, spanischen, französischen, lateinischen, englischen und deutschen bearbeitet von *Ed. v. Bülow*. Mit einem Vorworte von L. Tieck. 2 Theile Leipzig.
- MEMOIREN** eines Verstorbenen. 2 Bde. Leipzig.
- NOVELLEN** von *Adolph Ritter von Tschabuschnigg*. 2 Theile. Wien.
- DIE VERFÜHRERIN** und Robespierre. Ein Nachtstück aus den blutigsten Tagen der franz. Revolution. Von *Cölestin Horst*. 2 Theile. Neubaldensleben.
- NACHLESE** zu Fr. von Schiller's sämtlichen Werken Beorgt von Dr. G. *Döring*. 1 Bd. Zeitz.
- DES HASSES** und der Liebe Kämpfe. Drama in fünf Aufzügen von *Lud-wig Bechstein*. 1 Bd. Hildburghausen.
- DER COLIBRI** und die Ruine. Zwei Erzählungen von *Henriette Hanke*, geb *Arndt*. 1 Bd. Liegnitz.
-

М О Д Ы.

Парижъ. Августъ.

— Мы ничего не скажемъ о шляпкахъ, потому что въ Парижъ еще господствуютъ крепы, басты и соломы, а въ Петербургъ они уже замѣняются на всѣхъ головахъ атласомъ и бархатомъ. Можно однако жъ упомянуть, что принцессы, дочери короля Французскаго, на последнемъ цер-

Т. XII. — Стл. VII. 4/8

ковномъ торжествѣ послучаю чудеснаго сокращенія жизни ихъ родителя и братьевъ, были въ шляпкахъ изъ бѣлаго пу-де-суа, съ бѣлыми мелкими цвѣтами и съ полями весьма открытыми.

— Въ Парижъ весь Августъ было очень жарко, и дамскіе наряды еще отличаются тамъ лѣтнею и воздушною легкостью. Журналы говорятъ только объ одномъ прелестномъ платьѣ, которое можетъ быть замѣтательно для нашихъ читательницъ. То было платье изъ пу-де-суа съ вытканными узорами, сѣрыми и розовыми, украшенное золотомъ въ видѣ фестоновъ, который былъ сдѣланъ изъ гладкой шелковой матеріи, накрапленной теми же красками. Здѣсь должно замѣтить одно важное обстоятельство: юбка была нѣсколько уже обыкновеннаго. Далѣе, — рукава съ двумя буфами, корсажъ крестомъ, эшарпъ изъ чернаго круазэ, обшитый великолѣпными черными кружевами, довершали этотъ оригинальный костюмъ самымъ изящнымъ образомъ.

— Перчатки бывали съ легкимъ розовымъ отливомъ еще удерживаются въ своей силѣ, хотя Шведскія перчатки оспариваютъ у нихъ самыя нижшия и лучшія ручки.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Новый ископаемый человекъ.* По смерти великихъ людей, во Франціи стали воскресать люди большіе. Вся она, какъ извѣстно, ископаемы. Недавно одинъ такой человекъ, огромной величины, явился въ Академію Наукъ съ намѣреніемъ опрокинуть всю теорію великаго Кювьё. Теперь нашли другаго въ Лонъ-ле-Сольпіё (Lons-le-Saulnier), въ одной пещерѣ, и голову немедленно отправили въ Парижъ, отличать въ собраніи рѣдкостей подлѣ мастодонтовъ, палеотеровъ, херопотамовъ, телеосомовъ, птеродактилей и прочихъ допотопниковъ.

Не многіе подозреваютъ всю важность открытія настоящаго ископаемаго человека: эта глыба, эта мумія, окамененная вѣками, подняла бы снова обширный вопросъ, измѣла бы прекраснѣйшія геологическія системы и испровергла бы всю эту чудесную исторію земнаго шара, написанную съ такими издержками на пластахъ его оболочки.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы нашли остатки человека между костями исполинскихъ животныхъ древняго міра, сохранившимися въ нижнихъ слояхъ нашей планеты, надлежало бы допустить, что человекъ жилъ въ одно время съ этими огромными млекопитающими, съ этими страшными пресмыкающимися, которыя, казалось доселѣ, были въ извѣстную эпоху единственными обитателями земнаго шара. Эти остовы ископаемыхъ людей верно были бы тоже великанами; потому что, какъ представить себѣ людей, подобныхъ намъ, людей въ два аршина съ четвертью, среди поколѣнія иппопотамовъ, медвѣдей, лошадей, оленей, быковъ, страшнаго роста, и въ то время, когда должность муравы исправлялъ на землѣ папоротникъ въ двѣ и въ три сажени вышиною? Вообразите, что все рассказы объ исполинскихъ племенахъ упадутъ въ разрядъ истинныхъ бытописаній съ открытіемъ одного ископаемаго человека, одного человека превратившагося въ камень, одного человека съ костями безъ малѣйшей частицы студени, и съ тѣломъ, которымъ можно высѣкать огонь!

Но до сихъ поръ все притязанія ископаемыхъ людей отвергались безъ всякой пощады. Костякъ, найденный въ-

сколько времени тому назадъ, оказался простымъ камнемъ, которому странная игра природы сообщила человѣчскій обликъ, а нынѣшній дѣйствительно принадлежалъ къ нашей породѣ; но онъ плутъ; онъ не древесъ и совсѣмъ не окаменѣлъ, а только покрытъ известчатымъ слипкомъ, который придаетъ ему видъ настоящей окаменѣлости. По-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе Г. Дюмерила, который разсматривалъ его голову. Теорія Кювье остается въ цѣлости, пока мѣсть какой-нибудь другой ископаемый, посчастливъе своихъ предѣстниковъ, успѣетъ жить ее со свѣту.

БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СПОСНЪШЕСТВОВАНІЯ НАУКАМЪ. Это общество составилось пять лѣтъ тому назадъ въ подражаніе ученымъ конгрессамъ Германіи. Нынѣшній годъ оно собралось въ Дублинъ, гдѣ происходило пятое его засѣданіе. Прошлагоднее было въ Эдинбургъ, и мы сообщали въ свое время нѣкоторыя изъ его разсужденій. Должно отдать справедливость Британскимъ ученымъ: ихъ собранія представляютъ гораздо болѣе занимательности, чѣмъ Германскія и Французскія. Важные для наукъ вопросы разбираются у нихъ въ обширѣйшемъ видѣ, и общество располагаетъ болѣе большими средствами, которыя позволяютъ ему обхватывать весь ученый горизонтъ Европы и увлекать къ содѣйствию себя другіе народы. Общество не ограничивается одними разсужденіями: оно назначаетъ преміи отъ 2,500 до 15,000 рублей за рѣшеніе разныхъ задачъ, и даетъ денежныя пособія естествоиспытателямъ для совершенія начатыхъ ими наблюденій или опытовъ. Въ нынѣшнемъ году оно опредѣлило около тридцати такихъ премій и пособій по разнымъ отраслямъ наукъ. Мы приведемъ теперь нѣсколько мѣстъ изъ разсужденій, читанныхъ членами общества.

1. *Морскіе приливы.* Извѣстный профессоръ Вевель (Well), который давно уже занимается этимъ предметомъ, представилъ отчетъ о своихъ наблюденіяхъ съ послѣдняго засѣданія общества. Въ заключеніе онъ замѣтилъ: «Когда вниманіе ученаго свѣта обратилось на морскіе приливы, съ самаго начала приступлено было къ наблюденіямъ, въ Англіи — подъ руководствомъ Королевскаго Общества, во Франціи — подъ надзоромъ Парижской Академіи Наукъ.

Наблюденія эти продолжались нѣсколько времени, пока наблюдателя, или почитая задачу слишкомъ трудною, или соскучившись постоянствомъ работы, почти все покинула свое предпріятіе, не доставивъ нужныхъ фактовъ для вывода какого-нибудь окончательнаго заключенія. Въ приливахъ изслѣдывались два предмета: во-первыхъ, законы отношенія ихъ ко времени, во-вторыхъ — къ пространству. Дѣланы были попытки опредѣлить быстроту ихъ движенія, но досель все напрасно. Въ іюнѣ 1834 года предписано было береговой стражѣ производить наблюденія по берегамъ Великобританіи и Ирландіи, и такимъ образомъ получены вѣдомости съ пятидесяти различныхъ станцій, но сводъ ихъ еще не конченъ. Между-тѣмъ онѣ бросаютъ большой свѣтъ на обстоятельства встрѣчи двухъ приливовъ, — одного, идущаго вверхъ по Британскому Каналу, — другаго, (кажется) изъ Сѣвернаго Океана. Вотъ предметъ, равно занимательный для ученаго и для мореплавателя. Въ іюнѣ 1835 года снова предписано было продолжать наблюденія на всемъ пространствѣ Британскаго берега и испрошено содѣйствіе иностранныхъ державъ по тому же предмету: Швеція, Данія, Россія, Испанія, Франція, Голландія и Соединенные Штаты, все изъявили свою готовность. Есть надежда, что къ будущему собранію общества эти совокупныя изслѣдованія доставятъ какіе-нибудь важные результаты. Правда, что причина морскихъ приливовъ дознана въ притягательной силѣ луны, но въ этой дѣйстви силы удостовѣрились наблюденіемъ не самыхъ приливовъ, а совсѣмъ другихъ и притомъ весьма отдаленныхъ явленій, которыхъ законъ примененъ потомъ къ объясненію феноменовъ прилива. Мы знаемъ вообще, что эта сила производитъ приливы, но мы еще не преслѣдовали, во всѣхъ изгибахъ механической винсловности, способа, какимъ она производитъ все ихъ явленія. Величайшій математикъ своего времени, Лапласъ, не одолѣлъ этихъ многосложныхъ вычисленій. Г. Россель, одинъ изъ членовъ Британскаго Общества, успѣшно изслѣдовалъ законы распространенія волнъ и показалъ отношеніе между быстротою, съ какою онѣ движутся, и глубиною воды на какомъ бы то ни было разстояніи, хотя бы на протяженіи всего Атлантическаго Океана. Теперь, если бѣ можно было

*

узнать глубину Атлантики, мы опредѣлили бы и быстроту теченія. Но нельзя ли обратить вопросъ и узнать глубину по теченію? Здѣсь является новый примѣръ тѣсной связи наукъ между собою, и Геологія была бы обязана этимъ важнымъ свидѣніемъ физико-математическому изслѣдованію. Когда, черезъ двѣсти лѣтъ, Британское Общество соберется, быть-можетъ, въ этой же самой комнатѣ, членъ, который будетъ занимать теперешнее мое мѣсто, вѣрно опредѣлитъ тогда геологу быстроту морскаго теченія, весьма различную, можетъ-быть, отъ нынѣшней, и вычислитъ ему глубины океана. Геологъ узнаетъ такимъ образомъ въ совершенной точности тайны пучинъ, никогда недоступныхъ для лота и, вычисливъ глубину океана за двѣсти лѣтъ назадъ, опредѣлитъ геологическія перемѣны, происшедшія въ этихъ бездонныхъ водоемахъ съ нашего времени.»

2. *Теорія теплотвора.* Тотъ же ученый читалъ отчетъ о нынѣшнемъ состояніи познаній нашихъ относительно теплотворнаго начала. Онъ началъ съ Ньютона, какъ перваго ученаго испытателя по этой части, и изложилъ исторію выведеннаго имъ закона, что когда температура тѣла превышаетъ температуру окружающаго посредства (medium), то, при арифметической прогрессивности времени охлажденія, пониженіе температуры происходитъ въ геометрической прогрессіи. Вскорѣ открыли невѣрность этого закона, который не давалъ точныхъ результатовъ при весьма высокой температурѣ, гдѣ охлажденіе происходило съ болѣеюю быстрою. Вслѣдъ за тѣмъ найдено, что холодъ лучистъ подобно теплотѣ. Труды Дюлона и Пти, Фуриѣ, Пуассона и Кошѣ увѣнчались новыми открытіями. Лапласъ и Біо замѣтили прежде всѣхъ, что охлажденіе тѣла зависитъ отъ ихъ проводимости, когда теплота проникаетъ внутреннія ихъ части, и отъ лучистой силы, когда тепло падаетъ на поверхность. Трудность опредѣленія этой двойной причины рѣшена была изслѣдованіями Фуриѣ, который нашелъ, что количество тепла, проводимаго такимъ образомъ отъ частицы къ частицѣмъ внутри тѣла, измѣняется въ прямомъ содержаніи къ разности ихъ температуръ и въ обратномъ — къ взаимному ихъ разстоянію. Онъ же показалъ, что лучистая сила на поверхности тѣла соразмѣрна синусу

угла, подъ которымъ лучъ достигаетъ этой поверхности. Послѣ того профессоръ Вевель сдѣлалъ очень любопытное сравненіе между выводами наблюдений и вычислений и показалъ согласіе ихъ между собою. Наконецъ онъ говорилъ о приложеніи теоріи къ фактамъ, имѣющимъ практическую занимательность. Изъ множества любопытныхъ разсужденій его по этой части мы предложимъ только самыя общепонятныя. Солнце ежедневно проливаетъ на землю извѣстное количество теплоты, которая, вслѣдствіе проводимости частицъ нашей планеты, проникаетъ въ ея внутренность и на нѣкоторой глубинѣ смѣняется количествомъ теплоты предъидущаго года, которая еще не разсѣялась; подъ этою лежить слой теплоты, годомъ ея старше, и такъ далѣе, пока наконецъ на извѣстномъ разстояніи отъ поверхности земли солнечная теплота перестаетъ быть чувствительна. Онъ показалъ, что среднее годовое количество солнечнаго тепла, упадающаго на землю, достаточно для растопленія на ней ледяной коры въ двадцать аршинъ толщиною. Перейдя къ центральной теплотѣ земнаго шара, онъ изложилъ опыты и наблюденья, посредствомъ которыхъ существованіе ея доведено до несомнѣнности и найдены законы ея распространенія. Количество внутренняго тепла, выходящее въ цѣлыя сто лѣтъ изъ поверхности земли на всею ея пространство, достаточно для растопленія на ней ледяной оболочки слишкомъ въ четыре аршина. Г. Вевель говорилъ потомъ о всемірной теплотѣ; показалъ вѣроятность неравенства температуры въ небесныхъ пространствахъ, и выводилъ изъ этого заключеніе, что все тѣло солнечной системы стремятся заимствовать температуру той части пространства, въ которой они находятся, и что теплота планетныхъ пространствъ не выше 8 градусовъ Реомюра надъ точкою замерзанія.

5. *Законъ и причина призматическаго разсѣянія.* Профессоръ Поуэль (Powell) читалъ разсужденіе о феноменахъ призматическаго разсѣянія, и въ особенности о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ принималъ онъ участіе, для открытія закона и причины этихъ явленій. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній о высокомъ достоинствѣ ученыхъ изслѣдованій, профессоръ обратился къ своему предмету въ особенности и описалъ феномены призматическаго

призрака, изслѣдованные первоначально Ньютономъ, который наблюдалъ отношеніе между цвѣтомъ и преломляемостью. Докторъ Воластонъ въ 1802 году и Фраунгоферъ въ 1819 замѣтили, что когда призракъ образуется паденіемъ весьма тонкаго луча на призму, онъ не только бываетъ разноцвѣтенъ, но и цвѣтныя его пространства означаются разными темными чертами или полосами, пересѣкающими призракъ во всю его длину параллельно одна къ другой и къ первоначальной линіи свѣта, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ темнѣе, опредѣленнѣе и явственнѣе нежели другія. Не входя въ изслѣдованіе свойства этихъ чертъ, авторъ приступилъ къ употребленію ихъ въ видѣ знаковъ опредѣленныхъ частей призрака, что чрезвычайно важно при изысканіи законовъ этого рода явленій. Семь главныхъ чертъ или полосъ означены были Фраунгоферомъ названіями буквъ В, С, D, и такъ далѣе, и называются теперь опредѣленными или главными лучами. Посредствомъ ихъ можно получить точныя числовыя измѣренія уклоненій разныхъ опредѣленныхъ частей призрака, то есть, лучей опредѣленной преломляемости. Фраунгоферъ и употребилъ ихъ къ этому. Помощію извѣстнаго оптикамъ вычисленія, изъ наблюденныхъ такимъ образомъ уклоненій выводится указатель преломленія для каждаго опредѣленнаго луча и для каждаго изъ различныхъ веществъ, употребляемыхъ на призмы. Фраунгоферъ опредѣлилъ съ чрезвычайной точностью эти уклоненія и указатели для десяти различныхъ веществъ, а именно, для четырехъ родовъ флинтъ-гласа, для трехъ кроуъ-гласа, для воды, для терпентиннаго масла и для поташнаго раствора. Такимъ образомъ получены существенныя элементы всякаго физическаго изслѣдованія, — численныя факты; но выведенный рядъ чиселъ не показывалъ прѣмьнаго соответствія ни съ какимъ арифметическимъ отношеніемъ.

Тому же отличному наблюдателю обязаны мы опредѣленіемъ другаго ряда чиселъ, отличающихъ каждый изъ семи главныхъ лучей, то есть, опредѣленіемъ величины тѣхъ малыхъ промежутковъ, которые, по теоріи волненія, составляютъ длину волнъ, и которые бываютъ различны, смотря по различію лучей. Ихъ дѣйствительное существованіе

есть фактъ, доказанный изъ опытовъ лучесмышеній, и совершенно независимый. Поэтому возникъ вопросъ, можно ли отыскать какое-нибудь отношеніе между этими числами и первымъ рядомъ?

Профессоръ Эри, нынѣ королевскій астрономъ, сообщилъ автору формулу, выведенную изъ отвлеченныхъ математическихъ изслѣдованій Г. Коши касательно теоріи волненій. Г. Поуэль подвергнулъ эту формулу дѣйствительному вычисленію и нашель весьма близкое соответствіе между числами, полученными посредствомъ теоретическаго начала, и тѣми, которыя Фрауэнгоферъ вывелъ изъ наблюденія. Такимъ образомъ сдѣлано важное открытіе, — математическій законъ, связывающій оба ряда чиселъ между собою.

Но это еще не все: формула выведена по теоріи волненій, которая, какъ досель полагали, объясняетъ почти всѣ оптическіе факты, кромѣ разсѣянія. Но съ помощью усовершенствованія Г. Коши она объяснитъ теперь и это: стало-быть, важнѣйшій доводъ противъ теоріи волненій устраненъ новымъ открытіемъ.

Однако жъ эти замѣчанія относятся только къ десяти веществамъ, изслѣдованнымъ Фрауэнгоферомъ. Примѣняется ли этотъ способъ такъ же хорошо и къ другимъ? Вотъ вопросъ, рѣшеніемъ котораго авторъ занимался съ большимъ стараніемъ, но заключенія его еще не созрѣли. Между тѣмъ онъ привелъ одно замѣчательное обстоятельство: изслѣдывая по способу Фрауэнгофера кассійное масло, одаренное сильною разсѣивающею способностью, онъ опредѣлилъ по-крайней-мѣрѣ приближенно указатели его преломительности для главныхъ лучей. Онъ сдѣлалъ, также приблизительно, нужныя вычисленія, и нашель, что даже и въ этомъ случаѣ законъ примѣняется съ значительною точностью.

4. *Дѣйствія холода на человеческое тѣло.* Въ отдѣленіи Анатоміи и Медицины, президентъ, докторъ Осборнъ, читалъ «Замѣчанія о дѣйствіяхъ холода на человеческое тѣло и о способѣ измѣрять охлажденіе». Особенную важность этого предмета доказываетъ онъ между-прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ пятидесяти семи человекъ, поль-

зусмыхъ въ одной Дублинской больницѣ, *тридцать четыре* явно оказались запемогшими отъ простуды.

По большому количеству воздуха, — около двадцати осьми кубическихъ футовъ въ часъ, — постоянно проводимаго дыханіемъ къ 50 градусамъ Реомюра, какова бы впрочемъ ни была его температура при вдыханіи, и по известнымъ опытамъ сиръ Б. Броди, произведеннымъ въ 1812 году, можно было заключать съ достовѣрностью, что дыханіе есть процессъ охлаждающій. Въ здоровомъ состояніи дѣйствіе атмосфернаго воздуха на дыхательныя поверхности весьма слабо; совсѣмъ другое дѣло, когда нервическая энергія ихъ разстроена, какъ то бываетъ въ хроническихъ воспаленіяхъ и нѣкоторыхъ лихорадкахъ, тогда воздухъ, проникая въ дыхательныя пузырьки при температурѣ, ниже обыкновенной, усиливаетъ онемѣлость волосковатой системы; они перестаютъ дѣйствовать на кровь, жизнь прекращается, и, по смерти, правыя полости сердца и вены оказываются наполненными кровью. Ученый наблюдатель разсматривалъ потомъ дѣйствія холода на слизистую перепонку желудка, которая хотя и менѣ другихъ поверхностей чувствительна къ переменамъ температуры, однако не исключена изъ общаго закона уменьшенія дѣятельности отъ продолжительнаго холода. Но важнѣйшія его дѣйствія обнаруживаются въ отношеніи къ кожѣ. Усилія человеческого рода сохранять одинаковую температуру, посредствомъ одежды, жилья и искусственной теплоты, служить достаточнымъ доказательствомъ необходимости такой температуры.

Несмотря на тщательность, съ какою определено состояніе атмосферы касательно ея теплоты, давленія и влажности, почти вовсе было забыто одно важное слѣдствіе ея различныхъ переменъ, именно, охлаждающая сила ея вразсужденія насъ самихъ. Для пополненія этого недостатка въ наблюденіи атмосферы, докторъ Осборнъ взялъ неоправленный спиртовый термометръ, тщательно раздѣленный отъ 90 до 80 градусовъ включительно, и разогрѣвъ пузырекъ до 90 градусовъ, подвергалъ его охлаждающему дѣйствию разныхъ состояній атмосферы: эти опыты привели его къ заключенію, что охлаждающая си-

да состоитъ въ обратномъ содержаніи ко времени, какое требовалось для пониженія спирта ртъ 90 до 80 градусовъ. Термометръ, примененный такимъ образомъ, называется онъ психрометромъ, или измѣрителемъ охлаждения. Въ примѣръ измѣненій охлаждаемости атмосферы, при одинаковой или почти одинаковой температурѣ, приводитъ онъ слѣдующія наблюденія: ночью, на открытомъ воздухѣ, при температурѣ 60 градусовъ Фаренгейта, она охлаждала спиртъ, отъ 90 до 80 градусовъ, въ 3 минуты, когда было совсѣмъ тихо, и въ 1 минуту 48 секундъ, при легкомъ вѣтеркѣ; при температурѣ 62 градусовъ, она охлаждала его въ 3 минуты 30 секундъ, когда было совсѣмъ тихо, и въ 1 минуту, волнуемая движеніемъ руки.

Сильнѣйшая охлаждаемость воды противъ воздуха, при одной и той же температурѣ, видна изъ того обстоятельства, что, при 70 градусахъ, термометръ охлаждался въ воздухѣ отъ 90 до 80 градусовъ въ 5 минутъ 40 секундъ; въ спокойной водѣ, при той же температурѣ, въ 24 секунды, а въ волнуемой водѣ—въ 15 секундъ. Многія важныя примененія психрометра указаны были ученымъ президентомъ; въ заключеніе онъ изъявилъ надежду, что кто-нибудь, досуживе его, займется изслѣдованіемъ этого предмета и конечно достигнетъ самыхъ важныхъ выводовъ относительно вліяній климата и даже относительно эпидемическихъ болѣзней.

5. *Новый способъ замѣнить пары въ машинахъ.* Г. Мекъ Голи (Mr Gauley) представилъ обществу модель машины, производящей движущую силу посредствомъ электромагнитнаго дѣйствія. Модель состояла изъ маятника, котораго нижнюю часть образовалъ магнитъ, обращенный полюсами къ концамъ двухъ мягко-жельзныхъ прутьевъ, согнутыхъ въ подкову и обернутыхъ проволокою такъ, чтобъ оконечности ея завитковъ погружались въ чашки со ртутью и такимъ образомъ полюсы простой гальванической батареи сообщались бы поочередно съ чашками въ одномъ порядкѣ, а тамъ порядокъ этотъ превращался особымъ механизмомъ натянутыхъ проволокъ, которыя качались на оси и, при каждомъ качкѣ, попеременно погружались концами то въ

одну пару чашекъ, то въ другую. Отъ этого, въ одно мгно-
веніе мягко-железныя подковы становились магнитомъ съ по-
люсами въ известномъ порядкѣ, и маятникъ притягивался
обонми этими полюсами, но въ слѣдующій мигъ полюсы
взмѣнялись, и маятникъ отталкивался, а между-тѣмъ противо-
положная подкова дѣлалась уже магнитомъ, готовымъ
притянуть его и оттолкнуть потомъ къ первой, которая
поступала съ нимъ точно такъ же, и такъ далѣе. Модель
дѣйствовала весьма вольно, ровно и правильно и казалась
способною къ очень продолжительному движенію. По сло-
вамъ Г. Мекъ Голи, цинковая пластинка ржавѣетъ такъ
медленно, что едва можно положить предѣлъ времени дѣй-
ствія этой машины. Лучшая кислота для подобнаго опыта
есть смѣсь изъ одной доли селитряной кислоты, двухъ до-
лей сврной и ста долей воды: снарядъ можно устроить та-
кимъ образомъ, чтобъ свѣжая кислота капала въ корытце
по мѣрѣ надобности. Изобрѣтатель говорилъ, что сравни-
тельное вычисленіе дешевизны этого способа противъ упо-
требленія паровъ дало бы первому важное преимущество
передъ послѣднимъ, потому что та часть силы, которая
нужна для приведенія въ дѣйствіе самой машины, можетъ
оставаться здѣсь совершенно внѣ расчета: снарядъ, измѣ-
нявшій полюсы въ модели, достаточенъ, по его мнѣнію, и
для машины, равносильной ста лошадямъ. При опытахъ
онъ дѣйствовалъ только однимъ изъ двухъ мягко-железныхъ
магнитовъ, который поднималъ не болѣе семифунтовой тя-
жести, и того было достаточно для перепоги тренія, кос-
ности и другихъ препятствій движенію въ разныхъ частяхъ
машины.

Эта модель принята была съ искренними и многократ-
ными знаками восторга, и многіе изъ присутствовавшихъ
изъявляли самыя лестныя надежды насчетъ практиче-
скаго ея достоинства: все, безъ исключенія, соглашалось въ
томъ, что это лучший изъ всѣхъ доселѣ придуманныхъ спо-
собовъ производить движеніе посредствомъ электро-магни-
тизма.

*6. Измѣреніе высотъ помощію обыкновеннаго термо-
метра.* Полковникъ Сайксъ (Sykes) описалъ простой снарядъ

посредствомъ котораго онъ давно уже измѣряетъ высоты обыкновеннымъ термометромъ, на основаніи того начала, — употребленнаго и прежде Воластономъ, — что температура кипѣнья понижается по мѣрѣ убыли атмосферическаго давленія, которому подвергнута его поверхность. Каждому, кто употребляетъ Воластоновъ снарядъ, должно быть извѣстно, что онъ очень дорогъ въ первоначальномъ устройствѣ и подлежитъ безпрестанной опасности повредиться отъ излишней тяжести его пузырька. Полковникъ Сайксъ имѣлъ случай открыть, что хорошій обыкновенный термометръ, съ довольно длинною трубкою, совершенно достаточенъ для всегдшняго практическаго употребленія. Его снарядъ простая оловяная банка или бритвенница, съ такимъ же цилиндромъ, который приходится вшору по ея горлышку, когда до половины спустишь его въ банку. Верхняя часть, или крышка, этого цилиндра снабжена продолговатымъ отверстіемъ для помѣщенія термометра и поддерживанія пузырька его въ водѣ, которую кипятятъ въ бритвенницѣ. По точкѣ кипѣнья, указываемаго термометромъ, легко, съ помощію таблицъ, опредѣлить какую угодно высоту. Г. Сайксъ представилъ обществу сравненіе высоты извѣстныхъ мѣстъ, найденной имъ посредствомъ его простаго снаряда, съ опредѣленною точными барометрическими способами: разность вообще ограничивалась немногими футами и ни въ какомъ случаѣ не имѣла практической важности.

ДѢВУШКА, СЪѢДЕННАЯ ГИВНОЮ ВО ФРАНЦІИ.
 Уже неразъ случались въ Европѣ несчастія отъ опасной промышленности дѣтязевъ безъ всякаго ремесла, которые развѣзжаютъ съ звѣринцами въ кавткахъ и живутъ на счетъ ненасытнаго любопытства толпы. По-настоящему, выставки хищныхъ звѣрей на показъ и даже ввозъ ихъ въ предѣлы государствъ должны бы быть воспрещены полиціями. Одинъ Англійскій путешественникъ помѣстилъ въ «Блаквудовомъ Магазинѣ» описаніе случая, котораго самъ онъ былъ очевидцемъ. «Я провѣзжалъ, говоритъ онъ, черезъ Лимузенъ. Эта прелестная провинція изобилуетъ произведеніями всякаго рода, отъ обыкновенной ржи до дикихъ яблокъ, которыя составляютъ для тамошнихъ поселянъ пред-

метъ весьма важный: они дѣлають изъ пиякъ сндръ, и, къ чести своей, пьютъ его. Но нигдѣ нельзя путешествовать даромъ. Стернъ говоритъ, что сентиментальный путешественникъ всегда и вездѣ находитъ пищу для своего сердца; такъ точно и искатель приключеній непременно встрѣчается со всеми чудесами того края, въ которомъ онъ разгуливаетъ. Въ одной деревнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лиможа, я засталъ всѣхъ жителей толпящимися въ улицахъ: это удивило меня, потому что уже было десять часовъ, а Французскіе мужики любятъ рано ложиться почивать. На вопросъ мой о причинѣ суматохи, мнѣ начали рассказывать такіе ужасы, которые случаются только въ землѣ Кафровъ: мнѣ кричали со всѣхъ сторонъ, что цѣлая стая львовъ, тигровъ, удавовъ, леопардовъ, идетъ на деревню, съ намѣреніемъ пожрать всѣхъ поселянъ. Въ улицахъ раздавался такой плачь и вой, какъ-будто къ селенію подступала непріятельская армія. Пещась о безопасности своей, моего слуги и моихъ лошадей, я вслѣски старался добиться правды: но что можно узнать среди крика, шума и клятвъ? Я вошелъ въ трактиръ, и приказалъ подать себѣ ужинъ, полагая, что буду ужинать въ послѣдній разъ. Между-тѣмъ, обрѣкши уже себя на съденіе львамъ и тиграмъ, я все еще хотѣлъ допытаться чего-нибудь правдоподобнаго отъ толстаго трактирщика, который, казалось, самъ собою разлагался химически при одной мысли, что незваные гости скоро будутъ лакомиться тучнымъ его тѣломъ. Отъ поселянъ всегда трудно узнать, въ чемъ дѣло, а въ настоящемъ случаѣ страхъ, объявшій толстяка, еще болѣе запуталъ ясность предмета. Несмотря на это, я наконецъ выведалъ, что чрезъ нихъ департаментъ шель караванъ дикихъ зверей, которыхъ цѣлую недѣлю показывали въ Лиможѣ; что при поворотѣ изъ лѣса онъ, по несчастію, былъ вмѣстѣ съ своей колесницею опрокинутъ въ канаву,—петли подвижнаго звѣринца отскочили, звери бросились въ растворенныя дверцы клетокъ, и всѣ разбѣжались по лѣсу. Лѣсъ деревни сдѣлался ихъ столицей. О происшествіи тотчасъ дано было знать отряду жандармовъ, но они не могли пособить бѣдѣ, потому что, какъ увѣрялъ трактирщикъ, умѣють только производить розыски по большимъ дорогамъ и слѣдствія

въ трактирахъ. Обратились къ форштмейстерской командѣ, но хищные звѣри не удостоили ея даже своего вниманія: послѣ трехъ или четырехъ-дневнаго похода, она возвратилась съ пустыми руками. Даже власть самаго префекта была недостаточна: львы и леопарды, несмотря на его предписанія и циркуляры, оставались спокойными владѣльцами лѣса. Въ этомъ бы еще не было большой бѣды, но происшествіе начало принимать опасное направленіе: вначалѣ была похищена одна овца; мало-по-малу овцы, козы, гуси, утки, словомъ, всякая живность стала исчезать по три и по четыре штуки въ ночь; хозяевамъ и хозяйкамъ грозило совершенное разореніе, и если это опустошеніе продлится еще недѣлю, хлѣба и курятники будутъ дочиста обобраны. Въ самой день моего прѣзда ужасъ поселянъ былъ доведенъ до высочайшей степени внезапнымъ похищеніемъ дочери мѣстнаго откупщика, слывшей первую красавицею селенія: она гуляла въ своемъ саду въ сумерки, — тутъ вдругъ вскрикнула, и съ той минуты пропала. Отецъ, какъ безумный, бѣгалъ во всѣ стороны, а три его сына, здоровые молодцы, изготовили свои старыя ружья, намѣреваясь сдѣлать отчаянное нападеніе на лѣсъ для стысканія останковъ сестры. Ихъ напутствовали вздохами, слезами, молитвами и нѣжными поцѣлуями. Они хранили молчаніе, но намѣреніе ихъ было, по-видимому, непоколебимо, и съ геройскою твердостью простились они съ удивленною и рыдающею толпою, которая ихъ окружала. Прочіе поселяне составили «цѣпь», въ полной увѣренности, что еще до разсвѣта сдѣлано будетъ нападеніе на нихъ въ лѣса, и что звѣри, отвѣдавъ со вкусомъ нѣжнаго тѣльца откупщицей дочки, примутся теперь за нихъ. Жирный трактирщикъ болѣе всѣхъ опасался за себя. Я присоединилъ къ поселянамъ, прислушиваясь къ ихъ рассказамъ, которые были нѣсколько въ родѣ Тысячи и одной ночи. Но сонъ, о которомъ Александръ Великій говоритъ, что онъ одинъ, послѣ ощущеній любви, напоминалъ ему объ его смертности, началъ и мнѣ напоминать, что я также не совсѣмъ принадлежу къ числу боговъ. Я оставилъ поселянъ на бивакахъ, а самъ отправился въ свою укромную комнатку. Но скорѣе пришлось вновь принять участіе въ общей тревогѣ. Подъ-

утро, около двухъ часовъ,—еще было темно,—я былъ разбуженъ страшнымъ лаемъ собакъ, ржаніемъ лошадей, звукомъ рожковъ, крикомъ мужчинъ, воплемъ женщинъ, плачемъ дѣтей. Я вскочилъ, и, признаюсь, одинъ шумъ семейства трактирщика, которое столпилось у моихъ дверей, могъ уже напугать мою храбрость. Нападеніе звѣрей только-что началось: оно было устремлено на скотный дворъ, прилегавшій къ моей квартирѣ. Со мной былъ ящикъ съ Англійскими пистолетами: они бросились хозяину въ глаза; по нимъ заключили, что я долженъ быть не трусливаго десятка, и единогласно избрали меня главнымъ комендантомъ и защитникомъ. Мужчины изъявляли готовность сражаться; женщины, тѣснясь ко мнѣ въ своихъ коротенькихъ вощкахъ, были несказанно милы. Я двинулся впередъ, рѣшась противъ воли разыграть роль военачальника. Ночь была холодновата для времени года, и я легонько вздрогнулъ, вышедъ вдругъ на воздухъ, наполненный влажными испареніями; къ счастью, движенія моего не замѣтили, и слава моя не подверглась двусмысленнымъ замѣчаніямъ. Пробѣжавшая по мнѣ дрожь тотчасъ миновала, и я смѣло принялъ начальство. Я началъ съ того, что выслалъ на скотный дворъ двухъ легавыхъ для рекогносцировки; но этотъ маневръ не удался. Собаки пошла неохотно, и скоро вернулись, вѣроятно устрешенныя. У одной изъ нихъ было разорвано ухо. Не носятъ ли и собаки на себѣ отпечатка національности? Раненая Французская собака всячески старалась обратить вниманіе на свою царапину; всѣ ея продѣлки были такъ схожи съ тѣмъ, что дѣлывали нерѣдко при мнѣ ея двуногіе соотечественники, подравшись на дуэли, что я громко расхохотался. Она сперва обратилась къ женщинамъ, выла, ползала у ихъ ногъ, лапами поглаживала свою рану; потомъ начала подходить къ каждой изъ нихъ, собиравъ похвалы, ласки и соболѣзнованія; и наконецъ, когда уже всѣ нѣжности прекраснаго пола истощились, она легла къ ногамъ мужчинъ, повидимому весьма довольная своею храбростью.

Мы знали навѣрное, что въ хлѣвъ забрался какой-то сильный врагъ, потому что скотина не переставала биться и отчаянно мычать: но кто именно, левъ или лео-

пардъ? удавъ или гіена? И не было ли ихъ нѣсколько вдругъ? Этого никто не могъ рѣшить. Наконецъ я приказалъ принести фонарей, и предложилъ итти на супостата. Но мое намѣреніе возбудило новый шумъ: Француженки кричали, что меня съѣсть cocodrilie, — такъ называли крокодила, который, по слухамъ, былъ также членомъ этого хищнаго общества; Французы говорили что меня недолжно пускать на явную смерть. Успокоивъ ихъ на свой счетъ, я приказалъ сыновьямъ какого-то rorgiétaige, помѣщика, двумъ виднымъ молодцамъ, стать съ фонарями и ружьями въ двухъ различныхъ мѣстахъ у входа въ хлѣвъ, между-тѣмъ какъ я буду осматривать внутренность строенія въ окно, находившееся въ нѣсколькихъ футахъ отъ земли. Всѣ дрожали со страху и горьки нетерпѣніемъ узнать, кого Богъ послалъ имъ въ гости. Я назначилъ мѣста двумъ моимъ сподвижникамъ, оставилъ на дворѣ сильный арьергардъ, готовый воспользоваться обстоятельствами, взобрался къ окну и заглянулъ въ него: оно было того же разбора какъ и петли подвижнаго звѣринца, потому что едва-едва держалось. Когда я перевѣсился, переплетъ вась разсыпался отъ моей тяжести, и я полетѣлъ стремглавъ. Къ счастью, я упалъ на кучу соломы, и къ счастью же, фонарь мой не погасъ и пистолетъ не выстрѣлилъ. Слѣдствіемъ моего паденія былъ ужасный, всеобщій крикъ, раздавшійся извнѣ. Тамъ навѣрное полагали, что я упалъ прямо въ пасть одному изъ чудовищъ, что я уже въ его желудкѣ. Вслѣдъ за крикомъ раздался выстрѣлъ, а за нимъ стонъ я увидѣлъ, что какой-то звѣрь величиною съ теленка, выскочилъ изъ одного стойла и рванулся прямо насупротивъ меня. Свѣтъ лежавшаго на землѣ фонаря указалъ мнѣ врага, и я выстрѣлилъ по немъ. Онъ сдѣлалъ еще прыжекъ, зарычалъ, бросился въ сторону и прижался къ одному изъ разтерзанныхъ имъ быковъ. Тогда я отворилъ дверь и объявилъ победу. Всѣ бросились ко мнѣ: то была гіена; ее накрыли мѣшкомъ, и такимъ образомъ овладѣли ею; она уже издыхала, но все еще была такъ свирѣпа, что признали необходимымъ умертвить ее, — что и было исполнено при громкихъ крикахъ толпы. Оказалось, что не я нанесъ первую рану; эта честь принадлежала одному изъ помѣщичьихъ сыновей, который,

во время паденія моего, увидѣлъ блестящіе глаза гіены; по рана, нанесенная мною, была смертельна. Пуля моя поразила животное подъ самымъ глазомъ и проникла до мозга. Насъ обоихъ превозносили до небесъ. На разсвѣтъ прибылъ хозяинъ звѣрища: онъ успокоилъ общее волненіе, сказавъ, что изъ всѣхъ звѣрей его была въ бѣгахъ только одна убитая нами гіена: прочіе,—львы, тигры, барсы, шакалы, удавы, попуган, находились у него въ вожделѣнномъ здраки. Но еще оставалась важная причина къ безпокойству. Куда дѣвалась безъ-вѣсти пропавшая красавица? Братья ея обыскали всю окрестность, и не нашли ни малѣйшаго слѣда. Увы, ее съела та же гіена! Грустно было смотрѣть на смущенную печаль ея родителей и братьевъ, которые, заламывъ руки, въ безмолвіи стояли надъ убитымъ звѣремъ, какъ надъ могилою, въ которой покоилось существо, дорогое ихъ сердцу. У меня покатались слезы. Между-тѣмъ какъ ея родные предавались отчаянію, въ селеніе въѣхала повозка, занрѣженная двумя лошадьми въ свадебномъ убранствѣ. Возница, сынъ одного мызника, былъ возлюбленный пожранной дѣвушки, а пожранная дѣвушка,—кто бы это подумалъ!—была его молодая супруга и красѣла, сидя въ повозкѣ.—Ба! да это наша Фаншета! раздалось со всѣхъ сторонъ.—Фаншета! Фаншета!!.....Ты жива?.....Тебя не съела гіена?.....Какъ же ты спаслась?—Очень простымъ образомъ: откупщикъ не хотѣлъ выдать ее за парня, котораго она любила; они воспользовались суматохой прошедшей ночи, и барышня позволила себя похитить, въ надеждѣ, что ея исчезновеніе будетъ приписано лютооти хищныхъ звѣрей, между-тѣмъ какъ они спокойно обвиняются въ преслѣдованій. На радости все было прощено, все забыто и этимъ завершилось происшествіе, взволновавшее цѣлый департаментъ. Ко мнѣ приступили съ просьбами остаться до вечера, чтобъ принять участіе въ свадебномъ пирѣ, и я остался; но не могъ согласиться на предложеніе пробыть у нихъ недѣлю, мѣсяцъ, цѣлый годъ,—если хочу. Откупщикъ, подчивая меня табакомъ, сказалъ съ важностью. «Сообразивъ одно съ другимъ, я напрасно печалился; мнѣ не пришло въ голову, что, когда Француженка хочетъ удержать за собою любовника, она въ силахъ сама проглотить гіену.»

Проведши самый пріятный день, на другое утро я распростился съ ними и ухалъ въ Лиможъ, вполне вознагражденный за мой подвигъ громкими благословеніями и слезами милыхъ лимузенковъ.»

АУДИЕНЦІЯ ПРУССКАГО ПОСЛАНИКА У КОРОЛЯ САНДВИЧЕВЫХЪ ОСТРОВОВЪ. Капитанъ Вендтъ, командиръ Прусскаго военно-коммерческаго корабля «Припцесса Луиза», въ прежнее путешествіе свое вокругъ свѣта, заходилъ къ этимъ островамъ и привезъ его величеству королю Прусскому нѣкоторые подарки отъ молодого нѣж короля, брата умершаго въ Лондонѣ Ріо - Рю и сына известнаго дикаря-преобразователя Тамеама. При вторичномъ отправленіи капитана Вендта въ подобное путешествіе, ему поручено было снова зайти къ Сандвичевымъ Островамъ и вручить царствующему королю письмо и подарки отъ его величества Фридриха Вильгельма.

Въ 1831 году «Припцесса Луиза» достигла пристани Гонноруру. Лишь-только успѣли положить якорь, многіе купцы, узнавъ, что новоприбывшіе были старые нѣж знакомцы, постыжились явиться на корабль. Вскорѣ посѣтилъ капитана губернаторъ острова Оагу, Куакинъ, известный подъ именемъ Джона Адамса. Капитанъ Вендтъ объявилъ ему, что король Прусскій прислалъ къ нимъ множество подарковъ для Сандвичеваго короля. Куакинъ отвѣчалъ на это въ нѣсколькихъ словахъ и скоро ухалъ. Экипажъ былъ очень удивленъ, что вмѣсто многочисленныхъ лодокъ съ туземцами, которыя въ прежнія времена тѣснились вокругъ новоприбывшихъ кораблей, появилась только одна съ двумя челоѣвками, и та едва рѣшилась приблизиться послѣ повторительныхъ приглашеній. Эти два челоѣвка предлагали Пруссакамъ кокосовые орѣхи и арбузы, и уже не довольствуясь нѣсколькими гвоздями или кусками желѣза, требовали за плоды очень высокихъ цѣнъ, и не хотѣли принимать ничего кромѣ Испанскихъ піастровъ. Капитанъ еще не зналъ о вліяніи Американскихъ миссіонеровъ, которые подъ видомъ наставленія новообращенныхъ въ обязанности Христіанской вѣры, угнетаютъ нынче эти острова; но судя по необыкновенной дороговизнѣ съестныхъ при-

пасовъ, онъ уже могъ заключить, что въ его отсутствіе произошло какая-нибудь великая перемена. Спустя полтора часа поотбытіи губернатора, въ крѣпости былъ поднятъ Сандвичевскій флагъ, ему отсалютовали съ корабля семнадцатью выстрѣлами, на что съ крѣпости отвѣтствовано равнымъ числомъ. Послѣ этихъ взаимныхъ привѣтствій капитанъ Вендтъ съѣхалъ на берегъ и былъ встрѣченъ толпою туземцевъ, которая окружила его съ изъявленіями большой радости. Онъ узналъ отъ губернатора, что король былъ въ то время въ загородномъ домѣ, и что къ нему отправлено донесеніе о прибытіи Прусскаго корабля съ подарками.

Послѣ обѣда капитанъ и его товарищи осматривали городъ Гоноруру и упросили одного Испанскаго купца свести ихъ съ извѣстнымъ миссіонеромъ Бингамомъ, къ которому имѣли они письма.

«На пути къ его дому, говорить историкъ посольства, мы встрѣтили двухъ миссіонерскихъ женъ, въ мадальской каалскѣ, запроженной Сандвичанами: это внушило намъ очень невыгодное мнѣніе насчетъ смиренія здѣшнихъ проповѣдниковъ. Подробности частной жизни этихъ господъ могутъ показаться излишними, но онѣ представляютъ вѣрнѣйшій способъ судить о характерѣ важнаго переворота, совершающагося въ этой части свѣта. Протестантскіе миссіонеры въ Южномъ Морѣ — не частные люди: они обратили на себя вниманіе всего образованнаго міра, и подвергаются ответственности передъ нимъ за свои поступки. Они разрушили благоденствіе страны, вмѣсто того, чтобы его упрочить; они изгнали гостепріимство, одно изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ сыновъ природы; они подавили веселость и радостныя чувствованія жителей этихъ счастливыхъ острововъ введеніемъ безразсуднаго Американскаго пуританизма, къ которому понятія туземцевъ не были ни приготовлены, ни направлены. Были однако жъ люди, и, по-обыкновенію, люди менѣе всѣхъ ознакомленные съ предметомъ, которые отстаивали съ величайшимъ жаромъ поведеніе Сандвичевскихъ миссіонеровъ!

«Явившись къ Г. Бингаму, мы нашли въ немъ надменнаго пастора, проникнутаго чувствомъ свѣтскаго и духовнаго властолюбія, и которому увѣренность въ собственномъ

достоинствѣ не дозволяла даже соблюдать обычныхъ формъ вѣжливости. Однако Г. Бингамъ просилъ насъ бывать у него во всякое время, и врачъ миссiи вызвался провожать насъ по внутренности острова: мы отказались отъ этого предложенiя, частiю, чтобы не потерять времени, а болѣе всего, чтобы при обзорѣ острова составить себѣ объ немъ помятiе, независимое отъ миссiонерскаго влiянiя. Молодой король Кайки-Аули прибылъ въ столицу того же вечера и тотчасъ явился къ Г. Бингаму для совѣщанiя. Генералъ Миллеръ, нѣкогда главнокомандующiй Перуанской армiи, былъ на нашемъ кораблѣ пассажиромъ, и, съѣхавъ на берегъ прежде насъ, отправился было прогуляться верхомъ по внутренности острова. По возвращенiи въ Гоноруру онъ встрѣтился съ Кайки-Аули и былъ ему представленъ. Молодой государь сталъ тотчасъ осведомляться о привезенныхъ подаркахъ; спрашивалъ, нѣтъ ли между ними шпаги, и былъ чрезмѣрно обрадованъ, когда узналъ что она есть. Воротясь отъ Г. Бингама, король прислалъ къ намъ одного изъ своихъ чиновниковъ съ извѣщенiемъ, что онъ готовъ принять письмо: мы отправились во дворецъ.

«Была великолѣпная тропическая ночь, освѣщенная яркимъ мѣсяцемъ и сонмомъ блестящихъ звѣздъ, когда король далъ намъ первую аудiенцию. На обширномъ дворѣ передъ корольскимъ домомъ находились двѣ маленькiя туземныя хижины, украшенныя со вкусомъ и принадлежавшiя Кагумани, вдовствующей королевы, послѣдней живой вдовы Тамеамен; передъ ними разставлены были нѣсколько сотъ островитянъ придворнаго штата: у входа одного изъ домиковъ стоялъ Кайки-Аули, а передъ нимъ на тонкой дыновкѣ сидѣли вдовствующая королева и четыре вдовы покойнаго Рио-Рiо. Кайки-Аули, коронованный по смерти послѣдняго королемъ Сандвичевыхъ Острововъ подъ именемъ Тамеама III, — средняго роста; ему около семнадцати лѣтъ; Лице его страшно изуродовано оспою, темно-мѣднаго цвѣта, и такъ раздуто отъ ранняго употребленiя крѣпкихъ и прляныхъ напитковъ, что едва ли можно отыскать въ Европѣ болѣе безобразнаго человека.

«Ни его лѣта, ни разговоръ, ни поведенiе не предвѣщаютъ той энергiи характера, которая знаменитому отцу его

+

доставила власть, столь обширную. На немъ была бѣлая рубаха и бѣлые панталоны, цвѣтной жилетъ и бѣлая соломенная шляпа, которую при нашемъ приближеніи онъ снялъ, чтобы положить въ нее письмо, поданное капитаномъ. Во время всей аудіенціи онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ. Хотя и говорить немного по-Англійски, онъ объяснялся съ нами не иначе какъ посредствомъ переводчика, и одинъ изъ первыхъ его вопросовъ былъ о подаркахъ. Услышавъ, что мы привезли кое-что и для его супруги на случай, если бы нашли его женатымъ, онъ обратился къ своей свитѣ, и сказалъ, что въ самомъ дѣлѣ ему давно бы пора жениться, тѣмъ болѣе что и другъ его, король Прусскій, того желаетъ. Онъ сталъ упрасивать насъ, чтобы мы о подаркахъ для его супруги ничего не разглашали, такъ какъ это могло бы возбудить зависть между знакомыми ему дамами.»

Во время разговора, одинъ изъ приближенныхъ, который сидѣлъ у ногъ короля, спросилъ, чтобы ему позволили посмотреть Перуанскую шляпу изъ вигоньяго пуху, которую докторъ Мейенъ держалъ въ рукѣ. Онъ тотчасъ надѣлъ ее и это возбудило громкій смѣхъ и шутки прочіихъ островитянъ. Внутри хижины, передъ которою стоялъ король, находилось нѣсколько женщинъ исполинскаго роста; онъ лежали растянувшись во всю длину на тонкихъ циновкахъ, и смотрѣли на Пруссаковъ съ большимъ любопытствомъ.

Потомъ пословъ представили вдовствующей королевы, Катумани, которая сидѣла на особой циновкѣ: на ней было яркаго цвѣта Китайское покрывало, въ которое она такъ плотно закуталась, что имъ едва удалось мелькомъ завидѣть ея лице. При первомъ взглядѣ на огромную фигуру Катумани, сидѣвшей на поджатыхъ козлыняхъ подъ разноцвѣтнымъ покрываломъ и полнымъ луннымъ сіяніемъ, Берлинскіе дипломаты были такъ смущены, что въ первую минуту не знали, что дѣлать: они приняли ее за кумиръ; но она очень благосклонно протянула къ нимъ руку, повторяя по-Англійски—«Королева, королева», и указывая на себя. Можетъ-быть, этимъ желала она дать знать, что она была настоящая королева и законная государыня Острововъ, а не пасынокъ ея, Кайки-Аули, носящій только имя короля. Этимъ кончилась первая аудіенція. Послы условились, что

подарки будут торжественно вручены королю въ его дворецъ на другой день, и получили дозволеніе осматривать любую часть острова.

«Утромъ 25 іюля ящики съ подарками были свезены на берегъ и, на двухъ одноколкахъ, отправлены ко дворцу, куда еобрались все придворные для торжественнаго ихъ принятія. При въездѣ нашемъ въ дворцовую ограду, королевская гвардія отдала намъ честь ружьемъ: она была одѣта въ Англійскіе матросскіе мундиры, и это парадная одежда Сандвичевскихъ солдатъ: будничное ихъ платье состоитъ изъ передника и куска холстины, накинутого на плечо. Во дворецъ мы нашли всѣхъ главныхъ государственныхъ чиновниковъ, прислоненныхъ подобно статуямъ къ стѣнамъ залы. Король и губернаторъ, Джонъ Адамсъ, сидѣли на скамьѣ; насъ пригласили сѣсть на скамью, поставленную противу ихъ. Почти все иностранные купцы острова Оагу были свидѣтелями этой церемоніи. При входѣ наждаго изъ нихъ король пожималъ ему руку, и раздавалось общее привѣтствіе — «Здравствуй государь!» Кайки-Лули былъ въ белыхъ панталонахъ, черной гусарской курткѣ, цвѣтномъ жилетѣ и цвѣтномъ галстухѣ, а неловкая фигура губернатора была облечена въ огромный снѣій фракъ, достававшій до земли и украшенный якорными пуговицами.»

Королевскій дворецъ построенъ по образцу туземныхъ хижинокъ, но, по своей обширности, опъ передъ ними настоящій дворецъ, хотя, въ сравненіи съ купеческими домами и особенно съ миссіонерскими, болѣе похожъ на сарай. Длина его около двадцати сажень: спереди, на семнадцати сажняхъ поставлена одна сплошная комната, съ рядомъ столбовъ посерединѣ, и двумя рядами вдоль стѣнъ: столбы эти изъ кокосовыхъ бревенъ, и покрыты длиннымъ тростникомъ, переплетеннымъ травами и стеблями прекрасныхъ породъ папоротника. Задняя часть дома отдѣляется отъ приемной залы занавѣсомъ: она занята пятью комнатами. Эти маленькіе покои назначены для спаленъ и гардероба: тутъ сложены тонкія циновки кипами, отъ пятнадцати до двадцати въ каждой; верхнія циновки постепенно тоньше нижнихъ, и такимъ образомъ кипа составляетъ очень мягкую постель. Въ среднемъ изъ пяти покоевъ находятся, въ

широкихъ позолоченныхъ рамахъ, два портрета, — одинъ царствующаго короля, а другой королевы, умершей въ Лондонѣ. Сверхъ-того, есть картина, изображающая засѣданіе Северо-Американскаго конгресса въ Вашингтонѣ. Приемный залъ безъ всякихъ украшеній; полъ устланъ тонкими циновками, а мебель состоитъ изъ большаго овальнаго лакированнаго стола, двухъ лакированныхъ скамей со спинками, меньшаго стола, на которомъ была поставлена вода, и нѣсколькихъ стульевъ.

Лишь только капитанъ и его товарищи вошли въ залу, появились дамы королевской фамиліи. Вдовствующая королева шла впереди тихими шагами; за нею Кина, Кека-Руон и Кека-Опон, вдовы Рио-Рио, племянница покойнаго министра Караймоку, извѣстнаго подъ именемъ Вилліама Питта, и мадамъ Боки, жена несчастнаго губернатора, который сопровождалъ короля Рио-Рио въ Лондонъ. Дамы, входя, сдѣлали посылку привѣтствіе рукою, а старая Кагумани вела себя съ большимъ достоинствомъ и вѣжливостью. Когда Г. Добель, бывшій нашъ консулъ на Филиппинскихъ Островахъ, представлялся ей съ своей супругою, она была къ нимъ такъ благосклонна, что поподчивала ихъ жареной собакой: историкъ Прусскаго посольства, не говоритъ, чтобы онъ или его товарищи удостоились подобнаго отличія. Впрочемъ, по всему замѣтно, что докторъ Мейенъ не съѣлъ собаки, хотя и объѣхалъ вокругъ свѣта. Всѣ дамы были въ шелковыхъ платьяхъ, застегнутыхъ у самой шеи и называемыя здѣсь «миссіонерскими рубашами»; въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; волосы ихъ были убраны съ большимъ вкусомъ прекрасными цвѣтами *Edwardsia chrysocephala*, пересаженными на Сандвичевы Острова съ Отанги. На вдовствующей королевы была соломенная шляпка съ цвѣтами и перьями, но уже очень не новая. Когда дамы сѣли по мѣстамъ, король велѣлъ принести подарки, а приближеннымъ обвѣхъ королевы отойти на противоположный конецъ залы.

По вскрытіи ящиковъ, капитанъ и его историкъ, докторъ Мейенъ, старались расположить вещи въ такомъ порядкѣ, чтобы произвести наиболѣе эффекта. Собраніе громогласно изъявляло свое удивленіе многочисленности по-

дарковъ; но король, сядвшій на скамью, старался казаться равнодушнымъ, хотя принужденіе его было весьма примѣтно. Чугунные бюсты, между прочими Фридриха II, Александра I, Государя Императора Николая Павловича, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Наполеона, Блюхера и другихъ возбуждали общее восхищеніе; король велѣлъ подать ихъ себѣ, чтобъ рассмотреть поближе. Шитье военного мундира, шляпа съ султаномъ, особенно блестящая шпага, доставляли ему большое удовольствіе. Богатое сѣдло, которымъ тотчасъ осѣдлали подведенную лошадь, привлекло похвалу всѣхъ присутствовавшихъ; но болѣе всего они обрадовались, увидѣвъ прекрасные портреты короля Прусскаго и князя Блюхера, о которыхъ Кайки-Аули просилъ капитана при первомъ его посѣщеніи острова. Рисунки разныхъ мундировъ Прусской арміи переходили изъ рукъ въ руки съ знаками явнаго удивленія и громкими замчаніями. Между подарками для предполагаемой супруги короля, былъ красивый чепчикъ, украшенный цвѣтами: онъ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе молодой вдовствующей королевы Кина, которая, несмотря на свой исполинскій ростъ, въ самомъ дѣлѣ была не безъ привлекательности. Надобно знать, что на этихъ островахъ короли и князья выбираютъ себѣ въ супруги самыхъ дебелыхъ женщинъ въ цѣломъ государствѣ. Она надѣла чепчикъ, и есъ чрезвычайно ею любовались. Галантерейныя вещи тоже очень понравились этой дамѣ, и она изъявила желаніе примѣрить ихъ; капитанъ и докторъ пришли отъ этого въ большое затрудненіе, потому что браслеты и фермуаръ, хотя были сдѣланы для необыкновеннаго роста, все-еще оказались малы для нея. Надобно было употребить большія усилія, чтобы, сдавивши крѣпко шею ея Сандвичевскаго величества, застегнуть фермуаръ, а между-тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что эта государыня была самая тонкая изъ пяти: ее даже называли сухошавою.

Пруссаки попросили короля надѣть мундиръ: онъ тотчасъ это исполнялъ, при помощи своего секретаря, Халилен, вышедши въ среднюю комнату, какъ вдругъ послышался крикъ—«Миссіонеры идутъ!» Король перепугался и въ ту же минуту скинулъ богатый мундиръ, который ему такъ нравил-

ся. Не знаешь чему болѣе удивляться въ этомъ случаѣ, — глубокому деспотизму этихъ честолюбивыхъ ханжей или кротости права этого добраго властелина! Воротясь въ залу, онъ увидѣлъ свою невестку, Кину, въ фермуаръ и браслетахъ, и не просилъ ее снять ихъ, говоря, что эти вещи назначены не ей и что она ничего изъ нихъ не получитъ. Бѣдная невестка повинувалась съ большою покорностью. Тонкое бѣлье, шелковыя матеріи, туалетныя вещи и другіе предметы роскоши, возбуждали зависть во всѣхъ принцессахъ, когда онъ увидѣлъ, что король удерживаетъ все для себя. Во все время представленія подарковъ, вдовствующая королева Кагумани сидѣла въ безмолвіи и въ задумчивости. Она съ трудомъ скрывала свою досаду и притворилась нездоровою; двѣ женщины, стоявшія подлѣ нея, должны были обмахивать ее опахалами. Трость съ духовою гармоникою, назначенная Джону Адамсу, такъ поправилась этой колоссальной старушкѣ, что она тотчасъ схватила ее и при всѣхъ стала испытывать свои музыкальныя дарованія.

«Кончивъ наше дѣло, мы откланялись: день былъ очень знойный; хлопоты съ подарками продолжались болѣе четырехъ часовъ, и мы чувствовали усталость. Нѣкоторые изъ иностранныхъ купцовъ намѣкали королю, чтобы онъ приказалъ подать намъ что-нибудь закусить: онъ отвѣчалъ, что миссіонеры запретили ему это дѣлать. Наши подарки произвели сильное впечатлѣніе въ король и въ главныхъ его сановникахъ. Какъ ни скрывалъ своихъ чувствованій Кайки-Аули, очевидно выученный заранѣе миссіонерами, онъ однако признался Англійскимъ купцамъ, что чувствуетъ себя пристыженнымъ, получивъ отъ Прусскаго короля, за посланный ему перьяной плащъ, столько вещей, за которыя, никогда не будетъ въ состояніи отдарить достойнымъ образомъ. Довольно любопытно, что, несмотря на частыя подарки, присылаемые Англичанами на Сандвичевы Острова, они своею цѣнностью никогда не равнялись тѣмъ, которые мы имѣли честь вручить молодому государю.»

Черезъ три дня, капитанъ Вендтъ, соображаясь съ данными ему предписаніями, пригласилъ Кайки-Аули на корабль откусать. Съ нимъ пріѣхали его дядя губернаторъ Куакинъ, Кайки-Ойва, губернаторъ острова Овайги, его се-

кретарь Халилеи, и нѣсколько любимцевъ. Кромѣ ихъ капитанъ пригласилъ генерала Миллера и многихъ иностранцевъ. Король прѣхалъ на Прусскомъ катерѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ, которые принесли лозъ и таро, чтобъ было чѣмъ удовлетворить аппетитъ короля, если его величество проголодается послѣ Европейскаго обѣда. На немъ было то самое платье, въ какомъ видѣли его при врученіи подарковъ; но нѣсколько слугъ несли присланный изъ Берлина мундиръ, который онъ и надѣлъ передъ самымъ обѣдомъ. Пруссаки замѣтили ему, что къ мундиру не доставало шпаги, султана и шпоръ: онъ отвѣчалъ, что эти вещи забыты по оплошности служителя, которому однако не сдѣлалъ ни какого замѣчанія. Но это была только отговорка, потому что секретарь его, Халилеи, сказалъ капитану, что Кайки-Аули нарочно оставилъ ихъ дома: миссіонеры растолковали ему, что очень смѣшно и неблагопрістойно надѣвать перья, шпоры и шпагу, потому что «эти сатанинскія орудія возбуждаютъ въ сердцѣ гордость и ведутъ ко грѣху.»

«Столъ былъ накрытъ на палубѣ подъ палаткою: гости вели себя очень прилично, но вѣли съ алчностью. Случалось, что когда ихъ тарелки еще были полны, а между тѣмъ блюдо снимали со стола, они просили подбавить имъ оттуда кушанья. Они мало пили, но могли пить порядочно. Въ продолженіе обѣда они много жаловались на образъ правленія, заведенный миссіонерами на островахъ: Кайки Аули все это очень хорошо слышалъ, но, не имѣя власти отвратить зло, не принималъ участія въ разговорѣ, который однако приносилъ ему удовольствіе. Онъ обратилъ всѣ строгія замѣчанія собесѣдниковъ на счетъ губернатора Куакина, брата вдовствующей королевы, Кагумани, а между тѣмъ сказалъ потихоньку, что все это переиѣнится, какъ скоро воротится Боки. Напрасная надежда,—потому что Боки, который слишкомъ за годъ отправился отсюда на бригъ «Тамеамеа», погибъ при крушеніи судна на пути къ Ново-Гибридскимъ Островамъ.

«Богатѣйшій иностранный купецъ на Сандвичевыхъ Островахъ Донъ Франсиско де Пауло Марини: обширныя плантаціи принадлежатъ ему. Онъ—человѣкъ недалежнаго вос-

питанія, но съ благородною душею; его имя надолго сохранилось въ летописяхъ гражданственности острововъ, когда имена миссіонеровъ будутъ давно забыты. Марини написалъ со всего свѣта для этой страны самыя полезныя растенія, которыхъ разведеніе будетъ источникомъ ея богатствъ. Гватимальскіе кокосы, насаженные самимъ Марини, наилучшей доброты и не уступаютъ Манильскимъ: по дороговизнѣ своей, они не входятъ въ число предметовъ нашей торговли. Кофейныя, лимонныя и апельсиныя деревья, виноградъ, дающій прекрасныя грозды, порода великоплодника, вывезенная съ Маркизовыхъ Острововъ, тамаринды, хлопчатая бумага, отличнѣйшіе ананасы и многія плодовые растенія произрастаютъ въ садахъ этого Испанца, который былъ некогда министромъ Тамеамеи I. Г. Серриеръ привезъ сюда индиго изъ Батавіи: оно достигаетъ чрезвычайнаго совершенства на островѣ Оагу; но, по интригамъ Американскихъ миссіонеровъ, строго соблюдающихъ торговыя пользы своихъ соотечественниковъ, ни этого растенія, ни кофейнаго дерева, ни сахарнаго тростника не дозволено разводить здѣсь въ обширномъ видѣ, хотя это заняло бы тысячи праздныхъ островитянъ и улучшило бы ихъ хозяйство. Сахарный заводъ, единый на всѣхъ островахъ, остается въ бездѣйствіи. Одно только невѣжество, недостатокъ воспитанія и коварное употребленіе нравственной власти духовнаго наставника со стороны миссіонеровъ могутъ объяснить ихъ нелѣпое поведеніе относительно этого предмета. Платанія Марини содержатся въ прекраснѣйшемъ порядкѣ, и могли бы служить образцовыми фермами для всего королевства. Большая часть изгородь на его поляхъ состоятъ изъ Индѣйскихъ кактусовъ, покрытыхъ цвѣтами и представляющихъ видъ самый пріятный. Правда, что Марини приобрѣлъ большое богатство на Сандвичевыхъ Островахъ, но онъ употребилъ на то такія средства, которыя принесутъ пользу отдаленному потомству пингвиняго поколѣнія островитянъ, и сверхъ-того, онъ намѣренъ здѣсь жить и умереть; онъ оставитъ свою собственность въ наслѣдство дѣтямъ, которые будутъ Сандвичевскими гражданами, тогда какъ миссіонеры, награбивъ денегъ, поспорѣ убираются во-своиха.

«Домы миссіонеровъ очень красивы; при насъ они отстроивали для себя большое каменное зданіе, прочное, и пріятной наружности. Жилища ихъ въ сравненіи съ жилищами островитянъ—дворцы. Даже дома, принадлежащіе королевской фамиліи, покажутся чрезвычайно бѣдными, когда сравнить ихъ съ красивыми, убранными со вкусомъ миссіонерскими домами, которые составляютъ странную противоположность съ хижиной, гдѣ нѣкогда жилъ ихъ скромный и благородный предвѣстникъ Стюартъ. Теперь въ домахъ миссіонеровъ можно найти лакированные полы, богатую мебель, отличные фортепіаны и прекрасныя картины. Кто далъ имъ способы пріобрѣсти эти предметы роскоши? Они пріѣхали сюда бѣднѣйшими людьми! Хотя мы не можемъ показать числами, всѣхъ капиталовъ, отправленныхъ нѣкоторыми изъ этихъ господъ въ Сѣверную Америку, однако не подлежитъ сомнѣнію, что огромныя деньги были исторгнуты у Островитянъ, которыхъ взяли они образовать и довести до наслажденія благами вѣры и выгодами гражданственности.»

Въ заключеніе должно сказать, что по смерти старой королевы, Кагумани, которая умерла въ іюнь 1852, король, венчавшійся на царство подъ именемъ Тамеамеи III и признанный въ этомъ достоинствѣ Англичанами, принялъ самодержавную власть и тотчасъ отменилъ многіе законы противу роскоши, изданные покойною его опекуншею подъ вліяніемъ миссіонеровъ, и опять дозволилъ пляски и любимыя игры островитянъ. Можно надѣяться, что отнынѣ острова процвѣтутъ благоденствіемъ и достигнутъ той значительности, къ которой приспособляетъ ихъ само географическое положеніе.

КЛИМАТЪ ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ. Одинъ Англійскій путешественникъ, который прожилъ четыре года въ Бенгалѣ, напечаталъ въ журналахъ своего отечества занимательное описаніе климата этой знаменитой страны. Пріятно читать его въ Петербургѣ при нынѣшнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, «холодъ октября мѣсяца».—Дождливое время года оканчивается на Коромандельскомъ берегу около ноября, когда начинаются сѣверо-восточныя муссоны. Въ это время

погода устанавливается прекрасная, небо чисто и ясно, солнце свѣтит во всемъ своемъ блескѣ; теплая роса оплодотворяетъ землю; ночью отрадная свѣжесть благоприятствуетъ сну. Равнины покрываются богатыми жатвами, роскошными пажитями, пространными полями, засѣянными мансомъ; огромные резервуары, величественныя рѣки придаютъ этимъ прекраснымъ полямъ плодородіе. Вездѣ видны села и деревни, пагоды, за-ново выстроенныя, окруженныя пальмовыми, тамариновыми, бакановыми деревьями. Дома построены изъ земли и покрыты бамбукомъ или пальмовыми листьями, на которыхъ женщины рисуютъ известкою грубыя фигуры. Въ каждой деревнѣ обыкновенно есть школа, управляемая браминомъ, который, сидя почти всегда на кучѣ цыновокъ, учитъ дѣтей читать, писать и науки о должности человека. Всякой занимается своими дѣлами на чистомъ воздухѣ. Подъ тѣнью пальмъ работаются и ткани, столь уважаемыя въ Европѣ, и красивыя глиняныя вещи, которыхъ намъ никогда не поддѣлать, и простыя куклы, которыя приводятъ въ отчаяніе нашихъ художниковъ.

«Мѣсяцъ ноябрь посвященъ земледѣлію, садоводству и охотѣ за птицами, которыя бросаются на поля, чтобы клевать сѣмена. Роса, падающая по ночамъ, достаточна для прозябенія хлѣбныхъ растений; тогда муссоны начинаютъ дуть сильнѣе и увлекаютъ въ воздухъ множество облаковъ; начинаются холода: въ это время, въ концѣ мѣсяца, цѣлыя семейства, съ серпомъ въ рукѣ, толпятся на нивахъ и жнутъ. Въ половинѣ января муссоны слабѣютъ и климатъ становится пріятнѣе. Это время путешествій и большихъ охотъ. Атмосфера дѣлается спокойна: февраль вопаряется. О мѣсяцъ, любимый Индѣйцами, зачѣмъ вліяніе твое не простирается отъ Гангеса до Выборга? Какъ пріятны лучи твоего солнца, свѣжесть твоихъ ночей, распускающіеся цвѣты и зрѣющіе плоды твои! Февраль мѣсяцъ удовольствій и сельскихъ празднествъ. Религія освятила прекрасныя дни февраля. Тысячи богомольцевъ толпами отправляются на берега Гвадовери и, погружаясь въ воды священнон рѣки, призываютъ на себя благословеніе божествъ своихъ. Скронная деревня Котапили превращается тогда въ цвѣтущій городъ; это мѣсто собранія продавцевъ и покупателей,

спекуляторовъ и богомольцевъ. Прогулки на водѣ, народныя пляски, Индѣйскія драмы фокусниковъ, игры всякихъ родовъ, все эти забавы находите вы въ Котапили. На берегахъ близлежащаго озера возвышаются, посреди мангусовъ, палатки различной величины и формы. Онѣ поставлены на колеса и ихъ везутъ слоны или верблюды; тутъ есть и комнаты, и гостиныя, и столовая; нѣсколько семействъ могли бы жить тутъ вмѣстѣ. Потомъ великолѣпныя паланкины, гигантскіе слоны, кареты, кабріолеты, всадники. Сельскія празднества въ Гвадовери и Индѣйскій февраль должны бы быть введены повсюду.

«Между тѣмъ жары становятся сильнѣе: холодное время года кончилось. Въ мартѣ температура еще не удушлива; ночи спосны; но резервуары высыхаютъ, земля трескается, дернъ выветъ и желтѣетъ. Это время бѣленья, постройки кораблей, рубки лѣса; тутъ готовятъ соль и пальмовое вино; торговля процвѣтаетъ тогда на всемъ Кармандельскомъ берегу. Скоро начнетъ дуть вѣтеръ, листья опадутъ, благотворный дождь напоитъ землю. Въ апрѣлѣ зной дѣлается чрезмѣрнымъ: термометръ стоитъ всегда на 52 градусахъ Реомюра: небо и днемъ и ночью чисто, луна сіяетъ прекраснѣйшимъ свѣтомъ: но берегитесь чакаловъ, которые томятся голодомъ и воютъ вокругъ жилищъ. Чѣмъ сильнѣе солнце устремляетъ на землю лучи свои, тѣмъ болѣе сопротивляется ему мапилла, тѣмъ болѣе кедръ распростираетъ свои листья и мангу разливаетъ въ воздухѣ благоуханіе цвѣтовъ своихъ. Но какъ трудно выдерживать жаръ столь сильный!

«Неодолимая бездѣйственность омадѣваетъ всеми членами; все изнурено усталостью. Передъ каждымъ домомъ раскидываютъ палатки, все двери открыты, вездѣ сквозной вѣтеръ; но не смотря на все это, едва можно добыть свѣжести. Зловредныя насѣкомыя наполняютъ воздухъ, ползаютъ по стѣнамъ и поламъ; надобно принимать величайшія предосторожности, чтобы избавиться отъ укушенія. Туземцы въ это время года не работаютъ и только цѣлый день курятъ. Мѣсяцъ май еще жарче, не смотря на сѣверо-западные вѣтры. Около полудня собираются облака, молнія раздираетъ воздухъ, страшный громъ грохочетъ.

Вѣтеръ дуетъ ужасно, атмосфера тяжела, небо мрачно. Но дождь идетъ не всегда; Провидѣніе рѣдко даруетъ жителямъ это благодѣяніе. Вѣтры сначала свѣжи, потомъ знойны; потомъ вамъ кажется, что вы въ раскаленной печи. Всякой запирается дома; никто не ходитъ ни въ гости, ни за дѣлами. Животныя гибнутъ; буйволы погружаются въ болота; птицы падаютъ; путники задыхаются, термометръ подымается до 38°. Въ южной Индіи вечера иногда не столь знойны; но въ северной нѣтъ отдохновенія. Въ іюнѣ также жарко какъ и въ маѣ, и палящіе вѣтры дуютъ съ прежнею силою. Колодцы высыхаютъ; иногда цѣлые лѣса загораются, между тѣмъ земледѣльцы спѣшатъ приготовить нивы; къ концу мѣсяца легкой дождь освѣжаетъ атмосферу и возвѣщаетъ новое время года.

«Въ началѣ іюня появляются наконецъ юго-западные муссоны: царство зноя кончилось. Подъ-вечеръ собираются облака; изъ нихъ появляются молніи, громъ гремитъ вдалекѣ, свѣжій вѣтерокъ тихо повѣваетъ, земля какъ бы одѣта покровомъ паровъ. Дождь усиливается вмѣстѣ съ молніями и наконецъ льетъ ливнемъ; удары грома быстро одинъ за другимъ савдуютъ; это настоящій потопъ. Къ счастью, небо все это скоро оканчиваетъ, дожди замѣтно ослабѣваютъ и черезъ нѣсколько дней вся вода уже стекла; но когда дождя не бываетъ, то вся страна поражается ужаснѣйшими бичами: чумою и голодомъ. По этому не мудрено, что Индѣйцы считаютъ дождь божествомъ. Въ августѣ перемежающіеся дожди и вѣтры, температура свѣжа и сносна. Ручьи, источники, рѣки, переполненные дождевою водою, выходятъ изъ береговъ и разливаютъ по равнинамъ тинистыя свои волны: это то же самое зрѣлище какъ въ Египтѣ во время разлитія Нила.

«Повсюду видно только одно неизмѣримое море, посреди коего возвышаются города, деревни, и гдѣ-гдѣ нѣсколько деревень: все остальное затоплено. Сообщенія производятся не иначе, какъ на небольшихъ ладьяхъ, которыя въ той странѣ называются «дони»: это родъ плоскодонныхъ судовъ, устроенныхъ такъ, что они ходятъ мелко. Ступайте тогда кататься по Гвадоверн. Предайте лодку свою теченію; оно несетъ васъ съ необычайною быстротою: лѣса,

деревни, пагоды мелькаютъ передъ вашими глазами, какъ волшебныя картины. Эти теченія оплодотворяютъ землю, когда продолжатся только нѣсколько дней; но производятъ ужаснѣйшія опустошенія, если не прекращаются мѣсяцъ или мѣсяца полтора. Тогда вода протекаетъ въ жилища, разрушаетъ цѣлыя деревни и даже вырываетъ съ корнемъ лѣса. Наконецъ воды стекаютъ и оставляютъ на землѣ темноватый илъ, который ее оплодотворяетъ. Съмена выходятъ, стебли маиса и индиго появляются; все обещаетъ обильную жатву. Мѣсяцъ сентябрь приноситъ съ собою спокойствіе; хлопчато-бумажное дерево, патчени, камбо растутъ сильно; стан попугаевъ спускаются въ сады, на гуавы, гранатныя и банановыя деревья; ночью зеленыя мошки, привлеченныя свѣтомъ огня, наполняютъ комнаты и непрерывно жужжать надъ ушами. Въ началѣ октября легкій вѣтерокъ начинаетъ дуть съ сѣвера, температура замѣтно измѣняется, воздухъ свѣжѣетъ. Въ половинѣ этого мѣсяца и особенно въ полнолуніе, появляется сѣверо-восточный муссонъ; рѣдкіе облака собираются на горизонтѣ и ниспускаютъ тихій дождь, за которымъ вскорѣ слѣдуетъ наводненіе, подобное первому.»

МОРСКОЙ ВОДОМЕТЪ. Англійская литературная газета, *Athenaeum*, сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ любопытномъ явленіи природы.

Одинъ Мальтійскій часовщикъ, у котораго былъ клочекъ земли на сѣверозападной оконечности острова Гоццо, вздумалъ вырыть тамъ ямы для добыванія соли. Ихъ вырыли нѣсколько, и такъ какъ подъ землею была полость, сообщавшаяся съ моремъ, то къ ней просверлили отверстіе и устроили надъ нимъ машины для качанія соленой воды въ ямы. Скоро увидѣлъ бѣдный часовщикъ, когда известчатая почва вобрала въ себя воду, что соли не остается на ея поверхности почти ни сколько; онъ бросилъ это предпріятіе и слегъ въ постель отъ горькой неудачи. Однако жъ заботы его тѣмъ не кончились; съ наступленіемъ бурной погоды нагрянула для него новая бѣда: какъ скоро сѣверная или сѣверозападная буря волновала море, оно врывалось въ отверстіе и било вверхъ велико-

лѣпнымъ фонтаномъ, но, къ несчастію, такъ сильно, что наводняло сосѣднія поля и истребляло жатвы. Жалоба за жалобой возникали на несчастнаго солоVARA, который наконецъ умеръ съ досады. Сосѣди, только узнали объ его смерти, тотчасъ поспѣшили завалить яму камнями, что и защищало ихъ нѣсколько времени отъ наводненій; но когда опять начались сильныя бури, камни частію увлечены были въ глубину, частію разсыпаны и вода брызнула на шестьдесятъ футовъ въ вышину, — сильнѣе прежняго. Три раза прорывалась она такимъ образомъ съ шумомъ, похожимъ на подземный громъ или на пальбу изъ пушекъ, и жители безпрестанно опасаются новаго извержеія.

РАЗВИТІЕ БОГАТСТВА ВЪ АНГЛІИ. Сказано однажды навсегда, что Англія богатѣйшая страна въ Европѣ, и всѣ этимъ довольны. Но не многіе знаютъ, что богатство ея увеличивается ежегодно въ неслыханной пропорціи. Мы заимствуемъ изъ послѣдней книжки *Edinburgh Review* нѣкоторыя статистическія подробности объ этомъ предметѣ. Съ 1832 годъ число верховыхъ лошадей умножилось тамъ 7,810: это составляетъ (считая содержаніе лошади въ 1,000 рублей), ежегодной расходъ въ 7,310,000 рублей, и, въ 4 процента, увеличиваетъ національный капиталъ 195,250,000 рублей. Экипажей прибавилось 7,489, что, принимая среднее число того, во сколько обходится содержаніе лошадей, людей и другіе расходы, которые это влечетъ за собою, составитъ ежегодный расходъ въ 46,800,000 рублей, или капиталъ въ 1,117,000,000 рублей. Число слугъ, собакъ и охотничьихъ лошадей, также замѣчательно увеличилось, и ежегодныя издержки, происходящія отъ этого увеличенія не могутъ быть полагаемы менѣе какъ въ 7,000,000 рублей, представляющихъ капиталъ въ 175,000,000 рублей.

Что касается до предметовъ ежедневнаго потребленія, доставляемыхъ торговлею, то, кажется, что ввозъ хлопчатой бумаги усилился съ 1822 по 1832 годъ 88%, почему капиталъ увеличивается 103,472,950 рублей. Потребленіе шерсти, простиравшееся въ 1832 году до 27,748,918 фунтовъ; возвысилось въ 1833 году до 39,618,505 фунтовъ, — что составляетъ увеличенія въ одинъ годъ $42\frac{3}{4}$ на сто.

Такимъ образомъ, принявъ среднюю цѣною шерсти 1 шиллингъ 6 пенсовъ за фунтъ, выйдетъ, что капиталъ, употребленный на этотъ предметъ въ одинъ годъ простирается до 22,755,650 рублей.

Количество шелка, потребленного въ 1832 году въ Великобританіи простиралось до 4,392,073 фунтовъ, а въ 1855 до 4,758,453 фунтовъ, что составляетъ $8\frac{1}{4}\%$ увеличенія въ годъ. Съ 1814 по 1823 годъ потребление шелка внутри государства простиралось ежегодно до 1,580,000 фунтовъ, въ слѣдующихъ десяти годахъ до 3,561,810 фунтовъ въ годъ, что составляетъ увеличенія 131% , а полагая шелкъ въ 16 шиллинговъ фунтъ, выйдетъ, что капиталъ, употребляемый на одинъ этотъ предметъ роскоши, увеличился въ то же время 41,435,875 рублей. Въ послѣдніе два года, между 1832 и 1834 годами, число кораблей, вошедшихъ въ Лондонскіе порты возрасло 574-мя: это составляетъ увеличенія 104,598 тонновъ; положи каждый тоннъ товаровъ въ 13 фунтовъ стерлинговъ, мы увидимъ, что увеличеніе капитала, употребленного на этотъ предметъ въ два года составляетъ 32,971,600 рублей.

Наконецъ, по исчисленіямъ поручика Сайка видно, что число людей употребляемыхъ по торговлѣ, сидѣльцевъ, прикащиковъ, бухгалтеровъ, разнощиковъ и прочая, увеличилось съ 1820 по 1852 годъ, по-крайней-мѣрѣ 25,968 человѣками, и что увеличеніе расходовъ, потребныхъ на ихъ содержаніе, представляетъ капиталъ въ 1,500,000,000 рублей. Эти факты, кажется, не требуютъ комментарій для доказательства чрезвычайно сильнаго вліянія, которое успѣхи мануфактуры имѣли на увеличеніе государственнаго богатства.

ЧИСЛО ШЕЛКОВИЧНЫХЪ ЧЕРВЕЙ ВО ФРАНЦІИ. Докторъ Боурингъ, посланный во Францію Англійскимъ правительствомъ, для собранія нѣкоторыхъ статистическихъ подробностей о промышленности этого края, представляетъ въ донесеніи своемъ слѣдующіе, достовѣрные выводы касательно шелководства.

Если количество производимаго во Франціи сыраго шелку составляетъ около трехъ милліоновъ фунтовъ, то въсь коконовъ должно полагать до тридцати шести милліоновъ.

Исчислено, что на каждый фунтъ коконовъ потребно около шестнадцати фунтовъ футоваго листа; следовательно во Франціи потребляется его пятьсотъ семьдесятъ шесть милліоновъ фунтовъ ежегодно. Если положить, что каждое дерево производитъ въ годъ круглымъ числомъ десять фунтовъ листа, то количество футовыхъ деревьевъ во Франціи должно простираться до пяти милліоновъ семьсотъ тысячъ. Каждая унція червиныхъ яичекъ производитъ среднимъ числомъ сто фунтовъ коконовъ и по-крайней-мѣрѣ тридцать тысячъ червей. Поэтому, количество шелковичныхъ червей, ежегодно воспитываемыхъ во Франціи, простирается до десяти тысячъ, восьмисотъ милліоновъ штукъ, по крайней мѣрѣ.

КОКОСОВЫЕ ОСТРОВА. Англійскій журналъ, *Hobart-town Courier*, издаваемый въ главномъ городѣ Ванъ-Дименовой Земли, сообщаетъ слѣдующее извѣстіе о поселеніи шкипера Росса на группѣ коралловыхъ острововъ, которые обыкновенно называются Кокосовыми, иначе *Heeling Islands*, и лежатъ въ шестистахъ морскихъ миляхъ къ югозападу отъ Сундскаго пролива, почти на половинѣ дороги между Англійскими владѣніями въ Индіи и въ Австраліи.

«Эти острова, въ числѣ двадцати двухъ, образуютъ родъ круга съ обширной бухтою посерединѣ. Промежутки ихъ наполнены каралловыми рифами, въ которые бурунь ударяетъ съ чрезвычайною силой. Кокосовые Острова первоначально были заняты Г. Геромъ, бывшимъ Великобританскимъ консуломъ въ Борнео, и шкиперомъ купеческаго судна, Россомъ. Первый оставилъ ихъ года за три съ намѣреніемъ вскорѣ воротиться, но и до сихъ поръ о немъ нѣтъ ни какого слуху. Жителей всего 165 человекъ, изъ которыхъ только 12 урожденные Европейцы: въ числѣ ихъ и самъ Г. Россъ съ женою и четверыми дѣтьми. Всѣ они живутъ на островкѣ Соутенстернъ, — Г. Россъ съ семействомъ въ просторномъ домѣ, а Малайское населеніе — въ хижинахъ или домахъ, построенныхъ во вкусъ этого народа. Въ селеніи почти при каждомъ жильѣ есть особый колодезь съ свѣжей водою, находимою на нѣсколько футовъ глубины въ коралловой почвѣ. Климатъ умѣренъ и одно-

образенъ, такъ, что нѣтъ замѣтной разницы ни во временахъ года, ни въ температурѣ. Обыкновенное стояніе термометра отъ 19 до 23 градусовъ Реомюра. Острова все покрыты деревьями, преимущественно кокосовыми, по самый край берега. Изъ кокосовыхъ орѣховъ выдѣлывается много сахару, и поэтому, хотя сахарный тростникъ растетъ здѣсь очень хорошо, его не разводятъ для употребленія въ дѣло. Кукуруза, хорошій табакъ, бананникъ, бетель и одинъ мелкій плодъ, говорятъ, исключительно принадлежащій этимъ островамъ, — въ большомъ изобиліи. Рыбы и черепахи также очень много, а птицы, которыхъ кормятъ кокосовыми орѣхами, размножаются съ неизвѣстной быстротою. Народъ добронравенъ и порядоченъ, что отчасти должно приписать его трезвости, для охраненія которой Г. Россъ не позволяеть ни кому изъ островитянъ дѣлать крѣпкихъ напитковъ. Необходимость заставила ихъ заняться кораблестроеніемъ, и послѣ трехлѣтнихъ трудовъ они спустили наконецъ бригантинъ въ 84 тонна, на которомъ предполагають возить въ Иль-де-Франсъ кокосовое масло, а оттуда брать нужныя для себя потребности.»

Вотъ скромное начало колоніи, которая, по географическому ея положенію, вѣроятно пріобрѣтетъ современнымъ значительную важность.

ПАРОХОДНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ДУНАЮ. Въ предъидущей книжкѣ Б. д. Ч. мы только мимоходомъ упомянули объ этомъ путешествіи, которое замѣчательно по-крайней-мѣрѣ въ томъ отношеніи, что оно первое въ своемъ родѣ; теперь можемъ сообщить объ немъ нѣсколько ближайшихъ подробностей. Въ сентябрѣ 1834 года, Г. Квинъ, известный уже «Повзкою въ Испанію», вздумалъ побывать въ Константинополь. Для Англичанина — вздумать значитъ сдѣлать, если только онъ истинный Англичанинъ, Англичанинъ, съ сплинномъ въ головѣ и съ гинейми въ карманѣ. Пароходъ только что учредился тогда на Дунавъ: Г. Квинъ засталъ его въ Пестъ, въ Венгрію, свѣзъ и поплылъ мимо цветущихъ полей, мимо виноградниковъ съ зрѣлыми гроздами, мимо красивыхъ поселянъ и очень пригожихъ поселянокъ, которые сбѣгались смотреть на дивную «машину» и вѣрно

ни какъ не ожидали свести съ ума почтеннаго «Англійскаго милорда.»

«Въ полдень оставили мы Землянъ, говорить путешественникъ, и миновали Бялградъ, держась какъ можно ближе къ Венгерскому берегу, въ исполненіе карантинныхъ постановленій, которыя наблюдаются здѣсь чрезвычайно строго. Городъ, соединенный съ такими занимательными воспоминаніями борьбы Австріи съ Оттоманами, является блестящимъ собраніемъ мечетей, съ бѣлыми высокими минаретами, дворцовъ съ куполами, садовъ, кипарисовъ и тѣнистыхъ рошей. Сильно укрѣпленная цитадель занимаетъ высокій холмъ, господствующій надъ всеми частями города, и можетъ служить ему хорошею защитой. Капитанъ нашъ указалъ мнѣ дворець и сераль Паши; они тянулись на значительномъ пространствѣ и довольно величественно. Большая рѣка Тейсъ впадаетъ въ Дунай немного выше Земляна, и я надѣялся увидѣть его здѣсь болѣе оживленнымъ торговлею: онъ точно представляетъ взорамъ самую великолѣпную полосу воды, по которой весь Англійскій флотъ могъ бы плыть на просторъ; но, за исключеніемъ немногихъ мелкихъ лодокъ, на которыхъ грязные Турки безпечно ловили рыбу, не было почти ни какого признака жизни вокругъ насъ. Самый Бялградъ казался въ отдаленіи городомъ смерти.»

Путешественникъ не нахвалится живописностью обонхъ береговъ Дуная: лѣсистые холмы, зеленыя долины, стада, поля Турецкой пшеницы, являлись при каждомъ поворотѣ этой пзвилистой рѣки. Въ Орсовѣ встрѣтился онъ съ Венгерскимъ графомъ Шехеніемъ (Szechenyi) и крайне удивился нашедъ у него на столѣ Edinburgh и Quarterly Review вмѣстѣ съ супомъ изъ вермишели и отличнымъ пуддингомъ, которыхъ онъ ни какъ не чаялъ увидѣть въ этомъ краѣ. Молодой графъ, по порученію Австрійскаго правительства, занимается устроеніемъ дороги по всему лѣвому берегу Дуная и проложеніемъ каналовъ тамъ, гдѣ плаваніе рѣкой затруднено скалами и мелями. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ дальнѣйшемъ его странствіи, которое совершилъ онъ водою до Рущука; замѣтимъ только, что, увидѣвъ близъ Гладовы извѣстные остатки шести или семи строилъ зна-

мениаго Траянова моста онъ почелъ это новымъ открытіемъ и, въ восторгѣ, набилъ себѣ карманы «Римской черепацею.»

ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ КОШЕКЪ ВЪ АНТІОХІИ. Другой Англіійскій путешественникъ, Г. Монро, бывшій прошлымъ лѣтомъ въ Сиріи, описываетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ учреждений, какія случилось ему видѣть въ этой столько разъ описанной странѣ.

«Неподалеку отъ моего жилья была старая мечеть, которую ревностные Мусульмане предоставили въ полное владѣніе многочисленному семейству кошекъ. Ихъ расплодилось въ ней вѣрно до пяти сотъ, и ежедневно прибывали еще новыя жилицы. Это убежище открыто не только для старыхъ и увѣчныхъ, оно служитъ пріютомъ и для молодыхъ, которыя ссылаются сюда за шалости или пристроиваются въ это благодѣтельное заведеніе по случаю смерти ихъ хозяевъ. Когда я пришелъ туда, множество ихъ валялось на дворѣ, поросшемъ мягкою травою, другія прогуливались по крышкамъ: я долго смотрѣлъ на нихъ, и удалился съ самыми пріятными впечатлѣніями.»

Мусульмане оправдываютъ привязанность свою къ кошкамъ множествомъ разсказовъ о пристрастіи Магомета къ этимъ животнымъ. Они говорятъ, что кошка окотилась однажды въ рукавъ его платья и что онъ отрезалъ рукавъ, чтобъ только не тревожить се съ мѣста. Одного изъ любимыхъ своихъ наперсниковъ, котораго имя всѣхъ чаще упоминается въ преданіяхъ Мусульманъ, прозвалъ онъ Абу-Хорейромъ, то есть, Кошкинымъ отцомъ, и строго запретила своимъ приверженцамъ обижать этихъ животныхъ. Напротивъ того собаки здѣсь въ ужасной ненависти; впрочемъ всякой, кто бывалъ на Востокъ и знаетъ по опыту, какая онъ чума въ здѣшнихъ городахъ, легко постигнетъ причину такого отвращенія.

«Предубѣжденіе противъ собакъ, какъ нечистыхъ животныхъ, говоритъ Г. Монро, такъ же безмѣрно, какъ и глупая любовь народа къ кошкамъ. Если собака прикоснется къ магометанину послѣ омовенія онъ долженъ совершить его опять передъ молитвой. Въ Египтѣ есть секта, назы-

ваемая Шеффи, которой послѣдователи должны омываться всякой разъ, когда упадетъ на нихъ даже тѣнь собаки, а если собака дотронется до нихъ платья, они вырѣзываютъ изъ него то мѣсто, къ которому она прикоснулась.»

СОБАКА, ПУТЕШЕСТВУЮЩАЯ НА ЧУЖОЙ СЧЕТЪ. Нѣвѣстный Англійскій естествоиспытатель Г. Джессъ, о наблюденіяхъ котораго надъ умомъ угрей мы говорили въ прошломъ году, недавно издалъ послѣднюю часть своихъ *Gleanings in Natural History*: онъ тутъ описываетъ много любопытныхъ чертъ скотской жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ занимательны, что могли бы служить предметомъ для романа. Вы шутите? Право, нѣтъ: только не называйте въ скотахъ инстинктомъ того самаго, что въ человѣкѣ угодно вамъ величать чувствомъ. Если порядочный человѣкъ съ неудовольствіемъ смотритъ на своего собрата, одѣтаго небрежно и неопрятно, говорятъ—это чувство приличія,—пожалуй, даже чувство изящнаго; а когда порядочная собака лаетъ на мужика, на трубочиста и такъ далѣе, вы скажете, что это инстинктъ?

Одинъ путешественникъ рассказывалъ Г. Джессу, что, когда онъ шелъ съ товарищами изъ Женевы въ Базель, на дорогѣ пристала къ нимъ собака и своими неотступными ласками противъ воли ихъ обратила на себя общее вниманіе.

«Этотъ новый товарищъ, говорилъ путешественникъ, послѣдовалъ за нами въ Базель. Мы прозвали его Карломъ, и онъ скоро привыкъ къ имени. Проходя черезъ деревни, мы не могли надивиться благоразумному хладнокровію, съ которымъ наша собака встрѣчала нападки задорныхъ шавокъ; мы невольно ее полюбили, и привязанность казалась взаимною. Въ Базелѣ рассказали мы объ этомъ хозяину нашего трактира и изъявили желаніе взять ее съ собой въ Англію, если она отъ насъ не отстанетъ. Трактирщикъ усмѣхнулся. «А что, сказалъ я: развѣ она ваша?»—Нѣтъ, не моя.—«Такъ кого-нибудь изъ вашихъ знакомцевъ?»—Никакъ нѣтъ.—«Отчего же вы разсмѣялись?»—А вотъ увидите.—«Нѣтъ, растолкуйте, пожалуйста.»—Эта собака, сказалъ хозяинъ, не принадлежитъ ни кому исключительно, а всегда пристаётъ къ путешественникамъ на дорогѣ между

Базелемъ и Женевой. Она часто у меня бываетъ, и мы съ ней очень короткіе знакомцы: будьте увѣрены, что она дальше за вами не пойдетъ.—Мы разсмѣялись въ свою очередь: собака такъ рѣшительно къ намъ привязалась.—П у trouve son compte, прибавилъ хозяинъ: c'est son gagne-pain! У ней свои расчеты, она этимъ живетъ. Смѣйтесь, господа! послѣ увидимъ.

«На другое утро она ласкалась около насъ по обыкновенію; мы ласкали ее болѣе прежняго и накормили до сыта на дорогу. Подали лошадей; мы свли въ карегу. «Эй, Карло, Карло!» Карло ни съ мѣста: только шевелить хвостомъ и поглядываетъ на насъ изъ дали. «Карло, Карло!» Не тутъ-то было: измѣнница проводила насъ глазами и безпечно воротилась въ трактиръ. А хозяинъ? Разумвется столъ у дверей и смѣялся отъ души нашей наказанной недоувѣрчивости. Чортъ возьми эту собаку! Умнѣ моего со-сѣда, сира Нелли.»

Путешественникъ не сказалъ, что она умнѣ его самого, и вѣроятно, это даже не пришло ему въ голову.

СТРАННЫЙ ОВЫЧАЙ ИТОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Читатели наши, знающіе только Русскіе и Германскіе университеты, не могутъ даже составить себѣ понятія о томъ, что такое университетъ Англійскій. Въ этихъ готическихъ стѣнахъ все готическое: тамъ, подъ именемъ университета, прозябають народы мумій, фигуры старинныя, забытыя, фаптагическія, облеченныя въ костюмы среднихъ вѣковъ и къ удивленію, свободно расхаживающія, вмѣсто того, чтобъ покоиться въ мраморныхъ гробницахъ подъ длинною полу-стертою надписью. Профессорское званіе тамъ скорѣе прелебда, чѣмъ должность. Профессоръ величественно дремлетъ себѣ въ своемъ кабинетѣ, сидя въ огромныхъ креслахъ съ высокою рѣзною спинкою, и если раза четыре въ годъ явится онъ въ аудиторію, чтобы прочесть лекцію, объ немъ уже говорятъ, какъ о чловѣкѣ чрезвычайно ревностномъ къ пользамъ просвѣщенія юношества и университета. Курсы преподаются такъ называемыми fellows, которыхъ можно сравнить съ нашими адъюнктами: они-то рабочій народъ. Профессоры—вельможи науки.

Множество страшных, педантских обычаевъ съ благоговѣйною тщательностію сохраняется тамъ подъ ихъ надзоромъ. Кембриджъ и Оксфордъ весьма дорожатъ своимъ древностями, обычаями, обрядами, титулами и устарѣлою фразеологію. Въ Итонъ также есть свои обычаи и обряды. Одинъ изъ самыхъ старинныхъ, и безспорно, самый вредный и безправственный, есть обычай Итонскихъ студентовъ грабить въ известное время года проезжихъ, чтобы посредствомъ этого однодневнаго разбоя заплатить за дипломъ того изъ своихъ товарищей, который, оставшись побѣдителемъ на послѣднемъ конкурсѣ, долженъ сдѣлаться *senior*, старѣйшиною науки, то есть, получить самую высокую университетскую степень. Этотъ обычай называется *ad montem*, потому что герой дня, *senior*, которому надобно заплатить дань, облегчивъ кошельки бѣдныхъ путешественниковъ,—ведетъ своихъ товарищей *ad montem*, на гору, лежащую близъ коллегіума: тутъ онъ ставитъ свое воинское красное знамя, назначаетъ главнокомандующаго и всѣ молодые люди разбѣгаются въ разные стороны, ища путешественника въ каретѣ, извозчика съ *дьянжансомъ*, купца, мужика, охотника, и безъ стыда и жалости взыскиваютъ съ него пошлину, освященную университетскимъ обычаемъ.

Герой этого дня, съ возвышеннымъ челомъ, въ университетскомъ красивомъ беретѣ съ золотою кистью, стоитъ на горѣ подъ знаменемъ, пока товарищи его ходятъ отрядами по окрестнымъ дорогамъ и принуждаютъ путешественниковъ и жителей класть свои деньги въ кошельки, которые грабители подаютъ имъ. Сосѣдніе мужики, зная этотъ обрядъ и страшась его, запираются въ домахъ своихъ, какъ скоро священный баталіонъ выступаетъ въ поле, или, пускаясь въ дорогу, берутъ съ собою два или три пенса, назначенные привилегированнымъ разбойникамъ. Каждый отрядъ получаетъ отъ главнокомандующаго приказъ, и знаетъ, въ какихъ мѣстахъ должно ему дѣйствовать. Для этого обыкновенно готовится нѣсколько вышитыхъ кошельковъ съ гербомъ коллегіума. Подъ вечеръ всѣ эти отряды собираются на горѣ и высыпаютъ въ шапочку героя плоды своихъ подвиговъ; эта сумма служитъ ему для

того, чтобы заплатить за дипломъ и дать пирь своимъ товарищамъ. Въ журналъ Court's Magazine увѣряють, что этотъ обычай существуетъ и понынѣ.

ЗА СКОЛЬКО МИЛЬТОНЪ ПРОДАЛЪ СВОЮ ПОЭМУ?
 Послѣ Данта Мильтонъ, безъ сомнѣнія, единственныйъ эпическій поэтъ новѣйшихъ временъ. Можно бы сдѣлать любопытное сравненіе между этими двумя гениями и ихъ поэтическими приѣмами, но то вѣрно, что ни какая эпическая поэма новѣйшаго времени не выдержитъ сравненія съ «Божественною комедіею» и «Потеряннымъ раемъ». Даже и жизнь обоихъ поэтовъ почти одинакова. Мильтонъ, также какъ и Дантъ, былъ государственнымъ членомъ, влюбленнымъ и поэтомъ. И тотъ и другой были несчастны на своемъ политическомъ поприщѣ. Гибеллинъ Дантъ былъ изгнанъ и умиралъ съ голоду; Мильтонъ, приверженецъ Кромвеля и строгій пуританецъ, пережилъ свою партію; онъ былъ слѣпъ, одинокъ, жена его бросила, теща, которая обязана была ему сохраненіемъ своего имущества, не отдавала слѣдующей ему части приданого, всѣ его пріатели погибли на эшафотѣ, томились въ темницахъ или въ чужихъ краяхъ просили милостыни; дворъ и народъ его ненавидѣли; полное собраніе его сочиненій было сдѣлано однимъ только палачемъ, сдѣлано для того, чтобы публично предать ихъ сожженію, въ томъ числѣ и «Потерянный рай». Между-тѣмъ Мильтонъ, и въ свое время, былъ поэтъ знаменитый. Герцогъ Йоркскій, который готовился быть королемъ Іаковомъ II, вздумалъ, изъ любопытства, посѣтить его. Поэтъ принялъ его съ простою и достоинствомъ. Они долго разговаривали, но рѣчи членовъ гениальнаго и несчастнаго не тронули жестокаго сердца герцога Йоркскаго. На другой день, увидѣвшись съ братомъ при дворѣ, онъ сказалъ ему: «Я удивляюсь, что вы оставляете въ живыхъ этого стараго негодяя, Мильтона!»— Онъ довольно наказанъ, отвѣчалъ безпечный и сладострастный Карлъ II: онъ бѣденъ, старъ и слѣпъ. — Впрочемъ и великіе умы были столь же несправедливы къ Мильтону, какъ великіе властию. Шекспиръ немилосердо смѣялся надъ творцемъ «Потеряннаго рая». Въ Англіи ему

предпочитали во времена Кромвеля стихотворца Коули, а при Карлѣ II бѣднаго Рочестера. Въ чужихъ краяхъ Сервантесъ унижалъ его, Вольтеръ надъ нимъ подшучивалъ, а переводчики безжалостно его уродовали. Самуилъ Джонсонъ издавая въ 1687 году его великолѣпную поэму, писалъ въ предисловіи, «Мильтонъ поэтъ не безъ дарованія, но ниже нашихъ второстепенныхъ писателей». Попъ утверждалъ, что возвышенный цѣвецъ рай не знаетъ по-Англійскій. Прошу послать этого говорить, не о справедливости уже, а о здоровомъ смыслѣ великихъ умовъ! Аддисонъ первый отдалъ ему справедливость, и возбудилъ въ соотечественникахъ своихъ удивленіе къ поэтическому сокровищу, о которомъ они даже и не догадывались. Съ тѣхъ поръ энтузіазмъ Англичанъ и всей Европы непрерывно возрасталъ, и если бы теперь «Потерянный рай» былъ въ рукописи и продавался, каждый книгопродавецъ далъ бы за него милліонъ. За Записки виконта Шатобриана даютъ вѣдь пятьсотъ тысячъ франковъ! За сколько же Мильтонъ самъ продалъ свою эпопею? Въ журналъ Retrospective Review напечатанъ недавно договоръ Мильтона съ книгопродавцемъ Саймонсомъ, — документъ любопытный, который мы переводимъ слово въ слово.

«Условіе, заключенное между дворяниномъ Мильтономъ и купцемъ Саймонсомъ, 27 апрѣля сего 1667 года. «Вышеозначенный Джонъ Мильтонъ, дворянинъ, во уваженіе пяти фунтовъ стерлинговъ (125 рублей асс.), которые будутъ ему уплачены нынѣ же вышеозначеннымъ Саймонсомъ, типографщикомъ и книгопродавцемъ, а также «и во уваженіе многихъ другихъ выгодъ, означенныхъ въ настоящемъ условіи, отдалъ, уступилъ, предоставилъ и «предлежащимъ условіемъ отдаетъ, уступаетъ, предоставляет вышеръченному Самуилу Саймонсу, его наследникамъ и тѣмъ, кому отъ него доверено будетъ, книгу, «списокъ или рукопись поэмы подъ заглавіемъ «Потерянный рай», или подъ какимъ бы то заглавіемъ и названіемъ книга сія ни была известна и отличена; равно отдаетъ, уступаетъ, предоставляет всю выручку, всѣ выгоды и прибыли, каковыя отъ оной будутъ или могутъ «быть получены. Опъ же Мильтонъ обязывается за себя,

«наслѣдниковъ и довѣренныхъ своихъ, предоставлять ему, Саймонсу, его наслѣдникамъ и довѣреннымъ, пользованіе всеми доходами и владѣніе всеми изданіями оной поэмы, и никто изъ наслѣдниковъ или довѣренныхъ его, Мильтона, не имѣетъ права чего либо за сіе съ него, Саймонкса, требовать. Нижеподписавшіеся условились равноутрѣпно между собою, что онъ, Мильтонъ, никогда не позволитъ, чтобы вся сія поэма, или часть оной была напечатана или издана въ ущербъ ему, Саймонсу, и безъ его согласія; во уваженіе чего, другіе пять фунтовъ стерлинговъ выданы будутъ ему, Мильтону, имъ, Саймонсомъ, ходячею Англійскою монетою, когда тысяча триста экземпляровъ оной напечатанной книги будутъ распроданы и разобраны публично; а при распродажѣ третьяго изданія, въ числѣ тысячи трехъ сотъ экземпляровъ, будутъ куплены третьи пять фунтовъ стерлинговъ. Первыя три вышеозначенныя изданія не должны превышать тысячи пятисотъ экземпляровъ и онъ, Саймонсъ, готовъ будетъ утвердить, предъ кѣмъ слѣдуетъ, присягою, что онъ не печаталъ болѣе означеннаго числа экземпляровъ. Во увѣреніе чего договаривающіеся стороны и приложили къ сей бумагѣ своя печати вышеозначеннаго числа и года.

Подписано: *Джонъ Мильтонъ; Ф. Саймонсъ. Джонъ Фишеръ, Робертъ Гринъ, свидѣтели.*»

Быть-можетъ, что когда-нибудь станутъ и у насъ печатать списанныя съ нотаріальныхъ книгъ копія условій между авторами и книгопродавцемъ. Быть можетъ, что потомство прочтаетъ въ нихъ, что за одно изданіе, такого романа заплачено 20,000 рублей. Быть можетъ, что оно спроситъ:—Да скажите, Бога ради, что это за романъ?....» Бѣдный Мильтонъ!

КАБИНЕТЫ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Одна Парижская дама, жепщина не застѣнчивая, которая, какъ кажется, бѣгаетъ вездѣ одна, даже въ кабинеты молодыхъ, холостыхъ людей и отважно подписывается «Современницею», напечатала въ одномъ журналѣ описаніе житья-бытья извѣстѣйшихъ Французскихъ писателей. Мы извлечемъ изъ ея разсказа подробности, которыя, вѣроятно, будутъ зани-

мательны для читателей Французскихъ книгъ, потому что, какъ она говоритъ, «каково жилище, таковы и человекъ.»

Г. Казимиръ Делавинъ занимаетъ въ огромномъ зданіи, въ которомъ помѣщаются Музыкальная Консерваторія и *Mémoires Plaisirs*, квартиру во второмъ этажѣ. Туда ведетъ большая, лѣстница строгой архитектуры временъ Людовика XIV, и васъ принимаютъ старыя слуги, — что всегда доказываетъ доброту господъ. Проходя длинную столовую и биліардную комнату, всегда почти встрѣтишь или мать Г. Делавина, пожилую даму съ почтеннымъ и добрымъ лицомъ, или прекраснаго мальчика съ прелестными белокурыми кудрями, который бросается къ отцу, какъ скоро увидитъ чужаго. Для сына своего Г. Казимиръ Делавинъ забываетъ все на свѣтѣ: и видѣла какъ онъ, больной, оставлялъ важный разговоръ, чтобы починить игрушку этому милому малюткѣ. Все просто, все патріархально у автора *Messéniennes*. Одинъ только большой портретъ Людовика-Филиппа украшаетъ стѣны комнаты, потому что Казимиръ Делавинъ, бывъ другомъ герцога Орлеанскаго, остался другомъ и короля. Г. Жерменъ Делавинъ часто бываетъ у брата и, если не ошибаюсь, они держатъ столъ на общій счетъ. При каждой встрѣчѣ братья обмѣниваются ласковою улыбкою и пожатіемъ руки; потомъ, Г. Жерменъ Делавинъ, всегда веселый, и привѣтливый, удаляется, довольный тѣмъ, что видѣлъ брата, а тотъ слѣдуетъ за нимъ глазами. Оттуда всегда выходяшь глубоко растроганный и подъ вліяніемъ самой святой поэзіи: поэзіи семейной.

Чтобы дойти до Г. Юлія Жаненъ, надобно пройти дворъ отеля въ Турнонскон улицѣ. На дворѣ лакѣи, снявъ свои ливреи съ золотыми эксельбантами, моютъ и чистятъ великолѣпную коляску. Потомъ, переходя изъ богатой комнаты въ богатую комнату, добираетесь наконецъ до кабинета, гдѣ онъ работаетъ, лежа въ постели и окруженный молодежью, которая разговариваетъ и хохочетъ около него. Этотъ шумъ ни сколько не беспокоитъ Г. Жанена, и онъ продолжаетъ работать, отпуская повременамъ какое-нибудь забавное словцо. Одна дама (мамзель Марсъ) принимаетъ иногда участіе въ этой болтовнѣ, и, если случается, что Г. Жаненъ долго не идетъ завтракать, она безъ церемоній

стаскиваетъ его съ постели и уводитъ отъ докучныхъ по-сѣтителей, которыхъ всегда множество у великаго критика маленькихъ водевилей. Надобно прибавить, что попеременно, Г. Жаненъ, выгнанный изъ своего кабинета пріятелями и любопытными, уходитъ въ антресоль, отдѣльный отъ его квартиры, и котораго дверь скрывается подъ лестницей въ желтой живописи на стѣнѣ. Тамъ онъ свободно можетъ работать, чего дома ему сдѣлать нельзя. Между-тѣмъ, мы недавно читали въ двухъ статьяхъ его горькія жалобы на клеветы, которыми окружена жизнь критика: онъ съ горестію намѣкаетъ, что враги его, журналисты, неразъ считали его доходы, а никто изъ нихъ не знаетъ или не хочетъ знать, чего стоятъ ему эти доходы, потому что онъ работаетъ какъ каторжникъ. Г. Жаненъ пишетъ всегда въ сврой блузѣ и бумажномъ колпакѣ.

Изъ Турнонской улицы надобно отправиться въ улицу Кассини. Тамъ, войдя въ домъ, похожій съ виду на тотъ, въ которомъ жилъ «Старикъ Горіо», вы взбираетесь по скверной лѣстницѣ къ Г. Бальзаку, въ комнаты тѣсныя, убранныя богато, но безъ вкуса. Можно подумать, что это жилище биржеваго игрока, который вдругъ разбогатѣлъ и еще не привыкъ къ своему состоянію. Г. Бальзакъ самъ описалъ свой кабинетъ въ грязной своей сказкѣ, *La Fille aux yeux d'or*, о которой мы недавно говорили. «Половина будуара, изъясняетъ онъ, описываетъ круглую, красивую линію, составляющую совершенную противоположность съ другою частію комнаты, прямою, посреди которой блеститъ каминъ изъ бѣлаго мрамора съ золотомъ. Входишь въ эту комнату узкою дверью, закрытою богатымъ занавѣсомъ и лежащею противъ окна. Полукруглая часть комнаты украшена настоящею Турецкою софою, то есть, матрасомъ, лежащимъ на полу и широкимъ какъ постель; а софа, въ пять-десять футовъ въ окружности, покрыта бѣлымъ мериносомъ съ украшеніями чернаго и понсоваго цвѣта. Спинка этой огромной постели возвышается на нѣсколько дюймовъ надъ великолѣпными подушками. Будуаръ обитъ красною матеріею, которая покрыта Индѣйскою кисеею, исчерченною какъ Коринѣская колонна трубками, попеременно вогнутыми и выпуклыми, и придерживается внизу и сверху

полосатою матерією понсоваго цвѣта съ черными рабесками. Сквозь кисею нижняя понсовая матерія кажется розовою, и этотъ любовный цвѣтъ повторяется въ занавѣскахъ у окна, кисейныхъ на розовой тафтѣ съ бахрамою понсовой и черною. Шесть серебряныхъ, вызолоченныхъ подсвѣчниковъ поддерживаютъ каждый двѣ свѣчи и размѣщены по стѣнѣ въ разстояніяхъ, чтобы могли освѣщать весь диванъ. Потолокъ, по срединѣ котораго виситъ люстра серебряная, въ шатъ, съ золотыми украшеніями, блеститъ ослѣпительною бѣлизною; корнизы тоже вызолочены. Коверъ походитъ рисункомъ на Восточную шаль. Мебели обиты бѣлымъ мерипосомъ, съ черными и понсовыми агрементами. Часы, канделябры, все бѣлое мраморное съ золотомъ. Единственный въ этой комнатѣ столъ покрытъ шалью Терно. На красивыхъ жардиньеркахъ стоятъ розы всѣхъ родовъ, цвѣты бѣлые и красные. Однимъ словомъ, все подробности этой комнаты отдѣланы съ любовію.» Таковъ дѣйствительно кабинетъ Г. Балъзака, и путешественница по кабинетамъ этихъ господъ очень справедливо говоритъ, что по жилищу можно узнать хозяина. Въ этой странной смѣси жеманства, поддѣльной нѣги, сладострастія и безвкусіа, исполненнаго неловкихъ притязаній на изящность и богатство, въ этомъ убранствѣ комнаты, гдѣ нѣтъ ничего мужскаго, ни логическаго, и которую можно было бы принять за жилище куртизана или Г. Растиньяка, любовника банкирши Нюсвингенъ, видишь какъ въ зеркалѣ весь слогъ, весь духъ сочиненій этого повѣстчика. Еслибъ его творенія могли дойти до потомства, кабинетъ его пріобрѣлъ бы безсмертіе. Дома Г. Балъзакъ бываетъ обыкновенно въ бѣломъ фланелевомъ халатѣ съ золотымъ помсомъ и съ капишономъ, что придаетъ великому сказочнику видъ толстаго доминиканца.

Хотите видѣть контрастъ? Войдите въ кабинетъ Г. Шатобриана; тамъ вы не увидите раззолоченныхъ лакеевъ, какъ у Г. Балъзака, но роскошь строгаго, молчаливаго и меланхолическаго величія. Въ кабинетѣ, обдѣланномъ дубомъ, вы найдете человека, который былъ министромъ, который и теперь одно изъ свѣтилъ своего отечества Маленькій ростомъ, сухой, сѣдой, съ однимъ плечомъ выше другаго, закутанный въ старомъ халатѣ и, повидимому, безъ подтяжекъ,

сгорбленный, изнуренный, можно сказать разбитый, онъ выходитъ изъ своего небрежнаго положенія только для того, чтобы бросить огненный взглядъ на поствителя. Со словами его, произносимыми вполголоса, смѣшивается и шелестъ прекрасныхъ деревъ посаженныхъ передъ отелемъ Генё, и шумъ экипажей, вдующихъ къ заставѣ de l'Enfer, и щебетанье птичекъ, выющихъ гнѣзда подѣ кровлею того, который всю жизнь притворялся изгнанникомъ, даже и въ Лувръ,—который всегда игралъ роль человека тѣснямаго, даже и тогда, когда самъ тѣснилъ династію, которую теперь такъ хорошо оплакиваетъ.

Подите на Королевскую Площадь и спросите, гдѣ живетъ Викторъ Гюгò. Всякой покажетъ вамъ мрачную аркаду на углу улицы. Широкая дверь поведетъ васъ на лѣстницу; съ лѣстницы войдете вы въ свни; оттуда во второй этажъ; оттуда въ третій; тамъ, вы очутитесь въ огромной комнатѣ, чрезвычайно высокой и убранной мебельми, въ которыхъ перемѣшаны вкусъ среднихъ вѣковъ со вкусомъ нашего времени. Каѳедра съ рзными украшениями, старинная живопись; канapé времени Людовика XV, и посерединѣ его поэтъ въ зеленомъ плафрокѣ съ большими разводами, или въ шерстяномъ камзолѣ, похожемъ на панцырь четырнадцатаго вѣка. На стѣнахъ кабинета, въ самой дальней части этого жилища, рисунки разныхъ молодыхъ художниковъ, питающихъ къ автору «Последняго дня осужденнаго» удивленіе и дружбу восторженныя. У Виктора Гюгò много друзей-фанатиковъ, которые непрерывно у него бываютъ: въ числѣ ихъ вы тутъ встрѣтите всегда, Гг. Граніе-де-Кассаньяка, Луи Менара, Теофила Готіе и прочая. Двое первые съ жадностью ловятъ слова поэта, и его сужденія составляютъ основу статей, которыя помѣщаютъ они въ Journal des Débats и Revue de Paris. Эти господа попросту величаютъ Виктора Гюго «царемъ литературы», но должно сказать къ его чести, что самъ онъ отвергаетъ подобный титулъ, хотя за него не сердится. Нерѣдко также супруга поэта и ихъ прелестные дѣти садятся вокругъ него, образуя живописную группу.

Войдите въ третій этажъ въ одномъ изъ домовъ улицы Комартенской: грумъ введетъ васъ въ кабинетъ, въ кото /

ромъ царствуетъ такая темнота, что вы минуты съ три не можете къ ней привыкнуть и ничего не различаете: такъ мало проходитъ свѣта сквозь окно съ готическими стеклами. По стѣнамъ идутъ дубовыя полки, на которыхъ коллекція алебастровыхъ череповъ, для изученія френологій, перемѣшана съ непогими книгами. Кто изъ писателей могъ бы жить въ подсобной комнатѣ. Это вамъ скажетъ маленькая модель корабля. Въ этомъ кабинетѣ сочинены и написаны «Пликъ и Плокъ», Атаръ Гюль и Оргіа Саламандры. Вы у Евгенія Сю. Полное лице его теряется въ лѣсу дремучихъ черныхъ бакенбардъ, которые кажутся необходимымъ дополненіемъ воображенія дикаго, знающаго въ свѣтъ только преступленія, кровь, оргіа, предательства и вкусъ человѣческаго мяса.

Подите въ улицу Ларошфуко, въ домъ скромной наружности, и постучитесь въ третьемъ этажѣ. Проидите полутемный корридоръ, который ведетъ въ комнату, отдавленную отъ главной квартиры. Вотъ огромное дубовое бюро, вылакированное и вычищенное съ величайшею тщательностію; за стеклами библіотека, въ которой каждая книга является въ красивомъ переплетѣ; большая фигура женщины, рисованная масляными красками, черепъ, бѣлый какъ слоновою кость, два или три покойныхъ кресла, и портретъ одного знаменитаго Англійскаго актера дополняютъ убранство комнаты. Посреди этого кабинета работаетъ человекъ съ подвижною, характерическою фizioномією. Онъ учитъ роль, пишетъ веселую статью или рисуетъ, потому что онъ живописецъ, актеръ и писатель. Это Генрихъ Монниѣ.

Поль-де-Кокъ пишетъ свои романы въ кабинетѣ самомъ простомъ: изъ оконъ его виднѣнъ Сенъ-Мартенскій бульваръ. Тутъ онъ спокойно изучаетъ оригиналы, которые, сами того не зная, передъ нимъ проходятъ. Лѣтомъ онъ переселяется въ Роменвилль, поближе къ лѣсу, который гризетки такъ любятъ, и который Поль-де-Кокъ такъ хорошо описываетъ. Вы съ удивленіемъ замѣчаете, что книги, которыя болѣе на виду и которыя авторъ «Семейства Люпо» болѣе всего читаетъ,—Вольтеръ и Жун.

Г. Александръ Дюма занималъ иногда всенкозвную

квартиру въ улицѣ Блѣ; тигровый мехъ служилъ ему ковромъ, и стекла, расписанныя знаменитымъ художникомъ, пропускали на кушетку автора «Антони» только сладострастный полусвѣтъ. Нынче, Г. Дюма, вѣроятно по авторской прихоти, перебрался въ тѣсную квартиру въ Сомеровомъ Пассажѣ, въ которой его мебели съ трудомъ помѣщаются въ трехъ небольшихъ комнатахъ.

Г. Ламартины живеть въ Сень-Жерменскомъ предместьи и окруженъ роскошью простоты выказной и аристократической. Больше гордятся сомнительнымъ своимъ дворянствомъ чѣмъ необыкновеннымъ талантомъ, Г. Ламартины въ частной жизни обходится съ людьми какъ выше никто не дѣлаетъ, напримеръ, назначаетъ свиданія, и самъ на нихъ не является, и исполнъ, даже слишкомъ вользуется преимуществами, которыя доставляютъ сто тысячъ дохода.

Г. Скрибъ пишетъ водевилъ среди хорошенькихъ, тщательно разставленныхъ мебели, въ хорошенькой квартирѣ хорошенькаго отеля. Г. Жунъ сидитъ всегда въ кабинетѣ, въ которомъ является роскошь времени имперіи. Бюро его украшено колоннами изъ краснаго дерева; на верху стоитъ статуя Вольтера, а насупротивъ, бюстъ генерала Фoa съ старою португезею, полукожаную, полушерстяную. Жоржъ Зандъ (Г-жа Дюдованъ) соединяетъ въ своемъ жилищѣ столько противоположныхъ вещей, что не шутя можно спросить, много полатотъ, кто живеть въ квартирѣ, такъ странно убранной. Наконецъ, комнаты Альфреда Мюссеа походятъ болѣе на жилище скульпторскаго ученика или даже ливальщика, — такъ много тутъ статуй и алебастровыхъ маскъ. Прибавьте къ этому небообразный безпорядокъ, открытые шкафы и комоды, платье и бѣлье, разбросанныя по стульямъ, и вы увидите, что это точно такое жилище поэта, какия описывали его лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ комедіяхъ. Впрочемъ этотъ безпорядокъ и пренебреженіе обывательныхъ жененныхъ заботъ очень хорошо изображаютъ остроумнаго и недобропорядочнаго автора «Венеціанской Ночи» и товарища Жоржа Занда.

КАРЛЪ НОДЬЕ. Кто не слыжалъ объ Карлѣ Нодьѣ? кто не читалъ какого-нибудь изъ его сочиненій? Мы полагаемъ,

что для многихъ любопытно будетъ узнать нѣсколько подробностей его жизни, обильной тревогами, приключеніями и перемѣнами. Карлъ Нодье родился 1783 года въ Безансонѣ, гдѣ отецъ его занималъ съ отличіемъ какую-то судебную должность. Молодой Нодье переселился очень рано въ Парижъ, и приобрѣлъ тамъ извѣстность нѣсколькими романами, въ которыхъ отънюдь меланхолія ни сколько не мѣшаетъ занимательность. Когда первый консулъ, Бонапарте, намѣревался принять императорскую корону, Нодье дерзнулъ сдѣлать на него прямое нападеніе въ одѣ Ля Наполеоне. Это лирическое стихотвореніе — одно изъ замѣчательнѣйшихъ во Французской литературѣ. Авторъ изъ осторожности не подписалъ своего имени, но узнавъ, что типографчикъ его взятъ въ полицію, онъ тотчасъ объявилъ себя сочинителемъ задержанной пьесы и принялъ все это дѣло на свою ответственность. На другой день посадили его въ тюрьму Св. Пелагеи. Послѣ продолжительнаго заключенія, его послали было на жительство въ Безансонъ; но уже въ Труа захватили снова по подозрѣніямъ. Онъ однако же спасся бѣгствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя почитали его единомышленникомъ немногихъ удалцевъ обвиненныхъ въ заговорѣ противъ Наполеона, котораго они хотѣли будто бы схватить при проѣздѣ его черезъ Жюру въ Миланъ, гдѣ онъ долженъ былъ возложить на себя корону Италіи. Нодье укрывался нѣсколько лѣтъ въ Жюрскомъ департаментѣ подъ видомъ занятій Естественною Исторіей. Потревоженный въ своемъ убѣжищѣ, отправился онъ въ Швейцарію, гдѣ занимался раскрашиваніемъ картинокъ и типографской корректурой. Около этого времени, кончина одной нежно любимой имъ дамы рѣшила его вступить въ монастырь къ Трапистамъ. Узнавъ, что Французскій комиссаръ истребовалъ его выдачи, онъ бѣжалъ отсюда, несмотря на опасную болѣзнь, и нѣсколько времени скитался въ горахъ по-міру. Ежедневная борьба съ бѣдностью, разными неспрiятностями и болѣзнями, заставила его примкнуть къ артели Италіянскихъ маляровъ, съ которыми онъ воротился во Францію и работалъ до снятія съ него ареста.

Дружба его съ подпрефектомъ Дольскаго департамента

доставила ему разрѣшеніе открыть тамъ курсъ изящныхъ наукъ. Этотъ курсъ въ скоромъ времени утверждёнъ былъ университетомъ, и Ноддѣ два раза получалъ приглашенія занять кафедру Риторикѣ, но правительство, помня его проказы, не соизволяло на этотъ выборъ. Въ Аміенѣ молодой профессоръ нашёлъ самый радушный пріёмъ у одной Англійской дамы, деди Маріи Гамильтонъ; но безпокойный характеръ выманилъ его и изъ этого пріюта: онъ объѣхалъ или обошёлъ часть Европы и отправился потомъ въ Лайбахъ, по призыву одного изъ своихъ пріятелей. Ноддѣ сдѣлался тамъ городскимъ бібліотекаремъ и вмѣстѣ редакторомъ «Иллирійскаго Телеграфа». Обратное завоеваніе Австрійцами отнятой у нихъ Иллиріи принудило его воротиться въ Парижъ, гдѣ литературныя труды доставили ему безбѣдное и независимое существованіе. Ноддѣ поступилъ тогда въ число сотрудниковъ Journal des Débats. Въ 1814 году принадлежалъ онъ къ тѣмъ писателямъ, которые настоятельно всѣхъ прочихъ говорили въ пользу возстановленія Бурбоновъ. Когда, во время ста дней, министръ полиціи обратился къ нему съ предложеніями, Ноддѣ отвѣчалъ очень бойкой статьею подъ заглавіемъ «Бонапартъ 4 мая», которую перепечатали потомъ въ разныхъ департаментахъ. Опасаясь слѣдствій этого поступка и тайныхъ намѣреній Фушѣ, онъ удалился къ одному пріятелю и обождалъ тамъ возвращенія короля въ столицу. Людовикъ XVIII пожаловалъ ему дворянское достоинство, потомъ сопричислилъ его къ ордену Почетнаго Легіона; въ 1824 году онъ получилъ мѣсто хранителя арсенальной бібліотеки и наконецъ въ 1833 году былъ избранъ въ члены Французской Академіи.

Теперь, удалившись отъ большаго свѣта, живетъ онъ въ кругу своей сѣмьи и нѣсколькихъ избранныхъ друзей, уважающихъ въ немъ и талантъ и благородный характеръ. Его дознанное незлобіе пріобрѣло ему прозвище «добраго Ноддѣ» и поставило его внѣ возможности имѣть непріятелей, или по-крайней-мѣрѣ отъявленныхъ враговъ.

Мы не будемъ исчислять его произведеній, замѣтимъ только, что, соскучившись писать романы, онъ въ послѣднее время пустился въ Лицгвистику и еще недавно подарилъ своихъ соотечественниковъ новымъ изданіемъ Буаста.

КОНСКІЯ СКАЧКИ. Парижане, которые не умѣли ѣздить верхомъ иначе, какъ держась за гриву, сдѣлались страстными охотниками до лошадей! Нѣтъ ни одного журнала, который бы, следуя модѣ, не говорилъ съ восторгомъ о конскихъ скачкахъ. Все они сдѣлались записными наездниками. Если они говорятъ о скачкахъ, станемъ и мы говорить о скачкахъ. Жаль, что этого прекраснаго зрѣлища нѣтъ у насъ въ Петербургѣ; я, вашъ покорнѣйшій слуга, я первый гораздо охотнѣе пошелъ бы смотрѣть бѣгъ прекрасной лошади, чѣмъ нѣкоторые изъ прекрасныхъ драмъ, даваемыхъ на нашихъ театрахъ. Въ нашихъ газетахъ часто говорятъ о скачкахъ, бывающихъ гдѣ-то въ полуденной Россіи; но въ первыхъ, отсюда въ полуденную Россію не видно, а во вторыхъ, я думаю, — и прости Господи мое согрѣшеніе, если я клевету на лошадей, которые тамъ бѣгаютъ, — что полуденныя скачки такъ же плохи какъ сѣверныя драмы. Для породной лошади столичная жизнь также нужна какъ для литератора. Лошади бѣгаютъ хорошо только въ хорошемъ обществѣ.

Въ Англіи, въ мѣсяцѣ, когда самое блестящее общество живетъ въ столицѣ, въ Ипсомѣ, близъ Лондона, бѣгаютъ конскія скачки. Нѣтъ ни одной модной женщины, ни одного знатнаго богача, ни одного свѣтскаго и даже ни одного дѣловаго человека, которые бы не покинули дѣлъ и удовольствій, чтобы посмотрѣть на эти скачки, или чтобы на нихъ показаться. Пока еще не началась скачка между соперничающими лошадьми, она происходитъ между каретами и калѣсками, которые туда ѣдутъ. Прекрасная дорога между Лондономъ и Ипсомомъ покрывается прелестнѣйшими экипажами, и кучера, лошади, все старается выказать свою ловкость и быстроту, чтобы опередить другихъ. Едва, прибывъ на мѣсто скачки, кареты съ чудными проворствомъ распрягаются, сдвигиваются, составляются, выравниваются въ линіи и хорошенькія миссъ и важныя леди однимъ скачкомъ переносятся изъ внутренней кареты на козла и на имперіаль. Пешеходы, подвергаются тысячу разъ опасности быть раздавленными, толпятся на самомъ мѣстѣ бѣга, чтобы первыми имѣть удовольствіе рукоплескать копо побѣдителю.

Между-тѣмъ подають сигналъ; лошади устремляются: это птица летитъ, это стрѣла изъ лука песется. Посреди двадцати соперничающихъ коней толпа съ безпокойствомъ слѣдуетъ за тѣмъ, котораго она предпочитаетъ; толпа возбуждаетъ его голосомъ и тѣлодвиженіями; толпа говоритъ съ нимъ, одуждаетъ, одобряетъ его, и когда посреди обдаковъ прыгн, онъ достигъ цѣли, толпа кричитъ: «Это онъ!» Приятно быть дошадью въ такой компаніи!

Греція, въ древнихъ своихъ играхъ, уважала, по-видимому, только пылкость, ловкость, усилія, смысленность коней, потому что она уваживала и того, который достигъ своей цѣли, лишившись всадника; и это, замѣтимъ мимоходомъ, доказываетъ, что Греки были народъ болѣе склонный къ энтузіасму чѣмъ верховый и разсудительный. Въ Римѣ и въ послѣдствіи въ Византіи, удовольствіи цирка, гдѣ четыре колесницы скакали вмѣстѣ, гдѣ въ день скакали сто колесницъ, конечно не стоили того, чтобы потомки завоевателей міра рвзались за славу и цвѣта кучеровъ, но нечлдобно думать, чтобы конскія скачки были тѣмъ неизвѣстны. Въ доказательство противнаго, мы приведемъ одно мѣсто изъ поэмы Маналія объ Астрологій. «То кто родился подъ вліяніемъ созвѣздія, называемое Пегасомъ, будетъ съ неизмѣрною быстротою передѣтать поприща; земля будетъ исчезать подъ его ногами; онъ будетъ употреблять тысячи хитростей, чтобы задержать или опередить своихъ соперниковъ, или, находясь, посреди ихъ, всегда готовый воспользоваться малѣйшею выгодою, онъ будетъ уметь отгибать поприщный столбъ какъ-можно ближе, замедлять или ускорять бѣгъ свой, смотря по тому, близко или далеко его соперники, и держать умъ въ нервниности до той минуты, когда надобно броситься впередъ и схватить вѣнцы».

Въ средніе вѣки, северные, но очень модные вѣки, весьма уважали красоту, понятливость и послушность лошадей; но отъ нихъ требовали другихъ качествъ что пылкъ. Чтобы поднимать тяжелое оружіе, выдерживать сильное потрясеніе, производимое ударами копылъ, или опрокидывать быстрымъ натискомъ цѣлыя ряды копьеносцевъ, тогдашніе кони, которыхъ называли во Франціи *destriers*, а у насъ

аргамаками, должны были иметь больше крѣпости чѣмъ красоты, больше силы чѣмъ легкости. Исторія сохранила имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ именами ловкихъ всадниковъ, которые на нихъ ѣздили; но неизвѣстно, что случилось съ потомками историческихъ коней. Бедуинъ первый, въ своихъ накаленныхъ пустыняхъ, началъ вести генеалогію своего благороднаго друга, коня. Посмотрите, съ какии стараніемъ сохраняютъ они память знаменитой лошади! Какъ знаютъ наизусть имена всѣхъ потомковъ двѣнадцати кобылъ пророка, которыя питались только ветромъ, или конь Антарова, который пилъ только воду *сораб*, то есть, призракъ воды, производимый миражемъ! Для дворянина должно быть приятно находиться въ обществѣ столь благородныхъ коней.

Англичане въ Европѣ сдѣлались одни достойными подражателями Бедуиновъ. Ихъ *Steed-Book*, или генеалогическая книга благородныхъ лошадей, начинается, какъ говорить, съ XVI вѣка, и даже ранѣе. Сначала прописаны документы кобылъ, потомъ жеребцовъ, потомъ официальные акты о рожденіи дѣтей ихъ. Нѣмецкіе бароны, которые знаютъ предковъ своихъ за четыреста лѣтъ, не больше гордятся ими какъ герцогъ Графтонъ и лордъ Эксетеръ тѣмъ, что въ числѣ благородныхъ коней ихъ есть потомки Флани-Чильдерса, Годольфина или Мешема. *Steed-Book* книга чрезвычайно записательная, и, хотя и не лошадь, но пробѣжалъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Только мнѣ сдается, что Англичане, говоря о лошадяхъ, дѣлутъ какъ Бедуины. Мы увидимъ далѣе, что ихъ благородныя конскія фамиліи не могутъ быть такъ древни, какъ они утверждаютъ.

Самый обыкновенный помѣщикъ въ Англій раздѣляетъ съ знатнѣйшими господами страсть къ лошадямъ; но послѣдніе, по своимъ огромнымъ богатствамъ, больше другихъ имѣютъ возможность дѣлать надѣрки, которыя требуютъ дорого стоящее удовольствіе воспитывать и вытѣнять, то есть, скаковыхъ лошадей. Въ Англій есть городъ, Нью-Маркетъ, населенный одними лошадьми, возожками и жокеями. Первенство, наслажденія и выгоды общественной жизни принадлежатъ въ этомъ городѣ, разумеется, лошадямъ. Человекъ тамъ для того только, чтобы показать, что

онъ иногда не стоитъ лошади. Конь тамъ — господинъ, люди — его лакеи. Это истинная страна *Гуйанемса*, о которой говоритъ Свифтъ въ Гулливеръ. Въ Нью-Маркетъ говорятъ, думаютъ только о лошадяхъ: надобно ржать, чтобы васъ слушали, и рыть копытами землю, чтобы обратить на себя вниманіе, и уваженіе измѣняется по количеству футовъ, которые можете перескочить разомъ.

Въ Нью-Маркетъ собираются первѣйшіе охотники до лошадей; тамъ жокеи учатся позволительнымъ хитростямъ, — нагибаться какъ-можно болѣе впередъ, чтобы обмануть судью скачки и похитить побѣду; тамъ самолюбіе старается успокоиться, увеличивая препятствія, вырвавшія изъ рукъ побѣду; тамъ собирается знаменитый клубъ жокеевъ, котораго члены почти одни ведутъ лошадей къ побѣдамъ на всѣхъ Англійскихъ скачкахъ. Этой-то страсти Англичанъ къ лошадямъ, этому-то участію, энтузіасму, возбуждаемому ихъ соперничествомъ, ихъ торжествами, надобно приписывать улучшение лошадиныхъ породъ въ Великобританіи. Не входя въ разборъ достовѣрности *Steed-Book*, надобно замѣтить, что усовершенствованіе породы вообще началось не такъ давно. Сиръ Эдвардъ Гервудъ, въ запискѣ, составленной въначалѣ царствованія Карла I, говоритъ, что Англія такъ бѣдна лошадьми, способными къ войнѣ, что во всемъ государствѣ не найти ихъ и для двухъ тысячъ конницы. Это уже совершенно измѣнилось въ то время, когда жимъ историкъ Юмъ. «Нынче, говоритъ онъ, воспитаніе до того улучшило породу лошадей, что всѣ почти лошади, употребляемыя въ земледѣліи, въ извозѣ и каретныхъ, годились бы «для кавалеріи.»

Это общее усовершенствованіе лошадиной породы должно быть цѣлю при учрежденіи скачекъ. Это — искусство, точно также какъ драматическое искусство. Объ немъ написано множество книгъ, которыхъ скачущіе въ полуденной Россіи, вѣрно, никогда не читали (Изъ уваженія къ Москвѣ, я нигдѣ не упоминаю о Московскихъ скачкахъ). Дѣло не въ томъ, чтобы взять казацкую лошадь и кнутомъ заставить ее скакать. Это не скачка. Скачка требуетъ искусства. Трудно вообразить себѣ, до какой степени доведена въ Англии быстрота бѣга лошади, посредствомъ пра-

вить, стараний, ума и размышления, и какъ трудна истинная побѣда на повярнѣ, на которомъ являются животныя, достигшія такой высокой образованности.

Чтобы постичь, какіихъ денегъ, усилій и опытовъ стоитъ это, надобно сперва знать настоящее значеніе словъ, употребляемыхъ въ жокейскомъ искусствѣ. Что значитъ, напримеръ, *to train for race*, *выздить лошадь для скачки*? Само собою разумеется, что какъ бы ни благородно было происхожденіе коня, — а это всегда первое условіе, — но нельзя тотчасъ довести его до необходимой быстроты. За шесть или за полтора мѣсяца до скачекъ, лошадь приготавливаютъ къ этому особаго рода содержаніемъ. Ей даютъ слабительное; проваживаютъ ее шагомъ; кормятъ только овсомъ съ весьма небольшимъ количествомъ сѣна; она дѣлается постояннымъ предметомъ попеченій нарочнаго для ней человека, которому платять по четыре рубля въ день. Весь лишний жиръ долженъ исчезнуть. Однажды въ недѣлю покрываютъ ее шерстяными коврами и вощинами, въ соразмѣрности съ вѣсомъ, который она должна потерять. Покрывъ ее такимъ образомъ, искусный жокей скачетъ на ней шесть или семь Англійскихъ миль. По возвращеніи въ конюшню, ее гладятъ, чистятъ, колятъ. Члены ея, не столь крутые, приобретаютъ болѣе крепости; теряя тяжелый и безполезный жиръ, она приобретаетъ легкость.

Всадника содержать точно такъ же какъ лошадь, за исключеніемъ только пищи; та же цѣль, тотъ же успѣхъ, но успѣхъ часто болѣе быстрый, потому что человекъ помогаетъ дѣйствію собственной волею. Дѣйствіе испаринны несомненно. Года два назадъ, извѣстный Французскій скаковой охотникъ, шоловинскъ Рибосекъ (убитый 28 іюля), динился своего Англійскаго жокея за нѣсколько дней до королевской скачки. Другой знаменитый Англійскій жокей, Томъ Видльсонъ, соглашался скакать на лошади Г. Рибосека, но по несчастію, онъ осьмнадцатью фунтами тяжеле чѣмъ надобно, и сегобы не приняли въ борьбу. Это было въ пятницу; скачка назначена была на воскресенье, и въ воскресенье Томъ Видльсонъ былъ уже не тяжеле назначеннаго: въ пятьдесятъ два часа онъ сбавилъ искусствомъ съ своихъ костей осьмнадцать фунтовъ вѣса!

Весь действительно дѣло весьма важно: исчислено, что каждый лишній фунтъ веса лишаетъ лошадь семи сажень быстроты на Англійской милѣ, то есть, почти одной сажени на ств сажень. Исчислите жь еще то, что могутъ придать коню кровь, порода, упражненіе и сложеніе, «Эклипсъ», пользовавшійся въ Англій большую знаменитостію, Эклипсъ, котораго имя и понычъ произносятъ тамъ съ уваженіемъ, пробѣгалъ сорокъ семь футовъ, то есть, почти семь сажень въ секунду. «Геркулесъ», одержавшій въ 1833 году побѣду на скачкахъ въ Парижѣ, пробѣгалъ сорокъ два. Но въ Англій бывали лошади, которыя пролетали по 87 футовъ, то есть, по 12½ сажень въ секунду: право, вѣтеръ щесетса не скорѣе. Это дѣлала впрочемъ только одна лошадь, знаменитая въ дѣтюдняхъ Гишпании, которая пробѣгала Англійскую милю (полторы версты) въ минуту, — первую милю въ минуту, а двѣ вторыя въ три минуты. Я думаю, что эта великая лошадь должна быть знаменитѣе самого Паганини, который, сказать мимоходомъ, не умеръ, хотя Г. Жюль-Жаненъ и просилъ уже у него прощенія въ томъ, что такъ усердно его злословилъ.

Но судьба этихъ коней-артистовъ, увы, та же какъ и Паганини, — какъ и всѣхъ артистовъ. Они велики только пока удивляютъ своимъ дарованіемъ и получаютъ ввнды. Тогда ихъ ласкаютъ, обнимаютъ, цѣлуютъ, поздравляютъ. Человека подличаетъ передъ лошадью какъ мерзавецъ. Но погоди несколько дѣтъ, и эти побѣдоносные бѣгуны, записанные въ золотую книгу, прославленные въ журналахъ, станутъ возить какой-нибудь фэзтонъ Общества Фэзтоновъ, а можетъ-быть, и извозничьи роспуски. Съ людьми и благородному животному нельзя имѣть дѣла!

ФРАНЦУЗСКИЙ ТРАТЪРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Lavater, Laface*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Гг. Ромфора и Бриссэ.

Въ наше время уже никто не вѣритъ наукѣ Физіогномикъ, созданной Даватеромъ, никто, развѣ кроме автора книги: «Картина человека.» А жаль; книга Даватера, которую нынче можно найти почти только въ большихъ библіотекахъ, очень любопытна и достойна имѣть читателей.

Прежде всего вамъ надобно знать, что Лафатеръ былъ умъ добросовѣстный и человекъ удивительный. Его знаешь и любишь съ самаго предисловія. Съ какимъ простодушіемъ добрый Лафатеръ предлагаетъ вамъ прочесть и обсудить его книгу, какъ-будто авторъ и читатель сидятъ рядышкомъ. — «Прочтите ее два раза, говорятъ онъ, если хотите судить объ ней здраво; а если хотите возражать мнѣ публично, то прочтите ее хоть разъ.» — Лафатеръ присовокупляетъ: «Если вы не найдете въ книгѣ моей источника удовольствій тихихъ и чистыхъ, если въ душѣ вашей не возрастетъ уваженіе къ достоинству человеческой природы, если вы не почувствуете болѣе нѣжнаго благоговѣнія и живѣйшей радости при мысли о творцѣ всякаго совершенства, скажите тогда, что я обманулъ васъ; бросьте мою книгу въ огонь или пришлите ее ко мнѣ: я отдамъ вамъ деньги, которыя вы за нее заплатили.» — Нужно ли вамъ послѣ этого видѣть лице Лафатера и изучать науку о чертахъ лица, чтобы оцѣнить характеръ этого человека? «Я отдамъ вамъ деньги, которыя вы за нихъ заплатили!» Какой другой писатель осмѣлился бы нынче выставить эти слова въ началѣ своей книги? Напишите-ка это въ предисловіи хоть-бы..... Но злословить ненадобно. Мы знаемъ не много писателей и издателей довольно богатыхъ для этого. Лафатеръ стоитъ безсмертія за одно это предисловіе.

Кромѣ того, Лафатеръ былъ еще добродѣтельный пасторъ, исполненный христіанскаго благочестія и милосердія, честный, ученый, добрый гражданинъ, государственный человекъ, весьма уважаемый въ своемъ отечествѣ. То былъ прекрасный характеръ. Много, много добра дѣлалъ онъ людямъ и своему отечеству,—однако жъ, какъ бы то ни было, предисловіе его лучше всего, что онъ сдѣлалъ.

Въ драмѣ Гг. Рошфора и Бриссѣ вы не найдете ни Лафатера, ни его предисловія.

Въ Швейцаріи есть замокъ, въ этомъ замкѣ знатный господинъ, котораго зовутъ барономъ Штейнахомъ, и который хочетъ выдать дочь свою Лесли за другаго знатнаго господина, Остервальда. Баронъ, ревностный почитатель Лафатеровой системы послалъ ему портретъ будущаго своего зятя, а Лафатеръ прислалъ ему въ отвѣтъ гром-

кія похвалы человека, изображеннаго на этомъ портретѣ. Мнѣніе Лафатера было въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе излишне, что одинъ плутъ подвинулъ портретъ Остервальда другому, и что баронъ еще прежде отсылки портрета, обвѣщалъ Остервальду руку своей дочери. Вы ясно догадаетесь, что Остервальдъ негодяй, который боится зоркихъ глазъ Лафатера, а что Французскій живописецъ Шарль Дюмонтель, котораго портретъ посланъ былъ къ Лафатеру, есть честный человекъ этой драмы. Г. Дюмонтель влюбленъ въ Лесли, и я увѣрю васъ, что онъ на ней женится.

Во второмъ дѣйствіи мы въ деревнѣ, гдѣ живетъ Лафатеръ со старою служанкою. На столѣ у Лафатера стоятъ бюсты Вольтера и Руссо; онъ объясняетъ черты ихъ. Лафатеръ открываетъ намъ, что Руссо великій писатель, мизантропъ и энтузіастъ въ одно и то же время, человекъ печальный, склонный къ мечтаніямъ и другъ всѣхъ утопій. Что касается до Вольтера, то Лафатеръ говоритъ, что онъ тоже былъ великій писатель, краснорѣчивый, остроумный, насмѣшливый, тщеславный и себлюбивый.

Плутъ, который служить Остервальду, Цыганъ; онъ притѣвжаетъ въ эту деревню, по приказанію своего господина, чтобы дохитить изъ пасторскаго дома актъ женитьбы, заключенной нѣкогда въ этой деревнѣ. Въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, отъ живой жены жениться нельзя: нелюдяно; что ему отецъ хочетъ достать этотъ актъ. Къ несчастію для Остервальда, Суворовъ выжегъ эту деревню, и свадебный договоръ исчезъ вмѣстѣ съ пасторскимъ домомъ.

Между тѣмъ приходитъ къ Лафатеру какая-то женщина и проситъ убѣжденія. Эта женщина рассказываетъ Лафатеру, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ она была обманута въ этомъ кантонѣ однимъ иностранцемъ, который обманулъ ее ложною свадьбою въ разрушенной часовнѣ этого села. Трудно немножко понять, отчего Лафатеръ думаетъ, что мужъ или ложный мужъ этой женщины долженъ быть Остервальдъ. Какъ бы то ни было, но онъ отправляется въ замокъ барона Шлейнаха, чтобы увѣриться въ этомъ.

Въ замкѣ Лафатеръ взглянувъ на Шарля и на Остервальда, тотчасъ узнаетъ, что одинъ изъ нихъ Шарль, другой

Остервальдъ. Вотъ что значить быть физиогномикомъ. Шарль признается ему въ любви своей къ Лесли, и Лаэтеръ обещаетъ женить его на ней. Этого мало: Лаэтеръ беретъ на себя обвинять ихъ въ ту же самую ночь къ часовымъ замка. Въ четвертомъ дѣйствіи мы видимъ эту часовню, подвѣнную часовню, которая со всехъ сторонъ издастъ криккій запахъ старой мелодрамы. Цыганъ и Остервальдъ ищутъ въ этой часовнѣ свадебнаго договора, котораго уже вездѣ искади. Шарль и Лесли приходятъ туда въ свою очередь, а наконецъ и та незамѣстная женщина, которая приходила къ Лаэтеру, и которая не что иное какъ жена Остервальда. Къ счастью для Остервальда, жена его не нашла свадебнаго договора, котораго онъ ищетъ. Благодаря Русскимъ, онъ можетъ запереться; но Шарль узнаетъ въ этой несчастной, оболыщенной женщинѣ сестру свою. Шарль дерется съ Остервальдомъ и смертельно его ранитъ: плохое средство возратить сестръ мужа.

Въ драмѣ есть еще и пятое дѣйствіе. Въ этомъ пятомъ дѣйствіи у раненаго стараются выманить признаніе въ его преступленіи; но Остервальдъ нагло запирается. Тогда Лаэтеръ, самый изобрѣтательный человекъ на свѣтѣ, посылаетъ за Цыганомъ, сказавъ Лесли, чтобы она надѣла брачное платье. Цыганъ, видя, что на ней венокъ изъ бѣлыхъ цвѣтковъ померанца, надѣваемый обручальными, думаетъ, что она обвиняна съ его господиномъ и хохочетъ въ яростной радости. Я увѣренъ, что вы отъ роду не видавали Цыгана заве этого. Десять лѣтъ уже хлопоталъ онъ о томъ, чтобы сделать господина своего двоеженцемъ и наконецъ успѣлъ. Остервальдъ никогда погубилъ все самоотро этого Цыгана, и онъ отмщется за себя, показывая Лаэтеру свадебный договоръ своего господина. Остальное разумеется само собою. Остервальдъ умираетъ; Цыганъ въ отчаяніи отъ того, что господинъ его набивалъ каторжной работы, которую онъ такъ давно ему готовилъ; Лесли выходитъ замужъ за Шарля; Королина, сестра Шарля, не выходитъ ни за кого, а Лаэтеръ благословляетъ, обнимаетъ и поучаетъ присутствующихъ безъ устали. Все это называется Лаэтеръ, драма въ пяти дѣйствіяхъ.

Авторы этой драмы писали ничто и подучше. Г. Рощ-

еоръ особенно сочинилъ два превосходнѣйшя произведенія: оперу Вертеръ и драму Жоко; но въ Вертерѣ рѣчь шла о Вертерѣ, а въ Жоко мы по-крайней-мѣрѣ видали Жоко. Въ драмѣ, о которой говорили мы можно бы поставить Жоко вместо Лаэтера. Надобно сказать даже, что Жоко лучше Лаэтера искалъ свадебнаго договора, затеряшагося между скалами и развалинами и необходимѣго для развязки.

2. Marguërite de Quéhuz, *Маргарита Келюсъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Фушѣ и Денойѣ.

Вареоломеевская ночь была сюжетомъ не одной елезной мелодрамы; она принадлежала всѣмъ, Вольтеру, Г. Меримѣ, а наконецъ Г-ну Фушѣ.

Въ новой мелодрамѣ, графъ Келюсъ, играя важную роль въ кровавыхъ расприхъ гугенотовъ и католиковъ, лишившись въ этихъ ужасныхъ битвахъ жены, семейства, родныхъ, друзей, сдѣлался свирѣпымъ католикомъ. Когда въ ночь 24 августа 1572 года раздала набатъ, графъ Келюсъ былъ уже вооруженъ съ головы до ногъ, и при первыхъ кровавыхъ крикахъ, онъ пошелъ по городу, и рвалъ всѣхъ гугенотовъ, которые попадались ему подъ руку. Насытивъ месть свою, онъ возвращается домой, чтобы отдохнуть отъ ужасовъ этой ночи.

Дома онъ находитъ единственную дочь свою Маргариту, единственныи остатокъ всего своего семейства, прелестную двушку, живой портретъ своей матери. Маргарита также родилась католичкою; но осьмнадцати лѣтъ она встрѣтила Людовика, гугенота; она полюбила Людовика, который притомъ былъ двоюродный братъ ея, и не могла обратитъ его въ католическую религію, она сдѣлалась протестанткою, и потому эти гугеноты вступили въ бракъ, какъ настоящіе гугеноты, не испросивъ согласія родителей; вотъ вѣсть, которая ожидаетъ графа Келюса, когда онъ возвращается съ Вареоломеевской рѣзки.

И что жъ вы думаете! Эта вѣсть должна бы быть ужасною вѣстью для католика, каковъ Г. Кемось, который приходитъ домой, покрытый гугенотскою кровью, и между тѣмъ она не производитъ въ немъ сильнаго впечатлѣнія. Напротивъ, онъ принимаетъ ее настоящимъ философомъ. Въ эту

ночь онъ перебилъ уже такъ много гугенотовъ, что мечь его насыщена и онъ даже не жалеть, что не умертвилъ зятя своего, гугенота Людовика; въ сердцѣ его не осталось уже ни малѣйшей злобы. Онъ охотно прощаетъ Маргариту и отреченіе и тайный бракъ, и даже я думаю, что если бъ его попросили хорошенько, онъ началъ бы клясться Лютеромъ и Кальвиномъ.

Все спокойно въ этомъ домѣ, какъ вдругъ одинъ отвергнутый обожатель Маргариты, тоже графъ, но католикъ, является къ Келюсу и громко требуетъ, чтобы соперникъ его Людовикъ, какъ гугенотъ, былъ выданъ ему на смерть. Келюсъ не рѣшается; ему совсѣмъ не хочется, чтобы зять его былъ умерщвленъ; но тотъ графъ даетъ ему почувствовать, что онъ только изъ милости требуетъ выдачи одного Людовика, что Людовикъ не одинъ гугенотъ въ этомъ домѣ и что Маргарита также опасная протестантка. Эти слова приводятъ Келюса въ трепеть; онъ соглашается предать зятя, лишь бы только спасти дочь свою.

Эти два ревностные католика условливаются въ слѣдующемъ: Людовика выпустятъ какъ будто для того, чтобы спасти его, изъ комнатъ въ садъ, изъ сада на улицу; тамъ прежній обожатель Маргариты будетъ ждать его, чтобы зарѣзать на досугъ. Этотъ адской проектъ удался бы, если бы у Людовика не было малейшаго пажъ, прекраснѣйшаго, преданнѣйшаго изъ пажей. Этотъ пажъ прячется въ какомъ-то странномъ саду, раздѣленномъ на-двое шпалерами, видно нарочно для того, чтобы въ немъ нельзя было говорить по секрету. Тутъ молодой пажъ узнаетъ, какую пошлую хитрость придумали эти честные господа, чтобы погубить его господина. Пажъ рѣшается пожертвовать собою; онъ надеваетъ плащъ и шляпу Людовика, выходитъ черезъ условленную калитку и его убиваютъ, какъ гугенота. Забудьте, что этотъ молодой человекъ ни сколько не влюбленъ въ Маргариту Келюсъ, отчего самопожертвованіе его еще невѣроятное и достойнѣе всякаго уваженія.

Съ тѣхъ поръ графъ Келюсъ сталъ жить да поживать посреди дѣтей своихъ, зятя своего гугенота и дочери своей протестантки, которые со временемъ прижили ему малень-

кихъ и миленькихъ внучать-гугенотовъ, и доживъ до старости, онъ скончался въ мирѣ.

3. *Les Mineurs, Рудокопы*, мелодрама, Г. Франси.

Далекарлійскіе рудокопы собрались какъ мужики въ Вильгельмъ Тель, чтобы придумать средства избавиться отъ губернатора, который содержитъ ихъ въ ужаснѣйшемъ угнетеніи. Этотъ губернаторъ похитилъ дочь одного изъ рудокоповъ. Всѣ рудокопы пламенную мщеніемъ; несчастная дѣвушка прибѣгаетъ въ безпорядкѣ и кричитъ: мщеніе! Тутъ является какой-то незнакомецъ и вполголоса кричитъ: мщеніе! А потомъ рудокопы спускаются въ рудникъ, чтобы пообвдать!

Въ этомъ мѣдномъ рудникѣ тотъ же незнакомецъ, котораго вы видѣли въ первомъ дѣйстви, везетъ тачку. Между тѣмъ мятежъ, вспыхнувшій въ первомъ дѣйстви, еще не потухъ; напротивъ, онъ разгарается и мятежникамъ не достаетъ только предводителя. Незнакомецъ говоритъ имъ: я Густавъ Ваза!

Едва Густавъ Ваза успѣлъ объявить свое имя, какъ суровый губернаторъ является—точнехонько, какъ въ Вильгельмъ Тель. — Но вы, конечно, знаете, что Густавъ, гонимый, преслѣдуемый, не въ рудникѣ, а на площади, посреди бѣлаго дня открылся своимъ Далекарлійцамъ. Но театру необходимо нуженъ былъ мѣдный рудникъ и авторы этой мелодрамы поставили ему мѣльный рудникъ; они придумали, что Густавъ, захваченный врасплохъ этимъ губернаторомъ, принужденъ притвориться мертвымъ. Губернаторъ, видя этотъ трупъ, обнажаетъ шпагу и ударяетъ его: трупъ не шевелится и рудокопы уносятъ Густава, чтобы похоронить его.

Наконецъ въ третьемъ и последнемъ дѣйстви, Густавъ воскресаетъ; рудокопы бросаются къ оружію, дерутся, входятъ въ городъ, берутъ приступомъ цитадель и губернатору рубятъ голову, какъ и слѣдуетъ въ мелодрамѣ.

4. *Un mariage en province, Женитьба въ провинціи*, водевилъ въ четырехъ картинахъ, Г. Монтинья.

Это длинная и прішлая насмѣшка надъ злочлюченіями од-

ного бедняка, который женится въ провинціи. Въ первомъ дѣйствиі мѣра нѣтъ дома, а женихъ отыскиваетъ его помощника, чтобы *свалить* свадьбу. Во второмъ дѣйствиі священника не сыщутъ. Въ третьемъ теща не хочетъ, чтобы молодые спали вмѣстѣ, потому что свадьба была 13 числа, въ несчастный день, наконецъ въ четвертомъ дѣйствиі, молодой, выгнанный въ дождь, влѣзаетъ въ окно и теща прощаетъ его, потому что это случилось въ два часа почью, слѣдственно, и не 13 а 14 числа.

Эта миленькая комедія нерѣдко прерывается глухими шутками какого-то путешествующаго прикащика, продолжа непромокаемыхъ шляпъ, самаго жалкаго изъ всѣхъ возможныхъ прикащиковъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

5. *L'Agnes de Belleville, Бельвилльская Агнеса*, водевилъ въ трехъ дѣйствиіяхъ, извлеченный изъ романа Поль-де-Кока, Г-мъ Поль-де-Коккомъ.

Г. Поль-де-Кокъ написалъ романъ, «Бельвилльская дѣвственница». Самое заглавіе романа уже было остроумно и пало эпиграммкою. Между-тѣмъ Г. Поль-де-Кокъ переименовалъ это заглавіе и назвалъ водевилъ свой «Бельвилльскою Агнесою». Это важной шагъ къ благопріятности, и слѣдственно, мы можемъ разсказать вамъ содержаніе этого водевиля, *потому-лику, покуда* можно разсказать содержаніе книги Г. Поль-де-Кока. Бельвилльская дѣвственница, или Агнеса, — честная дѣвушка, которая всякую минуту подвергается опасности перестать быть таковою. Вся соль романа и водевиля состоитъ въ томъ, что дѣвица Вергинія Трувѣ понадается непрерывно въ самыя соблазнительныя положенія и выходитъ изъ нихъ цѣла и невредима. Наконецъ она выходитъ за кого-то за мужа и вдругъ теряетъ титулъ и Агнесы и дѣвственницы.

6. *Plus de jeudi, Не будетъ болше четверговъ!* водевилъ въ двухъ дѣйствиіяхъ, Г. Виктора Дюканжа.

Съ тѣхъ поръ какъ Викторъ Дюканжъ умеръ, мы въ первый разъ объ немъ слышимъ. Какъ скоро забыть этотъ человекъ, этотъ знаменитый авторъ «Тридцати лѣтъ или

Жизни игрока», который въ свою жизнь излекалъ больше слезъ, чѣмъ всѣ классики прошедшаго вѣка вывѣсть. Дѣло въ томъ, что самыя сильнѣйшія ощущенія проходятъ скоро, а слогъ остается; дѣло въ томъ, что самыя интересныя драматическія сцены живутъ не долго, если ихъ не подерживаетъ ничто неумирающее — поэзія. Викторъ Дюканжъ былъ человекъ, одаренный воображеніемъ могущественнымъ; это неоспоримо. Никто не умѣлъ лучше его готовить театральныя эффекты. Онъ переводилъ зрителей отъ удивленія къ удивленію, отъ ужаса къ ужасу, отъ страсти къ страсти. Онъ былъ полнымъ властелиномъ публики, которая ходитъ въ театръ по воскресеньямъ, публики, состоящей изъ лавочниковъ, работниковъ и кухарокъ, которые аплодировали ему изо всей силы мощныхъ рукъ своихъ. И замѣьте, что онъ писалъ во-сто разъ лучше всѣхъ господчиковъ съ претензіями, которые заступили въ Парижъ его мѣсто; замѣйте, что онъ былъ человекъ пламенный, ученый, и нарочно дѣлался довкмыъ и пошлымъ, чтобы вѣрнѣе достигать успеха, и потому что онъ любилъ восторги и рукоплесканія своей публики. И что жъ осталось отъ всего этого? Онъ умеръ, и его забыли. Если бъ онъ не унижалъ своего великаго драматическаго таланта, если бъ онъ съ важностію занимался своимъ искусствомъ, если бъ онъ не воображалъ себя, что воскресная публика не хуже другой, имя его не было бы такъ скоро предано забвенію. Дюканжъ есть великій урокъ тѣмъ драматическимъ писателямъ, которыхъ слава сидитъ въ райкѣ!

Какъ бы то ни было, водевилъ Дюканжа, — очень миленькій водевилъ, и легко быть можегъ, что Дюканжъ самъ, еще при жизни, писалъ его. И сюжетъ, и сцены этой пьесы совершенно въ его вкусъ и въ его правахъ. Рѣчь идетъ о двухъ частныхъ ремесленникахъ, которые имѣютъ похвальный обычай праздновать четвертки обильными возливаніями у ближняго винопродавца. Жюльенъ и Мишель оба уже съ годъ женаты, оба пять дней въ недѣлѣ трудолюбивы, по воскресеньямъ довольно учтивы съ женами, но по четвергамъ рѣшительно песносны. Жены ихъ, обѣ молоденькія и сосѣдки, придумываютъ хитрость, чтобы отучить ихъ отъ четверговъ.

Ночь: Жюльенъ и Мишель пьянствуютъ у винопродавца и придуть домой *еле живые*. Паутовки ставятъ вывѣску Жюльена надъ дверями Мишеля, а вывѣску Мишеля надъ дверями Жюльена. Пьяницы возвращаются, и Жюльенъ ложится въ постель Мишеля, Мишель въ постель Жюльена.

Вы можете вообразить какъ эти честные пьяницы перепугались, когда на другой день замѣтили свою ошибку. И такъ, они преступники противъ воли! Жюльенъ оплакиваетъ безчестіе Мишеля, Мишель оплакиваетъ безчестіе Жюльена: оба хотятъ умереть: но жены прибѣгаютъ и успокаиваютъ ихъ. Послѣ этакого урока оба клянутся, что впередъ четверговъ не будетъ.

7. *La mère et la fiancée, Мать и невеста*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюпора и Леонса.

Предметъ взятъ изъ исторіи Америкапской войны. Водевилъ такъ глупъ, что нельзя сказать.

8. *Un de ses frères, Одинъ изъ его братьевъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Лѣвана и Маньена.

Его, то есть, Наполеона. Анекдотъ, на которомъ основанъ водевилъ, гораздо лучше *его*,—только не Наполеона, а водевиля. Мы расскажемъ водевилъ. Жеромъ, братъ *его*, былъ большой повѣса, и проказничалъ еще по ночамъ, когда уже Наполеонъ былъ на престолѣ. Строгий императоръ, который хотѣлъ вывести *его* въ люди и обдумывалъ въ тайнѣ, гдѣ бы создать для него королевство, часто мылъ ему голову съ братнимъ деспотизмомъ, но ни что не помогало. Жеромъ таскался по трактирамъ, и разнымъ другимъ тому подобнымъ мѣстамъ, съ разгульною молодежью, которая помогала ему веселиться и дѣлать долги. Однажды Наполеонъ позвалъ *его* къ себѣ и объявилъ, что завтра произведетъ *его* указомъ въ король Вестфальскаго королевства, которое онъ только что выдумалъ. Вышедши отъ брата, новый вѣнценосецъ повстрѣчался на улицѣ съ Пиго-Лебрёномъ и еще нѣсколькими пріятелями изъ своей ватаги. «Пойдемъ къ Балену, сказалъ онъ, ужинать въ послѣдній разъ въ трактирѣ. Завтра я король, и мнѣ уже невозможно будетъ возиться.» Они отправились; приказали

подать себѣ роскошнѣйшія блюда, принести изъ погреба отличнѣйшія вина, пили, ломали посуду долго за полночь, и Жеромъ, въ изліяніи чувствъ сердечной дружбы, воспламенной искрами шампанскаго, сталъ по-королевски раздавать имъ придворныя мѣста завтрашняго государства, назначивъ одного своимъ камергеромъ, другаго флигель-адъютантомъ, третьяго шталмейстеромъ, четвертаго секретаремъ, и такъ далѣе. Когда они собирались уйти, является Баленъ съ преогромнымъ счетомъ и покорнѣе просить заплатить за ужинъ и посуду. Ни у кого изъ нихъ не было денегъ! Надобно было уговаривать хозяина, который не зналъ никого изъ нихъ лично, чтобы онъ повѣрилъ имъ въ долгъ до завтра. Баленъ не хотѣлъ и слушать, и, догадываясь, что это должны быть плуты сталъ грубить честной компаніи. Завязалась ссора. Пяго-Лебрёнъ, который шумѣлъ пуще всѣхъ, до того разсердился трактирщика, что тотъ схватилъ его за грудь. «Кто ты такой? кричалъ ему Баленъ: говори, мошенникъ, кто ты?» — Я секретарь его величества короля Вестфальскаго. — «Короля Вестфальскаго! воскликнулъ изумленный Баленъ, зная хорошо, что такого короля нѣтъ на свѣтѣ, короля Вестфальскаго? Да вы, господа, рѣшительно плуты! Извольте объявить мнѣ тотчасъ ваши фамиліи и званія, не то, я не выпущу васъ отсюда. Кто вы таковы, сударь?» — Я флигель-адъютантъ его величества короля Вестфальскаго. — «Хорошо! хорошо!» — А я шталмейстеръ его величества короля Вестфальскаго. — А я камергеръ его велич..... — «Понимасмъ! видали мы этакихъ!» сказалъ трактирщикъ, и, указывая на Жерома, прибавилъ съ насмѣшкою: — «А этотъ ужъ вѣрно самъ король Вестфальскій?..... Вотъ мы увидимъ. Малый! бѣги за полиціей.....»

Утверждаютъ, что его величество король Вестфальскій въ самомъ дѣлѣ просидѣлъ эту ночь въ полиціи. Наполеонъ, узнавши объ этомъ, принужденъ былъ отсрочить возведеніе его въ король, и, объявивъ его черезъ два мѣсяца владѣтелемъ новаго государства, самъ назначилъ всѣхъ чиновниковъ его двора.

9. *L'habit ne fait pas le moine*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

10. *La folle de la Bérezina*, Березинская сумасшедшая, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Первый изъ этихъ двухъ водевилей безбожный, второй безтолковый. Одна молодая жепщина, — мы говоримъ о второмъ, — лишилась своего возлюбленнаго въ сраженіи при Березинѣ, и ума при размышленіи объ этомъ случаѣ. чтобы вылечить ее отъ сумасшествія, придумали, — Г. Балзакъ придумалъ это, — потвинить ее представленіемъ погѣбели Французской арміи на берегахъ Березины. Пять человекъ маршируютъ на сценѣ: это отступление великой арміи. Два лѣсничіе ходятъ кругомъ ихъ: это казаки. Что вида, сумасшедшая тотчасъ выздоровѣла и вышла замужь.

11. *Les deux reines*, *Дѣль королевы*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Г. Мопу, слова Гг. Фредерика Сулиѣ и Арну.

Шведская королева, Христина, отрекшись отъ престола, проѣзжаетъ никогниго черезъ Данію, и останавливается въ трактиръ. Датская королева, Марія, желаетъ взглянуть на свою знаменитую соперницу, и переряжается служанкою того жъ трактира. Обѣ королевы поютъ по этому случаю много дуэтовъ, въ заключеніе цѣлуются. Музыку довольно хвалятъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Г. Меримѣ, какъ мы сказали въ прошломъ мѣсяцѣ, издавъ свое путешествіе по южной Франціи, *Notes d'un voyageur dans le midi de la France*. Это сочиненіе ни сколько не касается до читателей. Оно сухо, исключительно занято историческими памятниками, которыхъ авторъ имѣетъ честь быть инспекторомъ, начинено техническими терминами. Передъ этою массою поэтическихъ развалинъ, негдѣшными обломками Римскаго могущества, величественными остатками среднихъ вѣковъ, Г. Меримѣ, какъ настоящій инспекторъ, не вспыхнулъ ни одного разу энтузіасмомъ, не подвергся аневрическому біенію сердца, не заплакалъ, и даже не разсмѣялся. Онъ ходитъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ по разбитымъ капітелямъ и, вошедши въ готическую церковь съ разноцвѣтными стеклами, не падаетъ въ обморокъ. Книга

его холодна какъ камень и встрѣтила въ Парижѣ очень холодный приемъ. Г. Меримэ приобрѣлъ такую извѣстность подложными сочиненіями, что легко можетъ стать, что онъ написалъ путешествіе свое по развалинамъ южной Франціи, не вывѣжая изъ Парижа.

— Графъ Альфредъ де-Виньи издастъ скоро «важное» сочиненіе. Заглавіе «важнаго» сочиненія — *Servitude et grandeur militaires*.

— Мейерберъ написалъ новую оперу. Эту музыку уже учатъ, и Оперный Театръ дѣлаетъ большія приготовленія къ великолѣпной обстановкѣ пьесы.

— При совершенномъ недостаткѣ литературныхъ новостей, Парижская публика бѣжитъ смотреть на панораму Бородинской битвы. Тѣ, которые видѣли эту колоссальную картину гигантскаго сраженія, рассказываютъ объ ней чудеса. Искусная живопись, свѣжесть, блескъ и гармонія красокъ, строгая точность мѣстныхъ подробностей, которымъ оптическія средства сообщили всю силу впечатлѣній дѣйствительности, переносятъ васъ на мѣсто дѣйствія и дѣлаютъ очевидцемъ достопамятнаго событія. На пространствѣ двадцати верствъ обѣ арміи дерутся съ равнымъ мужествомъ и одинаковымъ счастьемъ: земля дрожитъ, пылаетъ пламенемъ орудій и пожаровъ, разлетается глыбами отъ ядеръ и конскихъ коней; массы кавалеріи несутся въ огонь, адъютанты скачутъ во всѣхъ направленіяхъ, Русскіе кирасиры рубятъ въ дыму Французскую артиллерію, принцъ Евгений защищается. Видъ поля сраженія взятъ изъ Семенскаго села. Французскій живописецъ, Г. Лаплуа, сочинитель этой великолѣпной картины, пріѣзжалъ нарочно прошлаго года въ Россію, чтобы изучить и списать съ натуры мѣстоположеніе, и пользовался здѣсь не только гостепріимствомъ, но благосклоннымъ содѣйствіемъ. Въ особенности удивляются вѣдописному эффекту большой лощины передъ селомъ и самаго села, разрушеннаго, сожженнаго, заваленнаго трупами.

— Тогда какъ Французы коверкаютъ свой языкъ, уродуютъ свой слогъ, кривляются, чтобы казаться веселыми, сочиняютъ повѣсти патологическія, фізіологическія, статистическія, юри-

дическія, романы полудикіе, напечатлѣнные угрюмостью, ненавистью противъ всѣхъ существующихъ учреждений, проклятіями на общество, неодолимою страстью закрашивать кровію свои картины, въ Бельгіи живетъ умный и веселый писатель, который пишетъ по-Французски гораздо лучше великихъ гениевъ Франціи. Слогъ его чистъ, пріятенъ, легокъ, теплъ, игривъ. Онъ подписывается Марсиліусомъ Брункомъ, но настоящая его фамилія—баронъ Рейфенбергъ. Въ Брюсселѣ вышелъ томъ его повѣстей подъ заглавіемъ *Lundi, nouveaux récits, par Marsilius Brunck*. Это уже второе его сочиненіе, и такъ же мило какъ первое. *Bruxelles en 1720* и *Histoire des fous* отличаются въ этомъ собраніи особенными красотоми.

— Матерямъ семействъ рекомендуемъ прекрасную книгу Г-жи Тремадёръ, *La pierre de touche, par Mlle Uliac Trémaheur*. Это родъ романа, но невозможно дать дочери своей книги, болѣе приспособленной къ утверженію ея въ чувствъ долга и любви добродѣтели. Сочинительница получила за нее медаль отъ Общества Первоначальнаго воспитанія.

— *Rodolphe de Francon, ou une Conversion au XVI siècle*, романъ, вышедшій за нѣсколько мѣсяцевъ, и о которомъ мы забыли сказать; можетъ быть прочтенъ съ удовольствіемъ, но пословица — на безводьѣ и ракъ рыба. Тѣмъ, которые не любятъ романовъ, предлагаемъ «Исторію Нормандіи», *Histoire de Normandie depuis les tems les plus reculés jusqu'en 1066*, сочиненіе, начатое Г. Ляке (Liquet) и которое продолжаетъ Г. Деппингъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Недавно еще, говоря о Больверѣ, мы сказали, что и для Германіи наступила литература насмѣшливая, подшучивающая надъ поэзіей, пародирующая старинную Французскую язвительность и кощунство Вольтера, — и вотъ молодой писатель съ дарованіемъ, подававшій о себѣ самыя лучшія надежды, является вдругъ поборникомъ этой жалкой литературы. Г. Гуцковъ вздумалъ однимъ разомъ сдѣлаться главой «юной Германской словесности», и написалъ философическій романъ, исполненный мерзости и богохульства. *Wally die*

Zweiflerin есть такое произведеніе, « котораго заглавіе должно знать только для того, чтобы никогда не читать самой книги.» Болѣзненное, вымученное, гадкое распутство соединяется въ ней съ презрѣніемъ всего священнаго. Авторъ увѣряетъ, между-прочимъ, что женщина должна стыдиться своей стыдливости, и почитать эту глупую игру словъ очень остроумною выдумкой!

— Сочиненіе Г. Гервинуса, Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen, замѣчательно во многихъ отношеніяхъ, и мы ожидаемъ только выхода слѣдующихъ частей, чтобы короче ознакомить съ нимъ нашихъ читателей.

— Недавно явились два альманаха Bad-Almanach, изданный Августомъ Левальдомъ, и Frühlings-Almanach Николаемъ Ленау. Это, какъ мы уже говорили однажды, лучшія произведенія современной Германской словесности. Въ первомъ замѣчательно стихотвореніе Рюккерга, Die Feuer von Vaku, и отрывки путешествій графини Оноа (Ainoi) по Испаніи, Reisebilder der Vorzeit, сообщенные Менцелемъ. Путешествіе это очень не ново: ему около полутора ста лѣтъ, но оно такъ мило и умно описано, что даже всякая дама съ удовольствіемъ перенесется къ временамъ любезной прабабки, графини. Наружность этого альманаха столь же привлекательна, сколько наружность его товарища поражаетъ безвкусіемъ. Вообразите золотой заглавный листъ, съ черными каймами и бѣлыми буквами! Здѣсь то Ленау напечаталъ своего Фауста, такое рабское подражаніе Гетеву, что даже въ стихахъ и языкѣ видно усиліе поддѣлаться къ великому подлиннику, усиліе, разумется, тщетное. Приведемъ для сравненія одинъ примѣръ. У Гёте, торжественный колокольный звонъ въ утреню Свѣтлаго Воскресенія умиляетъ Фауста; у Ленау, какіе-то жалобные звуки, издаваемые крестомъ на могилѣ его матери. Что можетъ быть страннѣе такого подражанія? Но по этому судите обо всемъ. Frühlings-Almanach особенно замѣчательнъ стихотвореніемъ извѣстнаго духовидца Юстина Кернера, Der Bärenhäuter im Salzbad. Это презабавная юморическая пьеса, гдѣ авторъ обращаетъ въ шутку прежнія свои видѣнія и подтруниваетъ надъ многочислен-

ными ихъ порицателями со всею свѣжестію ума и роскошью фантазіи. Прошу теперь спорить съ духовидцами, чтобы они послѣ насмѣялись вамъ въ глаза! Рюкертъ и Фицеръ также украсили этотъ альманахъ своими произведеніями.

— Германія страхъ богата лирическими стихотворцами. Вотъ и Г. Ферранъ издалъ новое собраніе поэтическихъ трудовъ своихъ, посвященное возлюбленной, говорящее только о любви, сильно растворенное слезами, и несмотря на то, довольно милое. Стихи легки и естественны..... но слезы почти на каждой страницѣ, — въ глазахъ, на лицѣ, на посовомъ платкѣ, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ! Второе мѣсто послѣ слезъ занимають у него румяныя щеки, *gothe Wangen*: пускай себѣ! это, по-крайней-мѣрѣ, признакъ здоровья.

— Баллады и романы I. Н. Фогля, которые недавно вышли въ Вѣпѣ, сентиментальны до приторности. Авторъ, какъ и большая часть его собратій, вмѣсто трогательныхъ картинъ подбиваетъ жалобными эпитетами и старается только выказать свою чувствительность, а не возбудить чувствительность другихъ. Это самое жалкое примѣненіе Горациева правила *Si vis me flere*.

— Мы должны еще обратить вниманіе читателей на весьма хорошо составленное собраніе лучшихъ Нѣмецкихъ стихотвореній, начиная съ Галлера до нашихъ временъ, изданное въ Лейпцигѣ Г. Густавомъ Швабомъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Племянникъ Вашингтона Ирвинга, Теодоръ Ирвингъ, написалъ родъ историческаго романа, *The conquest of Florida by Hernando de Soto*, котораго содержаніемъ обязанъ онъ преимущественно «Исторіи Флориды» сочиненной инкою Гарсиласомъ де-ла-Вега, а отдѣлкой—примѣру и вѣроятно еще ближайшему участію своего знаменитаго дяди. Это произведеніе неволью напоминаетъ *The Chronicle of the conquest of Grenada*, хотя далеко отстаетъ отъ нея и въ живописности предмета и въ очаровательности языка.

— *Scenes and characteristics of Hindostan*, очень милое и остроумное сочиненіе Г-жи Эммы Робертсъ, отличается ис-

тиной и живостью и, мѣстами, саркастической вѣкостью замѣчаній. Впрочемъ сочинительница избрала обширное поле: она поднимаетъ завѣсу съ домашней жизни Востока и смотритъ, то на нее, то на нравы и обычаи Европейцевъ, особенно Англо-Индійскаго общества. Должно отдать справедливость ревностной ея наблюдательности: она посвѣщала равнины и цвѣтущіе города, заглядывала въ крѣпости и въ лагеря, видала травлю тигровъ и охоту за оленями, путешествовала въ каретахъ, на лодкахъ и на посылкахъ, проникала въ глушь пустынь и жила подъ палаткой, даже просто подъ деревомъ, съ другими дамами, которыя сопровождали туда мужей своихъ, чтобъ они не умерли безъ нихъ съ тоски, постясь на однихъ павлинахъ и прислушиваясь къ воплю гienъ вмѣсто музыки.

— Какъ-бы въ противоположность прекрасному сочиненію Г-жи Робертсъ вышло въ одно и то же время недостойное мужское произведение, подъ заглавіемъ Woman as she is and as she ought to be. Незвѣстный авторъ, — и что-ль вѣкъ останется ему неизвѣстнымъ! — осмѣливается утверждать, будто, со временъ Евы и до нынѣшнихъ, женщины всегда были одинаковы, такъ же напривзы, такъ же сердиты, такъ же обманчивы, такъ же падки на новости, завистливы, любопытны, упрямы, бездушны, насмѣшливы, болтливы, притворны, вѣтренны, слезливы..... Нѣтъ смѣль далѣе выписывать! Этотъ ужасный человекъ говоритъ такіа вещи, что волосъ дыбомъ становится. Скажемъ ему вмѣстѣ съ сирь Вальтеромъ Скотомъ, что какъ всѣ мерзавцы, like all rogues, клевететь и онъ на прекрасный полъ.

— Мы имѣли случай подробно ознакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ ученыхъ трактатовъ, написанныхъ по завѣщанію герцога Бриджватера. Ихъ, какъ извѣстно, должно быть восемь, теперь вышелъ уже седьмой, въ которомъ ученый зоологъ, Г. Керби, изложилъ мысли свои «О могуществѣ, премудрости и благодати Божіей, въ примѣненіи къ сотворенію животнаго царства.» Къ сожалѣнію, авторъ вдается иногда въ изслѣдованія, не принадлежащія къ дѣлу, и позволяетъ себѣ предположе-

нія тамъ, гдѣ желательно было бы видѣть чистые факты. Онъ конечно воленъ почитать вѣроятнымъ, что «внутренность земли есть по-сю-пору огромный океанъ, населенный чудовищнымъ поколѣніемъ савровъ,» по зачѣмъ толковать объ этомъ, не поймавши своими руками ни одного чудовища, и еще въ сочиненіи, посвященномъ такому высокому предмету,—предмету, передъ которымъ подобныя догадки кажутся жалкими до ничтожества.

— Если бы мы не боялись утомить нашихъ читателей, мы сказали бы что-нибудь о пяти или шести новыхъ путешествіяхъ по сѣверной Америкѣ, которыя плодятся какъ въ Москвѣ невѣсты,—годъ отъ году. Подумаешь, что Англичане только и читаютъ одни эти путешествія. А въ самомъ дѣлѣ, едва-ли они ихъ читаютъ. Изъ нынѣшняго поколѣнія, книга Г. Латроба заслуживаетъ, по словамъ нѣкоторыхъ журналовъ, рѣшительное преимущество. Это нѣчто въ родѣ *Tour on the prairies* Вашингтона Ирвинга, котораго авторъ и дѣйствительно сопровождалъ въ этомъ путешествіи

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

- HISTOIRE DE LA CHUTE DE L'EMPIRE ROMAIN et du déclin de la civilisation, par M. *Simonde de Sismondi*. 2 vol.
- HISTOIRE D'ESPAGNE, depuis les premiers tems jusqu'à nos jours, par M. *Ch. Romey*. 6—7 vol., par souscription.
- HISTOIRE GÉNÉRALE DE LA CORSE, par J. M. *Jacobi*. 2 vol.
- LA VÉRITÉ SUR LES CENT JOURS, par *Lucien Bonaparte*, prince de Canino. 1 vol.
- LETTRES AUTOGRAPHES DE MADAME ROLAND, adressées à Bancal des Issarts, et publiées par Mme *Henriette des Issarts*, avec une introduction par M. de *Sainte-Beuve*. 1 vol.
- MÉMOIRES DU PRINCE DE LA PAIX, Don Manuel Godoy, duc d'Alcudia, prince de Bassano, etc., traduits sur le manuscrit original sous les yeux du prince par J. G. *d'Esménard*. 4 vol.
- PANTHÉON DES NATIONS, ou cent portraits et éloges des grands hommes de tous les tems et de tous les pays; par une société de cent artistes et des cent écrivains. Ouvrage colossal. Souscription avec des primes.
- ORIENT ET OCCIDENT, études politiques, morales et religieuses, par E. *Barraut*. 1 vol.

- DE LA CIVILISATION.** Venise. Raguse. Par M. *Eusèbe Sabverte*. 1 vol.
- LA RUSSIE** pendant les guerres de l'empire, souvenirs historiques par M. *Tiran*, avec une introduction par M. *Capefigue*. 2 vol.
- DICTIONNAIRE DE LA SANTÉ ET DES MALADIES**, ou la médecine domestique par alphabet, par M. *Grimaud de Caux*. 1 vol.
- DICTIONNAIRE DE PHYSIQUE** et de chimie, générales, théorétiques et appliquées, par une société de savans sous la direction de M. Gilbert. 3 vol., par livraisons.
- COURS DE GÉOMÉTRIE** élémentaire, par J. C. *Pascal*. 1 vol.
- ÉLÉMENTS** de mécanique industrielle, par *Stéphane Flachet-Mony*, 1 vol. 4°. avec 23 planches.
- L'ART DE FABRIQUER LES POTERIES** communes, usuelles, par M. *Bastenaire Daudenart*. 1 vol.

-
- COQUETTERIE**, roman, par l'auteur de *Treveyland*. 2 vol.
- LES AMOURS D'UN POÈTE** au XVIII et XIX siècles, roman, par MM. *Touchart-Lafosse* et *Dutouquet*. 2 vol.
- LAUZUN**, roman, par P. de *Musset*. 2 vol.
- MES RECAPITULATIONS**, nouvel ouvrage de M. J. N. *Bouilly*. 1 vol. avec beaucoup de portraits.
- DOUBLE RÈGNE**, chronique du XII siècle, par M. le vicomte d'*Arlincourt*. 2 vol.
- CORISANDE DE MAULEON**, roman, par l'auteur de *Natalie*. 2 vol.
- ROBERT LE MAGNIFIQUE**, histoire de la Normandie au XI siècle, par M. *Lottin de Laval*. 2 vol.
- BULLETIN BIBLIOGRAPHIQUE**, ou catalogue de livres à vendre, etc., par *Charles Nodier*, le baron *Reiffenberg*, *Duplessis*, *Delmotte*, etc. nouveau journal.

Английскія.

- ON THE POWER**, wisdom and goodness of God, as manifested in the creation of animals, and in their history, habits and instincts. By the Rev. *W. Kirby*. 2 vol.
- GLEANINGS IN NATURAL HISTORY.** Third series. By *E. Jesse*. 1 vol.
- AN ESSAY ON THE ORIGIN** and formation of the Romance languages, etc. By *George Cornwall Lewis*. 1 vol.
- SCENES AND CHARACTERISTICS OF INDOSTAN** and Anglo-Indian Society. By *Emma Roberts*. 3 vols.
- JOURNAL OF A RESIDENCE** and tour in the United-States and Canada, of North America, from April 1833 to October 1834. By *E. S. Addy*. 3 vols.
- THE RAMBLER IN NORTH AMERICA**, 1832, 1833. By *Charles Joseph Latrobe*. 2 vols.

JOURNAL OF AN EXCURSION to the United-States and Canada, in the year 1834. By a citizen of Edinburgh. 1 vol.

CANADA in the years 1832, 1833 and 1834. By an Ex-settler. 4 vol.

THE POLITICAL LIFE of Maha-Rajah Runjeet Singh, etc. By *H. T. Prinsep*. 1 vol.

THE LIFE of admiral Viscount Exmouth. By *Edward Osler*. 1 vol.

A TREATISE on pulmonary consumption, etc. By *James Clark*. 1 vol.

CHROMATOGRAPHY, or a treatise on colours and pigments, etc. By *George Field*. 1 vol.

THE CONQUEST OF FLORIDA by Hernando de Soto. A novel. By *Theodore Irving*. 2 vols.

THE SCHOOL OF THE HEART, and other poems. By *Henry Alford*. 1 vol.

SACRED POETRY of the seventeenth century. Vol. I. With an introductory essay and critical remarks. By the Rev. *R. Cattermole*.

ERNESTO, a philosophical romance. By *William Smith*. 3 vols.

THURLSTONE TALES. By the author of *Tales of a voyager to the Arctic Ocean*. 3 vols.

AUTOBIOGRAPHY of an Irish traveller. 1 vol.

STANLY, a tale of the fifteenth century. 3 vols.

Нѣмецкія.

GESCHICHTE der poetischen National-Literatur der Deutschen, von Dr. *G. G. Gervinus*. 1 Bd. Leipzig.

HANDBUCH des im Königreich Sachsen geltenden Civilrechts, von Dr. *Carl Fr. Curtius*. 1 Thl. 3 verm. Ausgabe. Leipzig.

LANDTAGS-VERHANDLUNGEN der Provinzial-Stände in der Preussischen Monarchie. Zehnte Folge. Herausgeg. von *J. D. F. Rumpf*. 1 Bd. Berlin.

SAMACHSCHARI'S GOLDNE HALSBÄNDER. Arabisch und deutsch von *Joseph von Hammer*. 2 Bd. Wien.

NEUE WIRBELTHIERE, zu der Fauna von Abyssinien gehörig, entdeckt und beschrieben von Dr. *Eduard Rüppel*. Säugethiere. 1 Lieferung. Frankfurt a. M.

DER HUND in seinen Haupt- und Neben-Racen durch 439 naturgetreue Abbildungen in Stahlstich dargestellt, etc, von Dr. *H. G. L. Reichenbach*. 1 Bd. Leipzig.

DER HEUTIGEN PHYSIK WIDERLEGUNG durch Folgerung aus Sinneswahrnehmungen im Bezug auf Luftdruck, Elementarkräfte und Bewegung. Von *R. Tschiffely*. 1 Bd. Aachen.

TASCHENBUCH zur Verbreitung geographischer Kenntnisse. Von *Joh. Gf. Sommer*. Für 1835. 1 Bd. Prag.

MEXICO in den ereignissvollen Jahren 1832 und 1833, und die Reise hin und zurück, etc. Von *C. C. Becher*. 4 Bd. Hamburg.

MEINE GROSSE REISE von Leipzig nach Oesterreich. Von * *r.* 1 Bd. Leipzig.

DAS GANZE der orientalischn-chinesischen Malerei, nebst bildlichen Darstellungen, etc. Herausgeg. von *P. Kobalsky*. 1 Bd. Leipzig.

ÜBERSICHTLICHE DARSTELLUNG der gesammten Baukunde. Mit einem angehängten kurzgefassten Grundriss der technischen Chemie, etc. Von *Dr. K. W. Dempp*. 1 Bd. München.

VOLLSTÄNDIGES RECHENBUCH. Nebst einer Anweisung zur Ausarbeitung richtiger Kosten-Anschläge. Von *Dr. K. W. Dempp*. 1 Bd. München.

BEREISUNG der Vereinigten Staaten von Nordamerica, mit besonderer Hinsicht auf den Erie-Kanal, von *A. Duttonhofer*. 1 Bd. Stuttgart.

NEUES ZUR SELBSTBELEHRUNG ABGEFASSTES Lehr- und Hülfsbuch der Mechanik. Von *Dr. Chr. Lebr. Rösling*. 1 Bd. Augsburg.

FÜNF BÜCHER deutscher Lieder und Gedichte. Von *A. von Haller*, bis auf die neueste Zeit. Eine Mustersammlung mit Rücksicht auf den Gebrauch in Schulen. Herausgeg. von *Gustav Schwab*. 1 Bd. Leipzig.

WALLY DIE ZWEIFLERIN. Roman von *Karl Gutschow*. 1 Bd. Mannheim.

BAD-ALMANACH. Herausgeg. von *August Lewald*. Stuttgart.

FRÜHLINGS-ALMANACH. Herausgeg. von *Nicolaus Lenau*. Stuttgart.

GEDICHTE von *E. Ferrand*. Neue Sammlung. 1 Bd. Berlin.

BALLADEN UND ROMANZEN von *Joñ. N. Vogl*. 1 Bd. Wien.

М О Д Ы.

Парижъ. Септѣбрь.

Осень есть родъ междуцарствія въ деспотической имперіи Моды. Приготавлиются великія событія, держатся тайные совѣты, щеголихи стовариваются, модистки бьгають, весь женскій міръ шепчется, — кака-нибудь юпка или кака-нибудь рукавъ зимою одержитъ побѣду, кака-нибудь матерія будетъ объявлена законною, но между-тѣмъ все остается въ неизвѣстности и каждая одѣвается по-своему. На осеннія моды нельзя полагаться. Тѣ, которыя хотятъ одѣваться со вкусомъ, должны избирать себѣ образ-

цы съ чрезвычайною разборчивостью. Во множествѣ модныхъ картинокъ, полученныхъ въ концѣ мѣсяца изъ Парижа, мы нашли только двѣ, которыя представляютъ истинно прекрасные костюмы, и соединили ихъ на приложенной картинкѣ. Гладкій атласъ и бархаты будутъ рѣшительно господствовать зимою. На осеннія платья употребляютъ красивые левантины полосатыя, или голубыя, Bleu Haïti, или темно-зеленыя, или темно-коричневыя; но уже видно много атласовъ, голубыхъ и зеленыхъ, и Африканскихъ бархатовъ.

Рукава — широкіе, какъ прежде.

Юпки всѣ длинны.

Корсажи часто бывають обшиты готическою блондою въ очень нарядныхъ платьяхъ.

Еще въ началѣ прошлаго мѣсяца бантъ прикалывали сбоку. Въ послѣдній большой приѣмъ при дворѣ, Французскія принцессы имѣли банты посреди кушака, банты довольно крупныя съ концами, доходящими до самаго подола. Съ той минуты было бы ересью приколоть бантъ сбоку. Лучше не имѣть вовсе банта. Это и дѣлають. Дамы и дѣвицы фангилій, принадлежащихъ партіи легитимистовъ, чтобы не носить бантовъ какъ принцессы Орлеанскаго дома, большею частью отвергли поясы. Это важное событіе можно видѣть на приложенной картинкѣ.

— Турбаны будутъ зимою въ большой модѣ. Полу-кашмиръ и Ламартиновъ бархатъ будутъ сводить съ ума на турбанахъ. Самый новый и прелестный видъ Турбановъ называется — турбанъ мусульманскій.

— Прическа и украшенія головы, *opnehmens de tête*, всегда обращаютъ на себя первое вниманіе изящнаго свѣта. Двѣ головныя уборы одержали на послѣднихъ вечерахъ въ Парижѣ вѣнецъ побѣды по своей прелести и вкусу, и обѣ онѣ изображены на нашемъ рисункѣ. Ихъ можно уже достать здѣсь, въ Петербургѣ, у Лемалъ, въ Малой Морской, въ домѣ Щепетилова. Лемалъ, бывшій первымъ помощникомъ знаменитаго Геліо и главнымъ столбомъ его славы, имѣетъ теперь свое собственное заведеніе подъ вы-

вѣскою *Aux deux artistes*. Истинный художникъ по части прически, онъ глубоко чувствуетъ ея поэзію и проникнуть тою истинною, что въ сущности парикмахеръ одинъ рѣшаетъ судьбу молодой женщины на всю жизнь; что онъ ея военный министръ, — властелинъ ея надеждъ, — или благотворный геній, который въ нѣсколько поворотовъ гребенкою, даритъ васъ красотою и возвращаетъ молодость, или палачъ, который отрубаетъ голову на всю ночь, потому что голова, обезображенная дурною прическою, то же что отсѣченная. Долгое и совѣстливое наблюденіе надъ Петербургскими головами показало ему, что на нихъ чего то не достаетъ, что онъ вообще нѣсколько поотсталъ, что на нихъ не довольно ясно проявляется духъ времени: однимъ словомъ, что онъ глядятъ какъ - будто получившими дурныя извѣстія. Одушевленный усердіемъ къ своему искусству, онъ отправился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Парижъ, чтобы закалить во вкусѣ свои ножницы, чтобы проникнуть новыя системы косъ и локоновъ, чтобы изучить философію прически, и возвратился нынче въ Петербургъ полнымъ вдохновеній и съ огромнымъ картономъ послѣднихъ и самыхъ изящныхъ бантовъ, причесокъ, головныхъ украшеній и париковъ. Лемаль, сверхъ-того, основалъ постоянныя сношенія съ лучшими тамошними артистами, для того, чтобы всѣ новыя изобретенія Парижской гребенки могли немедленно красоваться на Петербургскихъ головкахъ, и будетъ постоянно держать у себя прелестнѣйшія прически и головныя уборки всѣхъ родовъ, какія только появятся въ столицѣ Европейской моды. Иногородные могутъ выписывать у него по почтѣ всѣ волосныя новости для своихъ головъ.

— Въ шляпкахъ происходятъ важныя перевороты. Тулья шляпокъ стала выше и поля стали большія. Полагаютъ, что тѣ и другія еще будутъ возвышаться и расширяться. Букеты изъ маленькихъ перьевъ прикалываются къ шляпкамъ - капотамъ: три большія пера украшаютъ нарядную шляпку, которая дѣлается изъ мелюзинны или изъ Лесбиена, двухъ чудесныхъ матерій, покровительствуемыхъ первыми щеголихами. Ленты будутъ слѣдующія: богатая разноцвѣтная «мусульманская лента», восхитительная перламутро-атла-

сная, satin-dentelle à la Maintenon, милая атласная triple-frange, блестящая gaze-sergée, Испанская, à tozades, à go-seaux, и прочая, и прочая.

— Въ утреннихъ чепчикахъ лентъ носить не слѣдуетъ. Женщины, какъ-слѣдуетъ, носятъ ленты только при блондовыхъ чепчикахъ.

— Капоты, или ренеготы будутъ обшиваться шелковыми разныхъ видовъ лентами, которыя заготовляются въ Парижѣ въ большомъ количествѣ.

=

APR 7 - 1939

